This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

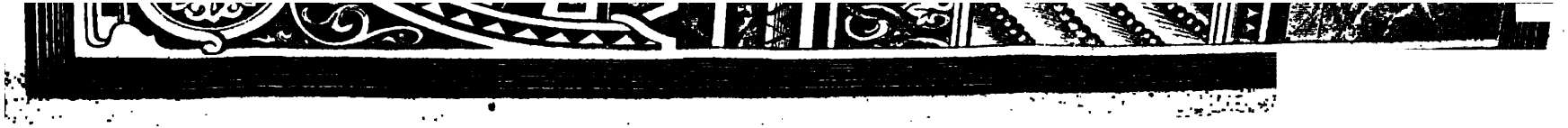
Bd. Nov. 1889.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT
(Class of 1828).

Received 25 May - 26 June, 1889.



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5.

МАЙ, 1889.

3

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1889.

Стр.

I.—ПОЛЬСКІЯ РЕФОРМЫ XVIII-го ВѢКА.—I-II.—**Н. И. Карѣева** 5

II.—МИРАЖИ. — Романъ въ четырехъ книгахъ. — Книга третья: XXXIX-XLVI.—**О. А. Шапиръ** 66

III.—МНИМАЯ СОЦІОЛОГІЯ.—I-III.—**Л. З. Слонимскаго** 130

IV.—КУКОЛКА.—Эскизъ.—I-VII.—**В. Дѣдлова** 148

V.—ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ СЛАВЯНСТВА.—II. До конца XVIII-го вѣка. —**А. Н. Пыпина** 169

VI.—ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОЭТОВЪ.—Смерть, Андрея Сабо.—**О. М—ой** . . . 214

VII.—НАУЧНАЯ КРИТИКА И ЕЯ ПРИМѢНЕНІЕ.—Em. Hennequin, Etudes de critique scientifique.—**К. К. Арсеньева** 216

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Ика.—II. И ты въ гробу!—**Я. Ивашкевича** 235

IX.—ЧЕРНАЯ СТРѢЛА.—Историческая повѣсть, соч. Р. Стивенсона.—Прологъ.—Книга первая: I-VII.—**А. Э.** 237

X.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ.—I-III.—**В. С. Соловьева** . 290

XI.—СУРАМСКІЙ ПЕРЕВАЛЪ.—Стих. **Д. Мережковскаго** 304

XII.—НА ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦІИ. — Изъ поѣздки на Бѣлое море.—I—III.—**В. Фаусека** 305

XIII.—ХРОНИКА.—Государственные доходы и расходы въ 1888 году.—**О.** . 333

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г. — Продажныя цѣны и различныя категоріи покупателей. — Помощь малоземельнымъ и безземельнымъ.—Мѣры, проектируемыя въ видахъ бо́льшей обезпеченности ссудъ.—Отчетъ дворянскаго земельнаго банка за 1887 г. —Слухи о волостныхъ судахъ.—„Великія реформы“ или „новшества“? . . 343

XV.—ЗЕМСКО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО. — **В. Б.** 365

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія дѣла въ Германіи.—Консерватизмъ и соціальная реформа. — Внутреннія кризисы въ Венгріи, Италіи и Румыніи.—Колоніальная нѣмецкая политика.—Положеніе министерства въ Англіи.—Джонъ Брайтъ.—Новый фазисъ борьбы съ буланжизмомъ.—Жюль Ферри и его теорія „твердой власти“ 376

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—А. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху.—А. П.—Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни.—К. К.—Новыя книги и брошюры 389

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. L. Bresson, Études de sociologie.—II. Ed. Goumy, La France du centenaire.—III. Corentin Guyho, Études d'histoire parlementaire.—**Л. С.**—IV. E. Renan, Histoire du peuple d'Israel, t. II.—**К. К.** 406

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и новыя нападенія на присяжную адвокатуру. — Еврейскій вопросъ на адвокатской почвѣ.—Усиленіе надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ.—Спорные вопросы адвокатской нравственности.—Увеличеніе почтовой таксы за пересылку книгъ и ея неизбѣжныя послѣдствія. 417

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь и февраль 1889 г. 431

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сибирь въ XIX-мъ столѣтіи, В. К. Андріевича.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. I.—Основные вопросы политики, Л. З. Слонимскаго.—Робинзонъ Крузе, А. Анненской.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

☛ Подписка на вторую четверть 1889 г. ☚

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LIII. —ТОМЪ CCCXI. — 1/13 МАЯ, 1889.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

370-41
2

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

PSlav 176.25
~~Slav302~~

1889. May 25 - June 26.

Minot fund.

(1589)

ПОЛЬСКІЯ РЕФОРМЫ

XVIII-го ВѢКА.

I.

Просвѣщенный абсолютизмъ, великая революція и внутреннія реформы въ Польшѣ. — Трудное положеніе польскихъ реформаторовъ. — Общая постановка вопроса о польскихъ реформахъ въ исторической литературѣ и отдѣльные о нихъ мнѣнія и взгляды Рюльера, Коллонтая, Лелевеля и Феррана. — Нѣмецкіе и русскіе историки паденія Польши о ея внутреннихъ дѣлахъ. — Новѣйшая польская литература о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой: сочиненія кс. Калинки и г. Корзона. — Общій выводъ изъ обзора исторической литературы о паденіи Польши.

Послѣднія три десятилѣтія самостоятельнаго существованія польскаго государства, составляющія время царствованія послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго, совпадаютъ почти на всемъ своемъ протяженіи съ эпохой такъ-называемаго просвѣщеннаго абсолютизма, а самый конецъ этого знаменательнаго въ исторіи польской націи періода приходится цѣликомъ на время французской революціи. Польша не принадлежала къ числу государствъ, о которыхъ можно было бы говорить историку просвѣщеннаго абсолютизма: среди абсолютныхъ монархій европейскаго континента „наияснѣйшая Рѣчь Посполитая“ представляла не только простое исключеніе изъ общаго правила, но и такое явленіе, которое можно было бы назвать даже полнѣйшимъ контрастомъ господствовавшей до того времени государственной формы. Другими словами, Польша и не могла знать просвѣщеннаго абсолютизма, потому что вообще въ ней не было никакого абсолютизма. Тѣмъ не менѣе, и въ ней въ эту эпоху правительство выступаетъ на путь внутреннихъ

реформъ подобно тому, какъ это дѣлалось въ странахъ, управлявшихся „просвѣщенными деспотами“. Самое вступленіе Станислава-Августа на польскій престолъ было побѣдой партіи, поставившей на своемъ знамени внутреннюю реформу Рѣчи Посполитой еще въ самомъ началѣ царствованія предшественника этого короля. И Польша, такимъ образомъ, пыталась дѣлать у себя то же, что дѣлалось въ монархіяхъ, правители коихъ выступили въ роли реформаторовъ: все различіе было только въ способахъ и средствахъ. Вторая половина прошедшаго столѣтія была именно ознаменована появленіемъ въ разныхъ государствахъ Европы монарховъ или министровъ, находившихся въ нѣкоторомъ союзѣ съ „просвѣщеніемъ“ этого „философскаго вѣка“ и производившихъ различнаго рода преобразованія путемъ абсолютной власти, за исключеніемъ Польши, для которой этотъ путь былъ закрытъ ея политическими учрежденіями. Однако, и здѣсь, какъ и въ странахъ просвѣщеннаго деспотизма, правительство долгое время идетъ впереди общества, обнаруживающаго склонность только къ чисто консервативной оппозиціи. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ, пожалуй, и не дѣлать различія между Польшею и упомянутыми странами: и здѣсь, и тамъ государственныя реформы предпринимаются и проводятся сверху, правительствомъ, вслѣдствіе чего мы имѣемъ нѣкоторое право подвести подъ одну и ту же категорію историческихъ явленій второй половины XVIII в. и реформы просвѣщеннаго абсолютизма, и реформы польскаго правительства въ царствованіе Станислава-Августа. Подобно тому, какъ религіозная реформація XVI в. шла въ однѣхъ странахъ — въ Швеціи, въ Даніи, въ Англіи — сверху, отъ правительства, а въ другихъ — въ Германіи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ—снизу, отъ общества, и политическая реформація прошедшаго столѣтія могла получить два разные исходные пункта: въ странахъ просвѣщеннаго абсолютизма она была, существеннымъ образомъ, дѣломъ правительства, и такой же случай представляютъ собою внутреннія преобразованія, совершавшіяся въ Польшѣ при Станиславѣ-Августѣ. Франціи, гдѣ единственная попытка монархической реформы была оставлена въ самомъ началѣ (министерство Тюрго), пришлось испытать реформацію снизу, т.-е. такую, которая имѣла источникъ въ нѣдрахъ самого общества, а этой реформаціей и была „великая революція“ 1789 года. И эта революція имѣетъ аналогичныя черты съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, такъ что къ обоимъ явленіямъ до извѣстной степени приложима нѣкоторая общая мѣрка, та самая именно, которая позволяетъ поставить рядомъ съ этими явленіями и польскія реформы въ царствованіе

послѣдняго короля Рѣчи Посполитой. Вслѣдствіе случайнаго совпаденія, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ то самое время, когда на смѣну просвѣщенному абсолютизму въ европейской политикѣ пришла великая революція, и въ Польшѣ произошелъ аналогичный переворотъ: въ 1788 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія въ Версали генеральныхъ штатовъ, превратившихся въ національное учредительное собраніе, въ Варшавѣ открылся сеймъ, получившій впослѣдствіи названіе четырехлѣтняго, —сеймъ, ставшій въ оппозицію къ правительству Станислава-Августа и начавшій реформировать Польшу по новому, такъ что къ французской революціи прибавилась весьма скоро (1791 г.) революція польская. Оба послѣднія явленія, несмотря на весьма многія и очень притомъ важныя черты различія, представляютъ и нѣкоторыя аналогіи, тѣмъ болѣе, что ко времени четырехлѣтняго сейма передовые умы въ польскомъ обществѣ успѣли вполнѣ проникнуться политическими и общественными идеями французскихъ писателей, а затѣмъ и событія, совершавшіяся во Франціи, не оставались безслѣдными въ Польшѣ. Однимъ словомъ, внутреннія преобразованія, происходившія въ Рѣчи Посполитой въ послѣдней трети XVIII вѣка, были какъ бы нѣсколько измѣненной и уменьшенной копіей реформъ, которыя вводились въ другихъ мѣстахъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и французской революціей: Польша за эти тридцать лѣтъ имѣла и своего короля-реформатора, и свою революцію. Доживая свои послѣдніе годы въ качествѣ самостоятельнаго государства, польская нація была, такимъ образомъ, увлечена общимъ движеніемъ европейской жизни: внутренняя исторія Рѣчи Посполитой въ эпоху раздѣловъ, положившихъ конецъ польскому государству, можетъ составить поэтому интересную главу въ исторіи того преобразованія европейскаго государства и общества, которое началось подъ знаменемъ философскихъ идей прошлаго вѣка. По отношенію вообще къ этому преобразованію, паденіе Польши было случайностью, такъ какъ вытекало изъ совершенно иныхъ причинъ, а потому для той точки зрѣнія, на которую мы становимся въ настоящемъ историческомъ очеркѣ, окончательный приговоръ о польскихъ реформахъ того времени не можетъ заключаться въ одномъ указаніи на то, что онѣ не достигли своей цѣли, не спасли и даже, какъ многіе думаютъ, не могли спасти государства отъ раздѣловъ между сосѣдями и окончательной гибели.

Задача, которую должны были разрѣшить на практикѣ польскіе реформаторы, была не изъ легкихъ. Быть можетъ, въ серединѣ прошлаго вѣка ни одно европейское государство не нуж-

далось до такой степени въ полномъ внутреннемъ переустройствѣ, какъ эта шляхетская республика, доведшая себя внутри до полной анархіи, а внѣ—до совершеннаго безсилія, такъ что вопросъ о реформахъ сдѣлался здѣсь, дѣйствительно, вопросомъ жизни и смерти; и вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ внутреннее переустройство не представляло столько затрудненій, какъ именно опять-таки въ Польшѣ. Государственный и общественный строй Рѣчи Посполитой лишалъ реформаторовъ тѣхъ средствъ власти, на какія исключительно опирались представители просвѣщеннаго абсолютизма, дѣйствуя на косное общество или борясь съ его консервативными элементами,—и вмѣстѣ съ тѣмъ не давалъ имъ такой опоры, какую имѣли дѣятели 1789 г. въ зажиточномъ, образованномъ и недовольномъ своимъ положеніемъ третьемъ сословіи. Изъ польскаго государства исчезъ элементъ власти, и его вновь приходилось создавать среди общества, господствующее сословіе коего въ малѣйшемъ усиленіи правительства видѣло начало пагубнаго деспотизма, грозящаго „золотой шляхетской вольности“; не-шляхетскіе же элементы польскаго общества, мѣщанство и крестьянство, представляли изъ себя пассивную, инертную массу, бывшую совершенно неспособной играть общественную роль и поднимавшуюся въ защиту своихъ попранныхъ правъ только тамъ, гдѣ она по народности и по вѣрѣ отличалась отъ своихъ господъ. Если просвѣщенный абсолютизмъ такъ часто оказывался не въ ладахъ съ консервативными элементами общества, съ дворянствомъ и духовенствомъ, задѣвая ихъ привилегіи и встрѣчая съ ихъ стороны оппозицію, то въ Польшѣ вся сила и принадлежала именно этимъ двумъ сословіямъ, которыя, правя и руководя государствомъ, должны были возставать противъ всего, что только задѣвало ихъ привилегіи, интересы, предразсудки и привычки, а этой силѣ реформаторы не могли противопоставить ни бюрократію, бывшую главнымъ орудіемъ просвѣщеннаго абсолютизма, ни буржуазію, сыгравшую такую роль въ исторіи Франціи. Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединялись еще внѣшнія: если первая мысль о необходимости преобразованій возникла изъ желанія дать Польшѣ болѣе прочное положеніе среди другихъ державъ, особенно между ближайшими сосѣдями, то послѣдніе, наоборотъ, должны были противодѣйствовать всему тому, что могло бы превратить слабую, дошедшую до послѣдней степени разложенія, Рѣчь Посполитую въ болѣе сильный и крѣпкій политическій организмъ. Иностранныя правительства уже раньше привыкли вмѣшиваться во внутреннія дѣла шляхетской республики: обычай выбирать на польскій престолъ иностранныхъ принцевъ,

самостоятельная политика аристократическихъ домовъ, бывшая возможною при совершенномъ ослабленіи центральной власти, наконецъ, обращеніе враждующихъ сторонъ или просто недовольныхъ господствующею партіею къ чужимъ правительствамъ—открывали широкій доступъ внѣшнему вліянію на внутреннія дѣла Польши, и главныя европейскія державы пользовались всѣмъ этимъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, то пуская въ ходъ подкупъ, то принимая подъ свое покровительство отдѣльныя партіи. Дѣло дошло до того, что послѣднія почти всегда были связаны съ тѣмъ или другимъ чужимъ государствомъ, и, такимъ образомъ, внутренняя борьба польскихъ партій являлась большею частью только эпизодомъ въ какой-нибудь международной борьбѣ, происходившей, въ сущности, внѣ предѣловъ Рѣчи Посполитой. И тѣ партіи, которыя прославили себя реформаторскою дѣятельностью послѣдней трети прошлаго вѣка, волей-неволей вынуждены были разсчитывать на поддержку извнѣ, которая не могла не быть стѣснительной, ибо изъ двухъ золъ это было лучшее, потому что та же иностранная помощь могла оказаться и на сторонѣ людей противоположнаго образа мыслей, не хотѣвшихъ даже слышать ни о какихъ измѣненіяхъ въ государствѣ. Притомъ съ царствованія Августа II Польша вполнѣ собою уже и не распоряжалась: Петръ Великій установилъ надъ нею опеку Россіи, принявшую въ началѣ царствованія Екатерины II юридическую форму „гарантіи“. Поэтому первымъ польскимъ реформаторамъ нельзя было иначе дѣйствовать, какъ въ согласіи съ петербургскимъ кабинетомъ: двинуться впередъ безъ Россіи значило для тогдашней Рѣчи Посполитой двинуться противъ Россіи, что дѣлалось мыслимымъ только въ союзѣ съ какимъ-либо врагомъ могущественной сосѣдки, и именно по этому пути пошли послѣдніе польскіе реформаторы, искавшіе поддержки своимъ планамъ въ Берлинѣ. Какъ бы тамъ ни было, преобразователямъ внутреннихъ отношеній Рѣчи Посполитой приходилось, какъ никому, считаться съ фактами политики внѣшней, имѣя противъ себя сосѣдей, изъ которыхъ одинъ былъ долгое время принципіальнымъ противникомъ всякихъ реформъ въ польскомъ государствѣ, чтобы сдѣлаться впослѣдствіи ихъ коварнымъ доброжелателемъ, а другой допускалъ преобразованія только въ извѣстныхъ границахъ и подъ извѣстными условіями, располагая противъ непокорныхъ, кромѣ упомянутой „гарантіи“, опиравшейся на физическую силу, еще и возможностью привлеченія на свою сторону защитниковъ старошляхетской „золотой вольности“, и возможностью соглашенія съ

другими державами, бывшими не прочь округлить свои владѣнія на счетъ „безпокойной“ Рѣчи Посполитой.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя внутреннія и внѣшнія условія, дѣло было начато; оно не бросалось потомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и уже успѣло принести результаты, одно время возбудившіе и у польскихъ патріотовъ, и среди передовыхъ представителей общественнаго мнѣнія на Западѣ, блестящія надежды. Но все это явилось слишкомъ поздно: польскому государству пришелъ конецъ какъ разъ въ ту эпоху, когда оно, повидимому, выходило на путь болѣе правильнаго историческаго развитія. Цѣль, которую поставили себѣ реформаторы — спасти отечество отъ внѣшней опасности,—не была достигнута, и мысль о такомъ отрицательномъ результатѣ легла въ основу историческихъ сужденій, высказывавшихся о польскихъ реформахъ какъ въ туземной, такъ и въ иностранной литературѣ: одни писатели слагали вину на враждебныя Польшѣ державы, превознося похвалами самыя реформы; другіе, наоборотъ, подвергли суровой критикѣ эти реформы, какъ весьма мало укрѣпившія Польшу и даже только произведшія въ ней потрясеніе, какого она не могла выдержать безъ того, чтобы самой по себѣ не распасться на составныя части. Паденіе государства представляетъ изъ себя такой крупный, капитально важный фактъ, что польская національная исторіографія весьма естественно разсматриваетъ главнымъ образомъ по отношенію къ нему не только событія, непосредственно ему предшествовавшія и его сопровождавшія, но чуть не все прошлое польской націи; иноземные же историки, изучавшіе послѣднюю эпоху въ политической жизни польскаго народа, мало вникали во внутреннія отношенія этой жизни, интересуясь почти исключительно фактомъ, имѣвшимъ общеевропейское значеніе,—паденіемъ Польши. Такъ какъ страхъ за самое существованіе государства, которому грозила близкая гибель, былъ дѣйствительно главнымъ двигателемъ въ реформаторской дѣятельности, происходившей въ Рѣчи Посполитой, и такъ какъ историческая литература уже въ теченіе цѣлаго столѣтія ставитъ вопросъ о польскихъ реформахъ въ тѣснѣйшую связь съ фактомъ паденія этого государства, то весьма трудно бываетъ отрѣшиться отъ такой точки зрѣнія, чтобы выдвинуть на первый планъ вопросъ, насколько эти преобразованія имѣли въ виду и дѣйствительно осуществляли общественное благо, понимаемое въ болѣе широкомъ смыслѣ. Если отвлечься мысленно отъ катастрофы, унесшей съ собою польское государство, реформы, въ немъ производившіяся, могли бы быть разсматриваемы совершенно такъ же,

какъ разсматриваются преобразованія „просвѣщенныхъ деспотовъ“ или революціонныхъ собраній, тѣмъ болѣе, что въ дѣятельность польскихъ реформаторовъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе входили идейныя начала, сообщавшія актамъ—первоначально одного лишь національнаго самосохраненія—значеніе актовъ общественнаго блага и справедливости. Сопоставленіе этихъ реформъ съ совершившимися какъ въ странахъ просвѣщеннаго абсолютизма, такъ и во Франціи въ эпоху революціи, еще болѣе расширило бы нашъ предметъ: онъ явился бы въ свѣтѣ общеевропейской исторіи второй половины XVIII-го в., не той исторіи дипломатическихъ интригъ и военныхъ дѣйствій, съ которою онъ, главнымъ образомъ, связанъ въ существующей литературѣ, а исторіи преобразованія государства и общества въ Европѣ подъ вліяніемъ культурнаго движенія XVIII вѣка. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что въ многочисленныхъ книгахъ и статьяхъ, разсказывающихъ и разсуждающихъ о внутренней жизни Польши въ эпоху раздѣловъ, отношеніе реформъ, характеризующихъ это время, къ факту паденія Рѣчи Посполитой слишкомъ господствуетъ надъ принципіальною ихъ стороною и надъ ихъ связью съ аналогичными явленіями въ другихъ странахъ за то же время, хотя это обстоятельство, какъ мы видѣли, имѣетъ весьма естественное объясненіе. Вотъ почему, дѣлая бѣглый обзоръ литературной исторіи вопроса о польскихъ реформахъ, намъ придется говорить только о той оцѣнкѣ, какую имъ производили авторы отдѣльныхъ сочиненій, имѣя исключительно въ виду первоначальную цѣль преобразованій—спасти Польшу отъ угрожавшей ей гибели; самый же обзоръ этотъ необходимъ для выясненія задачи настоящаго очерка.

По занимающей насъ эпохѣ историческая наука располагаетъ очень богатымъ матеріаломъ и весьма обширной литературой. Въ составъ перваго входятъ многочисленные мемуары и переписки, донесенія посланниковъ, свидѣтельства иностранныхъ путешественниковъ, извѣстія современныхъ польскихъ и чужеземныхъ газетъ, громадное количество публицистическихъ произведеній, сеймовые діаріи (дневники) и конституціи (постановленія), разнаго рода другіе источники, извлекаемые изъ архивовъ, не говоря обо всѣхъ тѣхъ документахъ, которые относятся къ международной политикѣ и важны спеціально для исторіи польскихъ раздѣловъ. Не меньшее разнообразіе заключено въ исторической литературѣ, имѣющей предметомъ своимъ всю эту эпоху или отдѣльные ея моменты и явленія.

Съ замѣчательнымъ единодушіемъ, и современные послѣднимъ десятилѣтіямъ польскаго государства политическіе писатели, и

позднѣйшіе историки признаютъ совершенную негодность внутренняго устройства Рѣчи Посполитой и видятъ въ немъ причину того упадка, въ какомъ она находилась въ серединѣ XVIII-го в. По мѣрѣ того, какъ начинало обнаруживаться въ Польшѣ преобразовательное движеніе, выводившее ее на новую дорогу, европейское общественное мнѣніе постепенно измѣняло свое отношеніе къ государству, безпорядочность коего успѣла войти въ пословицу; особенно въ эпоху четырехлѣтняго сейма была распространена на Западѣ вѣра въ возрожденіе Польши, соединенная съ негодованіемъ на державы, ему мѣшавшія. Въ этомъ именно духѣ было написано первое историческое сочиненіе, въ которомъ изображалось царствованіе Станислава-Августа: мы говоримъ объ „Исторіи анархіи въ Польшѣ и расчлененія этой республики", знаменитаго въ свое время Рюльера, сочиненіи, написанномъ еще до 1791 г. (годъ смерти автора), но увидѣвшемъ свѣтъ въ печати лишь въ 1807 году [1]). Хотя смерть помѣшала автору довести исторію Польши даже до перваго раздѣла, а тѣмъ болѣе до той поры, когда появились дѣйствительные признаки возможнаго, по крайней мѣрѣ, возрожденія польской націи, тѣмъ не менѣе, въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ симпатичной автору партіи онъ охотно усматриваетъ нѣчто такое, что заключало въ себѣ возможность спасенія Польши и даже его осуществило бы, еслибы этому не воспрепятствовали сосѣднія державы. Совершенно вѣрно понимая необходимость реформъ и въ то же время трудность ихъ проведенія, онъ является, однако, страстнымъ противникомъ Станислава-Августа, какъ ставленника Россіи, по отношенію къ которой Рюльеръ былъ настроенъ крайне враждебно. По его мнѣнію, главное дѣло заключалось въ томъ, чтобы Рѣчь Посполитую „изъять изъ-подъ анархической власти дворянства", посредствомъ уничтоженія закона о единогласномъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ на сеймахъ, „спасая въ то же время республику отъ всѣхъ опасностей деспотизма" отнятіемъ у короля права назначать на высшія должности въ государствѣ. Этой программѣ французскаго историка-публициста вполнѣ удовлетворяла изданная въ годъ его смерти конституція 3-го мая, творцы которой (Коллонтай и др.) взяли на себя трудъ въ годъ второго раздѣла оправдать свою дѣятельность въ особомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Объ установленіи и паденіи конституціи 3-го мая" [2]). Въ этой политической брошюрѣ для доказательства необходимости майской рево-

[1]) *De Rulhière*. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. Paris, 1807.

[2]) O ustanowieniu i o upadku konstytucyi 3 maja. 1793.

люціи не только отнимается всякое благодѣтельное значеніе у реформъ, произведенныхъ въ Польшѣ раньше съ согласія и при содѣйствіи Россіи, но даже приписывается имъ продолженіе анархіи въ государствѣ: анонимные авторы изображаютъ шляхту одержимою духомъ реформъ въ пользу горожанъ и крестьянъ, но всему, по ихъ словамъ, мѣшала русская „гарантія“. Конфедерація 1788 г. задумала спасти Польшу и нашла въ націи полное сочувствіе всѣмъ своимъ планамъ; мѣры четырехлѣтняго сейма были достойны всякой похвалы; конституція 3-го мая, имъ введенная, представляется верхомъ совершенства. Почему же конституція эта не нашла достаточной поддержки въ націи? „Для Европы,—говорится въ одномъ мѣстѣ этой книги, — должно было показаться страннымъ, какимъ образомъ польская нація, незадолго передъ тѣмъ совершенно преданная конституціи 3-го мая, могла примкнуть къ заключенному противъ послѣдней тарговицкому союзу. Еслибы,—прибавлено далѣе,—нація, дѣйствительно, была такъ непостоянна, то она справедливо заслужила бы всякое презрѣніе и не была бы достойна никакой хорошей конституціи“. Авторъ главы, изъ коей выписаны эти строки, выходитъ изъ затрудненія, обвиняя во всемъ Россію да человѣкъ тридцать польскихъ измѣнниковъ отечеству. „Погибель государства,—сказано въ концѣ книги,—въ то время, когда оно имѣло право на лучшія надежды, когда оно предприняло разумныя мѣры въ пользу всеобщаго благосостоянія, конечно, будетъ привлекать къ себѣ размышленія грядущихъ временъ. Польша, которую доселѣ несправедливо ославили, какъ жилище варварства, какъ убѣжище феодализма, попирающаго ногами человѣческія права, показала въ рѣшеніяхъ конституціоннаго сейма, что она идетъ наравнѣ съ образованнѣйшими націями Европы въ истинномъ просвѣщеніи, въ разумномъ законодательствѣ, въ признаваніи и почитаніи человѣческихъ правъ... Безъ всякой вины съ своей стороны, не давъ сосѣдямъ ни малѣйшаго повода къ мести или враждѣ, падаетъ Польша въ то самое время, когда приготовила все для своего счастія!“

Въ 1818 г., по исторіи послѣднихъ трехъ десятилѣтій существованія Польши, вышла небольшая книжка польскаго историка, Іоахима Лелевеля, а два года спустя издано было на французскомъ языкѣ большое сочиненіе о томъ же предметѣ Феррана. Съ вышеуказанными произведеніями Рюльера и авторовъ конституціи 3-го мая оба только-что названные историческіе труды долго составляли главныя сочиненія по исторіи этой эпохи, и взгляды, въ нихъ высказанные, были долгое время господствующими въ исторической литературѣ. Лелевель въ своемъ „Цар-

ствованіи польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго, обнимающемъ тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранить существованіе и независимость“ [1]), высказываетъ весьма опредѣленный взглядъ на реформы, которыя совершались въ эту эпоху въ Польшѣ. Будучи самъ сторонникомъ той идеи, что Рѣчи Посполитой необходимы были коренныя преобразованія, онъ, однако, несочувственно относится къ реформамъ Чарторыскихъ въ самомъ началѣ царствованія Станислава-Августа: послѣднія были внушены знаменитой „фамиліи“ монархическими идеями, распространявшимися въ польскомъ обществѣ изъ Франціи, а Лелевель спасеніе Польши видѣлъ въ дальнѣйшемъ развитіи республиканской основы польскаго государственнаго быта. Тѣмъ не менѣе, пятнадцать лѣтъ, слѣдующія за первымъ раздѣломъ, когда „россійскій посланникъ правилъ Польшей“, рисуются историку, какъ эпоха важныхъ внутреннихъ улучшеній, хотя „подлые люди, руководимые предразсудками или интересомъ“, старались все портить: по собственнымъ его словамъ, старопольскіе порядки въ это время „замѣняются, однако, новыми формами, болѣе подходившими къ умѣренной монархіи, къ смѣшанному образу правленія, о которомъ все больше и больше мечтали, къ которому возрастала склонность“. Что касается до конституціи 3-го мая, то и въ разсматриваемой книгѣ, и въ особомъ сочиненіи о ней [2]), Лелевель съ болью въ сердцѣ при своей республиканской точкѣ зрѣнія смотритъ на это „уклоненіе отъ стародавнихъ началъ“, хотя и мирится съ самой конституціей, потому что она все-таки была своя и удерживала шляхетскій республиканизмъ, хотя и не охранила бытія Польши, какъ разсчитывали ея творцы. Общій взглядъ знаменитаго польскаго историка на эпоху сводится къ тому, что Рѣчь Посполитая несомнѣнно прогрессировала: сначала немногіе хотѣли реформы и то при иноземной помощи, а потомъ безъ послѣдней уже все народное представительство желало реформы; сначала массы недовольныхъ реформами породили конфедераціи, покрывшія Корону и Литву, а потомъ лишь нѣсколько измѣнниковъ употребило противъ новыхъ порядковъ иноземную силу; въ первомъ возстаніи въ защиту независимости (именно въ барской конфедераціи) приняла участіе одна лишь шляхта, въ послѣднемъ (т.-е. костюшковскомъ)—и мѣщане, и сельчане, и вой-

[1]) *Lelewel.* Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego obejmujące trzydziestoletnie usilności narodu podźwignięcia się, ocalenia bytu i niepodległości. 1818.

[2]) Trzy konstitucje polskie 1791, 1807, 1815, porównał i różnice jich rozważył *Ioachim Lelewel* w roku 1831.

ско. Этимъ польскій народъ „показывалъ всему міру, что, приближаясь къ паденію, онъ возвращался послѣ долгаго оцѣпенѣнія къ жизни, что въ самомъ его паденіи начинается его быстрое возрожденіе“. Въ послѣднія тридцать лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой, подъ вліяніемъ попытокъ реформировать государство, „пробудились всѣ классы; зрѣлище этихъ предпріятій потрясло ихъ до основанія: шляхта бросилась спасать свои привилегіи, которымъ грозила опасность; диссиденты, мѣщане вспомнили въ свою очередь объ утраченныхъ правахъ; гуманность начала говорить за несвободный людъ, сдѣлала попытку двинуть впередъ его дѣло. Столько общественныхъ элементовъ оживило послѣднія тридцать лѣтъ падавшей Рѣчи Посполитой!“ Сдѣлано было, однако, далеко не все, что было нужно, и не такъ, какъ нужно. Осуждая конституцію 3-го мая за то, что она „поставила республиканскія учрежденія подъ наслѣдственное правленіе“, Лелевель находитъ въ ней и тотъ недостатокъ, что шляхта сохраняла въ ней свое всемогущество и прерогативы: упомянувъ, что уступки, сдѣланныя мѣщанству, тотчасъ же прибавили силы Рѣчи Посполитой, онъ невольно восклицаетъ: „какую бы силу она пріобрѣла, еслибы съумѣли двинуть самый многочисленный и трудолюбивый классъ!“ Разсказывая о послѣдней попыткѣ спасти Польшу въ 1794 году, историкъ, равнымъ образомъ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что отношеніе шляхты къ возстанію стало охладѣвать, когда Костюшко обратился къ простому люду, и что въ послѣднемъ знаменитый вождь не нашелъ той моральной силы, на которую разсчитывалъ. Во всякомъ случаѣ, по его представленію, Польша шла впередъ, но она была слишкомъ слаба для борьбы съ тремя державами. Въ ней происходила политическая и соціальная революція, и „врагъ не упустилъ случая извлечь пользу изъ замѣшательства, употребить все, что было негоднаго изъ прежней порчи, изъ прежняго сподленія“, опираясь на возраставшую беззастѣнчивость внутреннихъ польскихъ измѣнниковъ.

Ферранъ, сочиненіемъ котораго „Исторія трехъ раздѣловъ Польши“ [1]) пользовался Лелевель въ дальнѣйшихъ изданіяхъ своей книжки, также затрогиваетъ исторію внутреннихъ реформъ, совершавшихся въ Рѣчи Посполитой. Въ польскомъ государствѣ, говоритъ онъ, былъ еще національный духъ, и онъ послѣ воцаренія Станислава-Августа сдѣлалъ-было попытку уничтожить внутренніе безпорядки, попытку, однако, по мнѣнію французскаго

[1]) Histoire des trois démembremens de la Pologne pour faire suite à l'histoire de l'anarchie de Pologne par Rulhière, par l'auteur de L'Esprit de l'histoire et de la théorie des révolutions. Paris, 1820.

историка, крайне нерасположеннаго къ королю, неудачную, вслѣдствіе отсутствія въ реформахъ общаго плана и вслѣдствіе безпорядковъ, коимъ помогала Россія. Произошелъ первый раздѣлъ, и онъ-то оказалъ благодѣтельное вліяніе на національный духъ поляковъ: начались преобразованія, уже достигавшія цѣли, когда все дѣло было испорчено измѣною короля. Ферранъ — большой поклонникъ четырехлѣтняго сейма и революціи 1794 г., хотя въ послѣдней, по его словамъ, и не успѣлъ проявиться вполнѣ національный духъ.

Несмотря на различіе, которое можно обнаружить между взглядами Рюльера, авторовъ книги о конституціи 3-го мая, Лелевеля и Феррана, даже въ томъ краткомъ изложеніи, въ какомъ мы здѣсь эти взгляды представили, мы находимъ нужнымъ включить ихъ въ одну категорію: характерная ихъ особенность—вѣра въ серьезность улучшеній, происходившихъ въ Польшѣ, сложеніе всей вины за неудачу реформъ на интриги нѣсколькихъ измѣнниковъ и на насилія сосѣднихъ державъ. Кромѣ того, и въ нѣкоторыхъ частностяхъ названные писатели сходятся между собою: таковы—нерасположеніе къ реформѣ Чарторыскихъ, враждебное отношеніе къ Станиславу-Августу, указаніе на возрожденіе націи, обнаружившееся послѣ перваго раздѣла, сочувствіе къ дѣятельности четырехлѣтняго сейма, принимающее даже видъ ея прославленія. Первыми историками, изучившими эпоху и составившими себѣ о ней представленіе иного рода, были нѣмцы, которые, интересуясь преимущественно „раздѣлами“, заглядывали и во внутреннія отношенія Польши. Изъ нѣмецкихъ историковъ назовемъ здѣсь Раумера, писавшаго, между прочимъ, объ европейскихъ событіяхъ между 1763 и 1783 гг.; Германа, автора извѣстной нѣмецкой исторіи Россіи; Зибеля, историка революціонной эпохи; Смитта, посвятившаго польскимъ дѣламъ два важныхъ труда; Гюппе, составившаго весьма хорошее описаніе польскаго государственнаго устройства, и фонъ-деръ-Брюггена, который недавно далъ рядъ эскизовъ, изображающихъ „разложеніе Польши“ [1]). Первому изъ этихъ авторовъ пришлось говорить только о первомъ раздѣлѣ, и мы упоминаемъ здѣсь о его сочи-

---

[1]) *Raumer.* Europa vom Ende des siebenjärigen bis zum Enge des amerikanischen Krieges. Leipzig. 1839.

— *Hermann.* Geschichte des russischen Staats. Hamburg. 1853, 60, 61.

— *Sybel.* Geschichte der Revolutionszeit. Düsseldorf. 1853 sq.

— *Smitt.* Suworow und Polens Untergang. Leipzig und Heidelberg. 1858.

— *Hüppe.* Die Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867.

— *Von der Brüggen.* Polens Auflösung. Lepzig. 1878.

ненія лишь потому, что въ немъ очень ясно высказана мысль, проходящая черезъ всю нѣмецкую литературу объ этомъ предметѣ, именно то, что главными виновниками своихъ несчастій были сами поляки. Германъ уже глубже проникаетъ въ самую жизнь тогдашней Польши, пользуясь донесеніями изъ Варшавы въ Дрезденъ саксонскаго резидента Эссена и разными документами лондонскаго и берлинскаго архивовъ. На основаніи этихъ источниковъ, онъ первый, сколько намъ извѣстно, сталъ доказывать, что въ Польшѣ вовсе не было никакого прогресса въ пятнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ четырехлѣтній сеймъ отъ перваго раздѣла; по его собственнымъ словамъ, „слабыя попытки отдѣльныхъ лицъ улучшить моральное и политическое состояніе своей націи исчезали почти безслѣдно, какъ водяныя капли въ морѣ раскаленнаго песку". Далѣе, весьма нерасположенный къ полякамъ Зибель даетъ очень много мѣста польскимъ дѣламъ въ своей большой „Исторіи революціоннаго времени". Во всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ своего труда, гдѣ онъ возвращается къ этимъ дѣламъ, онъ постоянно повторяетъ одно и то же, т.-е. изображеніе глубокой порчи польскаго государственнаго и общественнаго быта, какъ будто не придавая никакого значенія тѣмъ средствамъ, къ которымъ Рѣчь Посполитая обратилась, наконецъ, для излеченія внутренняго своего недуга, и совершенно даже игнорируя то обстоятельство, что Польша въ эпоху конституціи 3-го мая и возстанія Костюшки далеко оставила позади себя Польшу временъ диссидентскаго вопроса, барской конфедераціи и перваго раздѣла. Если нѣмецкій историкъ и упоминаетъ о реформахъ въ Рѣчи Посполитой, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы показать ихъ невыгодность для Пруссіи и оправдать прусскую политику, не могшую допустить усиленія своей ближайшей сосѣдки. И Смиттъ, авторъ написаннаго по-французски сочиненія о „Фридрихѣ II, Екатеринѣ II и польскомъ раздѣлѣ" и большого нѣмецкаго труда подъ заглавіемъ: „Суворовъ и паденіе Польши", обращаетъ особое вниманіе на антагонизмъ прусскихъ и польскихъ интересовъ, но гораздо глубже, нежели Зибель, вникаетъ въ сущность внутренней исторіи обреченнаго на гибель государства. Въ совершенную противоположность авторамъ книги о конституціи 3-го мая, Смиттъ сочувственно относится къ реформамъ, предпринятымъ въ Польшѣ послѣ 1772 года, находя, что онѣ сдѣлали возможными въ странѣ нѣкоторыя улучшенія. „Несчастье перваго раздѣла, говоритъ онъ, должно было стать средствомъ исправленія внутреннихъ отношеній въ Польшѣ", а слѣдующій затѣмъ пятнадцатилѣтній періодъ онъ считаетъ „однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ періодовъ поль-

ской исторіи". Рѣчи Посполитой, по его мнѣнію, нужно было держаться союза съ Россіей: онъ одобряетъ тѣ факты, которые соотвѣтствуютъ этой мысли, и порицаетъ факты, имъ противоположные, вслѣдствіе чего, съ одной стороны, онъ является сторонникомъ внутренней политики Станислава-Августа, осуждавшейся польскими историками, между прочимъ, за русское свое направленіе, а съ другой стороны, критикуетъ дѣйствія четырехлѣтняго сейма, съ самаго начала пошедшаго противъ Россіи, того самаго сейма, который, напротивъ, былъ превознесенъ въ не-нѣмецкихъ исторіяхъ паденія Польши. Конституцію 3-го мая онъ подвергаетъ разбору, чтобы оправдать свой суровый о ней приговоръ: по его словамъ, она была довольно-таки „безтолковымъ издѣліемъ", хотя при данныхъ обстоятельствахъ все-таки „большимъ шагомъ впередъ". Притомъ, думаетъ онъ, и безъ иностраннаго вмѣшательства она не могла бы удержаться, вслѣдствіе внутренней оппозиціи, ибо „въ предсмертныя минуты недѣйствительны никакія средства". Такимъ образомъ, въ сочиненіи Смитта, оставшемся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ, общій взглядъ на внутреннія польскія дѣла діаметрально противоположенъ общему представленію дѣла у названныхъ французскихъ и польскихъ писателей. Отмѣтимъ еще книгу Гюппе объ устройствѣ польскаго государства, гдѣ авторъ, подобно Зибелю, перечисляетъ всѣ старые грѣхи Польши, и погубившіе ее, но очень мало вниманія обращаетъ на предпринятыя въ царствованіе Станислава-Августа реформы, находя вообще, что „единственнымъ средствомъ спасенія" для этого государства былъ „despotisme éclairé", не могшій, однако, возникнуть въ Польшѣ. Наконецъ, и фонъ-деръ-Брюггенъ въ своихъ интересныхъ очеркахъ, носящихъ общее заглавіе: „Разложеніе Польши", высказываетъ мысль, что полякамъ нужна была абсолютная монархія, что одна она могла ихъ спасти отъ конечной гибели. Признавая благодѣтельность реформъ, введенныхъ послѣ перваго раздѣла, онъ находитъ, однако, что онѣ мало затрогивали шляхетскую массу, такъ какъ на нее реформаторы обращали слишкомъ мало вниманія, ожидая спасенія сверху, т.-е. отъ усиленія королевской власти, отъ внѣшняго значенія Польши, отъ средствъ правительственнаго воздѣйствія. Относясь болѣе благосклонно, чѣмъ кто бы то ни было изъ нѣмецкихъ историковъ, къ конституціи 3-го мая, онъ, тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ, что это было дѣло немногихъ лицъ, не имѣвшее прочныхъ корней въ массѣ.

У русскихъ историковъ, занимавшихся паденіемъ Польши, мы, равнымъ образомъ, встрѣчаемся съ взглядами, крайне несход-

ными съ тѣми, которые господствовали у болѣе раннихъ писателей польскихъ и французскихъ. Перечисляя причины, позволившія Россіи свести къ концу старые счеты съ Рѣчью Посполитой, Соловьевъ въ своей „Исторіи паденія Польши“ [1]) указываетъ, между прочимъ, на „преобразовательныя движенія“, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его. Именно, поясняетъ Соловьевъ свою мысль, „среди преобразовательныхъ движеній, которыми знаменовался вѣкъ, среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тѣмъ болѣе, что въ ней преобразованія были нужнѣе, чѣмъ гдѣлибо... Но,—прибавляетъ историкъ,—что бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губитъ слабые, и попытка преобразованія только ускорила паденіе Польши“. Такимъ образомъ, въ тѣхъ самыхъ реформахъ, коими польскіе патріоты думали спасти свое отечество, а историки себя утѣшали, какъ проявленіемъ внутренней живучести и возрожденія польскаго государства, Соловьевъ увидѣлъ одну изъ причинъ, ускорившихъ паденіе этого государства. Говоря о преобразовательной дѣятельности Станислава-Августа послѣ перваго раздѣла, онъ замѣчаетъ еще, что „всѣ эти цвѣтки, показавшіеся на поверхности почвы при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не были признаками возрожденія Польши, которая неминуемо должна была поплатиться жизнью за свою исторію“. Въ другомъ мѣстѣ Соловьевъ еще разъ повторяетъ, что „преобразовательная дѣятельность только слегка коснулась поверхности“, что „пораженное неизлечимою болѣзнью общественное тѣло способно было только къ судорожному предсмертному движенію“. И по поводу конституціи 3-го мая онъ говоритъ все о томъ же „параличѣ государственнаго и народнаго тѣла, которое нельзя было возбудить къ жизни никакими реформами“. Столь же неблагопріятно относится къ внутреннимъ дѣламъ Польши и Костомаровъ въ своемъ обширномъ трудѣ о „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“ [2]). Гораздо внимательнѣе, нежели Соловьевъ, разсмотрѣвъ эти дѣла, онъ приписываетъ и больше значенія реформамъ, произведеннымъ въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла, но при этомъ постоянно выставляетъ на видъ, что то было время непосредственнаго давленія русской власти. „Польша,—говоритъ онъ, напримѣръ,—только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни“. Онъ

[1]) *С. Соловьевъ.* Исторія паденія Польши. Москва. 1863.

[2]) *Н. Костомаровъ.* Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870.

видитъ все хорошее, что было сдѣлано въ періодъ отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма, но во всемъ усматриваетъ прямую или косвенную помощь Россіи. Однако, результаты этой дѣятельности представляются ему далеко не блестящими: „поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества,—говоритъ онъ,—не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли. Впослѣдствіи они говорили, что виною этому была Россія, умышленно поддерживавшая духъ раздоровъ и мѣшавшая водворенію благоустройства. Мысль исторически невѣрная", заключаетъ историкъ. По его мнѣнію, главная ошибка поляковъ была въ томъ, что на первый планъ они ставили „не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшеніе, а политическую силу государства". Революція только окончательно могла погубить Польшу: съ этой именно точки зрѣнія смотритъ Костомаровъ на анти-русскую дѣятельность четырехлѣтняго сейма. „Нѣтъ,—читаемъ мы еще у него,—нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, еслибы ей не помѣшали извнѣ". Выписываемъ, наконецъ, изъ разныхъ мѣстъ книги, слѣдующіе отзывы Костомарова о четырехлѣтнемъ сеймѣ и конституціи 3-го мая: „Четырехлѣтній сеймъ наглядно показалъ невозможность республикѣ спасти себя и исцѣлиться отъ своего развращенія... Несостоятельность этой прославленной въ свое время конституціи, кромѣ способа ея провозглашенія, высказалась и въ самой сущности ея содержанія... Безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ по ходу вещей обстоятельствъ, которыя обратили въ прахъ и майскую конституцію, и вслѣдъ затѣмъ и самую Рѣчь Посполитую, Польша съ помощью этой конституціи не могла достигнуть возрожденія... Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая мы не видимъ никакихъ благопріятныхъ условій къ обновленію; напротивъ, слишкомъ выпукло и рѣзко представляется то, что должно было помѣшать этому развитію... Отсрочить послѣднюю агонію могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ чахломъ состояніи, въ какомъ она находилась до переворота".

Переходимъ къ новѣйшей польской исторіографіи, поставившей себѣ девизомъ исканіе голой истины, тогда какъ прежніе польскіе историки нерѣдко прямо ставили себѣ задачу подогрѣвать патріотическое чувство. Здѣсь, кромѣ обширнаго труда Крашевскаго о „Польшѣ въ эпоху трехъ раздѣловъ" [1]), не имѣю-

[1]) *I. J. Krassewski.* Polska w czasie trzech rozbiorów. Poznań. 1873—1875.

щаго большихъ достоинствъ съ научной точки зрѣнія, главное мѣсто принадлежитъ двумъ работамъ кс. Калинки и работѣ г. Корзона. Кс. Калинка капитальнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ эпоху паденія Польши въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава-Августа“ и въ „Четырехлѣтнемъ сеймѣ“ [1]). Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, вопреки его заглавію, разсматриваются совсѣмъ не послѣдніе годы царствованія названнаго короля (къ послѣднимъ годамъ относится только томъ документовъ), а наоборотъ, начало и середина этой эпохи (1764—1787), такъ что „Четырехлѣтній сеймъ“, оставшійся неоконченнымъ за смертью автора (въ 1886 г.), служитъ какъ бы продолженіемъ первому труду. Основная точка зрѣнія Калинки та, что главная изъ внутреннихъ причинъ паденія Польши заключалась въ общественной деморализаціи, и что нравственное перевоспитаніе общества было гораздо болѣе необходимо, чѣмъ политическая и общественная перестройка, а кромѣ того, Рѣчи Посполитой, по его мнѣнію, нужно было держаться союза съ Россіей и избѣгать рискованныхъ предпріятій. Съ послѣдней точки зрѣнія Калинка защищаетъ политику Станислава-Августа. Поляки были сами виновны въ паденіи своего государства. Авторъ не раздѣляетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ о томъ, что Польша выступила на дорогу прогресса послѣ перваго раздѣла: „бѣдствіе перваго раздѣла,—доказываетъ онъ,—не исправило народа“, и все, что дѣлалось хорошаго въ эту эпоху, дѣлалось королемъ, „постояннымъ совѣтомъ“, находившимся подъ вліяніемъ Россіи, и усиліями единицъ. Въ сочиненіи о четырехлѣтнемъ сеймѣ Калинка является весьма строгимъ (и не всегда справедливымъ) критикомъ дѣйствій этого знаменитаго собранія. Взглядъ историка на тогдашнія польскія дѣла крайне пессимистическій: вездѣ онъ отмѣчаетъ факты общественной деморализаціи, легкомыслія политическихъ дѣятелей, глубокую неисправимость общества, важныя ошибки сеймовыхъ воротилъ. Вся дѣятельность реформаторовъ изъ „патріотической“ партіи представляется ему именно какъ сплошной рядъ политическихъ ошибокъ: между прочимъ, онъ высказывается вообще противъ „преобразовательной горячки“ второй половины XVIII вѣка. Польшу могла бы спасти только умѣренная и постепенная реформа по плану короля и въ союзѣ съ Россіей. Находя тѣмъ не менѣе въ конституціи 3-го мая много хорошаго, Калинка и ее подвергаетъ обстоятельной критикѣ, указывая на

[1]) *W. Kalinka.* Ostatnie lata Stanisława Augusta. Poznań. 1868.—Sejm czteroletni. 1880—1886.

ея слабыя стороны: въ ней было много недодѣланнаго, недоговореннаго, оставлено было многое изъ подлежавшей уничтоженію старины. Одновременно съ послѣднимъ сочиненіемъ Калинки вышелъ въ свѣтъ громадный трудъ г. Корзона подъ заглавіемъ: „Внутренняя исторія Польши при Станиславѣ-Августѣ съ точки зрѣнія экономической и административной“ [1]). Прежніе историки,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—описывая послѣднія времена Рѣчи Посполитой, занимались, главнымъ образомъ, дѣяніями правящихъ сферъ и классовъ, естественно приходя къ самымъ пессимистическимъ обобщеніямъ, но упуская изъ виду „загадочный элементъ“ „проявленій жизненности въ столь гангренозномъ организмѣ народа“. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ государственное устройство и политическія преобразованія, общественную нравственность и перевоспитаніе шляхты, чтобы заняться вопросами объ экономическомъ бытѣ и преуспѣяніи Польши, объ управленіи и совершонныхъ въ немъ реформахъ. Имѣя дѣло съ иною областью соціальныхъ явленій, нежели та, въ которой вращался Калинка, г. Корзонъ доказываетъ, что въ Рѣчи Посполитой совершался прогрессъ, отмѣчаетъ много хорошаго, сдѣланнаго въ Польшѣ въ эпоху между первымъ раздѣломъ и четырехлѣтнимъ сеймомъ, рѣшительно беретъ этотъ сеймъ подъ свою защиту и вообще приходитъ къ выводамъ болѣе оптимистическаго свойства. Помимо того различія во взглядахъ обоихъ историковъ, которое объясняется тѣмъ, что они неодинаково понимаютъ вопросъ, какъ слѣдовало вести себя Польшѣ, чтобы отстоять свою независимость, и кромѣ того, что оба историка часто указываютъ только на разныя причины одного и того же факта, разница взглядовъ Калинки и г. Корзона зависитъ и отъ того, что они говорятъ часто о различныхъ предметахъ: одинъ былъ моралистъ, видѣвшій всю порчу польскаго общества, и притомъ онъ ставилъ судьбы Польши въ зависимость отъ внѣшней политики, въ которой поляки надѣлали массу ошибокъ, тогда какъ другой обратилъ вниманіе преимущественно на народное хозяйство, финансы, управленіе, въ коихъ Польша дѣлала значительные успѣхи, и съ его точки зрѣнія реформы ставили Польшу на вѣрную дорогу: полякамъ только недостало матеріальныхъ средствъ для успѣшной борьбы.

Такова въ общихъ чертахъ исторія высказывавшихся въ ученой литературѣ взглядовъ на польскія реформы прошлаго вѣка. Въ то время, какъ одни писатели, весьма часто расходясь между

---

[1]) *Tadeusz Korzon.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego. Kraków. 1882–1886.

собою въ подробностяхъ, придаютъ совершеннымъ въ Польшѣ преобразованіямъ большое значеніе и думаютъ, что, благодаря имъ, Рѣчь Посполитая была на пути исцѣленія отъ вѣковой своей болѣзни, другіе, наоборотъ, тоже не во всемъ между собою согласные, представляютъ дѣло такъ, что всѣ благія начинанія въ сущности измѣнили очень мало старые порядки и привычки, и даже утверждаютъ, что никакими реформами нельзя было уже спасти польское государство отъ совершеннаго разложенія. Параллельно съ этимъ обсужденіемъ преобразованій съ точки зрѣнія полученныхъ отъ нихъ результатовъ, историки обсуждали ихъ еще съ иной точки зрѣнія, именно принимая въ разсчетъ отношеніе къ этимъ реформамъ со стороны Россіи: тогда какъ одни изъ нихъ особенно сочувственно относятся ко всему, что предпринималось противъ желанія русской императрицы и клонилось прямо къ освобожденію Рѣчи Посполитой отъ русской „гарантіи“, другіе историки, напротивъ, готовы одно хвалить только за то, что оно одобрено было Россіей, равно какъ порицать другое лишь потому, что Россія на это не могла бы дать своего согласія, такъ какъ признаютъ, что единственно въ союзѣ съ Россіей и подъ ея опекой поляки могли превратить свое государство въ благоустроенную страну и спасти ее отъ раздробленія между сосѣдями. Другими словами, тутъ рѣшался вопросъ о томъ, могла ли Польша двигаться впередъ своими собственными средствами, или должна была возрождаться къ новой жизни подъ опекой другой державы. Весьма естественно, что историки, которые были болѣе или менѣе оптимистами по отношенію къ польскимъ реформамъ, считали польскую націю вполнѣ способною къ внутреннему возрожденію собственными силами и въ „гарантіи“ Россіи видѣли только помѣху реформамъ; точно такъ же естественно и то, что историки-пессимисты, наоборотъ, думали, что всѣ преобразованія сдѣлали слишкомъ мало для внутренняго укрѣпленія и внѣшняго усиленія Рѣчи Посполитой, и что потому здравая политика требовала подчиненія послѣдней видамъ русскаго правительства. Таково настоящее положеніе вопроса въ исторической литературѣ. Эта литература, какъ сказано было выше, весьма обширна, и въ данную минуту можно сказать, что вопросъ о причинахъ и обстоятельствахъ паденія Польши выясненъ ею весьма основательно и подробно, за исключеніемъ спорнаго пункта о реформахъ. Въ самомъ дѣлѣ, внутренняя исторія Польши за послѣдніе три вѣка ея существованія разработана настолько обстоятельно, что мы имѣемъ возможность весьма точно прослѣдить, какимъ образомъ Рѣчь Посполитая пришла въ свое немощное, и внутри, и извнѣ,

состояніе, подпала вслѣдствіе этого подъ опеку Россіи и подверглась раздѣлу между нею и двумя другими сосѣдними державами. Благодаря многочисленнымъ архивнымъ изысканіямъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, всѣ главныя обстоятельства дипломатической исторіи польскихъ раздѣловъ не представляютъ болѣе ничего темнаго и спорнаго. Наконецъ, нѣмецкіе историки, прослѣдивъ вѣковыя отношенія между Польшей и Пруссіей, въ самыхъ отдаленныхъ временахъ увидѣли необходимость отчаянной борьбы на смерть между этими двумя государствами, а русскіе историки указали на вѣковой же споръ между Москвой и литовско-польскимъ государствомъ за „собираніе Руси",—споръ, естественное разрѣшеніе котораго заключалось въ „возвращеніи отторженнаго", т.-е. въ отходѣ отъ Рѣчи Посполитой старыхъ русскихъ земель. Все это, повторяемъ, стоитъ прочно въ наукѣ, и одинъ только вопросъ объ отношеніи предпринятыхъ въ Польшѣ реформъ къ ея паденію служитъ предметомъ спора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимъ и новый пересмотръ вопроса о такъ-называемомъ внутреннемъ возрожденіи Польши. Есть, во-первыхъ, отдѣльныя стороны польскаго политическаго и общественнаго быта, надъ которыми историкамъ нужно еще поработать, а во-вторыхъ, и вся эпоха, взятая въ цѣломъ, нуждается въ критическомъ пересмотрѣ. Цѣлямъ такого критическаго пересмотра отчасти и долженъ служить настоящій очеркъ.

Мы не думаемъ давать въ немъ полной исторіи эпохи внутреннихъ реформъ въ польскомъ государствѣ, бывшей и эпохой его раздѣловъ между сосѣдями: и размѣры нашего очерка не позволяютъ этого сдѣлать, и самая задача наша состоитъ не въ томъ, чтобы пересказывать факты, болѣе или менѣе извѣстные весьма многимъ изъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой" Костомарова. Цѣлью слѣдующихъ главъ будетъ установить строго-историческій взглядъ на эпоху посредствомъ критическаго разбора отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ сторонъ вопроса, причемъ эти стороны будутъ по возможности разсматриваться въ томъ освѣщеніи, какое могло бы имъ дать сопоставленіе или сравненіе Польши съ другими государствами за тотъ же періодъ, бывшій, какъ мы напомнили, временемъ „просвѣщеннаго абсолютизма" и французской революціи, т.-е. двухъ явленій, съ коими, на что было также указано, польскія внутреннія дѣла послѣдней трети прошлаго вѣка имѣютъ общія черты. Весьма было бы желательно, чтобы могущія еще появляться частныя изслѣдованія (наприм., реформъ политической, административной, судебной, финансовой, крестьянской и т. п.) постоянно принимали въ разсчетъ анало-

гичныя реформы въ другихъ государствахъ. Этотъ пріемъ позволилъ бы намъ внести въ оцѣнку совершавшихся въ Рѣчи Посполитой преобразованій нѣсколько иной критерій, нежели тотъ, который заставляетъ историковъ эпохи обращать главное вниманіе на отношеніе этихъ реформъ къ паденію Польши, будто послѣднее обусловливалось *только* однѣми внутренними причинами, какъ склонны думать историки-пессимисты, или однѣми причинами внѣшними, какъ стремятся представить историки-оптимисты, исходящіе изъ болѣе или менѣе апріорной увѣренности, что сами по себѣ совершонныя преобразованія были способны установить внутри государства наилучшія политическія и соціальныя отношенія. Разсматривая Польшу, какъ одно изъ государствъ, въ коихъ сверху или снизу совершалась преобразовательная дѣятельность, мы будемъ имѣть передъ собою, такъ сказать, одинъ частный случай нѣкотораго общаго явленія,—случай, въ которомъ многое остается непонятнымъ или представляется спорнымъ лишь потому, что берутъ его внѣ связи съ общимъ явленіемъ: особенно важно это для принципіальной оцѣнки польскихъ реформъ, такъ какъ лишь сравненіе ихъ съ тѣмъ, что предпринималось, дѣлалось и было совершено въ другихъ государствахъ, могло бы дать наиболѣе точный отвѣтъ на вопросъ о томъ, насколько въ этихъ преобразованіяхъ проявлялись культурныя идеи прошлаго столѣтія. Мы полагаемъ, что если имѣетъ свой raison d'être точка зрѣнія, заставляющая видѣть въ польскихъ реформахъ орудія спасенія (или причины гибели) Польши, то нельзя отказать въ томъ же и другой точкѣ зрѣнія. Не разсчитывая на полноту своего пересмотра вопроса о внутреннемъ значеніи данной эпохи польской исторіи, по крайней мѣрѣ, мы надѣемся такою нѣсколько отличною отъ другихъ постановкою вопроса оказать, быть можетъ, содѣйствіе къ лучшему разъясненію нѣкоторыхъ его сторонъ. Во всякомъ случаѣ и преувеличенныя представленія о возрожденіи Рѣчи Посполитой, находимыя у однихъ историковъ, и нежеланіе другихъ признать какой бы то ни было прогрессъ въ Польшѣ—получатъ здѣсь критическую провѣрку [1]).

[1]) Наша работа была уже окончена, когда вышла въ свѣтъ книга г. Лимановскаго подъ заглавіемъ: „Исторія общественнаго движенія во второй половинѣ XVIII столѣтія“ (Historya ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stulecia. Lwów. 1888). Авторъ пишетъ исторію политической литературы и общественныхъ реформъ во всей Европѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка, и въ этой исторіи отводитъ мѣсто и Рѣчи Посполитой, посвящая ей нѣсколько страницъ въ главѣ о преобразовательныхъ движеніяхъ въ до-революціонномъ періодѣ XVIII столѣтія и цѣлую большую главу, имѣющую своимъ предметомъ эпоху четырехлѣтняго сейма и вліяніе французской революціи на Польшу. Главнымъ образомъ, онъ излагаетъ идеи и факты и

II.

Польскія политическія партіи и внѣшнія условія реформъ въ Рѣчи Посполитой.—Возникновеніе идеи реформы.—Чарторыскіе и Потоцкіе.—Проектъ реформы 1744 г.—Сеймъ этого года и слѣдующіе безплодные сеймы.—Безпринципные эпизоды партійной борьбы.—Тѣснѣйшій союзъ „фамиліи“ съ Россіей.—Вопросъ о *liberum veto* и конфедераціяхъ.—Отношеніе къ польскимъ реформамъ иностранныхъ державъ.—Вопросъ о правительственной формѣ Рѣчи Посполитой.—Монархисты и республиканцы.—Реформа Чарторыскихъ.—Установленіе русской гарантіи и новыя реформы.—Поведеніе разныхъ партій въ это время.—Король-реформаторъ и оппозиція.—Частная реформаторская инціатива.—Партіи въ эпоху четырехлѣтняго сейма.—Реформы этого сейма.—Тарговичане.—Возстаніе 1794 г.—Польскій якобинизмъ.

Познакомимся прежде всего съ политическими партіями, существовавшими въ Польшѣ въ эпоху реформъ. Если эта эпоха обнимаетъ собою царствованіе Станислава-Августа, то не нужно забывать, что самое вступленіе послѣдняго на польскій престолъ было результатомъ политики его родственниковъ, князей Чарторыскихъ, бывшихъ вмѣстѣ съ отцомъ послѣдняго польскаго короля – Станиславомъ Понятовскимъ—организаторами первой партіи въ Рѣчи Посполитой, поставившей на своемъ знамени идею реформы. Вотъ почему намъ приходится начать свой обзоръ польскихъ партій съ царствованія предпослѣдняго короля Польши, Августа III [1]).

Мысль о необходимости реформъ въ Рѣчи Посполитой стала высказываться гораздо ранѣе образованія первой реформаторской партіи въ Польшѣ; сама же эта партія выступила со своими преобразовательными планами много позднѣе, нежели стала вообще

преимущественно изъ области соціальныхъ отношеній, вслѣдствіе чего подробно представлены у него только крестьянскій и мѣщанскій вопросы въ Польшѣ. По его мнѣнію, провозглашеніе конституціи 3-го мая дѣлало изъ Польши такой же центръ революціонной пропаганды на востокѣ, какимъ на западѣ была Франція. Польское возстаніе 1794 г. освободило Францію отъ коалиціи: Польша погибла, но революція была спасена, и побѣжденные поляки шли въ армію санкюлотовъ, помогая имъ разгромлять феодальную Европу. Поэтому, продолжаетъ авторъ, союзъ польской демократической партіи съ революціонной Франціей былъ явленіемъ необходимымъ: только такимъ путемъ могла Польша возвратить себѣ независимость, преобразовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ свои устарѣлыя политическія и общественныя формы.

[1]) См. сочиненія *Репелля* (*Roepell*)—подъ заглавіемъ: „Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts“ (Gotha. 1876), и *Валишевскаго*—подъ заглавіемъ: „Potoccy i Czartoryscy. Walka stronnictw i programów politycznych przed upadkiem Rzeczypospolitej. 1734—1763 (Kraków. 1887). Объ упоминаемомъ въ главѣ этой Станиславѣ Понятовскомъ есть особое сочиненіе *Kanteckego*, вышедшее въ свѣтъ въ 1880 году.

играть видную политическую роль. Оставляя пока въ сторонѣ идеи реформаторовъ-теоретиковъ, мы можемъ здѣсь замѣтить о нихъ только то, что въ свое время идеи эти не оказали никакого вліянія на общество; можно сосчитать по пальцамъ всѣ публицистическія произведенія, на которыя обыкновенно указываютъ польскіе историки, говоря о первыхъ проблескахъ преобразовательнаго движенія въ Польшѣ; притомъ проекты, предлагавшіеся въ этихъ произведеніяхъ, были сами по себѣ крайне несмѣлы, а важнѣе всего была умственная апатія польскаго общества, вслѣдствіе коей книги, издававшіяся проповѣдниками реформъ, очень мало читались, и все прочитанное скоро забывалось. Проникнуться новыми идеями способно было въ ту эпоху только незначительное меньшинство господствующаго сословія, состоявшее изъ магнатскихъ фамилій: между послѣдними было болѣе, чѣмъ въ другихъ слояхъ, распространено образованіе и, ближе стоя къ государственнымъ дѣламъ, онѣ лучше понимали слабыя стороны отечественныхъ порядковъ. Піонерами реформъ въ Рѣчи Посполитой и сдѣлались поэтому магнаты, съ молоду ѣздившіе за границу, подолгу гостившіе въ Люневилѣ и Нанси при дворѣ „короля“ Станислава Лещинскаго, „благодѣтельнаго философа“, имѣвшіе случаи сравнивать чужое со своимъ и набираться новаго образованія въ школѣ Станислава Лещинскаго, который самъ выступалъ въ 1733 г. въ литературѣ, какъ авторъ преобразовательнаго проекта. Приходили они, однако, къ идеѣ реформы не въ силу какихъ-нибудь отвлеченныхъ, философскихъ принциповъ; къ идеѣ этой приводило ихъ зрѣлище униженія, въ какомъ находилась Польша, когда при совершенной почти пассивности всей шляхетской націи иностранныя державы вели войну за ея престолъ, а потомъ навязали ей своего кандидата въ короли. Не опасаясь встрѣтить ни съ какой стороны ни одного серьезнаго возраженія, мы были бы въ правѣ утверждать самымъ рѣшительнымъ образомъ, что первыя попытки реформы не были результатомъ распространенія въ обществѣ новыхъ взглядовъ, выработанныхъ въ тиши кабинета одиновими мыслителями, равно какъ не исходили изъ сознанія всѣмъ обществомъ тягостной ненормальности господствовавшихъ въ немъ порядковъ. Мало того: польское общество,—разумѣя подъ нимъ шляхту, такъ какъ другіе соціальные элементы въ Рѣчи Посполитой были совершенно подавлены, никогда не возвышали своего голоса и потому ничего не значили,—польское общество не представляло себѣ лучшихъ порядковъ и особенно ревниво оберегало „золотую вольность“ отъ всякихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ захватовъ со стороны власти, тогда какъ

именно первая реформа должна была состоять въ усиленіи правительства, умноженіи войска, нахожденіи новыхъ государственныхъ доходовъ, безъ чего Польша никоимъ образомъ не могла выйти изъ своего униженія. Тѣмъ обстоятельствомъ, что мысль о преобразованіяхъ была внушена внѣшними отношеніями Рѣчи Посполитой и вышла не изъ тѣхъ слоевъ общества, которыя имѣли бы наибольшій интересъ произвести перемѣну во внутреннихъ порядкахъ государства, и объясняется нѣсколько ограниченный кругъ идей первой партіи реформы; вліяніе философскихъ принциповъ XVIII-го в., самостоятельное выступленіе на политическое поприще неродовитаго шляхтича, а тѣмъ болѣе плебея, относятся къ болѣе позднему періоду. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на обстоятельство иного рода. Именно, несмотря на то, что польское государственное устройство признавало полное демократическое равенство среди своего „народа"-шляхты, на дѣлѣ всѣмъ въ Рѣчи Посполитой заправляла аристократія „пановъ", такъ что вся внутренняя и внѣшняя политика государства находилась въ рукахъ нѣсколькихъ вельможныхъ родовъ. Вслѣдствіе этого политическія партіи, боровшіяся за власть, за мѣста, за доходы, за интересы иностранныхъ державъ, у коихъ онѣ искали моральной и матеріальной поддержки,—были въ сущности аристократическими фракціями съ многочисленной кліентелой, состоявшей изъ неродовитой шляхты, которая во всемъ привыкла идти за своими „панами". Поэтому и не могло случиться, чтобы партіей реформы сдѣлалась не одна изъ подобныхъ фракцій: появленіе партіи совершенно самостоятельной отъ аристократическихъ вліяній само могло бы быть только слѣдствіемъ глубокаго преобразованія внутреннихъ отношеній польскаго общества.

Еще въ концѣ царствованія Августа II среди польскихъ магнатовъ особую силу начинаютъ представлять собою князья Чарторыскіе съ многочисленной родней, въ числѣ коей главное мѣсто принадлежало отцу будущаго короля—Станиславу Понятовскому, настоящему организатору партіи Чарторыскихъ или „фамиліи", какъ ее обыкновенно называли. Въ началѣ слѣдующаго царствованія „фамилія" основала дальнѣйшее свое благополучіе на томъ, что поспѣшила оставить Станислава Лещинскаго, когда дѣло его было проиграно, перешла на сторону новаго короля Августа III и стала заискивать у Россіи, какъ державы-побѣдительницы въ войнѣ за польскій престолъ. Совершенно такъ же, какъ и другіе магнатскіе роды, Чарторыскіе съ Понятовскимъ стремились завладѣть всѣмъ въ Рѣчи Посполитой и не брезгали средствами, которыя вели бы къ этой цѣли. Достаточно имъ было

примкнуть къ новому двору и къ Россіи, чтобы вызвать оппозицію противъ себя въ другомъ магнатскомъ родѣ, въ Потоцкихъ, не такъ легко покинувшихъ Станислава Лещинскаго, продолжавшихъ вѣрить во внутреннія силы страны и разсчитывать на старую дружбу Франціи. Борьба между обоими родами съ ихъ друзьями и кліентелой, болѣе многочисленными у Потоцкихъ, нежели у Чарторыскихъ, бравшихъ, наоборотъ, большею сплоченностью, имѣла бы совершенно такое же значеніе, какъ и другіе подобные эпизоды въ польской исторіи, еслибы все дѣло ограничивалось борьбою за вліяніе, за должности, за направленіе внѣшней политики и сводилось къ обоюднымъ интригамъ, съ одной стороны, а съ другой, къ перемѣнамъ, которыя были бы безразличны для всего внутренняго бытія Рѣчи Посполитой. Все это, конечно, было и тутъ, но къ явленіямъ стараго порядка присоединилось совсѣмъ новое явленіе: „фамилія“ выступила съ планомъ реформъ, а ея политическіе противники стали мѣшать его осуществленію. Историки, описывавшіе эту борьбу, заключая отъ послѣдующаго къ предыдущему, стали представлять впослѣдствіи дѣло такимъ образомъ, что Чарторыскіе съ самаго начала образованія своей партіи имѣли вполнѣ готовый планъ, и что ради его осуществленія они настойчиво добивались власти, укрѣпляя свое положеніе при дворѣ и снискивая расположеніе Россіи, добывая должности и всякія иныя блага для своихъ родственниковъ, друзей и кліентовъ. Едва ли въ дѣйствительности такъ было: что Чарторыскіе съ самаго начала видѣли, въ чемъ заключались причины бѣдъ Рѣчи Посполитой, и понимали, гдѣ нужно было искать отъ нихъ спасенія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но не для того только, чтобы заслужить славу реформаторовъ, добивались они власти, вліянія и богатства, политическіе же ихъ планы возникали и развивались въ прямой зависимости отъ обстоятельствъ. Поэтому мы не думаемъ, чтобы въ первыя десять лѣтъ царствованія Августа III, когда реформа Чарторыскихъ еще ничѣмъ не давала себя знать, „фамилія“ только и была занята подготовленіемъ почвы и средствъ для реформы; у Чарторыскихъ существовали свои „фамильные интересы“, а тѣ или другія политическія идеи подсказывались имъ ходомъ дѣлъ въ постепенномъ теченіи времени. Если Чарторыскіе на своемъ пути встрѣчаютъ Потоцкихъ, какъ противниковъ, то опять-таки не потому, чтобы послѣдніе были принципіальными врагами реформъ; до 1744 г. „фамилія“ еще не была преобразовательной партіей, а между тѣмъ антагонизмъ уже существовалъ. Очень можетъ даже быть, что при другихъ обстоятельствахъ слава родоначальниковъ реформъ

въ Польшѣ досталась бы Потоцкимъ; такъ думаетъ, напр., новѣйшій историкъ борьбы политическихъ партій и программъ при Августѣ III, г. Валишевскій, не безъ основанія замѣчая, что весь этотъ антагонизмъ возникъ не на почвѣ внутренней политики, не по вопросу о реформѣ или ея характерѣ и размѣрахъ, а по поводу иностранной политики, — какой союзъ былъ лучше для Польши. Когда ко всѣмъ причинамъ соперничества присоединился вопросъ о преобразованіяхъ, то Потоцкіе стали мѣшать Чарторыскимъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы преобразованія не сдѣлались, такъ сказать, монополіей послѣднихъ, не усилили ихъ значенія въ государствѣ, не укрѣпили правительства, къ коему сами они стояли въ оппозиціи. При такихъ отношеніяхъ консерваторы и прогрессисты могли легко помѣняться ролями, съ тою же легкостью, съ какою на самомъ дѣлѣ Чарторыскіе и Потоцкіе помѣнялись положеніемъ при дворѣ Августа III, такъ какъ въ концѣ царствованія этого короля въ оппозиціи были уже Чарторыскіе, а Потоцкіе, наоборотъ, сблизились съ дворомъ.

Вопросъ о реформѣ практически выступилъ на сцену впервые въ 1744 году. Августъ III думалъ втянуть Польшу въ австро-англійскую коалицію, пользовавшуюся сочувствіемъ и Россіи, противъ франко-прусскаго союза, тогда какъ оппозиція стояла за благосклонный для Франціи и Пруссіи нейтралитетъ. Созывая на 5-е октября 1744 г. очередной сеймъ въ Гродно, король въ посланномъ на сеймики универсалѣ объявилъ, что главнымъ предметомъ совѣщаній, кромѣ измѣненія сеймовой процедуры и улучшенія состоянія бѣдствующаго народа, будетъ умноженіе войска, весьма понятное при задуманной королемъ внѣшней политикѣ. Одновременно и старый Станиславъ Понятовскій передъ тѣми же сеймиками, долженствовавшими выбрать пословъ на сеймъ и снабдить ихъ инструкціями, распространилъ по государству анонимное „Письмо польскаго шляхтича къ одному изъ своихъ друзей въ другомъ воеводствѣ“ [1]), содержавшее въ себѣ цѣлый планъ реформъ, главная цѣль коихъ заключалась въ умноженіи войска, объявленномъ какъ первый, самый необходимый и настоятельный шагъ для того, чтобы вывести Рѣчь Посполитую изъ ея печальнаго положенія. Для содержанія большой арміи нужны и средства большія: отсюда совѣты автора, клонившіеся къ увеличенію государственныхъ доходовъ посредствомъ установленія пошлинъ

[1]) *Репель* напечаталъ (стр. 207—228) французскій переводъ этого „письма“, найденный Дройзеномъ въ берлинскомъ тайномъ государственномъ архивѣ.

на товары, содѣйствія развитію промышленности и торговли, страдавшихъ отъ разныхъ стѣсненій, взиманія четвертой части доходовъ со старостъ (государственныхъ имуществъ, раздававшихся за заслуги), установленія нѣкоторыхъ казенныхъ монополій, введенія налога съ шляхетскихъ и духовныхъ имѣній, заботы объ умноженіи народонаселенія, причемъ послѣдней цѣли, по мнѣнію автора, можно было бы достигнуть, способствуя заключенію браковъ, уменьшая слишкомъ большое количество монастырей, передавая ихъ имущества общеполезнымъ учрежденіямъ, привлекая въ себѣ переселенцевъ возвращеніемъ городамъ ихъ прежнихъ правъ и дарованіемъ нѣкоторой терпимости некатоликамъ. Разъ Польша, предсказывалъ Понятовскій, сдѣлается сильнѣе и улучшитъ при этомъ и внутренніе порядки (судебная реформа, частичная отмѣна *liberum veto* и т. п.), она не только выйдетъ изъ своего печальнаго положенія, но и сдѣлается желанной союзницей для сосѣдей. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело „письмо“ Понятовскаго на сеймикующую шляхту: для нея проекты анонимнаго шляхтича во всякомъ случаѣ должны были быть чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ. Само „письмо“ заключало въ себѣ цѣлый планъ реформъ, но всѣ онѣ имѣли прямою цѣлью единственно внѣшнюю безопасность Польши и большій ея вѣсъ въ международныхъ дѣлахъ—главный мотивъ многихъ слѣдовавшихъ за этимъ проектовъ и преобразованій. Практическаго значенія реформаторскій манифестъ „фамиліи“ не имѣлъ: онъ слишкомъ опережалъ эпоху, а сеймъ 1744 г., какъ извѣстно, былъ одинъ изъ безплодныхъ сеймовъ той эпохи, ибо, благодаря тактикѣ оппозиціи, довольно обычной въ такихъ случаяхъ, законный шестинедѣльный срокъ совѣщаній прошелъ въ спорахъ, ни къ чему не приводившихъ, послѣ чего послы могли разъѣхаться по домамъ, ничего не рѣшивши. Передъ сеймомъ 1746 г. король уже отказался отъ внесенія на сей разъ прежняго предложенія объ умноженіи войска, отложивъ этотъ вопросъ до слѣдующаго сейма, но сторонники Чарторыскихъ подняли его снова въ самомъ же началѣ совѣщаній, и случилось опять то же, что двумя годами раньше, и притомъ не безъ помощи французскихъ и прусскихъ денегъ. И сеймъ 1748 г. имѣлъ подобную же судьбу, хотя на этотъ разъ надобности въ иностранномъ золотѣ уже не оказалось. На 1750-й годъ, вмѣсто обыкновеннаго сейма, былъ назначенъ чрезвычайный, двухнедѣльный: обезпечить проведеніе реформы—главнымъ образомъ, умноженіе войска—предполагалось разными особыми мѣрами, но всѣ онѣ ни къ чему не повели, и сеймъ былъ сорванъ однимъ изъ пословъ, подкуплен-

нымъ Франціей и Пруссіей. Сорванъ былъ и сеймъ 1752 г., что̀ дало поводъ Чарторыскимъ составить манифестъ, въ коемъ они оправдывали свои намѣренія,—манифестъ, ошибочно принятый впослѣдствіи за начало опасной конфедераціи, которая была будто бы подавлена въ самомъ началѣ, благодаря геройскому поступку одного шляхтича [1]). „Фамилія“ еще разъ была побѣждена, что̀ не осталось безъ вліянія на ея отношенія къ двору. Съ этого именно времени начинается взаимное охлажденіе старыхъ союзниковъ: ко многимъ другимъ причинамъ обоюднаго неудовольствія, имѣвшимъ болѣе личный характеръ, присоединилось теперь разочарованіе двора въ силѣ „фамиліи“, которая, съ своей стороны, находила, что дворъ проявляетъ слишкомъ мало энергіи. Удаленіе отъ двора Чарторыскихъ,—вскорѣ послѣ того начавшихъ вести свою линію исключительно въ союзѣ съ Россіей, такъ что ихъ партія стала „русской“ партіей,—сопровождалось, наоборотъ, сближеніемъ двора съ ихъ прежними антагонистами, Потоцкими. Во время этой борьбы, пока Чарторыскіе составляли придворную партію или только-что намѣчался ихъ разрывъ съ своими старыми союзниками, преобразованія далеко не составляли самаго замѣтнаго предмета политической распри: историкамъ эпохи, наоборотъ, приходится волей-неволей останавливаться на такихъ эпизодахъ борьбы, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ реформамъ и могутъ только характеризовать своекорыстіе партій. 1749-й г. былъ ознаменованъ тѣмъ, что коронный трибуналъ въ Пѣтрковѣ, члены коего выбирались сеймиками, не могъ составиться, и на цѣлый годъ Польша осталась безъ своего высшаго судилища: Чарторыскіе употребили всѣ средства, чтобы провести на сеймикахъ своихъ кандидатовъ, имѣя въ виду сдѣлать маршалкомъ племянника своего Казиміра Понятовскаго; затѣмъ, когда депутаты собрались въ трибунальскій городъ, приверженцы „фамиліи“ провозгласили маршалкомъ Понятовскаго, но противники схватились за сабли, и послѣднему оставалось только покинуть городъ; тогда партія Чарторыскихъ стала оспаривать правильность выбора отдѣльныхъ членовъ другой партіи, а эта начала отплачивать тѣмъ же приверженцамъ „фамиліи“. Другимъ эпизодомъ партійной борьбы былъ дѣлежъ громаднаго острожскаго майората или, какъ говорятъ поляки, „ординаціи“ (1753 г.):

[1]) Такъ разсказывается всѣми историками, вслѣдъ за Рюльеромъ. *Roepell* повторяетъ разсказъ (стр. 93—96), хотя приводитъ въ приложеніи (стр. 235—237) французскій переводъ манифеста, полученный прусскимъ правительствомъ отъ своего посланника (подлинникъ былъ разорванъ во время собиранія подписей). Впервые выяснилъ смыслъ этой исторіи *Waliszewski*. I, 145—157.

его устроили Чарторыскіе, весьма ловко воспользовавшись имъ, чтобы внести раздоръ въ среду своихъ противниковъ и добыть себѣ новыхъ приверженцевъ, и дѣло это стало предметомъ новой распри, въ которую вмѣшался даже версальскій дворъ, доказывавшій, что французская королева Марія Лещинская находилась въ родствѣ съ владѣльцами ординаціи. Подобнымъ безпринципнымъ эпизодомъ является и попытка короннаго маршалка—надворнаго Юрія Мнишха, зятя саксонскаго министра Брюля, образовать третью партію, во главѣ коей могъ бы стать онъ самъ, оттолкнувъ отъ двора Чарторыскихъ и привлекши на свою сторону часть старой оппозиціи: принципіальнаго въ этой попыткѣ ничего не было, а между тѣмъ она не могла не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ старыхъ противниковъ и не усложнить и безъ того довольно запутанную политику, тѣмъ болѣе, что „фамиліи“ удалось упомянутымъ дѣлежомъ лакомаго куска перетянуть къ себѣ не одного „патріота“, какъ назывались ея старые противники. Наконецъ, принципы отсутствовали и въ исторіи сейма 1754 г. Сеймики, ему предшествовавшіе, были очень бурны, и многіе изъ нихъ были сорваны. Одно это не предвѣщало ничего хорошаго. Со стороны короля повторены были старыя пропозиціи относительно умноженія войска, увеличенія доходовъ Рѣчи Посполитой и т. п., равно какъ поставленъ былъ вопросъ объ острожской ординаціи. На сеймѣ дѣло не дошло даже до избранія маршалка: начали съ споровъ объ острожской ординаціи, но на томъ же и покончили, ничѣмъ не рѣшивъ вопроса, такъ какъ сеймъ былъ сорванъ однимъ посломъ, подкупленнымъ лицами, которыя подѣлили между собою богатый майоратъ. Такой результатъ былъ выгоденъ „фамиліи“, но послѣ этого она уже окончательно не могла быть партіей двора.

Мы только намѣтили существованіе всѣхъ этихъ эпизодовъ польской исторіи середины прошлаго вѣка, чтобы показать, при какихъ условіяхъ приходилось двигаться дѣлу реформы: подробности этой борьбы, связанныхъ съ нею дипломатическихъ интригъ, новыхъ комбинацій въ партійныхъ отношеніяхъ и т. п. не могутъ представлять никакого интереса съ точки зрѣнія исторіи реформъ. Съ 1754 г. Чарторыскіе находятся рѣшительно въ оппозиціи и тѣмъ крѣпче держатся Россіи: къ 1755 г. относится посылка ими въ Петербургъ молодого Станислава Понятовскаго, имѣвшая такія важныя послѣдствія для польской исторіи. Не станемъ разсказывать также дальнѣйшей исторіи борьбы партій въ Польшѣ: внутреннія и внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой все болѣе и болѣе запутывались, и дѣло реформы ни на шагъ

пе двигалось впередъ. Рѣшающими моментами сдѣлались только смерть русской императрицы Елизаветы Петровны, приведшая Россію къ союзу съ Пруссіей, вступленіе на престолъ Екатерины II, къ которой были близки Чарторыскіе черезъ своего племянника, и, наконецъ, кончина Августа III, сдѣлавшая польскій престолъ вакантнымъ для того, чтобы Россія и Пруссія могли на него посадить сына незадолго передъ тѣмъ (1762 г.) умершаго родоначальника „фамильной" политики, именно только-что упомянутаго племянника Чарторыскихъ, молодого Станислава Понятовскаго. Десять лѣтъ отдѣляютъ первое сближеніе Чарторыскихъ съ Россіей отъ выступленія ихъ съ программою реформъ; десять лѣтъ прошло съ этого момента до перехода „фамиліи" въ оппозицію ко двору и до начала болѣе тѣснаго союза ея съ Россіей; десять же лѣтъ протекло съ этой послѣдней поры до рѣшительнаго пріобрѣтенія ими власти при поддержкѣ со стороны русскаго правительства. Въ этотъ періодъ по старому боролись мелкіе партійные интересы, скрещивались въ Польшѣ иностранныя интриги, срывались сеймы, и тѣмъ очевиднѣе дѣлалась необходимость реформы. Чарторыскіе не покидали своей старой мысли, и въ самомъ концѣ царствованія Августа III та же мысль легла въ основу появившихся въ 1760—1763 гг. отдѣльныхъ частей сочиненія кс. Станислава Конарскаго о „дѣйствительномъ способѣ совѣщаній" [1]), направленнаго противъ *liberum veto*.

Опытъ показывалъ, что никакія реформы не были возможны, пока существовало *liberum veto* и срываніе сеймовъ. Странное явленіе представлялъ изъ себя этотъ „вольный голосъ" (wolny głos), или „право интерцессіи" (jus intercedendi), срыванія сеймовъ. Поляки видѣли въ немъ „зѣницу" своей свободы, а между тѣмъ и первый посолъ, сорвавшій сеймъ въ 1652 г., покрылъ себя славой Герострата, и всѣ слѣдовавшіе за нимъ срыватели носили на себѣ пятно позора. Само по себѣ *liberum veto* было неприкосновенной святыней: болѣе ранніе публицисты, каковы Янъ Яблоновскій (въ брошюрѣ: „Skrupuł bez skrupułu, 1730), Станиславъ Лещинскій (въ своемъ „Вольномъ голосѣ", 1733), самъ Станиславъ Понятовскій старшій, въ извѣстномъ уже „Письмѣ польскаго шляхтича" (1744), не рѣшаются высказаться принципіально противъ *liberum veto*, возставая лишь противъ злоупотребленій этимъ правомъ или предлагая только нѣкоторыя его ограниченія. Конарскій первый осмѣлился, — вмѣсто того, какъ самъ онъ выражается, чтобы обрывать листики и вѣточки,—вы-

[1]) O skutecznym rad sposobie.

рвать растеніе съ корнемъ, указавъ на рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, какъ на единственно правильный способъ. Сочиненіе Конарскаго произвело впечатлѣніе и было принято весьма сочувственно разными партіями: подъ благодарственными и хвалебными отзывами этой книгѣ стояли имена и членовъ „фамиліи“, и „патріотовъ“, и Юрія Мнишха, главы „придворной партіи“, такъ что принципіальное отрицаніе *liberum veto* не было монополіей какой-либо одной партіи, хотя бы, напримѣръ, однихъ Чарторыскихъ, но это не мѣшало всѣмъ пользоваться услугами „вольнаго голоса“, когда сорвать сеймъ было выгодно въ партійныхъ интересахъ. *Liberum veto* было нехорошо, рѣшеніе дѣлъ большинствомъ было лучше, но нужно было только, чтобы большинство не было на сторонѣ противной партіи, и противники, лишенные права срывать сеймъ, не могли ничего подѣлать противъ этого большинства. Враждебныя партіи именно такимъ образомъ и смотрѣли на дѣло. Такъ какъ конфедерація представляла изъ себя средство рѣшать дѣла большинствомъ, силою заставляя подчиняться всѣхъ недовольныхъ, то партіи во время своей борьбы постоянно носились съ проектами конфедераціи, не удававшимися только вслѣдствіе разныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что конфедераціи, силою захватывавшія власть въ свои руки и силою же принуждавшія своихъ противниковъ повиноваться, еще болѣе, чѣмъ простыя партіи, нуждались въ иностранной помощи. Конарскій высказывался противъ конфедерацій, въ коихъ видѣлъ лишь противовѣсъ „вольному голосу“, составляющій въ сущности другое подобное же зло. Изъ этого видно, что едва ли книга была внушена Конарскому Чарторыскими, какъ склонны думать нѣкоторые историки: „фамилія“, подобно своимъ противникамъ, постоянно возвращалась къ плану конфедераціи. И на самомъ дѣлѣ это было единственное средство и чего-нибудь добиться, когда сеймы срывались одинъ за другимъ, и удержать господство въ своихъ рукахъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Чарторыскіе сильнѣе, чѣмъ когда-либо хлопотали о составленіи конфедераціи, прямо уже указывая на то, что изъ нея можетъ выйти преобразованіе государства. Идея реформы вступала въ новый фазисъ: уже въ 1762 г. Чарторыскіе вели съ Екатериной II переговоры относительно конфедераціи, коей русская императрица должна была оказать денежную и военную помощь, причемъ цѣлью конфедераціи ставились введеніе лучшей формы сеймовыхъ совѣщаній и болѣе прочный союзъ съ Россіей. Въ слѣдующемъ году къ конфедераціи дѣлались уже приготовленія, но, по желанію Екатерины, она не состоялась при жизни Августа III.

Къ безкоролевью, наступившему по смерти этого короля, выяснилось такимъ образомъ вполнѣ, что для какихъ бы то ни было преобразованій прежде всего необходимо было устройство конфедераціи. Того же требовали и чисто партійные интересы Чарторыскихъ. Впрочемъ, кому ни досталась бы власть, произойти это при тогдашнихъ обстоятельствахъ иначе не могло, какъ путемъ конфедераціи, и долѣе у власти нельзя было удержаться, какъ произведши нѣсколько самыхъ необходимыхъ реформъ. Съ другой стороны, своими собственными силами ни одна партія не была въ состояніи взять рѣшительный перевѣсъ надъ своими противниками: польскія партіи издавна, какъ было упомянуто, привыкли искать себѣ опоры въ связяхъ съ иностранными дворами. Ненормальное состояніе Рѣчи Посполитой чувствовалось всѣми, и каждая партія въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ при случаѣ просила помощи у союзниковъ для того, чтобы произвести нѣкоторыя внутреннія перемѣны въ Польшѣ. Если Чарторыскіе съ самаго начала своей политической карьеры примкнули къ Россіи и особенно крѣпко держались этого союза въ концѣ царствованія Августа III, то такой выборъ обусловливался, конечно, не тѣмъ, чтобы они стремились стать реформаторами, а у Россіи былъ особый интересъ поддержать партію реформы въ Польшѣ. Равнымъ образомъ враждебныя Россіи правительства, всячески поощряя свои партіи въ Рѣчи Посполитой, далеко не были склонны помогать какимъ бы то ни было внутреннимъ перемѣнамъ въ этомъ государствѣ. Франція считалась старой союзницей Польши, и на нее обращали свои взоры такъ-называемые „патріоты“. Въ 1746 г. Людовикъ XV получилъ меморіалъ черезъ одного изъ представителей французской партіи въ Польшѣ, въ которомъ говорилось и объ уничтоженіи *liberum veto*, и объ увеличеніи арміи, и даже объ измѣненіи всей конституціи польской съ введеніемъ наслѣдственности престола. Конфедераціонные планы „патріотовъ“ равнымъ образомъ обсуждались съ представителями французской дипломатіи. Какъ ни была непослѣдовательна польская политика Людовика XV, и этотъ король божіею милостью, подобно другимъ абсолютнымъ монархамъ XVIII-го в., былъ покровителемъ „польской свободы“, т.-е. той самой неурядицы, которая только и позволяла иностраннымъ правительствамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, дабы имѣть ее за собою во внѣшней политикѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Франція готова была помочь „патріотамъ“, но только въ случаѣ попытки Чарторыскихъ устроить конфедерацію, ибо христіаннѣйшій король не хотѣлъ допустить такого дѣла, „которое повлекло бы за

собою гибель республиканскихъ вольностей, и паденія *liberum veto*, этой единственной охраны республиканской свободы". Французская партія обращала свои взоры даже на Пруссію, находившуюся въ союзѣ съ Франціей во время войны за австрійское наслѣдство, но если у кого была особая выгода мѣшать всякимъ реформамъ, которыя могли бы укрѣпить Рѣчь Посполитую, такъ это именно у Фридриха II, въ чемъ въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ этомъ смыслѣ между прусскимъ королемъ и императоромъ Петромъ III состоялось даже особое соглашеніе, удержавшееся и при Екатеринѣ II. Между тѣмъ къ новой русской императрицѣ въ самомъ началѣ ея царствованія, какъ мы видѣли, обратились Чарторыскіе черезъ своего племянника, Станислава Понятовскаго, съ просьбою помочь устройству конфедераціи, цѣлью которой между прочимъ была бы именно реформа; Екатерина отвѣчала, что и она желаетъ извлечь республику изъ ея анархіи. Когда Чарторыскіе приступили уже къ образованію конфедераціи, императрица, однако, вдругъ объявила, что ей это не угодно при жизни царствующаго короля. Мотивъ остановки дѣла высказанъ былъ въ ея депешѣ къ русскому посланнику въ Варшавѣ коротко: императрица не хотѣла допустить никакого нововведенія, вреднаго для Россіи. Перемѣны во взглядахъ русской императрицы слѣдуетъ объяснить вліяніемъ на нее настойчивыхъ представленій Фридриха II, не желавшаго, чтобы въ Польшѣ образовалась какая-либо конфедерація до смерти Августа III. Новѣйшіе историки, какъ польскіе, такъ и не-польскіе, находятъ, тѣмъ не менѣе, что Екатерина II принципіально не была противъ преобразованій въ Рѣчи Посполитой, какъ это и обнаружилось послѣ перваго раздѣла: дѣло въ томъ, что Польша съ Петра Великаго находилась почти совсѣмъ въ рукахъ Россіи, и послѣдней было даже выгодно, чтобы ея слабая сосѣдка вышла изъ своей анархіи, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, во-первыхъ, она оставалась въ постоянномъ союзѣ съ русскимъ правительствомъ, и чтобы, во-вторыхъ, реформы, которыя стали бы вводиться въ Польшѣ, превратили это государство въ благоустроенную страну, лишь не допуская его сдѣлаться сильной державой. Собственно говоря, виды Екатерины II и Фридриха II относительно Рѣчи Посполитой расходились: прусскіе короли давно уже мечтали о расчлененіи польской территоріи, заглядываясь на сѣверную ея часть, отдѣлявшую одно отъ другого два главныя владѣнія гогенцоллернской фамиліи, и для нихъ особенный интересъ представляло не дозволять установленія въ Польшѣ лучшихъ порядковъ, тогда какъ русское

правительство въ XVIII в., забывъ стремленіе московскихъ царей возвратить отъ Рѣчи Посполитой русскія земли, находившіяся подъ ея властью, выказывало намѣреніе господствовать надъ всею Польшею, а для достиженія этой цѣли не безполезно было укрѣпить польское правительство, лишь бы оно оставалось послушнымъ приказаніямъ изъ Петербурга. Въ томъ, что Екатеринѣ не удалось удержать за собою въ той или другой формѣ господство надъ всею Польшею, нужно видѣть несомнѣнную побѣду Берлина надъ Петербургомъ, и такой результатъ былъ подготовленъ Фридрихомъ II еще до вступленія на польскій престолъ члена реформаторской „фамиліи“ и ставленника Екатерины II, Станислава Понятовскаго: какъ союзница Фридриха II, русская императрица должна была отказать своей партіи въ томъ, на что послѣдняя имѣла право разсчитывать, вслѣдствіе положительно данныхъ ей обѣщаній, и что не могло не представить своего рода выгоды для видовъ петербургскаго двора, такъ какъ Чарторыскіе въ данномъ случаѣ иначе не могли дѣйствовать, какъ опираясь на русскую помощь. Интересы „фамиліи“ и Россіи, такимъ образомъ, сходились: первая добивалась власти, въ то же время очень хорошо понимая, что въ Рѣчи Посполитой безъ извѣстныхъ измѣненій ея устройства не можетъ существовать настоящаго правительства, и что въ дѣлѣ реформы нельзя обойтись безъ иностранной помощи; вторая стремилась къ господству надъ всею Польшею, для чего нужно было устранить вмѣшательство другихъ державъ въ польскія дѣла, обусловливаемое главнѣйше анархическимъ состояніемъ самой Рѣчи Посполитой, и, слѣдовательно, оказать помощь той партіи, которая обнаруживала желаніе создать въ странѣ прочное правительство. Фридриху II и нужно было не допустить подобной комбинаціи, и отсюда-то вытекаетъ настойчивость, съ какою онъ добивался, чтобы русская императрица воздержалась отъ помощи задуманной Чарторыскими конфедераціи. Поддерживать въ Рѣчи Посполитой постоянную анархію сдѣлалось однимъ изъ правилъ европейской политики, котораго придерживались всѣ державы, даже въ томъ случаѣ, еслибы ихъ интересы, понятые болѣе правильнымъ образомъ, требовали противнаго, какъ это утверждаетъ австрійскій историкъ Арнетъ для неодобреннаго имъ въ этомъ отношеніи поведенія Маріи-Терезіи, а потому нужно ли удивляться, что Екатерина, связанная притомъ союзомъ съ Пруссіей, не пошла болѣе рѣшительнымъ образомъ по новому, еще не извѣданному въ политикѣ, пути, быть можетъ, требовавшему изъ-за союза съ сомнительной силой пожертвовать союзомъ съ силой несомнѣнной?

Изъ того, что сосѣднія государства имѣли одни большій, другія меньшій интересъ противиться преобразованіямъ въ Польшѣ, явствуетъ самый характеръ этихъ реформъ: сосѣдямъ выгодно было имѣть около себя слабое государство безъ настоящаго правительства, безъ вооруженной силы и безъ денежныхъ средствъ. Мы видѣли, что первая мысль о реформѣ была внушена именно внѣшними отношеніями Рѣчи Посполитой, и на тѣ же отношенія указывали публицисты, въ родѣ Конарскаго. Такимъ образомъ, первымъ шагомъ Польши на пути реформъ должно было быть созданіе у себя какой бы то ни было правительственной власти, т.-е. того, что существовало во всѣхъ другихъ государствахъ. Съ этого должно было начаться преобразованіе Рѣчи Посполитой, и думать о чемъ-нибудь другомъ раньше этого нельзя было и по той причинѣ, что господствовавшее въ Польшѣ сословіе было однимъ изъ наиболѣе отсталыхъ, наиболѣе консервативныхъ во всей Европѣ, а другіе общественные классы коснѣли въ крайнемъ невѣжествѣ, заключая въ себѣ только элементы для стихійныхъ вспышекъ, цѣлью которыхъ могло быть и дѣйствительно было разрушеніе польской, католической и шляхетской республики, а не ея реформа. Съ другой стороны, преобразованіе польскихъ государственныхъ порядковъ и не могло идти инымъ путемъ, какъ путемъ возникновенія властолюбивой магнатской партіи, устройства въ ея интересахъ конфедераціи и привлеченія на ея сторону какой-нибудь иностранной державы. Это составляетъ внѣшнюю сторону дѣла; внутренняя заключалась въ вопросѣ о томъ, какая правительственная форма должна была явиться въ Польшѣ послѣ устраненія всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя существовали въ ней для образованія какого бы то ни было прочнаго правительства, главнымъ образомъ, послѣ уничтоженія *liberum veto*, на чемъ сходились всѣ политическіе дѣятели разныхъ оттѣнковъ. Дальнѣйшее преобразованіе могло произойти либо въ монархическомъ, либо въ республиканскомъ духѣ, такъ какъ, собственно говоря, Польша, имѣвшая короля и бывшая въ то же время республикой, не имѣла, на самомъ дѣлѣ, ни монархической власти, ни республиканскаго правительства: реформаторамъ одинаково пришлось бы чуть не вновь создавать и ту, и другое, смотря по тому, какой путь они выбрали бы для достиженія поставленной себѣ цѣли, т.-е. уничтоженія вѣчной анархіи, губившей Рѣчь Посполитую.

На два лагеря и раздѣлялись польскіе политическіе дѣятели, а вмѣстѣ съ ними и писатели, какъ въ эту, такъ и въ послѣдующую эпоху, т.-е. какъ передъ избраніемъ на престолъ Ста-

нислава-Августа, такъ и въ его царствованіе. Къ такому раздѣленію и привелъ антагонизмъ „фамиліи“ и „патріотовъ“, такъ какъ, въ концѣ концовъ, реформа Чарторыскихъ приняла характеръ монархическій, а ихъ оппоненты стали отстаивать республиканскія начала польскаго государственнаго строя. Съ тѣхъ поръ, какъ Екатериной II дано было Чарторыскимъ обѣщаніе возвести одного изъ членовъ „фамиліи“ на престолъ, они особенно должны были стоять за принципъ „регализма“, къ коему чувствовали склонность еще тогда, когда были сторонниками королевской политики въ первую половину царствованія Августа III. Наоборотъ, противная партія, поддерживаемая Франціей, все болѣе и болѣе ясно начинала сознавать свою программу, не только какъ сохраненіе, но и какъ дальнѣйшее развитіе республиканскихъ началъ польской конституціи: лишь подъ послѣднимъ условіемъ и могла бы она согласиться на уничтоженіе *liberum veto*. По ея плану, у короля слѣдовало бы отнять для передачи „народу“ (т.-е. шляхтѣ) то, что еще оставалось у королевскаго сана въ Польшѣ въ смыслѣ дѣйствительнаго значенія, именно право назначать на всѣ высшія должности и раздавать за заслуги государственныя имущества въ пожизненное пользованіе. Весьма естественно, что люди, принадлежавшіе къ этой партіи, были сторонниками избирательнаго престола, и въ этомъ отношеніи масса шляхты, видѣвшая „зѣницу вольности“ не въ одномъ *liberum veto*, но и въ „вольной элекціи королей“, была настроена вполнѣ въ духѣ республиканской партіи. „Регалистамъ“, наоборотъ, весьма естественно было придти къ идеѣ наслѣдственности престола, и когда корона досталась одному изъ членовъ „фамиліи“, совершенно понятнымъ образомъ возникло представленіе, что Чарторыскіе съ самаго начала поставили себѣ цѣль, къ которой и стремились во все время своей политической карьеры,—создать изъ Польши наслѣдственную монархію и положить въ ней начало новой династіи. Такъ ставился въ Рѣчи Посполитой новый вопросъ, выходившій за предѣлы уничтоженія *liberum veto*; но открытое публицистическое обсужденіе этого предмета относится лишь ко времени, непосредственно предшествовавшему попыткѣ учредить въ Польшѣ наслѣдственный престолъ,—попыткѣ, сдѣланной четырехлѣтнимъ сеймомъ въ конституціи 3-го мая; пока для проведенія такой реформы время было крайне неблагопріятно, такъ какъ этого не допустила бы ни шляхта, ни иностранные дворы, ибо для нихъ также было политическимъ правиломъ не допускать въ Польшѣ наслѣдственной монархіи. Мы еще увидимъ, что тогда весь монархизмъ свелся, однако, лишь къ наслѣдственности короны безъ

расширенія королевской прерогативы. Такимъ образомъ, весь вопросъ по смерти Августа III могъ заключаться только въ томъ, кому достанется корона и притомъ кому изъ поляковъ, такъ какъ Россія и Пруссія заявили, что не допустятъ никого занять польскій престолъ, кромѣ Пяста (т.-е. природнаго полякa).

Осенью 1763 г. умеръ Августъ III. У Екатерины II былъ уже на-готовѣ кандидатъ на престолъ въ лицѣ Станислава Понятовскаго или, въ крайнемъ случаѣ, въ лицѣ его двоюроднаго брата, князя Адама Чарторыскаго, сына Августа, воеводы русскаго. На кандидата императрицы соглашался и Фридрихъ, лишь бы новый король не предпринималъ никакихъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ Польши, и это условіе было принято, какъ мы видѣли, Екатериной II. Два сосѣднія государства готовы были силою поддержать партію Чарторыскихъ при избраніи новаго короля, но вождямъ этой партіи дано было знать, что въ Польшѣ все должно было остаться по старому. Извѣстно, что „фамиліи“, дѣйствительно, была оказана помощь, и что противники ея, великій гетманъ коронный Браницкій, самъ мечтавшій о коронѣ, князь Карлъ Радзивиллъ, богатѣйшій литовскій магнатъ, графъ Потоцкій, воевода кіевскій, должны были безъ боя уступить ей мѣсто: Чарторыскіе оказались господами положенія. Элекціонному сейму, на которомъ происходило избраніе короля, долженъ былъ всегда предшествовать такъ-называемый созывательный, или конвокаціонный, сеймъ, имѣвшій значеніе конфедераціи), и „фамилія“ воспользовалась имъ, чтобы провести нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ Рѣчи Посполитой, противъ которыхъ, какъ менѣе съ виду важныхъ, чѣмъ уничтоженіе *liberum veto*, русскій посланникъ ничего не могъ имѣть. Польскіе министры, назначавшіеся королемъ пожизненно изъ наиболѣе знатныхъ магнатовъ, были совершенно независимы отъ короля, не имѣвшаго права ихъ смѣнять, и отъ сейма, такъ какъ послѣдній собирался лишь разъ въ два года и въ большинствѣ случаевъ оканчивался неблагополучно: министры такимъ образомъ безконтрольно распоряжались каждый своимъ вѣдомствомъ. Сеймъ 1763 г. учредилъ теперь особыя коммиссіи при каждомъ министрѣ, члены коихъ должны были выбираться сеймами. Такъ какъ русскій и прусскій посланники самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили, что ихъ правительства никакъ не согласятся на уничтоженіе *liberum veto*, то Чарторыскіе ввели лишь нѣкоторыя ограниченія этого права: еслибы, во-первыхъ, какой-либо сеймъ былъ сорванъ, и члены коммиссій потому не были выбраны, право ихъ назначенія принадлежало бы королю; во-вторыхъ, всѣ дѣла, вносимыя

на сеймъ правительственными коммиссіями и касающіяся финансовъ, народнаго хозяйства и правосудія, должны были рѣшаться „forma judiciaria“, какъ говорилось у поляковъ, т.-е. простымъ большинствомъ голосовъ. Это были самыя важныя реформы, проведенныя притомъ не безъ своего рода военной хитрости: русскому посланнику Кайзерлингу, не знавшему ни слова по-польски и имѣвшему лишь самыя поверхностныя свѣденія объ устройствѣ Рѣчи Посполитой, давали знать обо всѣхъ предложеніяхъ сейма, представляя ему эти предложенія въ латинскомъ переводѣ и съ комментаріями, скрывавшими истинный смыслъ того, что замышлялось. Элекція прошла спокойно подъ непосредственнымъ надзоромъ корпуса русскихъ войскъ: въ началѣ осени 1764 г. Станиславъ Понятовскій сдѣлался королемъ. Постановленія (конституціи) конвокаціоннаго сейма были утверждены сеймомъ коронаціоннымъ, приступившимъ-было къ дальнѣйшимъ нововведеніямъ, изъ коихъ главнымъ была конституція, распространявшая таможенныя пошлины на всѣ сословія (шляхта отъ этихъ пошлинъ была свободна). Между тѣмъ возвратились въ Польшу удалившіеся изъ нея передъ выборомъ Станислава-Августа вожди оппозиціи и признали новаго короля. Доброе согласіе было, однако, непродолжительно, хорошія отношенія между союзниками стали нарушаться: молодой король не поладилъ съ стариками Чарторыскими, послѣдніе не поладили съ Россіей, а причины этого, какъ извѣстно, заключались въ томъ, что Станиславъ-Августъ хотѣлъ освободиться отъ опеки своихъ дядей, которые, въ свою очередь, не дали согласія на желаніе Екатерины II заключить съ Польшей наступательный и оборонительный союзъ, боясь, что такой союзъ поведетъ къ черезъ-чуръ большой зависимости Рѣчи Посполитой отъ Россіи, а кромѣ того, въ Петербургѣ были недовольны поведеніемъ Чарторыскихъ въ диссидентскомъ вопросѣ. „Фамилія“ думала о власти и о реформахъ, долженствовавшихъ укрѣпить эту самую власть, не для того, конечно, чтобы Польша попала въ вассальную зависимость отъ Россіи; они мечтали о болѣе высокомъ положеніи своей родины, какого она могла добиваться и по своему пространству, и по количеству своихъ жителей. Вмѣстѣ съ этимъ въ диссидентскомъ вопросѣ, поднятомъ Россіей и Пруссіей, они вели себя не такъ, какъ хотѣлось Екатеринѣ II: зная фанатическое настроеніе шляхты, они не рѣшились взять на себя иниціативу предложенія о возвращеніи правъ не-католикамъ на сеймѣ 1766 г., рекомендовали русскому посланнику (князю Рѣпнину) величайшую осторожность въ столь щекотливомъ дѣлѣ, совѣтовали также вывести изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой русскія

войска. Разрывать съ Россіей окончательно они, однако, не хотѣли, что̀ доказывается слѣдующимъ случаемъ, обнаружившимъ, кромѣ того, всю силу раздора, поселившагося въ нѣдрахъ самой „фамиліи“: Станиславъ-Августъ хотѣлъ провести на томъ же сеймѣ законъ, по которому большинствомъ голосовъ должны были рѣшаться вопросы объ умноженіи податей и войска; объ этомъ было доведено до свѣденія русскаго посланника, формально протестовавшаго противъ такого намѣренія вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ, а дяди короля оказались весьма ревностными помощниками князя Рѣпнина въ устраненіи плановъ своего племянника. Сеймъ 1766 г., отвергшій требованія сосѣднихъ державъ относительно дарованія правъ ихъ единовѣрцамъ, по требованію тѣхъ же державъ, отмѣнилъ предыдущія преобразованія и самую конфедерацію Чарторыскихъ, усиліями коей эти преобразованія и были только сдѣланы.

Диссидентскій вопросъ, бывшій причиной разрыва между Россіей и Чарторыскими и началомъ событій, которыя привели въ конечномъ результатѣ къ первому раздѣлу Польши, самъ по себѣ не представляетъ интереса въ исторіи реформъ въ Польшѣ: рѣшили его не сами поляки, ибо приняли совсѣмъ готовое его рѣшеніе изъ рукъ иностранныхъ посланниковъ. Екатерина II, встрѣтивъ сопротивленіе на сеймѣ 1766 г. и не нашедши поддержки въ Чарторыскихъ, задумала провести дѣло диссидентовъ, опираясь на конфедерацію, составленную, кромѣ диссидентовъ, изъ разныхъ элементовъ, стоявшихъ въ оппозиціи къ королю и его дядямъ. За помощью противъ Чарторыскихъ обратились теперь къ императрицѣ люди, ставившіе противникамъ въ вину то, что они искали поддержки у той же императрицы, а во главѣ новой конфедераціи очутился одинъ изъ противниковъ избранія Станислава-Августа, Карлъ Радзивиллъ, бѣжавшій въ Дрезденъ, гдѣ и жилъ, интригуя противъ Екатерины. Не одинъ этотъ богатый и взбалмошный панъ изъ врага Россіи сдѣлался ея союзникомъ: подъ знамена новой конфедераціи (по названію радомской) пошли всѣ старые противники Чарторыскихъ, всѣ недовольные ихъ реформами, всѣ желавшіе сохранить прежнія вольности, разсчитывая, что концомъ движенія будетъ низложеніе короля,—пошли, какъ спохватились потомъ сами поляки, „словно пташки на клей“, потому что результатъ конфедераціи, благодаря присутствію русскихъ войскъ, былъ не тотъ, какого они ожидали. Сеймъ 1768 г. долженъ былъ согласиться на всѣ требованія Екатерины и, между прочимъ, признать гарантію Россіи относительно неизмѣнности польскаго государственнаго устрой-

ства, на этомъ же сеймѣ и принятаго по настоянію русскаго посланника. На защиту Польши, утратившей свою самостоятельность, поднялась-было барская конфедерація, но потерпѣла полную неудачу въ войнѣ съ Россіей: конфедераты дали только поводъ къ первому раздѣлу, давно задуманному Фридрихомъ II и доведенному имъ до конца, несмотря на нежеланіе русской императрицы, видѣвшей въ гарантіи 1768 г. лишь особую форму господства надъ всею Польшею. Послѣ перваго раздѣла Рѣчь Посполитая получила новую конституцію, поставленную равнымъ образомъ подъ гарантію Россіи (1775 г.) и просуществовавшую до низверженія ея четырехлѣтнимъ сеймомъ (послѣ паденія конституціи 3 мая она снова была возстановлена).

На конституціи 1768 и 1775 г. мы должны смотрѣть какъ на несомнѣнныя произведенія нашего правительства: радомская конфедерація была только орудіемъ въ рукахъ Екатерины II, посредствомъ котораго она низвергла реформы Чарторыскихъ, равно какъ позднѣе подобнымъ же ея орудіемъ была тарговицкая конфедерація для уничтоженія направленной противъ Россіи конституціи 3 мая и возвращенія порядковъ, установленныхъ послѣ перваго раздѣла. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и тогда, когда погибли преобразованія Чарторыскихъ, и тогда, когда пала конституція 3 мая, партіи, враждебныя реформамъ, въ слѣпой ненависти къ произведеннымъ перемѣнамъ, обратились за помощью для ихъ уничтоженія въ Россіи, не имѣя сами ни опредѣленнаго плана, ни силы отстоять свою независимость. Результатомъ этого было то, что настоящей побѣдительницей была, и въ 1768, и въ 1792 гг., Россія, сдѣлавшаяся такимъ образомъ дѣйствительной правительницей Польши. Послѣ отмѣны преобразованій Чарторыскихъ и возвращенія къ старымъ учрежденіямъ и порядкамъ явилась, однако, необходимость точно опредѣлить устройство польскаго государства: именно это-то и было сдѣлано конституціей 1768 г. Еслибы послѣдняя была дѣломъ республиканской партіи въ Польшѣ, то въ ней мы имѣли бы право видѣть полную побѣду этой партіи, такъ какъ во главѣ конституціи стояло объявленіе, что „республиканская форма правленія никогда не могла быть измѣнена“ въ Польшѣ. На самомъ дѣлѣ, въ числѣ такъ-называемыхъ кардинальныхъ законовъ, которые не могли быть измѣнены даже единогласнымъ рѣшеніемъ сейма, рядомъ съ вѣчной элекціей королей, составлявшей политическое *credo* польскихъ республиканцевъ, было оставлено на вѣчныя времена и *liberum veto*, этотъ палладіумъ республиканской свободы. Конституція требовала, чтобы всѣ „materiae status“, каковыми признавались за-

коны о налогахъ и войскѣ и трактаты съ иностранными государствами, не могли измѣняться иначе, какъ въ силу лишь единогласнаго рѣшенія, и только остальныя дѣла, обозначенныя общимъ именемъ „экономическихъ матерій“, могли рѣшаться большинствомъ голосовъ. Коммиссіи Чарторыскихъ были, однако, удержаны. Несомнѣнно, что наше правительство въ это время желало внести нѣкоторый порядокъ во внутреннюю жизнь польскаго государства, попавшаго къ нему подъ формальную опеку, но хотя конституція 1768 г. сохраняла въ Польшѣ республиканскую форму, оппозиція противъ Россіи, выразившаяся въ барской конфедераціи, была именно шляхетско-республиканскаго характера, такъ какъ партія реформъ въ монархическомъ духѣ не принимала никакого участія въ этомъ чисто-старошляхетскомъ движеніи. Въ то самое время, какъ конфедераты искали помощи у западныхъ державъ, а Станиславъ-Августъ сталъ еще болѣе, чѣмъ прежде, разсчитывать только на помощь Россіи, Чарторыскіе заняли среднее положеніе: не надѣясь ни на внутреннія силы страны, ни на дѣйствительную помощь извнѣ, они не сходили съ легальной почвы, но въ то же время протестовали противъ рѣшенія сената просить у Екатерины II войска для борьбы съ конфедератами. Это былъ послѣдній политическій актъ „фамиліи“.

Дѣйствительно, на сцену выступили теперь новые люди. Среди барскихъ конфедератовъ были люди, видѣвшіе необходимость реформы. Одинъ изъ нихъ обращался за политическими совѣтами къ аб. Мабли и къ Ж.-Ж.-Руссо, написавшимъ по-этому свои соображенія о польскихъ дѣлахъ [1]). Съ другой стороны, во время перваго раздѣла выступили и иные дѣятели, начавшіе играть весьма важную роль какъ въ этомъ дѣлѣ, помогая за деньги сосѣднимъ державамъ оформить „разборъ“ Польши, такъ и въ установленіи новыхъ порядковъ внутри государства. Сеймъ 1773 г. уполномочилъ депутацію, назначенную для составленія трактата о раздѣлѣ, выработать вмѣстѣ съ посланниками трехъ державъ и проектъ измѣненій въ конституціи, какія оказались бы нужными для блага страны. Въ свою очередь, посланники трехъ дворовъ сообщили означенной депутаціи, что ихъ правительства непремѣнно требуютъ сохраненія въ Польшѣ избирательнаго престола, съ исключеніемъ всѣхъ заграничныхъ кандидатовъ и сохраненія свободной, независимой и республикан-

[1]) *Mably.* Du gouvernement et des lois de la Pologne. 1771.—*Rousseau.* Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projettée. 1772.

ской формы правленія, съ отдачею исполнительной власти новому учрежденію, „постоянному совѣту“ (conseil permanent), состоящему изъ короля и выбранныхъ сеймомъ сенаторовъ и шляхтичей. „Постоянный совѣтъ“ входилъ еще въ планы Чарторыскихъ, но прежде противъ него былъ Фридрихъ II, который теперь, добившись прирѣзки къ своей монархіи большого куска польской территоріи, уже не ставилъ болѣе препятствій тому, чтобы въ Рѣчи Посполитой были произведены нѣкоторыя улучшенія. Кромѣ того, русскій посланникъ (Штакельбергъ), начавшій играть въ Варшавѣ роль проконсула, думалъ, что это учрежденіе, подобно шведскому государственному совѣту, было бы небезполезно и для него самого. Проектъ былъ утвержденъ въ 1775 году, и Польша несомнѣнно получила еще болѣе республиканское устройство, такъ какъ король превратился въ простого президента постояннаго совѣта, но зато она впервые послѣ вѣковой анархіи имѣла теперь настоящее правительство. Современные историки, между прочимъ и польскіе, и въ ихъ числѣ и такіе, которые не одобряютъ зависимость постояннаго совѣта отъ Россіи, признаютъ, что это учрежденіе было шагомъ впередъ, и что оно содѣйствовало многимъ улучшеніямъ, произведеннымъ во внутреннихъ отношеніяхъ Рѣчи Посполитой до четырехлѣтняго сейма. Зато частичная отмѣна *liberum veto*, принятая въ конституцію 1768 г., не удержалась въ конституціи 1775. Впрочемъ, на сеймахъ 1778, 1780, 1782, 1784 и 1786 г., несмотря на то, что они не были конфедерированы, опасное право ни разу не было пущено въ ходъ, потому ли, что этого не допускалъ русскій посланникъ, какъ думаютъ, напр., Лелевель и Костомаровъ, или потому, что польское общество вообще стало обнаруживать больше зрѣлости,—рѣшить это не легко [1]).

Извѣстно, что маршалкомъ сейма, на которомъ былъ проведенъ первый раздѣлъ, былъ Адамъ Понинскій, получившій изрядную сумму денегъ за ловкость, съ какою онъ окончилъ столь щекотливое дѣло. Порядочный кутила и картежникъ, при случаѣ взяточникъ и чуть не простой мошенникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ на всѣ руки, онъ особенно былъ дорогъ державамъ, дѣлившимъ Польшу, а потому онѣ, кромѣ денегъ, наградили его должностью великаго подскарбія коронnаго, т.-е. министра финансовъ, чѣмъ онъ воспользовался, чтобы обогатить себя, между прочимъ, и бывшими іезуитскими имѣніями, находившимися частью

[1]) *Lelewel.* Panowanie Stanisława Augusta, 100—101. *Костомаровъ.* I, 255—256. *Korzon.* IV (1), 55.

въ его вѣдомствѣ. Этотъ-то человѣкъ и сдѣлался главнымъ реформаторомъ въ сеймовой делегаціи 1773—1775 гг. „Что при такихъ качествахъ,—говоритъ г. Корзонъ,—Понинскій готовъ былъ предлагать или поддерживать всякую перемѣну въ устройствѣ страны, это было очевидно. Но не всякій бы догадался, что у этого Понинскаго были какія-то идеи о лучшихъ порядкахъ, нежели старопольскіе, что онъ своимъ яснымъ умомъ схватывалъ планы государственныхъ реформъ. Конечно,—прибавляетъ новѣйшій польскій историкъ,—Понинскій не захотѣлъ бы ни составлять, ни поддерживать какой бы то ни было проектъ ради одного блага страны, безъ личной выгоды или даже вопреки личной выгодѣ, но весьма часто, когда не было такой коллизіи, онъ могъ содѣйствовать проведенію прогрессивныхъ проектовъ“ [1]). Самымъ способнымъ и образованнымъ сторонникомъ такихъ проектовъ былъ на сеймѣ гнѣзненскій воевода Августъ Сулковскій, дѣлавшій часто полезныя предложенія и дѣльныя замѣчанія, но и онъ былъ на жалованьи у русскаго посланника, и даже выдавалъ ему въ полученіи денегъ квитанціи съ приложеніемъ родовой печати. Протестуя противъ дѣйствительно нелегальной, самозванной власти Понинскаго, какъ сеймоваго маршалка, не довѣряя планамъ какъ его самого, такъ и всѣхъ другихъ лицъ, составлявшихъ съ нимъ одну партію, нѣсколько сенаторовъ и пословъ дѣлали постоянную оппозицію всѣмъ ихъ предложеніямъ. Это были люди лично честные, но не отличавшіеся ни способностями, ни образованіемъ, часто не бывшіе въ состояніи не только критически отнестись къ проектированнымъ реформамъ, но даже и понять ихъ; представляя собою, кромѣ того, какъ бы общій шляхетскій консерватизмъ, они старались, хотя и безплодно, сберечь неприкосновеннымъ каждый камень изъ разрушеннаго зданія Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, съ одной стороны, реформаторовъ, дѣйствующихъ, однако, въ полной зависимости отъ Россіи, съ другой—оппозицію противъ Россіи, имѣющую чисто консервативный характеръ. Еще разъ русское правительство стало на сторону реформы въ Рѣчи Посполитой: оно теперь особенно ясно видѣло, что предохранить Польшу отъ новаго раздѣла можно было только посредствомъ устраненія анархіи, и имѣло особый интересъ объ этомъ позаботиться, такъ какъ гарантія отдавала всю оставшуюся отъ раздѣла Польшу подъ его опеку, да и пользовалось оно теперь услугами людей, которые не мечтали, подобно Чарторыскимъ, о болѣе

[1]) *Korzon.* III, 137.

самостоятельной политикѣ; притомъ и Фридрихъ II, какъ было уже сказано, получивъ свое, началъ относиться равнодушнѣе къ тому, что̀ стало дѣлаться въ Рѣчи Посполитой. Такъ слагались для Польши внутреннія отношенія и внѣшнія обстоятельства въ періодъ между первымъ раздѣломъ и четырехлѣтнимъ сеймомъ. Въ это время польское правительство, пользуясь поддержкой Россіи, но и находясь отъ нея въ зависимости, постепенно реформировало или пыталось реформировать государство, но постоянно встрѣчало оппозицію, если и не принимавшую особенно грозныхъ размѣровъ, то лишь потому, что ее болѣе или менѣе постоянно сдерживала Россія. Эта оппозиція имѣла характеръ консервативный. Прогрессивная оппозиція противъ правительства, шедшая въ своихъ планахъ дальше послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ стремившаяся освободить Польшу отъ Россіи, сформировалась только въ эпоху четырехлѣтняго сейма, заставивъ Екатерину снова, по примѣру 1768 г., соединиться съ консерваторами.

Послѣ перваго раздѣла настало, наконецъ, настоящее время самого короля. Вступивъ на престолъ въ 1764 г., онъ въ первые годы своего царствованія не могъ играть самостоятельной роли, такъ какъ дяди становились ему поперекъ дороги, желая держать его подъ своей опекой. Возбужденіе диссидентскаго вопроса, радомская конфедерація и сеймъ 1767—1768 г., на которомъ главную роль игралъ русскій посланникъ, барская конфедерація и вызванная ею война, наступившій потомъ раздѣлъ,— все это крайне не благопріятствовало преобразовательнымъ планамъ Станислава-Августа. Съ 1775 г. наступило болѣе спокойное время; „постоянный совѣтъ“, хотя и отнявшій у королевской власти нѣкоторыя прерогативы, представлялъ изъ себя учрежденіе, оказавшееся довольно удобнымъ для воздѣйствія на страну въ цѣляхъ реформы; русское правительство, обезпечивъ за собою рѣшительное преобладаніе въ Рѣчи Посполитой, не ставило прежнихъ препятствій преобразованіямъ и даже сдерживало оппозицію противъ короля, теперь еще тѣснѣе примкнувшаго къ Россіи послѣ того, какъ барскіе конфедераты объявили его низложеннымъ и даже сдѣлали попытку его похитить,—попытку, какимъ-то чудомъ только не удавшуюся. Прежніе историки, придававшіе гораздо больше значенія усиліямъ, дѣлавшимся въ прошломъ столѣтіи для освобожденія Польши отъ иностранной опеки, нежели стремленію улучшить внутреннія отношенія въ государствѣ, хотя бы именно и при содѣйствіи державы-опекунши, относились крайне враждебно къ Станиславу-Августу, считая его чуть не главнымъ виновникомъ паденія Рѣчи Посполитой: какъ сто-

ронникъ Россіи, хотя далеко не всегда искренній, онъ долженъ былъ вызывать противъ себя оппозицію всѣхъ поляковъ, прежде всего думавшихъ о возвращеніи Польшѣ полной независимости, а его слабости и прямо грѣхи, весьма значительные и многочисленные, служили оправданіемъ такого строгаго историческаго суда. Первый изъ видныхъ историковъ, рѣшительно взявшій на себя защиту послѣдняго польскаго короля, былъ кс. Калинка, который, не закрывая глазъ на прегрѣшенія Станислава-Августа, старался выставить на видъ, что именно союзъ съ Россіей былъ тою дорогою, по какой должна была идти Польша, и указывалъ всегда на благія намѣренія, начинанія, попытки и реформы этого короля. Можно сказать, что чуть ли не въ первый разъ въ сочиненіяхъ Калинки выступилъ Станиславъ-Августъ почти такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, такъ что характеристика короля, сдѣланная этимъ историкомъ, была принята, какъ образцовая, даже со стороны критиковъ, совершенно не раздѣляющихъ основного взгляда Калинки на общее значеніе, какое могла бы имѣть для Польши дѣятельность Станислава-Августа, еслибы отъ нея одной зависѣло направленіе внѣшней и внутренней политики Рѣчи Посполитой. Характеристика эта осталась не безъ вліянія на то представленіе, какое создалъ себѣ о послѣднемъ польскомъ королѣ и Костомаровъ [1]). Одаренный разнообразными способностями и усвоившій довольно разностороннее образованіе, много путешествовавшій и много видѣвшій, хорошо знавшій людей и способный ихъ очаровывать личнымъ обращеніемъ, весьма подвижной и дѣятельный при всей своей страсти къ легкимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ жизни, Станиславъ-Августъ не имѣлъ достаточно сильнаго характера, не обладалъ способностью импонировать людямъ, не умѣлъ направлять свою дѣятельность на одни крупныя дѣла, очень часто размѣниваясь на мелочи. Эта его безхарактерность, неавторитетность, мелочность въ соединеніи съ крайне ограниченною властью, какою пользовался въ Польшѣ король, съ тѣмъ непопулярнымъ направленіемъ его политики, которое послѣдняя принимала въ силу союза съ Россіей, и въ соединеніи съ его грѣхами, состоявшими, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ не стыдился пользоваться денежными подачками отъ державъ, дѣлившихъ между собою его государство,—все это мѣшало ему сдѣлаться настоящимъ реформаторомъ, о чемъ именно онъ мечталъ съ самаго начала своей политической карьеры. „Родившись съ широкимъ и пламеннымъ

[1]) *Костомаровъ*. I, 90 sq.

честолюбіемъ, говоритъ онъ самъ о себѣ, я сдѣлалъ изъ идей реформы, славы и пользы моего отечества какъ бы канву всѣхъ своихъ проектовъ и всей своей жизни". Первою его мыслью было усилить королевскую власть, но онъ скоро долженъ былъ отъ этого отказаться, когда его оставили даже собственные его дяди Чарторыскіе, и возвратился къ своему плану лишь послѣ перваго раздѣла. Примѣръ шведскаго короля Густава III, около того же времени произведшаго свой государственный переворотъ, не мало занималъ воображеніе Станислава-Августа, и, чувствуя непріязненное къ себѣ отношеніе со стороны магнатскихъ фамилій, онъ сталъ окружать себя людьми менѣе значительнаго происхожденія, но у него не было смѣлости идти до конца, и онъ легко приходилъ въ уныніе и опускалъ руки. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Станиславъ-Августъ, какъ ясно онъ самъ понималъ это, не могъ бы удержаться на престолѣ безъ иностранной помощи, но и никто другой на его мѣстѣ не удержался бы собственными силами; ему приходилось поэтому въ своей реформаторской дѣятельности считаться съ волей посадившей его на престолъ русской императрицы. Въ своихъ письмахъ къ послѣдней онъ убѣждалъ ее не противиться реформамъ въ Польшѣ, чаще всего возвращаясь къ вопросу о *liberum veto*. Въ періодъ между своимъ вступленіемъ на престолъ и первымъ раздѣломъ, повлекшимъ за собою установленіе Россіей въ Польшѣ новыхъ порядковъ, Станиславъ-Августъ еще думалъ о самостоятельной политикѣ, еще становился на путь оппозиціи и еще сопротивлялся учрежденію „постояннаго совѣта", къ которому должна была перейти послѣдняя королевская прерогатива—раздача должностей и милостей (государственныхъ имѣній); но послѣ раздѣла, наученный опытомъ, онъ уже не думалъ объ освобожденіи своемъ отъ русской опеки, а въ „постоянномъ совѣтѣ" увидѣлъ скоро учрежденіе даже весьма полезнаго свойства и для усиленія собственнаго вліянія въ правительственной дѣятельности, и для проведенія въ странѣ необходимыхъ реформъ. „Постоянный совѣтъ" представлялъ изъ себя правительство, въ какомъ давно нуждалась Рѣчь Посполитая, хотя и слишкомъ многочисленное (36 членовъ), и независимое отъ короля (члены назначались сеймомъ); выгодная же для Станислава-Августа сторона этого учрежденія заключалась въ томъ, что раздѣлено оно было на пять департаментовъ, и что ихъ члены назначались только на два года; самъ онъ былъ единственный человѣкъ, занимавшійся дѣлами всѣхъ департаментовъ и не выходившій изъ состава „постояннаго совѣта". Къ тому же сеймовое большинство въ годы, слѣдовавшіе за первымъ

раздѣломъ, было почти всегда на его сторонѣ, а это отражалось и на составѣ „постояннаго совѣта“, тогда какъ оппозиція, тайно мечтавшая о низложеніи Станислава-Августа и заискивавшая поэтому у русскаго посланника, отъ котораго получала также и деньги, сдерживалась въ своихъ происках противъ короля рукою этого самаго посланника. Въ эти годы авторитетъ Станислава-Августа несомнѣнно возрасталъ, его вліяніе усиливалось, возникала настоящая „королевская“ партія (прежніе его приверженцы ничего не значили безъ Чарторыскихъ), и самъ онъ дѣлается въ дѣйствительности королемъ-реформаторомъ.

Положеніе польскаго короля-реформатора было, впрочемъ, далеко не то, въ какомъ находились другіе монархи-преобразователи въ XVIII столѣтіи. Во-первыхъ, это были независимые государи, не имѣвшіе надобности оглядываться на другія державы при проведеніи реформъ въ собственныхъ владѣніяхъ, тогда какъ Станиславъ-Августъ долженъ былъ примѣняться къ желаніямъ и видамъ правительства, имѣвшаго право наблюдать за всѣмъ, что̀ только ни происходило въ Польшѣ, всегда достаточно сильнаго, чтобы дать почувствовать свою волю слабой Рѣчи Посполитой, притомъ уже доказавшаго, какое орудіе для своихъ цѣлей можетъ оно имѣть въ польской оппозиціи. Во-вторыхъ, польскій король не имѣлъ права и внутри страны приказывать такъ, какъ приказывали абсолютные монархи, не видѣвшіе около себя ни сеймовъ, ни „постоянныхъ совѣтовъ“, ни конфедерацій, а путь Густава III шведскаго, усилившаго свою власть посредствомъ государственнаго переворота, былъ закрытъ для польскаго короля, лично притомъ не отличавшагося смѣлостью рѣшеній: Польша не обладала войскомъ, на которое могъ бы опереться король, и именно умноженію арміи всегда мѣшали магнаты и шляхта; другія сословія при многочисленности шляхты не могли также послужить опорой для монархической революціи, тѣмъ болѣе, что сами онѣ были неразвиты и подавлены; наконецъ, революція несомнѣнно встрѣтила бы сильную контръ-революцію съ иностранной поддержкой. Станиславу-Августу приходилось довольствоваться тѣмъ положеніемъ, какое создано было въ Польшѣ первымъ раздѣломъ, конституціей 1775 г. и возстановленіемъ русской „гарантіи“ 1768 г., не мечтая о введеніи новой правительственной формы, бывшей главнымъ предметомъ всѣхъ стремленій Чарторыскихъ. Рѣчь Посполитая имѣла теперь хоть какую-нибудь правительственную власть, сеймы болѣе не срывались, и люди, видѣвшіе, что сразу нельзя сдѣлать изъ Рѣчи Посполитой независимую и могущественную державу, не имѣли надобности стремиться къ новой политической реформѣ,

такъ какъ конституція 1775 г. и интересъ Россіи не допускать въ Польшѣ возвращенія анархіи обезпечивали возможность преобразованій, нововведеній и улучшеній въ другихъ отношеніяхъ. За разрѣшеніемъ политическаго вопроса, хотя далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желали этого Чарторыскіе и самъ Станиславъ-Августъ, выступили другіе вопросы, и поле реформъ значительно расширилось. Рѣчь Посполитая въ отношеніяхъ культурномъ, соціальномъ и экономическомъ была страною весьма отсталою, и въ этихъ сферахъ теперь происходила, главнымъ образомъ, преобразовательная работа: она-то и поставила Польшу въ число государствъ, испытывавшихъ во внутренней своей жизни вліяніе просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка. Станиславъ-Августъ былъ иниціаторомъ такого направленія правительственной дѣятельности: въ этомъ не отказываетъ ему новѣйшій историкъ, хотя вообще весьма дурно относящійся къ нему, г. Корзонъ.

Станиславъ-Августъ, лично имѣвшій вкусъ къ философіи, наукѣ, литературѣ и искусству, обнаружилъ особую заботу въ дѣлѣ поднятія въ странѣ народнаго образованія, и въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано было не мало въ эпоху между первымъ раздѣломъ и четырехлѣтнимъ сеймомъ, хотя косное шляхетское общество и старый педагогическій персоналъ много тормазили успѣхъ дѣла. Въ Польшѣ все образованіе находилось прежде въ рукахъ монашескихъ орденовъ, преимущественно въ рукахъ іезуитовъ, и потребность школьной реформы чувствовалась уже среди самихъ духовныхъ воспитателей юношества: въ серединѣ XVIII в. Станиславъ Конарскій произвелъ реформу обученія у „піаровъ“ (fratres scholarum piarum), устроивъ новые конвикты и введя въ программу піарскихъ школъ естественныя науки и новые языки, чему стали подражать даже сами іезуиты. Однако только уничтоженіе іезуитскаго ордена, совпавшее съ первымъ раздѣломъ Польши, и возникновеніе особой „эдукаціонной коммиссіи“, своего рода министерства просвѣщенія, были началомъ настоящихъ нововведеній въ сферѣ народнаго образованія, особенно занимавшаго Станислава-Августа, который немалую сумму собственныхъ денегъ употребилъ на любимое свое дѣтище, кадетскій корпусъ въ Варшавѣ. Вообще это была пора сильнаго оживленія въ умственной дѣятельности польской націи, сказавшагося и на тогдашней литературѣ, да и у короля въ это время было не мало сторонниковъ и помощниковъ во всѣхъ предпріятіяхъ, клонившихся къ тому, чтобы поднять умственный уровень страны. Другою благородною мыслью короля-реформатора было улучшеніе быта народныхъ массъ, находившихся въ полномъ рабствѣ у своихъ

пановъ, но тутъ еще труднѣе было что-либо сдѣлать. Еще въ самомъ началѣ своего царствованія (1764 г.) Станиславъ-Августъ писалъ великому канцлеру коронному Андрею Замойскому: „пока владѣлецъ присвоиваетъ себѣ власть надъ жизнью и смертью подданнаго, пока за небольшую сумму денегъ можно выкупить убійство хлопа, до тѣхъ поръ душа моя не можетъ быть спокойна, до тѣхъ поръ не смѣю слышать отъ иностранцевъ о нашемъ народѣ, который можно упрекать въ постыдной покупкѣ безнаказанности". Извѣстно, однако, что только конституція 1768 г., бывшая какъ разъ результатомъ иностраннаго вмѣшательства, отмѣнила право надъ жизнью и смертью хлопа и установила наказаніе за убійство хлопа, выкупавшееся прежде денежной пеней. Заботы объ образованіи, о безправномъ „подданномъ" шляхты, характеризуютъ новую эпоху въ исторіи польскихъ реформъ прошлаго вѣка, этого по самому существу своему просвѣтительнаго и освободительнаго вѣка. Рядомъ съ указанными заботами реформированное правительство проводило преобразованія въ администраціи, финансахъ и т. д., имѣвшія немалое значеніе, какъ это доказывается и трудомъ г. Корзона.

Король реформаторъ долженъ былъ, однако, считаться съ довольно значительной оппозиціей. Охлажденіе между нимъ и его дядями все болѣе и болѣе усиливалось, и хотя одинъ изъ нихъ вскорѣ послѣ перваго раздѣла умеръ, а другой послѣднія семь лѣтъ своей жизни провелъ въ совершенномъ удаленіи отъ дѣлъ, ихъ нерасположеніе къ Станиславу-Августу унаслѣдовали остальные ихъ родственники и сторонники, двоюродный братъ короля кн. Адамъ Чарторыскій, зять послѣдняго, кн. Любомирскій, съ своимъ зятемъ Игнатіемъ Потоцкимъ, примкнувшимъ къ честолюбивому гетману Ксаверію Браницкому; этотъ послѣдній ненавидѣлъ новые порядки, такъ какъ при нихъ гетманъ не могъ играть прежней роли независимаго предводителя войска. Онъ и сдѣлался главнымъ противникомъ короля. Мелкіе интересы и женскія интриги играли также немалую роль въ образованіи этой оппозиціи. Ея вожди думали въ 1776 г. объ образованіи противъ короля конфедераціи, но русскій посланникъ не допустилъ до этого, и сеймъ 1776 г. былъ конфедерированъ самимъ королемъ. Слѣдующіе затѣмъ сеймы 1778, 1780, 1782, 1784 и 1786 г. болѣе не конфедерировались, и никто не рѣшался ихъ срывать, хотя не всѣ правительственные проекты и предлагавшіяся на нихъ реформы принимались: рядомъ съ аристократической оппозиціей, направленной, главнымъ образомъ, противъ самого короля, въ Польшѣ существовала еще оппозиція, такъ сказать, общешляхетская, сводив-

шаяся къ недовольству нововведеніями, которыя замышлялись къ ущербу шляхетскихъ привилегій и привычекъ. Самымъ интереснымъ эпизодомъ въ исторіи указанныхъ сеймовъ съ точки зрѣнія исторіи реформъ является попытка составленія новаго кодекса законовъ. Дѣло это было поручено на сеймѣ 1776 г. Андрею Замойскому, бывшему коронным канцлеромъ до сейма 1767—1768 г., когда онъ самъ сложилъ съ себя свою должность. Составленный имъ проектъ былъ представленъ на сеймъ 1778 г., но разсмотрѣніе его было отложено до сейма 1780 г., который съ негодованіемъ отвергъ проектъ, запретивъ когда бы то ни было вновь его представлять, такъ какъ Андрей Замойскій выговаривалъ въ немъ нѣкоторое облегченіе участи крестьянъ. „Этотъ сеймъ,—говоритъ саксонскій резидентъ Эссенъ,—доказалъ, что громада поляковъ питаетъ явное отвращеніе ко всему, что только отзывается улучшеніемъ и правосудіемъ“. Такова была шляхетская масса, но среди аристократической оппозиціи были, наоборотъ, люди, мечтавшіе о реформахъ,—явленіе, понятное при той близкой связи, какая существовала между новой партіей и старой „фамиліей“. По своимъ реформаторскимъ планамъ особенно выдвигались въ ней братья Потоцкіе, упомянутый Игнатій и младшій Станиславъ, оба женатые на дочеряхъ короннаго маршалка Любомирскаго, который самъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей жены, урожденной Чарторыской. Они мечтали о болѣе коренной реформѣ Польши, думали посредствомъ нея поднять свою фамилію и находили сторонниковъ не только среди молодежи, получившей воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и проникшейся прогрессивными идеями, но и среди представителей старой, анархической Польши, коихъ связывала съ прогрессистами общая ненависть къ королю: таковъ былъ, главнымъ образомъ, гетманъ Браницкій. При томъ вліяніи, какое вообще оказывали на сеймикующую шляхту магнаты, оппозиціонной партіи легко было посылать на сеймъ пословъ, враждебно настроенныхъ противъ короля. На сеймѣ 1782 г. только вмѣшательство Штакельберга не дало разыграться бурнымъ сценамъ, направленнымъ противъ Станислава-Августа: Браницкій кричалъ, что противъ стремленія короля къ деспотизму шляхтѣ придется скоро начать работу не языкомъ, а саблею; польный гетманъ Северинъ Ржевускій напоминалъ Станиславу-Августу о судьбѣ англійскаго короля Карла I и т. п. Сеймъ 1784 г. прошелъ благополучно, благодаря мѣрамъ, принятымъ Штакельбергомъ, но королю не удалось, какъ и на прежнихъ сеймахъ, склонить пословъ къ увеличенію налоговъ и тѣмъ самымъ къ умноженію войска: шляхта не очень привыкла пла-

тить, а большой арміи продолжала бояться, какъ вещи, могущей быть опасною для политической свободы. Къ сейму 1786 г. съ обѣихъ сторонъ, т.-е. и королемъ, и оппозиціей, дѣлались большія приготовленія, какъ къ генеральному сраженію; самый сеймъ открылся чуть не рукопашной схваткой; только Штакельбергу удалось устроить дѣло такъ, что сеймъ окончился благополучно, т.-е. не былъ сорванъ. Такимъ образомъ, если реформа исполнительной власти привела къ лучшей дѣятельности собственно правительства, то старая сеймовая организація по прежнему обнаруживала свои недостатки, и ею пользовалась оппозиція, чтобы мѣшать новымъ реформамъ. Въ этомъ отношеніи Польша напоминала Францію передъ революціей, гдѣ преобразовательныя попытки правительства встрѣчали сопротивленіе со стороны парламентовъ.

Идея реформы была въ Польшѣ пока достояніемъ однихъ аристократическихъ верховъ общества, хотя уже начинала проникать и въ другіе слои, чтобы вызвать и тамъ движеніе. Въ эпоху, которую мы только-что разсмотрѣли, кромѣ сторонниковъ Станислава-Августа, помогавшихъ ему въ правительственныхъ преобразованіяхъ, и тѣхъ членовъ оппозиціи, которые только еще готовились быть реформаторами, можно указать еще на нѣсколькихъ магнатовъ, такъ или иначе бывшихъ причастными дѣлу обновленія Рѣчи Посполитой, — явленіе, указывающее на то, что Польша дѣйствительно начинала выходить изъ своего оцѣпенѣнія. Здѣсь мы имѣемъ въ виду (не особенно, впрочемъ, многочисленные) случаи преобразованій въ веденіи сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ магнатскихъ имѣніяхъ, сводившіеся къ облегченію „паньщизны“, т.-е. барщины, или даже къ замѣнѣ ея „чиншемъ“, т.-е. оброкомъ (у Андрея Замойскаго въ 1760 г., у кс. Павла Ксаверія Бржостовскаго, референдарія вел. кн. литовскаго, въ 1769 г., у королевскаго племянника Станислава Понятовскаго, старосты винницкаго, генералъ-лейтенанта коронныхъ войскъ, въ 1777 г., у Феликса (Щенснаго) Потоцкаго, къ регулированію отношеній между панскимъ дворомъ и хлопами (у виленскаго епископа Игнатія Массальскаго въ 1774 г., у княгини Анны Яблоновской въ 1786 г.), иногда къ дарованію крестьянамъ личной свободы (подканцлеромъ литовскимъ Іоахимомъ Хрептовичемъ въ семидесятыхъ годахъ, а въ эпоху четырехлѣтняго сейма маршалкомъ послѣдняго референдаріемъ Станиславомъ Малаховскимъ, брацлавскимъ посломъ Вавржецкимъ и посломъ подольскимъ Красинскимъ, старостою опиногорскимъ). Случаи эти такъ дѣйствительно немногочисленны, что, собственно говоря, мы

ихъ всѣ и перечислили, а историку, сообщающему о нихъ подробности, достаточно нѣсколькихъ страницъ для того, чтобы помѣстить на нихъ весь имѣющійся подъ его руками матеріалъ подобнаго рода [1]). Рядомъ съ этимъ отмѣтимъ болѣе многочисленные случаи, когда магнаты и шляхта пускались на поприще промышленныхъ предпріятій, основывая фабрики и заводы, большею частью терпѣвшіе неудачу [2]): господствовавшее сословіе Рѣчи Посполитой начинало отказываться отъ взгляда, по которому занятіе промышленностью унижаетъ достоинство благороднаго человѣка, а „патріотическая“ сторона такихъ предпріятій заключалась въ желаніи обогатить Польшу. Изъ магнатовъ, особенно много хлопотавшихъ и дѣлавшихъ въ этомъ направленіи, главная роль принадлежала Тизенгаузену или, по польскому произношенію, Тызенгаузу, значеніе коего, впрочемъ, было, кажется, нѣсколько преувеличено позднѣйшими историками [3]). Тизенгаузенъ былъ однимъ изъ сторонниковъ короля и даже главою его партіи въ Литвѣ, гдѣ ему удалось перетянуть на свою сторону значительную часть сеймикующей шляхты, чѣмъ онъ и нажилъ себѣ немало враговъ среди другихъ магнатовъ, находившихся въ оппозиціи. Эта реформаторская иниціатива частныхъ лицъ была однимъ изъ признаковъ времени. Такимъ же признакомъ было образованіе оппозиціонной партіи съ болѣе прогрессивною программою, нежели та, какой держался король-реформаторъ.

Оппозиція противъ короля, вытекавшая большею частью изъ чисто личныхъ мотивовъ, хотя не лишенная и принципіальнаго значенія, въ послѣднемъ отношеніи имѣла двоякій характеръ: одну ея часть можно назвать консервативною, другую—прогрессивною. Обѣ онѣ объединялись на почвѣ совмѣстной борьбы противъ Станислава-Августа, а сдерживалась эта оппозиція—еще разъ повторяемъ—только русскимъ посланникомъ. Мы видѣли, что на сеймѣ 1786 г. готовилось даже генеральное сраженіе между двумя лагерями—королевскимъ и анти-королевскимъ. „Этотъ сеймъ,—писалъ въ томъ же году саксонскій дипломатическій агентъ Эссенъ,—оставляетъ зародышъ большого броженія... Оппозиція превратилась въ открытую факцію, чего въ Польшѣ не видано послѣ раздѣла. Въ данную минуту она слѣпо пойдетъ по указаніямъ иностранцевъ“. Такъ и случилось: когда въ 1787 г. началась у Россіи вторая турецкая война, въ Польшѣ возникло необыкновенное

[1]) См. у *Korzon*'а I, 377—379, 389—390, 402—406, 444—445. Ср. *Костомаровъ*, I, 165—168; *Limanowski*, 27—30.

[2]) *Korzon*. II, 214—259.

[3]) *Ibid*., II, 235 sq.

волненіе, такъ какъ, повидимому, наступало благопріятное время для освобожденія Рѣчи Посполитой отъ чуждой опеки, и этимъ-то задумала воспользоваться оппозиція противъ политики короля, причемъ прогрессивная ея часть выступила съ своими реформами. Сеймъ 1788 г., названный впослѣдствіи четырехлѣтнимъ, такъ какъ разошелся только на четвертомъ году (въ 1792 г.), а одно время называвшійся конституціоннымъ, вслѣдствіе введенной имъ конституціи 3-го мая, сдѣлался ареною борьбы нѣсколькихъ партій. Этотъ сеймъ съ самаго начала конфедерировался: девизомъ соединенія была настоятельная, всѣми сознававшаяся потребность государственной реформы. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики обнаружилось различіе мнѣній и программъ въ нѣдрахъ самой оппозиціи, распавшейся теперь на особыя партіи.

Упомянутый уже нами выше Фридрихъ фонъ-Смиттъ, авторъ сочиненія о Суворовѣ и паденіи Польши, былъ чуть ли не первый историкъ, который безъ предвзятыхъ мыслей разсмотрѣлъ составъ и представилъ принципы партій, боровшихся въ Рѣчи Посполитой въ эпоху четырехлѣтняго сейма [1]). Историкъ называетъ ихъ партіями прошедшаго, настоящаго и будущаго, и до извѣстной степени въ этомъ, дѣйствительно, заключается ихъ значеніе. Партія прошедшаго была партія стараго порядка, когда магнаты и высшіе сановники были всемогущи и неограничены. Во главѣ стоялъ здѣсь Феликсъ (Щенсный) Потоцкій, русскій воевода и генералъ-фельдцейхмейстеръ. Какъ онъ, такъ и его единомышленники, большею частью старые сановники, держались Россіи, думая, что только одна она въ состояніи будетъ ихъ поддержать. Извѣстный смолоду за человѣка тупого, какъ говоритъ новѣйшій польскій историкъ, Щенсный-Потоцкій „съ теченіемъ времени сдѣлалъ лишь такіе успѣхи, что умѣлъ самъ писать письма, хватило его разъ на цѣлую рѣчь въ сеймѣ, и создалъ онъ себѣ своего рода политическій идеалъ шляхетской республики безъ короля, съ президентомъ, выбираемымъ по очереди воеводствами. Кажется, однако, прибавляетъ историкъ, что онъ измѣнилъ бы этому идеалу, еслибы могъ самъ сѣсть на престолъ, ибо современники были убѣждены, что онъ сдѣлался орудіемъ Екатерины II въ надеждѣ получить корону“ [2]). Съ нашей императрицей видѣлся онъ въ 1787 г. въ Кіевѣ и остался отъ нея въ восторгѣ:

[1]) *Fr. v. Smitt.* Suworow und Polens Untergang. Leipzig und Heidelberg. 1858. II, 164—179. См. русскій переводъ: Суворовъ и паденіе Польши. Спб. 1866—67. II, 109—119.

[2]) *Korzon.* IV (2), 222—223.

„на васъ, не на кого другого,—сказала она ему между прочимъ,—я полагаю упованіе спасенія Польши". Въ первое время четырехлѣтняго сейма Щенсный-Потоцкій занималъ выдающееся положеніе, считался возможнымъ кандидатомъ въ маршалки и даже пользовался популярностью въ Варшавѣ. Партію настоящаго образовали люди, имѣвшіе въ своихъ рукахъ власть, но здѣсь было два оттѣнка, смотря по тому, къ кому былъ больше приверженъ тотъ или другой членъ этой партіи—къ королю или къ Россіи: королевская часть партіи состояла изъ его братьевъ, племянниковъ и другихъ близкихъ родственниковъ съ ихъ приспѣшниками, изъ придворныхъ и т. п., тогда какъ русская часть партіи состояла изъ людей, надѣявшихся легче достигнуть удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ при помощи петербургскаго двора и русскаго посланника въ Варшавѣ. Станиславъ-Августъ думалъ о болѣе тѣсномъ союзѣ съ Россіей, разсчитывая, что послѣдняя поможетъ ему усилить королевскую власть, умножить войско и увеличить доходы государства. Онъ не удержался, однако, на этой точкѣ зрѣнія и, какъ извѣстно, былъ увлеченъ переворотомъ 3-го мая. Его братъ, бывшій примасомъ Польши, тверже держался мысли о необходимости оставаться въ союзѣ съ Россіей, и этому примѣру слѣдовалъ канцлеръ Іакинѳъ Малаховскій, братъ Станислава, сдѣлавшагося маршалкомъ сейма. Наиболѣе дѣятельными членами русской партіи были, однако, братья Коссаковскіе, когда-то приверженцы барской конфедераціи, направленной противъ Россіи. Что касается до партіи будущаго, то въ ней равнымъ образомъ было два оттѣнка, смотря по тому, что̀ имѣли въ виду тѣ или другіе члены этой партіи послѣ измѣненія существующаго порядка, каковое было цѣлью ихъ стремленій. Одна ея часть желала реформъ, которыя возвратили бы Польшѣ силу и независимость, тогда какъ другая, даже незаслуживающая названія партіи, думала только о себѣ, и въ переворотѣ въ чью бы то ни было пользу видѣла лишь средство добыть значеніе и выгоды для себя. Прогрессивные реформаторы принадлежали къ молодому поколѣнію, выросшему уже при Станиславѣ-Августѣ, получившему новое образованіе и находившемуся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ и соціальныхъ идей того времени. Во главѣ ихъ стояли два брата Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ, нашедшіе себѣ помощниковъ въ лицѣ иностранца, итальянскаго аббата Пьятоли, большого поклонника Руссо, и въ лицѣ референдарія Гугона Коллонтая, бывшаго самымъ виднымъ представителемъ партіи и въ тогдашней политической литературѣ. Къ нимъ присталъ старый Стани-

славъ Малаховскій, обнаруживавшій готовность на всякія реформы, лишь бы онѣ спасли Польшу. Онъ-то и сдѣлался въ 1788 г. сеймовымъ маршалкомъ. Эта партія разсчитывала на помощь Пруссіи, такъ какъ это государство подавало ей надежды, имѣя свои особые виды, для чего ей и нужно было разссорить поляковъ съ Россіей. Другой отдѣлъ партіи будущаго состоялъ изъ людей, тоже говорившихъ о возрожденіи отечества, о необходимости радикальныхъ измѣненій, но думавшихъ только о себѣ; они не рѣшались переходить на сторону Пруссіи, ожидая всего отъ Россіи, или, вѣрнѣе, выжидая, къ кому впослѣдствіи выгоднѣе будетъ примкнуть. Во главѣ такихъ людей мы находимъ уже извѣстнаго намъ гетмана Ксаверія Браницкаго [1]). Такихъ людей, какъ эти представители прежней оппозиціи, всегда было много въ Польшѣ, и въ этомъ отношеніи ихъ можно поставить рядомъ съ членами старо-шляхетской партіи, гдѣ главную роль игралъ Щенсный-Потоцкій. Да они позднѣе и сошлись вмѣстѣ въ общемъ дѣлѣ, въ тарговицкой конфедераціи; маршалкомъ послѣдней былъ Щенсный-Потоцкій, а однимъ изъ совѣтниковъ—Ксаверій Браницкій. „Дворская“ партія равнымъ образомъ была только прямой наслѣдницей „фамиліи“; въ союзѣ съ Россіей думала она произвести разныя реформы, между прочимъ, усилить королевскую власть, сдѣлавъ ее наслѣдственной и утвердивъ ее за такимъ домомъ, на какой укажетъ Екатерина II, отмѣнить *liberum veto* и улучшить управленіе, хотя программа эта была расширена, какъ мы видѣли, заботами о народномъ просвѣщеніи и кое-какими планами относительно крѣпостныхъ крестьянъ. Совсѣмъ уже новое явленіе представляла изъ себя „патріотическая“ партія, и новость заключалась не въ союзѣ ея съ Пруссіей, лишь прикидывавшейся доброжелательницею Польши, а въ самой программѣ партіи. Эта программа —разрушеніе стараго зданія Рѣчи Посполитой и возведеніе на его мѣстѣ совсѣмъ новой постройки не только въ духѣ французскихъ идей, но и по французскому примѣру, такъ какъ выступленіе „патріотовъ“ въ качествѣ реформаторовъ совпало по времени съ французской революціей, и въ зданіи, ими задуманномъ, должно было найтись мѣсто для двухъ сословій, исключавшихся прежде изъ состава шляхетской Рѣчи Посполитой; впервые „патріоты“ четырехлѣтняго сейма прониклись той идеей, что необходимо было наконецъ поднять изъ прежняго униженія горожанъ и крестьянъ. Такъ постепенно расширялась идея реформы

[1]) Объ этомъ раздѣленіи на партіи ср. у *Костомарова*—I, 215—219, и у *ф. деръ-Брюгена*, стр. 217.

въ Польшѣ: исключительно политическая и административная у старыхъ Чарторыскихъ, реформа въ лучшіе годы Станислава-Августа начинаетъ охватывать, кромѣ того, умственную и матеріальную жизнь страны, т.-е. народное просвѣщеніе и народное хозяйство, не касаясь, однако, самаго строя общества, и только въ эпоху четырехлѣтняго сейма она рѣшается заглянуть въ область соціальныхъ отношеній. Параллельно ростетъ число приверженцевъ реформы: вышедши изъ тѣснаго круга аристократической „фамиліи", она къ концу эпохи имѣла за себя людей изъ общественнаго класса, раньше не игравшаго въ Польшѣ политической роли. Во время четырехлѣтняго сейма пробудилось къ жизни именно городское сословіе, такъ-называемое „мѣщанство". Осенью 1789 г., президентъ варшавскаго городского совѣта Декертъ, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Гугону Коллонтаю, задумалъ добиться новыхъ правъ для мѣщанства, созвавъ въ Варшаву депутатовъ отъ разныхъ городовъ Рѣчи Посполитой, составивъ вмѣстѣ съ ними „актъ соединенія городовъ" (24-го ноября) и торжественно вручивъ по экземпляру этого документа королю, сеймовому маршалку и канцлеру. Извѣстно, что въ мѣщанахъ же нашла конституція 3-го мая, бывшая дѣломъ сеймовыхъ „патріотовъ", самыхъ искреннихъ своихъ приверженцевъ, ибо изъ всѣхъ сословій Рѣчи Посполитой, наибольшую выгоду эта конституція представляла именно для мѣщанъ. „Патріотическая" партія и была такимъ образомъ послѣднимъ словомъ въ развитіи идеи реформы въ Польшѣ. Послѣ ея неудачи, т.-е. послѣ побѣды стараго порядка въ лицѣ торговичанъ и второго раздѣла, мы видимъ только одного человѣка, который думаетъ еще одною реформою спасти Польшу: то были Костюшко и его планъ поднять крестьянъ именемъ свободы.

Если не считать консервативныхъ и анархическихъ элементовъ четырехлѣтняго сейма,—а въ Польшѣ консерватизмъ стоялъ за анархію,—то сеймъ этотъ представлялъ собою, собственно говоря, зрѣлище борьбы двухъ партій—„дворской" и „патріотической", какъ ихъ называли, или прусской и русской, какъ ихъ иногда обозначаютъ теперь; съ одной стороны, стояло правительство, мечтавшее въ союзѣ съ Россіей создать болѣе прочную почву для постепенныхъ реформъ болѣе умѣреннаго свойства; съ другой, находилась оппозиція, стремившаяся въ союзѣ съ Пруссіей произвести быстрыя и радикальныя преобразованія въ разрушавшемся зданіи Рѣчи Посполитой. Съ этой оппозиціей во всемъ, что колебало правительство, готовы были соединиться представители стараго порядка и переживавшей его анархіи; она же должна

была сдѣлаться весьма популярной, вслѣдствіе враждебнаго отношенія своего къ Россіи, на которую поляки смотрѣли какъ на главную виновницу своихъ бѣдъ; занявъ вслѣдствіе этого весьма выгодное положеніе, она могла склонить, наконецъ, на свою сторону самого короля, такъ какъ нѣкоторыя части программы обѣихъ реформаторскихъ партій были общія. Кромѣ того, она выставила нѣсколько талантливыхъ дѣятелей, защищавшихъ и пропагандировавшихъ ея принципы въ печати, и съумѣла привлечь на свою сторону городское сословіе, успѣвшее, какъ это утвердительно можно сказать послѣ изслѣдованій г. Корзона, подняться изъ того униженія, въ какомъ оно жило до перваго раздѣла.

Время, непосредственно предшествовавшее началу сейма 1788 г., было временемъ необыкновеннаго оживленія въ Польшѣ, идущаго отчасти въ сравненіе съ послѣдними мѣсяцами передъ собраніемъ генеральныхъ штатовъ 1789 г. во Франціи, разумѣется, съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что въ послѣднемъ государствѣ движеніе охватило всю націю, тогда какъ въ Рѣчи Посполитой оно не выходило изъ шляхетскихъ круговъ. Мы еще увидимъ, какъ оживилась въ эту эпоху польская политическая печать, отразившая на себѣ главнымъ образомъ мнѣнія прогрессивной части общества. Съ другой стороны, магнаты, всегда принимавшіе дѣятельное участіе въ общемъ ходѣ предсеймовыхъ сеймиковъ, удвоили свои старанія, чтобы добиться выбора подходившихъ къ ихъ видамъ пословъ и составленія инструкцій для послѣднихъ въ томъ или другомъ направленіи. На этотъ разъ цѣлью агитаціи было указать на важность момента, переживаемаго Рѣчью Посполитой: нужно было рѣшать вопросъ объ отношеніи Польши къ другимъ державамъ, главнымъ образомъ къ Россіи, которая приглашала ее приступить къ своему союзу съ Австріей противъ Турціи, но отъ которой отвлекали ее другія государства, суля ей независимость; какой бы путь ни избрала Польша, нужно было умножить войско, такъ какъ первый раздѣлъ показалъ, во что обошлось государству отсутствіе арміи; нужно было выйти такъ или иначе изъ тягостнаго положенія, понимавшагося, впрочемъ, различно людьми разныхъ партій, а для этого сейму предстояло совершить рядъ великихъ перемѣнъ. На сеймикахъ, однако, были пущены въ ходъ старыя средства: вожди партій, богатые паны, привозили на сеймики массу бѣдной и невѣжественной шляхты, кормили ее и поили, и потому рѣшенія принимались такія, какія угодны были „панамъ-добродѣямъ“. Не мудрено поэтому, что въ инструкціи посламъ попадали требованія, впослѣдствіи осуще-

ствившіяся въ силу рѣшеній сейма, когда на немъ возобладала прогрессивная партія. Если въ области тогдашней публицистики „программой дѣйствій сейма", какъ основательно замѣчаетъ Костомаровъ [1]), были вышедшія за два мѣсяца до его начала „письма" анонима къ будущему маршалку сейма, то среди сеймиковыхъ инструкцій значеніе, какъ выражается Калинка [2]), „политической программы, въ значительной части выполненной на сеймѣ", принадлежало инструкціи люблинскаго воеводства, послами коего были Станиславъ Потоцкій и Адамъ Чарторыскій. Поэтому на реформы четырехлѣтняго сейма мы должны смотрѣть какъ на осуществленіе многихъ идей, начинавшихъ высказываться раньше, нежели съѣхались депутаты, земскіе послы, коимъ суждено было произвести полный переворотъ во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ Польши. Съ самаго начала сеймовыхъ засѣданій сдѣлалась очевидною невозможность союза съ Россіей въ виду заманчивыхъ предложеній Пруссіи, начавшей увлекать на свою сторону все бо́льшее и бо́льшее количество пословъ: Пруссія прямо указывала на свое желаніе помочь „избавленію славной польской націи отъ всякаго иноземнаго гнета". Сеймъ рѣшилъ прежде всего увеличить военныя силы страны до ста тысячъ человѣкъ, затѣмъ начались совѣщанія объ увеличеніи налоговъ: нужно было создать матеріальную основу будущей независимости. Самое освобожденіе отъ „иноземнаго гнета" началось съ постепенной отмѣны гарантированныхъ Россіей учрежденій: первое нападеніе сдѣлано было на входившій въ составъ „постояннаго совѣта" войсковой департаментъ, который рѣшено было замѣнить другимъ учрежденіемъ, а нѣсколько времени спустя сдѣлали то же самое и съ другимъ департаментомъ, вѣдавшимъ иностранныя дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ былъ поставленъ вопросъ о самой „гарантіи" 1775 г.: она была объявлена недѣйствительной для внутреннихъ дѣлъ государства, и въ январѣ 1789 г. былъ уничтоженъ и самый „постоянный совѣтъ". Разрывъ съ Россіей былъ полный, съ Пруссіею же заключенъ былъ оборонительный союзъ (весной 1790 г.), въ силу коего, между прочимъ, „никто не долженъ былъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши", и ей со стороны Пруссіи обѣщалось вооруженное содѣйствіе противъ всякаго вмѣшательства. Оставалось дать Рѣчи Посполитой новыя учрежденія: осенью 1789 г. была назначена особая конституціонная депутація (т.-е. коммиссія для выработки проекта кон-

[1]) *Костомаровъ*. I, 226.
[2]) *Kalinka*. I, 137.

ституціи), а въ концѣ того же года — другая депутація, для рѣшенія городского вопроса, возбужденнаго, какъ было упомянуто, просьбою самихъ городовъ. Съ середины же декабря 1789 г. началось обсужденіе проекта конституціонной депутаціи, и тутъ явился вопросъ о наслѣдственности престола, о чемъ часто совѣщались у сеймоваго маршалка и у Игнатія Потоцкаго, но не рѣшались распространяться въ посольской избѣ. Браницкій высказывался противъ, а Щенсный-Потоцкій даже оставилъ Варшаву, чтобы агитировать въ самой странѣ противъ „сукцессіи“. Другой вопросъ, сдѣлавшійся предметомъ несогласій, былъ вопросъ о представительствѣ отъ горожанъ на сеймѣ: прогрессивная партія добивалась и такого измѣненія конституціи, чтобы не одна шляхта имѣла право высылать пословъ на сеймъ. Съ конца 1790 г. сеймъ засѣдалъ уже съ двойнымъ числомъ пословъ, но сеймики, приславшіе новыхъ пословъ, снабдили ихъ инструкціями, далеко не соотвѣтствовавшими желаніямъ прогрессистовъ: почти всѣ воеводства требовали сохраненія зѣницы шляхетской вольности—избирательнаго престола. Оппозиція, какой могли ждать противъ своихъ плановъ „патріоты“, и заставила ихъ, какъ извѣстно, въ началѣ мая слѣдующаго года прибѣгнуть къ государственному перевороту для введенія новой конституціи, названной впослѣдствіи „уставомъ 3-го мая“.

Эта конституція, равно какъ и всѣ другія реформы четырехлѣтняго сейма, ей предшествовавшія и за нею слѣдовавшія, не удержались: Россія не признала переворота; прусскій король оказался союзникомъ весьма ненадежнымъ; внутри самой Польши противъ новой конституціи образовалась конфедерація, извѣстная подъ названіемъ тарговицкой. Тарговичане поставили своею цѣлью возстановить въ Рѣчи Посполитой старые порядки при помощи Россіи, а въ составъ этого союза вошли люди, относившіеся прежде весьма различно къ русскому правительству: маршалкомъ конфедераціи былъ Щенсный-Потоцкій, расположенный къ Россіи еще до начала четырехлѣтняго сейма; въ числѣ совѣтниковъ мы находимъ Ксаверія Браницкаго, который готовъ былъ примкнуть ко всякой сторонѣ, сулившей ему выгоды; среди самыхъ дѣятельныхъ конфедератовъ находились старые враги Россіи, какъ Северинъ Ржевускій, арестованный Рѣпнинымъ въ 1767 г. и сосланный въ Калугу, и Сухоржевскій, одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ противниковъ Россіи на четырехлѣтнемъ сеймѣ. За исключеніемъ Браницкаго, одобрявшаго конституцію 3-го мая, когда это было нужно, и нѣсколькихъ другихъ подобныхъ лицъ, большинство тарговичанъ, подобно своему маршалку, видѣло въ кон-

ституціи „могилу вольности“. Но тарговицкая конфедерація въ 1792 г. была, также какъ и радомская конфедерація 1767 г., лишь средствомъ въ рукахъ Россіи, соглашавшейся на внутреннія перемѣны въ Рѣчи Посполитой только подъ условіемъ тѣснаго союза послѣдней съ собою. Реформа безъ согласія Россіи, какъ и прежде, была реформой противъ Россіи: такъ думали король и его партія. „Патріоты“ именно ставили на первый планъ освобожденіе Польши отъ иноземной опеки, и уже тѣмъ самымъ опредѣлялся анти-русскій характеръ ихъ реформы: какова бы она ни была, она являлась вызовомъ по адресу Петербурга. Русская партія реформы оказалась дальновиднѣе, хотя, конечно, трудно сказать, что произошло бы, еслибы она одержала верхъ, но ея глава, король, оказался далеко не на высотѣ своего призванія: его дѣятельное участіе въ майскомъ переворотѣ было измѣной Россіи, а его присоединеніе къ тарговицкой конфедераціи было измѣной конституціи, которую онъ долженъ былъ защищать, когда сеймъ, расходясь, поручилъ ему почти диктаторскую власть. Менѣе дальновидными оказались „патріоты“: ихъ разсчеты на Пруссію не оправдались; ошибкой съ ихъ стороны было и то, что такому человѣку, какъ Станиславъ-Августъ, они поручили дѣло, требовавшее весьма значительной энергіи. Еще болѣе недальновидными были тарговичане: уничтоженіе конституціи 3-го мая совершилось путемъ иностраннаго вмѣшательства, приведшаго къ новому раздѣлу и еще большему подчиненію Польши. Гродненскій сеймъ, „послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой“ (1793 г.), вынужденъ былъ сдѣлать новыя земельныя уступки Россіи и Пруссіи и признать для остатка Польши союзъ съ первою изъ этихъ державъ, равносильный поступленію Рѣчи Посполитой въ вассальную отъ нея зависимость.

Дѣятели 3-го мая послѣ ниспроверженія введенной ими конституціи удалились за границу и выступили на путь заговора, результатомъ коего было возстаніе Костюшки въ 1794 г., повлекшее за собой третій раздѣлъ и „конецъ Польши“. Въ этотъ періодъ цѣлью польскихъ патріотовъ не могли уже быть реформы: вопросъ сводился прямо къ освобожденію Польши. Исторія реформъ въ Рѣчи Посполитой кончается на конституціи 3-го мая, хотя одному акту диктатора, именно манифесту, освобождавшему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и можно отвести мѣсто въ этой исторіи. Возстаніе 1794 г. по своимъ цѣлямъ было повтореніемъ барской конфедераціи, но, сравнивая оба движенія въ другихъ отношеніяхъ, мы находимъ, что Польша въ послѣдній годъ своего существованія была далеко не та, какою она является за четверть вѣка передъ тѣмъ. Бар-

ская конфедерація была продуктомъ старо-шляхетскаго, сословнаго и вѣроисповѣднаго консерватизма; въ возстаніи Костюшки отстаивалось дѣло, въ которомъ потерпѣли неудачу прогрессисты четырехлѣтняго сейма,—и въ немъ приняли участіе „мѣщане", сдѣлавшіе первый шагъ на недоступномъ для нихъ дотолѣ политическомъ поприщѣ незадолго передъ тѣмъ, когда именно вздумали напомнить четырехлѣтнему сейму о своихъ правахъ. Изъ городского сословія вышло и нѣсколько видныхъ дѣятелей въ послѣдней попыткѣ спасти Рѣчь Посполитую. Кромѣ того, и на четырехлѣтнемъ сеймѣ, и на событіяхъ 1794 г., чувствуется довольно сильное вліяніе французской революціи. Тарговичане первые заговорили о „якобинизмѣ" въ Польшѣ; на этотъ „якобинизмъ" стали ссылаться и сосѣднія правительства, боявшіяся распространенія „заразы" въ собственныхъ владѣніяхъ. Къ тѣмъ мотивамъ, какіе уже были для противодѣйствія реформамъ въ Рѣчи Посполитой, прибавился новый — ссылка на французскую революцію. Благодаря изслѣдованіямъ новѣйшихъ историковъ, вполнѣ выяснились взаимныя отношенія французскихъ и польскихъ дѣлъ въ международной политикѣ Европы въ 1789 — 1795 гг., но до сихъ поръ мало изслѣдовано вліяніе французской революціи на внутреннія дѣла Польши [1]). Къ числу такихъ неизслѣдованныхъ явленій эпохи относится и упомянутый „польскій якобинизмъ". Не придавая ему именно того значенія, какое ему приписывали противники новыхъ порядковъ въ Рѣчи Посполитой, мы въ движеніи, происходившемъ среди польскихъ „мѣщанъ", въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, не можемъ не видѣть отголоска французскихъ событій на почвѣ совершенно новыхъ внутреннихъ отношеній, созданныхъ въ Польшѣ эпохой реформъ: въ шляхетскомъ государствѣ въ послѣдніе годы его существованія зарождалась демократія и начинала играть роль въ исторіи политическихъ партій, прислушиваясь къ грому, доходившему до нея изъ отдаленной Франціи.

Такова въ общихъ чертахъ исторія польскихъ политическихъ партій и внѣшнихъ условій, съ какими приходилось считаться реформаторамъ Рѣчи Посполитой въ послѣднія десятилѣтія предшествующаго вѣка. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію внутреннихъ отношеній польскаго общества и государства въ ту же эпоху.

Н. Карѣевъ.

[1]) *Limanowski* разсматриваетъ этотъ вопросъ, но рѣшаетъ его чисто внѣшнимъ образомъ.

МИРАЖИ

Романъ въ четырехъ книгахъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

XXXIX *).

Голубинъ, противъ обыкновенія, нанялъ лошадей въ городѣ, и потому дома не знали, когда именно ждать его. Одно только чувство приличія принуждало его дожидаться закрытія съѣзда, а не удрать домой нѣсколькими днями раньше. Всѣ оставались, всѣ жили въ городѣ, вспоминая съ тоской—казалось ему—свои домашнія дѣла и старательно скрывая это отъ другихъ.

Какъ только Мишель усѣлся въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ свое гнѣздо, въ Залѣсье, къ Манѣ,—онъ сейчасъ же пересталъ понимать то, что было въ городѣ, всѣ свои собственные поступки и ощущенія. И чего ради понесло его на этотъ съѣздъ? съ какой стати онъ вдругъ принялъ близко къ сердцу выборы?! Мишель былъ пораженъ собственнымъ ослѣпленіемъ и совершенно забылъ о томъ пріятномъ возбужденіи, съ какимъ онъ вырвался изъ деревенскаго затишья и увидалъ себя „на людяхъ“, почувствовалъ себя отдѣльнымъ винтикомъ большой машины, которая должна сдѣлать какое-то серьезное, сложно обставленное дѣло. Онъ забылъ, какъ радовался старымъ встрѣчамъ и новымъ знакомствамъ, какъ любилъ всѣхъ этихъ „милѣйшихъ, честнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ“ людей. Къ концу недѣли онъ понималъ, что любить стоитъ развѣ двухъ, трехъ, да и съ тѣми онъ простился совсѣмъ равнодушно.

*) См. выше: апр., 484 стр.

Ему дѣлалось смѣшно на самого себя за то усердіе и упорство, какія онъ обнаруживалъ въ дѣлѣ, къ которому былъ совершенно равнодушенъ теперь. Вѣдь могъ же онъ пресерьезно разыгрывать комедію, улыбаться и любезничать съ тѣми, кого изо всѣхъ силъ старался „провалить“! Старался держаться какъ можно оффиціальнѣе и дальше отъ своихъ, съ кѣмъ потомъ сговаривался и совѣщался за стѣной. Развѣ они обманывали кого-нибудь, если всѣ пускали въ ходъ одни и тѣ же пріемы?.. Этого требуютъ приличія; тогда онъ вмѣстѣ съ другими былъ увѣренъ, что иначе нельзя. Онъ испытывалъ всѣ волненія состязанія, а ночью у себя въ нумерѣ считалъ дни, когда, наконецъ, вырвется домой, и давалъ себѣ слово, что въ послѣдній разъ впутался въ эти проклятыя общественныя дѣла, для которыхъ у него нѣтъ никакого призванія. Рѣшительно никакого! одно смутное стадное чувство... старая военная привычка къ строю и дисциплинѣ.

Мишель усталъ, испортилъ себѣ пищевареніе клубной стряпней и огромнымъ количествомъ выпитаго вина, наигрался до тошноты въ винтъ и не только истратилъ до копѣйки всѣ деньги, привезенныя изъ деревни, но и еще занялъ у знакомаго купца, чтобы не вернуться домой съ пустыми руками.

„Вотъ тебѣ и весь барышъ!“ — думалъ онъ сердито, погружаясь все глубже съ каждой минутой въ настоящія свои дѣла, проникаясь своими истинными воззрѣніями и отдаляясь все больше отъ случайныхъ впечатлѣній, мыслей и поступковъ этихъ десяти дней.

Какъ-то ждутъ его дома?.. соскучились! Онъ видѣлъ свѣтлый взоръ Мани, восхитительныя ямочки на розовыхъ щекахъ, мягкія бѣлыя руки, обвивающіяся нѣжно вокругъ его шеи. Въ душѣ не уцѣлѣло и слѣда отъ того отчужденія, какое оставило послѣ себя неожиданное столкновеніе изъ-за сына, а между тѣмъ, не будь этого столкновенія, Мишель вѣроятно вовсе не поѣхалъ бы въ городъ, да и Маня не стала бы совѣтовать ему бросить хозяйство и кидать на-вѣтеръ деньги. Но Мишель не думалъ объ этомъ. Онъ думалъ о женѣ съ горячей нѣжностью — и о дѣтяхъ, въ особенности о Володѣ, котораго — ему казалось тогда — онъ не можетъ больше любить по прежнему.

Въ Залѣсьѣ не знали о пріѣздѣ Мишеля, хоть ему и казалось, что колокольчикъ, набившій ему уши, будитъ всю окрестность и проникаетъ всюду, до послѣдняго угла, возвѣщая радость возвращенія хозяина. Онъ едва сидѣлъ въ тарантасѣ, съ той минуты, какъ усадьба выглянула изъ-за лѣса; все заглядывалъ

впередъ, не бѣгутъ ли дѣти ему на встрѣчу, и счастливая улыбка заранѣе прокрадывалась на лицо.

Однакожъ, его никто не встрѣтилъ; вѣроятно звуки колокольчика относило вѣтромъ. Какъ бы то ни было, о немъ, стало быть, не думали, не прислушивались и не выглядывали!.. Мишель былъ разочарованъ; онъ бы предпочелъ, чтобъ и собаки не поднимали своимъ лаемъ запоздалаго переполоха, и онъ могъ бы совсѣмъ неожиданно подкатить къ крыльцу.

Марьѣ Павловнѣ прибѣжали сказать въ сѣни, гдѣ она сортировала ягоды для варенья. Послѣ бурнаго объясненія съ Анной Маня вдругъ принялась усердно за хозяйство и цѣлые дни ходила озабоченная и занятая. Она была не въ духѣ, раздражалась всякими пустяками; даже дѣтямъ перепадали окрики и совсѣмъ неожиданные отказы.

Мишель вернулся!.. Въ первую минуту Маня не почувствовала ничего, кромѣ испуга. Но когда она выбѣжала на крыльцо и увидала его, еще въ тарантасѣ окруженнаго дѣтьми—ея сердце радостно забилось, и страхъ разсѣялся передъ старой нѣжностью, вдругъ вырвавшейся изъ глубины души. Она вовсе не чувствовала этой нѣжности, провожая мужа изъ дому, подъ впечатлѣніемъ обидной размолвки; она не мучилась собственнымъ поведеніемъ, до тѣхъ поръ, пока вмѣшательство Анны не придало ему серьезнаго значенія. Но въ эту минуту, глядя, какъ Мишель вылѣзалъ изъ тарантаса, знакомыми тяжелыми движеніями порываясь къ ней и связанный дѣтьми—въ эту минуту Маня горько почувствовала свою вину... и вмѣстѣ съ тѣмъ свое освобожденіе! Все это вздоръ, и ничего важнаго быть не можетъ!.. „Ничего еще не случилось, ничего!“—пронеслось молніей въ умѣ молодой женщины, и она радостно сбѣжала съ крыльца.

Домъ наполнился шумомъ и суетой. Въ столовой наскоро собирали обѣдъ. Маня летала по дому съ пылающимъ лицомъ и сіяющими глазами; при каждомъ удобномъ случаѣ она оказывалась въ широкихъ объятіяхъ Мишеля и вырывалась еще больше разгорѣвшаяся отъ его поцѣлуевъ. Милый, громкій, счастливый голосъ наполнилъ собою весь домъ, изгоняя то, что таилось въ тишинѣ и пустотѣ этихъ десяти дней, что стерегло и опутывало ее въ лунныя ночи... Маня какъ будто просыпалась отъ томительнаго сна.

Да! но что сдѣлаетъ Анна?!.. Маня видѣла, что освобожденіе только кажущееся: этихъ десяти дней нельзя вычеркнуть изъ жизни по своей волѣ. Она такъ и не узнала, для чего Анна

ѣздила въ городъ, и только съ пріѣздомъ мужа ея главный страхъ разсѣялся: Мишель не видался съ сестрой.

За Анной послали въ павильонъ. Ея видъ въ первую минуту еще больше смутилъ Марью Павловну; но Анна объявила, что совсѣмъ больна сегодня, и пришла только взглянуть на брата. Черезъ полчаса она дѣйствительно вернулась къ себѣ; Мишель огорчился, но былъ слишкомъ счастливъ, чтобы не забыть этого тутъ же.

Среди хлопотъ, разсказовъ, возбужденія и восторговъ дѣтей, дѣлившихъ шумно привезенные отцомъ подарки, Маня успѣла наскоро составить ближайшій планъ дѣйствія. Чувство самосохраненія—самый находчивый и усердный совѣтчикъ. Она не знала, захочетъ ли Анна пощадить ее, или сочтетъ своей обязанностью „открыть глаза“ брату. Ставя себя на ея мѣсто, Маня считала благоразумнымъ принять какія-нибудь мѣры предосторожности.

Когда въ домѣ все улеглось, и супруги остались съ глазу на глазъ, Марьѣ Павловнѣ не стоило большого труда обратить вниманіе мужа на свою озабоченность. Нѣсколько разъ уже въ теченіи дня Мишель спрашивалъ: „Ты что такая странная? о чемъ ты думаешь?“ Теперь же она и не хотѣла больше скрываться.

— Маня, да ты мнѣ точно не рада?! или рано вернулся?— пошутилъ Голубинъ, не вѣря, разумѣется, собственнымъ словамъ.

Онъ, напротивъ, съ каждой минутой радовался все сильнѣе. Онъ не хотѣлъ ни о чемъ думать, ничѣмъ интересоваться, кромѣ того, что онъ дома, со своей прелестной женкой, которую не видалъ—шутка ли!—цѣлыхъ десять дней! Ему никогда еще не случалось уѣзжать лѣтомъ изъ дому такъ надолго. Но жена уклонялась отъ его нѣжностей и заставляла противъ воли думать о томъ, что ее озабочивало...

Такъ онъ не видался съ Анной въ городѣ?! Да-съ, она ѣздила въ городъ неизвѣстно зачѣмъ и даже съ нимъ не повидалась! Съ нею ѣздилъ Строевъ. Заботинъ случайно накрылъ ихъ на пароходѣ. Но и это еще не все: Анна продолжаетъ и теперь ходить къ нему потихоньку во флигель.

Мишель отказывался вѣрить. Развѣ они не могли встрѣтиться на пароходѣ случайно? кто видѣлъ Анну во флигелѣ? какъ Манѣ не стыдно пускаться въ подобные разговоры съ прислугой! Мишель опечалился. Ему не хотѣлось въ эти первыя минуты огорчаться чѣмъ бы то ни было, всего же меньше хотѣлъ онъ осуждать свою Маню.

— Душа моя, право, Анна вовсе не нуждается въ нашей

опекѣ,—проговорилъ онъ просительно:—Анна не можетъ поступить дурно.

— Тебя не убѣждаютъ даже факты?

— Я знаю, что она объяснитъ ихъ мнѣ, если я ее спрошу. Люди, уважающіе другъ друга, прежде всего должны вѣрить. Чего ради мучиться подозрѣніями, когда можно просто спросить? Успокойся, я все это разъясню.

Маня, краснѣя, кусала себѣ губы.

— Вы тутъ, я вижу, очень дурно вели себя безъ меня!—старался развеселить ее Мишель:—Анна больна, ты похудѣла и стала какая-то серьезная... Кажется, я одинъ радуюсь своему возвращенію... Какъ? вы даже и не защищаетесь, сударыня!?.

Онъ поймалъ ея руки и старался насильно заглянуть ей въ глаза.

— Да улыбнись же, наконецъ, это скучно!..

— Это странно, Мишель... Я говорю съ тобой очень серьезно, а ты...

— А я хочу отложить всѣ серьезные разговоры до завтра! Все равно, я теперь очень плохо соображаю. Я огорчаюсь гораздо больше твоей холодностью, чѣмъ какими-то обвиненіями, взводимыми на Анну... А знаешь? молодой Олехинъ женится. Увы, ничто не вѣчно подъ луною! вы слишкомъ рѣдко показываетесь въ городѣ, моя красавица! а сознайся хоть разъ—досадно немножко?

Мишель смотрѣлъ на нее улыбающимися глазами, все еще надѣясь, что она пойметъ свое неблагоразуміе и перестанетъ надоѣдать ему скучными разговорами.

— Напротивъ, я очень рада,—отвѣтила Маня сухо:—надѣюсь, что и у насъ скоро будетъ свадьба.

— Какая свадьба?!

— Мишель, ты нарочно притворяешься! мы говоримъ о Строевѣ и объ Аннѣ.

Улыбка пропала, наконецъ, съ лица Голубина.

— Ты, кажется, задалась цѣлью разстроить меня сегодня? Дай мнѣ по крайней мѣрѣ выспаться спокойно.

— Очень жаль, но я должна была предупредить тебя. Почемъ я знаю, можетъ быть завтра же Строевъ явится къ тебѣ съ предложеніемъ!

Нѣтъ, она не шутитъ, и теперь ничего больше не оставалось, какъ отложить въ сторону собственное настроеніе и прислушаться серьезно къ ея словамъ.

— Часъ отъ часу не легче!—нахмурился Голубинъ:—откуда у тебя эти свѣденія? Едва ли сама Анна станетъ говорить.

— Помилуй Богъ, со мной-то?!. Да наши отношенія только становятся хуже и хуже съ каждымъ днемъ! Я прямо отказываюсь оставаться съ Анной безъ тебя, хотя бы одну недѣлю.

На глазахъ Мани выступили слезы; губы задрожали при воспоминаніи о пережитой обидѣ.

— Вы поссорились безъ меня?—спросилъ Мишель мрачно.

Да, онѣ поссорились. Это должно когда-нибудь кончиться; они будутъ только тогда счастливы, когда Анну выдадутъ замужъ. Ей нравится Строевъ—это ея дѣло!

Никогда подобныя мысли не приходили въ голову Голубину. Какъ могъ онъ видѣть въ Строевѣ жениха, когда недавно еще всѣ заботы его и Анны были направлены единственно на то, чтобы лелѣять его, какъ больного? Мишель почти принялъ его за помѣшаннаго во время послѣдняго разговора во флигелѣ. Этотъ разговоръ промелькнулъ въ его памяти—странное, экзальтированное настроеніе жильца, въ чемъ, нужно сознаться, онъ ничего не понялъ. Сердце Мишеля заныло, какъ при вѣсти о внезапной опасности. Онъ любилъ Строева, но не ему, нѣтъ, не ему отдалъ бы онъ съ легкимъ сердцемъ свою милую Анну.

— На чемъ же ты основываешь свои предположенія, Маня?—спросилъ онъ тихо, измѣнившимся голосомъ.

— Я только не считаю Анну совершенно безнравственной, а твоего друга безчестнымъ человѣкомъ. Кажется, порядочные люди не рискуютъ репутаціей дѣвушки безъ серьезныхъ намѣреній? Дворня говоритъ объ этой свадьбѣ, коли желаешь знать!

— Но что же случилось въ эти десять дней? Нечего сказать, во-время всѣ вы выпроваживали меня изъ дому!

Маня нагнулась, чтобы скрыть краску, невольно вспыхнувшую на ея лицѣ.

— Удивляюсь, ты какъ будто недоволенъ?.. Ты такъ любишь Строева!—оправилась она сейчасъ же.

— Люблю, безъ сомнѣнія—но Аннѣ я желаю совсѣмъ другого. Строевъ немолодъ и слишкомъ ужъ много пережилъ. Онъ... да нѣтъ!—это твоя фантазія, Маня, и ничего больше... Онъ вовсе и не думаетъ жениться во второй разъ, да и Анна не пойдетъ за него. Богъ знаетъ, для чего только ты пугаешь меня.

— Вотъ увидишь! Еще вчера поздно вечеромъ Орестъ Павловичъ наткнулся на ихъ свиданіе въ липовой аллеѣ.

— Странно, однакожъ, что Орестъ Павловичъ всегда подвертывается какъ разъ въ нужную минуту! И ты полагаешься

на доносы ревнивца? Изъ случайной встрѣчи ничего не стоитъ сдѣлать любовное свиданіе.

— Докторъ давно ужъ больше не ревнуетъ Анну!—отвѣтила Маня запальчиво:—онъ, конечно, не сдѣлался и ея другомъ, но тѣмъ хуже, мнѣ кажется. Если Анна не собирается замужъ за Строева, такъ для чего же она ведетъ себя такъ непозволительно?

Марьѣ Павловнѣ не пришлось бы потратить столько лишнихъ доводовъ, еслибъ докторъ былъ вполнѣ откровененъ и подѣлился съ нею признаніемъ Анны. Но Орестъ Павловичъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность этого брака, не хотѣлъ разстаться съ надеждой, что Анна еще одумается во-время. Скорѣе онъ готовъ былъ допустить, что дѣвушка только съ досады и въ пику ему назвала себя невѣстой,—на самомъ же дѣлѣ вопросъ не былъ рѣшенъ безповоротно. Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ былъ помогать Строеву разглашеніемъ помолвки, если она и состоялась между ними.

Мишель уныло слушалъ Маню. И въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, наконецъ, чего желать и что хуже!

Поймавъ его тяжелый вздохъ, Маня принялась осторожно, исподоволь доказывать, что это совсѣмъ ужъ не такая дурная партія. Женившись, Строевъ опять поступитъ куда-нибудь на службу и покончитъ со своимъ несчастнымъ прошлымъ. У него есть состояніе, да у Анны и своего довольно. Немолодъ?—важно то, что Аннѣ онъ нравится. Задача не легкая угодить на ея вкусъ!.. Оказаться разборчивой невѣстой совсѣмъ не такъ мудрено, какъ обыкновенно кажется. Ей ужъ и теперь двадцать-три года.

Мужъ слушалъ молча, повѣся голову. Его Маня разсуждаетъ весьма здраво и резонно—но у него точно оборвалось что-то въ сердцѣ, и осталась непрерывная ноющая боль.

— Сама ты его терпѣть не можешь, а теперь увѣряешь, что это прекрасный женихъ для Анны!—замѣтилъ онъ съ горечью.

При чемъ тутъ ея мнѣніе? Кажется, Анна никогда ни въ грошъ не ставила это мнѣніе! Она сама не пошла бы за Строева—но кто же когда-нибудь равнялъ ее съ Анной? Для необыкновенныхъ людей и законъ не писанъ! Да, она желаетъ, чтобы это случилось и какъ можно скорѣе. Она устала ладить и не видитъ никакой нужды выносить вѣчный разладъ. Каждый живетъ какъ умѣетъ; но Анна слишкомъ властолюбива и черезъ-чуръ ихъ стѣсняетъ. Изъ-за нея приходится вѣчно кочевать изъ деревни въ городъ,—гибель лишнихъ расходовъ, надо сближаться съ людьми, которые имъ вовсе не нужны, расходиться съ тѣми, кто имъ пріятенъ.

У нихъ своя семья, и забота имѣть въ домѣ взрослую барышню еще впереди. Они могуть жить для себя, пока молоды.

Важное открытіе явилось черезъ-чуръ внезапнымъ и рѣзкимъ диссонансомъ въ радостномъ настроеніи Мишеля. Въ сущности, еще ничего не случилось, но кто какъ не Анна мѣшала ему въ эту минуту насладиться свиданіемъ съ семьей? Кто отвлекалъ отъ него мысли Мани, дѣлалъ ее разсѣянной и сердитой? Кто огорчилъ, обидѣлъ его жену въ его отсутствіе — кто какъ не Анна? Она дѣйствительно стоитъ между ними, и чѣмъ дальше, тѣмъ это дѣлается чувствительнѣе, потому что Маня выноситъ это все нетерпѣливѣе. Богъ одинъ знаетъ, до чего, наконецъ, это дойдетъ. Семейнаго мира не можетъ быть тамъ, гдѣ не ладятъ двѣ женщины. Какъ бы ни любилъ онъ сестру, онъ не можетъ отказать женѣ въ ея правѣ устроить свою домашнюю жизнь по своему вкусу. Семейное счастіе не такая прочная вещь, чтобы благоразумно было подвергать его ежеминутнымъ испытаніямъ.

Мишель въ раздумьѣ смотрѣлъ на жену. Она разсѣянно двигалась по комнатѣ, разыскивая какія-то вещи. Потомъ она начала расчесывать на ночь свою великолѣпную косу, но то-и-дѣло опускала руки и задумывалась. Онъ могъ созерцать ее все въ томъ же сосредоточенно-недовольномъ и серьезномъ выраженіи на прекрасномъ лицѣ, которое онъ въ своихъ мечтахъ видѣлъ нѣжно улыбающимся и сіяющимъ любовью... Ему жаль разстаться съ этой мечтой—не хочется помириться съ тѣмъ, что счастіе отравлено; ему хочется утѣшиться во что бы то ни стало.

— Одно развѣ: можетъ быть, Сергѣй будетъ имѣть на Анну серьезное вліяніе, какого я не умѣлъ пріобрѣсти,—выговорилъ Голубинъ нерѣшительно.

Маня встрепенулась. По ея мнѣнію, Строевъ будто нарочно созданъ для этого! Анна настолько выше и умнѣе большинства барышенъ, что задача эта далеко не легкая. Знаетъ ли онъ еще кого-нибудь, про кого бы можно было сказать то же самое?

Мишель польщенъ этой похвалой сестрѣ. Къ тому же, не ему вѣдь и предстоитъ рѣшать роковой вопросъ! Анна слишкомъ самостоятельна, чтобы руководствоваться его мнѣніемъ въ выборѣ мужа. Это сознаніе сейчасъ же пріободрило его и отогнало тревожныя мысли. Изъ-за нихъ выступило съ новой силой ощущеніе собственнаго благополучія—особенное, эгоистическое самодовольство любящаго существа: пусть будетъ что будетъ — я люблю тебя и ты со мной! Да, они—*свои*. Ихъ никто не раздѣлитъ—ни даже Анна, которой онъ никогда не умѣлъ помочь.

Маня заплела, наконецъ, свою косу и встрѣтила въ зеркалѣ свѣтящійся взглядъ мужа.

— Такъ какъ же, Мишель? ты не будешь оттоваривать Анну?

Онъ съ неудовольствіемъ поднялся со стула.

— Оставь ты это, наконецъ, Маня! Придетъ время, довольно будетъ всякихъ разговоровъ. Еще не завтра подъ вѣнецъ, слава Богу.

Напрасная надежда: ему не такъ легко позволятъ отвильнуть. Лицо Мани опять принимаетъ холодное выраженіе, губы сжимаются въ ничего не обѣщающую, упорную мину. Нѣтъ, она хочетъ, чтобы онъ теперь же далъ ей свое слово. Въ серьезныхъ вещахъ надо твердо знать, чего держаться. Она только-что доказала ему, что въ этомъ счастье ихъ и самой Анны. Она...

Неужели Маня собирается начать сначала? Нѣтъ, онъ не въ состояніи еще разъ оспаривать всѣ ея благоразумные доводы, противъ которыхъ смутно протестуетъ его сердце. Мишель вспоминаетъ, какъ поздно, какъ онъ усталъ съ дороги и хочетъ спать.

— Маня, я не могу же и дремать, и рѣшать такіе вопросы! Двѣнадцатый часъ, душа моя. И завтра день будетъ.

Чего онъ боится?.. это непонятно! Стоитъ ему только не оттоваривать Анну и не подавать вида Строеву, что онъ мечталъ о чемъ-то лучшемъ для своей сестры.

Маня поворачивается спиной къ зеркалу. Свѣтъ отъ свѣчей падаетъ сзади и отливаетъ атласнымъ лоскомъ на ея пышныхъ плечахъ. На шеѣ блеститъ тонкая, какъ ниточка, золотая цѣпочка съ синимъ эмалевымъ крестикомъ, которую на нее надѣли въ день ихъ свадьбы. Маня смотритъ на мужа съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Она недоумѣваетъ, какъ можетъ онъ колебаться, какъ можетъ отказывать ей въ такомъ вздорѣ, отъ котораго въ эту минуту зависитъ ея спокойствіе и... и тѣмъ бы кончилась по крайней мѣрѣ эта утомительная сцена. Вся фигура Мани выражаетъ одно ожиданіе,—сосредоточенное ожиданіе, не допускающее сомнѣнія.

Мужу ничего больше не остается, какъ произнести это слово, котораго она добивается. Не его воля, а посторонняя сила заставляетъ Мишеля, въ концѣ концовъ, обѣщать торжественно, что онъ ничѣмъ не будетъ противодѣйствовать браку Анны со Строевымъ.

— Наконецъ-то!! ты увидишь самъ, какъ это будетъ отлично!—восклицаетъ радостно Маня, и ея сіяющій взоръ сейчасъ

же принимаетъ то выраженіе, котораго Мишель такъ долго добивался напрасно.

XL.

Утомленная поѣздкой въ городъ, взволнованная объясненіемъ со Строевымъ и неожиданнымъ столкновеніемъ съ Орестомъ Павловичемъ, Анна провела мучительную ночь. Она заснула не скоро, и ее преслѣдовали ужасные сны. Всю ночь она задыхалась отъ возмущенія, отъ страха и обиды, выдерживая какую-то чудовищную сцену, гдѣ всѣ полученныя впечатлѣнія перепутались въ одно. То она запальчиво сводила счеты съ Марьей Павловной, высказывая ей въ глаза невозможныя вещи и выслушивая отъ нея безпощадныя обвиненія въ самыхъ сокровенныхъ побужденіяхъ и помыслахъ,—въ томъ, чего не можетъ знать ни одна живая душа, что только передъ собственной совѣстью мы ставимъ себѣ на счетъ. То она должна была спасаться отъ преслѣдованій доктора, угрожавшаго ей чѣмъ-то ужаснымъ. Она убѣгала отъ него, захлопывая двери, въ которыхъ не дѣйствовали замки, бросаясь внизъ по лѣстницамъ, гдѣ подламывались ступени, и прислушивалась съ смертельнымъ ужасомъ, какъ онъ настигалъ ее. По непостижимой связи, которая во снѣ кажется, однакожъ, совершенно логичной, вслѣдъ за этимъ Анна оказывалась уже женой Строева. Задыхаясь отъ слезъ и обиды, она упрекала его въ обманѣ, въ томъ, что онъ вовсе не любилъ ее, когда заставилъ отдать себѣ ея жизнь...

Анна проснулась разбитая, съ замирающимъ сердцемъ и туманной головой. Въ первую минуту ее охватила радость, что все это сонъ – но очень скоро дѣйствительность предстала, во многомъ сходная съ безобразнымъ кошмаромъ. Объясненіе въ липовой аллеѣ воскресло въ памяти. Съ томительнымъ чувствомъ неизвѣстности Анна вынула изъ-подъ подушки зеленую книгу...

Горничная Даша давно постигла значеніе мигрени въ экстренныхъ случаяхъ жизни своей барышни, и потому она явилась въ павильонъ не раньше какъ съ обѣдомъ. Она нимало не удивилась, что ее впустили лишь послѣ четверти часа ожиданія на лѣстницѣ, и была заранѣе увѣрена, что найдетъ больную на ногахъ, не выносящую ни минуты посторонняго присутствія. Дѣйствительно, ее не пустили дальше порога; Анна взяла у нея изъ рукъ судки и сунула ихъ на ближайшій столъ, гдѣ они и простояли неприкосновенно до слѣдующаго дня.

Позже потребовалась новая четверть часа переговоровъ черезъ замкнутую дверь, чтобы вразумить Анну, что Мишель вернулся изъ города, и ее просятъ придти въ столовую.

— Я больна совсѣмъ! я не могу! Неужели, Даша, ты до сихъ поръ не могла научиться этому немногому: оградить мой покой, когда нужно?!

Барышня чуть не плакала, но Даша вовсе не заслуживала такихъ нападокъ; она соображала, что Аннѣ Владиміровнѣ легче сбѣгать на минуточку на мызу, чѣмъ дожидаться, чтобы баринъ „послѣ дороги сами побезпокоились“ навѣстить ее въ павильонѣ.

— Скажи, что я умоляю не безпокоиться! все равно, я не могу сегодня разговаривать!—упрямилась Анна, съ болѣзненной раздражительностью нервнаго человѣка, находящагося всецѣло во власти своихъ впечатлѣній, страдающаго слишкомъ мучительно отъ каждаго диссонанса.

— Я не могу... я не могу!.. Завтра!—повторяла она безразсудно, какъ ребенокъ, не умѣющій понять резона.

— Какъ вамъ угодно, барышня. Только такъ ужъ и ждите теперь, что черезъ полчаса Михаилъ Владиміровичъ сами пожалуютъ къ вамъ,—пригрозила Даша рѣшительно, и, топая нарочно какъ могла громче, она стала медленно спускаться по лѣстницѣ.

Тогда Анна открыла дверь и крикнула ей вдогонку:

— Ну, хорошо ужъ... несносная мучительница! скажи тамъ, что я сейчасъ сама приду къ нимъ.

Но Анна долго еще собиралась съ силами, прежде чѣмъ была въ состояніи оторваться отъ чужой жизни, поглотившей всѣ ея чувства. Пережитая Строевымъ со всѣмъ напряженіемъ, со всею страстностью впервые проснувшагося сознанія, выливпаяся мучительнымъ душевнымъ крикомъ на страницы зеленой книги,—эта жизнь воплощалась въ яркіе и живые образы въ творческомъ воображеніи Анны. Образы быстро переростали предѣлы безъискусственной и сбивчивой исповѣди. Они сливались въ цѣлыя характеристики, сложныя и тонкія, и которыя захватывали не только отданное на ея судъ—но, по неумолимымъ требованіямъ логики, проникали и въ будущее, которое должно стать отнынѣ ея судьбой. Анна много разъ принуждена была бросать тетрадь, когда кипучая работа мысли доходила до такого смятенія, что мѣшала ей понимать ясно то, что она читала. Напрасно старалась она сдержать себя, не порываться, не предрѣшать фактовъ: то-и-дѣло, ловила себя на жадномъ подглядываніи впередъ, до послѣднихъ, заключительныхъ страничекъ. Но отрывочныя фразы мало уясняли, а только волновали ее все сильнѣе.

Она жалѣла Строева, томилась страхомъ, какъ томится чуткій зритель за героя захватывающей драмы; но въ то же время въ ея душѣ совершалась самостоятельная глухая работа, еще недоступная сознанію. Только отдѣльные проблески мелькали минутами, въ видѣ конечнаго рѣшенія, рѣшенія уже готоваго, прежде чѣмъ она успѣла дочитать до конца. Не ужасно ли это?! не жестоко ли, не несправедливо ли—узнать это рѣшеніе такимъ путемъ! какъ прозрѣніе, какъ предчувствіе, потому именно непобѣдимое и обезоруживающее,—что передъ нимъ безсильны всѣ доводы разсудка.

„Все кончено—это свыше силъ твоихъ!“—нашептываетъ предчувствіе, котораго она не хочетъ, котораго не должна знать. Образъ несчастной жены, по немногимъ скуднымъ намекамъ, слагается въ живую фигуру, разгаданную до самыхъ завѣтныхъ изгибовъ: это—любящее сердце, истекающее кровью невидимо для того, кто стоялъ рядомъ, занятый всецѣло собою, кто и теперь продолжалъ сомнѣваться; гордая жертва, молча устранившаяся съ его пути, не унизивъ себя безплодной жалобой; холодная женщина, „съ которой легко ладить“—для него; глубоко несчастная для своихъ, для близкихъ, отъ кого трудно что-нибудь скрыть...

Чѣмъ дальше читала Анна, тѣмъ больше этотъ женскій образъ выступалъ на первый планъ и овладѣвалъ положеніемъ. И вотъ, на нее почти уже не производила впечатлѣнія главная драма исповѣди: постепенный путь прозрѣнія и разоблаченія самого себя,—путь глубоко честнаго покаянія вплоть до роковаго, фактически ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія... Это принимается сурово, какъ должное. Строевъ сраженъ, уничтоженъ позднимъ открытіемъ... да развѣ могло бы быть иначе!? Развѣ его муки — не простая обязанность порядочнаго человѣка? горькая обязанность, которая не исправитъ роковыхъ ошибокъ, не искупитъ чужихъ страданій и не вернетъ загубленной молодой жизни!..

На Анну не дѣлаютъ впечатлѣнія отчаянные порывы Строева поколебать обвиненіе, добровольно взведенное на собственную голову, его робкія напоминанія, что вѣдь это одно подозрѣніе—не больше! Ее не трогаетъ и послѣдняя надежда его на нее, на ея безпристрастный приговоръ. Больше того,—эта надежда задѣваетъ ее, какъ сомнѣніе въ свободѣ и неподкупности ея сужденія. Его подозрѣнія, его опасенія превратились сейчасъ же въ холодную и суровую увѣренность въ чужой винѣ.

Нѣтъ, не она отгонитъ мучительный призракъ, не она разсѣетъ тяжелое сомнѣніе, котораго нѣтъ возможности выяснить

Не она изречетъ то братское прощеніе, которое грезилось Строеву на рубежѣ новой жизни. Она слишкомъ долго и пламенно вѣрила въ его безупречность. Ея представленія о его прошломъ были слишкомъ высоко приподняты надъ дѣйствительностью. Въ этомъ новомъ человѣкѣ, выроставшемъ теперь передъ ея глазами, ей все было незнакомо, было все неожиданно. Его достоинства глубже, исключительнѣе,—но это не тѣ, которыя пріобрѣли ему ея симпатію. Его страданія во сто кратъ достойнѣе сочувствія,—но не они подкупили ея сердце, не они отдали ему всю ея жалость, прежде даже, чѣмъ она узнала его. Его будущее могло поразить, оно способно увлечь,—но это не та безотрадная доля, въ которую ея любовь должна была внести свѣтъ и счастіе.

Анна потерялась. Руководящая нить выскользнула изъ рукъ, и собственныя чувства не повиновались ей больше. Сердце, давно жаждавшее освобожденія, ополчилось, наконецъ, противъ нея.

Точно во снѣ Анна побывала на мызѣ, послѣ того какъ Даша во второй разъ прибѣгала звать ее. Она не слыхала, что разсказывалъ Мишель; видѣла только его сіяющее счастіемъ лицо и понимала отчаянныя усилія Мани казаться беззаботной. Въ каждомъ словѣ молодой женщины ей слышались ложь и притворство,—одно это Анна замѣчала, но не могла бы повторить ни слова изъ того, что говорилось и дѣлалось вокругъ нея. При этомъ сама она оставалась странно холодной и равнодушной. Она одного хотѣла: остаться наединѣ съ тѣмъ, что не могло ждать.

— Посмотри пожалуйста, вотъ она все время такъ мечется! Можно подумать, что въ домѣ ни одного человѣка прислуги не осталось, чтобы накормить меня обѣдомъ безъ ея помощи,— говорилъ Мишель съ блаженнымъ смѣхомъ, любуясь влюбленными глазами, какъ Маня суетилась около буфета.

Бѣдная Маня покраснѣла подъ долгимъ, задумчивымъ взглядомъ Анны.

Наконецъ, ее отпустили на волю. Мишель довелъ ее до павильона, обнявъ нѣжно за плечи, стараясь идти какъ можно тише и ровнѣе и предлагая одно за другимъ всевозможныя средства противъ мигрени.

Если всѣ мужья такъ же мало проницательны, то для жены не трудно, въ случаѣ нужды, затаить совершенно свой внутренній міръ. Она можетъ пережить цѣлую драму душевную, можетъ свести свой послѣдній счетъ съ жизнью, безъ того чтобы какая-нибудь догадка смутила самодовольную душу. А тотъ, кто всю жизнь стоялъ особнякомъ, не нуждаясь вовсе въ чужой откровенности, кто привыкъ довольствоваться самимъ собой,— способенъ

ли тотъ понимать или хотя бы только желать истинной сердечной близости, безъ которой для нея невозможно счастіе? Какая откровенность возможна теперь между нею и Строевымъ? Она никогда не скажетъ ему всего, что̀ приходило ей на умъ надъ его дневникомъ. Ихъ общая жизнь начнется съ того, что она затаитъ, какъ съумѣетъ лучше, свои сокровенныя ощущенія.

„Словъ не нужно“,—сказалъ Строевъ.

Снова Анна заперлась въ павильонѣ и, уже не отрываясь, дочитала дневникъ до конца. Она оставалась холодной и передъ робкими, сдержанными признаніями. Его любовь ступевывалась передъ высокимъ идеаломъ новой жизни, передъ грандіозной борьбой со старыми кумирами, поверженными въ прахъ. Страстная любовь блѣднѣла передъ идеей искупленія, передъ сознаніемъ нравственнаго освобожденія,—передъ культомъ любви человѣческой, просыпавшейся въ сухомъ, эгоистическомъ сердцѣ.

Да, этотъ человѣкъ перерось представленіе Анны о немъ;—но гдѣ же ея мѣсто въ этой жизни? Ее увлекала благородная роль спасительницы,—но спасать больше не нужно. Онъ не нуждается въ ея нравственной поддержкѣ; въ каждомъ словѣ его слышалась глубокая, сосредоточенная сила. Надо, напротивъ, самой подняться до него и проникнуться глубокимъ, обобщающимъ взглядомъ на жизнь, какой не дается даромъ въ двадцать лѣтъ. Надо съ нимъ вмѣстѣ проникнуться духомъ смиреннаго уничиженія, въ которомъ онъ ищетъ оплота противъ своей сломленной гордости, еще такъ недавно царившей властно въ душѣ. Въ сознаніи вины надо умѣть найти удовлетвореніе—желанную точку примиренія съ людьми,—вмѣсто того ужаса, который испытывала она. Да, все это *нужно*, и съ этимъ-то непосильнымъ, невозможнымъ она связала себя словомъ!

Поднявшійся на высоту, стоявшій внѣ упрека, Строевъ пересталъ быть тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ она готова была подѣлиться богатствомъ своихъ силъ. Онъ честно распахнулъ передъ нею свою душу, но этимъ самымъ убилъ великодушный порывъ, отдававшій ее ему. „Все да обратится противъ него“,—написалъ онъ въ своемъ дневникѣ, не подозрѣвая, конечно, что это—горькое пророчество. Недаромъ онъ порывался сжечь роковую тетрадь, недаромъ ему стоило такой тяжкой борьбы съ самимъ собою передать ее въ руки любимой дѣвушки...

Стемнѣло. Анна не различала больше словъ, да и къ чему?! Сколько бы разъ ни перечитывала она этихъ взволнованныхъ страницъ, ея впечатлѣніе не могло измѣниться. Часто мы вовсе не сознаемъ того пути, который избираетъ нашъ умъ, чтобы найти

желанный выходъ. Мы не замѣчаемъ натяжекъ, уловокъ и пристрастій, помогающихъ намъ перебраться черезъ бездну,—проложить несуществующій путь впередъ или отступить съ честью назадъ. Анна упорно думала объ умершей женѣ Строева, загадочную смерть которой не было надежды разъяснить. Она воображала себѣ ихъ семейную жизнь день за день, и созданіе собственной фантазіи входило въ ея сознаніе такъ прочно, что потомъ она не могла уже отогнать его.

Печальная жизнь безъ любви, безъ ласки и довѣрія,—безъ ежеминутной радости жить въ другомъ существѣ, быть занятой его мыслями и чувствами, больше чѣмъ своими собственными. Взвѣшивать ради него свои мельчайшіе поступки, оберегать свои помыслы и все-таки не находить ихъ достаточно чистыми и достойными его любви. Такою должна бы быть жизнь двухъ существъ, сошедшихся на горе и радость. Но вотъ чѣмъ она будетъ для нея: мрачнымъ, холоднымъ жилищемъ, гдѣ только-что совершилось что-то зловѣщее,—гдѣ притаилась тайна,—гдѣ витаютъ призраки, которыхъ нельзя ни забыть, ни разогнать! Развѣ не будетъ она каждый день думать объ этой другой, жившей тутъ раньше нея,—которая выстрадала весь, до послѣдней капли, запасъ своихъ силъ, а тотъ, кто разбилъ гордое сердце, шелъ беззаботно своей дорогой, радуясь, что *семейная жизнь такъ мало стѣснительна*!.. Развѣ не будетъ ей мерещиться угроза въ каждомъ случайномъ недоразумѣніи, въ молчаніи — о, въ молчаніи всего скорѣе!? Развѣ не станетъ она проводить параллели, искать сходства, подозрѣвать, провѣрять?! Это будетъ нескончаемая мука, вмѣсто счастья, о которомъ она мечтала: счастья полнаго для него и... немного безстрастнаго, но чуднаго въ своей возвышенной чистотѣ—для нея. Вотъ какъ разлетаются мечты! вотъ что значитъ создавать свою судьбу собственными руками!

— Все кончено, это свыше силъ моихъ!—произнесла Анна сознательно тѣ самыя слова, которыя давно уже нашептывалъ ей внутренній голосъ.

„Свыше силъ“... это можно сказать себѣ, но что ей дѣлать? Она дала слово. Нѣтъ, больше того: она добивалась его любви, она предлагала ему свою. „Послѣ вашего признанія я отказываюсь“,—скажетъ она теперь.—„Я не могу простить вамъ прошлаго, которое до меня не касается и котораго вы не должны были раскрывать передо мною“. Да! онъ долженъ былъ скрыть, похоронить въ собственномъ сердцѣ свои сомнѣнія, а не искать облегченія въ безумной попыткѣ свалить роковое бремя на чужія плечи. Ни передъ кѣмъ мы не раскроемъ своей души до ея

послѣднихъ изгибовъ. Нельзя высказать сокровеннаго, „нельзя, нельзя!!“—твердила Анна, пораженная неожиданностью. Она не сомнѣвалась въ правотѣ своего чувства: разсказывать всего нельзя! Между пристрастіемъ и несправедливостью къ себѣ нѣтъ середины. Черезъ пространство нѣсколькихъ лѣтъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже недѣль—наши поступки уже не будутъ строго вѣрны правдѣ, будучи вырваны изъ цѣпи тѣхъ неуловимыхъ мелочей, которыя составляютъ жизнь и вліяютъ незамѣтно на все, что мы дѣлаемъ, что мы чувствуемъ. И она вѣдь не разскажетъ Строеву всего, что она выстрадала, не передастъ ему, какъ давно уже ея самонадѣянная мечта принимала постепенно суровый обликъ долга, а въ сердцѣ не находилось отклика на призывъ. Она не можетъ сказать ему, что его благородная исповѣдь вызвала не прощеніе, на которое онъ надѣялся, а холодное осужденіе. *Простить*—о, это не такъ просто, какъ кажется! Простить,—чтобы больше никогда не думать, чтобы не возвращаться къ старому,—жить такъ, какъ будто ничего этого не было. Но вѣдь *такъ* и онъ не проститъ себѣ... о, конечно, нѣтъ! Онъ не забудетъ никогда женщину, передъ которой сознался себя глубоко виноватымъ. Новая мысль поразила Анну: нѣтъ, онъ не забудетъ! Только теперь впервые, эта жена интересуетъ его и приковываетъ къ себѣ. Между нимъ и мертвой тѣнью закрѣплена вѣчная связь, которой ничто не въ силахъ порвать. Его будущее будетъ только искупленіемъ вины передъ нею. Даже въ любви своей къ другой женщинѣ онъ будетъ искать оправданія. Ежеминутно онъ будетъ состязаться съ тѣмъ *другимъ*,—будетъ преувеличенно остороженъ, слишкомъ прозорливъ, онъ будетъ великодушенъ, терпѣливъ, добръ до... до невозможности выносить такую жизнь! Мало-по-малу изъ нея исчезнетъ всякая искренность, всякая правда непосредственная! Исчезнетъ, чтобы уступить мѣсто правдѣ предвзятой, тому безстрастному совершенству, которое способно довести до отчаянія, которое никому не замѣнитъ живого чувства, со всѣми его заблужденіями, увлеченіями и ошибками!..

Мысли Анны путались. Опасенія и угрозы роились въ умѣ съ страшной быстротой. Она не могла уже больше отличать возможнаго и вѣроятнаго отъ экзальтаціи. Ей все казалось возможнымъ. Казалось, наконецъ, что во всемъ будущемъ Строева не будетъ ничего, кромѣ этого прошлаго, которое проникнетъ всѣ его помыслы и ощущенія, будетъ диктовать его поступки, будетъ ставить приговоры. И она, женщина, отважившаяся занять опустѣвшее мѣсто,—она фатально, неизбѣжно подпадетъ тоже подъ эту власть.

Какъ спастись? что дѣлать?..

Выбившись изъ силъ, Анна старалась не думать; она закрывала глаза и стискивала руками пылающую голову. Тогда ей явственно слышался знакомый гулъ голосовъ за окномъ. Тамъ судилась ея измѣна. Тамъ всѣ ея мысли и ощущенія представали разоблаченныя, тамъ понималось недосказанное, угадывалось неукладывающееся въ слова... Бурыя тучи низко ползли надъ павильономъ. Порывистый вѣтеръ потрясалъ деревья, вскидывая вѣтви рѣзкими, угрожающими взмахами. Голоса то возвышаются, то падаютъ. Зеленые духи замираютъ на полусловѣ, прислушиваясь къ ея думамъ, чтобы въ слѣдующій мигъ обрушиться на нее съ новымъ ожесточеніемъ. Все, что мелькаетъ въ ея смятенномъ умѣ, за окномъ разростается въ цѣлыя картины, гдѣ она видитъ себя дѣйствующимъ лицомъ.

Завтра Строевъ придетъ за отвѣтомъ. Пойметъ ли онъ все, заглянувъ въ ея лицо—въ ея пристыженное лицо!—или же она должна будетъ говорить? Какія это будутъ слова? Достанетъ ли духу поднять на него глаза и встрѣтиться съ его взоромъ, гдѣ свѣтилась прежде робкая надежда,—гдѣ будетъ сіять теперь глубокая вѣра просвѣтленной совѣсти, очищенной покаяніемъ?.. Недаромъ міръ призналъ его таинствомъ. Нѣтъ бремени, которое бы не спало съ души, не растопилось бы въ его пламенномъ горнилѣ.

Анна представляла себѣ такую минуту: его шаги по каменной лѣсенкѣ... знакомый стукъ въ дверь. Онъ входитъ. Онъ подходитъ къ женщинѣ, обѣщавшей любить его, которой онъ доказалъ свою любовь тѣмъ, что зовется нравственнымъ подвигомъ на языкѣ всѣхъ справедливыхъ людей. Онъ молча (навѣрное, молча!) ждетъ ея перваго слова.

— Я съума сойду!..—вырвалось стономъ изъ груди дѣвушки. Она рванулась съ своего мѣста, какъ бы спасаясь, и какъ не спасется завтра. О, неужели же нѣтъ?! Она на все готова, на все согласна, чтобы только избѣжать этого свиданія!

Анна прижалась горячимъ лбомъ къ круглому стеклу и безсознательно всматривалась въ движущіеся силуэты, рисовавшіеся смутно на темномъ небѣ. Казалось, они толпились все тѣснѣе, тѣснѣе, все ближе и ближе подступали къ павильону. Они взбѣгали вверхъ изъ бездны, а тамъ, въ глубинѣ, копошилось еще много, много,—и еще гораздо больше! Всѣ рвутся къ круглой башнѣ, перегоняя другъ друга. И недаромъ: они что-то твердятъ, повторяютъ одно и то же всѣ въ голосъ; оттого-то она не можетъ разобрать этого слова въ общемъ гулѣ. Но она понимаетъ!—понимаетъ жестъ, одинъ и тотъ же у всѣхъ, выразительный жестъ,

который шлютъ ей и тѣ, чьи руки почти касаются круглаго окна, и тѣ, кого она только угадываетъ вдали. Они ее манятъ прочь изъ ея тюрьмы. О, этотъ жестъ! какъ могла она не понять его сразу?! Теперь она слышитъ и самое слово; она ловитъ его съ трепетомъ, съ восторгомъ, который дается только внезапнымъ освобожденіемъ.

„Бѣжать,—бѣжать!—бѣжать!“

Анна прижала обѣ руки къ своему сердцу, еще опасаясь повѣрить, что слово найдено: уѣхать въ Петербургъ завтра съ первымъ пароходомъ. Бѣжать?! Пусть такъ если нѣтъ другого выхода. Никого не видѣть,—какое счастіе! вырваться разомъ на свободу изъ тенетъ, въ которыхъ она незамѣтно запуталась...

Реакція наступила затѣмъ мгновенно. Анна была не въ силахъ больше разсуждать, чтобы взвѣсить спокойно свое рѣшеніе. Она такъ сдѣлаетъ,—хорошо это или дурно,—ей все равно, лишь бы только знать, что рокового свиданія не будетъ. Все равно также, что̀ почувствуетъ при этомъ Строевъ, ка́къ испугается Мишель... Есть минуты, когда ни одинъ человѣкъ не можетъ думать ни о комъ, кромѣ себя самого—это и была для Анны подобная минута.

Анна разыскала спички и зажгла свѣчу, чтобы написать нѣсколько строкъ Строеву и брату. Но перо дрожало въ ея рукѣ, а въ головѣ вмѣсто мыслей былъ только безсильный и смутный хаосъ чрезмѣрнаго нервнаго истощенія.

Лучше отложить до утра, когда къ ней вернутся какія-нибудь силы. Анна потушила свѣчу и, не раздѣваясь, бросилась на постель...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

XLI.

...За стѣной направо наигрываютъ какой-то чувствительный романсъ на разбитомъ пьянино. За стѣной налѣво поднимается все crescendo крупное объясненіе двухъ голосовъ—мужского и женскаго. По корридору снуютъ взадъ и впередъ особенной, шмыгающей походкой отельной прислуги.

Анна сидитъ у себя за завтракомъ, который ей кажется отвратительнымъ. Она никогда раньше не живала въ гостинницахъ; ей постоянно представляется, что чьи-то стремительные шаги направляются прямехонько въ ея комнату; то она начинаетъ прислушиваться тревожно къ ссорѣ за дверью, заставленной шкафомъ, то невольно машинально прибираетъ слова къ мотиву, который ей что-то напоминаетъ. Анна привыкла къ тишинѣ, и къ тому же напугана: это уже вторая гостинница, въ которой она поселяется. Изъ первой пришлось ей сейчасъ же выѣхать, потому что у нея не оказалось съ собою необходимаго вида на жительство. Съ наивностью барышни, никогда не живавшей самостоятельно, она уѣхала изъ Залѣсья, захвативъ только самыя необходимыя вещи и деньги; она была поражена, когда на ея заявленіе, что видъ будетъ высланъ изъ деревни, ей отвѣтили требованіемъ очистить нумеръ. И здѣсь только съ величайшимъ трудомъ согласились ее пустить, подъ условіемъ, чтобы она представила ручательство какого-нибудь извѣстнаго лица. Анна назвала одного писателя—Алѣева, друга покойнаго Голубина, и теперь, сидя за своимъ простывшимъ завтракомъ, она готовилась идти именно къ нему.

Еще въ вагонѣ Алѣевъ вспомнился ей прежде всѣхъ другихъ. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ уносилъ ее впередъ,—въ душѣ все ярче, все живѣе воскресали дорогія воспоминанія. Черезъ нѣсколько часовъ, на разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ верстъ, Анна уже чувствовала себя оторванной навсегда отъ того, что держало ее въ своей власти вчера, и какъ на пароходѣ, во время послѣдней поѣздки въ городъ, ее опьяняло движеніе. Дальше, дальше — вотъ въ чемъ спасеніе!.. Что бы ни дѣлалось позади, тамъ, откуда она вырвалась, она все-таки будетъ жить, искать, будетъ счастлива когда-нибудь. Она все та же молодая, прекрасная, умная и всѣми любимая Анна. Въ этомъ невольномъ ощущеніи было что-то побѣдоносное и безжалостное къ тѣмъ, изъ-за

кого она такъ искренно терзалась: къ Строеву съ его разбитыми надеждами, къ Мишелю съ его обманчивымъ счастіемъ и безсильной нѣжностью къ ней. Она старалась не думать о томъ, какъ переживаютъ въ Залѣсьѣ этотъ день. Ничего они не поймутъ изъ ея писемъ, кромѣ того, что она бросила ихъ.

Анна уже принадлежала всецѣло будущему, тому, что ждало ее впереди. А впереди поневолѣ рисовалось только старое, знакомое. Но собственныя воспоминанія вдругъ перестали удовлетворять ее. Она сильно возмужала за два года, прожитые въ семьѣ брата, поставленная съ жизнью близко лицомъ къ лицу; прежнія дѣтски-восторженныя характеристики припоминались теперь съ невольнымъ недовѣріемъ. Одинъ Алѣевъ стоялъ внѣ сомнѣній. Онъ всегда былъ авторитетомъ и для Голубина,—послѣдней инстанціей, гдѣ тотъ соглашался провѣрять свои сужденія—человѣка, избалованнаго успѣхомъ. Анна помнила горячіе споры двухъ друзей, споры, гдѣ сказывались разныя точки зрѣнія, присущія, быть можетъ, различнымъ отраслямъ искусства больше, чѣмъ самимъ людямъ, сказывалась нѣкоторая разница лѣтъ, но въ то же время звучало неизмѣнно обоюдное уваженіе и истинная близость лицъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ. Анна помнила искреннее горе Алѣева, его блестящую и трогательную рѣчь, произнесенную надъ преждевременной могилой художника. Писатель хлопоталъ и возился, точно родной, помогая Мишелю въ печальномъ разгромѣ, который оставляетъ послѣ себя всякая внезапная смерть. Онъ горячо жалѣлъ и утѣшалъ Анну и пріѣхалъ провожать ее въ вокзалъ.

— „Летите высоко, непремѣнно высоко! помните всегда, что вы его Муза!“—напутствовалъ Алѣевъ дѣвушку въ послѣднюю минуту, уже въ вагонѣ.

Почему именно этими словами? Что прочелъ онъ тогда на добродушномъ лицѣ Мишеля? какія опасенія промелькнули въ его умѣ за будущую судьбу юнаго существа, осиротѣвшаго вторично въ самую опасную пору жизни?..

Подъѣзжая къ Петербургу, Анна рѣшила прежде всего пойти за совѣтомъ къ Алѣеву; затрудненія съ паспортомъ сдѣлали это необходимымъ.

Утромъ посыльный принесъ адресъ изъ экспедиціи: адресъ былъ прежній, который Анна помнила.

Даже швейцаръ въ домѣ былъ тотъ же самый и сейчасъ же узналъ Голубину, которой случалось бывать съ дядей у Алѣева на литературныхъ чтеніяхъ.

Сердце сильно билось въ груди Анны. Прошло меньше трехъ лѣтъ, но она подходила къ этой двери какъ чужая, неувѣренная въ пріемѣ, который ждетъ ее. Раньше никакое сомнѣніе не приходило въ голову, а тутъ напалъ смутный страхъ: что, если ее встрѣтятъ холодно, удивленно?

Лакей вовсе отказывался впустить ее. Господинъ Алѣевъ очень занятъ, не принимаетъ никого въ этотъ часъ. Виноватъ швейцаръ: ему ясно сказано, чтобы всѣмъ отказывать. Сегодня, въ особенности, очень спѣшатъ, нарочно съ дачи пріѣхали... Анна напрасно повторяла свое имя и просила доложить. Лакей не зналъ никакого Голубина и совѣтовалъ придти завтра пораньше, а онъ доложитъ, когда можно будетъ войти въ кабинетъ.

Анна рѣшилась написать нѣсколько словъ и потребовала бумаги. Въ то время, какъ она писала, изъ кабинета раздался продолжительный звонокъ. Лакей кинулся на него со всѣхъ ногъ.

Анна бросила записку и прислушивалась: голоса, шаги поспѣшные. Забывъ все, она пошла на встрѣчу.

— Боже мой... Муза?! Голубина! Какими судьбами??

„Ну, да, такъ и должно быть, и не могло быть иначе!“ Анна съ ужасомъ чувствовала, что ея улыбка дрожитъ, застилаютъ глаза глупыя, безсильныя слезы, которыми въ минуту счастливаго исхода разрѣшается подавленное волненіе.

— Какъ попали вы лѣтомъ въ Петербургъ?—говорилъ оживленно Алѣевъ: — и что за счастливая случайность привела васъ ко мнѣ именно сегодня! вѣдь я здѣсь на короткое время, по дѣлу. Никуда нынче не могъ вырваться до осени, безпрестанно принужденъ наѣзжать изъ Павловска. Простите, что этотъ дуракъ не пускалъ васъ—у меня на этотъ счетъ большія строгости. По неволѣ: иначе возможности нѣтъ сдѣлать что-нибудь... Но какъ же вы перемѣнились! и я вамъ скажу—деревенской жительницѣ слѣдовало бы смотрѣть здоровѣе. Ужъ вы больны не были ли? нѣтъ??...

Алѣевъ усадилъ гостью въ своемъ кабинетѣ. Онъ самъ не садился и говорилъ безъ умолку, чтобы дать ей время успокоиться. Анна смотрѣла на него съ возрастающимъ удивленіемъ: она знала и въ то же время какъ будто не узнавала его. Почему же ей казалось всегда, что онъ старикъ?

Правда, густые волосы больше, чѣмъ на половину, сѣдые, но это удивительно идетъ къ благородному, слегка поблекшему лицу. Изъ-подъ рѣзкихъ черныхъ бровей блестятъ полные жизни, пронизывающіе глаза. Положительно, она его плохо помнила! Знала и любила его романы, помнила всего больше его близость къ

дядѣ, но самая личность смутно рисовалась сквозь призму первой юности, такъ щедро расточающей дипломы на старость.

— О чемъ это вы задумались? — спросилъ Алѣевъ ласково, когда Анна не разслышала какого-то вопроса.

— Представьте... я успѣла васъ позабыть, мнѣ очень совѣстно! Я воображала почему-то, что вы старикъ, какъ и дядя.

— А-а!—разсмѣялся Алѣевъ:—но вѣдь это только вы считали его старикомъ; ему было всего пятьдесятъ лѣтъ! Родители и тѣ, кто ихъ замѣняетъ, намъ всегда кажутся стариками. Но скажите, за что же распространять это и на меня?

Онъ шутилъ очень дружески и сѣлъ съ нею рядомъ. Но Анна перестала улыбаться и чувствовала себя разочарованной. Быть можетъ, она и не отважилась бы вовсе ворваться сюда такъ внезапно, еслибъ раньше встрѣтила случайно Алѣева на улицѣ. Она поспѣшила разсказать затрудненія съ паспортомъ, но и тутъ смутилась, не зная, какъ объяснить въ двухъ словахъ свое странное бѣгство изъ дому.

Алѣевъ слушалъ, внимательно взглядывая на нее. Едва уловимое выраженіе его губъ, прикрытыхъ одними усами, безотчетно волновало Анну. Она думала, что сейчасъ же все разскажетъ ему, что это будетъ совсѣмъ легко и естественно. Нѣтъ, невозможно заговорить сразу объ истинной причинѣ отъѣзда. Она чувствовала, что краснѣетъ, а онъ можетъ понять это Богъ знаетъ какъ...

О, зачѣмъ она пришла!.. Какое ребячество мечтать, что здѣсь уцѣлѣло что-нибудь прежнее, тѣ старые друзья, которые покровительствовали его дѣвочкѣ, и съ которыми она чувствовала себя какъ съ родными!

— Вы поссорились съ братомъ? — спросилъ просто Алѣевъ, не глядя на нее.

— О, нѣтъ, нѣтъ!! то-есть, да, поссорилась съ его женой... Я написала, мнѣ вышлютъ паспортъ на дняхъ.

— Да? Гм... Вы не ошибаетесь на этотъ счетъ? — посмотрѣлъ задумчиво Алѣевъ.

— Какъ ошибаюсь?! Я совершеннолѣтняя.

— Но это самый лучшій способъ заставить васъ вернуться. Не знаю, не знаю, конечно! Во всякомъ случаѣ, пройдетъ нѣсколько времени. Разумѣется, я съѣзжу въ вашу гостинницу и возьму васъ, такъ сказать, на поруки. Только что же вы станете дѣлать въ Петербургѣ лѣтомъ?

Алѣевъ всталъ и по привычкѣ задвигался въ раздумьѣ по комнатѣ.

— Простите, забылъ ваше имя! Васъ всегда всѣ звали Музой.

— Меня никогда потомъ такъ не звали, никогда больше!— вырвалось съ горечью у Анны.

Когда Алѣеву случалось почему-нибудь вспоминать о прелестной маленькой Музѣ, чья будущность составляла завѣтную заботу его бѣднаго друга, сердце его каждый разъ сжималось безотчетной жалостью. Теперь же онъ не сомнѣвался больше, что она дѣйствительно несчастна и не одна ссора съ невѣсткой заставила ее бѣжать изъ дому. Передъ нимъ сидѣла женщина, жившая не однѣми мечтами, не прежняя дѣвочка, грубо вырванная изъ прекраснаго, поэтическаго міра, которую увозилъ за собою растолстѣвшій помѣщикъ. Мишель показался тогда литератору очень ограниченнымъ и тоску наводящимъ.

— Такъ какъ же мнѣ звать васъ? — подошелъ Алѣевъ къ Аннѣ съ такой искренней, подкупающей лаской, что мучительная отчужденность на мигъ исчезла.

— Зовите, какъ прежде—зачѣмъ вамъ мое имя?

— Хорошо. Но я и говорить буду какъ съ прежней Музой! Я спрошу: что сдѣлала она за эти два слишкомъ года?

— Очень много дурного! — засмѣялась Анна нервно, и ей показалось, что его испытующій взоръ принимаетъ строгое выраженіе. — Ничего такого не сдѣлала, о чемъ бы стоило говорить,—прибавила она серьезно.

— Почему же такъ?

— Д-а-а! это—вопросъ!.. Николай Николаевичъ, вѣдь я не даромъ пришла къ вамъ сегодня. Дайте мнѣ совѣтъ! У кого же мнѣ просить его, если не у васъ?! Не только во имя дружбы къ дядѣ —нѣтъ, по человѣчеству, потому что вы изъ тѣхъ, которые призваны разъяснять и учить.

— Ну, это ужъ слишкомъ много! — усмѣхнулся Алѣевъ снисходительно:—на роль учителя я отнюдь не претендую. Но вамъ, любимицѣ моего дорогого друга, дѣвочкѣ, выроставшей на моихъ глазахъ,—вамъ, конечно, я радъ быть полезнымъ моей опытностью, если только могу. Однако вамъ нуженъ совѣтъ, котораго не могъ дать самъ вашъ братъ?

— Мой братъ меня нѣжно любитъ, мы очень дружны, но онъ не хочетъ отпустить меня добровольно, а я не въ силахъ жить тамъ дольше.

— Я понимаю. Вы все время жили въ деревнѣ?

— Нѣтъ, не все время. Вы не думаете ли, что я скучала тамъ?

— А, нѣтъ! это слово глупое, и я привыкъ примѣнять его

только къ пустымъ людямъ. Такая дѣвушка, какъ вы, вездѣ найдетъ себѣ дѣло.

— Къ стыду моему, я не нашла!—выговорила Анна тихо, склоняя невольно темную головку.

Развѣ она затѣмъ пришла сюда, чтобы исповѣдоваться? Такая потребность пропала у нея съ той минуты, какъ она увидала передъ собою не почтеннаго старика, какимъ она воображала себѣ Алѣева, а человѣка по виду немногимъ старше Строева. Нѣтъ! ей нужно отъ него одно только опредѣленное мнѣніе, ничего больше.

— Я совсѣмъ и не искала другого дѣла, помимо того, къ которому готовилась,—выговорила она.

— Однакожъ, оно не удовлетворяетъ васъ?

— Кто сказалъ?! Нѣтъ, нѣтъ! вы развѣ забыли? вѣдь я не доучилась; я должна учиться, должна работать не тамъ, не одна! Я собственныхъ силъ еще не знаю.

Алѣевъ ничего не говорилъ. Его пристальный взглядъ какъ будто проникалъ въ самую душу и вытягивалъ изъ нея слова, все болѣе и болѣе сбивчивыя и взволнованныя.

— Я затѣмъ и пришла къ вамъ, — говорила Анна: — вы знали меня ребенкомъ, видали мои работы... Вы должны помнить мнѣнія и отзывы дяди; знаете, можетъ быть, и такія, которыхъ мнѣ онъ не высказывалъ. Вы можете рѣшить, есть ли у меня настоящій талантъ, которому бы стоило посвятить всѣ свои силы.

— Я не могу этого рѣшить, я не художникъ! — отвѣтилъ Алѣевъ, отходя тревожно дальше къ столу.

— Все равно—еще пожалуй лучше даже! Вы большой знатокъ въ живописи, я знаю. У васъ независимый взглядъ, но главное,—главное, вы такъ хорошо знаете человѣческую душу!

Алѣевъ живо повернулся къ ней: какое, однако, вѣрное, зрѣлое сужденіе! Лицо Анны пылало обычнымъ блѣднымъ румянцемъ. Прелестный лобъ перерѣзала легкая морщинка; мучительное, напряженное выраженіе все разгоралось въ потемнѣвшемъ взорѣ. Она сжимала на колѣняхъ руки и сидѣла, вытянувшись всей стройной фигурой, точно ждала отъ него сію минуту безповоротнаго приговора.

Алѣевъ провелъ рукою по волосамъ.

— Это очень серьезный вопросъ,—выговорилъ онъ тихо.

И онъ медленно задвигался по комнатѣ, уже не глядя на Анну, вглядываясь въ отвлеченный образъ, слагавшійся въ его фантазіи... Быстрота мысли иногда поразительна. Какъ старый мастеръ-художникъ набрасываетъ быстрыми и рѣшительными штрихами весь планъ будущей картины, пользуясь при этомъ без-

сознательно прошлымъ опытомъ, какъ онъ пользуется тѣмъ мастерствомъ техники, на которое потратилъ когда-то бездну упорнаго труда и энергіи, чтобы никогда больше не вспоминать объ этомъ, а лишь выводъ—быть можетъ, мелкій и ничтожный—сложить бережно въ общую сокровищницу, — такъ и опытный художникъ слова находитъ въ себѣ готовымъ все то, что ему нужно, что имъ собрано, подмѣчено и угадано за цѣлую жизнь. Находитъ онъ выработанными до тонкости цѣлыя стороны характеровъ и отдѣльныя мельчайшія черты, все, что знаетъ не онъ одинъ, а каждый человѣкъ, но что только непонятнымъ и неуловимымъ напряженіемъ его души можетъ слиться въ гармоническій образъ. И тотъ образъ, по преимуществу, будетъ живымъ, будетъ яснымъ для всѣхъ, который созданъ однимъ дружнымъ порывомъ духовныхъ силъ. Онъ затмитъ другую, старательно обдуманную и кропотливо скомбинированную фигуру, которой не посчастливилось явиться на свѣтъ въ дружныхъ и мощныхъ потугахъ творчества. Каждый художникъ это чувствуетъ. Каждый знаетъ своихъ героевъ, родившихся въ „сорочкѣ“.

И Алѣевъ чувствовалъ, что то, что слагалось теперь въ его умѣ, было безошибочно: странный, отвлеченный двойникъ живой женщины, сидѣвшей въ его кабинетѣ и бросавшей на него тревожные взгляды. Мысли, роившіяся въ умѣ, были счастливыя мысли; онѣ всплывали готовыя и ясныя изъ тайниковъ, гдѣ идетъ загадочная работа, недоступная сознанію, извѣстная ему только по особенному, ни на что другое непохожему ощущенію.

На минуту онъ остановился передъ Анной, посмотрѣлъ на нее какъ-то совсѣмъ иначе, холодно блестѣвшими глазами, и сдѣлалъ нѣсколько отрывочныхъ вопросовъ:

— Вы все это время не бросали живописи?

— Нѣтъ, не бросала.

— И вы недовольны тѣмъ, что сдѣлано?

— Недовольна.

— Вамъ ничто не мѣшало работать?

— Напротивъ, всѣ удобства! у меня чудная мастерская. Мѣшало развѣ то, что всегда мѣшаетъ... жизнь... Нѣтъ, учиться мнѣ надо необходимо!—прибавила Анна тревожно, уже начиная смутно обороняться противъ того, чего онъ не сказалъ еще.

Алѣевъ прислонился спиной къ огромному книжному шкафу, съ высоты котораго смотрѣлъ его бронзовый бюстъ, чрезвычайно похожій.

— На вашемъ мѣстѣ я бы оставилъ эту мысль,—заговорилъ онъ, точно въ раздумьѣ:—повѣрьте, талантъ никогда не играетъ

съ нами въ прятки такъ долго! Значитъ, вы сомнѣваетесь, если ищете отвѣта у другого; это и есть тотъ отвѣтъ, который вамъ нуженъ. Я не художникъ, но всѣ искусства равны въ этомъ отношеніи... Школа, вы думаете?.. Это не такъ много, какъ вамъ кажется. Школа прибавитъ кое-что, но она не можетъ создать того, чего нѣтъ. О, да, да!—у васъ есть навѣрное нѣкоторыя способности, и это вы знаете сами, но меня вы спрашиваете не объ этомъ, не правда ли? Бываютъ способности, которыя вызываются на свѣтъ искусственно, обстановкой и всегда глохнутъ при мало-мальски неблагопріятныхъ условіяхъ. Еслибы васъ не захвалили слишкомъ съ первыхъ шаговъ, еслибы не гнали искусственно, какъ оранжерейное растеніе „на парахъ“, а просто заставили бы пройти своевременно хорошую школу... да, вѣроятно, изъ васъ вышелъ бы живописецъ или скульпторъ средняго уровня. Но для того форсированнаго пути, которымъ васъ вели, нужно было крупное и самобытное дарованіе. О, будьте покойны, такія дарованія не глохнутъ! Въ нихъ не сомнѣваются, а чувствуютъ въ себѣ еще тогда, когда и кисти держать въ рукахъ не умѣютъ: когда малюютъ угольком на стѣнкахъ или мѣломъ на опрокинутыхъ бочкахъ!..

Алѣевъ смотрѣлъ въ пространство и не видалъ, какъ блѣднѣла его слушательница. Онъ проговорилъ послѣднія слова съ горячимъ, протестующимъ жестомъ:

— Искусство только на извѣстной ступени имѣетъ право стать дѣломъ жизни. Это мое глубокое убѣжденіе, и я долженъ высказать его, если ужъ вы спросили моего мнѣнія. Вы, Муза Петра Голубина, не въ правѣ низводить его дѣло съ подобающей высоты и идти на компромиссы. Это не значитъ, разумѣется, чтобы вы не имѣли права заниматься живописью! Но для дилетантки, украшающей ею свою жизнь въ часы досуга, вы знаете совершенно достаточно и не нуждаетесь въ академіи. Не идите дальше этого, и вашъ талантъ принесетъ вамъ одну радость; но попробуйте „посвятить всѣ свои силы“, какъ вы говорите, и васъ ждутъ впереди самыя ужасныя муки: муки безсилія. Васъ погубитъ именно то, что въ васъ есть лучшаго — вашъ изощренный вкусъ и критическій взглядъ. Вы *не можете* довольствоваться посредственностью, вы неспособны быть скромной труженицей... вы... вы отравлены славой, а это опасный ядъ, повѣрьте мнѣ!.. Не возвращайтесь добровольно на этотъ путь, если сама судьба свела васъ съ него.

Онъ быстро подошелъ къ Аннѣ. Она ощупью, едва различая предметы, искала рукой по оттоманкѣ свою шляпу.

— Я васъ огорчилъ? вы возненавидите меня?.. Я могъ отвѣтить только честно на вашъ вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... все святая правда. Я знала сама, давно,— произнесла она внезапно охрипшимъ голосомъ.

— Бросьте шляпу, я не пущу васъ! Развѣ вы только за этимъ пришли ко мнѣ?

— Только за этимъ: услышать изъ чужихъ устъ—не малодушествуй постыдно, не закрывай глазъ сознательно! Вы правы —это ужасно, до какой степени вы правы! Плохіе артисты ни на что не нужны.

— Я могу ошибаться. Я не видалъ вашихъ послѣднихъ работъ.

— Я вамъ сказала уже, что онѣ плохи. Спасибо вамъ, Николай Николаевичъ; горькую правду говорить не легко, я это понимаю.

Она ошибалась. Алѣевъ почти забывалъ о ней, развивая съ увлеченіемъ свою мысль, которая очень занимала его. Теперь онъ смотрѣлъ на Анну и любовался невольно выраженіемъ глубокой печали, туманившимъ ея черты, какъ будто отраженіемъ старой, наболѣвшей муки, но не смятеніемъ внезапнаго, ошеломляющаго удара.

Да, Алѣевъ не сказалъ Аннѣ ничего новаго, но что-то съ живой болью оборвалось въ ея сердцѣ. Обвинять себя самому или услышать тотъ же приговоръ изъ чужихъ устъ—не одно и то же.

Анна надѣла шляпку и поднялась на ноги усталымъ движеніемъ. Алѣевъ какъ будто теперь только увидѣлъ ясно свой поступокъ. Онъ опять выразилъ надежду, что она не придастъ рѣшающаго значенія его мнѣнію; необходимо привезти изъ деревни ея картины и отдать ихъ на судъ присяжныхъ художниковъ.

— Повремените немного! — пытался онъ удержать свою гостью: — неужели вы довольствуетесь такимъ отрицательнымъ результатомъ? Но мой совѣтъ далеко не такъ безплоденъ, какъ вамъ кажется! Я повторю еще разъ: для такихъ женщинъ, какъ вы, дѣло всегда найдется.

Но Анна только усмѣхнулась на это съ такимъ горькимъ сарказмомъ, что его рѣзнуло по сердцу...

Алѣевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ гостинницу и безъ большого труда уладилъ дѣло съ пропиской до высылки изъ деревни законнаго вида.

XLII.

Бываетъ, что мы внезапно поймемъ смыслъ какого-нибудь выраженія, которое употребляли всю свою жизнь, не задумываясь надъ нимъ. Тотъ, кто первый сказалъ, что имъ овладѣло *холодное отчаяніе*, навѣрное испытывалъ такой же отвратительный, физическій холодъ, какой чувствовала Анна въ прелестные августовскіе дни, въ душномъ нумерѣ гостинницы. Онъ пронизывалъ ее всю, заставлялъ сердце биться слабѣе, мысль—шевелиться въ мозгу съ мучительнымъ усиліемъ. Анна цѣлыми часами лежала на кровати въ тяжелой апатіи, желая одного: какъ-нибудь согрѣться. Нужно обдумать свое положеніе, не теряя времени, принять какое-нибудь рѣшеніе. Все разлетѣлось въ дребезги вокругъ нея, благія намѣренія и завѣтныя мечты... Ее прихлопнуло точно гробовой крышкой безпощадное слово, высказанное Алѣевымъ съ прямотой мыслителя, дерзающаго произнести правдивую характеристику. Она осталась на распутьѣ и не могла тронуться ни впередъ, ни назадъ. Не могла вернуться подъ кровъ Марьи Павловны, которой дала слово уѣхать, но не знала также, для чего ей жить одной въ Петербургѣ. Она запретъ павильонъ и не возьметъ изъ него ни одной вещи. Сожжетъ всѣ свои полотна, разобьетъ гипсы, никогда въ жизни не возьметъ въ руки кистей...

Анна думала холодно и спокойно о Строевѣ, обдумывая то, что напишетъ ему; начала даже письмо, но ей трудно было писать, и она рѣшила, что докончитъ его понемногу, не торопясь. Она не станетъ обманывать, скажетъ все, что есть. Она не любитъ его, но если онъ хочетъ—она попытается создать для нихъ сносную жизнь. Они оба инвалиды и съумѣютъ отнестись бережно другъ къ другу. Мысль по старой памяти возвращалась къ плану, на половину осуществленному, и который требовалъ поэтому отъ нея всего меньше усилій. „Не все ли равно!“—говорила она себѣ безпрестанно...

Анна провела такъ два дня, не считая убѣгавшихъ часовъ и не выйдя ни разу на улицу. За стѣной по прежнему по утрамъ разучивали романсы, а вечеромъ пѣли ихъ кому-то очень скверно. Голоса сосѣдей слѣва слышались рѣже. Наконецъ, на третій день къ Аннѣ постучались, но, вмѣсто Алѣева, о которомъ она подумала сейчасъ же, въ нумеръ вошелъ Ожогинъ.

— Какъ вы разыскали меня?! Кто вамъ позволилъ?!—встрѣтила его Анна непріязненно.

Художникъ узналъ въ Залѣсьѣ и привезъ ей письмо отъ Мишеля. Нашелъ ее, разыскивая поочередно во всѣхъ большихъ гостинницахъ. Пока Анна читала письмо, Ожогинъ стоялъ у окна, стараясь совладать съ своимъ волненіемъ. Его поразилъ несчастный видъ Анны.

— И вы не сказали Мишелю, что я вернуться не могу?!.. Что онъ будетъ только напрасно терзать себя и меня подобными письмами?.. Вы должны бы, по крайней мѣрѣ, знать это!—послышался за его спиной тихій, потерявшій всю звучность, голосъ Анны.

— Михаилъ Владиміровичъ вполнѣ увѣренъ, что вы вернетесь. Господинъ Строевъ увѣренъ въ этомъ еще больше.

Анна молчала, поникнувъ головой на руку.

— Я не знаю, что произошло: мнѣ сказали, будто вы невѣста Строева... Правда это?? Я не повѣрилъ! Вы привели въ исполненіе свое давнишнее желаніе и пріѣхали сюда учиться, не правда ли, Анна? Какъ бы я ни былъ виноватъ передъ вами, во имя прошлаго, во имя нашей старой дружбы, я хочу и имѣю право знать всю правду!!

Анна подняла голову и нѣсколько секундъ смотрѣла ему въ лицо съ невыразимо-горькой усмѣшкой. Онъ зналъ всѣ ея мечты! Онъ горячо поддерживалъ въ ней сладкую иллюзію, которую могла разбить равнодушно и безповоротно только чужая рука.

— Все кончено, Ожогинъ. Учиться нечему; я никогда больше не возьму кистей въ руки. Даю въ этомъ честное слово... передъ вами,—слушайте меня хорошенько!

— Конецъ?.. какой конецъ?! Какъ оно могло кончиться, не начавшись?.. Вы въ какомъ-то странномъ настроеніи...

— Да! въ очень странномъ! съ вами никогда не случалось, чтобы кто-нибудь высказалъ вслухъ свои мысли о васъ, и вы бы услышали въ этомъ точь-въ-точь то самое, что давно сознавали, но только малодушно отталкивали?

— Откуда взялся такой оракулъ?!

— О, достаточно авторитетный, можете быть покойны на этотъ счетъ! Оставимъ это разъ навсегда! не спрашивайте меня никогда... никогда!.. Вонъ на столѣ лежитъ начатое письмо. Строевъ не ошибся. Только я не вернусь больше въ Залѣсье.

Анна откинула голову на спинку дивана и безъ возраженій, терпѣливо слушала все, что художникъ говорилъ ей, волнуясь, выходя изъ себя. Она и Строевъ!—можетъ ли что-нибудь быть безумнѣе этого?! Или она еще не знаетъ себя, не понимаетъ, что не ей жить безъ радости, безъ свѣта и блеска?.. Что ста-

лось съ нею за одно лѣто—не жизни съ этимъ человѣкомъ, а только усилій сблизиться съ нимъ!.. И развѣ могло быть иначе! Онъ и теперь имѣетъ видъ какого-то ясновидящаго, прозрѣвающаго въ будущее, вмѣсто того, чтобы просто, по-человѣчески потерять голову отъ отчаянія. Нѣтъ, нѣтъ! Ей нуженъ живой человѣкъ, со страстью и вѣрой, съ жизнью, которая кипитъ впечатлѣніями. Она губитъ себя изъ великодушія, но это роковая ошибка: она не сдѣлаетъ его счастливымъ, если будетъ несчастна сама...

Художникъ развередилъ все, что осѣло только-что на днѣ души подъ гнетомъ тяжелой апатіи. Въ памяти Анны промелькнула послѣдняя ночь въ павильонѣ, и она снова почувствовала тотъ ужасъ, который овладѣлъ ею тогда при одной мысли о встрѣчѣ со Строевымъ. Она вскочила съ своего мѣста, негодующая.

— Довольно! зачѣмъ вы пришли мучить меня?! Кто звалъ васъ? Не вамъ удержать меня.

— Вы бы равнодушно выслушали мои слова, еслибы въ нихъ не было правды!—перебилъ ее Ожогинъ, задыхаясь.

Они встрѣтились глазами, и оба выдерживали нѣсколько секундъ, точно мѣряясь силами.

— Все равно! — усмѣхнулась холодно Анна: — мнѣ ничего больше не осталось, и я выйду за Строева.

— И это говорите вы, вы, Анна!—всплеснулъ руками художникъ.—Послушайте... если вамъ все равно... если вы не любите Строева, какъ не любите никого другого,—зачѣмъ выбираете вы именно его?.. Позвольте, дайте мнѣ сказать! Что вамъ стоитъ выслушать мои слова, даже если они и безумны? Я вѣчный мальчикъ въ вашихъ глазахъ. Вы не замѣчаете, сколько я пережилъ,—не замѣчаете потому, что это сдѣлали вы. Пусть такъ! Еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ самый мальчикъ будетъ извѣстенъ—и вотъ одно, что могло бы удовлетворить васъ! Да, онъ будетъ, будетъ извѣстенъ. Онъ можетъ дать вамъ все то, что вамъ нужно, онъ васъ зоветъ на невѣрный, но увлекательный, на святой путь артиста! Пусть даже вашъ собственный талантъ не довольно силенъ—что за бѣда? въ общемъ, въ нашемъ общемъ дѣлѣ, Анна, и онъ все-таки будетъ значить много! Неужели вы не чувствуете сами, что я правъ?? Мы всего достигнемъ вдвоемъ. Вы опять будете Музой, какъ прежде. Я всю мою жизнь буду обожать васъ одну... Анна!! Что я сдѣлалъ, чтобы вы были такъ глухи къ моимъ мольбамъ??

Анна стояла и слушала, зажавъ глаза одной рукой.

Кровь звенѣла въ ушахъ Ожогина, искры мелькали въ гла-

захъ. Впервые въ этотъ мигъ ему мелькнула надежда и, какъ вино, ударила въ голову.

— Анна! развѣ я любилъ васъ не раньше, развѣ люблю не больше ихъ всѣхъ?.!

— Замолчите!!—опомнилась, наконецъ, дѣвушка.—Все правда, что̀ вы говорите, до послѣдняго слова! Да, только такая жизнь, какую вы рисуете, дала бы мнѣ полное счастье, но вѣдь я не люблю васъ, Ожогинъ. О, зачѣмъ я не могу полюбить васъ!.. Вамъ, артисту, необходима истинная любовь. У васъ настоящій талантъ, большой; васъ погубить—двойной грѣхъ! Нѣтъ, этого я не возьму на свою душу. Я не люблю васъ. Уходите теперь, Дмитрій Дмитричъ, уходите скорѣе! Намъ больше нечего сказать другъ другу.

Онъ былъ блѣденъ, а глаза, какъ два угля, горѣли на его исхудаломъ лицѣ.

— Нечего? нѣтъ, я скажу еще одно—послѣднее. Я готовъ ждать вашей любви, сколько вы потребуете. Мы будемъ товарищами до той минуты, когда вы увидите во мнѣ не мальчика, котораго вамъ такъ трудно забыть,—увидите артиста, оцѣненнаго другими. Тогда вы меня полюбите! Это будетъ,—я это чувствую. Будетъ!.. Я буду ждать, Анна...

— Вы сошли съ ума! вы въ конецъ рехнулись! за кого, наконецъ, вы меня принимаете?!.. Прощайте, Ожогинъ; я требую, чтобы вы оставили меня.

Онъ ушелъ. Анна осталась, потрясенная до глубины души. Ей никогда и на умъ не приходило видѣть въ молодомъ художникѣ жениха; но та картина, которую онъ набросалъ передъ нею нѣсколькими безпорядочными яркими штрихами—эта картина затронула всѣ фибры ея души...

И когда Анна подошла къ столу, чтобы докончить скорѣе письмо къ Строеву, она почувствовала, что то подавленное состояніе, въ которомъ она начала писать его, кончилось и не вернется больше.

Она медленно разорвала начатое письмо.

XLIII.

На другой день Анну ждалъ новый сюрпризъ: докторъ Заботинъ также явился въ Петербургъ разыскивать ее.

Побывавъ въ Залѣсьѣ, выслушавъ негодующій разсказъ Марьи Павловны и безнадежныя сѣтованія Мишеля, что Анна не вер-

нется домой, потому что много разъ уже грозила уѣхать безъ его согласія, Орестъ Павловичъ предложилъ отправиться парламентеромъ болѣе надежнымъ, чѣмъ потерявшій голову Ожогинъ.

Орестъ Павловичъ зналъ больше всѣхъ. Несомнѣнно, что это была та критическая минута въ жизни Анны, когда ни одинъ человѣкъ не можетъ отвѣчать за то, что онъ сдѣлаетъ. Невѣста Строева бѣжала! Все благоразуміе умнаго доктора пошло прахомъ. Онъ не сказалъ бы, зачѣмъ именно онъ бросается за нею слѣдомъ, какія смутныя надежды, какія желанія всплыли въ душѣ и заслонили собою все то, что онъ зналъ твердо о невозможности побороть антипатію Анны. Орестъ Павловичъ вовсе не разсуждалъ, онъ просто не могъ усидѣть на мѣстѣ. Истинныя страсти тѣмъ и отличаются, что онѣ не знаютъ ни логики, ни очевидности. Подавленныя и укрощенныя усиліями воли, онѣ пользуются каждой оплошностью, пользуются малѣйшимъ ослабленіемъ бдительности, какое приноситъ за собою всякая неожиданность, для того, чтобы сбросить узду и перевернуть по своему тяжелыя построенія здраваго смысла. Докторъ говорилъ себѣ, что онъ только посмотритъ на Анну—это любопытно...

Оказалось любопытнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Орестъ Павловичъ не зналъ, сколько скопилось въ душѣ Анны разочарованія въ себѣ и въ другихъ, не зналъ, какъ долго накипали въ ней впечатлѣнія, то уязвляющія и раздражающія, то удручающія, то возбуждающія. Онъ не могъ думать о душевномъ равновѣсіи женщины, изъ-за которой шло отчаянное состязаніе, упорное домогательство, то нравственное насиліе, которое ни во что не ставится и не носитъ вовсе имени столь предосудительнаго. Никто не подведетъ чужихъ итоговъ. Никого не касается общая сумма слагаемыхъ, между которыми онъ фигурируетъ отдѣльной величиной.

Орестъ Павловичъ ожидалъ найти Анну огорченной, недоступной, и былъ пріятно удивленъ: въ ея обращеніи была странная неровность, но въ то же время небывалая терпимость. Начала Анна съ того, что на-отрѣзъ отказалась принять его, но очень скоро перемѣнила рѣшеніе. По крайней мѣрѣ, она не будетъ одна и по-неволѣ оторвется хоть на время отъ своихъ безотрадныхъ думъ! Докторъ держалъ себя весело, любезно и не спѣшилъ затрогивать щекотливыхъ вопросовъ.

„Право, онъ умнѣе ихъ всѣхъ!“—подумала Анна, когда онъ раза два заставилъ ее искренно разсмѣяться.

Заботина поразила духота нумера, на которую Анна давно перестала обращать вниманіе. Что, еслибъ они прокатились по

островамъ? Она смотритъ очень дурно, и свѣжій воздухъ ей будетъ полезенъ.

Не все ли равно, какъ убить время? Аннѣ было пріятно, что ее выводили изъ мучительнаго неподвижнаго состоянія, что дѣлалъ это за нее кто-то другой. Покачиваясь на подушкахъ коляски, она ни о чемъ не думала и разсѣянно прислушивалась къ болтовнѣ своего кавалера. Она съ любопытствомъ приглядывалась ко всѣмъ встрѣчнымъ лицамъ. Встрѣчались все больше молодые и всѣ веселые. Сколько жизни вокругъ!.. сколько жизни всюду, куда ни взглянешь! Она точно вовсе позабыла объ этомъ въ своемъ углу. Ее охватывало новое, легкое, немного жуткое чувство свободы. Впереди открывается новая жизнь,—она ничего о ней не знаетъ, рѣшительно ничего! это не значитъ, разумѣется, что въ ней ничего и не будетъ.

Усаживаясь въ коляску, Анна сказала себѣ, что нѣтъ надобности торопиться съ письмомъ къ Строеву. Когда экипажъ выѣхалъ на Каменноостровскій проспектъ, она такъ же безпричинно, среди совершенно постороннихъ мыслей, подумала, что напишетъ непремѣнно сегодня же, какъ только вернется. На этотъ разъ уже навѣрное, и письмо готово въ умѣ, хоть она не знала, когда же именно она обдумала его... И вдругъ стало пусто, точно она сейчасъ похоронила кого-нибудь. Чтобы заглушить это ощущеніе, Анна прислушалась внимательнѣе: докторъ тоже говорилъ о Строевѣ. Очень осторожно. Она видѣла, гдѣ онъ не рѣшается и пробуетъ дружески-шутливый тонъ. Ну, развѣ же не умница?! Она такъ хорошо его знала, что понимала всякую его сноровку и какъ будто даже любовалась. Онъ совсѣмъ не возмущалъ ее больше. Она засмѣялась, когда онъ принялся такъ же шутливо доказывать, что всего бы умнѣе она поступила, еслибъ взяла въ мужья его, Заботина. Строева онъ видѣлъ недавно, говорилъ съ нимъ довольно долго; онъ завѣряетъ ее своею честью врача, что ихъ жилецъ или самъ сойдетъ съ ума, или и вторую жену свою заставитъ отравиться — на этотъ разъ уже несомнѣнно добровольно! Ожогинъ искренно любитъ ее, но это милый мальчикъ, не больше.

— Только я-то не стою этого мальчика!—перебила его Анна съ внезапной горячностью.—У него истинный талантъ, огромная будущность, его губить я, конечно, не стану!

„Гм... *губить*!.. мы, однако, въ настроеніи очень и очень опаснома“,—отмѣтилъ себѣ докторъ.

Онъ сталъ еще осторожнѣе. Въ его обращеніи появилась вовсе

несвойственная ему мягкая вкрадчивость,—точно у кошки, припрятавшей когти и прищурившей хищные взоры.

Въ каждомъ вопросѣ слѣдуетъ взвѣсить совершенно хладнокровно все—pro и contra. Ей нужна свобода во что бы то ни стало—остается выйти замужъ. Его преимущества не такъ ужъ маловажны: какъ человѣкъ вполнѣ искренній, онъ и отъ нея не потребуетъ лицемѣрія. И онъ понимаетъ ея натуру, какъ никто другой. Онъ философъ, а въ жизни это все! Съ точки зрѣнія матеріальной, онъ будетъ носить ее на рукахъ и угадывать ея желанія. Онъ не бѣденъ и никогда не былъ скупъ; броситъ службу, переѣдетъ въ Петербургъ, они съѣздятъ за границу, если ей угодно. Объ этомъ стоитъ подумать. Строевъ, въ концѣ концовъ, надѣнетъ на нее вериги и посадитъ на хлѣбъ и на воду. У Ожогина въ карманѣ однѣ надежды на „огромную будущность".

— Хорошо, хорошо! я объ этомъ непремѣнно подумаю!—смѣялась Анна.—А теперь, Орестъ Павловичъ, пока я еще принадлежу, слава Богу, себѣ самой, прикажите, пожалуйста, кучеру повернуть. Пора обѣдать.

Орестъ Павловичъ возсталъ. Неужели ради обѣда они должны вернуться въ городъ? Пообѣдать можно вездѣ.

— Въ ресторанѣ съ вами?.. Я не желаю,—объявила Анна откровенно.

— Дѣлать нечего, заѣдемъ тогда въ лавочку, купимъ провизіи и утолимъ свой аппетитъ, не выходя изъ коляски. Это будетъ въ высокой степени mauvais genre, но зато вполнѣ безопасно.

— Вы полагаете, что я считаю обѣдъ съ вами опаснымъ?

— Въ противномъ случаѣ, почему же вы отказываетесь?

— Хорошо. Прикажите ему ѣхать; гдѣ это?

Все равно, если это и не совсѣмъ прилично. Надо привыкать когда-нибудь къ самостоятельности, не гувернантку же ей завести себѣ. Заботинъ Анну положительно забавлялъ сегодня. Сознаніе его любви не стѣсняетъ нисколько, хоть она въ ней и не сомнѣвается. Несчастнаго Ожогина она за послѣднее время не можетъ видѣть равнодушно, сердце болитъ! О Строевѣ она даже думать не въ состояніи больше.

„Передъ этимъ нельзя быть виноватой", подыскала она случайно объясненіе своему настроенію...

Конечно, Аннѣ никогда раньше не случалось бывать такъ въ загородныхъ ресторанахъ. Когда-то ѣздили на масляницѣ пикникомъ огромной компаніей, раза два, быть можетъ. Было это, должно быть, не здѣсь. Она съ любопытствомъ присматривалась: зажженныя канделябры, когда за спущенными гардинами еще

царитъ день. Накрытый столъ, вся комфортабельная обстановка уединенной комнаты и особенное, сдержанно-возбужденное настроеніе ея спутника, все это было ново и занимало Анну. Орестъ Павловичъ какъ будто помолодѣлъ. Привычная сухая усмѣшка ни разу не появлялась на его лицѣ; глаза свѣтились за стеклами; какія-то новыя, симпатичныя ноты звенѣли въ голосѣ.

„Онъ можетъ быть хорошимъ пріятелемъ!—подумалось невольно Аннѣ.—Не нужно только требовать невозможнаго, кое съ чѣмъ примириться разъ навсегда. Съ нимъ разрывать не слѣдуетъ. Онъ—веселый; притомъ надо же, чтобы остался хоть кто-нибудь изъ прежнихъ!“

Вѣроятно и глаза Анны глядѣли на него ласковѣе обыкновеннаго. Докторъ налилъ вина и попросилъ ее чокнуться съ нимъ.

— Извольте,—согласилась она сейчасъ же.—За то, чтобы мы оставались всегда друзьями!

Онъ пытливо смотрѣлъ на нее и медлилъ съ бокаломъ въ рукѣ.

— А друзьямъ вашимъ полагаются ли какія-нибудь права?

— Какъ?! вы торгуетесь?—отвела свою руку Анна.—Права друзей всѣмъ извѣстны, мнѣ кажется.

— Но вы полагаете, что я буду въ состояніи выполнить также всѣ обязанности?

— О, обязанности не очень затруднительны! Навѣщать меня иногда въ Петербургѣ, чтобы вспоминать вмѣстѣ старое Залѣсье! Что прошло—то будетъ мило. Не даромъ это сказано великимъ поэтомъ!

Ея взоръ затуманился. Словно наяву, промелькнула въ глазахъ круглая зала, пустая. Одна Муза выжидательно прислушивается, не возвращается ли молодая хозяйка. Пестрый куполъ бросаетъ таинственный свѣтъ. Неужели никогда больше она не увидитъ этого? Богъ знаетъ, чѣмъ кончится у нея съ Мишелемъ, какъ воспользуется этимъ Марья Павловна.

— И только?!—усмѣхнулся Орестъ Павловичъ на ея перечисленіе обязанностей.

— Только, — повторила Анна серьезно. — У меня, Орестъ Павловичъ, совершается генеральная ликвидація прошлаго, и ничто не должно оставаться невыясненнымъ. Знаете, я очень благодарна, что вы вытащили меня сегодня: такъ унывать невозможно. Какъ бы тамъ ни было—все еще впереди!

Анна давно не пила вина; она съ наслажденіемъ чувствовала внутри пріятный жаръ, прогонявшій послѣдніе слѣды несноснаго холода, сжимавшаго сердце такъ долго.

— Вамъ, унывать! не можете представить себѣ, до чего

смѣшно это слушать. Правда, что вы мастерица портить себѣ жизнь, ну, да вѣдь пора же и отъучиться когда нибудь!

У него вертѣлся на языкѣ вопросъ: какъ же будетъ со Строевымъ? какъ она рѣшила? Но онъ боялся спросить, довольный, что она относится къ нему такъ неожиданно дружелюбно. Анна задумалась.

— Вы когда теперь будете въ Залѣсьѣ, Орестъ Павловичъ? Можно дать вамъ маленькое дружеское порученіе? впрочемъ, мы вѣдь такъ и не чокнулись съ вами! вы не приняли моихъ условій!

Докторъ опустилъ глаза; онъ не имѣетъ привычки спѣшить въ серьезныхъ вопросахъ.

— Зато на мои обѣщанія можно вполнѣ полагаться,—прибавилъ онъ значительно.

— Какъ хотите,—отвѣтила Анна равнодушно.

Она давно не обѣдала съ такимъ аппетитомъ. Ея кавалеръ, напротивъ, только для виду накладывалъ кушанья себѣ на тарелку.

Орестъ Павловичъ совершенно искренно величаетъ себя философомъ. Онъ знаетъ, что симпатіи и антипатіи непроизвольны и неизмѣнны, но на зло всему, что онъ знаетъ такъ твердо, внутренняя тревога все усиливается. Теперь или никогда! Съ каждымъ новымъ глоткомъ выпитаго вина старые аргументы блѣднѣютъ и уступаютъ мѣсто новымъ, смутнымъ—не надеждамъ, о, нѣтъ! —онъ не прибралъ бы названія для собственныхъ ощущеній, еслибъ потребовалось. Это было никогда неиспытанное смятеніе — да, именно смятеніе! Шансъ на удачу одинъ на тысячи, того меньше, но и одинъ онъ потрясъ до основанія все его хладнокровіе.

Анна ѣла мороженое. Ея лицо разгорѣлось, но въ немъ осталась тихая грусть, дѣлавшая его еще нѣжнѣе и прелестнѣе. Орестъ Павловичъ всталъ, безпокойно покружился по комнатѣ, потомъ остановился за ея стуломъ.

— Итакъ, Анна Владиміровна, у васъ совершается „генеральная ликвидація“. Она, видимо, еще не закончена?

— Почему вамъ такъ кажется? Напротивъ, совершенно закончена. Я выхожу изъ прошлаго съ очень легкимъ багажемъ. Отъ старыхъ надеждъ—ничего! Отъ многочисленныхъ друзей—ни одного! Недостаетъ, чтобы и братъ серьезно отрекся отъ меня.

Докторъ смотрѣлъ на пышную черную косу, на изящное маленькое ухо, на тонкую шейку, и былъ радъ, что Анна не видитъ его лица.

— Зачѣмъ же вы поторопились и меня исключить изъ списка вашихъ друзей?—выговорилъ онъ медленно.

— Затѣмъ, что вы колеблетєсь.

— Вы знаете почему. Я добросовѣстный человѣкъ, Анна Владиміровна, какъ бы превратно вы ни судили обо мнѣ. Я не хочу брать на себя невыполнимаго. Наша дружба возможна только при одномъ условіи: что вы будете моей женой.

— Никогда не слѣдуетъ, докторъ, повторять одну и ту же шутку два раза.

— Отчего же? шутки ради, вообразите себѣ, что вы послѣдовали моему совѣту.

Онъ, наконецъ, рѣшился сѣсть около нея. Напряженная усмѣшка дрожала на его губахъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что со мной не потребуется лицемѣрить: вы меня любить не можете. Но умные люди, при желаніи, могутъ прекрасно ужиться между собою. Наконецъ, чѣмъ мы рискуемъ? Мы мирно и благородно разстанемся, какъ только станемъ невыносимы другъ другу! Полагаю, что и я устану, въ концѣ концовъ угождать супругѣ... столь затруднительной!

Анна смотрѣла на него съ глубокимъ любопытствомъ.

— Дѣйствительно, у васъ есть одно преимущество: передъ вами даже нельзя быть виноватой!—повторила она съ возмущеніемъ свою прежнюю мысль.

— Вотъ именно!—усмѣхнулся жестко Заботинъ:—меня „погубить“ не жаль, да и мудрененько.

— Вопросъ исчерпанъ, надѣюсь? — поднялась Анна рѣшительно съ своего мѣста.—Я принимаю ваше необдуманное предложеніе, разоряю васъ въ пухъ и прахъ и бросаю черезъ годъ. Вы не имѣете права жаловаться, потому что заранѣе дали мнѣ на это carte blanche. Все это по истинѣ превосходно! А пока мы можемъ ѣхать въ городъ, Орестъ Павловичъ.

— Но вы исполните мою просьбу и обдумаете не шутя мою шутку? Повѣрьте, имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ никогда не страшно,—повторилъ онъ еще разъ настойчиво, подавая Аннѣ ея накидку.

— Не постигаю, какъ возможны подобные разговоры, послѣ всего, что вы давно знаете о моихъ чувствахъ?!

„Гдѣ же тебѣ понять! надо для этого родиться мужчиной“, —подумалъ онъ озлобленно.

Они молча возвращались въ городъ.

„*Они* и мы—это двѣ совсѣмъ различныя породы существъ!“ думала Анна, сопоставляя этотъ разговоръ и вчерашнюю сцену съ молодымъ художникомъ. Два человѣка одинаково безразсудно готовы были пойти на всѣ сдѣлки; они расточали невозможныя

обязательства, мирились съ величайшимъ рискомъ—и все это для того, чтобы овладѣть женщиной, которая ихъ не любитъ. Юноша, по крайней мѣрѣ, утверждалъ еще: „вы полюбите меня послѣ“,—философъ-докторъ сознательно мирился съ тѣмъ, что этого никогда не будетъ.

„Но вѣдь должны же быть и у нихъ какія-нибудь опредѣленныя представленія о счастіи?—думала наивно дѣвушка.—Положимъ, Ожогинъ очень молодъ. Докторъ — извѣстный матеріалистъ. Ну, а Строевъ? Если она напишетъ, что не любитъ его, но согласна быть его женой, откажется ли отъ нея Строевъ?..

Анна не сомнѣвалась, что Строевъ согласится. Ей сдѣлалось страшно: отовсюду жадныя руки протягивались къ ней, всѣ уста произносили слова любви.

Было ужъ не рано и начинало быстро темнѣть, когда коляска въѣхала въ городъ. Кое-гдѣ въ окнахъ мелькали ужъ огни. Чудный городъ! Хорошо жить тутъ счастливой—свободной. Не сегодня-завтра Мишель самъ явится за нею, убѣдившись, что никакіе парламентеры не подвигаютъ дѣла впередъ. Мишель блуждаетъ по Залѣсью унылый, несчастный и вздыхаетъ безпомощно. На его мѣстѣ она давно ужъ была бы здѣсь, и дѣло окончилось бы жесточайшей ссорой. Жаль Мишеля, но еще сильнѣе жаль себя.

Анна простилась со своимъ спутникомъ у подъѣзда. Они разстались холодно, но — странно! оба почувствовали, что продолженіе впереди. Докторъ бросилъ короткій, блестящій взглядъ и не провожалъ Анну до ея нумера. Она медленно поднималась по лѣстницѣ, стараясь разобраться въ собственныхъ ощущеніяхъ. Оцѣнка этого человѣка и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ на нее, рѣшительно не вязались между собой. Почему-то ей не хотѣлось окончательно порвать знакомства съ нимъ при всемъ ея дурномъ мнѣніи о немъ. Какъ разъ обратное было со Строевымъ.

Голова еще оставалась отуманенною долгимъ катаньемъ, усталостью и рюмкой выпитаго вина. Мысли всплывали неожиданно и какъ-то безвольно, сами собой. Этихъ двухъ людей нельзя даже сравнивать, но, кажется, въ концѣ концовъ, ей легче было бы пойти на безумную, безнравственную сдѣлку, предложенную докторомъ, нежели выполнить собственное обязательство относительно Строева, какъ ни велико ея уваженіе къ нему. Эта мысль привела Анну въ отчаяніе. Она быстро раздѣлась и сѣла писать свое покаянное письмо.

Письмо вышло очень недлинно. Анна не пыталась оправды-

ваться, она, напротивъ, старалась примирить его съ неизбѣжнымъ разрывомъ, доказывая всячески, какъ мало она достойна его. Въ этомъ письмѣ все было искренно, не было ни слова лжи, но, однакожъ, въ немъ не хватало главнаго: въ немъ не было призрака погибшей жены. Не было того отвѣта, котораго требовалъ Строевъ, вручая ей зеленую книгу. Между тѣмъ Анна знала, какъ мучительно онъ ждетъ отвѣта; она понимала, что этотъ отвѣтъ для него важнѣе даже ея любви, по крайней мѣрѣ въ эту минуту. „Произнесите вашъ судъ, вы одна изъ всѣхъ людей", молилъ Строевъ. Она произносила этотъ судъ, уклоняясь отъ отвѣта, говоря только о собственныхъ чувствахъ и объ ихъ несостоявшемся бракѣ. И этого малодушія она не стыдилась. Есть слова, которыхъ лучше не произносить, если они могутъ быть понятны безъ этого. Въ иныхъ случаяхъ нѣтъ отвѣта болѣе краснорѣчиваго, чѣмъ молчаніе.

Анна плакала. Она сейчасъ же запечатала письмо, не перечитывая его, увѣренная заранѣе, что останется имъ недовольна. Не все ли равно? Какое значеніе имѣетъ та или другая фраза, если все худшее онъ впишетъ самъ между строкъ, и въ этомъ она *не смѣетъ* ни обмануть, ни утѣшать его?! Анна позвонила и велѣла сію минуту опустить письмо въ почтовый ящикъ. Она ненавидѣла себя, ненавидѣла жизнь. Она не знала что̀ ей дѣлать и куда дѣвать себя.

XLIV.

Анна поднялась на другой день въ смертельной тоскѣ, но вмѣстѣ съ облегчающимъ сознаніемъ, что главное кончено безповоротно. „Я свободна!"—повторяла она мысленно, хоть была не менѣе свободна и вчера. Нѣтъ, все не то!.. Дѣло въ томъ, что ей нечего дѣлать съ своей свободой. Прежде были хоть нескончаемыя колебанія, усилія побороть себя и насильно втиснуть свое существованіе въ опредѣленныя рамки. Было внутреннее, всегда присущее сознаніе, что ея доля должна бы быть совсѣмъ иная; было вмѣстѣ и ублажающее, и растравляющее сознаніе собственнаго превосходства. Неужели все могло уничтожиться отъ одного слова Алѣева, отъ простого мнѣнія чужого человѣка?! Анна въ отчаяніи пыталась сопротивляться, и тогда передъ нею, какъ живая, вставала величавая фигура писателя, его выразительное лицо, освѣщенное напряженною мыслью, къ которой самъ онъ какъ будто только еще прислушивается. Она не слыхала,

чтобы кто-нибудь еще говорилъ такъ, какъ онъ. Алѣевъ, конечно, не хотѣлъ огорчить ее. Онъ не могъ поступить легкомысленно, сознавая всю важность ея просьбы — вѣдь онъ сказалъ это! Да и сама она признала ли бы несправедливый приговоръ, еслибъ приговоръ этотъ не попалъ ей прямо въ сердце? Анна чувствовала себя глубоко несчастной, какъ никогда раньше.

Она инстинктивно старалась отвлечь свои мысли. Безполезно перебирать сызнова то, что рѣшено окончательно. Надо имѣть мужество преклониться передъ собственнымъ рѣшеніемъ. Но для этого главное—не останавливаться на одномъ мѣстѣ; главное—быть дѣятельной и рѣшительной—о, непремѣнно рѣшительной! Жизни нельзя расписать напередъ по программѣ, но необходимо покончить теперь же съ ближайшими вопросами. Въ академію она не поступитъ. Она не станетъ унижать имени великаго Голубина, низводя это имя до жалкой посредственности, до бездарности, мнящей о себѣ... но вѣдь она даже и не мнитъ!.. Нѣтъ, нѣтъ—съ этимъ покончено разъ навсегда. Вернется ли она въ Залѣсье? Что скажетъ она Мишелю, когда онъ спроситъ, почему же она въ такомъ случаѣ не хочетъ жить въ его домѣ?..

Вотъ она дошла до того пункта, котораго боялась, и съ первой минуты знала, что дойдетъ до него неминуемо... Только съ ея замужествомъ положеніе распуталось бы само собой. Тогда не нужно ни обижать Мишеля, ни подрывать его счастливую вѣру въ любовь Мани. Маня—изъ тѣхъ женщинъ, въ чьей жизни рѣшающую роль играетъ случай; она не устоитъ передъ искушеніемъ, но едва ли станетъ сама искать его. Ее легко погубить, но опасность исчезла бы сама собой, еслибъ Анна приняла предложеніе Заботина.

Дѣвушка въ лихорадочной тревогѣ двигалась по комнатѣ. Опять ее охватывало знакомое, увлекательное волненіе смѣлыхъ рѣшеній. Но на этотъ разъ къ нему примѣшивались усталость и искреннее равнодушіе. Ей не казалось больше, что она жертвуетъ чѣмъ-то лучшимъ впереди—ей было дѣйствительно „все равно“, до такой степени надо всѣмъ преобладало разочарованіе въ себѣ самой. И опять, какъ вчера, ея ощущенія двоились, когда она думала о докторѣ. Онъ ей не былъ противенъ... Что-то какъ будто даже нравилось въ немъ, всегда нравилось, иначе не тянулось бы это такъ долго. Неужели человѣкъ можетъ нравиться, когда его нисколько не уважаешь?! Это нарушало всѣ ея дѣвическія теоріи, возмущало ее. Въ обоихъ случаяхъ было бы замужество безъ любви; разница та, что, выбирая Заботина, она чувствовала себя нравственно свободной, точно подписывала

контрактъ, который всегда можно нарушить, уплативъ извѣстную неустойку.

Время идетъ, Анна все думаетъ на ту же тему. Мало-по-малу она начинаетъ находить странную, притягивающую занимательность въ оригинальности такого положенія. Еще немного, и она видитъ себя сочиняющею письмо къ Мишелю. Это привело ее въ ужасъ. Нѣтъ, нѣтъ! она не принимала никакого серьезнаго рѣшенія, а вѣдь этакъ, чего добраго, можно незамѣтно пріучить себя къ нему! Самое лучшее, выйти на улицу и разсѣяться какъ-нибудь. Анна одѣлась и пошла гулять.

— Куда вы такъ спѣшите, Анна Владиміровна? — раздался за нею голосъ Ожогина, едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ по троттуару.

Это не былъ случай: несчастный художникъ часто заходилъ въ эту улицу, чтобъ пройти мимо подъѣзда гостинницы. Онъ не смѣлъ явиться къ Аннѣ послѣ своего объясненія съ нею и нигдѣ не находилъ мѣста своему отчаянію; такимъ способомъ онъ надѣялся узнать что-нибудь и встрѣтиться съ нею. Онъ видѣлъ, какъ Анна поѣхала кататься съ докторомъ, но Ожогинъ ждалъ и опасался совсѣмъ другого; на всѣхъ дрожкахъ, останавливавшихся у подъѣздовъ, ему мерещилась фигура Строева. Боясь какъ-нибудь проглядѣть случайно, художникъ нѣсколько разъ подходилъ къ крыльцу съ намѣреніемъ спросить швейцара. Его удерживала не предосудительность самого поступка, а единственно боязнь бросить тѣнь на Анну своими разспросами.

Когда Анна оглянулась на голосъ, ее поразилъ его жалкій видъ: это была одна тѣнь ея прежняго друга, юношески-цвѣтущаго. Небрежно одѣтый, страшно исхудалый, усталый физически и истерзанный нравственно, онъ смотрѣлъ на нее воспаленными глазами и старался улыбнуться, непріятно обнажая всѣ зубы; эти блестящіе зубы больше не украшали его, какъ будто они были черезъ-чуръ велики, или ихъ было слишкомъ много.

Ожогинъ что-то безсвязно толковалъ, стараясь объяснить ихъ встрѣчу. Анна поняла изъ этого, что онъ выслѣживалъ ее. Это насиліе! нельзя такъ отравлять чужую жизнь своимъ страданіемъ! Она его не доводила до этого сознательно и намѣренно. Анна не знала больше, въ чемъ заключалась ея вина: она хотѣла только, чтобы теперь это прекратилось во что бы то ни стало. Она не пуститъ его больше къ себѣ, но какъ помѣшать ему терзаться, чуть не дежурить у подъѣзда?! Такъ люди съума сходятъ, — или онъ новое воспаленіе схватитъ. Боже мой,—и тутъ остается одно

средство! Рѣшительная операція, послѣ которой умираютъ или выздоравливаютъ. Въ двадцать-два года не умираютъ.

Еслибъ Орестъ Павловичъ могъ подозрѣвать, что предложеніе его распутывало разомъ такъ много затрудненій, онъ не преминулъ бы повести свою аттаку въ другомъ тонѣ. Каковъ бы онъ ни былъ, онъ одинъ не терзалъ ее, одинъ оставлялъ въ покоѣ ея душу. Надо избирать тотъ выходъ, который возможенъ!

Ожогинъ и Анна прошли до конца весь Невскій, вошли въ Александровскій садъ и сдѣлали нѣсколько круговъ, едва различая, гдѣ они. Анна отвѣчала наудачу. Повидимому, она не сердилась на него, но какъ будто не слушала. Что-то озабочивало ее, все сильнѣе съ каждой минутой. А онъ, напротивъ, не могъ молчать; нервно, спѣшно и сбивчиво онъ разсказывалъ какія-то исторіи про своихъ товарищей-художниковъ, повторяя иногда то, что Анна давно ужъ слышала отъ него. Наконецъ, онъ вспомнилъ и ухватился, какъ за находку, за эффектный романъ какого-то инженера, который развелъ чужую жену и развелся со своей собственной, чтобы жениться на ней, а годъ спустя развелся со второй женой и сошелся снова съ первой.

— Вы сочиняете!—заинтересовалась внезапно Анна:—это сказки; кто разсказалъ вамъ это?

Кто разсказалъ? Онъ не могъ даже припомнить, слышалъ ли онъ это недавно отъ кого-нибудь или прочиталъ гдѣ-нибудь.

„Вотъ какъ, однако, люди ни передъ чѣмъ не останавливаются! —подумала Анна:—и ничего съ ними отъ этого не станется, никакое клеймо на нихъ не ляжетъ. Они не станутъ ни хуже, ни несчастнѣе. Въ жизни все преходяще,—все поправимо“.

— Вы еще не устали?—спросилъ въ эту минуту ея спутникъ.

Онъ едва двигался отъ усталости. Анна пристально посмотрѣла на него. Лицо ея какъ будто сжалось, глаза приняли странное, холодное выраженіе.

— Дѣйствительно, будетъ гулять,—вы устали. Мы тутъ простимся, Дмитрій Дмитричъ;—я возьму извощика, не могу больше идти. Кстати, вамъ вѣрно интересно знать, какъ я рѣшила?.. Вы очень удивитесь... предупреждаю...

Фразы у нея странно обрывались. Онъ видѣлъ, какъ она блѣднѣла.

— Я выхожу замужъ не за Строева, а за доктора Заботина; этотъ, по крайней мѣрѣ, не сведетъ меня съ ума! Самое худшее, что можетъ случиться—мы съ нимъ разойдемся черезъ полгода. Ничуть не страшно сравнительно съ тѣми исторіями, которыя вы только-что разсказывали.

— Шутите?

— О, нѣтъ! у меня пропала всякая способность шутить,— всякая! Я разсчитываю, что Орестъ Павловичъ воскреситъ ее. Онъ такой веселый! Развѣ не правда?.. Извощикъ, вы отвезете меня на Михайловскую... Отвернитесь отъ меня съ негодованіемъ, Ожогинъ, это принесетъ вамъ пользу. Когда-нибудь, — когда васъ излечитъ искусство и вашъ талантъ,—вы опять придете взглянуть, какъ мнѣ живется. Гора съ горой не сходятся, но люди... Я же буду все про васъ знать—я про васъ услышу! ваше имя провозгласитъ ваша слава—въ это я вѣрю!

— Анна Владиміровна!..

— Нѣтъ, нѣтъ—не смѣйте идти за мной! Все дѣйствительно, совсѣмъ кончено. Я вамъ не позволяю встрѣчаться со мною.

Анна сѣла на дрожки и уѣхала.

Художникъ, пошатываясь, какъ пьяный, побрелъ черезъ улицу и машинально завернулъ на Гороховую. Онъ двигался, пока несли ноги. Случайно глаза остановились на трактирной вывѣскѣ, и тогда только онъ вспомнилъ, что ничего не ѣлъ съ утра. Онъ вошелъ, сѣлъ за первый грязный столъ и потребовалъ себѣ обѣдъ и водки. Не дожидаясь, пока принесутъ закуску, онъ налилъ сразу полстакана и выпилъ.

Странная разница между мыслями и словами произнесенными. Власти мыслей мы не признаемъ — не понимаемъ всего чаще. Только слово закрѣпляетъ ихъ, ставитъ на надлежащее мѣсто.

Анна ѣхала домой какъ будто успокоенная и не подумала ни разу, что еще можетъ взять назадъ собственное рѣшеніе. Все кончено. Казалось почему-то, что теперь нужно спѣшить. Она торопила извощика, какъ будто предчувствуя, что ее ждутъ.

Швейцаръ подалъ ей визитную карточку Алѣева. И вчерашній докторъ также спрашивалъ ее два раза; теперь онъ дожидается въ буфетѣ. Прикажетъ она доложить ему, что она вернулась?

Анна медлила на лѣстницѣ, чтобы онъ могъ догнать ее. Вотъ онъ вбѣгаетъ легко по ступенькамъ;—Анна повернула голову и увидѣла доктора.

— Вы гуляли?—спросилъ Заботинъ.

„Можетъ быть, ничего бы не было еще, еслибъ не пошла гулять. Не встрѣтились бы“,—мелькнуло въ ея умѣ.

— Докторъ, вѣрите вы въ судьбу?—спросила Анна, разыскивая свой ключъ на доскѣ и забывая, что это—странное мѣсто для подобнаго вопроса.

— Вѣрю,—отвѣтилъ Орестъ Павловичъ, сейчасъ же, какъ будто это было только самое обыкновенное привѣтствіе. Онъ взялъ ключъ изъ ея рукъ и видѣлъ, что она не замѣтила этого. Нѣтъ, конечно, въ судьбу онъ вовсе не вѣритъ, но зато вѣритъ въ случай, въ настроеніе или во что-то другое, что̀ руководитъ нашими поступками гораздо чаще, чѣмъ намъ пріятно думать.

— Очень похвально, что вы гуляете. Но вы устали какъ будто?—освѣдомился докторъ заботливо.

Анна смотрѣла на него съ любопытствомъ. Она присѣла, не снимая шляпы; накидку онъ снялъ съ нея, но она опять не замѣтила, какъ онъ сдѣлалъ это.

— Не всѣ прогулки бываютъ удачны,—странно усмѣхнулась дѣвушка.

— Да? Гулять одной для молодой женщины вообще не удобно, особенно же лѣтомъ. Публика на улицахъ скверная.

Анна нервно разсмѣялась. Заботинъ точно не замѣчалъ. Онъ открылъ окно, закурилъ папиросу, попросивъ предварительно разрѣшенія.

„Сколько ему лѣтъ? Надо бы спросить“, — разглядывала его Анна тѣми же странными глазами.

— Что̀ же случилось съ вами на прогулкѣ, Анна Владиміровна? это не секретъ?

Секретъ! ей показалось такъ смѣшно, что она опять насилу удержалась отъ смѣха. Кончить скорѣе, иначе совсѣмъ разговаривать невозможно. Она порывисто пересѣла на другое мѣсто.

— Орестъ Павловичъ!—начала она:—велите, пожайлуста, дать мнѣ стаканъ чаю. Поскорѣе!

Заботинъ вышелъ. Странное созданіе! Потому она и очаровательна, что полна неожиданностей,—что-то въ ней бродитъ и играетъ, какъ газъ въ винѣ. И не капризы это—она черезъ-чуръ умна для капризовъ. Вотъ въ Марьѣ Павловнѣ даже и намека на это не имѣется; тамъ все ясно и шаблонно!

— Что же чай?—встрѣтила его нетерпѣливо Анна.

— Надо дать время заварить его, — пожалъ онъ плечами:— вы бы сняли шляпку, Анна Владиміровна, а то точно собираетесь уходить.

— Некуда мнѣ уйти.

— Съ какимъ сожалѣніемъ вы это говорите!

Анна, не вставая, сняла шляпку и передала ему. Онъ принялся разглядывать. Нарядами она вовсе не занимается, или же умѣетъ дѣлать это незамѣтно. Это сѣренькое платье онъ ужъ

много разъ видѣлъ на ней. Принесли чай; Орестъ Павловичъ отказался. Безпричинная тревога мало-по-малу сообщалась и ему; чѣмъ меньше они разговаривали, тѣмъ быстрѣе эта тревога росла. Для чего собственно явился онъ сюда послѣ вчерашняго разговора? Просто тянула неодолимая власть. Онъ не знаетъ, что могло бы удержать его,—не ея запрещеніе, конечно! Шансы его удивительно какъ возросли, съ тѣхъ поръ какъ Анна уѣхала изъ Залѣсья. И это потому только, что кого-то другого постигло полное банкротство! Такова женская психологія. Какъ бы ни было, а еще никогда на его долю не выпадало такъ много вниманія и снисходительности. Орестъ Павловичъ ходилъ по комнатѣ и встрѣчался со взглядомъ Анны, задумчиво поднимавшимся къ нему отъ стакана съ чаемъ. Однако... нельзя же совсѣмъ ужъ даромъ позволять играть собой такимъ образомъ! Пустое—храбрость на словахъ—вѣдь онъ счастливъ и этимъ!

Докторъ присѣлъ напротивъ нея къ столу. Онъ смотрѣлъ на нее теперь такъ же, какъ вчера въ ресторанѣ, и безсознательно выбивалъ мотивъ чайной ложечкой по краю блюдечка.

— Перестаньте же стучать!—поморщилась Анна:—что съ вами сегодня?

— Кажется, надо васъ спросить, что вы дѣлаете со мной.

— Вы помните ваши послѣднія слова вчера?—проговорила Анна, помолчавъ и не глядя на него.

Въ первый разъ въ жизни доктору показалось, что у него закружилась голова. Онъ порывисто вскочилъ на ноги и остановился за своимъ стуломъ, сжимая спинку обѣими руками.

— Я просилъ обдумать одну мою шутку не шутя,—отвѣчалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ сдавленнымъ голосомъ:—если вы теперь намѣреваетесь шутить въ свою очередь, то предупреждаю васъ, что это...

— Опасно?—подсказала Анна:—нѣтъ, докторъ, мы будемъ, если хотите, обсуждать вашу шутку совершенно серьезно. Но, надѣюсь, не въ драматическомъ стилѣ—помните, вы обѣщали это!

Она не рѣшалась взглянуть на него. Слышала, какъ онъ дышалъ тяжело, какъ стулъ, мѣрно раскачиваясь, скрипѣлъ подъ его руками. Орестъ Павловичъ отбросилъ его, описалъ какіе-то запутанные зигзаги по комнатѣ и тогда только подошелъ къ Аннѣ. Глаза сіяли, его всего била затаенная нервная дрожь.

— Дѣйствительно, вы не шутите?—спросилъ онъ безпомощно, съ мольбой.

— Орестъ Павловичъ, это продолженіе вчерашняго разговора,

не больше!—воскликнула испуганно Анна, отодвигаясь отъ него: если вы собираетесь переходить на другую почву, тогда—тогда я шутила и ничего больше. И навѣрное такъ лучше—гораздо лучше.

Какъ лучше?! Не воображаетъ ли она, что онъ позволитъ теперь взять назадъ хоть одну крупицу?! Въ чемъ видитъ она драматизмъ? Да онъ такъ же органически неспособенъ къ нему, какъ неспособенъ пропѣть вѣрно мотивъ хотя бы „чижика“! Они заключатъ свободный договоръ умныхъ людей, понимающихъ трезво, что именно имъ нужно. Ей нужна свобода. Ему—для него это единственный способъ вернуть свое душевное равновѣсіе. Всѣ преимущества на ея сторонѣ: проигрываетъ всегда тотъ, который любитъ. Любовь всегда была и будетъ неволей, насиліемъ надъ нашей нравственной свободой. Онъ—философъ—вынужденъ сознательно подставлять шею подъ ярмо. А! пусть она порадуется, что ее миновала чаша сія! Тогда насталъ бы конецъ и ея деспотическому царствованію очаровательной женщины. Двое никогда не любятъ одинаково сильно и одинаково долго. Но въ жизни, тѣмъ не менѣе, довольно забавнаго,—надо только умѣть смотрѣть на вещи безпечнѣе.

— Да, безпечнѣе!—повторила словно въ забытьѣ Анна:—но, главное, честно выполнить договоръ. Вы не скажете мнѣ никогда, что я васъ обманула, ни при какихъ обстоятельствахъ. Помните, что только ради свободы я рѣшаюсь выйти замужъ.

Они стояли другъ передъ другомъ по серединѣ комнаты.

— Тѣмъ не менѣе, вѣдь это замужество, Анна Владиміровна! Самое понятіе уже исключаетъ...

— Не безпокойтесь!—не дала ему кончить нетерпѣливо Анна: я не собираюсь заводить обожателей, понимаю свободу не въ этомъ смыслѣ. Но я оставляю за собой право „мирно разстаться“, по вашему собственному плану.

Докторъ безмолвно склонилъ голову передъ ея вѣрой въ святость договоровъ...

Это величайшее безразсудство—то, что онъ дѣлаетъ. Все равно; если только объ этомъ одномъ онъ и мечтаетъ вотъ уже второй годъ! Никогда еще неиспытанная, безумная, торжествующая радость охватила его всего. Въ головѣ шумѣло, какъ будто онъ былъ пьянъ. „Всѣ задерживающіе центры расхлябались“,—думалъ онъ, чувствуя полную невозможность контролировать собственныя слова, управлять движеніями. Неблагоразумно, да и совершенно не для чего было клясться Аннѣ, что она можетъ дѣлать изъ него все, что ей вздумается. Такъ безумно, такъ глупо мужчины любятъ

только тѣхъ женщинъ, которыя къ нимъ равнодушны. Только такая страсть никогда не находитъ полнаго удовлетворенія—законъ физическій! Не въ этомъ ли вся разгадка непонятной власти дурныхъ женщинъ? Ужъ, конечно, не глупы же тѣ умники, образованные, ученые и талантливые, которые нерѣдко трепещутъ передъ полнымъ ничтожествомъ. Не безпричинно отъ вѣка вѣковъ нѣжнѣйшія жены проливаютъ слезы,—любящія любовницы бросаются на позоръ,—недаромъ семьи распадаются, прекраснѣйшіе люди дѣлаютъ величайшія низости. Женщина часто выбираетъ человѣка только за то, что онъ ее любитъ. Еще никогда ни одинъ мужчина этого не сдѣлалъ; онъ умѣетъ цѣнить только то, что самъ испытываетъ. Очевидно, онъ вѣчно будетъ рабомъ Анны. Но надо умѣть понимать! всѣ понятія относительны; рабство вовсе не въ его натурѣ, унижаться передъ нею онъ не намѣренъ, какъ бы безумно ни обожалъ онъ ее. Между ними все ясно...

Наконецъ, Орестъ Павловичъ нѣсколько опомнился, когда замѣтилъ, какъ серьезно Анна слушала его. Онъ понялъ смутно, что ему благоразумнѣе уйти теперь и наединѣ съ самимъ собою обуздать взрывы чувствъ, такъ долго, систематически подавляемыхъ. Его выбила изъ колеи внезапность событія. Не всегда легко сразу освоиться съ неожиданной удачей. „А если это сонъ?!“—мелькало минутами въ его умѣ совсѣмъ ужъ по-дѣтски, въ жару разговора. Уйти лучше, но какъ-то не хочется!..

Орестъ Павловичъ бросилъ опасную тему и заговорилъ о самой Аннѣ, о той выдающейся роли, которую она можетъ играть въ любомъ обществѣ, при своей красотѣ, умѣ и образованіи. Удовлетворенное тщеславіе—не послѣдняя вещь!.. Теперь августъ. Они еще успѣютъ попутешествовать осенью и вернуться сюда къ зимнему сезону. Онъ завтра же подастъ рапортъ о болѣзни и вслѣдъ затѣмъ прошеніе объ отставкѣ.

Ей было дико слушать, что его служба можетъ касаться ея... И такой tête-à-tête долженъ длиться всю жизнь! Оба чувствовали, что имъ лучше было бы разстаться въ эту минуту.

XLV.

Алѣевъ пріѣхалъ изъ Павловска и прежде всего отправился въ гостинницу на Михайловской. Ему сказали, что Голубина недавно вышла и неизвѣстно, когда вернется.

Алѣевъ много думалъ объ Аннѣ эти дни; ея положеніе заботило его. Выслали ли ей видъ? Что предприметъ она, когда по-

лучить его?.. Ни въ какомъ случаѣ онъ не собирался ограничиться той суровой ролью, на которую его вызвали совсѣмъ внезапно. (Чѣмъ больше онъ обдумывалъ послѣ ихъ разговоръ, тѣмъ больше утверждался въ мнѣніи, что именно такъ ему и слѣдовало поступить тогда.) Появленіе дѣвушки было совершенно неожиданно, и она ушла отъ него такъ поспѣшно, что онъ ни о чемъ не успѣлъ разспросить ее. Алѣевъ для этого, главнымъ образомъ, и пріѣхалъ съ дачи, и очень досадовалъ, что не засталъ ее дома.

Естественно, что Анна мечтаетъ объ артистической карьерѣ, что она не могла забыть своихъ первыхъ успѣховъ. Но Алѣевъ взглянулъ на вопросъ гораздо глубже. Больно было думать, что любимица великаго артиста обречена пополнить собою ряды неудачниковъ. Это была одна изъ его любимыхъ, недавнихъ идей: искусство слишкомъ профанируется, мельчаетъ, становится черезъчуръ доступнымъ. Какъ ни рѣдки истинные таланты, несомнѣнно, что въ каждомъ человѣкѣ должны быть зачатки того, изъ чего они рождаются. Эти зачатки иногда можно развить искусственно и за уши вытянуть на свѣтъ Божій блѣдное, чахлое дарованіе. Эти-то талантики, лишенные задатковъ естественнаго роста,— кропатели бездарной беллетристики, представители живописи, безсильной шагнуть дальше чисто внѣшней техники, музыки, въ которой никто, кромѣ самихъ авторовъ, не умѣетъ разыскать печати вдохновенія,—вотъ что наводняетъ рынокъ, понижаетъ вкусъ публики и подрываетъ серьезное значеніе искусства, низводя его до степени простого ремесла.

Алѣевъ горячо развивалъ эту мысль при каждомъ удобномъ случаѣ и, разумѣется, наживалъ себѣ пропасть враговъ. Онъ не обращалъ на это вниманія. Его репутація была давно сдѣлана, матеріальное положеніе вполнѣ независимо.

Итакъ, Алѣевъ разбилъ надежды Анны со всѣмъ хладнокровіемъ заранѣе обдуманныхъ мнѣній. Но онъ искренно симпатизировалъ ей самой и еще надѣялся быть ей полезнымъ въ будущемъ. Вернувшись домой, онъ сѣлъ за работу, намѣреваясь еще разъ съѣздить къ Голубиной попозже. Но какъ нарочно въ этотъ день работалось какъ-то особенно удачно. Время летѣло предательски быстро. Напрасно Алѣевъ взглядывалъ озабоченно на часы, положенные на видномъ мѣстѣ, съ гнетущимъ ощущеніемъ человѣка, котораго заставляютъ нехотя оторваться отъ дѣла; онъ все равно тутъ же забывалъ то, что видѣлъ. „Въ сущности, могу съѣздить и завтра“,—мелькало въ умѣ, хоть нѣсколько времени тому назадъ отсроченное свиданіе искренно огорчило его.

Стало темнѣть. Алѣевъ немного усталъ, и, благодаря этому, къ нему вернулась способность обсудить безпристрастно расположеніе часовыхъ стрѣлокъ. О, и думать нечего ѣхать къ Аннѣ сегодня! Онъ опоздалъ. Теперь ему стало досадно: вѣчно заработается и забудетъ всѣ собственныя намѣренія. И даже не забудетъ, а перерѣшитъ наскоро, стараясь ни во что не вникать,—съ волненіемъ, которое напоминаетъ ощущенія дѣтства—чувства гимназиста, увлекшагося игрой и рѣшающаго пренебречь урокомъ: „сойдетъ какъ-нибудь; завтра навѣрное не спросятъ".

Сравненіе это пришло въ голову и заняло Алѣева на нѣсколько минутъ, заставивъ снова позабыть Анну. Потомъ онъ рѣшилъ, что переночуетъ сегодня въ городѣ и открылъ дверь, чтобы позвать Ѳедора. Въ прихожей слышался гулъ голосовъ. Опять кто-нибудь пытается ворваться въ нему насильно. Алѣевъ постоянно слышалъ со всѣхъ сторонъ массу жалобъ, соглашался съ ними, извинялся, но по секрету одобрялъ собственнаго лакея за его безпримѣрную неумолимость.

Ѳедоръ прибѣжалъ на его зовъ весь красный: какой-то, должно быть, пьяный непремѣнно хочетъ видѣть его сію минуту, ругается, чуть въ драку не лѣзетъ. Дозволитъ онъ крикнуть городового?

— Очень пьянъ?—освѣдомился Алѣевъ.

— Нѣтъ, не такъ чтобъ, да развѣ въ своемъ видѣ возможно такъ скандалить въ чужой квартирѣ? Чтожъ, я просилъ честью. Околоточный знакомый. Припугнуть только.

Алѣевъ обозвалъ его дуракомъ и пошелъ самъ въ прихожую.

Ѳедоръ не пускалъ злополучнаго посѣтителя дальше площадки и замкнулъ дверь, убѣгая на зовъ барина. Ѳедоръ и цѣпь новую завелъ на собственный счетъ—до такой степени онъ втянулся въ свою роль.

Надъ ухомъ Алѣева отчаянно залился звонокъ. Онъ поспѣшилъ открыть дверь: передъ дверью стоялъ Ожогинъ.

Запыленное платье, смятое бѣлье, взъерошенная борода и воспаленное лицо придавали ему видъ до-нельзя подозрительный. Онъ сейчасъ же потянулъ дверь и протиснулся въ комнату, безцеремонно прижавъ къ стѣнѣ высокую фигуру Алѣева.

— Позвольте, однакожъ, милостивый государь! Такъ не врываются въ чужіе дома!

— Докладывалъ вамъ, что не въ своемъ видѣ! — вопилъ Ѳедоръ.

— Скажите на милость, Николай Николаичъ, какъ это вы держите подобнаго нахала? Вѣдь до васъ добраться невозможно! Я битый часъ тутъ воюю.

— И совершенно напрасно — все, что могу сказать вамъ. Если у васъ есть дѣло до меня, вы могли бы обратиться письмомъ или придти въ пріемный день. Я принимаю по средамъ утромъ.

— Очень благодаренъ! Разумѣется, у меня есть до васъ дѣло, но я не могу ни отложить до среды, ни излагать его въ письмѣ.

Алѣевъ снисходительно улыбнулся.

— Собственное время — неотъемлемое достояніе всякаго. Позволяю себѣ заключить, что у васъ его значительно больше, чѣмъ у меня.

— Очень вѣроятно, но вы можете, однако, выслушать меня? Да неужто до сихъ поръ вы такъ-таки и не признаете меня?! Ожогинъ, художникъ. У Петра Алексѣича Голубина встрѣчались.

— Позвольте — Ожогинъ? Портретистъ?..

— Какой портретистъ! Ну — вещица еще моя висѣла у него въ кабинетѣ — бездѣлка — онъ всѣмъ ее показывалъ, помните?

Алѣевъ припомнилъ, наконецъ. Но неужели это былъ тотъ самый цвѣтущій юноша, которому другъ его предсказывалъ блестящую будущность, которому покровительствовалъ съ отеческою нѣжностью? Алѣевъ съ прискорбнымъ недоумѣніемъ разглядывалъ гостя.

— Извините пожалуйста, давненько это было, а въ ваши годы люди сильно мѣняются.

— Д-да, мѣняются! — усмѣхнулся съ горечью Ожогинъ. — Напрасно извиняетесь; я и самъ понимаю, что долженъ имѣть видъ чортъ знаетъ какой. Съ зари изъ дома, гдѣ ужъ ни шлялся...

— Милости прошу въ кабинетъ ко мнѣ. Потолкуемъ, — пригласилъ хозяинъ.

Возбужденіе художника начало быстро падать, какъ только цѣль была достигнута. Въ головѣ зашумѣло сильнѣе, ноги подгибались, языкъ тяжело ворочался. Онъ съ наслажденіемъ опустился на мягкую оттоманку. Мысли странно разбѣгались. Онъ забывалъ, зачѣмъ пришелъ. Онъ былъ пьянъ — въ первый разъ въ своей жизни.

— Въ сущности говоря, всего какихъ-нибудь три года прошло, — тянулъ онъ на-распѣвъ: — вамъ, поди, и незамѣтно вовсе? День на день не приходится, говоритъ пословица. А впрочемъ, я былъ очень боленъ, смертельно боленъ. Все не могу поправиться по настоящему. Докторъ говоритъ — душевное спокойствіе... Комики, ей Богу! Одинъ мой товарищъ — вотъ одолжилъ! — можете думать: остановился этакъ передо мной въ наполеоновской позѣ, насупилъ свой младенческій ликъ и изрекъ басомъ: „Предсказываю тебѣ, Дмитрій, что изъ сей душевной встрѣпки ты воспрянешь

великимъ артистомъ! Истинныя дарованія мужаютъ въ испытаніяхъ"... Ха, ха, ха!.. Этакимъ, знаете, давленнымъ басомъ и со своей рожей гимназиста!..

На глазахъ выступили слезы отъ смѣха. Алѣевъ смотрѣлъ на него съ состраданіемъ.

— А вы сами развѣ не вѣрите въ это?—спросилъ онъ очень серьезно.

— Во что? дарованіе-то? *Она*, вонъ, тоже предсказываетъ великія и богатыя милости... А я, знаете, вижу... легче околѣть прежде, чѣмъ добраться до собственнаго дарованія черезъ различныя наслоенія!

— Да вы напрасно такъ не бережетесь послѣ болѣзни. Гдѣ же, однако, вы столько странствовали сегодня?—наводилъ осторожно хозяинъ.

— А? Не помню, право. Вмѣстѣ были въ саду въ какомъ-то. Позвольте, однакожъ, вѣдь я не объяснилъ еще вамъ, зачѣмъ собственно пришелъ? Нельзя ли сначала воды стаканчикъ добыть у вашего свирѣпаго цербера.

— Сидите, сидите, я самъ распоряжусь! — удержалъ его Алѣевъ.—Курить не хотите ли? Отдохните. Успѣемъ еще переговорить.

Онъ вышелъ распорядиться, чтобы Ѳедоръ сдѣлалъ чай и подалъ сельтерской воды.

„Бѣдняга попалъ въ передѣлку какую-то",—думалъ Алѣевъ съ жалостью, но вмѣстѣ съ затаеннымъ любопытствомъ жаднаго наблюдателя.

Ожогинъ продолжалъ говорить самъ съ собой и завистливо косился на шолковыя подушки. Такъ и тянуло прилечь. Алѣевъ заставилъ его выпить цѣлую бутылку воды и стаканъ крѣпчайшаго чаю.

— Вытрезвляете?—подмигнулъ добродушно гость.—Правду сказать, не помню ужъ, сколько проглотилъ всякой дряни. Изжога все время мучила, теперь прошло. Представьте, ни малѣйшаго конфуза не ощущаю передъ вашей особой! Пьянъ никогда еще не былъ, вообще не пью, а тутъ... Позвольте! вы писатель? психологъ? Понимаете ли, господинъ писатель, что иногда ничего больше не остается, какъ только напиться?! Физическая потребность! какъ сонъ, какъ голодъ. Да вы не отдѣлывайтесь, отвѣтьте попросту: понимаете или нѣтъ?

— Понимаю — и понимаю причину, — отвѣтилъ спокойно Алѣевъ. — Вы совершенно правы: это потребность физическая. Угнетенные нервы требуютъ возбудителя—законъ реакціи.

— Реакціи?—повторилъ тупо художникъ.—Вотъ! а мы мужика ругаемъ пьяницей!

— Да, да.. Вы хотите, можетъ быть, вздремнуть немного? Время есть.

— Нѣтъ, это слишкомъ!—вдругъ покраснѣлъ Ожогинъ.—Благодарю васъ, Николай Николаичъ, вы... вы... очень добры!..

Онъ смѣшался еще больше. По пословицѣ—пьяному море по колѣно. Вдругъ онъ сообразилъ теперь все. Онъ почувствовалъ—именно почувствовалъ на себѣ почернѣвшій, потный воротникъ рубашки, пропыленное платье, рыжіе сапоги, липкія руки и непріятный сухой жаръ въ лицѣ. Затесался въ домъ важнаго барина! Вишь, пріемы назначены. Писатель могъ бы, однако, и не задавать такого тона. Но тутъ же стало совѣстно. Вотъ онъ няньчится же съ нимъ терпѣливо сколько времени, ухаживаетъ, болтовню пьяную слушаетъ.

Но какъ ни снисходительно было обращеніе хозяина, оживленіе больше не возвращалось къ гостю. Вернулось зато полное сознаніе случившагося, того, что заставило его броситься сюда въ смутной надеждѣ, что „писатель“ можетъ подать умный совѣтъ. Онъ сознавалъ себя такимъ безсильнымъ передъ Анной... Она не пуститъ его къ себѣ на глаза. Братъ далеко. Алѣевъ долженъ помнить Музу.

Ожогинъ спросилъ Алѣева, и получилъ въ отвѣтъ:

— О, безъ всякаго сомнѣнія, я ее и не забывалъ! Она была у меня всего нѣсколько дней тому назадъ. Сегодня я заѣзжалъ къ ней, да, къ сожалѣнію, не засталъ ее дома.

— Вы?? у васъ была? Та, та, та! я начинаю, наконецъ, понимать кое-что!..

Понятно теперь, кто тотъ „авторитетный оракулъ“, чей приговоръ повергъ Анну въ такое отчаяніе. Ожогинъ вдругъ покраснѣлъ; казалось, весь хмель снова ударилъ ему въ голову.

— У васъ была?! зачѣмъ она была у васъ?? Былъ при этомъ какой-нибудь серьезный разговоръ, касающійся... ну, однимъ словомъ, о живописи разговоръ былъ? Я не изъ любопытства, вы не думайте... Мнѣ необходимо это знать...

— Это не секретъ. Да, дѣйствительно у насъ былъ подобный разговоръ, — отвѣтилъ Алѣевъ холодно, не понимая, что опять съ нимъ сталось.

— И вы сказали, что она должна бросить живопись, что у нея нѣтъ таланта!! вы это сказали, не правда ли? вы—даже не художникъ! вы взяли на себя...

Погодите! — поднялъ руку Алѣевъ: — если вы желаете

объясниться со мной, то умѣрьте вашъ пылъ. Я безъ сомнѣнія знаю, что именно я себѣ позволилъ.

— Но вы не знаете, до чего ее этимъ довели! Сказали, какъ отрѣзали.

— Сказалъ свое мнѣніе, не больше,—то, что думаю, и, стало быть, обязанъ сказать, если меня спрашиваютъ. Но я не начальникъ академіи, отъ котораго зависитъ принять или не принять ее.

Алѣевъ разсердился. Упрекъ художника затронулъ смутное опасеніе, притаившееся у него на сердцѣ, но въ которое онъ старался не вникать, вполнѣ довольный теоретически своимъ поступкомъ.

— Я вовсе не совѣтовалъ бросить живопись, какъ вы выражаетесь,—прибавилъ онъ недовольно:—не рекомендовалъ только дѣлать изъ нея дѣло жизни, такъ какъ для этого я признаю необходимой извѣстную, первоклассную степень таланта. У Голубиной нѣтъ такого таланта, это мое убѣжденіе. Вы, впрочемъ, должны понимать это лучше меня.

— Не мнѣ и не вамъ рѣшать это!—горячился художникъ:—извѣстно, какъ близоруки всякія пророчества, какъ они рѣдко оправдываются на дѣлѣ! Вы не начальникъ академіи, но Анна Владиміровна вамъ вѣритъ—для нея это всего важнѣе.

— Я ее просилъ не придавать цѣны моему мнѣнію, но я никогда не позволяю себѣ кривить душой въ подобныхъ случаяхъ. Мнѣ очень жаль, если я повергъ ее въ серьезное уныніе.

О, когда бы это было только уныніе! Онъ не знаетъ, на что она рѣшилась: обвѣнчаться съ человѣкомъ, котораго не любитъ и не уважаетъ. Это самоубійство!

Ожогинъ разсказалъ все, что зналъ: какъ Анна тосковала, тяготилась жизнью въ семьѣ брата и враждовала съ его женой; какъ отъ тоски, отъ потребности найти цѣль своему существованію, она влюбилась въ Строева, дала ему слово, но послѣ этого внезапно уѣхала изъ Залѣсья. Теперь она отказала рѣшительно Строеву и собирается выйти за доктора Заботина. Художникъ далъ самую безпощадную характеристику обоихъ женіховъ. Признался даже, сквозь отчаянный смѣхъ, что и онъ предлагалъ Аннѣ себя, потому что, безъ сомнѣнія, онъ подходитъ къ ней больше всѣхъ и давно любитъ ее безумно...

Алѣевъ былъ весь вниманіе. Онъ искусно группировалъ отрывочныя данныя, сообщаемыя художникомъ въ потокахъ чувствъ озлобленныхъ, ревнивыхъ или восторженныхъ. Изъ этихъ данныхъ въ его изощренной фантазіи слагалась цѣлая яркая картина. Онъ видѣлъ чуткое молодое существо, томящееся безцѣльностью и

пустотой жизни день за день и этихъ трехъ господъ, страстно оспаривающихъ ее другъ у друга. Онъ нѣсколько разъ внимательно возвращался къ трагической біографіи Строева. Понятно, почему Анна увлеклась имъ,—но что вызвало между ними такой рѣзкій разрывъ?..

Ничего не зная, не видавъ никогда Строева, романистъ понялъ его личность и угадалъ его отношенія къ Аннѣ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ художникъ, терзаемый ревностью и слѣпо благоговѣвшій передъ Анной. Но что бы ни произошло въ Залѣсьѣ, нельзя теперь допустить дѣвушку распорядиться своей судьбой такъ безразсудно,—это было для него совершенно ясно. Онъ долженъ спасти ее, и онъ можетъ это сдѣлать. Передъ нимъ она не запретъ дверь, какъ передъ этимъ бѣднымъ влюбленнымъ юношей. Алѣевъ быстро рѣшился и старался успокоить Ожогина; онъ даетъ ему свое слово, что эта свадьба не состоится.

— Въ томъ случаѣ, разумѣется, если вы въ свою очередь отвѣчаете за свои слова,—если ненавистный вамъ женихъ не окажется, паче чаянія, прекраснѣйшимъ человѣкомъ, котораго наша Муза искренно любитъ!

— Иначе говоря, если вашъ покорнѣйшій слуга еще не вовсе рехнулся съ-пьяна? если онъ не находится въ состояніи чистѣйшаго delirium tremens?—проговорилъ мрачно художникъ.

— Ревность отуманиваетъ не хуже вина. Это я сказалъ на всякій случай только. Имѣю привычку не бросать своихъ словъ на вѣтеръ: я небольшой охотникъ разыгрывать по чужой милости комическія роли. Вы пожалуйста не обижайтесь, мой милѣйшій.

На этомъ они разстались.

XLVI.

Анна проснулась поздно и часа два какъ продолжала лежать въ постели, не одѣваясь. Богъ знаетъ, въ которомъ часу она заснула вчера, да и вообще спала ли... Нѣтъ, это былъ не сонъ. Совсѣмъ особенное, отвратительное состояніе слабости, полнаго упадка. Точно разомъ лопнули всѣ струны, искусственно натянутыя. Вдругъ распалось запутанное положеніе, гдѣ рѣчь шла о чужой судьбѣ, о спокойствіи нѣсколькихъ жизней. Сегодня до нея ничто больше не касается, кромѣ одного: кромѣ человѣка, который вчера страстно цѣловалъ ея руки, прощаясь,—и не позволялъ отнять ихъ, цѣловалъ *по праву*. Анна еще чувствовала

эти поцѣлуи—за нихъ-то, да, кажется, что именно за нихъ, она почти ненавидитъ его сегодня.

Вчера въ это самое время она ходила по комнатѣ и разсуждала, что Заботинъ ей нравится. Сегодня не хватало энергіи подняться на ноги. Ничего не нужно, ничего она не хочетъ. Жизнь потеряла послѣднюю цѣну... Боже, что̀ такое она надѣлала?!..

...Показалось ей, что только за этого господина безъ угрызенія совѣсти можно выйти, не любя. Но какъ могла она думать только о *нихъ*?? какъ могла забыть себя самое, ради какого-то призрака свободы?! Свобода — и человѣкъ, который имѣетъ право цѣловать ее!

Анна въ отчаяніи прятала лицо въ подушки. Господи! вѣдь не ребенокъ она—отчего такъ равнодушно думала объ этомъ еще вчера?? „Хочется сквозь землю провалиться“—вотъ въ какія минуты можно это сказать... Стыдно... о, какъ нестерпимо стыдно!!.. Въ одинъ день рѣшила... когда же она это рѣшила? Неужели въ ту минуту, когда въ саду объявила Ожогину? Не бываетъ же минутнаго помѣшательства, которое бы проходило безслѣдно... Надо спросить доктора... а!.. *его* же самого и спросить...

Анна поднялась-было на постели, чтобы начать одѣваться, и опять безсильно повалилась въ подушки. Руки подгибались сами собой... Что̀ бы сдѣлать? Капель нервныхъ принять, да гдѣ она возьметъ ихъ теперь? Заснуть бы... о, еслибы заснуть!..

Но пришлось встать. Горничная въ третій разъ уже стучалась къ ней въ дверь; теперь она настоятельно требовала, чтобы ей отворили. Анна, какъ была, добѣжала до двери и повернула ключъ, собираясь сейчасъ же опять спрятаться въ постель. Именно *спрятаться*—здѣсь не достанутъ...

Горничная внесла большой бѣлый букетъ и объявила съ сіяющимъ видомъ: пока барышня спала, господинъ докторъ пріѣзжали три раза. Сейчасъ просили разбудить и подать букетъ. Безпокоятся, что такъ поздно спятъ. Велѣли сказать, что имъ необходимо быть въ одномъ мѣстѣ до двухъ часовъ, а послѣ двухъ сами пріѣдутъ.

Анна молча, лихорадочно одѣвалась, глотая слезы... Куда поставить? все равно, на столъ который-нибудь... Ну, да, конечно, надо въ воду... Букетъ ей показался огромнымъ, когда она мелькомъ увидала его въ дверяхъ... Онъ точно давилъ ее, мѣшалъ дышать... Онъ наполнялъ собою всю комнату за ея плечами...

Горничная хотѣла-было помочь ей одѣться, но благоразумно

отступилась, замѣтивъ, что творится что-то неладное. Букетъ какой дорогой, и господинъ веселый, добрый, три рубля подарилъ, а она заливается слезами, лицомъ къ стѣнкѣ повернувшись. Въ воображеніи бывалой столичной прислуги сейчасъ же промелькнула соотвѣтствующая импровизація: значитъ, сманиваетъ, — то-то и изъ дому паспорта не шлютъ! Богатый должно быть; небось не плакала бы, кабы любъ былъ.

— Ну ужъ и букетикъ же! да и баринъ-то молодецъ, глядѣть любо! — произнесла она съ порога какимъ-то страннымъ, удалымъ тономъ, желая ободрить неопытную дебютантку.

Анна невольно подняла голову и посмотрѣла ей вслѣдъ.

...Что ежлибы уйти? Да, да, развѣ она не можетъ поѣхать куда-нибудь въ магазины? Кстати перчатки нужно купить. Неужели Ожогинъ опять сторожитъ ее у подъѣзда? Ну, чтожъ, съ нимъ и поѣхать. Говорить она не позволитъ ни слова. А *ему* нельзя больше не позволить. Анна еще заторопилась. Отчего это такой трезвонъ?.. обѣдня, вѣрно, кончилась. Неужели уже отошла обѣдня? Боже мой, какое горе! въ церковь надо было пойти — провалялась въ постели сколько часовъ! Можетъ быть, не кончилась еще? Спросить.

Анна подошла къ звонку. Нѣтъ! опять эта противная горничная явится со своими гадкими улыбочками. Она забыла, — уйти невозможно: вѣдь онъ предупредилъ, что будетъ въ два часа. Невозможно...

Горничная явилась и безъ зова, проворно убрала комнату и подала кофе. Она ушла, и Анна опять осталась одна съ бѣлымъ букетомъ. Запахъ лилій и розъ достигалъ до дивана. Она до страсти любила цвѣты. Прелестный обычай — любимой женщинѣ цвѣты. Въ романахъ букетъ жениха цѣлуютъ съ восторгомъ. Букетъ милаго! Да, должно быть его можно цѣловать... Она не получала въ своей жизни такого букета, а ее такъ много любили! Не это счастіе. Самой любить. Не будетъ этого никогда. Если же не любить, такъ и не жалѣть ужъ — какой смыслъ? Сейчасъ пріѣдетъ... Чѣмъ же онъ-то виноватъ??..

Анна сидѣла, стиснувъ руки на колѣняхъ, смотрѣла на цвѣты и плакала. Въ такомъ состояніи ее засталъ Алѣевъ.

Алѣевъ не разъ сказалъ мысленно спасибо Ожогину за его вчерашнюю исповѣдь. Теперь онъ зналъ, какъ ему держать себя; онъ не причинитъ напрасной боли бѣдной дѣвочкѣ, и безъ того потерявшей голову. Алѣевъ заботливо обдумывалъ заранѣе предстоявшее объясненіе, но при одномъ взглядѣ на Анну онъ

понялъ, что никакія прелюдіи ненужны. Если маска не закрываетъ ея лица, какой смыслъ самому надѣвать ее?

Послѣ первыхъ привѣтствій и извиненій, что онъ раньше не могъ собраться навѣстить ее, Алѣевъ прямо объявилъ Аннѣ, что вчера онъ встрѣтился съ Ожогинымъ и узналъ отъ него важную новость: она выходитъ замужъ?

— Онъ вамъ сказалъ?!.. вы развѣ знакомы съ Ожогинымъ? да, да! представьте, я совсѣмъ забыла... Конечно, вы встрѣчали его у насъ. . Помните, какъ дядя его любилъ?.. О, это чудесный, чудесный мальчикъ!.. Онъ сердится, но я такъ привыкла считать его мальчикомъ...

Анна вскочила при первыхъ словахъ, потомъ безсознательно опустилась опять на прежнее мѣсто.

— Онъ мнѣ не показался вовсе такимъ ужъ юнымъ, — отвѣтилъ Алѣевъ: — быть можетъ потому, что былъ глубоко огорченъ.

— Огорченъ? — повторила Анна машинально.

— И огорчилъ меня. Въ горѣ люди всегда искренни, Анна Владиміровна. Вашъ другъ откровенно высказалъ свое мнѣніе.

Анна молчала. Алѣевъ помедлилъ, проходя мимо букета, чтобы сѣсть подлѣ нея.

Она не должна сердиться. Вѣдь онъ старикъ и другъ дяди. Онъ взялъ ее за руку, и слезы сейчасъ же брызнули опять изъ глазъ Анны.

— Я имѣю право говорить потому уже, что вы плачете. Счастливыя невѣсты не плачутъ.

— Что вамъ сказалъ Ожогинъ? Не ожидала этого отъ него. Докторъ Заботинъ два года добивается моей руки. Онъ очень любитъ меня.

— Въ такія минуты не говорятъ за другого,—пожалъ плечами романистъ.—Вѣдь это онъ добивается жениться, потому что очень любитъ васъ,—но вы, кажется, не говорите, что вы выходите за него по любви? Вы бы, вѣрно, съ этого начали, еслибъ оно такъ было.

О, это слишкомъ! Теперь еще и этотъ чужой явился мучить ее. Въ ней еще живо было впечатлѣніе ихъ перваго свиданія. Ни разу съ тѣхъ поръ Анна не возвращалась больше къ тому, что передумала, подъѣзжая къ Петербургу, объ участіи, покровительствѣ и дружбѣ Алѣева.

— Вы пришли меня исповѣдовать?—проговорила она враждебно.

— А развѣ не вы сами дали мнѣ право на это?—отвѣтилъ онъ.

— Исповѣдь ничего не измѣнитъ, а вередить раны—зачѣмъ? Ихъ и безъ того слишкомъ много.

— Я и это знаю,—почти шепнулъ онъ.

Анна посмотрѣла испуганно.

— Кое-что, конечно. Спѣшилъ сюда для того, чтобы вы разъяснили мнѣ. Я имѣю одну слабость: понимать то, что вижу. Вы собираетесь замужъ за двухъ людей въ теченіе нѣсколькихъ дней. Бога ради, признайтесь мнѣ, какая ужасная крайность принуждаетъ васъ къ этому??

Очень простая — ничего другого она не умѣетъ придумать. Жить въ домѣ брата она не можетъ больше, по нѣкоторымъ серьезнымъ причинамъ. Поселиться въ Петербургѣ одной нѣтъ предлога, такъ какъ она не поступаетъ въ академію. Всѣ возстаютъ противъ этого—онъ видитъ,—ей не высылаютъ бумагъ. Не всегда же люди сходятся только по любви. Она находитъ, что любовь черезъ-чуръ капризна — быть можетъ, любви вздумается посѣтить ее, когда ей минетъ сорокъ лѣтъ!

Анна, говоря все это, нервно смѣялась — это лучше, чѣмъ плакать.

— Я вамъ открою секретъ: любовь нужно ждать терпѣливо. Даже и думать о ней слѣдуетъ по возможности меньше. Она, какъ евангельскій женихъ,— не вѣсте ни дня ни часа...

— Хорошо, если можно не думать! Вы не повѣрите, — но я ничего другого такъ не желала бы въ настоящую минуту!

Алѣевъ точно вдругъ просіялъ весь и порывисто протянулъ къ ней обѣ руки.

— Какъ я радъ это слышать! Я такъ и былъ увѣренъ! Сію минуту я объясню вамъ, почему вы такъ несчастны. Вамъ это дико, что я собираюсь объяснять ваше собственное положеніе?

Но ей не показалось дикимъ— такое неподдѣльное увлеченіе зазвучало въ его голосѣ. Глаза стали еще ярче. Онъ всталъ и выпрямился гибкимъ, энергичнымъ движеніемъ.

— Васъ безсовѣстно исковеркали, дитя мое! Завертѣлъ и потащилъ за собой бурный и мутный потокъ чужихъ страстей. Вы такъ чутки, такъ отзывчивы, что вы всѣмъ сердцемъ вошли въ чужія волненія, не правда ли? Вы терзались, не любя—да? вы разочаровывались, утрачивали [illegible]ное невѣденіе и свѣжесть —не живя! Любовь—страсть—ревность, вамъ кажется, что вы все это прекрасно понимаете и знаете, потому что такъ много надъ этимъ резонировали и насмотрѣлись на другихъ. Правъ я? или заношусь черезъ-чуръ? Это мнѣ тоже привычно.

Анна, откинувъ голову, смотрѣла на него расширенными

глазами. Говоритъ—точно мечтаетъ. Второй разъ она это видѣла, но теперь его слова не приводили ее въ отчаяніе. Она ловила ихъ съ смутной надеждой на что-то.

— Вы даже упали духомъ! — продолжалъ Алѣевъ насмѣшливо. — Вамъ кажется, что ничего новаго и не будетъ, что вы сами никогда никого не полюбите. Вамъ остается только выбирать изъ того, что̀ есть, не такъ ли? Выйти замужъ—назначеніе женщины, вѣдь васъ Богъ создалъ для этого. Незамужняя женщина никому не нужна, никому не мила, она даже смѣшна. Вы прислушиваетесь къ избитой пѣснѣ и бредёте за толпой. Вы соглашаетесь съ тѣмъ, что женщина создана только для того, чтобы служить утѣхой и слугой другому, подобному же существу, и ваше человѣческое достоинство не возмущается противъ этого! Найдите мужчину, который бы сказалъ, что его назначеніе—жениться.

— Не служить утѣхой! — вспыхнула Анна: — осчастливить кого-нибудь, — положить конецъ страданіямъ, которыя я причиняю. Вы думаете, легко мнѣ было встрѣтить Ожогина?! Точно вѣрная собака рыщетъ около дверей, подстерегаетъ случай хоть нечаянно встрѣтиться со мной. Это—любовь. О, я ее ненавижу—ненавижу!!

— Вѣрю. Подышите еще годикъ этой атмосферой, и вы въ концѣ погибнете, какъ вы заразитесь, если поселитесь въ больницѣ. Страсть — болѣзнь. Страстями нельзя жить, какъ бы онѣ ни были высоки. И великодушіемъ, и самоотверженіемъ, на которое вы уповаете, тоже нельзя. Жить можно только естественною, здоровою жизнью. Вы сознаете себя виноватой?—я не знаю, про что̀ вы говорите, но въ одномъ вы преступны: въ попыткѣ обѣщать *себя* кому бы то ни было безъ любви. А потому все и слагается такъ прискорбно,—потому люди чуть не въ двадцать лѣтъ уже улыбаются скептически при словѣ *счастіе*! Какъ вы хотите, чтобы мы вѣрили въ него, если цѣлая половина рода человѣческаго выращивается и воспитывается въ этомъ одностороннемъ взглядѣ на жизнь? Свободная любовь свободнаго существа —да это высшее и единственное блаженство на землѣ! Но случайная любовь барышни, которая съ пятнадцати лѣтъ разыскиваетъ, куда бы пристроить свои нѣжныя чувства,—это не болѣе, какъ рядъ миражей и источникъ неисчислимыхъ золъ. То же, на что̀ вы рѣшаетесь—просто безнравственность, смѣю увѣрить васъ въ этомъ. Бракъ—вопросъ семьи, Анна Владиміровна, а семьи не можетъ быть безъ любви...

— Но вы не знаете,—Орестъ Павловичъ вовсе не ждетъ отъ

меня любви; потому только я и выбрала его. Я не могла выполнить обѣщанія, даннаго Строеву—то было нравственное обязательство, насилующее душу. Этого я не могу! Здѣсь же я ничего не обѣщаю. Онъ это знаетъ. Полюбовный договоръ, и только! мы попробуемъ ужиться и разойдемся мирно въ случаѣ неудачи. О, я знаю сама, какъ это гадко!!

Алѣевъ слушалъ, смотрѣлъ на нее и качалъ укоризненно головой.

— Недурно придумано! Ну-съ, милая Муза,—полюбовные договоры, не скрѣпленные надлежащей печатью, разрываются такъ же легко, какъ листъ бумаги. Мы совсѣмъ больше и говорить даже объ этомъ не станемъ. Теперь я просто-на-просто не допущу васъ до такого безразсудства. Простите,—но это вздоръ и ничего больше! Независимость вы добудете себѣ и безъ подобнаго уродливаго замужества, сами добудете, а не изъ чужихъ рукъ. У васъ, сколько я знаю, свое собственное состояніе, и вы вовсе не зависите отъ брата матеріально?—Устроить свою жизнь при такихъ условіяхъ какъ нельзя болѣе легко. Повѣрьте, вамъ нужно только успокоиться, разобраться въ этомъ хаосѣ и—главное—не видѣть нѣкоторое время никого изъ интересныхъ страдальцевъ. Это они,—не правда ли?—увѣрили васъ, что вы такъ страшно виновны: вы ихъ довели до отчаянія — заставили себя полюбить и пр. и пр. Пѣсня извѣстная! всѣхъ хорошихъ женщинъ ловятъ на эту удочку.

Анна машинально проводила по волосамъ дрожащей рукой. Тревога, и радостная, и мучительная, поднималась въ душѣ. Впереди мелькали проблески освобожденія, но сейчасъ же заволакивались мракомъ.

— Легко вамъ говорить. Это былъ бы вопіющій обманъ! этого онъ ничѣмъ не заслужилъ. Онъ... онъ даже не разсчитывалъ на мое согласіе, — договорила она съ усиліемъ, и краска залила ей лицо.

— Очень жаль, безъ сомнѣнія. Но вашъ докторъ не такъ и невиненъ, какъ вамъ кажется, — улыбнулся тонко Алѣевъ: — вѣдь не случайно же онъ подвернулся вамъ подъ руку въ лихую минуту? Подстеречь удобный моментъ—это та же ловушка. Случается, что за это и платятся.

Ловушка!—ухватилась сейчасъ же Анна:—да, да! для чего въ самомъ дѣлѣ Заботину понадобилось прилетѣть въ Петербургъ, вертѣться около нея и шутить свои опасныя шутки? Что съ ней сдѣлалось тогда? Отчего это казалось умно, занимательно и легко —и такъ страшно, такъ стыдно теперь? Стыдно передъ чужимъ,

который знаетъ ее мало, но думалъ объ ней хорошо. Онъ еще помнилъ прежнюю молоденькую Музу, такую чистую и цѣльную. Осталось ли хоть что-нибудь нетронутымъ и непомятымъ?—хоть одно представленіе, до котораго бы не дотрогивались, пытаясь принудить ее и думать, и чувствовать по своему?! Онъ угадалъ все это — вотъ оно, пониманіе сердца человѣческаго! Для него она не та Анна, которой нѣтъ равной, — она только молодая дѣвушка въ данныхъ условіяхъ. Онъ читаетъ въ ея сердцѣ какъ въ открытой книгѣ.

Анна чувствовала себя приниженной, умаленной. Какъ напалившую дѣвочку, ее взяли за руку твердой и сильной рукой, готовясь вывести изъ пагубнаго лабиринта,—ее, которая привыкла рѣшать чужія судьбы и управлять покорными сердцами!

Алѣевъ не мѣшалъ ей одуматься и слѣдилъ издали. Когда же она опять начала плакать, горько, неутѣшно — онъ подошелъ ближе и спросилъ: какъ же она рѣшила?

— Никакъ!—нетерпѣливо отвѣчала Анна. — Я не могу мѣнять своихъ рѣшеній каждый день. Если мое рѣшеніе такъ безумно, какъ вы говорите, то это выяснится само собой. Я еще не завтра вѣнчаюсь.

— Вы предпочитаете, стало быть, обмануть десять разъ вмѣсто одного? Будетъ ли легче вамъ обоимъ отъ того, что придется считаться не съ однимъ днемъ, а съ цѣлой недѣлей или больше?

Анна молчала, растерянная.

— Я вижу букетъ, — продолжалъ Алѣевъ: — вы получили его сегодня? Вѣроятно, скоро явится и самъ. Онъ ждетъ вашей благодарности... Мелочи?—но вѣдь жизнь складывается изъ такихъ мелочей! И этотъ букетъ будетъ лишней петлей въ узлѣ. Вы отсрочите ударъ сегодня изъ чувства признательности, завтра—изъ великодушной жалости, — а тамъ, глядишь, уже и по необходимости.

— О, да, да! — я отлично знаю, какъ люди запутываются; этого вы можете и не объяснять мнѣ! — вырвалось съ горечью у Анны.

Въ эту минуту за стѣной у сосѣдей часы медленно пробили два часа. Анна вскочила, какъ ужаленная.

— Два часа! сію минуту явится... Уѣзжайте, Николай Николаевичъ, я васъ умоляю! Будетъ еще труднѣе при васъ...

— Объясняться, или благодарить?

Она отвернулась враждебно.

— Дорогая Муза, больной зубъ всего легче вырвать сразу

— Что же я могу сдѣлать?! Ну, говорите, если вы знаете!

По корридору кто-то идетъ. Если сію минуту отворится дверь... Отворится или нѣтъ?..

— Сами-то вы не знаете!! —крикнула Анна презрительно.

— Не принимайте его.

— Невозможно!

— Ну, такъ одѣвайтесь скорѣе—уѣдемъ пока хоть ко мнѣ. Онъ не знаетъ моего адреса?

Заботинъ едва ли зналъ даже, что они знакомы. Анна, отуманенная нестерпимой тревогой, почти безсознательно металась по комнатѣ. Выдвигала коммодные ящики и опять задвигала ихъ, ничего не вынувъ. Она прислушивалась, не слышно ли шаговъ, и не обращала вниманія на уговариванія Алѣева не терять попусту времени. Наконецъ, Алѣевъ рѣшительно подвелъ ее къ столу, самъ разыскалъ листокъ почтовой бумаги и положилъ передъ нею. Написать всего два слова рѣшительно и безповоротно; все остальное не важно. Потомъ, хоть сегодня же, она можетъ послать ему цѣлую поэму раскаянія, угрызеній — чего хочетъ; Теперь важно только, чтобы онъ не засталъ ее здѣсь.

Анна ничего не въ состояніи была обсуждать. Одна мысль покрыла собою все: стоить во-время выскользнуть изъ этой комнаты—и она свободна!.. Алѣевъ стоялъ за стуломъ и только отъ времени до времени повторялъ настоятельно: „два часа! — ужъ два часа!“

Анна порывисто изорвала начатый листокъ и съ трудомъ разыскала новый...

„...Это свыше силъ моихъ —простите, если можете! вижу слишкомъ поздно — не могу, не любя. Зачѣмъ вы внушали мнѣ это такъ упорно?? Будьте честны, возьмите долю вины и на себя. Счастья не было бы, вы это слишкомъ хорошо знаете. Жалѣть не о чемъ. Но я все таки непростительно преступна передъ вами, я прошу смиренно: простите—простите меня!“

Алѣевъ безцеремонно прочиталъ записку черезъ плечо Анны.

— Это послѣднее совсѣмъ лишнее,—замѣтилъ онъ сухо.— Вашъ докторъ долженъ просить прощенія у васъ. Женщина не дичь, чтобы за нею гоняться съ такимъ упорствомъ. Благодарите свою натуру; это она во второй разъ спасаетъ васъ. Конечно, вы бы порвали и безъ меня, но, по крайней мѣрѣ, теперь всѣмъ терзаніямъ конецъ. Я посмотрю, какъ они разыщутъ васъ, если я возьмусь васъ спрятать!

У Анны одно стояло въ умѣ: что если Заботинъ сію минуту войдетъ и застанетъ ее такъ?! Алѣевъ рѣшительно взялъ ее

подъ руку и быстро повелъ къ выходу. На минуту онъ пріостановился въ корридорѣ и распорядился, чтобы горничная собрала всѣ вещи госпожи Голубиной,—онъ пришлетъ за ними вечеромъ. Ему почтительно кланялись...

Орестъ Павловичъ могъ бы узнать свою невѣсту на дрожкахъ, еще не успѣвшихъ завернуть за противоположный уголъ улицы, еслибы ему пришло въ голову приглядываться къ чему-нибудь. Докторъ соскочилъ на мостовую, прежде чѣмъ дрожки успѣли остановиться; онъ сунулъ деньги извощику и влетѣлъ на подъѣздъ, бережно придерживая картонку съ бонбоньеркой изъ фарфоровыхъ цвѣтовъ. Онъ сбросилъ пальто на руки швейцара, не вслушиваясь, что тотъ докладывалъ ему.

— Хорошо, хорошо! — отвѣтилъ онъ наудачу и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

Но швейцаръ погнался за нимъ слѣдомъ, и Орестъ Павловичъ принужденъ былъ пріостановиться.

— Какъ дома нѣтъ?! ты, можетъ быть, перепуталъ фамилію или не тотъ нумеръ комнаты?..

Швейцаръ въ третій разъ принялся описывать наружность сѣдого господина, сопровождавшаго барышню. Прибѣжалъ человѣкъ, знавшій Алѣева по фамиліи. Г-нъ Алѣевъ и раньше пріѣзжалъ въ гостинницу объясняться съ управляющимъ. Приказали приготовить къ вечеру вещи г-жи Голубиной.

Орестъ Павловичъ слушалъ, не вѣря собственнымъ ушамъ. Уѣхать какъ разъ въ два часа!—нарочно?? Откуда взялся Алѣевъ, когда Анна познакомилась съ нимъ?..

Докторъ вдругъ побагровѣлъ и накинулся на прислугу: только въ русскихъ гостинницахъ ничего не знаютъ, все путаютъ, ничего не умѣютъ передать толково! Госпожа Голубина не могла—понимаютъ ли они?—она *не могла* уѣхать, не велѣвъ передать ему, когда она вернется! Это не порядокъ, а чортъ знаетъ что! —первоклассная гостинница!! деньги драть умѣютъ, а порядка столько же, какъ и въ харчевнѣ какой-нибудь!..

Швейцаръ, получившій наканунѣ три рубля, растерянно топтался на мѣстѣ и клялся, что ему ничего не приказывали. Лакей, ничего еще не получившій, взялся укротить не въ мѣру разбушевавшагося барина. Не угодно ли господину доктору пройти въ контору и заявить свои претензіи? На лѣстницѣ шумѣть не дозволяется, безпокойство постояльцамъ.

Орестъ Павловичъ плюнулъ на бархатный коверъ и пошелъ дальше. Пусть ему откроютъ нумеръ—быть можетъ, записку забыли передать швейцару.

Онъ увидалъ ее вмигъ на сукнѣ стола, и кровь полилась свободнѣе въ жилахъ. Какой-то безсознательный страхъ отуманилъ его. Онъ съ досадой сунулъ на столъ картонку (стоило хлопотать, швырять деньги бѣшеныя!). Сколько бы ни извинялась Анна въ этомъ письмѣ—это гадко, непростительно гадко уѣхать такъ въ первый же день, съ первымъ встрѣчнымъ!.. Онъ разсѣянно разорвалъ конвертъ и развернулъ письмо, поглощенный своими мыслями...

Орестъ Павловичъ расхохотался. Горничная и лакей, любопытно вертѣвшіеся около двери, остановились, пригвожденные этимъ смѣхомъ...

Раскрывъ записку обѣими руками, поднявъ ее въ уровень съ лицемъ, Заботинъ читалъ громко, сквозь сиплый, прерывающійся хохотъ. Такъ онъ перечиталъ ее два—три раза, пока не начало нестерпимо саднить горло и во рту пересохло. Тогда онъ бросилъ письмо на полъ, гдѣ уже валялась его палка, и сталъ глазами разыскивать воду.

Графинъ стоялъ пустой, рядомъ съ его букетомъ. Онъ схватилъ цвѣты всею горстью, прямо за середину, и отшвырнулъ на другой конецъ комнаты. Въ сжатомъ кулакѣ остались оторванные, толстые какъ кожа, листья красавицы-лиліи, и цѣлый комъ нѣжныхъ, мягкихъ розовыхъ лепестковъ. Онъ съ отвращеніемъ тряхнулъ рукой, и они, точно бѣлыя перышки, разлетѣлись по полу.

Между тѣмъ прислуга за дверью совѣщалась шопотомъ—входить или нѣтъ? Горничная смотрѣла въ замочную скважину: батюшки свѣтъ, — букетъ! вѣдь съ нея спросятъ! мало ли что еще онъ колотить примется, кто отвѣчать-то долженъ? Доложить управляющему. Могъ бы Иванъ Иванычъ выручить ее — войти, авось посовѣстится.

— Какъ же! посовѣстится! такъ-то въ дверь вышвырнетъ, что любо-дорого. Видимое дѣло, не въ своемъ умѣ человѣкъ — пташка упорхнула! Въ такомъ разѣ къ господамъ лучше не суйся, коли цѣлъ быть хочешь.

Но Орестъ Павловичъ ничего не сталъ колотить. Онъ, не торопясь, поднялъ свою палку, сунулъ въ карманъ скомканное письмо Анны, нацѣпилъ на палецъ картонку и, выйдя изъ нумера, направился къ выходу отеля. Швейцаръ, проводя его, нѣсколько разъ повторилъ ему для чего-то, что *они* поѣхали налѣво. Онъ тоже повернулъ машинально—налѣво.

О. Шапиръ.

МНИМАЯ СОЦІОЛОГІЯ

I.

Вѣроятно, очень немногіе знаютъ у насъ подлинную исторію возникновенія и процвѣтанія русской соціологіи. Эта любопытная исторія разсказана кратко, но выразительно, однимъ изъ ближайшихъ участниковъ литературной эпопеи, положившей основаніе нашей замѣчательной соціологической школѣ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлано было у насъ открытіе, что люди и общества имѣютъ и сознаютъ свои цѣли и желанія, тогда какъ въ процессахъ природы подобныхъ цѣлей не оказывается. „Лѣтъ пятнадцать тому назадъ,—разсказываетъ упомянутый выше дѣятель русской соціологіи,—мнѣ привелось участвовать въ довольно горячей полемикѣ по вопросу о значеніи этого факта, этого появленія цѣлей въ процессѣ жизни. Тогда я старался отклонить нѣкоторые методологическіе выводы, которые отсюда дѣлались писателями, общее міросозерцаніе которыхъ мнѣ было вполнѣ симпатично. И теперь, конечно, я повторю то же самое, особенно объ одномъ изъ моихъ оппонентовъ, о Н. К. Михайловскомъ, именно съ которымъ, однако, мнѣ и пришлось тогда вести бесѣду о цѣляхъ, какъ существенной особенности общественной жизни и причинѣ, предписывающей для соціологіи методъ субъективный. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Между прочимъ, и по вопросу, насъ тогда раздѣлявшему, произошло въ русской литературѣ не мало интереснаго. Такъ, В. В. Лесевичъ въ своихъ „Письмахъ о научной философіи“ попробовалъ найти общую почву для примиренія нашихъ разнорѣчій. Г. Дебольскій въ своемъ послѣднемъ этическомъ трактатѣ поступилъ иначе: онъ прямо усомнился въ принадлежности г. Михайловскаго къ субъек-

тивной школѣ и отослалъ его въ объективную, гдѣ я, конечно, первый его натурализовалъ бы, еслибы впрочемъ не г. Гротъ, который отсылаетъ меня, наоборотъ, въ субъективную школу, оставляя впрочемъ тамъ и г. Михайловскаго. Замѣшались въ эту полемику и гг. Карѣевъ, Каблицъ, etc.; но и упомянутаго достаточно, чтобы призадуматься надъ глубиною разногласія, насъ раздѣлявшаго въ оно время, и, оставивъ полемическіе мечи ржавѣть въ ножнахъ, изъ которыхъ они нами не вынимались уже пятнадцать лѣтъ, не перетряхать старыхъ споровъ, не нарушающихъ общей и несомнѣнной солидарности работъ. Эти споры въ свое время способствовали уясненію вопроса о цѣлесообразности въ жизни", и т. д.

Изъ этого оригинальнаго описанія можно видѣть, что два человѣка подѣлили между собою русскую соціологію: одинъ владѣетъ субъективною школою, а другой—объективною; посторонніе изслѣдователи, занятые, будто бы, изученіемъ разнорѣчій обоихъ авторовъ и попытками примиренія ихъ, задумываются надъ глубиною разногласія, раздѣляющаго ихъ, и вмѣшиваются въ затихшую полемику этихъ двухъ центральныхъ фигуръ. Сами творцы и двигатели русской соціологіи рѣшились „оставить полемическіе мечи ржавѣть въ ножнахъ, изъ которыхъ они (мечи) не вынимались уже пятнадцать лѣтъ, и не перетряхать старыхъ споровъ", въ виду „общей и несомнѣнной солидарности работъ", которыя, разумѣется, двигаютъ науку впередъ съ надлежащимъ успѣхомъ.

Мы имѣли уже случай разобрать дѣйствительную сущность этого любопытнаго спора, которому одинъ изъ участниковъ его придаетъ такое важное значеніе для исторіи русской соціологіи. Мы видѣли, что дѣло шло о какихъ-то небывалыхъ научныхъ методахъ—субъективномъ и объективномъ,—и что побѣда осталась, повидимому, за писателемъ, обнаружившимъ въ этомъ случаѣ крайнюю путаницу понятій [1]). Но естественно является вопросъ: откуда взялись эти небывалые методы, о которыхъ такъ горячо спорили въ нашей журналистикѣ? О нихъ говорилъ вѣдь не одинъ только авторъ статей о прогрессѣ въ одномъ изъ журналовъ того времени. Разъяснивъ это обстоятельство, мы дойдемъ до корня тѣхъ недоразумѣній, на которыхъ построены наши воображаемыя соціологическія школы.

Разгадка оказывается гораздо проще, чѣмъ можно было бы думать: дѣло объясняется ошибочными свѣденіями о философскихъ трудахъ Огюста Конта, которыми заинтересовались тогда въ нашей

[1]) См. выше: „Вѣстникъ Европы", мартъ, стр. 275 и слѣд.

литературѣ. Контъ поставилъ себѣ и исполнилъ по-своему двѣ грандіозныя задачи: во-первыхъ, онъ выработалъ основанія соціологіи, какъ теоретической науки, въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи", и, во-вторыхъ, онъ пытался примѣнить полученные имъ выводы къ практическому устройству человѣческихъ обществъ и предложилъ планъ новой организаціи человѣчества, въ своей „Системѣ позитивной политики". Въ первомъ трудѣ онъ имѣлъ цѣлью объективное изученіе и анализъ, при помощи строгихъ пріемовъ научной логики; во второмъ — онъ переходитъ на почву практической науки — политики, гдѣ развиваетъ уже съ полнымъ правомъ свои субъективные взгляды и идеалы. Насколько ясно и точно разграничены обѣ задачи у Конта, въ этомъ могъ убѣдиться всякій, кто читалъ когда-нибудь его четырехтомную „Système de politique positive". Оригинальность этого трактата касается личныхъ идеаловъ и воззрѣній автора, но не его основныхъ взглядовъ на научные методы и на способы изслѣдованій и обобщеній въ соціологіи. Контъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что̀ нужно было, чтобы не давать повода смѣшивать его „позитивную *политику*" съ „соціальною физикою" или *соціологіею*: первая должна вытекать изъ послѣдней и опираться на нее, какъ прикладная наука опирается на теоретическую. Контъ подробно объясняетъ, что оба его великія творенія дополняютъ себя взаимно, что созданіе соціальной науки есть дѣло „существенно умственное", essentiellement mentale; а построеніе соціальной политики — задача „непосредственно соціальная", directement sociale. По словамъ Конта, въ немъ лично „сосредоточились стремленія двухъ категорій — научныя и политическія": „реальная наука должна была прежде привести къ здравой философіи, способной основать потомъ истинное міросозерцаніе (réligion); позитивная политика, „необходимо основанная" на теоретической соціологіи, становится „главнымъ созданіемъ" Конта. „Оба трактата — продолжаетъ знаменитый философъ — разнятся между собою существенно: въ одномъ господствуетъ умъ, въ другомъ — сердце. Глубокое логическое различіе составляетъ главный интеллектуальный контрастъ между двумя твореніями, соотвѣтственно ихъ природѣ и назначенію. Въ первомъ, гдѣ нужно было довести научное объясненіе до послѣдняго результата, необходимо было въ точности слѣдовать объективному способу, который одинъ соотвѣтствуетъ характеру этой громадной предварительной работы, доходящей отъ міра къ человѣку... „Но самый успѣхъ этой предварительной работы, приведшей меня къ истинно-универсальной точкѣ зрѣнія, долженъ здѣсь (въ позитивной политикѣ) доставить преобладаніе

субъективному методу, какъ единственному источнику всякой совершенной систематизаціи, гдѣ отъ человѣка нисходятъ къ міру". Контъ употребляетъ при этомъ выраженія—„la méthode objective" и „la méthode subjective" въ смыслѣ способовъ дѣйствія, а никакъ не въ смыслѣ методовъ, что съ несомнѣнностью видно уже изъ всего предыдущаго. Собственно цѣлью своей жизни и своимъ истиннымъ призваніемъ Контъ считалъ выработку новыхъ началъ духовной и политической организаціи человѣчества; эта мысль просвѣчиваетъ и въ его курсѣ положительной философіи, гдѣ онъ имѣлъ еще дѣло съ вопросами объективнаго знанія. Первый капитальный трудъ, установившій научныя основы теоретической соціологіи, имѣлъ для Конта значеніе „предварительной работы", и онъ сознавалъ вполнѣ, по его словамъ, что „научное устраненіе субъективной точки зрѣнія могло быть только временнымъ", въ ожиданіи перехода отъ „соціальной физики" къ позитивной политикѣ.

Такимъ образомъ, субъективные идеалы, которымъ философъ посвятилъ свою жизнь, были тщательно устраняемы имъ при построеніи соціологіи, какъ теоретической науки, и оставлялись для той области, гдѣ они могли занять свое законное преобладающее мѣсто,—для соціальной политики. Говоря о своемъ великомъ призваніи и называя себя „органомъ человѣчества" и „первосвященникомъ", Контъ руководствовался при этомъ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ основать позитивную религію, сущность которой объяснена въ его „главномъ" соціально-политическомъ трактатѣ; онъ поэтому считалъ себя въ правѣ играть роль, принадлежащую всѣмъ вообще основателямъ религіозныхъ ученій. Несправедливо было бы видѣть въ этомъ простую манію величія; Конту чуждо было то мелочное самовосхваленіе, которое такъ бросается въ глаза въ мелкихъ компилятивныхъ работахъ нѣкоторыхъ нашихъ отечественныхъ истолкователей его идей. Контъ добросовѣстно признавалъ и даже иногда преувеличивалъ заслуги своихъ предшественниковъ и современниковъ въ сферѣ научной философіи; въ предисловіи къ „Системѣ позитивной политики" онъ съ трогательною откровенностью называетъ *наивнымъ* свое собственное прежнее представленіе о позитивной школѣ, какъ „заключающейся въ немъ одномъ", тогда какъ есть и другіе авторы, придерживающіеся тѣхъ же взглядовъ. О послѣдователяхъ своихъ,—напримѣръ, о Литтрѣ,—онъ отзывается съ большимъ уваженіемъ, какъ о самостоятельныхъ мыслителяхъ. Что касается субъективизма и объективизма, то Контъ въ своемъ второмъ трактатѣ склоненъ былъ отчасти злоупотреблять этими

терминами;—такъ, разсказывая въ предисловіи и въ „посвященіи“ печальную исторію своей личной жизни, онъ упоминаетъ о „несравненномъ годѣ объективнаго союза съ дорогимъ существомъ, къ которому онъ питалъ субъективное обожаніе“; затѣмъ насталъ пятилѣтній періодъ „объективной разлуки“; даже прислуга философа, „несравненная“ безграмотная дѣвушка, имѣла на него благотворное „объективное вліяніе“ [1]).

Такъ какъ „Система позитивной политики“ была извѣстна у насъ только изъ вторыхъ рукъ, въ изложеніяхъ Милля и другихъ, то въ сужденіяхъ о ней и объ ея „субъективной методѣ“ оказались весьма существенныя и отчасти забавныя ошибки. То, что Контъ различалъ, было спутано нашими комментаторами; то, что онъ примѣнялъ къ соціальной политикѣ, было отнесено къ соціологіи; даже то, что онъ сдѣлалъ и считалъ главною задачею своей жизни, объявлялось вовсе несуществующимъ въ его философской системѣ. Писатель, находившій нужнымъ разъяснять печатно „свои собственныя отношенія къ Конту“, чтобы помочь публикѣ опредѣлить, гдѣ кончается Контъ, и гдѣ начинается онъ, авторъ,—высказалъ мнѣніе, что „коренной недостатокъ Контовой системы“ заключается въ „устраненіи субъективнаго метода изъ области вопросовъ соціологіи, этики и политики“ (?!). По словамъ того же писателя, „позитивизмъ сдѣлалъ до сихъ поръ полдѣла, —установилъ законность человѣческой точки зрѣнія на явленія природы“; теперь „та же точка зрѣнія должна быть приложена и къ рѣшенію практическихъ вопросовъ,—но этой половины великаго дѣла позитивизмъ совершить не можетъ (?), потому что тутъ ему пришлось бы (!) ввести субъективный методъ даже въ постановку чисто-теоретическихъ вопросовъ... Въ „позитивной политикѣ“ Контъ открыто отказался (sic) отъ этой пассивной роли и, при помощи субъективнаго метода, попытался перекинуть мостъ отъ науки къ жизни... До какой степени Контъ и въ своемъ курсѣ философіи былъ близокъ къ тому, чтобы связать научнымъ образомъ вопросы о теоретической истинѣ съ вопросами о практическомъ благѣ, и до какой степени ему тѣсно было въ путахъ объективнаго метода въ соціологіи, это видно“—изъ такихъ-то словъ „Курса“. То же смѣшеніе соціологіи съ политикою и этикою и то же незнаніе дѣйствительныхъ трудовъ и цѣлей Конта—проявляется въ разныхъ мѣстахъ сочиненій нашего автора. „Въ системѣ Конта чего-то недостаетъ и чего-то весьма важнаго“, говоритъ онъ, но собственно самому писавшему эти строки недоставало

[1]) Système de politique positive etc., par Auguste Comte (P. 1851). T. I. Préface.

точныхъ свѣденій о содержаніи „Système de politique positive“ и другихъ работъ философа по политикѣ и этикѣ,—иначе онъ не видѣлъ бы недостатка и пробѣла тамъ, гдѣ скорѣе, напротивъ, преобладаетъ избытокъ субъективизма. „Устраняя субъективный методъ въ вопросахъ политики (т.-е. соціологіи?) и этики,—повторяетъ авторъ,—позитивизмъ не можетъ даже оправдать своего собственнаго существованія“. Самъ Контъ, „какъ извѣстно, перешелъ, наконецъ, къ субъективному методу“ [1]) (т.-е. на дѣлѣ онъ перешелъ не къ другому методу, а къ другой области вопросовъ,—къ области практическихъ задачъ, гдѣ вступаетъ въ силу субъективная точка зрѣнія).

„Субъективная метода“, которую Контъ выдвинулъ на первый планъ въ своей соціальной политикѣ и этикѣ, принята была у насъ за особый научный методъ, пригодный будто бы для теоретической соціологіи. Наполовину лишь извѣстныя и превратно понятыя идеи французскаго мыслителя породили у насъ недоразумѣніе, которое послужило исходною точкою для образованія какой-то фантастической „субъективной школы“ въ нашей quasi-соціологической литературѣ. Заявлено было даже съ гордостью, что „субъективная школа есть по преимуществу русская школа въ соціологіи“, и что въ Европѣ „не поняли“ важнаго значенія субъективизма, который въ дѣйствительности попалъ къ намъ изъза границы случайно, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, въ перепутанномъ и совершенно абсурдномъ видѣ [2]). Habent sua fata libelli!

II.

Несравненно болѣе печальныя послѣдствія для нѣкоторыхъ нашихъ философовъ имѣла другая мысль Конта, усвоенная Спен-

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. I, стр. 137, 146—147; т. IV, стр. 89, 92 и слѣд., 131 и др.

[2]) Одинъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ научной философіи, В. В. Лесевичъ, относящійся вообще крайне снисходительно къ упражненіямъ нашихъ „соціологовъ“, —говоря объ объективной и субъективной точкахъ зрѣнія, упоминаетъ мягко о „*недоразумѣніи*, которое *одно только и могло* породить въ недавнее время оживленные споры въ нашей литературѣ о преобладаніи той или другой изъ этихъ точекъ зрѣнія при изученіи соціологіи, или, *какъ не совсѣмъ правильно принято у насъ говорить*, субъективнаго и объективнаго метода“. См. „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“ (Спб., 1877), стр. 241. Впрочемъ, въ этомъ трудѣ авторъ также не имѣлъ въ виду трактата Конта о позитивной политикѣ, а въ своихъ „Письмахъ о научной философіи“ (Спб., 1878) онъ упоминаетъ объ этомъ трактатѣ только вскользь, въ одномъ мѣстѣ (стр. 192).

серомъ и перешедшая къ намъ также въ извращенномъ видѣ,— мысль о логической связи соціологіи съ наукою объ органической жизни, или біологіею. Контъ вполнѣ убѣдительно объяснилъ, что для пониманія соціальныхъ явленій необходимо предварительное знакомство съ явленіями окружающей природы, съ условіями жизни организмовъ вообще и человѣческаго организма въ особенности; поэтому соціологія должна пользоваться результатами всѣхъ прочихъ отраслей знанія, опираясь непосредственно на біологію, которая, по Конту, обнимаетъ собою и психологію. Ни разсужденія его о взаимной зависимости и связи наукъ, ни сдѣланныя имъ попытки обобщеній культурно-историческихъ данныхъ всемірной исторіи не давали ни малѣйшаго повода предполагать, что онъ ставилъ біологію въ тѣсномъ смыслѣ (безъ психологіи) въ руководство и въ образецъ теоретикамъ соціологіи.

Что же сдѣлали наши послѣдователи Контовскихъ воззрѣній изъ этой здравой идеи французскаго мыслителя? Они вообразили, что соціологія должна быть построена на матеріалѣ чисто-біологическомъ, и съ достойнымъ лучшаго дѣла усердіемъ стали безплодно возиться съ теоріями и фактами, не имѣющими абсолютно никакого отношенія къ задачамъ соціальной науки. Эти писатели почему-то представили себѣ, что біологія должна играть руководящую творческую роль при разработкѣ соціологическихъ данныхъ, и что спеціалисты естествознанія призваны даже непосредственно участвовать въ созданіи соціологіи, которая такимъ образомъ превратилась бы въ подчиненную часть науки объ организмахъ, вопреки идеямъ Конта и здравому человѣческому смыслу. Авторъ, наиболѣе работавшій у насъ въ этомъ ложномъ направленіи, наполнилъ почти цѣлый томъ пересказываніемъ и разборомъ сочиненій по біологіи, и онъ увѣренъ однако, что содержаніе этого тома—„сплошь соціологическое“. Онъ питаетъ надежду, что „господа біологи, покончивъ съ послѣдними результатами раздѣленія труда въ области своей спеціальной науки, покончивъ эти, такъ сказать, свои домашнія дѣла, направятъ свои знанія къ построенію вѣнца наукъ—науки общественной“. Очевидно, эта фантастическая надежда основана на явномъ недоразумѣніи относительно предмета и содержанія соціологіи, равно какъ и относительно степени и смысла зависимости ея отъ біологіи. Видя несостоятельность тѣхъ выводовъ, которые дѣлаются иногда представителями естественныхъ наукъ по постороннимъ для нихъ вопросамъ соціальной жизни, авторъ тщетно старается устранить сомнѣніе въ томъ, „законно ли вообще вмѣшательство біологіи въ общественную науку“. При ближайшемъ разсмотрѣ-

ніи дѣла—говоритъ онъ—„такое сомнѣніе должно необходимо разсѣяться. Дѣло не въ біологіи, а въ біологахъ. Геккель совершенно правъ, утверждая, что... будущимъ государственнымъ людямъ, экономистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить вниманіе на сравнительную зоологію, т.-е. на сравнительную морфологію и физіологію животныхъ, если они пожелаютъ получить вѣрное понятіе о своемъ спеціальномъ предметѣ. И когда эта сравнительно-зоологическая точка зрѣнія приводитъ людей къ самымъ невѣроятнымъ заблужденіямъ, то въ этомъ надо винить не самую точку зрѣнія, а людей, не умѣющихъ съ нею справиться".

Трудно объяснить, какъ могла возникнуть самая мысль о томъ, что изслѣдователи „сравнительной морфологіи и физіологіи животныхъ", имѣя свою чрезвычайно обширную и сложную спеціальность, должны еще попутно заниматься созданіемъ другой еще болѣе сложной и трудной науки, имѣющей свою особую громадную область и свой необычайно богатый фактическій матеріалъ. Никто еще не предлагалъ астрономамъ руководить работами по физикѣ, а спеціалистамъ по физикѣ—создавать химію, хотя физика такъ же точно должна опираться на астрономію, а химія —на физику, какъ и соціологія—на біологію съ психологіею. Что сказали бы мы о химикѣ, который отыскивалъ бы свою науку въ трудахъ по физикѣ и ожидалъ бы отъ физиковъ руководящихъ указаній для своихъ работъ? А между тѣмъ эта именно удивительная странность случилась съ авторомъ, пожелавшимъ разрабатывать соціологію при непосредственной помощи біологіи и біологовъ. Въ какія необходимыя дебри вовлекла его эта безнадежная точка зрѣнія—можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Поговоривъ объ ихтіозаврахъ или рыбо-ящерахъ, со словъ Агассица и Геккеля, и высказавъ интересную истину, что „рыбы выработали себѣ чрезвычайно сложные аппараты, приспособленные къ водной жизни, какихъ у ихтіозавра, конечно, не было", нашъ авторъ продолжаетъ: „Приложите теперь это разсужденіе къ явленіямъ общественной жизни. *Поставьте вмѣсто вида ихтіозавра какую-нибудь соціальную группу*, какую-нибудь общественную индивидуальность. Если внутри этой индивидуальности и подъ вліяніемъ ея развитія, состоящаго въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному, въ дифференцированіи частей, въ усиленіи раздѣленія труда, обособляются рѣзко различные индивиды, то"... и т. д. Что бы ни вытекало изъ этого сравненія ихтіозавра съ соціальною группою, выводы должны быть безусловно невѣрны, вслѣдствіе невѣрности самаго метода, употребляемаго авторомъ.

Внѣшнія, поверхностныя аналогіи между совершенно разнородными категоріями явленій вездѣ преслѣдуютъ автора, какъ кошмаръ, и ставятъ его просто въ трагическое положеніе: съ одной стороны, онъ какъ будто сознаетъ ихъ незаконность и, говоря, въ настоящемъ случаѣ, спеціально объ аналогическомъ методѣ, разсуждаетъ вполнѣ здраво и основательно; но, съ другой стороны, онъ не можетъ отрѣшиться отъ этихъ аналогій, которыя кажутся ему обязательными, въ виду усвоеннаго имъ неправильнаго пониманія научной связи между соціологіею и біологіею. Онъ не хотѣлъ бы, чтобы человѣческое общество похоже было на организмъ, въ которомъ люди играли бы роль пассивныхъ клѣточекъ; но онъ не въ силахъ отвергнуть такое воззрѣніе и предлагаетъ бороться съ нимъ совершенно невѣроятнымъ способомъ: противъ теоріи, составляющей, по его словамъ, „позорнѣйшее пятно на умственной жизни XIX-го вѣка“, онъ совѣтуетъ вести практическую „борьбу за индивидуальность“, для охраны человѣка отъ грозящей ему, будто бы, участи превращенія въ клѣточку общественнаго организма. Во всей литературѣ соціальныхъ наукъ едва ли встрѣтится болѣе поразительный образчикъ смѣшенія несовмѣстимыхъ и противоположныхъ понятій. Одно изъ двухъ: или теорія вѣрна, и тогда бороться съ нею столь же безполезно, какъ возставать противъ закона тяготѣнія или противъ естественныхъ процессовъ органической жизни; или теорія ошибочна, и тогда достаточно доказать ея несостоятельность, причемъ вредное практическое значеніе ея отпадаетъ само собою. Средняго вывода нѣтъ и быть не можетъ. Для автора существуетъ, однако, нѣчто среднее: онъ не можетъ противостоять авторитету Геккеля, великаго спеціалиста въ біологіи, но не столько компетентнаго въ чуждой ему соціальной наукѣ. Онъ чувствуетъ себя безсильнымъ въ виду категорическаго положенія, выставляемаго нѣмецкимъ естествоиспытателемъ, о сходствѣ человѣческихъ личностей съ „пластидами, органами, антимерами и метамерами“; онъ обращается послѣдовательно къ гидрѣ, къ головоногимъ, къ колоніямъ медузъ и полиповъ, къ муравейникамъ, и затѣмъ замѣчаетъ: „стоило бы сходить еще въ пчелиный улей, но мы пойдемъ лучше прямо къ людямъ“. Вотъ къ какому результату приводитъ примѣненіе идеи Конта, — будто соціологія опирается на біологію!

Авторъ пробуетъ какъ будто протестовать противъ одолѣвшихъ его медузъ и ихтіозавровъ; но онъ сдается съ мучительнымъ чувствомъ, послѣ долгой и утомительной возни съ организмами, входящими въ компетенцію натуралистовъ. „Безъ сомнѣнія — утѣ-

шаетъ онъ себя — человѣкъ есть существо настолько сложное и разнородное, или совершенное, что не можетъ уже войти въ составъ не только такихъ совершенныхъ обществъ, какъ сифонофора, но даже и такихъ, какъ муравейникъ. Онъ не можетъ быть въ такой степени поглощенъ обществомъ; борьба чаще кончается въ его пользу. Но все-таки тутъ дѣло только въ градаціи. Нѣкоторые изъ составляющихъ сифонофору полиповъ и медузъ суть просто половые органы, всѣ остальные безполы. Это высшая изъ одержанныхъ обществомъ надъ организмомъ побѣдъ. Въ пчелиномъ роѣ есть трутни, которые хотя и составляютъ, собственно говоря, въ совокупности половой органъ общества и ради этого отправленія только и терпятся, но все-таки самостоятельно ѣдятъ, летаютъ. Существуютъ и безполыя рабочія пчелы. Это меньшая степень побѣды общества: превратить однѣхъ пчелъ въ простые органы труда, а другихъ въ простые органы размноженія рою не удалось, но искалѣченіе все-таки весьма сильно. Наконецъ, въ человѣческомъ обществѣ безполый рабочій возможенъ только въ идеѣ—въ теоріи мальтузіанцевъ. Поэтому человѣческое общество никогда не достигнетъ степени совершенства сифонофоры; но его борьба съ личностью никогда не кончится, причемъ шансы борьбы будутъ клониться то въ ту, то въ другую сторону". Авторъ не рѣшается спорить противъ теоріи, основанной на „тезисахъ Геккеля"; „въ общемъ—говоритъ онъ—я все-таки считаю ее вѣрною и не могу простить ей (теоріи) только одного, именно того, что она признаетъ наиболѣе совершеннымъ то общество, которое наиболѣе уродуетъ своихъ членовъ".

Повидимому, невозможно для здраваго смысла связывать совершенство человѣческаго общества съ пониженіемъ типа отдѣльныхъ личностей, его составляющихъ; но оно такъ, будто бы, выходитъ по аналогіи съ колоніями медузъ и полиповъ. Откуда же взялась и на чемъ держится эта абсурдная аналогія? Тщетно было бы искать отвѣта на этотъ вопросъ въ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ разсужденіяхъ автора, въ его безконечно растянутыхъ варіаціяхъ на темы о рыбахъ и сифонофорахъ, объ ихтіозаврахъ и муравейникахъ, о клѣточкахъ и органахъ. Даже самые рѣшительные послѣдователи органической теоріи въ соціальной наукѣ сравнивали человѣческое общество съ организмомъ только въ извѣстныхъ отношеніяхъ и не погружались въ область слизняковъ и медузъ для отысканія „соціологическихъ теоремъ"; а нашъ авторъ, отрицая непріятную ему аналогію въ принципѣ, доводитъ ее до небывалаго и совершенно невѣроятнаго развитія: онъ прямо включаетъ общество въ разрядъ такихъ „индивидуальностей",

какъ разныя органическія тѣла, состоящія изъ клѣточекъ—индивидовъ. „Существуютъ—разсказываетъ онъ—различныя ступени индивидуальности, которыя борются между собою, стремятся подчинить другъ друга. Эта борьба ведется различными степенями индивидуальности съ весьма различнымъ успѣхомъ. Въ высшихъ организмахъ, напримѣръ въ человѣкѣ, всѣ тѣ 60 милліоновъ клѣточекъ, которыя обращаются ежесекундно въ его тѣлѣ, всѣ его ткани, органы чувствъ и движенія, закрѣпощены своему цѣлому окончательно. Въ низшихъ организмахъ побѣда цѣлаго надъ частями далеко слабѣе. Въ муравейникѣ индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова побѣжденъ обществомъ; въ полипнякѣ эта побѣда еще рѣшительнѣе. Фабрика, какъ экономическая единица, стремится подчинить себѣ, поглотить рабочаго. Въ исторіи намъ извѣстны національныя индивидуальности, побѣжденныя и не побѣжденныя единицами государственными. Внутри національной индивидуальности борются индивидуальности сословныя, а внутри послѣднихъ — индивидуальности человѣческія. Достигая строго обособленной ступени развитія касты, сословіе побѣждаетъ какъ высшую національную индивидуальность, такъ и низшую—человѣческую и т. д.“ Здѣсь полипнякъ и муравейникъ отнесены къ той же категоріи явленій, какъ и фабрика, національность, сословіе, государство; клѣточки отдѣльныхъ организмовъ играютъ роль индивидовъ, закрѣпощенныхъ „своему цѣлому окончательно“. Дальше идти уже некуда по пути своеобразныхъ аналогій; это уже не теорема (какъ любятъ выражаться авторы, обладающіе счастливымъ свойствомъ не просто высказывать извѣстныя мысли, а говорить прямо теоремами, „важными положеніями“ и истинами), — это уже результатъ испуга болѣзненнаго воображенія, подавленнаго міромъ ихтіозавровъ и медузъ.

Нельзя не чувствовать искренняго сожалѣнія о томъ количествѣ труда, которое потрачено авторомъ на дѣло совершенно безплодное и фантастическое. Можетъ быть, онъ и вѣрно повторяетъ взгляды Дарвина, Геккеля, Нэгели и другихъ натуралистовъ на предметы ихъ спеціальности; можетъ быть, дѣйствительно обособленіе половъ, „какъ и всякое раздѣленіе труда между индивидами одного и того же вида“, есть „явленіе болѣзненное“, и „индивидуальность человѣческая, какъ мужчины, такъ и женщины, терпитъ при этомъ коренной ущербъ, совсѣмъ невосполняемый побочными побѣдами“; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, „простой „гермафродитъ“ представляетъ, „съ точки зрѣнія индивидуальной жизни, высшій типъ размноженія“. Но когда эти взгляды прямо примѣняются къ фактамъ соціальной жизни и когда „индиви-

дуальность человѣческая" ставится въ одинъ разрядъ съ „индивидуальностью семейною" и общественною, на основаніи сходства словъ, тогда мы имѣемъ уже дѣло съ простою, совершенно первобытною схоластикою, за которую нисколько не отвѣтственна строго-положительная біологія, каковы бы ни были увлеченія отдѣльныхъ ея представителей внѣ обычнаго круга ихъ спеціальныхъ занятій.

Сдѣлавшись жертвою ошибочныхъ аналогій, авторъ ищетъ выхода въ индивидуальной борьбѣ съ „роковою тенденціею общества двигаться по типу органическаго развитія". Двигаясь по этой органической дорогѣ—вѣроятно, изъ подражанія полипнякамъ и муравейникамъ,—человѣческое „общество есть первый, ближайшій и злѣйшій врагъ человѣка, противъ котораго (т.-е. общества, вѣроятно) онъ долженъ быть постоянно на-сторожѣ. Общество самымъ процессомъ своего развитія стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно спеціальное отправленіе, а остальныя раздать другимъ, превратить ее изъ индивида въ органъ. Личность, повинуясь тому же закону развитія, борется или, по крайней мѣрѣ, должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность своего я". Такимъ образомъ, вопросъ „сводится къ борьбѣ за индивидуальность между человѣкомъ и обществомъ. Въ случаѣ побѣды послѣдняго, оно становится крѣпкою индивидуальною, недѣлимою единицею, подчиняя себѣ все сильнѣе и сильнѣе личность, которая низводится этимъ процессомъ на степень простого подчиненнаго органа. Но, побѣждая такимъ образомъ личность и само обращаясь въ организмъ, *общество подлежитъ уже всѣмъ условіямъ органической жизни*. Какъ и всякій организмъ, оно должно имѣть свою молодость, зрѣлость, старость и, наконецъ, смерть. Но возможенъ и другой случай—болѣе или менѣе полной побѣды личности, причемъ общество, не превращаясь въ организмъ, практически окажется безсмертнымъ, т.-е. смерть его уйдетъ въ совершенно для насъ недоступную даль" (если не будетъ „какихъ-нибудь ударовъ со стороны"). Другими словами, общество, не будучи организмомъ по природѣ, можетъ однако превратиться въ организмъ, и тогда оно не имѣетъ уже возврата,—оно „подлежитъ уже всѣмъ условіямъ органической жизни", подобно какому-нибудь животному. Откуда взято и на чемъ построено это баснословное, хотя и весьма категорическое положеніе—неизвѣстно.

Чтобы избавить себя отъ страшной опасности превращенія въ простые органы чудовищнаго соціальнаго ихтіозавра, люди должны упорно защищать свою индивидуальность противъ общества, въ

составъ котораго они входятъ. По крайней мѣрѣ, авторъ, съ своей стороны, обѣщаетъ бороться съ надлежащимъ мужествомъ, безъ колебаній и сомнѣній. Тутъ ему помогъ кстати забытый было „субъективный методъ". „Теорія борьбы за индивидуальность — истинна,—восклицаетъ онъ трагически,—но, именно стоя на точкѣ зрѣнія этой борьбы, я и объявляю, что буду бороться съ грозящею поглотить меня высшею индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства; я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня; я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ—увидимъ. И, какъ приступъ къ борьбѣ, я ставлю *nicht* къ теоріи (sic) борьбы за индивидуальность, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она (т.-е. теорія?) захватываетъ меня. Я не отрицаю ни одного изъ ея положеній, не отворачиваюсь отъ истины. Я только повинуюсь закону борьбы, когда объявляю, что общество должно служить мнѣ, и это положеніе субъективно. Я не смѣю сказать, что оно мнѣ служитъ, потому что это была бы недостойная науки неправда, и это невѣрное положеніе объективно" (?). Эта трогательная рѣшимость храбро бороться съ обществомъ, какъ съ „высшею индивидуальностью", далеко оставляетъ за собою знаменитую борьбу съ вѣтряными мельницами: тамъ все-таки было нѣчто реальное, дававшее матеріалъ для иллюзіи сраженія, а здѣсь героическій пылъ направленъ противъ произвольной комбинаціи словъ, выдаваемой за научную теорію.

По мнѣнію автора, массовыя народныя движенія также имѣютъ свой корень въ „процессѣ развитія общества по органическому типу, т.-е. въ побѣдѣ общества надъ личностью". При извѣстныхъ условіяхъ, „въ обществѣ—говоритъ онъ,—появляются два чрезвычайно любопытные типа, которые я назову вольницей и подвижниками. Это отщепенцы, протестанты. Протестуютъ они двумя совершенно различными, но все-таки родственными между собою и часто другъ въ друга переходящими способами. Вольница представляетъ протестъ воинствующій, активный; подвижники — протестъ мирный, пассивный. И тѣ, и другіе порываютъ всякія связи съ обществомъ". Вольница и подвижники возстаютъ во имя „поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности" [1]). Въ этомъ констатированіи общеизвѣстнаго факта народныхъ движеній авторъ видитъ какой-то „историческій законъ", какъ будто фактъ и законъ — одно и то же. По обыкновенію, новыя названія, придуманныя авторомъ, составляютъ для него „теорему".

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. V, стр. 384; тамъ же, стр. 6, 31, 288—40, 253—8, 298—9, 374—5, 458 и др.; т. III, стр. 164—8, 170—72, 177—8, и др.

Попытка объяснить массовыя движенія „органическимъ процессомъ“ общества и борьбою за индивидуальность падаетъ сама собою, если даже допустить эти два несостоятельные принципа, изъ которыхъ одинъ долженъ служить противоядіемъ другому. Народные элементы, чувствующіе на себѣ гнетъ даннаго общественно-политическаго строя, поднимаются вовсе не во имя индивидуальныхъ правъ, а во имя своихъ общественныхъ правъ и интересовъ, попираемыхъ другими классами, и возстаютъ вовсе не противъ общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, а противъ давящихъ ихъ отдѣльныхъ силъ, которыя могутъ находиться въ антагонизмѣ съ желаніями и потребностями большинства населенія. Нерѣдко народныя движенія не только не имѣютъ характера борьбы противъ общества, но, напротивъ, происходятъ именно во имя правъ этого общества въ его цѣломъ, противъ захватовъ власти политической или экономической. Органическая теорія, борьба за индивидуальность и тому подобныя созданія воображенія — тутъ рѣшительно не при чемъ.

III.

Заграничныя теоріи, устарѣлыя и отвергнутыя на родинѣ, появляются у насъ иногда и успѣшно пускаются въ ходъ въ видѣ самобытныхъ открытій и теоремъ, но съ прибавкою къ тому отъ себя какого-нибудь абсурда. Взглядъ на общество, какъ на своеобразный организмъ,—въ болѣе разумномъ значеніи этого слова, въ смыслѣ внутренней связи и исторической преемственности соціальныхъ явленій,—господствовалъ въ нѣмецкой ученой литературѣ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Органическая доктрина — по существу своему консервативная и реакціонная — процвѣтала въ періодъ политическаго застоя, предшествовавшаго движенію 1848 года. „Историческій процессъ“ былъ весьма удобнымъ quasi-научнымъ прикрытіемъ для противодѣйствія всякимъ реформаторскимъ требованіямъ и стремленіямъ.

Времена эти прошли. Въ соціально-научной литературѣ Германіи преобладаетъ направленіе критическое, опирающееся на наблюденіе и анализъ. Потеряли свою силу традиціи гегельянства, съ его безсодержательной діалектикою, которая, по выраженію одного нѣмецкаго юриста, играла тезисомъ, антитезисомъ и синтезомъ, какъ фокусникъ тремя шарами, ловко перебрасываемыми и исчезающими въ послѣдовательномъ порядкѣ. „Органическій“ взглядъ на государство не пользуется уже кредитомъ; отдѣльные пропо-

вѣдники подобныхъ ученій, какъ Шеффле и Лиліенфельдъ, придаютъ имъ уже другой смыслъ и все-таки стоятъ одиноко среди новыхъ идей и теорій. Извѣстный Блюнчли, самъ прибѣгавшій иногда къ сомнительнымъ аналогіямъ (впрочемъ, психологическимъ, а не біологическимъ), писалъ еще четверть вѣка тому назадъ: „Органическое воззрѣніе, понимаемое односторонне, можетъ вести къ невѣрному представленію о такъ-называемомъ естественномъ процессѣ, исключающемъ свободную дѣятельность личностей. Исторія народовъ не должна быть сравниваема съ ростомъ растеній или даже съ развитіемъ человѣческаго организма. Безъ сомнѣнія, одна ея сторона допускаетъ сравненіе съ смѣною возрастовъ и опредѣляется природною необходимостью. Народъ дѣйствительно —не тотъ въ періодъ молодости, какъ въ позднѣйшей зрѣлости. Но онъ состоитъ изъ личностей, которыя представляютъ собою всѣ возрасты жизни; старые люди вліяютъ на молодой народъ, а молодыя личности могутъ дѣйствовать на народъ старый. Поэтому къ естественно-необходимой сторонѣ народнаго развитія присоединяется другая, быть можетъ, совершенно иная, а именно индивидуальная работа и свободная дѣятельность, измѣняющая направленіе и содержаніе этого развитія“ [1]).

Въ этихъ немногихъ словахъ нѣмецкаго ученаго вполнѣ ясно и логично объяснено именно то, что̀ побуждало нѣкоторыхъ нашихъ писателей въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ безнадежно блуждать въ лабиринтѣ какой-то „соціо-біологіи“, выдумывать небывалый „субъективный методъ“ и выступать въ сказочный походъ противъ общества, какъ организма, во имя индивидуальности мнимыхъ клѣточекъ—личностей. Когда въ европейской литературѣ органическая теорія не играла уже никакой роли и почти исчезала въ общемъ научномъ движеніи, она принималась у насъ за какое-то грозное страшилище, съ которымъ борьба возможна, будто бы, только на субъективной, практической, а не на теоретической почвѣ. Авторитетъ отдѣльныхъ біологовъ, взявшихся судить о предметѣ имъ незнакомомъ, затмилъ въ глазахъ нашихъ философовъ значеніе всей громадной массы спеціальныхъ работъ по различнымъ отдѣламъ общественной науки. По необъяснимому логическому противорѣчію, несимпатичная реакціонная доктрина, попавшая къ намъ черезъ дарвинистовъ, доведена была у насъ до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости — до приравненія людей къ полипамъ и муравьямъ и до признанія

[1]) Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik, von I. C. Bluntschli. München, 1864, стр. 571.

человѣческаго общества особымъ существомъ, имѣющимъ свою самостоятельную индивидуальность. И на эти блужданія указываютъ теперь съ гордостью, какъ на нѣчто достойное изученія и восхваленія!

Въ прежнее время, при господствѣ исторической школы въ нѣмецкой соціально-научной литературѣ, принято было устанавливать извѣстныя ступени развитія въ ходѣ общественной жизни. Гегель различалъ три ступени:—семейство, гражданское общество и государство. Робертъ фонъ-Моль принималъ шесть концентрическихъ сферъ:—личности, семьи, племени, общества, государства, союза государствъ. Нашъ авторъ, о сочиненіяхъ котораго мы говорили выше, считаетъ повидимому своею собственностью эту старую идею о типахъ и ступеняхъ развитія, хотя онъ придалъ ей только невозможный видъ и смыслъ, включивъ въ классификацію еще клѣточки и органы. Притомъ и общество, и человѣкъ, и клѣточка прикрыты у него однимъ словомъ: „индивидуальность“.

Если мы оставимъ въ сторонѣ такую мнимую соціологію и обратимъ вниманіе на практическіе выводы изъ положеній автора, то намъ невольно бросится въ глаза одно странное обстоятельство. Оказывается, что онъ не отличаетъ общества отъ государства и употребляетъ оба выраженія такъ, какъ будто они совпадаютъ; повидимому, онъ и не подозрѣваетъ, что въ этомъ случаѣ онъ слѣдуетъ чисто-консервативной и даже реакціонной точкѣ зрѣнія. Иногда и народъ отождествляется у него съ государствомъ; по его словамъ, Петръ Великій „сознательно подчинялъ всѣ личные интересы интересамъ русскаго *народа*“ (т. II, стр. 23). Такъ какъ Петръ I окончательно закрѣпостилъ массу свободныхъ еще крестьянъ и „гулящихъ людей“, приравнивъ ихъ къ холопамъ, то говорить о служеніи его „интересамъ русскаго народа“ можно только въ томъ случаѣ, если изъ понятія о народѣ исключить крестьянство.

Далѣе, неуклонно отстаивая индивидуальныя права противъ общества (а не только противъ государства и его органовъ), авторъ является какъ бы теоретикомъ либерализма въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова; такихъ безусловныхъ либераловъ-индивидуалистовъ, готовыхъ даже бороться противъ общества во имя своей личной самостоятельности, едва ли можно было бы еще найти въ современной Европѣ. Вездѣ либерализмъ, возставая противъ административныхъ стѣсненій, считаетъ долгомъ заявлять готовность жертвовать своими интересами для общественной пользы; никому еще не приходила въ голову мысль о борьбѣ съ обществомъ, къ

которому человѣкъ принадлежитъ,—и эта мысль составляетъ дѣйствительно оригинальную черту „соціальной философіи“ автора. Проповѣдуя узкій либерализмъ, авторъ въ то же время нападаетъ на либеральные принципы и высмѣиваетъ ихъ, какъ бы не замѣчая, что его собственная теорія ничего другого не содержитъ, кромѣ односторонняго либерализма. Онъ стоитъ и за государственное вмѣшательство, не останавливаясь даже надъ вопросомъ о томъ, какое государство будетъ вмѣшиваться и чѣмъ будетъ гарантирована польза такого вмѣшательства для народа; при этомъ забывается также борьба за индивидуальность, — словомъ, одно недоразумѣніе слѣдуетъ за другимъ, одна путаница—за другою.

Разсуждая объ опасностяхъ побѣды общества надъ личностью, авторъ не дѣлаетъ различія между классами и элементами населенія; онъ говоритъ объ индивидуальности вообще,—какъ будто люди среднихъ и высшихъ слоевъ также терпятъ ущербъ отъ преобладанія общества или государства. Гораздо проще было бы говорить прямо объ обездоленныхъ трудящихся классахъ, не примѣшивая тутъ ни отвлеченной человѣческой личности, ни отвлеченнаго представленія объ обществѣ.

Какъ защитникъ правъ индивидуальности, авторъ долженъ возставать противъ артели и общины, ибо эти организаціи несомнѣнно „захватываютъ“ личность и могутъ „поглотить“ ее. Пьеръ Леру, который приписывалъ себѣ изобрѣтеніе слова „соціализмъ“, разумѣлъ подъ нимъ „такое устройство, въ которомъ личность приносится въ жертву цѣлому, именуемому обществомъ“. Соціализмъ считается вообще противоположнымъ индивидуализму, и теорія „борьбы за индивидуальность“ должна быть признана самымъ крайнимъ либеральнымъ протестомъ противъ основныхъ принциповъ соціализма.

На этомъ мы можемъ покончить разборъ трудовъ г. Михайловскаго по соціологіи [1]). Никто не станетъ отрицать, что со-

---

[1]) Разбирая теорію прогресса названнаго автора, мы между прочимъ привели изъ его статьи, перепечатанной въ 1883 году, нѣсколько словъ объ ожиданіи имъ появленія „Соціальной статики“ Спенсера въ русскомъ переводѣ, причемъ указали на странность высокомѣрнаго тона относительно мыслителя, труды котораго не всѣ даже извѣстны были критику. Намъ напомнили по этому поводу о существованіи старой журнальной статьи автора, посвященной спеціально изложенію и разбору „Соціальной статики“ (въ „Отеч. Зап.“, 1872 г., № 3 и 4); объ этой статьѣ забылъ повидимому и самъ авторъ при изданіи своихъ сочиненій, — иначе онъ сдѣлалъ бы соотвѣтственную поправку или оговорку при перепечаткѣ статьи о прогрессѣ въ 1883 г.

ціологія, какъ и всякая другая наука, имѣетъ свою самостоятельную область изученія и свой громадный фактическій матеріалъ. Ей нечего дѣлать съ обрывками біологическихъ свѣденій, съ аналогіями и аллегоріями изъ области естествознанія. Соціальная наука можетъ установиться прочно только при помощи всесторонняхъ наблюденій надъ современною жизнью народовъ, въ связи съ анализомъ и правильнымъ обобщеніемъ фактовъ всемірной исторіи. Никакой субъективной школы въ теоретической наукѣ нѣтъ и быть не можетъ. Соціологіи, построенной на полипнякахъ и ихтіозаврахъ, нѣтъ и быть не можетъ.

Л. Слонимскій.

КУКОЛКА

ЭСКИЗЪ.

I.

Въ одномъ изъ узенькихъ, извивающихся переулковъ Москвы, какъ разъ тамъ, гдѣ переулокъ дѣлаетъ прямоугольное колѣно, стоитъ домъ очень богатаго купца Бойцова. Бойцовъ давалъ небольшой вечерокъ,—дѣло было между Рождествомъ и Новымъ годомъ,—и его домъ часовъ около девяти вечера горѣлъ огнями.

Если вы не бывали въ Москвѣ, то мнѣ нужно остановиться немного и на переулкѣ, дѣлающемъ колѣно, и на свѣтившемся огнями домѣ, и на его хозяинѣ.

Москва—хорошій городъ. Воздухъ въ ней сухой, туманы рѣдки, слякоть тоже не особенно часта, а городскіе пейзажи удивительно красивы. Иной разъ ѣдешь по улицѣ, и то направо, то налѣво, въ боковыя улицы и переулки открываются такіе виды, что съ непривычки только улыбаешься отъ удовольствія. То эта боковая улица бѣжитъ круто внизъ, въ городской оврагъ, и дно оврага, и его противоположный скатъ, полны домовъ, съ разноцвѣтными крышами, и причудливыхъ, прекрасивыхъ, но очень оригинальныхъ московскихъ церквей, церковокъ и часовенъ. Иной разъ этотъ живой оврагъ залитъ розовой зарей, и заря эта такъ и горитъ, такъ и мигаетъ окнами домовъ и золотомъ церковныхъ главъ, крестовъ и ихъ цѣпей. Смотришь на все это и думаешь: не можетъ быть, чтобы тутъ жили недобрые, непривѣтливые, неласковые люди... Можетъ быть, люди тутъ и недобры, и непривѣтливы, и неласковы, но ужъ и за то спасибо, что ждешь встрѣтить ихъ тутъ.

Другой разъ вы видите не оврагъ и не городъ, а ровное поле. Ни деревца, ни кустика, а только плоская земля, точно разостланная внизу, и надъ нею все—воздухъ, все — небо. А вдали — какой-то монастырь, за зубчатой стѣной съ башнями, тонкошеи-колокольни и приземистыя церкви съ причудливыми главами: короною, луковкой, узенькой пирамидой. Зимою поле бѣло, воздухъ чистъ, и монастырь стоитъ какъ маленькая игрушка, и только густой голосъ колокола свидѣтельствуетъ о томъ, что монастырь и его стѣны—настоящіе, большіе, старинные. Лѣтомъ поле зелено, пыльный воздухъ отливаетъ золотомъ и задергиваетъ дальній монастырь золотой дымкой.

Иной разъ показываются какіе-то пруды, съ тростниками и ветлами, которымъ въ городѣ, кажется, и быть не зачѣмъ. Иной разъ боковой переулокъ вмѣсто домовъ огороженъ стариннымъ каменнымъ заборомъ-стѣной, изъ-за котораго высится густой, какъ лѣсъ, липовый садъ, переполненный гнѣздами скрипучекаркающихъ воронъ и галокъ, съ ихъ веселымъ гортаннымъ звономъ. Иногда... Но всѣхъ прелестей московскаго городского пейзажа и не перечислишь.

Изъ окошекъ дома Бойцова видъ былъ тоже чудесный,—не изъ тѣхъ, что выходили въ переулокъ, а изъ обращенныхъ въ паркъ. Фасадъ, къ переулку, выходилъ на небольшой дворъ, отдѣленный отъ улицы каменнымъ бѣлымъ заборомъ, съ двумя воротами, на которыхъ сидѣли спеціально-московскіе львы, имѣющіе видъ мопсовъ, страдающихъ морской болѣзнью. Одноэтажный, съ мезониномъ, домъ былъ тоже бѣлый и снаружи очень невзрачный, если не считать зеркальныхъ стеколъ въ его одиннадцати окнахъ. Скромный снаружи, онъ былъ очень богато и со вкусомъ отдѣланъ внутри. Но лучше всего былъ видъ изъ оконъ, обращенныхъ въ паркъ, который по крутому скату спускался внизъ къ узенькой Яузѣ. Невзрачный съ переулка домъ, оказывалось, стоялъ на очень высокой горѣ, и изъ него было видно полъ-Москвы. Дома, дома, крыши, крыши, церкви, колокольни; дома и церкви по ложбинамъ, по скатамъ и по гребнямъ холмовъ; церкви звонятъ и перезваниваются; летаютъ то тамъ, то тутъ свѣтчатыми тучами птицы; видны загорающіяся и догорающія зори; видны великолѣпныя, бездонныя звѣздныя ночи; видны ясные дни, залитые теплымъ свѣтомъ, какъ тѣло теплой кровью. А внизу, недалеко отъ глазъ, вьется прихотливая рѣчонка, сначала въ естественныхъ берегахъ, а потомъ въ высокой гранитной набережной, поросшей въ щеляхъ крапивой и деревцами;

черезъ рѣчку перекинута живописная арка тоже гранитнаго моста, —и хоть въ Италію переносите этотъ видъ...

Не думаю, чтобы Фирсъ Антоновичъ Бойцовъ внутренно цѣнилъ этотъ видъ. Во всякомъ случаѣ, онъ подводилъ, однако, всякаго новаго своего гостя къ окну и, солидно расправляя свои холеныя сѣдыя бакенбарды, докладывалъ:

— Вотъ лучшее достоинство моего дома.—Затѣмъ Бойцовъ тотчасъ же умолкалъ, а выраженіе лица его говорило, что онъ самъ совершенно равнодушно смотрѣлъ на этотъ красивый, славный большой пейзажъ, смотрѣлъ, перебирая при этомъ ключами въ карманѣ солидныхъ и элегантныхъ брюкъ, или просто опустивъ руки въ карманы солиднаго и моднаго пиджака; и какъ бы вспомнивъ, видимо, что-то болѣе интересное, онъ быстро, но мягко, взявъ гостя подъ руку, отрывалъ его отъ вида и начиналъ бесѣду примѣрно такъ:

— Послѣдній разъ я страшно смѣялся въ англійскомъ клубѣ. Мы играемъ: я, графъ Кёхлинъ, Подторгуевъ Иванъ Саввичъ и Сокинъ, не тотъ... не петербургскій, не камергеръ, а его братъ, командиръ полевой бригады его высочества. И вотъ-съ...

Фирсъ Антоновичъ говорилъ нѣсколько въ носъ, въ движеніяхъ былъ чопоренъ, лицомъ желалъ походить на иностранца, и дѣйствительно походилъ, носилъ однѣ лишь бакенбарды, а одѣвался по послѣдней модѣ, но никакъ не парижской, а лондонской. Общее образованіе онъ получилъ въ московской Sanct-Petri-Pauli-Knaben-Schule, гдѣ дошелъ до пятаго класса, а купеческому и фабричному дѣлу выучился отчасти въ Англіи, отчасти подъ руководствомъ отца, Антона Бойцова, сына знаменитаго основателя фирмы, Трофима Фирсыча Бойцова, начавшаго простымъ молотобоемъ и кончившаго милліонными оборотами. Родъ Бойцовыхъ былъ раскольничій; раскольникомъ остался и Фирсъ Антоновичъ, но къ вѣрѣ не только особаго, но никакого усердія не показывалъ, носилъ баки и отказался отъ должности „попа“, которую исправляли всю свою жизнь его отецъ и дѣдъ. Фирсъ Антоновичъ былъ вдовъ, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ служилъ въ Петербургѣ въ гвардіи, а другой, еще мальчикъ, учился въ гимназіи и жилъ дома, и шестнадцатилѣтнюю дочь, Варю. Домомъ заправляла и за дѣтьми смотрѣла дальняя родственница Бойцова, бѣдная дворянка, тоже вдовая, достаточно свѣтская, очень распорядительная, очень хитрая, довольно трусливая, съ круглыми большими глазами жидкаго коричневаго цвѣта и желтыми рѣсницами и волосами. Ее побаивался, да и то ужъ немного, только Бойцовъ-гимназистъ,

а Варя давнымъ-давно освободилась изъ-подъ власти „тёти“ Олимпіады.

II.

Къ одиннадцати часамъ всѣ, кого у Бойцовыхъ ждали, собрались. Общество, человѣкъ пятьдесятъ, было самое разнообразное. Были генералы, Сокинъ, напримѣръ,—не тотъ, не камергеръ, не петербургскій, а командиръ полевой бригады его высочества; были купцы, въ числѣ ихъ и Подторгуевъ Иванъ Саввичъ. Генералы нарядились въ густыя эполеты и были преувеличенно вѣжливы и оживлены; купцы, почти всѣ, ничѣмъ ни въ манерахъ, ни въ одеждѣ не уступили бы Сокину (знаете, тому, камергеру, петербургскому), еслибы не нѣкоторый шаржъ въ сдержанности манеръ и отчищенности одежды,—вообще, въ аглицкомъ джентльменствѣ. Генеральши и генеральскія дочки съ генералами какъ-то пріѣхали немногія. Купцы, или, вѣрнѣе, коммерсанты, привезли зато сполна и супругъ, и дочекъ. На супругахъ былъ настоящій бархатъ и золото немного слишкомъ массивное, а брильянты капельку черезъ-чуръ обильные: зрителю чувствовалась ихъ тяжесть. Должно, однако, сказать, что, кромѣ неполнаго соблюденія мѣры въ золотѣ и брильянтахъ да нѣсколько великоватости рукъ, купеческія дамы ничѣмъ не отличались отъ дворянскихъ дамъ. Всѣ онѣ были образованы, всѣ побывали на „курсахъ“, всѣ смотрѣли на вещи болѣе или менѣе самостоятельно, умѣли играть на фортепіано и говорили, по крайней мѣрѣ, на двухъ иностранныхъ языкахъ. Необразованнаго купечества Фирсъ Антоновичъ не принималъ.

Молодежь женская была купеческая. Мужская—смѣшанная: купцы и дворяне. Купчика и дворянчика можно было отличить съ перваго же взгляда, несмотря на то, что это поколѣніе купцовъ—уже второе его образованное поколѣніе—ни стѣсненныхъ манеръ, ни преувеличенной новизны платья, ни даже великоватыхъ рукъ не имѣло. Купцы были высоки, статны, на крѣпкихъ, немного короткихъ ногахъ, съ румяными, немного мясистыми и большими лицами и блестящими глазами; подъ тончайшимъ сукномъ ихъ фраковъ и сюртуковъ чувствовались сильныя и обильныя мышцы. Это были всего лишь внуки богатырей, выбившихся съ сверхъестественными усиліями изъ крѣпостной кабалы въ люди,—и въ немалые люди. Дворяне были тоже высоки и стройны, но ноги у нихъ были жидки, лица отдавали синевой и зеленцой, глаза если блестѣли, то нервно, и мускуловъ

остался лишь самый необходимый запасъ; остальное давно, начиная съ прапрадѣдовъ, растрачивалось, и теперь у правнуковъ было самими растрачено изрядно. Купцы и дворяне, собравшіеся тутъ, все были пріятели между собой, товарищи по университету или по гимназіи; держали они себя другъ съ другомъ по-дружески, но все-таки въ воздухѣ было что-то такое, что̀ стѣсняло и тѣхъ, и другихъ: купцы давили дворянъ денжищами, дворяне купцовъ — поколѣніями, нажитыми связями, которыя вели или могли вести отъ какого-нибудь, хотя бы отъ захудалаго Комненовича, Жеребо-Клячина или отъ Гедиминовича Сучищева, со ступеньки на ступеньку, отъ петельки къ крючечку, дальше и дальше, выше и выше, такъ далеко и такъ высоко, что отъ одного воображенія этой высоты кружилась голова.

Дѣвушки, которымъ дѣлалось чуточку неловко, когда ихъ называли барышнями, а не дѣвицами, — купеческія дѣвицы всѣ были чистѣйшей великорусской крови. Ни хохлушекъ, ни нѣмокъ или полунѣмокъ, ни другихъ какихъ-либо племенныхъ примѣсей, какъ это всегда бываетъ въ дворянскомъ обществѣ, тутъ не было. Всѣ были великороссіянки во всемъ безконечномъ разнообразіи не вполнѣ установившейся расы. Однообразны были только чистая московская рѣчь, звучная и отчетливая, нѣсколько церемонная и протяжная, неторопливый разговоръ, смышленый взглядъ и неторопливыя, съ достоинствомъ, движенія — еще уцѣлѣвшее наслѣдіе бабушекъ, бравшихъ за образецъ въ манерахъ матушекъ-инокинь. Кромѣ этого внутренняго сходства, внѣшность дѣвушекъ была различна. Въ одной сказывалась старая примѣсь финской крови, и она, въ соединеніи со славянской, дала премилую блондинку, ни въ чемъ не уступающую хорошей шведкѣ, розовую какъ роза, бѣлую какъ сахаръ, съ густыми золотыми волосами и скромно-лукавыми глазами. Другая какъ будто вспомнила прабабку-татарку, но вспомнила лишь чуть-чуть, неясно, какъ полузабытый сонъ, и это отдаленное, едва пробивающееся, едва мерцающее сходство придавало черноволосой, черноглазой, смуглой и стройной красоткѣ какую-то удивительно привлекательную дикость. Вотъ и еще брюнетка, но уже не съ татарскимъ оттѣнкомъ, а какого-то словно греческаго типа. Правильнѣйшій овалъ лица, большіе темные глаза, длинный тонкій носъ и скорбный, съ опущенными углами губъ, ротъ. Откуда взялась дѣвушка такого типа, совсѣмъ непонятно, если не допустить вліянія иконъ греческаго письма, которымъ пламенно молились ея экзальтированныя предки-женщины. Были тутъ и какъ будто жидовочки, и точно цыганочки; были вятчанки, напоминавшія англичанокъ, и

саратовки, которыхъ неопытному зрителю можно было выдать за итальянокъ. Некрасивыхъ почти не было. Ни Варя, ни Фирсъ Антоновичъ, некрасивыхъ не любили, между прочимъ, и потому, что некрасивая купеческая дочь, большеротая, желтозубая, тусклоглазая, прыщеватая и пухлая, была однимъ изъ больныхъ мѣстъ купечества, въ которое мѣтили и каррикатуры, и уличные листки, и устные анекдоты. Болѣзненная, но породистая дворянка еще имѣетъ свою прелесть; но купчихѣ съ хворью, да безъ породы, ужъ совсѣмъ плохо.

Вечеринка была въ разгарѣ. Солидные люди играли въ дальнихъ комнатахъ въ винтъ. Мамаши разсѣлись по гостинымъ. Молодежь, мужская и женская, то смѣшивалась во время танцевъ или игръ, то раздѣлялась, когда игры и танцы кончались. Дѣвушки почти всѣ были еще очень молоды, робѣли и поэтому держали себя ужъ слишкомъ независимо. Не убѣгали въ стадо только двѣ-три молоденькія женщины; ихъ окружала молодежь; дѣвушки завидовали и становились еще независимѣе и горделивѣе. Молодая хозяйка, дѣвушка, съ которой я только-что срисовалъ мою татарочку, сама почти не робѣла, но совладать со своими дичившимися гостьями не могла.

Кадриль кончилась, и сейчасъ же дѣвицы стали отдѣляться отъ мужчинъ. Наша татарочка взяла подъ руку широкоплечую ярославку, бѣлую, чуть въ веснушкахъ, съ откинутой назадъ головой и наивно-дерзкими глазами, и пошла съ нею по ряду комнатъ.

— Ну, какое это наше бабье, Тоня, противное! — сердито шептала Варя своей закадычной подругѣ. — Ну ихъ!.. Я больше не буду стараться. Пусть сами себя занимаютъ. Да и кавалеры тоже, нечего сказать, хороши! Не могутъ они, что ли, сами начать! Нѣтъ, нужно—вонъ какъ Фонтанова—самой кокетничать напропалую.

Варя говорила это славнымъ, груднымъ, точно изъ-подъ сердца шопотомъ, контральто и вполголоса, чтобы слышала только одна подруга; ея рѣчи, какъ видитъ читатель, были недобрыя и не совсѣмъ изящныя, но личико оставалось изящнымъ, а черные глаза смотрѣли на шедшихъ на встрѣчу или сидѣвшихъ по пути, какъ всегда, привѣтливо.

— Это ужасно трудно кокетничать, когда человѣкъ не нравится,—отвѣтила Тоня.

— Н-нѣтъ, не очень... Тоня, милая, знаешь, а *онъ* мнѣ въ послѣднее время, за эти праздники, все больше и больше нравится.

— Уродъ онъ!

— А вотъ, Тонечка, нравится. И знаешь, какъ онъ мнѣ нравится? Знаешь, что ты ощущаешь, когда восхищаешься; это чувствуешь на качеляхъ, когда летишь внизъ. Вотъ что именно я чувствую.—Варя поблѣднѣла, глаза ея стали серьезны и испуганны; она нагнулась къ уху пріятельницы и, немного задыхаясь, прошептала:—Онъ не знаетъ только, а онъ можетъ со мной сдѣлать все, что захочетъ... Тоня!..

— Да вѣдь уродъ онъ, Варя!—тревожно и предостерегающе отвѣтила Тоня.

Въ это время пріятельницъ остановилъ молодой человѣкъ, одинъ изъ гостей. Молодой человѣкъ сказалъ что-то, что говорятъ молодые люди молодымъ дѣвушкамъ на танцовальныхъ вечерахъ и мимоходомъ,—обмахиваясь платкомъ и пальцами подправляя опустившіяся во время вальса манжеты рубахи. Варя и Тоня остановились, изящно склонили головки, одна на бокъ, другая немного назадъ, и выслушали молодого человѣка, привѣтливо блестя глазками и полу-улыбаясь губками. Никто бы не подумалъ, что эти губки только-что произносили слова въ родѣ: „бабье противное“, и въ особенности: „онъ, если захочетъ, все можетъ со мной сдѣлать“. Дѣвушки выслушали молодого человѣка, изящно и мило отвѣтили и тронулись дальше съ такимъ видомъ, который говорилъ, что онѣ не остаются дольше только по дѣвичьей скромности.

— Вѣдь вотъ и красивъ, а отвращеніе! — очевидно, про только-что оставленнаго молодого человѣка сказала Варя.—Это онъ все къ тебѣ, матушка, подъѣзжаетъ.

— Ладно, съ тѣмъ и отъѣдетъ, съ чѣмъ подъѣзжаетъ,—отвѣтила Тоня, смѣясь.

Дѣвушки вошли въ комнату, гдѣ играли въ карты. Лишь только онѣ переступили ея порогъ, Тоня вскинула глазами на подругу и проговорила:

— Ахъ ты Варька, Варька! Это на *него* любоваться, дрянь ты этакая, сюда пришла!

Варя не отвѣчала, прошла съ подругой въ дальній полуосвѣщенный уголъ комнаты, къ столу, гдѣ валялись газеты и нѣсколько книгъ, и присѣла, обнявъ Тоню за талію и развернувъ книгу.

— Читай!—шопотомъ сказала она:—а я буду смотрѣть.

— Фу, гадость!—воскликнула Тоня; однако стала дѣлать видъ, будто читаетъ, а Варя устремила глаза на карточный столъ, за которымъ игралъ ея отецъ съ тремя партнерами.

Фирсъ Антоновичъ игралъ съ почетнѣйшими гостями: съ генераломъ Сокинымъ, съ Иваномъ Саввичемъ Подторгуевымъ, фабри-

кантомъ суконъ и *трикъ*, и съ крупнымъ московскимъ овсяникомъ, Степаномъ Гавриловичемъ Фигуринымъ. Фирсъ Антоновичъ, какъ я уже сказалъ, имѣлъ видъ англичанина. Сокинъ былъ изъ тѣхъ размашистыхъ и нещепетильныхъ генераловъ, которыхъ любятъ купцы, и которые любятъ купцовъ. Подторгуевъ былъ надутый пятидесятилѣтній человѣкъ съ лицомъ ужъ слишкомъ *русскимъ*, которому не позавидовалъ бы и староста извощичьяго двора, но съ бородой, остриженной хвостикомъ à la Henri IV, и усами въ видѣ шилецъ. Четвертый партнеръ, Фигуринъ, былъ тотъ *онъ*, который „не зналъ, что можетъ съ Варей сдѣлать все“. Тоня же говорила, что онъ „уродъ“ и „гадость“, и она была не совсѣмъ неправа.

Фигуринъ былъ высокъ, не толстъ, но грузенъ и, казалось, одинаковой ширины съ верху до низу. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный и мѣшковатый сюртукъ съ плохо приглаженнымъ воротникомъ и лацканами. На шеѣ у него былъ повязанъ старый галстухъ, имѣвшій видъ тряпочки. Пухлое, бѣлое лицо его, несмотря на то, что ему еще не было и тридцати лѣтъ, было прорѣзано на лбу и на щекахъ нѣсколькими глубокими складками. Рыжая бородка и рѣдкіе усы росли клочьями. Большіе глаза сидѣли одинъ отъ другого слишкомъ близко и были больше обыкновеннаго выпуклы. Въ петлицѣ сюртука висѣлъ Владиміръ съ мечами, а на одномъ изъ пальцевъ большой бѣлой руки былъ надѣтъ перстень съ великолѣпной бирюзой между двухъ великолѣпныхъ брильянтовъ. Фигуринъ былъ самый молодой изъ партнёровъ. Остальные звали его сверстниковъ „щенками“ и „поросятами“ и подавали имъ два пальца,—для Фигурина же не только дѣлали исключеніе, но даже никому и на мысль не могло бы придти обращаться съ нимъ не какъ съ равнымъ. Человѣкъ, въ двадцать лѣтъ бывшій недюжиннымъ актеромъ; въ двадцать-три —любимымъ служкой настоятеля, едва не постригшійся въ монахи; въ двадцать-пять—однимъ изъ ординарцевъ Скобелева, владимірскимъ кавалеромъ, а стало быть и дворяниномъ; наконецъ, въ двадцать-девять, развернувшій дѣла своей фирмы такъ, что купеческая Москва только крякала отъ удовольствія, поглядывая на *своего* незазнавшагося дворянина,—такой человѣкъ былъ вполнѣ достоинъ сѣсть въ винтъ съ генераломъ Сокинымъ, Фирсомъ Бойцовымъ и Подторгуевымъ Иваномъ Саввичемъ.

— Да вѣдь онъ—старикъ, обезьяна!—шептала Тоня на ухо Варѣ.

— Ахъ! — досадливо отвѣтила Варя, отмахнувшись рукой, точно отъ мухи, и не спуская глазъ съ *него*.

Онъ молча игралъ, сбрасывая карту за картой, не шевеля ничѣмъ, кромѣ кисти правой руки. Его глаза не отрывались отъ картъ. Лицо было совершенно неподвижно, и только на лбу незамѣтно, но все глубже и глубже врѣзывалась въ жирную кожу короткая и кривая морщина. Его партнеръ, Подторгуевъ, сердился: ихъ карты, одну за другой, немилосердно били противники. Подторгуевъ поворачивался на стулѣ, стучалъ рукой при сбрасываньѣ картъ, то сверкалъ глазами, то зажмуривался, то глядѣлъ на своего vis-à-vis съ ненавистью и мстительно,—а Фигуринъ хоть бы дохнулъ глубже, только морщина стала врѣзываться быстрѣе, и Варя жадно наблюдала ее, и, непонятно почему, эта рѣзкая морщина восхищала ее.

Послѣдняя взятка дана — Фигуринъ и Подторгуевъ остались въ проигрышѣ.

— . Спасибо! Спасибо-съ, почтеннѣйшій Степанъ Гавриловичъ! —заговорилъ Иванъ Саввичъ, поѣдая глазами партнера.—Этакъ играть-съ, лучше лапти плесть!—Выигравшіе ухмыльнулись, стараясь не смотрѣть на Фигурина, конечно, чтобы не обидѣть его.

— Поздравляю!—шепнула Тоня Варѣ.

Варя не шелохнулась; только ея черные глазки чуть-чуть прищурились, и въ нихъ начинало играть недоумѣніе и неудовольствіе.

— „Спасибо“?! „Лапти плесть“?! — воскликнулъ Фигуринъ, въ отвѣтъ на укоръ Ивана Саввича. Варя восхищенно сжала подругѣ талію. Фигуринъ вдругъ преобразился. Съ неловкой странной граціей, съ мягкой и сильной, хоть и мѣшковатой граціей и легкостью медвѣжонка, онъ выпрямился на стулѣ, быстро и ловко забралъ къ себѣ еще несмѣшанныя карты и быстро сталъ разбирать ихъ.

— Ну, господа, если на то пошло, — говорилъ онъ, а его глаза съ неожиданнымъ блескомъ и неожиданной строгостью глядѣли на партнеровъ,—если ужъ на то пошло, я, господа, докажу, что лапти-то не я плелъ-съ.

— А вотъ, осрамитъ же онъ ихъ! — шептала Варя, все крѣпче и крѣпче сжимая талію подруги и жадно слѣдя за движеніями и взглядами Фигурина. — Милочка, Тоничка, никогда еще никто при мнѣ его не осрамилъ. Знаешь, онъ какъ „Летунъ“ на бѣгахъ: когда „Летунъ“ идетъ, я побожиться могу, что онъ побѣдитъ.

Фигуринъ и въ самомъ дѣлѣ побѣдилъ, и побѣдилъ въ одну минуту: разложилъ карты, сказалъ нѣсколько словъ, указалъ на нѣсколько картъ, спросилъ раза два: „такъ-съ?“ — „вѣрно-съ?“ —

получилъ въ отвѣтъ удивленное: „вѣрно“, „такъ“, — небрежно смѣшалъ карты и, не обращая вниманія на смущеніе Ивана Саввича, успокоился, лѣниво взялъ въ зубы потухшую папиросу, лѣниво потянулся съ нею къ свѣчѣ, мимо пламени замѣтилъ сидящихъ дѣвушекъ, не безъ удивленія вглядѣлся въ нихъ, — и встрѣтилъ такой взглядъ, которые скоро не забываются. Онъ въ ту же секунду опустилъ глаза къ картамъ, лицо его осталось непроницаемо, но сомнѣній не было—онъ и видѣлъ, и понялъ все.

Варя, вспыхнувъ, поднялась и ушла. Но покраснѣла она не отъ смущенія. „Ну, теперь твоя очередь, а я все сдѣлала“,—подумала она.

III.

Вечеринка тянулась своимъ чередомъ. Танцы смѣнялись играми, игры—танцами. Въ комнатахъ становилось жарче, воротнички кавалеровъ начали терять свою свѣжесть, дѣвушки разрумянились, гапёръ сталъ играть тише. Мужчины и дамы уже не такъ дичились другъ друга, какъ въ началѣ вечера, и уже стали завязываться между парочками поэтическія ухаживательныя отношенія, обрывающіяся вмѣстѣ съ концомъ вечеринки. Развѣ только ночью, во время сна, *ему* приснится хорошенькое личико, бальный башмачокъ на маленькой ногѣ, какая-нибудь особенно бросившаяся ему въ глаза лента въ ея туалетѣ. Можетъ быть, приснится, что-нибудь и *ей*: теплое прикосновеніе сильныхъ рукъ, несущихъ и кружащихъ ее въ вальсѣ, черная фигура съ бѣлымъ вырѣзомъ жилета, красиво подстриженная бородка, слегка уколовшая ее при неосторожномъ движеніи во время танца, смѣлый, немного дерзкій, — мужской взглядъ... А иногда такія вечеринки, такія ухаживанья кончаются и не снами только, и въ такомъ случаѣ кончаются иногда, пожалуй, хуже, по крайней мѣрѣ менѣе поэтично.

Варя танцовала, граціозно разговаривала съ кавалерами, мило—съ малознакомыми дѣвушками, и рѣшительно и грубовато—какъ недавно съ Тоней—съ короткими пріятельницами. Въ тѣ комнаты, гдѣ играли въ карты, она больше не ходила, но, обводя глазами гостей, все останавливалась на двери, которая вела туда. Она не ждала, что оттуда выйдетъ *онъ*—онъ обыкновенно выходилъ изъ-за картъ только послѣ ужина, — ей самой хотѣлось пойти туда. И вдругъ, всего лишь около одиннадцати часовъ, въ дверяхъ показался онъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ Подторгуевъ и что-то

ему говорилъ. Онъ его слушалъ, внимательно склонивъ голову, съ которой при этомъ упало на лобъ нѣсколько довольно некрасивыхъ косицъ волосъ, но его глаза спокойно и настойчиво что-то искали въ залѣ, полной людей.

Варя, разсѣянно слушавшая своего кавалера, искоса наблюдала Фигурина. Замѣтивъ его ищущій взглядъ, она оживилась и заговорила сама. Она заговорила такъ весело, ея лицо и глаза загорѣлись такимъ огонькомъ, что кавалеръ, залюбовавшись, даже немного ротъ разинулъ. Фигуринъ, осматривая, скользнулъ взглядомъ и по Варѣ, и... вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ. Варя вдругъ прервала свою рѣчь и нетерпѣливо стала обмахиваться вѣеромъ. Ея глаза изъ веселыхъ стали недобрыми, а тонкія ноздри затрепетали.

Фигуринъ спряталъ часы, очевидно насильственно окончилъ разговоръ съ Иваномъ Саввичемъ и пошелъ по залѣ. И ходилъ онъ, и на ходу держался, тоже противъ ожиданія и не подъ стать своей внѣшности, ловко и увѣренно. Онъ шелъ прямо къ Варѣ.

Только-что онъ къ ней подошелъ и хотѣлъ что-то сказать, какъ тапёръ грянулъ вальсъ. Фигуринъ пригласилъ Варю. И танцовалъ онъ отлично. Онъ тронулся съ мѣста сразу, не выжидая такта, и попалъ прямо въ тактъ. Держалъ онъ такъ, что дама почти не чувствовала пола, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ бережно, что не слышно было его руки.

— Вы простите, что я въ сюртукѣ,—сказалъ онъ во время танца.

— Прощаю,—отвѣтила Варя и кружилась, не замѣчая, что кружится. Ею овладѣло какое-то страшно нетерпѣливое, раздраженное ожиданіе, ожиданіе пожатія его руки, ожиданіе взгляда, который выдалъ бы его,—ожиданіе, что въ его голосѣ появятся особенные, понятные ей, оттѣнки. Она не замѣчала, что кружится.

— Я сегодня раньше обыкновеннаго бросилъ карты,—продолжалъ онъ, ловко кружа ее между танцующими.

Она молчала.

— Иванъ Саввичъ ужасно на меня напустился. Вы видѣли вѣдь?

— Да. Оттого и бросили?

— Нѣтъ. Около одиннадцати долженъ пріѣхать мой пріятель. Я поджидаю, чтобы ввести и представить... Что же, еще туръ?

— Нѣтъ, устала.

Варя сѣла, но лишь только подошелъ другой кавалеръ, она сейчасъ же согласилась и оставила Фигурина. Онъ не танцовалъ больше.

Ровно въ одиннадцать Фигурина вызвали въ прихожую, откуда онъ сейчасъ же вошелъ вмѣстѣ съ пріятелемъ, о которомъ говорилъ Варѣ. Варя подстерегала ихъ появленіе, и прежде всего обратила вниманіе на Степана Гавриловича. Фигуринъ какъ будто былъ стѣсненъ, даже смущенъ и скрывалъ это, но скрывалъ непріятно; сначала онъ повелъ гостя черезъ залъ съ черезъ-чуръ развязной манерой почти хозяина, потомъ самъ замѣтилъ это и засуетился уже совсѣмъ нехорошо. Гость тоже былъ какъ будто смущенъ, но такъ, попросту и не ерошась, смущеннымъ и оставался.

Посреди залы шедшимъ встрѣтился хозяинъ. Повидимому, онъ зналъ, кто это идетъ съ Фигуринымъ, и тоже глуповато смутился: не выслушавъ фразы представленія, ни къ селу, ни къ городу назвалъ свою фамилію, слишкомъ крѣпко тряхнулъ гостю руку, точно старому пріятелю, и заговорилъ о погодѣ. Хорошо еще, что вокругъ шумѣли, говорили и двигались, а то вышло бы уже совсѣмъ дрянно. Варя видѣла все это, и ея глаза все больше темнѣли, а ноздри все замѣтнѣе играли.

— Это еще что̀ за „сосулька“?! — полу-воскликнула около нея Тоня.

Насколько Тоня была права, назвавъ Фигурина уродомъ, настолько же было правды и въ прозвищѣ „сосульки“, которымъ она наградила новаго гостя. Онъ былъ очень невысокъ, до подбородка Фигурину, и невеликъ, пожалуй даже тоньше плотной ярославочки Тони, но пропорціоналенъ и складенъ, какъ хорошій французскій „первый любовникъ“. Его фракъ былъ безукоризненъ. Несмотря на то, что онъ стоялъ рядомъ съ могучимъ Фигуринымъ, онъ не казался ни малъ, ни слабъ. Варя смотрѣла на его лицо издали, и въ отдаленіи оно казалось очень блѣднымъ, зеленоватымъ и незначительнымъ.

— Какой дохленькій!—не унималась Тоня.

Отецъ поманилъ къ себѣ Варю; она подошла, и ей представили гостя: это былъ какой-то князь изъ Петербурга, фамилія настолько громкая, что всѣ Клячины, Сучищевы и прочіе московскіе Гедиминовичи и Палеологовичи меркли передъ нею, какъ звѣзды передъ мѣсяцемъ.

Слѣдующую кадриль Варя танцовала съ княземъ, vis-a-vis съ Фигуринымъ и Тоней.

Варя и удивлялась, и сердилась: почему это и она робѣетъ предъ княземъ, когда по настоящему слѣдовало бы робѣть ему?—такой онъ былъ небольшой, худенькій и грустный. Онъ былъ удивительно грустенъ. Его небольшіе, очень темные сѣрые глаза, въ совсѣмъ

черныхъ рѣсницахъ, смотрѣли такъ грустно, такъ жалобно-грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ добро и мягко, что Варя такое выраженіе видѣла только на картинкахъ, да и то на женскихъ лицахъ. Вблизи лицо князя было не измятое, а такое, точно онъ выздоравливалъ. Кожа была нѣжна и гладка, какъ у женщины, но очень блѣдна. Носъ, губы, кости лица были таковы, точно ихъ лѣпилъ большой любитель и знатокъ истинно изящнаго. Вглядываясь въ это изящество, Варя думала: „такъ вотъ она, породистость!“—и робѣла, точно предъ ней было совсѣмъ особенное существо. Варя чувствовала эту особенность и еще сильнѣй, когда припоминала, какого высокаго происхожденія гость. А князь былъ скроменъ, учтивъ и говорилъ очень мило, искренно, сердечно и даже наивно.

— Вы давно знакомы съ Степаномъ Гавриловичемъ?—довольно натянуто спросила робѣвшая Варя. Робѣла она, однако, только внутренно, возмущаясь при одной мысли, что она можетъ залебезить, какъ отецъ, или спутаться, какъ Фигуринъ.

Князь оживился и очень мило; его славные глаза радостно увеличились, но не засіяли, а привлекательно потемнѣли.

— Давно,—отвѣтилъ онъ.—Мы вмѣстѣ съ нимъ дѣлали послѣднюю кампанію. Я былъ солдатомъ, а онъ офицеромъ и уже былъ при Скобелевѣ, когда мы познакомились. И странно, наше знакомство на войнѣ—литературное знакомство. Онъ тогда писалъ корреспонденціи, а я—стихи...

— Вы пишете?—спросила Варя.

— Я литераторъ,—отвѣтилъ князь, улыбаясь, и примолкъ, очевидно затаивъ вниманіе. Варя рѣшительно не знала произведеній князя, какъ въ эту минуту она ни старалась припомнить, не слышала ли она когда-нибудь что-нибудь о нихъ, и молчала. Князь немного затуманился, но преодолѣлъ себя и продолжалъ.—Я пишу рѣдко и немного, но это мое единственное призваніе...

— У васъ много литературныхъ знакомствъ?

— Да, въ Петербургѣ. Со здѣшними кружками меня обѣщаетъ познакомить Степанъ Гавриловичъ... Я только въ этотъ разъ хорошенько разсмотрѣлъ Москву, и если ея писатели такъ же симпатичны, какъ она сама, мнѣ будетъ очень пріятно познакомиться съ ними.

— Развѣ Москва хороша!?—воскликнула Варя.—А по моему, нѣтъ ничего хуже и скучнѣй Москвы. Все лучше, только бы не она.

Князь весь просвѣтлѣлъ и на мгновеніе теплымъ, ласковымъ взглядомъ остановился на собесѣдницѣ, точно обдалъ ее имъ.

— Это молодость,—сказалъ онъ, и его голосъ внезапно зазвучалъ необыкновенно привлекательнымъ участіемъ.—Это въ васъ молодость и молодые порывы. Я испытывалъ это въ свое время, когда я почти бѣжалъ на войну. Знаете ли, въ душѣ человѣка живетъ бабочка. Когда человѣкъ мужаетъ, бабочкѣ хочется сбросить съ себя куколку. Вотъ, ваша куколка—вашъ домъ, Москва. И я когда-то хотѣлъ улетѣть. И Степанъ Гавриловичъ испыталъ то же, преображаясь то въ монаха, то въ солдата, то въ актера.

— Ну, ужъ Степанъ-то Гавриловичъ мало похожъ на бабочку!—совершенно невольно сорвалось съ губъ Вари, и такъ же невольно она взглянула на Фигурина жесткимъ и насмѣшливымъ взглядомъ.

— Степанъ Гавриловичъ очень хорошая и очень богатая натура,—серьезно отвѣтилъ князь.—Я знаю, какъ сильны были его порывы.

— Это потому, что онъ самъ такой... здоровенный,—смѣясь, сказала Варя и опять жестко взглянула на ихъ vis-à-vis. Засмѣялся и князь, но его смѣхъ былъ тихою и доброю улыбкой. Онъ посмотрѣлъ на Фигурина ласково, ласково кивнулъ ему головою, когда тотъ поймалъ его взглядъ, и сказалъ:

— Да, и организмъ у него могучій.

Мало-по-малу робость Вари сильно уменьшилась,—вначалѣ она даже говорить мѣшала,—но совсѣмъ не прошла. Князь былъ, уже безъ всякаго сомнѣнія, совсѣмъ не страшный человѣкъ, но время отъ времени, то его тонкое, изящное лицо, то новая привлекательная интонація въ голосѣ, то равнодушное воспоминаніе о какомъ-нибудь очень важномъ знакомомъ, а иногда и что-нибудь грубоватое и неизящное купеческое въ самой Варѣ—заставляли ее снова испытывать приступы робости. Особенно робѣла она, когда ей приходилось знакомить князя съ дѣвушками и купеческою молодежью. Не рѣшалась она и заговорить съ нимъ первая, робѣла при каждомъ началѣ разговора, а дальше разговоръ шелъ хорошо и гладко. Но и тутъ Варя была не той исподтишка вызывающей Варей, которая танцовала, смотрѣла и говорила съ Фигуринымъ: это была новая, деликатная, совсѣмъ благовоспитанная Варя.

IV.

Къ концу вечера, къ ужину, веселье разгорѣлось на славу, во всю. Больше всѣхъ разошлись дѣвушки и дворянчики: музыка, движеніе, говоръ, ухаживанье—удачное и неудачное, пріятное и

непріятное, такъ ихъ встряхнули, что нѣжныя нервныя системы дворянъ и женщинъ весело разгулялись. Купчики тоже были веселы, но глядѣли бычками, исподлобья, точно хотѣли и не смѣли боднуть: имъ недоставало простора и кое-кто уже сговорился сейчасъ же послѣ ужина „закатиться“ къ цыганкамъ, закатиться на лихихъ собственныхъ и наемныхъ тройкахъ, съ гиканьемъ, пѣснями и размашистыми жестами, закатиться въ загородные рестораны, гдѣ ихъ встрѣтятъ тоже пѣснями и гиканьемъ.

— Вашу ручку!—сказалъ Фигуринъ Варѣ, когда пришла пора идти въ столовую.

Варя разговаривала съ княземъ. Они мало и отрывисто говорили другъ съ другомъ, но Варѣ казалось, что они говорятъ не умолкая: такъ хорошо, такъ затягивающе хорошо было ей съ нимъ. Она то свертывала, то развертывала свой вѣеръ, то опускала глаза, точно ища что-то на полу, то подымала ихъ и останавливалась взглядомъ на лицѣ князя. Она ждала, что ее поведетъ къ ужину онъ. Ей радостно показалось, что она уже поймала его движеніе предложить ей руку, и какъ разъ въ это мгновеніе она услышала слова Фигурина. Бѣдный вѣеръ хрустнулъ въ рукѣ, но она, граціозно склоняя головку, сказала:

— Mercі.

Варя вся разгорѣлась отъ танцевъ и впечатлѣній вечера, и когда Фигуринъ взялъ ее подъ руку, въ ея головкѣ понеслись такія же разгорѣвшіяся мысли. Она вдругъ возненавидѣла Фигурина, она вдругъ захотѣла мстить ему... И вотъ ей представилось, что она та миленькая принцесса, о которой ей только-что разсказывалъ князь. Князь разсказывалъ, какъ онъ недѣлю тому назадъ танцовалъ съ нею; какъ на балахъ, гдѣ бываютъ принцессы, не кавалеры приглашаютъ ихъ, а онѣ назначаютъ себѣ кавалеровъ. Варѣ представлялось, что она принцесса, и Фигуринъ, непростительно забывшись, подошелъ къ ней первый. „Принцесса“ Варвара Фирсовна дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ дерзкаго, не замѣчаетъ уничтожающе. Чинъ, наблюдающій за этикетомъ, вѣжливо, но непреклонно и немедленно выпроваживаетъ дерзкаго изъ зала и подзываетъ, по ея приказанію, князя. Ведетъ ее къ ужину князь, а за столомъ садится рядомъ съ нею. Она видитъ его подлѣ себя, и все время ей кажется, что, вотъ-вотъ, она возьметъ его, маленькаго, хорошенькаго, худенькаго и добраго, на руки, какъ ребенка, и... и не то она станетъ его баюкать, зачѣмъ-то прижимать къ груди, не то осторожно цѣловать его, въ чистый, прекрасный лобъ, въ прекрасныя теплыя вѣки. Съ какой благодарностью будетъ онъ взглядывать на нее!..

А дерзкій, гадкій, мужиковатый, Богъ знаетъ что̀ вообразившій себѣ, выйдя изъ подъѣзда, причемъ жандармы и полицейскіе точно въ насмѣшку все-таки вытянутся передъ нимъ во фронтъ, будетъ скрежетать зубами, идя по темнымъ улицамъ, будетъ бѣситься, будетъ даже плакать... Вѣдь, говорятъ, плачутъ же эти мужчины—такъ пусть плачетъ и онъ!..

Но Варвара Фирсовна Бойцова, потомственная почетная гражданка, не была принцессой, и потому она должна была вѣжливо отвѣтить дерзкому: „mercі“, и принять предложенную руку.

Дерзкій оказался, однако, еще дерзче, чѣмъ она думала; онъ и княземъ сталъ распоряжаться, вмѣсто того, чтобы плакать, бродя по темнымъ улицамъ. Сначала онъ незамѣтно подмигнулъ ему на Тоню—князь сейчасъ же предложилъ той руку, и Варѣ показалось, что Тоня вызывающе и насмѣшливо—какой у нея сдѣлался при этомъ гадкій толстый носъ, съ гадкими желтыми веснушками! —посмотрѣла на нее. Потомъ Фигуринъ какимъ-то повелительнымъ тономъ сказалъ:

— Ну, милостивыя государыни и господа, сядемъ всѣ вмѣстѣ.

Князь послушно посмотрѣлъ на него, робко—на Варю, и пошелъ не впереди, а сзади нихъ.

Ужинъ былъ блестящій. Посуда, хрусталь, серебро, кушанья, вина—все это было одно лучше другого. Князь мало обращалъ вниманія на ѣду, и, сидя между Тоней и Варей, продолжалъ свою изящную и сердечную болтовню. Фигуринъ, напротивъ, казалось забылъ все и препротивно, по ихъ мнѣнію, смаковалъ каждое блюдо и каждую рюмку. Оба пили, однако, не церемонясь и, такъ сказать, опытной и привычной рукой; старые солдаты и артисты сказывались-таки въ нихъ.

— Какъ вамъ нравится мой князенька?—спросилъ Фигуринъ Варю. Онъ сказалъ это съ выраженіемъ нѣжности къ пріятелю, но Варѣ показалось, что въ то же время онъ и важничаетъ передъ нимъ.

— Отчего: вашъ?!—очень рѣзко отвѣтила она.

— Ого!—сказалъ Фигуринъ и продолжалъ:—ну, если хотите, вашъ... и онъ пріостановился, вдругъ строго и проницательно взглянувъ ей въ глаза. Онъ пріостановился, взглянулъ, видимо нарочно подождалъ, чтобы она покраснѣла, и окончилъ: —если хотите, вашъ... гость.

Не часто Варѣ приходилось испытывать взрывы такого гнѣва—а она была такъ имъ подвержена!—какой овладѣлъ ею теперь. Она покраснѣла до слезъ, вилка зазвенѣла въ ея рукѣ о тарелку, и она больно прикусила себѣ нижнюю губу. Забывшись отъ

гнѣва, она порывисто обернулась къ Фигурину и, исподлобья глядя на него въ упоръ великолѣпными взбѣшенными черными глазами, проговорила:

— Вы спрашиваете, какъ онъ мнѣ нравится? Да? Очень. Мнѣ особенно понравилось, какъ одинъ господинъ растерялся, входя въ залъ рядомъ съ такой персоной... —Фигуринъ, сначала твердо выдерживавшій ея взглядъ, при этихъ словахъ разомъ опустилъ глаза и слабо покраснѣлъ. Она продолжала: — А милый князенька и не подозрѣваетъ, какъ боятся его величія. Да, вашъ князенька мнѣ понравился.

Фигуринъ больше не заговаривалъ съ сосѣдкой.

V.

Когда гости разъѣхались, огни въ домѣ Бойцова погасли вездѣ, кромѣ комнаты Вари. Полураздѣтая Тоня лежала на диванѣ, гдѣ ей постлали спать. На дальнемъ креслѣ сидѣла Варя, также въ полуразстегнутомъ платьѣ и съ распущенными черными волосами, на фонѣ которыхъ ея личико казалось гораздо меньше. Варя, съ разгорѣвшимися щеками, говорила. Тоня слушала ее, очевидно взволнованная ея рѣчами.

— Тоня, я не ошибаюсь, говорю тебѣ, что не ошибаюсь! — говорила Варя.—Не правда ли? Не слѣпая же я, не дура же, не сумасшедшая же! Не напилась же я! Правду я говорю?

— Правду,—отвѣтила подруга.

— Нѣтъ, Тонька, я не шучу! — прикрикнула Варя. — Ты серьезно подумай, сообрази, и тогда отвѣчай.

— Ну, правду же!—воскликнула Тоня и даже приподнялась и прижала руку къ груди.

— Если правду, то я никогда еще не была такъ счастлива, какъ сегодня. Я тебѣ говорила, что я робѣла передъ нимъ, хоть и видѣла, что онъ сразу влюбился въ меня. И ты не повѣришь, какъ это удивительно пріятно: и робѣешь, и... командуешь имъ. Если и то, и другое вмѣстѣ, это страшно, страшно пріятно: робѣешь, робѣешь—и вдругъ, что захочешь, то съ нимъ и сдѣлаешь; или, наоборотъ, командуешь, а самой страшно, а онъ этого не знаетъ, какъ въ засадѣ.

Варя быстро встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась, уронивъ лицо въ ладони.

— Тоня, что, если онъ женится на мнѣ!—мечтательно прошептала она.—Прощай, Москва!.. а Фигурина въ переднюю не

пущу, даромъ, что онъ ему пріятель... Тоня, да ты видѣла, ты примѣтила, какъ онъ взглядывалъ на меня, примѣтила?

— Видѣла.

— Ну, какъ же онъ смотрѣлъ, какъ? Душечка! Тонюшка! Мнѣ все кажется, что я ошибаюсь.

— Смотрѣлъ какъ влюбленный.

— Тонюшка, да, можетъ быть, это отъ вина. Вѣдь они— дряни. Они вѣдь отъ вина сейчасъ въ нѣжности. Вонъ Иванъ Саввичъ, даже съ Олимпіадкой, ручки ея, въ родѣ обрубковъ, цѣлуетъ. Фу, от-вра-ти-тельные!—почти плача, закричала Варя и бросилась ничкомъ въ подушки своей постели.

Нѣсколько времени подруги молчали.

— Варя!—позвала Тоня, безпокойно глядя на нее широко открытыми глазами.

Отвѣтомъ было молчаніе.

— Варя!

— Что?—раздался глухой голосъ, въ мягкую подушку.

— Варя, ты плачешь?—бережно спросила Тоня.

— Ну, ужъ это „послѣ дождичка въ четвергъ“ я отъ чего-нибудь заплачу!

Этотъ отвѣтъ неожиданно былъ сказанъ такимъ равнодушнѣйшимъ и спокойнѣйшимъ тономъ, что сначала расхохоталась Тоня, потомъ Варя. Потомъ обѣ, ни съ того, ни съ сего, бросились одна другой въ объятія, стали цѣловаться и хохотать, хохотать и цѣловаться. Наконецъ, обѣ утихли и улеглись, чинно прикрывшись одѣяломъ до самаго подбородка и глядя передъ собой въ пространство.

— Меня одно удивляетъ,—медленно заговорила Тоня:—положимъ, я еще ни разу не влюблялась, но все-таки это что-то странно: такъ ты только-что насчетъ Фигурина разахалась, и вдругъ—князь.

— А ну его, твоего Фигурина!—медленно, равнодушно и не отрывая глазъ отъ пространства передъ собой, отвѣтила Варя. Затѣмъ, она вдругъ присѣла на кровати и нѣжно сказала:—князенька, миленькій, игрушечный, добренькій, поэтъ, до свиданья, завтра, въ собраніи!—потомъ искусственнымъ басомъ и на о проговорила:—ваше степенство, овсяникъ Фигуринъ, иди, братецъ, дрыхнуть безъ прощанія!—вытянулась, нашла на подушкѣ получше мѣстечко для головы и заснула.

Въ комнатѣ стало тихо. Только дышали нарѣзвившіяся дѣвушки, да освѣщенный лампадкой древній раскольничій ликъ,

въ пугливомъ недоумѣніи, косилъ на нихъ черные глаза и морщилъ въ бѣлыя морщины темно-коричневый лобъ.

VI.

На другой день Варя поднялась въ воодушевленіи, подобномъ воодушевленію войска, готовящагося къ бою подъ начальствомъ непобѣдимаго полководца. Свой туалетъ она дѣлала быстро, нетерпѣливо и рѣшительно. Горничной досталось ни за что, ни про что. Тоня была подавлена Вариной энергіей и ея удачами, вчерашней и, навѣрно, предстоящей, сегодняшней, такъ что даже начала чувствовать къ пріятельницѣ нѣчто въ родѣ недоброжелательства и враждебности.

Въ столовой за утреннимъ чаемъ Варя продолжала бряцать оружіемъ. Сначала досталось брату, который всталъ раньше и занялъ ея привычный стулъ. Братъ, конечно, не уступилъ, но за то получилъ такой уничтожающій взглядъ, что, будь онъ не братъ, а посторонній, онъ навѣрно пошелъ бы плакать по темнымъ переулкамъ, какъ это проектировалось вчера для Фигурина. Братъ же только жевалъ булку за обѣ красныя щеки и сквозь жеванье пробурчалъ что-то про „бабій форсъ“.

— Литературно выражаетесь! — съ уничтожающимъ сарказмомъ сказала Варя.

— Очень ты понимаешь, что̀ такое литература, — продолжалъ жевать братъ:—какая она: съ рогами?

— Какъ остроумно!—ядовито прищурившись, отвѣтила Варя и съ преувеличенной небрежностью обратилась къ лакею:—Иванъ, вели запречь „Голубчика“. — И она вызывающе посмотрѣла на брата.

„Голубчикъ“ была лошадь, отданная въ распоряженіе Вари. Братъ своей лошади еще не имѣлъ, и это составляло его самое больное мѣсто.

Глаза брата даже потускнѣли, и онъ сдался молчаливо, но безусловно. Варя стала небрежно напѣвать и пить чай, позванивая ложечкой.

Тутъ въ сраженіе вмѣшалась „тетя“ Олимпіада.

— Тебѣ бы, Варенька, не слѣдовало уѣзжать,—съ нѣжностью, которой противорѣчили ея недобрые желтые глаза, сказала тетка.

— Отчего, тетя?—спросила Варя привѣтливымъ тономъ, тоже мало подходившимъ къ боевому и вызывающему взгляду ея глазъ.

— Вѣдь...—и тетка съ излишней многозначительностью понизила голосъ:—вѣдь пріѣдетъ съ визитомъ князь.

Варя поняла, что излишняя многозначительность должна была чѣмъ-то уязвить ее, и отвѣтила съ излишней небрежностью, значеніе которой должно было быть тоже язвительнымъ.

— Что жъ, домъ остается не совсѣмъ же пустой! Князя примутъ.

Положила оружіе и тетка.

Такимъ же воиномъ сѣла Варя вмѣстѣ съ Тоней въ сани и замучила и лошадь, и кучера, во всю рысь катаясь по ухабистымъ московскимъ улицамъ. Когда она возвращалась, недалеко отъ дома ей встрѣтился князь, ѣхавшій, очевидно, отъ нихъ. Варя сдержанно, но привѣтливо, во всякомъ случаѣ очень мило, наклонила головку, съ прижатой къ лицу отъ мороза муфтой, въ отвѣтъ на поклонъ князя. Князь же, какъ и всѣ эти смѣшные ухаживающіе мужчины, встрѣтивъ и узнавъ ее, дернулъ головой, точно лошадь, передъ которой махнули кнутомъ, и не сразу сообразилъ, какой рукой снять шапку. Варя торжествовала, улыбаясь въ муфту, но ея торжество удесятерилось, когда ея сани догналъ извощикъ князя, и князь еще разъ спросилъ,—и такимъ встревоженнымъ тономъ, какимъ удостовѣряются, точно ли миновало какое-нибудь страшное несчастіе,—навѣрное ли Варя будетъ сегодня вечеромъ въ собраніи на благотворительномъ балу.

VII.

Славной парочкой, возбуждая вокругъ шопотъ и разговоры, князь и Варя, послѣ второй кадрили благотворительнаго бала, прошли въ чайный буфетъ. За ними слѣдовали Фигуринъ съ теткой Олимпіадой подъ руку. Съ трудомъ нашли свободный столъ, кавалеры съ трудомъ добились для дамъ чаю и печенья. Фигуринъ былъ оживленъ больше обыкновеннаго, съ преувеличенной нѣжностью относился къ князю и старательно не замѣчалъ Вари. Князь уже совсѣмъ „пропалъ“, какъ сказалъ себѣ мысленно Фигуринъ,—молчалъ, восхищенно глядѣлъ на Варю, и если и разѣвалъ ротъ, то лишь для того, чтобы говорить стихи, самые сладкіе, самые таинственные, стихи больше все Фета, да Тютчева, да Полонскаго, да иногда, робѣя предъ Варей и пересаливая въ нѣжности декламаціи, свои собственные.

И вдругъ Фигуринъ удивленно вскинулъ на Варю глазами.

— Князь, изъ васъ вышла бы хорошая нянька!—съ рѣзкимъ смѣхомъ и недобрымъ взглядомъ сказала Варя.

Чуткій князь такъ и съёжился, какъ наколовшаяся улитка.

— Почему такъ?—спросилъ онъ, болѣзненно улыбаясь.

— Вы, должно быть, отлично умѣете пѣть колыбельныя пѣсенки и баюкать дѣтей... А кто это?—нетерпѣливо спросила Варя, рѣзко указавъ вѣеромъ на что-то, за спиной князя, и какъ бы перерывая сама себя.

Князь обернулся.

Въ нишѣ стѣны, выложенной темно-пурпуровымъ бархатомъ, стояла на пьедесталѣ большая бѣлоснѣжная мраморная голова. Голова статуи была слегка наклонена и исподлобья, съ лѣнивымъ презрѣніемъ смотрѣла на сидѣвшихъ за столомъ. Мощные завитки короткихъ волосъ до половины скрывали небольшой упрямый лобъ. Такая же курчавая, какъ и голова, длинная борода скрывала половину щекъ и подбородокъ. Видная часть щекъ, лобъ и голая шея были нѣжны, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильны и лѣнивы. Голова дышала могучей чувственностью, которая придавала ея античной красотѣ побѣдоносную прелесть; а лѣнь наклоненнаго движенія и насмѣшливое презрѣніе, игравшее около глазъ и на губахъ, дѣлали эту красоту недоступной, дразнящей, подчиняющей...

— Кто же это?—повторила Варя.

— Это... это, кажется, античная голова Люція Вера, римскаго императора,—сказалъ удивленный князь, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Императора!.. — полушопотомъ и протяжно проговорила Варя, не отрывая глазъ отъ головы.—Онъ вѣдь давно умеръ!—слабо воскликнула она, улыбнулась быстро промелькнувшей улыбкой и опять стала глядѣть на статую жадно и жалобно...

— Н-ну, золотце!—проговорилъ Фигуринъ, когда Варя уѣхала съ половины бала, почти не удостоивъ больше ни его, ни опечаленнаго князя, и прощальнымъ словечкомъ.

Фигуринъ былъ неправъ: это—красивая и сильная „бабочка“ трепетала и билась, освобождаясь изъ своей „куколки“...

В. Дѣдловъ.

ОБЗОРЪ
РУССКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ СЛАВЯНСТВА

II *).

До конца XVIII-го вѣка.

Славянофильство соединяло въ своей теоріи два различныя начала: національное или племенное и вѣроисповѣдное; несмотря на ихъ раздѣльность и даже противорѣчіе,—такъ какъ въ славянскомъ мірѣ единство племенное не совпадало съ вѣроисповѣдными условіями,—онѣ казались ему тождественными, потому что примѣнялись въ особенности къ русскому народу. Съ племенной точки зрѣнія въ кругъ славянофильскихъ, сначала весьма пламенныхъ, сочувствій входило и славянство. По теоріи міръ греко-славянскій, православный, противополагался міру германо-романскому, не-православному; сближеніе съ міромъ славянскимъ и, въ ожидаемомъ будущемъ, объединеніе съ нимъ указывалось какъ цѣль для истинно народныхъ стремленій русскаго общества. Въ то же время, и съ обѣихъ точекъ зрѣнія славянофильство относилось съ крайнимъ отрицаніемъ къ дѣятельности Петра. Между тѣмъ, когда впослѣдствіи писатели, даже раздѣлявшіе болѣе или менѣе идеи стараго славянофильства, искали въ исторіи, съ какой поры начинается у насъ первое сближеніе съ новѣйшимъ славянствомъ и его изученіе, то оказывалось, что первый сознательный интересъ къ славянскому міру и попытки его изученія относятся именно къ Петровскому времени. Одинъ изъ

*) См. выше: апрѣль, 584 стр.

этихъ писателей начинаетъ исторію русскаго славяновѣденія со временъ Петра, который „своею геніальною дальнозоркостію предвидѣлъ, что славянство нужно и необходимо для Россіи, какъ для самаго положенія ея въ Европѣ, такъ и для нравственнаго развитія“; начиная съ Петра, по словамъ этого писателя, „наше правительство постоянно заявляло южнымъ славянамъ о единоплеменности и единовѣріи и оказывало имъ содѣйствіе нравственною и вещественною поддержкою“ [1]). Другой историкъ, ревностный поборникъ славянскаго единства, видитъ въ Петрѣ истиннаго начинателя русско-славянскихъ отношеній. Вотъ слова г. Первольфа: „Въ концѣ XVII вѣка на царскій престолъ русскій вступилъ молодой Петръ Алексѣевичъ. Этотъ геніальный русскій царь отлично понялъ важность и значеніе славянъ южныхъ и западныхъ для Россіи, и дѣйствовалъ какъ бы въ духѣ совѣтовъ Юрія Крижанича. Петръ, несмотря на тяжелую войну съ шведами изъ-за Балтійскаго моря, не упускалъ изъ виду великаго дѣла освобожденія отъ турокъ южнаго славянства „нашего народа, нашего языка, нашей вѣры“, какъ выразился русскій посолъ въ Карловцахъ (1699). Многіе южные славяне поступили тогда на русскую службу... Когда Петръ, послѣ полтавской битвы и возстановленія своего вліянія въ Польшѣ, задумалъ войну противъ Турціи, то онъ хотѣлъ воспользоваться помощью единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ Турціи, болгаръ, сербовъ, волоховъ, грековъ... Планъ Петра не удался, надежды югославянъ не осуществились, но тѣмъ не менѣе царь Петръ сохранилъ свое обаяніе среди югославянъ, поддерживалъ сношенія съ ними, особенно съ черногорцами и съ угорскими сербами, и остался на славянскомъ югѣ самымъ популярнымъ русскимъ царемъ; да въ одномъ монастырѣ въ срѣмской Фрушкой Горѣ образъ Петра Великаго считается чудотворнымъ. Петръ не забылъ о западныхъ славянахъ, именно о чехахъ; онъ искалъ среди нихъ опытныхъ канцеляристовъ, ученыхъ, даже „комедіантовъ“; самъ онъ, пребывая въ Вѣнѣ, разговаривалъ съ чешскими панами по-славянски... Въ Польшѣ Петръ хозяйничалъ уже по своей волѣ, и только онъ удержалъ саксонца Августа на польскомъ престолѣ. Поляки уже тогда какъ-то чувствовали необходимость русской опоры противъ нѣмцевъ... Славянскій міръ временъ Петра, уничиженный, забитый, погруженный въ невѣжество, не могъ удовлетворить желаніямъ Петра Великаго; русскій царь хотѣлъ бы

[1]) „Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности“. Выпускъ II. М. 1868, прил.: „О славяновѣденіи въ Россіи“, ст. А. А. Майкова, стр. 13.

имѣть воиновъ, моряковъ, ученыхъ, артистовъ, ремесленниковъ и другихъ свѣдущихъ людей преимущественно изъ славянъ южныхъ и западныхъ: но такихъ людей было мало между славянами, и русскій царь долженъ былъ такихъ людей искать между иноплеменниками, особенно между нѣмцами. Царь Петръ Великій былъ по истинѣ такой „славянскій царь", какимъ себѣ его представлялъ Крижаничъ и какой именно былъ славянамъ нуженъ. Славяне, несмотря на свое ужасное положеніе, почуяли все величіе и всю важность такого русскаго царя для славянскаго міра, и отнеслись къ нему повсюду съ живѣйшими симпатіями" [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность Петра въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ предшествующей московской исторіи. Онъ знаетъ или желаетъ знать о славянахъ; онъ понимаетъ, что племенное родство, насъ съ ними соединяющее, есть нравственная, а затѣмъ и политическая сила, и пользуется ею различнымъ образомъ: въ войнахъ съ Турціей онъ разсчитываетъ поднять балканскихъ славянъ для ихъ освобожденія и для успѣха собственной борьбы; въ первую пору своихъ просвѣтительныхъ заботъ онъ полагаетъ, что можетъ для этой цѣли воспользоваться образованными и обученными людьми изъ западнаго славянства, которые были предпочтительны передъ другими иноземцами потому, — какъ онъ ожидалъ, — что, владѣя славянскимъ языкомъ, они будутъ тотчасъ или скоро владѣть и русскимъ. Планы его въ этомъ отношеніи не совсѣмъ осуществились: войны съ Турціей были не вполнѣ удачны; освобожденіе балканскихъ славянъ достигнуто не было; западные славяне не были въ состояніи замѣнить чужихъ иноземцевъ, — но при всемъ томъ въ русско-славянскихъ отношеніяхъ и въ самомъ знаніи славянства Петровское время стало важной эпохой. Планы Петра, понятые или угадываемые и предполагаемые, нашли восторженные отголоски и въ западномъ, и въ южномъ славянствѣ. Его имя пріобрѣло великую славу; мало знали о прежнихъ московскихъ царяхъ, но имя Петра являлось съ опредѣленнымъ понятіемъ великаго славянскаго царя, на котораго можно было возложить надежду свободы. Его имя воспѣвалось въ ученой поэзіи далматинцевъ, въ народной поэзіи сербовъ; выше приведено указаніе, что въ одномъ сербскомъ монастырѣ Фрушкой Горы портретъ Петра Великаго сталъ чудотворнымъ образомъ. Съ другой стороны со временъ Петра въ русской жизни, въ вопросѣ о борьбѣ съ му-

[1]) „Славяне", т. II, стр. 408—411. Тамъ же, стр. 216, 384—394, и др. собраны указанія о великой славѣ Петра В. у западныхъ и южныхъ славянъ.

сульманскимъ востокомъ, прежній почти исключительно господствовавшій мотивъ защиты единовѣрцевъ начинаетъ опредѣляться въ мотивъ защиты единоплеменниковъ. Съ этого времени по преимуществу вопросъ восточный начинаетъ дѣлаться также вопросомъ славянскимъ. Дальше укажемъ, что при Петрѣ является въ нашей литературѣ первая *книга о славянствѣ*.

До сихъ поръ не выяснено достаточно, изъ какихъ источниковъ и возбужденій выросъ интересъ Петра Великаго къ славянству. Подробности политической и дипломатической исторіи Петровскихъ временъ еще далеко не разработаны, какъ еще не издана большая масса архивнаго матеріала; обстоятельное изданіе бумагъ самого Петра только начато въ послѣдніе годы. Когда подвинутся историческія изысканія, безъ сомнѣнія выяснится и этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ свѣденія Петра почерпались изъ разныхъ источниковъ. Прежде всего должна была дѣйствовать политическая традиція, старый опытъ московской дипломатіи, съ которыми Петръ долженъ былъ встрѣтиться тотчасъ, когда возникли первыя дѣла съ Турціей и первыя предпріятія на Черномъ морѣ. Въ посольскомъ приказѣ должна была накопиться отъ старыхъ временъ большая масса свѣденій о турецкихъ дѣлахъ и въ томъ числѣ показаній мѣстныхъ приверженцевъ и агентовъ Россіи, частію грековъ, частію славянъ, частію молдовлаховъ (румынъ). Новыя дѣла давали поводъ ближе присмотрѣться къ мѣстнымъ условіямъ балканскаго славянства; но въ рукахъ Петра южно-славянскія сношенія пріобрѣтаютъ болѣе опредѣленный характеръ, и возникаетъ мысль уже не только объ единовѣріи, но и о единоплеменности.

Дѣйствительно, старая Москва могла уже имѣть большой запасъ свѣденій, приходившихъ въ посольскій приказъ. Съ паденія славянскихъ царствъ и Константинополя, въ Москву притекаетъ много свѣденій о турецкихъ и балканскихъ дѣлахъ вмѣстѣ съ многочисленными пришельцами—греками и славянами [1]). При Иванѣ III является въ Москвѣ греческая царевна, чтобы стать русской царицей; сынъ Ивана III былъ женатъ на молдавской княжнѣ Еленѣ, дочери Стефана Великаго; Григорій Цамблакъ,

[1]) Указанія объ этомъ собраны были въ книгѣ г. Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, 1885, о которой мы говорили въ „В. Европы“ 1885, май. Дѣла посольскаго приказа дали уже множество любопытнѣйшихъ свѣденій нашимъ историкамъ; но еще ждутъ спеціальнаго изслѣдованія. Ждутъ подробной разработки и отношенія славянскія стараго времени; между прочимъ въ настоящее время готовятся изданія нѣкоторыхъ старыхъ памятниковъ, интересныя въ этомъ отношеніи.

ученикъ знаменитаго въ болгарской исторіи патріарха Евѳимія и свидѣтель паденія болгарскаго царства, становится въ Россіи кіевскимъ митрополитомъ; въ Москву приходятъ ученые книжники, какъ нѣкогда Пахомій сербинъ, Максимъ грекъ, позднѣе братья Лихуды, Николай Спаѳарій и т. д. Въ Москву правильно идетъ съ православнаго востока множество „богомольцевъ", просителей милостыни, изъ которыхъ набираются постоянные, часто искусные политическіе агенты въ Турціи... Мы видѣли выше, что изъ всѣхъ этихъ сношеній собралось въ нашей старой письменности лишь очень немногое для изученія славянства; изъ этого источника не вышло никакого цѣльнаго разсказа о положеніи православія и славянства въ турецкихъ предѣлахъ; вмѣсто живыхъ извѣстій, которыя можно было почерпнуть отъ приходившихъ очевидцевъ, довольствовались устарѣлыми и неполными разсказами хронографа. Но если и до книжниковъ не доходили эти живыя свѣденія, то много ихъ собиралось въ посольскомъ приказѣ, котораго не могъ миновать приходившій въ Россію иноземецъ. Свѣденія приказа были своего рода канцелярской тайной—въ массѣ оставалось только общее представленіе объ угнетеніи православія подъ турецкимъ игомъ и о томъ, что эти угнетенные приходятъ въ Москву просить милостыни и помощи.

Къ услугамъ Петра былъ теперь этотъ опытъ посольскаго приказа съ тою разницею противъ прежняго, что теперь самъ царь вносилъ въ эти дѣла свою обычную энергію, и сношенія съ южнымъ славянствомъ приняли гораздо болѣе оживленный и дѣятельный характеръ. Въ политическихъ событіяхъ это обнаружилось прямымъ стремленіемъ поднять у балканскихъ славянъ вооруженныя возстанія, основаніемъ прочныхъ политическихъ сношеній, какъ, напр., тѣ, какія съ тѣхъ временъ установились съ Черногоріей.

Другой источникъ свѣденій Петра о славянствѣ былъ, вѣроятно, книжный и притомъ не только русскій, но и иностранный. По всей вѣроятности надо предположить иноземный источникъ, когда, напримѣръ, чехи являются у Петра подъ названіемъ бемчанъ (Böhmen) или славяне вообще подъ именемъ „шклавоновъ". Можно предположить также, что свѣденія Петра въ этомъ отношеніи выяснились съ теченіемъ времени, когда ему самому случилось посѣтить славянскіе народы (кромѣ Польши, въ Богеміи, Саксоніи, Помераніи) и видѣть славянъ въ Петербургѣ на своей службѣ.

Приводимъ одинъ образчикъ изъ временъ его перваго путешествія за границу, когда Петръ, живя самъ въ Голландіи, разсылалъ молодыхъ дворянъ по разнымъ краямъ Европы для обу-

ченія военному и морскому дѣлу. Одни учились въ Голландіи, другіе въ Англіи, Испаніи, Венеціи. Нѣкоему „иноземцу“ Островскому (это былъ полякъ или бѣлоруссъ), находившемуся въ этомъ числѣ, дано было особое порученіе—отыскать „Шклавонскую землю“: текстъ этой бумаги сохранился въ черновомъ отпускѣ съ собственноручными поправками Петра.

„Наказныя статьи Григорію Григорьевичу Островскому“, данныя 2-го октября 1697 года, состояли въ слѣдующемъ:

„1. Ѣхать изъ Гаги, розвѣдавъ подлинно на которые земли и мѣста ближе и податнѣе, до *Славенской* или до *Словацкой* и до *Шклявонской земли*. А на которые мѣста поѣдетъ, и чрезъ чьи земли и государства и вольные городы, и что отъ котораго города до которыхъ мѣстъ верстъ и миль, и какова дорога, и въ подводахъ и въ кормѣхъ довольство есть ли, о томъ о всемъ, розвѣдавъ и разсмотря подлинно, записать имянно.

„2. Пріѣхавъ въ тое Шклавонскую землю, провѣдать: подъ которымъ она государемъ, и много ль въ ней городовъ и знатныхъ мѣстъ, и многолюдна ль она, и какіе въ ней люди: служилые ль, или купецкіе, или пахотные, и которыхъ чиновъ болши, и есть ли въ ней капитаны, порутчики, подпорутчики, шиперы, боцманы, штирманы и матрозы, которые бъ служили или и нынѣ служатъ на воинскихъ корабляхъ и каторгахъ, или на купецкихъ корабляхъ.

„3. Да и о томъ ему провѣдать: каковы тамъ люди къ морскому пути и бою, будутъ ли противъ Венетовъ, и на чемъ заобычнѣе, на какихъ судахъ больши употребленія къ бою имѣютъ, на корабляхъ ли или на каторгахъ, и въ которыхъ мѣстахъ они той войны употребляютъ и въ чьихъ флотахъ? И о томъ, для подлиннаго увѣренія, разговоряся з знатными начальными людьми, взять у нихъ на письмѣ. При томъ провѣдать подлинно жъ: кто того морскаго дѣла и употребленія есть въ той же землѣ, или того жъ языку, изъ знатныхъ начальныхъ людей, вице-адмиралы и иныхъ вышнихъ и нижнихъ чиновъ, и имяна ихъ двухъ или трехъ, или и больши, записать.

„4. Да и о томъ провѣдать: тотъ вышеупомянутой *Славенской народъ Славенской ли языкъ употребляетъ*, и мочно ль съ ними *Русскому человѣку* о всемъ *говорить и разумѣть?* А изъ нихъ, какова ни есть чина, человѣка того Славенскаго народа и языка привесть съ собою въ Амстердамъ, для познанія языка ихъ, уговоряся съ нимъ почему давать на мѣсяцъ.

„5. Да и о томъ провѣдать: того вышеупомянутаго народа много ли на морѣ служитъ, или больши на земли?

„6. Да ему же, будучи въ Славенской землѣ, о всемъ вышеписанномъ развѣдавъ и учиня, провѣдать: Венецыя далеко ль отъ той Славенской земли, и путь къ ней на которыя мѣста, и чрезъ чьи земли и городы, и сколько миль будетъ или дней ходу?

„7. А будетъ Словаки языкъ свой употребляютъ *не противъ Русскаго языка*, и узнать ево, что они говорятъ, Русскому человѣку будетъ не мочно, и такихъ вышеписанныхъ начальныхъ людей нѣтъ, и ему ѣхать въ Венецыю. А пріѣхавъ въ Венецыю провѣдать: есть ли въ Венецыи вышеописанные начальные люди: капитаны, порутчики, подпорутчики, шиперы, штюрманы, боцманы, которые бъ умѣли Словенскаго языка и морского искуства, и много ли тамъ того языка и иныхъ языковъ такихъ людей, и буде ихъ наймать въ государеву службу, и такіе люди въ Московское государство въ службу поѣдутъ ли, и почему похотятъ? о томъ съ ними поговорить напримѣръ. Также и о томъ провѣдать: того Словенскаго языка иныхъ языковъ вышніе начальные люди есть ли, и кто имяны, и какіе чины, и въ которыхъ флотахъ служатъ, и какое о себѣ имя и похвалу въ воинскихъ морскихъ дѣлехъ имѣютъ? И то все провѣдавъ подлинно, записать о всемъ имянно, и съ тою запискою ѣхать въ Амстердамъ, не мѣшкая нигдѣ“ [1]).

Островскій не исполнилъ порученія, но наказныя статьи остаются любопытнымъ свидѣтельствомъ, какъ уже въ это время Петра интересовало славянство, видимо извѣстное пока очень мало. Какую „Шклавонскую или Словацкую“ землю Петръ подразумѣвалъ въ этомъ случаѣ, можно видѣть изъ того, что говорится въ особенности о морскомъ дѣлѣ и славянахъ-морякахъ: эта земля была именно Далмація; но свѣденія о ней были еще такъ неясны, что посланному лицу предписывалось собирать топографическія свѣденія, какъ будто шла рѣчь о совершенно неизвѣстныхъ странахъ. Впослѣдствіи этотъ предметъ для Петра Великаго выяснился: на его службѣ были люди изъ этой Шклавонской земли, какъ адмиралъ Змаевичъ, Милорадовичъ, Савва Рагузинскій и пр.

Можно предположить далѣе, что источникомъ интереса къ славянству были сочиненія Крижанича. Судьба этихъ сочиненій, какъ и біографія писателя за время его жизни въ Россіи, до сихъ

---

[1]) „Письма и бумаги Петра Великаго“. Спб. 1887, стр. 199—201. О прежнихъ изданіяхъ этого документа и объ Островскомъ см. тамъ же, стр. 656.

поръ неясна; такъ, трудно опредѣлима до сихъ поръ самая степень вліянія трудовъ Крижанича въ Россіи. Внимательный изслѣдователь того и другого, г. Безсоновъ, могъ установить лишь немногіе факты изъ документовъ московскаго „печатнаго двора“ или московской типографіи и ея библіотеки, при которыхъ сосредоточивалось и работало такъ-называемое крутицкое братство—кружокъ образованнѣйшихъ людей тогдашней Москвы, правители и справщики типографіи, т.-е. редакторы ея изданій. Библіотека печатнаго двора, патріаршая и вмѣстѣ царская, была главнѣйшимъ книгохранилищемъ старой Москвы. Время ея процвѣтанія г. Безсоновъ указываетъ собственно со временъ патріаршества Никона, благодаря оживленнымъ сношеніямъ съ греками и южными славянами, притоку ученыхъ людей изъ западной и южной Руси, благодаря кружку Ртищева и крутицкому братству. Съ этого времени въ библіотеку печатнаго двора стекалось множество книгъ изъ приказа большого дворца, изъ посольскаго приказа, изъ библіотеки патріарха, изъ „верхней“ (дворцовой) типографіи и проч. Между прочимъ много книгъ было пожертвовано или куплено послѣ смерти ученыхъ людей, близкихъ къ церковному правленію и къ типографіи, какъ митрополитъ сарскій и подонскій Павелъ, глава крутицкихъ дѣятелей и начальникъ типографіи, Епифаній Славинецкій, ученые „справщики“ какъ іерей Никифоръ Симеоновъ, Каріонъ Истоминъ и др.; далѣе по смерти Семеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева, Димитрія Ростовскаго. Въ росписяхъ библіотеки печатнаго двора мы въ первый разъ встрѣчаемъ и упоминанія о книгахъ Крижанича [1]). А именно, въ росписи книгъ митрополита Павла (ум. 1675) названа между прочимъ „книга Политика, венгерская или чесская“: подъ нею г. Безсоновъ понимаетъ именно ту книгу Крижанича, которая была имъ издана подъ названіемъ „Русское государство въ половинѣ XVII-го вѣка“. Въ той же росписи противъ этой книги сдѣлана помѣта: „взята къ государю“, т.-е. къ царю Алексѣю. Какъ попала книга къ митр. Павлу? Г. Безсоновъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. Архіепископъ сибирскій и тобольскій Симеонъ, безъ сомнѣнія знавшій Крижанича въ его тобольской ссылкѣ (съ 1661 года), оставилъ свою епархію и Тобольскъ въ 1663—64 г., когда Крижаничъ закончилъ свое знаменитое произведеніе; Симеонъ вывезъ въ Москву первыя си-

[1]) „Католическій священникъ сербъ (хорватъ) Юрій Крижаничъ, ревнитель воссоединенія церквей и всего славянства въ XVII вѣкѣ“, П. Безсонова—рядъ статей въ „Православномъ Обозрѣніи“, 1870; см. здѣсь январь и февраль.

бирскія сочиненія Крижанича [1]), и отъ него получилъ ихъ митр. Павелъ. Отъ Павла, правившаго тогда праздным патріаршимъ престоломъ, книга Крижанича естественно могла дойти до Алексѣя Михайловича. Есть и другія указанія, что книги доходили до царя Алексѣя: въ приказныхъ дѣлахъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ С. М. Соловьевъ нашелъ подъ 1674, что между царскими книгами, которыя переплеталъ иноземецъ Яганъ Энкузъ, упомянутъ „списокъ съ книжицы Юрья Сербенина"; т.-е. Крижанича, и Соловьевъ полагалъ, что его труды (именно „Политика") не оставались безъ вліянія [2]). Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, Крижаничъ былъ освобожденъ и вернулся изъ Сибири; неизвѣстно, что̀ сталось съ нимъ дальше, но его книги не были забыты и опять идутъ въ ходъ. Архіепископъ Симеонъ, нѣкогда вывезшій изъ Сибири (по предположенію г. Безсонова) „Политику" и удалившійся на покой, былъ снова призванъ на служеніе и въ прежнемъ санѣ принялъ въ управленіе типографію. Симеонъ Потоцкій, учитель Ѳедора, давно уже замышлялъ основать особую типографію, независимую отъ патріарха, отъ котораго (тогда былъ Іоакимъ) не всегда можно было получить необходимое для изданія книги „благословеніе", и болѣе близкую къ царю, на котораго можно было имѣть вліяніе; этотъ планъ былъ отчасти выполненъ съ основаніемъ „верхней", т.-е. дворцовой типографіи [3]). По смерти Полоцкаго, она перешла въ управленіе Сильвестра Медвѣдева, и повидимому началась въ ней оживленная дѣятельность: въ „верхнюю" типографію все больше требовались изъ старой книги и рукописи для изданія. Въ августѣ 1681 самъ царь посѣтилъ приказъ печатнаго двора, зашелъ въ библіотеку и отобралъ нѣсколько рукописей, которыя велѣлъ къ себѣ доставить; въ числѣ ихъ была „Политика на чешскомъ языкѣ",—какъ полагаетъ г. Безсоновъ, тотъ самый экземпляръ, который былъ въ рукахъ царя Алексѣя и возвратился въ библіотеку по его смерти. Едва ли сомнительно, что книга Крижанича была именно указываема Ѳедору Алексѣевичу. Мало того,—сообщаетъ г. Безсоновъ,—черезъ полгода еще взяты книги съ печатнаго двора, т.-е. изъ библіотеки типографской, въ „верхъ", по именному указу, и притомъ прямо „въ мастерскую палату",

[1]) „Прав. Обозр.", 1870, январь, стр. 134—135. Здѣсь только не совсѣмъ сходятся годы: выѣздъ Симеона г. Безсоновъ считаетъ то въ *1664*-мъ, когда Крижаничъ окончилъ „Политику", то въ мартѣ *1663*-го. Ср. стр. 136, примѣч.

[2]) Исторія Россіи, т. XIII, стр. 196, и прим. 171.

[3]) Прав. Обозр. 1870, янв., стр. 138; Майковъ, „Очерки изъ исторіи русск. литер. XVII и XVIII ст." Спб. 1889, стр. 150.

т.-е. въ дворцовую типографію для печати: въ числѣ потребованныхъ книгъ была опять „Политика письменная славенская“. Въ 1686 году умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей старой типографіи—іерей Никифоръ Симеоновъ, и его богатая библіотека изъ книгъ славянскихъ, греческихъ, латинскихъ и даже нѣсколькихъ восточныхъ [1]) поступила въ типографію. Здѣсь имѣлась книга Крижанича De Providentia Dei, озаглавленная Симеоновымъ „о промыслѣ божіи“, и кромѣ того еще рядъ другихъ сочиненій Крижанича; а именно въ росписи указаны: „три книги письменныя Сербина Юрья Бѣлика (т.-е. бѣльца), въ томъ числѣ книга *Грамматика* въ десть, да въ полдесть ево Юрьевы руки: книга *Обличеніе на Соловецкую Челобитную* да книга *о Святомъ крещеніи*“ [2]). Наконецъ мы встрѣчаемъ книги Крижанича въ библіотекѣ извѣстнаго Сильвестра Медвѣдева. Когда этотъ несчастный преемникъ Симеона Полоцкаго вмѣшался въ церковно-политическія распри того времени, бѣжалъ-было въ Польшу и былъ схваченъ (въ 1689, а въ 1691 казненъ), его книги были отобраны и описаны на первый разъ человѣкомъ довольно безграмотнымъ, были сложены въ кладовую, а по смерти патріарха Іоакима указомъ Адріана были переданы въ типографскую библіотеку и при этомъ снова описаны, и изъ описи, хотя и на этотъ разъ не весьма точной [3]), оказывается, что въ библіотекѣ Медвѣдева было нѣсколько сочиненій Крижанича, какъ, напр., его работы по русской исторіи, „Политика“, „Бесѣда Валерія и Августина“ и о Промыслѣ...

---

[1]) Въ греческой рукописи Гомера, принадлежавшей Никифору Симеонову, впослѣдствіи ученый Христіанъ Маттеи, составившій каталогъ греческимъ рукописямъ патріаршей библіотеки, открылъ гимнъ Деметрѣ; рукопись Маттеи увезъ за границу.

[2]) Слѣдя по старымъ росписямъ судьбу книгъ Крижанича, подъ ихъ разными, не всегда точными наименованіями, г. Безсоновъ дѣлаетъ одну ошибку. Въ числѣ рукописей Никифора Симеонова, потребованныхъ патріархомъ Іоакимомъ на его святительскій дворъ, была книга „Описаніе винъ, которыми къ погибели и къ разоренію царства приходятъ“; г. Безсоновъ (тамъ же, январь, 147—149) думаетъ, что это заглавіе „есть очевидно русскій переводъ титула и вмѣстѣ изложеніе сущности извѣстнаго произведенія Юрьева о Промыслѣ“, гдѣ есть частныя заглавія въ такомъ родѣ: De causis victoriarum et cladium; ob peccata incognita nos patimur clades и т. п. Но въ старыхъ библіотекахъ очень извѣстно было особое сочиненіе подъ этимъ заглавіемъ, напр.: „Описаніе винъ или притчей (читай: причинъ), ими же къ погибели и разоренію всякія государства приходятъ и которыми дѣлами въ цѣлости и въ покоѣ содержатся. Преведено съ различныхъ книгъ латинскаго языка на русскій Василіемъ Садавскимъ“ въ рукописи Публ. Библіотеки, Толстовскаго собранія, II, № 395; тамъ же I, № 171, 339 и друг.

[3]) По мнѣнію Безсонова она сдѣлана „толково и разумно“; но приведенныя имъ самимъ заглавія (стр. 156—157) не особенно толковы и разумны.

Пересматривая упоминанія о книгахъ Крижанича въ этихъ описяхъ и отмѣткахъ типографской библіотеки, мы видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ, и именно „Политика", обозначаются очень странно: „венгерская или чешская", „Политика на чешскомъ языкѣ", „полоно-латинская", наконецъ „славенская"; никто изъ описывавшихъ книгу, даже „толково и разумно", не попалъ на настоящее обозначеніе ея — русско-хорватскою или русско-сербскою. Правда, самъ Крижаничъ сбивалъ описывателей съ пути: въ первыхъ книгахъ своихъ онъ пишетъ по-славянски латинской азбукой (какъ употребляютъ ее хорваты), а иногда по-латыни; но назвать книгу венгерской, чешской, польской—значило имѣть крайне смутныя представленія объ этихъ народахъ и языкахъ. Такимъ образомъ, если ученые московскіе люди XVII-го вѣка были заинтересованы содержаніемъ сочиненій Крижанича, то имѣли все-таки очень мало свѣденій о томъ славянствѣ, которому именно этотъ писатель посвящалъ свои труды.

Слѣдя дальше исторію сочиненій Крижанича, г. Безсоновъ полагаетъ, что съ конца 1680 годовъ онѣ были забыты: наступили событія, которыя легко могутъ объяснять это забвеніе. Въ самой типографіи произошли большія перемѣны: послѣдній человѣкъ, у котораго могло нѣсколько сохраниться старое преданіе, былъ извѣстный книжникъ Ѳедоръ Поликарповъ, который, однако, далеко не могъ равняться съ своими предшественниками. Впослѣдствіи библіотека была завѣдываема и описываема иностранцами, какъ грекъ Скіада, позднѣе нѣмецкій ученый Маттеи, которые, впрочемъ, интересовались въ этой библіотекѣ только рукописями греческими. Въ промежуткѣ между этими описаніями, въ царствованіе Елизаветы, составленъ былъ новый каталогъ, по словамъ Безсонова, „дѣйствовавшій до самаго послѣдняго времени: довольно точный въ перечисленіи книгъ, но весьма сбивчивый въ ихъ заглавіяхъ, хотя и переводитъ ихъ постоянно по-русски". И здѣсь опять между „латинскими и польскими" книгами названы сочиненія Крижанича; одна книга означена какъ написанная „latino-bohemice", а сборникъ матеріаловъ, составленный Крижаничемъ по-русской исторіи, названъ „Исторія россійская на польскомъ", —хотя польскаго здѣсь ничего нѣтъ: здѣсь находятся выписки прямо изъ русской лѣтописи только латинскими буквами [1]). Въ

[1]) Г. Безсоновъ по этому поводу укоряетъ XVIII вѣкъ „воцарившимся невѣжествомъ относительно родной старины, такъ что послѣ пришлось открывать сочиненія Крижанича почти какъ Америку". Это болѣе чѣмъ странно: что же сдѣлала сама старина XVII вѣка, чтобы привести ихъ въ извѣстность? Книги Крижанича лежали въ казенной библіотекѣ, гдѣ были доступны только служившимъ въ ней лицамъ

концѣ XVIII вѣка, когда Новиковъ издавалъ „Древнюю россійскую Вивліоѳику“, онъ первый напечаталъ нѣкоторыя историческія свѣденія о Крижаничѣ подъ именемъ Юрія Сербенина.

Съ точностью неизвѣстно, былъ ли знакомъ Петръ Великій съ сочиненіями Крижанича, но есть большая вѣроятность, что онѣ были ему извѣстны. При первомъ появленіи въ Москвѣ Крижаничъ [1]) очевидно обратилъ на себя вниманіе: какъ ни мало извѣстно объ этомъ его пребываніи въ Москвѣ, изъ его сочиненій и изъ другихъ указаній видно, что онъ успѣлъ заинтересовать многихъ ученыхъ и сильныхъ людей тогдашней Москвы; его ссылка была почетная; его книги привлекаютъ вниманіе митрополита Павла, читаются учеными дѣятелями типографіи, наиболѣе просвѣщенными людьми своего времени; слухъ о нихъ доходитъ до царя Алексѣя, къ которому онѣ берутся на верхъ; погомъ требуетъ ихъ царь Ѳедоръ. Изъ временъ Петра извѣстно пока одно только указаніе. Главнымъ начальникомъ типографіи былъ въ то время и состоялъ при Петрѣ гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ. Черезъ него по указаніямъ Петра и по обстоятельствамъ часто требовались изъ типографіи разныя книги и рукописи для изданія и перевода, для справокъ, и между прочимъ для борьбы съ расколомъ. Въ ноябрѣ 1714 года гр. Мусинъ-Пушкинъ пишетъ управлявшему типографіей Поликарпову: „Такожь сыщи книгу Юрія Сербянина, которую онъ изложилъ противо росколниковъ нашихъ. И оную книгу списавъ пришли сюда“ [2]). Подразумѣваемая книга была написанное Крижаничемъ „Обличеніе на Соловецкую челобитную“. Дальнѣйшихъ свѣденій объ этомъ дѣлѣ не имѣется, но о Юріѣ Сербянинѣ говорится здѣсь какъ о человѣкѣ извѣстномъ, и можно предполагать, что кромѣ „Обличенія“ были извѣстны царю и другія книги этого автора.

Изслѣдователямъ Крижанича постоянно приходила мысль о замѣчательномъ совпаденіи указаній Крижанича съ направленіемъ Петровской реформы.

Дѣятельность Крижанича производила уже на Соловьева, вообще наблюдателя сдержаннаго, даже холоднаго, это впечатлѣніе глубокой внутренней связи съ преобразованіями Петра. „Если книга Крижанича имѣла вліяніе (во времена Алексѣя,

и больше никому: онѣ и стали извѣстны въ настоящее время только изъ этихъ экземпляровъ оффиціальныхъ—въ обыкновенномъ рукописномъ обиходѣ ихъ не было.

[1]) Называвшій себя Сербиномъ вѣроятно потому, что это обозначеніе (вмѣсто хорвата) было въ Москвѣ понятнѣе.

[2]) „Прав. Обозрѣніе“, 1870, февр., стр. 339.

когда она бывала „на верху"),—говоритъ Соловьевъ,—то прежде всего должна была въ читавшихъ ее окончательно уничтожить китаизмъ, высокое мнѣніе о самихъ себѣ и презрѣніе къ другимъ народамъ, прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ, о преимуществахъ другихъ народовъ и этимъ самымъ подвинуть къ перемѣнамъ, которыя естественно должны были прежде всего высказаться въ подражаніи. Главный вредъ для общаго блага (по словамъ Крижанича) проистекаетъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ, когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми. Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность: Крижаничъ указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумы у народа хитры, морскія пристанища и торги отличные, цвѣтетъ всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славнѣе и счастливѣе бываетъ государство, когда въ немъ при этомъ и законы хороши, какъ, напримѣръ, во Франціи. А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, она со всѣхъ сторонъ заперта для торговли; мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній, умы народа тупы и косны... оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ...; языкъ его бѣденъ...; исторіи русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ" и т. д. Соловьевъ дополняетъ еще другими, намъ знакомыми уже, чертами „печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи", нарисованную Крижаничемъ; перечисляетъ средства, которыя онъ предлагалъ для исправленія этихъ бѣдъ и которыя состояли въ просвѣщеніи и улучшеніи законовъ, и продолжаетъ:

„Такова преобразовательная программа ученаго серба. Всякому легко можетъ показаться, что Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности находился подъ вліяніемъ этой программы. Мы далеки отъ мысли предполагать здѣсь непосредственное вліяніе; но сравненіе программы Крижанича съ дѣятельностью Петра очень важно: оно ясно показываетъ, что пути преобразованія, избранные Петромъ, не были слѣдствіемъ его личнаго произвола, его личнымъ взглядомъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ" [1]).

[1]) Исторія Россіи, т. XIII, М. 1863, стр. 196—202.

Но къ этому можно прибавить одно соображеніе. Идеи будущей реформы созрѣвали, безъ сомнѣнія, только въ тѣсномъ кругу; въ такомъ же тѣсномъ кругу обращались сочиненія Крижанича, и во всякомъ случаѣ многое, что говорилъ Крижаничъ, было говорено *имъ однимъ*, и если существовало то замѣчательное совпаденіе его взглядовъ съ началами Петровской реформы, то весьма возможно, что вліяніе Крижанича въ образованіи взглядовъ лучшихъ людей было больше, чѣмъ мы можемъ заключать по наличнымъ скуднымъ фактамъ. Въ занимающемъ насъ вопросѣ могло быть, что Крижаничъ повліялъ на бо́льшій интересъ къ славянству—не только политическій, но именно образовательный. Самъ онъ былъ образованный славянинъ, и никогда прежде, при вызовѣ иностранцевъ, не являлась мысль о приглашеніи родственныхъ славянъ, ученыхъ или техниковъ; въ установленіи морского дѣла Петръ съ особымъ предпочтеніемъ обращаетъ вниманіе на Венецію и Далмацію и ищетъ тамъ хорошей морской школы для своихъ птенцовъ. Быть можетъ, мысли Петра о движеніи просвѣщенія, переходящаго отъ одного народа къ другому, въ извѣстной рѣчи, записанной у Вебера [1]), не случайно сходятся съ подобнымъ разсужденіемъ, которое находимъ у Крижанича [2]).

Еще до Петра подготовлялись болѣе близкія сношенія съ славянскимъ югомъ, уже не только церковныя, но политическія. Турецкіе христіане при царѣ Алексѣѣ и правительницѣ Софьѣ обращались къ московскому правительству съ призывами на войну съ Турціей,—войну, въ которой они видѣли свое освобожденіе. При Петрѣ эта война возобновляется, и отъ балканскаго славянства идутъ новыя обращенія за помощью; русскіе послы собираютъ на мѣстѣ свѣденія о турецкихъ дѣлахъ, о положеніи христіанъ въ Турціи, грековъ и славянъ; извѣстный Возницынъ ведетъ сношенія съ самими сербами, именно тѣми, которые въ концѣ XVII-го вѣка выселились подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича въ нынѣшнюю Австрію. Изъ среды славянъ являлись люди, которые становились ревностными пособниками русской дипломатіи и, наконецъ, дѣйствовали въ самой

[1]) Das veränderte Russland.

[2]) См. еще „Юрій Крижаничъ", Маркевича, стр. 157—160; Первольфа, „Славяне", т. II, стр. 350: „Политическія мысли, которыя Крижаничъ проповѣдывалъ на Руси, были несомнѣнно извѣстны при царскомъ дворѣ въ Москвѣ. Политика, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Крижанича, находилась въ царской библіотекѣ. Нѣтъ, правда, прямыхъ указаній на то, что Петръ Великій зналъ Политику, но вся дѣятельность этого великаго „славянскаго царя" часто поразительно напоминаетъ „политическія думы" Крижанича, начиная съ усиленнаго распространенія просвѣщенія на Руси и призыва другихъ славянъ на русскую службу, и кончая указами объ одеждѣ и бородахъ".

Россіи. Таковъ былъ извѣстный въ Петровское время Савва Владиславовичъ Рагузинскій. Нѣкогда турецкій подданный, онъ былъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Константинополѣ и потомъ поселился въ Россіи, такъ какъ его пребываніе въ Турціи становилось небезопаснымъ. Русскій посолъ въ Константинополѣ, Толстой, писалъ къ Ѳедору Головину въ 1702 году, что Савва Владиславлевъ, „породою рагузенинъ", собирается ѣхать по торговымъ дѣламъ въ Азовъ и потомъ въ Москву, и совѣтуетъ обратить на него вниманіе: „изволь съ нимъ милостиво поговорить о здѣшнемъ состояніи, понеже онъ человѣкъ зѣло искусенъ и на многія тайныя вещи вѣдомецъ". Въ слѣдующемъ году Апраксинъ писалъ царю, что Савва Рагузинскій желаетъ видѣть государевы очи, „а человѣкъ зѣло надобный, и свѣдомъ на тамошнія дѣла и не глупова состоянія". Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Савва Рагузинскій, который сдѣлался между тѣмъ предпріимчивымъ и богатымъ негоціантомъ, брался и за литературные труды, относящіеся къ славянству. Эмиграція въ Россію и вступленіе на ея службу становились дѣломъ нерѣдкимъ; для многихъ пребываніе въ Турціи становилось невозможнымъ; другіе надѣялись въ Россіи быть полезными своей родинѣ. Такъ шли сюда греки, молдаво-валахи, сербы. Подобнымъ образомъ служилъ въ Россіи Михаилъ Милорадовичъ, родоначальникъ извѣстной фамиліи, который бывалъ гонцомъ и агентомъ Петра въ юго-западныхъ славянскихъ земляхъ. Здѣсь не мѣсто говорить о политическихъ и военныхъ событіяхъ Петровскаго времени, которыя все больше привлекали славянъ къ дѣламъ Россіи, и съ другой стороны распространяли у насъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ кругу, свѣденія о южномъ и юго-западномъ славянствѣ [1]).

Чрезвычайно любопытно, что Петръ Великій даже въ болѣе позднее время, не удовлетворяясь тѣми практическими сношеніями, о которыхъ мы упоминали, искалъ общихъ свѣденій о славянствѣ. Этотъ вопросъ, между прочимъ, нашелъ мѣсто въ его сношеніяхъ и перепискѣ съ Лейбницемъ. Сношенія эти, подробно изложенныя г. Герье, болѣе или менѣе извѣстны. Лейб-

[1]) Отдѣльныя свѣденія объ этомъ предметѣ разсѣяны у Соловьева, въ томахъ „Исторіи", посвященныхъ царствованію Петра. Цѣльный обзоръ русско-славянскихъ отношеній въ Петровскую эпоху старался сдѣлать г. Кочубинскій, въ книжкѣ (съ страннымъ заглавіемъ); „Мы и они", Одесса, 1878, стр. 1—185: „Южные славяне, румыны и Петръ Великій въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ".

О Саввѣ Владиславовичѣ у Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", т. I, стр. 252—255. О Милорадовичѣ, см. книжку его потомка Гр. Милорадовича: „О родѣ дворянъ и графа Милорадовичъ", Кіевъ, 1875, и у Кочубинскаго, стр. 127 и далѣе.

ницъ еще задолго до того, когда лично представился Петру Великому, относился съ большимъ интересомъ къ Россіи и съ большимъ сочувствіемъ къ дѣятельности русскаго царя. Лейбницъ хорошо понималъ великое значеніе совершавшагося въ Россіи преобразованія и желалъ ему успѣха не только въ интересахъ Россіи, но и человѣческой цивилизаціи. „Мнѣ хотѣлось бы,—пишетъ онъ въ январѣ 1708 г. къ одному русскому дипломату,—чтобы царь привелъ въ исполненіе прекрасное и великое намѣреніе цивилизовать свою обширную имперію и ввести въ нее науки, художества и хорошіе обычаи. Такъ какъ я предпочитаю интересъ общечеловѣческій (а слѣдовательно и славу Божію) всѣмъ остальнымъ, болѣе частнымъ интересамъ, то и питаю самое горячее желаніе, чтобы это намѣреніе осуществилось; ибо такимъ образомъ можно было бы сразу усовершенствовать и привести въ лучшее состояніе значительную часть земного шара и почти весь сѣверо-востокъ нашего материка“. Въ запискѣ о введеніи наукъ въ Россіи, составленной Лейбницемъ въ концѣ того же года для отправленія Петру Великому, онъ говоритъ о преимуществахъ, какія имѣетъ Россія сравнительно съ болѣе цивилизованными странами въ вопросѣ просвѣщенія. По словамъ его, Россія представляетъ „почти непочатое поле; подобно новому сосуду, она не усвоила себѣ чуждаго запаха, и многія вкравшіяся у насъ ошибки могутъ быть предотвращены и исправлены, особенно потому, что всѣмъ будетъ руководить умъ мудраго государя“. „Истинную цѣль науки,—говоритъ дальше Лейбницъ,—составляетъ блаженство людей, то-есть состояніе постояннаго удовлетворенія, насколько это возможно для человѣка, причемъ они не должны жить въ праздности и роскоши, но содѣйствовать всякій по своимъ силамъ прославленію Господа и общественному благу нелицемѣрною добродѣтелью и познаніемъ истины. Средство, съ помощію котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по его образу и подобію“ [1]).

Въ одномъ письмѣ къ Петру Лейбницъ возвращается къ объясненію великаго значенія наукъ и художествъ, „постоянно содѣйствующихъ славѣ Господней и благосостоянію всего рода

[1]) „Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому“, по неизданнымъ бумагамъ Лейбница въ Ганноверской библіотекѣ, В. Герье. Спб., 1871, стр. 65, 74; „Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому“. Издалъ В. Герье. Спб., 1873, стр. 75—76, 95.

человѣческаго“ и „составляющихъ настоящее сокровище человѣческаго рода, такъ какъ посредствомъ ихъ искусство превозмогаетъ природу и цивилизованные народы отличаются отъ варварскихъ“. Онъ самъ съ малолѣтства занимается науками и имѣлъ счастіе сдѣлать въ нихъ важныя открытія; онъ надѣется теперь, что нашелъ въ Петрѣ могущественнаго государя, который достаточно интересуется науками и готовъ вводить ихъ въ своемъ обширномъ государствѣ. „Эти великодушныя намѣренія вашего величества могутъ способствовать благосостоянію безчисленнаго множества людей не только въ современномъ, но и въ грядущихъ поколѣніяхъ, оказать большую пользу всему человѣческому роду, особенно же русскимъ и всѣмъ славянскимъ народамъ... Провидѣніе, повидимому, хочетъ, чтобы наука обошла кругомъ весь земной шаръ, и теперь перешла въ Скиѳію, и потому избрало ваше величество орудіемъ, такъ какъ вы можете, съ одной стороны изъ Европы, и съ другой—изъ Азіи взять лучшее и усовершенствовать надлежащими мѣрами то, что сдѣлано въ обѣихъ частяхъ свѣта; ибо въ вашемъ государствѣ все, что касается до науки, еще ново и подобно листу бѣлой бумаги, а потому можно избѣгнуть многихъ ошибокъ, которыя вкрались въ Европѣ постепенно и незамѣтно. Извѣстно, что дворецъ, строящійся вновь, выходитъ лучше, чѣмъ тотъ, который строился вѣками и часто подвергался исправленіямъ и измѣненіямъ“ [1]).

Таковъ былъ общечеловѣческій интересъ Лейбница къ великому дѣлу Петровской реформы, усиливаемый еще его удивленіемъ къ необыкновенному уму и энергіи преобразователя; естественно, что съ этимъ интересомъ соединились стремленія къ изученію Россіи, ея исторіи и ея народовъ. Задолго до того, какъ начались его сношенія съ Петромъ Великимъ, онъ былъ въ перепискѣ съ иностранными учеными, жившими въ Россіи, болѣе или менѣе знавшими ее и писавшими о ней, какъ амстердамскій бургомистръ Витзенъ, ученый шведъ Спарвенфельдъ, извѣстный баронъ Гюйссенъ, ученый берлинскій библіотекарь Ла-Крозъ и др.; онъ изучаетъ русскій языкъ, ищетъ свѣденій о многочисленныхъ народахъ, населяющихъ Россію, и умѣетъ опредѣлять ихъ этнографическую принадлежность, вѣрно указываетъ недостатки извѣстной, вышедшей передъ тѣмъ въ Англіи, русской грамматики Лудольфа, знаетъ Нестора, объясняетъ происхожденіе варяговъ, старается собирать русскія книги, и т. д. Въ

[1]) Герье, Отношенія Лейбница, стр. 134; Сборникъ писемъ и меморіаловъ, стр. 206—208.

его дѣятельной перепискѣ съ Урбихомъ, русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ [1]), не разъ возвращаются вопросы о русской древности, о тѣхъ изслѣдованіяхъ, какія должны бы быть сдѣланы о народахъ русскаго государства и ихъ языкахъ. Этому Урбиху давно было поручено русскимъ правительствомъ собирать свѣденія о происхожденіи славянскихъ народовъ; Урбихъ безуспѣшно обращался съ этимъ вопросомъ къ разнымъ ученымъ людямъ въ Прагѣ, но, главнымъ образомъ, указывалъ, что такихъ свѣденій надо искать у Лейбница [2]). Дѣйствительно, когда въ началѣ 1712 года Урбихъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Ганноверъ и увидѣлся съ Лейбницемъ, послѣдній составилъ ему вкратцѣ желаемую записку о происхожденіи славянъ, которая и была доставлена Урбихомъ въ Россію: „это предварительное изложеніе,—замѣчалъ Урбихъ въ письмѣ къ Головкину,—составлено Лейбницемъ вкратцѣ, но такъ хорошо, что, я не сомнѣваюсь, оно доставитъ его величеству большое удовольствіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ Урбихъ просилъ, чтобы Лейбницу послана была книга „Патерикъ", необходимая для его занятій русскою древностью [3]).

Записка Лейбница „о происхожденіи славянъ" была едва ли не первымъ по времени примѣромъ настоящей ученой работы о славянской и русской древности, какая попала тогда въ руки русскихъ людей. Здѣсь не было, конечно, тѣни привычнаго баснословія по этому предмету. Для сужденій о происхожденіи и древности славянскихъ племенъ Лейбницъ находитъ два средства: языкъ, на которомъ говорятъ эти племена, и древнія свидѣтельства о нихъ исторіи. По языку онъ заключаетъ, что весь сѣверъ, насколько онъ намъ извѣстенъ, распадается на четыре главныя племени: татарское, сарматское (славянское, по древнему названію этого племени), финское и нѣмецкое. „Откуда вышли эти народы и особенно славянскія племена—исторія не въ состояніи опредѣлить, и трудно сказать, какъ произвести ихъ отъ

---

[1]) Урбихъ былъ въ Вѣнѣ сначала датскимъ посланникомъ, потомъ вступилъ на русскую службу.

[2]) Донесеніе Урбиха канцлеру Головкину въ 1712 году: „О врученной мнѣ коммиссіи о началѣ славянскаго народа и о ихъ языкѣ я старался и разнымъ особамъ ученымъ въ Прагѣ коммиссіи далъ всѣ тѣ книги, которыя о томъ писаны, пріискать и ко мнѣ прислать; но никто больше въ томъ служить не можетъ, какъ тайный совѣтникъ Лейбницъ въ Ганноверѣ; я его о томъ просилъ, который мнѣ еще передъ отъѣздомъ моимъ записку вручилъ; я уповаю, что то описаніе царскому величеству угодно будетъ". Соловьевъ, т. XVII, стр. 403—404.

[3]) Герье, „Отношенія Лейбница" и пр., стр. 136—139; „Сборникъ писемъ и меморіаловъ, стр. 210—213. О другихъ ученыхъ работахъ Лейбница по славянской древности см. въ первой изъ этихъ книгъ стр. 40, 43—45, 47, 71, 101—102, 161.

потомковъ Ноя. Ученые много объ этомъ думали, но я не хочу останавливаться на слишкомъ недостовѣрныхъ предположеніяхъ". Такимъ образомъ, при первомъ прикосновеніи критики отпадали Іафетъ, Мосохъ, Словенъ, Русъ, Александръ Македонскій и т. д. Останавливаясь на однихъ положительныхъ свидѣтельствахъ о народахъ, жившихъ на земляхъ нынѣшней Россіи, Лейбницъ называетъ Гомера, упоминавшаго о киммеріанахъ, жившихъ при Черномъ морѣ; Геродота, говорившаго о скиѳахъ, сарматахъ и другихъ народахъ,—замѣчая, что многое могло бы послужить здѣсь къ объясненію происхожденія славянъ, о чемъ подробнѣе онъ намѣревался говорить въ другомъ мѣстѣ. Онъ называетъ дальше Тацита, Птолемея, говоритъ о готахъ, жившихъ у Чернаго моря и изгнанныхъ оттуда гуннами; по разсказу Приска, жившаго при дворѣ гуннскаго царя, онъ заключаетъ, что Аттила былъ вовсе не дикій, но очень благоразумный властелинъ. Гунновъ Лейбницъ считалъ народомъ сарматскимъ или славянскимъ, и въ числѣ доказательствъ указываетъ, что нѣсколько гуннскихъ словъ, сохраненныхъ древними писателями, хорошо объясняются изъ славянскаго языка. Гунны, которые послѣ Аттилы остались въ Панноніи, были славянскаго происхожденія и „почти вся верхняя Венгрія, а также и бо́льшая часть нижней Венгріи еще теперь говорятъ по-славянски". Послѣ готовъ и гунновъ стали распространяться по Европѣ славяне, которые вышли изъ Польши и Россіи и разошлись на западъ до Адріатическаго моря. Племя хазарское Лейбницъ также причислялъ къ славянскимъ. Болгары, вышедшіе съ Волги, также принадлежатъ къ этому племени, потому что, говоритъ Лейбницъ, „въ Болгаріи, между Сербіей и Ѳракіей, не только теперь употребляется славянскій языкъ, но и отъ древнихъ болгаръ сохранились нѣсколько словъ, напримѣръ, Богомилъ",—названіе извѣстныхъ еретиковъ. „Наконецъ, въ IX вѣкѣ по Р. Х. пріобрѣли извѣстность русскіе, вѣроятно, древніе роксоланы, которые были такъ могущественны, что даже осаждали Константинополь. Чтобы лучше судить о ихъ древнѣйшей исторіи, было бы хорошо имѣть старинную книгу ихъ, называющуюся Патерикомъ, и другіе памятники". Такова была у Лейбница смѣсь ученаго знанія общихъ историческихъ источниковъ и незнанія элементарныхъ фактовъ славянской старины —исторіи и языка; отъ этой ограниченности свѣденій иныя его соображенія наивны, но зато заявлены были требованія исторической критики, и вопросъ о происхожденіи славянства поставленъ на настоящую историческую почву. Немного лѣтъ спустя въ Петербургѣ, по мыслямъ того же Лейбница, основана была ака-

демія наукъ, наполненная иноземными, почти исключительно нѣмецкими, учеными, которые, между прочимъ, занялись и русской исторіей, именно древней. Это первое время академіи достаточно извѣстно [1]), и мы не будемъ останавливаться на тѣхъ работахъ по русской исторіи, которыя предпринимались въ академіи и были началомъ нашей исторіографіи: съ древностью русскою соприкасалась и древность славянская. Первые шаги нѣмецкихъ историковъ, какъ Байеръ, Миллеръ и др., не обходились безъ ошибокъ, безъ слишкомъ самонадѣянныхъ рѣшеній, но важно было то, что вездѣ у этихъ ученыхъ, прошедшихъ правильную школу, ставились требованія исторической критики. Высшимъ выраженіемъ этого направленія сталъ впослѣдствіи Шлёцеръ.

Возвращаемся къ Петровскому времени. Первыя поѣздки за границу самого Петра и его многочисленныхъ птенцовъ повели между прочимъ къ личнымъ встрѣчамъ съ различными славянскими народами. Когда Петръ Великій отправился въ свое первое путешествіе, въ Саксоніи привѣтствовалъ его извѣстный дѣятель маленькой сербо-лужицкой литературы, Френцель, привѣтствовалъ его какъ величайшаго славянскаго царя и заявлялъ о родствѣ своего народа съ великимъ народомъ русскимъ; съ этимъ привѣтствіемъ Френцель передалъ и свои сербо-лужицкіе переводы изъ священнаго писанія. Неизвѣстно, какъ принялъ Петръ Великій то и другое; но разсказываютъ, что когда въ 1712 году онъ опять былъ въ Саксоніи, то сербскіе студенты провожали его при осмотрѣ достопамятностей Виттенберга и объясняли ему ихъ по-сербски [2]). Въ Вѣнѣ Петръ Великій говорилъ съ чешскими панами по-славянски. Подобныя встрѣчи естественно возбуждали вопросъ о происхожденіи славянскихъ народовъ и ихъ родствѣ, тотъ вопросъ, за рѣшеніемъ котораго обращались къ Лейбницу.

Русскіе молодые дворяне, ѣздившіе учиться морскому дѣлу, имѣли случай видѣть славянъ въ Венеціи, гдѣ было такъ много моряковъ далматинцевъ, и въ самой Далмаціи, той „шклавонской“ землѣ, которую Петръ въ 1697 разыскивалъ изъ Амстердама. Эти встрѣчи бывали довольно неожиданнымъ открытіемъ, и на первый разъ это открытіе принималось, кажется, довольно смутно. Существуетъ, напримѣръ, разсказъ о путешествіи въ Италію и на островъ Мальту стольника П. А. Толстого, въ 1697—1698 го-

[1]) „Исторія Академіи Наукъ“, Пекарскаго; „Матеріалы для исторіи академіи наукъ“; „Исторія россійской академіи“, г. Сухомлинова.

[2]) Rich. Andree, „Wendische Wanderstudien“, 1874; Первольфъ, „Славяне“, т. II, стр. 18—20.

дахъ. Между прочимъ, въ этомъ послѣднемъ году Толстой попалъ въ Далмацію. Разсказъ его [1]) носитъ еще вполнѣ характеръ старыхъ московскихъ статейныхъ списковъ и „сказокъ", обращая вниманіе почти исключительно на внѣшнюю сторону того, что ему случалось видать. Въ Далмаціи онъ встрѣтился, конечно, съ населеніемъ славянскимъ, но не видно, чтобы это обстоятельство его особенно заинтересовало. Населеніе далматинскихъ горъ, — по словамъ его, — составляли рагузяне, капитаны морскіе, и астрономы, и маринары (моряки); „строеніе домовное имѣютъ каменное самое малое и нужное, также хлѣба и скота имѣютъ мало; только забавляются фруктами, то-есть гроздіемъ винныхъ ягодъ и винограду, грушь, шепталы, орѣховъ миндальныхъ, орѣховъ же грецкихъ и иныхъ овощей имѣютъ достатокъ; а говорятъ всѣ славянскимъ языкомъ, а итальянской языкъ всѣ знаютъ и называются Герваты (т.-е. Хорваты), вѣру держатъ римскую". Изъ Корсуля Толстой проплылъ мимо острова св. Андрея, гдѣ жилъ одинъ человѣкъ: „не имѣетъ съ собою никогда никакого товарища, а почитаютъ того человѣка римляне за святого и сказываютъ о немъ исторіи, которымъ вѣрить невозможно и слушать ихъ непотребно". Въ Рагузѣ или Дубровникѣ онъ осмотрѣлъ достопримѣчательности, крѣпость, монетный дворъ и пр., и описываетъ свое свиданіе съ княземъ: „Въ первой палатѣ княжескіе домовые люди, человѣкъ съ 8, стоятъ въ красныхъ одеждахъ; и съ той палаты пришелъ въ другую палату, въ которой меня,— говоритъ Толстой,—встрѣтилъ самъ князь и за нимъ одинъ его человѣкъ въ красной же одеждѣ, и повелъ меня въ другую палату, въ которой поставлены кресла, обиты красными камками, и палата обита тѣми же камками; въ той палатѣ князь самъ сѣлъ и мнѣ противъ себя велѣлъ сѣсть въ креслахъ, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ не долго, потомъ поблагодарствовалъ ему за ласку его къ себѣ, отъ него пошелъ, и онъ меня проводилъ въ третью палату изъ той, въ которой я съ нимъ сидѣлъ. А говорилъ со мною князь Рагузскій славянскимъ языкомъ". Толстой замѣчаетъ, какъ особый обычай, что когда онъ былъ у князя, то въ „палату" не входилъ никто изъ сенаторовъ; но о чемъ шелъ разговоръ и какимъ славянскимъ языкомъ они говорили, Толстой не счелъ нужнымъ объяснять. Описанія быта опять только внѣшнія. „Въ томъ городѣ Дубровникѣ домы строенія каменнаго невеликіе, однакожъ то мѣсто не добре безлюдно. Рагузяне, шляхта

[1]) Переданный Н. А. Поповымъ въ „Атенеѣ", 1859, № 7—8: „Путешествіе въ Италію и на о. Мальту стольника П. А. Толстого въ 1697 и 1698 годахъ".

и сенаторы, и купецкіе люди, къ пріѣзжимъ иноземцамъ ласковы и пріемны, а платья носятъ сенаторы рагузскіе и шляхта черное: подъ исподомъ кафтаны долгіе, подобны чернеческимъ рясамъ, а на верху долгія жъ епанчи, подобны чернеческимъ мантіямъ. Деньги у нихъ свои серебряныя, которыя называютъ динаріями, тѣхъ динарей на золотой червонной даютъ по 132; а видомъ тѣ динаріи круглые, величествомъ съ московскую копѣйку. Принцепы, то-есть князи, бываютъ у нихъ помѣсячно: на всякой мѣсяцъ выбираютъ новаго князя изъ сенаторей; а всякія дѣла дѣлаютъ обще республикою... Войны никогда рагузяне ни съ кѣмъ не имѣютъ: даютъ дары цесарю римскому и королю гишпанскому и князю венецкому и салтану турецкому". Отправившись далѣе въ Кастель-Нуово, Толстой встрѣтился тамъ съ другими москвичами, также ѣздившими по Италіи, съ князьями Голицыными, князьями Рѣпнинымъ, Гагинымъ, Хилковымъ, Борисомъ Куракинымъ и иными. Дальше путь лежалъ мимо береговъ, заселенныхъ хорватами, до Перасты въ албанскомъ княжествѣ: въ городѣ и въ окрестныхъ поселеніяхъ живутъ турки и около много сербовъ греческой вѣры. „А тѣ сербы подъ державою Венецкою; недавно избѣжали отъ рукъ проклятыхъ бусурманъ, отъ державы турецкаго салтана, и живутъ смежно съ турецкими городами и съ деревнями. Тѣ сербы люди военные, подобятся во всемъ донскимъ казакамъ, говорятъ всѣ славянскимъ языкомъ, платье носятъ гервацкое; жены ихъ и дочери во всемъ подобны гервацкимъ женамъ, въ платьѣ и въ обыкностяхъ, и зазоръ отъ мужеска пола имѣютъ и скрываются. Тѣ сербы хлѣба и живностей и фруктовъ имѣютъ достатокъ, живутъ между великихъ и высокихъ каменныхъ горъ, дома имѣютъ строенія каменнаго; къ московскому народу зѣло привѣтны и почитательны". Эту привѣтность Толстой испыталъ и въ окрестностяхъ Перасты. Въ день пятидесятницы онъ ѣздилъ въ село Ризу, гдѣ „былъ принятъ съ любовью и великимъ почтеніемъ; а какъ поѣхалъ назадъ, то провожали его до лодки великимъ многолюдствомъ". Въ самой Перастѣ Толстой жилъ въ домѣ капитана морского Виценція Буевича (состоявшаго на венеціанской службѣ), съ которымъ познакомился еще въ Кастель-Нуово и который просилъ его, пріѣхавши въ Перасту, поселиться у него. Принималъ Толстого двоюродный братъ Буевича, аббатъ католическій, съ великою честію и привѣтомъ: „въ томъ домѣ,—говоритъ онъ,—было мнѣ палатъ, и кроватей, и столовъ, и креселъ, и стуловъ, и всякихъ потребъ довольно, а постеля была для меня изготовлена изрядная; также тотъ капитанскій братъ обослалъ меня фруктами

и живностію". Наконецъ, Толстой бывалъ и въ Каттаро или въ Бокѣ Которской: „отъ тое Катары,—пишетъ онъ,—живутъ турки въ ближнихъ мѣстахъ, верстахъ въ шести и ближе, и всегда у катарцевъ съ турками бываютъ бои, и часто бываетъ перемирье, когда помирясь имѣютъ между собой и торги". Наконецъ, Толстой узналъ, что неподалеку отъ всѣхъ мѣстъ живутъ вольные люди, называющіеся черногорцами: „вѣры христіанской, языка славянскаго; и есть ихъ немало число, никому не служатъ, временемъ войну точатъ съ турками, а временемъ воюются съ венетами".

Разсказъ Толстого написанъ, какъ видно изъ приведенныхъ образчиковъ, совершенно въ старомъ, московскомъ стилѣ: такъ писались статейные списки, паломники, такъ писались старинныя космографіи. Описаніе его—чисто внѣшнее; онъ разсказываетъ, стараясь быть обстоятельнымъ, то, что онъ видѣлъ — внѣшность домовъ, палатъ, одежды, запишетъ обстоятельно ѣду и напитки, подмѣтитъ что похоже на московское,—но дальше его наблюденія обыкновенно не идутъ. Описаніе Толстого было типическимъ для своего времени; вѣроятно, такъ же написали бы свои воспоминанія Голицыны, Хилковы, Гагины и т. д. Литературнаго результата эти путешествія не имѣли: записки, въ родѣ записокъ Толстого, оставались домашнимъ дѣломъ, въ свѣтъ не издавались и не послужили къ умноженію свѣденій о видѣнныхъ славянскихъ странахъ, но какъ въ начавшихся теперь путешествіяхъ русскіе стали осваиваться въ западной Европѣ, такъ у бывалыхъ людей начинали собираться и свѣденія о славянствѣ. Когда турецкія войны привели къ сношеніямъ съ южнымъ и юго-западнымъ славянствомъ, о немъ имѣлось уже больше свѣденій, чѣмъ бывало въ XVII вѣкѣ; въ Петербургѣ были политическими агентами мѣстные славянскіе уроженцы; между русскими встрѣчались люди, бывавшіе на мѣстахъ.

Этотъ новый интересъ къ славянству проникаетъ отчасти и въ книги. Русскій народъ и языкъ все чаще сопоставляются и соединяются съ славянскимъ—въ народъ и языкъ славяно-россійскій. Извѣстный Илья Копіевичъ (или Копіевскій), родомъ изъ западной Руси, получившій отъ Петра порученіе переводить и печатать въ Амстердамѣ разныя полезныя книги, въ одномъ изъ своихъ изданій („Введеніе краткое во всякую исторію", 1699) такъ обращается къ своему читателю: „Вѣжды, православный читателю, яко не имѣяхомъ бы дерзновенія писати варварскому какову народу: но славянороссійскій народъ славно прославися, паче всѣхъ народовъ, своимъ благоразуміемъ. Прочія народы и

порубежнаго не разумѣютъ языка. Славянороссійскій же народъ сіе дарованіе божіе имѣетъ, яко едва не всю Европу о своимъ языкѣ прейдетъ: не помяну здѣ Польскія земли, Прусъ, Чеховъ, Моравовъ, Венгровъ, Волошанъ, Словаковъ, Кошубовъ, Иллиріянъ, даже до Азыи Россеаномъ откровенный языкъ". Эти толки о славяно-россійскомъ народѣ были, между прочимъ, исполненіемъ того условія, какое поставлено было въ привилегіи, данной типографщику Тессингу въ Амстердамѣ—прославлять русскаго царя и русскій народъ [1]). Въ описаніи русской земли повторяется баснословіе о Мосохѣ; Копіевичъ говоритъ о Москвѣ-рѣкѣ: „она паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца россійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха"...

Въ томъ же тонѣ говоритъ о русскомъ языкѣ другой ученый книжникъ Петровскаго времени, Ѳедоръ Поликарповъ, авторъ лексикона треязычнаго [2]). Въ предисловіи Поликарповъ говоритъ, что о страданіяхъ Спасителя повѣствовалось на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ; въ своемъ словарѣ вмѣсто еврейскаго онъ поставилъ: „нашъ славенскій, яко по истинѣ отца многихъ языковъ благоплоднѣйша; понеже отъ него аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому и инымъ множайшимъ всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюду нашъ языкъ славенскій имѣетъ почесть, яко начало воспріять отъ самыя славы... отъ славы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало воспріяша".

Мы видѣли, что уже въ московскія времена книжники ставили русскій народъ во главѣ славянскаго племени; теперь это дѣлается какъ бы обязательнымъ—безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ связей съ славянствомъ, какія возникали при Петрѣ. Но восхвалителямъ славяно-россійскаго рода видимо недоставало точныхъ свѣденій о томъ славянствѣ (кромѣ польскаго), во главѣ котораго они ставили Россію. Едва ли не больше всѣхъ тогдашнихъ книжниковъ потребность такихъ свѣденій чувствовалъ Петръ Великій: при первыхъ преобразованіяхъ онъ искалъ нужныхъ людей у западныхъ славянъ; они имѣли образованіе и, полагалось, могли легко усвоить близкій къ ихъ нарѣчіямъ русскій

[1]) Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ", т. I, стр. 18—19.

[2]) „Лексиконъ треязычный сирѣчь рѣченій славенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище, изъ различныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собраное и по славенскому алфавиту въ чинъ разположенное", и пр. Москва, 1704. Предисловіе подписано Ѳедоромъ Поликарповымъ.

языкъ; между этими славянами, особливо „бемчанами“ (чехами), Петръ ожидалъ найти и чиновниковъ для новыхъ канцелярій и коллегій, „шрейберовъ“, и людей, знающихъ „правости“, т.-е. юрьдическія науки, и комедіантовъ, и переводчиковъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, и т. д.; и только когда опытъ въ этомъ отношеніи не удался, Петръ отказался отъ этой мысли и сталъ призывать нѣмцевъ, заграничныхъ и остзейскихъ, хотѣлъ воспользоваться плѣнными шведами и пр. Но онъ все-таки желалъ выяснить, какое же было начало славянскаго племени, откуда идетъ родство русскихъ съ сербами, поляками, бемчанами и т. д., спрашивалъ Лейбница; наконецъ желалъ имѣть русскую и славянскую исторію: онъ постоянно возвращался къ этой заботѣ, поручая разнымъ лицамъ писать о старой исторіи и объ его времени, дѣлая распоряженія о собираніи историческихъ матеріаловъ и самъ заботясь о сохраненіи памяти своего царствованія. Упомянутому выше справщику московской типографіи, Поликарпову, поручено было въ 1708 г. написать исторію — впрочемъ только новѣйшую, отъ 1600 до 1672 г. [1]),—работа продолжалась нѣсколько лѣтъ, но сочиненіе Поликарпова не понравилось Петру. Затѣмъ историческія работы поручались Григорію Скорнякову-Писареву, человѣку ученому, только въ другомъ дѣлѣ; сочиненія о собственномъ времени поручались барону Гюйссену, Шафирову, Ѳеофану Прокоповичу. Трудъ Поликарпова, кажется, остался неизвѣстенъ; но другія современныя ему сочиненія, какъ „Ядро россійской исторіи“ Манкіева (1715), какъ поддѣланныя части Іоакимовской лѣтописи, принадлежащія началу XVIII-го вѣка, и под., свидѣтельствуютъ, что наши книжники находились еще вполнѣ подъ вліяніемъ старой, заимствованной у польскихъ хронистовъ, манеры и наполняли древность нелѣпымъ и скучнымъ баснословіемъ. Не были удачны и поиски за исторіею славянства. Уже въ концѣ царствованія Петра Великаго вышла „Книга Исторіографія“ Мавроурбина въ русскомъ переводѣ [2]).

[1]) Пекарскій полагаетъ, что Мосохи и Александры Македонскіе Петру надоѣли.

[2]) Полное заглавіе: „Книга исторіографія початія имене, славы, и разширенія народа Славянского, и ихъ Царей и владѣтелей подъ многими именами, и со многими Царствіями, Королевствами и Провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ Историческихъ чрезъ Господина Мавроурбіна Архімандрита Рагужского. Въ которои описуется початіе, и дѣла всѣхъ народовъ, бывшіхъ языка Славенскаго, и единого отечества, хотя нынѣ во многіхъ Царствіяхъ розсѣяліся чрезъ многіе воіны, которые имѣли въ Европѣ, во Азіи, и во Аѳрікѣ. Разширенія ихъ Имперіи, и древніхъ обычаевъ, въ разныхъ временахъ, и познаніе вѣры, Христа Спасителя, подъ многими

Это была первая книга на русскомъ языкѣ, посвященная славянской исторіи. Книга печаталась при синодѣ, которому до основанія академіи наукъ поручаемъ былъ переводъ и изданіе книгъ: къ сочиненію Мавроурбина присоединена въ концѣ особая статья, писанная видимо духовнымъ лицомъ [1]), гдѣ, не безъ язвительности противъ католическихъ писателей, исправляются ошибки автора относительно Кирилла и Меѳодія. Впрочемъ, Мавроурбинъ (бенедиктинскій аббатъ, родомъ изъ Дубровника, ум. 1614), можетъ быть, меньше другихъ могъ бы навлекать порицаніе въ этомъ отношеніи: съ другой стороны, его книга осуждена была католическими властями за нѣкоторые благопріятные отзывы о православныхъ. Имя переводчика на русскомъ изданіи не показано [2]); въ одной рукописной копіи замѣчено, что переводъ сдѣланъ „нѣкоторымъ доброжелателемъ"—его прямо не назвали, потому вѣроятно, что все еще боялись „печатнаго листа". Переводчикомъ былъ упомянутый Савва Рагузинскій. Петръ съ нетерпѣніемъ ждалъ книги Мавроурбина. Въ іюлѣ 1722 г. царь былъ въ Астрахани для персидскаго похода и писалъ въ синодъ: „Книгу, которую переводилъ Савва Рагузинскій о славенскомъ народѣ съ италіанскаго языка, другую, которую переводилъ князь Кантемиръ о магометанскомъ законѣ, ежели напечатаны, то пришлите сюда не мѣшкавъ, буде же неготовы, велите немедленно напечатать и прислать" [3]).

Книга очень скоро и вышла послѣ этого требованія, но сомнительно, чтобы она могла удовлетворить своего читателя. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненіе Мавроурбина есть нѣчто странное. Авторъ былъ горячій славянскій патріотъ, имѣлъ даже большую начи-

---

Владѣтельми" (На второй страницѣ:) „Переведена со італіанского на Россійскои языкъ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастліваго владѣнія Петра Великаго, Імператора и Самодержца Всероссійскаго, и протчая, и протчая, и протчая. въ Санктъпітербургскои Тупографіи, 1722 году, августа въ 20 день".

[1]) Пекарскій, по старымъ показаніямъ, приписываетъ ее Ѳеофану Прокоповичу („Наука и лит.", II, стр. 576); Чистовичъ—Ѳеофилакту Лопатинскому, не указывая, впрочемъ, своихъ основаній („Ѳеофанъ", Спб. 1868, стр. 591, прим.).

[2]) Поэтому Пекарскій какъ будто оставляетъ подъ сомнѣніемъ авторство перевода, ссылаясь только на старыхъ библіографовъ, митр. Евгенія и Сопикова, что переводъ сдѣланъ Саввою Рагузинскимъ; но это подтверждаетъ и болѣе ранній свидѣтель—Татищевъ, а затѣмъ стало извѣстно и прямое указаніе самого Петра.

[3]) Соловьевъ, „Исторія", т. XVIII, стр. 193. Книга о магометанскомъ законѣ была написана Дмитріемъ Кантемиромъ (отцомъ Антіоха) по-латыни и переведена на русскій языкъ Ильинскимъ: „Кніга Сустіма или состояніе мухамеданскія религіи. Напечатася повелѣніемъ его величества Петра Великаго Імператора и самодержца всероссійскаго. въ тупографіи царствующаго Санктъпітербурха. Лѣта 1722, декабря въ 22 день". Ср. Пекарскаго, II, стр. 581—585.

танность въ древнихъ и средневѣковыхъ историкахъ, но къ этому присоединялось отсутствіе критики, равнявшееся иногда отсутствію здраваго смысла. Эту черту писателя и свойства всей книги можно характеризовать небольшой цитатой. На первыхъ страницахъ „Исторіографіи“ Мавроурбинъ, указавъ, какіе писатели излагали исторію другихъ народовъ и тѣмъ ихъ прославили, продолжаетъ:

„Народъ же славянской, во древніхъ временахъ бывши оскуженъ (скуденъ) людми учеными, и изначала старался непрестанно воевати и чіниті дѣла достоіные вѣчнои славѣ оружіемъ, а не пекся німало о томъ, чтобъ кто описывалъ поступки ихъ, и не многіе Історіографы воспомянули о Славянѣхъ; но и то напомінованіе учініли болши по прічінѣ ратеи чіненыхъ отъ Славянского народа съ протчіми народы, нежели выхваляли сеи народъ какою свѣтлостію, себѣ непріятелеи, которои народъ озлоблялъ оружіемъ своімъ мало не всѣ народы во Вселеннѣи; разорілъ Персіду; владѣлъ Азіею и Аѳрікою, бился съ Егіптяны, и съ великімъ Александромъ; покорілъ себѣ Грецію, Македонію, Іллірическую землю; завладѣлъ Моравіею, Шленскою землею, Чешскою, Польскою, и береги моря Балтійского, прошелъ во Італію, гдѣ многое время воевалъ противъ Рімлянъ. Иногда побѣжденъ бывалъ, иногда біючіся въ сраженіи, великімъ смертопобітіемъ Рімляномъ отмщевалъ, иногда же біючіся въ сраженіи равенъ былъ. Наконецъ поворівъ подъ себя державство Рімское, завладѣлъ многіе ихъ провінціи, разорілъ Рімъ учіня данніками Цесареи Рімскіхъ, чего во всемъ свѣтѣ инои народъ не чінівалъ. Владѣлъ Францыею, Англіею, и уставілъ державство во Іспаніи. Овладѣлъ лутчіе провінціи во Европѣ: и отъ сего всегда славного народа въ прошедшихъ временахъ, проізошли сілнѣішіе народы, сірѣчь Славяне, Вандалы, Бургонтіоны, Гоѳы, Острогоѳы, Руси или Раси, Візігоѳы, Гепіды... Даки, Шведы, Норманны, Ѳенны или Фінны... которые всѣ были самои народъ Славянскои“...

Подобнымъ образомъ изложена глава „о славянахъ россійскихъ, или москвітянехъ“ (стр. 68—76), гдѣ объясняется, что русскіе названы „Россіане, сірѣчь разсѣяны, понеже Россія языкомъ рускімъ или славянскімъ знаменуетъ разсѣяніе, наречены тако прічіною не малою, понеже люди Славяне овладѣли всю Сармацію Европскую и часть Азіи, егда съ начала вышли изъ Скандіи“, а затѣмъ разсказывается между прочимъ, что „егда сіи Россіане жіли въ Сармаціи, всегда показывалісь люди естественновоенные, и всегда неукротімы; во время егда Помпеи

великіи воевалъ противу Міеридата царя Понтскаго, Россіане привeдени отъ Тасоваза или Тазія государя ихъ, развращеніе великое учіниліи противу реченнаго царя Понтскаго, въ споспѣшеніе своего союза съ Рімскімъ державствомъ... Во время Віспесіана цесаря, прeхавше Дунаи и порубівъ два полка салдатъ Рімскіхъ, вошли внутрь въ Мівію, и тамо убіли Агріппа бурмістра и президента; и отъ того времени обжіліся въ Мізіи Іллірическои, отъ нихже названа Рація (Расція). Были въ товаріщехъ во всѣхъ походахъ воінскіхъ съ Готѳами, которые разоріли Европу, и иные страны, стужали многажды державству Греческому"... И вслѣдъ затѣмъ говорится о побѣдѣ князя Димитрія надъ Мамаемъ, потомъ о крещеніи Руси и т. п. Свои источники относительно Россіи Мавроурбинъ указываетъ такъ: „Кто желаетъ знати всѣ дѣла преславныя народа Россіиского, наідетъ тыя собраны въ книгахъ Іеремія Рускаго (?), Сігізмунда Герберштеина и Францішка Бізія Бергамскаго и Краковыты"... Всего подробнѣе онъ говоритъ о исторіи далматинской, сербской, боснійской и болгарской, но съ великою путаницей. Нѣсколько позднѣе Татищевъ съ большимъ пренебреженіемъ говорилъ о книгѣ Мавроурбина и жалѣлъ о времени, потраченномъ на ея чтеніе.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ заботы, Петръ не могъ добиться какого-нибудь здраваго сочиненія по славянской исторіи; въ домашней литературѣ не находилось объ этомъ предметѣ ничего, кромѣ Хронографа, Космографіи и Синопсиса. Даже ученѣйшіе люди того времени впадали въ грубое баснословіе, какое господствуетъ относительно славянства съ конца XVI-го вѣка и до перевода Мавроурбина.

Не много дали для изученія славянства и тѣ путешествія, какія искони вѣковъ совершались русскими людьми въ Константинополь и въ Палестину. Путешественники замѣчали изрѣдка о встрѣчахъ съ славянскими жителями Турціи, сербами и болгарами, но никто изъ нихъ не имѣлъ и не далъ объ этомъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ свѣденій, какъ новые путешественники въ родѣ стольника Толстого не умѣли точнѣе разсказать о хорватахъ и черногорцахъ. Припомнимъ, напримѣръ, оригинальнаго странника Петровскихъ временъ, московскаго священника Лукьянова: не имѣя раньше никакого яснаго понятія о балканскомъ славянствѣ, онъ мало имъ интересовался, и могъ онъ отмѣчать только случайно встрѣчу съ какимъ-нибудь славяниномъ. Между прочимъ, любопытны въ его путешествіи указанія о русскихъ невольникахъ въ Константинополѣ. Прибывши въ Константинополь и не зная ни турецкаго, ни греческаго языка, нашъ путешест-

венникъ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи. На пристани на корабль явились турецкіе „горачники“, т.-е. таможенные, и стали, по словамъ Лукьянова, „просить горачю“ (т.-е. харачъ, подать), или требовать пошлины, и отобрали товаръ для осмотра въ таможню. „И бысть намъ печально велми и скорбно, пришли въ чужое царство, языка не знаемъ, а товаръ взяли турки; какъ ево выручить, Богъ знаетъ и съ кѣмъ, и тако бывши въ размышленіи... И абіе присла Богъ намъ къ кораблю, приплылъ в казоку невольникъ, а самъ на насъ глядитъ да по-русски и спросилъ: откиль ты, отче, сирѣчь откуда, и мы сказали, что съ Москвы. Куда-де васъ Богъ несетъ? И я сказалъ, что по обѣщанію въ Іерусалимъ, и онъ молвилъ: хвала Богу, хорошо-де, чтожъ-де вы тутъ сидите, вить-де вамъ надобно подворья. И я къ нему поближе подшелъ и сталъ ему говорить, какъ молъ тебя зовутъ, и онъ сказалъ: меня-де зовутъ Корнильемъ; такъ я ему молвилъ: Корнильюшка, будь ласковъ, мы люди заѣзжіе, языка не знаемъ, пристать не къ кому, не смѣемъ, сидимъ что плѣнники; турки у насъ товаръ взяли, а выручить не знаемъ; такъ, пожалуй, поработай съ нами. И онъ миленькой, христіанская душа, такъ сказалъ: я-де тебѣ, отче, и товаръ выручу и дворъ добуду, гдѣ стоять“. Этотъ Корнильюшка дѣйствительно выручилъ нашего паломника, добылъ его товаръ изъ турецкой таможни, водилъ его по Константинополю, завелъ къ патріарху и помогъ найти келью въ греческомъ монастырѣ. Лукьяновъ встрѣчался потомъ не разъ съ русскими невольниками. „Свѣдали про насъ русскіе невольники; стали къ намъ въ монастырь приходить и спрашивать, что водится на Москвѣ, а мы имъ все сказываемъ, что на Москвѣ ведется и въ русскихъ городѣхъ. Потомъ мы стали выходить на улицы и съ Царемъ-градомъ опознаваться; такъ на улицѣ мимо ходятъ невольники, невольницы; кланяются намъ: ради миленькіе!“ „На Бѣлое море и на Черное часто мы гуливали на каторгахъ [1]), гдѣ наши миленькіе невольники, а на которую каторгу ни придешь—какъ пойдешь по каторгѣ, такъ иной руку цѣлуетъ, иной полу; таковы миленькіе рады! Какъ есть во адѣ сидятъ; всякъ къ себѣ тянетъ; подчуютъ хлѣбомъ-солью, виномъ церковнымъ; осядутъ тебя вкругъ человѣкъ пятьдесятъ да спрашиваютъ: что вѣстей на Москвѣ? въ украинскихъ городѣхъ? Да говорятъ: для чего-де государь съ туркомъ замирился? Турокъ-де зѣло уторопѣлъ отъ Москвы. А сами миленькіе плачутъ: кажется, не видать-де тѣхъ дней, кабы-де сюда государь пришелъ!

[1]) Названіе судовъ или ладей, отъ котораго и пошла наша „каторга“.

Дай-де, Господи! А то государя-то въ Царь-градъ желаютъ всѣ, что Бога! Какъ пророки Христова ждали сошествія во адъ, такъ-то государя! А на иную каторгу придешь, такъ на Емельяна Украинцова [1]) пѣняютъ, съ туркомъ-де замирился, а насъ-де для чего не свободилъ, мы-де за него государя умирали и кровь свою проливали; теперево-де неволю терпимъ; да кричатъ лихоманы не опасаючи во весь голосъ! А турки почти всѣ русскій языкъ знаютъ (!), такъ мы опасаемся; а имъ даромъ, а иные забытыя головы! а турки вездѣ подслушиваютъ, а мы уже имъ говоримъ: потерпите, молъ, Господа ради! Какъ придетъ время—Богъ васъ свободитъ! А они, миленькіе, говорятъ: Ой-де, отче, терпѣли, да уже и терпѣнія не стало; хоча бы-де и камень—отъ такова насилія, инъ бы-де разсѣлся! Иной скажетъ: я-де на каторгѣ сорокъ лѣтъ, иной тридцать, иной двадцать. Только ужасъ отъ ихъ басенъ: того и глядишь, какъ тутъ же и тебя турки свяжутъ. Ты имъ говоришь: Господа ради, поискуснѣе говорите; намъ отъ васъ будетъ бѣдство; уже молъ опять къ вамъ не придемъ, а они турокъ бранятъ, да они ихъ не боятся. А на всякой лопатѣ [2]) человѣкъ по пяти, по шти прикованы: гдѣ сидитъ, тутъ и спитъ, тутъ и проходъ пущаетъ. Уже на свѣтѣ такой нужды нельзя больше быть! Терпятъ миленькіе, а вѣры христіанской въ поруганіе не предаютъ: дай имъ Богъ за сіе страданіе царство небесное! А когда пойдешь долой съ каторги, такъ всѣ провожаютъ да бьютъ челомъ, чтобъ опять пришли; ради миленькіе!“ [3]). Раза два случилось ему встрѣтиться съ монахами славянскими, которыхъ онъ могъ понимать, но онъ не посвятилъ имъ никакого вниманія. Гораздо больше говоритъ онъ о грекахъ, которые возбуждаютъ въ немъ такую же антипатію, какую мы отмѣчали выше у Крижанича, хотя здѣсь она была менѣе сознательная. Первое столкновеніе произошло ни болѣе, ни менѣе, какъ съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ. Нашъ паломникъ просилъ у патріарха кельи на время своего пребыванія въ Царьградѣ (бесѣда шла черезъ переводчика); патріархъ освѣдомился, принесъ ли ему стран-

[1]) Русскій посланникъ.

[2]) Т.-е. веслѣ.

[3]) Русскій Архивъ за 1863 годъ, изд. 2. М. 1866, стр. 173, 182, 194—195. Русское невольничество въ Турціи (и вообще въ чужихъ земляхъ) еще не вызвало особаго изслѣдованія, какого заслуживаетъ. Отдѣльные факты см. въ книгѣ г. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“. Спб. 1859; въ книгахъ Макушева: „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“, 1867; „Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для слав. исторіи“, 1870—71; въ статьѣ г. Лучицкаго: „Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в.“ Кіевъ, 1886, и др.

никъ какіе-нибудь дары. Лукьяновъ, понявши значеніе вопроса, страшно раздражился и отвѣчалъ филиппикой, которой переводчикъ не рѣшился передать. „И патріарховы рѣчи толмачь сказалъ мнѣ всѣ. И такъ стало мнѣ горько и стыдно! а самъ стоя думаю: не съ ума ли онъ сшелъ? на подарки-то напался? люди всѣ прохарчились, а дорога еще безконечная! И тако я долго отвѣту ему не далъ; что ему говорить—не знаю, а далѣ отъ горести лопонулъ, есть что не искусно, да быть такъ; никакъ молъ онъ пьянъ, вашъ патріархъ-то? вѣдаетъ ли онъ и самъ, что говоритъ? знать молъ ему ѣсть нечего, что ужъ съ меня страннаго и съ убогова человѣка да подарковъ просить. Гдѣ было ему насъ странныхъ призрѣть, а онъ и послѣднее съ насъ хочетъ содрать! у нашего молъ патріарха и придверники такъ искуснѣе того просятъ! а то едакому старому шетуну, какъ не соромъ просить-то подарковъ! знать молъ у него пропастей-то мало! умретъ молъ, такъ и то пропадетъ! И толмачь меня унимаетъ: полно-де, отче; тутъ-де греки иные русскій языкъ знаютъ. И я ему молвилъ: говори молъ мои ему рѣчи. И патріархъ зардился; видитъ, что толмачь меня унимаетъ“... Онъ сталъ выспрашивать у толмача о словахъ Лукьянова. „И толмачь ему сказалъ мои всѣ рѣчи со стыдомъ; такъ онъ милый и пуще зардился, да и молвилъ толмачу: да я-де у него какихъ подарковъ прошу? не привезъ ли-де онъ образковъ московскихъ, я-де у него того прошу. И я ему сказалъ: нѣтъ молъ у меня образковъ; есть молъ, да только про себя. Такъ онъ сказалъ толмачу: нѣтъ-де у меня ему кельи“ [1]).

Повоевавши съ константинопольскимъ патріархомъ, Лукьяновъ не далъ въ обиду русскаго имени и въ своихъ бесѣдахъ съ другими греками. Ему не разъ случалось съ ними бесѣдовать и, конечно, слышать жалобы на неволю и надежды, что русскіе придутъ ихъ освободить. Напримѣръ, однажды—„разспрашивали у меня греки про государя, для чего-де государь замирился съ туркомъ? чего-де ради онъ насъ изъ неволи и изъ насилія не освобождаетъ? а онъ-де вѣдь христіанскій царь; а онъ-де, заведши войну, да и замирился, да и съ инымъ-де сталъ биться. И я имъ сказалъ, что вѣдь вы приплетаетесь къ нашему царю, да еще и укоряете; вѣдь это не вашъ царь; вы у себя имѣли своего царя да и потеряли, а это московскій царь, а не греческій; у васъ свой царь есть, а вы ему и служите... русскій царь не крѣпость вамъ далъ, чтобъ отъ турка васъ освободить“ [2]).

---

[1]) Стр. 178—179.

[2]) Стр. 202.

Какъ мы замѣтили, Лукьяновъ не обратилъ особеннаго вниманія на славянскихъ братій, которыхъ долженъ былъ встрѣчать въ Константинополѣ; но и тѣ наблюденія, какія онъ дѣлаетъ, могли бы быть небезполезны, еслибы не оставались въ рукописи и были нѣсколько болѣе развиты; напримѣръ, роль грековъ относительно балканскаго славянства была до новѣйшаго времени очень мало извѣстна. Этнографическія показанія Лукьянова о населеніи Царьграда ограничиваются весьма немногимъ. „Турецкіе люди, мужескъ полъ, зѣло крупны и пригожи, — говоритъ онъ, — а жонки не таковы; турки для того пригожи, что отъ русскихъ невольницъ ражаются; у султановъ многихъ матери русскія бываютъ; да у турецкихъ султановъ и всѣ жены русскія, а туркень нѣтъ". Очевидно, Лукьяновъ слышалъ весьма преувеличенные разсказы. Дальше: „Въ Царѣ-градѣ турокъ прямыхъ развѣ четвертая часть, а то все потунарки [1]), русскіе да греки. Турокъ [2]) много у грекъ, у сербовъ, у болгаръ у бѣдныхъ: кому нечего дани дать—такъ онъ дѣтей отнимаетъ да турчитъ да въ служивые ставитъ. Да тѣ-то у него и служивые, а отъ турокъ нѣтъ служивыхъ; да изъ грекъ вольницу накликаетъ, когда у него война бываетъ. Къ намъ многіе потунарки прихаживали; говорятъ (а сами плачутъ): когда бы-де государя сюда Богъ принесъ, всѣ бы-де мы чалма-то доловъ поскидали, а турокъ-то собакъ своими руками ихъ всѣхъ подавили; чудо—для чего-де полно замирился; а уже-де было время-то пришло, что уже турки зѣло ужаснулись отъ государя"... У Лукьянова бродила и мысль о завоеваніи Константинополя православными: „когда Богъ Царьградъ предастъ христіанамъ, тѣ мечеты посвятитъ на церкви—то уже дива такова въ подсолнечной не обрящешь. Радость бы неизреченная была! забудешься отъ радости!" [3])

Любопытныя подробности разсѣяны въ путешествіи знаменитаго паломника Василія Барскаго, странствовавшаго во второй четверти прошлаго столѣтія; его книга, изданная уже много спустя по его смерти [4]), пріобрѣла великую популярность; еще прежде изданія она ходила въ рукописяхъ, несмотря на свой громадный

[1]) Потурнаки или потура́ки—потурченые христіане.

[2]) Т.-е. потурченыхъ.

[3]) Стр. 197 - 198.

[4]) Въ 1778, и потомъ нѣсколько разъ печатанная до новѣйшаго изданія (счетомъ седьмого, полнаго, не считая издававшихся отрывковъ): „Странствованія Василія Григоровича-Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 г. Изданы правосл. Палестинскимъ Обществомъ по подлинной рукописи подъ ред. Николая Барсукова". Четыре части. Спб. 1885—89 (послѣдніе выпуски еще не даны). Со множествомъ рисунковъ и чертежей самого Барскаго.

объемъ. Эту популярность доставили ей и главный ея предметъ —описаніе святыхъ мѣстъ, отъ Италіи до Палестины,—и оригинальныя приключенія автора, который отправился въ путь юношей, безъ всякихъ средствъ, странствуя Христовымъ именемъ, и черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ вернулся на родину, чтобы умереть. На пути онъ велъ свои записки, составляющія въ послѣднемъ изданіи четыре большихъ тома.—Какъ многія литературныя явленія первой половины XVIII вѣка, записки Барскаго стоятъ на перепутьѣ между двумя вѣками и двумя разными литературами. Онъ учился въ кіевской академіи, но курса не кончилъ за болѣзнью; къ наукамъ онъ былъ однако „любопытенъ“ и послѣ продолжалъ учиться, гдѣ случалось на пути—во Львовѣ, Венеціи, греческихъ монастыряхъ; разсказъ его остается вообще простодушнымъ разсказомъ стариннаго паломника и пишется по старому обычаю на полу-славянскомъ языкѣ. Къ путешествію влекло Барскаго желаніе посѣтить святыя мѣста и вообще видѣть чужія страны. Съ первыхъ шаговъ своего многотруднаго путешествія, пѣшкомъ и живя подаяніями, онъ встрѣчается со всякими славянами—прежде всего въ Галиціи съ населеніемъ русскимъ; потомъ въ Венгріи, въ Будимѣ, онъ встрѣчаетъ православныхъ сербовъ (I, стр. 25—27); въ Римѣ находитъ поляковъ, и тамъ же „горватовъ“ (хорватовъ) и далматовъ (стр. 128); при церкви Сергія и Вакха въ Римѣ нашлись иноки отъ грековъ и особливо отъ руссовъ, но это были уніаты, отстоявшіе отъ православной церкви „якоже отстоятъ востоци отъ западъ и небо отъ земля“ (стр. 135). Изъ Венеціи Барскаго тянетъ въ Далмацію, въ Зару или Задръ: „найпаче же сіе мое бистъ [1]) великое желаніе, не виденія ради—понеже много видѣхъ красна и чудесна [2]),—но посѣщенія ради мощей угодника божія святаго Симеона Богопріимца и иннихъ святыхъ, еще же того ради, яко тамо всюду, наченше отъ далматовъ, гарвати, серби и болгаре славенскимъ разглаголствуютъ нарѣчіемъ, аще и италіянскій добрѣ знаютъ, идѣже добрѣ би мнѣ било шествовати, знающому добрѣ славенскій языкъ, понеже итальянски не знахъ, или мало что, и многую претерпѣхъ нужду, не могуще ни милостини, ни нощеванія, ни пути, ни разстоянія града отъ града, или веси отъ веси, ни числа верствъ искуснѣ вопросити и испросити“ (стр. 151). Въ Венеціи помогъ его морскому путешествію сербскій капитанъ Вукола; въ Далмаціи онъ мимоходомъ упоминаетъ о славянахъ, которые дали

[1]) Т.-е. бысть. Барскій въ своемъ церковномъ языкѣ постоянно сбивается на малорусское произношеніе.

[2]) Онъ былъ уже въ Вѣнѣ, Римѣ, Флоренціи, Венеціи.

ему милостыню. Дальше путь его лежалъ на Аѳонъ, гдѣ онъ находитъ болгарскіе и сербскіе монастыри—Зографъ, Хиландарь, Григоріу и др. (стр. 227, 242, 247). Въ Солуни онъ нашелъ цѣлое смѣшеніе племенъ и языковъ (стр. 262). Между прочимъ онъ встрѣтилъ на Аѳонѣ и соотечественниковъ, въ „русскомъ“ монастырѣ св. Пантелеймона: иноки — русскихъ было впрочемъ только два — приняли странника съ любовію, и для нихъ онъ остался въ монастырѣ три дня. Барскому понравилось прекрасное мѣстоположеніе монастыря на самомъ верху горы, на ровномъ мѣстѣ, среди большого лѣса,—но русскихъ монастырь привлекаетъ мало. „Отъ Руси мало приходятъ, или аще и приходятъ поклоненія ради, то паки бѣжатъ воскорѣ, яко дивіе серны отъ тенета... Наша Русь не токмо тамо, ни въ коемь иномь Святія Гори монастирѣ не можетъ долго пребивати, развѣ кто подражаетъ Іовлеву терпѣнію. Въ нашой бо странѣ иноки въ монастирехъ аки святіе въ раю пребиваютъ, въ всякомъ довольствѣ и безмолвіи, ни трудящеся ни о чемь, токмо своемъ спасеніи, понеже тамо имутъ села и подданніе [1]), иже вся потребная монастиревѣ содѣловаютъ. Въ Горѣ же Аѳонской ничтоже отъ сихъ имущія, въ рукахъ турецкихъ суще, иноки труждаются денно и нощно, работающе съ изліяніемъ пота... и того ради россійщики бѣжатъ оттуду воскорѣ, яко не навыкоша труда земледѣлнаго“ (стр. 246—247). Въ другомъ мѣстѣ Барскій, хотя вообще дружившій съ греками, намекаетъ, что дѣйствуетъ и греческая „природная хитрость“, чтобы выживать изъ аѳонскихъ монастырей иноковъ другихъ народностей.

Въ концѣ своихъ странствій и въ послѣдніе годы своей жизни Барскій опять жилъ на Аѳонѣ, и въ другой разъ, уже очень подробно, описываетъ монастыри Аѳонской горы. Снова проходятъ передъ читателемъ между прочимъ монастыри и скиты болгарскіе и сербскіе, гдѣ отчасти еще жили иноки этихъ народностей, отчасти были вытѣснены греками при помощи упомянутой „природной хитрости“ [2]). Относительно монастыря св. Пантелеймона Барскій разсказываетъ по преданію, которое сообщали ему сербы и болгары, и отвергали греки,—что лѣтъ около ста передъ тѣмъ греческіе монахи истребили русскихъ и сами отъ страха покинули монастырь, который долгое время былъ въ запустѣніи.

Словомъ, путешествіе Барскаго касалось славянскихъ едино-

[1]) Въ тѣ времена русскіе монастыри еще владѣли помѣстьями и крестьянами.

[2]) См. т. III, стр. 46, 49, 169, 175, 189, 194, 203 (Ватопедъ), 228, 240 (Хиландарь, сербскій), 253, 259 (Зографъ, болгарскій), 296 и дал. (св. Пантелеймона, русскій), 354 и др.

племенниковъ только отрывочно: онъ встрѣчалъ ихъ на своихъ богомольяхъ, и только случайно онъ даетъ понятіе, напр., объ ихъ отношеніяхъ съ греками на Аѳонѣ.

Первые опыты научно-историческаго отношенія къ славянской древности появляются у нашихъ писателей (не говоря объ ученыхъ нѣмцахъ) лишь съ той поры, когда начинаетъ оказывать свое дѣйствіе новое образованіе, возможность котораго дана была Петровской реформой. Настоящей науки еще не было; академическій университетъ сталъ дѣйствовать позднѣе, но съ одной стороны поѣздки русскихъ за границу вводили людей любознательныхъ въ новый кругъ литературныхъ понятій, съ другой—стала распространяться между русскими читателями иностранная литература съ образчиками настоящей исторической критики. Подъ такими вліяніями работали писатели XVIII вѣка, какъ Татищевъ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, князь Щербатовъ, Болтинъ. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали тотъ общій складъ, какой получали эти первыя пробы русской науки въ примѣненіи къ изученію русской старины и народности [1]). Не повторяя сказаннаго, довольно замѣтить, что люди, познакомившіеся болѣе или менѣе съ важнѣйшими историческими трудами своего времени, не могли и въ примѣненіи къ русской и славянской исторіи удовлетворяться скудными данными старыхъ книжниковъ и тѣмъ наивнымъ баснословіемъ, какое въ прежнее время считалось достаточнымъ для объясненія славянской древности. Сами новые писатели не всегда умѣли примѣнять историческую критику, но изъ иностранныхъ образцовъ они уже твердо знали объ ея существованіи [2]). Они знали, напримѣръ, что у историческихъ писателей есть показанія достовѣрныя и недостовѣрныя, что надо искать, насколько тотъ или другой писатель могъ знать событія, что надо раскрывать личныя побужденія и пристрастія и т. д. Такимъ образомъ относительно древности славянской они стараются собирать свѣденія въ тѣхъ старыхъ источникахъ, которые впервые говорятъ

---

[1]) „Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ“, „Вѣстн. Европы“ 1884.

[2]) См. предисловіе Татищева къ его „Исторіи“. Князь Щербатовъ на первыхъ страницахъ своей книги, упомянувъ о трудности излагать древнѣйшія времена русской исторіи, говоритъ: „Однако я потщусь, сколько мнѣ возможно, обрѣтающіяся въ лѣтописцахъ (которые могъ достать) дѣйствія и приключенія въ лучшій порядокъ привести, и съ помощію *безпристрастной критики* ложное съ истинною различить; также употребляя засвидѣтельствованія иностранныхъ писателей въ нѣкоторыхъ случаяхъ тайныя причины дѣлъ проникнуть“.

о славянахъ, ихъ разселеніи и т. д. Правда, они не въ силахъ еще были одолѣть тѣхъ трудностей, какими окружено (и до сихъ поръ) объясненіе древнѣйшей судьбы племени, и слишкомъ легко поддавались искушенію видѣть славянъ въ народахъ, населявшихъ когда-либо тѣ страны, которыя позднѣе заняты были славянами: такъ они всего чаще отождествляли съ племенемъ славянскимъ и даже русскимъ—скиѳовъ, сарматовъ, роксоланъ, гунновъ, затѣмъ хазаръ, болгаръ, даже половцевъ и т. д. Но сравнительно съ XVII вѣкомъ былъ все-таки великій успѣхъ: русскіе историки въ первый разъ обратились къ древнимъ писателямъ, какъ Геродотъ, Страбонъ, Птолемей, писателямъ средневѣковымъ, какъ Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ и пр., и въ первый разъ воспользовались трудами иностранныхъ ученыхъ, которые касались славянской древности и исторіи Востока. Съ этимъ былъ намѣченъ путь, на которомъ могла открыться подлинная и достовѣрная исторія, но только намѣченъ: нужно было еще пріобрѣсти большее умѣнье владѣть орудіями исторической критики; а кромѣ того тогдашнимъ изслѣдователямъ оставалась неизвѣстна цѣлая масса источниковъ, особливо славянскихъ.

Не мудрено поэтому, что въ эту новую пору нашей исторіографіи мы еще не разъ встрѣчаемся не только съ критическими ошибками, незнаніемъ многихъ источниковъ, но и съ прямыми остатками прежняго книжническаго произвола. Древнее славянство все еще оставалось слишкомъ смутнымъ, и объ немъ считалось возможнымъ дѣлать самыя смѣлыя предположенія.

По новости дѣла, едва ли не самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ русской исторіографіи прошлаго вѣка была „Россійская исторія“ Татищева [1]).

Это былъ истинный питомецъ Петровской эпохи. Въ трудахъ его, по замѣчанію г. Забѣлина, мы знакомимся, въ лучшемъ образцѣ, и съ общимъ направленіемъ Петровскаго времени, и съ суммою познаній, вошедшихъ въ оборотъ общественной мысли,

[1]) Онъ умеръ въ 1750 году. Объ его историческихъ сочиненіяхъ см. въ упомянутыхъ статьяхъ „В. Е.“ 1884, іюнь, стр. 573—581. Укажемъ еще новѣйшія изданія его трудовъ и оцѣнки его дѣятельности: „Духовная Василія Никитича Татищева“ въ „Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при имп. каз. университетѣ“, т. III. Казань 1884, стр. 1—37; „В. Н. Татищева Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“ съ предисловіемъ и указателями, Нила Попова, въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. исторіи и древн. 1887, кн. I, и отдѣльно; его же: „Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750)“, въ „Журн. мин. просв.“ 1886, іюнь, и отдѣльно; рѣчь г. Забѣлина по поводу 200-лѣтняго юбилея рожденія Татищева: „Первое водвореніе въ Москвѣ греколатинской и общей европейской науки“, въ „Чтеніяхъ“ 1886, кн. IV, стр. 1—24.

съ самымъ качествомъ этихъ познаній и со всѣми запросами и задачами развивавшейся умственной и практической жизни; съ помощью господствовавшей тогда практики самоученія онъ сдѣлался ученымъ историкомъ, какъ другіе дѣлались администраторами, дипломатами, полководцами, статистиками и пр. Никто изъ этихъ дѣятелей, какъ и самъ Петръ,—прибавляетъ тотъ же авторъ,—не владѣлъ учеными формами при исполненіи своихъ дѣлъ и трудовъ писательскихъ, но каждый вполнѣ владѣлъ самостоятельною мыслью. Въ ученомъ своемъ дѣлѣ, тогда новомъ, Татищевъ не былъ уже одинокъ: былъ цѣлый кружокъ людей, его сверстниковъ, дѣлившихъ его интересы, кружокъ Ѳеофана, кн. Сергѣя Долгорукаго, Кантемира, кн. Черкасскаго и особливо Брюса, которому Татищевъ приписываетъ самую „причину начатій“ своего труда: это былъ, по словамъ его, „человѣкъ высокаго ума, остраго разсужденія и твердой памяти, къ пользѣ Россійской во всѣхъ обстоятельствахъ ревнительный рачитель“ [1]), много работавшій для наукъ, между прочимъ для русской географіи, и оказавшій содѣйствіе трудамъ Татищева по русской исторіи. Съ другой стороны, въ концѣ жизни, Татищевъ съ великимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ труды людей послѣдующаго поколѣнія, когда разсматривалъ явившуюся тогда „Сибирскую исторію“ Миллера. Если, какъ мы видѣли, въ жизни практической славянство въ Петровское время переставало быть книжною отвлеченностью и русскіе узнавали живыхъ славянъ въ политическихъ сношеніяхъ, то они начали выступать изъ окружавшаго ихъ мрака и въ книжномъ знаніи—по крайней мѣрѣ относительно ихъ древности. Татищевъ по времени былъ первый изъ писателей нашей новой литературы, которому пришлось разбираться въ вопросахъ этой древности и славяно-русскаго родства, и, вооруженный своею начитанностью и здравымъ смысломъ, онъ не только успѣлъ избѣжать привычныхъ баснословій стараго польско-московскаго книжничества, но указать дѣйствительные источники славянской исторіи и поставить нѣсколько рѣшеній, чрезвычайно любопытныхъ для первой половины XVIII-го вѣка. Татищевъ отвергаетъ не только Мосоха и грамоты Александра Македонскаго, но и славянство скиѳовъ и сарматовъ, которыхъ считаетъ турками и чудью, но въ древней Скиѳіи и Сарматіи жили и славянскія племена подъ разными названіями (венеты, венды, даки, ѳракійцы, иллиры и пр.). Скиѳовъ и сарматовъ онъ касается только по связи ихъ съ славянской исторіей, и въ первой, вводной части своей книги

[1]) Въ предисловіи къ „Исторіи“.

приводитъ подробное изложеніе сказаній Геродота, Страбона, Плинія Старшаго, Птолемея, Константина Багрянороднаго и т. д., сопровождая ихъ своими примѣчаніями. Только у Прокопія въ VI вѣкѣ по Р. Хр. названы славяне, и затѣмъ они являются подъ ихъ новѣйшими именами—болгары, сербы, босна, Расція, Моравія, померане, кашубы, поляки, разныя русскія племена. У Татищева въ первый разъ съ приблизительною точностью указаны эти древнія отношенія славянскаго племени, отъ которыхъ ведется современное ихъ родство; онъ умѣлъ замѣтить при этомъ, что уже въ то древнее время славянскія племена представляли отличія, какія раздѣляютъ ихъ въ настоящее время. Въ „Разговорѣ о пользѣ наукъ" онъ объясняетъ, отъ чего происходитъ такое раздѣленіе языковъ изъ одного корня, и приводитъ примѣры нынѣшняго различія нарѣчій у „насъ, славянъ". Перечисляя нынѣшнія славянскія племена: „сербы..., болгары. Иллирія, гдѣ нынѣ долматы, славоны, кроаты и пр., яко же моравы и чехи или богемы, вандалы (т.-е. вѣроятно венды или лужицкіе сербы), поляки и Руссія",—онъ замѣчаетъ: „всѣ сіи, какъ видимо, отъ начала одного рода были, но потомъ въ теченіи такъ далеко другъ отъ друга раздѣлились, что одинъ другаго, *безъ довольнаго ученія или долговременной привычки*, разумѣть не можетъ; многія же, совсѣмъ свой языкъ погубя, чужимъ говорятъ, а многія отъ иныхъ родовъ, разными случаи къ намъ присвояся, не токмо нашимъ языкомъ говорятъ, но и отродіе свое чрезъ долголѣтство забывъ, отродіемъ славянскимъ именуются" (обрусѣвшіе инородцы). Изъ славянскихъ языковъ Татищевъ вполнѣ владѣлъ польскимъ, и видимо имѣлъ также понятіе о старомъ болгарскомъ, сербскомъ и чешскомъ. Между прочимъ, причинами измѣненія языка бываютъ обладаніе другими народами или собственное подчиненіе. „Вандалы и боемы или чехи отъ нѣмецъ, хотя прежде союзомъ оныхъ добровольно государей призвали, но потомъ языкъ и имя свое почитай совсѣмъ угасили [1]). Мы подъ власть татарскую предъ 500 лѣты несчастіемъ впали, и отъ нихъ тако жъ многое приняли, напримѣръ, вмѣсто: стража, стрелница, неимущей, сѣдло. одежда, шапка, говоримъ: караулъ, башня, бобыль, арчакъ, кафтанъ, колпакъ и пр.; но благодаря Бога, что нынѣ болѣе того смотрятъ, какъ бы оную мерзость извергнуть". Послѣднее замѣчаніе показываетъ, какъ ревностно заботился Татищевъ о чистотѣ русскаго языка [2]).

[1]) Таково было представленіе о чешской народности въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда, задолго до возрожденія чешской литературы, народность дѣйствительно казалась вымирающею.

[2]) „Разговоръ", стр. 86—97.

Въ „Исторіи“ онъ также говоритъ о современномъ положеніи славянскихъ народовъ, къ которому они приведены были историческими судьбами. Величайшимъ славянскимъ государствомъ остается Россія. Но „колико славенскій языкъ къ сѣверу и востоку умножился и распространился, толико въ другихъ областяхъ къ югу и западу умалился. На югъ великія и славныя государства болгарское, сербское и другія подъ власть турецкую пришедъ весьма умалились и умаляются, но не столько отъ Магомета, сколько отъ папы утѣсняемы. Въ Венгріи сарматы (т.-е. чудь) языкъ славенскій почти совсѣмъ уже угасили. На западѣ частію отъ слабости славенскихъ государей и отъ несогласія ихъ, отъ оплошности, междоусобной ненависти и сребролюбія, болѣе же наслѣдствами, нежели силою германскихъ государей, королевство вандальское и боемское совсѣмъ подъ власть германскую пришедъ, языкъ а при томъ и имя славянъ, купно со славою древнею погубили, и въ германе превратились, такъ что едва слѣды оной древности языка остаются. Я сіе о прочихъ славянахъ воспоминалъ, и ихъ области съ удобною краткостію, яко весьма нуждное къ древней славенорусской исторіи представилъ“. Въ объясненіе того, что южные славяне угнетаются не столько Магометомъ, сколько папой, онъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что бесѣдовалъ съ знатными людьми изъ Далмаціи объ угнетеніи южныхъ славянъ, и они ему говорили, что изгнаніе турокъ было бы возможно, еслибы римскій императоръ не исполнялъ „папежскихъ“ повелѣній и не притѣснялъ православныхъ и протестантовъ, принуждая ихъ къ принятію католицизма: противъ славянъ придумываются утѣсненія, какихъ не дѣлаютъ и турки; „для того многіе отъ крайней горести лучше хотятъ подъ властію турокъ быть, нежели для власти онаго антихриста вѣру и законъ премѣнить; а есть ли бы не та трудность, то бъ конечно всѣ славяне и венгры вооружась, туркамъ воспрепятствовали бы“. Упоминая о томъ, что Кириллъ и Меѳодій перевели священныя книги на славянскій языкъ, Татищевъ замѣчаетъ, что „эти книги печатаемы въ Россіи каждогодно въ Болгарію, Далматію, Славонію вывозятъ“.

Относительно названія старой Россіи Московіей, Татищевъ думаетъ, что это произошло отъ недоброжелательства или отъ „злости и зависти“ поляковъ, которые, овладѣвши западною частію русскаго племени, не хотѣли дать русскимъ князьямъ ихъ древняго надлежащаго титула и равняли ихъ съ удѣльными князьями и называли ихъ по Москвѣ, „чего мы никогда не принимали“. Но затѣмъ „какъ они сего силою удержать не могли, то они упо-

требили лестное коварство ко прельщенію, стали въ исторіяхъ выводить, яко бы сіе имя отъ Мосоха, сына Аѳетова, произшедшее есть старѣе, нежели отъ Росса Езекіела". Понятно, что басни о Мосохѣ и т. п. были Татищеву и по этой причинѣ противны. Съ другой стороны, отвергая подобное баснословіе вновь придуманное, онъ понимаетъ важность настоящихъ народныхъ преданій: примѣръ Гомера служитъ ему доказательствомъ ихъ важности, и онъ между прочимъ ссылается на былины, защищая достовѣрность Іоакимовской лѣтописи. Онъ говоритъ здѣсь между прочимъ: „Пѣсни древнихъ, хотя онѣ не такимъ порядкомъ складываны, чтобъ за исторію принять было можно, однакожъ много можно въ недостаткѣ исторіи изъ оныхъ нѣчто къ изъясненію и въ дополнку употребить, какъ видимъ Омера, пѣснями нѣчто въ память оставившаго. Стрыковскій въ недостаткѣ исторіи Литовской сказывалъ, что изъ пѣсенъ бралъ. Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимирѣ слыхалъ, въ которыхъ женъ его именами, такожъ о славныхъ людяхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексіѣ Поповичѣ, Соловьѣ разбойникѣ, Дюкѣ [1]) Стефановичѣ и и проч. упоминаютъ, и дѣла ихъ прославляютъ, а въ исторіи весьма мало или ничего; въ примѣръ сему о Путятѣ... я изъ пѣсни изъяснилъ, но я жалѣю, что нынѣ такихъ пѣсенъ списать не досталъ" [2]).

Мы замѣтили, что Татищеву, какъ и другимъ его современникамъ и позднѣйшимъ ученымъ до начала XIX вѣка, недоставало знанія многихъ источниковъ для изученія славянства, какіе были открыты впослѣдствіи [3]). Съ другой стороны, хотя онъ обращаетъ вниманіе на бытовую сторону исторіи, ему опять недоставало пониманія стараго быта, и напримѣръ, излагая древ-

[1]) Въ текстѣ его конечно опечатка: „Долкѣ".

[2]) „Исторія Россійская", книга I, часть I, М. 1768, стр. 44—45. На стр. 50-й онъ добавляетъ по поводу тысяцкаго Путяты при Владимирѣ: „О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упомянулъ, но есть Путятъ (sic), токмо иной, въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владимира тако поютъ: *противъ двора Путятина, противъ терема Зыбатина, стараго Путяти темной лѣсъ*; изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ. Тысецкой же чинъ былъ надъ всѣми войски яко фелдмаршалъ"...

[3]) Но Татищевъ хорошо знаетъ лѣтописи. Превознося Нестора—въ первый разъ имъ указаннаго во всей широтѣ его значенія—онъ говоритъ: „Прочіе славянскіе народы, яко Ляхи, Чехи, Венедицы, Иллиріяне, Хорваты и Босняки, ничего такого не имѣютъ, что бы съ нашимъ россійскимъ лѣтописцемъ сравниться могло... А хотя и были нѣкоторые писатели или современные Нестору, или меньше нежели вѣкомъ его моложе, однако всѣ они писали на латинскомъ языкѣ, и ихъ сочиненія, будучи наполнены бабьими сказками, не имѣютъ въ себѣ той ясности и точности, какая требуется".

нюю миѳологію, онъ мало отличается отъ Иннокентія Гизеля и вдается въ этимологическія объясненія, произвольныя и фальшивыя.

Вопросъ о славянской старинѣ мало разъяснился у болѣе поздняго писателя, князя Щербатова [1]). Онъ приложилъ къ дѣлу большія старанія, но мудреный вопросъ о славянской древности, объ отношеніяхъ русскихъ со славянами рѣшаетъ только безпорядочнымъ накопленіемъ свѣденій, въ которыхъ не можетъ разобраться, хотя изъ тогдашней литературы, какъ раньше его Татищевъ, онъ усвоилъ нѣкоторое скептическое недовѣріе къ лѣтописному баснословію и наклонность къ раціоналистическимъ толкованіямъ. Правда, что скиѳо-сарматскія и гуннскія времена и до сихъ поръ составляютъ для науки камень преткновенія. Цѣль Щербатова—Россійская Исторія; онъ начинаетъ ее очень издалека и, не высказываясь положительно, чтобы древніе обитатели позднѣйшей русской земли, скиѳы, сарматы, роксоланы и т. д. были именно прямые предки русскихъ, однако входитъ о нихъ въ такія подробности, что повидимому у него была эта мысль. Исторія ихъ состоитъ у него въ механическомъ собираніи свѣденій, которыя онъ извлекаетъ безъ разбора изъ всякихъ источниковъ. Для него одинаковы и писатели классической древности (въ переводѣ; напр. Иродотъ, Киропедія, Квинтъ Курцій, Діогенъ Лаерцъ, Луціанъ и пр.), и Несторъ, и „Исторія универсальная, собранная учеными людьми“, Мартиньера „Лексиконъ Географическій“, аббатъ Верто, Дегвинъесъ (De-Guignes, „Исторія Гунновъ“), потомъ Стрыйковскій „Ядро россійской Исторіи“ и т. д. Онъ понимаетъ, напримѣръ (стр. 30—31), что скиѳская исторія „имѣетъ многія несовершенства“, но это не мѣшаетъ ему переходить отъ древнихъ писателей прямо къ кіевскому „Синопсису“, изъ котораго онъ заимствуетъ свѣденія о грамотѣ, данной славянамъ Александромъ Македонскимъ, хотя замѣчаетъ, что: „понеже сего ничего въ двухъ лутчихъ писателяхъ жизни Александровой, то-есть Арріане и Квинтѣ Курціи не обрѣтается, то вѣроятіе о семъ приключеніи оставляемъ на разсужденіе нашихъ читателей“. Въ другомъ мѣстѣ онъ полагаетъ (стр. 37), что „Аляне—народъ, которымъ именемъ прежде Малороссійцовъ именовали“ и пр. Въ русской древности онъ блуждалъ какъ въ дремучемъ лѣсу. Варяги, по его мнѣнію, были народъ, „сочиняющій сильный языкъ въ древней Россіи и давшій

[1]) „Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ“. Т. I. Спб. 1770.

ей перваго великаго князя"; изъ свидѣтельства „Степенной книги" ему „ясно является", что это были нѣмцы и вѣроятно жили въ Пруссіи, „ибо единый нашъ писатель прусакомъ Рюрика называетъ". Въ главѣ „о пришествіи Кія и о началѣ Кіева" (по Стрыйковскому онъ считаетъ это въ 430 году по Р. Х.), онъ считаетъ Кія пришельцемъ и, опираясь на познанія нѣкоего Василія Ѳедоровича Братищева, бывшаго долгое время въ Персіи и „разумѣющаго какъ сей, такъ и арапской языки", онъ объясняетъ имя Кія и Хорева изъ персидскаго языка, а Щека изъ арабскаго (стр. 118—120).

Татищевъ и Щербатовъ не были настоящими учеными людьми; но то же странное пониманіе русско-славянской древности мы встрѣчаемъ и у ученыхъ по профессіи,—правда, настоящей профессіей ихъ не была исторіографія. Мы говоримъ о Тредьяковскомъ и Ломоносовѣ. Первый коснулся славянской старины въ своихъ „Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ" (о первенствѣ славянскаго языка передъ тевтонскимъ; о происхожденіи россовъ; о варяго-руссахъ и ихъ славянскомъ родѣ и языкѣ). Тредьяковскій нисколько не ушелъ отъ баснословій XVII-го вѣка, только передѣлываетъ ихъ на свой ладъ, примѣшивая мнимую филологію. Славянскій языкъ есть первенствующій между всѣми языками, происшедшими отъ Іафетова племени, и въ древнія времена былъ извѣстенъ подъ названіемъ скиѳскаго. Скиѳы были славяне, также и кельты (или цельты), и это доказывается очень просто ихъ именами. „Знаю,— говоритъ Тредьяковскій,—что произведеніе именъ (т.-е. этимологія) есть такой доводъ, который опасно (т.-е. осмотрительно) и благоразумно приводить должно; ибо оно *сходственнымъ звономъ*, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемымъ, способно и прельстить, и обольстить можетъ. Но ежели такое произведеніе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ, то едваль сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ быть другое вѣроятнѣе". Однако его „благоразумное" словопроизводство ограничилось только сходственнымъ звономъ и какъ будто подбиралось на смѣхъ. „Чтожъ знаменуетъ Скитъ? Скитъ есть „Скитъ"; и слѣд. Скиѳы суть „Скиты" отъ скитанія, т.-е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто; а слова „скитаніе" и „скитаться" суть точныя словенскія". Такимъ же образомъ цельтъ есть желтъ, цельты—народъ свѣтлорусый; разныя названія скиѳскихъ племенъ—чисто славянскія, напр., мессагеты—мѣсточеты, т.-е. общества, преходящія по мѣстамъ; исседоны—ищедомы; сарматы были тоже скиѳы; даже названія цельтическихъ народовъ были славянскія, напр. Гиспанія есть Выспанія—отъ

„высна“, островъ (какъ будто Испанія есть островъ), Гельвеція —Головѣтія, „отъ малаго земли сея плодоносія“; Британія есть Братанія, отъ родства британскихъ цельтовъ къ галльскими, или Пристанія, „такъ названная первыми, приставшими къ ней, пріѣхавшими съ моря поселенцами“. Названіе Германіи также ясно: его толкуютъ какъ землю, населенную военными людьми, „но намъ мнится, что ей должно происходить отъ словенскаго языка; она есть или отъ холмовъ „Холманія“, или „Ярманія“ отъ ярма, означающаго трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, или „Корманія“ по обилію корма и пастьы“ [1]) и т. под. Происхожденіе „россовъ“ также ясно: они идутъ отъ Росса-Мосоха, седьмого сына Іафетова, упоминаемаго пророкомъ Іезекіилемъ, и пр.

Немудрено, что въ такомъ же родѣ разсуждалъ менѣе ученый Сумароковъ въ статьѣ „о происхожденіи россійскаго народа“ [2]); по его мнѣнію, русскіе и „почти всѣ знатнѣйшіе европейцы“ суть „цельты“, а этотъ народъ, современный коптамъ и скиѳамъ, вышелъ изъ Азіи и распространился въ малолюдной тогда Европѣ: галлы названы отъ „гуляю“, т.-е. гуляки или странники; британы, въ противоположность Тредьяковскому, отъ бритыхъ головъ; вандалы—отъ того, что вышли „вонъ далѣ“ и пр., вообще весьма просто. Между прочимъ, Сумароковъ въ доказательство „цельтическаго“ происхожденія европейскихъ языковъ дѣлаетъ сравненія словъ русскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и привелъ текстъ молитвы Господней на нѣсколькихъ языкахъ, а именно: „по-карнійски, по-лузатически, по-чешски, по-польски, по-славенски, по-кроатски, по-далматски, по-болгарски, по-сербски, по-вандальски“—взявши это, очевидно, изъ какой-нибудь полиглотты этого текста [3]).

Удивительнѣе, что подобные пріемы разсужденій мы встрѣчаемъ у писателя, который былъ у насъ едва ли не самымъ сильнымъ умомъ и ученѣйшимъ человѣкомъ половины прошлаго столѣтія. Ломоносовъ также не далекъ еще отъ „Синописа“. Извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ онъ протестовалъ противъ диссертаціи Миллера о происхожденіи русскаго народа, гдѣ развивалась скандинавская теорія, выставленная еще раньше Байеромъ; извѣстно, что даже Тредьяковскій отнесся также къ этому дѣлу гораздо разсудительнѣе. Между прочимъ, Ломоносовъ ста-

[1]) Сочин. Трельяковскаго, т. III.

[2]) Сочин. Сумарокова, т. X, М. 1782, стр. 120—124.

[3]) Первая такая полиглотта молитвы „Отче нашъ“ была помѣщена уже въ грамматикѣ словенскаго языка Адама Богорича, вышедшей въ 1584 году въ Виттенбергѣ: Arcticae horulae succisivae, de latino-carniolana litteratura etc.

вилъ въ вину Миллеру, что онъ не принимаетъ происхожденія русскихъ отъ Росса и Москвы отъ Мосоха. Въ своей собственной исторіи, изданной уже послѣ его смерти [1]), Ломоносовъ при всей его начитанности въ старыхъ писателяхъ и при всей разумности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній, относительно происхожденія и распространенія племени дѣлаетъ странныя ошибки и повторяетъ ходячія баснословія. Онъ полагаетъ, напримѣръ, что славянскому племени принадлежатъ не только Польша, Богемія, Моравія, Болгарія и пр., но и Литва [2]). Въ древности сарматы и роксоланы были славяне. А еще глубже въ древность онъ находитъ славянъ въ малоазійскихъ венетахъ, происхожденіе которыхъ достигаетъ до Трои; древнихъ московъ онъ не рѣшается „безъ довольнаго свидѣтельства принимать за славянъ московскихъ“ (стр. 15), но считаетъ славянами мидянъ и амазонокъ; грамоту Александра Великаго къ славянскому народу онъ не считаетъ вѣроятной, но полагаетъ, что въ половинѣ VI-го вѣка Лехъ и Чехъ державствовали надъ многочисленнымъ славянскимъ народомъ; происхожденіе Рюрика отъ римскаго Августа кесаря онъ считаетъ нелишеннымъ вѣроятности.

Такимъ образомъ, до послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, въ нашей литературѣ мало подвинулся вопросъ о происхожденіи, взаимныхъ отношеніяхъ и самой наличности славянскихъ племенъ. Относительно перваго еще продолжались баснословные разсказы XVII-го вѣка и „Синопсисъ“ считался авторитетной книгой. Племенныя отношенія славянства оставались крайне неясными; славянскія племена, кромѣ ближайшихъ поляковъ и частію сербовъ, были извѣстны почти только по именамъ. Бывали изрѣдка путешественники, попадавшіе въ славянскія земли, какъ молодые дворяне Петровскихъ временъ, какъ богомольцы въ родѣ Барскаго; они испытывали пріятную неожиданность при встрѣчѣ съ родственными народами, которыхъ отчасти могли понимать, но эти впечатлѣнія оставались разрозненными, почти не проникали въ литературу и для большинства славянское родство оставалось въ туманѣ. Даже турецкія войны, которыхъ такъ много велось въ теченіе XVIII-го вѣка, не увеличили въ массѣ свѣденій о балканскомъ славянствѣ; обширное переселеніе сербовъ въ Россію

[1]) „Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михаиломъ Ломоносовымъ“. Спб., 1766.

[2]) ...„Курландцы, Жмудь, Литва, остатки старыхъ пруссовъ и мекленбургскихъ вендовъ, которые всѣ славенскаго племени, хотя много отмѣнъ въ языкахъ имѣютъ“. Стр. 7. Подробности объ этомъ въ главѣ о варягахъ-россахъ, стр. 43—47.

въ половинѣ прошлаго столѣтія также не обратило особеннаго вниманія, и сербское населеніе незамѣтно слилось съ мѣстнымъ русскимъ, не пробудивши интереса къ судьбѣ цѣлаго сербскаго народа. О болгарахъ едва имѣли понятіе; только въ концѣ столѣтія въ этомъ отношеніи начинается нѣчто новое. Бо́льшая степень знанія могла быть достигнута двумя путями: болѣе внимательнымъ изученіемъ историческимъ и живыми сношеніями; первое возникаетъ параллельно съ болѣе серьезнымъ изученіемъ русской исторіи, второе приводится мало-по-малу политическими событіями и пробужденіемъ національныхъ интересовъ въ средѣ самого русскаго общества.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОЭТОВЪ

СМЕРТЬ.

Андрея Сабо *).

Скелетъ безобразный, тебя ни за что я
Бояться не стану съ косою твоей!
Не ты насъ подкосишь—все это пустое,
Невинныя сказки для малыхъ дѣтей...
Нашъ страхъ клеветою считаю я тяжкой,
Смѣшными—усилья бороться съ тобой,
И сжалясь надъ смертью, надъ этой бѣдняжкой,
Хочу я, чтобъ люди ей дали покой.

Меня не убьешь ты. Другой, безконечно
Сильнѣйшій, исполнитъ задачу твою:
Онъ—рядомъ со мною шагающій вѣчно
И кровь остудившій навѣки мою,
Онъ—три ужъ десятка (тяжелое бремя!)
Успѣвшій на плечи мои навалить...
Мой первый губитель опаснѣйшій—время;
Онъ тутъ, а за смертью далёко ходить...

Хоть голову нынѣ несу я и гордо,
Предъ временемъ грознымъ склоняясь однимъ,
И къ цѣли шагаю увѣренно твердо,
Отъ рѣзвости лишней приличьемъ хранимъ;

*) А. Сабо обратилъ на себя вниманіе еще въ ранней молодости (род. 1849 г.) своими „Тремя сатирами“. Впослѣдствіи онъ сдѣлался сотрудникомъ Іокаи въ его сатирическомъ журналѣ „Комета“, а въ настоящее время онъ стоитъ во главѣ одной изъ газетъ въ Пештѣ.

Но гнѣвомъ я втайнѣ пылаю порою,
Когда невозможной бываетъ борьба...
Я смерти не трушу, она за горою,
Ближайшій губитель мой—злая судьба.

Встрѣчаю ли я межъ толпою блестящей
Красавицъ свѣжѣй и прелестнѣй цвѣтовъ,
И, слыша ихъ лепетъ, такъ нѣжно звучащій,
Не въ силахъ сдержать я ни взоровъ, ни словъ,
И если (а это—сказать между нами—
Обидно!) безсильны и взоры мои—
Мнѣ смерть неопасна, она за горами,
Но горшую гибель я вижу въ любви.

Иду ли туда я, гдѣ звонкія чары
Виномъ искрометнымъ полны до краевъ,
И носятся въ танцахъ веселыя пары
Подъ чудные звуки волшебныхъ смычковъ—
Я радъ бы душою отдаться забавѣ!
Увы! не позволитъ достоинство мнѣ!
Оно угрожать намъ погибелью въ правѣ,
Ей Богу, со смертью самой наравнѣ!

Конечно, въ такомъ положеньи печальномъ
Одно есть лекарство извѣстное—бракъ.
Но даже и въ средствѣ такомъ радикальномъ
Есть также помѣха... конечно, пустякъ...
Но все же грозящій погибелью новой:
И съ музой и риѳмой простися ужъ тутъ!
Увы, не объятія смерти суровой,
А крики ребенка—поэта убьютъ!

Покуда удара мы ждемъ роковаго—
О, смерть! мы погибнуть успѣемъ не разъ:
Когда ничего не осталось живого—
Чему умирать бы, казалося, въ насъ?..
Разстанься же, смерть, ты съ своею косою,
Напрасно ты ею пугаешь, повѣрь!
И къ жертвамъ твоимъ появляйся съ метлою,
Чтобъ вымести ею остатки за дверь!

О. М.

НАУЧНАЯ КРИТИКА

И

ЕЯ ПРИМѢНЕНІЕ

— *Emile Hennequin*, Etudes de critique scientifique. Ecrivains francisés. Paris, 1889.

Полгода тому назадъ мы познакомили нашихъ читателей съ содержаніемъ интересной книги Геннекена: „La critique scientifique“. Вскорѣ послѣ того мы прочли въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ извѣстіе о смерти этого писателя, на двадцать-девятомъ году отъ рожденія. Въ началѣ нынѣшняго года напечатанъ въ Парижѣ сборникъ его критическихъ статей, подъ оригинальнымъ заглавіемъ: „Ecrivains francisés“. Предисловіе къ сборнику подписано самимъ авторомъ; ни изъ чего не видно, чтобы это было посмертное изданіе. Обѣщанъ выходъ въ свѣтъ еще двухъ сборниковъ, подъ общимъ именемъ „Опытовъ научной критики“. Вопросъ о томъ, умеръ ли Геннекенъ, остается для насъ, такимъ образомъ, нерѣшеннымъ. Хорошо было бы, еслибы вѣсть о смерти молодого критика оказалась вымышленной; его дебюты позволяли ожидать отъ него весьма многаго [1]).

„Офранцуженными писателями“ Геннекенъ называетъ не тѣхъ, которые усвоили себѣ французскій языкъ, французскую художественную технику, а тѣхъ, которыхъ усвоило себѣ французское образованное общество. Такихъ писателей авторъ насчитываетъ шесть, изъ которыхъ цѣлая половина приходится на долю Россіи. Диккенсъ, Гейне, Поэ, Тургеневъ, Достоевскій, Левъ Толстой —

[1]) Извѣстный критикъ Брюнетьеръ, разбирая, въ одной изъ апрѣльскихъ книжекъ „Revue des deux Mondes“, мнѣніе Геннекена о Диккенсѣ, также не говоритъ ни слова о смерти Геннекена.

вотъ романисты или поэты, усыновленные въ послѣднее время французскою интеллигенціей. Изученіе ихъ представляетъ особый интересъ именно съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ „научная критика“ Геннекена. На первый планъ эта критика выдвигаетъ вліянія, исходящія отъ художника или художественнаго произведенія. Художественное произведеніе — такова основная формула Геннекена—дѣйствуетъ только на тѣхъ, чьимъ выраженіемъ оно служитъ (une oeuvre d'art n'émeut que ceux dont elle est le signe). Если англійскіе или русскіе романы, если нѣмецкія пѣсни или американскіе фантастическіе разсказы находятъ благодарную почву въ французскихъ умахъ, то это значитъ, что между тѣми и другими существуетъ внутреннее родство; знакомство съ первыми можетъ дать ключъ къ пониманію послѣднихъ. Задача Геннекена, по собственнымъ словамъ его, прямо противоположна той, надъ которой трудился Тэнъ. Тэнъ искалъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ появленіе великаго писателя — искалъ ихъ въ наслѣдственности, въ вліяніи расы, среды, обстановки; Геннекенъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о причинахъ, признавая его въ настоящую минуту неразрѣшимымъ, и сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, какъ и на кого дѣйствуютъ великія произведенія. Содержаніе исторіи—все равно, политической, религіозной или литературной — сводится, по мнѣнію Геннекена, къ группировкѣ массъ вокругъ личности, къ иниціативѣ одного, увлекающей многихъ. Центростремительное движеніе не замыкается въ границы государства, націи или расы; герой и его послѣдователи сплошь и рядомъ принадлежатъ къ совершенно различнымъ сферамъ. Экспансивность идеи, безпредѣльная распространимость ея царства—вотъ любимый тезисъ „Опытовъ научной критики“.

Итакъ, Геннекенъ — сознательный противникъ Тэна. Тѣмъ любопытнѣе сравнить ихъ, когда они касаются одной и той же темы. Эта тема—Диккенсъ, которому посвящены цѣлыя главы и въ „Офранцуженныхъ писателяхъ“, и въ „Исторіи англійской литературы“. Между взглядами обоихъ критиковъ не мало общаго. Согласно съ Тэномъ, Геннекенъ видитъ въ Диккенсѣ крайнее развитіе чувствительности, заставляющей его постоянно волноваться, вмѣшиваться въ ходъ разсказа, вносить въ него свои личныя ощущенія. И Тэнъ, и Геннекенъ отказываютъ Диккенсу въ умѣньѣ изображать красивое и великое; и тотъ, и другой подчеркиваютъ однообразіе, одноцвѣтность, преувеличенность фигуръ, созданныхъ англійскимъ романистомъ. Нетрудно замѣтить, однако, что у Тэна преобладаетъ желаніе *объяснить* Диккенса, у Геннекена—желаніе *оцѣнить* его. Тэнъ свободенъ отъ всякой пред-

взятой мысли; онъ не считаетъ одну литературную манеру чѣмъ-то безусловно лучшимъ, чѣмъ другая. Геннекенъ находится, до извѣстной степени, во власти модныхъ натуралистическихъ доктринъ; ему не чужда теорія „мрамора и бронзы". „Напрасно было бы искать у Диккенса,—говоритъ Геннекенъ,—хоть одного разсказа, вполнѣ сдержаннаго и невозмутимаго (contenu et impassible); напрасно было бы искать у него хоть одной сцены, въ которой проявилось бы *высшее искусство* (l'art supérieur) — искусство, предоставляющее событіямъ и идеямъ говорить самимъ за себя, оказывать давленіе только собственнымъ своимъ вѣсомъ". Кто признаетъ существованіе „высшаго искусства", обусловливаемаго не интенсивностью или глубиной дарованія, а извѣстнымъ способомъ выраженій, тотъ заранѣе стѣсненъ своимъ излюбленнымъ масштабомъ; изъ-за „прикидыванья мѣрки" онъ слишкомъ легко можетъ просмотрѣть особенности, не поддающіяся измѣренію. Масштабовъ у Геннекена цѣлыхъ два; кромѣ того, который данъ ему Зола и Флоберомъ, руководствомъ для него служитъ еще другой, заимствованный изъ современной психологіи. Мораль, лежащую въ основаніи всего написаннаго Диккенсомъ, молодой французскій критикъ признаетъ „фальшивой и безполезной", какъ и всякую другую, „созданную пожеланіями, мечтами, стремленіемъ къ идеалу, преобладаніемъ великодушія надъ опытностью". „Предписанія, — читаемъ мы дальше, — предписанія, проистекающія не изъ натуры человѣка, не изъ инстинктивнаго пониманія его потребностей, а изъ слѣпой и требовательной любви, изъ страстнаго порыва къ совершенству, столь же недѣйствительны, какъ и слишкомъ строгіе законы, слишкомъ многаго требующіе отъ людей, налагающіе на нихъ слишкомъ много ограниченій. Произведеніе искусства не можетъ быть проводникомъ морали, въ обычномъ смыслѣ этого слова, потому что съ самымъ фактомъ ея провозглашенія неразрывно связаны ошибочныя, неполныя, вредныя представленія о жизни. Истинной морали повинуются безпрекословно и безмолвно; попытка убѣдить въ справедливости нравственнаго ученія свидѣтельствуетъ о его лживости. Наши дѣйствія вызываются, незамѣтно для насъ самихъ, совокупностью неотразимыхъ условій; точно такъ же и мораль художественнаго произведенія должна быть подразумѣваемой и очевидной. Не выраженная прямо и все-таки убѣдительная, она должна вытекать сама собою изъ зрѣлища, развертываемаго передъ нами. Художественныя произведенія—это умиротворенное отраженіе жизни" (l'image apaisée de la vie). Здѣсь, что ни слово, то поводъ къ самому серьезному разногласію. Не будемъ говорить о дѣйстви-

тельности или недѣйствительности нравственныхъ правилъ, провозглашаемыхъ во имя идеала; не будемъ говорить о признакахъ „истинной морали", о характерѣ повиновенія ея требованіямъ. Всѣ эти вопросы стоятъ внѣ области эстетики и не могутъ быть порѣшены мимоходомъ, нѣсколькими почерками пера, преслѣдующаго художественно-критическія задачи. Конечно, философское міросозерцаніе критика не можетъ не вліять на его литературныя сужденія,—но послѣднія не выигрываютъ ровно ничего отъ попытки связать ихъ, на скорую руку, съ положеніями совершенно иного порядка. Допустимъ, что всякое нравственное ученіе, сознательно исповѣдуемое и проповѣдуемое, должно быть признано, въ силу этого одного, ошибочнымъ и вреднымъ; слѣдуетъ ли отсюда, что проводникомъ такого ученія *не можетъ* явиться художественное произведеніе? Данте былъ сознательнымъ приверженцемъ католической морали, Мильтонъ—такимъ же приверженцемъ морали протестантской, и это, безъ сомнѣнія, выразилось въ ихъ литературной дѣятельности; но развѣ „Божественная Комедія" и „Потерянный Рай"—не произведенія искусства, въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова?.. Мораль художественнаго произведенія,—говоритъ Геннекенъ,—должна быть невыраженной прямо и все-таки убѣдительной. Что это такое — законъ творчества, констатируемый научнымъ путемъ, или одно изъ тѣхъ произвольныхъ эстетическихъ правилъ, которыя признаются одними, отвергаются другими, установляются сегодня, отмѣняются завтра? Безъ сомнѣнія — только послѣднее. Стремясь сдѣлать изъ него нѣчто большее, Геннекенъ запутывается въ цѣломъ рядѣ противорѣчій. Изъ безсознательной зависимости нашихъ дѣйствій онъ выводитъ... что? Безсознательность морали, проникающей художественное произведеніе? Нѣтъ — только ея подразумѣваемость и очевидность. Что очевидно для читателей, то, сплошь и рядомъ, очевидно и для автора—а очевидное, въ данномъ случаѣ, равносильно *сознанному*. Другими словами, художникъ, даже съ точки зрѣнія Геннекена, можетъ *сознавать* нравственный смыслъ своего произведенія; онъ долженъ только набросить на него артистически-сотканное покрывало, настолько плотное, чтобы ничего не бросалось въ глаза, настолько прозрачное, чтобы все, въ концѣ концовъ, было доступно для зрѣнія. Не ясно ли, что мы находимся здѣсь не въ области психологическихъ наблюденій, а въ области эстетическихъ совѣтовъ? Къ чему же было тревожить науку, извлекая оттуда положеніе объ условіяхъ, которымъ неизбѣжно и *безсознательно* подчиняется наша дѣятельность? Какова бы ни была степень достовѣрности этого положенія, къ вопросу, занимающему

Геннекена, оно, во всякомъ случаѣ, непримѣнимо; аналогія, въ которой критикъ ищетъ для себя точки опоры, обращается въ оружіе противъ него, потому что сравниваемыя величины оказываются существенно различными. Къ главной задачѣ Геннекена, заключающейся въ изученіи литературныхъ вліяній, изслѣдованіе впечатлѣній, дѣйствительно возбуждаемыхъ чтеніемъ Диккенса, подходило бы гораздо ближе, чѣмъ абстрактное осужденіе его „морали". Еслибы нашъ авторъ сталъ на болѣе практическую почву, онъ убѣдился бы, быть можетъ, что не напрасно—въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ—раздавался голосъ „слѣпой и требовательной любви", не безплоденъ былъ „страстный порывъ къ совершенству" (правильнѣе было бы сказать: „къ совершенствованію"; за безусловнымъ совершенствомъ Диккенсъ не гонится вовсе). Диккенсъ, безъ сомнѣнія, соединялъ въ себѣ художника съ проповѣдникомъ — но столь же несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, и то, что проповѣдь его не прошла безслѣдно. Сдѣланное имъ для улучшенія англійской школы, англійской благотворительности, англійскихъ административныхъ нравовъ можетъ быть указано и опредѣлено, съ приблизительною точностью и полнотою; неуловимы, но тѣмъ не менѣе вполнѣ реальны „добрыя чувства", пробужденныя и пробуждаемыя имъ въ сердцахъ читателей. Отрицать ихъ a priori, въ силу заранѣе составленнаго убѣжденія въ безсиліи идеальныхъ стремленій—пріемъ, мало соотвѣтствующій научной критикѣ.

Диккенсъ, съ точки зрѣнія Тэна—порожденіе своей страны и своего времени. Отсюда систематическое игнорированіе извѣстныхъ сюжетовъ, извѣстныхъ страстей; отсюда крайняя осторожность въ изображеніи любви, отсюда тяготѣніе къ домашнему очагу, идеализація брака и семейной жизни; отсюда бичеваніе національныхъ пороковъ—лицемѣрія, гордости, душевной сухости и черствости. Для Геннекена живая связь Диккенса съ англійской почвой какъ будто не существуетъ; онъ изслѣдуетъ исключительно темпераментъ художника, а не его обстановку, и становится, вслѣдствіе этого, не только одностороннимъ, но и несправедливымъ. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что Пекснифф и Домби—плохіе образцы свойствъ, олицетвореніемъ которыхъ они служатъ. Иначе, и гораздо правильнѣе, смотритъ на нихъ Тэнъ; его предохраняетъ отъ ошибки именно то, что онъ ищетъ и находитъ точки соприкосновенія между фигурами, созданными Диккенсомъ, и современнымъ ему англійскимъ обществомъ. Домби, въ глазахъ Тэна — специфически-англійскій гордецъ, Пекснифф —специфически-англійскій лицемѣръ. Тэнъ идетъ еще дальше и

видитъ въ Диккенсѣ черты національнаго духа, проявляющіяся въ самыя раннія эпохи англійской исторіи, исчезающія, по временамъ, среди позднѣйшихъ наслоеній, но таящіяся въ глубинѣ и извлекаемыя оттуда творчествомъ великаго писателя... Вполнѣ исчерпывающею характеристика Диккенса, данная Тэномъ, не можетъ быть названа уже потому, что она написана лѣтъ за десять до смерти романиста, прежде выхода въ свѣтъ послѣднихъ его произведеній; но все-таки въ ней гораздо меньше пробѣловъ, чѣмъ въ статьѣ Геннекена. У послѣдняго, напримѣръ, нѣтъ ни одного слова, посвященнаго дѣтскимъ фигурамъ Диккенса,—фигурамъ, оригинальная прелесть которыхъ такъ вѣрно понята и такъ ярко освѣщена Тэномъ. Тэнъ разсматриваетъ Диккенса какъ одно изъ звеньевъ длинной цѣпи, скованной геніемъ англійскаго народа; Геннекенъ изучаетъ въ немъ скорѣе одинъ изъ видовъ психопатіи, возможныхъ въ области искусства. Стиль Диккенса молодой критикъ называетъ утрированнымъ, вычурнымъ, извилистымъ, женственно-неспокойнымъ; его фабулы—безумно-невѣроятными и до крайности плохо построенными, уступающими, въ этомъ отношеніи, послѣднему фельетонному роману; побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуютъ его герои,—вымышленными, колеблющимися между нелѣпой добротой и безпредѣльной злостью, между невозможной жадностью и столь же невозможнымъ безкорыстіемъ. Диккенсъ „не знаетъ ни самого себя, ни другихъ людей“; его дѣйствующія лица сводятся всецѣло къ одному свойству, одной господствующей чертѣ, одной фразѣ, безъ которыхъ они совсѣмъ бы и не существовали. Онъ вовсе незнакомъ съ тѣмъ, что изображаетъ — ни съ большимъ свѣтомъ, ни съ актерами, ни съ рыбаками, ни съ рабочими, ни съ присутственными мѣстами, ни съ долговой тюрьмой. Мѣсто описаній у него занимаетъ либо перечень личныхъ впечатлѣній, либо номенклатура предметовъ, напоминающая протоколъ аукціониста. Онъ не принадлежитъ ни къ реалистамъ, ни къ идеалистамъ; его нельзя назвать ни настоящимъ романистомъ, ни, тѣмъ менѣе, художникомъ... Сколько отрицательныхъ свойствъ, сколько недостатковъ, и какихъ крупныхъ! Гдѣ же, наконецъ, положительныя стороны Диккенса? Не можетъ же ихъ не быть вовсе у писателя, значеніе и вліяніе котораго—не только въ средѣ соотечественниковъ, но и между чужими—признаетъ самъ Геннекенъ. Дѣйствительно, онѣ оказываются на-лицо, хотя и не въ большомъ числѣ. Диккенсъ—мастеръ діалога; нѣсколькими словами онъ умѣетъ очертить цѣлый характеръ, тѣмъ болѣе, что характеры у него неподвижны и неизмѣнны и что къ каждому изъ нихъ прицѣпленъ

какой-нибудь ярлыкъ, безпрестанно возобновляемый въ памяти читателя. Удаются Диккенсу, поэтому, въ особенности лица смѣшныя или коварныя, мелодраматическія; въ изображеніи среднихъ, обыкновенныхъ людей онъ гораздо слабѣе, и даже ихъ разговоры выходятъ у него сравнительно банальными и незначительными. Въ послѣднихъ его романахъ („Большія ожиданія", „Нашъ взаимный другъ"), которые Геннекенъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ, большое впечатлѣніе производятъ фигуры, нарисованныя неопредѣленными, неясными штрихами; онѣ остаются въ полумракѣ, самая таинственность котораго заключаетъ въ себѣ много привлекательнаго. Всего больше подходитъ къ Диккенсу названіе *каррикатуриста*. Онъ вѣрно схватываетъ ту или другую черту дѣйствительности, но передаетъ ее въ извращенномъ видѣ, такъ чтобы она сразу бросалась въ глаза читателей и не оставляла въ нихъ никакого сомнѣнія насчетъ намѣреній автора. Роль Диккенса въ литературѣ имѣетъ много общаго съ тою, которую играютъ въ живописи Домье, Гаварни, Гревенъ, Личъ (сотрудникъ англійскаго юмористическаго журнала „Punch")... Въ другомъ мѣстѣ Геннекенъ признаетъ Диккенса юмористомъ, но опредѣляетъ *юморъ*, — связывая его этимологически съ французскимъ словомъ *humeur*, — какъ наклонность изъ-за всего приходить въ волненіе, изъ-за всего испытывать аффектъ, несовмѣстный съ чисто-разсудочнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Юмористическимъ писателемъ, съ этой точки зрѣнія, является тотъ, который всѣ свои ощущенія, даже самыя безразличныя, передаетъ въ формѣ чувствъ — сожалѣнія, отвращенія, страха и т. п. Совершенно иначе относится къ юмору Тэнъ (въ этюдѣ о Карлейлѣ). Англійское слово *humour* Тэнъ считаетъ непереводимымъ на французскій языкъ, потому что у французовъ вовсе нѣтъ понятія, соотвѣтствующаго этому слову. Отсюда невозможность точнаго и полнаго опредѣленія, которое обнимало бы собою всѣ характеристическія черты юмора. Тэнъ ограничивается тѣмъ, что указываетъ нѣкоторыя изъ нихъ: безцеремонное обращеніе съ читателями, пристрастіе къ контрастамъ, смѣсь рѣзкой веселости съ глубокой меланхоліей, торжественности—съ цинизмомъ, разсужденія—съ поэтическимъ порывомъ. И здѣсь, какъ намъ кажется, преимущество на сторонѣ Тэна. Упрощая и обобщая, Геннекенъ отдаляется отъ истины. Юмористами, по устанавляемымъ имъ признакамъ, слѣдовало бы признать всѣхъ сатириковъ, потому что они всѣ даютъ волю своимъ чувствамъ, видятъ предметы сквозь призму ненависти и негодованія; а между тѣмъ нельзя же причислить къ юмористамъ Барбье или Бёрне, Юве-

нала или Поля-Луи Курье. Близкимъ къ юмору оказался бы, съ точки зрѣнія Геннекена, и лиризмъ, весь проникнутый увлеченіемъ—и наоборотъ, нельзя было бы видѣть юмориста въ Гоголѣ, потому что у него далеко не все облекается въ форму чувства. Конечно, Диккенсъ принадлежитъ къ группѣ англійскихъ юмористовъ, но безошибочное заключеніе выведено Геннекеномъ изъ явно-ошибочныхъ мотивовъ... Что касается до провозглашенія Диккенса каррикатуристомъ, то здѣсь одинаково неправильны и мотивы, и заключеніе. У Диккенса, безспорно, встрѣчаются каррикатуры, но не въ нихъ его главная сила, не въ нихъ источникъ его значенія. Ни въ мистерѣ Домби, ни въ Ральфѣ Никклеби, ни въ Джонасѣ Чеззльвиттѣ, ни въ Градграйндѣ, ни въ другихъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ его романовъ нѣтъ ничего каррикатурнаго; это портреты, въ которыхъ иногда форсирована та или другая отдѣльная черта, но не настолько, чтобы могла быть рѣчь объ изуродованіи (déformation) дѣйствительности. Есть ли что-нибудь общаго съ каррикатурой въ исторіи маленькаго Поля Домби, въ домашнихъ и школьныхъ мукахъ Давида Копперфильда, въ заброшенности лондонскаго „уличнаго мальчишки“ Джо, въ фигурѣ терпѣливаго Стефена или измученной прозою жизни Луизы Баундерби?.. На чемъ основанъ, далѣе, безапелляціонный приговоръ, признающій Диккенса виновнымъ въ „сочинительствѣ“, въ незнаніи того, что онъ рисуетъ? Развѣ Геннекенъ самъ изучалъ, въ Англіи, всѣ сферы общественной жизни, затронутыя Диккенсомъ, и убѣдился, при этомъ, въ невѣрности копій съ оригиналомъ? Принялъ ли онъ въ разсчетъ разницу между современной Англіей и Англіей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изображаемой въ „Оливерѣ Твистѣ“, въ „Пиквикскомъ клубѣ“, въ „Холодномъ домѣ“?.. Если въ описаніяхъ Диккенса первенствующая роль часто принадлежитъ личнымъ впечатлѣніямъ автора, то это вовсе не недостатокъ; типы описаній до безконечности разнообразны, и описательная манера Зола и Флобера — не единственная, удовлетворяющая требованіямъ искусства. „Разсказъ о катастрофѣ, въ которой погибаетъ Стирфортъ,—говоритъ Геннекенъ,—каждому современному читателю покажется слишкомъ мало живописнымъ, слишкомъ переполненнымъ выраженіями состраданія и ужаса, испытываемыхъ самимъ разсказчикомъ“. Съ этимъ можно согласиться только въ такомъ случаѣ. если подъ именемъ современнаго читателя разумѣть самого Геннекена или другого поклонника новѣйшей французской беллетристики. *На нихъ* описаніе бури въ „Давидѣ Копперфильдѣ“ дѣйствительно должно производить впечатлѣніе чего-то черезъ-чуръ

субъективнаго и, слѣдовательно, нехудожественнаго, несовершеннаго — но это, очевидно, дѣло личнаго вкуса, ни для кого не обязательнаго... Въ описаніяхъ номенклатурнаго свойства Диккенсъ кажется намъ вовсе неповиннымъ, или, во всякомъ случаѣ, виновнымъ несравненно меньше, чѣмъ Зола и золаисты. Не можемъ мы, наконецъ, признать и того, чтобы фабулы романовъ Диккенса грѣшили, сплошь и рядомъ, „безумною невѣроятностью“ или крайне плохой постройкой. Что невѣроятнаго, напримѣръ, въ фабулѣ „Давида Копперфильда“? Еслибы этотъ романъ былъ до крайности плохо построенъ, могъ ли бы онъ поддерживать до конца, на протяженіи трехъ томовъ, вниманіе читателей? Безспорно, есть въ немъ и длинноты, и лишнія лица, и лишнія сцены; но среди всего этого красной нитью проходитъ автобіографія героя, вовсе не столь безцвѣтнаго и банальнаго, какъ это кажется Геннекену... Между Диккенсомъ и его новымъ французскимъ критикомъ стоитъ, думается намъ, нѣчто въ родѣ идіосинкразіи, мѣшающей послѣднему отнестись къ первому просто, безъ предубѣжденій. Пища, предлагаемая Диккенсомъ, слишкомъ прѣсна и безвкусна для того, кто привыкъ къ пряностямъ „экспериментальнаго“ романа.

Какъ же разрѣшаетъ, однако, Геннекенъ главную часть своей задачи — изслѣдованіе и объясненіе значенія, пріобрѣтеннаго Диккенсомъ во Франціи? И тому, и другому онъ отводитъ очень мало мѣста (въ заключительной главѣ книги; въ статьѣ, посвященной спеціально Диккенсу, о вліяніи его на французовъ вовсе нѣтъ рѣчи). Въ французскомъ писательскомъ мірѣ Диккенсъ, по словамъ Геннекена, цѣнится не высоко; между французскими романистами нѣтъ ни одного, который бы чему-нибудь у него научился или въ чемъ-нибудь сдѣлался его послѣдователемъ. Указываютъ, иногда, на сходство между Диккенсомъ и Додэ; но это сходство — исключительно внѣшнее. Додэ — прежде всего наблюдатель, точный и внимательный; чувство и мораль играютъ у него бо́льшую роль, чѣмъ у другихъ корифеевъ современнаго французскаго романа, но несравненно мéньшую, чѣмъ у Диккенса. Близко къ Диккенсу Додэ подходитъ развѣ тогда, когда разсказываетъ приключенія „Тартарена изъ Тараскона“; и здѣсь, однако, разница между ними все же очень велика. Несомнѣнно, зато, вліяніе Диккенса на французскую публику, въ особенности буржуазную, и въ ея средѣ преимущественно на женщинъ и на молодежь. Широкой популярностью своею въ этой области Диккенсъ обязанъ какъ цѣломудренной своей чистотѣ, такъ и постояннымъ вторженіямъ своимъ въ ходъ дѣйствія, честности своихъ

симпатій и антипатій, шумнымъ пароксизмамъ нѣжности, негодованія, веселости, ужаса, которыми изобилуютъ его романы. Многочисленная группа французскихъ читателей и читательницъ примиряется, вотъ уже полвѣка, съ неполнымъ, карикатурнымъ изображеніемъ жизни и свѣта, примиряется съ нимъ изъ-за добродушія, которымъ оно проникнуто и согрѣто. Это показываетъ, что между образованными французами многіе дорожатъ не столько глубиною наблюденія и анализа, совершенствомъ композиціи, артистическою невозмутимостью и безстрастностью (impassibilité) произведенія, сколько умѣньемъ автора отзываться на настроеніе читателей, возбуждать ихъ чувствительность и постоянно давать ей новую пищу... Этими немногими замѣчаніями ограничивается все сказанное Геннекеномъ объ „офранцуженности“ Диккенса. Нужно ли выставлять на видъ ихъ недостаточность и шаткость? На чемъ основано предположеніе, что Диккенса читаютъ преимущественно женщины и молодые люди? Собиралъ ли Геннекенъ какія-либо свѣденія по этому предмету, и если собиралъ, то какимъ путемъ? Есть ли у него, по крайней мѣрѣ, данныя о количествѣ экземпляровъ, въ которомъ расходятся французскіе переводы романовъ Диккенса? На какой высотѣ держится ихъ продажа, увеличивается ли она или уменьшается? Еще важнѣе было бы знать цифры, относящіяся къ каждому отдѣльному роману; онѣ могли бы дать нѣкоторое понятіе о томъ, что больше нравится французской публикѣ — раннія ли произведенія Диккенса, или позднѣйшія; тѣ ли, въ которыхъ преобладаетъ комическій элементъ, или тѣ, въ которыхъ всего больше трогательнаго. Диккенсъ „Пиквикскаго клуба“ рѣзко отличается отъ Диккенса „Давида Копперфильда“, Диккенсъ „Тяжелыхъ временъ“ — отъ Диккенса „Тайны Эдвина Друда“; далеко не одинаковы заключенія, къ которымъ можно было бы придти въ виду распространенности того или другого изъ названныхъ нами романовъ. Допустимъ, однако, что фактическая сторона вопроса была бы разработана гораздо полнѣе, чѣмъ это сдѣлано Геннекеномъ, и что преимущество популярности оказалось бы при этомъ за тѣми романами Диккенса, въ которыхъ всего болѣе замѣтны черты, подчеркиваемыя Геннекеномъ. Даже и въ такомъ случаѣ нельзя было бы прямо утверждать, что успѣхъ Диккенса во Франціи объясняется именно этими чертами; нужно было бы предварительно разузнать, путемъ разспроса возможно большаго числа читателей, что привлекаетъ ихъ въ Диккенсѣ, что удерживаетъ ихъ въ средѣ его поклонниковъ. Нельзя, притомъ, упускать изъ виду, что *читатель* и *почитатель* — вовсе не одно и то же.

Можно дорожить книгой, какъ средствомъ развлеченія, и ставить ее очень невысоко, какъ художественное произведеніе. Въ настоящемъ своемъ видѣ мнѣніе Геннекена объ источникахъ популярности Диккенса—не болѣе, какъ догадка, не вполнѣ, въ добавокъ, гармонирующая съ оцѣнкой, которую даетъ Диккенсу самъ критикъ. Если Диккенсъ нравится французамъ не *благодаря* каррикатурности создаваемыхъ имъ образовъ, а *несмотря* на эту каррикатурность, если французскіе читатели только *примиряются* съ нею, только ее *терпятъ*, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что не она составляетъ „господствующее свойство“ Диккенса? Если Диккенсъ дорогъ читателямъ именно тѣмъ, что онъ умѣетъ ихъ трогать, волновать, возбуждать въ нихъ „добрыя чувства“, то не эта ли его способность и должна быть выдвинута на первый планъ въ его характеристикѣ? Скажемъ болѣе: если чувство, ничѣмъ не сдерживаемое, бьющее черезъ край, завоевываетъ писателю глубокія, прочныя, искреннія симпатіи, завоевываетъ ихъ въ массѣ образованныхъ людей, имѣющихъ передъ собою превосходные образцы совершенно иной литературной манеры, то не говоритъ ли это въ пользу законности субъективизма, противъ единовластія началъ, проповѣдуемыхъ теоретиками натурализма и экспериментализма?..

Мы остановились такъ долго на статьѣ Геннекена о Диккенсѣ, потому что именно здѣсь отразились съ наибольшею яркостью особенности и недостатки его метода. Переходимъ теперь къ его отзывамъ о русскихъ „офранцуженныхъ“ писателяхъ. Вступительныя слова этюда, посвященнаго Тургеневу, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно составить себѣ правильное понятіе о внѣшней формѣ произведеній, изучаемыхъ только въ переводѣ. „Читая въ первый разъ романы Тургенева,—говоритъ Геннекенъ,—невольно сомнѣваешься въ томъ, могутъ ли они быть названы произведеніями искусства, такъ какъ у насъ слово искусство соприкасается съ понятіями объ искусственности и утонченности (artifice et raffinement). Мы не находимъ у русскаго писателя обычныхъ свойствъ нашихъ „среднихъ“ книгъ—яснаго способа выраженій (façons de dire nettes), быстрыхъ, законченныхъ, рѣшительныхъ разговоровъ, описаній въ видѣ поэтическихъ куплетовъ (?). У него весьма мало внѣшнихъ достоинствъ, отличающихъ лучшія произведенія нашей литературы. Ему недостаетъ колоритнаго, нервнаго стиля, пристрастія къ новизнѣ выраженій, къ знаменательнымъ сочетаніямъ словъ, погони за звучностью и ритмомъ—однимъ словомъ, всего того, что есть опредѣленнаго и точнаго въ мастерствѣ нашихъ первыхъ современныхъ прозаи-

ковъ. Фраза у Тургенева точно заикается и тащится, часто остается недоконченной; банальная на взглядъ, ничего не говорящая прямо, она только намекаетъ, заставляетъ думать, догадываться, предчувствовать". За исключеніемъ послѣднихъ словъ, какой длинный рядъ недоразумѣній и ошибокъ! Нашъ величайшій стилистъ, больше чѣмъ кто бы то ни было дорожившій художественной отдѣлкой слова, глубоко проникшій во всѣ тайны языка и владѣвшій имъ съ изумительнымъ совершенствомъ, ставится, съ точки зрѣнія формы, ниже *среднихъ* современныхъ французскихъ писателей! Эта ошибка такъ велика, что ее нельзя объяснить однимъ незнаніемъ русскаго языка; съумѣлъ же избѣжать ея Брандесъ, хотя и читалъ Тургенева только въ переводѣ. Найти ея разгадку можно, какъ намъ кажется, въ словахъ самого Геннекена о близости *искусства* къ *искусственности*. Кто воспиталъ свой вкусъ на Зола, Гонкурахъ и Флоберѣ, тому манера Тургенева неизбѣжно должна казаться слишкомъ безъискусственною, слишкомъ „простою". На самомъ дѣлѣ эта простота (отнюдь не исключающая ни обдуманности, ни труда надъ внѣшней формой) составляетъ именно верхъ искусства — но искусства, не имѣющаго ничего общаго съ искусственностью. Источникъ ошибки, въ которую впалъ Геннекенъ, станетъ для насъ еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на сужденіе его о *композиціи* Тургеневскихъ романовъ—т.-е. о такой ихъ сторонѣ, для правильнаго пониманія которой нѣтъ даже надобности въ знаніи русскаго языка. Онъ находитъ ее недостаточно связной, слишкомъ часто прерываемою обращеніями къ прошедшему дѣйствующихъ лицъ, подавленною банальными событіями и обыкновенными страстями. И этотъ упрекъ, до крайности странный, можетъ быть объясненъ только привычкой къ колоссальнымъ порокамъ, которыми отмѣчены герои Зола и Бальзака, къ непрерывности дѣйствія, составляющей отличительную черту романовъ Флобера и Эдмона Гонкура... Заплативъ, такимъ образомъ, дань спеціальнымъ вкусамъ, привитымъ къ нему окружающею его литературной атмосферой, Геннекенъ перестаетъ противиться внушеніямъ своей артистической натуры—и преклоняется передъ мастерствомъ, съ которымъ Тургеневъ создаетъ свои фигуры, сложныя, измѣнчивыя и вмѣстѣ съ тѣмъ полныя жизни. Высшаго своего расцвѣта дарованіе Тургенева достигаетъ, по мнѣнію Геннекена, въ описаніи болѣзней воли, въ изображеніи ея атрофіи, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго развитія разсудка. Первую степень этой атрофіи представляетъ собою Базаровъ, вторую—Рудинъ, третью, самую полную—Неждановъ. Вопреки большинству русскихъ критиковъ,

Геннекенъ ставитъ „Новь“—и, по нашему убѣжденію, совершенно справедливо — на ряду съ немногими первостепенными романами XIX-го вѣка. Тургеневъ—говоритъ Геннекенъ—принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ и великихъ художниковъ, которые знаютъ не человѣка вообще, а отдѣльныхъ, конкретныхъ людей. Онъ не только знаетъ ихъ, но и любитъ; онъ относится къ нимъ не съ суровостью корифеевъ французскаго романа, а съ сожалѣніемъ, полнымъ нѣжности и мягкости. Его наблюденія дышутъ кротостью мудреца и печалью сострадательнаго сердца. Его горизонтъ ограниченъ; для него остается недоступнымъ все то что̀ есть въ человѣкѣ сильнаго, рѣзко выраженнаго, свойственнаго породѣ. Онъ не видитъ того, что̀ выводятъ изъ жизни холодные, безстрастные умы, парящіе надъ міромъ. Ему недостаетъ опредѣленныхъ представленій о будущемъ человѣчества... Разборъ этихъ положеній увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что о степени и причинахъ „офранцуженности“ Тургенева Геннекенъ говоритъ еще меньше, чѣмъ о степени и причинахъ „офранцуженности“ Диккенса. Слѣды вліянія Тургенева онъ находитъ лишь у Меримé и у Мопассана; затѣмъ онъ сообщаетъ, что переводы Тургеневскихъ романовъ выдержали во Франціи нѣсколько изданій и что Тургенева высоко ставятъ главные органы французской періодической печати. „Характеризующая Тургенева смѣсь опечаленной доброты, деликатнаго наблюденія и возвышенной мысли“—таковъ окончательный, ничѣмъ не доказанный выводъ Геннекена—понята и оцѣнена значительною группою читателей, которыхъ слѣдуетъ искать въ средѣ богатой буржуазіи послѣднихъ трехъ десятилѣтій.

„Изумительную новизну“ Достоевскаго Геннекенъ видитъ въ контрастѣ между реализмомъ отдѣльныхъ подробностей и фантастичностью цѣлаго. Иногда столь же точный въ своихъ наблюденіяхъ, какъ и современные французскіе „натуралисты“, Достоевскій смотритъ на жизнь точно издалека, испуганными глазами, и слѣдитъ за ея безсвязнымъ теченіемъ, не пытаясь объяснить ни дѣйствія, ни чувства своихъ героевъ. Ясно для него только то, что всѣ страдаютъ и заставляютъ страдать другихъ, и эти страданія дѣйствуютъ на него тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше ему понятны ихъ причины. Въ его душѣ нашли отголосокъ всѣ звуки человѣческой жалобы. Ему знакомы преступленія, вызываемыя нуждой и допускаемыя закономъ; онъ измѣрилъ всю уродливость нищеты, все безобразіе вынужденнаго или прирожденнаго порока, всѣ муки моральной агоніи, слѣдующей за паденіемъ. Жизнь кажется ему видѣньемъ, поразительнымъ и неподвижнымъ,

и онъ воспроизводитъ ее въ немѣняющихся зрѣлищахъ, въ всегда равныхъ себѣ образахъ, въ постоянномъ замираніи (perpétuel suspens) лицъ и предметовъ. Его книги — повтореніе однихъ и тѣхъ же положеній, продолженіе одного и того же ужаса, одной и той же тайны. Въ длинныхъ монологахъ или въ медленно движущихся разговорахъ передъ нами развертывается одна и та же сторона души, въ безконечно-дробныхъ деталяхъ. Напрасно было бы искать у Достоевскаго чего-нибудь похожаго на исторію развитія личности, ея реакцій на жизненныя вліянія. Въ его психологіи воображеніе преобладаетъ надъ изученіемъ; отсюда отсутствіе простоты, отсюда лихорадка, владѣющая всѣми дѣйствующими лицами и часто граничащая съ безуміемъ. Они ненормальны, они составляютъ психологическое исключеніе; но это не мѣшаетъ имъ производить впечатлѣніе живого человѣческаго мяса. Чувствительность въ Достоевскомъ оставляетъ мало мѣста для разсужденія. Онъ весь проникнутъ сожалѣніемъ, любовью, страхомъ за человѣка; его отчаяніе, его тоска, его дрожащія мольбы объ искупленіи столь же трагичны, какъ и болѣе сдержанныя мученія Паскаля... Тѣ или другія черты этой характеристики могутъ быть предметомъ спора, но ей нельзя отказать въ поэтическомъ одушевленіи. На этотъ разъ Геннекенъ почти совершенно оставилъ въ сторонѣ свои обычные пріемы; онъ передалъ только совокупность ощущеній, возбужденныхъ въ немъ чтеніемъ Достоевскаго—и картина вышла, во всякомъ случаѣ, красивой и эффектной.

Въ Львѣ Толстомъ Геннекена поражаетъ, прежде всего, ширина замысловъ, богатство содержанія. Съ этой точки зрѣнія нашъ романистъ долженъ быть поставленъ на ряду съ Шекспиромъ и Бальзакомъ. „Война и Миръ“ — это жизнь цѣлаго народа, это человѣческая пирамида, выдерживающая сравненіе съ самыми громадными и высокими постройками того же рода. Точностью и подробностью личныхъ наблюденій, оригинальностью и живописностью, свойственною показаніямъ очевидца, Толстой обновляетъ самыя обыкновенныя, самыя знакомыя картины, заставляетъ ихъ дѣйствовать со всею силой чего-то невиданнаго прежде. Таково, напримѣръ, описаніе ранней весны въ „Аннѣ Карениной“, такова сцена косьбы въ томъ же романѣ. Дѣйствующія лица у Толстого отличаются особенною жизненностью, благодаря двумъ главнымъ условіямъ: обилію деталей и равновѣсію между тѣмъ, что составляетъ неизмѣнную основу личности, и тѣмъ, что подвергается въ ней постояннымъ измѣненіямъ. Онъ не боится ни длинноты, ни отступленій, не стремится, подобно французскимъ

и англійскимъ романистамъ, къ прямолинейности и безостановочности разсказа, и создаетъ длинный рядъ фигуръ, полныхъ движенія и жизни. Средствомъ къ достиженію цѣли служатъ для него самые разнообразные техническіе пріемы—и демонстрація путемъ дѣйствій и положеній, свойственная драматургамъ, и монологи à la Стендаль, и личное вмѣшательство, по образцу идеалистическихъ романистовъ. Чтобы воспроизвести дѣйствительность, романъ долженъ быть, какъ она, сложенъ, обширенъ, продолжителенъ—и именно таковъ романъ Толстого. Онъ становится, вслѣдствіе этого, менѣе законченнымъ, менѣе сосредоточеннымъ, менѣе цѣльнымъ, но стоитъ, зато, на одной высотѣ съ безконечнымъ разнообразіемъ жизни. Сочиняетъ и пишетъ графъ Толстой небрежно; это замѣтно даже и въ переводѣ, по невыдержанности сравненій, по неравномѣрности отдѣльныхъ частей разсказа, по повтореніямъ и пробѣламъ. На каждомъ шагу писатель точно собирается съ силами, чтобы обнять свой громадный сюжетъ—и на каждомъ шагу слабѣетъ, бросаетъ свое намѣреніе. Кризисы, переживаемые дѣйствующими лицами, намѣчаются въ немногихъ, неопредѣленныхъ словахъ; описанія, начатыя съ лихорадочнымъ жаромъ, заканчиваются спутанными фразами; во всемъ выражается страшная усталость, авторъ изнемогаетъ подъ бременемъ своего произведенія. Зрѣлище жизни то привлекаетъ его, то отталкиваетъ, оставляя его то равнодушнымъ, то разочарованнымъ. Въ громадномъ зданіи романа читатель сначала чувствуетъ себя крѣпко схваченнымъ рукою волшебника—но она ослабѣваетъ, все вокругъ темнѣетъ и пустѣетъ, смутно ощущается угрожающая близость трансцендентальнаго нигилизма. Строитель, очевидно, работалъ надъ постройкой безъ удовольствія и увлеченія; медленно и не вполнѣ ее окончивъ, онъ разсматриваетъ ее разсѣяннымъ, задумчивымъ взглядомъ, точно отрѣшась отъ міра и отъ собственныхъ своихъ созданій, точно созерцая гдѣ-то вдали другую, болѣе важную и болѣе великую дѣйствительность. Дѣло въ томъ, что для Толстого человѣческая жизнь всегда была не только предметомъ наблюденія, но и театромъ дѣйствія нравственныхъ законовъ. Враждебный, съ самаго начала, всякому ихъ нарушенію—это видно изъ того, какъ мало мѣста занимаютъ въ его произведеніяхъ преступленія и пороки, испорченность и зло — онъ кончилъ тѣмъ, что весь отдался служенію своей морали, узкой, бѣдной и требующей немедленнаго осуществленія. Къ послѣднему фазису дѣятельности Толстого Геннекенъ относится безусловно-отрицательно; онъ думаетъ, что совмѣстными съ цѣлью, которую теперь преслѣдуетъ Толстой, окажутся, вопреки мнѣнію автора,

только прежнія его художественныя произведенія... Разбирать мнѣніе Геннекена о Толстомъ, значило бы разбирать самого Толстого; ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Говоря о романахъ Толстого, Геннекенъ слишкомъ хорошо помнилъ народные его разсказы и философскіе трактаты. Безспорно, задатки позднѣйшаго міросозерцанія Толстого коренятся глубоко въ его прошедшемъ; но Геннекенъ подчеркнулъ ихъ слишкомъ рѣзко и этимъ нѣсколько извратилъ историческую перспективу.

„Офранцуженность" Достоевскаго и Толстого Геннекенъ приписываетъ той же причинѣ, отъ которой зависитъ популярность Диккенса: сильному ихъ дѣйствію на чувствительность читателей. Романы Достоевскаго поразили французскую публику своимъ контрастомъ съ невозмутимостью современныхъ французскихъ реалистовъ, своимъ страстнымъ отношеніемъ къ задачамъ нравственности и жизни. Они разошлись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, среди публики, совпадающей, по всей вѣроятности, съ верхними слоями читателей Диккенса—среди достаточной и образованной буржуазіи, въ особенности протестантской. Ихъ торжество — прямое послѣдствіе ихъ сантиментальности. Точно такъ же объясняется и успѣхъ Толстого. Менѣе тревожные и менѣе волнующіе, чѣмъ романы Достоевскаго, произведенія Толстого проникнуты, наравнѣ съ ними, заботливостью о вопросахъ, касающихся смысла жизни и смерти, добра и зла. Авторъ находится въ постоянномъ общеніи съ читателями, обладая, сверхъ того, поразительной способностью анализировать и оживлять созданныя имъ фигуры. Отсюда матеріальный успѣхъ его сочиненій и въ публикѣ, и между художниками, не меньше, впрочемъ, оцѣнившими и Достоевскаго. Для публики главная черта Толстого и Достоевскаго — ихъ страстность, ихъ нравственныя стремленія; для художниковъ важнѣе интересъ интриги и странность дѣйствующихъ лицъ—у Достоевскаго, обширность композиціи и удивительный даръ анализа—у Толстого... Итакъ, Диккенса читаетъ и любитъ преимущественно „буржуазія", Тургенева — „богатая" буржуазія, Достоевскаго и Толстого—„достаточная и образованная буржуазія", плюсъ артисты. Другими словами, для четырехъ писателей, существенно различныхъ, получается, въ концѣ концовъ, почти одна и та же публика. Во что же обращается, затѣмъ, теорія соотношенія между авторомъ и его читателями? Много ли остается основаній для заключенія отъ перваго къ послѣднимъ или отъ послѣднихъ къ первому? Не правы ли мы были, усомнившись, въ первой статьѣ о Геннекенѣ, въ цѣлесообразности пріема, которымъ молодой критикъ предлагаетъ замѣнить методъ Тэна? Мы не отвер-

гаемъ безусловно основную мысль Геннекена; мы готовы допустить, что старинная французская поговорка: dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es, можетъ сохранить *нѣкоторую* силу и въ новой редакціи: dis moi ce que tu lis, je te dirai qui tu es—но только при такихъ условіяхъ, которыя примѣнимы, и то не всегда, исключительно къ отдѣльному лицу. Мало знать, что такой-то читаетъ того или другого автора; нужно знать *всѣхъ* авторовъ, которыхъ онъ читаетъ; нужно знать, почему или изъ-за чего онъ ихъ читаетъ и какъ они на него дѣйствуютъ. По отношенію къ массѣ такая постановка вопроса совершенно немыслима; безконечное разнообразіе комбинацій устраняетъ здѣсь возможность какого бы то ни было общаго отвѣта. Въ какой средѣ расходятся всего больше, во Франціи, романы Зола? Безъ сомнѣнія—въ буржуазной; только она, какъ наиболѣе многочисленная часть читающей публики (бѣдныхъ классовъ населенія не принимаетъ въ разсчетъ и Геннекенъ), можетъ выставить тѣ десятки тысячъ покупателей, которые составили фортуну „Бойни“ или „Нана“. Если это такъ, то среда, читающая Зола, оказывается, im Grossen und Ganzen, тою же средой, которая читаетъ Диккенса, Тургенева, Достоевскаго, Толстого. Въ четырехъ послѣднихъ писателяхъ Геннекенъ могъ, хотя и не безъ натяжки, усмотрѣть одну общую черту (преобладаніе чувствительности), объясняющую распространеніе ихъ въ одной и той же сферѣ; но вѣдь господствующая черта Зола — прямо противоположнаго свойства, и пріурочить его къ одной группѣ съ „офранцуженными“ романистами рѣшительно невозможно... Отдѣлить истину отъ ошибки, воспользоваться тѣмъ, что есть вѣрнаго въ тезисѣ Геннекена—задача будущаго; книгѣ, лежащей передъ нами, этого не удалось достигнуть. Изобилуя мѣткими замѣчаніями, художественными страницами, она не можетъ быть отнесена къ области „научной критики“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это выраженіе самъ Геннекенъ.

Не касаясь сущности этюдовъ о Поэ и о Гейне, приведемъ только, для полноты картины, отзывъ Геннекена объ „офранцуженности“ этихъ двухъ писателей. Меньше всего популяренъ во Франціи Поэ; но если публика къ нему равнодушна, если переводы его сочиненій находятъ мало покупателей, то тѣмъ выше онъ цѣнится знатоками—литераторами, артистами. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ находился Бодлэръ; изъ числа современниковъ по его стопамъ идутъ Вилье де-Лиль-Адамъ, Морисъ Роллина (поэтъ и композиторъ), Одилонъ Редонъ (граверъ). Слабая распространенность Поэ объясняется, по мнѣнію Генне-

кена, рѣшительнымъ преобладаніемъ разсудочности надъ чувствомъ, искусственностью формы, оригинальностью вымысла, т.-е. именно всѣмъ тѣмъ, что̀ у него есть общаго съ лучшими современными французскими писателями. Отчего же, спрашивается, нѣкоторымъ изъ послѣднихъ удалось завоевать массу читателей? На этотъ вопросъ Геннекенъ не даетъ отвѣта... Гейне больше извѣстенъ французской публикѣ, чѣмъ Поэ, но настоящій успѣхъ онъ также имѣлъ и имѣетъ между писателями и художниками (только не между реалистами). Его осыпаютъ похвалами Теофиль Готье и Тэнъ; слѣды его вліянія можно найти у Банвилля и у Гонкуровъ, у „парнассцевъ“ (въ родѣ Катулла Мендеса), у Франсуа Коппé и у Поля Бурже. Большинству французской публики „нравится не иронія Гейне, не меланхолія его, не его изысканность, а его граціозный и тонкій умъ, его поэтическая веселость, его забавная душевная подвижность (son amusante mobilité d'âme), т.-е. тѣ черты, въ которыхъ хотя и отражается, но съ наименьшей силой, характеристическая измѣнчивость его внутренняго строя“. „Эта измѣнчивость — таково заключеніе Геннекена — существуетъ, слѣдовательно, у многихъ французскихъ читателей, но смягченная, ослабленная, выражающаяся только въ колебаніяхъ между рѣзко-различными душевными состояніями“ (réduite à ne se manifester qu'entre des états d'âme par trop divers). Нельзя сказать, чтобы этотъ выводъ отличался особенною доказательною силой.

Вполнѣ компетентными судьями литературной манеры писателя могутъ быть, конечно, только его соотечественники; но слогъ Геннекена такъ своеобразенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ характеристиченъ, что мы не можемъ не обратить на него вниманіе нашихъ читателей. Въ противоположность ясному, сжатому, простому языку Тэна, Геннекенъ любитъ длинныя фразы, изысканные обороты, малоупотребительныя слова. Въ этомъ отношеніи, еще больше чѣмъ въ своихъ эстетическихъ взглядахъ, онъ является настоящимъ современникомъ Зола и Гонкуровъ, въ особенности Гонкуровъ — или, лучше сказать, Эдмона Гонкура. Онъ раздѣляетъ съ послѣднимъ пристрастіе къ „рѣдкимъ эпитетамъ“, къ необычной разстановкѣ словъ [1]), къ мелкимъ штрихамъ, нагромождаемымъ одинъ на другой въ видахъ полноты или эффектности картины. Когда онъ называетъ романъ Толстого (Войну и Миръ) „un

[1]) Такова, напримѣръ, излюбленная Э. Гонкуромъ послѣдовательность двухъ предлоговъ, относящихся къ различнымъ существительнымъ (*avec près* du poêle quelque malade geignant).

livre d'humanité, de nombre, *de pâle épanouissement dense de vie*", когда онъ говоритъ объ артистическомъ темпераментѣ, что въ немъ, „comme en une corde tendue, comme sur un papier sensibilisé, ou en un réactif chimique, se répercutent tous les bruits, toutes les visions, toutes les odeurs, le cri d'un aviron contre les toquets, *les délicieuses effluves d'une passante au teint nuancé*, tout le flot de physionomies et de rumeurs qui roule et fracasse entre les files de devantures d'une rue", то мы легко можемъ вообразить себѣ, что читаемъ не критическій этюдъ, а „Chérie" или „la Faustin", эту квинтъ-эссенцію (sit venia verbo) „искусственнаго искусства". Или вотъ еще фраза, которая могла бы быть подписана Гонкуромъ: „Ce sont des études esquissées d'une singulière délicatesse de traits menus, diffus cependant et noyés d'ombre, qui tentent cette curiosité de connaître, que suscite tout mystère, qui la récompensent de son effort. par l'intéressante complexité de la physionomie. qui surgit peu-à-peu de l'ombre, par la sympathie émue qu'elle inspire, comme elle se révèle véridique, portrait et non académie, être tout semblable à son spectateur et mirant dans ses yeux le charme et la tristesse qu'il a connus et subis". Въ этомъ способѣ выраженій есть, безспорно, мастерство своего рода, но мастерство, которое мы позволимъ себѣ назвать византійскимъ, мастерство, въ которомъ есть что-то старческое, что-то отзывающееся пресыщеніемъ. Это— точно кушанье для избалованнаго желудка, отказывающагося принимать обыкновенную пищу, или избытокъ завитковъ, свойственный архитектурѣ временъ упадка. Къ счастію для Геннекена, эта манера владѣетъ имъ не всецѣло; онъ сбрасываетъ, по временамъ, заимствованное платье, стѣсняющее его движенія. Преклоняясь передъ „невозмутимостью" содержанія, Геннекенъ, какъ мы уже видѣли, понимаетъ законность и значеніе субъективнаго элемента въ искусствѣ; увлекаясь, иногда, „утонченностью" формы, онъ умѣетъ говорить и простымъ языкомъ глубоко убѣжденнаго человѣка.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВА.

Глубокой осенью, объята тихимъ сномъ,
Поникла ива надъ ручьемъ.

Ей грезится весна, ее страшатъ морозы,
И листья падаютъ, какъ слезы.

Тѣ листья мчитъ ручей къ полуденной странѣ,
Какъ бы привѣтъ ея веснѣ.

Послѣдній листъ упалъ—все ждетъ нѣмая ива...
И нѣтъ отвѣта, нѣтъ призыва...

* * *

И ты въ гробу?.. И блѣдный обликъ твой,
Твой обликъ окруженъ весенними цвѣтами?
И ты, страдалица, подъ легкой кисеей
Сжимаешь мѣдный крестъ застывшими руками?..
То вкругъ тебя унылый рядъ свѣчей
Мерцаетъ пламенемъ безстрастнаго прощанья?
То на твоихъ устахъ снопъ солнечныхъ лучей
Горитъ, какъ поцѣлуй послѣдняго свиданья?..
То вьется надъ тобой прозрачный дымъ кадилъ?
Тебя-ль, мой другъ, твои ли свѣтлыя мгновенья
Зоветъ туда, въ тотъ страшный рядъ чужихъ могилъ,
Глухой напѣвъ печальнаго богослуженья?..
Цвѣтами чудными ты вновь окружена—
Зачѣмъ же не дрожатъ твои цвѣты, какъ прежде,
Зачѣмъ не дышетъ грудь въ объятьяхъ мирныхъ сна,
Зачѣмъ ты не вздохнешь въ отвѣтъ моей надеждѣ,—
То не твоя ли жизнь въ тѣхъ призрачныхъ волнахъ,
Что надъ тобой плывутъ, благоухая, таютъ,
То не твоя-ль душа въ тѣхъ солнечныхъ лучахъ,
Что такъ тебя цѣлуютъ, обнимаютъ?..

Як. Ивашкевичъ.

ЧЕРНАЯ СТРѢЛА

Историческая повѣсть, соч. Роберта Стивенсона.

Съ англійскаго.

ПРОЛОГЪ.

Джонъ Мститель.

Въ одинъ прекрасный день, поздней весной, въ деревнѣ Тэнстоль раздался колокольный звонъ совсѣмъ въ необычное время. Поселяне, работавшіе въ лѣсахъ и на поляхъ вдоль рѣки, побросали свои работы и поспѣшили къ мѣсту тревоги; въ самой деревнѣ жители ея также высыпали на улицу и удивлялись, что бы такое означалъ этотъ набатъ.

Въ смутное время, въ царствованіе уже престарѣлаго тогда короля Генриха VI, во второй половинѣ XV-го вѣка, въ самый разгаръ войны Алой и Бѣлой розы, деревня Тэнстоль была совсѣмъ такая же съ виду, какъ и нынѣ. Десятка два домовъ, грубо сколоченныхъ изъ дубовыхъ бревенъ, стояли въ безпорядкѣ, разбросанные по зеленой долинѣ, спускавшейся къ рѣкѣ. Въ концѣ деревни дорога упиралась въ мостъ, затѣмъ, поднявшись на противоположный берегъ, терялась въ лѣсу, по направленію къ Моотгаузу, и дальше—къ аббатству Голивудъ. Посреди деревни высилась церковь, окруженная тиссовыми деревьями. По обѣ стороны рѣки покатости ея заросли зелеными вязами и дубами.

У самаго моста на холмикѣ высился каменный крестъ; здѣсь собралось нѣсколько женщинъ, и вмѣстѣ съ ними здоровый малый въ крестьянской блузѣ; всѣ они разсуждали о причинахъ необычайнаго звона.

За полчаса передъ тѣмъ черезъ деревню проѣхалъ гонецъ; онъ такъ торопился, что выпилъ поданную ему кружку пива, не слѣзая съ сѣдла; но самъ онъ ничего не зналъ о своемъ порученіи, такъ какъ везъ запечатанное письмо отъ сэра Даніэля Брэкли къ сэру Оливеру Отсу, патеру, управлявшему Моотгаузомъ въ отсутствіе владѣльца.

Но вотъ послышался снова топотъ лошади; на опушкѣ лѣса показался всадникъ и проскакалъ черезъ мостъ; то былъ молодой мистеръ Ричардъ Шельтонъ, находившійся подъ опекой сэра Даніэля. Толпа привѣтствовала его криками и просила разсказать, въ чемъ дѣло. Онъ остановилъ коня довольно охотно; это былъ молодой человѣкъ, не достигшій еще восемнадцати лѣтъ, загорѣлый, съ сѣрыми глазами, въ куртkѣ изъ оленьей кожи съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, въ зеленой шапочкѣ и съ стальнымъ самострѣломъ за спиной. Гонецъ, какъ оказалось, привезъ важныя новости. Предстояла битва. Сэръ Даніэль требовалъ, чтобы каждый, кто могъ натянуть лукъ или владѣть топоромъ, какъ можно скорѣе явился къ Кэттли, подъ страхомъ жестокой опалы, въ случаѣ ослушанія; но гдѣ и съ кѣмъ ожидалась битва, объ этомъ Дикъ ничего не зналъ. Сэръ Оливеръ хотѣлъ вскорѣ самъ отправиться, а Беннетъ Гатчъ уже вооружался, такъ какъ долженъ былъ вести отрядъ.

— Это чистое разоренье для страны, — сказала какая-то женщина.—Пока наши бароны воюютъ, мы, крестьяне, должны жевать коренья.

— Нѣтъ,—сказалъ Дикъ,—всякій, кто пойдетъ, будетъ получать шесть пенсовъ въ сутки, а стрѣлки по двѣнадцати.

— Да, хорошо, если они останутся живы,—возразила женщина,—а если ихъ убьютъ!

— Нѣтъ смерти лучше, какъ пасть за своего прирожденнаго лорда, —сказалъ Дикъ.

— А у меня такъ нѣтъ прирожденнаго лорда,—замѣтилъ малый въ блузѣ.—Сначала я шелъ за Уольсингомами; мы всѣ изъ нашего околотка стояли за нихъ въ ту пору. А теперь я долженъ стоять за Брэкли. Такъ оно выходитъ по закону; какъ вамъ это нравится? А теперь, вотъ сэръ Даніэль и сэръ Оливеръ,—этому больше знакомы законы, чѣмъ честь,—мнѣ они все равно; у меня нѣтъ лорда, кромѣ бѣднаго короля Гарри Шестого; да благословитъ его Богъ: онъ, бѣдняга, такъ простъ, что не съумѣетъ отличить правую руку отъ лѣвой.

— У васъ злой языкъ, мой другъ,—отвѣчалъ Дикъ:—вы напрасно смѣетесь надъ своимъ добрымъ господиномъ и милордомъ

королемъ. Король Гарри — слава святымъ!—теперь оправился и уладитъ всѣ безпорядки. Вотъ сэръ Даніэль,—такъ вѣдь вы храбритесь у него за спиной. Впрочемъ, я не доносчикъ, — и довольно объ этомъ.

— О васъ, мистэръ Ричардъ, я не говорю ничего худого,—возразилъ крестьянинъ.—Вы еще молоды, а вотъ подростете, такъ и окажетесь съ пустымъ карманомъ. Больше ничего не скажу. Да помогутъ святые сосѣдямъ сэра Даніэля и да защититъ Пресвятая Дѣва сиротъ, которые находятся подъ его опекой!

— Клипсби,—сказалъ Ричардъ, — вы говорите такія рѣчи, которыя я не долженъ слушать. Сэръ Даніэль мой господинъ и патронъ.

— Ну, хорошо; разрѣшите-ка мнѣ загадку, — возразилъ Клипсби:—на чьей сторонѣ теперь самъ сэръ Даніэль?

— Не знаю,—отвѣчалъ Дикъ, слегка покраснѣвъ, такъ какъ его опекунъ то-и-дѣло переходилъ отъ одной партіи къ другой въ это смутное время, и каждый такой переходъ увеличивалъ его состояніе.

— Ага!—замѣтилъ Клипсби:—не знаете; да и никто не знаетъ. Онъ вѣдь служитъ разомъ и нашимъ, и вашимъ, и Ланкастерамъ, и Іоркамъ, и Алой, и Бѣлой розѣ.

Въ эту минуту на мосту опять послышался стукъ копытъ скачущей лошади; всѣ обернулись и увидѣли самого Беннета Гатча. Это былъ смуглый, здоровый дѣтина, съ пробивающеюся уже сѣдиной, съ тяжелымъ кулакомъ и свирѣпымъ взглядомъ, вооруженный копьемъ и мечомъ, въ кожаной куртки и стальномъ шлемѣ. Онъ былъ важною особой въ этой мѣстности,—правая рука сэра Даніэля въ мирѣ и на войнѣ, и въ то же время сотникъ.

— Клипсби!—крикнулъ онъ:—ступай къ Моотгаузу и пошли туда всѣхъ остальныхъ. Тамъ получишь шлемъ и кольчугу. Мы должны отправиться прежде, чѣмъ начнутъ тушить огни. Собраться у церковной ограды; кто запоздаетъ, тому достанется! Смотри же! Я знаю, ты человѣкъ ненадежный! Нэнси,—прибавилъ онъ, обращаясь къ одной изъ женщинъ:—что старый Аппплейярдъ дома?

— Кажется, дома,—отвѣчала женщина. — Должно быть на огородѣ.

Послѣ этого толпа разошлась; Клипсби лѣниво побрелъ черезъ мостъ, а Беннетъ и молодой Шельтонъ поѣхали рядомъ черезъ деревню.

— Нужно повидаться съ этимъ старымъ болтуномъ, — сказалъ Беннетъ.—Онъ будетъ брюзжать и ворчать о Гарри Пятомъ

такъ долго, что другой въ это время успѣетъ подковать лошадь. А все потому, что участвовалъ въ французскихъ войнахъ.

Домъ, къ которому они теперь подъѣхали, стоялъ на самомъ краю деревни, среди сиреней, поодаль отъ другихъ домовъ; съ трехъ сторонъ онъ былъ окруженъ обширнымъ лугомъ, простиравшимся до лѣса.

Гатчъ слѣзъ съ лошади, привязалъ поводъ къ забору и, придерживая Дика за локоть, пошелъ въ огородъ, гдѣ старый солдатъ копался въ грядахъ капусты, напѣвая сиплымъ голосомъ какую-то пѣсню. Онъ былъ одѣтъ въ кожаное платье, только шапка и воротникъ были изъ черной байки съ краснымъ шитьемъ; лицо его напоминало скорлупу грецкаго орѣха какъ цвѣтомъ, такъ и обиліемъ морщинъ; но сѣрые глаза до сихъ поръ сохранили блескъ и смотрѣли бойко. Можетъ быть онъ былъ глухъ, можетъ быть считалъ недостойнымъ для стараго бойца при Азинкурѣ обращать вниманіе на такіе пустяки; только ни звуки набата, ни приближеніе Гатча и молодого человѣка, повидимому, не произвели на него никакого впечатлѣнія; онъ продолжалъ рыться въ своихъ грядахъ, напѣвая пѣсенку.

— Никъ Аплэйардъ!—сказалъ Гатчъ:—сэръ Оливеръ приказываетъ вамъ немедленно отправиться въ Моотгаузъ и принять тамъ команду.

Старикъ посмотрѣлъ на него.

— Шутите, господа!—сказалъ онъ, оскаливъ зубы. — Куда отправляется мистеръ Гатчъ?

— Мистеръ Гатчъ отправляется къ Кэтли со всѣми всадниками,—отвѣчалъ Беннетъ.—Тамъ готовится битва, и лордъ требуетъ подкрѣпленія.

— Да, вотъ что!—отвѣчалъ Аплэйардъ.—Какой же гарнизонъ вы мнѣ оставите?

— Шесть человѣкъ, и кромѣ того сэръ Оливеръ остается.

— Этого мало,—сказалъ Аплэйардъ.—Мнѣ нужно два десятка.

— Ну вотъ еще! мы не для того пришли сюда, чтобы спорить съ вами, старый болтунъ! — воскликнулъ Гатчъ. — На что вамъ такой гарнизонъ въ такомъ маленькомъ укрѣпленіи?

— А что я буду дѣлать съ этою дрянью?—возразилъ Никъ. — Ни одинъ изъ этихъ людей не умѣетъ справиться съ лошадью или владѣть топоромъ, а что касается до стрѣльбы... св. Михаилъ! еслибы старый Гарри Пятый воскресъ, онъ позволилъ бы вашимъ стрѣлкамъ стрѣлять въ себя по фартингу за выстрѣлъ.

— Нѣтъ, Никъ, есть и теперь люди, которые съумѣютъ натянуть лукъ,—сказалъ Беннетъ.

— Натянуть лукъ!—воскликнулъ Апплэйярдъ.—Да! Но сдѣлать хорошій выстрѣлъ! Ну вотъ, напримѣръ, что вы назовете хорошимъ выстрѣломъ, Беннетъ Гатчъ?

— Да вотъ,—сказалъ Беннетъ,—отсюда до лѣса.

— Да, это будетъ порядочный выстрѣлъ,—сказалъ старикъ, взглянувъ по указанному направленію. Затѣмъ онъ прикрылъ глаза рукою и принялся разсматривать что-то.

— Ну, что вы тамъ увидѣли?—насмѣшливо спросилъ Беннетъ.—Ужъ не Гарри ли Пятаго?

Ветеранъ продолжалъ молча смотрѣть въ томъ же направленіи. Солнце яркимъ свѣтомъ озаряло луга; нѣсколько барановъ щипали траву; безмятежная тишина нарушалась только отдаленнымъ звономъ колокола.

— Что тамъ такое, Апплэйярдъ?—спросилъ Дикъ.

— Птицы,—сказалъ Апплэйярдъ.

И дѣйствительно надъ лѣсомъ, тамъ, гдѣ онъ мысомъ вдавался въ луга, заканчиваясь парой прекрасныхъ зеленыхъ вязовъ, приблизительно на полетъ стрѣлы отъ того мѣста, гдѣ они стояли, виднѣлась стая птицъ, летавшихъ въ разныя стороны въ очевидномъ безпорядкѣ.

— Ну, птицы—такъ птицы,—что-жъ изъ этого? — сказалъ Беннетъ.

— Да!—возразилъ Апплэйярдъ:—вы умно сдѣлали, что отправляетесь на войну, мастэръ Беннетъ. Птицы—хорошая стража; въ лѣсистыхъ мѣстахъ онѣ сейчасъ укажутъ на войско. Вотъ смотрите, еслибы мы тутъ стояли лагеремъ, и тамъ въ лѣсу спрятались стрѣлки, намъ бы пришлось плохо.

— Что за вздоръ, старая сорока! — воскликнулъ Гатчъ: — ближе къ намъ нѣтъ людей, какъ воины сэра Даніэля, у Кэттли; здѣсь вы такъ же безопасны, какъ въ тоуэрской башнѣ, и подымаете пустую тревогу изъ-за какихъ-то зябликовъ и воробьевъ.

— Толкуйте!—проворчалъ Апплэйярдъ.—Сколько мошенниковъ были бы рады застрѣлить кого-нибудь изъ насъ! Святой Михаилъ! да насъ ненавидятъ, какъ двухъ волковъ.

— Ненавидятъ сэра Даніэля,—замѣтилъ Гатчъ, слегка задумавшись.

— Ну, да, сэра Даніэля, а за одно и всѣхъ, кто ему служитъ,—возразилъ Апплэйярдъ: — и прежде всего Беннета Гатча и стараго Николая. Посмотрите сюда: еслибы тамъ на опушкѣ

стоялъ какой-нибудь молодецъ, и вы и я стояли бы здѣсь, какъ мы теперь стоимъ—кого бы изъ насъ онъ выбралъ.

— Васъ, готовъ биться объ закладъ!—отвѣчалъ Гатчъ.

— Ставлю свою куртку противъ кожанаго пояса, что васъ!—воскликнулъ старый стрѣлокъ.—Вы сожгли Гримстонъ, Беннетъ,—этого вамъ никогда не забудутъ. Что до меня, то я, слава Богу, скоро отправлюсь въ покойное мѣсто, гдѣ буду далеко отъ выстрѣла и отъ людской злобы. Я старикъ и стою на краю могилы. Но вы, Беннетъ, останетесь здѣсь, и если доживете до моихъ лѣтъ, то, значитъ, духъ старой Англіи пропалъ.

— Вы самый несносный старый болтунъ въ Тэнстоллѣ!—возразилъ Гатчъ, видимо смущенный этимъ предостереженіемъ.—Ступайте за оружіемъ, пока не пришелъ сэръ Оливеръ, и оставьте хоть на время болтовню. Если вы столько же толковали съ Гарри Пятымъ, то въ его ушахъ звенѣло больше, чѣмъ въ карманѣ.

Въ эту минуту стрѣла просвистѣла въ воздухѣ и вонзилась между лопатокъ стараго Апплэйярда, пробивъ его насквозь. Онъ упалъ ничкомъ среди грядъ съ капустой; Гатчъ вскрикнулъ, бросился къ дому и спрятался подъ его защитой. Въ ту же минуту Дикъ Шельтонъ схватилъ свой самострѣлъ и, припавъ на землю за кустомъ сирени, натянулъ его, высматривая врага.

Все было тихо. Бараны мирно щипали траву, птицы успокоились. А между тѣмъ старикъ лежалъ, пронзенный стрѣлой, торчавшей изъ его спины; Гатчъ прятался за домомъ, и Дикъ, укрываясь за кустомъ сирени, держалъ на-готовѣ самострѣлъ.

— Никого не видно?—спросилъ Гатчъ.

— Никого,—отвѣчалъ Дикъ.

— Стыдно оставить его такъ,—сказалъ Беннетъ, нерѣшительно приближаясь къ старику.—Наблюдайте хорошенько за лѣсомъ, мастэръ Шельтонъ, не спускайте съ него глазъ. Да сохранятъ насъ святые! вотъ мѣткій выстрѣлъ!

Беннетъ приподнялъ стараго стрѣлка на свои колѣни. Онъ былъ еще живъ; по лицу пробѣгала судорога, глаза открывались и закрывались какъ бы механически; помутившійся взглядъ выражалъ жестокое страданіе.

— Слышишь ли ты меня, старый Никъ?—спросилъ Гатчъ.—Выскажи свою послѣднюю волю передъ смертью!

— Вытащи стрѣлу и дай мнѣ умереть, во имя Пресвятой Дѣвы!—прошепталъ Апплэйярдъ.

— Мастэръ Дикъ,—сказалъ Беннетъ,—подите сюда и выдерните стрѣлу. Бѣднягѣ пришелъ конецъ.

Дикъ подошелъ и, дернувъ за стрѣлу, вытащилъ ее изъ раны.

Кровь брызнула струей, старикъ опрокинулся и, упомянувъ еще разъ имя Бога, умеръ. Гатчъ, стоя на колѣняхъ среди кочней капусты, усердно молился за душу усопшаго. Но и во время молитвы онъ посматривалъ на опушку лѣса, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Окончивъ молитву, онъ всталъ, снялъ съ руки желѣзную перчатку и отеръ свое блѣдное лицо, на которомъ выступилъ потъ отъ ужаса.

— Ну,—сказалъ онъ,—теперь, должно быть, моя очередь.

— Кто бы могъ это сдѣлать, Беннетъ?—спросилъ Ричардъ, еще державшій въ рукѣ стрѣлу.

— Богъ его знаетъ, —сказалъ Гатчъ. — Мало ли христіанскихъ душъ мы выгнали изъ дома и лишили имущества! Бѣдный болтунъ поплатился жизнью; теперь чередъ за мной. Сэръ Даніэль слишкомъ ужъ строгъ.

— Странное древко!—сказалъ юноша, разсматривая стрѣлу.

— Именно!—воскликнулъ Беннетъ.—Черное и съ чернымъ опереніемъ. Это скверно; говорятъ, черный цвѣтъ предвѣщаетъ похороны. Да тутъ какія-то слова! Отрите кровь! Что тутъ написано.

— „Апплэйярду отъ Джона Мстителя“,—прочелъ Шельтонъ. Что это значитъ?

— Не знаю, но это мнѣ не нравится,—отвѣчалъ Гатчъ, покачивая головой.—Джонъ Мститель! Это, очевидно, условное имя! Однако, что же мы стоимъ здѣсь. Возьмите его за ноги, мастэръ Шельтонъ, а я за плечи, и перенесемъ въ домъ. Воображаю, какъ ужаснется бѣдный сэръ Оливеръ!

Они подняли старика и внесли его въ домъ, гдѣ онъ жилъ одинъ. Тутъ они положили его на полъ, стараясь по возможности придать ему приличную позу.

Домъ Апплэйярда отличался простотою убранства. Въ немъ была кровать съ голубымъ одѣяломъ, шкафъ для посуды, большой сундукъ, пара табуретовъ, столъ въ уголку передъ каминомъ, и развѣшенное по стѣнамъ оружіе стараго стрѣлка. Гатчъ съ любопытствомъ осмотрѣлся.

— У Ника были деньги,—сказалъ онъ.—Навѣрно, тутъ спрятано гдѣ-нибудь фунтовъ шестьдесятъ. Не дурно бы отыскать ихъ. Когда теряешь стараго друга, мастэръ Ричардъ, лучшее утѣшеніе—сдѣлаться его наслѣдникомъ. Посмотрите-ка на этотъ сундукъ. Я готовъ биться объ закладъ на что угодно, что въ немъ лежитъ куча золота. Старый Апплэйардъ умѣлъ добывать деньги, а тратить былъ не охотникъ. Упокой, Господи, его душу. Почти восемьдесятъ лѣтъ онъ добывалъ деньги, но теперь ему

ничего не нужно, и если его имущество достанется его другу, то навѣрное его душа порадуется въ небесахъ.

— Полно, Гатчъ!—сказалъ Дикъ.—Имѣйте уваженіе къ покойнику. Неужели вы въ состояніи обокрасть старика передъ его тѣломъ? Нѣтъ, его духъ не далъ бы вамъ покоя.

Гатчъ нѣсколько разъ перекрестился, но обычное настроеніе уже вернулось къ нему, и онъ не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. Онъ бы взломалъ сундукъ, но въ это время ворота заскрипѣли, а вскорѣ затѣмъ дверь отворилась и вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, полный, румяный, съ черными глазами, въ стихарѣ и черной рясѣ.

— Апплэйярдъ!—сказалъ вошедшій, но, увидѣвъ трупъ, остановился въ оцѣпенѣніи:—Ave Maria! Да сохранятъ насъ святые! Что тутъ случилось?

— Случилась бѣда съ Апплэйярдомъ, сэръ пасторъ,—отвѣчалъ Гатчъ совершенно равнодушно.—Застрѣленъ у порога своего дома и теперь находится у вратъ чистилища.

Сэръ Оливеръ добрался до табурета и опустился на него блѣдный и разстроенный.

— Это ужасно!—простоналъ онъ и началъ читать молитвы.

Гатчъ почтительно снялъ шлемъ и сталъ на колѣни.

— Послушай, Беннетъ!—сказалъ патеръ, немного оправившись:—кто бы могъ это сдѣлать? Какой врагъ убилъ его?

— Вотъ стрѣла, сэръ Оливеръ. Посмотрите, здѣсь надпись,—сказалъ Дикъ.

— Нѣтъ,—воскликнулъ священникъ:—тутъ что-то не чисто. Джонъ мститель! Это похоже на пароль лоллардовъ. И окрашена въ черный цвѣтъ—точно предзнаменованіе. Господа, эта проклятая стрѣла мнѣ не нравится. Надо хорошенько обсудить это дѣло. Кто бы могъ его убить? Подумайте, Беннетъ. У насъ много враговъ; но кто изъ нихъ рѣшился такъ нагло выступить противъ насъ? Симнель? Сомнѣваюсь. Уольсингамы? Нѣтъ, они еще не дошли до этого; они еще надѣятся, что законъ будетъ на ихъ сторонѣ, когда времена перемѣнятся. Можетъ быть Симонъ Мальмсбери? Какъ вы думаете, Беннетъ?

— А что вы думаете, сэръ, — сказалъ Беннетъ,—насчетъ Эллиса Дэнворта?

— Нѣтъ, Беннетъ, никогда. Нѣтъ, не онъ... Возстаніе никогда не начинается снизу, Беннетъ—въ этомъ согласны всѣ здравомыслящіе люди: — оно идетъ сверху внизъ; и если Дикъ, Томъ и Гарри берутся за топоры, — всегда ищите лорда, который тутъ дѣйствуетъ. Сэръ Даніэль не разъ присоединялся къ

партіи королевы, и этимъ раздражилъ іоркскихъ лордовъ. Оттуда-то и нанесенъ ударъ, Беннетъ; не знаю кѣмъ, но увѣренъ, что это такъ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ Даніэль,—сказалъ Беннетъ,—а по моему огонь ужъ давно разгорается въ этой странѣ. Я давно уже чуялъ это, да и бѣдняга Апплэйярдъ тоже. Съ вашего позволенія,—всѣ до того настроены противъ насъ, что не къ чему искать причины въ Іоркахъ или Ланкастерахъ. Вотъ что я думаю: вы, патеръ и сэръ Даніэль, который всегда держитъ носъ по вѣтру, многихъ лишили имущества, многихъ избили или повѣсили. Вотъ теперь и пришло время разсчета; люди, у которыхъ вы отняли имущество, обозлились на васъ и взялись за лукъ.

— Нѣтъ, Беннетъ, вы ошибаетесь,—сказалъ сэръ Оливеръ.—Вы болтунъ, Беннетъ, вы пустомеля, у васъ злой языкъ. Нужно держать его за зубами, Беннетъ.

— Ну, хорошо, я замолчу. Думайте что хотите,—сказалъ Беннетъ.

Патеръ всталъ, вынулъ изъ ящичка, висѣвшаго у него на шеѣ воскъ, свѣчу, кремень и огниво, и наложилъ печати съ гербомъ сэра Даніэля на ящикъ и шкафъ. Гатчъ смотрѣлъ на все это съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Затѣмъ они вышли изъ дому и направились къ лошадямъ.

— Мы бы теперь ужъ были въ дорогѣ, сэръ Оливеръ,—сказалъ Гатчъ, поддерживая стремя патеру.

— Да, Беннетъ, но обстоятельства перемѣнились,—возразилъ Оливеръ.—Апплэйярда уже нѣтъ—да будетъ миръ его душѣ!—и некому принять команду надъ гарнизономъ. Я оставлю васъ, Беннетъ. Я долженъ имѣть при себѣ надежнаго человѣка въ такое время. „Стрѣла, пущенная во дню“, — говоритъ писаніе, не помню хорошенько текста... рѣшительно, я слишкомъ пренебрегаю молитвами, слишкомъ погрузился въ мірскія дѣла. Ну, ѣдемте, мастэръ Гатчъ. Всадники теперь должны быть у церкви.

Они поѣхали обратно, къ церкви. Между тѣмъ поднялся вѣтеръ и тучи стали застилать дискъ заходящаго солнца. Миновавъ нѣсколько домовъ, они увидѣли передъ собою церковь. Около дюжины домовъ лѣпились подлѣ нея, но позади церковнаго двора начинались уже луга. Возлѣ ограды стояло человѣкъ двадцать всадниковъ; нѣкоторые спѣшились и держали лошадей подъ устцы. Вооруженіе и лошади ихъ отличались разнообразіемъ: у однихъ были копья, у другихъ топоры или луки; иные сидѣли на ло-

шадяхъ, взятыхъ прямо отъ сохи. Это были поддонки населенія: лучшіе люди и оружіе находились уже при сэрѣ Даніэлѣ.

— Мы сдѣлали что могли, клянусь голивудскимъ крестомъ!— воскликнулъ патеръ, мысленно пересчитывая воиновъ.— Сэръ Даніэль долженъ остаться доволенъ.

— Кто идетъ? стой!—крикнулъ Беннетъ. Какой-то человѣкъ видимо старался проскользнуть незамѣченнымъ по двору, среди тиссовъ, но, услышавъ окрикъ Беннета, пустился бѣжать по направленію къ лѣсу. Поднялась суматоха; всадники бросились въ погоню, но имъ пришлось дѣлать объѣздъ вокругъ двора, и было ясно, что добыча ускользнетъ отъ нихъ. Гатчъ хотѣлъ перескочить черезъ изгородь, но лошадь заупрямилась, встала на дыбы и сбросила всадника на землю. Хотя онъ тотчасъ же вскочилъ на ноги и поймалъ узду, но время было уже упущено и бѣглецъ приближался къ лѣсу.

Благоразумнѣе всѣхъ оказался Дикъ Шельтонъ. Вмѣсто того, чтобы терять время на безполезное преслѣдованіе, онъ схватилъ самострѣлъ, прицѣлился и спросилъ у Беннета, стрѣлять ли ему.

— Стрѣляйте! стрѣляйте!—крикнулъ патеръ.

— Валяйте, мастэръ Дикъ!—сказалъ Беннетъ.—Хорошенько его!

Бѣглецъ уже находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣса, но лугъ въ этомъ мѣстѣ круто поднимался, и онъ бѣжалъ медленнѣе. Сумерки и неровныя движенія бѣглеца затрудняли выстрѣлъ; притомъ Дикъ невольно почувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти и почти желалъ промахнуться. Стрѣла полетѣла.

Бѣглецъ остановился и упалъ; радостный крикъ вырвался изъ груди Гатча и всадниковъ. Но они слишкомъ поторопились радоваться. Упавшій снова вскочилъ на ноги и, насмѣшливо махнувъ платкомъ, черезъ нѣсколько мгновеній скрылся въ лѣсу.

— Чортъ бы тебя побралъ! — воскликнулъ Беннетъ.—Вотъ воровскія ноги! умѣетъ бѣгать, нечего сказать. Но вы его ранили, мастэръ Шельтонъ, навѣрно!

— Что бы онъ могъ дѣлать на церковномъ дворѣ?—замѣтилъ сэръ Оливеръ. Сдается мнѣ, что тутъ былъ какой-нибудь злой умыселъ. Клипсби, сдѣлай одолженіе, слѣзь съ коня и пошарь тамъ, между деревьями.

Клипсби повиновался и черезъ нѣсколько времени вернулся, неся въ рукахъ листокъ бумаги.

— Вотъ какая-то записка; она была прилѣплена къ церковнымъ дверямъ,—сказалъ онъ.

— Это просто кощунство!—воскликнулъ сэръ Оливеръ.—

Добро бы еще принцъ или лордъ, а то какой-нибудь бродяга осмѣливается прилѣплять записки къ церковнымъ дверямъ—нѣтъ, это положительно пахнетъ кощунствомъ! Но что тутъ можетъ быть написано? Я не могу разобрать въ сумеркахъ. Добрый мастэръ Шельтонъ, у васъ молодые глаза; пожалуйста, прочтите мнѣ эту богомерзкую записку.

Дикъ Шельтонъ взялъ бумагу и прочелъ ее вслухъ. Это были нѣсколько плохо риѳмованныхъ строчекъ, написанныхъ крупнымъ, неуклюжимъ почеркомъ и гласившихъ слѣдующее:

Въ моемъ колчанѣ четыре черныя стрѣлы,
Четыре стрѣлы за тѣ притѣсненія, которыя я испыталъ,
Четыре стрѣлы для тѣхъ злыхъ людей,
Которые гнали меня прежде и теперь.
Первая пущена; она мѣтко попала:
Старый Апплэйардъ убитъ.
Вторая—для мистера Беннета Гатча,
Который сжегъ Гримстонъ со всѣми домами и лачужками.
Третья—для сэра Оливера Отса,
Который перерѣзалъ горло Гарри Шельтону.
Сэръ Даніэль, вамъ предназначена четвертая;
Каждому свой чередъ.
Каждый изъ васъ получитъ на свою долю
По стрѣлѣ въ черное сердце!
Станьте на колѣни и молитесь—
Пришелъ вашъ послѣдній часъ!

Стихи подписаны: „Джонъ Мститель, изъ Зеленаго лѣса, и его веселые товарищи".

Внизу бумаги прибавлено: „У насъ найдется довольно стрѣлъ и хорошихъ пеньковыхъ веревокъ и для остальной вашей братіи".

— Вотъ бѣда!—жалобно воскликнулъ сэръ Оливеръ.—Сэры, это письмо содержитъ гнусную клевету. Я готовъ поклясться крестомъ голивудскаго аббатства, что неповиненъ въ смерти того рыцаря, ни словомъ, ни дѣломъ, такъ же неповиненъ, какъ новорожденный младенецъ. Никто не перерѣзалъ ему горла, это вздоръ; есть достовѣрные свидѣтели, которые могутъ подтвердить мои слова.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, сэръ,—сказалъ Беннетъ.—Теперь не время для такихъ разговоровъ.

— Нѣтъ, постойте, мастэръ Беннетъ!—возразилъ патеръ.

— Не мѣшайтесь не въ свое дѣло, добрый Беннетъ. Я хочу доказать свою невинность. Я прошу всѣхъ засвидѣтельствовать, что мои руки остались чистыми въ этомъ дѣлѣ. Я даже не былъ тогда въ Моottаузѣ. Меня послали съ порученіемъ...

— Сэръ Оливеръ,—перебилъ Гатчъ,—если вамъ не угодно прервать эту проповѣдь, я прибѣгну къ другимъ средствамъ. Гостиръ, труби къ выступленію!

И въ то время, какъ звучала труба, онъ подъѣхалъ къ разстроенному патеру и что-то прошепталъ ему на ухо.

Дикъ Шельтонъ замѣтилъ, что глаза патера на мгновеніе остановились на немъ. Ему было надъ чѣмъ задуматься, потому что этотъ Гарри Шельтонъ былъ его отецъ. Но онъ ничего не сказалъ и скрылъ свое волненіе.

Гатчъ и сэръ Оливеръ поговорили еще нѣсколько времени, обсуждая, какъ имъ поступить въ виду измѣнившихся обстоятельствъ. Рѣшено было оставить десять человѣкъ не только для охраны Моотгауза, но и для того, чтобы сопровождать патера при переѣздѣ черезъ лѣсъ. Такъ какъ Гатчъ оставался, то начальство надъ вспомогательнымъ отрядомъ было поручено Шельтону. Другого выбора не было; всѣ эти люди были народъ неотесанный, безтолковый, непривычный къ войнѣ, тогда какъ Дикъ не только пользовался популярностью, но и былъ рѣшителенъ и серьезенъ не по лѣтамъ. Хотя его молодость протекла въ этомъ захолустьѣ, но сэръ Оливеръ передалъ ему всѣ свои книжныя познанія, а Гатчъ самъ обучалъ его воинскому искусству. Беннетъ всегда относился къ нему ласково; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые суровы и жестоки съ врагами, но готовы помочь и сдѣлать добро друзьямъ. И теперь, между тѣмъ какъ сэръ Оливеръ вошелъ въ ближайшую избу, чтобы написать о случившемся сэру Даніэлю Брэкли, Беннетъ подошелъ къ молодому человѣку пожелать ему успѣха и помощи Божіей въ его дѣлѣ.

— Вамъ предстоитъ долгій путь, мастэръ Шельтонъ,—сказалъ онъ.—Вышлите развѣдчика, пусть онъ ѣдетъ шаговъ на пятьдесятъ впереди. Будьте осторожны въ лѣсу. Если мошенники нападутъ на васъ, бросайтесь на нихъ; останавливаться хуже... И пробивайтесь впередъ, мастэръ Шельтонъ, не вздумайте отступить, если дорожите жизнью; въ Тэнстолѣ вы не найдете подмоги —подумайте объ этомъ! А теперь, такъ какъ вы отправляетесь на великую войну за короля, а я останусь здѣсь съ величайшей опасностью для жизни, и Богъ знаетъ, встрѣтимся ли мы когда-нибудь,—то я хочу вамъ дать послѣдній совѣтъ. Не довѣряйтесь сэру Даніэлю; онъ человѣкъ ненадежный. Да и патеру не вѣрьте: самъ-то онъ не замыслитъ чего-нибудь худого, но онъ исполняетъ волю другихъ: онъ дѣлаетъ все, что захочетъ сэръ Даніэль. Постарайтесь найти себѣ хорошихъ друзей. И не поминайте лихомъ

Беннета Гатча; право, есть мошенники похуже его. Ну, благослови васъ Богъ!

— И надъ вами да будетъ милость Божія, Беннетъ!—отвѣчалъ Дикъ.—Вы были мнѣ хорошимъ другомъ, я всегда это скажу.

— И вотъ что еще, мастэръ,—прибавилъ Гатчъ съ нѣкоторымъ волненіемъ:—если этотъ Мститель уложитъ меня стрѣлой, не пожалѣйте золотой марки или фунта на поминъ моей бѣдной души; мнѣ вѣдь плохо придется въ чистилищѣ.

— Разумѣется, я исполню ваше желаніе, Беннетъ!—возразилъ Дикъ.—Но Богъ съ вами, зачѣмъ вы такъ говорите? мы еще встрѣтимся, и тогда понадобится скорѣй пиво, чѣмъ панихиды.

— Дай-то Богъ, мастэръ Дикъ!—отвѣчалъ Беннетъ.—Но вотъ и сэръ Оливеръ... И онъ владѣлъ лукомъ не хуже, чѣмъ веромъ; изъ него могъ бы выйти славный воинъ.

Сэръ Оливеръ отдалъ Дику запечатанный пакетъ съ слѣдующею надписью: „Моему достопочтенному господину, сэру Даніэлю Брэкли, рыцарю; передать какъ можно скорѣе“.

Дикъ положилъ этотъ пакетъ въ карманъ куртки и, отдавъ приказъ, поѣхалъ на западъ черезъ деревню.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Юноши.

I.

Въ гостинницѣ „Солнца“ въ Кэттли.

Въ эту ночь сэръ Даніэль расположился съ своимъ войскомъ въ Кэттли и его окрестностяхъ. Воины его были хорошо помѣщены, но сэръ Даніэль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые ни на минуту не могутъ оставить мысль о пріобрѣтеніи денегъ; и даже теперь, наканунѣ важнаго и опаснаго предпріятія, онъ всталъ во второмъ часу ночи, чтобы притѣснять бѣдныхъ сосѣдей. Онъ наживался въ дѣлахъ о спорныхъ наслѣдствахъ; покупалъ право у самаго сомнительнаго претендента и потомъ, при помощи вліянія, которымъ онъ и другіе важные лорды пользовались у короля, выхлопатывалъ неправое рѣшеніе суда въ свою пользу, или если это грозило слишкомъ долгими проволочками, овладѣвалъ спорнымъ замкомъ силой оружія, въ надеждѣ,

что его вліяніе и знаніе законовъ сэра Оливера удержатъ то, что ему удалось захватить. Кэттли было однимъ изъ такихъ мѣстечекъ; оно не сразу попало въ его лапы; до сихъ поръ онъ встрѣчалъ сопротивленіе со стороны жителей, и неудовольствіе еще усилилось тѣмъ, что онъ расположилъ здѣсь войско.

Въ два часа утра сэръ Даніэль сидѣлъ въ гостинницѣ у камина, такъ какъ среди болотъ въ Кэттли было въ это время холодно. Возлѣ него стояла кружка пива, приправленнаго пряностями. Онъ снялъ шлемъ, обнаживъ свою лысую голову и, подперевъ угрюмое лицо рукой, былъ весь закутанъ въ теплый красный плащъ. На противоположномъ концѣ комнаты нѣсколько человѣкъ изъ его свиты стояло на стражѣ. Другіе спали, растянувшись на лавкахъ. Нѣсколько ближе къ полу лежалъ, завернувшись въ плащъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати. Передъ сэромъ Даніэлемъ стоялъ хозяинъ „Солнца“.

— Замѣтьте мои слова, любезный,—говорилъ сэръ Даніэль:—исполняйте только мои приказанія, и я буду для васъ добрымъ лордомъ. Мнѣ нужно, чтобы старшины были надежные люди; и я хочу, чтобы Адамъ-а-Моръ былъ главнымъ констэблемъ; смотрите же!.. Если будутъ выбраны другіе люди,—это вамъ не поможетъ; напротивъ, вамъ же будетъ хуже. Относительно тѣхъ, кто заплатилъ ренту Уольсингаму, я приму свои мѣры... вы тоже изъ ихъ числа, любезнѣйшій!

— Великодушный рыцарь,—сказалъ трактирщикъ,—я готовъ поклясться крестомъ голивудскаго аббатства, что заплатилъ только по принужденію. Нѣтъ, храбрый рыцарь, я не люблю мошенниковъ Уольсингамовъ; они нищіе и плуты, храбрый рыцарь. Я радъ служить такому лорду, какъ вы. Нѣтъ; спросите всѣхъ сосѣдей, я стоялъ за Брэкли.

— Можетъ быть,—сказалъ сэръ Даніэль сухо.—Въ такомъ случаѣ заплатите вторично.

Трактирщикъ скорчилъ страшную гримасу. Но это былъ еще лучшій исходъ, какого могъ ожидать фермеръ въ эти смутныя времена, и онъ пожалуй былъ радъ, что отдѣлался такъ дешево.

— Введи этого человѣка, Сельденъ!—крикнулъ рыцарь.

Одинъ изъ солдатъ втолкнулъ въ комнату жалкаго старика, блѣднаго какъ полотно и дрожавшаго всѣми членами отъ болотной лихорадки.

— Бездѣльникъ!—сказалъ сэръ Даніэль:—какъ тебя зовутъ?

— Съ позволенія вашей милости,—отвѣчалъ старикъ,—мое имя Кондалль—Кондалль Шорби—къ услугамъ вашей милости.

— Я слыхалъ о тебѣ много дурного,—отвѣчалъ рыцарь.—

Замышляешь измѣну, мошенникъ; бродишь по странѣ и сѣешь смуту; тебя сильно подозрѣваютъ въ смерти многихъ.. Какъ ты осмѣлился на такую дерзость? Но я съ тобой расправлюсь.

— Благородный, достопочтенный лордъ!—закричалъ старикъ: —это какая-нибудь ошибка... Я бѣдный человѣкъ и никому не сдѣлалъ зла.

— Шерифъ донесъ мнѣ о тебѣ много дурного, — сказалъ рыцарь.—Арестовать этого Тиндаля Шорби!

— Кондалля, добрый лордъ! Кондалль мое бѣдное имя, — поправилъ несчастный.

— Кондалль или Тиндаль, это все равно,—холодно возразилъ сэръ Даніэль.—Клянусь моей душой, я сильно подозрѣваю тебя. Если хочешь спасти свою шею, напиши мнѣ сейчасъ же вексель на двадцать фунтовъ.

— Двадцать фунтовъ, мой добрый лордъ!—воскликнулъ Кондалль.—Это безуміе. Все мое имущество не стоитъ семидесяти шиллинговъ.

— Кондалль или Тиндаль,—возразилъ сэръ Даніэль, скрипнувъ зубами:—напиши мнѣ вексель на двадцать фунтовъ, и я буду для тебя добрымъ лордомъ и прощу всѣ твои вины.

— Увы, великодушный лордъ,—сказалъ Кондалль:—это невозможно; я не умѣю писать.

— Ну, нечего дѣлать,—возразилъ рыцарь.—Сельденъ, отведи этого стараго враля къ ближайшему вязу и повѣсь его осторожнѣе за шею, чтобы я могъ видѣть его, когда поѣду. Счастливаго пути, добрый мастэръ Кондалль, дорогой мастэръ Тиндаль! Вы отправитесь на почтовыхъ въ царство небесное—скатертью дорога!

— Нѣтъ, мой дорогой лордъ,—отвѣчалъ Кондалль, заставляя себя улыбнуться:—если ужъ вамъ угодно такъ шутить, что очень пристало вашей милости, то я постараюсь, какъ умѣю, написать вамъ вексель.

— А, другъ,—сказалъ сэръ Даніэль,—теперь ты согласенъ на двадцать фунтовъ. То-то! ты слишкомъ хитеръ, чтобы имѣть состояніе не больше семидесяти шиллинговъ. Сельденъ, посмотри, чтобъ онъ написалъ по всей формѣ, и чтобы расписались свидѣтели.

Съ этими словами сэръ Даніэль, который былъ, впрочемъ, весельчакъ, одинъ изъ самыхъ веселыхъ людей въ Англіи, хлебнулъ глотокъ пива и откинулся на спинку стула, улыбаясь.

Между тѣмъ мальчикъ, лежавшій на полу, пошевелился и всталъ, оглядываясь съ испугомъ.

— Сюда!—сказалъ сэръ Даніэль; и когда мальчикъ всталъ

и медленно подошелъ къ нему,—онъ расхохотался во все горло. —Клянусь распятіемъ, славный мальчуганъ! — воскликнулъ онъ.

Мальчикъ покраснѣлъ какъ піонъ и съ ненавистью взглянулъ на рыцаря большими черными глазами. Теперь, когда онъ всталъ, было гораздо труднѣе разобрать, сколько ему лѣтъ. Лицо его казалось нѣсколько старше, но было нѣжно, какъ лицо ребенка. Станъ его былъ слишкомъ полнъ для мальчика; въ походкѣ замѣчалось что-то неловкое.

— Вы звали меня, сэръ Даніэль?—сказалъ онъ.—Какъ можете вы смѣяться надо мной!

— Нѣтъ, позвольте мнѣ смѣяться,—сказалъ рыцарь.—Добрый мальчикъ, позвольте мнѣ смѣяться, прошу васъ. Еслибы вы могли видѣть себя самого, вы бы первый разсмѣялись.

— Хорошо! — воскликнулъ мальчикъ:—вы отвѣтите за это, когда будете отвѣчать и за все другое. Смѣйтесь, пока можете.

— Нѣтъ, дорогой кузенъ,—возразилъ сэръ Даніэль нѣсколько болѣе серьезнымъ тономъ:—не думайте, что я смѣюсь надъ вами. Посмѣяться отъ души съ родственниками или лучшими друзьями —это другое дѣло. Я хочу васъ выдать за человѣка съ тысячью фунтовъ. Правда, я довольно грубо овладѣлъ вами, потому что этого требовали обстоятельства; но съ этихъ поръ я буду заботиться о васъ и служить вамъ самымъ усерднымъ образомъ. Полноте! Не сердитесь на честный смѣхъ; онъ разгоняетъ грусть. Кто смѣется, тотъ честенъ, дорогой кузенъ. Любезный хозяинъ, дайте поѣсть моему кузену, мастэру Джону. Садитесь, милый мой, и ѣшьте.

— Нѣтъ,—сказалъ мастэръ Джонъ,—я не дотронусь до пищи. Разъ вы меня принуждаете къ такому грѣху, я буду поститься ради спасенія своей души. Любезный хозяинъ, будьте такъ добры, —дайте мнѣ стаканъ чистой воды, вы меня очень этимъ обяжете.

— Полноте, вы должны дать себѣ разрѣшеніе поѣсть!—воскликнулъ рыцарь. Позднѣе покаетесь во грѣхахъ, право! Удовольствуйтесь пока этимъ и ѣшьте.

Но юноша упорно стоялъ на своемъ, выпилъ стаканъ воды и, завернувшись въ плащъ, сѣлъ въ уголку комнаты.

Черезъ часъ или два въ деревнѣ послышались оклики часовыхъ, звонъ оружія и топотъ коней; къ гостинницѣ подъѣхала толпа всадниковъ, и черезъ нѣсколько мгновеній Ричардъ Шельтонъ, весь забрызганный грязью, вошелъ въ комнату.

— Здравствуйте, сэръ Даніэль,—сказалъ онъ.

— Какъ! Дикъ Шельтонъ!—воскликнулъ рыцарь, и при этомъ

имени мальчикъ, сидѣвшій въ углу, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на вошедшаго.—А что же Беннетъ Гатчъ?

— Потрудитесь прочитать это письмо, сэръ рыцарь,—сказалъ Ричардъ:—изъ него вы узнаете обо всемъ случившемся. Не угодно ли вамъ также будетъ поспѣшить къ Райзингаму; по дорогѣ мы встрѣтили гонца съ письмами, и онъ сообщилъ намъ, что милордъ Райзингамъ въ крайне затруднительномъ положеніи и нуждается въ вашей помощи.

— Какъ ты сказалъ? Въ затруднительномъ положеніи?—повторилъ рыцарь.—Нѣтъ, если такъ, то мы будемъ торопиться, сидя здѣсь, любезный Ричардъ. По нынѣшнимъ временамъ—тише ѣдешь, дальше будешь! Говорятъ, будто замедленіе опасно; это вздоръ; напротивъ, излишняя торопливость губитъ людей—замѣть это, Дикъ. Но я хочу сначала посмотрѣть, что за народъ вы привели. Посвѣти-ка, Сельденъ.

Сэръ Даніэль вышелъ на улицу и при красномъ свѣтѣ факела осмотрѣлъ новый отрядъ. Онъ не пользовался популярностью, какъ сосѣдъ и господинъ; но какъ военачальникъ былъ любимъ тѣми, кто служилъ подъ его знаменемъ. Его энергія, испытанное мужество, заботливость объ удобствахъ солдатъ, даже его грубыя остроты нравились храбрецамъ въ шлемахъ и кольчугахъ.

— Чортъ побери! — воскликнулъ онъ: — что это за сбродъ! Иной согнулся крючкомъ, иной тощъ какъ копье. Я выставлю васъ авангардомъ, пріятели, потому что такихъ воиновъ мнѣ не жаль. Что это за пентюхъ на пѣгой лошади? Двухлѣтній баранъ верхомъ на свиньѣ глядѣлъ бы воинственнѣе! А! Клипсби! и ты здѣсь, старая крыса! Безъ тебя я охотно бы обошелся; ты пойдешь впереди всѣхъ и будешь служить мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ, бездѣльникъ; ты будешь показывать мнѣ дорогу.

— Я готовъ указывать вамъ всякую дорогу, сэръ Даніэль, кромѣ дороги перебѣжчика,—дерзко отвѣчалъ Клипсби.

Сэръ Даніэль расхохотался.

— Хорошо сказано!—воскликнулъ онъ.—Ты, я вижу, за словомъ въ карманъ не полѣзешь! Прощаю твои вины за эту шутку. Сельденъ, позаботься о томъ, чтобы ихъ накормили: людей и коней.

Рыцарь вернулся въ гостинницу.

— Ну, любезный Дикъ, садись,—сказалъ онъ. —Вотъ добрый эль и окорокъ. Ѣшь, а я пока прочту письмо.

Сэръ Даніэль распечаталъ конвертъ, и когда прочелъ письмо, брови его нахмурились. Нѣсколько времени онъ сидѣлъ въ задумчивости, потомъ бросилъ быстрый взглядъ на Шельтона.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—читалъ ты эти вирши?

Молодой человѣкъ кивнулъ головой.

— Въ нихъ упомянуто имя твоего отца, — продолжалъ рыцарь:—и нашъ бѣдный сэръ Оливеръ обвиняется какимъ-то негодяемъ въ его убійствѣ.

— Онъ съ величайшимъ негодованіемъ отрицалъ это,—замѣтилъ Дикъ.

— Онъ говорилъ объ этомъ!—воскликнулъ рыцарь.—Не придавай значенія его словамъ. Это такой болтунъ! вотъ ужъ языкъ безъ костей! Когда-нибудь, въ свободное время, я самъ разскажу тебѣ, Дикъ, объ этомъ дѣлѣ. Былъ тутъ нѣкій Дэквортъ, котораго сильно обвиняли въ этомъ убійствѣ, но времена были смутныя, и нельзя было добиться правосудія.

— Это случилось въ Моотгаузѣ? — спросилъ Дикъ, подавляя волненіе.

— Это случилось между Моотгаузомъ и Голивудомъ,—холодно возразилъ сэръ Даніэль, бросая искоса подозрительный взглядъ на молодого человѣка.—А теперь,—прибавилъ онъ,—поторопись съ ѣдой; ты долженъ вернуться въ Тэнстолль съ запиской отъ меня.

На лицѣ Дика выразилось разочарованіе.

— Пожалуйста, сэръ Даніэль,—воскликнулъ онъ,— пошлите кого-нибудь изъ солдатъ! Прошу васъ, позвольте мнѣ участвовать въ сраженіи. Вы увидите, что я умѣю наносить удары.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ,—возразилъ сэръ Даніэль.—Но оставаться здѣсь мало чести. Я буду стоять въ Кэттли, пока не получу рѣшительныхъ извѣстій о ходѣ войны, а тогда присоединюсь къ побѣдителю. Не считай этого трусостью,—это только благоразуміе, Дикъ. Наша бѣдная страна такъ потрясена возстаніемъ, королевская власть такъ часто переходитъ изъ рукъ въ руки, что никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Суетливые и безразсудные люди торопятся, но милордъ-разсудокъ сидитъ спокойно и выжидаетъ.

Съ этими словами сэръ Даніэль сѣлъ на другомъ концѣ длиннаго стола и весь погрузился въ письмо, такъ какъ приключеніе съ черной стрѣлой было ему очень не понутру.

Тѣмъ временемъ молодой Шельтонъ усердно принялся за ѣду, но вдругъ почувствовалъ чье-то прикосновеніе и услышалъ чей-то голосъ, шептавшій ему на ухо:

— Не показывайте вида, что со мной разговариваете! Укажите мнѣ прямую дорогу къ голивудскому аббатству. Прошу васъ, помогите человѣку въ крайней нуждѣ и опасности!

— Ступайте по тропинкѣ къ вѣтряной мельницѣ! — шопотомъ отвѣчалъ Дикъ:—она приведетъ васъ къ перевозу; тамъ спросите.

Онъ снова принялся за ѣду, не поворачивая головы, но, взглянувъ искоса, увидѣлъ, какъ мастэръ Джонъ потихоньку выходилъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса сэръ Даніэль вручилъ Дику письмо и отправилъ его обратно въ Моотгаузъ. А еще черезъ полчаса явился посланный отъ милорда Райзингама.

— Сэръ Даніэль,—сказалъ онъ,—вы упускаете случай отличиться. Битва началась передъ разсвѣтомъ, мы разбили ихъ авангардъ и смяли правое крыло. Только центръ еще держится. У васъ есть свѣжіе воины; съ такими силами мы опрокинемъ ихъ въ рѣку. Что же, сэръ рыцарь? Неужели вы будете послѣднимъ?—это не вяжется съ вашей славой.

— Нѣтъ!—воскликнулъ рыцарь:—я только-что собирался отправиться. Сельденъ, труби къ выступленію. Сэръ, я сейчасъ буду готовъ. Мои главныя силы прибыли сюда не больше часа тому назадъ. Чего же вы хотите? Шпоры—хорошая вещь, но ими можно и загнать коня. Живѣе, ребята.

На звуки трубы со всѣхъ сторонъ появились люди сэра Даніэля и выстроились передъ гостинницей. Они спали, не снимая оружія, подлѣ осѣдланныхъ коней, и въ какія-нибудь десять минутъ сотня хорошо вооруженныхъ и дисциплинированныхъ людей стояла въ порядкѣ, готовая къ выступленію. Большая часть носили цвѣта сэра Даніэля—темнокрасный и голубой, что придавало отряду красивый видъ. Лучшіе воины стояли впереди; позади всѣхъ помѣстились вновь прибывшіе. Сэръ Даніэль съ удовольствіемъ оглянулъ отрядъ.

— Эти молодцы помогутъ вамъ въ бѣдѣ,—сказалъ онъ.

— Народъ надежный, что и говорить,—отвѣчалъ посланный. — Жаль только, что вы не выступили раньше.

— Что дѣлать,—сказалъ рыцарь, и съ этими словами онъ вскочилъ на лошадь.—Эй, Джонъ! Джонъ! Что за дьявольщина! куда она запропастилась? Хозяинъ, гдѣ дѣвушка?

— Дѣвушка, сэръ Даніэль? — воскликнулъ трактирщикъ. — Сэръ, я не видалъ никакой дѣвушки.

— Ну, мальчикъ, болванъ!—крикнулъ рыцарь.—Неужели вы не догадались, что это дѣвчонка? Въ красномъ плащѣ—выпила стаканъ воды и отказалась отъ пищи—гдѣ она, бездѣльникъ?

— Мастэръ Джонъ... такъ вы его называли, сэръ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Онъ ушелъ. Я его видѣлъ—часъ тому назадъ—видѣлъ его въ конюшнѣ; онъ сѣдлалъ сѣрую лошадь.

— Чортъ побери! — воскликнулъ сэръ Даніэль: — дѣвчонка стоитъ мнѣ пятьсотъ фунтовъ.

— Сэръ, — замѣтилъ вѣстникъ съ горечью: — пока вы хлопочете о пятистахъ фунтахъ, рѣшается участь англійскаго королевства.

— Хорошо сказано, — отвѣчалъ сэръ Даніэль. — Сельденъ, оставайся съ шестью стрѣлками и разыщи мнѣ ее! Чтобъ была здѣсь, когда я вернусь! Смотри же, головой отвѣчаешь. А теперь, сэръ, ѣдемъ.

Отрядъ двинулся крупною рысью, между тѣмъ какъ Сельденъ съ шестью солдатами остался на улицѣ, среди толпы зѣвакъ.

II.

Въ болотѣ.

Было около шести часовъ утра, когда Дикъ выѣхалъ на гать, проложенную черезъ болото. Небо было ясно; дулъ довольно свѣжій вѣтеръ; крылья мельницы вертѣлись; ивы, росшія по болоту, колыхались, и по нимъ пробѣгала рябь, какъ по нивѣ. Дикъ всю ночь провелъ на конѣ, но сердце его было чисто, тѣло здорово, и онъ ѣхалъ весело.

Дорога все болѣе и болѣе углублялась въ болото; деревня уже исчезла изъ вида, и только крылья вѣтряной мельницы виднѣлись позади, тогда какъ впереди рисовались верхушки тэнстолльскаго лѣса. По обѣ стороны отъ дороги тянулись заросли ивъ и камыша; предательскія трясины привлекали путника изумрудною зеленью. Гать, по которой шла дорога, была древняго происхожденія: ее устроили еще римляне; съ теченіемъ времени она мѣстами погрузилась въ болото и тамъ и сямъ была затоплена его мутными водами.

Проѣхавъ около мили, Дикъ наткнулся на такое затопленное мѣсто. Тростникъ и ивы, разбросанные въ видѣ островковъ, сбивали съ толку путника. Незнакомый съ мѣстностью легко могъ сбиться съ дороги, и Дикъ невольно почувствовалъ безпокойство, вспомнивъ о мальчикѣ, которому онъ указалъ дорогу. Самому ему достаточно было бросить взглядъ на мельничныя крылья, рѣзко выдѣлявшіяся на голубомъ небѣ, и на виднѣвшійся вдали тэнстолльскій лѣсъ, чтобы тотчасъ же оріентироваться и направиться по затопленной дорогѣ, гдѣ вода достигала колѣнъ лошади, также увѣренно, какъ по сухому пути.

На полдорогѣ, когда уже показался противоположный конецъ гати, снова выходившій на сушу, онъ услышалъ сильный плескъ

направо отъ себя и увидѣлъ сѣрую лошадь, погрузившуюся по брюхо въ болото. Бѣдное животное, какъ будто почуявъ близкую помощь, страшно забилось при его приближеніи. Выкатившіеся, налитые кровью глаза смотрѣли съ выраженіемъ ужаса, и когда оно судорожно забилось въ трясинѣ, тучи насѣкомыхъ поднялись и зажужжали вокругъ него.

„Увы! — подумалъ Дикъ: — неужели бѣдный мальчикъ погибъ?—Это его лошадь, навѣрное. Ну, бѣдняжка, если ты такъ просишь меня о помощи, я сдѣлаю что могу. Сокращу твои мученія".

Онъ натянулъ самострѣлъ, и стрѣла пробила голову животнаго.

Послѣ этого акта суроваго милосердія Дикъ поѣхалъ дальше не безъ тревоги и высматривая хоть какіе-нибудь слѣды своего менѣе счастливаго предшественника.

„Боюсь, что бѣдный малый утонулъ въ трясинѣ", подумалъ онъ.

Но въ эту минуту кто-то назвалъ его по имени, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ лицо мальчика, выглядывавшаго изъ густыхъ камышей.

— Вы здѣсь?—крикнулъ Шельтонъ.—Да вы такъ спрятались, что я проѣхалъ-было мимо, не замѣтивъ васъ. Я видѣлъ вашу лошадь въ болотѣ и избавилъ ее отъ страданій; вамъ бы слѣдовало сдѣлать это самому. Ну, вылѣзайте изъ своего убѣжища. Тутъ никто не тронетъ васъ.

— У меня нѣтъ оружія, да еслибы и было, такъ я не умѣю владѣть имъ,—отвѣтилъ мальчикъ, вылѣзая на гать.—Но пожалуйста, добрый мастэръ Ричардъ, помогите мнѣ вашимъ совѣтомъ. Если я не попаду въ голивудское аббатство, я погибъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Дикъ, слѣзая съ лошади.—Я помогу вамъ больше чѣмъ совѣтомъ. Садитесь на моего коня, а я пойду пѣшкомъ, а когда устану, мы помѣняемся мѣстами; такъ мы скорѣй доберемся.

Мальчикъ сѣлъ верхомъ, и они отправились какъ могли скоро по неровной гати, причемъ Дикъ шелъ рядомъ съ лошадью, положивъ руку на колѣно своего спутника.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ Дикъ.

— Джэкъ Матчамъ,—отвѣчалъ мальчикъ.

— А зачѣмъ вамъ въ голивудское аббатство?

— Я ищу убѣжища отъ человѣка, который притѣсняетъ меня. Добрый аббатъ Голивуда—вѣрная опора для слабыхъ.

— А какъ вы попали къ сэру Даніэлю, мастэръ Матчамъ?

— Онъ овладѣлъ мною насильно,—воскликнулъ Матчамъ:—заставилъ меня надѣть это платье, смѣялся надо мной, когда я плакалъ, заставлялъ меня ѣхать верхомъ такъ долго, что я совсѣмъ выбился изъ силъ; а когда нѣкоторые изъ моихъ друзей гнались за нами, чтобы освободить меня, помѣщалъ меня въ аррьергардѣ подъ ихъ выстрѣлами. Одна стрѣла даже задѣла мою правую ногу, и мнѣ теперь трудно ходить. Нѣтъ, мы еще разсчитаемся, онъ заплатитъ за все!

— Что-жъ вы съ нимъ сдѣлаете, — сказалъ Дикъ. — Онъ храбрый рыцарь, съ желѣзной рукой! Если онъ узнаетъ, что я помогалъ вашему бѣгству, мнѣ придется плохо.

— Ахъ, бѣдный юноша!—сказалъ Матчамъ.—Я знаю, онъ вашъ опекунъ...

— Юноша!—возразилъ Дикъ.

— Не называть же мнѣ васъ дѣвицей, добрый Ричардъ?—замѣтилъ Матчамъ.

— Разумѣется, нѣтъ, — отвѣчалъ Дикъ. — Терпѣть не могу дѣвицъ. Никогда я о нихъ не думаю. Чортъ бы ихъ побралъ! Охота, война, пирушки, вотъ что мнѣ по вкусу. Я никогда не слыхалъ ничего путнаго о дѣвицахъ, кромѣ одной, да и ту, бѣдняжку, сожгли за колдовство, и за то, что она вопреки природѣ вздумала носить панталоны.

Мастэръ Матчамъ перекрестился и повидимому мысленно сталъ читать молитву.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ Дикъ.

— Молюсь за ея душу, — отвѣчалъ юноша слегка дрожащимъ голосомъ.

— За душу колдуньи!—воскликнулъ Дикъ.—Впрочемъ, молитесь, если вамъ угодно! она была лучшая дѣвушка въ Европѣ, эта Жанна д'Аркъ. Старый Апплэйярдъ, стрѣлокъ, бѣжалъ передъ ней, по его словамъ, какъ передъ великаномъ. Да, храбрая была дѣвица!

— Только слушайте, мастэръ Ричардъ,—замѣтилъ Матчамъ:—если вы такъ не любите дѣвушекъ, то вы не настоящій мужчина...

— Вздоръ!—сказалъ Дикъ.—Вы разсуждаете какъ молокососъ. А если вы думаете, что я не настоящій мужчина,—слѣзайте съ коня, и я вамъ докажу свое мужество на кулакахъ, или на шпагахъ, или изъ лука...

— Нѣтъ, я не умѣю биться,—боязливо сказалъ Матчамъ.—Я и не думалъ васъ обидѣть. Я только пошутилъ. А если я говорю о женщинахъ, то только потому, что слышалъ, будто вы скоро женитесь.

— Я женюсь!—воскликнулъ Дикъ. — Вы первый, отъ кого я слышу объ этомъ. На комъ же?

— На Дженни Сэдли, — отвѣчалъ Матчамъ, краснѣя. — Это дѣло сэра Даніэля, онъ при этомъ получитъ свою выгоду; и, право, я слышалъ, что бѣдная дѣвушка оплакиваетъ свою участь. Должно быть, она держится такихъ же взглядовъ, какъ вы, или почему-либо не любитъ жениха.

— Что дѣлать! отъ брака, какъ и отъ смерти, никто не убѣжитъ, — сказалъ Дикъ тономъ покорности судьбѣ. — Такъ она оплакиваетъ свою участь? Ну вотъ, скажите, развѣ не чепуха въ головахъ у этихъ дѣвушекъ: плакать, когда она еще и не видѣла меня! Что-жъ, и мнѣ оплакивать свою участь? Нѣтъ. Если ужъ нужно жениться, я женюсь съ сухими глазами. Но если вы ее знаете, скажите, пожалуйста, какова она собой? красива или нѣтъ? И потомъ, сердита или любезна?

— Ну вотъ, какое вамъ дѣло до этого?—сказалъ Матчамъ.— Вамъ нужно жениться, и вы женитесь. Красивая, некрасивая, не все ли равно? Вѣдь это все пустяки. Вѣдь вы не мальчишка, мастэръ Ричардъ, и пойдете къ вѣнцу съ сухими глазами, не правда ли?

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Ричардъ:—стану я думать о такомъ вздорѣ!

— Хорошаго себѣ лорда получитъ въ супруги ваша лэди-жена, нечего сказать!

— Такого, какого пошлетъ ей небо,—возразилъ Ричардъ.

— Ахъ, бѣдная дѣвушка!

— Почему бѣдная?

— Выйти за обитателя лѣсовъ!—отвѣчалъ Матчамъ.

— Я-то, положимъ, обитатель лѣсовъ,—сказалъ Дикъ,—а вотъ я бѣгу пѣшкомъ, тогда какъ вы ѣдете на моей лошади; должно быть лѣсные жители не такъ ужъ злы.

— Дикъ, простите меня! — воскликнулъ его спутникъ. — Нѣтъ, вы лучшій человѣкъ въ Англіи! я вѣдь только пошутилъ. Простите меня, милый Дикъ!

— Ну вотъ, къ чему столько словъ!—возразилъ Дикъ, нѣсколько смущенный горячностью своего спутника:—что за важность! я вовсе не усталъ.

Въ эту минуту вѣтеръ донесъ до нихъ звуки трубы сэра Даніэля.

— Слышите!—сказалъ Дикъ:—трубятъ!

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Матчамъ:—они узнаютъ,

что я бѣжалъ, а у меня нѣтъ лошади.—И онъ поблѣднѣлъ какъ смерть.

— Полноте, что вы боитесь!—сказалъ Дикъ.—Мы уже недалеко отъ перевоза. А нѣтъ лошади быстрѣе моей.

— О, меня схватятъ! — продолжалъ его спутникъ. — Дикъ, милый Дикъ, не бросайте меня!

— Да полно, чего вы боитесь!—сказалъ Дикъ.—Конечно, я помогу вамъ. Досадно видѣть такого малодушнаго юношу! Ну, да все равно, слушайте Джэкъ Матчамъ—если это ваше имя—я, Ричардъ Шельтонъ, во что бы то ни стало хочу, чтобъ вы добрались невредимымъ до голивудскаго аббатства. Клянусь всѣми святыми! Накажи меня Богъ, если я вамъ измѣню. Ну, ободритесь! дорога стала лучше, пришпорьте коня. Живѣй! живѣй! Не думайте обо мнѣ, я могу бѣжать, какъ лань.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ лошадь пустилась рысью, а Дикъ бѣжалъ рядомъ съ ней, они оставили за собой болото и достигли берега рѣки около хижины перевощика.

III.

На перевозѣ.

Рѣка Тилль, широкая, тихая, мутноводная, вытекала изъ болота и въ этомъ мѣстѣ дробилась на нѣсколько рукавовъ между заросшими ивнякомъ островами.

Рѣка была не особенно красива, но въ это ясное, свѣтлое утро все казалось прекраснымъ. Вѣтерокъ рябилъ поверхность водъ, и яркое небо отражалось въ нихъ милліонами искръ.

На самомъ берегу стояла хижина перевощика, сдѣланная изъ вѣтвей и обмазанная глиной; на крышѣ ея росла зеленая трава.

Дикъ отворилъ дверь и вошелъ въ лачужку. Тамъ лежалъ, подостлавъ подъ себя грубый, старый деревенскій плащъ, перевозчикъ, дрожа отъ лихорадки. То былъ сильный мужчина, но лихорадка, свирѣпствовавшая въ этой мѣстности, истощила его.

— А, мастэръ Шельтонъ,—сказалъ онъ,—вы хотите переѣхать? Плохія времена, плохія. Переѣздъ не свободенъ. Разбойники прервали сообщеніе. Ступайте-ка лучше къ мосту.

— Никогда, — отвѣчалъ Дикъ. — Время дорого, Гугъ. Я очень тороплюсь.

— Экій упрямый!—сказалъ перевощикъ, вставая.—Если вы

доберетесь цѣлымъ до Моотгауза—счастье ваше! Ну, да какъ хотите.—И, взглянувъ на Матчама, прибавилъ:—А это кто?—и остановился на порогѣ хижины, прищуривъ глаза.

— Это мой родственникъ, мастэръ Матчамъ,—отвѣчалъ Дикъ.

— Здравствуй, перевощикъ, — сказалъ Матчамъ, который тѣмъ временемъ слѣзъ съ коня и подвелъ его къ хижинѣ.—Пожалуйста, перевези насъ; мы очень торопимся.

Перевощикъ продолжалъ стоять, разсматривая юношу.

— Право!—крикнулъ онъ и засмѣялся.

Матчамъ покраснѣлъ до ушей и нахмурился; Дикъ сердито взялъ перевощика за плечо.

— Полно шутить!—крикнулъ онъ.—Дѣлай свое дѣло!

Гугъ ворча отвязалъ ладью; Дикъ ввелъ въ нее коня, Митчамъ послѣдовалъ за нимъ.

— Не сердитесь, мастэръ Шельтонъ. Я не хотѣлъ васъ обидѣть,—сказалъ перевощикъ, берясь за весла.

— Довольно болтать! — возразилъ Дикъ.—Оставь меня въ покоѣ.

Между тѣмъ они спустились по теченію, и передъ ними открылся видъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Рѣка была усѣяна островами; виднѣлись песчаныя отмели, ивы колыхались, камыши шумѣли, птицы щебетали и пѣли; нигдѣ не замѣчалось слѣдовъ человѣка.

— Мастэръ,—сказалъ перевощикъ, равномѣрно гребя однимъ весломъ,—я увѣренъ, что Джонъ Феннъ на островѣ. Онъ ненавидитъ сэра Даніэля и всѣхъ, кто съ нимъ друженъ. Что если я поверну вверхъ по рѣкѣ и высажу васъ на полетъ стрѣлы отъ гати? Лучше бы намъ не встрѣчаться съ Джономъ Фенномъ. И мастэръ Матчамъ будетъ цѣлѣе!—и онъ опять засмѣялся.

— Ну, хорошо, Гугъ,—отвѣчалъ Дикъ.

— Слушайте же,—продолжалъ перевощикъ.—Прицѣльтесь въ меня изъ вашего самострѣла—вотъ такъ; наложите стрѣлу—хорошо! Держите его такъ и смотрите на меня свирѣпо.

— Что это значитъ?—спросилъ Дикъ.

— Видите, мастэръ, если я перевезу васъ, то долженъ сдѣлать это какъ будто подъ страхомъ смерти; иначе мнѣ придется плохо отъ Джона Фенна.

— Неужели эти бездѣльники такъ нахальны? — спросилъ Дикъ.—Неужели они командуютъ надъ перевозомъ сэра Даніэля?

— А вы какъ думали? Попомните мое слово: сэру Даніэлю не сдобровать.

Они поднялись по рѣкѣ, завернули за островъ и медленно подплыли къ противоположному берегу.

— Я высажу васъ здѣсь въ ивнякѣ,—сказалъ Гугъ.

— Да тутъ нѣтъ дороги; тутъ только болото да трясина,— отвѣчалъ Дикъ.

— Мастэръ Шельтонъ,—возразилъ Гугъ,—я не могу причалить ниже ради вашего же спасенія. Онъ стережетъ перевозъ съ своимъ лукомъ и убиваетъ всѣхъ, кто служитъ сэру Даніэлю, какъ кроликовъ. Я слышалъ, что онъ поклялся распятіемъ. Если бы я не зналъ васъ съ давнихъ поръ, я бы не сталъ и беречь васъ, но ради нашего стараго знакомства и ради этого птенца, который, кажется, не привыкъ къ ранамъ и выстрѣламъ, я рискую головой, чтобы только доставить васъ въ цѣлости и сохранности. Довольно съ васъ этого; больше я не могу ничего сдѣлать, ей Богу, не могу.

Гугъ еще говорилъ, налегая на весла, когда послышался сильный трескъ въ ивнякѣ на островѣ, какъ будто бы кто-нибудь поспѣшно пробирался среди кустарниковъ.

— Ахъ, мошенникъ!—воскликнулъ Гугъ.—Онъ былъ на верхнемъ островѣ! Онъ поплылъ прямо къ берегу. Прицѣльтесь въ меня, добрый Дикъ, прицѣльтесь прямо въ меня! Я пытался спасти васъ—спасите и вы меня!

Ладья съ трескомъ врѣзалась въ ивнякъ. Матчамъ, блѣдный, но проворный и гибкій, выскочилъ на берегъ; Дикъ схватилъ подъ устцы лошадь и хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но это оказалось не такъ-то легко: лошадь заупрямилась, а густыя вѣтви еще болѣе затрудняли вылазку. Лошадь упиралась и билась; лодка страшно раскачивалась.

— Тутъ невозможно вылѣзть, Гугъ! —крикнулъ Дикъ, стараясь, впрочемъ, увлечь за собою лошадь и отстраняя кусты свободной рукой.

Въ это время на берегу острова показался человѣкъ высокаго роста, съ раскраснѣвшимся отъ быстраго бѣга лицомъ; въ рукахъ у него былъ длинный лукъ [1]), который онъ тотчасъ натянулъ съ большимъ усиліемъ.

— Кто плыветъ?—крикнулъ онъ.—Гугъ, кто плыветъ?

— Это мастэръ Шельтонъ, Джонъ,—отвѣчалъ перевощикъ.

— Стойте, Дикъ Шельтонъ!—крикнулъ Джонъ: — клянусь крестомъ, я не сдѣлаю вамъ вреда. Стойте! Назадъ, Гугъ!

Дикъ отвѣчалъ ругательствомъ.

---

[1]) Long-bow—лукъ въ вышину роста стрѣлка

— Коли такъ, ступайте пѣшкомъ!—отвѣчалъ незнакомецъ и пустилъ стрѣлу.

Лошадь, раненая стрѣлой, отъ боли и ужаса рванулась изъ лодки; лодка перевернулась, и всѣ моментально погрузились въ воду.

Когда Дикъ выплылъ на поверхность, онъ былъ на разстояніи ярда отъ берега, и, не успѣвъ еще смигнуть воду съ глазъ, схватился рукою за какой-то твердый предметъ, который тотчасъ двинулся къ берегу. Это былъ хлыстъ, который Матчамъ, взобравшійся на нависшую надъ рѣкой иву, протянулъ ему.

— Клянусь мессой! — воскликнулъ Дикъ, когда товарищъ помогъ ему выбраться на берегъ:—я обязанъ вамъ жизнью. Я плаваю какъ топоръ.—И въ ту же минуту онъ повернулся къ острову.

Гугъ перевощикъ плылъ туда рядомъ съ перевернутой лодкой, а взбѣшенный Джонъ Феннъ кричалъ, чтобы онъ торопился.

— Бѣжимъ, Джэкъ, — сказалъ Шельтонъ,—бѣжимъ. Пока Гугъ доберется до острова и пока они переплывутъ рѣку, мы будемъ далеко.

И, подкрѣпляя свои слова примѣромъ, онъ бросился бѣжать, углубляясь въ ивовую чащу и прыгая съ кочки на кочку въ топкихъ мѣстахъ. Ему некогда было разсматривать мѣстность; оставалось только повернуться спиной къ берегу и бѣжать изо всѣхъ силъ.

Наконецъ, однако, почва стала повышаться, и это показало ему, что онъ не ошибся въ направленіи; вскорѣ они выбрались на сухое мѣсто, гдѣ къ ивамъ стали примѣшиваться вязы.

Но тутъ Матчамъ, который значительно отсталъ отъ товарища, въ изнеможеніи повалился на землю.

— Бросьте меня, Дикъ! — крикнулъ онъ жалобно. — Я не могу больше идти!

Дикъ повернулся и подбѣжалъ къ своему спутнику.

— Нѣтъ, Джэкъ, я не брошу васъ!—воскликнулъ онъ.— Это было бы низко послѣ того, какъ вы рисковали быть застрѣленнымъ или упасть въ воду и утонуть, спасая меня. Я и то удивляюсь, что не утащилъ васъ за собой въ воду.

— Нѣтъ, Дикъ,—сказалъ Матчамъ,—я умѣю плавать и спасъ бы насъ обоихъ.

— Вы умѣете плавать?—воскликнулъ Дикъ съ изумленіемъ. Это было единственное мужское искусство, которое было ему чуждо. Въ числѣ подвиговъ, которыми онъ особенно восхищался, послѣ искусства въ единоборствѣ, стояло умѣнье плавать.—Вотъ,—

сказалъ онъ, — это мнѣ урокъ, чтобы не смѣяться надъ людьми. Я обѣщалъ заботиться о васъ, пока мы не дойдемъ до Голивуда, но, клянусь крестомъ, Джэкъ, вы, кажется, скорѣе можете заботиться обо мнѣ.

— Итакъ, Дикъ, мы теперь друзья?—сказалъ Матчамъ.

— Да мы и не были никогда врагами,—отвѣчалъ Дикъ.—Вы храбрый малый по-своему, хотя немножко молокососъ. Я еще никогда не встрѣчалъ такого, какъ вы. Но, пожалуйста, отдохните скорѣй и пойдемъ дальше. Здѣсь не мѣсто для разговоровъ.

— У меня нога жестоко болитъ,—сказалъ Матчамъ.

— Да, вѣдь я и забылъ объ этомъ,—отвѣчалъ Дикъ.—Ну, мы пойдемъ потише. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ мы находимся. Я потерялъ изъ виду дорогу, да оно, можетъ, и къ лучшему. Если они стерегутъ перевозъ, то навѣрно стерегутъ и дорогу. Хорошо бы, еслибы сэръ Даніэль вернулся съ двумя десятками солдатъ,—они бы разогнали этихъ бездѣльниковъ, какъ вѣтеръ разгоняетъ листья. Ну, Джэкъ, бѣдняга, обопритесь на мое плечо. Нѣтъ, вы еще не доросли. Сколько вамъ лѣтъ? двѣнадцать?

— Нѣтъ, шестнадцать,—сказалъ Матчамъ.

— Ну, такъ вы малы не по лѣтамъ. Но возьмите мою руку. Мы пойдемъ потихоньку. Я обязанъ вамъ жизнью, Джэкъ, а я умѣю расплачиваться и за добро, и за зло.

Они стали подниматься по склону.

— Намъ нужно выбраться на дорогу, рано или поздно,—продолжалъ Дикъ.—Боже, какая у васъ слабая рука, Джэкъ; мнѣ было бы стыдно имѣть такую. А знаете,—прибавилъ онъ, внезапно расхохотавшись,—я готовъ побожиться, что Гугъ перевощикъ принялъ васъ за дѣвочку

— Ну, вотъ!—воскликнулъ Матчамъ, сильно покраснѣвъ.

— Право! Да что-жъ! вы и въ самомъ дѣлѣ больше похожи на дѣвушку, чѣмъ на мужчину, и знаете, для мальчика вы не совсѣмъ-то годитесь, но для дѣвочки — очень недурны. Право, изъ васъ бы вышла премилая дѣвчонка.

— Полноте!—сказалъ Матчамъ:—вы вѣдь знаете, что я не дѣвочка.

— Конечно, знаю; я только шучу,—сказалъ Дикъ.—Что за важность! Изъ васъ выйдетъ славный рубака. Хотѣлъ бы я знать, кто изъ насъ первый будетъ посвященъ въ рыцари; а я буду рыцаремъ, или погибну, добиваясь того. „Сэръ Ричардъ Шельтонъ рыцарь“—это звучитъ недурно, а? Но и „сэръ Джэкъ Матчамъ“—тоже хорошо.

— Пожалуйста, Дикъ, подождите, пока я напьюсь,—сказалъ Матчамъ, останавливаясь у ручейка, выбѣгавшаго въ одномъ мѣстѣ склона.—И вотъ что еще, Дикъ: не найдется ли у васъ чего-нибудь поѣсть: я страшно голоденъ.

— Какъ, неужели вы ничего не ѣли въ Кэттли?—спросилъ Дикъ.

— Я далъ обѣтъ... и не могъ его нарушить,—пробормоталъ Матчамъ,—но теперь... я былъ бы радъ и черствому хлѣбу.

— Ну, такъ садитесь и ѣшьте,—сказалъ Дикъ,—а я пока пройду впередъ, поищу дорогу.—Съ этими словами онъ отвязалъ отъ пояса сумку, въ которой были хлѣбъ и ветчина, и пока Матчамъ утолялъ голодъ, онъ углубился дальше въ лѣсъ.

Немного далѣе находилась рытвина, въ которой ручей исчезалъ среди гнилыхъ листьевъ, усыпавшихъ землю; а за нею деревья опять разрослись сильнѣе и выше, и вязы смѣнялись буками и дубами. Вѣтеръ, шумѣвшій въ вѣтвяхъ, и шелестъ листьевъ заглушали шаги Дика; тѣмъ не менѣе, онъ шелъ осторожно, осматриваясь кругомъ и прячась за стволами деревьевъ. Вдругъ передъ нимъ изъ кустарника выскочила лань и, подобно тѣни, исчезла въ лѣсу. Дикъ остановился. Эта часть лѣса была очевидно пустынна; вмѣсто того, чтобы идти дальше, онъ подошелъ къ ближайшему дереву и полѣзъ на него.

Дубъ, на который онъ карабкался, оказался самымъ высокимъ дерезомъ въ этой части лѣса и возвышался надъ сосѣдними деревьями футовъ на десять. Добравшись до самой высокой развилины, Дикъ остановился и осмотрѣлъ окрестности. Онъ видѣлъ всю болотистую равнину вплоть до Кэттли, и Тилль, извивавшійся среди лѣсистыхъ острововъ; а впереди виднѣлась бѣлая линія дороги, шедшей черезъ лѣсъ. Лодка, приведенная въ нормальное положеніе, стояла у перевоза. Никакихъ другихъ слѣдовъ человѣческаго присутствія не было замѣтно. Дикъ уже хотѣлъ слѣзать, когда, бросивъ послѣдній взглядъ на окрестности, замѣтилъ почти въ срединѣ болота рядъ движущихся черныхъ точекъ. Очевидно, небольшой отрядъ пробирался по плотинѣ. Озабоченный этимъ обстоятельствомъ, Дикъ спустился съ дерева и вернулся къ своему товарищу.

ность дома. Дикъ хотѣлъ-было удержать его, но не успѣлъ и тоже отправился за нимъ.

Въ уголку зданія оставалось свободное мѣсто, защищенное двумя балками, упавшими крестъ-на-крестъ отъ обломковъ. Сюда осторожно пробрались юноши. Тутъ они были совершенно скрыты отъ постороннихъ взоровъ и могли наблюдать за окрестностью черезъ трещину въ стѣнѣ.

Взглянувъ въ нее, они на мгновеніе оцѣпенѣли отъ ужаса. Отступленіе было невозможно; они едва смѣли дышать. На краю рва, не далѣе сорока шаговъ отъ нихъ, кипѣлъ и пѣнился котелъ, привѣшенный надъ костромъ; а подлѣ него стоялъ высокій, загорѣлый плотный человѣкъ; въ рукѣ у него была желѣзная ложка, на поясѣ висѣли рогъ и огромный кинжалъ. Казалось, онъ прислушивался къ какому-то подозрительному шуму. Очевидно, это и былъ пѣвецъ; очевидно, онъ мѣшалъ ложкой въ котлѣ, когда шумъ, произведенный нашими путниками въ развалинахъ, привлекъ его вниманіе. Недалеко отъ него другой человѣкъ лежалъ на травѣ и дремалъ, завернувшись въ плащъ.

Наконецъ, человѣкъ, стоявшій у костра, пересталъ прислушиваться, поднесъ ложку ко рту, попробовалъ, покачалъ головой, и снова сталъ мѣшать и напѣвать пѣсню:

Oh, they must need to walk in wood, that may not walk in town!

—повторилъ онъ послѣдній стихъ.

O, sir, we walk not here at all an evil thing to do,
But if we meet with the good king's deer to shoot a shaft into [1]).

Напѣвая пѣсню, онъ время отъ времени подносилъ ложку ко рту, дулъ на нее и пробовалъ кушанье, какъ завзятый поваръ. Наконецъ, онъ, повидимому, рѣшилъ, что обѣдъ готовъ, и, снявъ съ пояса рогъ, протрубилъ въ него три раза.

Товарищъ его проснулся, приподнялся и посмотрѣлъ на него.

— Ну, какъ дѣла, братъ?—спросилъ онъ.—Обѣдъ?

— Да, обѣдъ,—отвѣчалъ тотъ:—и сухой обѣдъ, безъ пива и безъ хлѣба. Теперь мало утѣхи жить въ лѣсу; прошло время, когда добрый молодецъ могъ жить здѣсь не хуже любого аббата, не обращая вниманія на дождь и морозъ, потому что и пива, и вина было у него вдоволь. Плохи нынче стали люди; и этотъ Джонъ Мститель...

---

[1]) О, сэръ, мы живемъ здѣсь не для того, чтобы дѣлать что-нибудь дурное,
Но если намъ попадется лань добраго короля, мы пустимъ въ нее стрѣлу.

— Ты ужъ слишкомъ любишь ѣсть и пить, Лаулессъ. Потерпи, придутъ и хорошія времена.

— Какже!—возразилъ другой:—я всю жизнь дожидался этихъ хорошихъ временъ! Былъ я и францисканцемъ, и королевскимъ стрѣлкомъ, и матросомъ, живалъ и въ лѣсу, стрѣлялъ королевскихъ ланей, а чего добился? Ничего. Лучше бы было мнѣ сидѣть въ монастырѣ. Джону Аббату живется лучше, чѣмъ Джону Мстителю... Никакъ идутъ наши...

На поляну одинъ за другимъ выходили рослые молодцы. Каждый изъ нихъ доставалъ ножъ и роговую чашку, зачерпывалъ изъ котла и, усѣвшись на траву, принимался за ѣду. Вооруженіе и одежда ихъ отличались разнообразіемъ: иные были въ простыхъ блузахъ, и все ихъ оружіе состояло изъ ножа и стараго лука; другіе щеголяли въ полной лѣсной формѣ: въ зеленыхъ плащахъ и камзолахъ, съ пучкомъ красивыхъ стрѣлъ за поясомъ, съ рогомъ, висѣвшимъ на перевязи, съ кинжаломъ и мечомъ на боку. Всѣ подходили молча и, едва поздоровавшись, набрасывались на ѣду.

Ихъ набралось уже человѣкъ двадцать, когда въ сосѣднихъ кустарникахъ послышались веселые голоса, и на поляну вышли человѣкъ пять или шесть, несшихъ носилки. Впереди всѣхъ шелъ, съ начальственнымъ видомъ, высокій, здоровый мужчина, загорѣвшій отъ солнца, какъ сапогъ, съ лукомъ за плечами и рогатиной въ рукѣ.

— Ребята!—крикнулъ онъ:—добрые молодцы и мои веселые товарищи, до сихъ поръ вамъ приходилось туго. Но потерпите, фортуна быстро поворачивается. И вотъ ея первый подарокъ — доброе пиво!

Шопотъ одобренія привѣтствовалъ носильщиковъ, когда они сняли съ носилокъ и откупорили боченокъ.

— А теперь торопитесь, ребята!—продолжалъ предводитель.—Есть дѣло впереди. Отрядъ стрѣлковъ только-что подошелъ къ перевозу—это наша добыча; всѣ попробуютъ нашихъ стрѣлъ—ни одинъ не перейдетъ черезъ этотъ лѣсъ. Всѣ мы, сколько насъ есть, жестоко обижены: иные потеряли землю, иные друзей, многіе изгнаны—всѣ угнетены. А кто причинилъ намъ это зло? Сэръ Даніэль, клянусь распятіемъ! Неужели онъ воспользуется этимъ? неужели онъ будетъ спокойно жить въ нашихъ домахъ? обрабатывать наши поля? ѣсть хлѣбъ, отнятый у насъ? Никогда. Онъ гнетъ законы на свою сторону, выигрываетъ дѣла, но этого дѣла не выиграетъ; я поклялся отомстить ему.

Между тѣмъ Лаулессъ принимался уже за второй рогъ съ

пивомъ. Онъ всталъ и какъ будто хотѣлъ предложить тостъ за оратора.

— Мистеръ Эллиссъ, — сказалъ онъ,—вы хотите мстить— желаю вамъ успѣха; но нашъ братъ, лѣсной житель, у котораго не было ни земель, ни друзей, думаетъ больше о выгодѣ дѣла. Его больше интересуетъ золотой нобль или кружка канарскаго, чѣмъ всѣ мести въ мірѣ.

— Лаулессъ,—отвѣчалъ предводитель,—чтобы добраться до Моотгауза, сэръ Даніэль долженъ пройти черезъ лѣсъ. Благодаря намъ, этотъ переходъ обойдется ему дороже, чѣмъ битва. А если онъ ускользнетъ отъ насъ съ горстью солдатъ, его важные друзья отвернутся отъ него; мы осадимъ тогда старую лисицу и уничтожимъ его въ конецъ. Это жирный олень—хватитъ всѣмъ намъ на обѣдъ.

— Э, — возразилъ Лаулессъ, — я уже ѣдалъ такіе обѣды, только варить-то ихъ трудно, добрый мастэръ Эллисъ. А пока что мы дѣлаемъ? Мастеримъ черныя стрѣлы, сочиняемъ стихи и пьемъ чистую воду—неважный напитокъ!

— Ты ненадежный человѣкъ, Вилль Лаулессъ. Изъ тебя не вышелъ еще капуцинскій духъ, обжорство тебя погубитъ,—отвѣчалъ Эллисъ. — Мы добыли двадцать фунтовъ отъ Аппльэйярда. Добыли семь марокъ отъ вѣстника сегодня ночью! А наканунѣ— пятьдесятъ отъ купца.

— А сегодня,—сказалъ одинъ изъ разбойниковъ,—я остановилъ продавца индульгенцій, ѣхавшаго въ Голивудъ. Вотъ его кошелекъ.

Эллисъ пересчиталъ деньги.

— Сто шиллинговъ! — проворчалъ онъ. — Дуралей! у него было больше спрятано въ сандаліи или зашито въ плащъ. Ты ребенокъ, Томъ Кукоу, ты упустилъ добычу.

Тѣмъ не менѣе, Эллисъ небрежно опустилъ кошелекъ въ карманъ. Онъ стоялъ, опершись на рогатину, и смотрѣлъ на окружающихъ. Всѣ, въ различныхъ позахъ, были заняты ѣдой или запивали ее пивомъ. Сегодня былъ счастливый день; имъ повезло, но приходилось торопиться. Раньше пришедшіе уже успѣли насытиться. Нѣкоторые лежали въ травѣ и дремали, подобно боа; другіе разговаривали или пересматривали оружіе; иные, болѣе веселаго характера, пѣли, потягивая пиво:

Here is no law in goodgreen show,
Here is no lack of meat;
'Tis merry and quiet, with deer for our diet,
In summer when all is sweet.

Come winter again, with wind and rain—
Come winter, with snow and sleet,
Get home to your places, with hoods on your faces,
And sit by the fire and eat [1])

Все это время молодые люди сидѣли, не шевелясь, въ своемъ убѣжищѣ, только Ричардъ натянулъ самострѣлъ и держалъ наготовѣ тетиву, при помощи которой спускалъ стрѣлу. Вся эта сцена лѣсной жизни происходила передъ ними точно на театрѣ. Неожиданное обстоятельство положило ей конецъ. Какъ разъ надъ убѣжищемъ нашихъ героевъ возвышалась печная труба. Внезапно въ воздухѣ послышался свистъ, затѣмъ звукъ удара, и осколки стрѣлы посыпались на головы юношамъ. Кто-нибудь, находившійся въ другой части лѣса, можетъ быть, часовой, котораго они видѣли, пустилъ стрѣлу въ верхушку трубы.

Матчамъ съ трудомъ подавилъ восклицаніе, и даже Дикъ отъ удивленія выронилъ изъ рукъ тетиву. Но для лѣсныхъ обитателей этотъ выстрѣлъ былъ, повидимому, давно ожидаемымъ сигналомъ. Они тотчасъ встали, начали подтягивать пояса, пробовать тетиву луковъ и приготовляться къ отправкѣ. Эллисъ поднялъ вверхъ руку; лицо его приняло выраженіе дикой энергіи; глаза блестѣли на загорѣломъ лицѣ.

— Ребята,—сказалъ онъ,—вы знаете ваши мѣста. Ни одинъ человѣкъ не долженъ ускользнуть отъ насъ. Апплэйардъ былъ только закуской; теперь начнется настоящій обѣдъ. Есть трое людей, за которыхъ я поклялся отомстить: Гарри Шельтонъ, Симонъ Мальмсбёри и—онъ ударилъ кулакомъ въ широкую грудь—и Эллисъ Дэквортъ, клянусь мессой!

Въ эту минуту на полянѣ явился человѣкъ, задыхаясь отъ быстраго бѣга.

— Это не сэръ Даніэль,—сказалъ онъ.—Ихъ всего семеро. Видѣли стрѣлу?

— Да, сейчасъ,—отвѣчалъ Эллисъ.

— То-то,—замѣтилъ вѣстникъ.—Я постарался, а въ награду мнѣ приходится идти безъ обѣда.

---

[1]) Здѣсь нѣтъ законовъ—въ тѣни зеленаго лѣса—
Здѣсь нѣтъ недостатка въ пищѣ.
Лѣтомъ, когда все благоухаетъ,
Здѣсь живется весело и спокойно, лань служитъ обѣдомъ.
Придетъ зима съ дождемъ и вѣтромъ,
Придетъ зима съ снѣгомъ и морозомъ,
Тогда возвращайтесь домой, закинувъ на голову капюшоны,
Садитесь у огня и ѣшьте.

Минуту спустя, товарищи черной стрѣлы разошлись кто бѣгомъ, кто потихоньку, смотря по тому, какое мѣсто кто долженъ былъ занять, и только котелъ, оставшійся надъ еще тлѣвшимъ костромъ, и остатки убитой лани въ кустахъ свидѣтельствовали о ихъ пребываніи здѣсь.

V.

Молодые люди сидѣли смирно, пока не затихъ послѣдній звукъ шаговъ. Тогда они встали, перелѣзли черезъ развалины и выбрались на поляну. Матчамъ поднялъ тетиву и пошелъ впереди. Дикъ слѣдовалъ за нимъ съ самострѣломъ въ рукахъ.

— Теперь,—сказалъ Матчамъ,—въ Голивудъ!

— Въ Голивудъ!—воскликнулъ Дикъ:—когда мои товарищи подвергнутся нападенію! Ну, нѣтъ...

— Неужели вы хотите оставить меня?—сказалъ Матчамъ.

— Конечно!—отвѣчалъ Дикъ.—Если я не успѣю ихъ предупредить, то умру вмѣстѣ съ ними. Какъ, вы хотите, чтобы я бросилъ товарищей? Никогда!

Но Матчамъ вовсе не былъ съ нимъ согласенъ.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—вы поклялись, что доведете меня до Голивуда. Неужели вы хотите нарушить клятву! Неужели вы оставите меня!

— Нѣтъ, я не хотѣлъ нарушать клятву,—возразилъ Дикъ.—Я рѣшился исполнить ее; но теперь... Слушайте, Джэкъ, пойдемте со мною. Я предостерегу этихъ людей; а если не удастся, сражусь вмѣстѣ съ ними; тогда все выяснится и я проведу васъ въ Голивудъ.

— Вы смѣетесь надо мной!—отвѣтилъ Матчамъ.—Эти люди, которымъ вы хотите помочь, гонятся за мной.

Дикъ задумался.

— Я не могу помочь вамъ, Джэкъ,—сказалъ онъ. — Тутъ ничего не подѣлаешь. Что вы хотите! Вамъ не угрожаетъ большая опасность, а эти люди всѣ на дорогѣ къ смерти! подумайте объ этомъ! Не хорошо съ вашей стороны удерживать меня. Святой Георгій! Неужели они всѣ погибнутъ!

— Ричардъ Шельтонъ, — сказалъ Матчамъ, взглянувъ ему прямо въ глаза,—неужели вы будете за-одно съ сэромъ Даніэлемъ? Развѣ у васъ нѣтъ ушей? Развѣ вы не слышали, что говорилъ этотъ Эллисъ? или вы ставите ни во что кровь вашего отца? „Гарри Шельтонъ“,—сказалъ онъ, — а вѣдь сэръ Гарри Шельтонъ былъ вашъ отецъ.

— Что́ вы хотите отъ меня?—воскликнулъ Дикъ.—Вы хотите, чтобъ я повѣрилъ ворамъ?

— Нѣтъ, я слышалъ объ этомъ еще раньше, — возразилъ Матчамъ.—Это всѣмъ извѣстно: сэръ Даніэль убилъ его. Убилъ изъ-за угла, пролилъ невинную кровь въ его собственномъ домѣ. Небо посылаетъ мстителей за нее, а вы—сынъ убитаго—спѣшите помогать и защищать убійцу.

— Джэкъ!—воскликнулъ Ричардъ:—я ничего не знаю. Можетъ быть, такъ и было—почемъ я знаю! Но слушайте, что́ я скажу: этотъ человѣкъ вскормилъ и воспиталъ меня, съ его людьми я охотился и веселился, и бросить ихъ въ минуту опасности—о, Джэкъ, если я сдѣлаю это, я буду всегда считать себя безчестнымъ! Нѣтъ, вы не должны требовать этого, вы не захотите, чтобы я сдѣлалъ подлость.

— Но вашъ отецъ, Дикъ? — сказалъ Матчамъ, нѣсколько смущенный.—Вашъ отецъ? и клятва, которую вы мнѣ дали? Вы призывали святыхъ въ свидѣтели вашего обѣщанія.

— Мой отецъ! — возразилъ Шельтонъ.—Если сэръ Даніэль убилъ его,—эта рука убьетъ сэра Даніэля; но ни его самого, ни его людей, я не покину въ опасности. А что касается до моей клятвы, добрый Джэкъ, то вы должны освободить меня отъ нея. Ради спасенія столькихъ людей, ради моей чести вы должны меня освободить.

— Я, Дикъ? Никогда!—возразилъ Матчамъ.—Если вы меня бросите—вы клятвопреступникъ; я всегда скажу это.

— Вы меня бѣсите,—сказалъ Дикъ.—Отдайте мою тетиву!

— Не дамъ,— сказалъ Матчамъ.—Я хочу спасти васъ, хотя бы наперекоръ вашему желанію.

— Нѣтъ?—закричалъ Дикъ.—Такъ я васъ заставлю!

— Попробуйте,—сказалъ Матчамъ.

Они стояли, глядя въ глаза другъ другу, каждый на-готовѣ. Дикъ сдѣлалъ движеніе—Матчамъ повернулся и бросился бѣжать но въ одно мгновеніе былъ настигнутъ, брошенъ на землю, тетива была вырвана у него изъ рукъ, а Дикъ стоялъ надъ нимъ съ занесеннымъ кулакомъ, ругаясь и угрожая. Матчамъ лежалъ уткнувшись лицомъ въ траву, не думая о сопротивленіи.

Дикъ опустилъ кулакъ.

— Ну васъ совсѣмъ!—сказалъ онъ.—Клялся я или нѣтъ, все равно убирайтесь отъ меня.

Онъ повернулся и побѣжалъ. Матчамъ вскочилъ и бросился за нимъ.

— Что вамъ нужно?—крикнулъ Дикъ, останавливаясь.—Зачѣмъ вы гонитесь за мной? Убирайтесь!

— Почему мнѣ не слѣдовать за вами, если я хочу?—отвѣтилъ Матчамъ.—Всякій можетъ ходить по этому лѣсу.

— Отстаньте отъ меня, чортъ возьми!—сказалъ Дикъ, натягивая самострѣлъ.

— О, какой вы храбрый!—возразилъ Матчамъ.—Стрѣляйте.

Дикъ слегка смутился и опустилъ оружіе.

— Слушайте,—сказалъ онъ.—Вы мнѣ надоѣли. Ступайте куда хотите, или я долженъ буду заставить васъ уйти.

— Хорошо,—упрямо сказалъ Матчамъ,—вы сильнѣе меня. Дѣлайте, что хотите. Я буду слѣдовать за тобой, Дикъ, пока ты не убьешь меня.

Дикъ выходилъ изъ себя. Бить такое безпомощное созданіе ему было стыдно, а между тѣмъ онъ не видѣлъ другого способа отдѣлаться отъ назойливаго и, можетъ быть, ненадежнаго спутника.

— Вы просто съ ума сошли!—закричалъ онъ.—Глупый! вѣдь я спѣшу къ вашимъ врагамъ...

— Все равно, Дикъ,—возразилъ мальчикъ.—Если вы будете убиты, я тоже умру. Я лучше пойду вмѣстѣ съ вами въ плѣнъ, чѣмъ останусь одинъ на свободѣ.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ Дикъ,—мнѣ некогда разговаривать съ вами. Ступайте за мной, если хотите, но не вздумайте измѣнить мнѣ, а то я съ вами раздѣлаюсь. Смотрите!

Съ этими словами онъ продолжалъ свой путь вдоль прогалины, прячась въ кустарникахъ, окаймлявшихъ опушку. Вскорѣ онъ вышелъ изъ долины и замѣтилъ неподалеку небольшой холмъ, заросшій золотистымъ дрокомъ и увѣнчанный темною группой елей.

— Я посмотрю оттуда,—подумалъ онъ, и побѣжалъ къ холму сквозь заросли вереска.

Не успѣлъ онъ взобраться на холмъ, какъ Матчамъ тронулъ его за плечо и молча указалъ рукой. На востокъ отъ холма тянулась глубокая лощина, и тамъ Дикъ увидѣлъ человѣкъ десять людей въ зеленыхъ камзолахъ, и во главѣ ихъ самого Эллиса Дэворта, котораго онъ узналъ по рогатинѣ. Одинъ за другимъ поднимались они изъ лощины и исчезали въ чащѣ.

Дикъ взглянулъ на Матчама нѣсколько ласковѣе.

— Такъ вы не хотите измѣнять мнѣ, Джекъ?—сказалъ онъ.—Я думалъ, вы на ихъ сторонѣ.

Матчамъ заплакалъ.

— Вотъ тебѣ разъ!—воскликнулъ Дикъ.—Этого еще недоставало! вздумали хныкать изъ-за пустяковъ.

— Вы обидѣли меня,—плакалъ Матчамъ.—Вы обидѣли меня, когда свалили на землю. Это подло—пользоваться своей силой.

— Что за вздоръ!—сердито отвѣчалъ Дикъ.—Вы не имѣли права завладѣть моей тетивой, мастеръ Джэкъ. Мнѣ бы слѣдовало поколотить васъ. Если вы идете со мною, то должны мнѣ повиноваться; въ такомъ случаѣ пойдемте!

Матчамъ хотѣлъ-было остаться, но, увидѣвъ, что Дикъ продолжаетъ взбираться на вершину и даже не оглядывается, счелъ за лучшее послѣдовать его примѣру. Но подъемъ былъ очень труденъ. Дикъ уже значительно опередилъ его, да и ноги у него были сильнѣе, такъ что онъ уже давно взобрался на вершину, пробрался между елей и спрятался въ заросли дрока, когда Матчамъ, задыхаясь отъ усталости, догналъ его и молча опустился на землю рядомъ съ нимъ.

Внизу, по дну обширной долины, вилась дорога изъ деревни Тэнстолль къ перевозу. Съ того мѣста, гдѣ они спрятались, имъ она была видна на большое разстояніе. Мѣстами она шла по широкой прогалинѣ, мѣстами лѣсъ подходилъ къ ней вплотную. Далеко внизу, по направленію къ перевозу, мелькали семь стальныхъ шлемовъ, и время отъ времени, тамъ, гдѣ деревья рѣдѣли, передъ зрителями являлись Сельденъ и его товарищи, все еще спѣшившіе исполнить порученіе сэра Даніэля. Вѣтеръ нѣсколько спалъ, но все еще продолжалъ шелестить верхушками деревьевъ, и еслибы Аплэйярдъ присутствовалъ здѣсь, то, можетъ быть, замѣтилъ бы что-нибудь подозрительное въ поведеніи птицъ, летавшихъ надъ лѣсомъ.

— Замѣтьте,—прошепталъ Дикъ,—они уже такъ далеко зашли въ лѣсъ, что должны двигаться впередъ для собственнаго спасенія. Видите вы эту группу деревьевъ, на широкой полянѣ, передъ нами? Тамъ ихъ спасеніе. Еслибы имъ удалось добраться туда невредимыми, я бы нашелъ способъ увѣдомить ихъ. Но мое сердце трепещетъ; ихъ всего семеро, а враговъ такъ много; притомъ у нихъ самострѣлы. Длинный лукъ, Джэкъ, всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ самострѣломъ.

Между тѣмъ Сельденъ и его спутники спокойно ѣхали по дорогѣ, не подозрѣвая объ опасности. Разъ, впрочемъ, они остановились и повидимому прислушивались къ чему-то. Но ихъ вниманіе привлекало нѣчто совершенно другое—отдаленный гулъ выстрѣловъ, доносившійся вѣтромъ. Надъ этимъ стоило задуматься, потому что если выстрѣлы стали слышны въ тэнстольскомъ лѣсу, то значитъ сраженіе передвинулось къ востоку, а

изъ этого слѣдовало, что день начался неблагопріятно для сэра Даніэля и приверженцевъ Алой розы.

Послѣ минутной остановки отрядъ двинулся дальше и выѣхалъ на открытое мѣсто дороги, гдѣ лѣсъ подходилъ къ ней только въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ мыса. Едва они поравнялись съ нимъ, какъ изъ кустовъ вылетѣла стрѣла. Одинъ изъ всадниковъ взмахнулъ руками, лошадь его поднялась на дыбы, и оба повалились на землю. Даже съ того мѣста, гдѣ сидѣли юноши, слышенъ былъ крикъ людей, видно было, какъ испуганныя лошади стали подыматься на дыбы и одинъ изъ всадниковъ началъ слѣзать съ коня. Вторая стрѣла мелькнула въ воздухѣ; второй всадникъ свалился. Тотъ, который слѣзалъ, выпустилъ изъ рукъ поводья; лошадь рванулась, опрокинула его на землю и помчалась увлекая его за собой, такъ какъ нога его завязла въ стремени; видно было, какъ голова его колотилась о камни, а лошадь, стараясь освободиться отъ тяжести, била его копытами. Четверо оставшихся въ сѣдлѣ, обратились въ бѣгство; одинъ повернулъ коня и помчался къ перевозу, остальные понеслись къ Тэнстоллю. Изъ каждой группы деревьевъ летѣли въ нихъ стрѣлы. Скоро еще одна лошадь упала, но всадникъ успѣлъ вскочить на ноги и пустился бѣжать, когда вторая стрѣла свалила и его. Потомъ упалъ еще человѣкъ, потомъ еще лошадь; изъ всего отряда остался только одинъ, да и тотъ пѣшій; только съ разныхъ сторонъ доносился топотъ убѣгавшихъ лошадей.

До сихъ поръ никто изъ нападающихъ не показывался изъ лѣса. На дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ валялись раненые воины и лошади, но никто изъ враговъ не обнаруживалъ желанія покончить ихъ страданія.

Оставшійся въ живыхъ стоялъ въ оцѣпенѣніи подлѣ убитаго коня. Онъ находился уже на полянѣ съ группой деревьевъ, на которую указывалъ Дикъ, на разстояніи не болѣе пятисотъ ярдовъ отъ того мѣста, гдѣ находились юноши, и они могли ясно видѣть его. Онъ стоялъ и оглядывался, не зная, что дѣлать. Но все было тихо; наконецъ, онъ, повидимому, опомнился и вдругъ поднялъ и натянулъ самострѣлъ. Въ ту же минуту Дикъ узналъ Сельдена.

При этомъ въ лѣсу раздался хохотъ. Казалось, не менѣе двадцати человѣкъ сидѣли въ засадѣ и потѣшались надъ несчастнымъ. Затѣмъ стрѣла задѣла плечо Сельдена—онъ отскочилъ назадъ. Другая стрѣла ударила его въ ногу. Онъ кинулся къ лѣсу. Третья стрѣла полетѣла ему на-встрѣчу и ударила въ

забрало шлемо. При этомъ хохотъ возобновился, раскатываясь и отдаваясь въ чащѣ.

Очевидно, нападающіе только дразнили его, какъ въ тѣ времена дразнили быковъ, или какъ кошка играетъ съ мышью. Схватка собственно уже кончилась, и побѣдители доставляли себѣ даровое зрѣлище.

Сельденъ началъ понимать, въ чемъ дѣло; онъ испустилъ крикъ бѣшенства и отчаянія, приложилъ къ плечу самострѣлъ и пустилъ стрѣлу на-удачу. Счастье благопріятствовало ему, такъ какъ въ отвѣтъ на его выстрѣлъ послышался крикъ. Тогда, бросивъ оружіе, Сельденъ побѣжалъ почти прямо по направленію къ Дику и Матчаму.

Теперь товарищи черной стрѣлы начали стрѣлять не на шутку. Но они упустили благопріятный моментъ; большинству приходилось стрѣлять противъ солнца, а Сельденъ на-бѣгу кидался изъ стороны въ сторону, чтобы затруднить прицѣлъ. Повернувъ на холмъ, онъ обманулъ ихъ ожиданіе: впереди не было никого, кромѣ того человѣка, котораго онъ убилъ или ранилъ, и скоро суматоха среди преслѣдователей сдѣлалась очевидной. Послышался рѣзкій свистокъ, который повторился трижды и потомъ еще дважды. Въ отвѣтъ раздался такой же свистокъ изъ другой части лѣса. По обѣ стороны холма слышенъ былъ трескъ сучьевъ и вѣтвей, ломавшихся подъ ногами бѣжавшихъ людей.

Сельденъ бѣжалъ, преслѣдуемый стрѣлами, которыя, однако, до сихъ поръ не попадали въ него. Казалось, онъ можетъ еще спастись. Дикъ натянулъ самострѣлъ, готовясь помочь ему, и даже Матчамъ, забывая о собственной опасности, дрожалъ за несчастнаго.

Сельденъ былъ уже шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, когда стрѣла ударила въ него, и онъ упалъ, но въ ту же минуту вскочилъ на ноги. Однако теперь онъ спотыкался и точно слѣпой повернулъ въ другую сторону.

— Сюда, сюда!—крикнулъ Дикъ, вскакивая и бросаясь къ нему. Сюда! здѣсь помощь! Бѣги, бѣги, не останавливайся!

Но въ эту минуту другая стрѣла вонзилась въ спину Сельдена, между пластинокъ его панцыря, и онъ упалъ какъ камень.

— О, бѣдняга!—воскликнулъ Матчамъ, всплеснувъ руками.

Дикъ стоялъ какъ окаменѣлый, представляя изъ себя цѣль для стрѣлковъ.

Вѣроятно онъ и былъ бы убитъ, но въ ту же минуту неподалеку отъ юношей раздался громовой голосъ, голосъ Эллиса Дэкворта.

— Стойте!—крикнулъ онъ.—Не стрѣлять! Взять его живьемъ! Это—молодой Шельтонъ, сынъ Гарри.

Вслѣдъ за этими словами послышался свистокъ и повторился въ другихъ частяхъ лѣса. Повидимому, это былъ сигналъ, посредствомъ котораго Джонъ Мститель раздавалъ свои распоряженія.

— О, несчастье!—воскликнулъ Дикъ.—Мы пропали. Живѣй, Джэкъ, живѣй!

И они пустились бѣжать черезъ лѣсъ, покрывавшій вершину холма.

VI.

Къ концу дня.

Въ самомъ дѣлѣ, пора было обратиться въ бѣгство. Товарищи черной стрѣлы съ двухъ сторонъ взбирались на холмъ. Нѣкоторые, опередившіе остальныхъ, уже взошли на вершину, другіе огибали холмъ съ обѣихъ сторонъ.

Дикъ углубился въ ближайшую рощу. Это была дубовая роща, спускавшаяся внизъ по холму. За ней лежала поляна, избѣгая которой, Дикъ взялъ влѣво. Немного спустя они опять наткнулись на прогалину и повернули еще лѣвѣй. Такъ, подвигаясь все лѣвѣй и лѣвѣй, они приближались къ большой дорогѣ и къ рѣкѣ, черезъ которую переплыли часъ или два тому назадъ; напротивъ, большая часть ихъ преслѣдователей направилась въ другую сторону къ Тэнстоллю.

Молодые люди остановились перевести духъ. Дикъ приложилъ ухо къ землѣ, но вѣтеръ, шумѣвшій въ вершинахъ деревьевъ, не позволялъ что-нибудь слышать.

— Ну, идемъ!—сказалъ Дикъ, и они продолжали свой путь, несмотря на усталость.

— Стой!—крикнулъ чей-то голосъ.

Передъ ними, на разстояніи не болѣе 50 футовъ, стоялъ человѣкъ въ зеленомъ камзолѣ, прицѣливаясь въ нихъ изъ лука. Матчамъ вскрикнулъ. Дикъ на минуту остановился, но тотчасъ опомнился и бросился на незнакомца, выхвативъ кинжалъ. Былъ ли тотъ пораженъ смѣлымъ нападеніемъ, или повиновался чьимъ-либо приказаніямъ, но онъ не выстрѣлилъ. Дикъ схватилъ его за горло и повалилъ на землю; стрѣла полетѣла въ одну сторону, лукъ въ другую; обезоруженный лѣсной житель увлекъ за собой Дика, но кинжалъ поднялся и опустился дважды; раздался

стонъ, и вслѣдъ затѣмъ Дикъ вскочилъ на ноги, а незнакомецъ лежалъ безъ движенія, пораженный въ сердце.

— Идемъ!—сказалъ Дикъ, и они пустились дальше, несмотря на то, что едва дышали отъ усталости. Матчамъ спотыкался, голова его кружилась. Дикъ чувствовалъ, что колѣни его подгибаются. Тѣмъ не менѣе они не останавливались.

Наконецъ, лѣсъ кончился. Передъ ними оказалась большая дорога изъ Рейзингама въ Шорби.

При видѣ дороги Дикъ остановился и услышалъ какой-то странный шумъ вдали. Сначала онъ походилъ на завываніе вѣтра, потомъ звуки стали яснѣе, и шумъ превратился въ явственный топотъ копытъ; черезъ нѣсколько секундъ появился отрядъ воиновъ, промелькнулъ передъ ними и исчезъ вдали. Всадники мчались во весь опоръ, въ полномъ безпорядкѣ; многіе изъ нихъ были ранены; тутъ же были и лошади безъ всадниковъ, съ окровавленными сѣдлами. Очевидно, это были бѣглецы съ поля битвы.

Не успѣлъ еще затихнуть шумъ, какъ снова послышался топотъ копытъ, и показался всадникъ, на этотъ разъ одинокій и, судя по вооруженію, какое-то важное лицо. За нимъ явился цѣлый обозъ: погонщики гнали лошадей, какъ будто спасались отъ пожара. Должно быть, они рано обратились въ бѣгство, но ихъ трусость не принесла имъ пользы. Едва они поравнялись съ мѣстомъ, гдѣ стояли юноши, какъ ихъ нагналъ человѣкъ въ изрубленныхъ латахъ и видимо выходившій изъ себя отъ бѣшенства. Онъ бросился на погонщиковъ съ мечомъ, осыпая ихъ упреками и ругательствами; нѣкоторые соскочили съ возовъ и бѣжали въ лѣсъ; другіе были изрублены.

Между тѣмъ суматоха увеличивалась; слышался скрипъ телѣгъ, топотъ лошадей, крики людей—все это сливалось въ общій гулъ; очевидно, остатки цѣлой арміи спасались бѣгствомъ.

Дикъ стоялъ мрачный. Онъ хотѣлъ-было идти по большой дорогѣ до поворота въ Голивудъ, но измѣнилъ свой планъ. Онъ узналъ цвѣта графа Рейзингама и понялъ, что исходъ битвы былъ совершенно неблагопріятенъ для Ланкастерской розы. Присоединился ли къ нимъ сэръ Даніэль, и теперь былъ разбитъ и разоренъ? или перешелъ на сторону Іорковъ и оказался на дорогѣ къ почестямъ? Во всякомъ случаѣ дѣло было некрасиво.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ сердито, и пошелъ черезъ рощу, сопровождаемый Матчамомъ.

Нѣсколько времени они шли молча. Солнце уже опускалось къ закату; верхушки деревьевъ ярко сіяли въ его лучахъ, но тѣни уже удлинились, предвѣщая вечеръ.

— Хоть бы было что-нибудь поѣсть, — внезапно сказалъ Дикъ, останавливаясь.

Матчамъ сѣлъ на землю и заплакалъ.

— Ну да, вы можете плакать оттого, что вамъ хочется ѣсть,— сказалъ Дикъ презрительно,—а когда дѣло шло о спасеніи жизни людей, ваше сердце не оказалось такимъ чувствительнымъ. На вашей совѣсти смерть семи человѣкъ, мастэръ Джонъ, я вамъ никогда не прощу этого.

— На моей совѣсти! — воскликнулъ Матчамъ, гордо взглянувъ на него. — На моей! А на вашемъ кинжалѣ кровь человѣка. За что вы убили его? Онъ прицѣлился, но не выстрѣлилъ; вы были въ его рукахъ и онъ пощадилъ васъ! Убить человѣка, который не защищается, нечего сказать, хороша храбрость! Это все равно, что убить котенка.

Дикъ оцѣпенѣлъ отъ изумленія.

— Я честно бился съ нимъ,—закричалъ онъ.—Я бросился на его лукъ.

— Это было коварное нападеніе,—возразилъ Матчамъ.—Вы просто хвастунъ, мастэръ Дикъ; вы пользуетесь выгоднымъ положеніемъ; еслибы вы наткнулись на болѣе сильнаго, то стали бы просить у него пощады. Вы не хотите мстить за смерть вашего отца, за его бѣдный духъ, который вопіетъ о правосудіи. Но если вы встрѣчаете бѣдное созданіе, лишенное силы и ловкости, вы готовы расправиться съ нимъ!

— Кто-нибудь изъ двухъ всегда окажется сильнѣе. Лучшій человѣкъ убиваетъ худшаго и подѣломъ. Вы заслуживаете трепки, мистеръ Матчамъ, за вашу неблагодарность относительно меня; и вы получите то, что заслуживаете.

И Дикъ, который до сихъ поръ сдерживалъ себя даже въ минуты крайняго раздраженія, сталъ разстегивать и снимать съ себя поясъ.

— Вотъ вамъ будетъ на ужинъ,—сказалъ онъ свирѣпо.

Матчамъ побѣлѣлъ какъ полотно, но сидѣлъ неподвижно, не сводя глазъ съ Дика. Дикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, размахивая поясомъ, но остановился смущенный выраженіемъ лица и бѣдностью своего спутника. Рѣшимость его остыла.

— Сознайтесь, что вы неправы,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Матчамъ, я правъ.—Ну что же! Я слабъ, я безсиленъ, я не сопротивляюсь, бей меня!

При этомъ словѣ Дикъ взмахнулъ поясомъ, но Матчамъ откинулся назадъ съ такимъ выраженіемъ ужаса, что онъ опять не

рѣшился ударить. Поясъ выпалъ у него изъ рукъ и онъ остановился въ нерѣшимости.

— Пусть чума поразитъ тебя, бездѣльникъ! — сказалъ онъ наконецъ. — Если у васъ такія слабыя руки, то вы должны и языкъ держать за зубами. Я лучше дамъ себя повѣсить, чѣмъ стану васъ бить!—И онъ опять надѣлъ поясъ.—Не стану васъ бить, —повторилъ онъ,—но никогда не прощу вамъ.—Я васъ не знаю, вы врагъ моего покровителя; я уступилъ вамъ лошадь; вы съѣли мой ужинъ; назвали меня хвастуномъ. Нѣтъ, чортъ возьми, мѣра переполнилась. Хорошая штука быть слабымъ, какъ подумаешь: вы можете дѣлать, что вамъ угодно и никто не долженъ наказывать васъ; вы украдете у человѣка оружіе, и онъ не можетъ отнять его у васъ—все потому, что вы слабы! Этакъ кто-нибудь направитъ въ тебя копье и крикнетъ, что онъ слабъ, и ты долженъ предоставить ему проткнуть тебя. Экій вздоръ!

— Однако жъ вы меня не бьете!—сказалъ Матчамъ.

— Пусть такъ,—сказалъ Дикъ: — пусть такъ. Вы получили плохое воспитаніе, притомъ вы спасли мнѣ жизнь; я и забылъ объ этомъ. Я не хочу быть такимъ же неблагодарнымъ, какъ вы. Ну, пойдемте. Если мы хотимъ попасть въ Голивудъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ, намъ нужно торопиться.

Но хотя Дикъ успокоился, Матчамъ ничего не простилъ ему. Его грубость, воспоминаніе о человѣкѣ, котораго онъ закололъ, наконецъ поясъ, которымъ онъ собирался его бить—такія вещи не легко забываются.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ. — Но, мастеръ Шельтонъ, я лучше пойду одинъ. Здѣсь большая дорога; пойдемте каждый своимъ путемъ; спасибо вамъ за обѣдъ и за урокъ. Счастливаго пути.

— Отлично!—закричалъ Дикъ.—Если такъ, ступайте, и чортъ васъ побери!

И они отвернулись другъ отъ друга и пошли, занятые не направленіемъ дороги, а только своей ссорой. Но Дикъ не отошелъ и десяти шаговъ, какъ услышалъ, что его окликнули; Матчамъ подбѣжалъ къ нему.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—неприлично намъ разставаться такъ холодно.—Вотъ моя рука, а съ нею и мое сердце. Благодарю васъ за все, что вы для меня сдѣлали, не для формы только, а отъ всей души. Будьте здоровы и счастливаго вамъ пути.

— И вамъ также, — отвѣчалъ Дикъ, беря протянутую ему руку:—желаю и вамъ счастливаго пути, но только сомнѣваюсь, чтобы это было возможно. Вы слишкомъ сварливы.

И такимъ образомъ они вторично разстались. Но вотъ уже самъ Дикъ побѣжалъ за Матчамомъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—возьми мой лукъ; я не хочу, чтобы ты былъ безоруженъ.

— Взять твой лукъ! — повторилъ Матчамъ. — Нѣтъ, голубчикъ, у меня не хватитъ силы натянуть тетиву и не хватитъ умѣнья выстрѣлить. Мнѣ ваше оружіе ни къ чему не послужитъ. Но тѣмъ не менѣе благодарю за предложеніе.

Ночь тѣмъ временемъ совсѣмъ сгустилась и подъ деревьями уже нельзя было разглядѣть лица.

— Я пройду нѣсколько шаговъ съ вами,—сказалъ Дикъ.— Ночь темна. Я выведу васъ по крайней мѣрѣ на дорогу. Я боюсь, какъ бы вы не заблудились.

Не говоря больше ни слова, онъ пошелъ впередъ, а тотъ послѣдовалъ за нимъ. Становилось все темнѣе и темнѣе; только тамъ и сямъ, на открытыхъ мѣстахъ, они видѣли небо, усѣянное звѣздами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи все еще слабо слышался шумъ разбитой и ударившейся въ бѣгство ланкастерской арміи; но съ каждымъ шагомъ они отдалялись отъ него.

Послѣ получасовой молчаливой ходьбы, они вышли на большую прогалину. Здѣсь они остановились и поглядѣли другъ на друга.

— Вы устали?—спросилъ Дикъ.

— Охъ, такъ усталъ,—отвѣчалъ Матчамъ,—что, кажется, лягу тутъ и умру.

— Я слышу плескъ воды,—сказалъ Дикъ:—пройдемъ немного ближе къ рѣкѣ; я умираю отъ жажды.

Почва была слегка поката въ этомъ мѣстѣ, и, спустившись внизъ, они нашли тихо журчавшую рѣчку, протекавшую подъ ивами. Тутъ они опустились на землю и, припавъ къ водѣ ртомъ, утолили жажду.

— Дикъ,—сказалъ Матчамъ,—я дальше идти не въ силахъ.

— Я видѣлъ пещеру, какъ мы шли сюда,—отвѣчалъ Дикъ. —Заберемся въ нее и выспимся.

— Согласенъ отъ всего сердца!—закричалъ Матчамъ.

Пещера была сухая и песчанистая. Надъ нею росли кустарники и образовали нѣкотораго рода покрышку.

Юноши забрались въ нее и, чтобы было теплѣе, улеглись рядкомъ, забывъ про свою ссору. Вскорѣ сонъ овладѣлъ ими, и они мирно заснули подъ росой и звѣздами.

VII.

Человѣкъ въ капюшонѣ.

Они проснулись на зарѣ; птицы еще не распѣлись во весь голосъ, но тамъ и сямъ уже слышалось ихъ щебетанье въ лѣсу; солнце еще не взошло, но восточная сторона неба уже загоралась. Голодные и измученные юноши лежали неподвижно, будучи не въ силахъ стряхнуть сладкую дремоту. Но вдругъ имъ послышался звонъ колокола.

— Колоколъ!—сказалъ Дикъ, приподнимаясь.—Неужели мы такъ близко отъ Голивуда?

Немного спустя опять послышался звонъ колокола, и на этотъ разъ гораздо ближе. И съ этихъ поръ постоянно раздавался, все приближаясь.

— Нѣтъ, что же это, однако, значитъ?—спросилъ Дикъ, совсѣмъ уже проснувшись.

— Это кто-то ходитъ,—отвѣчалъ Матчамъ,—а колоколъ звонитъ при каждомъ его движеніи.

— Понимаю; но къ чему это? что онъ дѣлаетъ въ тэнстоллскомъ лѣсу? Джэкъ,—прибавилъ Дикъ,—смѣйся надо мною, если хочешь, а мнѣ не нравится этотъ звонъ.

— Да и мнѣ также,—отвѣтилъ Матчамъ съ дрожью.—У него какой-то жалобный звукъ...

Но тутъ колоколъ зазвенѣлъ быстрѣе, точно человѣкъ, къ которому онъ былъ привѣшенъ, забѣгалъ торопливо взадъ и впередъ. Затѣмъ, звякнувъ очень громко, вдругъ затихъ на нѣкоторое время.

— Что бы это значило?—продолжалъ догадываться Дикъ.—То идетъ, то останавливается. Похоже на то, какъ бы кто спасался бѣгствомъ. Вотъ опять зазвонилъ.

— И теперь ужъ совсѣмъ близко,—замѣтилъ Матчамъ.

Они придвинулись на край пещеры; и такъ какъ она сама по себѣ уже находилась на нѣкоторой возвышенности, то они господствовали надъ прогалиной и могли видѣть все, что на ней происходитъ вплоть до самаго лѣса.

При свѣтѣ дня, который уже занялся, они видѣли тропинку, извивавшуюся бѣлой лентой по вереску. Она проходила всего въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ пещеры и тянулась по всей прогалинѣ на востокъ и на западъ. Судя по ея направленію, Дикъ считалъ, что она должна вести болѣе или менѣе прямо въ Моотъ-Гаузъ.

На этой тропинкѣ показалась бѣлая фигура, выступившая изъ лѣсу. Она остановилась и стала озираться; а затѣмъ, сгорбившись, пошла по тропинкѣ, приближаясь къ пещерѣ. На каждомъ шагу колокольчикъ звякалъ. Лица не было видно. Бѣлый капюшонъ, въ которомъ не было даже отверстій для глазъ, закрывалъ голову, и въ то время какъ фигура двигалась, она, повидимому, ощупывала дорогу палкой. Страхъ оледенилъ юношей смертнымъ холодомъ.

— Прокаженный!—проговорилъ Дикъ хрипло.

— Его прикосновеніе смертельно! — сказалъ Матчамъ. — Убѣжимъ!

— Незачѣмъ. Развѣ вы не видите, что онъ слѣпъ. Онъ бредетъ при помощи палки. Притаимся; вѣтеръ дуетъ отъ насъ; онъ пройдетъ мимо и не тронетъ насъ. Увы! бѣдняга! его стоитъ пожалѣть.

— Я пожалѣю его, когда онъ пройдетъ дальше,—отвѣтилъ Матчамъ.

Слѣпой прокаженный находился какъ разъ на полпути отъ нихъ, и въ эту минуту взошло солнце и освѣтило его закутанное лицо. То былъ высокій человѣкъ, прежде нежели отвратительный недугъ скрючилъ его, и даже и теперь онъ шелъ твердымъ шагомъ.

Зловѣщее звяканье колокольчика, стукъ палки, закутанное лицо и мысль, что онъ не только осужденъ на страданіе и смерть, но и навѣки отлученъ отъ сообщества людей, наполняли юношей ужасомъ, и съ каждымъ шагомъ прокаженнаго этотъ ужасъ все усиливался.

Когда онъ поравнялся съ пещерой, то остановился и повернулъ голову въ ихъ сторону.

— Св. Марія, защити насъ! онъ насъ видитъ!—слабо промолвилъ Матчамъ.

— Тс! — шепнулъ Дикъ.—Онъ прислушивается. Онъ вѣдь слѣпъ.

Прокаженный слушалъ или глядѣлъ, Богъ его знаетъ, въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Затѣмъ снова задвигался, но вдругъ опять остановился и снова, повернувшись головой къ юношамъ, повидимому, наблюдалъ за ними. Даже Дикъ побѣдилъ какъ смерть и закрылъ глаза, точно боялся заразиться черезъ зрѣніе. Но вскорѣ колокольчикъ опять зазвенѣлъ, и на этотъ разъ прокаженный, не медля долѣе, пошелъ впередъ и исчезъ въ лѣсу.

— Онъ видѣлъ насъ,—сказалъ Матчамъ,—я готовъ въ томъ побожиться.

— Пустое!—храбрился Дикъ.—Онъ слышалъ насъ. Онъ самъ труситъ, бѣдный человѣкъ! Еслибы вы были слѣпы и двигались среди вѣчнаго мрака, то вздрагивали бы отъ того, что вѣтка хрустнула или птичка чирикнула.

— Дикъ, Дикъ,—повторилъ Матчамъ,—онъ видѣлъ насъ! Когда человѣкъ слѣпъ, у него другая походка, Дикъ. Онъ видѣлъ насъ, а не слышалъ. Онъ замышляетъ худое. Да вотъ, слушайте, колоколъ больше совсѣмъ не звякаетъ.

И дѣйствительно, колоколъ умолкъ.

— Да,—сказалъ Дикъ, это мнѣ не нравится.—Нѣтъ, это мнѣ совсѣмъ не нравится. Что бы это значило? бѣжимъ скорѣе.

— Онъ пошелъ на востокъ. Дикъ, направимся на западъ. Я не успокоюсь, пока мы не убѣжимъ отъ этого прокаженнаго.

— Джэкъ, вы слишкомъ трусливы, — отвѣтилъ Дикъ.—Мы отправимся прямехонько въ Голивудъ, слѣдовательно на сѣверъ, если только я правильно разсуждаю.

Они пустились въ путь, перешли черезъ рѣчку по камушкамъ, и стали взбираться на другой берегъ, который былъ круче, направляясь къ опушкѣ лѣса. Почва стала очень неровна, вся въ кочкахъ и въ ямахъ, деревья росли безпорядочно, и трудно было оріентироваться въ нихъ. Юноши очевидно блуждали. Кромѣ того, они были утомлены вчерашними похожденіями и голодны, а потому еле-еле волочили ноги.

Но вотъ, взобравшись на пригорокъ, они увидѣли прокаженнаго шагахъ въ ста отъ себя. Колокольчикъ не звякалъ, потому что онъ придерживалъ его рукой, палка не стучала больше о землю, и онъ шелъ быстрыми и твердыми шагами, какъ человѣкъ зрячій. Черезъ секунду онъ исчезъ въ чащѣ.

Юноши при первомъ взглядѣ на него притаились за кустами въ смертельномъ ужасѣ.

— Разумѣется, онъ преслѣдуетъ насъ,—замѣтилъ Дикъ,—разумѣется. Онъ придерживалъ колоколъ одной рукой,—замѣтили вы это?—чтобы онъ не звенѣлъ. Ну, да помогутъ намъ всѣ святые угодники, потому что я не въ силахъ бороться съ проказой.

— Что онъ затѣваетъ?—вскричалъ Матчамъ.—Что ему нужно? слыханное ли дѣло, чтобы прокаженный чисто изъ злости преслѣдовалъ людей? Развѣ колоколъ привѣшенъ къ нему не затѣмъ, чтобы люди могли избѣгать его? Дикъ, тутъ что-то кроется другое.

— Ну, мнѣ все равно,—простоналъ Дикъ:—сила меня совсѣмъ покинула; ноги у меня совсѣмъ подкосились. Святые да спасутъ насъ!

— Неужто вы будете тутъ лежать безъ толку?—закричалъ Матчамъ.—Вернемся на открытое мѣсто. Тамъ по крайней мѣрѣ онъ не можетъ къ намъ подкрасться.

— Нѣтъ, я не пойду,—отвѣчалъ Дикъ.—Мой конецъ пришелъ... А можетъ быть онъ насъ не замѣтилъ?

— Къ чему же, когда такъ, вашъ лукъ?—закричалъ Матчамъ.

Дикъ перекрестился.

— Какъ? вы хотѣли бы, чтобы я выстрѣлилъ въ прокаженнаго? Да у меня рука не поднимется. Нѣтъ, нѣтъ, полноте. Я могу драться съ здоровыми людьми, но не съ привидѣніями и не съ прокаженными. Съ этими я не могу драться. Пусть небо защититъ насъ отъ тѣхъ и отъ другихъ.

— Ну,—сказалъ Матчамъ,—если вы ужъ не хотите драться, то будемъ лежать смирно.

Вдругъ звякнулъ колокольчикъ и умолкъ.

— Онъ выпустилъ его изъ рукъ,—прошепталъ Матчамъ.—Господи! какъ онъ близко отъ насъ!

Но Дикъ ни слова не отвѣтилъ; у него зубы стучали отъ страха.

Вскорѣ они увидѣли, какъ мелькнуло въ кустахъ бѣлое платье прокаженнаго; затѣмъ голова его показалась изъ-за куста, и онъ, казалось, вглядывался во всѣ предметы, прежде нежели уйти изъ этого мѣста. Юноши слышали, какъ билось сердце у каждаго изъ нихъ.

Вдругъ съ крикомъ прокаженный бросился бѣжать прямо къ нимъ. Они съ громкимъ воплемъ разбѣжались въ разныя стороны. Но ихъ ужасный врагъ погнался за Матчамомъ, нагналъ его почти немедленно и схватилъ. Юноша съ громкимъ крикомъ, который разнесся далеко по лѣсу, побился съ минуту въ его рукахъ и затѣмъ лишился чувствъ и какъ пластъ повалился на руки своего побѣдителя.

Дикъ услышалъ крикъ и обернулся. Онъ увидѣлъ, какъ упалъ Матчамъ, и въ одно мгновеніе въ немъ проснулся гнѣвъ и сила вернулась къ нему. Съ крикомъ состраданія и ярости онъ схватилъ лукъ и натянулъ тетиву. Но прежде, нежели онъ успѣлъ выстрѣлить, прокаженный поднялъ руку:

— Стой, Дикъ!—закричалъ знакомый голосъ.—Не стрѣляй, безумецъ! Развѣ ты не узнаешь друга?

И, положивъ Матчама на траву, онъ сбросилъ капюшонъ съ головы; Дикъ узналъ черты лица сэра Даніэля Брэкли.

— Сэръ Даніэль!—закричалъ Дикъ.

— Клянусь мессой, это онъ!—отвѣчалъ рыцарь.—Неужто ты собираешься застрѣлить своего опекуна? Но вотъ теперь вози...

Но онъ не договорилъ и, указывая на Матчама, спросилъ:

— Какъ ты его зовешь, Дикъ?

— Я зову его мастэръ Матчамъ. Развѣ вы его не знаете? Онъ говорилъ, что знаетъ васъ!

— Да, я знаю этого мальчика.

И сэръ Даніэль улыбнулся. Но онъ въ обморокѣ отъ страха. Что, Дикъ, я очень напугалъ васъ обоихъ?

— Очень напугали, сэръ Даніэль,—сказалъ Дикъ и даже вздохнулъ при воспоминаніи.—Съ вашего позволенія, сэръ, я бы охотнѣе встрѣтился съ чортомъ и, говоря по правдѣ, до сихъ поръ еще не опомнился отъ страха. Но скажите, сэръ, зачѣмъ вы такъ перерядились?

Лицо сэра Даніэля вдругъ потемнѣло отъ гнѣва.

— Зачѣмъ я переодѣлся?—сказалъ онъ.—Ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ. Зачѣмъ? Я спасалъ собственную шкуру въ своемъ собственномъ лѣсу, Дикъ. Мы совсѣмъ не вовремя попали на поле битвы; мы пришли туда только затѣмъ, чтобы смѣшаться съ толпой бѣглецовъ. Куда подѣвались всѣ мои воины? Дикъ, клянусь мессой, я этого не знаю! Насъ смели долой; стрѣлы такъ и летали кругомъ насъ. Я не видѣлъ больше ни одного человѣка съ моими цвѣтами, послѣ того какъ трое пали на моихъ глазахъ. Что касается меня, то я прибылъ въ Шорди цѣлъ и невредимъ, но, помня про черную стрѣлу, досталъ себѣ это платье и колокольчикъ и тихохонько добрался до тропинки, которая ведетъ въ Моотъ-Гаузъ. Нѣтъ личины лучше этой; звяканье колокольчика отгонитъ злѣйшаго разбойника въ лѣсу. Они трясутся и блѣднѣютъ, когда только услышатъ его. Наконецъ я набрелъ на тебя съ Матчамомъ. Я плохо видѣлъ сквозь капюшонъ и сначала не былъ увѣренъ, что это вы, главнымъ образомъ потому, что по многимъ и основательнымъ причинамъ удивился, увидя васъ вмѣстѣ. Кромѣ того, на открытомъ мѣстѣ, гдѣ мнѣ приходилось идти медленно и щупая палкой дорогу, я боялся сбросить капюшонъ. Но погляди, этотъ глупый птенецъ начинаетъ приходить въ чувство,—прибавилъ онъ:—капля канарскаго вина совсѣмъ оживитъ его.

Рыцарь вытащилъ изъ-подъ длиннаго платья большую флягу и сталъ тереть виски и смачивать губы паціента, который мало-по-малу опомнился и переводилъ глаза съ одного на другого.

— Ну, успокойся, Джэкъ,—говорилъ Дикъ.—Ты видишь, что это вовсе не прокаженный, а сэръ Даніэль!

— Выпей-ка вина,—сказалъ рыцарь.—Это вдохнетъ въ тебя мужество. А потомъ я обоихъ васъ накормлю, и мы втроемъ отправимся въ Тэнстолль. Откровенно скажу тебѣ, Дикъ, мнѣ не терпится сидѣть тутъ за толстыми стѣнами,—прибавилъ сэръ Даніэль, выкладывая на траву хлѣбъ и мясо.—Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ я впервые сѣлъ на коня, мнѣ еще не доводилось быть въ такихъ тискахъ: жизнь въ опасности, имущество и помѣстье поставлены на карту, и къ довершенію всего лѣсные воры охотятся на меня, какъ на звѣря. Но я еще не совсѣмъ пропалъ. Кое-кто изъ моихъ молодцовъ вернется же домой. Съ Гатчемъ десять человѣкъ; да у Сельдена шестеро. Скоро мы опять укрѣпимся, и если мнѣ удастся помириться съ лордомъ Іоркомъ, которому вдругъ повезло, то мы съ тобой, Дикъ, опять будемъ воинами и опять сядемъ на коней.

И, говоря это, рыцарь налилъ рогъ канарскимъ виномъ и поднесъ къ губамъ.

— Сельденъ,—пробормоталъ Дикъ,—Сельденъ!

И умолкъ.

Сэръ Даніэль отнялъ рогъ отъ губъ, не отхлебнувъ вина.

— Ну!—закричалъ онъ измѣнившимся голосомъ:—въ чемъ дѣло? Сельденъ? что случилось съ Сельденомъ?

Дикъ передалъ повѣсть про засаду и избіеніе людей сэра Даніэля.

Рыцарь слушалъ молча, но лицо его исказилось бѣшенствомъ и горемъ.

— Ну, вотъ тебѣ моя правая рука,—закричалъ онъ,—что я отомщу! Если я не сдѣлаю этого, если я не загублю десять душъ за каждаго своего воина, то пусть буду я проклятъ! Я загналъ этого Декворта, какъ оленя; я пустилъ его по міру; я отнялъ у него имѣніе и домъ; я выжилъ его изъ страны; а онъ опять вернулся, чтобы вредить мнѣ! Хорошо же! онъ не уйдетъ отъ меня цѣлымъ!

Онъ помолчалъ нѣкоторое время, причемъ на лицѣ его боролись самыя злыя страсти.

— Ѣшьте!—вдругъ закричалъ онъ.—Ну, а ты,—обратился онъ къ Матчаму,—поклянись мнѣ, что послѣдуешь за мной въ Моотъ-Гаузъ!

— Клянусь честью,—отвѣчалъ Матчамъ.

— Ну, очень важна мнѣ твоя честь!—закричалъ рыцарь.—Клянись спасеніемъ души твоей матери!

Матчамъ далъ требуемую клятву, и сэръ Даніэль опять накинулъ капюшонъ на голову и приготовилъ колоколъ и палку.

Увидѣть его подъ этой страшной личиной вновь показалось ужаснымъ для его спутниковъ. Но рыцарь скоро снарядился въ путь.

— Ѣшьте скорѣй,—сказалъ онъ,—и слѣдуйте за мной въ мой домъ.

И съ этими словами онъ снова углубился въ лѣсъ, а колокольчикъ опять зазвякалъ на каждомъ шагу; юноши сидѣли за ѣдой, не притрогиваясь къ ней и прислушивались къ тому, какъ звонъ колокола медленно замиралъ вдали.

— И такъ вы отправляетесь въ Тэнстолль?—спросилъ Дикъ.

— Какъ видите,—отвѣчалъ Матчамъ.—Что жъ дѣлать! Я храбрѣе за спиной сэра Даніэля, нежели при немъ.

Они поспѣшно поѣли и пошли по тропинкѣ, пролегавшей черезъ лѣсъ, гдѣ высокія березы расли группами, чередуясь съ зелеными лужайками, а птицы и бѣлки весело прыгали по вѣтвямъ. Два часа спустя они уже очутились на противоположной сторонѣ лѣса и изъ-за деревьевъ имъ видны были красныя стѣны и кровли Тэнстолль-Гауза.

— Здѣсь,—сказалъ Матчамъ, останавливаясь,—мы простимся.

— Зачѣмъ это?—спросилъ Дикъ.—Вѣдь мы идемъ вмѣстѣ въ Тэнстолль, и я буду тамъ видѣться съ вами, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше.

— А знаете что, Дикъ, — продолжалъ Матчамъ,—у меня худыя предчувствія. Вы теперь увидите другого сэра Даніэля: до сихъ поръ ему везло и все удавалось; а теперь, когда его осаждаютъ неудачи, онъ окажется плохимъ лордомъ и для васъ, и для меня. Онъ можетъ быть и храбръ на полѣ битвы, но онъ лжецъ; и въ глазахъ его я прочелъ страхъ, Дикъ, а страхъ такъ же жестокъ, какъ и волкъ! Мы идемъ въ пасть волка, Дикъ, и да спасетъ насъ св. Марія!

Затѣмъ они молча продолжали путь и дошли, наконецъ, до укрѣпленнаго жилища сэра Даніэля, съ его круглыми башнями, поросшими мхомъ и широкимъ рвомъ съ водяными лиліями. Какъ только они подошли, ворота растворились, подъемный мостъ былъ спущенъ, и самъ сэръ Даніэль вмѣстѣ съ Гатчемъ и патеромъ встрѣтилъ ихъ.

А. Э.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ

I.

Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1689 г., Петръ Великій, подавивши стрѣлецкій бунтъ и низложивши царевну Софью, началъ самостоятельно править русскимъ государствомъ. Въ двухсотлѣтнемъ историческомъ опытѣ мы найдемъ довольно основаній, чтобы судить, хорошъ или дуренъ былъ тотъ путь, на который Россія вступила въ эпоху преобразованія. Для нашихъ отцовъ, во время споровъ между славянофилами и западниками, это былъ лишь теоретическій вопросъ для насъ же онъ теперь получаетъ существенное жизненное значеніе.

По общему своему смыслу и направленію реформа Петра Великаго не была для русскаго народа чѣмъ-нибудь совершенно новымъ: она возобновляла и продолжала преданія кіевской Руси, прерванныя монгольскимъ нашествіемъ и всепоглощающею работой государственнаго объединенія. Каковы бы ни были личныя свойства и поступки Петра Великаго, онъ своимъ историческимъ подвигомъ возвращалъ Россію на тотъ христіанскій путь, на который она впервые стала при св. Владимірѣ. Мѣняя свое національное идолопоклонство на всечеловѣческую вѣру, для которой „нѣтъ эллина и іудея“, Россія тѣмъ самымъ отрекалась отъ языческаго обособленія и замкнутости, признавала себя составною частью единаго человѣчества, усвояла себѣ его истинные инте-

ресы, пріобщалась его всемірно-исторической судьбѣ. Принятіе христіанства, если оно было искренно, не могло остановиться на словесномъ исповѣданіи извѣстныхъ догматовъ и на исполненіи благочестивыхъ обрядовъ; оно налагало на обращенный народъ практическую задачу—преобразовывать свою жизнь по началамъ истинной религіи, устроять въ смыслѣ и духѣ этой религіи всѣ свои дѣла и отношенія. Кіевская Русь дѣйствительно вступила на этотъ путь, хотя, разумѣется, первые шаги не могли быть смѣлы и тверды. Въ жизни народа оставалось много дикаго и языческаго, но рядомъ съ этимъ ясно проявлялись и новыя духовныя начала. То нравственное настроеніе, которое овладѣло обращеннымъ отъ язычества Владиміромъ (заботы о бѣдныхъ и недужныхъ, миролюбіе по отношенію къ европейскимъ сосѣдямъ, отвращеніе отъ жестокихъ казней), было вполнѣ христіанскимъ; таковы же были чувства и взгляды, высказанные сто лѣтъ спустя въ поученіи Владиміра Мономаха. Это настроеніе нельзя считать за что-нибудь исключительное и случайное. Хотя немногіе жили такъ хорошо, какъ Мономахъ, но всѣ думали такъ, какъ онъ. Важныя уклоненія отъ христіанскаго пути въ общественной жизни (напримѣръ, княжескія усобицы) признавались всѣми за зло и за грѣхъ, народное сознаніе не мирилось съ ними и не оправдывало ихъ.

Поставленная между Византіею и западною Европой, кіевская Русь могла свободно воспринять истинныя универсальныя начала христіанской культуры помимо ея односторонніхъ и преходящихъ формъ. Западный феодализмъ и деспотическая централизація полу-азіатской Византіи были одинаково чужды русской жизни. Вообще, сравнительно съ другими странами, тогдашняя Россія представляла наименѣе препятствій къ образованію христіанской общественности. Но для исполненія этой задачи однихъ внутреннихъ благопріятныхъ условій было недостаточно. Находясь на пути азіатскихъ ордъ, не перестававшихъ напирать на христіанскій міръ, кіевская Русь должна была прежде всего бороться за существованіе. При слабости государственной организаціи эта борьба не могла быть успѣшною. Молодой націи грозила опасность насильственно погибнуть, не успѣвши развить своихъ духовныхъ силъ. Требовалось настоятельно создать крѣпкое государство. Удачное совершеніе этого насущнаго дѣла, съ которымъ не совладала кіевская Русь, составляетъ заслугу московской Россіи. Но, отдаваясь всецѣло этой національно-политической задачѣ, русскій народъ въ московскую эпоху легко принималъ необходимое средство (сильную государственность) за са-

мую цѣль своей исторической жизни, а за этимъ неизбѣжно слѣдовало потемнѣніе и искаженіе религіозно-нравственнаго идеала, уклоненіе отъ христіанскаго пути.

Главные грѣхи московской Россіи были въ значительной степени грѣхами невольными, зависѣли отъ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ. Принужденный уйти въ далекій сѣверо-восточный уголъ Европы и тамъ сосредоточить свои силы на черной работѣ государственнаго объединенія, русскій народъ съ XIII-го вѣка оказался физически обособленнымъ отъ остальнаго христіанскаго міра, а это сильно способствовало и духовному обособленію, развитію національной гордости и эгоизма. Живыя сношенія кіевской Руси съ другими христіанскими націями имѣли, помимо культурнаго вліянія, и ту пользу, что заставляли нашъ народъ сознавать себя частью европейскаго человѣчества, поддерживали въ немъ нѣкоторое, хотя на первыхъ порахъ весьма слабое, чувство всемірной солидарности. Для московскаго государства на мѣсто этихъ благотворныхъ воздѣйствій стали тягостныя и унизительныя отношенія къ хищной монгольской ордѣ. Вліяніе этихъ отношеній было двоякое и вдвойнѣ вредное. Съ одной стороны, подчиненіе низшей расѣ и постоянныя сношенія съ нею оказывали *уподобляющее* дѣйствіе на русскихъ (особенно при полномъ разобщеніи ихъ съ Европой), понижали ихъ духовный и культурный уровень. А съ другой стороны, такъ какъ, несмотря на это пониженіе, за русскими все-таки оставалось преимущество христіанской и исторической націи, то постоянное сознаніе этого преимущества въ сношеніяхъ съ монголами (не уравновѣшенное никакимъ международнымъ общеніемъ въ другомъ направленіи) развивало въ московскихъ людяхъ національное самодовольство и гордость. Съ русскимъ народомъ случилось то самое, что̀ бываетъ съ человѣкомъ, который обращается исключительно съ лицами низшими его по духовному развитію, и отъ этого получаетъ преувеличенное понятіе о своемъ достоинствѣ и значеніи. Особенно усилилась въ московскомъ государствѣ національная гордость съ половины пятнадцатаго вѣка, во-первыхъ, потому, что съ низверженіемъ монгольскаго ига къ чувству внутренняго превосходства надъ бусурманами присоединилось сознаніе внѣшней силы; а во-вторыхъ, потому, что освобожденіе Россіи отъ татаръ совпало съ окончательнымъ порабощеніемъ Византіи турками, и странствующіе греческіе монахи, въ отплату за московское жалованье, подарили Москвѣ титулъ третьяго Рима съ притязаніями на исключительное значеніе въ христіанскомъ мірѣ. Чрезъ это наше народное самомнѣніе получило нѣчто въ родѣ идеальнаго оправданія.

Въ кіевскую эпоху, когда греки были самостоятельны и обладали сравнительно высокою образованностью, вліяніе ихъ на русскихъ было, вообще говоря, благотворно; оно налагало, такъ сказать, *историческую дисциплину* на молодой народъ, заставляя его признавать за другою націей духовное старшинство, уважать иноземцевъ за ихъ идеальныя преимущества; при этомъ ложныя крайности византизма не были опасны, такъ какъ уравновѣшивались противоположными воздѣйствіями съ запада. Дѣло приняло иной видъ въ московскую эпоху. Тутъ уже греки являлись не какъ насадители духовнаго просвѣщенія, представители великаго христіанскаго царства и высшей культуры, а какъ рабы невѣрныхъ, просители милостыни и льстецы. Въ этомъ качествѣ они могли лишь усиливать въ московскихъ людяхъ національное самомнѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, при духовной изолированности московскаго государства, византійскія идеи въ самой крайней и грубой формѣ находили безпрепятственный доступъ въ русскіе умы.

Въ силу этихъ историческихъ условій—разобщенія съ Европой, воздѣйствія монголовъ и односторонняго вліянія византизма—сложился въ московскомъ государствѣ духовный и жизненный строй, который никакъ нельзя назвать истинно-христіанскимъ. Этотъ строй имѣлъ религіозную основу, но вся религія сводилась здѣсь исключительно къ правовѣрію и обрядовому благочестію, которыя ни на кого никакихъ нравственныхъ обязанностей не налагали. Эта формальная религіозность могла случайно соединяться въ томъ или другомъ лицѣ съ добродѣтелью и святостью, но столь же удобно мирилась и съ крайнимъ злодѣйствомъ. Благочестивъ и правовѣренъ былъ св. Сергій, но также благочестивъ и весьма твердъ въ вѣрѣ былъ царь Иванъ IV. „И бѣсы вѣруютъ“, говоритъ апостолъ. По византійскимъ понятіямъ, усвоеннымъ Москвою, отъ большинства людей, отъ всего христіанскаго общества не требовалось ничего, кромѣ такой вѣры. Тѣ исключительные люди, которые этимъ не довольствовались, должны были отдѣляться отъ общества, уходить въ пустыню или впадать въ юродство. Самый идеалъ святости, представляемый отшельниками и юродивыми, былъ по существу своему исключительнымъ, односторонне аскетическимъ и не могъ двигать впередъ общественную нравственность. Общественная жизнь была лишь безразличною средою между святыми подвижниками, какъ Сергій или Нилъ, и благочестивыми извергами, какъ Иванъ IV. Понятіе объ идеальномъ совершенствѣ отдѣльнаго лица сохранялось въ народномъ сознаніи; но главное условіе для дѣйствительнаго совершенствованія, для общаго нравственнаго прогресса,—именно

дѣятельная религія, идеалъ *общественной правды*,—отсутствовало вполнѣ.

Въ московскомъ государствѣ, какъ прежде въ Византіи, религіозныя и нравственныя начала были совсѣмъ исключены изъ области политическихъ и соціальныхъ отношеній. Въ этой области на мѣсто вселенскаго христіанскаго идеала явилось нѣчто противоположное тому. Собственной націи и національному государству было возвращено абсолютное значеніе, отнятое у нихъ христіанствомъ. Въ московской Россіи, вслѣдствіе крайняго невѣжества и разобщенія съ цивилизованнымъ міромъ, прежняя реакція противъ христіанскаго универсализма проявилась во всей своей силѣ. Признавая себя единственнымъ христіанскимъ народомъ и государствомъ, а всѣхъ прочихъ считая „погаными нехристями", наши предки, сами не подозрѣвая того, отрекались отъ самой сущности христіанства. Византійскіе греки, благодаря которымъ укоренилось на Москвѣ это національное самообожаніе, сдѣлались сами его жертвой. Они такъ усердно возвеличивали значеніе московскаго государства, какъ единственнаго защитника и покровителя правой вѣры и благочестиваго закона, что у московскихъ людей скоро явился вопросъ: могли ли сами греки, потерявъ преимущество христіанскаго царства и порабощенные погаными, сохранить у себя чистоту вѣры и полноту благочестія? Вопросъ этотъ вообще рѣшался не въ пользу грековъ и приводилъ къ окончательному заключенію, что Россія есть единственная христіанская благочестивая страна.

II.

Какъ въ понятіи русскихъ людей, начиная съ московской эпохи, само христіанство утратило присущее ему универсальное значеніе и превратилось въ религіозный аттрибутъ русской народности, такъ, естественно, и церковь перестала быть самостоятельною соціальною группою, слилась въ одно нераздѣльное цѣлое съ національнымъ государствомъ, усвоила себѣ вполнѣ его политическую задачу и историческое назначеніе. Какъ бы кто ни оцѣнивалъ этотъ фактъ, самъ по себѣ онъ не подлежитъ сомнѣнію для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ русскою исторіей и современною дѣйствительностью. Покойный Катковъ любилъ на него указывать какъ на наше главное историческое преимущество. Позволю себѣ привести другое, болѣе почтенное свидѣтельство, не ради высокаго авторитета, излишняго въ дѣлѣ очевидномъ,

но потому, что никогда еще первоначальная сущность нашихъ церковно-государственныхъ отношеній не была изложена съ такою ясностью, краснорѣчіемъ и историческою вѣрностью. Преосвященнѣйшій Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, въ недавно изданной книжкѣ своей „Церковь и государство“ пишетъ между прочимъ слѣдующее: „Извѣстно, съ чего у насъ на Руси пошли и какъ встрѣтились государство и церковь... Извѣстно, что любящіе свободу, точнѣе—шатуны номады, чуть-чуть пахари, наши предки, проживъ на своихъ широкихъ земляхъ, можетъ быть, тысячелѣтія, наконецъ, надумались отказаться отъ своей свободы, рѣшивъ позвать къ себѣ варяжскихъ князей съ наказомъ: земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и володѣть нами. Зачалось государство. Но и первобытное государство не имѣло ни личнаго, ни земельнаго центра. Рюрикъ обжился было въ Новѣ-городѣ, но Олегъ уже облюбилъ Кіевъ, а Святославъ стремился уже за Дунай въ Болгарію. Самое же важное, Рюрикъ съ братьями принесли съ собою собственно не государственное, а семейное и родовое удѣльное начало, которое должно было скорѣе раздробить, чѣмъ сплотить русскій народъ. Вотъ тутъ-то и началась благотворная миссія святой православной церкви для русскаго народа и государства.

„Не вдаваясь въ подробности, назовемъ существенныя черты этой *церковно-государственной миссіи*. Православная церковь принесла на Русь изъ православной Византіи *идею великаго князя*, какъ Богомъ поставленнаго владыки, правителя и верховнаго судіи подвластныхъ народовъ, устранивъ славяно-варяжскую идею князя, какъ старѣйшаго въ родѣ атамана удалой, покоряющей огнемъ, желѣзомъ и дубьемъ, дружины. Церковь перенесла на Русь изъ Византіи *идею государства*, съ устраненіемъ варяжской идеи земли съ народомъ, которую княжескій родъ можетъ дробить безъ конца, какъ удѣльную свою собственность. Церковь утвердила *единство народнаго самосознанія*, связавъ народъ единствомъ вѣры какъ единокровныхъ, единодушныхъ чадъ единаго Отца Небеснаго, призывающихъ Его пренебесное имя на *единомъ языкѣ*, который съ тѣхъ поръ сталъ для всѣхъ словенскихъ племенъ единымъ, роднымъ и священнымъ языкомъ. Церковь создала сперва одно, потомъ другое дорогое для народа святилище, въ Кіевѣ и Москвѣ, закрѣпивъ тамъ своимъ благословеніемъ, своими молитвами, сосредоточеніемъ тамъ высшихъ церковныхъ учрежденій, мѣстопребываніе *все-связующей государственной власти*. Церковь перенесла на святую Русь грамоту и культуру, *государственные законы и чины византійскаго царства*. Единственно

только церковь была собирательницею разрозненныхъ русскихъ княжествъ, раздѣленныхъ еще больше, чѣмъ старинныя племена славянства, удѣльными усобицами. Единственно только церковь спервоначала была собирательницею русскихъ людей, князей, городовъ и земель, раздавленныхъ татарскимъ погромомъ. Церковь выпѣстовала, выростила слабаго московскаго князя сперва до велико-княжескаго, а потомъ и до царскаго величія. Пересадивъ и выростивъ на русской землѣ *идею византійскаго единовластительства*, церковь возложила и св. мvропомазаніе древнихъ православныхъ греческихъ царей на царя московскаго и всея Руси". Такимъ образомъ, заключаетъ далѣе преосвященный витія, „святая православная вѣра связала русскихъ въ *народное единство, подчиненное единой волѣ Помазанника Божія*" [1]).

Согласно этой правдивой картинѣ высшія духовныя силы русскаго народа, представляемыя церковью, всецѣло были посвящены одному историческому дѣлу—созданію и укрѣпленію государственнаго единовластія. Мы знаемъ, какъ необходимо было это дѣло. Но при тѣхъ всепоглощающихъ размѣрахъ, которые національно-политическая задача приняла въ московскую эпоху, для сознанія русскаго народа закрылись всякія дальнѣйшія цѣли, высшія начала христіанскаго универсализма были забыты, и все практическое міросозерцаніе приняло грубо-языческій характеръ. Такимъ образомъ процессъ государственнаго объединенія, при всей своей исторической необходимости, связанъ былъ съ глубоко-ненормальными явленіями въ жизни народа и привелъ его къ духовному одичанію. Въ общемъ ходѣ развитія нашего національнаго организма на московскую эпоху должно смотрѣть какъ на продолжительную и тяжкую *болѣзнь роста*. Нельзя же, напримѣръ, въ царствованіи Ивана IV видѣть выраженіе здоровой общественной жизни; нельзя же въ этомъ благочестивомъ царѣ, безпрепятственно убивающемъ святого архіерея, усматривать нормальное проявленіе церковно-государственныхъ отношеній.

Болѣзнь роста, которою болѣла Россія въ московскую эпоху, достигла своей крайней степени въ половинѣ XVII-го вѣка, и тутъ же долженъ былъ наступить рѣшительный переломъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича главная цѣль этого болѣзненнаго процесса была достигнута: съ присоединеніемъ Украины и Малороссіи къ московскому государству обѣ коренныя разновидности русскаго народа были спаяны вмѣстѣ, и названіе царя и

[1]) Церковь и государство. — Противъ графа Л. Толстого.—Бесѣда преосвященнаго Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго. С.-Петербургъ. 1888. Стр. 49, 50—52 и 55.

самодержца всея Русіи перестало быть пустымъ титуломъ. Въ то же время государственное единовластіе въ Москвѣ послѣ жестокой борьбы рѣшительно восторжествовало и надъ запоздалыми притязаніями безпочвеннаго клерикализма (дѣло патріарха Никона), и надъ преждевременными стремленіями одичалаго народа къ религіозной свободѣ (расколъ старообрядчества).

Мы знаемъ, что созданіе всевластнаго государства въ Россіи было главнымъ образомъ дѣло церкви; она, по выраженію преосвященнаго Никанора, „выпѣстовала“ московское единодержавіе, и въ этомъ состояла вся ея историческая задача. Но какъ можетъ „пѣстунъ“ вступать въ соревнованіе съ своимъ возросшимъ питомцемъ? Не слѣдуетъ ли ему, исполнивши свое назначеніе, удалиться на покой? Но патріархъ Никонъ захотѣлъ во имя церковной власти раздѣлать вдругъ то самое дѣло, надъ которымъ эта власть такъ успѣшно работала въ теченіе многихъ вѣковъ. Одушевлявшій Никона клерикализмъ былъ отвлеченною доктриной безо всякой исторической почвы въ Россіи. Утверждая свою духовную власть какъ безусловно независимое начало, ставя ее внѣ и выше государства и народа, онъ возбуждалъ противъ себя и государство, и народъ. Въ Россіи не оказалось никакихъ общественныхъ элементовъ, на которые онъ могъ бы опереться при осуществленіи своей идеи. Принужденный искать себѣ точки опоры внѣ Россіи, онъ обращается къ первоисточнику нашей церковности, въ Византію. Онъ вооружается противъ русскаго національнаго и противопоставляетъ ему національнымъ греческій. „Хотя по роду я русскій,—говоритъ онъ,—но по образованію и вѣрѣ—грекъ“. Этими словами онъ обличаетъ безплодность своего предпріятія, ибо какая надобность могла быть русскому народу того времени мѣнять свое домашнее язычество на чужое, „русскую вѣру“ на „вѣру греческую“? Къ тому же „греческая вѣра“ могла помочь Никону въ дѣлѣ исправленія книжныхъ опечатокъ, но никакъ не въ дѣлѣ освобожденія церкви отъ государства. То поглощеніе духовной власти свѣтскою, противъ котораго Никонъ возставалъ въ Россіи, было лишь повтореніемъ того, что гораздо ранѣе совершилось въ Византіи. Нуженъ былъ отвлеченный умъ Никона, чтобы въ борьбѣ съ царемъ надѣяться на поддержку царепоклонниковъ грековъ. Выданный головой своимъ врагамъ, осужденный и низложенный восточными іерархами за сопротивленіе мірскому правительству, Никонъ долженъ былъ узнать, какъ относится „греческая вѣра“ къ его церковному идеалу. Митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ объяснилъ ему, что „двѣ головы римскаго орла на государственномъ гербѣ, перешедшемъ изъ Царьграда въ

Москву знаменуютъ двѣ верховныя власти, въ равной мѣрѣ и безраздѣльно принадлежащія самодержцу, а именно: власть надъ государствомъ и власть надъ церковью, управленіе дѣлами мірскими и дѣлами духовными, откуда явствуетъ, что православный царь одинъ и самъ по себѣ обладаетъ полнотою всякой власти на землѣ и что надъ нимъ нѣтъ никого, кромѣ Бога".

Такимъ образомъ основной фактъ нашей исторіи утвержденъ въ ясной и простой формулѣ, возведенъ въ безусловный принципъ. Московскій соборъ 1667 г., подъ предсѣдательствомъ греческихъ патріарховъ, торжественно утвердивши понятіе о церкви, какъ о функціи государственнаго организма, долженъ былъ съ логическою необходимостью осудить заразъ и Никона, и старообрядцевъ, т.-е., съ одной стороны, клерикальную идею церкви, какъ независимой и высочайшей духовной власти, а съ другой стороны, національно-демократическое представленіе церкви, какъ совокупности православнаго русскаго народа, неизмѣнно хранящаго отеческія преданія.

Можно находить здоровые идеальные элементы и въ іерархическомъ протестѣ Никона, и въ демократическомъ протестѣ старообрядцевъ противъ оффиціальной церкви. Но ясно, что практическій успѣхъ этого протеста былъ и невозможенъ, и не желателенъ. Ясно, какому новому произволу и насилію подвергъ бы народную жизнь безпочвенный клерикализмъ Никона въ случаѣ его успѣха [1]). Что касается до старообрядческаго движенія, то при всей своей отрицательной правдѣ (по отношенію къ оффиціальной церкви) оно было въ сущности лишь крайнимъ выраженіемъ того языческаго одичанія, въ которое впала Россія въ московскую эпоху. Признаніе безусловной неизмѣнности мѣстнаго и временнаго преданія, *какъ преданія*, упразднило въ корнѣ христіанскій универсализмъ и христіанскій прогрессъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилась и практическая несостоятельность старообрядчества. Оно утверждало себя какъ національную русскую церковь, т.-е. какъ высшую религіозную форму народнаго единства. Но оказа-

[1]) См. объ этомъ въ предисловіи къ моему сочиненію „Исторія и будущность теократіи", томъ I. Нѣтъ ничего удивительнаго, что добрый, но простодушный и непроницательный Пальмеръ, къ тому же лишь эпизодически знакомый съ русской исторіей, безмѣрно восхитился Никономъ и его предпріятіемъ, въ неудачѣ котораго усмотрѣлъ гибель Россіи (см. его огромный шести-томный трудъ „The Patriarch and the Tsar"). Менѣе понятно подобное увлеченіе со стороны русскихъ писателей. Впрочемъ прославленіе Никона, — который былъ все-таки человѣкъ идеи и погибъ въ борьбѣ за нее,—есть весьма утѣшительное явленіе въ наши дни, когда даже поэты выказываютъ неслыханную доселѣ склонность къ апоѳеозѣ насилія и безцѣльныхъ жестокостей.

лось, что самъ русскій народъ (въ значительномъ большинствѣ своемъ) понималъ дѣло иначе: онъ избралъ для своего объединенія не религіозную, а политическую форму единства, опредѣлилъ себя не какъ церковь, а какъ государство. Кто слыхалъ въ нашемъ народѣ о русской церкви, о патріархѣ и т. п.? А что такое русское царство и царь—это всякій понимаетъ. Желая представлять русскую народность въ ея цѣлости, старообрядчество оказалось только религіозною сектой; вмѣсто того, чтобы объединять Россію оно само подверглось безконечному дробленію [1]).

Такимъ образомъ не приходится жалѣть о побѣдѣ у насъ государственнаго единовластія надъ неудачными опытами клерикальной и народнической церкви. Но чѣмъ рѣшительнѣе была эта побѣда, чѣмъ полнѣе осуществилось всевластіе государственнаго начала, тѣмъ настоятельнѣе выступалъ вопросъ: что же дальше? Какое назначеніе этой государственной силы? Что должна дѣлать Россія въ этомъ своемъ крѣпкомъ и единомъ политическомъ тѣлѣ?

---

[1]) Какъ извѣстно, старообрядчество распространялось исключительно въ сѣверной и восточной Россіи, въ предѣлахъ разселенія великорусскаго племени. Бѣжавшіе отъ гоненій старообрядцы, основывая колоніи на Украинѣ (Стародубы, Вѣтка и т. д.), никогда не могли сдѣлать своихъ поселеній центромъ раскольничьей пропаганды. Малороссы (а также и бѣлороссы) оказались безусловно недоступными для старообрядчества, которое вообще распространялось только тамъ, гдѣ къ русскому населенію примѣшивался финскій элементъ; и чѣмъ гуще была эта примѣсь въ данной мѣстности, тѣмъ глубже укоренялось въ ней старообрядчество (Бѣломорскій и Олонецкій край, область средней Волги и нижней Оки и т. д.). Этотъ фактъ, въ связи съ основнымъ свойствомъ старовѣрческаго буквализма, наводитъ на ту парадоксальную мысль, что единственное оригинальное у насъ религіозное движеніе выросло не на русской, а на финской этнографической почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, то безусловное значеніе, которое старовѣры придаютъ внѣшнему чину священнодѣйствія и буквѣ священныхъ книгъ, независимо отъ всякаго смысла, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ заклинательному, магическому характеру религіи, который ни у какого племени не находится въ такой сильной степени, какъ именно у финновъ. Любопытно сопоставить съ этимъ то обстоятельство, что традиціонные родоначальники всякой магіи, халдеи были (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ) первоначально финскаго происхожденія (аккады и сумеры) и что языкъ древнѣйшихъ священныхъ памятниковъ заклинательнаго искусства (аккадійскія клинообразныя надписи) представляетъ явное сродство съ финскими нарѣчіями (См. Lenormant, „la Magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes“).

III.

Ни духовная власть въ лицѣ патріарха Никона, ни церковный народъ въ лицѣ протопопа Аввакума не сказали и не могли сказать объединенному и возвеличенному государству россійскому, въ чемъ его дальнѣйшая историческая задача. Сказалъ это Россіи самъ носитель государственной власти — сказалъ и исполнилъ. Я вовсе не преувеличиваю достоинствъ и значенія Петра. Я даже затрудняюсь назвать его великимъ человѣкомъ — не потому, чтобы онъ не былъ достаточно великъ, а потому, что онъ былъ недостаточно человѣкъ. Нашъ историческій великанъ былъ похожъ на великановъ миѳическихъ: какъ и они, онъ былъ огромною, въ человѣческомъ образѣ воплощенною, стихійною силой, всецѣло устремленною наружу, не вошедшею въ себя. Петръ Великій не имѣлъ яснаго сознанія объ *окончательной* цѣли своей дѣятельности, о высшемъ назначеніи христіанскаго государства вообще и Россіи въ частности. Но онъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что въ данную историческую минуту нужно было сдѣлать для Россіи, чтобы направить ее на настоящій путь, чтобы приблизить ее къ той высшей задачѣ — и онъ весь ушелъ, всю свою стихійную мощь внесъ въ это дѣло. Вопросъ о личныхъ качествахъ и порокахъ тутъ совсѣмъ не интересенъ. Важно то, что дѣло, сдѣланное Петромъ Великимъ, было самое полезное и необходимое, и что сдѣлалъ онъ его крѣпко.

Главныя событія XVII вѣка въ Россіи — исторія патріарха Никона, въ особенности же расколъ старообрядчества — обнаружили въ русскомъ народѣ большія душевныя силы и вмѣстѣ съ тѣмъ полное отсутствіе всякаго идеальнаго содержанія, крайнюю скудость умственныхъ средствъ. Ясно становилось, что на этой исторической почвѣ нашъ народъ обреченъ на духовное безплодіе. Ясна была и причина такого безплодія: отдѣленіе Россіи отъ всего прочаго міра, уклоненіе отъ вселенскаго христіанскаго пути. Между тѣмъ та ближайшая относительная цѣль, ради которой Россіи нужно было отойти въ сторону отъ всемірно-историческаго движенія и замкнуться въ себѣ, — была достигнута: единое сплоченное государство было создано. Само оно было нужно только затѣмъ, чтобы сохранить національныя силы Россіи для всемірно-историческаго дѣйствія. Дальнѣйшее же пребываніе въ самодовольной замкнутости лишало эти силы всякаго примѣненія, и тяжелый многовѣковый трудъ государственнаго строенія оказывался безполезнымъ. Все дѣло было пока въ томъ,

чтобы сломать стѣну, отдѣлявшую Россію отъ человѣчества, разрушить умственный и жизненный строй, основанный на языческомъ обособленіи. Это дѣло Петръ Великій сдѣлалъ прочно, безповоротно. Какой бы вредъ ни приносили намъ позднѣйшія реакціи, вернуть Россію назадъ съ пути, открытаго для нея Петромъ, онѣ не въ состояніи. Что бы ни говорили и что бы ни затѣвали ослѣпленные или злонамѣренные люди, а московская Русь похоронена и не встанетъ. Праздныя рѣчи и вздорныя затѣи этихъ людей заставляютъ насъ только живѣе чувствовать и выше цѣнить великое дѣло Петровской реформы, не смущаясь тѣмъ, что Провидѣніе нашло и употребило для этого дѣла не какого-нибудь скромнаго и благовоспитаннаго мудреца, а разгульнаго и необузданнаго богатыря.

Для всякаго народа есть только два историческіе пути: языческій путь самодовольства, коснѣнія и смерти—и христіанскій путь самосознанія, совершенствованія и жизни. Только для абсолютнаго существа, для Бога, самосознаніе есть самодовольство, и неизмѣнность есть жизнь. Для всякаго же ограниченнаго бытія, слѣдовательно и для народа, самосознаніе есть необходимо *самоосужденіе*, и жизнь есть измѣненіе. Поэтому истинная религія начинается съ проповѣди *покаянія* и внутренней *перемѣны* [1]). Такъ вступило христіанство во всемірную исторію; такъ же начинается христіанскій путь самосознанія для всякаго человѣка и народа. Вопреки всякой видимости реформа Петра Великаго имѣла въ сущности глубоко-христіанскій характеръ, ибо была основана на нравственно-религіозномъ актѣ національнаго самоосужденія. Чтобы быть плодотворнымъ, этотъ нравственный актъ долженъ былъ непрерывно возобновляться. Россія не могла вдругъ переродиться; реформа Петра Великаго только открыла для нея путь поступательнаго движенія и совершенствованія. Вѣрное этому пути общество должно было постоянно возбуждать въ себѣ недовольство своею дѣйствительностью, сознаніе своихъ общественныхъ недуговъ и пороковъ. И въ самомъ дѣлѣ со времени Петра Великаго гражданскій и культурный ростъ Россіи неразрывно связанъ съ цѣлымъ рядомъ обличительныхъ произведеній, составляющихъ безспорно самую оригинальную часть нашей литературы. Каждая изъ главныхъ эпохъ нашей послѣ-Петровской исторіи имѣетъ своего свѣтскаго пророка, обличающаго современную ему ложь въ общественной жизни. Сейчасъ же вслѣдъ за Петромъ Великимъ является Кантемировская сатира, которая

[1]) Греческое слово *metanoia* имѣетъ и тотъ, и другой смыслъ.

СУРАМСКІЙ ПЕРЕВАЛЪ

Я шелъ въ лѣсу... Средь утренней прохлады
Съ лозы, какъ съ дѣвичьей распущенной косы,
Зеленоокія дріады
Роняли перлы блещущей росы;
И гроздья бѣлыя акація склоняла,
И кленъ, блестя, шумѣлъ воздушною листвой,
И не курильница во мглѣ благоухала—
То плакалъ темный кедръ янтарною смолой...
Съ обрывистой скалы, надъ бездною висящей,
Роскошно затканной плющемъ,
Струился водопадъ таинственно-журчащій,
И ниспадалъ, звеня, лазоревымъ дождемъ.
А съ берега жасминъ цвѣтущій, бѣлоснѣжный
Тянулся жадно къ рощущимъ струямъ,
Но чуть коснулись къ пѣнистымъ волнамъ —
И вновь отпрянули побѣги вѣтви нѣжной:
Такъ дѣва ясныхъ водъ касается ногой,
Но вдругъ, испугана прохладою, трепещетъ,
Отпрянувъ отъ ручья, и свѣтлою росой
Межъ пальцевъ розовыхъ вода течетъ и блещетъ...

Д. Мережковскій.

НА ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦІИ

Изъ поѣздки на Бѣлое море.

Едва ли многимъ изъ читателей,—если только они не спеціалисты-зоологи,—извѣстно, что у насъ, на крайнемъ сѣверѣ, а именно на Бѣломъ морѣ, при Соловецкомъ монастырѣ—существуетъ такъ-называемая „зоологическая станція"; немногіе, вѣроятно, знакомы также съ цѣлями и задачами такихъ станцій и съ исторіею ихъ возникновенія...

Зоологическія станціи на берегу моря—это продуктъ сравнительно послѣдняго времени, вызванный къ жизни современнымъ ходомъ научнаго движенія, и въ свою очередь оказавшій уже большое вліяніе на его успѣхи. По мѣрѣ того, какъ зоологія росла въ смыслѣ науки, по мѣрѣ того, какъ получала все бо́льшую и бо́льшую силу идея, что естественная исторія есть собственно исторія *развитія*,—вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе важности пріобрѣтало знаніе низшихъ органическихъ формъ, низшихъ животныхъ безпозвоночныхъ. Тогда и изученіе морскихъ животныхъ выступило на первый планъ. Органическая жизнь зародилась именно въ морѣ и прошла длинный рядъ ступеней, прежде чѣмъ достигла до развитія организмовъ, годныхъ къ жизни на сушѣ. Въ длинной цѣпи послѣдовательныхъ формъ органическихъ существъ были огромныя группы, которыя никогда не выходили за предѣлы морской жизни; эти группы сохранили своихъ представителей и до сихъ поръ. Существуютъ обширные отдѣлы—цѣлые типы животнаго царства—которые оби-

таютъ въ морѣ, не имѣя ни одного представителя ни на сушѣ, ни въ прѣсныхъ водахъ. Таковы Echinodermata, игловожія, всѣмъ извѣстные морскіе ежи и звѣзды. Въ морѣ сохранились болѣе простыя, болѣе первоначальныя формы, и на ряду съ ними блудныя дѣти животнаго царства, формы заглохшія, сошедшія съ пути правильнаго развитія, регрессивныя формы. Идея развитія, генезиса животнаго царства, черпаетъ обильные аргументы среди разнообразія морскихъ формъ. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ біологіи, основныхъ вопросовъ морфологіи и физіологіи животныхъ, можетъ быть рѣшенъ путемъ изученія строенія и жизни морскихъ животныхъ. Вотъ почему море все болѣе и болѣе привлекало къ себѣ вниманіе біологовъ; но и помимо того, разнообразіе жизни въ морѣ, ея таинственность и красота издавна уже влекли къ себѣ тѣхъ, у кого къ чисто-научному интересу примѣшивается еще чувство эстетика; а таковы, въ сущности, почти всѣ натуралисты.

Въ старину все дѣлалось просто. Натуралистъ, пристрастившись къ морской фаунѣ, представлявшей тогда почти непочатое поле для изслѣдованія, улучалъ первое свободное время и первыя свободныя деньги, чтобы, захвативъ съ собою лупу и микроскопъ, скальпели и пинцеты, сѣтки и стеклянныя банки, провести лѣто гдѣ-нибудь на берегу моря. Такъ жилъ когда-то въ Ниццѣ и въ Бретани Карлъ Фогтъ, увлекательно разсказавшій намъ потомъ о своихъ морскихъ экскурсіяхъ въ маленькой книжкѣ: „Старое и новое изъ жизни людей и животныхъ“ (русскій переводъ Ковалевскаго, 1864 года).

Такія занятія заключали въ себѣ, конечно, множество неудобствъ. Натуралисту приходилось встрѣчать почти неодолимыя препятствія для успѣшнаго хода научныхъ изслѣдованій. Онъ нуждался въ посудѣ и въ акваріяхъ, дорого стоющихъ и неудобныхъ для перевозки, въ инструментахъ и приспособленіяхъ. Отсутствіе подъ рукою необходимыхъ книгъ постоянно тормазило работу. Много хлопотъ доставляло добываніе лодокъ, приборовъ для ловли, неумѣнье и непониманіе его требованій со стороны лодочниковъ и рыбаковъ. Мало-по-малу стала сказываться настоятельная потребность въ основаніи постоянныхъ помѣщеній, спеціально приспособленныхъ для зоологическихъ занятій на берегу моря.

Дальнѣйшій прогрессъ науки еще болѣе затруднилъ такія морскія экскурсіи. Зоологія стала принимать все болѣе и болѣе характеръ лабораторной науки. Примѣненіе микротома,—инструмента, при помощи котораго можно приготовить рядъ тончай-

шихъ разрѣзовъ изъ самыхъ крохотныхъ животныхъ, изъ самыхъ мелкихъ частей организма,—придало новую, чрезвычайную силу микроскопическимъ изслѣдованіямъ и повлекло за собою цѣлый рядъ другихъ приспособленій. Выработались методы химической обработки тканей и органовъ для ихъ изслѣдованія, методы, не вышедшіе пока изъ предѣловъ довольно грубаго эмпиризма, но приведшіе тѣмъ не менѣе, путемъ употребленія реактивовъ для умерщвленія и обработки тканей, и разнообразныхъ веществъ для ихъ окраски, къ цѣлому ряду блестящихъ результатовъ. Но новые, важные и плодотворные методы усложнили и затруднили дѣло зоологическаго изслѣдованія. Теперь зоологъ, если онъ анатомъ и эмбріологъ, не можетъ пріѣхать въ любое мѣстечко на берегу моря, расположиться въ гостинницѣ или наемной квартирѣ, разставить посуду, вынуть свой микроскопъ и работать. Ему трудно обойтись безъ лабораторіи, гдѣ у него были бы постоянно подъ рукой всѣ приспособленія и всѣ вещества, необходимыя для сложныхъ манипуляцій микроскопическаго изслѣдованія организмовъ.

Такія-то лабораторіи для научныхъ изслѣдованій на берегу моря и возникли въ послѣднее время подъ названіемъ „зоологическихъ станцій“; вѣрнѣе было бы называть ихъ біологическими, такъ какъ они не ограничиваются спеціально областью зоологіи, а открыты также для ботаническихъ и физіологическихъ работъ. Образцовымъ учрежденіемъ подобнаго рода считается въ наше время знаменитая зоологическая станція въ Неаполѣ.

Основанная въ началѣ семидесятыхъ годовъ нѣмецкимъ натуралистомъ Антономъ Дорномъ, который и до сихъ поръ управляетъ ею, она вскорѣ достигла замѣчательнаго развитія. Дорнъ принялся первоначально за ея сооруженіе на свой страхъ и на свои средства, но скоро съумѣлъ привлечь къ своему дѣлу участіе и содѣйствіе многихъ частныхъ лицъ, правительствъ и ученыхъ учрежденій. Въ настоящее время неаполитанская станція представляетъ собой образецъ высоко стоящаго научнаго института, вполнѣ самостоятельнаго и независимаго, свободнаго отъ вмѣшательства и контроля какого-либо министерства или вообще государственнаго учрежденія, сооруженнаго и развивающагося благодаря иниціативѣ и энергіи частнаго лица, и въ то же время международная по своимъ средствамъ къ существованію, по цѣлямъ и по общедоступности.

Неаполитанское городское общественное управленіе, послѣ длинныхъ проволочекъ, уступило Дорну мѣсто для станціи и право исключительнаго распоряженія ею съ тѣмъ, чтобы черезъ

90 лѣтъ станція перешла въ собственность города. Прекрасное зданіе станціи стоитъ на самомъ берегу моря. Нижній этажъ его отведенъ для обширнаго морского акваріума, посѣщеніе котораго открыто для публики за плату; въ верхнемъ этажѣ расположены лабораторіи и превосходная научная библіотека станціи. Обширныя лабораторіи богато снабжены приспособленіями для занятій и отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ современной техники, множество усовершенствованій которой вышли изъ неаполитанской станціи. Залы ея могутъ вмѣстить одновременно нѣсколько десятковъ занимающихся.

Станція не преслѣдуетъ учебныхъ цѣлей; въ ней не читается курсовъ, не ведется никакого преподаванія. Это свободная академія, учрежденная для спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій и открытая ученымъ всего міра. При ея основаніи Дорнъ предложилъ правительствамъ и ученымъ учрежденіямъ за ежегодную опредѣленную плату предоставить въ ихъ распоряженіе желаемое количество мѣстъ для занятія въ лабораторіяхъ станціи (1.500 марокъ за каждый рабочій столъ); за эту субсидію ученые всѣхъ странъ, принимавшихъ въ ней участіе, получали право безплатно пользоваться какъ абонированнымъ мѣстомъ на станціи, такъ и всѣми богатыми ея приспособленіями. Это предложеніе Дорна было повсюду охотно принято, и цѣлый рядъ правительствъ и ученыхъ корпорацій принялъ участіе въ содержаніи неаполитанской станціи. Италія, Бельгія, нѣсколько государствъ Германіи, университеты и ученыя общества (кембриджскій университетъ, берлинская академія наукъ, „Британская ассоціація для прогресса знаній“ и др.) завели свои рабочіе столы на неаполитанской станціи. Наше министерство народнаго просвѣщенія также ассигновало Дорну плату за два стола, предоставленные въ распоряженіе русскихъ ученыхъ.

Такимъ образомъ, неаполитанская станція сдѣлалась международнымъ учрежденіемъ. Впрочемъ, ея средства не ограничивались приведенными взносами. Первоначально Дорнъ основывалъ большія надежды на акваріѣ, разсчитывая имѣть массу посѣтителей въ такомъ городѣ, какъ Неаполь, гдѣ вѣчный приливъ туристовъ. Но превосходно устроенный акварій требовалъ большихъ расходовъ на содержаніе, и, кажется, надежды Дорна не оправдались. Извѣстную статью дохода составила также для станціи продажа въ музеи и лабораторіи превосходно консервированныхъ морскихъ животныхъ. Но все-таки станція не могла бы достигнуть такого блестящаго состоянія, еслибы ей не оказали щедрую поддержку германское и отчасти итальянское правитель-

ства, обезпечившія прочное существованіе станціи; въ скоромъ времени (1880) бюджетъ станціи достигъ солидной цифры, около 100.000 франковъ въ годъ.

При такомъ широкомъ сочувствіи со стороны общества и различныхъ государствъ, неаполитанской станціи не мудрено было занять мѣсто одного изъ первыхъ ученыхъ учрежденій Европы. Кромѣ ея директора, Дорна, при станціи находится нѣсколько ученыхъ ассистентовъ, по его приглашенію, и цѣлый штатъ служащихъ, отъ инженера и химика до рыбаковъ, занимающихся ловлей животныхъ для станціи. Ей едва минуло теперь 15 лѣтъ, но научная дѣятельность ея за это время была обширна и плодотворна. На ней работали десятки ученыхъ, много знаменитыхъ именъ, и не мало цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій вышло изъ ея лабораторій. Кромѣ множества работъ, разбросанныхъ по всѣмъ журналамъ и произведенныхъ на станціи или по ея матеріаламъ, результатами ея дѣятельности является рядъ роскошныхъ монографій, издаваемыхъ подъ заглавіемъ: „Fauna und Flora des Golfes von Neapel“, и сборникъ работъ, помѣщенныхъ въ „Mittheilungen aus der zoologischen Station zu Neapel“.

Особенную славу вскорѣ пріобрѣла себѣ станція необыкновеннымъ мастерствомъ въ консервировкѣ самыхъ нѣжныхъ морскихъ организмовъ. Какъ извѣстно, множество морскихъ животныхъ доступны наблюденію только въ живомъ состояніи. Они такъ нѣжны и такъ раздражительны, что при всякомъ прикосновеніи мѣняютъ свой видъ, съеживаются въ комокъ, втягиваютъ щупальца, нити и тому подобные придатки, а часто и совсѣмъ разрушаются. Положенные въ спиртъ для коллекцій, они теряютъ свою форму, цвѣтъ и прозрачность и не сохраняютъ никакого подобія съ тѣмъ, чѣмъ были въ живомъ состояніи. Актиніи втягиваютъ свои яркія щупальца и сжимаются въ комъ; великолѣпныя прозрачныя сифонофоры превращаются въ безформенную студенистую массу. Въ лабораторіяхъ неаполитанской станціи путемъ тщательныхъ и терпѣливыхъ опытовъ выработаны такіе тонкіе методы умерщвленія и сохраненія морскихъ животныхъ, что теперь въ музеѣ каждаго университета можно имѣть коллекціи самыхъ нѣжныхъ и недоступныхъ морскихъ формъ, сохранившихъ весьма близко свой натуральный видъ—съ вытянутыми щупальцами, открытыми естественными отверстіями тѣла и т. п.

Подобныя же станціи, хотя въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, открылись одна за другой въ разныхъ странахъ на берегахъ разныхъ морей; ихъ нѣсколько во Франціи, гдѣ самая извѣстная,

это станція въ Росколѣ, на берегу океана (Ламанша), завѣдываемая французскимъ ученымъ Lacaze-Duthiers. Австрія открыла станціи на берегу Адріатическаго моря, въ Тріестѣ. Нѣсколько станцій имѣетъ Америка. Даже далекая Японія, вступившая такъ недавно съ пути національнаго обособленія на путь общечеловѣческой культуры и снабжающая теперь страницы нѣмецкихъ журналовъ жестокими для нашего уха именами своихъ молодыхъ ученыхъ (Ишикава, Kakichi Mitsukuri, Isao Jijima—послѣднее имя не знаю даже, какъ и выговорить)—и Японія открыла у себя недавно морскую біологическую станцію.

Наше отечество не богато морями, и моря его не особенно богаты фауной. Такое море, какъ Балтійское, совсѣмъ даже не можетъ идти въ счетъ. Соленость его водъ крайне незначительна, а въ русскихъ предѣлахъ оно и совсѣмъ почти прѣсное. Морская фауна появляется въ немъ только по мѣрѣ приближенія къ его западному концу, а у насъ, въ Финскомъ и Ботническомъ заливѣ, существуютъ только слабые слѣды ея. Поэтому основанныя у насъ недавно зоологическія станціи должны были открыться на двухъ противоположныхъ концахъ—на Бѣломъ и на Черномъ морѣ.

Севастопольская біологическая станція въ Крыму, открытая въ семидесятыхъ годахъ, находится въ вѣденіи одесскаго общества естествоиспытателей. Завѣдываніе ею поручено г-жѣ С. М. Переяславцевой, автору нѣсколькихъ научныхъ работъ по зоологіи. Бюджетъ станціи очень скроменъ: на ея содержаніе отпускается всего 1.500 р. въ годъ; помѣщается она въ наемной квартирѣ, конечно, весьма скромныхъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе она имѣетъ уже порядочную библіотеку, обзаводится мало-по-малу инструментами и научными принадлежностями, и каждое лѣто даетъ пріютъ и возможность удобно заниматься 2—3 пріѣзжимъ натуралистамъ и учащимся. Кромѣ того она постоянно снабжаетъ живымъ и мертвымъ матеріаломъ лабораторіи харьковскаго и одесскаго университетовъ.

Другая русская зоологическая станція основана при содѣйствіи соловецкаго монастыря и находится въ вѣденіи петербургскаго общества естествоиспытателей. Исторія происхожденія ея слѣдующая.

Посѣтивши лѣтомъ 1876 и 1877 гг., вмѣстѣ съ К. С. Мережковскимъ, Бѣлое море и убѣдившись въ богатствѣ его фауны, профессоръ петербургскаго университета, Н. П. Вагнеръ, задался мыслью учредить на немъ зоологическую станцію; трудности, сопровождающія научныя занятія въ суровомъ и малонаселенномъ

край, дѣлали особенно цѣннымъ основаніе здѣсь такого учрежденія. Сначала его мысль встрѣчала много препятствій; тогдашній настоятель соловецкаго монастыря, Ѳеодосій, хотя ничего не имѣлъ противъ его желанія, но могъ указать ему для помѣщенія станціи лишь очень неудобное мѣсто. Одно время проф. Вагнеръ думалъ воспользоваться зданіемъ какого-либо изъ маяковъ, разбросанныхъ на островахъ Бѣлаго моря, и получилъ на это согласіе высшаго начальства; но дѣло остановилось за средствами, такъ какъ суммы, необходимой для открытія новаго учрежденія, не находилось ни въ морскомъ министерствѣ, ни въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Наконецъ, въ 1880 г. вновь посѣтивши соловецкій монастырь въ обществѣ знаменитаго русскаго ботаника, покойнаго харьковскаго профессора Л. С. Ценковскаго, проф. Вагнеръ вмѣстѣ съ нимъ обратился къ архимандриту Мелетію, новому настоятелю обители, съ просьбой выстроить зданіе для помѣщенія зоологической станціи. Архимандритъ Мелетій съ участіемъ отнесся къ ихъ просьбѣ, и по его предложенію и съ разрѣшенія синода, соборъ соловецкой обители рѣшилъ выстроить для соловецкой станціи спеціальное зданіе. Для этого воспользовались стоящимъ неподалеку отъ монастыря, на самомъ берегу моря, зданіемъ рыбныхъ промысловъ и, надстроивши надъ нимъ верхній этажъ, передали его въ распоряженіе станціи. Министерство нар. просв. ассигновало сумму, необходимую для первоначальнаго обзаведенія научнымъ инвентаремъ, и лѣтомъ 1882 г. соловецкая станція уже была открыта. За важную услугу, оказанную русскому знанію, петербургское общество естествоиспытателей избрало архимандрита Мелетія своимъ почетнымъ членомъ.

На этой станціи я и провелъ лѣто 1888 года.

II.

Была полночь, когда нашъ пароходъ подходилъ къ Соловкамъ. Но это была сѣверная полночь, свѣтлая какъ день. Солнце сѣло, и ни малѣйшій сумракъ не спустился на землю. Стоялъ какой-то странный, таинственный бѣлый свѣтъ. Ночь была тихая, море спокойно, и его зеркальная поверхность разстилалась кругомъ какою-то молочно-бѣлою гладью; никогда я не видалъ моря такого бѣлаго, молочно-бѣлаго цвѣта. Пароходъ шелъ между островами, загораживающими входъ въ соловецкую бухту, а передъ нами все яснѣе и яснѣе рисовались бѣлыя стѣны и зеленые куполы зданій и церквей монастыря; онъ очень красивъ съ моря.

Впечатлѣніе еще усиливается тѣмъ, что до этого столько времени приходится ѣхать дикими, неприглядными, суровыми трущобами, съ убогими селами, съ ничтожнѣйшими городишками, въ родѣ Повѣнца. А тутъ вдругъ видишь передъ собой большія зданія, яркія краски; человѣкъ, раньше вездѣ задавленный сѣрой и скучной природой, здѣсь какъ будто вышелъ изъ ея рамокъ, и добился и дѣятельности, и красоты, и богатой жизни.

Пароходъ, пройдя лабиринтомъ островковъ, скалъ и подводныхъ камней, входитъ въ монастырскую бухту и бросаетъ якорь прямо противъ гостинницы. Пристань отличная — пароходъ вплотную подходитъ къ каменной набережной, и вамъ остается пройти до гостинницы разстояніе шириною въ улицу, 40—50 шаговъ. Несмотря на поздній часъ, пристань была полна народа: монахи и богомольцы собрались встрѣтить новый пароходъ. Фигуры монаховъ въ ихъ черныхъ одѣяніяхъ, группы молодыхъ ребятъ, почти мальчиковъ, въ черныхъ монашескихъ шапкахъ и съ длинными волосами до плечъ, отсутствіе женщинъ и особенно отсутствіе дѣтей, неизбѣжныхъ членовъ всякой уличной толпы, придавали особенный характеръ собравшейся кучкѣ народа; странная, живописная обстановка, небывалый бѣлый свѣтъ ночи, странная толпа людей — все это носило какой-то не ординарный, театральный характеръ; эти люди на пристани казались мнѣ „хоромъ“ или „народомъ“ изъ какой-нибудь русской оперы или исторической драмы.

Переночевавши въ гостинницѣ, на другой день утромъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ по путешествію, Ю. Н. Вагнеромъ, я сдѣлалъ визитъ настоятелю монастыря, архимандриту Мелетію, и затѣмъ мы перебрались въ помѣщеніе станціи.

Первые два-три дня всецѣло ушли на разборку вещей, пересмотръ принадлежностей, хранящихся на станціи, и на хлопоты по нашему устройству. Когда мы разобрались, устроились и привели все въ порядокъ, станція произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе. Она помѣщается, какъ я говорилъ уже, въ особомъ небольшомъ двухъ-этажномъ домикѣ, въ полу-верстѣ отъ монастыря, и отдѣлена отъ него небольшимъ заливчикомъ. Въ нижнемъ этажѣ находятся: кухня, кладовыя станціи и кромѣ того помѣщеніе для рыбаковъ, ловящихъ рыбу на трапезу монастыря. Верхній этажъ всецѣло отведенъ подъ станцію — восемь или девять просторныхъ комнатъ, съ большими окнами, дающими много свѣта. Большое количество оконъ, обращенныхъ на всѣ четыре стороны, должно, впрочемъ, имѣть и свою дурную сторону—зимой должно сильно выдувать, и жить въ домикѣ было бы,

вѣроятно, холодно. Во всѣхъ комнатахъ есть необходимая, весьма простая, конечно, мебель—столы, стулья, диваны, такъ что помѣщеніемъ мы были обезпечены весьма удобнымъ. Мы заняли каждый по комнатѣ, третью комнату превратили въ столовую, а еще одну въ лабораторнук для приготовленія и храненія реактивовъ, спирта и всякихъ принадлежностей. Остальныя стояли у насъ пустыми.

Принадлежностями для занятій станція снабдила насъ также въ достаточныхъ размѣрахъ. Всѣ необходимѣйшіе реактивы были на-лицо и въ значительномъ количествѣ; стеклянная посуда также. Нѣсколько большихъ стеклянныхъ акваріумовъ и большой запасъ банокъ и чашекъ мѣньшаго размѣра. Въ этихъ принадлежностяхъ и состоитъ главная услуга, оказываемая соловецкой станціей. Еще кой-какіе необходимѣйшіе реактивы вы можете привезти съ собой на море; но безъ акваріевъ и стеклянной посуды вы будете себя чувствовать какъ безъ рукъ, будете лишены всякой возможности пользоваться матеріаломъ, привезеннымъ съ экскурсіи. Тащить съ собой этотъ цѣнный и хрупкій грузъ изъ Петербурга нѣтъ никакой возможности. На мѣстѣ достать подобныхъ вещей негдѣ; да и было бы слишкомъ дорого, еслибы каждый экскурсантъ пріобрѣталъ для себя лично всю ему нужную посуду, и еще на такое короткое время. Теперь, съ учрежденіемъ станціи, вы, послѣ долгаго путешествія по совершенно трущобнымъ мѣстамъ, среди подавляющаго безлюдья, -на суровомъ и дикомъ берегу холоднаго моря, съ пріятнымъ чувствомъ удивленія находите учрежденіе, вполнѣ благоустроенное для научныхъ занятій, гдѣ вы чувствуете себя почти также хорошо обставленнымъ, какъ въ петербургской лабораторіи. И разъ заведенный, въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, весь этотъ научный инвентарь послужитъ уже не вамъ однимъ, и не на одно лѣто, а поочередно будетъ служить всѣмъ заѣзжимъ натуралистамъ.

Конечно, многаго на станціи еще недостаетъ, и изслѣдователь, желающій пользоваться при своихъ работахъ всѣми средствами современной техники, не нашелъ бы здѣсь многихъ нужныхъ вещей. Но въ этомъ пока и нѣтъ особенной надобности; станція даетъ широкую возможность дѣлать наблюденія и изслѣдованія надъ живымъ животнымъ и собрать матеріалъ хорошо обработанный и сохраненный. Окончательное же изученіе собраннаго можно производить уже и дома, тѣмъ болѣе, что кратковременнымъ пребываніемъ на станціи, короткимъ сѣвернымъ лѣтомъ всегда лучше воспользоваться для работы, по мѣрѣ возможности, надъ живыми существами. Самую слабую сторону пред-

ставляетъ теперь отсутствіе книгъ. Библіотека станціи находится пока въ зачаточномъ состояніи: нѣсколько десятковъ сочиненій, главнымъ образомъ по систематикѣ морскихъ животныхъ, хранящихся въ двухъ ящикахъ комода, составляетъ весь ея книжный запасъ.

Въ невыгодныя условія поставлена станція относительно пополненія старыхъ запасовъ и снабженія новыми въ случаѣ потребности. Само собою разумѣется, что на мѣстѣ, въ Соловкахъ, нельзя достать ничего. Спиртъ для занятій и коллекцій я долженъ былъ выписать, немедленно по пріѣздѣ, изъ Архангельска, сообщеніе съ которымъ лѣтомъ довольно быстрое и довольно частое. Но реактивовъ и стеклянной посуды тамъ, вѣроятно, нельзя достать, и если выйдетъ запасъ какой-нибудь кислоты или краски, то ужъ новой себѣ не достанешь.

Но вѣдь нельзя же и требовать, чтобы на Бѣломъ морѣ имѣлись магазины химическихъ товаровъ. Эти неудобства совершенно незначительны въ сравненіи съ той выгодой, которую представляетъ станція для занятій. Соловецкая біологическая станція — еще только эмбріонъ, которому предстоитъ развиваться, и я надѣюсь, что ее ожидаетъ хорошее будущее.

Если у нея есть существенный и неустранимый недостатокъ, который можетъ служить препятствіемъ ея дальнѣйшему развитію и преуспѣянію въ будущемъ, то это ея положеніе на островѣ и, слѣдовательно, полная отрѣзанность отъ міра въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Въ половинѣ или концѣ октября, когда море покрывается льдомъ, въ Соловкахъ прекращаются всякія сношенія съ континентомъ. Море замерзаетъ на нѣсколько верстъ кругомъ береговъ, и такая же полоса льду оковываетъ берегъ материка. Но между этими двумя прибрежными ледяными полосами остается пространство открытаго, незамерзшаго моря. Граница ледяной полосы вѣчно мѣняется; бури и волны постоянно разрушаютъ ее, нагромождаютъ груды льдинъ и обламываютъ края ледяного поля; сильные морозы увеличиваютъ его мощность и возвращаютъ то, что отнято бурей. Такимъ образомъ происходятъ постоянныя колебанія въ размѣрахъ ледяной площади. Тогда прекращается сообщеніе между материкомъ и островами, и монастырь погружается въ полное одиночество. Изрѣдка отважному помору удастся пробраться на острова и обратно, переплывая на карбасѣ открытое пространство моря, съ огромною опасностью быть затертымъ и раздавленнымъ льдами. Такимъ случайнымъ смѣльчакамъ поручается тогда и доставка почты въ монастырь; это бываетъ нѣсколько разъ въ зиму. Мнѣ разсказывали, что въ

1881 году, послѣ смерти императора Александра II, когда весь міръ уже зналъ о перемѣнѣ царствованія, монастырь еще долго находился въ невѣденіи, и на ектеніяхъ поминали покойнаго государя до 17-го марта, когда, наконецъ, пробрался въ Соловки поморъ съ бумагами отъ архангельскаго губернатора и съ манифестомъ о вступленіи на престолъ новаго государя.

Такая отрѣзанность представитъ въ будущемъ огромныя затрудненія для станціи. Теперь покамѣстъ въ ней нѣтъ лица, постоянно ею завѣдывающаго. Она открывается только лѣтомъ, въ случаѣ пріѣзда посѣтителей; все же остальное время она заперта, и ключи ея хранятся у настоятеля. Но на такое состояніе нужно смотрѣть какъ на временное; никакое научное учрежденіе не можетъ быть безъ постояннаго и отвѣтственнаго присмотра; петербургское общество естествоиспытателей, въ вѣденіи котораго станція находится, слишкомъ удалено, чтобы правильно вести надзоръ за станціей и съ успѣхомъ заботиться о ея поддержаніи и дальнѣйшемъ развитіи. Рано или поздно—это, конечно, прежде всего вопросъ денежныхъ средствъ—станція должна быть поручена спеціально одному лицу, которое и жило бы на ней постоянно. Тогда скажется неудобство ея положенія, и бѣдному ученому, которому выпадетъ честь быть директоромъ соловецкой біологической станціи, придется подвергать себя огромнымъ лишеніямъ. Трудно съ успѣхомъ вести научныя занятія, будучи регулярно половину года лишенъ всякой возможности сношеній съ остальнымъ міромъ, лишенъ возможности получать почту, выписывать необходимыя книги и журналы и слѣдить за движеніемъ науки съ тѣмъ неизмѣннымъ вниманіемъ, котораго требуютъ серьезныя научныя занятія.

Нашу жизнь мы устроили по примѣру прежнихъ лѣтъ, по обычаю, заведенному нашими предшественниками на станціи. На Соловецкихъ островахъ, кромѣ учрежденій, принадлежащихъ самому монастырю, ничего нѣтъ. Нѣтъ ни гостинницы, ни постоялаго двора, гдѣ бы можно было достать что-либо поѣсть. Въ большой монастырской гостинницѣ нѣтъ кухни для проѣзжающихъ; всѣ богомольцы и посѣтители обители пользуются столомъ за общей монастырской трапезой. Но такъ какъ прожить полтора мѣсяца на монашеской пищѣ нашимъ мірскимъ желудкамъ показалось бы очень грустно и привело бы ихъ въ справедливое негодованіе, да къ тому же и ходить обѣдать въ монастырь требовало бы все-таки извѣстнаго времени и, главное, связало бы насъ неудобною для насъ строгостью въ соблюденіи часовъ, то мы, какъ это и прежде дѣлалось, завели на станціи свое соб-

ственное хозяйство. Конечно, и въ этомъ намъ помогъ гостепріимный монастырь—да помимо него и нельзя ничего сдѣлать или достать; онъ здѣсь полный и единственный хозяинъ.

Прежде всего монастырь снабдилъ насъ прислугой. Намъ нужно было имѣть гребцовъ для экскурсій и слугу дома. Для этой цѣли намъ были откомандированы трое ребятъ изъ числа тѣхъ мальчиковъ и подростковъ, которыхъ, по обычаю, широко распространенному на сѣверѣ, присылаютъ сюда изъ селъ и городовъ ихъ родители, или „по обѣщанію“, или просто по усердію, на цѣлый годъ, чтобы жить и работать на монастырь. Это такъ-называемые годовые богомольцы, безплатная рабочая сила, которою, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ рукъ, постоянно располагаетъ монастырь.

Хотя при станціонной кухнѣ и оказались кое-какія принадлежности, но все-таки большую часть необходимой кухонной и столовой посуды мы должны были достать въ монастырѣ, и это была самая скучная сторона нашего обзаведенія. Намъ съ удовольствіемъ согласились выдать все, что потребуется (вообще, при всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ монастыремъ, я встрѣчалъ всегда полную любезность и предупредительность, какъ со стороны монастырскихъ властей, такъ и простыхъ монаховъ); но оказалось, что хозяйственная жизнь монастыря распредѣлена, по крайней мѣрѣ, между столькими же отдѣльными департаментами, сколько во всѣхъ петербургскихъ департаментахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Директоромъ каждаго изъ такихъ департаментовъ состоитъ особый монахъ: отецъ экономъ, отецъ расходчикъ, отецъ купорный и т. д., и всѣ хозяйственные предметы распредѣляются между ними самымъ прихотливымъ образомъ. Ложки у экономa, ножи и вилки у расходчика, кухонный ножъ ищите спеціально у мѣдника, а салфетки и скатерти въ „рухлядной“. При такой сложной системѣ намъ пришлось бѣгать изъ одного департамента въ другой и провозиться не мало времени, прежде чѣмъ наша кухня и нашъ буфетъ украсили свои полки потребнымъ для нихъ инвентаремъ; не утаю, что этотъ инвентарь, несмотря на наши труды, былъ очень далекъ отъ полноты и совершенства. Въ теченіе лѣта онъ постоянно восполнялся приборами, временно оторванными отъ ихъ высокихъ научныхъ задачъ потребностями кухоннаго свойства: солонка, сахарница, горчичница—были, въ сущности, банки съ притертыми пробками; большая стеклянная чашка заключала въ себѣ масло, а одинъ изъ нашихъ акваріумовъ, къ великому своему огорченію и стыду, долженъ былъ въ теченіе всего лѣта накрывать въ кладовой холодную телятину.

Вопросъ о провизіи разрѣшился нѣсколько скорѣе и проще, благодаря своей чрезвычайной элементарности: бѣлый хлѣбъ и черный—изъ монастырской лавки. Рыбу берите каждое утро свѣжую, сколько вамъ надобно; вѣдь рыбаки живутъ подъ вами, въ вашемъ же домѣ. Молоко вамъ будутъ привозить со скотнаго двора. Этимъ бы и ограничились наши средства пропитанія, еслибы, въ видѣ особой любезности, для насъ не убивали еще на скотномъ дворѣ теленка, и потомъ отпускали намъ съ ледника телятину по мѣрѣ надобности; эта телятина и составляла главную основу нашего питанія въ теченіе всего лѣта, хотя, по правдѣ сказать, черезъ двѣ недѣли надоѣла уже мнѣ до отвращенія. Для веденія счета забраннаго нами провіанта, намъ выдали тетрадку въ нѣсколько листовъ, шнурованную, нумерованную, съ монастырскою печатью, но увы! въ обложкѣ изъ синей сахарной бумаги, подъ пышнымъ титуломъ: „Книга для естествоиспытателей на записку получаемыхъ разныхъ предметовъ“. По этой книгѣ мы и разсчитались въ концѣ лѣта за все потребленное нами.

Итакъ, когда путемъ немалыхъ хлопотъ мы выяснили себѣ, въ чемъ и изъ чего будемъ готовить себѣ обѣдъ, возникъ вопросъ о томъ, какъ онъ будетъ готовиться. Здѣсь насъ ожидало новое препятствіе. Изъ „богомольцевъ“, поступившихъ въ наше распоряженіе, двухъ постарше и посильнѣе мы произвели въ моряковъ и прикомандировали ихъ къ нашимъ лодкамъ; самый младшій долженъ былъ состоять безсмѣнно при станціи и совмѣщать въ себѣ должности мажордома, повара, оффиціанта и камердинера. Съ нимъ мы натерпѣлись не мало горя.

Нашъ вѣрный личарда, Илья, былъ славный мальчуганъ, лѣтъ четырнадцати, съ добродушной и плутоватой смазливой рожицей и безъ всякихъ кулинарныхъ способностей. Онъ былъ, повидимому, изъ зажиточной крестьянской семьи, и, судя по всему, балованный сынокъ; въ монастырь онъ пріѣхалъ всего за нѣсколько дней до насъ и представлялъ еще изъ себя славный типъ мальчишки, изъ глухого, чисто крестьянскаго угла, не затронутаго прикосновеніемъ мѣщанскаго, купеческаго или барскаго вліянія. Въ сѣверныхъ губерніяхъ помѣщиковъ и вообще всякаго рода „господъ“ мало, крѣпостное право не тяготѣло надъ народомъ, и крестьянинъ тамошній—не тотъ средне-русскій крестьянинъ, который привыкъ ломать шапку передъ каждымъ бариномъ и передаетъ тонъ угодливости и робости передъ нимъ и своимъ дѣтямъ. У Ильи было, повидимому, довольно слабое представленіе о томъ, что онъ „мужикъ“, а я „баринъ“; простой и свободный въ обращеніи, онъ не чувствовалъ ни робости, ни смущенія въ нашемъ обще-

ствѣ, а лакейскихъ талантовъ у него не было ни на грошъ. Если мнѣ случалось пойти съ нимъ за чѣмъ-нибудь, напр. за покупками, въ монастырь, и онъ встрѣчалъ по дорогѣ земляка-богомольца, онъ безцеремонно останавливался покалякать съ нимъ, и когда я, подождавъ его терпѣливо нѣсколько времени, говорилъ: „ну, Илья, ты скоро?“ — онъ отвѣчалъ: „сейчасъ“, и продолжалъ свой разговоръ. За обѣдомъ, вмѣсто того, чтобы чинно стоять въ приличномъ разстояніи отъ прислуживаемаго господина, какъ подобаетъ истинно „респектабельному“ слугѣ, онъ или смотрѣлъ съ любопытствомъ, какъ ѣдятъ господа, провожая каждый кусокъ глазами, или безслѣдно исчезалъ на кухню, откуда былъ вообще трудно извлекаемъ. Особенно трудно было пріучить его хотя къ нѣкоторой опрятности: чисто мыть посуду, каждый день мести, или, какъ онъ говорилъ и какъ вообще выражаются на сѣверѣ, „пахять“ комнаты. Эти требованія казались ему, очевидно, совершенно неразумными. Случалась за нимъ и та слабость, которою страдалъ одинъ изъ „слугъ“, описанныхъ И. А. Гончаровымъ: иногда онъ „употреблялъ“ тѣ кусочки, которые мы оставляли себѣ на ужинъ.

Если онъ былъ плохой лакей, то поваръ онъ былъ совершенно негодный. Когда мы его спросили, умѣетъ ли онъ готовить, онъ намъ отвѣтилъ, какъ тотъ господинъ, который полагалъ, что умѣетъ играть на скрипкѣ, хотя никогда не пробовалъ. И дѣйствительно, плита оказалась для него инструментъ совершенно незнакомый. Замѣтивъ недоумѣніе на его лицѣ при видѣ рыбы и телятины, которые надо было готовить къ обѣду, я и самъ почувствовалъ прискорбное недоумѣніе: мнѣ приходилось быть кулинарнымъ профессоромъ, и я глубоко сознавалъ свою неподготовленность къ этой роли. Въ первый разъ въ жизни я долженъ былъ серьезно поставить себѣ вопросъ: что собственно нужно сдѣлать съ телятиной, чтобы получить изъ нея хорошее жаркое? Къ счастью мой товарищъ оказался немного опытнѣе и главное рѣшительнѣе меня: внимательно посмотрѣвъ на телятину, онъ сказалъ: „я думаю, что ее надо вымыть“, затѣмъ положилъ ее на сковороду, прибавилъ масла, подлилъ воды, и велѣлъ Ильѣ отъ времени до времени поворачивать телятину и тыкать въ нее вилкой. Это Илья понялъ отлично, и тыкалъ ее безпощадно. Но дожарить телятину какъ слѣдуетъ онъ до конца лѣта не выучился.

Благодаря ограниченности матеріаловъ, находившихся въ нашемъ распоряженіи, у насъ выработалось слѣдующее неизмѣнное меню: 1) уха изъ свѣжихъ сельдей, и 2) недожаренная телятина.

Каждое утро Илья бралъ рыбу у рыбнаго старосты, отца

Осипа; въ плохіе дни намъ доставалась только камбала, и тогда мы были за обѣдомъ грустны. Въ хорошіе мы брали сельдей, и уха изъ свѣжихъ сельдей благотворно вліяла на наше настроеніе духа. Почтенный историкъ соловецкаго монастыря, Досиѳей, на стр. 30 своей книги дѣлаетъ выписку: „одинъ ученый путешественникъ, бывъ въ монастырѣ въ 1828 году, замѣтилъ, что уха изъ здѣшнихъ сельдей вкусомъ своимъ почти не уступаетъ стерляжьей. См. того-жъ года „Моск. Вѣдом.“ № 75, стр. 3117“. Я съ своей стороны вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію ученаго путешественника. Мясо этой рыбы въ высшей степени нѣжно и вкусно; я ѣлъ его цѣлое лѣто каждый день, и до конца съ одинаковымъ аппетитомъ, между тѣмъ какъ телятина быстро надоѣла и пріѣлась.

Сперва мы въ видѣ опыта прибавили къ ухѣ сухого горошка; не знаю, что думаютъ объ этомъ г-жи Авдѣева и Молоховецъ, но я смѣю утверждать на основаніи собственнаго опыта, что эта прибавка никуда не годится. Поэтому мы горошекъ откинули, и ограничились лавровымъ листомъ, котораго Илья никогда не забывалъ положить въ уху—больше въ видѣ украшенія—нерѣдко забывая въ то же время ее посолить. Можетъ быть изъ-за этого листа онъ неизмѣнно называлъ уху—„щи“; вмѣсто почтительнаго „прикажете подавать“, онъ спрашивалъ насъ каждый день: „щи тащить?“

Для веденія домашняго хозяйства мы рѣшили соблюдать дежурства по очереди. Но такъ какъ ни у меня, ни у моего товарища не было ни врожденной склонности къ подобнаго рода занятіямъ, ни охоты тратить на это время, то мы относились къ нашимъ обязанностямъ въ высшей степени небрежно. Скоро Илья всецѣло овладѣлъ нашимъ хозяйствомъ и, создавъ себѣ извѣстную ежедневную рутину, уже ни на шагъ не отступалъ отъ нея. Мы оба этому обрадовались и не пытались больше облегчить нашу участь. Цѣлое лѣто мы просидѣли безъ картофеля, потому что для полученія его надо было сходить еще въ одинъ департаментъ, къ спеціальному огородному отцу, и мы не собрались этого сдѣлать во все время нашего пребыванія. Единственное, что мы еще себѣ выдумали — это варить иногда кашу. Въ сущности впрочемъ мы были сыты; монастырскій хлѣбъ отличный, молоко также, и молокомъ мы заливали всѣ пустыя мѣста въ желудкѣ.

Для морскихъ экскурсій при станціи находятся двѣ спеціально для этого назначенныя лодки, два карбаса, какъ здѣсь говорятъ,

одинъ побольше, другой поменьше. Лодки эти хранятся у такелажнаго и выдаются только лицамъ, пріѣзжающимъ на станцію для занятій. Онѣ привязывались у рыбачьей пристани противъ нашего домика и находились въ исключительномъ нашемъ распоряженіи. Наши гребцы, тоже мальчики лѣтъ 16—17, были, однако, оба здоровые ребята, и годились на эту работу. Къ сожалѣнію, оба они оказались не поморы, а откуда-то изъ архангельской губерніи, съ материка, и не знали морского дѣла; не умѣли, напр., толкомъ управляться съ парусомъ. Такъ что для болѣе отдаленныхъ экскурсій, напр. для поѣздокъ въ Заячьимъ островамъ, я бралъ еще одного или двухъ рыбаковъ, у рыбнаго старосты, отца Осипа.

Когда я въ первый разъ поѣхалъ въ море съ драгой и сачками, мои ребята были не мало удивлены: сначала имъ казалось непонятнымъ, какъ это я собираюсь ловить рыбу какими-то необыкновенными приборами; когда же моя драга вытянула грузъ илу, и я сталъ изъ этого ила выбирать червей, голотурій и мелкихъ звѣздочекъ-офіуридъ, мои „богомольцы“ совсѣмъ стали въ тупикъ. Для нашихъ акваріумовъ мы, руководясь опытомъ Н. П. Вагнера, брали воду не изъ самой монастырской бухты, гдѣ она нѣсколько опрѣснена и загрязнена, а привозили ее изъ открытаго моря, изъ-за крестовъ, стоящихъ при входѣ въ Соловецкій заливъ, приблизительно за полверсты отъ станціи. Когда я въ первый разъ послалъ нашихъ гребцовъ съ боченкомъ за водой, объяснивши, гдѣ они должны ее набрать, они вернулись съ пустыми руками, такъ какъ, по ихъ словамъ, оказалось, что „вода тамъ не годится: чистый разсолъ“.

Но потомъ они вошли во вкусъ нашихъ экскурсій, и не только вполнѣ усвоили себѣ нехитрую премудрость ловли морскихъ животныхъ, но и занимались ею con amore, особенно одинъ изъ нихъ, наиболѣе развитой и толковый малый, Спиридонъ. Онъ живо запоминалъ слышанныя зоологическія названія, и потомъ охотно щеголялъ ими: „вонъ, вонъ эшольца плыветъ“. „Сегодня кліона въ морѣ много“, говорилъ онъ послѣ утренней поѣздки въ море за водой для акваріумовъ. Въ концѣ лѣта, вскрывая асцидій, я даже посылалъ его одного за матеріаломъ, и онъ умѣлъ уже привезти какъ разъ то, что мнѣ было нужно.

Этотъ Спиридонъ вообще оказался для насъ незамѣнимымъ малымъ, и интересовалъ меня своимъ характеромъ. Онъ былъ очень крѣпокъ и силенъ, трудолюбивъ и споръ на всякую работу. За всякое дѣло, которое ему поручали, онъ брался съ азартомъ, и совершенно не могъ сидѣть сложа руки. Когда Спиридону

нечего было дѣлать на станціи, онъ работалъ на отца Осипа: чинилъ сѣти, дѣлалъ весла и т. п. Онъ былъ очень благодушный и замѣчательно душевно-уравновѣшенный молодой человѣкъ; самочувствіе у него было превосходное; очевидно, онъ всегда себя отлично чувствовалъ, всѣмъ былъ доволенъ и все ему доставляло удовольствіе. Придетъ утромъ: „благословите къ обѣднѣ сходить". Вернется, спросишь его: „ну что, былъ у обѣдни?" „Какъ же, —говоритъ, помолились Богу, ничего", вздохнетъ и весь лоснится отъ удовольствія. Тѣмъ же тономъ онъ просилъ: „благословите въ баню сходить", и возвращался ублаготворенный и умиленный: „помылися ничего себѣ, хорошо, слава Богу". Вдобавокъ у него было большое чувство уваженія къ чужому авторитету, ко всякому приказанію, которое онъ исполнялъ всегда безукоризненно точно и съ видимымъ удовольствіемъ. Каюсь, хоть онъ былъ хорошій и честный, добрый малый, но мнѣ подъ часъ приходило въ голову, глядя на его невозмутимость, постоянное душевное довольство и на образцовое исполненіе приказаній, что онъ съ одинаковымъ усердіемъ и чувствомъ исполненнаго долга пошелъ бы и не въ баню, и не асцидій ловить, а... ну хоть розгами драть на конюшнѣ. Прикажутъ—и сдѣлаетъ, и на вопросъ: — выдрали? — отвѣтитъ: „выдрали, слава Богу, ловко выдрали".

Съ нашими сосѣдями, рыбаками, мнѣ мало приходилось имѣть дѣла. Они жили подъ нами, въ двухъ-трехъ комнатахъ нижняго этажа, гдѣ въ самой большой находилась и колоссальная печь, отапливающая все зданіе. Это помѣщеніе занято ими круглый годъ, а зимой, послѣ нашего отъѣзда, имъ предоставляется и станціонная кухня, гдѣ они просушиваютъ свои мокрыя платья. Верхній этажъ, т.-е. собственно станція, на зиму запирается и не отапливается. Рыбнымъ старостой былъ при мнѣ отецъ Осипъ, старый уже, но бодрый и здоровый поморъ, родомъ изъ Колы, монастырскій обитатель уже въ теченіе многихъ лѣтъ, хотя и не монахъ, а только „рясофорный послушникъ". У него въ распоряженіи находилось нѣсколько человѣкъ рыбаковъ, ребятъ очень молодыхъ, изъ числа тѣхъ же годовыхъ богомольцевъ, какъ и наши слуги. Трудъ ихъ былъ очень тяжелъ. На промыселъ они ѣздили по ночамъ,—ночью рыба лучше ловится,—выѣзжали часовъ въ 8 вечера и возвращались часовъ около 3 утра. Лѣто было бурное, и имъ постоянно приходилось испытывать на морѣ самую скверную погоду — холодъ, дождь, сильный вѣтеръ. При такой тяжелой работѣ, немудрено, что въ міросозерцаніи почтеннаго рыбнаго старосты сохранились нѣкоторые слѣды язычества,

въ видѣ неумѣреннаго культа Бахуса. Ловили они рыбу неводомъ, для вытягиванія котораго въ разныхъ мѣстахъ берега и на островахъ соловецкой бухты установлены вороты. Промаявшись цѣлую ночь, рыбаки подымались, конечно, поздно, и днемъ были заняты починкой невода, развѣшеннаго для просушки на пристани, и разной мелкой работой. Въ ихъ распоряженіи былъ большой карбасъ съ деревяннымъ ящикомъ на днѣ для склада рыбы. Вдобавокъ ихъ тяжелый трудъ не давалъ особенныхъ результатовъ: рыбная ловля не важная въ монастырѣ. Иной разъ они возвращались чуть не съ пустыми руками, и намъ не было даже пяти сельдей на уху. Къ концу лѣта ловъ становился удачнѣе, и каждую ночь попадало нѣсколько пудовъ сельдей и другой рыбы. Понятно все-таки, что ихъ рыбы совершенно не хватаетъ на нужды монастыря; онъ существуетъ, какъ и все населеніе Бѣломорья, главнымъ образомъ треской, закупаемой на мурманскихъ промыслахъ.

III.

Лѣто 1888 года было, какъ извѣстно, повсемѣстно далеко не жаркое, довольно прохладное. Понятно, на Бѣломъ морѣ оно оказалось совершенно неблагопріятнымъ; „каррикатура южныхъ зимъ“ оправдала свое названіе, и іюнь въ Соловкахъ былъ хуже и холоднѣе—много хуже, чѣмъ бываетъ декабрь въ Ниццѣ. Я выѣхалъ изъ Петербурга 28-го мая, и по Онежскому озеру еще ходилъ ледъ, такъ что не установилось еще правильное пароходное сообщеніе отъ Петрозаводска до Повѣнца. На Бѣломъ морѣ тоже попадался еще мѣстами плавающій ледъ, хотя и въ небольшомъ количествѣ, а дня черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Соловки, слѣдовательно 11-го или 12-го іюня, вѣтромъ принесло изъ Кандалакской губы множество отдѣльныхъ разбитыхъ льдинъ, бѣлыми полосами тянувшихся по морю. На Песьей Лудѣ, маленькомъ островѣ при входѣ въ Соловецкій заливъ, на сѣверной сторонѣ лежалъ снѣгъ до половины іюня.

Такимъ образомъ въ половинѣ іюня, въ тѣ дни, когда гдѣнибудь въ Харьковѣ или въ Таганрогѣ стоитъ обыкновенно нестерпимый зной, въ Соловкахъ была еще ранняя весна, и деревья только еще покрывались зеленью. Лиственныя деревья на Соловкахъ, береза, осина, уже не чувствуютъ себя достаточно хорошо, въ особенности на берегу моря. Береза вовсе не ростетъ здѣсь стройнымъ и высокимъ деревомъ, а обнаруживаетъ наклонность къ приниманію кустарниковой формы; прямо отъ

земли она раздѣляется на нѣсколько стволовъ, кривыхъ, корявыхъ и невысокихъ. Когда я пріѣхалъ, на нихъ еще не было листьевъ; только на нижнихъ вѣтвяхъ, если онѣ случайно прилегали къ одному изъ тѣхъ огромныхъ валуновъ, которые разсѣяны всюду по острову, пользуясь дневнымъ нагрѣваніемъ камня, появлялись свѣжіе зеленые листочки; гранитъ оказался заботливой нянькой, согрѣлъ и выхолилъ прижавшуюся къ нему робкую вѣтвь, тогда какъ ея верхніе братья и сестры еще стояли въ холодномъ воздухѣ и напрасно просили тепла у скупого и холоднаго солнца.

Кромѣ черемухи и рябины, въ Соловкахъ нѣтъ, кажется, ни одного дерева, приносящаго плоды. Черемуха, это дерево ранней весны, цвѣла здѣсь въ концѣ іюня; кисти черемухи да луговыя незабудки были единственные пахучіе цвѣты, которые попадались мнѣ за лѣто. Хлѣбъ не родится въ Соловкахъ; монастырь не разъ дѣлалъ для опыта посѣвы, но всегда терпѣлъ неудачу. Какія-то горы около монастыря до сихъ поръ носятъ названіе яровыхъ или хлѣбныхъ, въ память одной изъ такихъ попытокъ. Въ этомъ году архимандритъ Мелетій вновь рискнулъ повторить эти опыты и посѣялъ ячмень, недалеко отъ монастыря, на полянѣ въ лѣсу, на солнечномъ склонѣ одного холма. Какъ на зло, случилось лѣто съ температурой ниже нормальной, и очевидно и на этотъ разъ пришлось потерпѣть фіаско. Я видѣлъ этотъ ячмень въ концѣ іюля, и онъ еще не выколосился, соломины были не выше вершковъ десяти и торчали, какъ рѣдкая щетка, далеко одна отъ другой.

Весь іюнь мѣсяцъ стояла прескверная погода: холодно, ненастье, частые дожди и почти постоянные сильные вѣтры. Рѣдко я выходилъ изъ дому не въ драповомъ пальто. Станцію мы топили два, три раза въ недѣлю. Понятно, сколько такая погода мѣшала нашимъ экскурсіямъ и занятіямъ; я пользовался каждымъ временнымъ перерывомъ болѣе сносной погоды, улучая каждое затишье, чтобы съѣздить на море подрагировать. Но до іюля мѣсяца мнѣ не удалось съѣздить къ Заячьимъ островамъ, гдѣ лучшее мѣсто соловецкой фауны. Случалось, что нѣсколько дней подъ-рядъ вѣтеръ не позволялъ выѣхать въ лодкѣ изъ бухты, и много времени пропадало даромъ. Только съ первыхъ чиселъ іюля установилась болѣе сносная погода и бывали теплые дни, хотя все-таки за цѣлое лѣто не было ни одного дня жаркаго, и всѣ мѣстные жители говорили мнѣ, что я попалъ на сѣверъ въ лѣто сверхъ обыкновеннаго холодное. Все-таки и на Соловкахъ лѣтомъ бываетъ иногда жарко.

Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, и холодное лѣто влекло за собой одно хорошее послѣдствіе: комаровъ было меньше. Они держались въ лѣсу, не смѣя вылетать на открытый берегъ моря. На морѣ во все время нашихъ экскурсій ихъ не было совсѣмъ, тогда какъ въ прежніе годы посѣтителямъ станціи они и на морѣ не давали покоя, и приходилось спасаться отъ нихъ сѣтками, смоченными скипидаромъ. Въ комнаты они также почти не залетали.

Зато сѣверное лѣто, скупое на тепло, щедро на свѣтъ. Около мѣсяца я совершенно не видѣлъ темноты, и расходъ на освѣщеніе въ нашемъ хозяйствѣ на станціи въ теченіе первыхъ трехъ недѣль не превышалъ нуля.

Это не наши петербургскія бѣлыя ночи, съ ихъ прозрачнымъ сумракомъ, когда „одна заря смѣнить другую—спѣшитъ, давъ ночи полчаса“. Это просто два дня подъ-рядъ, или сплошной 24-хъ-часовой день. Въ Соловкахъ, лежащихъ подъ 65° широты, солнце и 9—12 іюня, въ кратчайшую ночь, заходитъ за горизонтъ на короткое время (часа на два), но опускается такъ незначительно, что свѣтъ его почти не ослабѣваетъ. Вечеръ совершенно не существуетъ въ это время, и никакіе признаки не указываютъ вамъ на окончаніе дня и на приближеніе ночи. Въ комнатахъ всю ночь подъ-рядъ стоитъ ровный, бѣлый свѣтъ, такой, какой бываетъ у насъ въ пасмурные, облачные дни. Работать можно совершенно свободно; едва ли есть другая зоологическая станція, гдѣ бы можно было въ полночь смотрѣть въ микроскопъ, какъ въ Соловкахъ. Такое обиліе свѣта представляетъ, дѣйствительно, цѣнное преимущество, большое удобство для занятій. Проф. Коротневъ, проведшій лѣто подъ экваторомъ, на Зондскихъ островахъ, горько жалуется на то убійственное постоянство, съ которымъ въ тѣхъ широтахъ солнце въ шесть часовъ вечера быстро закатывается за горизонтъ, и вслѣдъ за этимъ немедленно наступаетъ полная темнота.

Этотъ постоянный, непрерывный, ровный и однообразный свѣтъ хотя и не мѣшалъ мнѣ спать и не раздражалъ нервы, какъ это часто бываетъ съ южанами въ Петербургѣ во время бѣлыхъ ночей, тѣмъ не менѣе не переставалъ производить на меня фантастическое впечатлѣніе чего-то неправдоподобнаго, ненастоящаго. Я охотно имъ пользовался по вечерамъ, но привыкнуть къ нему никакъ не могъ. Середина лѣта, „метенная ночь“, ночь на Ивана-Купала, та пора, когда на югѣ прыгаютъ черезъ костры, когда знойный день смѣняется ночными грозами, съ тихимъ и теплымъ проливнымъ дождемъ, и непроглядно-тем-

ная, черная воробьиная ночь освѣщается блескомъ молній и зарницъ, а здѣсь, въ Соловкахъ, ночью въ окна глядитъ ясный день, не горятъ не только костры, но даже и свѣчи, на дворѣ нѣтъ и 10 градусовъ тепла, завтра съ утра нужно велѣть Спиридону затопить печь, потому что въ комнатахъ становится очень холодно, и я кутался въ одѣяло и малодушно начиналъ думать: не прикрыться ли еще и полушубкомъ?

Но на сѣверѣ нельзя быть очень разборчивымъ насчетъ погоды, и приходится довольствоваться такою, какая есть. Лишь бы было поменьше вѣтра.

Когда море спокойно, вѣтра нѣтъ, волненіе слегло, тогда на поверхности моря появляются тысячи живыхъ существъ. Все то, что составляетъ пелагическую фауну моря, т.-е. тѣ организмы, которые живутъ не на днѣ и не среди водорослей, а постоянно свободно плаваютъ въ водѣ, все это въ бурю и въ волненіе держится на глубинѣ, подальше отъ волнъ, а въ тихую погоду выплываетъ къ свѣту и къ воздуху, на самую поверхность моря.

Первые дни, когда перепадали тихіе вечера и появилась пелагическая фауна, я увлекался пелагированіемъ. Ничего не можетъ быть привлекательнѣе для человѣка, который въ первый разъ знакомится съ жизнью моря. Самый процессъ сбора при этомъ очень легокъ и простъ. Вамъ предстоитъ отличное катанье на лодкѣ, безъ волненія, которое измучиваетъ вашихъ гребцовъ, безъ вѣтра, отъ котораго коченѣютъ мокрыя руки. Вы медленно скользите по зеркальной поверхности и тащите за собой мюллеровскую сѣтку: не знаю, въ честь котораго изъ безчисленныхъ Мюллеровъ названъ этотъ простой снарядъ. Это металлическій кругъ съ пришитой къ нему сѣткой изъ самой тонкой кисеи, но не прикрѣпленный къ палкѣ, какъ сачокъ, а привязанный за три точки къ бичевкѣ, на отдѣльной веревочкѣ; къ кругу прикрѣпленъ небольшой грузъ, чтобы придать ему въ водѣ вертикальное положеніе. Эту сѣтку вы волочите за собой на нѣкоторомъ разстояніи на бичевкѣ; она идетъ почти по поверхности воды или на самой небольшой глубинѣ. Отъ времени до времени вы сѣтку подтягиваете, вычерпываете изъ нея животныхъ и вытряхиваете все ея содержимое въ банку съ водой. Она приноситъ массу мелкихъ организмовъ, которыхъ вы не замѣчаете въ водѣ простымъ глазомъ. Крупныхъ пелагическихъ животныхъ ловятъ просто сачкомъ, а крупныя свободно плавающія животныя и составляютъ главную красоту моря.

Въ іюнѣ по числу особей преобладали ктенофоры Beroe и прелестная Escholtzia. Нѣмецкое названіе „die Melonenqualle“

довольно вѣрно передаетъ общую форму Begoe; по величинѣ же онъ бываетъ въ огурецъ средней величины, только не цилиндрической формы, а сплюснутый. Онъ представляетъ изъ себя въ сущности сжатый колоколъ, или нѣчто въ родѣ мѣшка, съ широкимъ отверстіемъ, служащимъ ему вмѣсто рта. Раскрывая это отверстіе, какъ широкую пасть, онъ плаваетъ, двигаясь при помощи восьми продольныхъ рядовъ плавательныхъ пластинокъ; эти пластинки, быстро дрожа въ одномъ направленіи, двигаютъ его впередъ, какъ колеса парохода. Одни Begoe бываютъ молочно-бѣлаго, другія густого розоваго цвѣта, но и у тѣхъ, и у другихъ тѣло просвѣчиваетъ.

Escholtzia вдвое меньше, не больше грецкаго орѣха, но по красотѣ занимаетъ, можетъ быть, первое мѣсто между низшими обитателями Бѣлаго моря. Форма ея обрисована чрезвычайно изящными линіями; тѣло ея почти безцвѣтное, стекловидное и почти совершенно прозрачно; но такіе же 8 меридіанальныхъ рядовъ дрожащихъ пластинокъ, какъ у Begoe, когда она плаваетъ, переливаютъ всѣми цвѣтами радуги. Съ обѣихъ сторонъ тѣла у нея прикрѣплены двѣ вѣтвистыя нити; онѣ служатъ ей для ловли добычи и находятся въ постоянномъ движеніи. То она втягиваетъ ихъ такъ, что онѣ сжимаются въ маленькій розовый комокъ, то сразу выпускаетъ и окружаетъ себя цѣлымъ лѣсомъ прихотливо волнующихся розовыхъ ниточекъ,—извивы, колебанія и движенія ихъ необыкновенно красивы, а сама Escholtzia брызжетъ въ это время голубыми, зелеными, красными искрами. По этимъ искрамъ и замѣчаешь ее, когда она проплываетъ на небольшой глубинѣ мимо лодки. Ихъ было очень много въ теченіе цѣлаго лѣта.

Но эта красавица строга и неприступна въ высшей степени. При малѣйшемъ неосторожномъ прикосновеніи вы оборвете ея розовыя нити, сдерете съ нея внѣшній покровъ (эктодерму) и посрываете мерцающія пластинки. Осторожно зачерпнувъ ее прямо изъ моря въ банку, перегнувшись за бортъ лодки, можно привезти ее благополучно домой и весь вечеръ любоваться ея граціозными движеніями, когда она плаваетъ толчками, разсыпая свои розовыя кудри и золотыя искры. Но на другой день она обыкновенно потеряла уже свои нити, потускнѣла, лежитъ безпомощно на боку на днѣ сосуда, и только дрожащія пластинки безъ перерыва продолжаютъ свою непрестанную работу.

Умертвить ее такъ, чтобы въ цѣлости сохранить въ спирту и, привезя съ собой, поставить въ зоологическомъ кабинетѣ въ шкапъ „Coelenterata“ съ приличнымъ ярлыкомъ—вамъ также не

удастся. Она позволяетъ на себя только смотрѣть; ближе вы ею не овладѣете. При каждомъ насиліи она клочьями сдираетъ съ себя свое роскошное тѣло и распадается въ дребезги; ее нельзя, какъ медузу, для болѣе удобнаго разсмотрѣнія приколоть булавками. И убить ее, не разбивая въ дребезги, нельзя никакими реактивами. Даже такое могучее средство, какъ растворъ осміевой кислоты, съ быстротою молніи парализующій самые нѣжные организмы, убивая ее, не препятствуетъ ей разлетѣться при этомъ въ клочья. Я перепробовалъ нѣсколько средствъ, которыми достигается медленное, постепенное отравленіе, наркотизація организма, лишающая его чувствительности и раздражительности и дающая возможность умертвить его затѣмъ съ сохраненіемъ его естественной формы. Такъ напримѣръ, чтобы сохранить актиній съ вытянутыми щупальцами, ихъ одуряютъ, медленно вдувая въ воду табачный дымъ—это придумалъ Сальваторе, знаменитый въ своемъ родѣ служитель-препараторъ неаполитанскій станціи. Въ другихъ случаяхъ кладутъ въ воду кусочекъ хлоралъ-гидрата или сулемы; постепенно растворяясь въ водѣ, эти вещества медленно отравляютъ животное; оно умираетъ, не сократившись и не измѣнивши значительно формы. Но отъ малѣйшаго слѣда осміевой или хромовой кислоты, табачнаго дыма, хлорала, сулемы или другихъ реактивовъ — съ эшольціи брызгами слетали драгоцѣнныя пластинки и кусками спадали ткани. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ я бросилъ, не желая тратить на это много времени; а между тѣмъ Bolles Lee et Henneguy, въ своемъ „Traité des méthodes techniques de l'anatomie microscopique“, къ которому я часто обращался за справками, говорятъ, что les cténophores se fixent très facilement. Видно, эшольція представляетъ урода въ своей семьѣ, въ этомъ отношеніи приближающагося къ сифонофорамъ.

Большія медузы появляются позднѣе, во второй половинѣ лѣта, въ іюлѣ. Въ эту пору въ Бѣломъ морѣ довольно часто появляется свойственная сѣвернымъ морямъ Cyanea arctica, краснаго или буро-краснаго цвѣта. Подъ большимъ краснымъ колоколомъ у нея висятъ широкіе, складчатые листья ея ротовыхъ щупальцевъ (ротовыхъ рукъ). По краямъ колокола расположено 8 пучковъ длинныхъ розовыхъ нитей, которыя то вытягиваются во всю длину, то съеживаются въ маленькій комокъ. Въ Бѣломъ морѣ около Соловковъ экземпляры этой медузы не достигаютъ особенно крупной величины; мнѣ не попадались крупнѣе яблока или, пожалуй, апельсина. Но на самомъ дѣлѣ это одна изъ самыхъ крупныхъ медузъ, и въ арктическихъ моряхъ попадаются огромные экземпляры, съ колоколомъ въ два метра въ діаметрѣ,

съ щупальцами длиною до 40 метровъ; очень крупной величины достигаютъ они и около Мурманскаго берега.

Большинство такихъ плавающихъ животныхъ большой руки хищники, и организмъ ихъ самымъ разнообразнымъ образомъ приспособленъ къ схватыванію и ловлѣ добычи. Своими длинными щупальцами и всякаго рода придатками, прихотливо извивающимися, сокращающимися и по волѣ животнаго то сжимающимися въ комокъ, то вытягивающимися въ десятки разъ противъ первоначальной длины, онъ изучаетъ воду на огромномъ сравнительно пространствѣ кругомъ своего тѣла, и все, что попадаетъ въ районъ ихъ хватательныхъ органовъ и не имѣетъ достаточно силы или проворства, чтобы спасти свою жизнь бѣгствомъ, немилуемо дѣлается ихъ добычей. Главную пищу медузы составляютъ мельчайшіе рачки, съ булавочную головку и меньше, міріадами кишащіе въ поверхностныхъ слояхъ моря въ теплые лѣтніе дни. Другъ съ другомъ они тоже всегда готовы вести войну, и посаженные въ одну банку истребляютъ другъ друга немилосердно. Если вы пустите въ банку вмѣстѣ Beroe и нѣсколько эпольцій, то мало-по-малу всѣ эпольціи очутятся внутри разверстой пасти плавающей Beroe, и тогда пасть эта захлопывается, жертва мало-по-малу переваривается, и черезъ полупрозрачныя стѣнки тѣла Beroe долго еще просвѣчиваютъ розовые комочки нитей эпольціи и переливаютъ цвѣтами не скоро прекращающія свои дрожанія ея реберныя пластинки.

Еще одинъ любопытный членъ пелагической фауны Соловецкаго залива—это сѣверный кліонъ, Clione borealis, моллюскъ изъ отряда крылоногихъ. Раковины у него нѣтъ; его сильно вытянутое тѣло, утончающееся къ хвостовому концу, полупрозрачно и безцвѣтно по серединѣ, а въ головной и хвостовой части—нѣжнаго розоваго цвѣта. Около головы у него два придатка, въ родѣ крылышекъ, тоже розоваго цвѣта; этими крылышками онъ непрерывно хлопаетъ, и при ихъ помощи плаваетъ въ водѣ, держась вертикально головой вверхъ и опустивъ внизъ свой острый хвостикъ; онъ плаваетъ обыкновенно въ верхнихъ слояхъ воды, подвигаясь впередъ неровными, какъ бы порхающими движеніями. Н. П. Вагнеръ сравнилъ его фигурку и странныя движенія съ общимъ видомъ и прыжками „американскаго жителя“, продающагося у насъ на вербахъ; сходство дѣйствительно есть. Минувшимъ лѣтомъ кліоновъ было очень много, и они очень украшали собой воды бухты; то-и-дѣло порхали они мимо лодки, какъ розовыя бабочки. Они тоже хищники, и, плавая въ морѣ, усердно преслѣдуютъ свою мѣньшую братію, такихъ же „крылоногихъ“, какъ они, малень-

кихъ черныхъ лимацинъ. Когда много лимацинъ, тогда появляются въ большемъ числѣ и кліоны, которые ловятъ ихъ шестью щупальцами, спрятанными у нихъ въ головѣ, высовывающимися для того, чтобы схватить добычу.

Въ акваріѣ при перемѣнѣ воды кліоны могли жить нѣсколько дней, но скоро утрачивали бойкость своихъ движеній, не могли уже держаться на поверхности воды, а лѣниво плавали въ банкѣ или безпомощно лежали на боку, на днѣ, все еще отъ времени до времени трепеща розовыми крылышками. Какъ всѣмъ пелагическимъ животнымъ, имъ нужно всегда много воды, много воздуха.

У лимацинъ, маленькихъ родственниковъ и постоянной добычи кліоновъ, такія же два непрерывно хлопающія крыла, но гораздо большей величины сравнительно съ тѣломъ, и благодаря имъ онѣ проворно рѣютъ въ водѣ маленькими черными фантастическими фигурками.

Замѣчательно, что эти мелкія животныя—кліоны и лимацины—издавна знамениты тѣмъ, что въ арктическихъ моряхъ составляютъ постоянную пищу кита. Въ какомъ же они должны водиться количествѣ, чтобы набить такую утробу!

Но сѣткой и сачкомъ можно поймать только незначительную долю морскихъ обитателей,—только тѣхъ, которые свободно плаваютъ въ морѣ недалеко отъ поверхности. Гораздо больше число тѣхъ животныхъ, которыя живутъ постоянно на днѣ, одни прикрѣпленныя навсегда неподвижно, другія зарывающіяся въ илъ и песокъ или ползающія по дну и по ростущимъ на немъ водорослямъ: моллюски, черви, раки, морскіе ежи и звѣзды. Чтобы доставать ихъ со дна и съ какой угодно глубины, для того служитъ особый приборъ, называемой драгой; онъ былъ первоначально позаимствованъ натуралистами у англійскихъ и французскихъ рыбаковъ, которымъ они пользуются для собиранія устрицъ на устричныхъ банкахъ, и затѣмъ онъ приспособленъ и видоизмѣненъ для научныхъ цѣлей. Драга состоитъ изъ четырехъ-угольной желѣзной рамы, къ которой подшита сѣть въ видѣ мѣшка; дно мѣшка обшивается еще холстомъ, канвой или какой-нибудь другой матеріей, чтобы онъ могъ удерживать и мелкіе предметы. Эта рама опускается на дно моря на веревкѣ, и при движеніи лодки, волочась своимъ острымъ краемъ по дну, забираетъ въ мѣшокъ илъ, песокъ, ракушникъ или камни, вмѣстѣ со всѣми попадающимися живыми существами. Такъ можно драгировать не только на той незначительной глубинѣ 5—20 саженъ, которая находится въ окрестностяхъ соловецкой станціи, но и на всякой глубинѣ, насколько

хватитъ веревки. Совершенно того же типа приборы употреблялись и для изслѣдованія фауны колоссальныхъ глубинъ океана въ нѣсколько тысячъ метровъ. Драги, со всѣми принадлежностями и веревками къ нимъ, находятся въ достаточномъ числѣ въ инвентарѣ соловецкой станціи.

Когда драга, протащившись нѣсколько времени по дну, вытаскивается въ лодку, она приноситъ съ собой безъ разбору все, что зацѣпила на дорогѣ: песокъ, камни, оборванные куски водорослей, пустыя раковины моллюсокъ наравнѣ съ живыми. Все это тутъ же разбирается, и, право, превесело, разгребая кучу камешковъ и раковинъ, наткнуться на крупную, ярко красную звѣзду или на колючихъ, зеленоватыхъ ежей. Труднѣе, копотливѣе и скучнѣе—разборка драги, если она принесла съ собой грузъ плотно сбившагося въ мѣшкѣ, вязкаго илу. Здѣсь вы ничего не видите на первый взглядъ, но въ немъ можетъ быть множество всякихъ организмовъ. Нужно зачерпывать этотъ илъ въ рѣшето и промывать въ морѣ до тѣхъ поръ, пока илъ весь вымоется, и въ рѣшетѣ останутся только асцидіи, раковины и черви, принесенные драгой вмѣстѣ съ иломъ. Промываніе ила въ рѣшетѣ—скучная и грязная работа, и вдобавокъ въ благодатномъ соловецкомъ климатѣ у меня среди лѣта на морѣ до такой степени зябли и коченѣли отъ вѣтра мокрыя руки, что не было никакой возможности долго этимъ заниматься.

Всего интереснѣе драгировка около Заячьихъ острововъ; это два небольшіе каменистые острова къ югу отъ соловецкой бухты, верстахъ въ 6—7. Они выдаются изъ моря довольно крутыми холмами, сложенными по большей части изъ отдѣльныхъ валуновъ. Холмы эти частью поросли плохонькимъ лѣскомъ, частью представляютъ изъ себя голый камень. На одномъ изъ этихъ острововъ устроенъ небольшой скитъ. Когда я въ первый разъ посѣтилъ этотъ островъ, высадившись на берегу, недалеко отъ скита, я прошелъ къ нему пѣшкомъ. Крошечная деревянная церковь, выстроенная по приказу Петра Великаго, во время его посѣщенія соловецкаго монастыря, около нея два небольшихъ домика да сарай,—вотъ все, что я нашелъ. Я обошелъ кругомъ церкви, кругомъ домиковъ—ни души; я сошелъ къ маленькой каменной пристани, еще разъ прошелся между строеніями, и такъ и ушелъ, никого не встрѣтивъ и, повидимому, никѣмъ не замѣченный. Точно вымерли всѣ люди въ скиту; хоть бы собака тявкнула—но этого перваго признака жилого мѣста нигдѣ нѣтъ въ Соловкахъ. На всѣхъ островахъ, во всѣхъ „колоніяхъ“ монастыря, скотныхъ дворахъ, тоняхъ и т. п. нигдѣ нѣтъ ни одной собаки;

не держатъ ихъ монахи. Для людей, имѣющихъ слабость бояться собакъ, здѣсь въ этомъ отношеніи раздолье: ходите, гдѣ хотите и сколько хотите, безъ опасенія быть укушеннымъ, или, по крайней мѣрѣ, „облаяннымъ“.

Только во второе посѣщеніе я ознакомился съ жителями скита. Ихъ оказалось всего двое: послушникъ, весьма уже пожилой крестьянинъ, и при немъ мальчикъ-подростокъ, изъ богомольцевъ. Вдвоемъ они и живутъ на островкѣ круглый годъ; что они дѣлаютъ тамъ—право, не знаю. Кажется, работы у нихъ почти никакой нѣтъ. При мнѣ они стригли овецъ, которыхъ имъ для этого привозили изъ монастыря, хотя проще, кажется, было бы, въ случаѣ надобности, имъ самимъ поѣхать въ монастырь для этой работы. По воскресеньямъ они ѣздятъ въ монастырь къ обѣднѣ; въ самой церковкѣ скита служба совершается лишь очень рѣдко, когда для этой цѣли спеціально пріѣзжаетъ сюда изъ монастыря іеромонахъ. Разъ въ недѣлю отшельники ѣздятъ запастись провизіей. Чѣмъ они наполняютъ свое одинокое существованіе?.. А осенью, когда начнутся морозы и по морю пойдетъ плавать ледъ, оба обитателя скита на нѣсколько недѣль совсѣмъ отрѣзаны отъ міра, пока море у береговъ не замерзнетъ вполнѣ и не явится возможность пѣшкомъ перейти черезъ проливъ или проѣхать въ саняхъ. Невеселое существованіе.

Сюда, къ Заячьимъ островамъ, я дѣлалъ экскурсіи для драгировокъ. Фауна здѣсь разнообразнѣе и интереснѣе, чѣмъ у самаго монастыря. Море глубже, 6—7 саженъ, мѣстами до 20-ти саженъ, и грунтъ не илъ, а мелкій камень, перемѣшанный въ изобиліи съ пустыми раковинами моллюсокъ и другихъ животныхъ. Больше всего створокъ красивой раковины Pecten islandicus, которая попадается тамъ массою и въ живыхъ экземплярахъ, и отличается двумя рядами по краямъ тѣла (т.-е. по краямъ мантіи) красивыхъ изумрудно-зеленыхъ глазковъ. Тутъ ловятся крупныя ярко-красныя морскія звѣзды, раки-отшельники (Pagurus), прячущіе свое беззащитное, голое тѣло въ пустыя раковины улитокъ и таскающіе за собою свой домикъ, храбро выставивъ усы и клешни. Здѣсь же находится мѣсто въ ближайшихъ окрестностяхъ станціи, гдѣ встрѣчается единственный въ Бѣломъ морѣ морской ежъ.

Для поѣздки сюда нашихъ двухъ гребцовъ было мало: разстояніе далекое, и въ случаѣ подымется волненіе, тяжело грести въ два весла. Я бралъ тогда еще двухъ ребятъ у о. Осипа, и уѣзжалъ обыкновенно на цѣлый день. Сельди или какой-нибудь другой провіантъ забирались съ собою, и послѣ экскурсіи мы

приставали къ Заячьему острову и варили обѣдъ. Наши ребята любили эти поѣздки, и дѣйствительно, это былъ настоящій пикникъ. Въ іюлѣ стояли хорошіе, теплые дни, и на каменистомъ берегу можно было недурно погрѣться на солнцѣ. Тѣни мы, конечно, не искали, и помню, какъ что-то меня смутно безпокоило, когда я въ первый разъ расположился обѣдать и отдыхать на этомъ берегу: все мнѣ казалось, что что-то нехорошо и что есть что-то неудобное въ выбранномъ нами мѣстѣ, пока я поймалъ себя, наконецъ, на мысли, что мнѣ недостаетъ тѣни. Сказалась почти инстинктивная привычка всегда располагаться въ тѣни лѣтомъ на свѣжемъ воздухѣ, а здѣсь и въ іюлѣ мѣсяцѣ на солнцѣ было какъ разъ только хорошо.

Эта экскурсія дала мнѣ представленіе, хотя, конечно, далеко не полное и поверхностное, о богатствѣ фауны Бѣлаго моря, сравнительно съ другими русскими морями, несмотря на его сѣверное положеніе. Причина того—близость къ океану, большая соленость его водъ и, такъ сказать, наиболѣе морской характеръ. Въ Бѣломъ морѣ есть приливъ и отливъ, которые незамѣтны не только въ Черномъ, но даже въ Средиземномъ морѣ, и приливъ довольно значительный. Низменные, плоскіе берега при отливѣ обнажаются на десятки, а иногда и на сотни саженъ, а въ узкомъ горлѣ, соединяющемъ Бѣлое море съ океаномъ, приливная волна, сжатая въ своемъ теченіи, подымается на огромную высоту—до 3-хъ саженъ. Фауна океана Мурманскаго берега, лежащаго уже за полярнымъ кругомъ, еще богаче и разнообразнѣе, подъ вліяніемъ проходящей здѣсь конечной вѣтви гольфстрёма.

В. Фаусекъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

въ 1888 году.

I.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ въ „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли", по примѣру прошлаго года, напечатана вѣдомость о поступившихъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1888 года [1]) государственныхъ доходовъ и произведенныхъ въ тотъ же срокъ государственныхъ расходовъ, на этотъ разъ съ яснымъ указаніемъ, что это свѣденія *кассовыя* и при томъ *предварительныя*, въ ревизіонномъ порядкѣ еще не провѣренныя.

Нѣтъ сомнѣнія, что и кассовыя свѣденія оборотовъ государственнаго бюджета за извѣстный періодъ уже сами по себѣ не лишены значенія: они свидѣтельствуютъ о степени платежной состоятельности населенія, а отчасти о бо̀льшей или меньшей административной исправности органовъ финансоваго управленія. Но еще бо̀льшее значеніе имѣютъ эти свѣденія потому, что слишкомъ на полгода ранѣе появленія отчета государственнаго контроля даютъ возможность, какъ это мы показали относительно 1887 года [2]), сдѣлать приблизительно вѣрные выводы о результатахъ исполненія государственной росписи даннаго года. Что же касается оговариваемой „Вѣстникомъ" вѣрности цифръ,

[1]) Поступленіе нѣкоторыхъ доходовъ, преимущественно окладныхъ, относящихся къ росписи извѣстнаго года, происходитъ не только въ теченіе 12 мѣсяцевъ этого года, но и въ теченіе первыхъ трехъ и четырехъ мѣсяцевъ слѣдующаго (льготный срокъ). Расходы производятся не только въ теченіе льготнаго срока, но и въ болѣе продолжительные періоды (строительные расходы, уплаты по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны).

[2]) „Вѣстникъ Европы" 1888 года, май, іюнь, ноябрь и декабрь.

приводимыхъ „Вѣстникомъ“, то въ ней едва ли можно сомнѣваться: предварительныя свѣденія, по крайней мѣрѣ, по доходамъ,—а это главное—получаются не однимъ министерствомъ финансовъ, но также и государственнымъ контролемъ, и нельзя думать, чтобы одно вѣдомство, собираясь публиковать бюджетныя данныя, не справилось съ цифрами другого вѣдомства и при томъ столь компетентнаго въ этомъ дѣлѣ, какъ государственный контроль.

„Свѣденія“ за 1888 годъ „Вѣстникъ финансовъ“ приводитъ въ параллель съ цифрами 1887 года (за тѣ же 12 мѣсяцевъ), извлеченными изъ отчета государственнаго контроля. Въ общихъ итогахъ они представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Исчислено по росписи за весь смѣтный годъ:		Поступило въ теченіе 12 мѣсяцевъ:	
	въ 1887 г.	въ 1888 г.	въ 1887 г.	въ 1888 г.
	Въ рубляхъ.		Въ тысячахъ рублей.	
Доходы обыкновенные и оборотные въ счетъ росписи.	796.368.844	854.357.215	808.012	890.929
Доходы чрезвычайные въ счетъ росписи.	15.451.115	7.914.010	13.474	4.110
Поступленія льготнаго срока въ счетъ доходовъ предшествовавшаго года. . . .			22.104	20.703
Поступленія въ счетъ доходовъ будущихъ лѣтъ. . .			324	337
Всего государ. доходовъ. .	811.819.959	862.301.225	843.914	916.079

Расходовъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ произведено изъ кассъ въ 1887 году—860.994.000 рублей; въ 1888 году—874.530.000 рублей. Но эти цифры расходовъ, какъ мы покажемъ ниже, никакого бюджетнаго значенія не имѣютъ. Для опредѣленія результатовъ исполненія государственной росписи по расходамъ нуженъ другой пріемъ, къ которому мы и обратимся. Предварительно остановимся на доходахъ. По нимъ кассовое поступленіе за 12 мѣсяцевъ почти совпадаетъ съ бюджетнымъ; другими словами, всѣ причитающіеся по росписи доходы поступаютъ, главнымъ образомъ, въ теченіе 12 мѣсяцевъ того года, къ которому относится роспись; въ теченіе же льготнаго срока ихъ обыкновенно поступало лишь около $2^1/_2$—3% общей суммы доходовъ и по немногимъ ихъ видамъ. Такъ по росписи 1887 года поступило въ льготный срокъ, т.-е. въ первые мѣсяцы 1888 года, около 21 мил. р.; изъ нихъ около 10 мил. рублей окладныхъ сборовъ (податей и выкупныхъ платежей), около $8^1/_2$ мил. р. платежей по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ; до $1^1/_2$ мил. рублей *пособій* казнѣ отъ разныхъ частныхъ учрежденій, городовъ и обществъ. Въ виду особенно успѣшнаго поступленія государственныхъ доходовъ

въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1888 г., слѣдуетъ ожидать нѣкотораго уменьшенія, сравнительно съ предшествовавшими годами, въ поступленіяхъ льготнаго срока. Если предположить, что они уменьшатся на половину, т.-е. до 10 мил. рублей, то и въ такомъ случаѣ общая сумма обыкновенныхъ доходовъ, на которую несомнѣнно слѣдуетъ разсчитывать по росписи 1888 года, достигнетъ 901 мил. р. и составитъ превышеніе противъ предположеній росписи (854½ мил. р.) почти на 46½ мил. р. и противъ поступленія 1887 года (829½ мил. р.) на 61 мил. рублей слишкомъ. Увеличеніе доходовъ, сравнительно съ 1887 годомъ, главнымъ образомъ объясняется возвышеніемъ размѣра многихъ налоговъ. Нѣкоторые налоги были повышены уже со второй половины или въ концѣ 1887 года, какъ, напр., налогъ за право торговли, табачный акцизъ, гербовый сборъ, такъ-называемыя пошлины разныхъ наименованій (установленіе сборовъ на содержаніе гминныхъ судовъ въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа, обложеніе особымъ сборомъ спеціальныхъ текущихъ счетовъ); затѣмъ новое возвышеніе налоговъ (напр., акциза со спирта) или установленіе новыхъ (акцизъ съ нефтяныхъ маслъ и съ зажигательныхъ спичекъ) послѣдовало съ 1888 года. Нѣкоторое увеличеніе общей доходной суммы (около 10 мил. р.) оказалось лишь оттого, что при перечисленіи взносовъ, поступавшихъ въ казну въ металлической валютѣ (таможенныхъ пошлинъ и нѣкоторыхъ другихъ), металлическій рубль считался въ 1887 году по 1 р. 67 к. кредитныхъ, а въ 1888 году—по 1 р. 80 к. кред.

Увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ 1888 года противъ росписи явилось, главнымъ образомъ, результатомъ значительнаго улучшенія въ экономическомъ положеніи населенія, вслѣдствіе трехлѣтняго подъ-рядъ урожая, а отчасти вслѣдствіе расширенія нѣкоторыхъ отраслей государственнаго хозяйства, какъ напримѣръ желѣзно-дорожнаго.

Наиболѣе замѣтнымъ (на 13 мил. р.) это увеличеніе оказалось по таможеннымъ сборамъ, которыхъ поступило около 138 мил. рублей, болѣе сравнительно съ 1887 годомъ на 30 слишкомъ милліоновъ. Изъ нихъ, впрочемъ, до 10 мил. р. составляютъ упомянутую выше разницу въ принятыхъ курсахъ при перечисленіи металлическихъ поступленій въ кредитные рубли. Въ дѣйствительности таможенныхъ пошлинъ поступило въ 1887 году около 64 мил. рублей металл. и 1½ мил. рублей кредитныхъ; въ 1888 году около 75 мил. мет. и 2 мил. руб. кред., такъ что превышеніе составляетъ около 11 м. р. метал., т.-е. болѣе 17 процентовъ. Такое увеличеніе таможеннаго дохода не можетъ быть объясняемо усиленіемъ ввоза заграничныхъ товаровъ; ввозъ, напротивъ, въ 1888 году, повидимому, уменьшился:

по свѣденіямъ министерства финансовъ [1]) за 11 мѣсяцевъ 1888 года иностранныхъ товаровъ ввезено на 301 мил. рублей, менѣе ввоза за тотъ же періодъ 1887 года почти на 5 мил. рублей; оно зависитъ, главнымъ образомъ, отъ значительнаго возвышенія на многіе товары таможеннаго тарифа со второй половины и съ конца 1887 года. Такъ возвышена пошлина съ металловъ, рудъ и металлическихъ издѣлій, съ каменнаго угля, съ хлопчатой бумаги сырца (съ 45 к. до 1 р. и 1 р. 15 к.), съ табака, свѣжихъ фруктовъ, съ кяхтинскихъ чаевъ, провозимыхъ чрезъ иркутскую таможню (съ байховыхъ вмѣсто 11 р. съ пуда—13 рублей) и съ многихъ другихъ товаровъ.

Говоря о пошлинахъ, не лишне привести числовыя данныя [2]), показывающія, насколько измѣнился размѣръ пошлинъ въ послѣднія двадцать лѣтъ, принимая его въ процентномъ отношеніи къ стоимости товаровъ. Пошлины составляли:

Годы.	На жизненные припасы.	На сырые и полуобр. матеріалы.	На издѣлія	вообще.
1867	37%	4%	14½%	15%
1877	40½%	9%	13%	15%
1887	75%	17%	34%	29

Такимъ образомъ пошлины вообще не только съ 1867 но и съ 1877 года, т.-е. со времени введенія золотой пошлины, къ 1887 году возросли вдвое. Тѣмъ не менѣе одному возвышенію тарифа едва ли можно приписать столь значительное увеличеніе таможеннаго дохода въ 1888 году противъ 1887 года. Оно объясняется повидимому тѣмъ, что пошлины поступаютъ не только наличными деньгами, но и залогами. По всему вѣроятію болѣе своевременный въ 1888 году выкупъ залоговъ способствовалъ въ значительной мѣрѣ возвышенію въ этомъ году таможеннаго сбора.

Обязательныхъ платежей частныхъ желѣзныхъ дорогъ получено около 54 мил. рублей. За вычетомъ изъ нихъ 15 мил. рублей, поступившихъ отъ николаевской желѣзной дороги въ уплату долговъ прежняго времени, остается 39 мил. р., которые представляютъ, сравнительно съ поступленіями 1887 года, избытокъ около 12 мил. руб., объясняемый улучшающимся въ послѣднее время хозяйствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и значительно развившеюся ихъ дѣятельностью. Уже въ 1887 году чистая доходность всей желѣзно-дорожной сѣти возросла, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, слишкомъ на 25 мил. рублей, при чемъ на казенныхъ и тѣхъ изъ частныхъ

[1]) „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“ № 6 за 1889 годъ, стр. 435.

[2]) Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ: „Внѣшняя торговля по европейской границѣ за 1887 годъ“.

дорогъ, которыя обременяютъ казну требованіемъ приплатъ, чистый доходъ увеличился на 21 мил. рублей. Въ 1888 году эта доходность возросла еще больше, какъ это видно изъ увеличенія обязательныхъ платежей. Тѣмъ не менѣе казнѣ все еще приходится весьма дорого расплачиваться за увлеченія при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: въ 1887 году за частными дорогами недоборъ составлялъ около 40 мил. рублей; въ 1888 году онъ едва ли спустился ниже 30 мил. рублей. Одной изъ причинъ недобора—низкій курсъ нашей денежной валюты, стоявшій въ 1887 и въ началѣ 1888 года, такъ какъ обязательства желѣзныхъ дорогъ по большей части исчисляются на металлическій рубль, доходы же ихъ поступаютъ въ рубляхъ кредитныхъ. Но коренная причина — непомѣрно огромныя суммы, истраченныя на желѣзныя дороги; итогъ основныхъ капиталовъ, израсходованныхъ на сооруженіе и устройство всей желѣзно-дорожной сѣти, въ 1887 году, считая 1 р. 80 к. кредитныхъ за металлическій рубль, превышалъ 3 милліарда р. кр., а для производства съ нихъ платежей требуется 140 мил. рублей кредитныхъ.

Увеличеніемъ доходности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а равно и открытіемъ въ 1888 году нѣсколькихъ новыхъ участковъ объясняется главнымъ образомъ увеличеніе на $6^1/_2$ мил. р. противъ 1887 года поступленій отъ казенныхъ имуществъ.

Питейнаго дохода поступило около 265 мил. рублей, болѣе 1887 г. на $7^1/_2$ м. рублей, не считая 7 мил. рублей, поступившихъ, по соображеніямъ министерства финансовъ, въ 1887 году за счетъ 1888 г., для избѣжанія увеличеннаго на 25 коп. съ ведра безводнаго спирта акциза съ вина. Въ статьяхъ по государственнымъ росписямъ и ихъ исполненію мы не разъ указывали на ненормально малое, сравнительно съ размѣромъ акцизнаго налога, поступленіе питейнаго дохода, цифра котораго за послѣдніе годы какъ бы свидѣтельствуетъ о значительномъ уменьшеніи количества потребляемаго народомъ вина. Доходившій лѣтъ 6—7 тому назадъ до 27 и 28 ведеръ безводнаго спирта, расходъ вина, оплаченнаго акцизомъ, уменьшился вслѣдъ затѣмъ до 25 и даже 24 м. ведеръ. Судя по цифрѣ дохода, въ 1888 году онъ достигъ 26 мил. ведеръ. Принимая въ соображеніе постоянный приростъ населенія и трехлѣтній урожай, улучшившій экономическое положеніе народа, можно думать, что, несмотря на постоянно усиливаемый пограничный, акцизный и корчемный надзоръ, народомъ и теперь потребляется вина, ускользающаго отъ оплаты акцизомъ, не менѣе нежели въ періодъ 1884—1886 годовъ.

Изъ вновь въ 1888 году установленныхъ налоговъ — нефтяной доставилъ 6.600.000 р., болѣе предположеннаго по росписи на

1.600.000 р., и спичечный—около 2.700.000 р., съ превышеніемъ росписи на 1.700.000 рублей.

Вообще поступленіе доходовъ въ 1888 году, даже независимо отъ увеличенія прежде существовавшихъ налоговъ и отъ установленія новыхъ, должно быть приписано, по справедливому мнѣнію министра финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1889 годъ, обильной жатвѣ въ теченіе двухъ лѣтъ къ ряду (по нашему счету даже трехъ лѣтъ: 1886, 1887 и 1888 годовъ).

II.

Переходимъ къ расходамъ. Напечатанная въ „Вѣстникѣ финансовъ" вѣдомость о расходахъ, произведенныхъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1888 года, финансоваго значенія не имѣетъ. Расходы по росписи производятся не только въ теченіе соотвѣтствующаго году росписи гражданскаго года, но также, безъ всякаго ограниченія, въ теченіе трехъ и четырехъ мѣсяцевъ льготнаго срока, а затѣмъ по извѣстнымъ кредитамъ, каковы строительные, или при извѣстныхъ условіяхъ (кредиторскіе списки) и въ дальнѣйшіе сроки. Поэтому до окончательнаго сведенія росписи, черезъ три года, точно опредѣлить размѣръ произведенныхъ расходовъ нельзя. Даже отчеты государственнаго контроля по исполненію государственной росписи, представляемые въ концѣ года, слѣдующаго за отчетнымъ, неточны: въ нихъ показываются въ расходѣ нѣкоторыя суммы, въ дѣйствительности неизрасходованныя. Эта неточность, какъ извѣстно, исправляется тѣмъ, что такія суммы одного изъ послѣдующихъ годовъ причисляются къ доходамъ. Такъ къ доходамъ 1887 года были присоединены 2.672.000 р. остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1883 года. Есть, однако, полная возможность опредѣлить крайнюю сумму, которую не могутъ превзойти расходы 1888 года; она слагается изъ кредитовъ, назначенныхъ по росписи этого года, и сверхсмѣтныхъ кредитовъ, которые могли бы быть отпущены въ дополненіе въ теченіе года, т.-е. не позже 31-го декабря 1888 года. Сверхсмѣтныхъ кредитовъ въ 1888 году разрѣшаемо не было: объ этомъ свидѣтельствуетъ министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1889 годъ; объ этомъ упоминается и въ статьѣ „Вѣстника финансовъ". Такимъ образомъ, государственные расходы не могутъ выйти изъ предѣловъ, отведенныхъ имъ росписью, со включеніемъ по росписи же 6 мил. р. на непредусмотрѣнныя смѣтами экстраординарныя въ теченіе года надобности, и должны составить

по обыкновеннымъ расходамъ (вмѣстѣ съ оборотными) сумму не болѣе 853.832.010 рублей и по чрезвычайнымъ—не болѣе 34.250.100 р. [1]).

При сопоставленіи выведенной выше вѣроятной для 1888 года цифры обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (901 мил. р.), съ цифрой разрѣшенныхъ росписью обыкновенныхъ расходовъ (854 м. р.) получается избытокъ доходовъ надъ расходами въ 47 мил. рублей. Этимъ избыткомъ не только покрывается вся сумма чрезвычайныхъ расходовъ (34 мил. р.), но оказывается еще излишекъ въ 13 мил. р. Это еще не все. Съ какою бы бережливостью ни составлялась расходная роспись, не было еще примѣра, чтобы отъ разрѣшаемыхъ ею кредитовъ въ концѣ года не оказывалось остатковъ, подлежащихъ закрытію. Такъ въ 1887 г. закрыто кредитовъ по обыкновеннымъ расходамъ до 10 мил. р. и по чрезвычайнымъ—на $3^1/_2$ мил. рублей. Если для 1888 года предположить ихъ еще въ меньшей, округленной суммѣ 10 мил. р. и присоединить 2 мил. р. вѣроятныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1884 года, то составится 12 мил. рублей. Наконецъ, по чрезвычайному бюджету поступило доходовъ, какъ это видно изъ вѣдомости, напечатанной въ „Вѣстникѣ финансовъ", 4 мил. рублей. Такимъ образомъ весь избытокъ доходовъ надъ расходами какъ по обыкновенному, такъ и по чрезвычайному бюджету (13 м. р.+ 10+2+4 м. р.) можно считать обезпеченнымъ въ суммѣ до 30 мил. рублей.

Вдобавокъ, по слухамъ, пересрочка, на основаніи указа 20-го ноября 1887 года, суммы капитальнаго долга по банковымъ билетамъ 1-го выпуска на новый 37-ми-лѣтній срокъ уже въ 1888 году принесла значительное сбереженіе въ расходахъ по системѣ государственнаго кредита.

Такой результатъ исполненія государственной росписи не можетъ не быть признанъ въ извѣстномъ смыслѣ благопріятнымъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одной изъ финансовыхъ статей, по исполненію государственной росписи 1884 г. [2]), какъ на причину дефицитовъ въ бюджетахъ, мы указывали на косность въ государственныхъ доходахъ, и въ противоположность—на постоянное, изъ году въ годъ, возвышеніе расходовъ. Доходы тоже увеличивались, но не равномѣрно, скачками и исключительно лишь вслѣдствіе усиленія размѣра тѣхъ или другихъ налоговъ, тогда какъ ростъ расходовъ вызывался какъ бы внутренней гонящей ихъ силой. Тотъ же

[1]) Всѣ 6 мил. р. на экстраординарныя надобности мы причислили къ обыкновеннымъ расходамъ, какъ это сдѣлано и въ росписи, хотя изъ нихъ могутъ производиться и чрезвычайные расходы.

[2]) „Вѣстникъ Европы", январь 1886 г., стр. 360 и слѣд.

характеръ въ движеніи доходовъ и расходовъ сохранился собственно и въ послѣдовавшіе за 1884 годы, причемъ однако доходамъ въ 1887 и особенно въ 1888 году, вслѣдствіе увеличенія размѣра существовавшихъ налоговъ и введенія новыхъ, данъ былъ столь сильный толчокъ, что они, съ помощью благопріятныхъ экономическихъ условій, разомъ возросли въ 1888 г. противъ 1886 г. на 130 мил. рублей. По отношенію къ расходамъ, напротивъ, была обнаружена въ два послѣдніе года крайняя бережливость, вслѣдствіе чего за два эти года —мы разумѣемъ лишь обыкновенный бюджетъ — они увеличились всего лишь на 22 мил. рублей. Въ результатѣ,—повторяемъ еще разъ,—при трехлѣтнемъ не въ примѣръ хорошемъ урожаѣ у насъ и неурожаѣ въ 1888 году въ западной Европѣ, и оказалось такое благопріятное исполненіе государственной росписи за 1888 годъ. Результаты эти таковы, что даже при возможныхъ въ будущемъ случайностяхъ, т.-е. при нѣкоторомъ пониженіи въ доходахъ и увеличеніи расходовъ на нѣсколько ближайшихъ лѣтъ обезпечивается бездефицитное исполненіе государственной росписи по крайней мѣрѣ по бюджету *обыкновенныхъ* государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Мы не разъ говорили, что устраненіе во что бы то ни стало недоборовъ въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ составляетъ существенную государственную необходимость, такъ какъ хроническіе дефициты не только создаютъ затруднительное и щекотливое финансовое положеніе, но и составляютъ серьезный рискъ въ политическомъ отношеніи, особенно при нынѣ существующихъ сложныхъ и для насъ весьма невыгодныхъ условіяхъ, господствующихъ въ европейской политикѣ. Нельзя поэтому иначе какъ съ удовольствіемъ отнестись къ счастливому повороту, послѣдовавшему въ нашихъ финансахъ. Но было бы малодушіемъ закрывать глаза на обратную сторону дѣла и не желать знать тѣхъ весьма чувствительныхъ пожертвованій, какими достигнутъ этотъ поворотъ. Налоги, какъ прямые, такъ и косвенные, никогда не были у насъ особенно легки. Тѣ, кто, въ параллель съ нашими, указываютъ на болѣе высокіе, по числу населенія, государственные сборы въ разныхъ странахъ Европы, забываютъ слабый уровень нашей промышленности, нашего умственнаго развитія и дѣловой предпріимчивости, парализуемой къ тому же стѣснительными условіями, въ какія поставленъ у насъ всякій дѣловой починъ. Притомъ повинности наши далеко не ограничиваются государственными, такъ какъ государство въ эпоху реформъ сложило съ себя значительную часть хозяйственныхъ функцій, возложивъ ихъ на земство, города и общества, а потому рядомъ съ государствен-

ными идутъ подчасъ еще болѣе тяжелыя повинности земскія, городскія и общественныя. Между тѣмъ налоги въ послѣднее время у насъ возвышаются постоянно, преимущественно косвенные, составляющіе, по нашему мнѣнію, наиболѣе невыгодную форму налоговъ, если она примѣняется въ столь широкой, чуть не всеобъемлющей системѣ, въ какой она существуетъ нынѣ у насъ. Дѣло идетъ здѣсь не только о лишнихъ суммахъ, уплачиваемыхъ въ казну, но главное, во-первыхъ, о разныхъ добавочныхъ, уже не въ пользу казны, расходахъ и, во-вторыхъ, о массѣ тѣхъ стѣсненій, которыя порождаются системой мелочного обложенія всевозможныхъ продуктовъ или актовъ повседневной жизни. Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ не принесло казнѣ почти никакихъ выгодъ, но для населенія подняло цѣны не только на иностранные, но и на отечественные продукты. Увеличенная пошлина на уголь создала на югѣ полный угольный кризисъ; возвышеніе акциза на спиртъ и пошлины на чай вызвало усиленную на эти продукты контрабанду, причиняемые которою убытки казнѣ приходится тѣмъ или другимъ путемъ возмѣщать населенію; усиленный акцизъ съ табака повелъ къ ухудшенію въ продажѣ его качества и вызвалъ для курящихъ необходимость покупать болѣе дорогіе сорта его, а стѣснительный надзоръ, въ тѣхъ же фискальныхъ цѣляхъ, за табачными плантаціями заставилъ прекратить посадку табака бо́льшую часть мелкихъ табаководовъ; налогъ на керосинъ совпалъ почему-то съ устраненіемъ изъ продажи болѣе высокихъ сортовъ его, а акцизъ со спичекъ повлекъ за собою совершенное прекращеніе кустарнаго ихъ производства. Наконецъ многостатейный, никому въ точности неизвѣстный гербовый уставъ, опутывающій, какъ паутиной, всякій самый мелкій дѣловой шагъ, однихъ заставляетъ терять непроизводительно время, другихъ побуждаетъ прикладывать марки даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе не нужно, и всѣхъ одинаково стѣсняетъ. Къ этому нужно еще присоединить значительныя издержки казны на содержаніе многочисленнаго персонала лицъ, слѣдящихъ за правильнымъ поступленіемъ всѣхъ этихъ сборовъ.

Повторяемъ, сведеніе государственной росписи безъ дефицитовъ составляетъ предметъ первостепенной важности; какъ бы ни было тяжело, но населеніе должно доставить все то, что́ необходимо для охраны безопасности населенія, порядка и благосостоянія въ немъ; было бы однако желательно, чтобы все полученное съ населенія шло цѣликомъ въ пользу казны и чтобы взиманіе налоговъ не сопровождалось ненужными стѣсненіями, а самое обложеніе было по возможности равномѣрно. Средствомъ для этого, какъ мы не разъ указы-

вали, должно послужить введеніе подоходнаго налога съ замѣною имъ если не всѣхъ, то большей части косвенныхъ налоговъ, преимущественно мелкихъ, и съ пониженіемъ размѣра остающихся. Намъ кажется, что именно теперь, когда на нѣсколько лѣтъ обезпечено равновѣсіе по исполненію нашихъ росписей, пришло время приступить къ разработкѣ такого налога, отложивъ совершенно въ сторону разработку проектовъ новыхъ мелкихъ обложеній, о которыхъ ходятъ слухи въ печати и обществѣ.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1889 г.

Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г.—Продажныя цѣны и различныя категоріи покупателей.—Помощь малоземельнымъ и безземельнымъ.—Мѣры, проектируемыя въ видахъ большей обезпеченности ссудъ.—Отчетъ дворянскаго земельнаго банка за 1887 г.—Слухи о волостныхъ судахъ.—„Великія реформы“ или „новшества“?

Обнародованный недавно отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г. (пятый годъ существованія банка) столь же богатъ интересными данными, какъ и всѣ предыдущіе. Кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности банка былъ 1885 годъ; съ тѣхъ поръ начинается уменьшеніе какъ числа сдѣлокъ, совершаемыхъ при посредствѣ банка, такъ и суммы выданныхъ ссудъ, несмотря на продолжающееся расширеніе географическаго района дѣйствій банка (въ 1887 г. въ составъ этого района вошли вновь еще три губерніи — ярославская [1]), тульская и псковская; къ 1 января 1888 г. онъ обнималъ собою всего тридцать-девять губерній). Въ 1883 г. разрѣшено было къ выдачѣ 229 ссудъ, въ 1884 г.—981, въ 1885 г.—1.527, въ 1886 г.—1.300, въ 1887 г.—1.149. Сумма разрѣшенныхъ ссудъ, въ 1885 г. превышавшая $17^1/_2$ милліоновъ, упала въ 1886 г. до $10^3/_4$, въ 1887—до $7^1/_2$ милліоновъ рублей. Главными причинами этого явленія отчетъ банка за 1887 г. признаетъ, съ одной стороны, паденіе цѣнъ на хлѣбъ, уменьшившее покупательныя силы крестьянства, съ другой,—улучшеніе положенія землевладѣльцевъ, вслѣдствіе учрежденія дворянскаго земельнаго банка и болѣе выгодныхъ условій, предлагаемыхъ заемщикамъ частными земельными банками. Увеличилась, вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожность въ разрѣшеніи ссудъ—увеличилась именно потому, что неурожаи 1885 и 1886 г. поколебали платежную способность земледѣль-

[1]) По ярославской губерніи, впрочемъ, не было разрѣшено къ выдачѣ въ 1887 г. ни одной ссуды.

ческаго класса. Не утверждено, въ 1887 г., девяносто-семь сдѣлокъ, въ томъ числѣ сорокъ-пять—въ виду слишкомъ высокихъ продажныхъ цѣнъ, слишкомъ большихъ доплатъ или плохого качества земли. Всего больше сдѣлокъ состоялось въ губерніяхъ смоленской (119), могилевской (96), полтавской (83), новгородской (75) и кіевской (74). Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ губерніяхъ крестьянскій банкъ дѣйствуетъ уже сравнительно давно: въ кіевской, могилевской и полтавской—съ 1883 г. (т.-е. съ самаго открытія банка), въ смоленской—съ 1884, въ новгородской—съ 1885 г. Этимъ подтверждается еще разъ, что вмѣшательство крестьянскаго банка вовсе не влечетъ за собою, какъ неизбѣжный результатъ, повышеніе цѣнъ на землю. Число сдѣлокъ, совершаемыхъ при посредствѣ банка, зависитъ всего больше не отъ того, какъ давно началась, въ данной мѣстности, дѣятельность банка, а отъ размѣровъ предложенія земли, удобной для покупателей-крестьянъ, т.-е. близкой отъ мѣста постояннаго ихъ жительства или годной для переселенія. Если такой земли предлагается много, то для дѣятельности банка долго можетъ оставаться большой просторъ; въ противномъ случаѣ она можетъ съ самаго начала идти черепашьимъ шагомъ. Между губерніями, въ которыхъ совершено всего меньше сдѣлокъ, мы находимъ и такія, въ которыхъ отдѣленія банка открыты въ первые годы его существованія (саратовская губернія—13 сдѣлокъ, херсонская—5 сдѣлокъ, пензенская—5 сдѣлокъ, таврическая — 2 сдѣлки; въ первыхъ двухъ губерніяхъ банкъ дѣйствуетъ съ 1883, въ двухъ послѣднихъ — съ 1884 г.), и такія, въ которыхъ дѣятельность банка началась гораздо позже (орловская губернія—12 сдѣлокъ, виленская—6 сдѣлокъ, бессарабская—4 сдѣлки, владимірская—одна сдѣлка; во всѣхъ четырехъ губерніяхъ банкъ дѣйствуетъ съ 1886 г.). По *суммѣ* выданныхъ ссудъ первое мѣсто (болѣе 870 тысячъ рублей) занимаетъ, въ отчетномъ году, губернія харьковская, въ которой дѣятельность банка началась съ 1885 г.; затѣмъ идутъ губерніи кіевская (794 тысячи, банкъ дѣйствуетъ съ 1883 г.), подольская (636 тысячъ, съ 1883 г.), курская (581 тысяча, съ 1884 г.), полтавская (414 тысячъ, съ 1883 г.), смоленская (412 тысячъ, съ 1884 г.). И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, продолжительность дѣйствія банка является вполнѣ совмѣстной съ широкими размѣрами покупокъ, совершаемыхъ при его посредствѣ. Наименьшія суммы ссудъ приходятся, наоборотъ, на долю губерній, въ которыхъ банкъ дѣйствуетъ лишь съ 1886 г. (владимірская губернія—10 тысячъ, московская—14 тысячъ, виленская—20½ тысячъ рублей). По количеству купленныхъ съ помощью банка десятинъ на первомъ мѣстѣ (22½ тысячи) стоитъ губернія новгородская, въ которой банкъ дѣйствуетъ съ 1885 г.; затѣмъ идутъ гу-

берніи могилевская (19½ тысячъ, съ 1883 г.), смоленская (17¾ тысячъ, съ 1884 г.), харьковская (почти 15 тысячъ, съ 1885 г.), уфимская (12 тысячъ, съ 1883 г.). Изъ губерній, въ которыхъ дѣятельность банка началась позже, большое число купленныхъ десятинъ (12 тысячъ) даетъ только одна минская. Есть, впрочемъ, и другія, болѣе прямыя доказательства тому, что дѣятельность банка не ведетъ, сама по себѣ, къ повышенію продажныхъ цѣнъ. Между 23 губерніями, въ которыхъ среднія продажныя цѣны были въ 1887 г. ниже, чѣмъ въ 1886, мы встрѣчаемъ *восемь* губерній, съ самаго начала (т.-е. съ 1883 г.) вошедшихъ въ кругъ дѣйствій банка, и *шесть* губерній, присоединенныхъ къ нему въ 1884 году. Повысились продажныя цѣны, изъ губерній первой категоріи, только въ трехъ (волынской, екатеринославской и уфимской), изъ губерній второй категоріи—только въ *одной* (смоленской).

Отъ предыдущаго отчетнаго года 1887 годъ отличается, между прочимъ, тѣмъ, что увеличилось, сравнительно, число покупокъ, совершонныхъ сельскими обществами. Съ 1884 г. отношеніе этихъ покупокъ къ покупкамъ товарищескимъ постоянно падало (съ 60 : 40 до 30½ : 69½); въ 1887 г. оно значительно поднялось (40½ : 59½; 357 ссудъ выдано сельскимъ обществамъ, 525 —товариществамъ). Цѣнность земли, купленной товариществами, въ 1886 г. превосходила цѣнность земли, купленной сельскими обществами, слишкомъ на милліонъ рублей, въ 1887 г.—только на 518 тысячъ. Этому нельзя не порадоваться; покупки сельскими обществами, говоря вообще—самыя нормальныя, самыя производительныя и самыя прочныя. Въ 1887 г., какъ и въ предыдущемъ, вовсе не было покупокъ обществами въ губерніяхъ ковенской, оренбургской и ставропольской; не было ихъ также въ губерніи херсонской, гдѣ вообще сильно понизилось число покупокъ, и въ губерніяхъ виленской и бессарабской, гдѣ только-что началась дѣятельность банка. Покупокъ товариществами не было вовсе въ губерніяхъ владимірской, московской и елисаветпольской; но во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ едва успѣла начаться дѣятельность банка. Всего сильнѣе покупки обществами преобладали надъ покупками товарищескими въ губерніяхъ калужской, рязанской, саратовской, симбирской, тамбовской и пензенской; покупокъ товариществами было особенно много въ губерніяхъ волынской, кіевской, минской, подольской, полтавской, харьковской, черниговской, уфимской. Обиліемъ тѣхъ и другихъ отличаются губерніи могилевская, новгородская и смоленская. Значительно уменьшилось число десятинъ, купленныхъ, съ помощью банка, отдѣльными крестьянами; въ 1886 г. оно доходило почти до 2.900, въ 1887 г. не составляло и 1.650. Въ 22 губерніяхъ (въ 1886 г.—

въ четырнадцати) такихъ покупокъ не было вовсе. Всего больше ихъ было въ губерніяхъ кіевской и полтавской.

Сельскія общества покупаютъ, большею частью, такую землю, которая лежитъ смежно съ надѣльною ихъ землею. Изъ 95.915 десятинъ, купленныхъ обществами въ 1887 г., этому условію удовлетворяютъ слишкомъ 80 тысячъ (84½%). Насколько оно поднимаетъ цѣнность пріобрѣтенія, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по интересной статьѣ г. Ѳ. Ѳ.: „У Смоленскаго мужика", напечатанной въ № 4 „Сѣвернаго Вѣстника". За смежную землю, хотя бы она и была неважнаго качества, смоленскіе крестьяне часто готовы заплатить даже высокую цѣну, не только потому, что эту землю, сплошь и рядомъ, приходится брать въ аренду, сколько бы ни запросилъ за нее владѣлецъ, но и потому, что она во многихъ случаяхъ служитъ для послѣдняго источникомъ поборовъ. „Да ты хоть то́ разсчитай,— говоритъ одинъ изъ крестьянъ, съ которыми бесѣдовалъ г. Ѳ. Ѳ., —зайдетъ скотина (на помѣщичью землю) разъ—штрафу рубль, зайдетъ другой—опять рубль; вонъ тебѣ два рубля, а то и два съ полтиной ни за что отдашь. И деньги отдалъ, и земля не твоя. А теперь я этими самыми деньгами оплачу десятину передъ банкомъ [1]), земля-то ужъ моя, значитъ, деньги не даромъ пропали. А ужъ отъ потравы, извѣстное дѣло, не убережешься. Такъ купить-то выходитъ и разсчетъ". Соображеніе о потравѣ непримѣнимо къ землѣ хотя и близкой, но не смежной; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она также чрезвычайно сподручна для крестьянъ. Почти 5.000 десятинъ куплено сельскими обществами на разстояніи менѣе одной версты, столько же—на разстояніи отъ одной до трехъ верстъ; вмѣстѣ съ землей, купленной смежно, это составитъ почти 91 тысячу десятинъ (болѣе 95½% всей земли, купленной обществами). Товарищества также пріобрѣтаютъ много земли, смежной съ мѣстомъ жительства покупателей (49 тысячъ десятинъ изъ 121 тысячи) или отстоящей отъ него не далѣе трехъ верстъ (почти 13 тысячъ десятинъ); но между товарищескими покупками много и такихъ, которыя имѣютъ цѣлью переселеніе. Этимъ объясняется то обстоятельство, что на разстояніи болѣе десяти верстъ сельскими обществами куплено только 1.048 десятинъ, а товариществами—болѣе 47 тысячъ (почти 30% всей земли, купленной товариществами). До такой именно цифры и простирается количество десятинъ земли, пріобрѣтенныхъ товариществами въ видахъ переселенія. Около ⅕ этого количества куплено въ томъ же уѣздѣ, гдѣ жили покупатели, почти столько же—въ другихъ уѣздахъ

[1]) Средняя цѣна десятины, купленной при посредствѣ банка въ смоленской губерніи, составляла, въ 1887 г., 23 руб. 16 коп.; ежегодный платежъ за нее простирается, слѣдовательно, до 1 руб. 75 коп.

той же губерніи, а все остальное (болѣе 29 тысячъ десятинъ)—въ другихъ губерніяхъ. Въ покупкахъ этого рода участвуютъ иногда, нѣстѣ съ переселенцами, и мѣстные крестьяне; *исключительно* для переселенія куплено 31.840 десятинъ, въ томъ числѣ 31.354—товариществами. Всего больше пріобрѣтено земли для переселенія въ губерніяхъ оренбургской, могилевской, минской, ставропольской, харьковской, самарской, херсонской и уфимской.

Больнымъ мѣстомъ покупокъ, совершаемыхъ при посредствѣ крестьянскаго банка, остаются доплаты. Въ послѣднемъ отчетномъ году отношеніе ихъ къ банковымъ ссудамъ было еще менѣе благопріятно, чѣмъ прежде. Въ 1884 г. онѣ составляли около $13^1/_2\%$ продажныхъ цѣнъ, въ 1885 и 1886 г.—около 17%, въ 1887 г.—болѣе 18%. При покупкахъ сельскими обществами доплаты по прежнему были гораздо менѣе значительны, чѣмъ при покупкахъ товариществами и отдѣльными лицами. Для сельскихъ обществъ онѣ составляли, въ 1887 г., около $12^1/_4\%$ (въ 1886 г.—11%), для товариществъ—болѣе $22^1/_2\%$ (въ 1887 г.—$21^1/_2\%$), для отдѣльныхъ крестьянъ—болѣе 53%. По мѣстностямъ отношеніе доплаты къ банковой ссудѣ колебалось весьма сильно: для сельскихъ обществъ—между $36^1/_2\%$ (въ таврической губерніи) и $3^1/_2\%$ (въ пензенской губерніи), для товариществъ—между 52% (въ черниговской губерніи) и 3% (въ губерніи воронежской). Однимъ изъ должностныхъ лицъ, не принимающихъ участія въ дѣятельности банка, но имѣющихъ возможность слѣдить за ея результатами, высказанъ былъ недавно весьма оригинальный взглядъ на значеніе доплатъ. По мнѣнію этого лица, доплаты, и притомъ крупныя, въ размѣрѣ не менѣе 25% продажной цѣны, являются однимъ изъ лучшихъ средствъ къ обезпеченію исправной уплаты погашенія и процентовъ, потому что заставляютъ крестьянъ относиться болѣе серьезно къ предпринимаемой покупкѣ. Сомнѣнія въ правильности этого взгляда возникаютъ сами собою, въ виду отяготительности условій, возлагаемыхъ на крестьянъ значительными доплатами. Если доплата разсрочена, то крестьянамъ приходится, въ продолженіе многихъ лѣтъ, изыскивать средства какъ на покрытіе банковыхъ платежей, такъ и на уплату соотвѣтственной части разсроченной суммы, иногда—съ процентами на все остающееся неуплоченнымъ; а эти проценты доходятъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до 6, 7, 8, 10 и даже 12. Если доплата не разсрочена (это бываетъ гораздо чаще; въ 1887 г. всѣхъ доплатъ было 1.663.292 рубля, а разсрочено изъ нихъ только 355.584 руб., т.-е. около $21^1/_2\%$), то положеніе крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, еще хуже, потому что деньги для доплаты занимаются ими на сторонѣ, на условіяхъ, сплошь и рядомъ, весьма тяжелыхъ. Неурожай, въ особенности если онъ повторился нѣсколько

лѣтъ сряду, слишкомъ легко можетъ довести обремененныхъ такимъ образомъ крестьянъ до полной несостоятельности. Заключеніе, выведенное a priori, подтверждается и фактическими данными. Крупныя доплаты отнюдь не исключаютъ накопленія недоимокъ, и наоборотъ, исправными плательщиками часто оказываются крестьяне, ничего или почти ничего не доплатившіе къ банковой ссудѣ. Въ той самой губерніи, гдѣ возбужденъ разбираемый нами вопросъ, товарищество, получившее ссуду въ 13 тысячъ и приплатившее къ ней почти 12 тысячъ рублей, не внесло, къ 1 января 1889 г., почти половину слѣдующаго съ него полугодового платежа. Въ другихъ губерніяхъ есть случаи еще болѣе поразительные; при доплатѣ въ $32^1/_2\%$ недоимка приближается къ *четыремъ* полугодовымъ платежамъ (саратовская губернія), при доплатѣ въ 25%—*превышаетъ* четыре полугодовые платежа (екатеринославская губернія). И это вовсе не исключительные случаи, а только примѣры, извлеченные изъ числа многихъ другихъ. Наоборотъ, доплатамъ въ 2%, въ 1%, даже совершенному отсутствію доплатъ часто соотвѣтствуетъ полнѣйшая аккуратность платежей. Управленіе банкомъ поступаетъ, поэтому, вполнѣ правильно, стремясь къ возможно большему ограниченію доплатъ, признавая чрезмѣрно-высокую ихъ цифру препятствіемъ къ утвержденію сдѣлки; остается только пожелать, чтобы этотъ взглядъ нашелъ отраженіе и въ общихъ правительственныхъ мѣрахъ. Необходимость повысить, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, нормальныя оцѣнки, а слѣдовательно и максимальный размѣръ ссудъ, была сознана управленіемъ банка еще въ 1885 г. Осуществленію этого предположенія помѣшалъ, вѣроятно, сельско-хозяйственный кризисъ; но теперь, когда онъ, повидимому, проходитъ, слѣдовало бы опять поставить на очередь вопросъ, въ высшей степени важный для крестьянъ, пользующихся помощью банка. Заслуживаетъ подражанія также тотъ способъ уменьшенія доплатъ, который принятъ для царства польскаго, при включеніи его въ кругъ дѣйствій крестьянскаго банка. Кромѣ 75% оцѣночной суммы, выдаваемой изъ средствъ банка, покупатель имѣетъ здѣсь право на полученіе еще 15% изъ капитала „на общественныя надобности“ царства. Такой капиталъ могъ бы быть образованъ и для русскихъ губерній, а на пополненіе его могла бы быть обращаема, какъ и въ царствѣ польскомъ, часть прибылей банка.

Крестьянскій банкъ—одно изъ учрежденій, наиболѣе ненавистныхъ нашимъ реакціонерамъ. И до призыва его къ жизни, и въ первые годы его дѣятельности, ему пришлось выдержать цѣлую массу обвиненій, подозрѣній, нареканій. Въ послѣднее время буря нѣсколько затихла, но это еще не значитъ, чтобы измѣнились чувства, внушаемыя банкомъ; не даромъ же онъ принадлежитъ къ числу со-

заній „диктатуры сердца“ [1])... Доказательствомъ тому, что старая вражда не ослабѣла, служитъ, между прочимъ, отзывъ о крестьянскомъ банкѣ, помѣщенный въ одной изъ самыхъ типичныхъ книгъ нашей эпохи—въ „Современной Россіи“ [2]). „Нельзя—читаемъ мы здѣсь — порадоваться учрежденію крестьянскаго банка. Кромѣ еще бо́льшаго расширенія хищническаго хозяйства, онъ вреденъ въ томъ отношеніи, что создаетъ на казенныя деньги изъ кулаковъ и міроѣдовъ какія-то привилегированныя круговыя товарищества, своего рода крестьянскую аристократію. Въ настоящемъ своемъ видѣ главную пользу отъ крестьянскаго банка извлекаютъ помѣщики, спустившіе крестьянамъ по очень высокой цѣнѣ, при посредствѣ правительства, ненужныя имъ земли“. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эти аргументы не заимствованы изъ обычнаго реакціоннаго арсенала; они направлены, какъ будто бы, не противъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, а противъ обогащенія, на казенный счетъ, помѣщиковъ, кулаковъ и міроѣдовъ. Не трудно замѣтить, однако, что „умыселъ другой тутъ былъ“. Критика автора касается только способа дѣйствій банка; единственнымъ логическимъ выводомъ изъ нея было бы указаніе частныхъ перемѣнъ, которыя желательно произвести въ *примѣненіи* банковаго устава—а между тѣмъ авторъ признаетъ невозможнымъ „радоваться“ *учрежденію* банка, т.-е. высказывается противъ самаго *существованія* его. О тенденціозномъ характерѣ нападенія свидѣтельствуетъ, кромѣ того, полнѣйшая его безцеремонность. Говоря о „привилегированныхъ“ (?) товариществахъ, авторъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о сельскихъ обществахъ, такъ широко пользующихся поддержкой банка. Ни слова не сказано и о товариществахъ переселенческихъ, хотя въ другомъ мѣстѣ авторъ самъ признаетъ всю важность крестьянскихъ переселеній. На чемъ основано, наконецъ, предположеніе автора, что въ составъ товариществъ, покупающихъ землю при посредствѣ банка, входятъ исключительно или бо́льшею частью „кулаки“ и „міроѣды“, вслѣдствіе чего товарищескія покупки ведутъ къ образованію „крестьянской аристократіи“? Съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно выставить прямо противоположный тезисъ. Отчетъ за 1887 г., какъ и всѣ предыдущіе, удостовѣряетъ, что помощь крестьянскаго банка выпадаетъ преимущественно на долю крестьянъ, недостаточно надѣленныхъ землею. Изъ числа 107.674 душъ, купившихъ землю, безземельныхъ и имѣвшихъ до покупки не болѣе $1^1/_2$ десятины на душу, было 35.770; у

[1]) Положеніе о крестьянскомъ банкѣ утверждено уже по минованіи „диктатуры сердца“, но несомнѣнно обязано ей своимъ существованіемъ, потому что именно она опять выдвинула на первый планъ улучшеніе крестьянскаго быта.

[2]) См. ниже, Литературное Обозрѣніе.

46.024 было отъ $1^1/_2$ до 3 десятинъ, и только у 25.880—болѣе 3 десятинъ. Если прибавить къ первой категоріи и тѣхъ крестьянъ, которые владѣли $1^1/_2$—3 десятинами въ мѣстностяхъ степныхъ и лѣсныхъ, то она увеличится съ 33% до 54%. Стоимость земли, пріобрѣтенной покупщиками первой и второй категорій, составляетъ $7^1/_2$ милліоновъ рублей; стоимость земли, пріобрѣтенной покупщиками третьей категоріи—только $1^1/_2$ милліона, причемъ доплаты послѣднихъ были, относительно, гораздо выше. Все это устраняетъ всякую возможность утверждать, что крестьянскій банкъ служитъ интересамъ кулаковъ и міроѣдовъ. Управленіе банкомъ не разрѣшаетъ такихъ сдѣлокъ, въ основаніи которыхъ явно лежитъ не нужда, а прихоть покупщиковъ. Такъ напримѣръ, въ 1887 г. отказано въ утвержденіи *двадцати-двухъ* сдѣлокъ, по которымъ многоземелье и зажиточность покупщиковъ позволяли обойтись безъ содѣйствія банка; не утверждены также три сдѣлки, по которымъ покупка оказывалась превышающею рабочія силы покупщиковъ, и шесть сдѣлокъ, по которымъ покупщикомъ значилось товарищество, но на самомъ дѣлѣ покупка предпринималась въ интересахъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Другими словами, одно изъ условій разрѣшенія сдѣлки—это возможность обработать покупаемую землю, вмѣстѣ съ надѣльной, личнымъ трудомъ покупщика и его семьи... Противъ смѣлой догадки автора „Современной Россіи“ говоритъ еще другое, не менѣе важное обстоятельство. Еслибы лица, составляющія товарищество для покупки земли при посредствѣ крестьянскаго банка, были, большею частью, настоящіе или будущіе кулаки и міроѣды, то ихъ было бы немного, товарищества были бы малочисленны. Для всякаго кулака и міроѣда нужна почва, которую онъ могъ бы эксплуатировать; скопившіеся на небольшомъ пространствѣ, они парализировали бы другъ друга, подобно тому, какъ не могутъ хорошо рости деревья, посаженныя слишкомъ близко одно отъ другого. Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Въ 519 товариществахъ, получившихъ ссуды, участвовало 13.275 домохозяевъ, семейства которыхъ состояли изъ 41.850 душъ. На каждое товарищество приходится, среднимъ числомъ, около 25 домохозяевъ и около 80 душъ. Можно ли, въ виду всего этого, утверждать bona fide, что товарищества—столь часто, притомъ, образующіяся съ цѣлью переселенія,—служатъ разсадникомъ „кулаковъ“ и „міроѣдовъ“?

Бо́льшая часть земли, купленной, въ 1887 г., при содѣйствіи банка, принадлежала, какъ и прежде, дворянамъ и чиновникамъ (слишкомъ 167 тысячъ десятинъ, болѣе 76%); не мало земли пріобрѣтено также и у купцовъ и мѣщанъ (почти 31 тысяча десятинъ, болѣе 14%). Отъ евреевъ куплено 1.976 десятинъ, отъ иностранцевъ и нѣмцевъ-колонистовъ—около 4.000 десятинъ. Наименѣе симпатич-

ными представляются покупки у крестьянъ; онѣ влекутъ за собою только переходъ земли отъ однихъ земледѣльцевъ къ другимъ, совершенно безразличный съ государственной точки зрѣнія. Къ счастію, такихъ покупокъ немного; онѣ обнимаютъ собою менѣе 5% всей земли, пріобрѣтенной съ помощью банка. Управленіе банкомъ поступаетъ совершенно правильно, не утверждая такихъ сдѣлокъ, по которымъ продавцы-крестьяне отчуждаютъ свои надѣлы или послѣднюю свою земельную собственность. На этомъ основаніи отказано, въ 1887 г., въ утвержденіи девяти сдѣлокъ. Прежніе владѣльцы земель, проданныхъ при содѣйствіи банка, сами вели хозяйство на 92.000 десятинъ (42%); остальныя 127 тысячъ десятинъ сдавались въ аренду. Изъ числа 167 тысячъ десятинъ, проданныхъ дворянами и чиновниками, только 50 тысячъ десятинъ находилось въ рукахъ лицъ, жившихъ на мѣстѣ; владѣльцы остальныхъ 117 тысячъ десятинъ принадлежали къ разряду абсентеистовъ. Половина проданной земли была заложена; на уплату долговъ прежнихъ владѣльцевъ пошло болѣе одной трети суммъ, вырученныхъ отъ продажи. Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятыя, устраняютъ возможность сантиментальныхъ сожалѣній объ убыли дворянскаго землевладѣнія, совершающейся при содѣйствіи крестьянскаго банка. Весьма любопытно было бы опредѣлить, въ какомъ отношеніи продажныя цѣны земли, купленной съ помощью банка, находятся къ среднимъ продажнымъ цѣнамъ данной мѣстности, въ данное время; но еслибы и оказалось, что первыя выше послѣднихъ, то отсюда нельзя еще было бы заключить, что дѣятельность крестьянскаго банка ведетъ къ обогащенію помѣщиковъ на счетъ крестьянъ или государства. Необходимо помнить, что для покупателей-крестьянъ цѣнность земли часто увеличивается особыми условіями, напр. смежностью земли съ надѣломъ и притѣсненіями сосѣда. Выгодной для крестьянъ покупка можетъ быть, поэтому, и тогда, когда она была бы невыгодна для всякаго другого, а кажущееся обогащеніе помѣщика является иногда не чѣмъ инымъ, какъ капитализаціей дохода, который онъ и прежде умѣлъ извлекать не столько изъ земли, сколько изъ ея положенія.

Мы подходимъ теперь къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣятельностью крестьянскаго банка: къ вопросу объ исправности плательщиковъ. Замѣчательно-безукоризненная въ первые годы существованія банка, она въ послѣднее время нѣсколько поколебалась. Къ 1 января 1887 г. платежей, перешедшихъ предѣлы льготнаго срока, оставалось 226 тысячъ рублей; въ теченіе года эта сумма увеличилась еще на 859 тысячъ; поступило въ уплату 403 тысячи, разсрочено и отсрочено около 158 тысячъ; списано на счетъ платежей, подлежащихъ къ поступленію съ земельныхъ участковъ,

оставшихся за банкомъ, 168½ тысячъ; осталось къ 1 января 1888 г. 355 тысячъ рублей. Конечно, эти цифры не особенно утѣшительны; но необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, отношеніе ихъ къ общей цифрѣ платежей, поступившихъ въ 1887 г. (2.354 тысячи рублей, въ томъ числѣ 651 тысяча до срока, 277 тысячъ—въ самый день срока, 244 тысячи—въ первые десять дней послѣ срока); во-вторыхъ—совокупность тяжелыхъ условій, пережитыхъ, во многихъ мѣстностяхъ, сельскимъ хозяйствомъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—и притомъ такихъ, гдѣ дѣятельность банка достигла весьма широкихъ размѣровъ—просроченныхъ платежей очень мало (въ кіевской губерніи—съ небольшимъ пять тысячъ, въ могилевской—менѣе четырехъ тысячъ, въ смоленской—около 7½ тысячъ рублей); всего больше ихъ въ губерніяхъ степныхъ и пограничныхъ съ степными, сильно пострадавшихъ въ послѣдніе годы отъ неурожаевъ (екатеринославская губернія—216 тысячъ, полтавская—121 тысяча, курская—112 тысячъ, харьковская—87 тысячъ). Кое-гдѣ, въ виду истеченія всѣхъ льготныхъ сроковъ, банку пришлось прибѣгнуть къ назначенію публичной продажи. Результаты этой мѣры не могутъ быть названы удачными. До начала нынѣшняго года подвергнуты были продажѣ съ публичнаго торга 94 земельныхъ участка, въ размѣрѣ до 54 тысячъ десятинъ, на которыхъ ко времени торга числилось капитальнаго долга 3.174 тысячи и недоимокъ 492 тысячи рублей. Состоялась публичная продажа только по тремъ участкамъ, пространствомъ въ 187 десятинъ; затѣмъ продано по вольной цѣнѣ еще 6.265 десятинъ. Девятнадцать участковъ, въ размѣрѣ всего 8.050 десятинъ, возвращены, послѣ несостоявшихся торговъ, прежнимъ владѣльцамъ, уплатившимъ всѣ числившіяся на нихъ недоимки. На рукахъ банка остается затѣмъ почти 40 тысячъ десятинъ. Такое положеніе дѣлъ, конечно, не можетъ быть признано нормальнымъ; необходимо пріискать способы къ его устраненію. Мы слышали, что для достиженія этой цѣли проектируются мѣры двоякаго рода: однѣ—направленныя къ бо̀льшей успѣшности публичныхъ продажъ, другія—имѣющія въ виду болѣе исправное поступленіе срочныхъ платежей. По дѣйствующимъ теперь правиламъ, продажа участка за долгъ крестьянскому банку производится въ волостномъ правленіи той волости, гдѣ находится продаваемый участокъ. Участокъ назначается въ продажу въ полномъ его составѣ; для желающихъ торговаться обязательно представленіе задатка, въ размѣрѣ числящейся на должникахъ недоимки, съ присоединеніемъ расходовъ банка за счетъ должниковъ и одной десятой части капитальной ссуды, остающейся неуплоченною ко дню торга. Сумма, за которую пріобрѣтенъ участокъ, должна быть внесена вся сполна не позже какъ въ теченіе мѣсяца со дня

торга. Всѣ эти постановленія оказались, на практикѣ, неудобными и затрудняющими успѣшный результатъ публичной продажи. Производство торговъ предполагается назначать, смотря по обстоятельствамъ, либо въ помѣщеніи уѣздной земской управы ближайшаго города, либо въ волостномъ правленіи одной изъ ближайшихъ волостей. Отъ мѣстнаго отдѣленія банка должно зависѣть назначеніе участка въ продажу цѣликомъ или по частямъ. Отъ желающихъ торговаться предполагается требовать въ видѣ задатка только одну десятую часть суммы, состоящей изъ недоимки, расходовъ банка и неуплоченной капитальной ссуды. Для уплаты остальной покупной суммы предполагается допустить разсрочку, на время отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Признавая цѣлесообразность всѣхъ этихъ предположеній, мы думаемъ, что можно было бы пойти еще дальше и требовать представленія задатковъ не отъ всѣхъ торгующихся, а только отъ предложившаго высшую цѣну, съ тѣмъ, чтобы невзносъ, по первому требованію, задаточныхъ денегъ имѣлъ послѣдствіемъ немедленное возобновленіе торга, и сверхъ того взысканіе штрафа, какъ это опредѣлено общимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства. Продажу за долгъ крестьянскому банку незачѣмъ, какъ намъ кажется, обставлять болѣе стѣснительными условіями, чѣмъ всякую другую.

Какъ ни важна успѣшность торговъ, еще важнѣе, безъ сомнѣнія все направленное къ ихъ предупрежденію, т.-е. къ исправному поступленію срочныхъ платежей. До сихъ поръ управленіе банкомъ относилось къ плательщикамъ пассивно; оно выжидало срока публичной продажи, не принимая никакихъ другихъ мѣръ къ *взысканію* просроченныхъ платежей. Причина такого образа дѣйствій заключалась въ неполнотѣ или неясности закона. Только недавно, въ правилахъ 30-го мая 1888 г., установленъ порядокъ взысканія недоимокъ съ *отдѣльныхъ членовъ* поземельныхъ товариществъ, по опредѣленію товарищескаго схода; случай неисправности *всего* товарищества или *большинства* товарищей правилами не предусмотрѣнъ. Отсюда необходимость новой законодательной мѣры, о которой, какъ мы слышали, и ходатайствуетъ крестьянскій банкъ. Предполагается установить, что платежи по банковымъ ссудамъ взыскиваются съ крестьянскихъ обществъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и мірскія повинности; съ товариществъ — способами, указанными въ правилахъ 30-го мая 1888 г. (секвестрація дохода, продажа движимости и строеній); съ отдѣльныхъ крестьянъ—по распоряженію общественныхъ крестьянскихъ властей. При неуспѣшномъ взысканіи недоимокъ крестьянскимъ начальствомъ, понужденіе послѣдняго и самое взысканіе недоимокъ какъ съ сельскихъ обществъ, такъ и съ товариществъ и отдѣльныхъ крестьянъ, должно производиться, по требованію кре-

стьянскаго банка, полиціей, примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для взысканія казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. За такой способъ взысканія стоятъ наиболѣе разсудительные изъ числа самихъ заемщиковъ. Вредныя послѣдствія просрочки упадаютъ на всѣхъ, но исправное меньшинство безсильно противъ неисправнаго большинства. Въ промежутокъ времени между просрочкой и назначеніемъ продажи количество недоимокъ, при отсутствіи всякихъ мѣръ взысканія, постоянно возрастаетъ, а цѣнность земли весьма часто уменьшается, вслѣдствіе вырубки лѣса, продажи построекъ и т. п.; урожай собирается, а посѣвъ не производится. Понятно, что все это до крайности затрудняетъ успѣшность продажи. Такъ какъ первые платежи по ссудамъ крестьянскаго банка подлежатъ взносу *по истеченіи* полугодія (за первое полугодіе они вычитаются изъ ссуды, при самой ея выдачѣ), а затѣмъ для продажи земли выжидается еще одно полугодіе, то недобросовѣстный заемщикъ легко можетъ воспользоваться годовымъ урожаемъ съ купленной земли, не уплативъ ничего, и затѣмъ предоставить землю въ распоряженіе банка. Бывали, говорятъ, даже случаи сторонняго подговора къ подобной операціи, между прочимъ со стороны продавцовъ, спѣшившихъ сбыть свою землю. Помимо всего этого, принудительная продажа разорительна для крестьянъ, часто оставляя ихъ въ положеніи худшемъ чѣмъ то, въ которомъ они были до покупки; она крайне невыгодна для крестьянскаго банка или, лучше сказать, для государства, обезпечивающаго своими средствами исправность уплаты процентовъ по выпускаемымъ банкомъ свидѣтельствамъ. Всякая принудительная продажа сопряжена съ рискомъ потерь—а продажа земель, купленныхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, еще болѣе рискована, чѣмъ всякая другая, потому что эти земли часто имѣютъ настоящую цѣнность только для купившихъ ихъ крестьянъ. Всѣ эти соображенія кажутся намъ вполнѣ убѣдительными. Конечно, взысканіе полицейскими мѣрами сопряжено съ весьма серьезными неудобствами—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы сфера дѣйствій этого взысканія не подлежала дальнѣйшему расширенію; необходимо только измѣнить къ лучшему самый порядокъ взысканія. Платежи крестьянскому банку имѣютъ большое сходство съ выкупными платежами. И тѣ, и другіе вытекаютъ изъ заботливости государства объ обезпеченіи крестьянъ поземельною собственностью; и тѣ, и другіе идутъ на покрытіе обязательствъ, принятыхъ на себя государствомъ въ интересахъ земледѣльческаго населенія. Если выкупные платежи взыскиваются наравнѣ съ казенными, земскими и мірскими повинностями, то такой же способъ взысканія долженъ быть, по всей справедливости, установленъ и для платежей крестьянскому банку. Зло-

употребленія возможны здѣсь не меньше, но и не больше, чѣмъ въ другихъ, однородныхъ случаяхъ; противъ нихъ должны быть приняты общія мѣры, изъ которыхъ самою существенною была бы передача безспорныхъ административныхъ взысканій изъ рукъ полиціи въ вѣденіе особыхъ сборщиковъ, свободныхъ отъ полицейскихъ традицій и привычекъ. Сами собою прекратились бы тогда и возмутительныя явленія, извѣстныя подъ характеристическимъ именемъ „выбиванія недоимокъ".

Отличительную черту крестьянскаго банка составляла съ самаго начала и продолжаетъ составлять до сихъ поръ отзывчивость на требованія жизни. Положеніе о крестьянскомъ банкѣ дѣйствуетъ только шесть лѣтъ—но за это короткое время состоялся уже, благодаря иниціативѣ управленія банкомъ, цѣлый рядъ дополнительныхъ къ нему узаконеній. Въ сферу дѣятельности банка включены разныя категоріи земледѣльцевъ, упущенныя изъ виду при изданіи первоначальнаго закона; дозволена выдача ссудъ нѣсколькимъ сельскимъ обществамъ нераздѣльно, а также отдѣльнымъ поселеніямъ, не составляющимъ цѣлаго сельскаго общества; создана организація товариществъ, покупающихъ землю при посредствѣ банка. Продолженіемъ этой непрерывной работы являются законопроекты, разобранные нами выше. Само собою разумѣется, что при такомъ живомъ отношеніи къ дѣлу управленіе крестьянскимъ банкомъ не могло отложить въ долгій ящикъ установленіе правилъ, существенно важныхъ для каждаго кредитнаго учрежденія: правилъ о публичной продажѣ земельныхъ участковъ, заложенныхъ въ банкѣ. Крестьянскій банкъ учрежденъ 18-го мая 1882 г., а правила о продажѣ получили законодательную санкцію 28-го мая 1883 г., почти одновременно съ открытіемъ дѣйствій банка; теперь, какъ мы видѣли, идетъ рѣчь уже о дополненіи и измѣненіи ихъ, согласно съ указаніями опыта. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется, съ этой точки зрѣнія, дѣятельность дворянскаго земельнаго банка. Онъ учрежденъ въ 1885 г., дѣйствуетъ уже четвертый годъ—а между тѣмъ до сихъ поръ не существуетъ еще *такихъ* правилъ о публичной продажѣ заложенныхъ въ немъ имѣній! Отсюда накопленіе недоимокъ, въ размѣрахъ по истинѣ ужасающихъ. Въ вышедшемъ недавно отчетѣ дворянскаго банка за 1887 г. ихъ показано еще не особенно много; платежей, перешедшихъ предѣлы льготнаго срока, было тогда около 369 тысячъ рублей, и назначенію въ продажу подлежало 361 имѣніе, съ 320 тысячами десятинъ земли и $14^1/_2$ милліонами капитальнаго долга. Къ концу 1888 г. недоимокъ, перешедшихъ предѣлы льготнаго срока, было уже слишкомъ *два милліона* рублей; назначенію въ продажу подлежало 1.405 имѣній, съ 1.329 тысячами десятинъ земли и *пятиде-*

сятью-двумя милліонами капитальнаго долга! [1]) Эта послѣдняя цифра—почти одна *треть* всѣхъ ссудъ, выданныхъ по 1 декабря 1888 г.! Есть имѣнія, по которымъ не поступило *ни одного платежа*, начиная съ самаго перваго платежнаго срока (1 ноября 1886 г.). Съ тѣхъ поръ прошло около полугода—и положеніе дѣлъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе измѣнилось къ худшему. Трудно понять, какимъ образомъ, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, можетъ быть терпима дальнѣйшая отсрочка въ изданіи правилъ о продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ. Чѣмъ больше накопляется недоимокъ, тѣмъ труднѣе ихъ уплата для самихъ владѣльцевъ, тѣмъ вѣроятнѣе убытки, при продажѣ, для дворянскаго банка, или, лучше сказать, для государственнаго казначейства, средствами котораго обезпечивается платежъ процентовъ по банковымъ закладнымъ листамъ. Запасный капиталъ дворянскаго банка составлялъ, къ 1 января 1888 г., только 419 тысячъ рублей; чистая прибыль его за 1887 г. не превышала 185 тысячъ, изъ которыхъ 158 тысячъ отчислено на покрытіе дефицита за предшествовавшій отчетный періодъ, а остальныя уплачены государственному банку въ возвратъ позаимствованныхъ у него денегъ; долга государственному банку оставалось къ началу 1888 года 1.368.000 рублей. А между тѣмъ ссуды изъ дворянскаго банка ростутъ съ чрезвычайною быстротою; въ 1886 г. ихъ было разрѣшено на сумму около 69 милліоновъ, въ 1887 г.—на сумму свыше 71 милліона рублей. Разбирая первый отчетъ банка, мы имѣли уже случай замѣтить, что весьма значительная часть ссудъ выдается не по нормальной оцѣнкѣ, а по спеціальной, менѣе, вообще говоря, обезпечивающей интересы банка; то же самое, въ еще бо́льшей мѣрѣ, повторилось и въ 1887 г. По нормальной оцѣнкѣ выдано въ этомъ году 1.253 ссуды, на сумму 24½ милліоновъ рублей, по спеціальной—1.299 ссудъ, на сумму 46½ милліоновъ. Ссуды, на каждую десятину земли, по нормальной оцѣнкѣ приходится среднимъ числомъ 29 руб. 59 к., по спеціальной—32 руб. 9 коп.; между тѣмъ спеціальная оцѣнка преобладаетъ не только въ губерніяхъ съ высокимъ качествомъ земли (бессарабской, орловской, полтавской, харьковской), но и въ такихъ губерніяхъ, какъ новгородская, псковская, петербургская, могилевская, казанская. Въ 1886 г. ссудъ, превышающихъ 60% оцѣнки и, слѣдовательно, особенно рискованныхъ, было выдано 73; въ 1887 г. такихъ ссудъ выдано уже 139. Имѣнія, которыми обезпечиваются эти ссуды, въ 1886 г., были оцѣнены въ 8.822.660, въ 1887 г.—въ 9.225.730 рублей; выдано подъ нихъ въ ссуду въ 1886 г. 6.140.000, въ 1887 г.—6.394.500 рублей. Разница между 60% оцѣнки

[1]) Мы заимствуемъ эти цифры изъ № 82 „Русскихъ Вѣдомостей“.

и суммой дѣйствительно выданныхъ ссудъ составляла, какъ въ 1886 г., такъ и въ 1887 г., около 850 тысячъ рублей. Чрезвычайно сильно, по прежнему, расходились оцѣнки самихъ владѣльцевъ и оцѣнки банка; въ среднемъ выводѣ послѣднія составляли только 59% первыхъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—меньше 40, даже меньше 30% (въ минской губерніи—35%, въ новгородской—26%). Ожидать отъ владѣльцевъ существенной помощи въ правильной оцѣнкѣ земли банкъ, такимъ образомъ, не можетъ. Всего больше пользуется помощью банка среднее землевладѣніе (управленіе банкомъ относитъ сюда тѣ имѣнія, подъ которыя выдано въ ссуду отъ десяти до ста тысячъ рублей). Въ 1887 г. на его долю пришлось 1.284 ссуды, на сумму 41 милліонъ; на долю крупнаго землевладѣнія—112 ссудъ, на сумму $23^1/_2$ милліоновъ; на долю мелкаго землевладѣнія—1.016 ссудъ, на сумму $5^1/_4$ милліоновъ рублей. Въ среднемъ выводѣ на каждую ссуду высшаго разряда приходится 6.961 десятина и 211.000 рублей; на каждую ссуду средняго разряда—968 десятинъ и 32.000 рублей; на каждую ссуду низшаго разряда—250 десятинъ и 5.100 рублей. Въ этихъ цифрахъ не особенно много утѣшительнаго, какъ потому, что львиная доля помощи банка достается владѣльцамъ, всего меньше нуждающимся въ поддержкѣ, такъ и потому, что крупныя имѣнія, вслѣдствіе затрудненій, съ которыми сопряжена ихъ продажа, представляются, сравнительно, обезпеченіемъ менѣе надежнымъ.

Какъ и въ предыдущемъ отчетномъ году, дѣятельность дворянскаго земельнаго банка продолжала имѣть послѣдствіемъ усиленную задолженность дворянскихъ имѣній. Имѣнія, уже и прежде находившіяся въ залогѣ, перезакладываются въ высшей суммѣ; имѣнія, до тѣхъ поръ свободныя отъ залога, обременяются значительными долгами. На каждую десятину земли, раньше бывшей въ залогѣ, приходилось долгу, среднимъ числомъ, 24 руб. 86 коп.; теперь эта цифра увеличилась до 31 руб. 81 коп., т.-е. по 6 руб. 95 коп. на десятину. На каждую десятину земли, прежде свободную отъ залога, приходится теперь долгу, среднимъ числомъ, по 28 руб. 38 коп. на десятину. Всего заложено вновь, по 802 сдѣлкамъ, почти 418 тысячъ десятинъ, на сумму 11.865.600 рублей. Замѣчательно, что цифра долга, упадающая теперь на каждую десятину незаложенной раньше земли, превышаетъ ту, до которой простирался долгъ по залогу въ прежнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Такое увеличеніе задолженности едва ли можетъ быть названо обстоятельствомъ благопріятнымъ для дворянскаго землевладѣнія, если даже и допустить, что уменьшилась—для имѣній, прежде состоявшихъ въ залогѣ—цифра ежегодныхъ платежей. Необходимо прибавить, что въ одномъ

1887 г. дворянскимъ банкомъ разрѣшены были въ 170 случаяхъ вторыя или послѣдующія закладныя на имѣнія, заложенныя въ банкѣ. Дѣйствіе этихъ закладныхъ распространяется на $131^1/_2$ тысячу десятинъ.

По способу веденія хозяйства, 2.552 имѣнія, подъ которыя выдано, въ 1887 г., ссуды дворянскимъ банкомъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ 1.731 имѣніяхъ, съ 1.317.527 десят., хозяйство велось самимъ владѣльцемъ; 570 имѣній, съ 316 тыс. десятинъ, находились въ арендѣ, а въ 251 имѣніяхъ, съ $640^1/_2$ тысячъ десятинъ, существовали совмѣстно обѣ системы хозяйства, т. е. часть имѣнія (мéньшая) была въ завѣдываніи арендаторовъ. Эти цифры не подтверждаютъ обычнаго представленія объ абсентеизмѣ дворянъ-землевладѣльцевъ и о запущенности дворянскихъ хозяйствъ—не подтверждаютъ его до такой степени, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ ихъ точности. И въ самомъ дѣлѣ, управленіе банкомъ вовсе не ручается за ихъ достовѣрность; оно признаетъ, что во многихъ хозяйствахъ пріемы извлеченія доходовъ подвергаются безпрерывнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ урожая предыдущаго года, отъ обилія или отсутствія оборотныхъ средствъ, а иногда даже отъ настроенія владѣльца имѣнія или его управляющаго. Еще важнѣе то обстоятельство, что къ числу завѣдуемыхъ самимъ владѣльцемъ отнесены, въ отчетѣ дворянскаго банка, имѣнія, въ которыхъ часть угодій отдается въ краткосрочный наемъ, преимущественно мѣстнымъ крестьянамъ. Подъ именемъ *аренды* управленіе банкомъ понимаетъ, слѣдовательно, только аренду *долгосрочную:* въ разрядъ арендованныхъ не входятъ, такимъ образомъ, даже тѣ имѣнія, въ которыхъ вся площадь обрабатываемой или эксплуатируемой земли находится въ рукахъ краткосрочныхъ наемщиковъ, и никакого помѣщичьяго хозяйства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существуетъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ имѣніяхъ, въ которыхъ преобладаетъ испольная обработка земли. За исключеніемъ всѣхъ этихъ категорій, число имѣній, *дѣйствительно* завѣдуемыхъ самими владѣльцами, оказалось бы, по всей вѣроятности, сравнительно невысокимъ. „Завѣдываніе самимъ владѣльцемъ“ не предполагаетъ, притомъ, личнаго пребыванія его въ имѣніи или даже частыхъ періодическихъ его туда пріѣздовъ; подъ это понятіе подходитъ и завѣдываніе имѣніемъ черезъ посредство управляющаго. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, впрочемъ, имѣній, находящихся въ завѣдываніи самого владѣльца насчитывается очень мало даже и при томъ способѣ группировки, который принятъ банкомъ. Явно преобладаетъ собственное хозяйство въ губерніяхъ центральныхъ, а также въ среднемъ и нижнемъ Приволжьѣ; наоборотъ, аренда цѣлыхъ имѣній всего болѣе распространена въ губерніяхъ западныхъ и въ донской

области. Различіе между тѣми и другими мѣстностями доходитъ до громадныхъ размѣровъ; такъ, изъ 86 имѣній казанской губерніи только *восемь* арендуются въ полномъ ихъ составѣ, а въ губерніи подольской изъ 34 имѣній—14, въ донской области изъ 131—87. „Цифры эти, — читаемъ мы въ отчетѣ дворянскаго банка, — наводятъ на весьма грустныя размышленія. Несмотря на всѣ усилія правительства, русскіе дворяне-землевладѣльцы западнаго края [1]), не хозяйничая сами въ своихъ имѣніяхъ и, слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не живя въ нихъ, не могутъ оказать на край то политическое вліяніе, которое, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду; дворянское же землевладѣніе на Дону очевидно вскорѣ сдѣлается чисто номинальнымъ".

Почти одновременно появились въ газетахъ два извѣстія, относящіяся къ волостнымъ судамъ. Одно изъ нихъ, касающееся внутреннихъ губерній, заключается въ томъ, что, въ виду предстоящей передачи нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣденія мировыхъ судей въ вѣденіе волостныхъ судовъ, предположено составить правила о порядкѣ судопроизводства въ этихъ судахъ и о налагаемыхъ ими взысканіяхъ. По другому извѣстію, такая же работа приготовляется въ настоящее время министерствомъ юстиціи для волостныхъ судовъ остзейскаго края. Объ этой послѣдней работѣ мы находимъ довольно подробныя свѣденія въ рижской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 94). „Волостной судебникъ", составляемый для прибалтійскихъ волостныхъ судовъ, редактируется, по словамъ корреспондента, въ духѣ судебныхъ уставовъ 1864 г. Онъ отмѣняетъ, прежде всего, тѣлесное наказаніе, ограничивая карательную власть волостныхъ судовъ арестомъ и денежными взысканіями. Когда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, за волостными судами имперіи оставлено было право присуждать крестьянъ къ тѣлесному наказанію, это мотивировалось необходимостью „поддержать порядокъ среди крестьянскаго сословія, которое, послѣ быстраго перехода отъ крѣпостной зависимости къ полной личной свободѣ, находилось въ совершенно непривычномъ, неустановившемся еще положеніи". Эти соображенія, относившіяся къ крестьянамъ чисто-русскихъ губерній, министерство юстиціи находитъ непримѣнимыми, особенно въ настоящее время, къ прибалтійскимъ губерніямъ, въ которыхъ крестьянское населеніе уже съ 1816-19 г. пользуется личной свободой. Если тѣлесныя наказанія до сихъ поръ здѣсь не отмѣнены, то это объясняется „не дѣйствительными потребностями,

---

[1]) Въ западныхъ губерніяхъ землевладѣльцы польскаго происхожденія неимѣютъ, какъ извѣстно, права на полученіе ссудъ изъ дворянскаго земельнаго банка.

а сословными предубѣжденіями того класса общества, который имѣлъ значительное вліяніе на всѣ реформы въ прибалтійскихъ губерніяхъ". Дальнѣйшее сохраненіе отжившаго порядка являлось бы, по мнѣнію министерства юстиціи, „полнѣйшей аномаліей, тѣмъ болѣе вредною, что мѣстное крестьянское населеніе питаетъ къ унижающему человѣческое достоинство наказанію вполнѣ сознательное отвращеніе". Послѣднее выразилось съ достаточною ясностью въ многочисленныхъ прошеніяхъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, поданныхъ эстами и латышами во время сенаторской ревизіи 1882-83 г. (ревизующимъ сенаторомъ былъ, какъ извѣстно, нынѣшній министръ юстиціи).

Если намѣренію министерства юстиціи суждено осуществиться, преобразованіе волостныхъ судовъ въ остзейскихъ губерніяхъ будетъ настоящимъ благодѣяніемъ для массы мѣстнаго населенія. Не дальше, какъ въ 1881 г., составленъ былъ для волостныхъ судовъ остзейскаго края, при участіи представителей центральной власти, проектъ волостного судебнаго устава, сохранявшій за волостными судами право присуждать къ тѣлесному наказанію. Разбирая, въ свое время, этотъ проектъ, мы указали на фальшивое, тяжелое положеніе, въ которое онъ поставилъ бы апелляціонную инстанцію надъ волостными судами —мировыхъ судей, принудивъ ихъ санкціонировать своими приговорами отвратительный видъ уголовной расправы. Въ настоящее время волостные суды остзейскихъ губерній предполагается подчинить не мировымъ судьямъ, а особымъ верхнимъ крестьянскимъ судамъ, и только чрезъ посредство послѣднихъ—мировымъ съѣздамъ; но положеніе вопроса, съ занимающей насъ точки зрѣнія, отъ этого не измѣняется, потому что для предсѣдателей верхнихъ крестьянскихъ судовъ проектируется такой же образовательный цензъ, какъ и для мировыхъ судей. Какъ бы ни назывался судъ, включаемый въ рамку судебныхъ уставовъ 1864 г., предоставленіе ему права присуждать къ тѣлесному наказанію было бы вопіющею несообразностью, которую и устраняетъ, къ счастію, новый проектъ министерства юстиціи. Неужели, однако, порядокъ вещей, признаваемый—и совершенно справедливо — невозможнымъ среди эстовъ и латышей, обрушится всей своей тяжестью на коренное русское населеніе? Чтобы упорядочить волостные суды въ центральныхъ губерніяхъ, необходимо подчинить ихъ, какъ и въ остзейскомъ краѣ, смѣшанной инстанціи, въ составъ которой входилъ бы, рядомъ съ нѣсколькими волостными судьями, предсѣдатель изъ среды образованнаго класса. Будетъ ли этотъ предсѣдатель именоваться мировымъ судьею, земскимъ начальникомъ или какъ-нибудь иначе, онъ, во всякомъ случаѣ, не долженъ быть чуждъ традицій и взглядовъ, выросшихъ на почвѣ судебной реформы; отъ него нельзя и не слѣдуетъ требовать примѣ-

нія такого вида наказаній, одна мысль о которомъ возмущаетъ совѣсть и чувство чести. Въ великороссійскихъ губерніяхъ розги уже болѣе двадцати лѣтъ являются исключительною принадлежностью волостного суда; крестьяне успѣли привыкнуть къ мысли, что къ этому наказанію можетъ приговорить ихъ только свой, крестьянскій судъ, а не „господскій". Облеченіе послѣдняго — повторяемъ, какъ бы онъ ни назывался — ненавистнымъ, отжившимъ правомъ сразу унизило бы его значеніе, оттолкнуло бы отъ него множество честныхъ, полезныхъ дѣятелей и больше чѣмъ что-либо другое стало бы преградой на пути сближенія между „господами" и крестьянами. Мы не видимъ причины, по которой тѣлесныя наказанія, отмѣняемыя для крестьянъ прибалтійскаго края, могли бы или должны были остаться въ силѣ для крестьянъ великорусскихъ губерній. Правда, великорусскимъ крестьянамъ личная свобода дана почти полувѣкомъ позже, чѣмъ остзейскимъ, — но зато они воспользовались ею, de facto, гораздо полнѣе, потому что за помѣщиками не было оставлено патримоніальной власти. Неужели теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ, все еще продолжается то „переходное время", въ виду котораго отмѣна тѣлесныхъ наказаній, провозглашенная въ 1863 г., не была распространена на сферу дѣйствій волостного суда? Поколѣніе, по собственному опыту знакомое съ крѣпостнымъ правомъ, стоитъ уже на рубежѣ старости; неужели всѣ тѣ милліоны крестьянъ, которые выросли или даже родились свободными, все еще находятся въ „неустановившемся положеніи", неужели личная свобода для нихъ все еще „непривычна"? Неужели „сознательное отвращеніе" къ тѣлеснымъ наказаніямъ, допускаемое въ сельскихъ обывателяхъ остзейскаго края, до сихъ поръ чуждо нашимъ крестьянамъ, даже прошедшимъ начальную школу, даже сидѣвшимъ рядомъ съ дворянами въ земскомъ собраніи или на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей? Неужели наказаніе, „унижающее достоинство" эста или латыша, не унижаетъ достоинства коренного русскаго?.. Двухъ различныхъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы, какъ намъ кажется, быть не можетъ,—и вотъ почему мы радуемся извѣстію, обѣщающему скорый пересмотръ правилъ о взысканіяхъ, налагаемыхъ русскими волостными судами. Мы вполнѣ убѣждены, что въ основаніи обоихъ проектовъ волостного судебника — спеціально-остзейскаго и общерусскаго—будутъ положены одни и тѣ же, разумныя и гуманныя начала. Нельзя же предполагать, что „сословныя предубѣжденія", мѣшавшія, до сихъ поръ, отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ остзейскомъ краѣ, найдутъ убѣжище на нашей почвѣ и сдѣлаютъ русское дворянство наслѣдникомъ печальной „привилегіи", теряемой дворянствомъ прибалтійскимъ.

По истинѣ счастливой слѣдуетъ назвать комбинацію обстоятельствъ,

въ силу которой вопросъ о преобразованіи волостныхъ судовъ становится на очередь одновременно для остзейскаго края и для земскихъ, внутреннихъ губерній. Не будь ея, отмѣна тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ русскихъ волостныхъ судовъ представлялась бы гораздо менѣе вѣроятной. Одною изъ самыхъ печальныхъ особенностей нашего времени является именно беззастѣнчивая и безцеремонная защита тѣлесныхъ наказаній, не только въ смыслѣ уголовной, судебной кары, но и въ качествѣ дисциплинарной, административной, воспитательной (!) мѣры. Слишкомъ почетнымъ для газетъ, поддерживающихъ подобные взгляды, было бы названіе органовъ общественнаго мнѣнія. Не думаемъ, чтобы наше общество, хотя бы въ лицѣ значительной своей части, пало такъ низко—но характеристично уже и то, что изъ разныхъ темныхъ угловъ проповѣдь палки и розги опять выходитъ на открытый воздухъ. Иногда, вмѣсто прямой апологіи тѣлесныхъ наказаній, пускается въ ходъ фигура умолчанія,—но сущность дѣла и въ этихъ случаяхъ остается довольно ясной. „Московскія Вѣдомости“ посвятили недавно особую передовую статью „великой эпохѣ реформъ“, съ цѣлью доказать, что въ ней не было ни величія, ни даже реформъ. Преобразованія минувшаго царствованія раздѣляются здѣсь на двѣ группы: овецъ и козлищъ. Овцы —это освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, „упрощеніе бюрократической процедуры по земскимъ и городскимъ дѣламъ“, привлеченіе мѣстнаго населенія къ участію въ завѣдываніи ими, гласность, устность и состязательность судопроизводства, ограниченіе силы формальныхъ доказательствъ, сокращеніе судебныхъ инстанцій, учрежденіе особаго мѣстнаго суда для мелкихъ дѣлъ, независимость общихъ судебныхъ установленій отъ административныхъ, льготы, данныя печати закономъ 6-го апрѣля 1865 г., уставъ классическихъ гимназій, общеобязательная воинская повинность, объединеніе полиціи упраздненіемъ третьяго отдѣленія [1]), установленіе государственнаго контроля на новыхъ основаніяхъ, мѣры къ улучшенію быта духовенства и мѣры къ объединенію западныхъ окраинъ съ имперіей. Козлища—это уничтоженіе мировыхъ посредниковъ, „обособленность, безконтрольность (!) и безотвѣтственность (!) земскаго и городского самоуправленія“, выдѣленіе судебнаго вѣдомства изъ вѣденія государственной власти (?!), ослабленіе зависимости прокуратуры отъ генералъ-прокурора (?), неправильная организація слѣдователей, самоуправленіе адвокатской корпораціи, присяжные съ улицы, выборные и выдѣленные изъ общаго суда мировые судьи, предостав-

[1]) Итакъ, весь смыслъ упраздненія третьяго отдѣленія заключался въ „объединеніи полиціи“? Сколько намъ помнится, не это привѣтствовали въ немъ даже „Московскія Вѣдомости“ 1880 года.

леніе судьямъ права толковать законъ по общему его смыслу, университетскій уставъ 1863 г., отдача народнаго образованія въ завѣдываніе земскихъ дилеттантовъ и развращающихъ *развивателей*. А отмѣна тѣлесныхъ наказаній вѣчно памятнымъ указомъ 17-го апрѣля 1863 г.? Ея не оказывается ни между овцами, ни между козлищами; но можно ли сомнѣваться въ томъ, что, по общему духу перечня, ея мѣсто—въ послѣдней его части? Мы едва ли ошибемся, впрочемъ, если скажемъ, что, при нѣсколько бо̀льшей откровенности или послѣдовательности со стороны составителей перечня, нѣкоторымъ изъ овецъ пришлось бы очутиться въ разрядѣ козлищъ. Если московская газета стояла и стоитъ за гласность судопроизводства, то почему же она не сказала ни слова противъ закона 12-го февраля 1887 г., существенно ограничившаго эту основную черту судебной реформы? Если она одобряетъ состязательность процесса, то какимъ же образомъ она можетъ отвергать „самоуправленіе адвокатской корпораціи“, безъ котораго, особенно на нашей почвѣ, немыслима равноправность обвинителя и защитника, а слѣдовательно и свобода защиты? Если цѣлесообразно было установленіе особаго мѣстнаго суда для мелкихъ дѣлъ, то почему же желательна теперь его замѣна административною карательною властью? Если общія судебныя установленія должны быть независимы отъ административныхъ, то гдѣ же разумный поводъ къ зависимости отъ нихъ мирового суда или учрежденія, заступающаго его мѣсто? Если своевременны и полезны были льготы, данныя печати въ 1865 г., то можетъ ли идти рѣчь о свободѣ печати, разъ что она потеряла бо̀льшую часть этихъ льготъ [1])?.. Не говоримъ уже о томъ, что зависимость прокуратуры отъ генералъ прокурора (т.-е. отъ министра юстиціи) у насъ никогда не ослаблялась, судебное вѣдомство изъ вѣденія государственной власти никогда не выдѣлялось, народное образованіе въ завѣдываніе „земскихъ дилеттантовъ“ никогда не отдавалось. Кому же не извѣстно, что подобныя „неточности“ —необходимая и неизбѣжная принадлежность аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“?

Стараясь развѣнчать и унизить „великую эпоху реформъ“, публицисты Страстного бульвара сравниваютъ ее съ прежними аналогичными періодами русской исторіи. Свободными отъ ошибокъ—такъ разсуждаетъ московская газета—не были даже реформы Петра Великаго; „если даже онѣ подвергались, по указаніямъ опыта, существеннымъ перемѣнамъ, то ужъ реформы нашего вѣка, совершонныя гораздо менѣе геніальными преобразователями, еще менѣе должны

[1]) Припомнимъ знаменитый софизмъ Каткова, гласящій, что нѣтъ и не было печати болѣе независимой, чѣмъ русская.

отличаться притязаніемъ на неприкосновенность. Мы склонны называть *великою эпохою реформъ* царствованіе Петра Великаго, даже Екатерины II; но прошлое царствованіе должно быть признано въ бо́льшей мѣрѣ эпохой новшества и вызваннаго имъ государственнаго кризиса, нежели эпохой реформъ, такъ какъ оно отличалось не столько реформированіемъ старыхъ порядковъ, сколько насажденіемъ на Руси совершенно новыхъ началъ". Итакъ, реформы Петра Великаго были не „новшествомъ", а только починкой московскихъ учрежденій? Онѣ не возбудили никакого „государственнаго кризиса", были приняты народомъ совершенно спокойно и охотно? Екатерина II ничего не заимствовала изъ современныхъ ей философскихъ и политическихъ ученій?.. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія эпоха Александра II ничѣмъ существенно не разнится отъ эпохъ Петра и Екатерины. Если *преобразователи* прошлаго вѣка и были геніальнѣе ихъ преемниковъ, то это еще не значитъ, что позднѣйшія *преобразованія* уступаютъ болѣе раннимъ. Реформы Петра создали могущественное государство, но ничего непосредственно не сдѣлали для народной массы; онѣ открыли передъ Россіей великое будущее, но оставили русскихъ еще болѣе бѣдствующими и порабощенными, чѣмъ прежде. То же самое можно сказать съ еще большимъ правомъ и о реформахъ Екатерины. Реформы прошедшаго царствованія велики именно тѣмъ, что онѣ были предприняты въ пользу всего народа. Конечно, онѣ не были непогрѣшимы; „неприкосновенными" не считалъ и не считаетъ ихъ ни одинъ изъ искреннихъ ихъ защитниковъ,—но слабая ихъ сторона заключалась не въ томъ, что онѣ шли слишкомъ далеко и измѣняли слишкомъ многое. Наоборотъ, ни одна изъ нихъ не была доведена до конца, ни одна изъ нихъ не сохранила даже своихъ первоначальныхъ размѣровъ. Отсюда недостатки, эксплуатируемые теперь принципіальными врагами преобразованій. Стоять за „великую эпоху реформъ"—не значитъ слѣпо вѣрить въ каждую ихъ букву; это значитъ только желать ихъ дальнѣйшаго, нормальнаго развитія, или, по меньшей мѣрѣ, предохраненія ихъ отъ „поправокъ", равносильныхъ уничтоженію и ломкѣ

ЗЕМСКО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО.

I.

Едва ли не самая трудная задача изъ всѣхъ возложенныхъ правительствомъ на земскія учрежденія—оказаніе помощи населенію въ годины продовольственныхъ невзгодъ. Трудность удовлетворительнаго выполненія подобной задачи находится, конечно, въ зависимости отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлено было мѣстами крестьянское хозяйство послѣ 19-го февраля 1861 г. Недостаточные надѣлы, въ большинствѣ случаевъ, урѣзанные противъ нормальныхъ [1]), высокіе платежи, лежащіе на землѣ и значительно превышавшіе, особенно въ первое время, ея доходность, наконецъ масса второстепенныхъ неблагопріятныхъ условій породили собою постепенное ослабленіе хозяйственныхъ силъ сельскаго населенія. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ недостатокъ у населенія средствъ для своего продовольствія и обсѣменѣнія полей утратилъ характеръ случайнаго бѣдствія, и для многихъ мѣстностей Россіи превратился въ нормальное явленіе, повторяющееся чуть ли не ежегодно.

При существующей организаціи продовольственнаго дѣла у насъ имѣются три инстанціи, которыя въ восходящемъ порядкѣ приходятъ на помощь нуждающейся деревнѣ. Нормальнымъ и постояннымъ источникомъ помощи должны служить собственныя запасныя средства сельскихъ обществъ въ видѣ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ или денежныхъ капиталовъ. Въ случаѣ особенныхъ бѣдствій, на помощь являются губернскіе продовольственные капиталы, изъ которыхъ уѣздныя земства получаютъ ссуды, если у нихъ не хватаетъ собственныхъ средствъ для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія.

Но, какъ мы уже сказали, земствамъ, въ первые же годы ихъ дѣятельности, въ области оказанія продовольственной помощи населенію, пришлось стать лицомъ къ лицу не съ случайными бѣдствіями, а съ постоянными нуждами населенія въ такой помощи. Такъ, еще въ 1869 г. черниговская губ. управа доложила собранію, что въ теченіе 1867, 1868 и 1869 гг. только двумъ уѣздамъ—мглинскому и суражскому — выдано въ „ссуду“ 146 т. р.—сумма, равняющаяся почти

[1]) Нормальные надѣлы—тѣ, которыми владѣли крестьяне при крѣпостномъ правѣ.

половинѣ всего губ. продовольственнаго капитала. Несмотря на это, указанные уѣзды испрашиваютъ новые кредиты. „Такія безконечныя требованія двухъ уѣздовъ,—говорится въ докладѣ,—грозящія истребленіемъ всего губ. продовольственнаго капитала, обращаютъ на себя очень серьезное вниманіе, требующее избрать необходимый выходъ изъ такого тяжкаго положенія". Самое же экономическое положеніе населенія докладъ рисуетъ въ слѣдующемъ видѣ: „Большинство населенія суражскаго уѣзда, не имѣя вовсе хлѣба, употребляютъ вмѣсто муки перемолотыя травы: костеръ, синецъ, хвонецъ съ примѣсью макухи и жолудей". Естественно, что ссуды, выдаваемыя населенію, находящемуся въ такомъ положеніи, не только не возвращаются, но, по словамъ доклада, „и не имѣется основаній ожидать возврата этой недоимки, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ". Въ послѣдующіе годы злополучные уѣзды не переставали вновь обращаться къ земствамъ за помощью. Въ концѣ же концовъ черниговское губ. земство сдѣлало слѣдующее постановленіе: „Истощивъ всѣ средства и пособія, находящіяся въ его распоряженіи, земство черниговской губ. считаетъ священнымъ долгомъ предоставить на благоусмотрѣніе правительства ходатайство о томъ, чтобы была назначена особая, составленная изъ представителей различныхъ вѣдомствъ, коммиссія для изслѣдованія положенія нуждающихся мѣстностей, причинъ, породившихъ бѣдственное положеніе поселянъ, и изысканія мѣръ къ улучшенію ихъ быта" [1]).

Въ такомъ же положеніи, по отношенію къ продовольственному дѣлу, оказалось и огромное большинство другихъ земствъ, считавшихъ нужнымъ дѣлать однородныя заявленія съ заявленіемъ черниговскаго земства. Въ 1867 г. тверскому губ. земскому собранію было доложено, что „послѣ 19-го февраля неурожаи у обѣднѣвшихъ крестьянъ становятся *нормальнымъ видомъ сельскаго хозяйства*, и что, слѣдовательно, сохранить продовольственный капиталъ, какъ средство постояннаго обезпеченія, невозможно. Земству въ скоромъ времени предстоитъ обратиться къ помощи общаго продовольственнаго капитала". На основаніи этихъ соображеній собраніе постановило: „сдѣлать представленіе высшему правительству о быстро распространяющемся повсемѣстно въ губерніи обѣднѣніи крестьянъ, чтобы правительство, въ виду истощенія средствъ земствъ, могло своевременно принять мѣры, выходящія изъ круга средствъ земства и превышающія его вѣденіе, къ предотвращенію развивающагося съ такою силою упадка крестьянскаго хозяйства". Въ томъ же году предсѣдатель тверской губ. земской управы, князь Мещерскій, счелъ нужнымъ

[1]) Сводъ постановленій черниговскаго губ. земства 1865—1882 г.

доложить министру внутреннихъ дѣлъ, „что нѣкоторые уѣзды отъ постоянныхъ неурожаевъ въ послѣдніе годы пришли въ такое затруднительное положеніе, что не могутъ быть выведены изъ него средствами губ. продовольственнаго капитала, безъ совершеннаго разстройства послѣдняго“ [1]).

На почвѣ такого разстройства крестьянскаго хозяйства создалось и въ высшей степени затруднительное положеніе земства при выполненіи имъ своихъ обязанностей по удовлетворенію продовольственныхъ нуждъ населенія. Нуждающееся населеніе прежде всего, выражаясь языкомъ земскихъ докладовъ, принялось „за расхищеніе“ тѣхъ средствъ, которыя находились въ его непосредственномъ вѣденіи, т.-е. общественныхъ запасныхъ магазиновъ. Запасы, хранившіеся въ магазинахъ, въ большинствѣ случаевъ потреблены населеніемъ еще въ періодъ съ 1861 по 1865 г., т.-е. до введенія земскихъ учрежденій и передачи имъ надзора за правильнымъ расходованіемъ подобныхъ запасовъ. Объ этомъ, между прочимъ, заявлено было на одномъ изъ первыхъ же собраній тверского губ. земства. Смоленское земство въ своемъ ходатайствѣ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ также заявило, что „никакихъ хлѣбныхъ запасовъ не передано въ вѣденіе земства, такъ какъ ко времени открытія его эти запасы были разобраны крестьянами и въ большинствѣ случаевъ даже самыя строенія запасныхъ магазиновъ уничтожены“ [2]). Костромская губ. управа доложила собранію въ 1884 г., что „большинство запасовъ существуетъ лишь на бумагѣ. Слабость надзора за положеніемъ запасныхъ магазиновъ сдѣлала растрату хлѣба явленіемъ, постоянно возрастающимъ. Разсчитывать серьезно на хранящійся въ сельскихъ магазинахъ хлѣбъ совершенно невозможно“ [3]). Нолинская (вятской губ.) уѣздная управа въ отчетѣ о своихъ дѣйствіяхъ за 1883-84 гг. высказала, что „съ запасными хлѣбными магазинами продолжалась за означенный годъ прежняя исторія постепеннаго ихъ опустѣнія. Наличность запасовъ съ каждымъ годомъ сокращается и сокращается; недоимка озимаго хлѣба доросла еще до полторы четверти на каждую рев. душу“. Если же запасы гдѣ и существуютъ, то „въ мѣстностяхъ болѣе счастливыхъ и состоятельныхъ, а гдѣ земля плохо родитъ, тамъ одна надежда на продовольственный капиталъ – запасы всѣ истощены“ [4]). Въ брянскомъ уѣздѣ орловской губ., по докладу управы, „съ тѣхъ поръ какъ въ неурожайные годы запасы въ сельскихъ магазинахъ были разобраны, частью самовольно, частью съ разрѣшенія управы,

[1]) Сводъ матеріаловъ для исторіи тверского губ. земства. Т. IV.
[2]) Журн. постановленіе 27-го февраля 1869 г., № 1984.
[3]) Земскій Ежегодникъ за 1884 г., № 874.
[4]) Ibid. 900.

пополненіе хлѣбныхъ недоимокъ стало немыслимо, всѣ понудительныя мѣры остались безъ послѣдствій", и вмѣсто 51 т. четвертей хлѣба, его имѣется лишь 2 т. четвертей [1]). Земскому собранію петербургской губ. также доложено было управою, что ей „извѣстно о повсемѣстномъ почти истощеніи хлѣбозапасныхъ магазиновъ, составляющихъ главный источникъ обезпеченія народнаго на мѣстахъ продовольствія" [2]). Въ рязанской губ. „магазины почти всегда пусты, весьма рѣдко и кое-какъ ремонтируются, а у многихъ обществъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ" [3]). Въ тамбовской губ. изъ представленныхъ послѣднему очередному губ. земскому собранію данныхъ видно, что въ 2.554 запасныхъ магазинахъ вмѣсто 900 т. четвер. озимаго хлѣба на-лицо состоитъ лишь 148 т. четв. По словамъ управы, „бо́льшая часть магазиновъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи, совершенно непригодномъ для храненія хлѣба. Значительное число самовольно заложено крестьянами и продано, а деньги разобраны по рукамъ. Несмотря на всѣ заботы земства и администраціи, засыпка хлѣба въ теченіе многихъ лѣтъ сряду производилась крайне неисправно".

Вообще, можно сказать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне наиболѣе нуждаются въ продовольственной помощи, общественные хлѣбные запасы отсутствуютъ, и всѣ заботы какъ земства, такъ и администраціи, направленныя на ихъ образованіе и поддержаніе, оказываются безплодными. Совершенно понятно, однако, что запасы про черный день можетъ дѣлать только человѣкъ съ бо́льшимъ или мѣньшимъ достаткомъ, а не безпрерывно нуждающійся. Такимъ образомъ, продовольственное дѣло постепенно утрачивало характеръ организованной самопомощи, путемъ образованія запасныхъ средствъ за счетъ самого населенія. Уже въ самомъ началѣ земской дѣятельности губернскіе продовольственные капиталы изъ экстраординарнаго источника ссудъ превратились поэтому въ ординарный. Но этотъ источникъ ссудъ постигаетъ, къ сожалѣнію, та же судьба, что и запасные общественные магазины. Ссуды требуются и даются, но не возвращаются своевременно, благодаря чему значительная часть губ. продовольственныхъ капиталовъ числится въ недоимкахъ за населеніемъ, иногда безнадежно. Между тѣмъ потребность населенія въ продовольственной помощи съ каждымъ годомъ усиливалась, и земства принуждены были обращаться къ правительству съ ходатайствомъ о позаимствованіяхъ изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала. Ссуды опять разрѣшались, выдавались; возвращались же

[1]) Ibid. 902.
[2]) Ibid. 931.
[3]) Ibid. 932.

весьма туго. Въ концѣ концовъ, многія земства лишились главнаго источника продовольственныхъ средствъ въ видѣ запасныхъ магазиновъ, истратили почти весь свой капиталъ и оказались въ большомъ долгу у правительства, погашеніе котораго является для нихъ непосильнымъ.

Такова исторія земско-продовольственнаго дѣла во всѣхъ почти губерніяхъ. Въ одной изъ самыхъ хлѣбородныхъ, напр., губерній—екатеринославской—долгъ губ. земства въ общеимперскій продовольственный капиталъ простирался въ 1884 г. до 850 т. р. Собраніе, вслѣдствіе доклада управы о томъ, что возвращеніе этого долга „положительно невозможно, вслѣдствіе отсутствія средствъ у населенія, воспользовавшагося ссудой", постановило ходатайствовать о разсрочкѣ уплаты его на пять лѣтъ. Но уже въ 1886 г. земство принуждено было испросить у правительства новую ссуду въ размѣрѣ 300 т. р. Въ другой южной губ.—таврической—долгъ земства въ имперскій продовольственный капиталъ, постепенно наростая, достигъ къ 1-му января солидной суммы — 900 т. р., изъ которыхъ возвращена населеніемъ только половина; другая же числится въ недоимкахъ. Въ другихъ черноземныхъ губерніяхъ продовольственное дѣло обстоитъ не въ лучшемъ видѣ. Ревизіонная коммиссія, избранная харьковскимъ губ. зем. собраніемъ прошлаго года, обнаружила чрезвычайно печальное положеніе продовольственныхъ средствъ. Населеніе губерніи должно въ губ. продовольственный капиталъ около 500 т. р. и въ общеимперскій — болѣе 200 т. р. Въ силу высочайшаго повелѣнія, уплата послѣдняго долга разсрочена на 6 лѣтъ. Но въ первый же годъ земствомъ получено недобора по взысканію этого долга около 30 т. р., который и придется покрыть, вѣроятно, изъ смѣтныхъ суммъ. Точно также и для саратовской губ. правительство принуждено было отсрочить погашеніе ссуды въ общій капиталъ, числящійся за населеніемъ въ размѣрѣ около 500 т. р. Но и здѣсь въ 1887 г. „ожидалось къ поступленію" по возвращенію долга населеніемъ 252 т. р.; на самомъ же дѣлѣ поступило лишь около 40 т. р. Неурожай 1883 года въ орловской губ. побудилъ мѣстное земство, за истощеніемъ собственныхъ средствъ, ходатайствовать о ссудѣ изъ общаго капитала въ 300 т. р. Самою злополучною, однако, губерніей изъ района, именуемаго „житницей Россіи", является самарская. Населеніе ея въ разное время и изъ разныхъ продовольственныхъ источниковъ получило ссудъ на сумму около 7 мил. р. Изъ нихъ до $1^1/_2$ мил. руб. числится въ недоимкахъ по долгу въ имперскій продовольственный капиталъ. По обычаю возбуждено было ходатайство объ отсрочкѣ, уваженное мин. внутр. дѣлъ, разложившаго уплату его на 6 лѣтъ, начиная съ ны-

нѣшняго года. Но на исправное поступленіе платежей съ населенія въ счетъ погашенія ссуды надежды очень мало, и земствамъ придется значительную часть взносовъ дѣлать изъ собственныхъ средствъ.

Въ губерніяхъ нечерноземныхъ положеніе земско-продовольственнаго дѣла еще печальнѣе. Такъ, въ казанской губ. всѣхъ продовольственныхъ долговъ числилось въ 1884 г. за населеніемъ болѣе 6 мил. руб.; изъ нихъ въ имперскій продовольственный капиталъ — около 1.300 т. р. Возвратъ послѣдней ссуды разсроченъ правительствомъ, но земства питаютъ весьма мало увѣренности въ дѣйствительномъ поступленіи опредѣленныхъ ими ежегодныхъ взносовъ. Въ уфимской губ., по докладу управы въ 1884 г., дѣло народнаго продовольствія находится „въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ“. Въ томъ же году земствомъ исходатайствована у правительства ссуда въ 150 т. р. Въ минувшемъ году уфимскія земства вновь обратились къ займу изъ общеимперскаго капитала въ размѣрѣ 300 т. р. въ виду необходимости принять мѣры къ прекращенію голоднаго тифа, свирѣпствовавшаго во всѣхъ почти уѣздахъ. С.-петербургская губ. земская управа неоднократно докладывала собранію о безотрадномъ состояніи счетовъ губ. продовольственнаго капитала, „бо́льшая часть котораго числится въ недоимкахъ за уѣздами, которые, несмотря на это, ходатайствуютъ объ открытіи имъ новыхъ кредитовъ для выдачи ссудъ какъ на продовольствіе, такъ и на обсѣменѣніе полей“ [1]). Точно также непосильными долгами по ссудамъ изъ разнаго рода капиталовъ обремененo населеніе губерній вятской, смоленской, тверской, новгородской, псковской, рязанской.

Въ общемъ результатѣ, за весьма немногими исключеніями, земства принуждены жертвовать на удовлетвореніе ежегодно предъявляемыхъ населеніемъ требованій въ ссудахъ своими продовольственными капиталами и обращаться къ правительству съ ходатайствами объ отпускѣ средствъ изъ общеимперскаго капитала. Но при всемъ томъ большинство земствъ поставлено въ необходимость очень часто отказывать въ ссудахъ и сознавать, что его помощь является каплей въ морѣ крестьянской нужды. При томъ условіи, что потребность населенія въ ссудахъ представляется не результатомъ какихъ-нибудь экстраординарныхъ бѣдствій, а плодомъ постепеннаго разстройства крестьянскаго хозяйства, на земскихъ собраніяхъ неоднократно выражалось сомнѣніе въ цѣлесообразности самыхъ способовъ оказанія продовольственной помощи населенію. Многія земства находили гораздо болѣе цѣлесообразнымъ ассигновать часть продовольственныхъ капиталовъ на удовлетвореніе собственно хозяйственныхъ нуждъ

[1]) Земскій Ежегодн. за 1884 г.

населенія: пріобрѣтеніе безлошадными рабочаго скота, особенно послѣ эпизоотій, покупку необходимыхъ угодій, организацію кредита и т. д. Образованная въ 1871 г. тверскимъ губ. земскимъ собраніемъ комиссія пришла, напр., къ заключенію, что, „при неимѣніи въ достаточномъ количествѣ скота и лошадей, выдача ссудъ на обсѣменѣніе полей не достигаетъ цѣли и только обременяетъ продовольственный капиталъ безнадежными недоимками. Народное продовольствіе было бы несравненно болѣе обезпечено, еслибы продовольственный капиталъ получилъ болѣе широкое назначеніе, употребляясь не на одно только продовольствіе народа, но и на поддержаніе крестьянскаго хлѣбопашества вообще".

Дѣйствительно, разсматривая исторію продовольственнаго дѣла въ разныхъ губерніяхъ, мы видимъ, что въ каждой изъ нихъ имѣются отдѣльные злополучные районы, населеніе которыхъ находится въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Они требуютъ ежегодной помощи, хотя эта помощь нисколько не измѣняетъ причинъ, породившихъ необходимость ея. Требованія, такимъ образомъ, продолжаютъ предъявляться въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и совершенно истощаютъ земско-продовольственныя средства. Единовременное крупное пособіе или ссуда на устраненіе самыхъ неблагопріятныхъ условій въ хозяйствѣ естественно явилось бы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гораздо болѣе раціональнымъ дѣломъ, чѣмъ ежегодныя продовольственныя подачки. Но министерство внутреннихъ дѣлъ отклоняло ходатайства земствъ въ этомъ смыслѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, „неудобство оказанія долгосрочныхъ ссудъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что сравнительная съ краткосрочными ссудами легкость ихъ возвращенія нерѣдко побуждаетъ нуждающихся просить ссуды въ размѣрахъ, превышающихъ дѣйствительную надобность, ослабляя въ то же время побужденіе къ пріисканію заработковъ [1]) и ограниченію своихъ потребностей необходимѣйшими предметами продовольствія". Кромѣ того, земствамъ неоднократно было подтверждаемо, что, по положенію о земствахъ, продовольственнымъ капиталамъ не можетъ быть даваемо никакого другого употребленія, кромѣ оказанія ссудъ на обсѣменѣніе полей и продовольствіе населенія.

Но на практикѣ, какъ мы видѣли, мелкія краткосрочныя ссуды силою вещей превращаются въ долгосрочныя и крупныя — путемъ накопленія недоимокъ и дѣлаемыхъ разсрочекъ по ихъ погашенію. Такимъ образомъ, еслибы земства сразу стали на почву выдачи крупныхъ ссудъ и долгосрочныхъ ссудъ, то положеніе земско-продовольственныхъ средствъ во всякомъ случаѣ не измѣнилось бы къ

[1]) Сводъ матеріаловъ для исторіи тверского губ. земства.

худшему. Наличность ихъ осталась бы та же, между тѣмъ послѣдняго рода ссуды оказали бы населенію гораздо большую пользу, а въ виду указываемой министерствомъ внутр. дѣлъ „легкости ихъ возвращенія“ самые продовольственные долги могли бы считаться болѣе надежными въ этомъ смыслѣ.

II.

Если общее неудовлетворительное положеніе земско-продовольственнаго дѣла находится, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ прогрессирующаго упадка благосостоянія крестьянъ, то нельзя сказать, чтобы недостатки въ самой организаціи оказанія продовольственной помощи не заслуживали никакого вниманія. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ должно быть поставлено существованіе правила, по которому ссуды изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала выдаются лишь подъ условіемъ отвѣтственности и ручательства губернскихъ земствъ за своевременное производство ежегодныхъ платежей, съ тѣмъ, что если за какой-нибудь не была уплачена причитающаяся часть, то она должна вноситься въ подлежащія смѣты земства, на общемъ основаніи. Другими словами, въ случаѣ несостоятельности получившаго ссуду населенія, земства должны производить ссуды изъ общихъ своихъ ежегодныхъ средствъ.

Благодаря установленію подобнаго правила, многія земства принуждены вовсе отказываться отъ помощи общаго продовольственнаго капитала, каковы бы ни были нужды населенія въ ссудахъ. Нельзя думать, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло въ виду достиженіе именно этой задачи. Дѣйствительно, послѣ установленія правила 27-го іюля 1883 г. земства съ администраціей помѣнялись ролями. Въ виду отказа многихъ земствъ отъ ссуды изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала признано было необходимымъ предоставить губернаторамъ пользоваться ст. 1826 полож. о зем., по которой, „если земскими учрежденіями не будутъ выполнены обязательныя повинности, то губернаторъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ право приступить къ выполненію ихъ за счетъ земства“. Когда губ. земство, такимъ образомъ, не сознавая себя въ состояніи принять ручательство за своевременное возвращеніе правительству ссудъ, стало отъ нихъ отказываться, то губернская администрація получала ихъ помимо земства, хотя отвѣтственность по возвращенію ссудъ все-таки съ земствъ не снималась.

Земствамъ пришлось выслушать не мало упрековъ по поводу того, что нѣкоторыя изъ нихъ не только не желали ходатайствовать о

выдачѣ продовольственныхъ ссудъ изъ общаго капитала, но даже протестовали противъ ходатайства объ этомъ губернской администраціи. Земства и администрація, какъ мы замѣтили, помѣнялись ролями. Такъ, казанское губ. земское собраніе возбудило цѣлый рядъ ходатайствъ объ ограниченіи полномочій губ. администраціи испрашивать ссуды помимо постановленій самихъ земствъ. Собраніе, напр., ходатайствовало, чтобы былъ установленъ максимальный размѣръ этого рода ссудъ, и чтобы представленія о разрѣшеніи ихъ сопровождались заключеніями управъ о степени нуждъ населенія. Все это, конечно, клонилось къ желанію ограничить щедрость администраціи. Надо, однако, признаться, что у земствъ въ данномъ случаѣ имѣются свои смягчающія вину обстоятельства. Ссуды нѣкоторыми отдѣльными мѣстностями испрашивались почти ежегодно и никогда полностію не возвращались. При условіи же отвѣтственности земства за своевременное возвращеніе ихъ, на погашеніе ихъ могла, въ концѣ концовъ, уходить, болѣе или менѣе, значительная часть земскихъ бюджетовъ. На томъ же казанскомъ земскомъ собраніи высказано было, что „цифра этой новой обязательной статьи земской росписи, ничѣмъ не ограниченной, кромѣ личнаго воззрѣнія администраціи, можетъ дойти не только до десятковъ, но и до сотенъ тысячъ и, такимъ образомъ, окончательно разстроить земское хозяйство". Другими словами, земствамъ пришлось бы отказаться отъ удовлетворенія всѣхъ потребностей населенія и тратить свои средства на кормленіе изъ года въ годъ злополучныхъ мѣстностей. Опасенія подобнаго рода высказаны были и земствами другихъ губерній. Костромская губ. управа доказывала собранію, что послѣ установленія земской отвѣтственности за возвращеніе ссудъ, платежи по нимъ лягутъ всею тяжестью на земскій бюджетъ, и „останется одинъ способъ покрыть расходы — это сократить или совершенно прекратить выдачу суммъ на другія земскія потребности, какъ напр. на народное образованіе, на медицинскую часть и т. д." Наконецъ, нѣкоторыя земства справедливо указывали, что ручательство земствъ обременительно для нихъ еще и въ виду того, что взысканіе продовольственныхъ долговъ находится въ рукахъ агентовъ, совершенно независимыхъ отъ земства. Въ общемъ, такимъ образомъ, положеніе земствъ при выдачѣ населенію ссудъ изъ общеимперскаго капитала чрезвычайно затруднительно.

Что касается неудовлетворительнаго состоянія собственныхъ крестьянскихъ запасныхъ средствъ, то здѣсь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе проявляется несоотвѣтствіе между организаціей продовольственнаго дѣла и тѣмъ, что представляетъ собою въ настоящее время крестьянское общество. Образованіе продовольственныхъ запасовъ попрежнему составляетъ коллективное дѣло общества. Но

всякое коллективное предпріятіе можетъ пользоваться успѣхомъ лишь при равенствѣ силъ и потребностей участниковъ. Между тѣмъ этого равенства и не наблюдается въ современномъ крестьянскомъ обществѣ. Насколько можно судить по земско-статистическимъ даннымъ, въ настоящее время въ деревнѣ отъ 20 до 30% крестьянъ принадлежатъ къ числу вполнѣ несостоятельныхъ хозяевъ, около 10%—образовали собою группу богачей, и лишь остальные 60% пользуются нормальнымъ достаткомъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ указанныхъ трехъ группъ, на которыя разбивается общество, первая всегда нуждается и никакихъ запасовъ дѣлать не можетъ, а вторая вовсе не нуждается ни въ какихъ мірскихъ запасахъ. Дѣйствуя съ двухъ противоположныхъ концовъ, обѣ эти группы общинниковъ въ значительной степени подрываютъ возможность организовать самопомощь въ томъ или другомъ видѣ. На нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ гласные выяснили, что запасные общественные магазины упразднены въ виду того, что помощью изъ нихъ пользовались по преимуществу бѣдняки, никогда не возвращавшіе затѣмъ ссудъ". Зажиточные крестьяне заявляютъ, что они не желаютъ ссыпать хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы бѣдняки по веснѣ его разобрали.

Въ прежнее время у крестьянъ однимъ изъ источниковъ засыпки магазиновъ служили общественныя запашки. Но въ настоящее время, несмотря на всякія мѣропріятія со стороны земства и администраціи, общественныя запашки повсюду исчезаютъ. Причиной этого явленія опять-таки служитъ неравенство хозяйственныхъ силъ общинниковъ, при которомъ коллективная обработка участка земли дѣлается затруднительною. Въ обществахъ есть уже масса безземельныхъ, сдавшихъ свои надѣлы и уходящихъ на лѣтніе заработки, есть еще бо́льшая часть безлошадныхъ и т. д. Выдѣленіе или наемъ участка земли подъ общественную запашку и равномѣрное распредѣленіе между общинниками работъ при такихъ условіяхъ почти невозможно. Остается для поддержанія запашекъ одно средство—это принужденіе. Но и въ послѣднемъ случаѣ работающіе изъ-подъ палки крестьяне относятся къ обработкѣ этихъ участковъ очень небрежно, такъ что урожаи на нихъ бываютъ самые плохіе. Съ другой стороны, мы видимъ, что общественныя запашки и безо всякихъ мѣръ строгости продолжаютъ распространяться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общества сохранили свой прежній патріархальный строй и равенство благосостоянія. Въ послѣднее время многія земства возбуждаютъ ходатайство о принудительномъ введеніи въ сельскихъ обществахъ общественныхъ запашекъ. Но насколько полезны для крестьянъ запашки, образующіяся по ихъ собственной иниціативѣ, настолько же до сихъ поръ

оказывались безплодными всѣ попытки навязать коллективизмъ тамъ, гдѣ для него нѣтъ почвы.

Точно также желаніе имѣть дѣло съ крестьянскимъ обществомъ, какъ прежней патріархальной коллективной единицей, оказывается нецѣлесообразнымъ при выдачѣ крестьянамъ ссудъ изъ разнаго рода капиталовъ. Ссуды эти, какъ извѣстно, выдаются за круговой порукой всего общества и по его приговору. И вотъ состоятельная часть крестьянъ вовсе отказывается давать приговоры для полученія ссудъ, какъ бы ни нуждалась бѣднѣйшая часть общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда во главѣ крестьянской выборной администраціи стоятъ кулаки, пользующіеся именно на счетъ недостатка хлѣба у бѣдняковъ, то приговора добиться еще труднѣе. Кромѣ того, круговая порука вовсе парализируетъ самое благодѣтельное значеніе выдачи ссудъ. Въ виду существованія ея, крестьяне выдаютъ полученную ссуду не тѣмъ бѣднякамъ, которые въ ней нуждаются, а дѣлятъ поровну „по душамъ", между всѣми общинниками безъ различія состоятельности. Очевидно, что съ измѣненіями въ строѣ крестьянскихъ обществъ, происшедшими послѣ 19-го февраля, необходимо считаться.

Такое печальное положеніе земско-продовольственнаго дѣла и сознаніе земствъ, что они не могутъ, при существующихъ условіяхъ, удовлетворительно справиться съ возложенною на нихъ задачею, побудили нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ говорятъ, обратиться къ правительству съ ходатайствомъ объ учрежденіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой коммиссіи для пересмотра и измѣненія нынѣ дѣйствующихъ правилъ о народномъ продовольствіи, какъ „несоотвѣтствующихъ истинному положенію современнаго народнаго хозяйства". При этомъ земства высказываютъ просьбу, чтобы, въ случаѣ удовлетворенія ихъ ходатайства, въ коммиссію были приглашены земскіе представители. Подобная коммиссія, конечно, могла бы какъ выяснить нужды тѣхъ мѣстностей, населеніе которыхъ находится въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ и постоянно требуетъ помощи изъ продовольственныхъ запасовъ, такъ отчасти и найти средства вывести населеніе этихъ мѣстностей изъ такого положенія. Равнымъ образомъ, коммиссія могла бы устранить и тѣ недостатки, которые присущи самой организаціи продовольственнаго дѣла. Но, конечно, центръ тяжести при разрѣшеніи даннаго вопроса останется по прежнему въ необходимости общихъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію экономическаго благосостоянія сельскаго населенія, путемъ улучшенія тѣхъ условій, въ которыхъ находится теперь крестьянское хозяйство.—В. Б.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1889.

Политическія дѣла въ Германіи.—Консерватизмъ и соціальная реформа.—Внутреннія кризисы въ Венгріи, Италіи и Румыніи.—Колоніальная нѣмецкая политика.—Положеніе министерства въ Англіи.—Джонъ Брайтъ.—Новый фазисъ борьбы съ буланжизмомъ.—Жюль Ферри и его теорія „твердой власти".

Скоро исполнится годъ со смерти императора германскаго Фридриха III, но положеніе дѣлъ въ Германіи нисколько до сихъ поръ не оправдываетъ ни тѣхъ ожиданій, ни тѣхъ опасеній, какія высказывались при вступленіи на престолъ Вильгельма II. Съ одной стороны, внѣшняя политика остается, какъ и при его дѣдѣ Вильгельмѣ, сдержанною, миролюбивою,—никакой особенной предпріимчивости не обнаруживается въ этой области, а система вооруженнаго мира не болѣе какъ продолжается. Тройственный союзъ съ Австріею и Италіею по прежнему считается важнѣйшимъ оплотомъ спокойствія Европы и безопасности Германіи. Отношенія же ея къ Франціи далеко не столь натянуты, какъ въ недавнее время, въ періодъ пограничныхъ „инцидентовъ" и оффиціозныхъ газетныхъ угрозъ. Прекратилась также вызывающая полемика берлинской печати относительно Россіи. Внутренніе вопросы выступили, повидимому, на первый планъ.

Консервативное направленіе, котораго придерживается нынѣшнее германское правительство, могло бы быть признано во всякой другой странѣ даже слишкомъ либеральнымъ и прогрессивнымъ, такъ какъ оно все-таки опирается на значительное большинство имперскаго сейма и прусской палаты депутатовъ, хотя и встрѣчаетъ оппозицію въ прогрессивной части нѣмецкаго общества. Консерватизмъ же сказывается въ нѣкоторыхъ частныхъ мѣрахъ и проектахъ,—напримѣръ, въ попыткѣ расширить примѣненіе спеціальнаго закона о соціалистахъ и ограничить свободу печати; но эти мѣры имѣютъ второстепенное значеніе и въ сущности очень мало измѣняютъ общій правовой характеръ нѣмецкой политической жизни; Германія все-таки не можетъ быть названа Polizeistaat. Противъ серьезныхъ нарушеній общественныхъ правъ существуютъ достаточныя гарантіи въ законодательствѣ, въ палатахъ и въ общественномъ мнѣніи. Вся нѣмецкая журналистика горячо обсуждала недавно вопросъ о судьбѣ радикальной берлинской газеты „Volkszeitung", къ которой администрація примѣнила законъ о соціалистахъ, допускающій закрытіе изданій, ведущихъ соціалистиче-

скую пропаганду. Распоряженіе высшей полицейской власти было все-таки обжаловано собственниками газеты и потомъ отмѣнено имперскою комиссіею, такъ что законное право въ концѣ концовъ получило надлежащую охрану, безъ того, чтобы кто-нибудь видѣлъ въ этомъ колебаніе правительственнаго авторитета въ Германіи. Вообще, нельзя не признать, что нѣмецкій оффиціальный консерватизмъ не имѣетъ въ себѣ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ называется реакціею; очень часто онъ совмѣстимъ даже съ несомнѣнными реформаторскими тенденціями въ пользу низшихъ классовъ населенія. Правда, такъ-называемая соціальная реформа, предпринятая княземъ Бисмаркомъ, страдаетъ весьма существенными недостатками; но тѣмъ не менѣе она обнаруживаетъ дѣйствительную заботу объ улучшеніи быта рабочаго класса.

Проектъ страхованія рабочихъ на время старости и негодности къ труду принятъ былъ сочувственно консервативными группами имперскаго сейма, а между тѣмъ это безспорно одинъ изъ самыхъ слабыхъ соціальныхъ проектовъ канцлера. Въ немъ бросаются въ глаза двѣ характеристическія черты: во-первыхъ, чрезмѣрно высокій возрастъ, дающій право на пенсію, и ничтожество самыхъ пенсій, имѣющихъ будто бы обезпечить рабочихъ инвалидовъ. Страховыя суммы образуются изъ взносовъ самихъ рабочихъ, при участіи хозяевъ и имперскаго казначейства; государство должно давать свою долю средствъ для составленія имперской страховой кассы, а это послужитъ въ рукахъ правительства весьма сильнымъ орудіемъ воздѣйствія на рабочее населеніе. Молодые и здоровые работники будутъ обязательно дѣлать взносы, а пользоваться пенсіею будутъ только люди, достигшіе 70 лѣтъ или признанные неспособными къ работѣ. Такъ какъ очень немногіе изъ рабочихъ достигаютъ столь преклоннаго возраста, то мѣра останется совершенно безполезною для громаднаго большинства трудящихся и въ томъ числѣ для той именно категоріи ихъ, которую имѣлъ въ виду законодатель. Начинать счетъ старости только съ 70 лѣтъ, значитъ, очевидно, нарушать общепринятый смыслъ самого понятія о „старости“ и удлинять человѣческую жизнь гораздо дальше обычнаго ея предѣла, который чрезвычайно рѣдко достигается при неблагопріятныхъ житейскихъ условіяхъ наемнаго труда. Рабочіе, дожившіе, напримѣръ, до 60 лѣтъ и весь свой вѣкъ дѣлавшіе взносы въ страховую кассу, должны будутъ ждать еще десять лѣтъ, чтобы имѣть право называться старыми и получать скудную пенсію отъ 125 до 250 марокъ въ годъ. Пенсія явится весьма сомнительнымъ и слишкомъ дорого оплаченнымъ даромъ для людей, которымъ все равно приходится ожидать смерти. Предлагать нѣчто подобное рабочему классу, взамѣнъ чув-

ствительныхъ жертвъ съ его стороны, можно только по недоразумѣнію. Въ имперскомъ сеймѣ высказаны были вѣскіе доводы противъ этой странной особенности новаго закона; правительство даже согласилось сократить срокъ начала старости до 65 лѣтъ, но затѣмъ взяло почему-то обратно свое согласіе, и въ первомъ чтеніи проектъ принятъ парламентомъ въ первоначальномъ видѣ. Много говорилось также объ очевидной недостаточности пенсій для самаго бѣднаго существованія; по этому поводу составители проекта заявляли, что старики и инвалиды изъ рабочихъ могутъ выселяться изъ городовъ въ деревни и въ болѣе отдаленныя отъ центровъ мѣстности, причемъ, конечно, имъ пришлось бы на старости лѣтъ покинуть родныя семьи и привычныя условія жизни для отысканія новыхъ мѣстъ на чужбинѣ. Это предположеніе столь же странно, какъ и назначеніе минимальнаго возраста въ 70 лѣтъ для полученія пенсій. Еще одно обстоятельство дѣлаетъ эту реформу непопулярною въ рабочемъ классѣ,— это именно введеніе рабочихъ книжекъ, въ которыхъ будутъ записываться взносы рабочихъ и хозяевъ. Рабочія книжки, по которымъ наниматель будетъ имѣть точныя свѣденія о времени и мѣстѣ прежняго служенія работника, должны усилить чувство зависимости рабочихъ отъ хозяевъ, удерживать отъ частой перемѣны мѣстъ и занятій даже при очевидной ихъ невыгодности, въ виду возможности контроля и отказа со стороны тѣхъ предпринимателей, къ которымъ обратятся рабочіе, имѣющіе за собою, по случайнымъ причинамъ, слишкомъ перемѣнчивую карьеру.

Пока еще не выяснились истинные мотивы, побуждающіе правительство и парламентъ упорно отстаивать несостоятельныя положенія проекта, вопреки убѣдительнымъ доводамъ оппозиціи. Быть можетъ, правительство не рѣшается брать на свою отвѣтственность обезпеченіе всѣхъ стариковъ рабочихъ, опасаясь неосуществимости его въ финансовомъ отношеніи; оно какъ будто старается провести самый принципъ, предоставляя себѣ впослѣдствіи измѣнить условія выдачи пенсій и размѣръ ихъ, по указаніямъ опыта.

Международная политика Германіи, особенно интересующая европейскую и въ томъ числѣ нашу печать, ни въ чемъ не измѣнилась въ послѣднее время, какъ замѣчено уже выше; но она потерпѣла нѣкоторый нравственный ущербъ вслѣдствіе возрастающей непопулярности тройственнаго союза въ двухъ союзныхъ державахъ—въ Австро-Венгріи и Италіи. Вліятельнѣйшій элементъ австрійской монархіи, въ лицѣ мадьяръ, довелъ свои протесты противъ нѣмцевъ до уличныхъ волненій и до возбужденія министерскаго кризиса,— ибо агитація противъ военнаго закона и противъ употребленія нѣмецкаго языка въ венгерской арміи была несомнѣнно направлена

прежде всего противъ тягостныхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ союза съ Германіею. Венгерскій министръ-президентъ Тисса твердо выдержалъ бурю, которая сломила бы всякаго другого министра; но онъ вышелъ изъ борьбы съ значительно уменьшеннымъ авторитетомъ и могъ все это время сохранять власть только благодаря своевременнымъ уступкамъ, преобразовавъ свое министерство включеніемъ въ него двухъ видныхъ и талантливыхъ дѣятелей—депутатовъ Силаги и графа Сапари. Точно также произошелъ однородный кабинетный кризисъ и въ Италіи, гдѣ министръ-президентъ Криспи долженъ былъ выйти въ отставку подъ вліяніемъ неблагопріятнаго настроенія парламента; это враждебное настроеніе вызывалось и поддерживалось чрезмѣрною угодливостью министерства относительно Германіи,—угодливостью, доходившею до неумѣстнаго вызывающаго тона по отношенію къ сосѣдней Франціи и выражавшеюся притомъ въ непрерывномъ увеличеніи военнаго бюджета. Криспи, подобно Тиссѣ, съумѣлъ преобразовать кабинетъ, составленіе котораго было вновь поручено ему королемъ Гумбертомъ; онъ удержалъ власть въ своихъ рукахъ, заручившись содѣйствіемъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей парламентской оппозиціи. Новые итальянскіе министры вполнѣ сознаютъ ошибку, заключающуюся въ высокомѣрномъ разрывѣ торговыхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ; они желали бы поправить сдѣланный промахъ и проявляютъ замѣтную предупредительность относительно сосѣдней республики,—но послѣдняя не имѣетъ никакого повода стремиться къ возобновленію торговыхъ отношеній, которыя были наиболѣе выгодны для самой Италіи. Богатая Франція не имѣла никакого убытка отъ сокращенія ввоза итальянскихъ продуктовъ, но итальянскіе производители и торговцы пострадали весьма существенно. Никакая внѣшняя поддержка не замѣнитъ внутренней силы и богатства; итальянскіе правители, вздумавшіе смотрѣть на Францію свысока, получили урокъ, который, можетъ быть, окажется полезнымъ для будущаго.

Косвенный политическій ущербъ потерпѣла Германія и въ Румыніи, которая можетъ выйти изъ сферы интересовъ тройственнаго союза. При министерствѣ Братіано постоянно повторялись слухи о формальномъ присоединеніи небольшого королества къ центральной лигѣ мира; въ связи съ этимъ предпринимались дорого стоющія военныя сооруженія, которыя были бы совершенно излишни для государства вполнѣ нейтральнаго и обезпеченнаго въ своемъ нейтралитетѣ общимъ признаніемъ Европы. Та же политическая идея оставалась въ силѣ и при кабинетѣ Карпа-Розетти, не имѣвшемъ въ сущности большинства въ румынскомъ парламентѣ. Румынская оппозиція энергично возставала противъ личной политики короля Карла.

грозившей вовлечь страну въ серьезныя опасности изъ желанія угодить Германіи и Австріи. Патріоты настойчиво требовали возвращенія на путь безусловнаго нейтралитета, строго осуждали стремленіе правительства искать точки опоры въ Берлинѣ или Вѣнѣ и доходили до прямыхъ намековъ на неудобство иностранной династіи, вносящей соображенія фамильнаго родства въ область важнѣйшихъ интересовъ государства. Внутренній кризисъ продолжался долго и выражался часто въ бурныхъ парламентскихъ и уличныхъ сценахъ, напоминавшихъ волненія въ Пештѣ. Положеніе династіи Гогенцоллерновъ было и безъ того непрочно въ Румыніи, вслѣдствіе отсутствія потомства у короля Карла; племянникъ его, офицеръ прусской службы, объявленный наслѣдникомъ престола, останется долго чуждымъ иностранцемъ для румынскаго населенія, которое, конечно, не можетъ видѣть въ немъ гарантіи своего самостоятельнаго развитія въ будущемъ. Король вынужденъ былъ уступить, ради сохраненія общественнаго спокойствія; онъ рѣшился призвать къ власти стараго предводителя консервативной или національной партіи, Ласкара Катарджи, который и составилъ свой кабинетъ 12-го апрѣля (нов. ст.), при участіи нѣкоторыхъ членовъ бывшаго министерства. Министры заявили въ палатѣ, что политическая программа ихъ заключается главнымъ образомъ въ сохраненіи за Румыніею вполнѣ нейтральнаго положенія между сосѣдними великими державами, согласно дѣйствительнымъ потребностямъ и желаніямъ страны. Новое министерство принято палатою и общественнымъ мнѣніемъ весьма сочувственно. Всѣ сознаютъ, что Румынія, находясь въ сосѣдствѣ съ такими имперіями, какъ Россія и Австро-Венгрія, могла бы быть хотя и временно, но легко раздавлена въ случаѣ военнаго столкновенія между этими двумя соперницами на Востокѣ,—еслибы она выступила изъ своей естественной нейтральной роли и вздумала принять участіе въ борьбѣ. Единственное спасеніе Румыніи, какъ и другихъ небольшихъ балканскихъ государствъ, состоитъ именно въ отказѣ отъ всякой активной внѣшней политики, которая могла бы подвергнуть опасности самое существованіе королевства. Нельзя отрицать, что министерская перемѣна, происшедшая въ Бухарестѣ, не была пріятна для дипломатовъ Австріи и Германіи,—подобно тому какъ и совершившаяся раньше перемѣна въ Сербіи угрожала интересамъ вѣнскаго кабинета. Но было бы крайне ошибочно видѣть въ румынскихъ событіяхъ торжество не румынскихъ, а именно русскихъ интересовъ или русской партіи въ Румыніи, какъ склонны думать наши нѣкоторые публицисты,—точно такъ же какъ это было и будетъ невѣрно и относительно Сербіи. Перемѣны въ Бухарестѣ и въ Бѣлградѣ, въ связи съ однородными событіями въ Венгріи и Италіи, служатъ симптомами реакціи противъ односто-

ронней системы разорительныхъ союзовъ, усвоенной Германіею и распространяемой ею даже на небольшіе народы и государства,—но не болѣе того; ни въ Румыніи, ни въ Сербіи, никто не думаетъ господство одного сосѣда замѣнить господствомъ другого.

Германія потерпѣла отчасти неудачу и въ своей колоніальной политикѣ: изъ-за острововъ Самоа она возбудила неудовольствіе въ Соединенныхъ Штатахъ и должна была принять къ свѣденію категорическія возраженія вашингтонскаго кабинета, повторенныя весьма ясно въ посланіи къ конгрессу новаго американскаго президента Гаррисона. Министръ иностранныхъ дѣлъ великой республики, Джемсъ Блэнъ, извѣстенъ своею энергіею и настойчивостью; при немъ не можетъ быть и рѣчи объ уступчивости американцевъ въ вопросахъ, затрогивающихъ ихъ международные интересы. Такъ какъ никто въ Германіи не думаетъ ссориться съ Сѣверной Америкой, то задуманное нѣмцами предпріятіе останется безъ особыхъ результатовъ. Впечатлѣніе этой политической неудачи было бы само по себѣ неважно; но дѣло получило крайне тягостную окраску по причинѣ чисто-случайной: три военныхъ германскихъ корабля погибли отъ бури у тѣхъ же злополучныхъ острововъ Самоа, причемъ утонуло до ста человѣкъ матросовъ и офицеровъ. По замѣчанію нѣмецкихъ газетъ, императоръ Вильгельмъ II имѣлъ право перефразировать восклицаніе: „Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!"—по адресу руководителей новѣйшей колоніальной политики. Замѣтныхъ реальныхъ выгодъ отъ новыхъ колоній имперія пока также не имѣетъ, такъ что можно почти считать на нѣкоторое время законченнымъ короткій періодъ колоніальныхъ увлеченій Германіи.

Иностранныя газеты много занимались предполагаемымъ присоединеніемъ Англіи къ тройственному союзу,—по поводу недавней поѣздки графа Герберта Бисмарка въ Лондонъ. Нечего и говорить, что подобные толки совершенно не согласуются съ фактическимъ положеніемъ министерства Сольсбери и съ его парламентскими обязательствами. Кабинетъ держится только благодаря поддержкѣ значительной группы либераловъ, отпавшихъ отъ Гладстона изъ-за вопроса объ ирландской реформѣ, а эта либеральная группа ни въ какомъ случаѣ не допустила бы вовлеченія Англіи въ рискованныя внѣшнія комбинаціи и компликаціи.

Притомъ министерство Сольсбери утратило значительную долю своего авторитета вслѣдствіе прямого оффиціальнаго участія въ извѣстномъ походѣ газеты „Times" противъ популярнаго вождя Ирландіи, Парнелля,—походѣ, получившемъ самую неожиданную и плачевную развязку. Сущность этого дѣла, закончившагося фактически еще въ концѣ февраля, извѣстна уже изъ газетъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому

назадъ напечатанъ былъ въ „Times“'Ѣ длинный рядъ статей, вышедшихъ потомъ отдѣльною брошюрой, на тему о тѣсной связи „парнеллизма“ съ кровавыми преступленіями феніевъ. При этомъ газета напечатала факсимиле двухъ писемъ Парнелля, въ которыхъ выражено было полное одобреніе убійства лорда Кавендиша и Борка. Несмотря на категорическое заявленіе Парнелля въ парламентѣ о подложности этихъ писемъ, газета „Times“ упорно стояла на своемъ и поддерживала обвиненіе до послѣдняго времени, ссылаясь на имѣющіяся будто-бы безспорныя доказательства подлинности обнародованныхъ документовъ. Парнелль потребовалъ, наконецъ, назначенія слѣдственной коммиссіи для разбора дѣла, и повѣреннымъ газеты, т.-е. обвинителемъ, выступило оффиціальное лицо—генеральный атторней сэръ Ричардъ Уэбстеръ. Въ распоряженіе „Times“'а были даны полицейскіе сыщики, для разысканія новыхъ подтвердительныхъ данныхъ, такъ что газетное обвиненіе имѣло какъ будто характеръ оффиціальнаго, правительственнаго. Когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ судебнаго разбирательства, потраченныхъ на ненужный допросъ множества постороннихъ лицъ, было приступлено, наконецъ, къ провѣркѣ подлинности писемъ Парнелля, то къ общему изумленію обнаружилось, что тверлая увѣренность „Times“'а основана была единственно на непонятномъ довѣріи къ лицу, опозоренному судомъ и продавшему спорные документы за крупную сумму денегъ. Этотъ главный оплотъ обвиненія оказался обыкновеннымъ негодяемъ, поддѣлавшимъ письма только потому, что за нихъ можно было получить большія деньги. Подъ вліяніемъ продолжительнаго и безпощаднаго допроса со стороны адвоката Парнелля, сэра Чарльса Росселя, свидѣтель цинично сознался на судѣ въ своей продѣлкѣ и затѣмъ поторопился уѣхать изъ Англіи, послѣ чего застрѣлился въ Мадридѣ. Обвинитель считалъ долгомъ публично выразить сожалѣніе объ „ошибкѣ“ могущественнаго „органа Сити“, но это признаніе не могло ослабить громаднаго впечатлѣнія, произведеннаго на публику скандальнымъ результатомъ слѣдствія. Ударъ, постигшій газету „Times“, былъ косвенно ударомъ и для министерства, которое за нею скрывалось и ее поддерживало. Парнелль сдѣлался предметомъ восторженныхъ овацій тамъ, гдѣ къ нему питали до тѣхъ поръ непримиримую вражду; ему устраивались сочувственные митинги въ Лондонѣ, какъ бы для вознагражденія его за вопіющую несправедливость, отъ которой страдала его репутація въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Министерство не оправилось еще и едва ли оправится скоро отъ удара, нанесеннаго ему судебнымъ процессомъ въ концѣ февраля (нов. ст.), и шансы его на долговѣчность значительно ослабѣли. Возросла вновь прежняя популярность Гладстона, котораго думали окончательно компрометти-

ровать обвиненіемъ его союзника, Парнелля. На частныхъ парламентскихъ выборахъ одержаны были уже нѣкоторые успѣхи приверженцами либеральной оппозиціи. Самое дѣло ирландскаго самоуправленія выиграло въ глазахъ англичанъ въ виду злополучной развязки консервативно-газетнаго похода противъ парламентскаго предводителя Ирландіи. При подобныхъ обстоятельствахъ, министерство лорда Сольсбери не можетъ и думать о какомъ-либо внѣшнемъ союзѣ и тѣмъ болѣе о союзѣ съ первоклассною военною державою материка.

Недавно англійская либеральная партія лишилась одного изъ самыхъ блестящихъ ветерановъ своихъ—Джона Брайта. Онъ устранился отъ политической дѣятельности уже довольно давно и послѣ продолжительной болѣзни скончался на 78-мъ году жизни. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не отдѣляютъ принциповъ отъ практики, и для которыхъ идеалъ не есть пустое слово, долженствующее служить лишь для украшенія рѣчи и для пріобрѣтенія популярности. Его товарищъ по политикѣ, Гладстонъ, выразился о немъ, что онъ всегда готовъ былъ „принести свою популярность въ жертву на алтарь своего долга“. Двѣ основныя идеи руководили многолѣтнею политическою жизнью Брайта: идея свободы и ненависть къ войнѣ, какъ и ко всякому вообще насилію. Онъ принималъ энергическое участіе въ знаменитой борьбѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ и союзникомъ Кобденомъ. Онъ горячо возставалъ противъ крымской кампаніи, въ которую Англія вовлечена была лордомъ Пальмерстономъ и либеральнымъ общественнымъ мнѣніемъ; онъ говорилъ рѣшительно противъ войны съ Россіею, когда его голосъ могъ возбудить только неудовольствіе и раздраженіе. Онъ сознательно жертвовалъ своею популярностью и надолго дѣлалъ себя „невозможнымъ“ въ практическомъ смыслѣ, ради идеи справедливости и ради высшихъ интересовъ страны. Тѣ же горячіе протесты противъ войны и противъ поддержки турокъ повторялъ онъ во время послѣдняго восточнаго кризиса, при министерствѣ Биконсфильда. Будучи министромъ въ кабинетѣ Гладстона, онъ разошелся съ премьеромъ, когда тотъ призналъ нужнымъ бомбардировать Александрію. Брайтъ вышелъ тогда изъ министерства и съ тѣхъ поръ рѣдко выступалъ на поприще практической политики. Но онъ протестовалъ противъ введенія особаго парламента для Ирландіи, хотя всегда стоялъ за удовлетвореніе справедливыхъ ирландскихъ требованій. Онъ былъ свободенъ отъ мотивовъ честолюбія, которые столь часто овладѣваютъ талантливыми ораторами и общественными дѣятелями; какъ министръ, онъ былъ тѣмъ же строгимъ къ себѣ моралистомъ-квакеромъ, какъ и въ частной жизни. Воспитанный съ малыхъ лѣтъ

по здравой англійской системѣ, соединяющей старательную обработку ума съ развитіемъ физическихъ силъ и съ разнообразіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, Брайтъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей той крѣпкой англійской буржуазіи, которая, выросши на плечахъ рабочаго класса, умѣетъ по крайней мѣрѣ доставлять для служенія народу сильные политическіе характеры и таланты.

Французское правительство долго относилось пассивно къ агитаціи буланжистовъ и не обращало вообще вниманія на шумныя выходки ихъ въ печати, на митингахъ и банкетахъ, даже на улицахъ и площадяхъ. На этотъ разъ оно вдругъ измѣнило тактику и стало дѣйствовать рѣшительно и твердо, вспомнивъ почему-то о существованіи законовъ, которые раньше не примѣнялись. Продолжительное бездѣйствіе правосудія въ дѣлахъ политическихъ сказывается въ тѣхъ невольныхъ ошибкахъ, которыя дѣлаются теперь республиканцами при опредѣленіи законныхъ поводовъ и мѣръ для прекращенія революціонной пропаганды. Руководители лиги патріотовъ были преданы суду исправительной полиціи по обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу, но судъ долженъ былъ оправдать ихъ по этому пункту, такъ какъ лига патріотовъ, дѣйствовавшая всегда открыто и даже слишкомъ открыто, не могла быть названа тайнымъ обществомъ въ смыслѣ закона. Лига патріотовъ была только недозволеннымъ обществомъ съ тѣхъ поръ, какъ она измѣнила свой первоначальный уставъ и занялась спеціально политическою борьбою въ духѣ буланжизма; по этому предмету Деруледъ и его товарищи были признаны виновными и подвергнуты незначительному денежному штрафу.

Дѣло, начатое противъ лиги патріотовъ, осталось такимъ образомъ безъ серьезныхъ послѣдствій; но оно привело къ весьма важному косвенному результату—къ собранію фактическихъ данныхъ о замыслахъ генерала Буланже и его союзниковъ. Эти свѣденія признаны были настолько вѣскими, что министерство рѣшило немедленно принять мѣры для возбужденія процесса о заговорѣ противъ безопасности государства. Генералъ-депутатъ счелъ нужнымъ заблаговременно исчезнуть; онъ совершенно неожиданно уѣхалъ въ Бельгію, а потомъ, по предложенію бельгійскаго правительства, въ Лондонъ, оставивъ даже многихъ друзей своихъ въ полномъ недоумѣніи. Нѣкоторые изъ видныхъ его приверженцевъ, какъ депутатъ Мишленъ и первый организаторъ буланжизма Тьебо, заявили въ газетахъ, что не могутъ болѣе принадлежать къ партіи, вождь которой бѣжалъ за границу. Большинство его сторонниковъ, напротивъ, увидѣло въ этомъ исчезновеніи весьма ловкій маневръ, такъ какъ со стороны

Буланже не имѣло бы никакого смысла отдать себя добровольно въ руки оппортунистовъ, готовыхъ будто бы справиться съ нимъ круто, по военному. Тѣмъ временемъ палата депутатовъ, согласно предложенію правительства, разрѣшила преслѣдованіе его, въ засѣданіи 4-го апрѣля, и черезъ нѣсколько дней появился декретъ о предоставленіи сенату образовать изъ себя верховный судъ, на основаніи конституціи. Буланже обвиняется не просто въ составленіи заговора, а въ покушеніи на государственный переворотъ; только въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ могъ быть преданъ верховному суду. Говорятъ, что обвиненіе представлено въ такой формѣ только для того, чтобы избѣгнуть юрисдикціи суда присяжныхъ и добиться обвинительнаго приговора во что бы то ни стало; а на послѣднее даетъ право разсчитывать составъ сенатскаго большинства. Едва ли можно предполагать, что министры, при участіи самого президента Карно, затѣяли бы громкій и серьезный процессъ безъ положительныхъ уликъ; еще труднѣе предположить, что республиканскія группы сената, заключающія въ себѣ многихъ дѣятелей вполнѣ независимыхъ, вступили бы какъ будто въ заговоръ съ правительствомъ для совершенія дѣла незаконнаго или несправедливаго. Самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что генералъ Буланже сознавалъ важность документовъ, попавшихъ въ руки правительства, — можетъ служить внезапное бѣгство его за границу. Для всякаго ясно, что генералъ, въ качествѣ депутата, не могъ ожидать ареста ранѣе разрѣшенія палаты, которое дано было только черезъ три дня послѣ его отъѣзда; онъ не могъ также приписывать министерству намѣреніе совершить явное беззаконіе и насиліе, ибо такое дѣйствіе возбудило бы общее негодованіе и подняло бы на ноги всѣхъ многочисленныхъ сторонниковъ буланжистской партіи. Если генералъ считалъ арестъ возможнымъ и неминуемымъ, то онъ зналъ и причины, по которымъ возможно осужденіе его судомъ на основаніи существующихъ законовъ.

Удаленіе Буланже внесло новый элементъ въ положеніе французскихъ партій; оно оживило надежды и бодрость оппортунистовъ, разочаровало консерваторовъ, разстроило ряды буланжистскихъ дѣятелей и повидимому облегчило спокойную развязку кризиса. Умѣренныя республиканскія газеты торжествовали побѣду, хотя и совѣтовали быть осторожѣ; онѣ не могли скрыть отъ себя, что до сихъ поръ все удавалось этому генералу, и что самыя очевидныя его ошибки и противорѣчія не мѣшали постоянному возрастанію его популярности. Чувство побѣды—быть можетъ преждевременное—брало, однако, верхъ надъ благоразуміемъ, и оппортунисты начинаютъ снова забывать, что успѣхи буланжизма въ народѣ порождены не достоинствами Буланже, а неудачною политикою самихъ республиканцевъ. Жюль Ферри, ненавист-

ный большинству населенія, произнесъ недавно любопытную рѣчь въ собраніи „національнаго республиканскаго союза“; онъ говорилъ въ такомъ тонѣ, точно вся страна или по крайней мѣрѣ лучшая ея часть стоитъ безусловно за оппортунистовъ и за него, Жюля Ферри, а продолжавшійся до сихъ поръ внутренній кризисъ имѣлъ своимъ единственнымъ источникомъ недостатокъ правительственной энергіи и власти въ защиту республики. Ферри допускаетъ, что умѣренные республиканцы совершили нѣкоторыя ошибки, что, „быть можетъ, они слишкомъ увлеклись желаніемъ устраивать вещи en grand при помощи великихъ финансовыхъ затратъ, или пошли черезъ-чуръ далеко въ дѣлѣ изгнанія религіи изъ школъ и больницъ“, но что главное недовольство населенія происходило именно отъ отсутствія твердаго правительства, которое замѣнено было „организованною анархіею“. И эту смѣлую попытку представить дѣло навыворотъ восторженно привѣтствуютъ такіе солидные органы печати, какъ „Temps“. Жюль Ферри какъ будто забылъ объ устроенной имъ разорительной тонкинской экспедиціи, о ненужныхъ усложненіяхъ съ Китаемъ, о сотняхъ милліоновъ ежегоднаго дефицита въ государственномъ бюджетѣ, о насильственныхъ мѣрахъ противъ духовенства;—онъ забылъ о результатахъ своего собственнаго управленія, извѣстныхъ и чувствительныхъ всѣмъ и каждому во Франціи. Оппортунисты, въ лицѣ Ферри, оттолкнули отъ себя массы народа своею узко-партійною политикою, своею погонею за внѣшнимъ эффектомъ, своею необдуманною щедростью въ финансахъ, своимъ пренебреженіемъ къ религіознымъ привычкамъ и вѣрованіямъ большинства; а теперь они заявляютъ, въ лицѣ Ферри, что ихъ „промахи“ не имѣютъ серьезнаго значенія, и что нужно только взять твердо власть въ свои руки, чтобы защитить республику отъ противниковъ и положить конецъ кризису. Еслибы таковы были взгляды большинства умѣренныхъ республиканцевъ, то это было бы очень печально; о нихъ можно было бы сказать тогда, что они все позабыли и ничему вновь не научились. Тѣмъ болѣе это странно, что такія мысли высказываются незадолго до всеобщихъ выборовъ: избиратели могутъ отвѣтить избраніемъ людей, которые шире смотрятъ на задачи управленія и ничѣмъ не связаны съ самодовольною и узко-партійною системою Жюля Ферри. Оппортунисты могли бы скорѣе возстановить довѣріе къ себѣ совершенно открытымъ признаніемъ своихъ прошлыхъ ошибокъ и установленіемъ новой болѣе широкой и основательной программы дѣйствій; но они остаются тѣми же, какими были, и разсчитываютъ больше на забывчивость публики, чѣмъ на ея здравый смыслъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что республика, какъ и всякое другое правительство, нуждается въ извѣстныхъ средствахъ охраны отъ противниковъ; но важнѣйшіе враги ея вовсе не тамъ, гдѣ видитъ ихъ Жюль Ферри,—враги находятся въ ра-

дахъ тѣхъ дѣятелей, которые ничего другого, кромѣ „твердой власти“, не въ состояніи предложить странѣ. Если министры будутъ дѣйствовать согласно дѣйствительнымъ интересамъ и желаніямъ народа, не руководствуясь одними разсчетами партій и группъ, то не возникнетъ никакихъ поводовъ для защиты республики отъ непримиримой оппозиціи. Большинство населенія съумѣетъ отличить пустыя придирки отъ серьезной критики; благотворныя для народа мѣры всегда будутъ встрѣчены съ признательностью, и твердая рѣшимость служить странѣ никогда не будетъ считаться равносильною исканію твердой власти.

Чтобы взвѣсить реальный смыслъ воззрѣнія Жюля Ферри, предположимъ на минуту, что тѣ же слова объ охранѣ правительства отъ оскорбленій будутъ произнесены генераломъ Буланже въ случаѣ избранія покорной ему палаты. Оппортунисты заговорили бы тогда какъ республиканцы, и горько стали бы жаловаться на утрату общественныхъ вольностей; а теперь они же подкапываются подъ свои собственные принципы, употребляя выраженія и теоріи, которыя всегда и повсюду пускались въ ходъ во имя мнимыхъ интересовъ правительства. Никакія внѣшнія мѣры не создадутъ дѣйствительно твердой власти тамъ, гдѣ отсутствуетъ нравственная и умственная сила, гдѣ превосходство положенія зависитъ отъ случая, а не отъ публичной оцѣнки реальныхъ заслугъ; никакая охрана не создастъ общественнаго довѣрія и уваженія тамъ, гдѣ нѣтъ для этого достаточныхъ основаній. Честные и добросовѣстные дѣятели не нуждаются въ искусственныхъ способахъ защиты отъ политическихъ противниковъ; они сами защищаютъ себя своими дѣлами и соотвѣтственными тому рѣчами.

Что касается той необузданности буланжистскихъ листковъ, о которой говорилъ Ферри, то она объясняется вовсе не недостаткомъ законовъ или слабостью правительства, а пассивнымъ долготерпѣніемъ тѣхъ парламентскихъ и правительственныхъ дѣятелей, на которыхъ особенно обрушивалась злоба пасквильной журналистики. Когда Жюль Ферри въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ осыпаемъ былъ грубыми оскорбленіями въ печати, когда „Intransigeant“ и „Lanterne“ называли его просто мошенникомъ, онъ молчалъ и не обращался къ суду для привлеченія клеветниковъ и оскорбителей къ законной отвѣтственности;—а вѣдь законы, охраняющіе личность отъ обиды и клеветы, существуютъ во Франціи, и для примѣненія ихъ никакой твердой правительственной власти не требуется: нуженъ только починъ самихъ заинтересованныхъ лицъ. Почему же республика и правительство должны вступаться за людей, которые сами позволяютъ себя оскорблять публично и не прибѣгаютъ къ общедоступнымъ мѣрамъ охраны? Оппозиціонная пресса оскорбляла не респуб-

лику и не правительство вообще, а отдѣльныхъ представителей или руководителей республики, министровъ и депутатовъ господствующей въ данное время партіи. Отождествлять съ государствомъ и съ властью вообще ту или другую политическую группу, стоящую въ данный моментъ во главѣ правительства,—значитъ очевидно уклоняться не только отъ французско-республиканской, но и отъ обще-европейской точки зрѣнія на различіе между такъ-называемыми Rechtstaat и Polizeistaat.

Именно такое уклоненіе и сдѣлали на дняхъ „Московскія Вѣдомости“ (16-го апрѣля) въ статьѣ, посвященной ими борьбѣ „буланжизма“ съ „антибуланжизмомъ“ во Франціи: онѣ вообразили себѣ при этомъ, что наносятъ ударъ „нашимъ либераламъ“. „Наши либералы,—говорится въ газетѣ,—при всякомъ случаѣ указываютъ (?) на примѣръ Франціи и на ея политическую „свободу“. Это сказалось, между прочимъ, и въ ожесточенной полемикѣ по вопросу о земскихъ начальникахъ. Малѣйшее требованіе усиленія власти приводитъ нашихъ „либераловъ“ въ трепетъ. Усиленіе власти—вотъ страшное слово, пугающее противниковъ земской реформы, страшащихся показаться отсталыми отъ якобы либеральной „Европы“.

„И вотъ именно Европа-то и даетъ намъ самые яркіе примѣры того, что тамъ не придаютъ никакого значенія страшнымъ словамъ и фразамъ. Разъ признавъ извѣстныя мѣры полезными для гражданъ и государства, тамъ не останавливаются (?) и передъ способами для ихъ осуществленія, ничуть не боясь упрековъ въ измѣненіи принципамъ, такъ какъ главнымъ принципомъ служитъ благо народа и государства. Въ этомъ отношеніи борьба съ Буланже имѣетъ глубокій интересъ, и послѣднія событія во Франціи,—либеральнѣйшей странѣ Европы,—служатъ поучительнымъ урокомъ для нашихъ либераловъ“.

Но эти событія могутъ скорѣе послужить урокомъ для тѣхъ, которые берутся давать уроки другимъ. Заключеніе статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ лучше всего обличаетъ ихъ своеобразную „логику“: „шатаніе республиканцевъ длилось много лѣтъ;—удастся ли имъ въ немного мѣсяцевъ возстановить утраченное *довѣріе народа*“?—спрашиваетъ газета, между тѣмъ какъ читатель ея, по главной мысли статьи, ожидалъ совсѣмъ другого вопроса—не о возстановленіи „довѣрія“ народа къ правительству, а—„твердой власти“. „Если нѣтъ, т.-е. если правительство не возстановитъ утраченнаго довѣрія народа,—отвѣчаетъ газета,—то неизбѣжна. побѣда, если не буланжизма, то всякой иной партіи, отъ которой народъ будетъ ожидать упроченія во Франціи твердой власти и порядка“, т.-е. бонапартизма; но за твердую власть и порядокъ послѣдняго Франція заплатила слишкомъ дорого, чтобы помириться съ теоріею „Московскихъ Вѣдомостей“ о панацеѣ „твердой власти“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая, 1889.

— Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. Изданіе съ 700 фототипными портретами. Четыре тома. Спб. 1886—1889. То-же изданіе безъ портретовъ; два тома (Ц.—40 руб. и 10 руб.).

Въ 1881 г. Д. А. Ровинскій издалъ свой извѣстный монументальный трудъ: „Русскія народныя картинки“ (5 томовъ, съ обширнымъ атласомъ). Въ настоящемъ изданіи является новая обширная работа, исполненная интереса для русской исторіи и исторіи искусства. Какъ то, такъ и другое, представляютъ результатъ многолѣтняго собиранія и изученія. Въ первый разъ г. Ровинскій еще въ 1872 году издалъ словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ — небольшую книгу, предназначавшуюся собственно для спеціальной цѣли, для руководства любителямъ и собирателямъ русскихъ гравюръ; словарь заключалъ краткій списокъ портретовъ, указанія изданій, замѣтки о рѣдкости и цѣнности гравюръ. Главною цѣлью книги было возбудить интересъ къ русской гравюрѣ. Съ тѣхъ поръ г. Ровинскій отмѣчаетъ сильное увеличеніе этого интереса и рядомъ чрезвычайное повышеніе цѣнъ на гравюры: „многіе изъ (русскихъ) собирателей иностранныхъ гравюръ перешли къ собиранію русскихъ листовъ. Цѣны на русскія гравюры сильно повысились; рѣдкіе листы раскупаются теперь на расхватъ; на аукціонахъ дѣлаются на нихъ огромныя надбавки, такъ что зачастую они продаются дороже рѣдкихъ и цѣнныхъ гравюръ нѣмецкихъ и голландскихъ мастеровъ“. Изъ приводимыхъ г. Ровинскимъ примѣровъ укажемъ одинъ: „Елизавета Петровна, работы Шмидта, экземпляръ до подписи, былъ проданъ Вейгелемъ, въ 1860 году, за 50 талеровъ; въ 1871 году онъ купленъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ за 200 рублей; а при распродажѣ его вещей, въ 1882 году, купленъ гр. Д. И. Толстымъ за 500 р. Я бы съ охотой заплатилъ за этотъ листъ и 1.000 рублей“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стали размножаться свѣденія: „удвоилось и утроилось число портретовъ“ Александра I, Павла, Екатерины II, Петра I, т.-е. портретовъ старыхъ, снова разысканныхъ и поступившихъ въ обращеніе; разысканы и портреты, которые до сихъ поръ совсѣмъ не были извѣстны, какъ портреты царей Ивана III, Василія Ивановича, Ивана Грознаго, Петра, графа Шереметева, Мазепы и пр.; найдены были старыя гравировальныя доски и т. д. Началась, наконецъ, и новая разработка этого матеріала въ новыхъ трудахъ самого г. Ровинскаго, въ сочиненіяхъ гг. Васильчикова, Собко и др. Такимъ образомъ стала все болѣе ощутительна потребность въ болѣе полномъ словарѣ, чѣмъ изданный г. Ровинскимъ въ 1872.

Мы имѣемъ теперь передъ собой новое изданіе словаря или, въ сущности, совсѣмъ новую работу. Это—четыре огромныхъ тома, въ большую осьмушку, въ два столбца мелкаго шрифта. Число описанныхъ портретовъ достигаетъ до 10.000, число упомянутыхъ историческихъ лицъ—до 2.000. Составленіе словаря потребовало, конечно, огромнаго, многолѣтняго труда, во-первыхъ, надъ собираніемъ самого матеріала, для чего надо было пересмотрѣть множество коллекцій, антикварныхъ складовъ и старыхъ изданій, и затѣмъ надъ описаніемъ самыхъ гравюръ, гдѣ нужно было величайшее вниманіе ко всѣмъ подробностямъ предмета.

Описаніе портретовъ расположено въ азбучномъ порядкѣ; при многочисленности портретовъ одного лица, они расположены по отдѣльнымъ *типамъ* въ хронологическомъ порядкѣ, отъ молодой до зрѣлой поры и до старости. При каждомъ портретѣ означено: въ какой онъ выгравированъ рамкѣ; какимъ способомъ гравюры; въ какомъ размѣрѣ и положеніи; всѣ подписи приведены сполна, со всею точностью, напр. и съ ошибками подлинника; означена мѣра гравюры; при рѣдкихъ экземплярахъ указаны собранія, гдѣ они находятся; названы, по возможности, книги, въ которыхъ гравюры были помѣщены. Трудность послѣдняго рода указаній происходитъ отъ того, что „полныя книги, съ невыдранными картинками, благодаря собирателямъ гравюръ и портретовъ, попадаются довольно рѣдко; да и торговцы, выдирающіе гравюры изъ книгъ, тщательно скрываютъ названіе самой книги, такъ какъ при этой уловкѣ они получаютъ за выдранные портреты и картинки двойную цѣну противъ той, въ которую цѣнится самая книга“. Наконецъ, почти о каждомъ лицѣ сообщены свѣденія біографическія; о наиболѣе важныхъ историческихъ лицахъ эти свѣдѣнія даже весьма подробны, такъ какъ многое авторъ считалъ относящимся къ области иконографіи.

Но составленіемъ словаря въ такой подробности далеко не ограничился трудъ г. Ровинскаго. Самый словарь занялъ первые три тома

книги; четвертый томъ наполненъ множествомъ справочныхъ свѣдѣній и цѣлымъ историческимъ изслѣдованіемъ. А именно, г. Ровинскій даетъ здѣсь, во-первыхъ, перечисленіе книгъ и изданій съ портретами, размѣщенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; во-вторыхъ, исчисленіе частныхъ и общественныхъ собраній русскихъ портретовъ, съ указаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ экземпляровъ: въ-третьихъ, матеріалы для исторіи портретнаго дѣла въ Россіи до 1700 года, или хронологически расположенныя свѣденія о портретахъ гравированныхъ и живописныхъ, принесенныхъ въ Россію или въ Россіи исполненныхъ; въ-четвертыхъ,—изслѣдованіе о томъ, откуда взяты изображенія русскихъ князей и царей отъ Рюрика до Ивана IV; въ-пятыхъ,—перечисленіе живописныхъ портретовъ, какіе сохранились въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, а также бывали на портретныхъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ; въ-шестыхъ,—замѣтка о портретахъ, писанныхъ на эмали и кости; въ седьмыхъ,—цензурныя правила относительно гравированныхъ портретовъ; въ-восьмыхъ,—перечисленіе сохранившихся гравировальныхъ досокъ, съ которыхъ могутъ быть получаемы оттиски.

Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе или собственно историческое изслѣдованіе. Въ первыхъ четырехъ главахъ собраны свѣденія о появленіи въ Россіи первыхъ портретовъ или, какъ они назывались въ старину, „парсунъ“ (персонъ), и о дальнѣйшемъ ходѣ портретнаго дѣла въ Россіи съ перечисленіемъ замѣчательнѣйшихъ портретовъ царскаго дома. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ такія же свѣденія о портретахъ частныхъ лицъ: дипломатовъ, фаворитовъ, военныхъ, женщинъ, писателей и художниковъ, и о разныхъ „куріозахъ“. Седьмая глава, по словамъ г. Ровинскаго, представляетъ „попытку подобрать въ одно цѣлое сатирическія картинки съ объясненіемъ ихъ сюжетовъ. Эти картинки представляютъ богатый матеріалъ не только для исторіи нашей дипломатіи, но и для характеристики отдѣльныхъ событій; зачастую ловкій карандашъ карикатуриста, въ немногихъ словахъ и очеркахъ, разсказываетъ всю суть дѣла и взаимныя отношенія дѣйствующихъ лицъ проще и нагляднѣе, чѣмъ цѣлые томы подлинныхъ документовъ о разныхъ трактатахъ и конгрессахъ“. Послѣдняя глава „Заключеніе“ посвящена спеціалистамъ и любителямъ гравюры: авторъ говоритъ о разныхъ способахъ гравированія, о разныхъ системахъ раскладки портретовъ, о томъ, гдѣ и по какимъ цѣнамъ можно пріобрѣтать гравюры.—Книга заканчивается алфавитными указателями граверовъ и другихъ художниковъ, упомянутыхъ въ текстѣ, и портретовъ, отмѣченныхъ въ цѣломъ изданіи.

Составитель словаря считаетъ свою работу только „опытомъ“; онъ не стремился къ абсолютной полнотѣ, зная, что подобные труды

никогда не могутъ быть полными, потому уже, что съ каждымъ днемъ выпускаются новые портреты." Тѣмъ не менѣе, за прошлое время, словарь, сколько мы можемъ судить, отличается замѣчательною полнотой, и вообще въ книгѣ г. Ровинскаго наша историческая и художественная литература пріобрѣтаетъ богатый источникъ справокъ и свѣденій.

Просматривая книгу, чувствуется, что авторъ относится къ предмету не только съ интересомъ изслѣдователя, но и съ любовью „охотника" и знатока, положившаго десятки лѣтъ на изученіе старой гравюры и находящаго въ любимомъ предметѣ источникъ настоящаго наслажденія. Какъ произведеніе искусства, русская гравюра представляетъ, конечно, гораздо менѣе интереса, чѣмъ гравюра западная; но она привлекаетъ своимъ русскимъ содержаніемъ. „Не спорю,—говоритъ г. Ровинскій,—что западныя гравюры, по красотѣ своей, могутъ доставить любителю болѣе высокое художественное наслажденіе; но вѣдь цѣль собиранія русскихъ листовъ совсѣмъ другая: въ нихъ важно не художественное достоинство, а то, что они раскрываютъ передъ нами, такъ сказать, вчерашній день русской жизни, и въ этомъ отношеніи для каждаго русскаго представляется насущный и кровный историческій интересъ. При этомъ одна охота нисколько не мѣшаетъ другой; у меня, напримѣръ, рядомъ съ тремя громадными шкафами, въ которымъ разложено русское собраніе, лежитъ на столѣ небольшая папка офортовъ Рембрандта, всего фунтовъ въ 10 (но которая стоитъ мнѣ втрое болѣе всего русскаго собранія); оба собранія только дополняютъ другъ друга, и налюбовавшись художественными офортами Рембрандта, я еще съ бо́льшимъ увлеченіемъ перехожу къ русскимъ листамъ, которые доставляютъ мнѣ совершенно другую нравственную пищу".

Только съ этою горячею любовью къ предмету, при обширномъ знаніи, становятся возможны такіе монументальные труды. Старый портретъ, гравюра, въ самомъ дѣлѣ, исполнена для автора насущнаго историческаго интереса: это не только предметъ спеціальнаго техническаго изученія, но отголосокъ прошлой исторической жизни. Какъ мы выше упомянули, о главныхъ лицахъ авторъ сообщаетъ біографическія свѣденія, которыми должны объясняться иконографическія произведенія, и послѣднія взаимно служатъ наглядными толкованіемъ историческихъ характеровъ. Нѣкоторыя біографіи, какъ Петра, Екатерины II и др., довольно подробны, сообщая не только крупные факты царствованій, но мелкія черты домашняго обихода, привычекъ и т. п.; выбрано, конечно, только особенное и характерное и изложено сжатымъ, мѣткимъ языкомъ, съ большимъ знаніемъ времени и людей. Кромѣ этихъ свѣденій, сообщаемыхъ въ текстѣ

словаря, содержаніе гравюры объясняется еще въ историческомъ „Заключеніи". Это—рядъ очерковъ изъ бытовой жизни прошлыхъ временъ, которые привязаны къ исторіи гравюры. Таковы въ самомъ началѣ извѣстія о развитіи портретнаго дѣла въ Россіи, начиная съ древнихъ иконъ, фресковъ, миніатюръ, вышитыхъ изображеній, до проникновенія и распространенія у насъ настоящей портретной живописи и до новѣйшей гравюры, фотографіи и фототипіи. Далѣе, историческія сообщенія о дипломатахъ, фаворитахъ, военныхъ людяхъ, русскихъ женщинахъ, ученыхъ и художникахъ, самоучкахъ, шутахъ, разбойникахъ; любопытна глава о гравюрахъ сатирическаго содержанія, начиная съ народныхъ картинокъ на Петра I до картинокъ 20-хъ годовъ.

Наконецъ, четырехъ-томное изданіе книги г. Ровинскаго заключаетъ до 700 фототипическихъ снимковъ съ наиболѣе замѣчательныхъ и рѣдкихъ гравюръ—первая большая коллекція этого рода въ нашей литературѣ. Фототипіи исполнены въ московской мастерской Шерера и Набгольца (Шиндлера и Мея); здѣсь собраны портреты замѣчательнѣйшихъ историческихъ лицъ, почти всѣ листы, извѣстные въ единственномъ экземплярѣ или находящіеся въ рѣдкихъ книгахъ; авторъ желалъ собрать все, что можетъ представить особенный интересъ какъ для собирателя гравюръ, такъ для историка и художника. Многіе портреты переданы въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ типовъ отъ дѣтства и до старости; такъ, напримѣръ, есть портреты Екатерины II одиннадцати лѣтъ, четырнадцати, девятнадцати и т. д., всего 41 портретъ; подобнымъ образомъ есть 45 портретовъ Петра I, 22—Павла, 31—Александра I, и т. д. Между прочимъ, помѣщено здѣсь въ копіяхъ нѣсколько огромныхъ богословскихъ тезисовъ, обыкновенно крайне рѣдкихъ; эти копіи, иногда въ полную страницу настоящаго изданія, уменьшены противъ оригиналовъ въ четыре, восемь и даже двадцать разъ (какъ вообще уменьшены здѣсь всѣ изданные портреты); такую миніатюрную работу, замѣчаетъ г. Ровинскій, можно было отчетливо исполнить только посредствомъ фототипіи, гдѣ все производится механически безъ участія ретушера. Дѣйствительно, фототипіи въ изданіи г. Ровинскаго отличаются необыкновенною тонкостью, которая не могла бы быть достигнута никакимъ инымъ способомъ воспроизведенія.

Таковъ новый трудъ почтеннаго собирателя и изслѣдователя. Это—одно изъ такихъ предпріятій, какія рѣдки, къ сожалѣнію, въ нашей наукѣ, и тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, какъ примѣръ выдержаннаго труда, исполняемаго съ преданною любовью къ дѣлу. Понятно, какъ это замѣчаетъ и самъ составитель словаря, что здѣсь

могутъ быть неполноты; въ біографіяхъ и историческихъ объясненіяхъ намъ встрѣтились нѣкоторыя неточности; эти неполноты и неточности могутъ быть впослѣдствіи исправлены, но въ цѣломъ своемъ составѣ книга, безъ сомнѣнія, надолго останется богатѣйшимъ запасомъ свѣденій, полезныхъ указаній и совѣтовъ какъ для тѣхъ, кого особливо имѣлъ въ виду авторъ — собирателей гравюръ, историковъ и художниковъ, такъ и вообще для просвѣщеннаго человѣка, которому не чужды интересы искусства и любознательность къ нашей прошлой исторіи.

— *Литературныя направленія* въ Екатерининскую эпоху. Сочиненіе *А. Незеленова*. Съ портретами имп. Екатерины II, Хераскова, Фонвизина, Капниста, Новикова. Спб. 1889.

Книга г. Незеленова составилась изъ ряда статей, помѣщавшихся за послѣдніе годы въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ и дополненныхъ новой заключительной главой. Упоминаемъ объ этомъ, чтобы указать популярный, общедоступный характеръ сочиненія, затрогивающаго, между прочимъ, нѣкоторые любопытные вопросы литературы XVIII-го вѣка. Авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что не претендуетъ въ своей книгѣ на полноту разсматриваемаго матеріала. „Задача автора была болѣе скромная: онъ хотѣлъ ориентироваться въ массѣ мало оцѣненныхъ еще по ихъ историческому значенію литературныхъ фактовъ, попытаться распредѣлить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ построить гипотезу о законахъ развитія литературы Екатерининскаго времени“. Онъ полагаетъ, что эта попытка систематическаго распредѣленія матеріала открываетъ рядъ спеціальныхъ задачъ, на которыхъ могли бы остановиться начинающіе изслѣдователи, напр. студенты; авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ частныхъ вопросовъ, какъ болѣе подробное изученіе „Россійскаго Ѳеатра“, старыхъ журналовъ, масонскихъ сочиненій.

Что литературный матеріалъ конца прошлаго вѣка или, общѣе, содержаніе понятій тогдашней образованности, еще нуждается въ исторической систематизаціи, это не подлежитъ спору. Историческая разработка литературы того времени сдѣлала уже не мало въ этомъ направленіи, но далеко не все; авторъ настоящей книги къ матеріалу извѣстному прибавилъ многое изъ произведеній, до сихъ поръ мало обращавшихъ на себя вниманія, но его собственная систематизація остается слишкомъ отрывочной, эпизодической, а иногда и невѣрной. Въ литературѣ разбираемой имъ эпохи онъ находитъ три

основныхъ направленія: скептическо-матеріалистическое, мистико-нравоучительное и непосредственно народное; внѣ этихъ рубрикъ онъ ставитъ Новикова и Державина. Первое, что̀ мы сказали бы по поводу систематизаціи г. Незеленова, то, что для настоящаго опредѣленія изображаемыхъ имъ направленій нельзя было ограничиваться ихъ положеніемъ въ данную минуту; можно было не касаться того, что̀ съ ними сталось въ послѣдующее время, но необходимо было сказать, хотя бы въ общихъ чертахъ, о томъ, что̀ имъ предшествовало. Исчисленныя авторомъ направленія дѣйствительно имѣютъ свои первые корни вовсе не въ Екатерининской эпохѣ, хотя бы въ это время они развились гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Далѣе, слѣдовало и въ этой самой эпохѣ быть болѣе точнымъ. Напримѣръ. Авторъ останавливается на вліяніи французской философіи XVIII вѣка: онъ считаетъ это вліяніе въ однихъ случаяхъ благотворнымъ (въ противодѣйствіи фанатизму и суевѣрію, въ мысляхъ о необходимости смягченія уголовныхъ законовъ, отмѣны пытки, въ понятіяхъ о воспитаніи и т. п.), въ другихъ случаяхъ вреднымъ (въ распространеніи матеріализма), но странно читать (стр. 128) такія соображенія: „Вліянію темныхъ сторонъ *философіи энциклопедистовъ* подвергалось, какъ мы видѣли, бо́льшее число литературныхъ явленій. Такъ, грубый матеріализмъ и цинизмъ мы замѣтили въ поэмахъ Вас. Майкова, Богдановича, въ цѣломъ рядѣ такъ-называемыхъ „комическихъ оперъ“, Аблесимова, Княжнина и другихъ авторовъ. Въ тѣхъ же комическихъ операхъ, а также въ нѣкоторыхъ сатирическихъ журналахъ мы видѣли терпимость къ пороку, легкомысленно-веселый взглядъ на жизнь, примирительныя отношенія къ жизненной пошлости, къ злу, къ мрачной и тяжелой сторонѣ дѣйствительности (напр. къ крѣпостному праву)“, и пр. Надо полагать скорѣе, что ни поэмы Майкова и Богдановича, ни такъ-называемыя комическія оперы, пьесы Аблесимова и Княжнина и пр., не имѣли ничего общаго съ „философіей энциклопедистовъ“. Тотъ матеріализмъ, какой видитъ г. Незеленовъ въ этихъ произведеніяхъ, имѣетъ совершенно иные источники, и особенно странно читать сопоставленіе съ Энциклопедіей *комическихъ оперъ*, которыя были просто одной изъ формъ театральнаго фарса, цѣлыми вѣками предшествовавшаго французской философіи прошлаго столѣтія. Это похоже на то, какъ еслибы теперь кто-нибудь вздумалъ возводить репертуаръ нашей „Аркадіи“ и „Ливадіи“ къ Спенсеру, Дарвину, Фохту и т. п. Въ другомъ мѣстѣ, разбирая поэму Майкова: „Елисей или раздраженный Вакхъ“, г. Незеленовъ осуждаетъ ея цинизмъ, въ которомъ видитъ отраженіе „философіи вѣка“: юморъ Майкова, по словамъ его, есть часто „грубое осмѣяніе того, что̀ слѣдовало бы уважать, циническая потѣха надъ народ-

ными вѣрованіями, надъ народными чувствами" (стр. 51), и дальше выходитъ, что русскому читателю „слѣдовало бы уважать" Юпитера, Плутона, Вулкана, Геркулеса, Цибелу, которыхъ Майковъ выводитъ въ своей шуткѣ;—а кромѣ того, эта шутка также нимало не относится къ французской философіи прошлаго вѣка: пародіи на греческую и римскую миѳологію восходятъ ко временамъ самóй классической древности и къ намъ перешли черезъ французскій псевдо-классицизмъ, не зависѣвшій отъ философіи энциклопедистовъ. Далѣе, г. Незеленовъ приписываетъ въ той же поэмѣ Майкова осмѣяніе высокопарности псевдо-классической поэзіи юмору „здраваго русскаго смысла" (стр. 50),—но опять осмѣяніе этой высокопарности вовсе не было русскимъ изображеніемъ. Несмотря на сильное вліяніе „французской философіи", какъ считаетъ г. Незеленовъ, или проще, французской литературы и модныхъ обычаевъ, нашъ авторъ видитъ въ литературѣ временъ Екатерины II сильное присутствіе русской народности. Онъ выражается объ этомъ такъ: „Но во всѣхъ исчисленныхъ произведеніяхъ нашей литературы идеи Запада, усвоенныя нами и доведенныя (какъ это обыкновенно у насъ бываетъ, по широтѣ русской натуры, по ея серьезности и искренности) до крайнихъ граней своего развитія, отразились, однако, не рабски, т.-е. не уничтожили, не закрыли народныхъ особенностей нашихъ писателей", и т. д. (стр. 129). Неужели авторъ серьезно полагаетъ, что мы въ XVIII столѣтіи не только усвоили идеи Запада, но даже, по широтѣ нашей натуры, довели ихъ до „крайнихъ граней развитія"? До сихъ поръ думали совершенно напротивъ, что это усвоеніе было крайне неполное, ограниченное и часто даже ребяческое, и множество примѣровъ приводитъ самъ авторъ изъ старой сатиры противъ легкомысленной французоманіи. Иначе и не могло быть: образованность и наука, развивавшіяся на Западѣ вѣками, не могли же, въ самомъ дѣлѣ, быть *усвоены* нами во всей ихъ силѣ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній, когда притомъ только весьма незначительная часть русскаго общества имѣла сколько-нибудь удовлетворительное образованіе.

Что касается народныхъ началъ, которыя высказывались въ литературѣ прошлаго вѣка, авторъ также не отдалъ въ нихъ себѣ достаточнаго отчета. Эту народность онъ слѣдитъ въ театральныхъ пьесахъ императрицы Екатерины, Фонвизина, Аблесимова, Княжнина и пр.; находитъ ее въ ссылкахъ на простые русскіе нравы, въ изображеніи нѣкоторыхъ подробностей и (немногихъ) типовъ изъ русской жизни, въ употребленіи народныхъ выраженій, пословицъ и т. п.: но все это даетъ, конечно, очень малую дозу русской народности и должно было пройти почти еще пол-столѣтія прежде, чѣмъ

въ русской литературѣ можно было привѣтствовать первыя настоящія проявленія русской народности у Пушкина. Русская народность была еще далека отъ XVIII-го вѣка, и настоящія ея выраженія были развѣ у тѣхъ немногихъ людей, которые сознавали въ XVIII вѣкѣ необходимость освобожденія крестьянъ, потому что крѣпостное право полагало дѣйствительно цѣлую пропасть между просвѣщенными крѣпостниками и громадной массой, которая была основою русской народности.

Касаясь этого вопроса объ освобожденіи крестьянъ, г. Незеленовъ еще разъ повторяетъ давно избитые укоры французскимъ философамъ XVIII-го вѣка, какъ Вольтеръ или Руссо, что они не проповѣдовали немедленнаго и полнаго освобожденія крестьянъ, когда до этого додумывались менѣе просвѣщенные русскіе люди (т.-е., въ сущности, лишь нѣсколько человѣкъ). Эти укоры всегда казались намъ очень странными. Въ самомъ дѣлѣ, что могли сказать о такомъ глубокомъ и сложномъ русскомъ вопросѣ люди, не имѣвшіе и тѣни реальнаго знанія Россіи и русской народной жизни, когда, съ другой стороны, въ Европѣ издавна держалось представленіе (поддерживаемое и самими русскими „вояжирами“ изъ просвѣщеннаго дворянства) о крайней грубости русскаго народа, доходящей до настоящаго варварства. Смѣшно укорять французовъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія за то, что они не настаивали на немедленномъ освобожденіи крестьянъ, когда еще въ первой четверти нашего столѣтія одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей, столь прославляемый Карамзинъ, былъ врагомъ освобожденія крестьянъ.

Какъ мы сказали, г. Незеленовъ указываетъ присутствіе народныхъ началъ въ литературѣ прошлаго вѣка разборомъ нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній, но если идетъ рѣчь о „систематизаціи“ литературныхъ явленій описываемой имъ эпохи, то автору не слѣдовало забыть другихъ примѣровъ интереса къ народу. Въ сущности, этотъ интересъ опять возникъ гораздо раньше временъ Екатерины; за это время онъ значительно выросъ и высказывался не только въ беллетристикѣ, но и въ другихъ отрасляхъ литературы, и въ этихъ послѣднихъ, можетъ быть, даже серьезнѣе, чѣмъ въ первой, напримѣръ въ ученыхъ путешествіяхъ прошлаго вѣка, въ историческихъ изслѣдованіяхъ и въ попыткахъ этнографическаго изученія. Сопоставленіе всѣхъ этихъ фактовъ дало бы гораздо болѣе ясное и значительное представленіе о развитіи народнаго интереса, чѣмъ тѣ, большею частію, мелочные примѣры, которые авторъ собираетъ изъ старинныхъ поэмъ и комедій. Для настоящаго разъясненія литературныхъ направленій той эпохи слѣдовало бы вообще обратить гораздо болѣе вниманія на различныя теченія литератур-

ныхъ идей и ихъ источники: г. Незеленовъ сдѣлалъ не безъинтересное собраніе фактовъ, но для ихъ историческаго размѣщенія и оцѣнки еще потребуются изслѣдованія о ихъ происхожденіи и разныхъ степеняхъ ихъ силы и вліянія. Притомъ авторъ не воспользовался, къ сожалѣнію, другими трудами, какіе были уже направлены въ нашей литературѣ на этотъ вопросъ.

Не входя въ частности книги г. Незеленова, отмѣтимъ одну. Разбирая письма Фонвизина изъ-за границы и восхваляя ихъ (по нашему мнѣнію, черезъ мѣру), авторъ забылъ обратить вниманіе на то, что въ этихъ письмахъ Фонвизинъ, между прочимъ, прямо выписывалъ, напр., строгіе отзывы о Франціи изъ французскихъ же книгъ и приводилъ чужія мысли и наблюденія какъ бы собственныя. Эта черта писемъ была указана уже очень давно.—А. П.

— *Современная Россія.* Очерки нашей государственной и общественной жизни. Спб., 1889.

Эту книгу правильнѣе было бы назвать не „Современной Россіей", а „Современнымъ взглядомъ на Россію"—*современнымъ* въ томъ смыслѣ, что ни въ какую другую эпоху онъ не рѣшился бы выступить на свѣтъ съ такою безпредѣльною развязностью. По формѣ—это рядъ летучихъ газетныхъ очерковъ, кое-какъ связанныхъ между собою; по содержанію—это дешевое глумленіе надъ всѣмъ тѣмъ, что обрѣтается не въ авантажѣ. Авторъ то подолгу останавливается на бездѣлушкахъ, то рѣшаетъ мимоходомъ самыя серьезныя задачи. Перспективы, вслѣдствіе этого, у него нѣтъ никакой; мелкое является крупнымъ, крупное мелкимъ. Объ „экономическихъ обѣдахъ" у Донона говорится въ двухъ мѣстахъ (стр. 162—65, 268), вспоминается даже полемика, возбужденная ими когда-то въ „Голосѣ" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ"—а о дѣятельности нашихъ ученыхъ обществъ не сказано почти ни слова. Положенію крестьянъ посвящено гораздо меньше страницъ, чѣмъ способамъ борьбы съ евреями, и только немногимъ больше, чѣмъ защитѣ высокаго обложенія заграничныхъ паспортовъ. Для „Современной Россіи" разные маленькіе вопросики, въ родѣ перетасовки министерскихъ департаментовъ, организаціи горнаго вѣдомства, „усѣкновенія" министерства путей сообщенія, оказываются болѣе важными, чѣмъ русская литература (не-періодическая), блестящая въ сборникѣ своимъ отсутствіемъ. Элементъ случайности царитъ вездѣ и оставляетъ мало мѣста для обдуманнаго плана. Такъ напримѣръ, въ концѣ 18-ой главы мы встрѣчаемъ довольно подробный перечень „свѣдущихъ людей", приглашенныхъ, лѣтомъ 1881 г., для

участія въ совѣщаніяхъ о пониженіи выкупныхъ платежей—а о второмъ призывѣ „свѣдущихъ людей", состоявшемся осенью того же года (по вопросамъ питейному и переселенческому) и отнюдь не менѣе характеристичномъ, совсѣмъ нѣтъ рѣчи, какъ будто его и не было вовсе. О польскомъ вопросѣ авторъ высказываетъ свое мнѣніе въ видѣ спора съ совершенно забытымъ теперь письмомъ маркиза Велепольскаго (сына), написаннымъ по поводу 1-го марта 1881 г. Все это слѣды газетнаго происхожденія книги. Не менѣе ясно и то, съ какой именно газетой она солидарна. Претензія на остроуміе, „легкость въ мысляхъ", наѣздническая манера, приспособленіе къ модным теченіямъ—стóитъ только назвать эти черты, чтобы вызвать въ читателяхъ совершенно опредѣленный образъ (не личный, конечно, а коллективный). Самъ авторъ, впрочемъ, не скрываетъ своей близости къ „Новому Времени"; не скрываетъ ея, точно также, и „Новое Время".

„Современной Россіи", какъ и ея прототипу, удается иногда вѣрно схватить ту или другую подробность, правильно освѣтить тотъ или другой предметъ, изъ числа второстепенныхъ и сравнительно не важныхъ. Авторъ разбираемой нами книги совершенно правъ, когда указываетъ нѣкоторые недостатки въ дѣлопроизводствѣ государственнаго совѣта, когда находитъ ненужнымъ сосредоточеніе всѣхъ учебныхъ заведеній въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, когда критикуетъ финансовую обособленность учрежденій императрицы Маріи, когда осмѣиваетъ порядокъ набора чиновниковъ для службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи [1]), когда доказываетъ необходимость оплаты казенной корреспонденціи. Здѣсь онъ выказываетъ иногда и знаніе дѣла, и даже нѣчто похожее на остроуміе. Другое дѣло, когда онъ касается болѣе серьезныхъ сторонъ современной дѣйствительности. Образецъ его отношенія къ нимъ мы

[1]) Не можемъ не замѣтить, по этому поводу, что авторъ не всегда хорошо помнитъ собственныя свои мнѣнія. На стр. 11 мы читаемъ: „по общепринятому объясненію, генералъ-губернаторамъ и чиновникамъ ихъ канцелярій пріятнѣе проживать въ столицѣ, нежели у себя въ глуши, тѣмъ болѣе, что переѣзды взадъ и впередъ оплачиваетъ государственное казначейство. *Въ сущности это объясненіе несправедливо*". А на стр. 137 напечатано слѣдующее: „На мѣстѣ администраторъ старался оставаться обыкновенно не болѣе года, и, составивъ наскоро проектъ реформъ, просился въ Петербургъ, гдѣ и жилъ годъ или два, тщетно добиваясь, чтобы петербургскіе департаменты удостоили взглянуть на его проектъ. Реформы, конечно, оставались подъ сукномъ, а администраторъ, получивъ новые прогоны, подъемныя и т. п., возвращался, чтобы черезъ годъ или два совсѣмъ уже оставить край, куда назначался такой же администраторъ, повторявшій буквально всѣ пріемы прежняго". Развѣ авторъ не принимаетъ здѣсь самъ то объясненіе, которое раньше признавалъ несправедливымъ?

уже видѣли выше, въ Внутреннемъ Обозрѣніи, когда говорили о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, особенно рельефныхъ. „Польза, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи, для крестьянъ отъ образованія—вопросъ весьма спорный (!?). Поэтому едва ли можно радоваться, что для крестьянскихъ мальчиковъ побужденіемъ къ посѣщенію школы явились теперь льготы по отправленію воинской повинности". Констатировавъ, что у насъ учится не болѣе $^1/_{10}$ дѣтей школьнаго возраста, авторъ продолжаетъ: „и это слава Богу, такъ какъ народные учителя, по большей части, fruits secs духовнаго сословія" (?! а учительницы?). Дальше сообщаются данныя о „нищенскомъ содержаніи" начальныхъ учителей и учительницъ. Вы думаете, можетъ быть, что авторъ выводитъ отсюда необходимость улучшить матеріальное положеніе тружениковъ начальной школы? Нѣтъ; онъ только повторяетъ еще разъ, ссылаясь на авторитетъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, что обученіе въ начальной школѣ для большинства учащихся *по крайней мѣрѣ* безполезно. Образованіе (высшее и среднее) „должно быть пропорціонально достатку учащихся". Женское образованіе въ Россіи „почти предметъ забавы, во всякомъ случаѣ роскоши". А вотъ какимъ тономъ, достойнымъ „Гражданина", авторъ говоритъ объ этой забавѣ: „Слушательницъ на женскіе курсы (въ Петербургѣ) привалило тысячами; были такія, которыя никогда ничему научиться и не могли, *еще болѣе было такихъ, которыхъ учить было нечего, ибо слишкомъ ужъ много знали*... Медицинскіе курсы очень въ свое время шумѣли, но когда военное министерство уразумѣло, что ничего, кромѣ вреда для дисциплины (?!), отъ такого учрежденія быть не можетъ, курсы быстро захирѣли [1]); одни высшіе бестужевскіе курсы держались при пожертвованіяхъ *радикальныхъ купчихъ и земскихъ преобразователей*. Обзавелись курсы домами, и мало того, возбудился даже вопросъ о дарованіи ихъ воспитанницамъ, *пополняемымъ главнымъ образомъ жидовскими и поповскими дочерьми*, служебныхъ правъ". Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается положительная неправда. Въ 1884-85 учебномъ году—предпослѣднемъ, въ которомъ бестужевскіе курсы существовали въ полномъ составѣ, слушательницъ духовнаго сословія было только 56 изъ 851, т.-е. не болѣе $6^1/_2\%$. Сколько было тогда на курсахъ евреекъ—объ этомъ у насъ нѣтъ подъ рукою точныхъ свѣденій; но, во всякомъ случаѣ, не онѣ *главнымъ образомъ* наполняли курсы, потому что къ двумъ сословіямъ, въ которыхъ нѣтъ или почти

[1]) Еще бы не захирѣть курсамъ, на которые прекращенъ, т.-е. запрещенъ пріемъ! До извѣстнаго распоряженія 1882 г. врачебные курсы не обнаруживали никакихъ признаковъ хилости; они несомнѣнно могли бы прочно стать на ноги и безъ помощи военнаго министерства, связь съ которымъ была для нихъ совершенно случайной.

нѣтъ евреевъ (духовному и дворянскому), принадлежало гораздо болѣе половины слушательницъ—554 (65%), да и между слушательницами остальныхъ сословій (мѣщанскаго, крестьянскаго и купеческаго) было, конечно, не мало христіанокъ. Въ 1885-86 г. изъ 779 слушательницъ было 139 евреекъ (менѣе 18%) и 84 дѣвицы духовнаго званія (менѣе 11%). Во что же обращается, въ виду этихъ данныхъ, смѣлое увѣреніе „современнаго" публициста? Что касается до вопроса о правахъ, то высшіе женскіе курсы замѣчательны именно тѣмъ, что въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ (въ Москвѣ—болѣе пятнадцати) они наполнялись слушательницами, хотя ровно ничего не прибавляли, въ смыслѣ правъ, къ гимназическому диплому. Если и возникъ вопросъ о предоставленіи окончившимъ высшіе курсы права преподавать въ старшихъ классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, то это было сдѣлано гораздо больше въ интересѣ послѣднихъ, чѣмъ въ интересѣ высшихъ курсовъ. Не даромъ же—тотъ же вопросъ былъ поднятъ и, если не ошибаемся, разрѣшенъ утвердительно правительственною коммиссіей о высшемъ женскомъ образованіи... Признаемся, мы прочли не безъ злорадства слѣдующія слова „Современной Россіи": „теперь произошло утѣшительное явленіе: обращено, наконецъ, вниманіе на высшія женскія заведенія, пріемъ въ нихъ на время прекращенъ; этому порадовались всѣ разумные люди въ Россіи". Радость автора и его „разумныхъ" единомышленниковъ оказалась преждевременной; пока печаталась книга, произошло, неожиданно для обскурантовъ, другое „явленіе", въ самомъ дѣлѣ „утѣшительное": возобновленъ пріемъ на высшіе бестужевскіе курсы и обѣщано открытіе вновь, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, женскихъ врачебныхъ курсовъ. Одна возможность подобныхъ сюрпризовъ должна была бы положить конецъ смѣшной и жалкой привычкѣ нѣкоторыхъ господъ говорить отъ имени „всѣхъ разумныхъ людей" или даже отъ имени всего общества или всего народа.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мнѣнія и предложенія автора „Современной Россіи" не представляютъ даже интереса новизны. Такъ напримѣръ, по вопросу о мѣстномъ управленіи и земской реформѣ онъ ограничивается восхваленіемъ „замѣчательной" статьи г. Пазухина (напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1885 г.); по вопросу о фабричной инспекціи онъ повторяетъ выходки московскихъ газетъ извѣстнаго пошиба, подбавляя къ нимъ только „юморъ" болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства („инспекція, по примѣру г. Янжула утонула въ статистическомъ матеріалѣ... Отчеты инспекторовъ обращались въ путевыя впечатлѣнія членовъ Пиквикскаго клуба"). Въ недостаткѣ откровенности автора, какъ видно изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ, упрекнуть нельзя; есть, однако, у него одна

мысль, высказанная не совсѣмъ ясно. Желаетъ ли онъ возвращенія къ системѣ земельныхъ пожалованій, рушившейся среди разгрома 1881 г.? Въ одномъ мѣстѣ книги (стр. 140) выражено сочувствіе мѣрамъ, вызваннымъ ревизіею М. Е. Ковалевскаго, но въ другомъ мѣстѣ (стр. 228) мы читаемъ слѣдующее: „Коренною причиною дворянскаго оскудѣнія служитъ постоянное и быстрое дробленіе имуществъ, вслѣдствіе нашего закона о наслѣдствѣ. Причина эта оказывала свое дѣйствіе и при существованіи крѣпостного права. Только привилегія дворянъ на владѣніе населенными имѣніями охраняла тогда это сословіе отъ оскудѣнія. Когда дворянинъ продавалъ имѣніе, оно уходило только изъ его рода, а не изъ рукъ сословія. *Не надо, притомъ, забывать, что въ прошломъ столѣтіи дворянство было поддержано обильною раздачею земель въ приволжскомъ и новороссійскомъ краѣ.* Еслибы раздача эта не была произведена, то положеніе дворянства въ настоящую эпоху было бы еще печальнѣе. *Но противъ этого можно возразить, что и въ настоящее время количество свободныхъ земель, находящихся въ рукахъ правительства, очень велико*". Что значатъ подчеркнутыя нами фразы? Намъ кажется, что онѣ заключаютъ въ себѣ хотя и не прямо формулированное, но довольно опредѣленное приглашеніе возобновить раздачу казенныхъ земель, только не чиновникамъ, а дворянамъ. Къ тому же заключенію ведетъ и слѣдующее мѣсто предисловія: „считая приблизительно, что каждая душа мужского пола давала доходъ въ 10 рублей, потеря (для дворянства) отъ эмансипаціи составила сто милліоновъ дохода; между тѣмъ проценты по выкупнымъ бумагамъ составляютъ менѣе 45 милліоновъ. Дефицитъ—55 милліоновъ". Не эту ли потерю предполагается возмѣстить, по крайней мѣрѣ отчасти, раздачей казенныхъ земель? Если такое толкованіе правильно, то оно бросаетъ дополнительный свѣтъ на усилія автора выставить себя оберегателемъ интересовъ массы (конечно, матеріальныхъ). Равнодушіе къ народу, въ которомъ онъ нѣсколько разъ (стр. 253, 358 и др), съ явнымъ извращеніемъ или умалчиваніемъ истины, обвиняетъ нашу „интеллигенцію", составляетъ, на самомъ дѣлѣ, принадлежность „современныхъ" дѣятелей, припрягающихся къ модной колесницѣ или бѣгущихъ по ея слѣду.

Заключимъ нашу замѣтку еще нѣсколькими выписками. „Людямъ сороковыхъ годовъ (эти слова поставлены авторомъ въ ироническія ковычки) мы обязаны не малою долей современнаго сумбура"... „Судебная реформа явилась продуктомъ чтенія нѣсколькими правовѣдами французскихъ книжекъ и изученія покойнымъ Зарудныхъ, который въ университетѣ приготовлялся быть астрономомъ итальянскаго законодательства"... „Въ понятіяхъ радикаловъ только они одни

и честны, хотя состояніе кассъ земскихъ, городскихъ, *судебныхъ* (?!) и другихъ *радикальныхъ* (!) учрежденій доказываетъ лучше всего противное"... „Маркизъ Поза, радѣющій о благѣ человѣчества, долженъ быть причисленъ къ разряду жалкихъ маніаковъ"... „Послѣ Дарвина равенство можно почитать только неудачнымъ парадоксомъ" (выводъ отсюда—необходимость сословнаго строя)... „Въ Россіи, какъ въ восточныхъ (?) государствахъ, во всѣхъ низшихъ инстанціяхъ судебная власть не должна быть отдѣляема отъ административной"... „И на высшихъ ступеняхъ судъ долженъ быть органомъ администраціи"... „Тѣлесныя наказанія удовлетворяютъ практической потребности; для примѣненія ихъ надобна извѣстная привычка, которая лучше всего пріобрѣтается употребленіемъ того же исправительнаго пріема въ школѣ"... Этого больше, чѣмъ достаточно!! наши читатели едва ли нуждаются въ дальнѣйшихъ цитатахъ, чтобы понять и раздѣлить чувства, внушаемыя намъ „Современной Россіей".—К. К.

Въ теченіе апрѣля въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андріевичъ, В. К. Сибирь въ XIX-мъ столѣтіи. Ч. II (1806—1819 г.). Спб., 89. Стр. 425. Ц. 2 р.

Анненская, А. Н. Своимъ путемъ. Повѣсти и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Спб., 1889. Стр 435. Ц. 2 р. 50 к.

Амбросъ, Авг.-Вильг. Границы музыки и поэзіи. Перев. И. Т. Спб., 89. Стр. 144.

Бузескулъ, В. Перикгъ. Истор.-крит. этюдъ. Харьковъ, 89. Стр. 418. Ц. 3 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. XI. Перев. Андреевъ. М., 89. Стр. 845. Ц. 5 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 16 и 17. Спб., 1889. Стр. 701—800. Ц. по 35 к.

Густавсонъ, проф. Двадцать лекцій агрономической химіи. 2-е изд. 1889. Стр. 237. Ц. 1 р. 50 к.

Данилевскій, проф. В. Я. Душа и природа. Рѣчь. Харьк., 89. Стр. 31. Ц. 60 к.

Де Фо, Дан. Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, іоркскаго морякa, разсказанныя имъ самимъ. Перев. съ англ. П. Кончаловскаго. Въ 2 частяхъ. Съ рисунками. М., 88. Стр. 256 и 244. Ц. 4 р.

Зео, Первая жена. Ром. въ 2 част. Одесса, 89. Стр. 249 и 174. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, В. Сборникъ краткихъ свѣденій о правительственныхъ учрежденіяхъ. 2-е изд. Спб., 89. Стр. 317 и 71. Ц. 2 р.

Либенъ, П., и *Шуйская*, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ прилож. родослови. и хронолог. таблицъ и семи картъ. Спб., 89. Стр. 48. Ц. 50 к.

Ломброзо, Цез. Любовь у помѣшанныхъ. Од., 89. Стр. 41. Ц. 40 к.

Лопухинъ, А. П. Библейская исторія, при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Т. I, отъ сотвор. міра до прор. Самуила. Изд. иллюстр. Спб., 89. Стр. 1000. Ц. за 2 т. 16 р.

Мантегацца, П. Нервный вѣкъ. Одесса, 88. Стр. 62. Ц. 50 к.

——— Искусство быть счастливымъ. Од., 89. Стр. 70. Ц. 50 к.

Медвѣдскій, К. П. Стихотворенія. Спб., 89. Стр. 43.

Меморскій, А. М. Основатель Нижняго Новгорода вел. кн. Георгій Всеволодовичъ. Историч. очеркъ. Н.-Н., 89. Стр. 67.

Муравьевъ, Н. В. Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Т. I. Прокуратура на западѣ и въ Россіи. М., 89. Стр. 552. Ц. 3 р. 50 к.

Немировъ, Г. А. Опытъ исторіи С.-Петербургской Биржи. Вып. 2. Спб., 89. Стр. 34.

Павловскій, А. А. Вагонный вопросъ въ Россіи. Витебскъ, 89. Стр. 52. Ц. 75 к.

Ровинскій, Д. А. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Въ 2 томахъ. Спб., 89. Стр. 1202 и 878. Ц. 10 р.

Розовъ, А. И. Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. Спб., 89. Стр. 255. Ц. 1 р.

Романовъ, Н. Движеніе земельной собственности въ Тамб. губ. за 66—86 гг. Тамб., 89. Стр. 115 и 89.

Салтыковъ, М. Е. Сочиненія (Н. Щедрина). Т. I: Губернскіе очерки.—Невинные разсказы. Спб. 89. Стр. 564. Цѣна девяти томовъ 15 р., съ пер. 20 р.

Селивановъ, А. Ѳ. Біографіи. Пенза, 89. Стр. 49.

Слонимскій, Л. З. Основные вопросы политики. Спб., 89. Стр. 389. Ц. 2 р.

Тиндаль, Дж. Теплота, разсматриваемая, какъ родъ движенія. Перев. А. П. Шикова. 2-е изд. М., 88. Стр. 469. Ц. 3 р. 75 к.

Фаминцынъ, А. С. Древняя индо-китайская гамма въ Азіи и Европѣ. Музык.-этнограф. этюдъ. Спб. 89. Стр. 174. Ц. 1 р. 50 к.

Филипповъ, М. М. Осажденный Севастополь. Историч. ром. съ рисунк. Спб. 89. Стр. 268. Ц. 2 р. 50 к.

Шопенгауеръ, Эристика или искусство спорить. Перев. кн. Д. Цертелева. М. 89. Стр. 58. Ц. 50 к.

Юрьевъ, Владиміръ. Стихотворенія. Спб. 89. Стр. 207. Ц. 1 р. 25 к.

Ясинскій, І. Стихотворенія. 2-е изд. Спб. 89. Стр. 162. Ц. 1 р. 50 к.

De Roberty, E. L'inconnaissable, sa métaphysique, sa psychologie. Par. 89. Стр. 191. Ц. 2 фр. 50 сант.

Duktmeyer, Fr. Spurius Carvisius Ruga. Drama in 5 Acten. Cöthen, 89. Стр. 44

Ouroussoff, princesse M. L'éducation dès le berceau. Par. 89. Стр. 204.

— Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. Изд. товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ. 6 картинъ. Ц. 5 р.

— Бесѣды объ огородѣ для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. М. 89. Стр. 108. Ц. 25 к.

— Двадцатипятилѣтіе Воронежской публичной библіотеки, 1864—89. Воронеж. 89. Стр. 2 и 8, съ таблиц.

— Дешевая Библіотека: 1. Ант. Чеховъ, Дѣтвора. 2. Н. М. Карамзинъ, Исторія Госуд. росс., т. 2-ой. 3. А. Марлинскій, Лейтенантъ Бѣловоръ. Ц. 15, 20 и 15 к. Спб. 89.

— Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи, издав. п. р. А. С. Гацисскаго. Вып. 1—3. Н.-Новг., 88. Стр. 74.

— Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. Курсъ законовѣденія для кадетскихъ корпусовъ. Спб. 89. Стр. 141. Ц. 1 р.

— Основы законовѣденія, какъ предметъ общаго образованія. Спб. 89. Стр. 20.

— Острожская волость. Статист.-эконом. описан. волости оханскаго уѣзда, пермской губ. Сарапулъ, 89. Стр. 92.

— Отчетъ правленія одесскаго славянскаго общества за 1888 г. Од., 89. Стр. 48.

— Охраненіе общественнаго здравія въ С.-Петербургѣ. Часть первая: Городскія санитарныя учрежденія (1881-85 г.). Часть вторая: Городскія заведенія врачебныя и общественнаго призрѣнія. Спб. 1889.

— Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Спб., 89. Стр. 503.

— Фотографіи съ натуры. Изд. Е. Вишнякова. 25 рисунк. Ц. 3 р.

— Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Москвѣ. М. 89. Стр. 94.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Etudes de sociologie. Les trois évolutions, etc., par *Léopold Bresson*. Paris, 1888.

Весьма скромную задачу поставилъ себѣ авторъ и выполнилъ ее весьма точно: онъ въ одномъ томѣ изложилъ существенное содержаніе работъ Огюста Конта и Спенсера по соціологіи, съ цѣлью сдѣлать ученія ихъ болѣе доступными публикѣ. Авторъ имѣлъ въ виду и нѣкоторыхъ комментаторовъ Конта и послѣдователей Спенсера; но вообще онъ ограничивается сопоставленіемъ теорій обоихъ мыслителей, дѣлаетъ, такъ сказать, очную ставку между ними, отмѣчаетъ сходство идей и принципіальныя различія, изрѣдка высказываетъ свои собственныя соображенія и резюмируетъ сущность каждаго вопроса съ своей компилятивной точки зрѣнія. Быть можетъ, методъ, усвоенный авторомъ, не совсѣмъ правиленъ, и взгляды его не оригинальны. Сличать двухъ философовъ для отысканія истины по срединѣ, видѣть гарантію основательности въ совпаденіи теорій обоихъ писателей въ томъ или другомъ пунктѣ, быть можетъ, не совсѣмъ раціонально; но если оставить въ сторонѣ эти отчасти наивные пріемы Брессона, то трудъ его долженъ быть признанъ весьма полезнымъ, какъ опытъ систематическаго изложенія двухъ главныхъ доктринъ новѣйшей соціологіи. Очень немногіе имѣютъ возможность одолѣть многотомныя сочиненія Конта и Спенсера; для большинства читателей вполнѣ достаточно знать главныя теоріи и выводы этихъ ученыхъ, и такое знакомство вполнѣ достигается при помощи книги Брессона. Нужно только не забывать, что мнѣнія Спенсера, излагаемыя авторомъ въ видѣ научныхъ истинъ, не раздѣляются весьма многими спеціалистами по общественной наукѣ и встрѣчаютъ серьезный отпоръ въ литературѣ, особенно въ Германіи. Авторъ раздѣлилъ свою работу на три части, не считая обширнаго введенія; онъ разсматриваетъ отдѣльно три области соціальнаго развитія—умственную, общественную и нравственную, что́ и выражено въ самомъ заглавіи книги.

II.

La France du centenaire, par *Édouard Goumy*. Paris, 1889.

Столѣтній юбилей французской революціи породилъ уже довольно значительную литературу; недавно еще мы говорили объ интересной книгѣ Фернеля, посвященной критическому разбору принциповъ 1789 года съ современной точки зрѣнія. Та же критика прошлаго преобладаетъ въ трактатѣ Эдуарда Гуми, но уже въ другомъ видѣ, гораздо менѣе основательномъ. Авторъ судитъ и осуждаетъ дѣятелей революціи, какъ судятъ писателей за выпущенныя ими книги; онъ совершенно не принимаетъ въ разсчетъ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ и условій, при которыхъ произошли критикуемыя событія, и упускаетъ изъ виду господствовавшее настроеніе того времени. Онъ приписываетъ узкіе буржуазные мотивы людямъ, которые съ радостью приносили себя тогда въ жертву за идею; онъ клеймитъ этихъ восторженныхъ приверженцевъ свободы запоздалыми эпитетами „свирѣпыхъ невѣждъ", уничтожавшихъ древніе устои политической жизни съ чувствомъ „дикаря, который превращаетъ въ груду пепла вѣковой дубовый лѣсъ". Онъ говоритъ о ихъ „неизлечимомъ оптимизмѣ", о томъ, что̀ надо было сдѣлать для примиренія короля съ новыми конституціонными принципами, расточаетъ ретроспективные упреки и совѣты тогдашнимъ дѣятелямъ, причемъ пускается въ догадки и предположенія, не имѣющія никакой точки опоры въ фактахъ. Онъ увѣряетъ, что революціонеры не имѣли повода опасаться вмѣшательства посторонніхъ державъ и произвольно вовлекли Францію въ опасныя войны; притомъ не было будто бы ни малѣйшихъ шансовъ успѣха противъ коалиціи: страна „была вполнѣ безоружна, и солдаты шли на вѣрное пораженіе". Разгромъ республиканскихъ войскъ зависѣлъ будто бы только отъ доброй воли союзниковъ, которые, однако, не торопились одержать побѣду и исполняли свое дѣло „крайне неохотно", вслѣдствіе чего были побиты при Вальми. Въ сущности, по мнѣнію автора, „битвы почти и не было". Эдуардъ Гуми жестоко порицаетъ жирондистовъ за то, что они не предвидѣли и не понимали наступленія террора и анархіи.

Выставляя мнимое безсиліе и непониманіе тогдашнихъ дѣятелей, авторъ вынужденъ, однако, признать, что революція „окружила отечество неодолимою стѣною двѣнадцати армій", что „военная Франція была организована для побѣды тріумвиратомъ комитета общественнаго спасенія", и что скоро „Европа оказалась не въ силахъ выдержать удары Франціи". Авторъ какъ-то странно отдѣляетъ дѣйствующихъ

лицъ отъ результатовъ ихъ дѣйствій. Военные успѣхи были баснословны; „около милліона французовъ находилось подъ ружьемъ, будучи проникнуты однимъ чувствомъ и одною вѣрою, увлеченные святостью дѣла, которое они защищали"; „они имѣли одну только идею и одну цѣль—побѣдить враговъ, для спасенія республики и отечества". Очевидно, руководители этихъ людей, солдатъ, пославшіе ихъ на войну, не могли быть столь мелки и недальновидны, какъ думаетъ изобразить ихъ авторъ.

Не будучи ни бонапартистомъ, ни безусловнымъ монархистомъ, Гуми восторгается государственнымъ переворотомъ 18 брюмера, превозноситъ Бонапарта — перваго консула и императора, но рѣзко порицаетъ его безумныя военныя предпріятія. Онъ указываетъ затѣмъ на извѣстные недостатки позднѣйшихъ режимовъ—реставраціи, монархіи Луи-Филиппа, второй республики и имперіи; къ послѣдней онъ относится вполнѣ отрицательно, съ оттѣнкомъ патріотическаго негодованія. Чувствуя нѣкоторую слабость къ Бурбонамъ и къ легитимизму, онъ, тѣмъ не менѣе, осуждаетъ монархистовъ, противодѣйствовавшихъ прочному установленію республики при Макъ-Магонѣ.

„Напрасно—говоритъ онъ—имѣемъ мы предъ собою опытъ столѣтія со времени великаг предпріятія нашихъ отцовъ. Наше политическое воспитаніе остается то же, что и у нихъ, и нашъ политическій темпераментъ унаслѣдованъ нами отъ прошлаго. Мы—самые „субъективные" изъ людей, субъективные, какъ артисты, женщины и дѣти, неспособные возвыситься надъ своими личными впечатлѣніями и смотрѣть на людей и на вещи иначе, чѣмъ сквозь призму нашего чувства. Мы представляемъ изъ себя, среди Европы, народъ волнующійся, лишенный равновѣсія, безпокойный и болѣзненно-нервный, среди народовъ спокойныхъ и здравомыслящихъ". Такое самобичеваніе служитъ характеристическою чертою новѣйшихъ французскихъ писателей, занимающихся общими вопросами политики.

Авторъ мимоходомъ упоминаетъ и о фактахъ другого рода, свидѣтельствующихъ о великомъ нравственномъ значеніи тѣхъ политическихъ идей, которыя воплощала въ себѣ Франція. Эльзасскіе жители, говорящіе по-нѣмецки, проникнуты французскимъ патріотизмомъ и стремятся возсоединиться съ Франціею, несмотря на всѣ соблазны и старанія соплеменной имъ Германіи. Вѣроятно, есть что-то такое въ характерѣ и въ политической жизни французовъ, что крѣпко привязываетъ къ нимъ даже инородцевъ. „Мы никогда не имѣли,—замѣчаетъ Гуми съ справедливою гордостью,—ни Ирландіи, ни Ломбардо-Венеціи, ни Польши, ни Эльзасъ-Лотарингіи. Мы не знаемъ ничего подобнаго. Корсика была пріобрѣтена сначала деньгами, потомъ оружіемъ,—двумя способами, изъ которыхъ одинъ низокъ, а другой

возмутителенъ. Спросите ее теперь, помнитъ ли она это и желаетъ ли она лучшей участи для себя, чѣмъ остаться французской?"

Эдуардъ Гуми, какъ и большинство современныхъ французовъ, не ищетъ идеальнаго государственнаго строя и не вѣритъ въ отвлеченныя теоріи въ этой сложной практической области; онъ желалъ бы сохраненія и укрѣпленія республики на почвѣ консервативныхъ общественныхъ силъ, причемъ монархисты должны были бы, наконецъ, отказаться отъ своихъ безплодныхъ иллюзій и примкнуть окончательно къ существующимъ учрежденіямъ. Авторъ надѣется, что возможно ограничить и сдерживать напоръ демократіи посредствомъ искусственнаго политическаго механизма, въ которомъ подобающее мѣсто было бы предоставлено представителямъ интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Опытъ нынѣшней конституціи, дающей весьма значительную роль сенату и президенту республики, не разувѣрилъ еще французскихъ политическихъ писателей относительно возможности поставить какія-либо преграды перемѣнчивому настроенію и возбужденію народныхъ массъ. При французскомъ народномъ темпераментѣ всеобщая подача голосовъ не выноситъ надъ собою ни умѣряющаго вліянія второй палаты, ни личнаго вмѣшательства президента республики. Комбинаціи, придумываемыя по этому поводу Эдуардомъ Гуми, кажутся для посторонняго наблюдателя совершенно безцѣльными и напрасными.

III.

Corentin Guyho. Études d'histoire parlementaire. Les hommes de 1852. Paris, 1889.

Возрожденіе идей цезаризма въ современной Франціи составляетъ чрезвычайно интересный и поучительный фактъ народной психологіи; оно заслуживаетъ вниманія не съ одной только политической, но и съ обще-исторической точки зрѣнія. Корентенъ Гюйо представилъ въ своей книгѣ яркую картину того нравственнаго упадка, который водворяется въ обществѣ подъ вліяніемъ смѣлой узурпаціи, порожденной честолюбіемъ отдѣльныхъ лицъ и пассивною довѣрчивостью толпы.

Въ сущности, принцъ Луи-Наполеонъ вполнѣ законнымъ способомъ достигъ правительственной власти, въ качествѣ президента республики; онъ съумѣлъ пріобрѣсть популярность въ низшихъ классахъ населенія, заручился поддержкою многихъ республиканцевъ и радикаловъ, былъ выбранъ въ депутаты и затѣмъ былъ назначенъ на высшій постъ въ государствѣ громаднымъ большинствомъ французскихъ избирателей, посредствомъ всеобщаго народнаго голосованія. Такъ какъ принцъ олицетворялъ собою идею имперіи и пытался

даже насильственно осуществить свою мечту при Луи-Филиппѣ, то никто не могъ сомнѣваться въ его намѣреніяхъ, и народный выборъ, поставившій его во главѣ Франціи, свидѣтельствовалъ какъ будто о желаніи страны видѣть его императоромъ. Очень возможно, что, обратившись открыто къ народу, онъ добился бы желаннаго результата при сохраненіи внѣшнихъ формъ политической свободы, безъ насилій и беззаконій, положившихъ мрачную печать на все его царствованіе. Онъ выступилъ изъ своей легальной роли въ концѣ 1851 года, въ знаменитую ночь на 2 декабря, когда онъ, при помощи военной силы, совершилъ государственный переворотъ, передѣлалъ по своему конституцію и арестовалъ всѣхъ главныхъ дѣятелей парламентской оппозиціи. По словамъ Коренгена Гюйо — свидѣтеля вообще безпристрастнаго и спокойнаго,—истинный характеръ переворота долго оставался неизвѣстнымъ французской публикѣ, вслѣдствіе вынужденнаго молчанія независимой печати и исключительнаго господства льстивыхъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ газетъ, дававшихъ событіямъ крайне одностороннее освѣщеніе.

„Во время паники,—говоритъ авторъ,— когда внезапно разрублены проводники газа и настаетъ полная темнота, жертвы лишаются возможности не только получить помощь, но и быть услышанными и вызвать къ себѣ чувство сожалѣнія. Только позднѣйшее обстоятельное разслѣдованіе со стороны судебной власти возстановляетъ предъ нами трагическую истину. Такъ же точно, послѣ переворота 1851 года, свѣтъ былъ внезапно погашенъ уничтоженіемъ всей независимой печати, и потому современники знали только тѣ подробности дѣла, которыя могли быть извѣстны имъ, очевидцамъ. Что сообщалось публикѣ о переворотѣ? Оффиціальные отчеты изображали противодѣйствіе защитниковъ законнаго порядка въ видѣ преступныхъ посягательствъ на общественное спокойствіе и безчестили политическую борьбу республиканцевъ, приписывая имъ возмутительныя и позорныя дѣйствія. Вторая имперія жила и поддерживалась именно этой легендою, разукрашенною изобрѣтательнымъ умомъ продажныхъ журналистовъ и питаемою равнодушіемъ общества, которое всецѣло отдавалось интересамъ матеріальнаго благосостоянія; имперія жила этимъ дѣйствительнымъ, хотя, повидимому, и невѣроятнымъ незнаніемъ того, что было беззаконнаго и насильственнаго въ дѣлѣ 2-го декабря. Наконецъ, обвинительные документы, собранные въ книгѣ Тено, стали извѣстны большой публикѣ. Это былъ какъ бы трупъ утопленника, который, исчезнувъ въ водѣ надолго, всплываетъ вновь на поверхность, въ качествѣ запоздалаго свидѣтеля голой и кровавой истины“.

Особенности режима, смѣнившаго республику 1848—51 годовъ, лучше всего характеризуются свойствами того персонала, который

призванъ былъ управлять страною. Опорами общественнаго порядка оказывались люди, которые сами „нуждались въ опорѣ при выходѣ изъ café Anglais“. Личные фавориты и слуги принца-президента превратились въ первыхъ сановниковъ государства; ихъ безцеремонныя дѣйствія и распоряженія опредѣлили собою сущность внутренней политики новаго правительства. Фигуры ближайшихъ друзей Луи-Наполеона и исполнителей его воли, въ родѣ Персиньи, Морни, Фульда и другихъ, выступаютъ весьма рельефно въ очеркахъ и воспоминаніяхъ Коренгена Гюйо.

Наиболѣе поразительною чертою переходной эпохи, описываемой авторомъ, является внезапная приниженность общественнаго мнѣнія, готовность преклониться предъ властью узурпатора и отсутствіе всякихъ серьезныхъ попытокъ народнаго протеста противъ воцарившагося произвола. Оппозиція сошла со сцены и какъ будто улетучилась безслѣдно; отдѣльные представители ея удалились за границу и потеряли практическое значеніе для Франціи. Бывшіе республиканцы, какъ Руэръ и Барошъ, поступили на службу къ Луи-Наполеону и подготовили формальное утвержденіе имперіи. Честолюбію мелкихъ политическихъ дѣятелей, ихъ страсти къ наживѣ и къ наслажденіямъ, данъ былъ полный просторъ; каррьеристы и аферисты завладѣли государствомъ.

Переходъ республики въ имперію совершился въ теченіе одного года, и этимъ 1852 годомъ авторъ ограничивается въ своемъ разсказѣ. Избраніе послушнаго законодательнаго корпуса подъ руководствомъ благонадежныхъ префектовъ, фиктивныя рѣшенія сената, составленнаго изъ вѣрныхъ бонапартистовъ и чиновниковъ, скромныя засѣданія обоихъ „представительныхъ“ собраній, комедія добровольныхъ постановленій и демонстрацій, заранѣе опредѣленныхъ министрами во всѣхъ подробностяхъ, — все это чередуется въ книгѣ съ живыми картинками общественныхъ нравовъ и грубаго индифферентизма того времени. Даже люди независимые и талантливые поддавались общему теченію и вплетали лесть въ свои робкія критическія замѣчанія о новыхъ порядкахъ. Оффиціальная льстивая ложь господствовала во всѣхъ сферахъ политической жизни; государственный механизмъ превратился въ мертвящую силу, лишенную живого внутренняго содержанія. Искусственное зданіе имперіи могло держаться только до тѣхъ поръ, пока оно поддерживалось внѣшними удачами и наружнымъ блескомъ; оно развалилось само собою послѣ первыхъ серьезныхъ толчковъ, во время несчастной войны съ Пруссіею.

Нельзя, конечно, ожидать, что уроки прошлаго окажутъ какое-нибудь вліяніе на французовъ, увлеченныхъ перспективою новаго цезаризма въ лицѣ генерала Буланже; но историческія напоминанія,

излагаемыя съ возможнымъ безпристрастіемъ въ такихъ книгахъ, какъ трудъ Корентена Гюйо, показываютъ наглядно всѣмъ и каждому, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ забвеніе общественныхъ и народныхъ правъ во имя преклоненія предъ личностью.—Л. С.

IV.

Ernest Renan, Histoire du peuple d'Israel. Tome deuxième. Paris, 1889.

Новая книга Ренана быстро подвигается впередъ; не прошло еще и года съ тѣхъ поръ, какъ мы говорили о первомъ ея томѣ—а теперь уже вышелъ въ свѣтъ второй, доводящій исторію евреевъ до паденія израильскаго царства. Полный разборъ сочиненій Ренана представляется у насъ, въ большинствѣ случаевъ, затруднительнымъ, почти невозможнымъ; неудобно даже передавать существенныя черты ихъ содержанія,—указывать на то, чѣмъ они отличаются отъ другихъ однородныхъ изслѣдованій. Мы ограничимся, поэтому, нѣсколькими отдѣльными замѣчаніями, не столько историческаго, сколько литературнаго свойства. Ренанъ всегда любилъ параллели между различными историческими эпохами, между прошедшимъ и настоящимъ. Въ четвертомъ томѣ „Исторіи происхожденія христіанства“ („L'Antechrist“) есть, напримѣръ, страницы, одинаково примѣнимыя къ возстанію евреевъ противъ римлянъ—и къ франко-прусской войнѣ 1870 г.; мы едва ли ошибемся даже, если скажемъ, что онѣ болѣе примѣнимы къ послѣдней, нежели къ первому, такъ какъ непосредственнымъ поводомъ къ ихъ написанію послужили, очевидно, тяжелые дни, только-что пережитые Франціей („Антихристъ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1873 г.). Разсказывая про зелотовъ, руководившихъ защитой Іерусалима, историкъ постоянно имѣетъ въ виду коммунаровъ, овладѣвшихъ Парижемъ въ мартѣ 1871 г. Въ шестомъ томѣ „Исторіи происхожденія христіанства“ („L'église chrétienne“) Ренанъ говоритъ о произведеніяхъ II-го вѣка по Р. Х., предсказывавшихъ, съ христіанской точки зрѣнія, скорое истребленіе міра огненнымъ потопомъ. Строгость римской полиціи къ произведеніямъ этого рода объясняется и оправдывается слѣдующими доводами, опять-таки почерпнутыми изъ личныхъ впечатлѣній писателя: „опасно предвѣщать приближеніе пожара. Народъ подверженъ страннымъ галлюцинаціямъ. Когда трагическія сцены, ожидаемыя имъ, долго не наступаютъ, онъ иногда беретъ на себя ихъ осуществленіе. *Парижане создали коммуну, потому что не насталъ обѣщанный имъ пятый актъ осады*“. Одного изъ дѣятелей II-го вѣка Ренанъ уподобляетъ модному проповѣднику въ модной париж-

ской церкви, другого—Ламенне. Ту же самую манеру, со всѣми ея достоинствами и недостатками, мы встрѣчаемъ и въ „Исторіи израильскаго народа". „Когда крупная политическая сила — читаемъ мы здѣсь въ главѣ 18 четвертой книги—приходитъ въ соприкосновеніе съ мелкими, раздробленными силами, послѣдствіемъ этого всегда бываетъ поляризація. Средневѣковая германская имперія, однимъ положеніемъ своимъ надъ итальянскими республиками, создала партію гвельфовъ и партію гиббелиновъ. Нѣчто подобное совершилось въ Сиріи, какъ только она почувствовала могущество Ниневіи. Царства дамасское и израильское, забывъ свои долгія распри, стали во главѣ союза противъ Ассиріи; царство іудейское именно вслѣдствіе этого склонилось на противоположную сторону". Впечатлѣніе, произведенное ассиріянами на палестинскихъ семитовъ, сравнивается Ренаномъ съ впечатлѣніемъ монгольскаго нашествія на западно-азіатскихъ мусульманъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ разница въ религіозномъ міросозерцаніи и въ культѣ была такъ велика, что побѣдители, въ глазахъ побѣжденныхъ, казались вовсе лишенными религіозныхъ вѣрованій. Чтобы лучше характеризовать религіозное движеніе, овладѣвающее, въ срединѣ VIII-го вѣка, населеніемъ Іудеи, Ренанъ указываетъ на сходство его съ первобытнымъ исламизмомъ. Здѣсь, какъ и тамъ, требуются суровость нравовъ, подавленіе роскоши, подчиненность женщинъ—требуются во имя государства, отвѣтственнаго за исполненіе нравственнаго закона. Общество образуетъ солидарное цѣлое; оно наказывается или награждается смотря по поведенію его членовъ. Добродѣтельный человѣкъ можетъ пострадать за пороки сосѣда; отсюда добровольный надзоръ перваго за послѣднимъ, прямо противоположный нашимъ современнымъ взглядамъ. Теперь никто не думаетъ о томъ, чтобы навязать другимъ собственную строгость жизни; тогда это было неизбѣжно—и отдаленнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей было фарисейство... Повѣствуя о противодѣйствіи, встрѣченномъ династіей Ахава со стороны пророковъ, Ренанъ иллюстрируетъ этотъ фактъ указаніемъ на аналогическое явленіе въ современной Алжиріи. „Фанатизмъ нѣсколькихъ глубоко убѣжденныхъ зелотовъ, усиливаемый страстностью увлекаемой имъ толпы—это эндемическая болѣзнь семитическихъ или семитизированныхъ племенъ. Главной преградой на пути распространенія французской цивилизаціи въ Алжиріи служатъ странствующіе марабуты, ищущіе въ богомольномъ нищенствѣ освобожденія отъ ненавистной для нихъ правильной работы. Не нужно скрывать отъ себя, что въ составъ привязанности къ старинѣ и отвращенія къ тирскимъ нравамъ входила и въ Палестинѣ значительная доля лѣности". „Востоку—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—никогда не былъ чуждъ тотъ странный типъ, представителями котораго служатъ

въ настоящее время мусульманскіе дервиши. Уже въ IX-мъ вѣкѣ до Р. Х. былъ распространенъ обычай воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ и отъ стрижки волосъ, длина которыхъ казалась символомъ патріархальной жизни. Экзальтація, театромъ которой было царство израильское, создала настоящихъ монаховъ, подобно тому, какъ средніе вѣка, томимые жаждой первобытнаго христіанскаго идеала, положили начало нищенствующимъ монашескимъ орденамъ". Религіозные новаторы IX и VIII-го вѣка являются у Ренана какъ бы предшественниками, по духу, проповѣдниковъ временъ Лиги или Кромвеллевскихъ пуританъ; главные изъ нихъ—какъ бы родные братья Кальвина, Нокса, Кромвелля. Въ этой параллели много правды, но Ренану больше нравится другая, къ которой онъ возвращается неоднократно. „Проповѣдникъ VIII-го вѣка—это журналистъ подъ открытымъ небомъ, самъ, съ соотвѣтственной мимикой, декламирующій свою статью и часто переходящій отъ словъ къ дѣлу... Первая газетная статья, не допускающая ни примиренія, ни уступокъ (le premier article de journaliste intransigeant), написана за 800 лѣтъ до Р. Х.; авторъ ея можетъ быть названъ патрономъ радикальныхъ публицистовъ... Пророки (теперь мы сказали бы: журналисты) дѣлали изъ всѣхъ вопросовъ нѣчто въ родѣ пароксизма; ихъ ослѣпляла ненависть къ Тиру и Сидону... Проповѣдь пророковъ представляетъ несомнѣнное сходство съ современнымъ журнализмомъ, который также является индивидуальною властью, рядомъ съ организованной силой правительства, духовенства, аристократіи. Проповѣдники были журналистами, говорившими отъ имени Бога". Не останавливаясь на этой общей параллели, Ренанъ идетъ еще дальше и сравниваетъ одного изъ пророковъ съ Каррелемъ или Жирарденомъ [1]). Здѣсь открывается всего яснѣе слабая сторона подобныхъ аналогій. Не говоримъ уже о томъ, что Арманъ Каррель и Эмиль де-Жирарденъ вовсе не похожи другъ на друга, и что нельзя, слѣдовательно, быть похожимъ на обоихъ. Если даже отбросить Жирардена—человѣка по преимуществу „современнаго", воплощающаго въ себѣ одну изъ наименѣе симпатичныхъ сторонъ культуры XIX-го вѣка,—и ограничиться однимъ Каррелемъ, то сравниваемыя величины все-таки окажутся черезъ-чуръ разнородными, не имѣющими ничего общаго, кромѣ искренности. Различны цѣли, различны способы дѣйствій, различна обстановка,

[1]) Столь же странно сравненіе одного изъ предполагаемыхъ авторовъ священныхъ книгъ, современника первыхъ пророковъ, съ Гартманомъ—по мрачно-пессимистическому настроенію, съ Гегелемъ (!)—по пристрастію къ общимъ формуламъ. Другое дѣло, когда параллель касается только внѣшнихъ формъ—когда, напримѣръ, Ренанъ ставитъ пророка Исаію, съ точки зрѣнія языка, въ такое же отношеніе къ его предшественникамъ, въ какомъ Виргилій находится къ Эннію.

различны всѣ производящія причины... Сравненіе ветхозавѣтной проповѣди съ журнализмомъ, такъ настойчиво поддерживаемое и развиваемое Ренаномъ, было бы болѣе умѣстно въ газетной статьѣ, чѣмъ въ научномъ историческомъ сочиненіи; оно остроумно, но ошибочно въ самыхъ своихъ основахъ.

Матеріалъ для сравненій Ренанъ заимствуетъ не изъ одной только области исторіи и политики; они отличаются, иногда, чисто-поэтическимъ характеромъ. „Раса,—говоритъ онъ,—вѣчно живетъ воспоминаніями своего дѣтства, подобно тому, какъ человѣку часто всю жизнь грезятся женскія головки, видѣнныя имъ въ возрастѣ 15—18 лѣтъ“... „Своды Сикстинской капеллы—единственный переводъ, достойный великихъ библейскихъ страницъ; Микель-Анджело — единственный художникъ, съумѣвшій передать іеговиста [1]), потому что онъ ему истинный братъ по духу“. Иногда въ словахъ Ренана ясно отражается его личное чувство, слышится отголосокъ его собственныхъ разочарованій. „Когда ясновидящій человѣкъ предвидитъ и предвѣщаетъ общественныя бѣдствія, узкіе умы всегда обвиняютъ его въ томъ, что онъ желаетъ этихъ бѣдствій. Роль Кассандры—самая печальная изъ всѣхъ, могущихъ выпасть на долю друзей истины“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ именемъ Кассандры Ренанъ разумѣетъ здѣсь, между прочимъ, самого себя, вспоминая свои попытки плыть противъ теченія и сопряженныя съ ними политическія неудачи... Иногда разсказъ прерывается лирическими возгласами, прямо выражающими настроеніе автора. „Египетъ и Ассирія были самыми крупными силами изъ всѣхъ когда-либо до тѣхъ поръ существовавшихъ; ихъ столкновеніе было неизбѣжно въ силу фатальнаго закона, управляющаго человѣчествомъ, когда оно не возвышается надъ своими грубыми инстинктами. *Увы! какъ еще далеко до освобожденія изъ-подъ ихъ власти!*“ Лиризмомъ полны и всѣ тѣ страницы, въ которыхъ Ренанъ излагаетъ, попутно, свою философію исторіи. „Такова уже судьба бѣднаго человѣчества, что къ благу оно приходитъ только цѣною зла, къ истинѣ—цѣною заблужденія. Кто захочетъ теперь принять всецѣло наслѣдство Кальвина, Генриха VIII и Іоанна Лейденскаго? А между тѣмъ протестантизмъ XVI-го вѣка былъ несомнѣнно рѣшительнымъ шагомъ впередъ въ религіозномъ развитіи“... „Жребій брошенъ. Свѣтская партія цивилизаціи и прогресса, побѣжденная уже однажды послѣ смерти Соломона, побѣждена опять, уничтоженіемъ Ахавовой династіи. Народъ никогда не играетъ двухъ ролей въ одно и то же время. Съ половины IX-го вѣка рѣшено, что Израиль не будетъ народомъ какъ всѣ другіе. Посред-

[1]) Іеговистомъ западная наука называетъ одного изъ предполагаемыхъ ею составителей пятикнижія.

ственный въ дѣлахъ свѣтскихъ, онъ будетъ единственнымъ въ области религіи. Будущее принадлежитъ здѣсь не мудрымъ царямъ, не разсудительнымъ политикамъ; оно принадлежитъ мечтателямъ и утопистамъ... Есть существенная разница между фанатизмомъ духовной касты и фанатизмомъ свѣтскихъ иллюминатовъ. Протестантизмъ, вначалѣ не чуждый сходства съ проповѣдью израильскихъ пророковъ, получилъ, со временемъ, либеральный оттѣнокъ, тогда какъ католическій фанатизмъ, какимъ мы его видимъ въ Филиппѣ II и Піи V, принесъ только вредъ и никогда не подвергался обновленію. Личное вдохновеніе никогда не можетъ быть столь опасно, какъ папство и непогрѣшимая церковь. Суровые дѣятели IX-го вѣка были освободителями, сами того не зная; они боролись противъ худшей изъ всѣхъ тираній—противъ союза невѣжественной толпы съ низко павшимъ священствомъ". Въ VIII-мъ вѣкѣ Ренанъ привѣтствуетъ рождающійся идеализмъ и одну изъ рѣдкихъ побѣдъ духовнаго начала; онъ ставитъ эту эпоху на одинъ рядъ съ V-мъ вѣкомъ въ Греціи и со временемъ реформаціи въ западной Европѣ. „Движеніе міра—таково заключеніе второго тома—обусловливается параллелограмомъ двухъ силъ: либерализма, стремящагося къ возможно бо́льшему развитію человѣка, и соціализма, всего выше ставящаго справедливость и счастье массы. Источникъ перваго—въ V-мъ, источникъ втораго—въ VIII-мъ вѣкѣ до Р. Х. Чтобы рѣшить, на чьей сторонѣ право, нужно было бы знать, въ чемъ заключается цѣль человѣчества—въ благосостояніи личностей, изъ которыхъ оно состоитъ, или въ достиженіи абстрактныхъ объективныхъ результатовъ, немыслимыхъ безъ цѣлыхъ гекатомбъ человѣческихъ жертвъ? На этотъ вопросъ каждый отвѣчаетъ согласно съ своей нравственной природой—и этого достаточно. Вселенная, не раскрывающая намъ послѣдняго своего слова, осуществляетъ свои цѣли, благодаря безконечному разнообразію сѣмянъ жизни. Будемъ спокойны; если мы ошибаемся, если мы идемъ наперекоръ высшей волѣ, это не имѣетъ серьезнаго значенія. Человѣчество—одинъ изъ безчисленныхъ муравейниковъ, раскинутыхъ въ пространствѣ; въ каждомъ изъ нихъ разумъ пробуетъ свои силы; если мы проиграемъ партію, ее выиграютъ другіе". Философское спокойствіе Ренана едва ли будетъ усвоено многими изъ его читателей; опытъ, производимый въ *нашемъ* муравейникѣ, слишкомъ намъ близокъ, чтобы можно было утѣшаться мыслью о возможности успѣха въ другихъ возможныхъ центрахъ разумной жизни. Въ готовности отрѣшиться отъ дѣйствительности и признать неразрѣшимыми самые насущные ея вопросы отразился еще разъ умственный аристократизмъ Ренана.—К. К.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го мая 1889.

Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и новыя нападенія на присяжную адвокатуру.—Еврейскій вопросъ на адвокатской почвѣ.—Усиленіе надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ.—Спорные вопросы адвокатской нравственности. — Увеличеніе почтовой таксы за пересылку книгъ и ея неизбѣжныя послѣдствія.

Весна—обычное время для нападеній на присяжную адвокатуру. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выходитъ въ свѣтъ отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ—и тотчасъ же подвергается непріязненной критикѣ. Въ нынѣшнемъ году главнымъ для нея матеріаломъ послужили данныя, относящіяся къ распредѣленію присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ по вѣроисповѣданіямъ. Изъ 296 присяжныхъ повѣренныхъ, числившихся къ 1 марта въ округѣ петербургской судебной палаты, православныхъ было 160 (54%), евреевъ—62 (21%), католиковъ—38 (почти 13%) и лютеранъ—36 (съ небольшимъ 12%), а изъ числа 264 помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ православныхъ было 109 (болѣе 41%), евреевъ—104 (болѣе 39%), католиковъ—34 (почти 13%), лютеранъ—17 (менѣе 7%). Въ теченіе отчетнаго года число православныхъ присяжныхъ повѣренныхъ почти не увеличилось (ихъ было 159, теперь—160), а евреевъ прибавилось 14. Относительно помощниковъ сравнительныя данныя за два года представляютъ нѣчто невѣроятное или даже совсѣмъ невозможное: число православныхъ оказывается уменьшившимся на 38 (съ 147 до 109), число евреевъ—увеличившимся на *шестьдесятъ шесть* (съ 38 до 104), между тѣмъ какъ всѣхъ выбывшихъ изъ числа помощниковъ въ другомъ мѣстѣ отчета насчитывается, за тотъ же періодъ времени, только 34, всѣхъ же вступившихъ въ помощники—только 53. Здѣсь, очевидно, есть какая-то ошибка, требующая разъясненія со стороны совѣта—но несомнѣннымъ, во всякомъ случаѣ, остается фактъ быстраго роста иновѣрцевъ какъ между присяжными повѣренными, такъ и въ особенности между ихъ помощниками. Такъ какъ ряды присяжныхъ повѣренныхъ пополняются преимущественно бывшими помощниками, то легко можетъ настать моментъ, когда большинство въ сословіи перейдетъ въ руки иновѣрцевъ; возможно даже и то, что сословіе на половину или больше будетъ состоять изъ евреевъ. Вполнѣ нормальнымъ такой порядокъ вещей назвать нельзя; въ столицѣ русскаго государства, въ городѣ съ преобладающимъ русскимъ

населеніемъ, чисто-русскому элементу всего естественнѣе имѣть на своей сторонѣ численный перевѣсъ во всѣхъ учрежденіяхъ, во всѣхъ корпораціяхъ общегосударственнаго характера. Съ этой точки зрѣнія весьма высокимъ представляется уже и нынѣшнее число евреевъ въ средѣ петербургской присяжной адвокатуры. Спрашивается, однако, виновата ли въ этомъ сама адвокатура, т.-е. законные ея представители? На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, отвѣчаемъ отрицательно. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ явно нарушилъ бы и законъ, и свою нравственную обязанность, еслибы отказалъ хоть одному еврею потому только, что онъ еврей. Довольно уже у насъ и безъ того лицъ и учрежденій, враждебно настроенныхъ къ другимъ національностямъ и исповѣданіямъ; было бы слишкомъ грустно, еслибы это настроеніе проникло и въ одну изъ немногихъ нашихъ самоуправляющихся корпорацій. Поводомъ къ отказу въ званіи присяжнаго повѣреннаго—на одинъ уровень съ которымъ практика поставила и званіе помощника—можетъ служить или одно изъ препятствій, прямо перечисленныхъ въ законѣ, или достаточно доказанная нравственная неблагонадежность. Повторяемъ—*достаточно доказанная*; однихъ *предположеній*, особенно если единственнымъ ихъ основаніемъ служитъ происхожденіе даннаго лица, слишкомъ мало, чтобы закрыть ему доступъ въ сословіе и наложить на него клеймо, ничѣмъ не заслуженное и трудно изгладимое. Газетные крикуны, обвиняющіе совѣтъ въ пристрастіи къ евреямъ, не понимаютъ или не хотятъ понять, чего они отъ него требуютъ. Они хотятъ, чтобы онъ взялъ на себя роль сердцевѣдца, предугадывающаго будущіе поступки; они хотятъ, чтобы онъ руководствовался чистѣйшимъ произволомъ, принимая однихъ, устраняя другихъ исключительно въ силу девиза: sit pro ratione voluntas. Молодой человѣкъ усердно учился четыре года, желая и надѣясь посвятить себя всецѣло адвокатской дѣятельности; во имя чего совѣтъ могъ бы сказать ему: ты намъ ненуженъ? Профессора и товарищи даютъ о немъ самый хорошій отзывъ, упрекнуть его рѣшительно не въ чемъ, нѣтъ даже отдаленнаго повода предполагать въ немъ расположеніе къ чему-нибудь дурному; и все-таки совѣтъ долженъ отнестись къ нему съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ, только потому, что онъ родился евреемъ? Еще несправедливѣе, еще возмутительнѣе было бы такое отношеніе къ помощнику, безукоризненно отбывшему пятилѣтній искусъ и желающему вступить въ присяжные повѣренные. Отказать ему, значило бы уже признать его не только *способнымъ* нарушить профессіональный долгъ, но и дѣйствительно его нарушившимъ; другими словами, это значило бы осудить завѣдомо невиннаго. Повѣрять со всею строгостью прошедшее помощника совѣтъ имѣетъ полное право и даже обязанъ—но критеріумъ при этой повѣркѣ дол-

жетъ быть всегда одинъ и тотъ же, независимый отъ происхожденія и вѣроисповѣданія. Такъ, по видимому, и дѣйствовалъ до сихъ поръ петербургскій совѣтъ, не увлекаясь модными теченіями, не смущаясь шипѣніемъ и свистомъ псевдо-патріотической прессы; это его большая и безспорная заслуга.

Со стороны правительства принята уже недавно одна мѣра, имѣющая косвенное, но весьма существенное отношеніе къ занимающему насъ вопросу: это — ограниченіе пріема евреевъ въ университеты и въ гимназіи. Послѣдствія его еще не успѣли обнаружиться, потому что съ тѣхъ поръ прошло только два года,—но ихъ нетрудно предвидѣть. Уже въ 1880 г. евреи составляли около 7% общаго числа студентовъ; позже это отношеніе продолжало расти и, повидимому, весьма быстро; въ петербургскомъ университетѣ оно повысилось, напримѣръ, съ $4^1/_2$%—въ 1880 г. до $10^1/_2$%—въ 1887 [1]). Понятно, что сообразно съ этимъ увеличивалось и число евреевъ, оканчивавшихъ университетскій курсъ и что, наоборотъ, оно значительно уменьшится, когда въ каждомъ университетѣ число евреевъ будетъ низведено до 3% общаго числа студентовъ. Не входя въ оцѣнку такого ограниченія, замѣтимъ только, что оно неизбѣжно повлечетъ за собою пониженіе числа евреевъ, избирающихъ адвокатское поприще. Чтобы сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ или помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, необходимо законченное высшее юридическое образованіе; чѣмъ рѣже его будутъ достигать евреи, тѣмъ меньше будетъ контингентъ, поставляемый ими въ адвокатуру. Слѣдуетъ ли идти еще дальше и установить максимальное процентное отношеніе евреевъ къ общему числу адвокатовъ? Намъ кажется, что нѣтъ — и вотъ почему. Предоставляя кому-нибудь доступъ въ высшія учебныя заведенія, государство обязывается этимъ самымъ не заграждать передъ нимъ всѣхъ дорогъ, открываемыхъ высшимъ образованіемъ. Не странно ли было бы позволить евреямъ вступать въ институтъ путей сообщенія — и затѣмъ объявить, что они не въ правѣ быть инженерами? Или представимъ себѣ такой случай: поступать въ институтъ позволяется ежегодно десяти евреямъ, а инженерами могутъ становиться ежегодно только трое? Куда же дѣваться, что же дѣлать остальнымъ семи?.. Одно изъ двухъ: или ограниченіе, установленное по отношенію къ числу учащихся евреевъ, достаточно для уменьшенія ихъ, въ средѣ извѣстной профессіи, до нормы, заранѣе признанной желательною—въ такомъ случаѣ незачѣмъ созда-

[1]) Всего больше евреевъ было, въ 1880 г., въ университетахъ кіевскомъ (15%), новороссійскомъ (почти 12%) и варшавскомъ ($11^1/_2$%); петербургскій университетъ занималъ, въ этомъ отношеніи, только шестое мѣсто, послѣ харьковскаго (6%) и московскаго ($5^1/_2$%).

вать еще новую преграду, передъ самымъ входомъ въ профессію; или оно не достигаетъ цѣли—въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать его еще болѣе интенсивнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не усложнять его другимъ, несравненно худшимъ. Какъ ни горько молодому человѣку, окончившему курсъ въ гимназіи, отказаться отъ надежды на продолженіе ученья, еще тяжелѣе было бы положеніе того, кто, пройдя университетъ, убѣдился бы въ невозможности примѣнить пріобрѣтенныя знанія. А между тѣмъ, для еврея-юриста отказъ въ званіи адвоката равносиленъ именно такой невозможности. Государственная служба для него почти безусловно закрыта; онъ не можетъ быть ни профессоромъ, ни судьею, ни прокуроромъ. На движеніе впередъ онъ не можетъ разсчитывать и тогда, когда ему удастся, въ видѣ исключенія, занять какое-нибудь скромное мѣсто въ административномъ мірѣ. Этимъ объясняется и усиленная тяга евреевъ къ адвокатурѣ; имъ просто некуда больше идти, разъ что они окончили курсъ на юридическомъ факультетѣ. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ—въ эпоху наименьшаго предубѣжденія противъ евреевъ—въ одномъ изъ университетовъ блестящимъ образомъ оканчиваетъ курсъ юридическихъ наукъ еврей, имѣющій всѣ данныя для того, чтобы посвятить себя ученой дѣятельности. Его, дѣйствительно, намѣчаютъ кандидатомъ на профессорскую каѳедру, отправляютъ за границу на казенный счетъ,—но, возвращаясь оттуда, онъ застаетъ другія вѣянія и убѣждается въ неосуществимости своихъ любимыхъ плановъ. Судебные уставы въ это время только-что вводились въ дѣйствіе, и отъ молодого юриста зависѣло бы тотчасъ посвятить себя адвокатурѣ; но онъ предпочитаетъ работать на государственной службѣ. Достигнувъ должности товарища прокурора, онъ чувствуетъ, что дальше ему не пойти, развѣ цѣною перемѣны вѣроисповѣданія — и только тогда рѣшается поступить въ адвокаты, между которыми сразу занимаетъ и до сихъ поръ удерживаетъ за собою очень выдающееся мѣсто. Конечно, это случай не единственный въ своемъ родѣ; мы могли бы привести еще нѣсколько другихъ, не менѣе типичныхъ. Не видя другого исхода, евреи, по необходимости, устремляются въ единственную дверь, передъ которою у нихъ не спрашиваютъ метрическаго свидѣтельства. Облегченіе для евреевъ доступа къ другимъ профессіямъ, требующимъ юридическихъ знаній, было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ уменьшить наплывъ ихъ въ адвокатуру.

Весьма любопытно и важно было бы знать, понижается ли, по мѣрѣ увеличенія числа присяжныхъ повѣренныхъ-евреевъ, нравственный уровень присяжной адвокатуры. Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ; вѣроисповѣданіе присяжныхъ повѣренныхъ,

привлекаемыхъ къ дисциплинарной отвѣтственности, въ отчетахъ совѣта не означается,—да еслибы и оказалось, что евреевъ между ними сравнительно мало, то противники евреевъ всегда могли бы утверждать, что это объясняется исключительно бо́льшею ихъ ловкостью и осторожностью. Насъ поразилъ, при чтеніи послѣдняго отчета, только одинъ фактъ, положительно благопріятный для евреевъ. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ обязаны, какъ извѣстно, участвовать въ юридическихъ конференціяхъ, имѣющихъ цѣлью теоретическую и практическую ихъ подготовку къ адвокатской дѣятельности. Для этого помощники распредѣляются на четыре группы; руководство каждой группой ввѣряется тремъ присяжнымъ повѣреннымъ, избираемымъ, на одинъ годъ, въ соединенномъ засѣданіи совѣта и коммиссіи помощниковъ. Понятно, что избранные такимъ образомъ руководители должны пользоваться не только репутаціей людей знающихъ и опытныхъ, но и нравственнымъ авторитетомъ, безъ котораго невозможно прочное вліяніе на молодыхъ людей. И что же? Изъ числа двѣнадцати руководителей, избранныхъ на 1888-89 г., *шестеро*, т.-е. ровно половина, были евреи. Конечно, по верхушкамъ нельзя еще составить себѣ вѣрнаго понятія о массѣ; быть можетъ, между выдающимися и заурядными адвокатами въ средѣ евреевъ существуетъ различіе болѣе рѣзкое, чѣмъ въ средѣ христіанъ. Допустимъ, что это такъ, и посмотримъ, что́ отсюда слѣдуетъ. Никто, даже изъ числа самыхъ ярыхъ враговъ еврейства, не рѣшится утверждать, что еврей вреденъ вездѣ и всегда, вреденъ безусловно и неизбѣжно. Еслибы таково было мнѣніе іудофобовъ, то они предложили бы распространить всѣ ограниченія, установленныя по отношенію къ евреямъ, и на тѣхъ, кто обратился изъ іудаизма въ христіанство, а можетъ быть даже и на ближайшихъ ихъ потомковъ. До подобныхъ предложеній не доходилъ, кажется, еще никто. Признается, слѣдовательно, что возможность или вѣроятность вреда обусловливается не національными свойствами еврея, унаслѣдованными имъ и въ свою очередь передаваемыми имъ по наслѣдству, а его обстановкой, его традиціями. Неужели, однако, эта обстановка можетъ быть измѣнена, эти традиціи могутъ уступить мѣсто другимъ только въ случаѣ перемѣны вѣроисповѣданія? Хорошо еще, еслибы обращеніе въ христіанство вызывалось всегда истиннымъ, горячимъ убѣжденіемъ; но вѣдь оно слишкомъ часто бываетъ только сдѣлкой съ обстоятельствами. Вліяніе корпораціи, правильно организованное, кажется намъ двигателемъ, по меньшей мѣрѣ, столь же сильнымъ, какъ и вліяніе единовѣрцевъ. Оставляя университетъ, молодой человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, воспріимчивъ къ хорошимъ внушеніямъ, къ хорошимъ примѣрамъ. Чрезвычайно важны, поэтому, тѣ условія, въ

которыя становится съ самаго начала помощникъ присяжнаго повѣреннаго. Предоставленный самому себѣ, онъ рискуетъ сбиться съ прямого пути; поддержка и нравственная дисциплина могутъ развить лучшія свойства его натуры. Само собою разумѣется, что мѣры, направленныя къ этой цѣли, должны быть однѣ и тѣ же для всѣхъ помощниковъ, независимо отъ вѣроисповѣданія; иначе онѣ получили бы оскорбительный характеръ и могли бы только оттолкнуть, отдалить тѣхъ, кого нужно, наоборотъ, приблизить. Мы думаемъ, поэтому, что петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ вступилъ на совершенно правильный путь, усиливъ, въ послѣднее время, надзоръ за дѣятельностью помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Самостоятельное веденіе дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ помощникъ, на основаніи недавно состоявшагося постановленія совѣта, въ правѣ принимать на себя не иначе, какъ съ особаго каждый разъ согласія присяжнаго повѣреннаго, при которомъ онъ числится; кромѣ того, онъ долженъ имѣть на то общее уполномочіе отъ совѣта. Уполномочіе совѣта будетъ служить ручательствомъ въ достаточной подготовкѣ помощника, согласіе патрона—въ возможности взяться за дѣло, не нарушая основныхъ обязанностей адвоката. Пріучившись съ самаго начала къ осмотрительности въ выборѣ дѣлъ, молодой адвокатъ вступитъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ болѣе огражденнымъ отъ соблазновъ, особенно опасныхъ именно для начинающаго. Нравственная неразборчивость, въ большинствѣ случаевъ, развивается постепенно, незамѣтно; не остановленная въ самомъ началѣ, она входитъ въ привычку и становится неискоренимой. Вотъ почему въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ давно уже возникла мысль объ ограниченіи самостоятельной практики помощниковъ. Она появлялась, въ той или другой формѣ, въ разныхъ планахъ организаціи сословія помощниковъ и не осталась безъ вліянія на проектъ правилъ о томъ же предметѣ, представленный петербургскою судебною палатою, въ 1886 г., на усмотрѣніе министерства юстиціи [1]). Опасаться, что присяжные повѣренные будутъ употреблять во зло предоставленное имъ право и отказывать помощникамъ, безъ всякой разумной причины, въ правѣ взяться за то или другое дѣло, нельзя уже потому, что помощникъ всегда можетъ найти другого патрона, да и огласка неосновательнаго отказа была бы слишкомъ непріятна для присяжнаго повѣреннаго. Болѣе серьезно, повидимому, другое возраженіе, которое можно сдѣлать противъ распоряженія совѣта. Можно сказать, что

[1]) См. книгу г. Макалинскаго: „С.-Петербургская присяжная адвокатура“, стр. 110—122. Нельзя не пожалѣть, что представленіе палаты остается до сихъ поръ безъ всякихъ послѣдствій, а сословіе помощниковъ, существующее уже 23 года—безъ всякой легальной организаціи.

добросовѣстный присяжный повѣренный и прежде умѣлъ удерживать своихъ помощниковъ отъ принятія нечистыхъ дѣлъ, а недобросовѣстный и теперь не съумѣетъ или не захочетъ удержать ихъ отъ этого. Согласиться съ такимъ мнѣніемъ можно, однако, только отчасти. Отвѣтственность за дѣла, производимыя помощникомъ, лежала до сихъ поръ на присяжномъ повѣренномъ только въ весьма слабой степени; онъ могъ и не знать ихъ настоящаго свойства, или, по крайней мѣрѣ, всегда могъ отговориться незнаніемъ. Теперь эта отговорка отпадаетъ, и уже потому одному должно усилиться вниманіе патрона къ дѣятельности помощника. Далеко не одно и то же—взяться за дѣло самому или формально разрѣшить другому его веденіе. Въ первомъ случаѣ гораздо легче успокоить себя разными софизмами, легче подавить сомнѣнія, признавъ ихъ излишнею щепетильностью... Характера безусловной гарантіи согласіе, данное патрономъ, конечно имѣть не будетъ, но оно значительно уменьшитъ шансы ошибокъ со стороны помощника. Весьма полезно было бы, какъ намъ кажется, распространить правило, установленное совѣтомъ, на дѣла, производящіяся въ мировыхъ учрежденіяхъ, и дополнить его запрещеніемъ присяжнымъ повѣреннымъ имѣть болѣе извѣстнаго числа помощниковъ (напримѣръ—болѣе трехъ, какъ это предположено въ проектѣ петербургской судебной палаты). Въ мировой практикѣ точно такъ же можно привыкнуть къ неразборчивости, какъ и въ общей судебной; что желательно по отношенію къ послѣдней, того нѣтъ причины не примѣнять и къ первой. Правда, знакомство съ дѣлами, предлагаемыми помощнику въ мировыхъ учрежденіяхъ, потребуетъ отъ присяжнаго повѣреннаго нѣсколько больше времени, потому что ихъ, сравнительно, довольно много; но все же это ни для кого не будетъ непосильнымъ бременемъ, въ особенности при ограниченіи числа помощниковъ, необходимомъ именно для того, чтобы патронъ имѣлъ возможность дѣйствительно знать своихъ сотрудниковъ и серьезно наблюдать за ними. Важное значеніе имѣла бы еще одна мѣра, осуществленіе которой превышаетъ власть совѣта: слѣдовало бы установить, что присяжный повѣренный, присужденный, хотя бы одинъ только разъ, къ временному запрещенію практики или подвергавшійся *неоднократно* другимъ, менѣе важнымъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ (предостереженію или выговору), теряетъ право имѣть помощниковъ. Кто самъ не заслуживаетъ довѣрія, тому нельзя довѣрять руководство другими, въ особенности молодежью.

Совокупность разсмотрѣнныхъ нами мѣръ можетъ сдѣлать званіе помощника присяжнаго повѣреннаго такою школой, изъ которой будутъ выходить хорошо подготовленными и христіане, и евреи. Неизбѣжнымъ, хотя и не прямымъ послѣдствіемъ этихъ мѣръ должно

быть, сверхъ того, менѣе быстрое возрастаніе числа помощниковъ, а слѣдовательно, и уменьшеніе числа евреевъ, вступающихъ въ присяжные повѣренные. Что же дальше, однако? Quis custodiet custodes —кто будетъ наблюдать за самими наблюдателями, т.-е. за присяжными повѣренными? Мы думаемъ, что объ этомъ безпокоиться нечего, пока существуетъ корпоративная организація присяжной адвокатуры и сохраняются, развиваясь въ томъ же духѣ, хорошія начала, сразу установившіяся въ практикѣ совѣтовъ. Далеко не всѣ адвокаты безупречны—но о какомъ же сословіи или учрежденіи, о какой отрасли дѣятельности нельзя сказать того же самаго? Что можно сдѣлать путемъ надзора, то дѣлается въ средѣ адвокатуры и теперь—а гарантіей на случай возможной (хотя и мало вѣроятной) перемѣны въ направленіи совѣтовъ является контроль судебной палаты. Весьма любопытны, въ этомъ отношеніи, слѣдующія данныя, заимствуемыя нами изъ послѣдняго отчета петербургскаго совѣта. Въ отчетномъ году палата разсмотрѣла пять протестовъ и три жалобы на постановленія совѣта [1]). Изъ числа протестовъ оставлено безъ послѣдствій три, уважено два, при чемъ въ одномъ случаѣ оправданному совѣтомъ присяжному повѣренному сдѣланъ выговоръ, а въ другомъ выговоръ, сдѣланный совѣтомъ, замѣненъ запрещеніемъ практики на одинъ мѣсяцъ. Изъ числа жалобъ оставлена безъ послѣдствій одна, уважено двѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ запрещеніе практики замѣнено выговоромъ, въ другомъ — оправданіемъ. Итакъ, въ двухъ случаяхъ палата оказалась болѣе строгой, чѣмъ совѣтъ; въ двухъ, наоборотъ, совѣтъ оказался болѣе строгимъ, чѣмъ палата. Можно ли утверждать, затѣмъ, что товарищескій надзоръ менѣе взыскателенъ и серьезенъ, чѣмъ судебный?.. Но, можетъ быть, въ образѣ дѣйствій совѣта произойдетъ существенный поворотъ къ худшему, если преобладающее значеніе въ сословіи получатъ евреи? Мы этого не думаемъ, потому что преданія совѣта, закрѣпленныя еще недавно прекрасной книгой г. Макалинскаго [2]), установились слишкомъ твердо; но мы ничего не возражали бы противъ ограниченія числа евреевъ, могущихъ засѣдать въ совѣтѣ, еслибы это оказалось единственнымъ средствомъ положить конецъ подозрѣніямъ и нареканіямъ, подрывающимъ авторитетъ корпораціи. Такое ограниченіе было бы, во всякомъ случаѣ, несравненно менѣе тягостно для евреевъ, чѣмъ установленіе

[1]) Всѣхъ дисциплинарныхъ постановленій бываетъ въ годъ около ста, такъ что процентъ постановленій обжалованныхъ и опротестованныхъ можетъ быть признанъ весьма умѣреннымъ.

[2]) Объ этой книгѣ была помѣщена замѣтка въ Литературномъ Обозрѣніи мартовской книжки „Вѣстника Европы“.

максимальной нормы процентнаго отношенія ихъ къ другимъ присяжнымъ повѣреннымъ.

Сочувствіе къ общему направленію учрежденія не мѣшаетъ видѣть его ошибки; ихъ можно найти и въ дѣятельности петербургскаго совѣта. Самой крупной изъ нихъ кажется намъ постановленіе совѣта, напечатанное подъ № 100. Истица Ф. взыскивала съ одного желѣзнодорожнаго общества 1.320 рублей за причиненіе смерти ея сыну. Представителемъ ея былъ присяжный повѣренный Х., назначенный ей въ повѣренные совѣтомъ, по праву бѣдности, и именно потому ходатайствовавшій за нее безъ формальной довѣренности. Повѣренный общества, присяжный повѣренный М., не возбуждалъ вопроса о недостаточности уполномочія ни въ окружномъ судѣ, ни въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе суда, состоявшееся въ пользу истицы; но въ засѣданіи палаты онъ предъявилъ отводъ, основанный на отсутствіи довѣренности. Это было для Х. такою неожиданностью, что онъ противъ отвода почти ничего не возразилъ. Когда члены палаты ушли совѣщаться, М. заявилъ (это удостовѣрено свидѣтелями), что онъ нарочно приберегъ этотъ отводъ для палаты, и что онъ всегда такъ поступаетъ. Палата уважила отводъ и отмѣнила рѣшеніе суда. Въ засѣданіи совѣта М. утверждалъ, что вышеприведенное заявленіе сдѣлано было имъ въ шутку, что мысль о предъявленіи отвода пришла ему въ голову въ ту минуту, когда онъ готовился приступить къ устнымъ объясненіямъ, и что онъ никогда до тѣхъ поръ не предъявлялъ подобныхъ отводовъ прямо во второй инстанціи. Совѣтъ нашелъ, что тяжущійся имѣетъ право пользоваться всѣми законными способами защиты, слѣдовательно и отводомъ—а отводъ по недостаточности полномочія можетъ быть предъявленъ при всякомъ положеніи дѣла. Тѣмъ не менѣе, въ виду установившейся практики не требовать довѣренностей отъ лицъ, защищаемыхъ на правѣ бѣдности, М. долженъ былъ предупредить Х. о намѣреніи своемъ предъявить отводъ. Слова, произнесенныя М. будто бы въ видѣ шутки, совѣтъ призналъ неумѣстными, тѣмъ болѣе, что они были сказаны въ формѣ вполнѣ серьезной и такъ именно были поняты присутствовавшими. Окончательное заключеніе совѣта формулировано такъ: „разъяснить М. неумѣстность его образа дѣйствій“. На это постановленіе совѣта принесенъ протестъ прокуроромъ судебной палаты. Весьма вѣроятно, что протестъ будетъ уваженъ,—но и въ такомъ случаѣ придется пожалѣть, что правильный взглядъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ адвокатской нравственности будетъ установленъ не товарищескимъ судомъ, а кореннымъ. Совершенно невѣрнымъ и несогласнымъ съ прежнею практикою совѣта кажется намъ положеніе, что присяжный повѣренный *имѣетъ право пользо-*

ваться всѣми законными способами защиты. Нѣтъ, *не всѣми;* именно въ этомъ и должно заключаться главное различіе между присяжными повѣренными (отъ которыхъ мы, конечно, не отдѣляемъ ихъ помощниковъ) и другими адвокатами, а также самими тяжущимися и подсудимыми. Многое изъ того, что̀ трудно поставить въ вину послѣднимъ, должно считаться непозволительнымъ со стороны первыхъ. Уже въ первой книгѣ, посвященной у насъ вопросамъ объ адвокатурѣ [1]), было установлено, на основаніи многихъ опредѣленій совѣта, что присяжный повѣренный, охраняя и защищая права своихъ довѣрителей, не долженъ нарушать ни законовъ, *ни правилъ нравственности и чести*, не долженъ прибѣгать, для достиженія своей цѣли, къ *предосудительнымъ средствамъ.* Въ книгѣ г. Макалинскаго (стр. 455) то-же начало выражено въ слѣдующей формѣ: „домогаться осуществленія правъ своихъ довѣрителей или ограждать ихъ интересы присяжный повѣренный долженъ лишь путями, закономъ установленными, *и притомъ добропорядочными*“. Исходя изъ этого начала, совѣтъ строго осудилъ присяжнаго повѣреннаго за предъявленіе неосновательнаго, по его собственному мнѣнію, иска, начатаго лишь съ цѣлью задержать удовлетвореніе лица, взыскивавшаго съ его довѣрителя. Другого присяжнаго повѣреннаго совѣтъ подвергъ временному запрещенію практики за то, что онъ, воспользовавшись выходомъ своего противника, на нѣсколько минутъ, изъ залы засѣданія, предъявилъ суду просьбу о прекращеніи дѣла, вслѣдствіе неявки истца. Поводомъ къ отвѣтственности присяжнаго повѣреннаго признавалось также намѣренное замедленіе дѣла неосновательнымъ отводомъ о неподсудности или отзывомъ на заочное рѣшеніе. О незаконности избранныхъ средствъ во всѣхъ этихъ случаяхъ (и многихъ другихъ) не могло быть и рѣчи, но это не мѣшало совѣту признавать присяжныхъ повѣренныхъ подлежащими дисциплинарной отвѣтственности. Мы вполнѣ убѣждены, что этому пути, единственному правильному, совѣтъ измѣнилъ только случайно и вернется къ нему при первой возможности. Въ дѣлѣ, приведенномъ нами выше, *предосудительность* „законнаго“ средства, пущеннаго въ ходъ присяжнымъ повѣреннымъ, едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Противъ него говоритъ и установившаяся практика (въ самомъ дѣлѣ, къ чему особая довѣренность, когда основаніемъ для веденія тяжбы служитъ распоряженіе совѣта, состоявшееся въ силу закона о правѣ бѣдности и по просьбѣ тяжущагося?), и моментъ предъявленія отвода, и его неожиданность, и самое свойство иска, уваженнаго окружнымъ судомъ. Съ одной сто-

[1]) „Замѣтки о русской адвокатурѣ“, К. К. Арсеньева, ч. 2, стр. 232.

роны—мать, оставшаяся безъ средствъ послѣ смерти сына и ищущая только куска хлѣба, съ другой стороны—крупное желѣзно-дорожное общество, признанное уже, въ первой инстанціи, отвѣтственнымъ за потерю, понесенную истицей. Можно ли, при подобныхъ обстоятельствахъ, пользоваться чисто формальнымъ упущеніемъ, чтобы освободить общество отъ иска, вѣроятно основательнаго [1]), да еще хвалиться, хотя бы и въ видѣ „шутки", такимъ ловкимъ маневромъ?.. „Разъясненіе неумѣстности дѣйствій" присяжнаго повѣреннаго представляется, въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе недостаточнымъ, что *неумѣстнымъ* признано не все сдѣланное обвиняемымъ, а только непредупрежденіе противника о намѣреніи предъявить отводъ, и затѣмъ разговоръ во время совѣщанія судей. Предупрежденіе объ отводѣ имѣло бы значеніе только лично для повѣреннаго истицы, давъ ему возможность собраться съ силами и пріискать доводы для возраженія; но положеніе дѣла отъ этого едва ли измѣнилось бы, отводъ все-таки, по всей вѣроятности, былъ бы уваженъ (нельзя же допустить, чтобы палата не имѣла сама опредѣленнаго мнѣнія о формѣ полномочій, необходимыхъ при веденіи иска по праву бѣдности). Главная вина присяжнаго повѣреннаго заключается, по нашему мнѣнію, въ самомъ *предъявленіи отвода*, да еще вдобавокъ только во второй инстанціи.

Другой, весьма серьезный вопросъ адвокатской нравственности возникъ по поводу извѣстнаго Кетхудовскаго дѣла. Въ промежутокъ времени между первымъ (оправдательнымъ) приговоромъ присяжныхъ и кассаціоннымъ разбирательствомъ происходили переговоры о мировой сдѣлкѣ между подсудимыми и гражданскимъ истцомъ. Предполагалось прекратить гражданскій искъ признаніемъ отвѣтчиковъ, которымъ и предоставить за это извѣстную часть похищенной ими суммы. Участвовалъ ли въ этихъ переговорахъ, и въ какой мѣрѣ, петербургскій присяжный повѣренный Г., бывшій повѣреннымъ гражданскаго истца —это для насъ безразлично [2]); насъ интересуетъ только принципіальный вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ принимать на себя дѣятельную роль въ подготовкѣ мировыхъ сдѣлокъ по уголовнымъ дѣламъ, особенно еще неоконченнымъ. Въ совѣтѣ произошли по этому вопросу разныя мнѣнія. Меньшинство (четыре члена) нашло, что онъ разрѣшается не одинаково для повѣренныхъ гражданскаго истца и повѣренныхъ обвиняемаго. Дѣйствія первыхъ направлены къ возвра-

[1]) Необходимо прибавить, что для дѣлъ этого рода существуетъ особая, короткая давность, такъ что оставленіе иска безъ разсмотрѣнія, за недостаточностью уполномочія, почти всегда равносильно здѣсь совершенному проигрышу дѣла.

[2]) Въ совѣтѣ по этому предмету произошло разногласіе; большинство оказалось на сторонѣ обвиняемаго присяжнаго повѣреннаго.

щенію имущества въ руки собственника, хотя бы съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ, дѣйствія вторыхъ—къ оставленію въ рукахъ похитителя части незаконно присвоеннаго имъ чужого имущества. Какъ бы ни были непріятны для повѣреннаго потерпѣвшей стороны переговоры съ похитителемъ, ихъ нельзя ставить въ вину адвокату потерпѣвшаго, потому что такіе случаи бываютъ и въ дѣлахъ чисто гражданскихъ, въ сношеніяхъ съ недобросовѣстными отвѣтчиками. Входя въ подобное соглашеніе, адвокатъ потерпѣвшаго не дѣлается участникомъ ни въ незаконномъ пріобрѣтеніи имущества, ни въ безнаказанности виновнаго. Въ иномъ свѣтѣ представляется повѣренный обвиняемыхъ, выговаривающій въ ихъ пользу часть похищеннаго, ради возвращенія собственнику остального; онъ является ихъ сообщникомъ по укрѣпленію несуществующаго права на часть чужого имущества. Иначе посмотрѣло на спорный вопросъ большинство совѣта. По его мнѣнію „гражданскій истецъ, заключающій мировую сдѣлку до вступленія оправдательнаго приговора въ законную силу, содѣйствуетъ этимъ самымъ вторичному оправданію обвиняемыхъ, въ ущербъ правосудія, ради своихъ личныхъ интересовъ. Гражданскій истецъ имѣетъ, конечно, право отказаться во всякое время отъ своихъ требованій, но не желательно, чтобы ему помогали присяжные повѣренные въ совершеніи сдѣлокъ, въ которыхъ личный интересъ истца не только расходится съ публичнымъ, но можетъ оскорблять нравственное чувство общества, затрогиваемое преступленіемъ". Само собою разумѣется, что мы всецѣло присоединяемся къ мнѣнію большинства. Конечно, изъ двухъ сторонъ, вступающихъ въ мирные переговоры до окончанія уголовнаго дѣла, повѣренный или защитникъ обвиняемаго—при обстоятельствахъ аналогичныхъ съ тѣми, которыя представлялись въ дѣлѣ Кетхудова—несравненно болѣе виновенъ, чѣмъ повѣренный гражданскаго истца; но нельзя оправдать и послѣдняго, именно потому, что онъ становится участникомъ и въ „безнаказанности" виновнаго, и въ „незаконномъ пріобрѣтеніи имущества". Оглашеніе на судѣ, что подсудимый возвратилъ потерпѣвшему *все* похищенное, можетъ способствовать оправданію подсудимаго, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, въ силу мировой сдѣлки, часть похищеннаго не возвращена хозяину. Сообщникомъ въ подобномъ сокрытіи или искаженіи истины присяжный повѣренный ни въ какомъ случаѣ являться не долженъ.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ с.-петербургскій почтамтъ довелъ до всеобщаго свѣденія, что съ перваго апрѣля сего года, согласно Высочайше утвержденному 24-го января сего же года мнѣнію государ-

ственнаго совѣта, повышаются почтовыя таксы за заграничную корреспонденцію, а также и за *внутреннюю* посылочную, — „въ томъ числѣ (прибавлено въ скобкахъ—) за посылки съ *книгами*“. До сихъ поръ письменная корреспонденція внутри государства оплачивалась у насъ, страннымъ образомъ, нѣсколько дороже заграничной, вслѣдствіе того, что и за внутреннее письмо въ 1 лотъ платилось 7 копѣекъ, и за заграничное—также 7 копѣекъ, но за 15 граммъ, а 15 граммъ вѣсятъ нѣсколько болѣе лота ($12^{7}/_{10}$); такимъ образомъ, корреспондентъ изъ Петербурга, напримѣръ въ Парижъ, платилъ за письмо въ 15 граммъ вѣса 7 копѣекъ, а въ Москву за письмо такого же вѣса — 14 копѣекъ, такъ какъ письмо въ Москву взвѣшивалось на лоты, а лотъ—менѣе 13 граммъ, потому и за письмо въ 15 граммъ приходилось уже платить двойную плату. За границею, наоборотъ,— что́ и вполнѣ естественно, — внутренняя корреспонденція вездѣ дешевле заграничной: такъ, во Франціи заграничное письмо въ 15 граммъ стоитъ 25 сантимовъ, а внутреннее—15 сантимовъ; въ Германіи— 20 пфенниговъ и 10; въ Австріи—10 крейцеровъ и 5; а у насъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы внутреннее письмо не достигало 13 граммъ, т.-е. имѣло бы 1 лотъ, то все-таки оплачивалось наравнѣ съ иностраннымъ: письмо изъ Петербурга и въ Царское-Село, и въ Нью-Іоркъ стоило одинаково 7 копѣекъ. Новая такса, повидимому, исправляетъ такой ненормальный разсчетъ за внутреннюю и заграничную корреспонденцію, но только не тѣмъ способомъ, какимъ онъ устраненъ въ другихъ странахъ: во Франціи, въ Германіи и вездѣ, какъ мы видѣли выше, внутренняя такса просто понижена сравнительно съ заграничною; у насъ же предположено достигнуть правильности не пониженіемъ внутренней, а повышеніемъ заграничной платы: за закрытое письмо, вмѣсто прежнихъ 7 копѣекъ, 10 коп.; за открытое, вмѣсто 3 копѣекъ, 4 коп.; за заказное, вмѣсто 7 коп., 10 копѣекъ. Давно уже замѣчено, что съ пониженіемъ почтовой таксы вообще увеличивается почтовый доходъ, какъ это и мы сами испытали у себя въ прошедшія времена не разъ—и наоборотъ; а потому едва ли можно ожидать отъ повышенія платы за иностранную корреспонденцію, что вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и почтовый доходъ; судя по прежнимъ примѣрамъ, скорѣе надобно ожидать уменьшенія, т.-е. увеличенія ежегодной приплаты иностраннымъ почтамтамъ: письма изъ-за границы, при прежней ихъ таксѣ, получатъ численный перевѣсъ надъ письмами за границу, такса на которыя повышена,—и тѣмъ, можетъ быть, дѣло и ограничится.

Но никакъ нельзя сказать того же о повышеніи таксы для внутренней посылочной корреспонденціи за „частные посылки и узлы“, именно вслѣдствіе того, что въ скобкахъ къ этому помѣщено: „въ томъ

числѣ за посылки съ *книгами*". До сихъ поръ, по причинамъ, весьма понятнымъ, книги не были приравниваемы почтою къ предметамъ, удовлетворяющимъ иныя потребности, или къ предметамъ роскоши: выписывающій книгу пользовался значительною льготою предъ лицомъ, выписывающимъ, наприм., табакъ или сигары. Теперь же, и за книгу, и за ящикъ сигаръ, придется въ предѣлахъ губерніи платить по 5 к. съ 1 ф.; а въ другія губерніи—только до 500 верстъ; за симъ вдвое за 500 верстъ до 1.000 в. (10 к.) и еще вдвое отъ 1.000 до 2.000 в. (20 к.) и т. д., увеличивая плату на 10 коп. съ 1 фунта за каждыя новыя 1.000 верстъ. Сверхъ того, наименьшая плата за посылку опредѣляется повсюду въ 20 копѣекъ. Такимъ образомъ, въ Владивостокъ (около 10.000 в. отъ Спб.) посылка съ книгою, цѣна которой будетъ 50 коп., обойдется въ 1 рубль. Брошюра въ 20 коп., еслибы кто захотѣлъ отправить ее посылкой хотя бы въ Царское-Село, должна быть оплачена покупателемъ еще 20-ью копѣйками. Такое сильное вздорожаніе цѣны на книги тамъ, гдѣ онѣ пріобрѣтаются и безъ того съ трудомъ, если и удовлетворяетъ финансовымъ соображеніямъ почтамта, (хотя мы сомнѣваемся и въ этомъ отношеніи), то едва ли можетъ быть признано согласнымъ съ общими государственными взглядами на значеніе распространенія именно книжнаго образованія, и особенно такое вздорожаніе должно затруднить министерство народнаго просвѣщенія, земства и городскія общественныя управленія: если какая-нибудь гимназія въ Иркутскѣ получала, скажемъ, 300 рублей на покупку книгъ, то съ настоящаго времени она начнетъ уплачивать за пересылку по 60 коп. съ 1 ф., вмѣсто уплачиваемыхъ до сихъ поръ 20 коп.; другими словами, учебныя заведенія будутъ теперь издерживать иногда втрое болѣе на пересылку книгъ, и настолько же будутъ вынуждены уменьшить ихъ пріобрѣтеніе. Въ виду такого обстоятельства надобно думать, что вопросъ о повышеніи таксы на книги будетъ разсмотрѣнъ также и съ точки зрѣнія общегосударственной, а не одной почтовой.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь и февраль 1889 г.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ къ 1-му января 1889 г. располагало капиталомъ въ 136.555 р. 85 к. Въ теченіе января и февраля сего года въ доходъ Общества поступило 6.008 р. 48 к.; израсходовано 5.374 р. 11 к.

Срочная ссуда въ 100 р. за поручительствомъ выдана 1 лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1 лицу въ 100 р. и 1—въ 300 р. Единовременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1.220 р. (1 лицу 300 р., 1—150 р., 3—по 100 р., 1—75 р., 1—60 р., 6—по 50 р., 3—по 25 р., 1—17 р., 1—10 р.). На погребеніе одного лица назначено 50 р. Продолжительныя пособія назначены 2 лицамъ по 180 р., 1—300 р., а вмѣстѣ съ ранѣе назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіе января и февраля: 1 лицу—50 р., 1—45 р., 2 по 30 р., 1 по 20 р., итого 175 р. Семьѣ 1 умершаго писателя назначена пенсія въ 300 р. и единовременное пособіе въ 200 р.; вмѣстѣ же съ назначенными ранѣе выданы пенсіи въ теченіе января и февраля 28 лицамъ, а именно: 2 лицамъ по 150 р., 12 по 100 р., 1 лицу—80, 2 лицамъ по 75 р., 1—67 р., 3—по 75 р., 5 по 50 р., 1—45 р., 3—по 40 р., а всего выдано пенсій на сумму 2.437 р. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 р. (одного 125, другого 45 р.); всего же въ теченіе января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплачено 895 р. Выдано стипендій въ теченіе января и февраля 1 студенту—150 р., 6 студентамъ по 45 р., а всего 420. Дочери двухъ лицъ зачислены на безплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель помѣщенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ.

Вышло въ свѣтъ 9-е изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 6.000 экземпл. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе комитета 2 безплатныя вакансіи въ своей гимназіи. Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе комитета въ память А. Я. Герда 1 безплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сыномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Вагнеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго

фонда, давшія чистаго дохода 579 руб. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу Общества въ видѣ „Дружининской копѣйки“ 4 р. 8 к. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненные члены Общества. Признаны также пожизненными членами Общества В. М. Соболевскій, П. И. Бларамбергъ, А. С. Посниковъ, Г. А. Джаншіевъ, М. А. Саблинъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Лукинъ А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скалонъ, въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.

Предсѣдатель Общества Конст. Конст. Арсеньевъ (Спб., Васильевскій Остр., 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ $10^1/_2$ до 12 ч. утра; казначей Як. Григ. Гуревичъ (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) — по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час.; секретарь Вас. Ив. Семевскій (Васильевскій Островъ, 2 линія, д. № 13, кв. 16) по вторникамъ отъ $5^1/_2$ до 7 часовъ. Членъ комитета въ Москвѣ С. А. Муромцевъ (Поварская, Скатертный переулокъ, домъ Муромцевой).

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сибирь въ XIX-мъ столѣтіи. Ч. II. Составилъ В. К. Андріевичъ. Спб. 1889. Стр. 425. Ц. 2 руб.

Настоящій очеркъ Сибири основанъ, главнымъ образомъ, на данныхъ, почерпнутыхъ изъ Полнаго собранія законовъ и Сенатскаго архива, съ дополненіемъ ихъ какъ новѣйшими изслѣдованіями того же предмета, такъ и нѣкоторыми рукописными документами этой эпохи. Вышедшая нынѣ вторая часть этого интереснаго труда обнимаетъ собою періодъ генералъ-губернаторства стараго знакомаго Пестеля, отъ 1806 до 1819 г. Его предшественникъ Селифонтовъ управлялъ Сибирью съ неограниченными полномочіями и былъ представителемъ такой твердой власти, что императоръ Александръ I, въ указѣ, назначавшемъ на его мѣсто Пестеля, выразилъ увѣренность, что послѣдній возстановитъ въ краѣ уничтожившійся тамъ всякій законный порядокъ и „доброе устройство“, на что Пестель получилъ также широкое полномочіе. „Что же сдѣлалъ — спрашиваетъ авторъ — новый ген.-губернаторъ для оправданія Высочайшей воли и возложенныхъ на него надеждъ? — Ввелъ терроръ, грабежъ и деморализировалъ въ конецъ сибиряковъ!“... Изслѣдованіе автора и даетъ полную картину такихъ результатовъ возстановленія Пестелемъ авторитета власти въ управляемой имъ провинціи, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ всего два года, и затѣмъ передовѣрялъ свои полномочія мѣстнымъ губернаторамъ, и десять лѣтъ (1809—1819 г.) управлялъ Сибирью, именуясь ея генералъ-губернаторомъ, но проживая въ Петербургѣ. Между тѣмъ положеніе Сибири ухудшилось до того, что никто больше не рѣшался идти въ общественныя должности; въ одномъ изъ главныхъ сибирскихъ городовъ лицо, избранное въ городскіе головы, отказалось отъ избранія, представивъ медицинское свидѣтельство о томъ, что избранный „одержимъ съ давняго времени болѣзнью, называемой ипохондріей, или болѣзнью о ходохахъ“; другіе занимали вмѣсто себя; такъ, въ 1816 г., избранный въ члены магистрата занялъ на свое мѣсто одного обывателя за 100 р. въ годъ, да, сверхъ того, „рогатую скотину, одну овцу и шубу“... Въ концѣ книги авторъ приложилъ любопытное собраніе таблицъ съ матеріалами статистическими, финансовыми и т. п. Сто лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, въ г. Красноярскѣ приходъ городского общественнаго управленія равнялся 124 р. 19½ к., а расходъ — 175 р. 6½ коп.

Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Ветхій завѣтъ въ 2 томахъ. Состав. А. П. Лопухинъ. Спб. 1889. Стран. 1.000. Ц. за 2 т. 16 руб.

Обширность этого изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ той широкой задачѣ, какую поставилъ себѣ авторъ, а именно, сдѣлать „сводку всѣхъ главнѣйшихъ открытій и множества монографій по различнымъ библейскимъ вопросамъ, разработанныхъ при яркомъ свѣтѣ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій“. Сверхъ того, авторъ ввелъ въ свою энциклопедію библіи преданіе іудейскаго и языческаго міра о первобытныхъ временахъ, вавилонскія сказанія, археологическія данныя, открытія въ Египтѣ, Палестинѣ, Ассиріи, Вавилоніи и т. д. Одною изъ выгодныхъ особенностей этого изданія является многочисленная иллюстрація со снимками древнихъ памятниковъ, развалинъ библейскихъ городовъ и современныхъ ландшафтовъ мѣстностей, служившихъ театромъ для библейской исторіи. Наконецъ, въ особомъ введеніи изложена также исторія библейскаго раціонализма до „пресловутаго“ труда Ренана и новѣйшія археологическія открытія въ Египтѣ и Палестинѣ съ исторіей изобрѣтенія ключа къ чтенію іероглифовъ и клинообразныхъ надписей. Первый томъ содержитъ въ себѣ исторію ветхаго завѣта отъ сотворенія міра до пророка Самуила.

Основные вопросы политики. Л. З. Слонимскаго. Спб. 1889. Стр. 389. Ц. 2 р.

Настоящее изданіе хотя и является собраніемъ того, что было напечатано въ нашемъ журналѣ въ различное время, но, какъ то видно изъ предисловія, авторъ писалъ свои этюды по заранѣе составленному имъ общему плану, а потому отдѣльныя журнальныя статьи являются теперь главами цѣльнаго, систематическаго труда, направленнаго къ разрѣшенію одной общей задачи, которую поставилъ себѣ авторъ. Журнальный текстъ переработанъ авторомъ и дополненъ литературными и библіографическими указаніями для облегченія читателю провѣрки фактовъ и степени основательности выведенныхъ изъ нихъ заключеній. Послѣднія главы: „Практика международной политики“, содержатъ въ началѣ изложеніе „старыхъ политическихъ грѣховъ“, а весь конецъ ея посвященъ преимущественно балканскимъ дѣламъ и болгарскому кризису.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10 картинами и 35 политипажами. Изданіе В. Лесевича. Спб. 1889. In. 8°. 492.

Есть книги, неизбѣжно встрѣчающіяся, въ тотъ или другой періодъ жизни, всякому образованному человѣку. Къ числу такихъ неизбѣжныхъ для молодого возраста книгъ принадлежитъ, по праву, увлекательное и проникнутое глубокою мыслью повѣствованіе о похожденіяхъ Робинзона. Нельзя, однако, не признать, что въ подлинномъ Робинзонѣ Даніэля де-Фоэ есть страницы, наполненныя теологическими разсужденіями и проникнутыя мистицизмомъ, въ ущербъ ясности и стройности содержанія всей книги, вторая часть которой,—содержащая въ себѣ приключенія Робинзона уже по прекращеніи его одинокой жизни на пустынномъ островѣ,—вообще гораздо слабѣе первой и богата разными анахронизмами. Издателю настоящей книги пришла счастливая мысль откинуть все это и, ограничивъ изложеніе жизни Робинзона лишь пребываніемъ его на островѣ, дать особенно подробное и интересное описаніе установленію дружескихъ отношеній между выстрадавшимъ любовь и снисхожденіе къ людямъ—культурнымъ человѣкомъ, и воспріимчивымъ дикаремъ Пятницею. Благодаря живой формѣ разсказа, книга читается чрезвычайно легко и можетъ дѣйствительно быть полезною для юношества своимъ послѣдовательнымъ развитіемъ идей о трудѣ и гуманности.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1889 г.

(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго марта открыта подписка на вторую четверть 1889 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресс* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

JUN 26 1889

ЖУРНАЛЪ

HARVARD COLLEGE
JUN 26 1889

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6.

ІЮНЬ, 1889.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1889.

Стр.

I.—НА ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦІИ. — Изъ поѣздки на Бѣлое море. — IV-VII.—Окончаніе. — **В. Фаусека** 429

II.—МИРАЖИ. — Романъ въ четырехъ книгахъ. — Книга четвертая: XLVII-LVIII. —Окончаніе.—**О. А. Шапиръ**. 462

III.—ПОЛЬСКІЯ РЕФОРМЫ XVIII-го ВѢКА.—III-V.—Окончаніе.—**Н. И. Карѣевъ** 550

IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**П. Козлова** 631

V.—ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ СЛАВЯНСТВА.—III. Конецъ XVIII-го вѣка. —**А. Н. Пыпина** 635

VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**К. Медвѣдскаго** 665

VII.—ЗДРАВЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ — „Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще". Т. I.—**Е. О.** 667

VIII.—ЧЕРНАЯ СТРѢЛА.—Историческая повѣсть, соч. Р. Стивенсона.—Съ англійскаго.—Книга вторая: I-V.—Книга третья: I-IV.—**А. З.** 678

IX.—МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ. — Литературный очеркъ.—**К. К. Арсеньева** 730

X.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ.—IV.—**В. С. Соловьева** . . 734

XI.—ХРОНИКА.—Всемірная выставка въ Парижѣ.—Письмо первое.—**М.** . . 746

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Проектъ правилъ о публичной продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ; его достоинства и недостатки.—Слѣдователи-судьи, какъ предполагаемые преемники уѣздныхъ мировыхъ судей.—Возможны ли другія комбинаціи, исходящія изъ той же основной идеи?—Графъ Д. А. Толстой † 767

XIII.—ЗАМѢТКА.—Наша внѣшняя торговля въ 1888 г.—**О.** 788

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическое значеніе парижской всемірной выставки.—Текущая политика во Франціи.—Рабочій кризисъ въ Германіи и его особенности.—Соціальный вопросъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ. —Посѣщеніе Берлина королемъ Гумбертомъ 793

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е.—Расколъ на Дону, В. Г. Дружинина.—Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, Н. С. Соколова.—Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., Л. Н. Майкова. — Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомлинова.—**А. В.**—Новыя книги и брошюры 800

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau, par A. Fouillet.—II. La guerre et la société, par le général Jung.—III. La France, par le comte de Chambordy.—**Л. С.** . . . 821

XVII.—ИДЕАЛИЗМЪ САЛТЫКОВА.—Характеристика.—**А. Н. Пыпина** 829

XVIII.—ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА М. Е. САЛТЫКОВА.—Мартъ-апрѣль 1889 г. . . 839

XIX.—„ЗАБЫТЫЯ СЛОВА".—Стих. въ память М. Е. Салтыкова.—**А. М. Жемчужникова** 849

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Новая кампанія противъ Финляндіи, и правительственное сообщеніе по этому предмету. — Крестьянская реформа, какъ результатъ „радикальныхъ бѣдней".—Городская дума, ходатайствующая о высылкѣ частнаго лица.—Прекращеніе дѣла о крушеніи 17-го октября и одинъ изъ эпизодовъ этого крушенія.—Отвѣтъ на возраженіе. 850

XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности 864

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Описаніе документовъ и бумагъ (въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи, кн. 6.—Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе, д-ра Н. Керра.—О важнѣйшихъ психическихъ заболѣваніяхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, д-ра Л. Кобылинскаго.—Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I, д-ра И. Яворскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на третью четверть 1889 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

HARVARD COLLEGE
JUN 26 1889

НА ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦІИ

Изъ поѣздки на Бѣлое море.

Окончаніе.

IV *).

Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей соловецкой обители, которая прежде всего бросается въ глаза, какъ только выйдешь на берегъ, это—ея знаменитыя чайки. Любопытный, можетъ быть единственный въ своемъ родѣ примѣръ сожительства человѣка съ такой дикой, осторожной и умной птицей, какъ чайка,—сожительства, сложившагося, повидимому, совершенно безъ намѣренія и воли человѣка; чайки сами собой, добровольно, приспособились къ выгодному для нихъ сосѣдству человѣка и стали совсѣмъ ручными, не утративъ нисколько своей независимости. Онѣ не сдѣлались ни домашними животными, ни паразитами человѣка, въ образѣ жизни людей онѣ нашли условія выгодныя для своего питанія и размноженія и необременительныя для своихъ сожителей.

Уже съ парохода, при входѣ въ бухту, слышны рѣзкіе и р образные крики чаекъ, и видны онѣ повсюду летающими и п ающими. Какъ только вы вступите на берегъ, вы встрѣтите с ась же группы птицъ, сидящихъ на дорогѣ передъ гостин-

*) См. выше: май, стр. 305.

ницей и обступающихъ васъ съ громкимъ и дерзкимъ крикомъ, ожидая подачки. Въ гостинницѣ всю ночь—іюньская ночь такъ похожа на день, что чайки и ночью не знаютъ покоя—всю ночь вамъ будутъ слышны ихъ крики и пугать васъ будетъ внезапный громкій стукъ, когда, прилетѣвши подъ окошко, онѣ станутъ стучать въ него клювомъ.

Соловецкія чайки, Larus argentatus—большія, серебристо-сѣрыя птицы—принадлежатъ къ породѣ, распространенной по всѣмъ сѣвернымъ морямъ, и которая, конечно, какъ и всѣ чайки, никогда и нигдѣ не была приручена: пользы отъ нея для человѣка никакой нѣтъ. Въ монастырѣ, за всѣ 400 лѣтъ его существованія, не преслѣдовали и не позволяли преслѣдовать никакихъ дикихъ птицъ; умныя чайки скоро увидѣли свою безнаказанность, и увидѣли также огромную пользу, которую имъ приноситъ сосѣдство человѣка, если самъ онъ къ нимъ относится благосклонно: онѣ нашли въ монастырѣ и поживу относительно пищи, и безопасность для своихъ яицъ и потомства. Мало-по-малу онѣ стали совсѣмъ ручными и смирными, какъ наши голуби. Когда началось это сожительство, я не знаю; вѣроятно очень давно, и вѣроятно такая довѣрчивость не сразу появилась у осторожныхъ чаекъ, а развивалась, постепенно усиливаясь, у цѣлаго ряда поколѣній. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ этого столѣтія соловецкія чайки были такія же, какъ и теперь, какъ это видно изъ Досиѳея, посвятившаго имъ подробное описаніе въ своей книгѣ.

Зимою чайки не живутъ въ монастырѣ; море замерзаетъ вокругъ острововъ, и вѣроятно онѣ перелетаютъ туда, гдѣ оно свободно отъ льда. Но ранней весной, какъ у насъ появляются жаворонки или грачи, такъ въ Соловкахъ вѣстниками весны являются чайки. Къ лѣту онѣ завладѣваютъ всѣмъ монастыремъ. Внутри монастырской ограды, гдѣ за каменной стѣной тѣсно стоятъ церкви и монастырскія постройки, здѣсь чайки занимаются выведеніемъ птенцовъ. Ихъ гнѣзда разбросаны повсюду въ маленькихъ садикахъ, тянущихся вдоль построекъ, по бокамъ дорожекъ, подъ отдѣльно стоящими деревьями и просто посреди монастырскаго двора; гнѣздомъ имъ служитъ простая ямка въ землѣ, гдѣ онѣ и высиживаютъ своихъ двухъ птенцовъ. Ко времени моего пріѣзда, птенцы уже вывелись и были маленькими сѣрыми уродливыми созданьицами, на несоразмѣрно длинныхъ ногахъ. Чайки усердно заботятся о нихъ и съ величайшею смѣлостью и назойливостью охраняютъ ихъ отъ воображаемыхъ нападеній человѣка. Когда идешь по тротуару по монастырскому двору, между двумя рядами садиковъ, то подъ заборомъ этихъ

садиковъ, и направо, и налѣво, тянется два ряда птичьихъ гнѣздъ, и сидящія на нихъ чайки встрѣчаютъ и провожаютъ васъ тревожнымъ и гнѣвнымъ крикомъ; однѣ, не вставая съ гнѣзда, вытягиваютъ шеи, стараясь достать васъ клювомъ; другія вскакиваютъ, бѣгутъ за проходящимъ человѣкомъ и хватаютъ за платье; третьи дерзко загораживаютъ ему дорогу и сердитымъ, настойчивымъ крикомъ требуютъ, чтобы онъ обошелъ ея гнѣздо.

Понятно, что отъ такой стаи птицъ въ монастырѣ царствуютъ страшный гвалтъ и чрезвычайная неопрятность: весь дворъ, дорожки, тротуары, лѣстницы перепакощены. Но монахи, тѣмъ не менѣе, ихъ никогда не трогаютъ и считаютъ за птицу, покровительствуемую обителью. Пріѣзжіе богомольцы смотрятъ на нее съ любопытствомъ, не безъ примѣси нѣкотораго суевѣрнаго чувства, и усердно прикармливаютъ жаднук птицу. Отъ этого она дѣлается еще довѣрчивѣе и еще назойливѣе. Передъ дверями гостинницы сидятъ группы чаекъ и съ крикомъ встрѣчаютъ и обступаютъ выходящаго богомольца; богомолецъ съ умиленіемъ произноситъ нѣсколько теплыхъ словъ и бросаетъ имъ корку хлѣба, кусокъ рыбы или что-нибудь подобное.

Около нашей станціи чайки тоже постоянно увивались. Сядетъ на огромный деревянный крестъ передъ окномъ и кричитъ— несносная птица. Иногда мы бросали имъ для забавы куски хлѣба изъ окошка; какъ только одна изъ нихъ увидитъ и поймаетъ кусокъ, сейчасъ же отовсюду слетаются ея подруги и безпокойно ныряютъ взадъ и впередъ подъ окошкомъ, ожидая подачки. Брошенные куски непремѣнно норовятъ поймать на-лету, наперерывъ другъ передъ другомъ...

Съ самимъ монастыремъ и его обитателями я мало успѣлъ ознакомиться: времени было мало. Я не собрался даже побывать въ монастырской ризницѣ; тамъ, говорятъ, есть интересныя и цѣнныя въ историческомъ отношеніи вещи. Англичанинъ-туристъ, пріѣзжавшій при мнѣ въ Соловки, покушался даже купить тамъ кой-что изъ древняго оружія; но ему объяснили, что все, хранящееся въ ризницѣ, не продажно. Вообще монастырь представляетъ много любопытнаго для историка и археолога. Отъ него вѣетъ стариной и въ самомъ характерѣ его построекъ, и въ своеобразномъ, оригинальномъ укладѣ жизни; эта старина особенно чувствуется, когда пріѣзжаешь изъ молодого, всегда съ иголочки новаго, Петербурга. Изъ сферы городской, съ ея житейскою сутолокою, съ засѣданіями ученыхъ обществъ, съ газетными пересудами и вѣстями, чувствуешь себя здѣсь перенесеннымъ въ жизнь, сохранившуюся почти безъ измѣненія сто, двѣсти

лѣтъ, чуждую всякой современности. Всѣмъ своимъ характеромъ монастырь напоминаетъ ту каменную стѣну, которою онъ окруженъ. Это—неуклюжее, нелѣпое, но колоссальное, циклопическое сооруженіе, сложенное изъ огромныхъ натуральныхъ валуновъ, какія массами разбросаны повсюду въ рыхломъ ледниковомъ наносѣ, изъ котораго состоитъ группа соловецкихъ острововъ. Валуны сложены одинъ на другой, а промежутки между ними засыпаны мелкимъ камнемъ, задѣланы кирпичемъ. Особенно велики валуны, лежащіе у основанія стѣны и на небольшой высотѣ надъ землей. Здѣсь лежатъ камни сажень въ длину и больше. Кверху камни уменьшаются въ размѣрѣ, но все-таки представляютъ изъ себя весьма увѣсистые гранитные и гнейсовые обломки. Эта стѣна сооружена въ концѣ XVI-го вѣка и строилась десять лѣтъ; до сихъ поръ стоитъ она въ своемъ первобытномъ видѣ. Древніе валуны покрылись лишаями, щели и разсѣлины между ними густо поросли сорными травами крапивы, чертополохомъ, крестоцвѣтными и желтыми цвѣтами. И весь монастырь, его зданія и его люди, какъ стѣна, защищавшая его когда-то отъ внѣшнихъ враговъ, устарѣлъ, мхомъ заросъ, но также твердо и упорно пребываетъ на своемъ старомъ мѣстѣ, въ своихъ старыхъ идеяхъ и традиціяхъ.

Зданія монастырскія воздвигнуты въ разное время, и все это болѣе или менѣе самодѣльщина, которую построили, не мудрствуя лукаво, не гоняясь за современностью, безъ всякаго слѣда барскаго вліянія или вліянія новѣйшей культуры; старые, казарменно-семинарскаго типа корпусы тянутся вдоль монастырской ограды, съ внутренней ея стороны. Остатки старины сохранились повсюду; сохранились окна изъ слюды и т. п. Въ монастырскихъ корридорахъ множество образцовъ живописи, почти исключительно религіознаго содержанія; художественное достоинство этихъ произведеній совершенно ничтожно и цѣликомъ приноровлено ко вкусу и требованіямъ неинтеллигентнаго народа. Вообще монастырь—„мужицкое“ царство. Какъ самъ монастырь почти цѣликомъ представляетъ крестьянскую духовную общину, и процентъ монаховъ изъ другихъ сословій весьма незначителенъ, такъ и вся духовная дѣятельность монастыря, его религіозная роль приноровлена къ чувствамъ и потребностямъ простой массы сѣраго народа. Его храмы, которые должны казаться страшно богатыми неизбалованнымъ церквами жителямъ сѣверныхъ губерній, его аляповатая стѣнная живопись, своеобразно пышная и торжественная церковная служба—доступнѣе народу, ближе къ уровню его религіозныхъ и художественныхъ требованій и, конечно, должны

больше говорить его сердцу, чѣмъ, напр., нашъ торжественно-мрачный Исакій или богатый народный храмъ Спасителя купеческой Москвы. Созданный религіознымъ усердіемъ цѣлыхъ поколѣній старой, до-Петровской Руси, сидя глубокими корнями въ массѣ крестьянскаго населенія всей сѣверной Россіи, монастырь хранитъ свои традиціи, ревниво оберегаетъ свои обычаи и чуждается новыхъ требованій и запросовъ жизни.

Это, впрочемъ, касается только духовной и художественной стороны монастырской жизни, потому что въ вопросахъ экономическихъ монастырь не отстаетъ отъ вѣка и вводитъ даже первый прогрессивныя начала. Если не ошибаюсь, монастырь одинъ изъ первыхъ завелъ пароходъ на Бѣломъ морѣ, купивъ лѣтъ 25 тому назадъ пароходъ „Вѣра“ для перевозки пассажировъ; этотъ пароходъ и до сихъ поръ доживаетъ свой вѣкъ на монастырской службѣ, уже старый и износившійся. Но въ послѣднее время монастыремъ пріобрѣтены еще два нарядные парохода: „Михаилъ Архангелъ“ и „Соловецкій“; они дѣлаютъ правильные и оживленные рейсы между Соловками и Архангельскомъ, Сумскимъ посадомъ и другими мѣстечками побережья, изъ которыхъ бываетъ наплывъ богомольцевъ въ обитель. Монахи не упускаютъ случая извлечь и постороннимъ путемъ какую-нибудь выгоду изъ своихъ пароходовъ, хотя такіе случаи представляются и не часто. Такъ, въ прошломъ году они отдавали одинъ изъ своихъ пароходовъ въ наемъ мурманскому обществу, когда ему потребовался лишній пароходъ взамѣнъ своего, требовавшаго ремонта.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ монастырѣ „сезонъ“, и онъ полонъ народа; но это не обычная публика лѣтнихъ „сезоновъ“. Я былъ въ церкви на праздникъ Троицы, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ. Церковь была полна народу; но куда я ни оглядывался, вездѣ кругомъ меня были сѣрые армяки и крестьянскія лица; пріѣзжіе купцы, чиновники и всякаго рода „господа“ совершенно тонутъ въ массѣ простого народа. Каждый пароходъ, приходящій изъ Архангельска, Онеги или Сумскаго посада, привозитъ съ собой толпу пассажировъ, иногда нѣсколько сотъ человѣкъ. Все это размѣщается по обширнымъ монастырскимъ гостинницамъ, ѣстъ за монастырской трапезой, поклоняется святынямъ, служитъ молебны, навѣщаетъ отдаленные скиты и съ слѣдующимъ пароходомъ отплываетъ, уступая мѣсто новой волнѣ богомольцевъ. Каждый посѣтитель имѣетъ право на трехъ-дневное пребываніе въ гостинницѣ и на монастырское содержаніе безплатно; доходъ монастыря заключается исключительно въ пожертвованіяхъ на монастырь, въ платѣ за молебны, въ продажѣ разныхъ монастыр-

скихъ издѣлій. Лица же, которыя пожелаютъ прожить въ монастырѣ больше времени, уже платятъ за свое помѣщеніе въ гостинницѣ и за содержаніе по соглашенію,—конечно, очень умѣренную цѣну. Правда, что и удобства, доставляемыя монастыремъ для жизни, невелики. При мнѣ, впрочемъ, тамъ былъ одинъ учитель гимназіи изъ Москвы, который прожилъ въ монастырѣ что-то около мѣсяца.

Кромѣ тѣхъ посѣтителей, которые пріѣзжаютъ въ монастырь на короткое время, побуждаемые набожностью или любопытствомъ, существуетъ еще особый значительный контингентъ такъ-называемыхъ годовыхъ богомольцевъ. Это почти исключительно крестьяне, которые или просто изъ религіознаго побужденія, или по обѣту, данному при какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствахъ жизни, приходятъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы работать на него и прожить въ немъ цѣлый годъ. Монастырь пользуется ихъ трудомъ безплатно, но, конечно, содержитъ и даетъ все нужное для жизни: жилище, платье и пр. Изъ этихъ набожныхъ посѣтителей монастыря иные такъ входятъ во вкусъ монастырской жизни, и такъ мало имѣютъ привлекательнаго за собой, въ міру, что остаются въ монастырѣ и дольше, на нѣсколько лѣтъ; одни все-таки возвращаются назадъ, другіе разрываютъ все съ своимъ прошлымъ и остаются навсегда, дѣлаясь сперва послушниками и проходя потомъ послѣдовательныя ступени монашеской іерархіи.

Въ числѣ этихъ годовыхъ богомольцевъ особенно много мальчиковъ-подростковъ, начиная съ 11—12-лѣтняго возраста. На всемъ сѣверѣ держится обычай, въ видѣ богоугоднаго поступка, посылать въ Соловки мальчиковъ на одинъ годъ на богомолье. Мальчики тоже работаютъ на монастырь и, кромѣ того, учатся,—учатся грамотѣ въ школѣ, кое-какимъ ремесламъ въ мастерскихъ. По обычаю обители, за все время своего пребыванія въ ней, они не стригутъ волосъ на головѣ, и въ той толпѣ, которую я увидѣлъ на пристани въ ночь моего пріѣзда, мнѣ больше всего бросились въ глаза фигуры мальчиковъ и парней, одѣтыхъ не по-монашески, но съ длинными до плечъ волосами. Наплывъ такихъ богомольцевъ бываетъ такъ великъ, что монастырь не въ состояніи принять всѣхъ желающихъ; продержавши весь этотъ народъ въ теченіе лѣта, когда сѣнокосъ и другія работы требуютъ много рукъ, онъ затѣмъ часть пришельцевъ отправляетъ обратно на родину, оставляя у себя только болѣе толковыхъ работниковъ, или тѣхъ, которые, придя „по обѣщанію“, особенно настойчиво просятъ быть принятыми и не хотятъ уходить.

Пріѣзжіе посѣтители монастыря, осматривая его достопримѣчательности, изрѣдка заглядывали и къ намъ на станцію. Правда, изъ тысячъ людей, перебывавшихъ въ Соловкахъ за лѣто, едва ли нѣсколько человѣкъ знало о существованіи біологической станціи. Не зналъ о ней и московскій учитель, о которомъ я говорилъ выше, проживній въ монастырской гостинницѣ около мѣсяца; пересмотрѣвши всѣ церкви, скиты всѣхъ „Іисусовъ Сидящихъ“ и т. п., онъ отъ скуки удилъ рыбу въ соловецкихъ озерахъ. Онъ видѣлъ домикъ станціи изъ окошекъ гостинницы, но на свой вопросъ о немъ получилъ отвѣтъ, что это „сельдяной домъ“. Такое названіе до сихъ поръ сохранилось въ монастырѣ за помѣщеніемъ станціи съ того времени, когда въ немъ жили еще одни рыбаки. Этимъ объясненіемъ онъ и удовольствовался, а уже позднѣе, во время прогулки, забрелъ въ нашу сторону и прочелъ надпись надъ входомъ въ зданіе, изъ которой понялъ, что, видно, это не сельдяной домъ. Наведя дальнѣйшія справки и узнавъ, что на станціи гостятъ пріѣзжіе „естествоиспытатели“, онъ рѣшилъ навѣстить насъ, захвативши на первый разъ, въ видѣ приличнаго предлога, камень съ раковинами Balanus, найденный имъ на берегу и дававшій ему поводъ обратиться къ намъ за разъясненіемъ. Эта увѣсистая визитная карточка была для насъ, конечно, достаточной рекомендаціей, и послѣ онъ еще нѣсколько разъ заходилъ къ намъ, разсматривалъ наши акваріи, любовался добычей и ѣздилъ разъ даже со мной въ море пелагировать, ловить кліоновъ и ктенофоръ.

Въ другой разъ завернула на станцію цѣлая группа любопытныхъ: чиновникъ изъ Архангельска съ сыномъ гимназистомъ, два городскіе учителя откуда-то издалека и еще кое-кто. Для нихъ вся морская тварь, да еще живая, была невиданной диковинкой, и они любовались ею съ истиннымъ удовольствіемъ. Мой товарищъ подарилъ имъ на память по морскому ежу, которыхъ онъ предусмотрительно заранѣе наловилъ у Заячьихъ острововъ и насушилъ, чтобы раздавать ихъ могущимъ забрести „богомольцамъ“.

Были какъ-то и дамы, двѣ барыни изъ Москвы, съ мальчикомъ, сыномъ одной изъ нихъ. Дамы внимательно разсматривали акваріи и непремѣнно желали знать научныя названія животныхъ.—Эта раковина, съ зелеными глазками, называется Pecten,—удовлетворяя ихъ желанію, говорилъ я:—вотъ это сидитъ Balanus...—Дамы вынимали карандашикъ и бумажку и записывали.

V.

Я упоминалъ уже раза два объ „Исторіи Соловецкаго монастыря“, Досиѳея. Ея полное заглавіе гласитъ: „Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря и другихъ подвѣдомыхъ сей обители монастырей, скитовъ, приходскихъ церквей и подворьевъ, съ присовокупленіемъ многихъ царскихъ, патріаршихъ и другихъ знаменитыхъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ, граматъ, относящихся къ исторіи сего монастыря, составленное трудами соловецкаго монастыря архимандрита Досиѳея. Москва, въ университетской типографіи. 1836“. Я досталъ „Описаніе“ въ монастырской библіотекѣ; эта старинная, добросовѣстная, наивная, невѣжественно-ученая книга доставила мнѣ не мало удовольствія.

Вотъ, напр., какъ описываетъ почтенный авторъ „наружный видъ Соловецкаго монастыря“:

„За 10 верстъ Соловецкій монастырь начинаетъ показываться плывущимъ къ нему отъ города Архангельска по Бѣлому морю. Здѣсь представляетъ онъ множество колоссальныхъ бѣлыхъ зданій, церковныхъ и колоколенныхъ остроконечныхъ строеній и башенныхъ верховъ, украшенныхъ шпицами. Все сіе, сметаясь вмѣстѣ, образуетъ въ отдаленномъ взорѣ хотя не обширный, но довольно обзаведенный строеніемъ городъ. Приближаясь болѣе къ сему монастырю, при первомъ общемъ взглядѣ на его наружность, смѣшенно пріемлешь чувства пріятнаго, страннаго и величественнаго. Если изслѣдовать причину такой совокупности чувствъ, то, кажется, чувство пріятнаго въ семъ случаѣ можно производить отъ занимательнаго возвышенія и пониженія монастырскихъ зданій, воздвигнутыхъ на неровной зеленѣющейся поверхности. Причемъ весьма замѣтно, что рука художника слѣдовала не предначертанію архитектуры, но самой природѣ, вездѣ являющейся произвольно дѣйствующею, и, такимъ образомъ, составила картину привлекательную. Стѣны и башни монастыря, воздвигнутыя изъ дикихъ большихъ камней, представляютъ видъ сѣрый; кирпичные парапеты—рудожелтый; подкровельныя возвышенія церквей и колоколенъ—бѣлый; кровля и главы церковныя, разными красками покрытыя—пестрый. Сія, не показывающая никакого почти намѣренія въ составѣ своемъ, разноцвѣтность монастыря, будучи необыкновенна въ отдаленномъ краѣ сѣвера и на водахъ бѣломорскихъ, гдѣ взорамъ путешественника представляются токмо дикіе, безплодные и каменистые острова, вдругъ, при появленіи сихъ

огромныхъ зданій, производитъ въ немъ странное ощущеніе. Но оное не можетъ совершенно овладѣть зрителемъ и постоянно занимать его душу, ибо непосредственное воззрѣніе на высоту и обширность наружной монастырской стѣны, башенъ, церковныхъ зданій, жилыхъ келій и другихъ монастырскихъ заведеній, кои при самомъ обновленіи и частыхъ поправкахъ являютъ на себѣ неизгладимую печать древности, не можетъ не исполнить сердце чувствомъ чего-то величественнаго. Къ сему, кажется, много способствуетъ въ любопытномъ и благоговѣйномъ зрителѣ предварительная мысль о самой дикости и уединеніи острова Соловецкаго, на довольно значительное пространство отдѣленнаго отъ градовъ и весей водною бурною стихіею, гдѣ Богоносные Отцы и Чудотворцы Соловецкіе, безмолвно упражняясь въ духовныхъ подвигахъ, просіяли многими чудотвореніями. Посему тотъ, кто впервые обозрѣваетъ замокъ Соловецкаго монастыря, естественно ощущаетъ въ себѣ чувство изящнаго, пріятнаго, чудеснаго и величественнаго".

Это—отрывокъ изъ „Географическаго описанія сего монастыря", описанія, въ составъ котораго входятъ и астрономическое его положеніе, и климатъ, и „явленія въ природѣ", и „существованіе болѣзней", и „произведенія земли на островахъ Соловецкихъ", и „роды ползающихъ и насѣкомыхъ", и „роды земель, каменьевъ и ископаемыхъ". Говорится и о морской фаунѣ. Въ главѣ „рыбы и ихъ ловля" значится: „при берегахъ водятся разныхъ родовъ морскіе раки и морскіе полипы (многоножки), полуодушевленное животное, имѣющее подобіе звѣзды о пяти рожкахъ". Это, конечно, морскія звѣзды. Касается Досиѳей и морской флоры: „Къ морскимъ произведеніямъ отнести еще нужно и то, что при берегахъ острововъ Соловецкихъ ростетъ въ морѣ такъ-называемая морская капуста, листья коей продолговаты и величиною бываютъ до 2 аршинъ, а въ ширину болѣе 8 вершковъ; здѣсь же во множествѣ ростетъ трава съ мелкими листьями и ягодами темно-зеленаго цвѣта, которой корень утверждается всегда на одномъ маленькомъ твердомъ камешкѣ столь плотно, что, взявъ за стебель оной травы, оттрясть его слегка невозможно, развѣ съ поврежденіемъ самого растенія. Многіе изъ приходящихъ сюда для богомолья берутъ съ собою по нѣскольку сего растенія и съ камешками, какъ нѣкоторую любопытную диковинку. Она имѣетъ такое свойство, что и, засохнувъ, въ холодной водѣ опять распуститься можетъ; но тогда только, когда камешекъ, на коемъ она утверждаетъ свой корень, отнятъ отъ оной не будетъ". Послѣднее растеніе—это водоросль Fucus; вздутія

въ видѣ пузырьковъ, наполненныя воздухомъ, сидящія на ея стебляхъ въ мѣстѣ развѣтвленія, Досиѳей принимаетъ за ягоды. Фукусы облѣпляютъ всѣ камни, обнажающіеся при отливѣ, и дѣйствительно такъ прикрѣпляются къ нимъ, какъ онъ описываетъ. И теперь богомольцы собираютъ ихъ, бродя по берегу во время отлива, но не изъ любопытства, а потому, что имъ приписывается особенная цѣлебная сила. Засохшій фукусъ, дѣйствительно, положенный въ воду, вновь принимаетъ прежній видъ, только камешекъ здѣсь, конечно, не при чемъ. Собираютъ богомольцы, какъ цѣлебную траву, и „морскую капусту“ (Laminaria), хотя она рѣже попадаетъ въ ихъ руки. Она ростетъ дальше отъ берега, на нѣкоторой глубинѣ, и во многихъ мѣстахъ бухты ея длинные стебли и огромные желтые гладкіе, похожіе на клеенку, употребляемую для согрѣвательныхъ компрессовъ, листья густо покрываютъ все дно. Драга часто вытаскивала цѣлые кусты ламинарій, и наши гребцы всегда собирали ее, чтобы потомъ продавать богомольцамъ.

Это все—курьезы, но въ книгѣ Досиѳея есть и дѣйствительно много интереснаго; въ историческомъ отдѣлѣ у него приведено множество интересныхъ и цѣнныхъ памятниковъ, хранящихся въ архивахъ монастыря: грамоты царей и патріарховъ, переписка монастыря съ шведскими воеводами, которые не разъ приходили въ столкновеніе съ монастыремъ, и множество всякаго рода документовъ. Когда-то соловецкій монастырь игралъ крупную политическую роль въ русскомъ государствѣ; онъ былъ оплотомъ на сѣверѣ противъ враждебныхъ чужеземцевъ, противъ финляндцевъ, „свѣйскихъ нѣмцевъ и амбурцевъ“ (шведы и гамбургцы). Онъ не разъ въ тяжелую минуту выручалъ московскихъ царей, ссужая ихъ казну деньгами; такъ, „въ 1610 году послано было въ Москву монастырской суммы 3150 рублей серебряной монеты, да Печенскаго монастыря 398 р. 150 ефимковъ и *ложка серебряная*“. Вотъ почему, вѣроятно, ложки въ монастырѣ хранятся до сихъ поръ у казначея, хотя, увы!—онѣ уже не серебряныя!

Въ монастырской ризницѣ хранятся подлинныя грамоты знаменитой Марѳы Посадницы и новгородской республики, утверждавшія за монастыремъ право владѣнія всѣми островами соловецкой группы и различными пунктами побережья.

Въ качествѣ путеводителя для современнаго туриста, книга о. Досиѳея, конечно, устарѣла, и по изложенію, и по содержанію. Для этой цѣли можетъ служить новѣйшее „Описаніе“ монастыря, удовлетворяющее современнымъ литературнымъ требованіямъ, нынѣшняго архимандрита Мелетія. Тамъ читатель найдетъ всѣ нуж-

ныя указанія для осмотра монастыря и его достопримѣчательностей и сокращенное изложеніе исторіи монастыря до нашего времени.

VI.

Въ первыхъ числахъ іюля я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Кемь, уѣздный городъ на берегу Онежскаго залива, верстахъ въ 60 отъ Соловецкихъ острововъ. Утромъ пришелъ одинъ изъ пароходовъ мурманскаго общества, дѣлающій рейсы по Бѣлому морю и изъ Соловковъ идущій прямо въ Кемь; я воспользовался имъ для своей поѣздки. Несмотря на то, что я уже видѣлъ Повѣнецъ, я не могъ побѣдить въ себѣ довѣрія къ титулу города, носимому Кемью, и основывалъ на немъ нѣкоторые планы и надежды, скоро безжалостно разбитые. Проживши уже почти мѣсяцъ на станціи, я порядкомъ соскучился сидѣть безсмѣнно на селедкѣ да на телятинѣ, и позволилъ себѣ помечтать о болѣе разнообразномъ и порядочномъ обѣдѣ въ городской гостинницѣ. Ослѣпленный этой розовою мечтою, я сдѣлалъ непростительную оплошность и не пообѣдалъ на пароходѣ, который, сдѣлавши безъ помѣхъ по ясному и спокойному морю 60 верстъ, къ полудню бросилъ якорь вблизи города Кеми. Какъ и въ Сумскомъ посадѣ, рейдъ лежитъ здѣсь далеко отъ города, въ морѣ при впаденіи р. Кеми, на которой лежитъ самый городъ. Пассажиры должны переправляться на лодкахъ, и мнѣ оказалъ въ этомъ отношеніи услугу таможенный чиновникъ, пріѣзжавшій на нашъ пароходъ и любезно предложившій мнѣ свезти меня въ своей шлюпкѣ, такъ какъ лодокъ изъ Кеми я могъ бы прождать до вечера. Съ моря не видно никакихъ слѣдовъ города. Морская губа, постепенно съуживаясь, мало-по-малу переходитъ въ русло рѣки, и изгибы его скрываютъ отъ глазъ лежащій верстахъ въ семи городъ. Говорятъ, что англичане въ 1855 году подходили на корабляхъ и хотѣли сдѣлать нападеніе на Кемь, но не могли найти города и удалились.

Пока мы ѣхали, я успѣлъ узнать отъ моего спутника, что въ уѣздномъ городѣ Кеми нѣтъ не только гостинницы, но даже трактира или постоялаго двора, гдѣ бы можно было остановиться пріѣзжему. Существуетъ частная, обывательская квартира, отведенная для чиновниковъ и вообще для лицъ, путешествующихъ „по казенной надобности“. Это извѣстіе значительно уже охладило мои гастрономическія мечтанія; но я все-таки не могъ ожидать того фіаско, которое мнѣ пришлось испытать на квар-

тирѣ, куда мои вещи были отнесены людьми того же таможеннаго чиновника. Тамъ оказались на-лицо двѣ старухи Мафусаиловыхъ годовъ: одна хозяйка, другая—ея кухарка; меня отвели въ „пріѣзжающую комнату", достаточно чистую, удобную и просторную. Расположившись и разобравъ вещи, я не безъ робости приступилъ къ прелиминарнымъ переговорамъ относительно обѣда. Оказалось: горячаго ничего нѣтъ, не готовили, а достать тоже ничего нельзя. Говядины, разумѣется, нигдѣ нѣтъ, и курицы продажной нѣтъ, и свѣжей рыбы нѣтъ.—Что же у васъ есть? что же вы сами ѣдите?—воскликнулъ я горестно.—А треску.—Но отъ „трещочки", какъ ее здѣсь ласкательно называютъ, я отказался, и, глубоко вздохнувъ о пароходномъ буфетѣ и смирившись духомъ, долженъ былъ пообѣдать простоквашей, чаемъ и надеждой на лучшее будущее, такъ какъ хозяйка обѣщала мнѣ къ ужину раздобыть картофеля и, можетъ быть, яицъ.

Лермонтовъ упрочилъ за Таманью репутацію самаго сквернаго городишки изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи; еслибы онъ увидѣлъ Кемь, онъ взялъ бы свои слова назадъ. Представьте себѣ уѣздный городъ, административный центръ значительнаго пространствомъ округа, въ которомъ числится, кажется, 800 душъ жителей; въ ставропольской губерніи есть села съ 8.000. По обѣимъ сторонамъ рѣки Кеми, образующей въ этомъ мѣстѣ пороги, разбросаны деревянные домики; изъ нихъ едва ли найдется десятка полтора, выстроенныхъ хотя нѣсколько на городской манеръ. На весь городъ одна крошечная деревянная церковь, но и та пришла въ такую ветхость, что въ ней считается опаснымъ служить [1]). Насколько въ городѣ мало движенія, видно изъ того, что онъ кажется стоящимъ на лугу: его немощеныя улицы не пылью покрыты, какъ это водится въ „настоящихъ" городахъ русскихъ, а густо заросли травой, съ протоптанными тропинками. Въ Кеми не ѣздятъ въ экипажахъ и почти не держатъ лошадей. Держатъ оленей и зимой ѣздятъ на нихъ въ саняхъ. Но лѣтомъ ѣздить на оленяхъ нельзя, и ихъ отвозятъ на ближайшіе острова или угоняютъ далеко отъ города. Изъ города никуда не ведетъ ни одна дорога; съ сухопутья онъ лѣтомъ отрѣзанъ отъ всякихъ сообщеній непроходимыми лѣсами и болотами; почта ходитъ карбасомъ на Онегу. Только когда инженеръ-зима построитъ свои искусственные пути сообщенія, является возможность выѣхать изъ Кеми и сухимъ путемъ.

---

[1]) Въ настоящее время соловецкій монастырь строитъ въ Кеми большой каменный соборъ.

Послѣ своего quasi-обѣда я пошелъ побродить по „окрестностямъ“: въ Кеми это сдѣлать нетрудно; сойдите съ улицы вправо или влѣво, и вы уже за городомъ. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ довольно крутыми холмами, сложенными изъ гнейса. На вершинахъ холмовъ ростетъ тощій ельникъ; въ котловинахъ прямо на камень налегаетъ моховое болото. Повсюду множество голаго камня; полосатыя скалы краснаго гнейса были бы, пожалуй, довольно красивы, но, въ общемъ, очень ужъ тощій пейзажъ, да и комары могутъ прогнать всякую охоту къ созерцанію природы.

Скучное мѣсто—такой административный пунктъ безъ жителей. Здѣсь есть исправникъ, докторъ, фельдшеръ, десятокъ-два чиновниковъ, одинъ или два офицера съ полуротой солдатъ. Но коренного, осѣдлаго интеллигентнаго населенія здѣсь нѣтъ: служить здѣсь все равно что — ссылка. Восемь мѣсяцевъ въ году этотъ кружокъ людей, загнанныхъ сюда нуждой и службой, отрѣзанъ почти отъ міра и скованъ въ своихъ домахъ жестокимъ морозомъ. Одни и тѣ же лица, одни и тѣ же впечатлѣнія и разговоры.

Снѣдаемый подобными грустными мыслями (а также и комарами), я впалъ въ унынiе, и думалъ уже во всякомъ обитателѣ проклятаго мѣстечка найти мрачнаго мизантропа, ипохондрика, погруженнаго въ желчь, угрюмость и пессимизмъ. Но вечеромъ улицы городка, пустыннаго днемъ, нѣсколько оживились, и изъ окошка моей комнаты я увидѣлъ все того же развязнаго молодого человѣка, въ яркомъ галстухѣ и съ металлической часовой цѣпочкой, котораго вы встрѣтите лѣтомъ, въ девятомъ часу вечера, на всѣхъ бульварахъ всякаго города. Этотъ юный гипербореецъ шелъ съ дамой въ перчаткахъ и съ зонтикомъ и столь оживленно и любезно съ ней бесѣдовалъ, что у меня отлегло отъ сердца. „Великъ Богъ земли русской!—подумалъ я:—и въ Кеми люди живутъ, и ничто человѣческое чуждымъ себѣ не считаютъ“.

Впрочемъ подобнаго рода философическимъ наблюденіямъ надъ человѣческой природой я посвятилъ только одинъ вечеръ; весь слѣдующій день я провелъ на морѣ, нанявши для этой цѣли лодку и гребца. Лодка оказалась валкимъ и тѣснымъ корытомъ, а владѣлецъ ея — продувнымъ мѣщаниномъ, ѣздившимъ когда-то въ Петербургъ съ семгой и охотно посвящавшимъ меня въ тайны и интриги Сѣнной площади. Изъ его разсказовъ я вынесъ убѣжденіе, что торговать семгой на Сѣнной—это цѣлый романъ. Тѣмъ не менѣе, я сдѣлалъ отличную экскурсію, подра-

гировалъ въ морѣ, побывалъ на островахъ въ устьѣ р. Кеми и вернулся домой уже къ ночи.

Обратный пароходъ изъ Кеми въ Соловки долженъ былъ идти только дней черезъ пять, а жить, въ ожиданіи его прихода, въ менѣе отдаленныхъ мѣстахъ мнѣ не хотѣлось. Поэтому я нанялъ въ обратный путь карбасъ. Въ Кеми, какъ и въ Сумскомъ посадѣ и другихъ поселеніяхъ по морю, карбасъ есть нормальный почтовый экипажъ, часто единственное средство сообщенія, и почтосодержатели по контракту обязаны, наравнѣ съ лошадьми и телѣжками, держать всегда и карбасъ, и гребцовъ, которые и берутся за прогоны.

Только не смущайтесь тѣмъ, что васъ повезутъ бабы. Лѣтомъ здѣсь мужиковъ нѣтъ: всѣ на промыслахъ, на Мурманѣ, а дома, въ деревняхъ и посадахъ, остается только старый и малый. Женскій вопросъ здѣсь давно уже рѣшенъ, и женщины исполняютъ всѣ обязанности мужчинъ во время ихъ отсутствія; мореходы-поморки отлично гребутъ, управляютъ парусомъ и рулемъ не хуже мужиковъ, и также, какъ и мужья ихъ, смышлены, дѣятельны и энергичны.

Мнѣ дали въ Кеми на земской почтѣ за установленные прогоны отличный, большой карбасъ, съ крытой будкой отъ дождя и непогоды, шесть человѣкъ бабъ-гребцовъ и „коршика“, по здѣшнему выраженію (кормщика), маленькаго, приземистаго карелу.

Поморы при своихъ переѣздахъ, если нѣтъ попутнаго вѣтра, строго сообразуются съ приливомъ и отливомъ моря. Сила приливной и отливной волны въ Бѣломъ морѣ такъ велика, а дѣйствіе и ходъ ея въ узкихъ губахъ и посреди лабиринта скалъ и острововъ такъ разнообразны и измѣнчивы, что при ѣздѣ на веслахъ надо съ нею строго сообразоваться, чтобы не быть сбитымъ съ пути и не тратить даромъ силы гребцовъ. Здѣшніе „коршики“ никогда не идутъ *противъ* хода морской волны, предпочитая обождать шесть часовъ на берегу или на островѣ, чѣмъ рисковать быть занесеннымъ не туда, куда держишь путь, или безплодно биться противъ теченія. Поэтому и я при своемъ отъѣздѣ изъ Кеми долженъ былъ ждать „воды“, только не помню, ужъ какой: прибылой или убылой. Нужная вода пришла къ вечеру, и въ десятомъ часу я тронулся въ путь; вечеръ былъ тихій и ясный, довольно холодный, море спокойно, и мои бабы гребли какъ гребцы Одиссея. Мы вышли изъ рѣки, прошли мимо острововъ Попова и Ягъ-острова въ устьѣ Кеми и поплыли лабиринтомъ то плоскихъ и округленныхъ, то крутыхъ и высокихъ гнейсовыхъ скалъ и острововъ, называемыхъ на Бѣломъ морѣ

вообще „лудами“. Часа черезъ два — въ іюлѣ мѣсяцѣ къ полуночи уже смеркается—я сталъ немного зябнуть и дремать, когда спутники мои объявили, что надо пристать къ острову и обождать здѣсь часа два или три до новой „воды“—точно также не помню, какой.

На каменномъ островѣ, у котораго мы остановились, стояли на берегу моря двѣ крохотныхъ избушки на курьихъ ножкахъ, были развѣшены сѣти, а на растянутыхъ веревкахъ висѣла распластанная для сушенія рыба. Видно, здѣсь жили рыбаки; и избушки, и голый островъ, были теперь закутаны въ легкій, полуночный сумракъ, скрадывавшій всѣ очертанія. Я взобрался на холмъ по камнямъ и мокрому мху, и съ вершины его увидѣлъ, что островъ очень невеликъ и голый, безъ кустика или дерева, поросъ только скудной травой; рядомъ лежалъ, отдѣленный узкимъ проливомъ, островъ побольше, покрытый лѣскомъ. Это были два острова Лигова, большой и малый. Я стоялъ и смотрѣлъ, стараясь разобрать очертанія предметовъ; вдругъ—слышу—сзади что-то съ топотомъ ко мнѣ подбѣгаетъ. Я вздрогнулъ и оглянулся — смотрю: молодой сѣверный олень; очевидно, удивленный неожиданнымъ гостемъ, онъ подбѣжалъ посмотрѣть; онъ былъ совсѣмъ ручной, подошелъ, понюхалъ мнѣ платье и руки; на шеѣ у него была повязана какая-то тряпочка въ родѣ ленточки—видно, его баловали на островѣ, и онъ привыкъ къ подачкамъ, а потому смѣло подходилъ къ человѣку.

Между тѣмъ гребцы убрали лодку и отнесли мои вещи, т.-е. подушку и полушубокъ, въ одну изъ лачужекъ. Я вошелъ за ними туда; на палатяхъ кто-то спалъ,—очевидно, хозяева,—но кто они были — я не могъ разсмотрѣть. Гребцы — или вѣрнѣе гребчихи—мои собирались отдохнуть, частью здѣсь же въ избѣ, частью въ сѣняхъ и въ другой лачугѣ, и мнѣ предложили тоже прилечь и вздремнуть, обѣщая разбудить меня въ три часа ночи, когда надо будетъ ѣхать. Я не заставилъ себя просить, расположился на лавкѣ подъ образами и заснулъ.

Въ три часа меня не разбудили, но я самъ проснулся и спросилъ, отчего мы не сбираемся въ дорогу. „Нельзя“, получилъ я въ отвѣтъ: „погода поднялась, вѣтеръ на встрѣчу, нельзя теперь идти въ море“. Меня такъ разломилъ сонъ, что я съ удовольствіемъ выслушалъ это заявленіе, закутался въ полушубокъ и заснулъ такъ, какъ спишь только въ дорогѣ, въ чужомъ и странномъ мѣстѣ, куда пріѣхалъ ночью, усталый, гдѣ все кажется таинственнымъ, никогда невиданнымъ и особеннымъ, и смутныя ночныя впечатлѣнія сами кажутся сновидѣніемъ.

Я проснулся уже довольно поздно, было часовъ 7 или 8. На дворѣ вылъ вѣтеръ, шелъ дождь и было холодно. Въ избушкѣ было тепло и топилась печь. Бабы кипятили воду въ мѣдномъ чайникѣ для меня и для себя. Люди, спавшіе вчера на палатяхъ и которыхъ я не могъ разсмотрѣть, оказались тоже двумя женщинами: бабушка, сморщенная старушка, и внучка ея, шустрая дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати. Онѣ жили здѣсь съ рыбаками; рыбаки уѣхали намедни въ Кемь, а бабушка съ внучкой остались единственными обитательницами дикаго острова. Мнѣ предстояло теперь коротать съ ними время и въ буквальномъ смыслѣ слова „ждать у моря погоды“. Бабушка оказалась старовѣркой и, въ качествѣ таковой, необыкновенно щепетильной насчетъ своей посуды, за неприкосновенность которой дрожала. Но кромѣ этой маленькой слабости, которую не трудно было обойти, такъ какъ у меня своей посуды было вдоволь, старушка была очень добродушна и гостепріимна. Впрочемъ, кромѣ одной кружки молока, я ничего не могъ добыть у нея; даже рыбы не было; что было наловлено, рыбакъ увезъ въ Кемь, а на веревкахъ передъ избушкой сушился *пинагоръ*—рыба, употребляемая въ пищу. Пинагорь (откуда взялось это странное названіе?), Cyclopterus lumpus—небольшая чернаго цвѣта рыба, довольно крупной формы. На брюхѣ у нея широкое, четырехугольное расширеніе, въ родѣ мозоли, преобразованное изъ брюшныхъ плавниковъ и служащее ей какъ присоска, съ помощью которой она можетъ плотно пристава̀ть къ камнямъ и другимъ подводнымъ предметамъ. Иногда въ драгу попадаются маленькіе пинагорики и, пущенные въ акварій, присасываются своими брюшками къ стеклу. Пинагора не ѣдятъ, но, какъ я узналъ, сушатъ на воздухѣ и потомъ, зимой, даютъ коровамъ, примѣшивая его къ ихъ корму. Я читалъ когда-то, что въ Сѣверной Америкѣ, въ Лабрадорѣ, лошадей кормятъ рыбой, но никогда, признаться, не подозрѣвалъ, что у насъ на Бѣломъ морѣ рыбу даютъ въ пищу коровамъ.

Напились мы утромъ чаю; прошелъ часъ, другой, погода не унималась. Мои бабы принялись колдовать, дѣлать заклинанія на погоду. Взяли палочку и стали дѣлать на ней зарубки, при каждой зарубкѣ называя какого-нибудь лысаго; длинный рядъ именъ перебрали онѣ, начиная съ лицъ кемской аристократіи, пока получилось должное число—три раза девять зарубокъ на палочкѣ, двадцать-семь лысыхъ. Затѣмъ вышли изъ хатки и бросили палочку на западъ, въ сторону попутнаго намъ вѣтра, съ слѣдующимъ приговоромъ: „плѣшивы, плѣшивы, пойдите вы, плѣши, на встокъ (востокъ), на обѣдникъ, на полуночникъ. Встокъ да обѣд-

никъ пора потягать, западу, шолонникy, пора покидать". Въ сущности, этотъ приговоръ не подходилъ къ нашему положенію, такъ какъ онъ вызываетъ восточный вѣтеръ, а намъ нуженъ былъ западный; но онѣ этимъ не смущались. „Шолонникъ"—это юго-западный вѣтеръ, между югомъ и западомъ, съ той стороны, какъ стоитъ солнце въ три часа пополудни. Употребляется же это заклинаніе, какъ мнѣ сказали въ Архангельскѣ, для того, чтобы выйти изъ Двины въ море; вѣроятно, тамъ оно и сложилось.

Почти цѣлый день просидѣлъ я на этомъ необитаемомъ островѣ (рыбаки живутъ тамъ только лѣтомъ). Я и писалъ, и чай пилъ со скуки нѣсколько разъ, и бродилъ по острову. Островъ былъ очень невеликъ, и я скоро исходилъ его вдоль и поперекъ. Долго сидѣлъ я на берегу, слушая, какъ шумятъ волны и вѣтеръ, и рѣзко кричатъ морскія чайки; молодой оленекъ бѣгалъ по голымъ скаламъ, бабушкина внучка приносила ему хлѣба и рвала траву для него; это, видно, она его такъ приручила и избаловала, и ленточка, вѣрно, тоже дѣло ея рукъ, думалъ я. Вѣтеръ гудитъ за скалой, гдѣ я сижу, волны звонко шумятъ, а чайки кричатъ пронзительно жалостно; можетъ быть, думалъ я, этотъ островъ—заколдованный островъ, и я не на Бѣломъ морѣ, а въ сказочномъ царствѣ. Бабушка и внучка можетъ быть добрая фея и молодая принцесса, а олень—прекрасный принцъ, злыми чарами превращенный въ звѣря. Принцесса ухаживаетъ за прекраснымъ принцемъ, горькими слезами оплакивая его жалкую участь. Можетъ быть... но, къ счастью, пришли мои гребцы сказать, что погода унимается и можно ѣхать.

Вечеромъ этого дня я былъ уже на другомъ необитаемомъ островѣ, гдѣ расположился ночевать уже добровольно. Это былъ самый большой изъ группы высокихъ и дикихъ острововъ, очертанія которыхъ я каждый день видѣлъ на горизонтѣ съ Соловковъ, и которыя давно привлекали мое вниманіе. Зовутъ эту группу Кузова, или Нѣмецкіе; послѣднее названіе сохранилось за ними съ тѣхъ поръ, какъ въ 1611 году шведы, нападавшіе на Поморье, высадились на нихъ цѣлымъ отрядомъ и прожили все лѣто, собираясь отсюда сдѣлать нападеніе на монастырь. „Но тамъ,—говоритъ Досиѳей,—будучи омрачены невидимою Божіею силою и молитвами чудотворцевъ соловецкихъ, простоявъ цѣлое лѣто, безъ успѣха возвратились въ свои мѣста".

Несмотря на ихъ величину, на Кузовахъ нѣтъ населенія; но такъ какъ они лежатъ на полъ-пути между Кемью и Соловками, и къ нимъ часто приходится приставать поморамъ, застиг-

нутымъ вѣтромъ и непогодой, то на одномъ изъ нихъ выстроена избушка, дающая пріютъ путнику. Въ ней никто не живетъ, и дверь не запирается; каждый, кто пріѣдетъ, располагается въ ней свободно. Къ этой избушкѣ пристали и мы. Она оказалась въ хорошей сохранности; окна и лавки цѣлы, печь хотя немного и повреждена, но топить ее можно. Бревенчатыя стѣны были испещрены надписями, именами случайныхъ посѣтителей; но я не увидѣлъ тутъ надписей высоко не-цензурнаго характера, которыми неизбѣжно обростаютъ, какъ плесенью, всѣ бесѣдки въ Россіи и вообще всякія стѣны, удобныя для начертанія поэтическихъ вдохновеній прохожихъ гостей. Напротивъ, письменные слѣды пребыванія путниковъ на Кузовахъ носили слегка духовно-нравственный характеръ.

На другой день съ утра опять дулъ сильный противный вѣтеръ, и я имѣлъ много времени для прогулки по острову. Я взялъ съ собой моего коршика-карелу, оказавшагося пресимпатичнымъ мужичкомъ, и нѣсколько часовъ проходилъ съ нимъ вмѣстѣ. Островъ оказался такъ великъ, что мы съ карелой даже заблудились, и должны были взлѣзть на гору, чтобъ оттуда увидѣть берегъ и отыскать глазами избушку и нашу лодку. По всему острову, имѣющему въ длину версты четыре, а можетъ быть и больше, тянется гряда довольно высокихъ гранитныхъ горъ и холмовъ, съ голыми скалами, мѣстами отвѣсно падающими въ море. Въ ущельяхъ, между отдѣльными холмами, грудами навалены гранитные валуны. Посреди острова, въ котловинѣ, тянется неизбѣжное на сѣверѣ моховое болото, на мѣстѣ бывшаго когда-то озера. И горы, и ущелья, заросли лѣсомъ, скучнымъ, холоднымъ и дикимъ сѣвернымъ лѣсомъ. Корявыя и тощія ели, полузадушенныя ягелемъ, невысокія и кривыя березки и осинки, кусты можжевельника; множество сухихъ деревьевъ, бурелому, и древнихъ, гнилыхъ пней. Все это при полномъ безлюдьѣ и пустынности имѣло отчаянно-унылый видъ. Точно здѣсь на сѣверѣ все лицо земли поражено какимъ-то тайнымъ, неизлечимымъ недугомъ, и чахлый, золотушный лѣсъ съѣденъ болѣзнью.

Мы не встрѣтили ни зайца, ни оленя, ни одной птицы. Въ лѣсу, однако, несмотря на то, что островъ нежилой, повсюду были протоптаны тропинки. Мнѣ объяснилъ мой чичероне, самъ впрочемъ бывшій на островѣ въ первый разъ, что обыкновенно сюда привозятъ изъ Кеми оленей, высаживаютъ и оставляютъ на свободѣ. Дикихъ звѣрей нѣтъ на Кузовахъ. Осенью хозяева являются за ними, и такъ какъ олени за лѣто на волѣ порядочно одичаютъ, то приходится иногда по недѣлѣ жить въ избушкѣ,

прежде чѣмъ разыщутъ и переловятъ ихъ всѣхъ. Въ поискахъ за оленями и протоптаны эти лѣсныя тропинки. Въ этомъ году оленей изъ Кеми не возили на Кузова, а отогнали въ лѣсъ, въ глубь материка.

Мнѣ приходило въ голову, глядя на этотъ большой, гористый, съ дикими и красивыми рельефами, островъ, какъ хорошъ бы онъ былъ, еслибы лежалъ не въ Бѣломъ, а Черномъ морѣ! Въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли это? На Черномъ морѣ нѣтъ ни одного, не только годнаго къ населенію, но даже мало-мальски значительнаго острова. На Бѣломъ—цѣлые лабиринты острововъ, отъ самыхъ крошечныхъ голыхъ скалъ, до такихъ крупныхъ, какъ Кузова или Жужмуй, высокій, гористый, покрытый лѣсомъ островъ къ югу отъ Соловковъ. Одни только Соловки населены, всѣ остальные безлюдны. Лежи эти горы и скалы въ нашемъ южномъ морѣ—какое богатство онѣ представляли бы изъ себя, сколько бы на нихъ было садовъ, виноградниковъ, роскошныхъ дачъ! Здѣсь же онѣ только даромъ затрудняютъ мореплаваніе.

Я вернулся послѣ нашей утренней прогулки усталый и голодный, но успѣлъ и поѣсть, и отдохнуть, прежде чѣмъ можно было пуститься въ дальнѣйшій путь. Опять вѣтеръ слегъ только къ вечеру. До Соловковъ осталось тридцать верстъ теперь уже открытаго моря: прибрежная полоса острововъ осталась за нами. Къ вечеру „салма“, какъ поморы называютъ вообще всякое открытое водное пространство и спеціально проливы, — стихла какъ зеркало. Наступила отличная ночь, и мы бойко пошли впередъ на шести веслахъ, при легкой помощи паруса, такъ какъ вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, и хотя еле надувалъ паруса, но все-таки былъ попутный. Коршикъ, частью изъ галантности, свойственной даже кареламъ, частью же по плохому знанію этой части моря, такъ какъ онъ во второй только разъ плылъ изъ Кеми въ Соловки, взялся за весло и пустилъ на руль старую Пахомовну. Пахомовна же, я думаю, не ударила бы лицомъ въ грязь и въ британскомъ флотѣ. Она была, впрочемъ, и на сухопутьѣ баба бывалая, совершившая не мало тѣхъ образовательныхъ путешествій, которыя знакомятъ простой народъ съ міромъ богомолій. Она перебывала чуть не во всѣхъ монастыряхъ Россіи, была и на далекомъ югѣ, у кіевскихъ угодниковъ, въ почаевской обители, въ Святыхъ горахъ. Тѣмъ не менѣе она не отбилась отъ работы, какъ профессіональныя богомолки, и была такой же здоровой, энергичной, работящей поморкой, какъ и ея товарки.

Я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ красивъ соловецкій монастырь вечеромъ съ моря. Мы вошли въ его бухту

въ 11 ч. вечера, въ сумерки. Бѣлыя зданія такъ стройно окружали заливъ, пароходы передъ пристанью придавали такую жизненность его водамъ, а съ берега несло здоровымъ и ароматнымъ, хотя и суровымъ, лѣснымъ воздухомъ. На переѣздъ, который съ попутнымъ вѣтромъ можно сдѣлать въ нѣсколько часовъ, я употребилъ болѣе двухъ сутокъ времени; я, впрочемъ, не жалѣлъ объ этомъ, потому что посѣщеніе острововъ было для меня интересно. Нашъ карбасъ подошелъ къ пристани около станціи, гдѣ стояла какая-то заѣзжая шняка (большія лодки, на которыхъ поморы ходятъ на промыслы), и я распростился съ моими гребцами. Спиридонъ вынесъ мои вещи, а на станціи меня ждали холодный ужинъ, самоваръ и болѣе удобная постель послѣ двухъ-суточнаго сухояденья и походныхъ ночлеговъ.

VII.

Въ послѣдніе дни моего пребыванія на станціи въ Соловкахъ появилось новое, оригинальное лицо.

Однажды вечеромъ, уйдя на короткое время по какому-то дѣлу въ монастырь, я засталъ у насъ, вернувшись домой, гостя—молодого человѣка, въ очкахъ, не походившаго на обычные типы соловецкихъ посѣтителей. Онъ оказался нашимъ товарищемъ по петербургскому университету; Ю. Н. Вагнеръ угощалъ его скудными остатками нашего обѣда, которые онъ поглощалъ съ жадностью. Когда нашъ гость утолилъ нѣсколько свой волчій аппетитъ, я узналъ отъ него, что онъ попалъ въ Соловки случайно; онъ прибылъ на Бѣлое море съ однимъ англичаниномъ-туристомъ, который, пріѣхавъ въ Россію на нѣсколько недѣль, хотѣлъ непремѣнно побывать на Бѣломъ морѣ съ спеціальною цѣлью половить на удочку семгу и посмотрѣть, отличается ли русская семга отъ той, которую онъ ловилъ въ Канадѣ. Молодого человѣка онъ пригласилъ себѣ въ товарищи, чтобы облегчить себѣ путешествіе въ незнакомой странѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, англійскій спортсменъ, не теряя времени, выѣхалъ на Петрозаводскъ и Повѣнецъ, а изъ Повѣнца поѣхалъ не на почтовыхъ по тракту на Сумскій посадъ, а стариннымъ водянымъ путемъ богомольцевъ, лодками, по Выгъ-озеру и рѣкѣ Выгу, и цѣпью другихъ озеръ, раздѣленныхъ волоками, на Сороку, куда онъ имѣлъ изъ Петербурга рекомендацію отъ г-на Бѣляева, извѣстнаго на сѣверѣ архангельскаго купца и дѣятеля. Въ Сорокѣ онъ принялся за семгу; ее можно ловить на удочку, когда она

изъ моря идетъ вверхъ по рѣкѣ. Маіоръ (англичанинъ былъ маіоръ и состоялъ на дѣйствительной службѣ) ѣздилъ на рѣку, ловилъ цѣлые часы, заживо былъ съѣденъ комарами — и не поймалъ ни одной. Семга не шла по рѣкѣ; это было ясно изъ того, что и въ сѣти она эти дни не ловилась, хотя недѣлей раньше ея было много. Потерпѣвши фіаско на рыбѣ, англичанинъ перешелъ къ другому виду спорта: у него загорѣлось желаніе убить сѣвернаго оленя, чтобы посмотрѣть, отличается ли русскій сѣверный олень отъ тѣхъ, которыхъ онъ стрѣлялъ въ Ньюфаундлендѣ. Въ Сорокѣ ему не удалось осуществить свою фантазію, и онъ поѣхалъ съ этой цѣлью въ Соловки, гдѣ его спутникъ, знавшій о существованіи зоологической станціи, и явился къ намъ. Въ Соловкахъ маіоръ никакъ не могъ добиться толку, есть ли на островахъ олени, гдѣ они держатся, гдѣ ихъ можно найти, чтобы — если охота, какъ ему сказали, запрещена — хоть посмотрѣть на нихъ.

Нашъ гость, не питавшій особенной страсти къ спорту, всю ночь на пароходѣ жестоко промучился морскою болѣзнью, плохо пообѣдалъ за монастырской трапезой, и потому стряпня нашего Ильи, надоѣвшая намъ до смерти, ему пришлась необыкновенно по вкусу. Выслушавъ отчетъ объ его похожденіяхъ, я сказалъ ему, что если англичанинъ хочетъ увидѣть оленя, то это легко сдѣлать на Заячьихъ островахъ, гдѣ олени есть, гдѣ я недавно одного встрѣтилъ на берегу, на опушкѣ лѣса, и гдѣ найти ихъ не трудно, благодаря незначительной величинѣ каждаго острова. Но охота на Соловецкихъ островахъ не разрѣшается, и для убіенія оленя міоръ долженъ будетъ просить спеціальнаго разрѣшенія у настоятеля.

На другой день утромъ англичанинъ явился къ намъ лично, и я увидѣлъ передъ собой стараго знакомаго: это былъ тотъ самый англійскій маіоръ изъ Жюля Верна, другъ моего дѣтства, съ которымъ я когда-то, въ мечтахъ, разумѣется, блуждалъ въ пустыняхъ Патагоніи, леталъ на луну, отрывался отъ земного шара. Огромнаго роста, съ огромными неуклюжими руками и ногами, спокойный, невозмутимый, съ трубочкой во рту, одѣтый, какъ умѣютъ одѣваться только англичане, съ тѣмъ великолѣпнымъ презрѣніемъ къ модѣ и къ чужому мнѣнію о своей наружности, съ тѣмъ полнымъ отсутствіемъ боязни насмѣшекъ въ своемъ стремленіи къ удобству и къ собственному вкусу, которыя составляютъ такую прекрасную черту въ ихъ характерѣ, — онъ былъ классическій типъ англійскаго туриста. Весь его костюмъ былъ оригиналенъ, но особенно характерна и удобна была обувь:

вмѣсто безобразныхъ лыжъ съ узкими носками, на ногахъ его были штиблеты, величиной, по крайней мѣрѣ, съ колыбель младенца, но сшитыя, очевидно, по ногѣ, удобно сидѣвшія, и на такихъ подошвахъ, что на нихъ хоть по гвоздямъ ходи.

Маіоръ, къ удивленію моему, заговорилъ по-русски, довольно плохо, конечно, съ ошибками и медленно подыскивая выраженія, но все-таки могъ объясняться и понималъ все, что ему говорятъ. Онъ въ первый разъ былъ въ Россіи, а русскому языку выучился еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у себя въ Англіи. По его словамъ, въ англійской арміи очень поощряется изученіе нашего языка, и офицеръ, который сдастъ изъ него экзаменъ, не особенно трудный—получаетъ денежную премію, и не шуточную—что-то около 200 фунтовъ.

Онъ пришелъ къ намъ, чтобы разузнать про оленей, о которыхъ я говорилъ наканунѣ его спутнику, и разспросить, какъ и гдѣ можно нанять лодку для поѣздки за ними. Будь это нѣсколько дней раньше, я бы самъ охотно съ нимъ поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что стояла отличная погода; но я уже собирался къ отъѣзду, и былъ очень занятъ разборкой вещей и приведеніемъ въ порядокъ станціи, такъ что могъ только предложить ему нашу лодку, съ тѣмъ, конечно, чтобы онъ не стрѣлялъ оленей безъ разрѣшенія настоятеля, котораго въ это время не было въ монастырѣ: онъ уѣхалъ въ Кемь, и долженъ былъ вернуться только къ вечеру. Маіоръ отвѣтилъ на мое предложеніе вѣжливымъ поклономъ и увѣреніемъ, что онъ нисколько не желаетъ нарушать обычаевъ монастыря. Старый рыбакъ, о. Осипъ, не безъ легкаго предварительнаго угощенія, разумѣется, согласился отвезти съ двумя изъ своихъ ребятъ англичанина вмѣстѣ съ его спутникомъ на Заячьи острова и помогъ имъ въ отысканіи тамъ оленей.

Черезъ нѣсколько часовъ они вернулись, успѣшно осуществивъ свои желанія. На Маломъ Заячьемъ они нашли безъ труда оленей, которые, впрочемъ, не заслужили одобренія маіора. Во-первыхъ, малы ростомъ, а во-вторыхъ, и это главное — слишкомъ смирны и довѣрчивы. Убить такого оленя—это не охота. Поэтому маіоръ былъ очень мало огорченъ, когда на другой день настоятель на его вопросъ о разрѣшеніи стрѣлять на островахъ, отвѣтилъ отказомъ, говоря, что монастырскій обычай не разрѣшаетъ никакой охоты на земляхъ, принадлежащихъ обители, и что даже русскіе великіе князья при своихъ посѣщеніяхъ монастыря не хотѣли нарушать его преданій и не охотились въ Соловкахъ.

Такимъ образомъ, нашему спортсмену на оленяхъ такъ же мало повезло, какъ на семгѣ, и день, остававшійся ему до прихода

парохода въ Соловки, онъ посвятилъ подробному осмотру монастыря и покупкѣ всевозможныхъ мелочей мѣстнаго и оригинальнаго характера. Въ рухлядной, напр., онъ накупилъ полотенецъ съ русскимъ шитьемъ и полный женскій народный костюмъ...

Въ концѣ іюля монастырскій сезонъ уже почти закончился. Богомольцевъ почти нѣтъ. Рейсы монастырскихъ пароходовъ становятся все рѣже и рѣже, и они приходятъ въ монастырь почти безъ пассажировъ. Въ Сумскій посадъ пароходы совсѣмъ перестали ходить; въ Архангельскъ ходили разъ въ недѣлю, разъ въ десять дней. Для нашего возвращенія намъ пришлось воспользоваться „Кемью“, пароходомъ мурманскаго общества, который долженъ былъ придти въ монастырь 28-го іюля, и отсюда пройти въ Кемь, Сороку и Сумскій посадъ. Мы уложили свои вещи и зоологическій сборъ, затѣмъ занялись приведеніемъ станціи въ порядокъ. Ложки, тарелки и весь забранный въ монастырѣ кухонный хламъ вновь былъ разосланъ по своимъ департаментамъ по принадлежности. Акваріи, стеклянная посуда и реактивы спрятаны въ шкафъ; станціонныя книги уложены въ комодъ, заперты и даже запечатаны. Затѣмъ наши „богомольцы“, оказывавшіе на прощанье чрезвычайную ревность, прибрали комнаты, подмели полы и вообще водворили порядокъ. Пароходъ долженъ былъ придти поздно вечеромъ и пробыть, можетъ быть, очень недолго; намъ надо было до его прихода покончить всякія хлопоты со станціей, поэтому мы рѣшили заблаговременно перебраться въ гостинницу. Сперва мы отправили наши вещи, затѣмъ заперли станцію и передали ключи отъ нея и отъ шкафовъ намѣстнику; въ послѣдній разъ наши гребцы перевезли насъ въ лодкѣ черезъ соловецкую бухту къ гостинницѣ. Лодка, находившаяся лѣтомъ въ нашемъ распоряженіи, должна была тоже быть переданной такелажному на храненіе.

Наши вѣрные слуги не покинули, однако, станціоннаго дома; они поступили въ рыбную артель, подъ начальство отца Осипа. Въ Спиридонѣ онъ оцѣнилъ дѣльнаго и неутомимаго работника, а въ Ильѣ прельстился, вѣроятно, его кулинарными талантами, расцвѣвшими подъ нашимъ руководствомъ, и выпросилъ ихъ себѣ у намѣстника—Илью въ повара, а товарища его въ рыбаки. Изъ зоологовъ они сдѣлались рыболовами, не переставая быть „богомольцами“.

Былъ ненастный, сырой вечеръ, когда мы перебрались въ нумеръ гостинницы. Дулъ свѣжій вѣтеръ, и намъ предстоялъ непріятный переѣздъ по морю. Пароходъ запоздалъ, очевидно, задержанный въ морѣ вѣтромъ, волненіемъ и туманомъ. Прошло

9—10 часовъ—его не было. Я прошелъ къ маіору въ занимаемый имъ нумеръ. Прошатавшись цѣлый день по разнымъ монастырскимъ учрежденіямъ, онъ сидѣлъ теперь со своимъ спутникомъ и поглощалъ чай, лаская себя надеждой на пароходный буфетъ. Онъ уѣзжалъ изъ Соловковъ на „Кеми“ вмѣстѣ съ нами; но мы отправлялись прямо на Сумскій посадъ, а онъ долженъ былъ высадиться въ Сорокѣ, захватить оставленныя тамъ вещи и оттуда уже разсчитывалъ проѣхать въ Сумскій посадъ карбасомъ и успѣть сдѣлать путь на почтовыхъ такъ, чтобы быть въ Повѣнцѣ къ понедѣльнику, дню отхода парохода въ Петрозаводскъ.

Маіоръ предложилъ мнѣ чаю, и мы стали вмѣстѣ коротать скуку ожиданія. Онъ разсказывалъ про свою службу въ Америкѣ и про охоту на Ньюфаундлендѣ. Говорилъ онъ по-русски медленно и съ разстановкой; иногда опирался, какъ на костыли, на нѣмецкія слова, если ему не хватало русскихъ. Половина одиннадцатаго. Парохода нѣтъ. Мы начинаемъ говорить о политикѣ. Я убѣждаю его уступить намъ Среднюю Азію до Гиндукуша; онъ никакъ не можетъ на это согласиться. Я стараюсь доказать, что это научная граница, ссылаюсь на проф. Мушкетова, который въ своей книгѣ о Туркестанѣ все равно считаетъ Гиндукушъ его границей, полагая неизбѣжнымъ распространеніе русскаго владычества до этого хребта. Маіоръ плохо вѣритъ и улыбается... Одиннадцать. Парохода нѣтъ. Самоваръ погасъ. Я начинаю чувствовать голодъ и перехожу за границы Гиндукуша: вмѣстѣ съ студентомъ мы начинаемъ угрожать Индіи. Маіоръ улыбается и говоритъ: „это не такъ легко сдѣлать, какъ въ Россіи думаютъ“. Половина двѣнадцатаго. За окномъ воетъ вѣтеръ; на дворѣ темно и холодно, какъ осенью. Мы внимательно слушаемъ, не слыхать ли пароходнаго свистка. Маіоръ въ десятый разъ набиваетъ свою трубочку и невозмутимо ее покуриваетъ. Его спокойствіе начинаетъ меня раздражать; я собираюсь указать ему на славу русскаго оружія и мимоходомъ зацѣпить Ирландію... вдругъ раздается пронзительный свистъ—подходитъ пароходъ. Русское оружіе брошено; маіоръ вскакиваетъ, простираетъ длани и кричитъ: „пива, пива, пива!“

Черезъ четверть часа мы сидѣли всѣ вмѣстѣ въ каютѣ перваго класса. Передъ маіоромъ стоялъ сыръ, порція ветчины и бутылка пива,—въ этотъ поздній часъ ничего больше не нашлось въ пароходномъ буфетѣ. Я послѣдовалъ его примѣру, и политическія разногласія наши кончились.

Въ морѣ намъ предстояла порядочная качка, и въ ожиданіи ея я собирался хорошенько закусить. Мнѣ еще не приходилось

испытывать качки на морѣ, и вопросъ о морской болѣзни былъ для меня открытый вопросъ; говоря словами одного Тургеневскаго героя, „я любопытствовалъ узнать, въ чемъ состоитъ сія забава“. Я былъ очень радъ и гордъ, когда съ честью вышелъ изъ испытанія. Правда, качка была довольно умѣренная, но иные пассажиры страдали. Мой товарищъ всю ночь промучился на палубѣ. Маіоръ, несмотря на свою принадлежность къ націи, „владычествующей надъ волнами“, не выдержалъ національнаго характера, и хотя и не дошелъ до всѣхъ симптомовъ болѣзни, но не могъ спать и чувствовалъ себя скверно. Я же заснулъ, какъ только легъ на диванъ, и хотя видѣлъ во снѣ землетрясеніе, но проспалъ какъ-убитый, и проснулся уже поздно утромъ, когда мы спокойно стояли на якорѣ передъ Кемью, на рейдѣ, защищенномъ островами отъ морского волненія.

Пароходъ нашъ долго лавировалъ по морю, зигзагами приближаясь къ Сумскому посаду. Изъ Соловковъ мы прошли въ Кемь, гдѣ простояли нѣсколько часовъ. Отсюда вышли въ открытое море, къ Жужмуйскому маяку, гдѣ опять постояли немного. Отъ Жужмуя вновь поворотили къ берегу и пришли къ вечеру въ Сороку; здѣсь я разстался съ маіоромъ и его спутникомъ, которые должны были опять догнать меня въ Повѣнцѣ. Только утромъ слѣдующаго дня мы прибыли, наконецъ, въ Сумскій посадъ. Какъ и въ Кеми, пароходъ останавливается здѣсь въ открытомъ морѣ, далеко отъ берега; верстъ семь пришлось намъ проѣхать въ лодкѣ моремъ и рѣкою до посада. Это старинное русское поселеніе на Бѣломъ морѣ носитъ очень оригинальный, земноводный характеръ. Дома его вытянуты всѣ почти въ одну линію вдоль рѣки и обращены къ ней фасадомъ. По берегу тянется, противъ каждаго дома, непрерывный рядъ деревянныхъ пристаней, лѣстницъ для спуска къ рѣкѣ и амбаровъ, выстроенныхъ на сваяхъ надъ водой. Картину дополняютъ карбасы и длинныя „шняки“ съ своими будками, стоящіе у пристаней и сходовъ къ водѣ. Характерны еще широкіе деревянные тротуары и выстилка изъ досокъ и бревенъ, замѣняющая мостовую на улицахъ; вообще щедрость на дерево бросается въ глаза въ сѣверныхъ поселеніяхъ и невольно поражаетъ человѣка, привыкшаго къ вымазаннымъ глиной хатамъ и каменнымъ оградамъ юга Россіи. На крутомъ берегу рѣки при выѣздѣ изъ посада стоитъ маленькая деревянная церковь. Мимо этой церкви, часа черезъ два послѣ нашего пріѣзда, мы пролетѣли стремглавъ на почтовыхъ, благодаря непобѣдимой наклонности всѣхъ русскихъ ямщиковъ, какъ бы кто ни тащился

всю дорогу, отъѣзжая отъ станціи и подъѣзжая къ ней, уподобляться бурному урагану и не щадить костей проѣзжающаго.

Почтовая дорога отъ Повѣнца до Сумскаго посада устроена только въ 1879 году. До этого времени Повѣнецъ представлялъ изъ себя дѣйствительно „міру конецъ“—какъ гласила поговорка. Тогда отъ Онежскаго озера до Бѣлаго моря существовалъ только одинъ водный путь, старинный путь богомольцевъ, посѣщавшихъ соловецкій монастырь,—рѣками и озерами, раздѣленными между собой небольшими волоками. Путь длинный и утомительный. Теперь сообщеніе между Петербургомъ и берегомъ Бѣлаго моря вполнѣ удобное, но все-таки требующее не мало времени. Почтовая дорога устроена недурно и доступна во всякое ненастье; на каменистой и песчаной почвѣ никогда не можетъ быть такой непролазной грязи, какая царствуетъ въ дождливое время на дорогахъ черноземныхъ губерній. Мѣстность, среди которой приходится ѣхать, если хотите, довольно живописна: много горъ, много озеръ, особенно на станціяхъ, ближайшихъ къ Бѣлому морю. Но, какъ и все на сѣверѣ, все такъ пустынно, сурово, безжизненно, однообразно. Для южанина, привыкшаго къ степной природѣ южной Россіи, особенно утомителенъ этотъ вѣчный лѣсъ. Я поѣхалъ на почтовыхъ уже отъ Петрозаводска, откуда до берега моря безъ малаго 400 верстъ, — и на всемъ этомъ пути лѣсъ тянется непрерывной стѣной налѣво и направо. Сперва мнѣ долго казалось, что вотъ-вотъ мы выйдемъ изъ лѣса, и потянутся, какъ вездѣ въ Россіи, поля, разстелется степь. Свободное поле чудилось мнѣ за каждымъ поворотомъ дороги, скрывавшимъ отъ глазъ то, что лежитъ впереди; но всякій разъ ожиданія мои были обмануты, и, доѣхавъ до поворота, я видѣлъ опять тотъ же лѣсной корридоръ, все тотъ же ельникъ, съ примѣсью сосны да березы. Нѣтъ ни свободнаго горизонта, ни обширнаго вида въ туманную, безконечную даль; раза два или три, когда дорога взбирается на высокую гору, удастся увидѣть что-нибудь и подальше лѣсной стѣны дороги, и глазъ немного отдохнетъ на просторѣ; но, куда ни взглянешь, вездѣ уходитъ въ пространство неизмѣнный, непрерывный, сѣрый лѣсъ. Лѣсъ давилъ меня, какъ-то искусственно стѣсняя кругозоръ, окаймляя дорогу насильственною, враждебною, непрерывною стѣною.

Деревни разбросаны очень далеко одна отъ другой и не измѣняютъ пейзажа. Нѣтъ ни того широкаго кольца полей, ни обширнаго выгона, ни зеленыхъ садовъ, какъ на югѣ. Она стоитъ среди глухого лѣса и тонетъ въ немъ. Поля—это ничтожные клочки земли, окруженные заборомъ; на нихъ торчатъ обгорѣлые

пни деревьевъ и кучами лежатъ камни, собранные съ земли, чтобы расчистить ее для посѣва. Въ сравненіи съ южными, здѣшнія деревни поражаютъ своей незначительной величиной: два-три десятка домовъ, тонущихъ въ лѣсу. Крохотная, непримѣтная, неприглядная деревянная церковь. Избы, впрочемъ, много больше малороссійскихъ хатенокъ; лѣсу много: два этажа, большія, просторныя комнаты и сѣни. На всемъ пути деревни совпадаютъ съ почтовыми станціями. На перегонѣ, иной разъ въ тридцать и болѣе верстъ, не попадется ни одного жилья; за исключеніемъ пригородныхъ станцій, я не запомню, чтобъ гдѣ-либо отъ тракта отходила боковая проселочная дорога. Проложенная для почтовой дороги просѣка представляетъ единственный путь передвиженія въ лѣтнюю пору; въ сторону отъ нея никуда ужъ нельзя отъѣхать въ экипажѣ.

Хорошъ въ лѣсу его тихій, ровный, непрерывный шумъ: точно лѣсъ говоритъ что-то и разсказываетъ свои древнія воспоминанія, wie'n stŏrriger Griesgram, der gut gelaunt wird. Красивы лѣсныя озера, съ ихъ могильными памятниками, моховыми болотами; болото само по себѣ, конечно, гадко, но интересно видѣть тѣ наглядные переходы отъ озера къ болоту, которые такъ легко показываютъ вамъ процессъ измѣненія и смерти, поражающій озеро. Вы видите озеро, совершенно чистое, окруженное ровною стѣною лѣса; вода омываетъ прямо корни деревьевъ. Затѣмъ идетъ другое, водная поверхность котораго у берега затянута слоемъ мха, неправильными углами и мысами вдающагося въ середину озера. Полоса мха все расширяется и расширяется, окружая озеро прибрежнымъ кольцомъ; все у́же и у́же становится пространство чистой воды, окруженное уже не лѣсомъ, а моховымъ ковромъ. Коверъ этотъ ростетъ и въ толщину, становится все крѣпче и крѣпче; на немъ начинаютъ попадаться отдѣльныя, далеко стоящія, небольшія деревца. Озеро съуживается въ маленькую лужу или разбивается на нѣсколько лужъ среди мохового болота. Когда идешь по такому болоту, оно все дрожитъ и колеблется подъ ногами; идти мягко, какъ по подушкамъ; подъ его зыбкой почвой скрыта вода прежняго озера. Свободному пространству воды остается все меньше и меньше мѣста, все тѣснѣе и тѣснѣе окружаетъ его моховой покровъ; озеро задыхается, мохъ его душитъ въ своихъ объятіяхъ. Наконецъ, наступаетъ время, когда нѣтъ болѣе озера: оно умерло! Послѣднія лужи чистой воды заросли, и тамъ, гдѣ красовалось прежде широкое и свободное лѣсное озеро, лежитъ плоская котловина, сплошь заросшая мхомъ съ рѣдкими, невысокими деревцами. Такихъ котловинъ множество;

и каждая изъ нихъ есть результатъ медленнаго геологическаго процесса, убивающаго озеро и превращающаго его въ болото. Всѣ переходныя стадіи отъ чистаго лѣсного озера до болота, всѣ степени заростанія видны съ чрезвычайною ясностью и постепенностью на множествѣ образцовъ.

Повѣнецъ—второе изданіе Кеми, чуть исправленное и дополненное. Я просидѣлъ здѣсь въ ожиданіи парохода болѣе сутокъ. Тутъ на почтовой станціи явился городовой и подалъ мнѣ, съ просьбой записать мое имя и званіе, книжку, на каждой страницѣ которой значился печатный бланкъ: „Заборъ товаровъ“, и стояли графы: Р. и К. Я попросилъ его объяснить мнѣ, къ какому разряду товаровъ мнѣ себя причислить, и во сколько оцѣнить? Полицейскій служитель заявилъ мнѣ, что этого не требуется, а торговый характеръ книжки объяснилъ печальною необходимостью – невозможностью пріобрѣсти въ Повѣнцѣ другую, болѣе соотвѣтствующую административнымъ требованіямъ. Зато на вопросъ мой, имѣется ли въ городѣ продажная курица, онъ весьма обязательно сообщилъ мнѣ, что по свѣденіямъ полицейскаго управленія таковая имѣется у одной мѣщанки, жительствующей тамъ-то и тамъ-то. Узнавъ такимъ образомъ путемъ полицейскаго дознанія мѣстожительство курицы, мы препроводили ее административнымъ порядкомъ въ нашъ супъ, и были съ обѣдомъ,—но это не болѣе, какъ счастливая случайность для проѣзжающаго въ городѣ Повѣнцѣ.

Здѣсь къ намъ долженъ былъ присоединиться покинутый нами на Бѣломъ морѣ маіоръ; я поджидалъ его цѣлый день; дождь, и наканунѣ слегка мочившій насъ дорогою, зарядилъ съ утра и сѣялъ какъ сквозь мелкое сито, точно въ концѣ сентября. Мнѣ не удалось ни пойти, ни попасть куда-нибудь, какъ я предполагалъ сначала, и цѣлый день я просидѣлъ на почтовой станціи, коротая время чтеніемъ неизбѣжнаго въ такихъ городкахъ „Сына Отечества“. Англичанинъ не появлялся; онъ не пріѣхалъ вечеромъ, не пріѣхалъ ночью, и на другой день утромъ его все еще не было. Ну, думалъ я, не поспѣлъ мой маіоръ; придется ему до Петрозаводска тащиться на почтовыхъ. Мы перебрались съ вещами на пароходъ; оставалось уже не болѣе часу до его отхода. Я стоялъ и сдавалъ свой багажъ—вдругъ сзади кто-то ударилъ меня по плечу. Оглядываюсь—передо мною стоитъ маіоръ, весь забрызганный грязью, а на пристани—почтовая телѣжка. Онъ только-что пріѣхалъ и поспѣлъ-таки къ пароходу. Переѣздъ изъ Сорокъ въ Сумскій посадъ карбасомъ отнялъ много времени, и онъ прибылъ туда только въ воскресенье утромъ; двѣсти верстъ

почти отъ посада до Повѣнца пришлось ему сдѣлать меньше чѣмъ въ сутки, все время подъ непрерывнымъ дождемъ, ночью, въ непроглядную темень, въ тарантасахъ съ веревочнымъ сидѣньемъ, и какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, когда именно нужно спѣшить — тутъ и колеса ломаются, и лошадей никакъ не приведутъ изъ лѣса, и т. д. Тѣмъ не менѣе онъ добрался до Повѣнца во-время, и успѣлъ даже на послѣдней станціи купить у мужика за полтора рубля обыкновенную дворовую собаку, рыжую, съ острыми ушами и пушистымъ хвостомъ, которымъ она почтительно вертѣла, какъ бы пораженная неожиданною честью быть купленною знатнымъ иностранцемъ. Вмѣстѣ съ вышитыми полотенцами и женскимъ костюмомъ собака должна была служить англичанину сувенiромъ объ его путешествіи по сѣверу Россіи. Онъ хотѣлъ отправить ее изъ Петербурга пароходомъ въ Англію, въ подарокъ своимъ дѣтямъ, а самъ собирался проѣхать еще въ Москву и въ Нижній-Новгородъ,—эту, какъ извѣстно, квинтъ-эссенцію Россіи для иностранцевъ,—и въ концѣ августа былъ уже въ Плимутѣ, на службѣ.

Спутникъ маіора усталъ до безчувствія и могъ думать только объ ѣдѣ и о снѣ. Самъ же маіоръ, отпустивъ ямщика и привязавъ на палубѣ собаку, скинулъ пальто и сюртукъ, и, оставшись въ рубашкѣ и въ вязаной фуфайкѣ, взялъ мыло и полотенце и пошелъ по богоспасаемому граду Повѣнцу искать купальни, чтобы омыть и освѣжить свое мощное тѣло.

Въ двѣнадцать часовъ мы тронулись въ путь, мало-по-малу оставляя за собой сѣверныя дебри и трущобы. Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ ѣхать въ Петербургъ — „на югъ“. Промелькнулъ скучный, захудалый Петрозаводскъ, съ его атрофированнымъ пушечнымъ заводомъ и продажей мраморныхъ бездѣлушекъ, миновали однообразные зеленые берега быстрой Свири и сѣрая гладь Ладожскаго озера. Передъ входомъ въ Неву мы стояли ночью и ждали утра, чтобы засвѣтло пройти узкій фарватеръ. Послѣ дикихъ и скучныхъ лѣсныхъ пустынь сѣвера, послѣ убогихъ городовъ и поселеній, погруженныхъ въ вѣковой, мертвый сонъ безъ надежды на лучшее будущее, какъ славно вдохнуть въ себя раздражающую атмосферу огромнаго города, какъ пріятно чувствовать подъ ногами нервную мостовую Петербурга!

В. Фаусекъ.

МИРАЖИ

Романъ въ четырехъ книгахъ.

Окончаніе.

XLVII *).

Ясная осень нарядна, какъ зрѣлая красавица, собравшаяся на пиръ... Солнце сверкало ослѣпительно въ пестрой окраскѣ деревъ парка, окружавшаго дачу Алѣева въ Павловскѣ. Кустикъ небольшой горѣлъ, точно охваченный пламенемъ, на темномъ фонѣ благородной старой ели; молодая осинка трепетала листочками червоннаго золота, а высокій, развѣсистый кленъ какъ будто вспыхивалъ стыдливымъ румянцемъ, когда горячій лучъ добирался до него по пестрымъ вершинамъ. Среди нихъ такъ свѣжо, такъ бодро выдѣлялись бархатистыя пирамиды молодыхъ елокъ и величавыя кроны сосенъ, еще недавно казавшіяся безцвѣтными среди изумрудной лѣтней зелени. И все это красовалось ярко, пестро на густой синевѣ неба, оттѣненной разрозненными клубами выпуклыхъ, серебристыхъ облаковъ. Послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дождей поблекшія лужайки начинали зеленѣть свѣжей травкой; на куртинахъ разрослись пышно яркіе, крупные осенніе цвѣты; дорожки, по приказанію хозяина, вновь усыпали красноватымъ пескомъ.

Маленькій паркъ, среди котораго спряталась Бѣлая дача, соединялъ на небольшомъ пространствѣ все, что можетъ изобрѣсти прихотливая фантазія и щедрый карманъ, но Анна полюбила

*) См. выше: май, 66 стр.

особенно полукруглый балконъ съ пятью крылатыми фигурами, поддерживающими блестящій куполъ изъ бѣлой жести. На дачѣ рѣшительно все было окрашено въ бѣлое — стѣны, крыши, ступени,—даже особенныя плетеныя цыновки, раскиданныя по паркету, были изъ какого-то свѣтлаго дерева. Гнутая бѣлая мебель съ бѣлыми же плетенками, бѣлыя драпировки и чахлы на мягкой мебели, бѣлыя ширмы и экраны съ матовыми стеклами. Сѣрое платье Анны являлось какъ бы диссонансомъ среди этой оригинальной обстановки.

Алѣевъ привезъ сюда Анну вечеромъ того же дня, когда онъ такъ рѣшительно взялъ верхъ надъ ея волей. Онъ съ удовольствіемъ — думалось ему—уступитъ ей свою дачу и будетъ жить на городской квартирѣ до тѣхъ поръ, пока ея затрудненія не уладятся. Здѣсь ее никто не найдетъ и не потревожитъ. Аннѣ оставалось только покориться. Каждый день она отправлялась въ городъ, въ надеждѣ получить, наконецъ, письмо Мишеля, высланное до востребованія, но письма все не было! Глубокая нѣжность Анны къ брату еще боролась съ приступами негодованія и обиды за то фальшивое положеніе, въ какое ее поставило его упрямство. Она жила на Бѣлой дачѣ въ качествѣ переписчицы и добросовѣстно проводила цѣлые часы за листками, исписанными неразборчивымъ почеркомъ романиста. Но не могло же это продолжаться долго! Было совѣстно лишать его дачи и заставлять тратить драгоцѣнное время на постоянные переѣзды. Самъ Алѣевъ проводилъ половину дня въ Павловскѣ. Его работа не должна была подвигаться быстро, хоть онъ и не сознавался въ этомъ.

Если романистъ и тяготился такими неудобствами, то онъ прекрасно умѣлъ скрывать это. Его лицо всегда свѣтилось удовольствіемъ и оживленіемъ, когда онъ открывалъ маленькую калитку и неожиданно появлялся въ своемъ нарядномъ саду. Еще издали онъ различалъ на бѣлыхъ ступеняхъ стройную фигуру съ книгой на колѣняхъ. Точно ожила одна изъ статуй его парка— такъ были прекрасны и благородны всѣ ея движенія и позы, и взглядъ изъ-подъ длинныхъ бровей, свѣтлѣвшій при его появленіи, и благородный очеркъ лба, и неуловимая меланхолическая складка губъ.

„Это и есть истинная красота, которая поражаетъ не сразу, а выясняется все больше при каждомъ новомъ взглядѣ“, думалъ Алѣевъ, слѣдя по привычкѣ за каждымъ движеніемъ Анны, за малѣйшей игрой ея лица.

Приведя въ исполненіе такъ быстро обѣщаніе, данное Ожогину,—спрятавъ Анну на своей дачѣ, Алѣевъ вернулся въ го-

родъ озабоченнымъ. Какъ бы ни было, онъ взялъ на себя большую отвѣтственность. Трудно предвидѣть, какъ все это распутается. Безъ сомнѣнія, ему предстояло утѣшать, успокоивать и ободрять бѣдную дѣвушку, очутившуюся въ такомъ трудномъ положеніи. Завтра же, вѣроятно, начнутся неизбѣжныя сѣтованія на причиняемыя ему неудобства, опасенія, нетерпѣніе и новыя метанія, отъ которыхъ нужно будетъ удерживать. Она умна, и ее легко урезонить, но подобное няньчанье обѣщало впереди громадную потерю времени и не много веселья.

„Хорошо это на денекъ—другой“,—размышлялъ скептически Алѣевъ, отправляясь на утро навѣстить свою интересную переписчицу.

Онъ былъ пріятно пораженъ съ перваго шага: его встрѣтили весело, радостно. Бѣлая дача среди пестраго парка приводила Анну въ восторгъ. Она наслаждалась и съ увлеченіемъ отмѣчала ему разныя поэтическія подробности, забывая, что это его собственный домъ. Рано утромъ Анна успѣла побывать и въ дворцовомъ паркѣ—можно было подумать, что она позабыла легкомысленно о своихъ огорченіяхъ, пока Алѣевъ самъ не заговорилъ о нихъ. Тогда оказалось, что она успѣла написать всѣ нужныя письма; она все обдумала и приняла рѣшеніе съѣздить въ Залѣсье, если отъ Мишеля не будетъ уступки въ теченіе еще нѣсколькихъ дней. По спокойствію, съ какимъ она говорила объ этомъ, нельзя было судить, до какой степени такая необходимость тяжела для нея.

Но Анна не сказала этого Алѣеву; ему не пришлось ни утѣшать, ни урезонивать, и она поспѣшила перевести разговоръ на другія темы. Этого онъ ожидалъ всего меньше! „Огорченныя женщины не умѣютъ говорить ни о чемъ другомъ“,—думалъ онъ всегда; но эта огорченная женщина страстно интересовалась всѣмъ на свѣтѣ; она хотѣла перечитать всѣ книги его библіотеки, хотѣла знать еще ненаписанное окончаніе романа, который переписывала, и самымъ серьезнымъ образомъ настаивала, чтобы онъ измѣнилъ одну подробность, несогласную, по ея мнѣнію, съ женской психологіей. Завязался упорный споръ, гдѣ онъ очень быстро потерялъ хладнокровіе, а она тѣмъ не менѣе осталась при своемъ мнѣніи. Это привело его въ дурное настроеніе, но оно легко разсѣялось, когда Анна, по его просьбѣ, пропѣла любимую элегію покойнаго Голубина.

Онъ не слыхалъ, чтобы эту вещицу пѣлъ кто-нибудь кромѣ Музы. Слушая, онъ старался оживить свои воспоминанія. Темная головка пѣвицы тоже поникла, слезы блеснули на ея рѣсницахъ.

— Вы плачете, — а я наслаждаюсь собственною грустью... вотъ улика! Только старость *любитъ* воспоминанія...—вздохнулъ меланхолически Алѣевъ.

— Я и должна плакать, — отозвалась печально Анна: — я по совѣсти не могу считать, чтобы онъ остался доволенъ своей Музой, еслибы очутился теперь между нами.

— О, это все поправимо, милая Муза! Непоправимо одно: время, ушедшее въ вѣчность. Жизнь страшно коротка, а мы такъ долго живемъ безсознательно!..

Дѣвушка задумчиво перебирала клавиши одной рукой. Точно ли безсознательно? Не черезъ-чуръ ли много, напротивъ, она мудрила надъ собственной судьбой! Не слишкомъ ли нетерпѣливо и своевольно пыталась направить ее на искусственные пути?!

Тяжелымъ кошмаромъ вставали передъ нею послѣднія недѣли. Тишина Бѣлой дачи, вся успокоивающая прелесть оригинальной обстановки дѣйствовала особенно обаятельно. Ничего больше она не станетъ придумывать—полно умничать! Пусть рѣшаетъ за нее новый другъ, такой умный, опытный и безпристрастный.

И она ждала замирающей душой, стараясь не показывать этого, не вызывать. Алѣевъ объявилъ рѣшительно, что онъ берется устроить ее въ Петербургѣ такъ, что она не будетъ скучать. Пока любовь, говорилъ онъ, остается единственнымъ серьезнымъ содержаніемъ женской жизни, до тѣхъ поръ дѣвушки, пылкія и энергичныя, будутъ вѣчно попадать въ подобныя или иныя бѣды, а характеры робкіе и безличные—дѣлаться жертвой чужого произвола. Женщина независимая нравственно и матеріально всегда сдѣлаетъ правильный выборъ и къ вопросу любви не примѣшаетъ никакихъ постороннихъ побужденій или разсчетовъ. Бракъ не можетъ быть дѣломъ великодушія и состраданія, какъ Анна вообразила себѣ. Свобода—вопросъ совсѣмъ отдѣльный и даже прямо противоположный подобному обязательству. Не есть ли это извращеніе здраваго смысла, что, только связывая себя самыми серьезными и неразрывными узами, женщина надѣется достигнуть свободы? Какъ могла умная дѣвушка попасться въ такую грубую ловушку!

Онъ скажетъ, въ чемъ ея ахиллесова пята, что ставило ее такъ часто на край пропасти: самонадѣянность излишняя. Онъ отнюдь не хочетъ оскорбить ее: это не есть только самонадѣянность прекрасной юности, — это отвага натуры, дѣйствительно одаренной богато и чувствующей свои силы. Ей казалось—не правда ли?—что съ умомъ, съ великодушнымъ сердцемъ и чуткою совѣстью можно смѣло смотрѣть въ лицо жизни? Но и этого—какъ это ни много—все еще недостаточно. Надо прежде всего

стоять на собственныхъ ногахъ, занимать *свое* мѣсто въ жизни и тогда уже вступать въ „свободные договоры", поступаясь, чѣмъ и поскольку вздумается. Самая прекрасная дѣвушка, наилучше воспитанная и одаренная, не знаетъ впередъ своей судьбы: она не болѣе какъ призъ, который готовятъ для невѣдомаго обладателя! Быть можетъ, это будетъ одинъ изъ немногихъ избранныхъ, который увлечетъ ее за собою на вершины благополучія, окружитъ ее блескомъ и почетомъ. Но, можетъ быть, это будетъ только безвѣстный бѣднякъ, который не дастъ ей ничего, кромѣ лишеній и труда, за всѣ ея преимущества заплатитъ только своей недолговѣчной любовью. Это рѣшитъ ея сердце—но пусть же это и будетъ такъ, пусть женщины не играютъ роковымъ вопросомъ отъ скуки, отъ бездѣлья, въ угоду или въ пику окружающимъ; пусть это не будетъ дѣломъ матеріальнаго разсчета, самолюбія, нетерпѣнія и вѣчной угрозы „прозѣвать", остаться не при чемъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ какъ разъ обратно: только когда женщины проникнутся сознаніемъ, что бракъ есть ограниченіе ихъ личной свободы, а отнюдь не наступленіе ея—только тогда онѣ перестанутъ смотрѣть на него легкомысленно. Не будетъ такъ много проданныхъ женщинъ и обманутыхъ мужей! Самый серьезный, самый роковой вопросъ всей жизни не будетъ отданъ въ неопытныя, слабыя, сплошь и рядомъ въ дѣтскія руки!

Долго говорилъ Алѣевъ. Онъ то садился, то ходилъ по комнатѣ, то останавливался у рояля. Въ мягкомъ свѣтѣ, проникавшемъ въ бѣлую комнату сквозь сплошную сѣтку зелени, закрывавшую окна, его свѣтлая фигура то приближалась, то отдалялась. Голосъ звучалъ горячимъ убѣжденіемъ не одного ума — звучалъ крикомъ сердца, поплатившагося дорого за эти простыя истины.

Онъ заговорилъ и объ этомъ. Знаетъ ли Анна, что онъ женатъ? Жена ушла отъ него въ двадцать-два года. Она не для того выходила замужъ, чтобы погибать отъ скуки, блуждая вокругъ запертого кабинета, куда нельзя войти, не оторвавъ его отъ работы. Ей надоѣло слышать всюду, куда она покажется: „скажите пожалуйста, вы супруга того самаго Алѣева, который и пр. и пр.? Скажите, что̀ пишетъ въ настоящее время вашъ мужъ?"

Безъ сомнѣнія, она права. Она не виновата, что въ свои семнадцать лѣтъ, когда онъ отважился сдѣлать ее своей женой, ея понятія о профессіи писателя были до крайности смутны—ей казалось, быть можетъ, что онъ будетъ сочинять романы, держа ее на своихъ колѣняхъ!.. Она не виновата, что удовлетвореннаго тщеславія и его нравственнаго давленія на нее хватило не надолго, а несравненно привлекательнѣе оказались любезности и

ухаживанія офицерика, готоваго прыгать съ нею по баламъ и толковать сколько угодно объ ея тряпкахъ. Эта самая женщина съ капризнымъ, но вовсе не злымъ сердцемъ никогда, быть можетъ, не сдѣлала бы роковой ошибки, еслибы ее не поджигали завистливыя поздравленія подругъ да совѣты маменьки, высчитавшей, что не всѣ казенные оклады могутъ соперничать съ удачно исписанной бумагой...

О чемъ думалъ онъ самъ? — желаетъ знать Анна. Безъ сомнѣнія, онъ виноватъ гораздо больше, потому то вопросъ этотъ такъ и близокъ его сердцу. Онъ ни о чемъ не думалъ, говоря правду! Влюбленному человѣку отказаться отъ женщины, которую можно взять, гораздо мудренѣе, чѣмъ она способна понять. Природы вещей нельзя измѣнить. Роли опредѣлены „отъ вѣка“ — онѣ несовмѣстимы. Въ этихъ вопросахъ остороженъ только тотъ, кто хладнокровенъ. Безъ сомнѣнія, и его идея — не панацея какая-нибудь; любовь всегда останется лотереей, но потому-то и безразсудно еще больше осложнять дѣло посторонними соображеніями. Все, что онъ говоритъ — не ново, конечно. Не рѣдкость въ наши дни серьезныя женщины, добившіяся солиднаго образованія и самостоятельности. Это не мѣшаетъ имъ любить и выходить замужъ, и онѣ навѣрное надежнѣе любятъ своихъ мужей и не менѣе привязаны къ своимъ дѣтямъ. Горько то, что дѣло, двинутое такъ далеко, приходится опять начинать съ азовъ — съ предварительной пропаганды. Приходится вновь доказывать, что женская самостоятельность не только не подрываетъ интересовъ семьи, какъ увѣряютъ ея враги, но, напротивъ, одна она можетъ излечить семью отъ разъѣдающихъ ее язвъ. Большинство мужчинъ бѣжитъ ученыхъ женщинъ? Это предразсудокъ, какъ и всякій другой. Знаніе не превратитъ женщину въ машину, не пересоздастъ человѣческой природы; но одно оно сдѣлаетъ навѣрное: сохранитъ ей ея юность и заставитъ распоряжаться собой осмотрительнѣе. Чтобы найти хорошенькую, милую жену среди дѣвушекъ, не нуждающихся въ замужествѣ ради куска хлѣба, не будетъ достаточно занимать извѣстное положеніе на службѣ или обладать кое-какимъ состояніемъ, имѣя въ придачу мѣдный лобъ, безобразно растраченную молодость, гнилое здоровье! Нравственный уровень всего общества неминуемо повысится, если въ столь капитальномъ вопросѣ явится необходимость удовлетворять болѣе высокимъ требованіямъ.

Алѣевъ долго говорилъ — Анна жадно слушала. Сколько разъ она думала почти то же самое... но это не спасло ее отъ ошибокъ! Разсуждать легко; не такъ легко въ дѣйствительности поды-

скать себѣ дѣло, помимо необходимости работать изъ-за куска хлѣба.

Не такъ и невозможно, какъ ей кажется. Артисткой нужно родиться, но служить любимому искусству есть разные пути, — онъ надѣется указать ей одинъ изъ нихъ.

Алѣевъ не хотѣлъ высказаться яснѣе о дѣлѣ, еще не рѣшенномъ, и уѣхалъ изъ Павловска, оставивъ Анну заинтересованною въ высшей степени.

XLVIII.

Мишель былъ по истинѣ достоинъ сожалѣнія; каждое новое письмо Анны повергало его въ бездну страховъ и колебаній. Посольства Ожогина и Заботина кончились полной неудачей. Художникъ умолялъ Голубина уступить и выслать немедленно нужныя бумаги. Орестъ Павловичъ вовсе не показывался въ Залѣсьѣ, а изъ его раздраженнаго и язвительнаго письма братъ Анны узналъ только, что она исчезла, и ему не удалось разыскать ея слѣдовъ. Ожогинъ также не зналъ, гдѣ Анна, и приходилось довольствоваться предположеніемъ, что она находится подъ покровительствомъ Алѣева.

Художникъ не утерпѣлъ: надѣясь вѣрнѣе подѣйствовать на Голубина, онъ разсказалъ о безразсудной попыткѣ Анны принять предложеніе доктора Заботина, отъ чего ее спасло только авторитетное и рѣшительное вмѣшательство романиста. Новость эта была внезапнымъ ударомъ для хозяйки Залѣсья. Какъ ни мало, повидимому, Маня занималась своимъ вѣроломнымъ поклонникомъ, въ глубинѣ души она считала романъ только отсроченнымъ до болѣе удобнаго времени. Нужды нѣтъ, что, состязаясь съ Анной, она поддерживала въ мужѣ его отвращеніе къ городской жизни; когда настанетъ зима, нетрудно будетъ убѣдить Мишеля въ необходимости переѣхать въ городъ ради воспитанія дѣтей. Теперь ревность и обидная боль терзали сердце Мани. Если только Анна поселится самостоятельно въ Петербургѣ—Орестъ Павловичъ потерянъ для нея безвозвратно. Маня забыла о своемъ недавнемъ раскаяніи и о твердомъ рѣшеніи покончить разъ навсегда „съ подобными глупостями“. Она не допуститъ торжества Анны!

Марья Павловна всячески внушала мужу, что весь этотъ „скандалъ“ можно прекратить, только выдавъ Анну за Строева, какъ она сама это добровольно рѣшила. Мишель не можетъ принуждать сестру, да этого вовсе и не нужно—достаточно настоять на ея возвращеніи въ Залѣсье. Анна сама опомнится и

постыдится сдѣлать еще болѣе несчастнымъ человѣка, котораго она всегда ставила такъ высоко. Маня искренно вѣрила въ это; она имѣла слишкомъ много доказательствъ впечатлительности Анны и внезапности ея рѣшеній.

Отъ бабушки скрывали отъѣздъ Анны; ей сказали, что она повредила себѣ ногу и не выходитъ изъ павильона. Это тоже была идея Мани, не хотѣвшей разстаться съ надеждой, что Анна будетъ принуждена вернуться. Никогда она не рѣшится на формальный разрывъ съ братомъ, прибѣгая къ посредничеству закона. Разсчетъ казался безошибочнымъ, стоитъ не выпускать Мишеля изъ своей власти. Маня не пускала его въ Петербургъ, увѣряя, что эта поѣздка приведетъ только къ окончательной и непоправимой ссорѣ. Безъ вида и безъ денегъ недолго проживешь въ Петербургѣ. Можно разсчитать приблизительно, сколько денегъ могло быть у Анны—Мишель распоряжался ея дѣлами и хранилъ у себя ея доходы, чтобы не держать значительныхъ суммъ въ уединенномъ павильонѣ.

Вначалѣ Марья Павловна возлагала свои надежды на Строева, не допуская, чтобы онъ отказался отъ Анны такъ легко. Не возмутительно ли, что Ожогинъ и Заботинъ полетѣли за нею слѣдомъ, а женихъ не тронулся съ мѣста!

Жилецъ имѣлъ объясненіе съ Мишелемъ. Безъ сомнѣнія, Голубинъ считаетъ его виновникомъ случившагося. Нѣтъ, онъ никогда не имѣлъ рѣшительнаго слова Анны Владиміровны и не считаетъ ее связанной съ собою. Онъ уѣдетъ изъ Залѣсья, какъ только дождется обѣщаннаго письма, содержаніе котораго онъ предвидитъ заранѣе.

Да, онъ не имѣлъ ея рѣшительнаго слова. Развѣ тѣмъ не менѣе онъ все-таки твердо надѣялся на успѣхъ?! О, неужели никто не устоитъ передъ искушеніемъ?! Здравый смыслъ всегда безсиленъ передъ обаяніемъ счастія!..

Если теперь Строевъ не испытывалъ уничтожающаго стыда, то единственно потому, что онъ нашелъ въ себѣ довольно силъ, чтобы отречься безъ борьбы, безъ протеста. Въ правѣ ли онъ винить Анну за то, что въ сущности онъ самъ предвидѣлъ—предчувствовалъ, борясь такъ мучительно съ собственною совѣстью? И все-таки того, что случилось, онъ не ждалъ! Не ждалъ такого полнаго осужденія—безусловнаго признанія всѣхъ своихъ подозрѣній. Все-таки въ его крикѣ: я виновенъ!—таилась надежда услыхать отъ нея опроверженіе и утѣшеніе. Все кончено. Тѣмъ путемъ, на которомъ онъ стоитъ, идутъ въ одиночку...

Пришло письмо Анны и не сдѣлало на Строева никакого

впечатлѣнія. Онъ пожалѣлъ ее за ту муку, какой были проникнуты ея смиренныя строки. Кто не ошибается?—Ему ли судить за искреннія заблужденія и чистосердечное раскаяніе! Онъ въ раздумьѣ раскрывалъ зеленую книгу и перечитывалъ заключительныя главы, стараясь разгадать ощущенія дѣвушки, когда она читала ихъ одна въ своемъ павильонѣ. Не могъ. Чѣмъ дальше читалъ—тѣмъ больше росло скорбное недоумѣніе. Нравственный подвигъ, стоившій ему такъ дорого, не только не былъ оцѣненъ,—нѣтъ, онъ-то и оттолкнулъ Анну, заставилъ бѣжать малодушно свиданія съ нимъ. Все ея великодушіе, вся искренняя симпатія потонули въ какомъ-то новомъ чувствѣ, котораго онъ не могъ понять. Правда, онъ не знаетъ женщинъ. Поздно узнавать теперь, когда ничья уже улыбка не взволнуетъ его сердца. Онъ просилъ ея суда не лицемѣрно, не потому, чтобы мечталъ такимъ страшнымъ путемъ вѣрнѣе завоевать ея сердце. Нѣтъ, нѣтъ! Этотъ судъ былъ необходимъ ему. Онъ готовился ко всевозможнымъ развязкамъ, какъ готовъ былъ умереть въ тѣ минуты, когда совѣщались присяжные. Путь его еще прямѣе, еще яснѣе отнынѣ, когда личная жизнь отошла навѣки вмѣстѣ съ призракомъ счастія. И призрака этого, — соприкосновенія мгновеннаго оказалось достаточно, чтобы призвать къ жизни, чтобы открыть въ душѣ живой родникъ, который не можетъ заглохнуть даромъ. Это ли не чудо всесильной любви?! Не счастіе ли, не высшая ли награда, чрезмѣрная для его недостойной жизни, употребить остатокъ дней своихъ на борьбу съ заблужденіемъ?—борьбу со зломъ, которое сгубило его, какъ оно губитъ толпы другихъ. Не милость ли Вѣчнаго Судіи—допустить его прозрѣть, дозволить сказать и свое смиренное слово во славу Его, въ торжество вѣчной, все искупающей любви?!

Марья Павловна чувствовала величайшее презрѣніе къ мужчинѣ, позволявшему такъ жестоко играть собой. Мишель пришелъ къ убѣжденію, что Строевъ вовсе не любитъ Анны. Объясненіе произвело на Голубина тяжелое впечатлѣніе. Строевъ, холодный и озлобленный, отталкивавшій высокомѣрно старую дружбу, былъ ему понятнѣе и ближе, чѣмъ философъ, взиравшій съ безстрастныхъ высотъ на собственную судьбу. Перерожденный, исполненный кротости, которую ничто не могло возмутить, проникнутый неподдѣльнымъ смиреніемъ и какой-то таинственной надеждой, онъ казался неестественнымъ... подозрительнымъ... Роли перемѣнились: теперь Строевъ заговаривалъ о себѣ, но Мишель уклонялся съ странной тревогой. Предсказанія Заботина, что

жилецъ кончитъ помѣшательствомъ, не выходили изъ ума. Не это ли самое заставило и Анну бѣжать? Правда, она писала, что непростительно ошиблась въ собственныхъ чувствахъ, что она недостойна Строева, но не значило ли это, что и она испытывала то же отчужденіе, то же стѣсненіе, какое испытываетъ онъ?? Еслибъ Строевъ осыпалъ Анну упреками, еслибъ онъ боролся и возмущался—это было бы вполнѣ понятно, и это привлекло бы къ нему самое искреннее сочувствіе Мишеля. Но Строевъ ни въ чемъ не упрекалъ; онъ твердилъ, напротивъ, о своей вѣчной благодарности за какое-то загадочное спасеніе. Онъ говорилъ о будущемъ въ общихъ, туманныхъ чертахъ, изъ которыхъ невозможно было понять, что̀ именно онъ намѣревается предпринять завтра. Онъ уѣзжалъ въ Москву.

Но при всемъ своемъ тягостномъ ощущеніи, Голубинъ принужденъ былъ сознаться, что Строевъ вовсе не походилъ на помѣшаннаго; никакихъ несообразностей нельзя было подмѣтить ни въ его рѣчахъ, ни въ поступкахъ.

Строевъ въ свою очередь былъ печально изумленъ. Новыя мысли были такъ просты, ясны, такъ истинны, что, казалось, онѣ должны всѣхъ привлечь на его сторону. Но онъ убѣждался съ недоумѣніемъ, что чѣмъ мысли эти были глубже, чѣмъ чувства его были чище и возвышеннѣе—тѣмъ больше росло отчужденіе. Его жалѣли, ему прощали, его даже любили, когда онъ былъ преисполненъ грѣхомъ и гордыней. Теперь его слушали смущенно, ему не глядѣли въ глаза и не давали прямыхъ отвѣтовъ. Близость, которой прежде добивались такъ упорно, стала почему-то невозможна.

Онъ начиналъ понимать, въ чемъ будетъ заключаться борьба. Отъ его нападокъ не станутъ даже защищаться, — его не удостоятъ серьезныхъ возраженій. Просто будутъ отворачиваться, какъ отъ помѣшаннаго, какъ отъ слабоумнаго, но — отъ помѣшаннаго, котораго пока еще не за что запрятать въ сумасшедшій домъ, какъ отъ безумца, который прикрывается такими вещами, надъ которыми не принято глумиться.

Въ одинъ прекрасный день Анна получила слѣдующій отвѣтъ Строева на свое письмо:

„Зачѣмъ хотите вы отяготить мою совѣсть сознаніемъ, что я повредилъ вамъ моей дерзкой любовью? Дитя! вы не поняли меня, не поняли живого человѣка подъ вліяніемъ того ужаса, какой внушилъ вамъ несчастный мертвецъ... Правда, я ждалъ вашей

любви какъ милости—но милости не требуютъ, на нее не существуетъ правъ. То высшій судъ. Кому много дано—тотъ да расплатится полной мѣрою. Чувствую въ себѣ довольно силъ, чтобы безъ посторонней помощи подняться по лѣстницѣ, у подножія которой стою. Незримая рука отвела обольстительную опору, да не умалится цѣна заслуги для того, кому многое осталось искупить. Не вините же себя ни въ чемъ: вы—орудіе высшей воли. Васъ избрала она, чтобы спасти погибавшаго — и отстранила, когда дѣло ваше сдѣлалось. Вы не могли полюбить меня.

„Моя совѣсть не винитъ васъ ни въ чемъ. Вы вѣчно будете жить въ моемъ сердцѣ, какъ моя первая и послѣдняя любовь. Она спасла меня".

Анна рыдала надъ этимъ письмомъ, какъ рыдаютъ надъ гробомъ. Онъ не страдаетъ, напротивъ,—испытываетъ то, что̀ выше счастія: полное нравственное удовлетвореніе. Но слезы неудержимо лились изъ ея глазъ. Правда, она безкорыстно силилась призвать его къ жизни, когда онъ былъ одержимъ мертвящимъ отчаяніемъ, — но это была все та же земная доля, исполненная ошибокъ и бѣдъ... Не жизнь безстрастная, просвѣтленная духовнымъ прозрѣніемъ, о которой онъ говоритъ съ непонятнымъ ей восторгомъ, навѣвая на нее невольный холодъ и оставляя смутное впечатлѣніе чего-то недоступнаго, стало быть разъединяющаго. Онъ не нуждается больше ни въ помощи, ни въ состраданіи—Анна сама не знала, отчего же она плачетъ?..

XLIX.

Алѣевъ долженъ былъ ѣхать въ Павловскъ съ часовымъ поѣздомъ. До тѣхъ поръ онъ обѣщалъ непремѣнно прочесть повѣсть одного начинающаго беллетриста. Николай Николаевичъ въ такихъ случаяхъ бывалъ до крайности терпѣливъ и добросовѣстенъ. Пропасть времени онъ тратилъ на просматриваніе рукописей, на слушаніе авторскихъ чтеній и на обстоятельное и самое серьезное обсужденіе чужого труда. Къ вопросамъ искусства онъ относился съ необыкновенной горячностью, отнюдь не остывавшей съ годами, хотя въ искренность ея тѣмъ не менѣе далеко не всѣ вѣрили. Въ этомъ серьезномъ отношеніи къ каждой написанной строкѣ, въ нежеланіи принимать во вниманіе какія-либо побочныя обстоятельства или руководствоваться какими бы то ни было посторонними цѣлями, во многихъ случаяхъ видѣли только устарѣвшее „священнодѣйствіе" богатаго барина, поставленнаго въ

исключительно благопріятныя условія. Но поучительные уроки плохо дѣйствовали на Алѣева. Онъ продолжалъ предъявлять свои строгія требованія, хоть и видѣлъ не разъ, какъ дарованіе, имъ отвергнутое, благополучно пускалось въ ходъ другими, хоть и убѣждался снова и снова, что никто еще не нашелъ въ себѣ мужества внять правдивому предостереженію и свернуть во-время съ ошибочнаго пути. И какъ это случается нерѣдко — лучшія заслуги обращались противъ него. Своей искренностью онъ наживалъ гораздо больше враговъ, нежели друзей. Его обвиняли то въ популярничаньѣ, то въ излишнемъ самомнѣніи, то даже въ завистн. Обвиняли тѣмъ язвительнѣе, чѣмъ самъ онъ былъ равнодушнѣе къ подобнымъ пересудамъ. Для читающей публики его репутація была давно сдѣлана, и, конечно, она строго соотвѣтствовала размѣрамъ его дѣйствительныхъ заслугъ; почетное мѣсто въ своемъ кружкѣ онъ занималъ по праву, котораго не могъ не сознавать за собой. Онъ былъ душою этого кружка—его гордостью, славой и въ то же время самой надежной опорой, какъ человѣкъ вполнѣ независимый и по своему положенію, и по характеру. Тѣ же, кого почтенный романистъ отмѣчалъ именемъ своихъ „птенцовъ“, въ комъ онъ угадывалъ истинное дарованіе и пытался воспитывать его собственнымъ опытомъ стараго мастера —тѣ знали хорошо мѣру его искренности и его юношески-безкорыстнаго увлеченія. Правда, имъ приходилось частенько запасаться смиреніемъ, чтобы не принимать слишкомъ близко къ сердцу запальчивыхъ эпитетовъ страстнаго критика—но какъ часто зато они вернутся отъ Алѣева гордыми и счастливыми, послѣ того какъ мѣткое слово истиннаго артиста освѣтитъ совершенно по новому безсознательно художественную сцену или выяснитъ глубоко и многосторонне все значеніе затронутаго случайно вопроса. Алѣевъ очень дорожилъ своимъ вліяніемъ, вѣрилъ въ свое чутье и не жалѣлъ ни труда, ни времени на пользу дѣла, которое любилъ страстно, которому посвятилъ цѣликомъ свою жизнь.

На этотъ разъ однако повѣсть была убійственно скучна и непозволительно наивна. Авторъ уже напечаталъ гдѣ-то разсказъ, который кто-то похвалилъ,—тѣмъ строже слѣдовало отнестись. Алѣевъ добросовѣстно боролся съ разсѣянностью, овладѣвавшей имъ съ каждой минутой все неудержимѣе. То-и-дѣло онъ ловилъ себя на совсѣмъ приватныхъ мысляхъ, въ то время, какъ глаза по привычкѣ пробѣгали четко выведенныя строки.

Совсѣмъ онъ отбился отъ работы за послѣднее время! Изъ типографіи присылаютъ по нѣскольку разъ въ день; письма, напоминанія вѣжливыя, нетерпѣливыя и, наконецъ, колкія—скопляются

въ розовой раковинѣ, которую поддерживаетъ лукаво улыбающійся амуръ. Поѣздки на дачу какъ-то странно утомляютъ. Вечернія занятія не ладятся. Въ данную минуту всего важнѣе устроить какъ можно скорѣе дѣла прелестной Музы, выжившей хозяина изъ Бѣлой дачи. Положеніе затруднительно,—но совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ боялся вначалѣ. Это не вѣтреная дѣвочка, напутавшая не въ свою голову, и которая рада будетъ, если кто-нибудь придетъ къ ней на помощь. Въ ея промахахъ нѣтъ ни недомыслія, ни фальшивыхъ понятій, которыя можно было бы разсѣять—„выправить“ на будущее время. Невозможно поручиться, что она не повторитъ того же еще разъ,—что она опять не влюбится изъ жалости, или не остановится на безумномъ выборѣ во имя какой-то своеобразной теоріи справедливости. „Его не страшно сдѣлать несчастнымъ“,—не могъ забыть Алѣевъ этого, поразившаго его, отвѣта Анны. Странное соединеніе вѣчно работающаго ума и всегда перевѣшивающаго чувства!..

Ожидая отъ Анны какого-нибудь отвѣта, рѣшенія, Алѣевъ естественно прибѣгалъ къ своему признанному всѣми знанію женщинъ; но къ его изумленію всего чаще выходило вовсе не такъ, какъ онъ ожидалъ, и то, какъ выходило, нравилось ему неизмѣримо больше—было оригинальнѣе, смѣлѣе, благороднѣе. Въ измѣнчивости ея настроенія,—въ быстрыхъ переходахъ отъ тоски къ оживленію, по поводу чисто внѣшнему и иногда ничтожнѣйшему,—въ ея мужествѣ въ вопросахъ важныхъ и въ нервномъ, чисто ребяческомъ нетерпѣніи въ пустякахъ, Алѣевъ чувствовалъ неожиданное сходство со своей собственной натурой. „Объ этомъ не стоитъ думать!“—сказала раза два Анна, предупреждая его собственное мнѣніе.

Анна ни разу не напомнила ему объ его обѣщаніи пристроить ее къ какому-то дѣлу; онъ боялся, что она будетъ спрашивать его объ этомъ каждый разъ. Алѣевъ хлопоталъ сколько могъ. Это было вновь затѣваемое художественное изданіе, къ которому онъ надѣялся пристроить безъ труда питомицу художника Голубина. Но одного имени оказалось недостаточно; просьбу уважаемаго беллетриста соглашались исполнить только на условіи, что госпожа Голубина приметъ участіе и въ финансовой сторонѣ предпріятія. Это очень затрудняло Алѣева. Онъ былъ душеприкащикомъ умершаго художника и въ точности зналъ, какъ велико состояніе, оставленное имъ племянницѣ; конечно, по одному слову его Анна не задумается рискнуть своими деньгами. Но онъ отнюдь не желалъ примѣшивать денежныхъ вопросовъ къ тому участію, какое принималъ въ семейномъ разладѣ. Онъ старался

не проговориться какъ-нибудь нечаянно передъ Анной, предчувствуя, какъ она поступитъ.

На ея мѣстѣ онъ бы поступилъ точно такъ же! Не разъ уже Алѣеву приходило въ голову, что, стараясь отвлечь Анну отъ артистической карьеры, онъ черезъ-чуръ слѣпо увлекся готовымъ мнѣніемъ, слишкомъ поддался предвзятой идеѣ. Яркая печать поэзіи лежала на всемъ существѣ этой дѣвушки, не обладавшей никакимъ выдающимся талантомъ. Это сказывалось въ подъемѣ безпокойной мысли,—въ горячности порывовъ,—въ яркости вѣчно работающей фантазіи. Всего же больше, быть можетъ, сказывалось это въ рѣдкой способности жить страстно и увлекательно не однѣми перипетіями своей личной судьбы, но всѣмъ окружающимъ: чужими волненіями, печальными или радостными, всѣми мимолетнѣйшими впечатлѣніями внѣшней обстановки. Не странно ли, что такая отзывчивая, такая чуткая натура была лишена главнаго — опредѣленнаго и яркаго проявленія?! Какъ будто все, что должно бы вылиться въ артистическомъ созданіи, оставалось волновать ея собственную душу, приносило не удовлетвореніе примѣненныхъ успѣшно силъ, а только смутную тревогу вѣчнаго недовольства и неясныхъ, волнующихъ надеждъ.

Алѣева всегда привлекали эти странныя натуры, всѣмъ одаренныя и ничего не достигающія; увлекательныя и опасныя для другихъ, но никогда не знающія мира и полнаго счастія. Ихъ душа беззащитно раскрыта для всего и для каждаго. Нѣтъ впечатлѣнія, которое бы проскользнуло безслѣдно, нѣтъ встрѣчи, которая бы оставила совсѣмъ равнодушной, но нѣтъ и чувства, которое могло бы покорить себѣ на вѣки. Онѣ обречены вѣчно искать и порываться. Это-то напряженіе, этотъ подъемъ сообщается невольно другимъ. Это тѣ личности, изъ-за которыхъ погибаютъ всего чаще, въ тщетномъ усиліи удержать, умиротворить ихъ; тѣ, кого нельзя разлюбить, нельзя позабыть, послѣ кого всѣ уравновѣшенные и глубокіе характеры кажутся тяжелыми и безцвѣтными. Онѣ оставятъ всякаго истощеннымъ, истерзаннымъ и разочарованнымъ—но всегда готовымъ начать сначала старыя безумства, всегда согласнымъ ринуться въ омутъ по первому зову!..

Никогда только Алѣеву не случалось встрѣчать подобной натуры въ соединеніи съ такимъ чистымъ сердцемъ и такой чуткой совѣстью. Что ждало эту женщину впереди? Романистъ ставилъ себѣ этотъ вопросъ гораздо настойчивѣе въ первые дни знакомства, когда ему казалось, что онъ можетъ руководить Анной, что онъ прямо обязанъ пустить въ дѣло весь свой умственный авторитетъ. Очень быстро это впечатлѣніе смѣнилось другимъ.. совсѣмъ не-

ожиданнымъ ощущеніемъ равенства. Это ослабляло сознаніе его собственной отвѣтственности, это придавало особенный, волнующій интересъ каждой новой встрѣчѣ.

Алѣевъ опомнился и поднялъ съ колѣнъ забытую тетрадь. Можно бы съ спокойною совѣстью закрыть рукопись — и того, что онъ прочелъ, совершенно достаточно, но у него было основное правило всегда дочитывать до конца.

Квартира была такъ расположена, что въ своемъ кабинетѣ хозяинъ вовсе не слышалъ звонковъ. Столько разъ въ это утро Алѣевъ принимался думать объ Аннѣ,—онъ такъ желалъ увидѣть ее поскорѣе, что едва повѣрилъ собственнымъ глазамъ, когда внезапно поднялась портьера, и она вошла въ кабинетъ съ маленькимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ.

— Простите, что такъ дерзко врываюсь!

Рукопись полетѣла въ уголъ оттоманки; Алѣевъ вскочилъ на ноги быстро, какъ юноша.

— Вы!.. какими судьбами?! Что за прихотница такая!..

— Дѣла!

— Опять за письмомъ и опять напрасно?

— Нѣтъ. Во-первыхъ—новая шляпка! какъ это, право, вы не замѣчаете!

— Вижу, вижу... Прелесть!.. но позвольте, кажется, это дамская?

— Можетъ быть! въ этомъ я смыслю немного. Идетъ ко мнѣ, и купила. Старая до того истрепалась, что выйти совѣстно. И сѣрому мундиру пришелъ конецъ,—вы, полагаю, жалѣть не будете? Теперь я облеклась въ трауръ и не сниму его.

— До какихъ поръ?

— Не знаю... долго не сниму. Но, Боже мой, какая пропасть денегъ! Черное платье, совсѣмъ легкое...

Алѣевъ думалъ о томъ же самомъ. Онъ не дерзалъ разспрашивать Анну о состояніи ея финансовъ. Она до крайности щепетильно сводила всѣ счеты и ежедневно выдавала его повару то, что ей стоила жизнь въ гостинницѣ. Трудно предположить, чтобы у нея могла быть съ собой крупная сумма. Разумѣется, не могла же она обойтись и безъ новаго платья, если старое истрепалось!

Анна сняла шляпку и прикрыла ею сакъ-вояжъ изъ темно-красной кожи. Ожогинъ, который зналъ ее до тонкости, сейчасъ бы понялъ, что она „храбрится“. Алѣевъ только находилъ ее особенно оживленной, а вовсе не усталой, какъ она увѣряла, и прелестной въ черномъ платьѣ.

— Мы поѣдемъ съ часовымъ поѣздомъ или въ два?—спросилъ онъ рѣшительно, свертывая неконченную рукопись.

— Нѣтъ, я разсчитывала вернуться съ послѣднимъ. Послушайте, Николай Николаевичъ! мнѣ страстно—понимаете ли, страстно хочется поѣхать въ Озерки на „Орлеанскую Дѣву"! Почему же я не могу, наконецъ, собраться въ театръ? послѣ трехъ лѣтъ!..

Она говорила такимъ умоляющимъ тономъ, какъ будто онъ былъ старый гувернеръ, который можетъ позволить или запретить.

Алѣевъ, не отвѣчая, позвонилъ Ѳедора и поспѣшно набросалъ нѣсколько строкъ на своей визитной карточкѣ.

— Слѣдовало предупредить меня утромъ. Мы можемъ остаться безъ билетовъ,—замѣтилъ онъ озабоченно.

— Да?! это невозможно! невозможно! Какъ бы я могла утромъ?

— Съ посыльнымъ. Не бойтесь, билеты будутъ.

— А если нѣтъ?!

— Говорю—будутъ.

Онъ вышелъ, очень торопясь.

Анна провела рукой по лицу. Безсознательная улыбка свѣтилась въ глазахъ, въ углахъ губъ, замѣтно порозовѣвшихъ на дачѣ. Хоть ея дѣла не подвинулись ни на шагъ впередъ, хоть все то, что удручало ее, осталось какъ было,—она больше не могла быть несчастной. Напрасно старалась она обуздывать безпричинныя ощущенія надежды и покоя, прокрадывавшіяся въ душу... Чему она радуется?—какъ можетъ она увлекаться мелочами, когда за плечами такая ужасная путаница, когда другіе расплачиваются жестоко за ея легкомысліе! Это не зависѣло отъ нея. Она не могла сдѣлать, чтобы другіе не страдали, и чтобы ея собственное сердце не билось сильными, радостными ударами. „Бездушная эгоистка!"—говорила она себѣ, причесываясь передъ зеркаломъ и встрѣчая лицо, все болѣе и болѣе расцвѣтавшее съ каждымъ днемъ.

Алѣевъ вернулся веселый. Она чудесно придумала,—онъ очень радъ посмотрѣть московскую гостью, свою любимую артистку.

— Вы, можетъ быть, и безъ меня поѣхали бы?—замѣтила Анна.

— О, нѣтъ, я поѣхалъ бы въ Павловскъ.

— Вы считаете, безъ сомнѣнія, что и мнѣ приличнѣе облечься въ трауръ, нежели заниматься развлеченіями? — сказала Анна, смотря подозрительно.

— Я вовсе не это думаю, и совсѣмъ не заглядываю въ афиши, потому что не ощущаю потребности въ увеселеніяхъ, а

только васъ боюсь черезъ-чуръ разорять. Вы такъ самостоятельны, что... не могу вамъ и сказать, до какой степени это подчасъ стѣсняетъ.

— Васъ? поборника женской самостоятельности?

— Меня, меня! Не слѣдуетъ путать серьезныхъ вещей съ мелочами.

— Ну, нѣтъ-съ, серьезныя идеи слѣдуетъ непремѣнно проводить до мелочей.

Алѣевъ улыбался.

— Все-таки вы меня связываете по рукамъ и по ногамъ.

— Вашими деспотическими наклонностями? Вѣрю! Всѣ мужчины деспоты.

— Сколько я знаю, вы первая не слишкомъ много страдали отъ мужского деспотизма.

— Я?! mais à l'heure qu'il est, monsieur—какъ же иначе-то вы это назовете? Притомъ еще мой братъ самый мягкій человѣкъ, какого можно себѣ представить!

— Кстати, вы не сказали мнѣ, что было новаго во вчерашнемъ письмѣ?—спросилъ Алѣевъ.

Лицо Анны затуманилось, рѣшительная складочка обозначилась между бровей.

— Ничего новаго. Но вотъ что, Николай Николаичъ, — у меня есть одно дѣло, которое... съ которымъ я предпочла бы не обращаться къ вамъ, да принуждена къ тому во имя благоразумія. Самостоятельная женщина обязана быть благоразумной.

— Совершенно справедливо. Вы однакожъ очень упорно пробираете меня за самостоятельныхъ женщинъ!

— Я только проникаюсь вашими словами, потому что сочувствую имъ всей душой.

Онъ любилъ это милое серьезное выраженіе, какъ будто говорившее: „пожалуйста забудьте, что передъ вами хорошенькая женщина и вникайте только въ мои слова“.

Анна подошла къ столику и взялась за красный сакъ-вояжъ. Онъ не подозрѣвалъ, какъ она волновалась, когда открывала его и, повидимому, совершенно равнодушно вынула плоскій футляръ старинной черной кожи.

При одномъ взглядѣ на этотъ футляръ, Алѣевъ все понялъ: вотъ гдѣ источникъ ея увѣренности!

— Вы и это купили сегодня?—Онъ предпочелъ пошутить, видя, что ея смущеніе усиливается.

— Да!—разсмѣялась Анна съ облегченіемъ:—но такъ неудачно, что хочу сейчасъ же опять продать! Оно оказывается,

однакожъ, не совсѣмъ просто. Это очень цѣнный уборъ; сафиры крупные и очень чистой воды. Меня непремѣнно обманутъ, не правда ли?

— Непремѣнно.

— Я заходила сегодня къ одному ювелиру и насилу вырвалась отъ него. Онъ увѣряетъ, что вещь совершенно старомодная, — чуть ли даже и самые сафиры до такой степени вышли изъ моды, что ничего больше не стоютъ! Онъ не хотѣлъ только, чтобы я ушла отъ него и безпокоила себя напрасно.

— Какая неосторожность носить съ собою подобную вещь въ этомъ мѣшечкѣ! И у портнихи съ нимъ были?—безподобно! и въ гостинницѣ держали въ коммодѣ?

— Но куда же вамъ угодно, чтобы я дѣвала эту драгоцѣнность? Вотъ продамъ—и не будетъ заботы.

— Нѣтъ, вы ее не продадите. Фамильная драгоцѣнность и рѣдкой красоты! Эти господа только свою моду и знаютъ. Чудеснѣйшая, тонкая работа—съ большимъ вкусомъ!

— Приходится продать. Мой братецъ, очевидно, надѣется взять меня, какъ неприступную крѣпость — голодомъ. Хорошо еще, что я догадалась захватить это съ собой.

— И ничего-то этого не было бы, еслибъ не ребяческая привычка жить чужимъ умомъ да за чужой спиной. Не во сто ли кратъ естественнѣе, казалось бы, завѣдывать самой собственнымъ имуществомъ и хранить у себя свои документы? Какъ это возможно! коли въ домѣ имѣется хоть одинъ плохонькій мужчина, десять совершеннолѣтнихъ женщинъ взвалятъ на него свои дѣла. Никакіе разговоры о самостоятельности не помогутъ до тѣхъ поръ, пока властвуетъ привычка глядѣть изъ чужихъ рукъ.

— Правда, правда!—качала грустно головой Анна:—я дѣйствительно ни о чемъ понятія не имѣю. Знаю, что имѣю возможность жить безбѣдно, гдѣ хочу—но, какъ видите, вынуждена продавать! Впрочемъ, я нисколько не жалѣю; мнѣ вовсе не нужно такихъ игрушекъ, стоющихъ тысячи.

— Если вы не согласитесь взять деньги заимообразно у меня, тогда вашъ уборъ можно будетъ заложить въ государственномъ ломбардѣ,—проговорилъ Алѣевъ сухо:—въ личное одолженіе мнѣ я прошу не продавать его. Мнѣ непріятно заслужить упрекъ вашего брата, что я допустилъ васъ до этого.

— О, конечно, это все равно! Я сама предпочитаю заложить, чтобы Мишель могъ потомъ выкупить его для Мани. Она давно ужъ мечтаетъ объ этихъ сафирахъ, и я, право, сама не знаю, почему до сихъ поръ не отдала ихъ ей. Мнѣ не нужно.

— Да, вы черезъ-чуръ еще молоды. Когда-нибудь и въ этомъ вкусы перемѣнятся. Что такое, казалось бы, всѣ вообще вещи, какъ не лишняя обуза, связывающая и прикрѣпляющая насъ къ мѣсту? а какъ-то совсѣмъ незамѣтно доходишь до того, что понимаешь жизнь только въ извѣстной обстановкѣ! Вѣдь Бѣлая дача не то что ваше Залѣсье,—не правда ли?

— О, совсѣмъ, совсѣмъ не то! Настроеніе другое, вотъ что главное. Мой павильонъ... я бы хотѣла, чтобъ вы когда-нибудь увидали его! Я въ немъ никогда больше не буду жить. Онъ выстроенъ на проклятомъ мѣстѣ, вы знаете? Онъ не принесъ мнѣ счастья.

Анна въ печальномъ раздумьѣ смотрѣла на сафиры. Алѣевъ смотрѣлъ на нее.

— Кому онъ нуженъ въ глуши Парнаса? Никто не захочетъ тамъ жить. Стоитъ башнѣ простоять необитаемой два, три года, и непремѣнно воскреснутъ всѣ старыя легенды о привидѣніяхъ. Надо увезти скорѣе дядины картины и мою бѣдную Музу. Знаете, мнѣ минутами жаль ее, какъ живую! Стоитъ и слушаетъ, что шепчутъ старыя деревья... о моихъ безразсудствахъ!

Анна порывисто отошла къ окну, чтобы скрыть слезы. Была такъ радостно настроена всего нѣсколько минутъ назадъ...

— Зачѣмъ же сейчасъ такъ безповоротно? — проговорилъ мягко Алѣевъ:—отчего опять не пожить при случаѣ въ павильонѣ? Онъ долженъ быть восхитителенъ, судя по всему.

— Нѣтъ, ни за что! Да, онъ восхитителенъ... что-жъ изъ этого? Все старое вѣдь оживетъ, какъ только я войду въ него. Не напоминайте лучше, Николай Николаичъ! Я была отлично настроена сегодня съ утра—оттого и расхрабрилась.

— Чѣмъ же?

Анна мелькомъ взглянула на него и не отвѣтила.

— Намъ не пора ѣхать въ ломбардъ?—спросила она, погодя немного.

Алѣевъ нехотя взялъ футляръ и еще разъ внимательно разсмотрѣлъ сафировый уборъ. Не гораздо ли проще взять деньги у него на короткій срокъ, чѣмъ возиться съ ломбардомъ?

— Ни въ какомъ случаѣ. Для меня несравненно проще заложить эту вещь,—отвѣтила Анна сухо.

— Слушаю-съ. Во всякомъ случаѣ достаточно и одной брошки. Вамъ не нужно цѣлаго капитала за-разъ?

— Полагаю, что не нужно, хоть въ сущности ничего не знаю. Все равно, заложимъ пока что-нибудь одно. Но куда же дѣваться съ остальнымъ? Не тащить же съ собой въ театръ!.. Если вы

не хотите закладывать всего, то вамъ придется спрятать футляръ въ этотъ столъ.

Алѣевъ открылъ одинъ изъ ящиковъ и положилъ въ него сафиры; но сейчасъ же пришло ему на умъ, что Ѳедоръ знаетъ этотъ ящикъ—случалось при немъ доставать деньги. Онъ, хмурясь, переложилъ футляръ въ противоположный конецъ стола. Непріятно и смѣшно: никогда раньше въ голову не приходило, что могутъ обокрасть.

Анна тѣмъ временемъ одѣвалась передъ зеркаломъ въ залѣ. Она смотрѣла совсѣмъ иначе и гораздо эффектнѣе въ открытой черной шляпѣ съ блестящимъ султанчикомъ. Вдругъ откуда-то очень глухо долетѣлъ звукъ колокольчика.

— Это не у васъ звонятъ?—крикнула она въ кабинетъ.

— Звонятъ? да, да, у меня!—вспомнилъ сейчасъ же Алѣевъ:—это мой юноша, воображающій, что я прочиталъ его повѣсть! Ѳедора я услалъ въ Озерки. Давно, должно быть, трезвонитъ, бѣдный, если даже здѣсь слышно.

— Однако... что же мнѣ дѣлать? вотъ что̀ значитъ врываться! вы ему назначили придти?

— Назначилъ. Совсѣмъ позабылъ! Я его приму, а вы будете добры обождать съ полчаса; мы въ ломбардъ успѣемъ. Почитайте пока рядомъ въ маленькомъ кабинетѣ. Секретовъ у насъ нѣтъ.

Смежная комната, очень узенькая, вся была затянута японскими тканями и уставлена миньятюрною лакированною мебелью. У окна стояло небольшое бюро со спущенной подъемной крышкой.

L.

Алѣевъ опустилъ тяжелую портьеру. Голоса доходили глухо до японскаго кабинета. Ровная и тихая рѣчь хозяина сливалась въ неясное журчанье; нѣсколько явственнѣе вырывались отрывочныя восклицанія молодого высокаго голоса.

Анна сидѣла на крошечномъ диванчикѣ и не раскрывала книги. Какая смѣшная комната! неудобно и неизящно. Мужчинамъ должно быть очень неловко сидѣть на такой низкой мебели. Но почему же воображаетъ она, что однимъ мужчинамъ? У Алѣева пропасть знакомыхъ. Конечно, не только знакомыхъ! Кого онъ любитъ? кого-нибудь да любитъ же... Быть можетъ, это всѣмъ извѣстно,—жизнь такихъ людей вся на виду. Безчисленные друзья,—этотъ юноша, котораго онъ теперь отчитываетъ, всѣ, кромѣ нея, знаютъ женщину, которой онъ отдалъ свое сердце.

Почему нельзя объ этомъ прямо спросить? вѣдь вмѣшался же онъ въ ея жизнь, какъ право имѣющій, и заставилъ сдѣлать по своему. Непринято? неприлично? Но развѣ такъ не благороднѣе, чѣмъ узнавать стороной, выспрашивать, прислушиваться къ сплетнямъ? Анна уже рисовала себѣ мысленно прекрасную, не совсѣмъ молодую, изящную даму. Она встрѣчаетъ Алѣева нѣжной улыбкой—онъ цѣлуетъ ея руки. Старая, почтенная любовь со всей прелестью возвышенной, поэтической дружбы. Связь, которая не можетъ порваться, на которую никто не посягнетъ...

Фантазіи вдругъ оборвались; чья-то рука потянула портьеру, и Анна услыхала совсѣмъ близко голосъ Алѣева:

— Нѣтъ, нѣтъ—не сюда! попрошу васъ черезъ ту дверь.

Портьера опять упала, шаги удалялись.

Какъ онъ это спокойно сказалъ... забылъ, можетъ быть? Еслибъ гость влетѣлъ сюда и неожиданно увидалъ незнакомку въ черномъ, спрятанную... Что бы онъ подумалъ?

Анна начинала привыкать къ любопытнымъ взглядамъ, которыми провожали ее въ Павловскѣ, когда она гуляла съ Алѣевымъ. Но одинъ разъ случился цѣлый скандалъ. Двое какихъ-то господъ пробрались въ кабинетъ романиста безъ доклада; дворникъ случайно оставилъ открытыми чугунныя ворота, которыя ему строжайше приказано держать на запорѣ. Вошли они черезъ маленькій балконъ, оживленно разговаривая, и совсѣмъ опѣшили, когда отъ стола поднялась Анна и освѣдомилась, что имъ угодно. Можно бы подумать пожалуй, что это была случайность, подстроенная нарочно, еслибъ они оба—и молодой, и старый—не были такъ жестоко переконфужены своимъ открытіемъ. Они поспѣшно отретировались, бормоча извиненія. Алѣевъ принялъ это очень дурно; онъ заставилъ ее подробно описать себѣ наружность посѣтителей и сейчасъ же отправился за разъясненіями. Анна смѣялась. У нея давно укоренилась привычка относиться равнодушно къ тому, какъ смотрятъ на ея поступки и какъ судятъ ихъ вкривь и вкось зрители. Этого-то „высокомѣрія“ жена Мишеля и не могла никогда простить ей.

Дѣвушка вернулась къ своимъ мыслямъ. Желаніе узнать все росло въ ней. Она все разсказала Алѣеву про себя—взамѣнъ ей необходимо знать одно это, только одно! Знать для того, чтобы лучше понимать его...

Анна очень смѣло рѣшала это сама съ собой, но когда романистъ пришелъ въ японскую комнату, проводивъ гостя, она поняла, что спросить невозможно. Онъ отвѣчалъ коротко и неохотно на ея вопросы, чѣмъ кончилось объясненіе, кто этотъ

юноша и какова его повѣсть. Но и ее въ сущности это нисколько не интересовало—спрашивала, чтобы говорить о чемъ-нибудь. Она думала свое...

Они обѣдали въ какомъ-то саду. Алѣевъ составлялъ menu очень тщательно и продолжительно, но потомъ раскритиковалъ въ пухъ и прахъ весь обѣдъ. Анна подтрунивала.

— Почему же вы-то сами ничего не кушаете, если обѣдъ такъ хорошъ?—замѣтилъ Алѣевъ недовольно.

— Потому что у меня бываетъ хорошій аппетитъ только когда мнѣ скучно. Притомъ я ничего ровно не понимаю въ этомъ, —злополучнаго matelotte'а, который испортилъ вамъ такъ много крови, я навѣрное не отличила бы отъ того соуса, который такъ вкусно приготовляетъ вашъ поваръ. Какъ онъ называется?

— Зачѣмъ! вамъ гораздо больше идетъ не знать даже и названій,—сказалъ, улыбаясь, романистъ.

— Вотъ это безподобно! но вѣдь я же должна учиться хозяйничать? Вовсе не желаю, чтобы вы не рисковали отобѣдать у меня или поднимали бы меня на смѣхъ.

— Найдется кто-нибудь, кто будетъ это дѣлать за васъ.

— И меня немилосердно обкрадывать? Мегсі, я предпочитаю тратить деньги какъ-нибудь занимательнѣе.

— Да, это любопытно, какъ вы ихъ будете тратить и, вообще, въ какія курьезныя положенія будете попадать на каждомъ шагу.

— Вы, кажется, предполагаете во мнѣ полное отсутствіе здраваго смысла?

— Нельзя же обладать всѣмъ, прелестная Муза! Здравый смыслъ и безъ васъ полонилъ міръ.

— Кстати, теперь есть деньги, значитъ можно начать пріискивать квартиру, — замѣтила Анна и сейчасъ же опустила руку въ карманъ, чтобы убѣдиться, тамъ ли конвертъ съ радужными бумажками. Несносно имѣть при себѣ большія деньги. Она съ радостью отдала бы ихъ Алѣеву, еслибы онъ не подсмѣивался такъ зло еще сегодня надъ женскою безпомощностью.

Романистъ, улыбаясь, слѣдилъ за нею.

— Еще цѣлы?—замѣтилъ онъ, показавъ глазами на карманъ.

— И не смѣшно нисколько! — нахмурилась Анна: — самостоятельныя женщины прежде всего должны бы заказать себѣ сюртуки съ такими же просторными и безопасными вмѣстилищами, какъ у васъ.

— Можетъ быть, даже это было бы красивѣе вашихъ безобразныхъ модъ! Будь я женщина и обладай я такой безупречной фигурой, какъ ваша, я бы одѣвался по древне-германскимъ или

по старинным ъ итальянским ъ гравюрам ъ. Неужели вам ъ не надоѣдает ъ видѣть на всѣх ъ обязательно одно и то же уродство?

— Какой благоразумный совѣт ъ! — расхохоталась Анна: — Однако вы, я вижу, не особенно надежный учитель!

Их ъ глаза встрѣтились — Алѣев ъ разсмѣялся не без ъ смущенія.

— Развѣ рутина такой уж ъ неизбѣжный спутник ъ самостоятельности? — спросил ъ он ъ: — повѣрьте, что напротив ъ. Человѣчество так ъ безотрадно нивеллировано, что малѣйшій проблеск ъ самобытности больше чѣм ъ когда-нибудь имѣет ъ всѣ шансы на успѣх ъ. Нужна только смѣлость и выдержка.

— Позвольте, позвольте! Чѣм ъ же именно рекомендуете вы мнѣ заниматься въ моих ъ древне-германских ъ туалетах ъ?

Алѣев ъ вылил ъ въ свой стакан ъ остатки вина из ъ бутылки.

— Пью за ваше благоразуміе, милая Муза, вопреки всѣм ъ неблагоразумным ъ совѣтам ъ, какіе я могу подать вам ъ!—выговорил ъ он ъ медленно и поднял ъ на Анну серьезные глаза.

— Вы как ъ будто подрываете собственный кредит ъ?

— Может ъ быть.

Переѣзжая александровскій мост ъ къ финляндскому вокзалу, Анна заявила, что хочет ъ имѣть квартиру окнами на Неву.

— Для этого я должен ъ прежде всего ознакомиться съ вашим ъ бюджетом ъ,—отвѣтил ъ Алѣев ъ:—квартиры на набережной страшно дороги.

— Но вѣдь мнѣ нужны всего двѣ комнаты!

— Только двѣ комнаты?—оглянулся он ъ съ удивленіем ъ.

— Неужели же, вы думали, я буду заводить скучнѣйшую квартиру съ неизбѣжными гостиными, столовыми и будуарами? но вѣдь я рехнусь въ ней съ тоски одна! Мнѣ нужны двѣ большія комнаты безъ всяких ъ названій, вот ъ и все. Я поставлю въ них ъ только то, что̀ мнѣ удобно и нравится.

— Подобных ъ квартир ъ не существует ъ, къ сожалѣнію. Двѣ комнаты не будут ъ ни велики, ни хороши, и едва ли будут ъ выходить на Неву.

— Вот ъ она рутина-то!—вздохнула Анна:—съ ней, однако, бороться мудрено,—второго павильона не построишь въ Петербургѣ!

— Не надо только спѣшить,—авось как ъ-нибудь и удастся согласовать возможное съ желаемым ъ.

— Я, напротив ъ, именно желаю поспѣшить.

— Вам ъ надоѣла Бѣлая дача?

— Не надоѣла, но давно пора возвратить ее по принадлежности.

— Все равно лѣто ужъ кончилось, Анна Владиміровна.

Анна, однакожъ, рѣшила не обращать на него вниманія и начать смотрѣть квартиры завтра же. Только со всѣмъ этимъ мудрено ей справиться одной. Рѣшиться развѣ, наконецъ, съѣздить въ Залѣсье и умолить Мишеля пріѣхать помочь ей? Зачѣмъ они такъ упорно добиваются, чтобы она пріѣхала? Не для того ужъ, конечно, чтобы исполнить безпрекословно всѣ ея требованія! Неужели Строевъ до сихъ поръ не уѣхалъ въ Москву?

Театръ развѣялъ сейчасъ же всѣ заботы Анны. Освѣщенный залъ, залитый нарядной и возбужденной толпой, увѣренность въ глубокомъ эстетическомъ наслажденіи, которое ждетъ сію минуту— не было ли это какъ будто возвратомъ къ незабвенному прошлому? Только вмѣсто дяди-папы, — какъ звала Анна съ дѣтства Голубина—ее велъ теперь подъ-руку другой, новый другъ. Конечно, другъ!

— А вдругъ бы мы не достали билетовъ?—остановилась на секунду Анна, забывая, что задерживаетъ идущихъ сзади:—я бы, кажется, заплакала!

— Этого не могло быть! я бы всячески досталъ мѣста,— увлекъ ее дальше Алѣевъ.

— Но еслибы не было?! Согласитесь, что это фраза.

— Не фраза. Еслибы не нашлось ничего у барышниковъ, я бы вошелъ сюда, разыскалъ двухъ знакомыхъ и попросилъ уступить мнѣ мѣста въ особенное, *личное одолженіе*. Да, да, я непремѣнно такъ сдѣлалъ бы!

Онъ говорилъ совсѣмъ серьезно. Она никогда еще не видала у него такого молодого лица и такихъ яркихъ глазъ.

— Не сдѣлали бы!

— Почему? По рутинѣ? Вообразите себѣ только, что ко мнѣ сію минуту подходитъ кто-нибудь съ такой необычайной просьбой (сохрани насъ, Господи, и помилуй!). Развѣ возможно отказать?

— Не знаю. Самыя простыя вещи кажутся невозможными.

— Нужно только дѣйствительно сильно желать.

— Но вѣдь это же пустякъ—спектакль. Развѣ можно посягать ради прихоти на чужія права?

— Нѣтъ-съ, это не всегда пустякъ! Получить извѣстное впечатлѣніе тогда именно, когда жаждешь его всѣмъ своимъ существомъ—кто же рѣшилъ, наконецъ, что это пустякъ? Кто прослѣдитъ, что это принесло вамъ? кто оцѣнитъ, какъ велико лишеніе?!

Алѣевъ невольно возвысилъ голосъ. Военный, сидѣвшій передъ ними, слегка повернулъ голову, любопытно прислушиваясь.

— „...Мнѣ безумно весело!“—говорила себѣ Анна.

Съ Алѣевымъ то-и-дѣло раскланивались; на его спутницу заглядывались.

— Меня ужъ нѣсколько человѣкъ допрашивали о васъ,— сказалъ онъ, вернувшись изъ фойе:—въ Павловскѣ мнѣ проходу не даютъ. Начинаю сознавать, что древне-германскій костюмъ— затѣя дѣйствительно черезъ-чуръ опасная!

Онъ улыбался самодовольной улыбкой мужчины, убѣжденнаго, что его дама производитъ эффектъ, но онъ только одинъ имѣетъ привилегію знать ее.

— Это неудобно, что меня такъ часто видятъ съ вами, пока я должна существовать инкогнито. Начинаю испытывать неудобство славы!

— Такъ вы полагаете, что на васъ смотрятъ потому, что вы со мною?

Это былъ упоительный вечеръ. Удивительная, захватывающая игра великой артистки заставляла минутами исчезать тысячную толпу и собственную личность. Но въ перерывы, необходимые какъ отдыхъ, личная жизнь вступала въ свои права съ удвоенной силой. Счастіе сидѣть тутъ, видѣть это совершенство правды и простоты въ трагизмѣ, слышать этотъ голосъ, заставляющій трепетать нервы... Счастіе, что она не одна это видитъ, не сидитъ, затерявшись среди чужой толпы... Бѣглый, какъ молнія, взглядъ, которымъ она обмѣняется съ нимъ безъ словъ, сдѣлаетъ наслажденіе еще напряженнѣе. Слезы, которыя она увидѣла въ глазахъ Алѣева, переполнили ея сердце внезапною, жгучею нѣжностью. И когда среди взрыва воплей и рукоплесканій онъ, не торопясь и ничего не говоря, повелъ ее изъ залы — Анна прижалась къ его рукѣ, поглощенная никогда не извѣданнымъ ощущеніемъ, подавлявшимъ ее своей полнотой. Ничего больше не надо, еслибы такъ могло быть всегда!

— Такъ это—пустякъ?!—первое, что сказалъ романистъ съ мимолетной усмѣшкой. Онъ былъ очень блѣденъ; глаза какъ будто запали глубже.

Анна думала о томъ, что ни она и никто другой не могъ бы отдѣлить въ эту минуту впечатлѣній высокой поэзіи отъ ощущенія, предчувствія, быть можетъ, чего-то, совершавшагося въ ея душѣ...

Они вышли изъ театра и машинально подвигались впередъ по плохо освѣщенной площадкѣ. Толпа нагоняла со всѣхъ сто-

ронъ, разговаривая, смѣясь, шумно выражая свой восторгъ. По сторонамъ шумѣли деревья, смутно освѣщенныя снизу рѣдкими фонарями, сливаясь вершинами съ чернымъ небомъ. Впереди дребезжали экипажи, слышались безпокойные звонки и далекіе свистки локомотива.

— Надо спѣшить, однако, чтобы не опоздать на поѣздъ!— опомнился Алѣевъ.

Толпа почти бѣжала впереди ихъ. Они шли мѣрной походкой людей, всецѣло поглощенныхъ собственными ощущеніями. Анна оглянулась назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—увлекалъ ее впередъ Алѣевъ:—то все здѣшніе дачники! Городскіе всѣ давно впереди. Поѣздъ подходитъ.

И они тоже бѣжали, тоже толкались, прорываясь сквозь толпу, пока, наконецъ, съ величайшимъ трудомъ втиснулись въ биткомъ набитый вагонъ, гдѣ едва разыскалось для нихъ два мѣста на разныхъ концахъ.

Въ Петербургѣ они не перемолвились ни словомъ, поглощенные одной тревогой: захватить послѣдній царскосельскій поѣздъ, отходившій въ этотъ день экстренно на полчаса позднѣе обыкновеннаго.

Обѣщанія прибавки перестали производить свой эффектъ на извощика. Поспѣютъ во-время—чего имъ больше? Не зарѣзать же лошадь за ихъ цѣлковый.

Анна испытывала такую отвратительную тревогу, какъ будто всѣ удовольствія этого дня испарились изъ ея памяти. Что дѣлать, если поѣздъ ушелъ?

— Богъ мой! да я могу вѣдь переночевать тамъ же въ дамской комнатѣ!—воскликнула она внезапно съ облегченіемъ и въ тотъ же мигъ перестала мучиться, и всѣ старыя ощущенія нахлынули волной.

Она совершенно равнодушно подъѣхала къ вокзалу и безъ особенной радости узнала, что поѣздъ еще не ушелъ.

— Вы со мной даже не простились! хорошо!— крикнула она, смѣясь, Алѣеву черезъ окно вагона.

Онъ снялъ шляпу и вытиралъ платкомъ лобъ, глубоко дыша. Фу, что за нелѣпое окончаніе для такого чуднаго дня!

LI.

Алѣевъ нѣкоторое время вовсе не ѣздилъ въ Павловскъ. Издатель самъ явился ранехонько, чтобы захватить его еще въ постели, и доказалъ ясно, какъ день, что дѣло не можетъ идти такъ

дальше: изданіе не будетъ готово къ сроку, объявленному заранѣе въ газетахъ, если весь остальной матеріалъ не будетъ сданъ ему въ теченіе десяти дней.

Алѣевъ засѣлъ за работу и разрѣшилъ Ѳедору клятвенно увѣрять всѣхъ и каждаго, что онъ уѣхалъ въ Москву по экстренному дѣлу.

— А коли изъ Москвы кто невзначай нагрянетъ, какъ намедни?—освѣдомился обстоятельный церберъ.

— Ну, тогда какъ знаешь, такъ и дѣлай! хоть увѣряй, что умеръ скоропостижно и давно похороненъ!—разсердился баринъ.

Въ Павловскъ отправленъ былъ посыльный съ письмомъ, съ корзиной великолѣпныхъ фруктовъ и новыми книгами.

Теперь Алѣевъ негодовалъ на то, что добровольно связалъ себя срокомъ безъ всякой нужды. Думалъ ли онъ, чтобы могло встрѣтиться что-нибудь неожиданное, что-то болѣе интересное, чѣмъ выпускъ новаго романа, не появлявшагося въ журналахъ? Жизнь только тѣмъ и хороша, что самый эксцентричный англичанинъ не подержитъ за нее серьезнаго пари! Такого дня, какъ спектакль въ Озеркахъ, онъ давно уже не припомнитъ въ своей жизни, богатой впечатлѣніями и встрѣчами. Въ сорокъ-семь лѣтъ вещи цѣнятся совсѣмъ иначе; ни одно впечатлѣніе не затеряется въ хаосѣ собственныхъ ощущеній, всему отведется надлежащее мѣсто безъ колебаній и промаховъ.

Алѣевъ принялся за работу раздражительно и вяло, но уже къ концу первыхъ сутокъ его лицо совершенно разгладилось.

Онъ былъ поглощенъ всецѣло многочисленнымъ обществомъ, имѣвшимъ предстать на чужой судъ, и которому онъ дѣлалъ теперь свой послѣдній смотръ полководца, сознающаго, что побѣда должна быть одержана только наличными силами. Но какая-то неуловимая перемѣна совершилась въ его собственныхъ взглядахъ на трудъ, въ сущности, уже законченный. Онъ немилосердно перечеркивалъ подробности, не одинъ разъ уже прошедшія благополучно черезъ его цензуру. „Лишнее! лишнее!“ —приговаривалъ онъ при этомъ сухо сквозь зубы, точно кому-то другому. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ поспѣшно вписывались цѣлыя страницы, вслѣдствіе чего являлась необходимость перелистывать далеко назадъ. Значительная часть листовъ была уже отпечатана. Онъ тѣмъ не менѣе снова и снова перебиралъ ихъ мысленно подъ этимъ новымъ угломъ зрѣнія, пытаясь сначала малодушно проскользнуть мимо мѣста, гдѣ *предчувствовался* недочетъ... Напрасная уловка! въ цѣлой главѣ, гдѣ не къ чему придраться, одна фраза какъ будто выведена огромными буквами, и она-то

прежде всего бросится въ глаза читателю, врѣжется навѣки въ его памяти. Эти нѣсколько словъ отравляютъ жизнь! Съ однимъ мѣстомъ Алѣевъ рѣшительно не могъ примириться—полетѣлъ въ типографію и потребовалъ, чтобы листъ былъ набранъ вновь съ его поправками. Сердятъ запоздалыя колебанія—но надо еще Бога благодарить, что онѣ не овладѣли имъ еще на недѣлю позднѣе! Тогда было бы уже непоправимо...

Что-то нарушило снова гармонію, дающуюся такъ мучительно, но не добившись которой онъ не выпуститъ рукописи изъ своихъ рукъ и не позволитъ заглянуть въ нее постороннему глазу. Пока идетъ работа, гармонія не дается точно кладъ! Она зависитъ отъ чего-то въ немъ самомъ: отъ его настроенія, отъ здоровья, отъ впечатлѣній, скопившихся извнѣ, или отъ воспоминаній, всплывшихъ почему-нибудь въ памяти... Она зависитъ иногда отъ случайной встрѣчи на улицѣ, отъ полученнаго письма, отъ чьего-нибудь мимолетнаго замѣчанія. „Нѣтъ! я это брошу!“ говоритъ онъ озлобленно въ одинъ злополучный день, чувствуя, что возводимое зданіе колеблется, какъ карточный домъ. „Я ничего не написалъ лучше этого!“ восклицаетъ онъ радостно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Онъ никогда не работалъ безъ такихъ мучительныхъ, истощающихъ колебаній, но на исходѣ своей авторской карьеры, какъ въ ея первые годы, онъ такъ же наивно убѣжденъ, что это не болѣе какъ аномалія, съ которой онъ не умѣетъ справиться. Не будь этихъ колебаній, этой смѣшной, ребяческой неувѣренности (послѣ всѣхъ его успѣховъ!)—не будь этого, его трудъ былъ бы однимъ сплошнымъ наслажденіемъ.

Облюбовавъ сюжетъ, обработавъ тщательно фабулу и сдавшись въ плѣнъ своимъ героямъ, онъ побѣдоносно развертываетъ чистую тетрадь, не сомнѣваясь, что на этотъ разъ держитъ въ рукахъ предательскій кладъ. Онъ начинаетъ радостно, спокойно и увѣренно. Тревога и сомнѣнія вливаются капля за каплей, какъ маленькія дозы фермента, который постепенно взволнуетъ и приведетъ въ броженіе весь его внутренній міръ. Работа кипитъ, стремительно подвигается впередъ въ самомъ разгарѣ этого броженія, гдѣ его собственныя мысли и образы носятся по волѣ какой-то таинственной стихіи...

Онъ дописываетъ измученный, больной, растративъ до капли запасъ энергіи. Пишетъ, поддерживаемый послѣднимъ ненормальнымъ напряженіемъ—и все болѣе и болѣе равнодушный къ результатамъ. А! ему все равно! пусть это будетъ слабо, скверно, никуда не годно—пусть только будетъ кончено! Только бы вырваться какъ-нибудь изъ власти этихъ людей, совершающихъ свой

жизненный путь на его счетъ, пережившихъ всѣ волненія, доступныя человѣческому сердцу, на этихъ страницахъ, исписанныхъ его нервами.

Это было бы нестерпимо, было бы невозможно, еслибъ не увлекалъ впередъ непоколебимый инстинктъ. Онъ-то заботливо отводитъ нетерпѣливую руку, готовую изорвать исписанные листы; онъ шепчетъ въ минуту полнаго унынія и отчаянія: обожди, не суди, пусть будетъ, что будетъ! Странно потомъ смотрѣть хладнокровно на готовую книгу и видѣть совершенно ясно ея достоинства и недостатки.

Алѣевъ ни съ кѣмъ не видѣлся, потерялъ аппетитъ и почти вовсе не спалъ. Его издатель успокоился: онъ зналъ по опыту, что ничто больше не оторветъ романиста отъ работы, до той минуты, пока она не будетъ кончена.

На Бѣлой дачѣ дни тянулись тоскливые, безконечные.

Въ письмѣ Алѣева не было назначено срока его затворничеству; но письмо дышало такимъ неподдѣльнымъ нетерпѣніемъ, а вниманіе и участіе хозяина до сихъ поръ были такъ неизмѣнны, что Анна и мысли не допускала, чтобы онъ могъ вдругъ позабыть объ ея существованіи. Она ждала письма или новаго посланнаго хотя съ нѣсколькими дружескими строками. Она ждала его самого,—Алѣевъ не ѣхалъ и не писалъ. Его перестали озабочивать ея дѣла.

Мучительныя подозрѣнія зашевелились на сердцѣ. Не тяготился ли онъ нежданной обузой? Не жалѣетъ ли о времени, потерянномъ ради нея? Нѣтъ, онъ черезъ-чуръ благовоспитанъ, для того, чтобы показывать это такъ рѣзко и безцеремонно Очевидно, ему не понравилось, что въ послѣдній разъ она рѣшилась зайти на его городскую квартиру,—фамильярность, въ которой не было надобности, для которой не было достаточно серьезнаго повода! Они не друзья—слишкомъ велика разница лѣтъ, черезъ-чуръ громадно неравенство во всемъ... Да, это было неудобное и дерзкое вторженіе, отъ котораго онъ желаетъ оградить себя на будущее время; можно, кажется, довольствоваться тѣмъ, что онъ уступилъ ей всѣ свои владѣнія въ Павловскѣ!

Анна перечитывала письмо. Шутливыя жалобы Алѣева на то, что онъ вынужденъ поручить себя изобрѣтательности Ѳедора, казались теперь обиднымъ, грубымъ внушеніемъ ей, чтобы не вздумала повторить своего визита. А! подѣломъ ей, подѣломъ!

Анна чувствовала себя сразу отодвинутой этимъ письмомъ

на почтительное разстояніе. Небрежно, безцеремонно, какъ поступаютъ съ чужимъ, которымъ не дорожатъ. Это жестоко послѣ чуднаго вечера въ Озеркахъ! А впрочемъ — онъ былъ взволнованъ игрой артистки, только... Въ теченіе дня ей даже казалось нѣсколько разъ, что онъ недоволенъ чѣмъ-то. Жгучее, мучительное раскаяніе охватывало ее всю и было такъ ново! Она слишкомъ не привыкла къ обиднымъ ощущеніямъ.

Нанять квартиру и переѣхать съ дачи какъ можно скорѣе! Анна каждый день ѣздила въ городъ, поднималась на сотню этажей, осматривая квартиры и посылала въ Залѣсье письмо за письмомъ. Подъ вліяніемъ волновавшихъ ее ощущеній, тонъ переписки рѣзко измѣнился и въ свою очередь больно задѣлъ Мишеля. Они писали теперь обидныя вещи, взаимно упрекая другъ друга въ эгоизмѣ и недостаткѣ любви. Они поддавались все сильнѣе духу борьбы. Одна сдѣлала серьезную ошибку въ самомъ началѣ, надѣясь побѣдить мягкостью и упрашивая тамъ, гдѣ должна была спокойно требовать; другой, не замѣчая уже, что отстаиваетъ права несуществующія, облекалъ насиліе въ любовь, и былъ горячо убѣжденъ въ своей правотѣ и въ ея заблужденіяхъ.

Мишель ждалъ спасенія отъ послѣдняго рубля, который истратитъ Анна. Онъ не подозрѣвалъ, что она взяла съ собою сафировый уборъ; онъ зналъ, что денегъ она не возьметъ ни отъ кого, если даже и рѣшилась въ горячую минуту отдаться подъ покровительство человѣка, близкаго ея дядѣ. Всѣ въ Залѣсьѣ, какъ и Анна, считали Алѣева старикомъ. Даже Маня не была на этотъ разъ озабочена приличіями. Больше того—даже Ожогинъ не испытывалъ ни малѣйшей ревнивой тревоги. Алѣевъ не шелъ ни съ кѣмъ въ сравненіе, и напротивъ того, всѣ почувствовали себя спокойнѣе, когда узналось, что онъ вмѣшался въ дѣло.

Романистъ очень рѣшительно далъ почувствовать Ожогину, что беретъ на себя дальнѣйшія заботы о Голубиной: онъ совѣтуетъ ему не вмѣшиваться и оставить Анну въ покоѣ, потому что таково ея непремѣнное желаніе. Оскорбленный тономъ превосходства, звучавшимъ въ этой категорической отповѣди, художникъ пересталъ являться къ Алѣеву; какъ и всѣ другіе, онъ ждалъ развязки отъ времени.

Марья Павловна внушала всячески, что Анна будетъ принуждена вернуться, если только они запасутся хладнокровіемъ и твердо выдержатъ характеръ. Дома ее можно будетъ урезонить, упросить. Наконецъ, въ случаѣ крайности, можно на зиму переѣхать всей семьей въ Петербургъ,—Маня соглашалась теперь и на

это. Подъ вліяніемъ терзавшей ее ревности, она предпочитала лучше выносить еще нѣкоторое время присутствіе Анны въ своемъ домѣ, нежели отпустить ее на всѣ четыре стороны независимую и свободную. Позиція Мани была самая выгодная—ея усердіе имѣло видъ неподдѣльной и безкорыстной родственной привязанности. Мишель горячо благодарилъ жену за эту серьезную уступку, которая могла служить уже вполнѣ надежнымъ пунктомъ для примиренія. Онъ торжественно возвѣстилъ это сестрѣ и заговорилъ еще увѣреннѣе и настойчивѣе.

Анна поняла всю невозможность поѣздки въ Залѣсье. Для рѣшительной борьбы не возвращаются въ непріятельскій станъ. Подъ вліяніемъ посторонней тревоги, она сама не замѣтила, какъ перешла ту черту, за которой невозможно добровольное соглашеніе. Долго, заботливо она избѣгала этого, вопреки совѣтамъ Алѣева, давно уже предлагавшаго написать отъ себя ея брату. Она глубоко дорожила этою привязанностью и не хотѣла оставлять Мишеля всецѣло во власти Мани. О, конечно, она съумѣетъ развести ихъ навѣки! Не хотѣла—и таки дошла до этого. Ея пріѣздъ послѣ всего, что произошло, будетъ означать уступку ихъ желаніямъ. Придется очень скоро вторично бѣжать изъ Залѣсья съ пустыми руками, и тогда что ей останется, кромѣ крайности,—кромѣ оффиціальной семейной ссоры, раздѣла имущества,—всего, что разводитъ самыхъ близкихъ людей навѣки, поставивъ между ними судъ общества?

Усердные поиски квартиры привели къ полному разочарованію, хоть Анна пересмотрѣла ихъ множество,—предсказаніе Алѣева сбывалось: двѣ комнаты, грандіозныя, высочайшія, прекрасныя, которыя носились въ ея фантазіи, нигдѣ не находились. Приходилось выбирать между шаблонными квартирами, заранѣе навѣвавшими на нее тоску рядомъ своихъ пустыхъ комнатъ. Нигдѣ Анна не чувствовала себя такъ одиноко, какъ прохаживаясь по нимъ и стараясь вообразить здѣсь себя одну среди новой обстановки прямо изъ магазина.

Почтенныя цѣны также ничего не говорили ей. Дорого это или дешево? въ состояніи она платить столько или нѣтъ? Она съ горечью чувствовала всю справедливость насмѣшекъ романиста: „Смотрѣть изъ чужихъ рукъ“—такая обидная, вульгарная истина!..

Но внезапно Анна рѣшилась и оставила за собой одну изъ квартиръ. Подробности перестали интересовать — только бы устроиться скорѣе! На Бѣлой дачѣ она чувствовала себя какъ будто въ плѣну. Интересно, что думаетъ о ней прислуга Алѣева?

Эта мысль не тревожила ее раньше, пока хозяинъ являлся всякій день и окружалъ ее вниманіемъ.

Каждый день Анна ѣздила въ городъ. Она вышла на крыльцо, когда къ ней подошла старушка ключница, Павла Егоровна, и спросила, не увидитъ ли она нынче ихъ барина: дѣло до него есть очень нужное.

Анна вспыхнула. Она давно сказала имъ, что не видится съ Алѣевымъ въ городѣ. Ей, стало быть, не вѣрили?

— И пріѣдетъ скоро-ль, не знаете?—спросила еще старуха, озабоченная своимъ дѣломъ.

— Вы видѣли, что я не получала никакихъ писемъ!—произнесла барышня такъ странно, что Егоровна невольно посмотрѣла на нее и побрела къ себѣ, бормоча что-то о вертопрахѣ и сѣдыхъ волосахъ.

Въ этотъ именно день Анна дала задатокъ за квартиру. Она долго ѣздила по магазинамъ, присматривая мебель, и вернулась на дачу измученная, исполненная отвращенія къ этимъ заботамъ, потерявшимъ вдругъ всякую занимательность. Павлѣ Егоровнѣ она поручила пріискать надежную кухарку, а въ Залѣсье послала лаконическое распоряженіе выслать какъ можно скорѣе Дашу съ ея вещами по новому адресу. Не заставитъ ли хоть это Мишеля пріѣхать?

Анна всячески усиливалась меньше думать объ Алѣевѣ, чтобы не растравлять жгучей обиды, каждый разъ переполнявшей ей душу. Но неожиданно странный слухъ встревожилъ обитателей Бѣлой дачи. Поваръ слышалъ отъ какого-то своего пріятеля, что Алѣевъ уѣхалъ въ Москву. Господа между собой разговаривали объ этомъ за столомъ. „А какъ же мамзель-то ваша?“ — подмигнулъ онъ при этомъ. Поваръ вступился за Анну: жиличка, какъ надо быть, безо всякаго обмана; столуется на свой коштъ, за все платитъ; квартиру, слышь, въ городѣ сняла къ зимѣ. Дома поваръ разсказалъ Павлѣ Егоровнѣ; старуха пошла въ барышнѣ.

Анна точно была уже подготовлена къ чему-нибудь подобному. Уѣхалъ—и хоть бы позаботился прислать какую-нибудь записку, простую вѣжливость потрудился бы соблюсти... Не великъ трудъ! Да! что̀ такое передъ нимъ какая-то злополучная барышня? Понадобилось, и укатилъ. По дѣлу, а быть можетъ и просто по зову той незнакомки, о которой она такъ много передумала въ японскомъ кабинетѣ. Вернется. Нечего будетъ дѣлать, заглянетъ опять на Бѣлую дачу...

Что̀ предпринять для того, чтобы Алѣевъ не засталъ ее

больше здѣсь?! Никогда, никогда, никогда она не проститъ Мишелю всего, что выноситъ изъ-за его самоуправства!

Цѣлый часъ Анна ходила въ волненіи взадъ и впередъ по облетѣвшимъ аллеямъ парка. Потомъ она прошла въ кабинетъ и написала письмо къ губернатору. Она просила вызвать въ городъ ея брата и убѣдить его не доводить дѣла до открытаго скандала. Въ случаѣ же его упорства, она проситъ оказать ей законное содѣйствіе.

LII.

Алѣевъ кончилъ, наконецъ, свою работу. Усталый и счастливый, какъ студентъ, сдавшій послѣдній экзаменъ, онъ ѣхалъ въ Павловскъ. Въ вагонѣ встрѣтились знакомые, разговорились; разспрашивали, гдѣ онъ скрывался, правда ли, что уѣзжалъ изъ Петербурга? Въ этихъ разспросахъ очень явно сквозило любопытство проникнуть дальше и узнать, кто та интересная молодая особа, поселившаяся на Бѣлой дачѣ? Ее безпрестанно встрѣчаютъ въ вагонахъ, или на извощикѣ, возвращающуюся домой, но нигдѣ больше ея не видно. Она, кажется, въ траурѣ?

Алѣевъ слушалъ и отвѣчалъ уклончиво; но къ концу пути онъ принялъ свое рѣшеніе. Гласность всегда останется самымъ надежнымъ средствомъ противъ сплетенъ и досужаго любопытства. Смѣшно, стоя на виду, разсчитывать спрятать другого. Поселивъ Анну на своей дачѣ, онъ не зналъ, сколько времени ей придется прожить такъ.

Романистъ внезапно сдѣлался очень сообщителенъ, къ полному и неожиданному удовольствію своихъ спутниковъ. Онъ имъ разсказалъ краткую біографію Анны. Голубина поселилась у него на дачѣ, потому что рано еще переѣзжать въ Петербургъ, а отсюда ей очень удобно ѣздить въ городъ устраиваться. Люди у него совершенно надежные; старуха Егоровна няньчила сестру и его самого. Онъ же, все равно, не могъ дольше оставаться въ Павловскѣ,—съ изданіемъ возился, а теперь скоро уѣдетъ; только не въ Москву, а на югъ куда-нибудь отдохнуть—въ Крымъ, по всей вѣроятности. Совершенно вѣрно,—это очень интересная, даровитая дѣвушка и собой прелестна. Кстати, отдыха ради, не худо бы возобновить на прощанье воскресные обѣды, на которые съѣзжались въ Павловскъ его пріятели, пока не началась усиленная работа. Алѣевъ тутъ же поручилъ своимъ спутникамъ оповѣстить кого можно; кое-кто успѣлъ уже вернуться изъ лѣтнихъ отлучекъ — петербургское лѣто кончилось. Необходимо, чтобы

были дамы, но это надо съ выборомъ. Алѣевъ остановился на двухъ: на одной незамужней и немолодой уже переводчицѣ и на замужней женщинѣ-врачѣ.

— Будетъ и двухъ на первый разъ,—заключилъ онъ, что-то обдумывая и улыбаясь своимъ мыслямъ.

— Для контраста вы ихъ выбрали, что ли?—хихикнулъ высокій, красивый блодинъ:— для того, чтобы жиличка ваша показалась намъ еще очаровательнѣе?

— Я не имѣю привычки приглашать моихъ добрыхъ знакомыхъ съ предательскими цѣлями,—пожалъ плечами Алѣевъ.— Притомъ Кочетова вовсе не такъ ужъ дурна, а Голубина въ контрастахъ нисколько не нуждается, какъ вы сами убѣдитесь.

— Шучу, шучу я. Только Кочетова не поѣдетъ чего добраго—практика! Охъ, ужъ только мнѣ эти женщины-практики!

— Я самъ напишу ей, этакъ будетъ вѣрнѣе.

— Ольга Семеновна, разумѣется, прилетитъ съ восторгомъ! Положимъ, она, бѣдная, давнымъ-давно высохла, но тѣмъ не менѣе можетъ еще служить наглядным подтвержденіемъ прозаической истины, что отъ безнадежной любви люди умираютъ только аллегорически.

— Ха, ха, ха!.. а все еще влюблена, бѣдная, въ Николая Николаича?

Блондинъ выразительно махнулъ рукой.

— Сколько у нея вашихъ портретовъ, Алѣевъ? Кажется, я видалъ съ дюжину.

— Полноте врать, Моховъ. Она прекрасный человѣкъ, моя милѣйшая Ольга Семеновна.

— Прекрасный человѣкъ,—развѣ же я это оспариваю? И какъ будто платоническая любовь не рѣдкостнѣйшій перлъ въ наше время!

— Чужая любовь—дѣло темное.

— Не скромничайте, пожалуйста!

Поѣздъ пришелъ. Алѣевъ уѣхалъ на извощикѣ; остальные пошли всѣ вмѣстѣ черезъ паркъ, оживленно разговаривая.

— Ты какъ полагаешь, Моховъ,—подозрительна какъ будто вся эта исторія, а? Что-то онъ очень ужъ обстоятельно размазываетъ, а черненькая барышня бѣда какъ хороша!..

— Да вотъ ужо въ воскресенье все проникнемъ!—отозвался Моховъ съ увлеченіемъ.

Открывъ маленькую калитку въ бѣлой чугунной рѣшеткѣ, Алѣевъ въ первый разъ сознался вполнѣ отчетливо, какъ давно онъ не былъ здѣсь. Какія-то новости разскажетъ ему Муза? Не-

ужели за столько времени дѣла не подвинулись впередъ? Надо быть совершеннѣйшимъ глупцомъ, чтобы такъ упрямо и нелѣпо топтаться на одномъ мѣстѣ, какъ этотъ милѣйшій братецъ, въ которомъ она души не чаетъ! А ей, бѣдняжкѣ, невесело пришлось это время совсѣмъ одной... Слава Богу, онъ, наконецъ, свободенъ теперь къ ея услугамъ. Его охватилъ съ новой силой приливъ радости, что работа кончена—единственный промежутокъ, когда онъ свободенъ вполнѣ, свободенъ еще отъ волнующихъ думъ и плановъ новыхъ работъ. Это тѣ промежутки, когда онъ *живетъ*.

Алѣевъ шелъ весело, зорко высматривая Анну по саду. Нашелъ—и пошелъ еще скорѣе, ожидая, что она поднимется со скамейки и пойдетъ на-встрѣчу ему съ радостнымъ восклицаніемъ. Анна закрыла книгу и встала въ послѣднюю минуту, когда онъ уже разсмотрѣлъ ея серьезное, поблѣднѣвшее лицо. Что такое? Она протягиваетъ руку, не поднимая глазъ, съ какой-то непріятной усмѣшкой...

— Вы, конечно, не ждали, что я буду пропадать такъ долго!?—воскликнулъ Алѣевъ добродушно:—но еслибъ вы знали, сколько я ухитрился сдѣлать за это время, вы бы, конечно, подивились!.. Наконецъ-то я васъ вижу!!.. Вы здоровы?

— Конечно, здорова. А вы давно вернулись?

— Откуда?

— Изъ Москвы.

Какъ?—и она тоже повѣрила этой баснѣ? Но вѣдь онъ же предупредилъ ее, что отдается всецѣло во власть Ѳедора и его изобрѣтательности! Онъ, надѣюсь, не уѣхалъ бы изъ Петербурга, не увѣдомивъ ея.

— Почему же?—сорвалось иронически съ ея устъ.

— Почему? а вы уѣхали бы такъ съ Бѣлой дачи?

А!.. и съ какимъ еще наслажденіемъ! Анна не сказала этого, но ея глаза такъ странно блеснули, что онъ сталъ смотрѣть еще проницательнѣе.

— Странная встрѣча сегодня!—выговорилъ онъ задумчиво:—сознаюсь, я ждалъ, что будетъ совсѣмъ иначе.

— Вы такъ привыкли ни во что не ставить тѣхъ, съ кѣмъ имѣете дѣло?

— Я?! чѣмъ могъ я заслужить это?

Ну конечно! вѣдь онъ не былъ въ положеніи женщинъ, которыми занимаются когда вздумается и поскольку хватаетъ времени! У него не хватило, чтобы предупредить—написать двѣ строки,—ну, наконецъ, на словахъ прислать сказать для того, чтобы она не перетолковывала его исчезновенія...

„Что я дѣлаю... зачѣмъ говорю это!“—проносилось въ то же время въ умѣ Анны. Она отнюдь не собиралась упрекать его; но этотъ безпечно-добродушный, этотъ счастливо самодовольный тонъ человѣка, поглощеннаго только собой и своимъ, слишкомъ больно уязвилъ ее.

Анна сухо сообщила ему, что она не теряла даромъ времени: еслибъ онъ промедлилъ еще дня два, то, вѣроятно, не нашелъ бы ее въ Павловскѣ. Квартира готова, можно начать перевозить мебель. Она написала въ деревню: бумаги, конечно, будутъ высланы сейчасъ же.

Анна разсказывала все это не просто какъ вещи, интересующія его,—она какъ будто внушала, что не нуждается въ немъ, въ его гостепріимствѣ и услугахъ. Точно стремилась избавить себя отъ этого. На воздухѣ, въ своемъ легкомъ черномъ платьѣ, съ непріязненно блистающими глазами и нервной игрой лица, она казалась ему прелестной, какъ никогда еще.

Кончилось тѣмъ, что Анна вдругъ расплакалась холодными, тяжелыми слезами, которыя не облегчаютъ. Отчего ей приходится такъ часто плакать и такъ рѣдко радоваться?! Не оттого ли, что она совсѣмъ равнодушна къ внѣшней сторонѣ жизни, безучастна къ массѣ всѣхъ доступныхъ мелочей, за которыми гоняются толпы женщинъ? Ея печали и ея радости лежатъ исключительно въ волненіяхъ сердца, гдѣ мы такъ безпомощны, въ наслажденіяхъ ума, которыя такъ рѣдки!

Всякій знаетъ, что можно заснуть наканунѣ унылымъ, разбитымъ и безотрадно несчастнымъ, а проснуться на утро бодрымъ и свѣжимъ. Въ природѣ душное затишье наступаетъ передъ грозой; въ насъ самихъ оно предшествуетъ нерѣдко нарожденію глубокихъ страстей и истинныхъ вдохновеній...

Анна проснулась поздно. Солнце свѣтило прямо въ окно, закрытое огромнымъ кустомъ сирени; маленькія, яркія пятнышки вспыхивали по полу, легкія подвижныя тѣни скользили по потолку. Вѣтряно, должно быть. Надо проснуться! Она стряхнула съ себя послѣднюю истому нѣхотя, помня смутно, что вчера заснула въ слезахъ. Что-то случилось...

Но изъ всего вчерашняго прежде всего вспомнилось, что Алѣевъ вернулся. Она увидитъ его сегодня! Что же случилось такого дурного? Ничего... Произошло между ними что-нибудь непоправимое? Ничего, рѣшительно ничего! Онъ забылъ объ ней, но это потому только, что онъ думалъ о несравненно болѣе важномъ, о такомъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть ему судьи.

Такъ онъ долженъ поступать, такъ нужно для дѣла, вся тяжесть котораго падетъ на него, а одно наслажденіе онъ отдастъ другимъ. Какъ не помнила она этого, какъ могла сердиться! Теперь Анна сознавала совершенно ясно, что̀ именно влечетъ ее къ этому человѣку: напрасно мечтать или усиливаться сравниться съ нимъ. Можетъ быть онъ не совершеннѣе, быть можетъ не всегда даже умнѣе другихъ, но не такой онъ, какъ всѣ остальные. На него никто не наложитъ цѣпей. Онъ неуловимъ въ томъ загадочномъ мірѣ, куда никто не проникалъ и никто не проникнетъ. Ни тѣ, которыя его любили, и ни та, которую онъ обожалъ.... Для всѣхъ закрытый міръ, ему принадлежащій безраздѣльно, гдѣ онъ живетъ одинъ, ни въ комъ не нуждаясь, никого не любя, никого не помня... О, это счастіе и пытка вмѣстѣ!

Анна сидѣла передъ туалетомъ, стиснувъ на колѣняхъ руки, изъ которыхъ выскользнула и разсыпалась ея длинная, темная коса. Зеркало отражало взволнованное лицо, въ которомъ мелькали то нѣжность, то испугъ. Такъ вотъ, наконецъ, тотъ, который возьметъ ея душу, ея волю, ея жизнь... Возьметъ, если даже она не нужна ему, если онъ остановилъ на ней случайно мимолетное вниманіе...

Такъ застала барышню Павла Егоровна, явившаяся съ докладомъ, что баринъ пріѣхалъ изъ города и безпокоится, почему она не встаетъ такъ поздно.

Пріѣхалъ! Въ одинъ мигъ всѣ мысли вылетѣли изъ головы. Анна спѣшила едва дыша, чуть не плача, когда прическа не ладилась, тесемки путались, понадобилось зашивать кружево, оборванное вчера въ саду. Пріѣхалъ! Никогда еще не пріѣзжалъ такъ рано. Ждетъ... Сердится... Пожалуй не станетъ ждать такъ долго — уйдетъ куда-нибудь! Анна измучилась, пока, наконецъ, была совсѣмъ готова, дурно-причесанная, непривычно разгорѣвшаяся.

Тѣмъ временемъ Алѣевъ на балконѣ читалъ, бережно разрѣзывая листы черепаховымъ ножичкомъ. Свѣжій, ясный и безо всякой тревоги, но съ еще болѣе окрѣпшимъ, съ еще опредѣлившимся ощущеніемъ внутренней подобранности, готовности къ чему-то... Вотъ, наконецъ, Анна идетъ на балконъ своей прелестной, чуть колеблющейся походкой.

— Итакъ, милая Муза, тайна ваша, наконецъ, обнаружена! Теперь не увѣрите меня, что вы не сочиняете по ночамъ стиховъ, когда вы спите потомъ такимъ образомъ до обѣда!

Онъ не обдумывалъ заранѣе, какъ они встрѣтятся, шутка сорвалась сама собою. Они поздоровались, взглянули въ глаза

другъ другу и узнали, что сегодня не будетъ ничѣмъ похоже на вчера...

Сегодня не было больше никакихъ объясненій, никакихъ возвратовъ къ прошлому. Она понимала, что нужно забыть, — онъ никогда и не сомнѣвался, что все простятъ и забудутъ. Оживленные, возбужденные, они болтали съ возрастающимъ увлеченіемъ, точно спѣшили вознаградить себя за вынужденное молчаніе и за долгую разлуку. Говорили обо всемъ на свѣтѣ, только не о себѣ. Алѣевъ разъяснялъ, между прочимъ, значеніе книги, которую читалъ, знакомый съ нею заранѣе. Анна заспорила, не соглашаясь съ однимъ взглядомъ, который онъ высказалъ при этомъ. Она развивала мысль строго теоретически, и долго не могла понять, въ чемъ разница, почему онъ говоритъ, какъ будто нелогично. Не понимала до тѣхъ поръ, пока Алѣевъ, горячась, досадуя и усиливаясь втолковать, не привелъ живого примѣра, самаго будничнаго, вульгарнаго, но который разомъ освѣтилъ все.

— Поняла, поняла, молчите! — крикнула Анна и схватила его крѣпко за руку, чтобы заставить бросить, не говорить напрасно.

Алѣевъ разсмѣялся и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку съ такимъ хорошимъ, товарищескимъ порывомъ, что она даже не смутилась.

Онъ любилъ, какъ она говорила—немного туманно, волнуясь всѣмъ существомъ, съ живыми жестами, красивыми, какъ были красивы всѣ ея движенія. Ему нравилось, какъ она слушала—отдаваясь вся, угадывая съ полуслова, интересуясь страстно. Все чаще и чаще онъ чувствовалъ то, что уже раньше поражало его: нѣчто общее, сходное между собой и этой дѣвушкой. Она понимала его безъ всякаго усилія, проникала, угадывала! Она относилась самостоятельно и критически, безъ тѣни подобострастія, которое онъ встрѣчалъ слишкомъ часто, безъ искусственнаго паѳоса или неестественной сдержанности. Онъ читалъ на лицѣ всѣ ея впечатлѣнія.

— Какой вы счастливецъ!—восклицала она, сжимая руки:— вы все это видѣли, знаете, испытали!

— Нѣтъ, вы счастливица, потому что у васъ все это впереди,—отвѣчалъ онъ.

— Все?! частица развѣ самая маленькая! Ну, да, путешествовать я, разумѣется, поѣду, какъ только найду себѣ товарища.

— Меня возьмите, я могу быть недурнымъ чичероне.

— А вы—вздумали поѣхать—вамъ никого не нужно! И вы еще вѣрите въ женскую самостоятельность!

— А вы желали бы ѣхать одна?

— Нисколько, сохрани Богъ!

— Такъ вотъ, самостоятельность настанетъ только тогда, когда вы будете такъ же исключительно разсчитывать на себя, какъ разсчитываетъ нашъ братъ.

— А когда это будетъ?

Алѣевъ драматически развелъ руками.

— А что до тѣхъ поръ? — продолжала допрашивать Анна.

— До тѣхъ поръ вы будете насъ любить...

Алѣевъ являлся рано, уѣзжалъ поздно. Надо же воспользоваться хоть поздними каникулами! Какой добрый геній шепнулъ ему, чтобы онъ отложилъ ихъ на этотъ разъ до осени? Обыкновенно онъ дѣлаетъ обратно: отдыхаетъ лѣтомъ, а работаетъ осенью... не странно ли это? Всегда онъ зналъ въ себѣ нѣкоторую склонность къ фатализму, хоть и боролся противъ нея въ качествѣ реалиста, какимъ онъ себя считалъ. Стоило ему только полѣниться и отдаться соблазнительному бездѣлью, какому предавались всѣ вокругъ него; стоило принять которое-нибудь изъ убѣдительнѣйшихъ приглашеній, какія со всѣхъ сторонъ сыпались на него весною; стоило, наконецъ, увлечься чуточку серьезнѣе любой изъ собственныхъ фантазій, смѣнявшихся чуть что не ежедневно въ его лѣтнихъ планахъ, — и тогда что бы было теперь? Анна не нашла бы его въ Петербургѣ. За которымъ изъ двухъ жениховъ она была бы теперь замужемъ?

Алѣевъ лучше понималъ теперь, какъ она попала въ подобную путаницу—она, такая добросовѣстная и искренняя! Никто не могъ сближаться съ нею безнаказанно, не поддаваясь обаянію ея—не веселости ея, а постояннаго одушевленія, печальнаго или веселаго, смотря по обстоятельствамъ. Въ ней было не кокетство, намѣренное и разсчитанное, а кокетливость невольная, инстинктивная, какъ ароматъ, присущій цвѣтку. Въ ней было странное соединеніе серьезности и глубины съ причудливымъ непостоянствомъ мыслей и влеченій. Можно изучить ее хорошо, но нельзя никогда разсчитать безошибочно, что дастъ каждая новая встрѣча. Нельзя угадать, что задѣнетъ ее, сдѣлаетъ сильное впечатлѣніе, и на что она взглянетъ неожиданно съ неженской широтой сужденія, съ полнымъ отсутствіемъ условной щепетильности. Онъ говорилъ ей иногда, что она капризна, потому что онъ не находилъ другого эпитета, но на его глазахъ она пропускала именно тѣ поводы для капризовъ, за которые ухватились бы всѣ другія женщины, какихъ онъ зналъ. Онъ все чаще и чаще сталъ опять называть ее Музой.

LIII.

Насталъ день обѣда.

Анна упорно возражала: гораздо лучше ей провести этотъ день въ городѣ. Алѣевъ истощилъ всѣ доводы; онъ больше не спорилъ, а прямо садился къ столу и принимался писать отказъ своимъ гостямъ. Не ясно ли, что вся затѣя для нея?

— Посмотрите, до чего вы одичали въ своей провинціи, — вы людей боитесь!—стыдилъ онъ Анну.

Странно, но она точно трусила. Отвыкла отъ подобнаго общества: вѣдь это все люди чѣмъ-нибудь извѣстные.

— Что и говорить—*имена* одни!—подтруниваль Алѣевъ съ сильной дозой ироніи.

Его очень занималъ этотъ обѣдъ. Онъ ясно представлялъ себѣ, въ какой мѣрѣ его гости заинтригованы. Всѣ рвутся разглядѣть поближе Анну и украдкой дружески пошпіонить за нимъ. Алѣевъ обѣщалъ себѣ много забавнаго и намѣренно избѣгалъ всякаго давленія на Анну; онъ ничего не хотѣлъ сказать ей, кромѣ именъ своихъ гостей. Тѣмъ хуже для нихъ, если имена эти говорятъ сами по себѣ такъ мало! Согласился только дать прочесть послѣднюю повѣсть молодого беллетриста, съ которымъ она вовсе не была знакома.

— Не слѣдуетъ отставать отъ отечественной литературы, — прибавилъ онъ при этомъ наставительно.

Анна читала до двухъ часовъ ночи.—„Нѣтъ, устала, не могу!.. Завтра пойму лучше“,—рѣшила она, задувая свѣчу.

— Какъ же вамъ понравилось?—освѣдомился серьезно Алѣевъ.

— Нѣтъ... не понравилось!—отвѣтила она съ сожалѣніемъ, не спуская съ него глазъ, чтобы угадать его мнѣніе.

— Отчего же?

— Блѣдно... Скучно... Однимъ словомъ, я заснула въ ту же секунду, какъ задула свѣчу, и никакихъ опредѣленныхъ мыслей не могла собрать на утро. Это хорошій писатель?

— Говорятъ.

— А вы?

— Я не говорю ничего.

Къ половинѣ дня у Анны слегка разболѣлась голова; она поблѣднѣла и сдѣлалась очень молчалива.

Гости съѣхались всѣ разомъ, съ однимъ поѣздомъ; никто не отказался отъ приглашенія Алѣева. Кочетова—молодая еще дама въ чорномъ шелковомъ платьѣ, съ золотымъ значкомъ на груди,

съ внимательнымъ и любезнымъ выраженіемъ въ лицѣ, ни красивомъ, ни дурномъ—долго перечисляла хозяину, сколько неудобствъ ей пришлось преодолѣть, для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе пріѣхать къ нему.

— Вы скоро уѣзжаете, я слышала?—прибавила она, точно соболѣзнуя.

— Да, скоро, — отвѣтилъ Алѣевъ и почувствовалъ на себѣ быстрый взглядъ Анны.

Его отвѣтъ подхватили: — Куда онъ уѣзжаетъ? — когда? — зачѣмъ?

— Господа!—у меня сегодня только обѣдъ, но не допросъ! —шутливо возвысилъ голосъ Алѣевъ, обороняясь.

Ольга Семеновна дѣйствительно давно высохла; но она „прекраснѣйшій человѣкъ", это можно сейчасъ же прочесть въ ея большихъ, близорукихъ глазахъ и въ необыкновенно симпатичной улыбкѣ поблекшихъ губъ. На ней было очень свѣтлое, почти бѣлое платье и яркій синелевый шарфъ, которымъ она живописно драпировалась.

Алѣевъ подвелъ къ Аннѣ автора повѣсти; госпожа Голубина чрезвычайно заинтересована его произведеніями. Анна смутилась. Молодой человѣкъ съ апломбомъ занялъ стулъ, уступленный ему Ольгой Семеновной. Она устремилась въ кабинетъ за хозяиномъ, котораго призывали туда нѣсколько голосовъ.

— Николай Николаичъ! куда же вы бѣжите? Знаете— она прелестна, ваша крестница!!

— Кто это моя крестница?— остановился пораженный Алѣевъ.

— Голубина,—намъ Моховъ сказалъ!

Моховъ не уходилъ съ балкона и пожиралъ Анну глазами, въ то время, какъ она серьезно бесѣдовала о литературѣ и въ полчаса времени успѣла выслушать отходную полдюжинѣ всѣмъ извѣстныхъ репутацій. У нея очень скоро пропала охота возражать.

Трое господъ бесѣдовали между собой, стоя наискосокъ отъ нихъ. Пожилой профессоръ въ очкахъ, съ пріятнымъ, не то печальнымъ, не то утомленнымъ лицомъ, разъяснялъ что-то монотоннымъ голосомъ, дѣлая однообразный жестъ рукой, державшей сигару. Толстый, приземистый старичокъ сочувственно кивалъ ему головой и сердито взглядывалъ на Анну, потому что взглядъ самъ собою упадалъ на нее, когда онъ поднималъ глаза. Третій, высокій, черноволосый юноша, нервно вертѣлся и порывисто вталъ въ разговоръ, съ одинаковымъ жаромъ обращаясь къ обоимъ.

Анна смотрѣла на нихъ, въ то время какъ по ея правую руку говорилось съ ядовитымъ сожалѣніемъ, что ея любимый

авторъ давно исписался... то-есть, конечно, и онъ могъ бы еще дать кое-что, еслибъ пожелалъ отрѣшиться отъ отжившихъ пріемовъ. Другое дѣло—ихъ милѣйшій хозяинъ! Полились похвалы, неумѣренныя, наскоро и безъ разбора выкраиваемыя изъ всего, что приходило на умъ лестнаго.

Молодой авторъ очень скоро пришелъ къ заключенію, что „интересная особа“—не болѣе какъ изящная кукла, способная только на безцвѣтныя реплики. Моховъ поймалъ нетерпѣливый взглядъ Анны и подошелъ съ другого конца балкона: хорошо знакома она съ Павловскомъ? — какъ ей нравится знаменитая Бѣлая дача?

Кукла оживилась и, въ знакъ признательности за избавленіе, до самаго обѣда болтала весело и оживленно съ этимъ „гороховымъ шутомъ“ Моховымъ.

— Развѣ ты серьезно ѣдешь куда, Николай?—придержалъ Алѣева въ дверяхъ кабинета, пропустивъ впередъ остальныхъ, господинъ его лѣтъ. Онъ все время просматривалъ за письменнымъ столомъ какую-то новую брошюру и не вступалъ ни въ какіе разговоры.

Алѣевъ отвѣтилъ не вдругъ:

— Задачу задалъ, братецъ... Самъ не знаю, ѣду ли, нѣтъ ли!

Они серьезно посмотрѣли въ глаза другъ другу.

— Зачѣмъ же говоришь?—знаешь вѣдь, что подхватятъ и разнесутъ по міру, какъ сорока на хвостѣ.

Алѣевъ пренебрежительно махнулъ рукой.

— Книга готова? Вчера попалось новое подтвержденіе.

— Будетъ готова. Можешь думать?—добрую четверть передѣлалъ въ послѣднія двѣ недѣли!—оживился Алѣевъ:—Никогда еще этого со мной не бывало.

— Гм... Доволенъ теперь?

— Доволенъ, что сдѣлалъ, а какъ вышло—и по сейчасъ не знаю. Отвлекся. Слава Богу, сдано все до послѣдняго листа и даже корректуру за меня держитъ Ерзовъ. Усталъ, ну его!—все равно, дѣло пропащее.

Николай Николаевичъ нервно ронялъ слова. Сѣрые глаза собесѣдника не отрывались отъ его лица.

— Какъ такъ—пропащее?

— А вотъ увидишь!

— Ну, да вѣдь ты и всегда такъ: какъ сдалъ въ типографію, такъ и разочаровался, пока первый готовый экземпляръ въ руки не попадется.

— Давай Богъ!—вздохнулъ отъ глубины души Алѣевъ.

Ихъ ждали. Гости толпились у закуски, поджидая хозяина.

— Николай Николаичъ! Что ли, вы до звѣзды поститесь нынче?

Алѣевъ встрепенулся и повлекъ Малинарскаго къ столу.

Анна напрасно мечтала, что Алѣевъ сядетъ за обѣдомъ около нея. Онъ подалъ руку Кочетовой и Ольгѣ Семеновнѣ, сіявшей точно именинница въ своемъ свѣтломъ платьѣ. Мѣсто Анны оказалось на противоположной сторонѣ стола; по одну сторону ея онъ усадилъ упиравшагося незамѣтно для другихъ Малинарскаго, по другую — извѣстнаго композитора, съ красивымъ и надменнымъ лицомъ, пріѣхавшаго позднѣе всѣхъ на лошадяхъ изъ Царскаго. Остальные разсаживались, какъ хотѣли. Моховъ очутился черезъ стулъ отъ Анны и услуживалъ ей, безцеремонно игнорируя раздѣлявшаго ихъ сосѣда. Разговоръ шелъ въ разбивку, оживленнѣе на мужскомъ концѣ. Кочетова черезъ столъ принялась съ интересомъ разспрашивать Анну объ ея планахъ, видимо поражаясь ихъ неопредѣленностью.

— Позвольте!—да развѣ же съ редакціей у васъ дѣло не состоялось?!.. — воскликнулъ внезапно Моховъ:—Стало быть, вы не пошли на ихъ условія, Анна Владиміровна?

Алѣевъ поставилъ обратно бутылку, которую только бывозялъ въ руку, и густо покраснѣлъ, какъ краснѣютъ въ извѣстные годы только отъ досадной внезапности.

— Говорилъ—сороки на хвостѣ!—послалъ ему черезъ столъ громкимъ шопотомъ Малинарскій, прикрывая ротъ рукой.

Моховъ вскочилъ съ мѣста и за стуломъ Анны съ жаромъ толковалъ обо всемъ томъ, что Алѣевъ такъ старательно скрывалъ отъ нея. Она слушала, откинувъ въ полуоборотъ голову, опустивъ глаза. „Камея!“—думалъ Алѣевъ, слѣдя тревожно за выраженіемъ ея тонкаго профиля.

— Благодарю васъ, м-г Моховъ,—отвѣтила Анна сдержанно:—Я завтра же побываю въ редакціи. Николай Николаичъ былъ такъ занятъ это время, что позабылъ сообщить мнѣ эти интересныя вещи.

Моховъ сіялъ. Онъ утромъ побываетъ въ редакціи, предупредитъ. Жена редактора—его родная кузина. Онъ ужъ чокался съ Анной за успѣхъ переговоровъ.

Композиторъ заговорилъ о новомъ изданіи, о художественныхъ изданіяхъ вообще у насъ и за границей, объ изданіяхъ спеціально музыкальныхъ, наконецъ вообще о музыкѣ. Анна старалась слушать внимательно и не поддаваться закипавшей тревогѣ. Почему могъ Алѣевъ скрыть отъ нея?! Она не смотрѣла на него.

Музыкантъ говорилъ интересныя вещи. Анна стала возражать съ своей всегдашней горячностью. Кто-то сказалъ ему, что она поетъ. Анна отнѣкивалась, смѣясь.

— Какъ, вы и поете вдабаьокъ?!..—подхватилъ восторженно Моховъ:—что за невозможное обиліе талантовъ! вы не знаете, Анатолій Львовичъ, вѣдь Анна Владиміровна—и скульпторъ, и живописецъ! Она меня ни за что не хочетъ припомнить, но я бывалъ у покойника Голубина и видалъ ея работы...

— Это чистѣйшій вымыселъ, Моховъ!—остановилъ его внезапно рѣзкій голосъ:—вы никогда не были у Петра Голубина.

Моховъ оглянулся съ искреннимъ недоумѣніемъ, для чего это хозяину понадобилось мѣшать ему? Изъ его взгляда онъ ровно ничего не понялъ.

— Я еще поблагодарю васъ послѣ обѣда!—послалъ ему сквозь зубы Алѣевъ.

— Что такое?—какая муха его укусила? Егоръ Семеновичъ, объясните, сдѣлайте милость, вы вѣдь читаете въ мысляхъ другъ у друга.

— Нѣтъ ужъ я не отниму у него хоть этого-то удовольствія, —проворчалъ и Малинарскій сердито.

Анну со всѣхъ сторонъ осаждали вопросами, затрагивая больное мѣсто, о которомъ было мучительно говорить. Кочетова совѣтовала заняться прикладною живописью, если она не обладаетъ достаточно яркимъ дарованіемъ, для того чтобы избрать карьеру чисто художественную. Одна ея пріятельница рисуетъ по фарфору и недавно получила отличное мѣсто при фабрикѣ. Это, пожалуй, легче и пріятнѣе, чѣмъ убить цѣлые годы на изученіе медицины, для того, чтобы потомъ, сплошь и рядомъ, сидѣть безъ куска хлѣба, перебиваясь до сѣдыхъ волосъ по-студенчески, грошевыми уроками. Вопросъ сейчасъ же сталъ на практическую почву въ рукахъ человѣка, прошедшаго суровую школу настоящей нужды и привыкшаго обобщать занятіе съ заработкомъ.

Композиторъ горячо обрушился на всевозможные модные суррогаты серьезнаго искусства—безобразныя олеографіи, разрисованныя тарелки, дощечки и тряпочки, убивающія искусство и таланты, роняющія вкусъ, понижающія потребности! Въ публикѣ развивается настоящая страсть къ дешевинкѣ. Свои эстетическія потребности она уже не согласна удовлетворять иначе какъ за грошъ. Денегъ нѣтъ?—сдѣлайте одолженіе, тутъ дѣло не въ недостаткѣ, а въ направленіи! Деньги есть на игру, на кутежъ, на всевозможныя безобразія; тысячи людей средняго достатка хладнокровно проиграютъ въ винтъ десять рублей, но они же отбро-

сять съ неподдѣльнымъ ужасомъ книгу, стоющую три, какъ будто она ужалила имъ руку. Сотни и тысячи рублей оставляются въ ювелирныхъ магазинахъ, но едва ли кому-нибудь приходитъ въ голову поднести въ подарокъ своей невѣстѣ или возлюбленной прекрасную картину вмѣсто блестящаго стеклышка, художественную статую вмѣсто фарфоровыхъ куколокъ. Денегъ нѣтъ? Сосчитайте, сколько вывозятъ изъ Россіи иностранныя балерины и примадонны; спросите, во что обходятся цвѣточные дожди въ декабрѣ и прочія геніальныя затѣи, которыми сѣверные варвары доказываютъ свое пониманіе искусства. Театры пустуютъ, частныя антрепризы лопаются фатально и неизбѣжно, художники голодаютъ, издатели разоряются, журналы влачатъ жалкое существованіе, а ѳ-бокъ съ этимъ роскошь все только ростетъ и ростетъ. Но роскошь чисто лавочная, шаблонная, утробная! У кого нѣтъ настоящаго пониманія и искренней потребности, надъ тѣмъ всесильно властвуетъ мода,—то, что̀ принято, что̀ даетъ шикъ. Такъ всегда было споконъ вѣковъ. Въ вѣкъ возрожденія духъ времени создалъ моду на искусства, тиранически заставляя всѣхъ интересоваться ими и тянуться за отдѣльными истинными знатоками и любителями. Въ наши дни мода лишь на то, что̀ доступно каждому туго набитому карману, на то, что̀ усыпляетъ мысль и питаетъ дурныя страсти. Правда, цивилизованное человѣчество никогда не жило въ большихъ ладахъ съ суровою моралью,—но, по крайней мѣрѣ, оно умѣло наслаждаться и даже развратничать утонченно! Въ обществѣ изящныхъ античныхъ гетеръ или блестящихъ, высокопоставленныхъ куртизанокъ не было достаточно одной толстой мошны,—считалось обязательнымъ блистать остроуміемъ, талантами и заслугами. Наканунѣ двадцатаго столѣтія открыто и беззастѣнчиво царитъ ничѣмъ неприкрытый продажный развратъ. Въ будуарахъ невѣжественныхъ и алчныхъ современныхъ Аспазій можно дебатировать съ интересомъ развѣ о поучительныхъ подробностяхъ послѣдней колоссальной кражи или какого-нибудь необычайно блистательнаго и шикознаго разоренія!

— Ахъ, вотъ какую старину онъ припомнилъ!—подхватилъ иронически Алѣевъ:—турниры остроумія! школы утонченнаго изящества! блестящее и всестороннее образованіе горсти избранныхъ счастливцевъ, за каждаго изъ которыхъ гнули спины тысячи безгласныхъ рабовъ?.. Tempi passati, милѣйшій! Мы гораздо ближе подходимъ къ этимъ рабамъ, чѣмъ къ ихъ господину. Современному среднему интеллигенту вовсе не до остроумія и изысканности въ его тяжеломъ рабочемъ хомутѣ. Еще не вступая въ жизнь, онъ успѣваетъ заморить свою фантазію надъ суровой, сухой наукой.

За своей необъятностью, дробясь все мельче и мельче на отдѣльныя спеціальности, эта наука не даетъ больше того, что̀ понимается подъ образованіемъ, которымъ можно блистать. Она не даетъ готовыхъ стройныхъ обобщеній и широкихъ философскихъ взглядовъ, безъ которыхъ можно быть прекраснымъ спеціалистомъ и очень полезнымъ человѣкомъ, но нельзя быть истинно развитымъ, просвѣщеннымъ умомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Убивая всѣ силы, всю свою энергію на грызню за существованіе, отнюдь уже не возвышающую духа, — растративъ лучшій пылъ юности на отчаянную борьбу за какое-нибудь мѣсто на этой аренѣ, гдѣ прежде каждый юноша требовалъ отъ себя свободныхъ и добровольныхъ подвиговъ, — истощивъ свою нервную систему къ двадцати годамъ и облысѣвъ къ тридцати, не всего ли естественнѣе ему махнуть рукой на такую добавочную потребность, какъ эстетическіе вкусы?.. Ошалѣвъ отъ поденщины, онъ ищетъ отдыха наиболѣе упрощеннаго и наименѣе требующаго отъ него самого. При такихъ условіяхъ не у всякаго уцѣлѣетъ охота заниматься и романической любовью. Она также требуетъ усилій, досуга и переполняетъ жизнь волненіями! Большинство непрочь поволочиться на досугѣ за невзыскательной красавицей, пожуировать на даровщинку, зорко высматривая въ то же время если не прямо извѣстный кушъ, такъ то, что̀ зовется партіей *съ разсчетомъ*. Вотъ нашъ романтизмъ двадцатаго столѣтія! Аспазіи?.. прошло ихъ время. Въ эпоху рабства женщины свободная любовь являлась единственнымъ возможнымъ протестомъ — любовь, замѣтьте! въ наши дни Аспазія не была бы падшей женщиной. Гетеры и куртизанки — это не наши хладнокровныя кокотки, отправляющіяся въ чужую страну нагло и грубо обирать глупцовъ, гоняющихся за французскимъ ярлыкомъ на женщинѣ, какъ на галантерейномъ товарѣ!..

За столомъ поднялась цѣлая буря: какъ! онъ оправдываетъ меркантильность вкусовъ, паденіе нравовъ, онъ унижаетъ науку?!

— Любви нѣтъ? какъ позволить себѣ такъ унижать цѣлыя поколѣнія!.. какъ такъ любви нѣтъ?! докажите! — кипятился черноволосый юноша, за неимѣніемъ другого слушателя, осаждая молчаливаго старичка.

Всѣ заговорили разомъ. Споръ быстро поднялся до того градуса, гдѣ трудно понимать другъ друга въ хаосѣ отдѣльныхъ восклицаній и поспѣшныхъ возраженій на замѣчанія, подхваченныя на-лету. Анна то-и-дѣло мѣняла оппонентовъ, не договоривъ всего, что̀ могла, что̀ хотѣла сказать, и подхватывая съ азартомъ новую тему, чѣмъ-нибудь задѣвавшую ее. Моховъ давно вскочилъ съ своего мѣста и вертѣлся за ея стуломъ со стаканомъ въ рукѣ,

пользуясь каждой минутой, чтобы выражать ей свои восторги. Но Анну занимало гораздо больше то, что говорили другіе. Ее восхищало каждое замѣчаніе Кочетовой, рѣзавшей рѣшительно, дѣльно, хоть подчасъ вульгарно и черезъ-чуръ безцеремонно. Въ началѣ обѣда Аннѣ казалось, что интересный композиторъ высказываетъ ея собственныя мысли, но потомъ она рѣшительно перешла во враждебный лагерь и торжествовала каждую побѣду его противницы.

Въ залѣ стоялъ невообразимый гамъ; было очень жарко. Анна замѣчала, что Алѣевъ пристально слѣдитъ за ней, но не было возможности сосредоточиться на какой-нибудь мысли. Хозяинъ давно не вмѣшивался больше въ разговоръ, ограничиваясь короткими отвѣтами, когда у него ихъ прямо требовали.

— Вы чѣмъ-то недовольны?—спросила Анна мелькомъ, хоть недавно еще она давала себѣ слово не заговаривать съ нимъ, а на досугѣ потребовать серьезнаго объясненія по поводу редакціи.

— Да, я крайне недоволенъ,—отвѣтилъ Алѣевъ серьезно.

— Вы нелюбезный хозяинъ сегодня!—замѣтилъ кто-то.

— Развѣ вамъ было скучно?

Нѣтъ, всѣмъ было весело и всѣхъ веселѣе Аннѣ.

LIV.

Послѣ обѣда общество перешло на балконъ и разбилось на группы. Кочетова усадила Анну около себя и принялась разспрашивать о результатахъ ея хлопотъ въ городѣ, о квартирѣ, о цѣнахъ, о ея ближайшихъ намѣреніяхъ. Анна отвѣчала нехотя. Она не понимала, какъ можно такъ сразу отрѣшиться отъ интересныхъ мыслей и начать неподдѣльно интересоваться всѣмъ житейскимъ. Она отвѣчала разсѣянно, занятая тѣмъ, что бродило еще въ разгоряченной головѣ.

„Ну, моя милая, толку изъ тебя, должно быть, никогда не выйдетъ... Видна птичка по полету“, рѣшила окончательно практическая женщина. Она съ интересомъ наблюдала за Анной весь день и была сильно разочарована. Обыкновенная хорошенькая дѣвушка, которой кажется, что она черезъ-чуръ прекрасна для того, чтобы жить, какъ живутъ другія. Такимъ всегда мерещится, что онѣ созданы для подвиговъ, хоть на дѣлѣ всѣ эти подвиги кончаются съ первой любовью. Безспорно, она прелестна, но именно эти-то прелестныя особы и губятъ женское дѣло, въ которомъ

онѣ нисколько не нуждаются! Гораздо безвреднѣе ихъ незамысловатыя бабенки, непричастныя никакимъ идеямъ.

Критическія мысли мадамъ Кочетовой отразились невольно на ея обращеніи; она еще настойчивѣе принялась выспрашивать Анну, подчеркивая каждый разъ шутливо ея непрактичность, иронизируя надъ туманностью ближайшаго будущаго и надъ равнодушіемъ Анны къ столь, казалось бы, серьезному обстоятельству. Анна не могла не почувствовать непріязненнаго тона. Защищаясь, задѣтая безцеремонной насмѣшкой, она невольно высказывалась больше, чѣмъ хотѣла. Тогда ей прочли цѣлую лекцію о широкомъ деревенскомъ поприщѣ, о живомъ, насущномъ дѣлѣ у всякаго подъ рукой и отъ котораго странно бѣжать, не имѣя передъ собой ясной и опредѣленной цѣли. Но, безъ сомнѣнія, въ деревнѣ скучно! есть натуры, которыя не могутъ обойтись безъ вѣчной смѣны впечатлѣній...

Анна была счастлива, когда ихъ разговоръ прервали: Моховъ подошелъ звать ее пройтись по саду.

— Ну, Моховъ нашъ совсѣмъ готовъ, какъ водится!—сказалъ и придвинулся къ Кочетовой профессоръ, курившій по близости и кое-что уловившій изъ разговора дамъ.

— Еслибъ не было Моховыхъ, то что бы дѣлали такія красавицы?—отвѣтила она, провожая Анну глазами.

— Женскій судъ, какъ и слѣдовало ожидать, не отличается снисхожденіемъ?—поддразнилъ онъ.

— На войнѣ снисхожденіе равняется преступленію.

— А вы все воинствуете? даже и по достиженіи генеральскаго чина?

Алѣевъ и Малинарскій между тѣмъ медленно прохаживались по саду въ виду балкона. Николай Николаевичъ былъ замѣтно пасмуренъ. Онъ раскаявался теперь въ затѣянномъ обѣдѣ, хоть и доставилъ имъ очевидное удовольствіе своей гостьѣ. Предстояло выяснить вопросъ о редакціи, и онъ не зналъ, чего держаться. Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ изданія, предвидѣлъ, что деньги пропадутъ, но не менѣе ясно предвидѣлъ и то, что Анну это не остановитъ. Алѣевъ былъ страшно золъ на Мохова, а его открытое ухаживаніе бѣсило его еще больше. Увидѣлъ дѣвушку въ первый разъ—и чуть-что въ любви не объясняется на глазахъ у цѣлаго общества!

— Моховъ становится чистѣйшимъ нахаломъ!—не удержался Алѣевъ, когда Анна съ цѣлой компаніей прошла мимо нихъ въ глубь сада, весело болтая.

тѣвшимъ трельяжемъ и желтыми листьями на землѣ и на скамьяхъ. Въ этомъ уголкѣ осень ощущалась какъ-то особенно замѣтно.

Но элегическая обстановка очевидно вовсе не дѣйствовала удручающе на молодую компанію. Здѣсь были Моховъ, черненькій Ивановъ и неуклюжій Козевичъ, страдавшій мучительными припадками застѣнчивости; до обѣда онъ упорно прятался въ кабинетѣ и только послѣ шампанскаго, которымъ хозяина поздравляли съ его новымъ дѣтищемъ, онъ настолько расхрабрился, что отважился присоединить свой голосъ къ безпорядочно шумѣвшему обществу. Забрелъ мимоходомъ „на голоса“ и беллетристъ, разочарованный въ Аннѣ и долго блуждавшій въ одиночку по саду. Было видимо очень весело.

Алѣевъ пріостановился у входа, приглядываясь.

Анна первая увидала его.

— А-а! Хозяинъ вспомнилъ, наконецъ, и о нашемъ существованіи!

— Здѣсь такъ весело, что совѣстно нести мою сѣдую голову въ вашъ молодой кружокъ.

— И вы не боитесь, что одна изъ дамъ приметъ это за личность?—воскликнула съ добродушнымъ смѣхомъ Ольга Семеновна.

— Нѣтъ, вы слишкомъ добры и вы вѣчно юны сердцемъ! Это стоитъ молодости многихъ и многихъ разсудительныхъ особъ.

— Ну, знаете, я все-таки предпочла бы настоящую, а не иносказательную молодость!

Странное побужденіе заставляло его касаться постоянно больного мѣста. Многое отдалъ бы онъ за десять лѣтъ жизни, отсчитанныхъ назадъ! „Блаженъ, кто во-время созрѣлъ“... Помириться съ этимъ возможно ли? Можно ли хладнокровно чувствовать, что спускаешься неудержимо подъ гору, и сзади напираютъ, обгоняя, новые попутчики, о которыхъ не такъ давно еще и помину не было. *Конецъ*—какое горькое, отчаянное слово! Дальше будетъ ужъ легче. Протесты улягутся мало-по-малу. Постепенно установится равновѣсіе между внутренними запросами и доступными интересами... Тогда опять водворится миръ, озаренный меланхолическимъ отблескомъ воспоминаній, какъ ландшафтъ, готовый погрузиться во мракъ, освѣщается потухающей зарей. Но до этого еще далеко, его солнце еще стоитъ на горизонтѣ—и не одно, два солнца! Онъ проходилъ свой путь при этомъ двойственномъ блескѣ: видѣлъ и ощущалъ многое, что, быть можетъ, ускользнуло бы при обычныхъ условіяхъ. Терзался несуществующими для другихъ страданіями, радовался добавочными, не всѣмъ доступными,

радостями. О, конечно, и мракъ не одолѣетъ его легко! Второе солнце будетъ свѣтить и позднимъ вечеромъ, будетъ свѣтить еще ярче надъ его могилой!

Все это быстро проносилось въ умѣ Алѣева, пока его взглядъ скользилъ задумчиво по молодымъ лицамъ, столпившимся около бассейна. Слухъ ловилъ не слова, а только звуки голосовъ и между ними измѣнчивый, гибкій голосъ дѣвушки въ черномъ платьѣ, о которой одной онъ продумалъ весь этотъ день, одну ее видѣлъ въ толпѣ.

LV.

Гости расходились. Большинство уѣзжало съ ближайшимъ поѣздомъ; молодежь отправлялась на музыку.

— Вы, стало быть, ѣдете въ городъ вмѣстѣ съ нами? — спросила Кочетова, обращаясь къ Алѣеву.

Ему только и осталось, что уѣхать. Онъ проклиналъ свой обѣдъ и вспоминалъ язвительно, какъ безпечно онъ готовился къ нему. Именно мелочи-то и складываются всего чаще совсѣмъ иначе, чѣмъ ждешь! Въ его душевномъ настроеніи совершился переломъ, отдѣлившій бездной утро этого дня отъ вечера. Онъ не испытывалъ никакой тревоги до тѣхъ поръ, пока былъ вдвоемъ съ Анной, пока видѣлъ ее и говорилъ съ ней сколько ему самому хотѣлось. Но вотъ она смѣшалась съ другими и какъ будто ускользаетъ отъ него... Она спорила, смѣялась, веселилась помимо него. Другихъ выслушивала съ тѣмъ же страстнымъ интересомъ, который онъ такъ любилъ въ ней. Что могло быть естественнѣе и что ему до этого? Съ какой стати у него какъ будто что-то отрывается отъ сердца! Онъ ненавидитъ безвреднаго вертопраха Мохова, презираетъ ядовито-самолюбиваго беллетриста, котораго снисходительно считалъ только круглой бездарностью. Онъ находитъ напыщеннымъ и до неприличія рисующимся талантливаго композитора, усыпительно скучнымъ профессора и чуть что не тупицей какой-то самое Кочетову, которую всегда уважалъ искренно. Онъ сожалѣетъ, что Ольга Семеновна смѣшна въ бѣломъ платьѣ съ своими институтскими нѣжностями, а его Егоръ такъ досадно ограниченъ при всѣхъ своихъ громадныхъ достоинствахъ. Всѣ вообще несносны и могутъ быть увѣрены, что въ послѣдній разъ въ это лѣто они пировали на Бѣлой дачѣ.

Анна никакъ не ожидала, что Алѣевъ уѣдетъ вмѣстѣ съ гостями. Она страстно ждала минуты, когда, наконецъ, можно будетъ

поговорить съ нимъ—вѣдь она потому только могла веселиться, и интересоваться другими, что въ глубинѣ души притаилась увѣренность, какъ недалека минута, когда они останутся одни. Онъ велъ подъ-руку въ вокзалъ не ее, а Кочетову, разсказывавшую ему съ азартомъ какія-то длиннѣйшія исторіи, но вѣрно скучнѣйшія! Эта дама удивительно какъ много говоритъ и все въ повѣствовательномъ или дидактическомъ родѣ.

Кавалеромъ Анны былъ, конечно, Моховъ. Въ нѣсколько пріемовъ онъ выражалъ свое желаніе и надежду скорѣе опять встрѣтиться съ нею. Онъ добивался, чтобы она, наконецъ, догадалась пригласить его къ себѣ, но Анна не догадывалась и просила его не хлопотать по ея дѣлу: она перемѣнила намѣреніе и завтра не можетъ быть въ редакціи.

— Вы всегда такъ непостоянны?—спросилъ онъ съ досадой, не постигая, почему вдругъ пропало все ея прелестное оживленіе.

Впрочемъ Моховъ отнюдь не былъ обезкураженъ. Онъ, тѣмъ не менѣе, завтра же съѣздитъ на дачу къ своей кузинѣ, а потомъ естественно явится къ Аннѣ съ докладомъ. Для него не представляло ни малѣйшей трудности втереться всюду, куда ему хотѣлось. Маленькія вольности прощаются гораздо легче, чѣмъ воображаютъ педанты, загромождающіе собственную жизнь всевозможными несносными тонкостями и пропускающіе всякое удовольствіе сквозь сито приличій. Онъ, по крайней мѣрѣ, не охотникъ скучать.

— До завтра!—проговорилъ тихо Алѣевъ въ послѣднюю минуту и сжалъ крѣпко руку Анны.

Два слова оживили ее, какъ струя свѣжаго воздуха оживляетъ испытывающаго дурноту. Сердце забилось точно птица,—въ первый разъ вѣдь это! Прощаясь, Алѣевъ не имѣлъ обыкновенія говорить, когда пріѣдетъ, хотя бы это должно было случиться завтра. Анна никогда не спрашивала его сама изъ деликатности, отъ странной связанности, какой она не испытывала ни съ кѣмъ, кромѣ этого человѣка. Она какъ будто начинала даже бояться его...

Кругомъ нея всѣ говорили о его дурномъ настроеніи сегодня. Моховъ позволялъ себѣ странные намеки, прося ее постараться „на пользу общую“ и утѣшить его. Не трудно понять смыслъ намековъ, но Анну они только пугали, только мучили, какъ мучитъ шутка, брошенная наобумъ и попадающая случайно въ больное мѣсто. Да, онъ недоволенъ чѣмъ-то... Но и она въ правѣ чувствовать себя обиженной недостаткомъ искренности и довѣрія, притомъ въ дѣлѣ, лично ея касающемся. Онъ что-то порѣшилъ за нее и даже не счелъ нужнымъ справиться съ ея мнѣніемъ.

— До завтра!—сказалъ очень тихо Алѣевъ, и во взорѣ, длившемся нѣсколько секундъ, Анна прочла тоску и тревогу, какой не видала до этой минуты.

Поѣздъ тронулся и поползъ мимо нея. Дѣвушка подняла обѣ руки къ вискамъ, пораженная волненіемъ, охватывавшимъ ей душу. Отчего? Что̀ случилось? Но что-то случилось, чего еще не могъ назвать умъ, только чуяло сердце, забившее тревогу, замиравшее новой, восхитительной мукой...

Какъ во снѣ, Анна побрела прочь съ платформы и сѣла на перваго попавшагося извощика, чтобы избавиться отъ проводовъ Мохова.

На дачѣ еще царилъ полный безпорядокъ: неубранный чайный столъ, уставленный винами и фруктами, безпорядочно сбитая мебель, зажженныя лампы во всѣхъ комнатахъ. Прислуга на свободѣ гремѣла посудой и копошилась въ заднихъ комнатахъ, усталая, еще не справившаяся со всей возней большого обѣда.

Анна сейчасъ же опять спустилась въ садъ. На нее производили раздражающее впечатлѣніе безмолвныя комнаты, сохранявшія еще слѣды движенія и веселья, царившаго здѣсь только-что. Воздухъ не успѣлъ остыть, пропитанный запахомъ табаку, духовъ, винныхъ паровъ и дыханіемъ десятка человѣческихъ грудей. Все разсѣялось, какъ сонъ! Опять она одна въ чужомъ домѣ, на который не имѣетъ никакихъ правъ, кромѣ любезности чужого человѣка. Для нея былъ этотъ пиръ, она была центромъ всеобщаго вниманія,—потому что такъ вздумалось ему!

„Завтра!“—повторяла Анна снова и снова, блуждая по темнымъ аллеямъ. Ну, да, вѣдь съ самаго своего возвращенія Алѣевъ пріѣзжалъ каждый день... Она пыталась увѣрить себя, что завтра не будетъ ничѣмъ отличаться отъ этихъ дней—и не могла. Но развѣ хоть одинъ изъ нихъ былъ похожъ на вчера? Что-то неудержимо ростетъ, развивается и крѣпнетъ быстро, какъ сказочный богатырь... Ростетъ и наполняетъ ее всю, до послѣдняго изгиба ея существа. Вытѣсняетъ все прошлое, все пережитое до этой минуты, покоряетъ волю и вливаетъ смутную, лучезарную надежду въ раскрытое, безпомощное сердце. Надежду? Онъ женатъ. Онъ немолодъ и не можетъ, не станетъ увлекаться, какъ юноша, привлекательной дѣвочкой, которую изъ великодушія взялъ подъ свое покровительство. Другъ? Нѣтъ—не другъ. Любовь это?!.. Анна прошептала этотъ вопросъ, и испугалась собственнаго шопота...

Она близко стояла къ любви, наполняла только ею свою жизнь, но до сихъ поръ испытывали любовь другіе, не она.

Она была поражена, почувствовавъ, что слезы льются горячей струей по ея лицу, поднимаются горькой волной въ груди. О чемъ плакать? развѣ это не счастіе?! да, да, счастіе! Въ Крымъ уѣдетъ. Сказалъ. Нѣтъ, не уѣдетъ! А если да?.. Если нѣтъ?..

Анна все дальше углублялась въ садъ, набрела на маленькую калитку и вышла на улицу. Нѣсколько фонарей, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, плохо освѣщали ее, и, казалось, дѣлали еще замѣтнѣе темноту августовской ночи. Было удивительно тепло. Звуки музыки доносились порывами изъ парка. Дачи свѣтились огнями. Нѣсколько темныхъ фигуръ скользили по противоположной сторонѣ, оживленно разговаривая.

Только она—одна!

— Сударыня, прикажите отвезти по пути? — предложилъ неожиданно извощикъ, возвращавшійся порожнемъ. На всякій случай онъ придержалъ лошадь, замѣтивъ темную фигуру у бѣлой рѣшетки.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы ей не вернуться на часокъ на музыку? По крайней мѣрѣ, люди вокругъ! Легче будетъ, чѣмъ въ этомъ домѣ...

Музыка гремѣла что-то шумное, побѣдное—увертюра какая-то. Анна была рада звукамъ, рада свѣту, людямъ. Она шла, ни во что не всматриваясь, двигаясь машинально, куда увлекалъ ее живой потокъ, разбившійся на двѣ встрѣчныя струи. Потокъ переливался непрерывно вокругъ тѣсныхъ рядовъ скамеекъ, плотно унизанныхъ яркими дамскими шляпками, военными фуражками и темными мужскими фигурами. Какъ настоящая рѣка, онъ переливался съ смутнымъ ропотомъ сдержанныхъ разговоровъ и съ монотоннымъ шуршаньемъ по песку безчисленнаго множества движущихся ногъ. А съ горящей эстрады лились волны звуковъ, заглушая этотъ монотонный шумъ, затопляя людскую толпу. Звуки взлетали къ черному ночному небу, разносились далеко по дремлющему парку и по затихшему городу, словно прислушивающемуся къ біенію этого живого пульса, яркаго центра, разсылающаго на всѣ стороны свою ликующую жизнь. Звуки проникали и въ огромный, полуосвѣщенный залъ съ убѣгающими вдаль монотонными рядами пустыхъ скамеекъ, а надъ скамьями—съ двойнымъ рядомъ колоссальныхъ женскихъ фигуръ, благосклонно склоняющихъ прекрасныя головы, будто прислушиваясь, что̀ лепечетъ пестрая толпа у ихъ подножій. Толпа отхлынула. Въ пустомъ, слабо-освѣщенномъ пространствѣ бѣлыя фигуры выдѣляются особенно отчетливо и величаво. Онѣ царятъ теперь здѣсь однѣ, его вѣрныя обитательницы, знающія всѣ тайны этой

залы, гдѣ кипитъ изъ года въ годъ напряженная жизнь праздной, отдыхающей, веселящейся толпы.

Аннѣ не случалось видѣть залу пустой вечеромъ. Она забрела отдохнуть и сейчасъ же почувствовала, что здѣсь ей будетъ всего лучше; пустое пространство казалось одушевленнымъ, но безъ раздражающей назойливости живой дѣйствительности, игнорирующей наше настроеніе и навязывающей деспотически свои впечатлѣнія.

„Скоро уѣду, и не увижу васъ больше!“—глядѣла Анна въ блѣдныя лица, грустныя въ полусвѣтѣ.

Необходимо скорѣе уѣхать, какъ можно скорѣе! Совладать съ собой, побѣдить эту страшную тоску, выбиться изъ безразсуднаго бездѣйствія... Ничѣмъ не въ силахъ заняться, ничто не заботитъ. Все кажется вздорнымъ и ничтожнымъ передъ однимъ главнымъ, громаднымъ. Мучительно, безумно, безумно хочется счастія! Теперь узналось безповоротно, что оно невозможно, что никогда его не будетъ... Вотъ отчего эта смертельная тоска! Женатый... Алѣевъ! Она произносила нѣсколько разъ его имя, стараясь внушить себѣ мѣру собственнаго ничтожества передъ его всѣми признаннымъ значеніемъ. „Запугать себя хочу!“—мелькнуло вдругъ въ умѣ, и тутъ же жадно, страстно стала думать именно о томъ, чѣмъ пыталась запугать. Нѣтъ другого такого,—одинъ такой! Не забыть, не разлюбить. Это надо сознавать, надо мужественно сказать себѣ это сейчасъ же, разъ навсегда. Нельзя желать ничего другого! Все кончено навсегда...

Въ сторонѣ публика по прежнему проходила, по временамъ, небольшими группами или по-одиночкѣ, входила въ распахнутыя настежъ огромныя стеклянныя двери и тонула въ пестромъ водоворотѣ, гудѣвшемъ и переливавшемся въ газовыхъ лучахъ. Вотъ еще кто-то идетъ. Анна замѣтила, потому что высокій господинъ внезапно свернулъ съ дороги, по которой двигались другіе, и повернулъ въ ту сторону, гдѣ никого не было, кромѣ нея. Сначала она замѣтила невольно, не глядя, но вдругъ что-то кольнуло въ сердце, точно острая игла прошла сквозь тѣло. Не можетъ быть, это безуміе! Она не смѣла присмотрѣться пристальнѣе, борясь съ сумасшедшею радостью, врывавшейся ей въ душу, а онъ подходилъ все ближе... Она уже знаетъ навѣрное, что это онъ, она замерла на своемъ мѣстѣ, ничего не соображая, ничему не удивляясь, усиливаясь только отчаянно, всѣмъ существомъ своимъ оставаться спокойной и не выдать своего смятенія.

— Глазамъ своимъ не вѣрю! Это дѣйствительно вы, вы здѣсь?! —воскликнулъ Алѣевъ радостно.

Они не поздоровались, какъ будто онъ и не уѣзжалъ, точно не вернулся сейчасъ съ очереднымъ поѣздомъ, до котораго едва успѣлъ добѣжать, выбравшись изъ вагона. Онъ и самъ не зналъ, зачѣмъ это дѣлаетъ. Ему вдругъ представилась городская квартира и глупая рожа Ѳедора, съ важностью двигающагося за нимъ на цыпочкахъ, чтобы зажечь лампы. Онъ *зналъ*, что ничего не въ состояніи дѣлать сегодня, не можетъ даже читать. Почему бы не провести лишнихъ два часа въ вагонѣ, прослушать отдѣленіе музыки, убить какъ-нибудь вечеръ? Быть ближе къ Бѣлой дачѣ, можетъ быть? Но это онъ почувствовалъ только сейчасъ, увидавъ неожиданно Анну. Тамъ онъ просто поддался внезапной фантазіи, именно потому, что это была фантазія, потому что онъ никогда еще этого не дѣлалъ, и никто этого не дѣлаетъ. Забавляло ускользнуть незамѣтно отъ спутниковъ, надоѣвшихъ ему смертельно—и ускользнулъ, конечно! Его разыскивали долго, въ совершенномъ недоумѣніи, куда онъ могъ исчезнуть, бѣгали взадъ и впередъ по платформѣ, заглянули даже въ буфетъ. Не искали только тамъ, гдѣ онъ былъ и гдѣ не могъ быть разсудительный человѣкъ: въ вагонѣ, готовившемся летѣть обратно.

— „Судьба!“—пронеслось суевѣрно въ умѣ Алѣева, когда онъ оглянулся машинально на одинокую женскую фигуру среди пустыхъ скамеекъ, и по первому ея движенію узналъ Анну.

Алѣевъ началъ разсказывать ей, какъ его одолѣвала Кочетова своими исторіями. Анна поняла изъ этого, что ему не хотѣлось уѣзжать отъ нея. Кто же обязалъ его сидѣть дома, въ городѣ, въ этотъ прелестный праздничный вечеръ, когда поѣзда ходятъ каждый часъ? И она знала, что ему тяжело вдали отъ нея, что его тоже влекло сюда предчувствіе, таинственная сила, толкнувшая ее за калитку, — судьба, приведшая извощика на пустую улицу! Безразсудное ликованіе овладѣвало ими все сильнѣе съ каждой минутой. Возбуждала до лихорадки эта нежданная встрѣча.

— Помните, вы сказали тогда въ Озеркахъ: „нельзя оцѣнить впечатлѣнія, полученнаго именно въ тотъ моментъ, когда мы его жаждемъ“... или нѣтъ!—не такъ это!—смутилась страшно Анна, какъ приметъ онъ ея слова.

— Такъ, такъ!—то-есть гораздо больше—неизмѣримо больше!

Это онъ сказалъ—она не могла ошибиться!—не послышалось же ей!..

Алѣевъ продолжалъ разсказывать, какъ сидя въ вагонѣ, злой, погибающій со скуки, онъ вдругъ вспомнилъ:—вѣдь поѣзда ходятъ каждый часъ! Вспомнилъ и обрадовался какъ школьникъ—именно какъ школьникъ, придумавшій провести несноснаго гувернера.

Можно вообразить, какъ они метались по платформѣ! Онъ слышалъ, какъ Ольга Семеновна безцеремонно кричала его имя на весь вокзалъ.

Анна смѣялась; безумно счастливая. Ничего не можетъ быть лучше Павловска, гдѣ поѣзда ходятъ каждый часъ! ничего нѣтъ прелестнѣе залы бѣлыхъ красавицъ, куда она вошла безсознательно на-встрѣчу ему! ничего восхитительнѣе этой музыки, гремѣвшей побѣдную пѣснь ея счастію!..

Такъ же невольно они удалились отъ шумной площадки и углубились въ ближайшія темныя аллеи, гдѣ самыя тихія слова не заглушались, гдѣ ихъ не толкали и не тревожила боязнь различить какую-нибудь знакомую физіономію въ морѣ чужихъ головъ.

— Я видѣлъ сейчасъ издали Мохова, — прошепталъ таинственно Алѣевъ, когда они уже спрятались въ спасительномъ мракѣ.

Отсюда элегантная площадка, залитая потоками газоваго свѣта, горѣла точно фантастическая декорація какого-то волшебнаго праздника. Сказочнымъ чертогомъ рисовалось на черномъ небѣ бѣлое зданіе, очерченное по всѣмъ линіямъ пестрыми цѣпочками разноцвѣтныхъ огней.

— Издали лучше,—сказала Анна совсѣмъ невинно и опять смутилась.

Онъ слегка прижалъ къ себѣ ея руку и уронилъ тихо:

— Да, лучше...

— Нѣтъ, знаете, пойдемте опять туда!—предложила она черезъ нѣсколько секундъ, пугаясь молчанія.

— Зачѣмъ?

— Звонятъ... это не вашъ поѣздъ?

Алѣевъ зажегъ спичку и взглянулъ на часы. Одиннадцать. Будетъ еще одинъ поѣздъ. Можетъ быть она устала?

— Не знаю—отвѣтила Анна разсѣянно:—правда, это былъ ужасно длинный день!

— Да, безконечно длинный день!—подтвердилъ онъ горячо, не замѣчая, что нѣтъ смысла въ ихъ словахъ.

Ей казалось, что обѣдъ былъ Богъ знаетъ когда; невѣроятно, чтобы сегодня—только-что. Отчего именно въ эти нѣсколько часовъ она узнала безповоротно, что безумно любитъ его? и только сейчасъ, только съ той минуты, какъ онъ вернулся такъ внезапно, она поняла, что не можетъ быть ни протеста, ни борьбы. Любить его, что бы ни ждало впереди—вотъ, наконецъ, ея судьба!..

Анна принялась болтать съ лихорадочнымъ оживленіемъ, заглушая свое волненіе. Кажется, онъ не особенно-то веселился

сегодня? вѣдь она говорила ему заранѣе, что не нужно никакого обѣда, всѣхъ этихъ чужихъ людей!

Но ей зато было весело, онъ надѣется? Она побѣдила всѣ сердца, кромѣ трехъ, однакожъ: профессорскаго, ибо оно давнымъ давно и безъ остатка занято какими-то письменами старика Бугича, убѣжденнаго, что даръ слова данъ человѣчеству единственно на его пагубу, да еще Малинарскаго—это ужъ просто по дружбѣ!

— По дружбѣ?—переспросила Анна наивно.

— Ничего, ничего—это такъ, въ скобкахъ!—спѣшилъ нервно Алѣевъ:—нѣтъ, скажите же правду, было вамъ весело? Я хотѣлъ бы утѣшиться хоть этимъ.

Вопросъ напомнилъ Аннѣ редакцію.

— Кстати, вы мнѣ должны еще объяснить одно обстоятельство,—начала она другимъ тономъ, но Алѣевъ перебилъ ее тономъ, не допускающимъ сомнѣній и доказывавшимъ, что обстоятельство, такъ тревожившее его еще недавно, въ эту минуту потеряло свое значеніе:

— Да, да, знаю я—не говорите пожалуйста ничего! правда, я скрылъ отъ васъ кое-что—считаю это дѣло неблагоразумнымъ, а себя обязаннымъ оберегать васъ отъ риска.

— Какъ ребенка—безъ его вѣдома?

— Вы и есть ребенокъ, въ сравненіи съ такимъ старикомъ, какъ я,—неосторожный ребенокъ, за которымъ необходимо слѣдить! драгоцѣнный ребенокъ, котораго надо беречь!

— Вы ошибаетесь. Нѣтъ, я совсѣмъ не ребенокъ!—произнесла Анна послѣ длинной паузы, съ такимъ особеннымъ выраженіемъ, отъ котораго его сердце забилось еще сильнѣе.

— Можетъ быть, можетъ быть! Я хочу только сказать, что самъ я старъ.

— И это неправда.

— Старъ слишкомъ, чтобы что-нибудь передѣлать,—чтобы возможно было что-нибудь поправить въ моей судьбѣ.

— Это я понимаю вполнѣ.

Они машинально шли все впередъ. Алѣевъ—прислушиваясь съ изумленіемъ, съ тревогой къ ея словамъ; Анна—съ туманившимъ голову сознаніемъ, что она произноситъ рѣшительныя вещи —произноситъ ихъ первая.

— Да, я это понимаю!—повторила она еще разъ съ волненіемъ:—но ваша жизнь такъ полна, такъ прекрасна!

— Молчите!—сжалъ онъ внезапно ея руку:—она одинока, холодна, моя жизнь!

Вотъ когда спросить, кого онъ любитъ!—и Анна спросила, сдѣлавъ надъ собой нечеловѣческое усиліе и почти не узнавая собственнаго голоса.

А-а!.. кого онъ любитъ?! Свою работу, и никого больше ужъ много лѣтъ. И такъ должно было оставаться до конца.

— Знаете, мы черезъ-чуръ далеко отошли!—перебилъ самъ себя нервно Алѣевъ:—не прозѣвать бы мнѣ этакъ и послѣдняго поѣзда.

Повернули и тѣмъ же взволнованнымъ шагомъ пошли обратно.

— Меня поражаетъ, что вы неискренни!—настаивала она съ какой-то отчаянною, изумлявшею ее самое рѣшимостью:—вы не можете считать себя старикомъ, вы этому ни минуты не вѣрите! Зачѣмъ же вы мнѣ это говорите въ эту минуту?

— Не изъ кокетства, Анна Владиміровна, да и плохое это кокетство. Нѣтъ, я помню, что мнѣ сорокъ-семь лѣтъ.

— Мнѣ двадцать-три.

— Оцѣните, что я ни на минуту не забываю этого.

— Оцѣнить??—а если я недовольна? если я не хочу этого?

— Муза, дорогая моя... вы должны же понимать, что я говорю—и что вы говорите!

— Я и понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вы испугаетесь, когда поймете.

— Я ничего не испугаюсь—никогда! ничего, слышите вы это?

И въ тотъ же мигъ оба испугались быстроты, съ какой все было сказано.

Они спѣшили изо всѣхъ силъ, но издали видѣли, какъ публика густой волной выливалась во всѣ выходы. Площадка быстро пустѣла, огни поспѣшно тушили. Послѣдній поѣздъ ушелъ.

— Я опоздалъ!—проговорилъ равнодушно Алѣевъ и повернулъ къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ извощики.

— Что же дѣлать теперь?

— Ничего. Я отвезу васъ домой, а самъ погуляю еще немного. Не безпокойтесь, я найду, гдѣ переночевать.

LVI.

Изумленъ ли Алѣевъ?—ждалъ ли онъ этого?—желалъ ли?

Трудно прослѣдить въ прошедшемъ и опредѣлить, когда именно стала выясняться возможность и вся прелесть этой любви. Разомъ онъ почувствовалъ себя охваченнымъ ею со всѣхъ сторонъ, точно непріятелемъ, удачно притаившимся въ засадѣ. Теперь понятно,

что и быть не могло иначе—они не могли сойтись безнаказанно, не почувствовавъ взаимнаго обаянія. Она любитъ, она ищетъ его любви. Поздно! помѣшать этому нельзя... Бѣжать? Но она не полюбитъ другого послѣ него. Можетъ ли она довольствоваться благополучной долей законной супруги какого-нибудь ординарнаго господина, вѣчно недовольной своей судьбой, собственнымъ выборомъ и самой собой?—въ чемъ же послѣ этого счастіе человѣческое?! Можно уѣхать; но что выиграетъ она, брошенная на произволъ своихъ опасныхъ порывовъ? развѣ не одно его вмѣшательство спасло ее отъ брака съ человѣкомъ, отъ котораго она ушла бы черезъ полгода, но съ которымъ не раздѣлалась бы всю свою жизнь? Тогда и его не судили бы такъ безпощадно, какъ будутъ судить теперь. Никого бы не поразило, что онъ сходится съ чужой женой, что она бросаетъ какого-то Заботина для Алѣева. О, судъ людской! о, казуистика, величающая себя моралью! Женщина принадлежитъ тому, кого она можетъ любить — и никому другому. Они созданы другъ для друга. Въ нихъ общее—этотъ естественный подъемъ надъ будничной прозой жизни, которой отдаются иные съ убѣжденіемъ и увлеченіемъ, иные—съ покорностью передъ неизбѣжностью, превращающейся постепенно въ всесильную привычку. Но они оба изъ тѣхъ, кого нельзя приковать къ ней и золотыми цѣпями. Ему выпалъ счастливый жребій возвышаться надъ нею по праву—по долгу. Она напрасно мечтала о подобномъ жребіѣ, но и она найдетъ выходъ изъ тисковъ, еслибъ даже и удалось заключить ее въ нихъ. Единственный выходъ для такихъ женщинъ—любовь. Такъ пусть же любовь и ведетъ ее прямымъ путемъ къ счастію, если оно и будетъ не вѣчно... Когда оно вѣчно?! Любить, какъ они могутъ, какъ они будутъ любить другъ друга, значитъ ли это погибнуть?..

Алѣевъ отвезъ Анну на дачу, чувствуя страстную потребность остаться наединѣ съ собой и обдумать случившееся. Слѣдовало бы только позаботиться во-время о ночлегѣ. Онъ шелъ назадъ паркомъ, вспоминая объ этомъ, какъ о докучной помѣхѣ, и тутъ же опять забывая. Онъ не могъ сидѣть спокойно на мѣстѣ, когда бывалъ взволнованъ, и у него давно сложилась привычка не спать напролетъ цѣлыя ночи. Ему нравились пустынныя аллеи, тонувшія въ таинственномъ мракѣ. Ночь была удивительно теплая. Небо опускалось низкимъ сводомъ, сплошь покрытое тяжелыми, неподвижными тучами. Дождь будетъ; или можетъ быть гроза, послѣдній отголосокъ лѣта. И эта нежданная любовь—тоже поздняя гроза, послѣдняя яркая вспышка!.. Нѣтъ! въ немъ еще много силъ! Хватитъ ихъ и на дѣло, на завѣтную страстную

работу, и на то, чтобы еще разъ упиться единственнымъ земнымъ блаженствомъ и дать его щедро другому. Не потому ли, что онъ не расточалъ силъ на тяжкіе поединки съ собственными запросами и влеченіями, а въ удовлетвореніи ихъ почерпалъ новый запасъ жизненной энергіи? Не хлѣбомъ единымъ долженъ жить Божій міръ, чтобы исполнить завѣтъ своего Творца. Онъ повиновался голосу своего сердца, признавалъ прихотливую волю фантазіи, сослужившей ему такую блестящую службу — и не ему одному, надѣюсь! Его сердце никогда не было порочно, никогда не стремилось ко злу. Его фантазія была всегда чиста. Подорвать теперь свои силы неудовлетворенной страстью, и оборвать сурово первый цвѣтъ юнаго сердца, требующаго своей доли счастія—это ли значитъ совершить нравственный подвигъ? Ему ли приносить человѣческія жертвы на алтарь условныхъ понятій и житейскихъ правилъ?!..

Алѣевъ бродилъ по темному парку и размышлялъ о своей любви, въ то время какъ Анна до утра металась безъ сна и переживала ее лихорадочно, мучительно и восторженно. Это были безсвязныя, отрывочныя мысли, грезы, захватывавшія дыханіе и заставлявшія прятать въ подушки пылающую голову. Это были жаркія слезы благодарности судьбѣ за все, что она предчувствовала впереди лучезарнаго, и даже за то, чего не могла не предвидѣть тяжелаго. Ни страха, ни колебаній не было въ сердцѣ, дожившемъ, наконецъ, до завѣтной минуты.

А Алѣевъ сжигалъ сигару за сигарой и думалъ съ тѣмъ могучимъ напряженіемъ всего существа, какое овладѣвало имъ въ минуты сильныхъ вдохновеній. Мысль работала такъ же быстро и отчетливо.

Привычное орудіе тончайшаго анализа такъ же увѣренно и смѣло разсѣкало дѣйствительную жизнь, какъ оно анатомировало безчисленныя, фантастическія существованія. Въ его быстрой и спокойной рѣшимости сказывался долгій навыкъ схватывать общее, пренебрегая подробностями,—привычка руководствоваться требованіями законовъ психическихъ, а не внѣшними, случайными условіями, и видѣть душу живую плѣненной всею сложностью, всею мизерностью, всѣми нелѣпыми противорѣчіями житейскихъ путъ. Но вѣдь долженъ же онъ знать, что другіе будутъ видѣть только однѣ эти путы, которыя онъ дерзко отбрасываетъ и передъ которыми они рабски склоняются?! Другіе станутъ напирать именно на то, чему онъ придаетъ такъ мало цѣны. Алѣевъ думалъ объ этомъ съ высокомѣрнымъ спокойствіемъ творца, давно привыкшаго брать на себя чужія судьбы.

...Романъ Анны написанъ. Живая героиня овладѣла умомъ и сердцемъ талантливаго автора и заставила потѣсниться огромную, безплотную толпу, заселяющую его внутренній міръ на правахъ самостоятельныхъ существъ, давно вырвавшихся изъ его власти, но навѣки связанныхъ съ нимъ кровными узами. Ихъ онъ всегда помнитъ, всегда ощущаетъ около себя, какъ мы помнимъ и ощущаемъ существованіе нашихъ дѣтей, какія бы пространства ни отдѣляли ихъ отъ насъ. Теперь стушевалась эта толпа и отступила передъ его собственной героиней, готовой подарить ему одному все то блаженство, которое онъ щедро расточалъ другимъ—ему весь блескъ ярко вспыхнувшей жизни, всѣ восхитительныя, опьяняющія волненія реальнаго счастія...

Безсонныя ночи—не рѣдкость для романиста. Алѣевъ очнулся отъ своей глубокой задумчивости только при первыхъ, тусклыхъ лучахъ разсвѣта. Вотъ что сталось съ его благоразумнымъ намѣреніемъ поискать ночлега въ какой-нибудь мизерной гостинницѣ—ночь à la belle étoile, не хуже двадцатилѣтняго юноши! Алѣевъ, улыбаясь, поднялъ глаза къ непривѣтливому, пасмурному небу, не жалѣя нисколько о пропущенномъ снѣ. Онъ ощущалъ, напротивъ, приливъ бодрости и энергіи, какую испытывалъ только приступая къ новой работѣ—нетерпѣливо, страстно влюбленный въ нее и еще не отравленный сомнѣніями, еще не измученый нравственнымъ истощеніемъ. И теперь всѣ колебанія улеглись передъ доводами безтрепетной мысли, передъ требованіями гордаго сердца, не привыкшаго къ отказамъ. Развѣ могла не быть счастлива та женщина, которую онъ полюбилъ?

„Муза моя!“—звалъ онъ мысленно Анну, и никогда еще, ему казалось, миѳическій образъ не сливался съ живымъ существомъ гармоничнѣе и полнѣе.

Но окружающая обстановка мало соотвѣтствовала поэтическому и радостному настроенію. Утро вставало печальное. Нависшія тучи принимали грязно-желтый оттѣнокъ; молочныя волны тумана затягивали лужайки; темныя сѣрыя сырыя пятна пестрили песчаныя дорожки. Тамъ и сямъ раздавались отдѣльные птичьи голоса, нѣхотя и уныло, словно жалуясь на пасмурное утро.

Ухъ... какъ скверно! Такова одинокая жизнь безъ счастья, безъ радости! Такова непоправимая, неумолимая старость!..

И поспѣшно, какъ могъ, Алѣевъ пошелъ къ вокзалу, чтобы спастись отъ пронизывающаго, утренняго холода. Впередъ—навстрѣчу теплу и свѣту молодой любви—на-встрѣчу улыбкамъ и ласкамъ живой Музы!..

Анна забылась только на разсвѣтѣ. Въ восемъ часовъ она вскочила, какъ будто невидимая рука коснулась ея и чей-то голосъ произнесъ надъ нею: „сегодня!“ Вчерашнія думы и тревожныя сонныя грёзы еще сливались въ хаотическія, смутныя ощущенія... Точно этотъ день могъ начаться прямо съ главнаго, что̀ подавляло собою все: откроетъ глаза и встрѣтитъ его взоръ. Произнесетъ ему свой обѣтъ, прежде чѣмъ какое-нибудь равнодушное слово сорвется съ устъ. Взглянетъ сначала въ лицо своей судьбѣ, и только тогда вернется къ ней способность жить, сознавать и дѣйствовать...

Восемь часовъ! Анна очнулась и съ глубокимъ вздохомъ отбросила платье. Ждать! долго, безконечно ждать!

Анна откинулась назадъ въ подушки и почувствовала, что плачетъ отъ безотчетнаго страха, чтобы что-нибудь не помѣшало увидѣться. Когда онъ пріѣдетъ? какъ ей пережить этотъ день?

До одиннадцати часовъ время прошло въ внутренней борьбѣ, въ урезониваніи себя *не ждать*: невозможно, чтобы Алѣевъ выѣхалъ изъ города раньше десяти часовъ. Она блуждала взадъ и впередъ съ балкона въ столовую, гдѣ висѣли часы; напряженно, тупо слѣдила за стрѣлкой, прислушиваясь къ глухому тиканью, чтобы убѣдиться, что часы не стоятъ. Пять минутъ,—пять минутъ,—только пять! Отъ вокзала можно доѣхать въ четверть часа,—меньше...

Анна готовилась сойти въ садъ, но на ступенькахъ балкона вдругъ громко ахнула и всплеснула руками: вѣдь онъ опоздалъ вчера на послѣдній поѣздъ! онъ уѣхалъ только сегодня утромъ. Боже мой! она ничего не понимаетъ больше...

Къ двѣнадцати часамъ Анна неспособна была больше ждать дома. Пойти въ вокзалъ и спросить кассира — Алѣева всѣ знаютъ въ Павловскѣ. Быть можетъ, онъ вовсе и не уѣзжалъ, ночевалъ въ какой-нибудь гостинницѣ? есть ли въ Павловскѣ гостинницы? Каждую минуту онъ можетъ придти! Половины, четверти, три-четверти — всѣ знаки циферблата, по которымъ взоръ ея скользилъ, не видя ихъ, вдругъ получили смыслъ, и время какъ будто удлинилось во столько же разъ. Нѣтъ, надо узнать навѣрное, уѣхалъ или нѣтъ,—такъ съума сойдешь!

Анна послала за извощикомъ и поѣхала въ вокзалъ, торопясь какъ на пожаръ. Извощикъ все урезонивалъ ее, что нѣтъ теперь никакого поѣзда, но покорно принимался хлестать лошадь, видя, что барыня „не въ себѣ“.

Да, кассиръ, оказалось, помнитъ, что господинъ Алѣевъ уѣхалъ сегодня съ первымъ поѣздомъ. Волненіе Анны разомъ упало. Те-

перь до часу ждать нечего. Она сѣла на одну изъ скамеекъ на платформѣ, такъ чтобы видѣть часы.

Пришелъ поѣздъ. Прежде чѣмъ длинный хвостъ вагоновъ успѣлъ остановиться, она уже торопилась съ одного конца на другой, заглядывая въ окна, теряясь въ догадкахъ: въ первомъ? во второмъ классѣ? гдѣ первый классъ? Живыя струи разбѣгались во всѣ стороны и не ждали, пока она успѣетъ разглядѣть ихъ, видаясь взадъ и впередъ, не вѣря собственнымъ глазамъ, не зная, куда смотрѣть.—Не пріѣхалъ! нѣтъ, она легко могла пропустить его—теперь онъ ѣдетъ къ ней и не будетъ знать, гдѣ искать ее.

Анна поѣхала домой. Алѣева не было. Она сейчасъ же вернулась въ вокзалъ пѣшкомъ, чтобы протянуть время, волнуясь заранѣе въ ожиданіи нестерпимыхъ минутъ, только-что пережитыхъ. Алѣевъ не пріѣхалъ ни въ два часа, ни въ три. Анна смутно сознавала, что обращаетъ на себя вниманіе такимъ метаньемъ. Въ промежутки она шла въ читальню и закрывалась первымъ попавшимся газетнымъ листомъ, не зная потомъ, что было у нея въ рукахъ. Съ ненавистью впивалась она глазами въ приближающійся поѣздъ... Что принесъ онъ ей? Что случилось? какъ можетъ онъ не ѣхать! а если... если вовсе не пріѣдетъ?! Это значитъ, что онъ презираетъ ее—отказывается отъ ея любви—*отказывается*! Развѣ она переживетъ это?.. нѣтъ, конечно, нѣтъ! Онъ понялъ ее вчера—понялъ и не ѣдетъ!..

Въ четыре часа Анна больше не надѣялась, не въ силахъ была сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по платформѣ,—ноги не носили больше. Она осталась сидѣть на скамейкѣ, глядя съ отчаяніемъ въ мелькавшія лица, ненавидя этихъ нарядныхъ, веселыхъ барынь, которыя дождались тѣхъ, кого ждали. Барыни цѣловались, трещали на всѣхъ нарѣчіяхъ, кокетничая, стуча бойко каблучками по досчатому помосту подъ тактъ военной музыкѣ, игравшей въ саду модный маршъ. Дѣти щебетали и суетились, задѣвая Анну по ногамъ. Черная ея фигура, съ безсильно упавшими руками и мутившимся взоромъ, невольно бросалась въ глаза. Нѣсколько человѣкъ оглядывались на нее и шептались. Толпа рѣдѣетъ. Кончено. Она тонетъ въ этомъ живомъ морѣ... Что-то сосетъ сердце несносно, какъ во время качки на водѣ.

Алѣевъ вышелъ изъ вагона перваго класса и медленно шелъ по платформѣ, разговаривая съ какимъ-то почтеннымъ генераломъ. Дѣда пришли встрѣтить три мальчика, погодки, одѣтые всѣ равно, матросами. Алѣевъ улыбался и ласково шутилъ съ дѣтьми.

Анна не видала его. Кто-то шелъ мимо, разговаривая и смѣясь, но онъ не могъ ни смѣяться, ни разговаривать. Она приподня-

лась, вся похолодѣвъ, и отыскивала глазами, откуда долетаетъ какъ будто его голосъ?

Алѣевъ сталъ прощаться. Старичокъ долго не выпускалъ его руки, захвативъ ее въ обѣ свои. Алѣевъ слушалъ, что тотъ говорилъ, склонивъ голову вмѣстѣ почтительно и благосклонно, какъ это умѣютъ однѣ „знаменитости“. Потомъ мальчуганы полѣзли цѣловаться, и онъ нагибался къ каждому по очереди; самаго маленькаго бутуза взмахнулъ высоко надъ своей головой; крошечныя ножки въ черныхъ чулкахъ заболтали радостно въ воздухѣ, шляпа съ золотыми буквами на лентѣ слетѣла съ головы и покатилась въ сторону. Алѣевъ еще разъ любезно приподнялъ шляпу, но когда генералъ отвернулся, наконецъ, и двинулся дальше со своими птенцами,—онъ круто повернулъ назадъ и порывисто подошелъ къ Аннѣ.

Алѣевъ не могъ понять, съ какой стати у нея начинается истерика? Видѣлъ это по нервному подергиванію лица, по мутному взору. Онъ отвелъ ее въ дамскую комнату, потребовалъ воды и вина и безцеремонно выпроводилъ прочь двухъ боннъ съ цѣлой кучей визжавшихъ дѣтей. Нѣмки попробовали протестовать, но потомъ сочли за лучшее не связываться съ этимъ господиномъ, распоряжавшимся какъ у себя дома.

Аннѣ было смертельно стыдно,—но это не помогало; рыданія мучительно вырывались изъ груди, потрясая ее всю. Сказалась разомъ вся мука выстраданныхъ сомнѣній и непрерывная, тяжелая тревога цѣлыхъ семи часовъ, проведенныхъ на ногахъ, въ лихорадочномъ метаньѣ взадъ и впередъ, въ постоянныхъ переходахъ отъ надежды къ разочарованію.

— Никогда не думала, что такая слабая... простите... простите!.. сейчасъ пройдетъ. Ступайте въ залу... не оставайтесь здѣсь!—молила она, пряча отъ него свое лицо.

Онъ смѣялся счастливымъ, едва слышнымъ смѣхомъ, дрожавшимъ въ глубинѣ груди, и цѣловалъ ея руки въ ладонь и въ тонкіе пальчики, холодные, какъ мраморъ. Онъ твердилъ только нѣсколько словъ:

— Милая!.. бѣдная!.. голубка!..

Этому дню не было конца. Они переживали его по минутамъ, по секундамъ, заключавшимъ въ себѣ столько жизни, столько счастья, что хватило бы на цѣлыя существованія,—казалось Аннѣ. Они вовсе не обсуждали никакихъ резоновъ за и противъ своей любви. Не имъ рѣшать то, что полновластно царило надъ ними, ясное и несомнѣнное, какъ сама истина! Какъ взвѣшивать шансы этого счастія, когда оно хлынуло имъ въ

души могучимъ потокомъ? Къ чему всѣ мудрыя разсужденія, если каждое переживаемое ощущеніе опровергаетъ ихъ?! Все было рѣшено безъ словъ еще вчера ночью, сегодня, въ пыткѣ, пережитой Анной, въ томъ глубокомъ волненіи, которое охватывало Алѣева все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ несъ его къ Павловску.

Старый генералъ, тѣмъ не менѣе, находилъ Алѣева, какъ и всегда, интереснымъ собесѣдникомъ. Едва ли онъ повѣрилъ бы, еслибъ ему сказали, что его знаменитый попутчикъ переживалъ рѣшительныя минуты въ жизни, что онъ мучительно волновался, лаская снисходительно его внуковъ и выслушивая его любезности. А еслибъ Анна видѣла это!—еслибъ она слышала эти хладнокровные разговоры и не забыла бы сейчасъ же, какъ только увидала его, о томъ, что онъ заставилъ прождать себя до четырехъ часовъ—о, тогда ему пришлось бы нѣсколько лишнихъ разъ повторить, что онъ любитъ ее безумно, что онъ никого не встрѣчалъ прелестнѣе, никогда не любилъ нѣжнѣе, ни съ кѣмъ не могъ быть счастливѣе... Но онъ повторялъ это снова и снова безъ всякой видимой надобности, потому что она вѣрила и не допускала и тѣни сомнѣнія въ томъ, что они созданы другъ для друга. Судьба привела ее къ нему! судьба сберегла для него ея сердце, когда она такъ безразсудно спѣшила отдать его другимъ!

Они обѣдали дома, опоздавъ на цѣлый часъ. Не замѣчая, что ѣдятъ, спѣшили кончить скорѣе, стѣсняясь собственныхъ сіяющихъ взоровъ и непроизвольныхъ улыбокъ передъ проницательными взглядами Павлы Егоровны (она прислуживала какъ-то особенно медленно и сумрачно, имъ казалось). Маленькій паркъ не могъ укрыть ихъ. Знакомыя статуи подслушивали изъ кустовъ и бесѣдокъ. Самыя глухія дорожки казались открытыми какимъ-то невидимымъ соглядатаямъ. Деревья шумѣли сердито, передавая отъ одного къ другому летучій отчетъ о каждомъ слишкомъ нѣжномъ взглядѣ, черезъ-чуръ длительномъ молчаніи...

Они отправились гулять въ большой паркъ. Исколесили самыя уединенныя дорожки, присаживались на уютныя скамеечки и покидали ихъ, не успѣвъ отдохнуть, пугаясь самихъ себя. Больше пугаться было рѣшительно нечего; изрѣдка попадались гуляющіе, по большей части тоже занятые собой и не обращавшіе на нихъ вниманія. Возбужденіе все росло, по мѣрѣ того какъ день склонялся къ вечеру. Погода такъ и продержалась до конца дня безъ дождя и безъ солнца. Темнѣетъ... „Когда онъ уѣдетъ?“—приходитъ все чаще и чаще на умъ Аннѣ.— „Съ послѣднимъ по-

ѣздомъ"—рѣшила она давно. Но Алѣевъ нѣсколько разъ вынималъ часы.

Началась музыка. Они машинально пошли на звуки. Освѣщенная эстрада живо напомнила вчерашній вечеръ,—въ душу прокрадывалась безотчетная, непонятная грусть. Анна взглянула на Алѣева: и онъ былъ серьезенъ, думалъ о чемъ-то сосредоточенно. Они устали разговаривать—все переговорили, возможно ли это? Все...

— Уйдемте отсюда!—проговорила Анна нервной ноткой въ голосѣ,—право, раздражаетъ эта вѣчная музыка.

— Сейчасъ будетъ поѣздъ, не уѣхать ли мнѣ?

Алѣевъ нагнулся и посмотрѣлъ ей въ лицо. Глаза опустились, рука ея дрогнула на его локтѣ. Они повернули и пошли быстро въ противоположную сторону.

— Еще много поѣздовъ, вы могли бы и не спѣшить!—попыталась Анна пошутить. Не можетъ быть, чтобы нельзя было вернуть того восторженнаго одушевленія, которое не покидало ихъ весь день.—Вы соскучились? устали? вы ужъ меньше счастливы? —шептала она едва внятно, пригнувшись близко къ его плечу.

Надо, во что бы то ни стало надо развеселить опять его и себя; но улыбка выходила блѣдная, вымученная.

— Поѣдемте домой чай пить,—рѣшилъ внезапно Алѣевъ. —Павла Егоровна навѣрное ужъ все приготовила на балконѣ.

Анна знала этотъ внезапно-холодный тонъ. Ей всегда казалось, что онъ недоволенъ ею, сердится на нее. Сегодня она слышала тонъ этотъ въ первый разъ и покорно усаживалась вмѣстѣ съ Алѣевымъ на извощика.

За чаемъ Алѣевъ развеселился. Онъ подробно разсказывалъ исторію какой-то необыкновенно-романической свадьбы, въ которой онъ неожиданно принималъ участіе въ Италіи. Исторія была дѣйствительно занимательная, разсказывалъ онъ мастерски, и Анна, конечно, не желала относиться небрежно къ его словамъ. Тѣмъ не менѣе, она вовсе не слыхала доброй половины изъ его разсказа, все перепутала и разомъ выдавала себя какимъ-нибудь нелѣпымъ вопросомъ.

Оба долго смѣялись надъ этимъ, и на мигъ почувствовали опять, какъ они безумно счастливы. Смѣясь и болтая съ одушевленіемъ какой-то вздоръ, они очутились въ кабинетѣ. Здѣсь они сейчасъ же опять стали серьезны. Анна сказала, что не можетъ разобрать одного мѣста въ рукописи, которую переписывала, и начала разыскивать ее въ ящикѣ. Алѣевъ стоялъ по другую сторону стола и смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ! не могу найти!—встала она порывисто, задвинула ящикъ и пошла прочь изъ кабинета.

Передъ гостиной была еще узенькая проходная комнатка, гдѣ не было огня. Войдя въ нее, Анна вдругъ почувствовала, что все кончено—онъ нагоняетъ ее. Онъ прижимаетъ ее страстно къ своему сердцу и припадаетъ къ ней поцѣлуемъ, который весь этотъ день они чувствовали на своихъ устахъ.

Анна вырвалась и убѣжала въ свою комнату. Она сѣла на диванъ, прижимая обѣ руки къ сердцу, стараясь собрать мысли. Что дѣлать?—что дѣлать? Боже мой, что же дѣлать? Она рѣшила безповоротно: отчего теперь этотъ ужасъ все усиливается съ каждой минутой? Все равно, они не могутъ разойтись—о, нѣтъ, нѣтъ! какая неблагодарность думать объ этомъ, хотя бы для того, чтобы сказать себѣ, что этого не будетъ! Отчего же такъ мучительно, страшно... отчего—если она любитъ его?!

Анна не замѣтила, сколько прошло времени, пока, наконецъ, Алѣевъ подошелъ къ ея двери и сказалъ, что поѣдетъ съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ. Теперь половина.

„Надо проститься“,—подумала она машинально.

Она не глядѣла на него. Когда по необходимости взглядъ, не видя, скользилъ по его лицу, это было похоже на быстрое прикосновеніе къ чему-нибудь горячему.

— Вы развѣ меня не проводите? — спросилъ Алѣевъ съ нѣжнымъ упрекомъ.

Анна заспѣшила, разыскивая шляпу и накидку. Какъ могъ онъ подумать это! Ей представилось, какъ онъ спускается одинъ съ этихъ ступеней и исчезаетъ въ ночномъ мракѣ. Вернется ли завтра? Живо, мучительно, точно въ дѣйствительности, предстали всѣ ужасные часы ожиданія, пережитые ею утромъ. Вѣдь и сегодня она должна была знать, что онъ вернется, и все-таки вынесла цѣлую пытку! А случайности, которыя на умъ не приходятъ? а опасности, о которыхъ никогда не думаемъ, какъ будто только съ нами онѣ невозможны?!

Ей вдругъ захотѣлось страстно, отчаянно, чтобы онъ не уѣзжалъ. Не все ли кончено? Они сошлись навѣки.

— Идти пора, — сказалъ Алѣевъ.

— Останьтесь до послѣдняго поѣзда!—выговорила она, не разжимая губъ и вся блѣдная.

— Хорошо.

Они сидѣли на балконѣ, около неубраннаго стола. Темный садъ шумѣлъ все сильнѣе. Что-то изрѣдка слабо ударяло о цинковую крышу.

— Дождь?!

— Надо идти скорѣе, пока не разошелся,—поднялась Анна. —Подождемъ въ вокзалѣ.

Молча и не останавливаясь, дошли до вокзала. Музыка играла въ залѣ. Та же вѣчная толпа заливала все громадное пространство; любители свѣжаго воздуха размѣстились на крытыхъ галереяхъ, а кое-кто продолжалъ прогуливаться подъ лѣниво накрапывавшимъ дождемъ. Тѣ же люди, среди которыхъ она блуждала вчера глубоко несчастная, къ которымъ вернется сейчасъ одна, проводивъ его,—разставшись съ нимъ! Казалось, что люди непремѣнно тѣ же самые, что они вовсе даже и не расходились, а вѣчно толкутся передъ этой эстрадой, переливаясь, какъ волны, изъ залы на открытую площадку. Толкутся здѣсь, точно дѣло дѣлаютъ.

Съ Алѣевымъ то-и-дѣло раскланивались. Они спаслись на платформу и стали ходить взадъ и впередъ вдоль длиннаго ряда вагоновъ.

„Черезъ часъ!“—сказала себѣ Анна, когда очередной поѣздъ тронулся, унося сотни людей веселыхъ, довольныхъ своимъ днемъ.

— Въ которомъ часу вы пріѣдете завтра? — спросила она печально Алѣева.

— А какъ долго вы проживете еще въ Павловскѣ?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

Анна потерялась отъ такого неожиданнаго вопроса.

— Послушайте, дорогая, — продолжалъ онъ горячо: — вѣдь мука—эти вѣчныя скитанья взадъ и впередъ, эти разставанія и встрѣчи! Мнѣ поздно снова перебираться на дачу, но впрочемъ, если вы хотите, все равно...

Онъ говоритъ о ихъ жизни вмѣстѣ. Ничего другого не могли означать эти слова, но Анна понимала и въ то же время боялась понять ихъ такъ.

— Такъ какъ же?—спросилъ Алѣевъ послѣ небольшой паузы, но, взглянувъ въ ея лицо, сжалъ нѣжно руку и прибавилъ поспѣшно:—хорошо, хорошо! Это еще видно будетъ. Простите, что я заговорилъ.

Прозвенѣлъ первый звонокъ и какъ будто ударилъ Анну по сердцу.

— Прощайте! прощайте! прощайте!—зашептала она, и слезы застилали ей глаза, заглушали голосъ.

Тогда онъ увлекъ ее на самый конецъ длинной галереи, гдѣ не было ни души, и взялъ ея обѣ руки въ свои.

— Милая, зачѣмъ это? разсуди сама! Развѣ ты не моя те-

перь? развѣ что-нибудь можетъ отнять тебя у меня? И завтра, и всегда, будетъ то же, что̀ сегодня. Ты сама, ты одна должна отдать себя мнѣ—безъ посредниковъ, къ которымъ мы привыкли. Этого нельзя измѣнить, ты знаешь! Анна, могу я остаться? долженъ я уѣхать?! Муза моя, рѣшай же скорѣе!

Анна дрожала, склоняя все ниже искаженное волненіемъ лицо.

— Хорошо, я поѣду. До завтра!—проговорилъ онъ покорно, и долго цѣловалъ ея руки, нашептывая нѣжныя просьбы не волноваться, ждать его спокойно. Просилъ не приходить встрѣчать его завтра.

Анна ничего не говорила. Второй звонокъ. Алѣевъ разыскалъ вагонъ, взошелъ на тормазъ и послалъ ей прощальный жестъ рукою.

Вдругъ взоръ Анны вспыхнулъ, щеки покрылись густымъ румянцемъ, и вслѣдъ затѣмъ поблѣднѣли смертельно. Войти въ вагонъ и уѣхать съ нимъ?!

Алѣевъ внезапно прочелъ эту мысль на ея лицѣ,—въ какомъ-то невольномъ движеніи ея, и восторженно протянулъ за ней руки.

— Да! да! да!! скорѣй только, скорѣй!..—отвѣтилъ онъ на ея взглядъ.

Поѣздъ тронулся. Анна вошла въ вагонъ.

LVII.

Мишель получилъ отъ сестры длинное письмо. Анна молила простить, не проклинать ее, просила вѣрить, что она счастлива именно такъ, какъ хотѣла, какъ только и могла быть счастлива. Она какъ будто вернулась въ родной домъ послѣ долгаго, тоскливаго скитанья. Нѣтъ и не можетъ быть у нея собственнаго законнаго мѣста въ томъ высокомъ мірѣ, куда судьба забросила ее какъ будто только для того, чтобы никогда больше она уже не могла забыть его. Она будетъ музой чужого генія, и нѣтъ жертвы, нѣтъ расплаты, которую бы она считала черезъ-чуръ высокой. Если любовь ея даетъ ему отдыхъ, возрождаетъ его силы, окрыляетъ его вдохновеніе, если она можетъ дать счастіе тому, кто столько наслажденія и столько добра даетъ другимъ, то неужели же такая доля позорна передъ людьми и передъ собственной совѣстью?..

Отъ первой строки и до послѣдней это былъ самоотверженный, восторженный гимнъ Алѣеву, его уму, благородству, очарованію. Анна умоляла Мишеля не отравлять ея счастья своимъ

гнѣвомъ, своимъ горемъ и, если возможно, не отнимать у нея дружбы.

Давно уже были высланы всѣ ея документы и отправлена въ Петербургъ Даша съ вещами. Мишель былъ не столько оскорбленъ, сколько уязвленъ душевно обращеніемъ Анны къ губернатору. Почтенный сановникъ прислалъ въ Залѣсье курьера съ письмомъ, написаннымъ очень тактично и сердечно. Голубинъ, наконецъ, очнулся и увидѣлъ, до какой крайности довелъ дѣло своимъ упорствомъ. Ни совѣты, ни негодованіе, ни слезы Мани не могли больше поддержать въ немъ воинственнаго настроенія и затаенной надежды, что Анна пожалѣетъ его, вернется. Мишель вдался теперь въ другую крайность. Все кончено! Онъ оттолкнулъ отъ себя сестру своимъ деспотизмомъ, на который не имѣлъ никакихъ правъ. Онъ не съумѣлъ сберечь ея нѣжной дружбы, не оцѣнилъ ея терпѣнія, онъ навсегда потерялъ уваженіе Анны и поступалъ какъ безразсудный эгоистъ!

Мишель затосковалъ, мѣста себѣ не находилъ. Въ Залѣсьѣ жилось теперь далеко не весело. Авторитетъ Марьи Павловны пострадалъ всего сильнѣе отъ неудачи, къ которой привели ея совѣты; Маня жаловалась даже, что мужъ сталъ „дурно обращаться“ съ нею. Онъ грубо спрашивалъ, чего еще она добивается? Неужели не довольствуется тѣмъ, что выжила Анну изъ дома и заставила его все продѣлать для того, чтобы сестра никогда не пожелала вернуться? Рада ли Маня, что онъ достался ей одной, и некому брать его сторону и отстаивать его свободу?!

Какъ истинно безвольный человѣкъ, Голубинъ сваливалъ всю вину на жену. Онъ страстно упрекалъ ее за все, что̀ самъ сдѣлалъ, и чего она могла только желать. Она поссорила его съ Анной и сдѣлала смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей! Женщины всегда добьются, чего хотятъ, — онѣ готовы міръ перевернуть ради своихъ эгоистическихъ цѣлей!..

Строптивость Мишеля была такъ нова, что Манѣ измѣняла ея находчивость. Она не догадывалась замѣтить на это, что „перевернуть міръ“ женщины могутъ только мужскими руками, и потому странно взыскивать съ нихъ чужія безразсудства и проступки. Не совсѣмъ прилично, по меньшей мѣрѣ, распорядителю вселенной сваливать свои промахи на подчиненное существо, а себѣ одному приписывать всѣ заслуги. Но Маня никогда не была сильна въ теоретическихъ разсужденіяхъ, а потому на всѣ подобныя выходки отвѣчала только слезами и жалобами. И этому человѣку она отдала всю свою молодость, похоронила себя въ деревнѣ!

А-а! пусть онъ пѣняетъ на себя, если она не будетъ вѣчно такъ глупа и не станетъ до конца дней своихъ упражняться въ добродѣтеляхъ, которыхъ никто не цѣнитъ и не заслуживаетъ! Марья Павловна понимала, конечно, смыслъ такихъ намековъ, но Мишель забывалъ ихъ такъ же легко, какъ и тѣ крайности, до которыхъ онъ самъ доходилъ. Спустя нѣсколько часовъ, онъ могъ только со слезами цѣловать ея руки и твердить, что она у него одна въ цѣломъ мірѣ, но никого больше ему и не нужно.

Съ самаго отъѣзда Анны Мишель усвоилъ себѣ привычку читать ея письма въ одиночку, приготовляясь къ тому, что и какъ сказать Манѣ. Зажавъ въ карманѣ роковое письмо, Голубинъ забрался съ нимъ подальше въ садъ, не предчувствуя, что ждетъ его. Напротивъ, онъ надѣялся, судя по толстому конверту, что письмо примирительное, что Анна оцѣнила его позднюю готовность пойти на всѣ уступки. Оно поразило его точно громомъ. Мишель читалъ, перечитывалъ, не вѣря глазамъ, отказываясь понять, что Анна сошлась съ женатымъ человѣкомъ, открыто поселилась въ домѣ Алѣева. Еслибъ письмо возвѣщало внезапную смерть дѣвушки, это было бы не болѣе неожиданно, чудовищно и, конечно, было бы менѣе больно. Мишель обливался горячимъ потомъ, чувствовалъ, что его душитъ, въ ушахъ гудятъ колокола, черныя мухи порхаютъ въ глазахъ. Машинально онъ разорвалъ воротъ, сбросилъ фуражку и шаткой, отяжелѣвшей походкой побрелъ во флигель.

Только со Строевымъ Мишель говорилъ объ Аннѣ *все, что думалъ*, не щадя и не выгораживая ее, потому что былъ увѣренъ въ горячей защитѣ. Великодушный, мягкій человѣкъ, Голубинъ вовсе не замѣчалъ даже, что поступаетъ въ сущности безжалостно, избирая для себя поддержкой того, кто страдалъ сильнѣе, чѣмъ онъ. Вѣроятно, онъ сознавалъ бы это, еслибъ не увѣровалъ черезъ-чуръ слѣпо въ мистическое безстрастіе и отреченіе своего друга отъ всѣхъ земныхъ слабостей. Всѣ слабые люди необыкновенно охотно вѣрятъ въ чужую силу и совершенно не знаютъ ей предѣловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это нужно имъ.

Первымъ побужденіемъ Мишеля было спрятаться во флигелѣ отъ взоровъ жены. Онъ открылъ балконную дверь, и ему казалось, что онъ позвалъ Строева,—но жилецъ не слыхалъ никакого зова; онъ выбѣжалъ только на шумъ чего-то тяжелаго, рухнувшаго на полъ. Въ первую минуту Строевъ подумалъ, что Голубина поразилъ ударъ; однакожъ Мишель очнулся довольно скоро послѣ ледянаго душа на голову и такихъ усердныхъ расти-

раній щеткой, что кожа горѣла и болѣла отъ безчисленныхъ уколовъ. Это казачокъ Строева усердствовалъ до поту лица и потомъ съ гордостью увѣрялъ дворню, что онъ „отходилъ“ барина. Строевъ уложилъ Голубина на свою постель и запретилъ ему разговаривать. Почтовый листъ большого формата, исписанный неразборчивымъ почеркомъ Анны, давно покоился у него на груди. Вынувъ его изъ помертвѣвшей руки Голубина, Строевъ зналъ уже, что случилось что-то ужасное.

— Могу я прочесть это?—спросилъ онъ своимъ ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ, вынимая письмо.

Мишель кивнулъ головой. Когда Строевъ отошелъ къ окну, выбирая такое мѣсто, откуда бы онъ не былъ видѣнъ, съ кровати послышались глухія, безутѣшныя рыданія.

Анна отказалась отъ нанятой квартиры и отъ выбранной мебели, потерявъ значительный кушъ на задаткахъ. Ей даже и въ голову не приходило, чтобы она могла поселиться отдѣльно отъ Алѣева, на жертву одиночеству, вѣчнымъ разставаніямъ и ожиданіямъ, всей мучительной фальши...

Неизвѣстно, каковы были первоначальные планы самого Алѣева. Рѣшеніе дѣвушки онъ принялъ съ готовностью и перевернулъ вверхъ дномъ весь домъ, стараясь устроить ее возможно удобнѣе. Однакожъ, квартира оказалась недостаточно велика, и многихъ необходимыхъ вещей некуда было размѣстить. Заходила рѣчь и о перемѣнѣ квартиры, хоть Алѣеву жаль было разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, гдѣ онъ прожилъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Кто только не зналъ этого адреса! Къ какимъ бы воспоминаніямъ онъ ни обращался, они всѣ связаны съ этими старыми, солидными комнатами, загроможденными массою вещей, извѣстныхъ до точности только одной Павлѣ Егоровнѣ. О какихъ бы ни вспоминалъ онъ дружескихъ встрѣчахъ, яростныхъ спорахъ или особенно памятныхъ свѣтлыхъ бесѣдахъ,—всего чаще знакомыя рѣчи слышались въ этомъ самомъ кабинетѣ, гдѣ онъ поселился еще молодымъ человѣкомъ, когда вернулся въ Россію послѣ трехлѣтнихъ заграничныхъ скитаній, вернулся опять холостымъ и далъ торжественный зарокъ своимъ друзьямъ умереть свободнымъ отъ женскихъ цѣпей. Эта комната вся пропитана мирнымъ, святымъ трудомъ. Здѣсь создавался цѣлый рядъ его лучшихъ произведеній; здѣсь дарована жизнь многимъ десяткамъ лицъ, которыя для него навѣки останутся реальными существами —они приходятъ на память, идутъ въ сравненіе или ставятся въ примѣръ совершенно одинаково съ живыми людьми...

Бросить эту квартиру! не будетъ ли это насильственнымъ перерывомъ, порванной связью съ прошлымъ, которымъ онъ такъ дорожитъ?

Все это Анна поняла, уловила въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, въ невольныхъ восклицаніяхъ и въ увлекательныхъ воспоминаніяхъ, которымъ ея другъ предавался особенно охотно. Потому ли, что онъ хотѣлъ возможно лучше познакомить ее со своей жизнью, или же оттого, что угрожавшая перемѣна заставляла особенно цѣнить и дорожить всѣмъ, что было? Анна наотрѣзъ отказалась отъ переѣзда и съ радостью готова была довольствоваться одной комнатой лично для себя.

Уединеніе, о которомъ Анна мечтала вначалѣ, оказалось недостижимымъ. Петербургъ съѣзжался. Алѣева осаждали письмами, приглашеніями и визитами. Къ нему спѣшили, какъ на поклонъ, друзья и знакомые, вернувшіеся изъ лѣтнихъ странствій; всякій хотѣлъ знать, что онъ сдѣлалъ за лѣто и каковы его планы на зиму. Затѣвался чей-то юбилей, и онъ долженъ былъ предсѣдательствовать на какихъ-то засѣданіяхъ; то его тянули на свиданіе съ кѣмъ-то, то приходилось ему разъѣзжать въ хлопотахъ по чужимъ дѣламъ. Одинокій человѣкъ, Алѣевъ принадлежалъ всецѣло своему труду и своему кружку. Онъ привыкъ отзываться горячо на всякую бѣду, спѣшить на помощь во всѣхъ затрудненіяхъ; онъ долженъ былъ все знать и за всѣмъ слѣдить, чтобы надо всѣмъ произнести свой авторитетный судъ. Могъ ли человѣкъ этотъ хотя на время порвать старыя связи и остановить ходъ дѣлъ, раньше начатыхъ, для того, чтобы отдаться всецѣло новой любви? Могъ ли онъ отказать своимъ многочисленнымъ друзьямъ въ обычномъ вниманіи, хотѣлъ ли, наконецъ, онъ самъ обходиться безъ нихъ?

Анна должна понимать это. Она думала дни и ночи. Да, она ни о чемъ другомъ не думала, кромѣ тѣхъ безчисленныхъ тонкостей, которыя отличали ея положеніе отъ замужества. Въ одномъ только различія не было: они горячо любили другъ друга и жили вмѣстѣ; „я еще не привыкла, и потому не чувствую себя дома — это пройдетъ!“ утѣшала себя Анна. Это случалось обыкновенно, когда Алѣевъ уѣзжалъ, расцѣловавъ ее на прощанье, повторивъ десять разъ, какъ все это несносно, какъ бы онъ не хотѣлъ отрываться отъ нея. Онъ возвращался веселый, счастливый, но рѣдко разсказывалъ, какъ онъ провелъ свое время: теперь онъ хотѣлъ заниматься только ею!..

Когда дѣвушки думаютъ о замужествѣ, имъ всегда мечтается *новая жизнь*, которую онѣ создадутъ для любимаго человѣка. Анна

вошла въ жизнь готовую, давно сложившуюся,—въ жизнь, цѣль которой была уже достигнута; въ жизнь, гдѣ прошлое важнѣе будущаго, гдѣ имъ дорожатъ больше, чѣмъ настоящимъ. Вошла какъ гостья, обязанная примѣниться къ ней, но не какъ полноправная хозяйка, которая станетъ медленно, настойчиво и неутомимо подкапываться подъ самое недоступное зданіе: пустить цѣпкіе корни во всѣ мельчайшія трещины, заполонить каждое свободное пространство и мало-по-малу крѣпкія стѣны заставить раздаться подъ напоромъ новой, требовательной, быстро развивающейся силы... Анна не могла отдѣлаться отъ этихъ ощущеній случайной гостьи въ прекрасномъ существованіи, гдѣ все устроено наилучшимъ образомъ, и ничто не нуждалось въ ея участіи и помощи. Даже хозяйство вела безподобно Павла Егоровна и отнюдь не расположена была выпустить его изъ своихъ рукъ. Все шло своимъ порядкомъ, заведеннымъ давнымъ-давно. Ея присутствіе ничего не измѣняло существенно: старая жизнь только потѣснилась немного, чтобы и ей дать мѣсто.

Она не ожидала такихъ двойственныхъ ощущеній въ самый разгаръ упоительнаго, восторженнаго счастія. Да, безспорно Алѣевъ любилъ ее страстно и нѣжно! Если она заставляла его снова и снова увѣрять, доказывать и клясться,—то она и сама не сказала бы, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Она безсознательно усиливалась пополнить какой-то внутренній недочетъ, еще неуловимый...

— Ты мнѣ какъ будто не вѣришь? что это значитъ, Муза! —восклицалъ Алѣевъ съ огорченіемъ.

Она просила прощенія, пристыженная.

— Нельзя дать ничего больше искренней любви, а я люблю тебя!—сказалъ ей однажды Алѣевъ.

Онъ уѣхалъ. Анна сидѣла одна въ его кабинетѣ и долго думала надъ этимъ словомъ. Правда, любовь свою онъ ей даетъ—но его жизнь полна и счастлива помимо этой любви. А она??.. она до сихъ поръ жила только въ ожиданіи, въ поискахъ счастья. Теперь у нея не осталось ничего своего, отдѣльнаго, чего бы она не отдала ему. Нѣтъ ничего, чего бы она ждала или могла получить помимо него. Да, да! вотъ въ чемъ разгадка странной муки, которая примѣшивалась къ ея блаженству: въ обмѣнъ за цѣлое—получить частицу! Доля женская? эта доля меньше ощущается, когда люди трудятся вмѣстѣ надъ созданіемъ общаго гнѣзда, возводятъ его любовно и заботливо для будущей семьи. Совершенно неожиданно Анна приходила къ тому самому, противъ чего возставала... Нѣтъ, этому она не поддастся! не она станетъ оплакивать рутину и вздыхать о блаженной долѣ Марьи Павловны!

На что она ропщетъ? чего она хочетъ?? Чтобы человѣкъ, котораго она полюбила, былъ похожъ на Мишеля—не имѣлъ ни помысловъ, ни желаній, которые бы не клонились къ ея эгоистическому благополучію?.. О, да развѣ могла бы она полюбить такого?! Нѣтъ, конечно нѣтъ! Она счастлива, хоть и не можетъ не мучиться—будетъ мучиться! Будетъ ревновать ко всему вмѣстѣ: къ его славѣ, къ друзьямъ, къ его работѣ. Надо только, чтобы онъ не замѣчалъ этого. Избави Богъ преслѣдовать его упреками и требованіями невозможными. А! сколько ошибокъ она уже успѣла надѣлать, поддаваясь безсознательно своимъ ощущеніямъ! Это все надо исправить, загладить,—его любовь надо беречь, потому что, —ну, да потому, что ее можно потерять.

Въ первый разъ Анна порадовалась, что Алѣева не было дома. Того, о чемъ она думала теперь, она не разскажетъ ему. Чѣмъ искуснѣе скроетъ отъ него, чѣмъ глубже затаитъ это въ собственномъ сердцѣ, тѣмъ лучше для нихъ обоихъ, тѣмъ они будутъ счастливѣе. Вотъ какова жизнь! вотъ онъ — собственный, выстраданный опытъ!! Какъ недавно еще она представляла себѣ счастье не иначе, какъ „душа въ душу“, за-одно всѣми помыслами, чувствами и желаніями. Знаетъ теперь, что такъ не будетъ, но и это все же счастье! можетъ быть еще завлекательнѣе, еще дороже и желаннѣе, оттого, что нельзя безпечно погрузиться въ немъ, какъ въ сонномъ морѣ безусловнаго благополучія, ничего не оставляющаго желать? Какъ будто можетъ человѣкъ не желать! Маня, и та влюбилась отъ скуки въ Заботина, наперекоръ всѣмъ своимъ тенденціямъ и убѣжденіямъ.

Анна оглядывалась назадъ, пораженная, что прошелъ всего одинъ только мѣсяцъ. Такъ быстро жить нельзя при нормальныхъ условіяхъ. Такъ рано и такъ вѣрно осмыслить собственное положеніе не удается безмятежнымъ счастливцамъ, убаюканнымъ увѣренностью, что они держатъ въ рукахъ собственную судьбу. Но вѣдь это ослѣпленіе и ничего больше!—ослѣпленіе вредное, потому что оно лишаетъ людей осторожности и вѣрной оцѣнки. Это ослѣпленіе больше чѣмъ что-нибудь питаетъ и развиваетъ искусственно то, что должно погубить хрупкій и недолговѣчный цвѣтъ счастья. Оно-то усыпляетъ единственнаго надежнаго руководителя въ столь сложной задачѣ слитія двухъ жизней—двухъ разныхъ натуръ и организацій, различныхъ возрастовъ, привычекъ и міровоззрѣній...

Вѣрный руководитель не дремалъ ни минуты въ умной головкѣ Анны, сидѣвшей одиноко въ прекрасномъ, большомъ *его* кабинетѣ. Она была окружена здѣсь со всѣхъ сторонъ славными,

любимыми трудами, друзьями, отсутствующими или умершими, символами, свято чтимыми—воспоминаніями, олицетворяющими въ себѣ жизнь, которая не повторится. И она смотрѣла на все это не безпечными глазами молоденькой жены, воображающей, что отнынѣ это все подчинено ей, увѣренной въ своемъ блаженномъ невѣденіи, что цѣлая жизнь, сложная и разнообразная, не перевѣситъ той чаши вѣсовъ, на которую брошена только ея молодость и любовь. Въ глубокомъ взорѣ Анны свѣтилась привычная дума, еще болѣе напряженная, изощренная и наэлектризованная. Ей досталось чудное, высшее счастье, какое возможно, но и оно не избавитъ ее отъ одиночества въ самыхъ сокровенныхъ ощущеніяхъ и помыслахъ. Когда, бывало, она видѣла счастливыхъ женщинъ, ей всегда казалось, что ихъ довольство заключается именно въ этомъ отсутствіи завѣтнаго, обособленнаго: ихъ жизнь сливалась, растворялась въ общей жизни. Она чувствовала всю невозможность слиться, но въ ней не было слѣпого, безразсуднаго порыва ополчиться за это, какъ на врага, на то, что она любила. Между тѣмъ Анна не была ни смиренна, ни кротка по характеру. Вся сила яснаго ума заключается именно въ разносторонности пониманія. Въ этомъ лучшій залогъ всѣхъ справедливыхъ и мудрыхъ поступковъ, которые слишкомъ часто мы приписываемъ одному чувству.

И опять ощущенія Анны двойственны. Въ ея размышленіяхъ мало отраднаго,—но въ то же время въ ней крѣпнетъ успокоительная увѣренность, что сознаніе не пришло черезъ-чуръ поздно. Ей нечего бояться, если опасная исключительность положенія видна ей такъ ясно съ первыхъ шаговъ, а любовь къ Алѣеву настолько сильна, что она готова оберегать ее противъ себя самой—противъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага всякаго счастья: необдуманности порывовъ, требованій и чувствъ...

Эти нѣсколько часовъ страстнаго, мучительнаго размышленія не пропали даромъ. Вернувшись, Алѣевъ былъ радостно удивленъ, найдя Анну совершенно „успокоенною“. Онъ отнесъ это къ той неровности характера, въ которой имѣлъ случай убѣдиться за мѣсяцъ ихъ сожительства. Однакожъ перемѣна оказалась болѣе устойчивой.

„Она созрѣла“,—сказалъ себѣ романистъ, внимательно прослѣдивъ за Анной дня два:—о, она умна, его муза, а съ умнымъ человѣкомъ самыя трудныя положенія легки!..

Алѣевъ не подѣлился съ Анной своими выводами; но онъ былъ съ нею особенно нѣженъ и веселъ.

„Вотъ и награда!“—думала Анна, сіяя счастьемъ и не говоря ему, что это—награда сознательно заслуженная.

Счастье часто бываетъ полнѣе, когда къ нему примѣшивается маленькая жгучая боль, источникъ которой кроется въ немъ самомъ.

LVIII.

Одинъ изъ первыхъ явился и привѣтствовалъ Анну, какъ хозяйку, Егоръ Семеновичъ Малинарскій. Наканунѣ онъ случайно столкнулся съ Алѣевымъ на улицѣ; Егоръ Семеновичъ уже раньше слышалъ кое-что, но отказывался вѣрить Мохову.

Алѣевъ крѣпко пожалъ ему руку и безъ всякихъ вступленій, тутъ же на тротуарѣ объявилъ, что онъ „успѣлъ сочетаться“, съ тѣхъ поръ какъ они видѣлись въ послѣдній разъ.

— И, пожалуйста, являйся къ намъ скорѣе и какъ можно чаще!—прибавилъ онъ горячо:—Un collage,—это имѣетъ свою сторону. Мнѣ бы хотѣлось облегчить ей, сколько можно. Она такая чуткая и нѣжная, при всей своей отвагѣ.

Пріятели посмотрѣли въ глаза другъ другу, и сами не замѣтили, что этотъ дружескій взглядъ былъ не слишкомъ веселъ.

— Гдѣ же я найду васъ?—спросилъ Малинарскій.

— Какъ гдѣ? у меня, разумѣется.

— На твоей квартирѣ?.. Хорошо, хорошо, я явлюсь завтра же. Поклонись отъ меня усердно твоей супругѣ.

Малинарскій поцѣловалъ Аннѣ руку и пожелалъ ей безмятежнаго счастья на долгіе годы. У нея мгновенно выступили слезы на глаза. Она поцѣловала его крѣпко въ лысину, а когда онъ поднялъ красное лицо, она еще разъ неожиданно поцѣловала его въ губы.

Онъ одинъ поздравилъ ее, какъ поздравляютъ молодыхъ, и не обходилъ молчаніемъ ея новаго положенія. Напротивъ, Егоръ Семеновичъ все время протолковалъ о томъ, какъ имъ лучше устроиться, и сожалѣлъ съ нею вмѣстѣ, что поѣздка за границу не состоялась. Объ этой поѣздкѣ, впрочемъ, только и было рѣчи, что въ томъ вагонѣ, въ которомъ Анна такъ внезапно уѣхала изъ Павловска.

— Мы будемъ хорошими друзьями, Егоръ Семеновичъ, не правда ли?—провожала его Анна въ прихожей:—вы не станете ревновать ко мнѣ Николая Николаевича? Пожалуйста, удѣлите мнѣ *охотно* мою долю! Знаете, это всегда будетъ только небольшая доля, вамъ еще довольно останется!

Малинарскій посмотрѣлъ на нее изъ-подъ нахлобученной шапки.

— Такъ-то и всегда бываетъ, милая барынька, хоть вы, женщины, этого сплошь и рядомъ не замѣчаете.

— Ну, да, да! всегда такъ!—подтвердила Анна и еще разъ горячо пожала ему руку...

— Ты кончилъ?—подняла Анна голову отъ книги, замѣтивъ, что Алѣевъ положилъ перо и откинулся на спинку кресла.

— Нѣтъ еще! Ничего не можетъ быть несноснѣе, какъ редактировать чужую работу. Ужасно трудно уважать достаточно чужую самостоятельность и воздерживаться отъ поправокъ. Такъ вотъ руки и чешутся.

— Зачѣмъ же воздерживаться, если просятъ твоей редакціи?

— Ну, это еще не значитъ соглашаться быть обезличеннымъ. Но я-то согласился въ послѣдній разъ—это ужъ вѣрно!

— Какъ, однакожъ, часто ты это говоришь! — усмѣхнулась Анна:—И чужіе романы читать не будешь, и денегъ въ займы давать не станешь, и совѣта отъ тебя никто больше не вытянетъ. Интересно знать, что-то будетъ со всѣми этими зароками!

— А-а! такъ вы ловить меня изволите, сударыня? Хорошо же! Прежде всего я далъ зарокъ скоротать свой вѣкъ свободнымъ холостякомъ—и вотъ какъ я сдержалъ его!

Тѣнь пробѣжала по лицу Анны.

— Свободнымъ...

— Да-съ, свободнымъ! Чтобы не тянуло отовсюду въ свою хату. Чтобы не приходило на умъ въ самый разгаръ веселой бесѣды:—„а что-то дѣлаетъ теперь моя голубка?“

Глаза Анны вспыхнули; она бросила книгу и въ одинъ мигъ очутилась около его стула.

— А приходитъ? да? приходитъ? Ты не сочиняешь??

Она тормошила его и цѣловала въ глаза.

— Кто-жъ меня знаетъ—можетъ быть и лгу!—смѣялся онъ, сжимая обѣими руками ея тоненькую талію.

— Н-нѣтъ,—н-нѣтъ,—н-нѣтъ!!!..

— Послушай, вѣдь это, однако, чужая рукопись, нельзя такъ комкать!

— Вздоръ!—если ты ее разорвешь, тебѣ и то простится.

— Воображаешь себѣ!—не знаешь, каковъ народъ авторы.

Алѣевъ не кончилъ и выпустилъ ея талію. Анна отодвинулась отъ кресла: въ комнату входилъ Ѳедоръ, имѣвшій разрѣшеніе являться въ кабинетъ безъ зова только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Онъ имѣлъ очень глупый и торжественный видъ, подавая визитную карточку Сергѣя Михайловича Строева.

— Говорятъ, что отъ Анны Владиміровны изъ дому,—доложилъ онъ, видимо проникнутый значеніемъ этихъ словъ.

— Что? что? Строевъ?! Строевъ!! — повторяла Анна внѣ себя.

Алѣевъ покраснѣлъ и поднялся, съ холоднымъ блескомъ въ глазахъ.

— Eh bien?—votre reponse?—обратился онъ сухо къ Аннѣ.

— C'est à vous de décider.

— Они спрашиваютъ Анну Владиміровну? — переспросилъ Алѣевъ лакея какъ-то оскорбительно неспѣшно.

— Такъ точно. Изъ дому, говорятъ,—повторилъ тупо Ѳедоръ.

— Попросите войти! —перебила внезапно Анна, выпрямляясь и поблѣднѣвъ до самыхъ губъ: —Сюда?—обернулась она также сухо къ Алѣеву.

— Какъ вамъ угодно. Я выйду.

Алѣевъ пошелъ къ двери, но замедлилъ; страстное, непобѣдимое любопытство приковало его къ полу. Строевъ вошелъ.

Именно такимъ онъ и воображалъ себѣ Строева—высокимъ, слегка сутуловатымъ, безъ кровинки въ лицѣ. Лучистый взоръ съ порога перелетѣлъ комнату и встрѣтился съ жадно раскрывшимся, орлинымъ взглядомъ романиста. Они смотрѣли другъ на друга нѣсколько секундъ.

— Я рада васъ видѣть, Сергѣй Михайлычъ, — послышался взволнованный голосъ Анны.

Строевъ тогда только перевелъ на нее глаза. Сухое лицо дрогнуло, взоръ разомъ какъ будто потухъ.

— Я не льстилъ себя надеждой, чтобы встрѣча могла быть пріятна. Благодарю, что у васъ нашлись эти слова.

Въ первый разъ въ жизни Алѣевъ не зналъ, что ему дѣлать. Уйти—бѣжать. Остаться—могутъ, пожалуй, принять за ревность. Онъ проклиналъ себя, что поддался минутному любопытству.

Анна смотрѣла на Строева, и въ ея душѣ смутно зашевелилось все пережитое и позабытое въ угарѣ новыхъ ощущеній. Строевъ не походилъ теперь ни на надменнаго, холоднаго страдальца, съ которымъ она познакомилась впервые, ни на того возрожденнаго человѣка, вновь расцвѣтавшаго и исполненнаго новыхъ надеждъ, съ которымъ разсталась ночью въ старой аллеѣ —разсталась, чтобы нанести ему за глаза нежданный, безжалостный ударъ. Онъ постарѣлъ, и къ тому сильно похудѣлъ. Въ его рѣчи и въ движеніяхъ появилась какая-то медлительность, и было что-то особенное, не то рѣшимость, не то волненіе сдерживаемое—во взорѣ, то вспыхивавшемъ, то потухавшемъ.

Алѣевъ взялся за портьеру японскаго кабинета. Анна пригласила гостя сѣсть. Это заставило Строева очнуться.

— Я бы не явился гостемъ и не надѣялся видѣть васъ. Я имѣю сказать нѣсколько словъ господину Алѣеву—не отъ себя, разумѣется. Я пріѣхалъ по порученію.

— Мишеля!—сорвалось неудержимо съ устъ Анны.

Алѣевъ выпустилъ портьеру и нервно шагнулъ на середину комнаты. Его человѣкъ глупъ, перепуталъ докладъ. Онъ къ услугамъ господина Строева.

Энергичныя брови мрачно сдвинулись; холодное, почти отталкивающее выраженіе сжало черты, выдвинуло надменно нижнюю челюсть. Онъ смотрѣлъ непріязненно на Анну, но чувствовалъ, что его не покидаетъ тяжелый, неподвижный взоръ гостя.

— Анна Владиміровна, вы, конечно, не станете стѣснять насъ своимъ присутствіемъ? Каково бы ни было предстоящее объясненіе, оно возможно только съ глазу на глазъ.

Анна была блѣдна, какъ смерть. Верхняя губа гордо вздрагивала, глаза казались совсѣмъ черными.

— Никогда!—то, что мой братъ имѣетъ сказать вамъ по поводу меня, я въ правѣ и хочу слышать. Я не позволю ничего скрыть отъ меня — не допущу, чтобы васъ оскорбляли за меня! Удивляюсь, Сергѣй Михайлычъ, что вы рѣшились принять на себя подобное порученіе!

— Да, но теперь поздно разсуждать объ этомъ—господинъ Строевъ принялъ это порученіе. Не я буду уклоняться. Требую только, чтобы вы не мѣшали намъ. Вы должны это понять.

Анна смотрѣла на него съ ужасомъ, съ мольбой. Она въ первый разъ видѣла глубокій гнѣвъ въ темномъ взорѣ, непреклонную рѣшимость въ лицѣ.

— Я не буду мѣшать!—не произнесу ни одного слова, обѣщаю вамъ! Пожалѣйте меня!.. Что бы мнѣ ни сказали послѣ—я не повѣрю. Это насиліе!—рѣчь идетъ обо мнѣ.

— Да, именно потому, что рѣчь идетъ о васъ!—повторилъ Алѣевъ безжалостно, взялъ ее подъ-руку и увелъ изъ комнаты.

Онъ молча прошелъ черезъ японскій кабинетъ, не обративъ вниманія на попытку Анны остаться въ немъ,—довелъ ее до ея комнаты и посадилъ на атласную кушетку, утопавшую въ живыхъ цвѣтахъ.

— Ты будешь сидѣть тутъ до тѣхъ поръ, пока я не приду за тобой. Такъ должно—я тебя прошу... я такъ хочу, Анна!

Онъ сжалъ ея руки и вышелъ, плотно затворивъ дверь. Изъ груди Анны вылетѣлъ глухой стонъ.

Одинъ—Строевъ жадно оглядывалъ кабинетъ извѣстнаго романиста. Сѣдой красавецъ! Онъ понялъ теперь всю беззавѣтность, всю безповоротность этой страсти. Вотъ, наконецъ, тотъ господинъ, который будетъ повелѣвать Анной по своей прихоти. Сдѣлаетъ изъ нея украшеніе или игрушку своего увѣнчаннаго существованія—и она будетъ за все лобызать его руки, будетъ, исходя кровью, твердить о счастьѣ.

И можетъ быть... можетъ быть, дѣйствительно только это и есть счастіе—принять покорно свою судьбу изъ милыхъ рукъ, какова бы она ни была! Даже если это—смерть заживо. Предвкушеніе вѣчнаго, гдѣ уготованъ отдыхъ плѣненному духу. Тяжко влачить бренное тѣло съ его слѣпыми, темными порывами — съ глухими отголосками вымершихъ страстей, вытравленныхъ желаній.

— Вы—секундантомъ?—спросилъ отрывисто Алѣевъ, войдя въ кабинетъ и остановившись передъ Строевымъ.

— Я оставилъ Голубина больнымъ, въ постели.

— Стало быть, вы замѣните его у барьера?

Алѣевъ чувствовалъ и самъ, что слова звучатъ черезъ-чуръ высокомѣрно. Не было времени взвѣшивать. Имъ владѣло всецѣло оскорбительное ощущеніе избалованнаго человѣка, призваннаго внезапно къ отвѣту. Туманила умъ страстная, лихорадочная жажда кончить скорѣе — не тратя лишнихъ словъ, узнать, чего хотятъ отъ него, не обмолвясь ни однимъ словомъ о себѣ, о своихъ чувствахъ, о своихъ оправданіяхъ.

Вопросъ поразилъ Строева. Въ его сощурившихся глазахъ промелькнула иронія. Онъ сдѣлалъ легкій поклонъ свѣтскаго человѣка и замѣтилъ своимъ безжизненнымъ—„отвратительнымъ“ для Алѣева—голосомъ, что онъ не имѣетъ подобныхъ полномочій, а за собою не признаетъ никакихъ личныхъ правъ.

— Такъ господинъ Голубинъ не желаетъ дуэли?—я не понимаю въ такомъ случаѣ! — продолжалъ подавлять его своимъ высокомѣрнымъ тономъ хозяинъ.

— Я буду имѣть честь изложить вамъ соображенія господина Голубина,—не смущался ни мало эксъ-чиновникъ при министрѣ, умѣвшій когда-то хладнокровно и изящно одерживать дипломатическія побѣды.

— Я васъ попрошу приступить немедля.

Они не садились. Алѣевъ машинально закурилъ сигару и только тогда опомнился и предложилъ Строеву; тотъ отклонилъ легкимъ жестомъ.

— Ваша супруга жива?

— Вѣроятно жива, если нѣтъ извѣстій объ ея смерти.

До конца дней своихъ онъ не забудетъ этого вопроса въ устахъ чужого человѣка, забравшагося сюда по какому-то праву, и котораго, при всемъ негодованіи, клокотавшемъ въ груди, онъ *не могъ* заставить замолчать. А! вотъ онѣ розы „свободной любви", за которую расплачиваются soit-disant однѣ женщины! Образъ Анны промелькнулъ въ отуманенномъ гнѣвомъ умѣ, но не смягчилъ его. Этотъ „лицемѣръ" долженъ говорить, если ему поручено и если онъ, Алѣевъ, былъ настолько глупъ, что позволилъ принять его. Но такимъ образомъ не спускать съ него пронизывающаго, безтрепетнаго взгляда—это ужъ наглость, утонченное преслѣдованіе, на какое способны именно подобные подвижники.

— Братомъ Анны Владиміровны руководитъ не чувство мести, не желаніе зла кому бы то ни было.

Алѣеву хотѣлось расшаркаться и поблагодарить. Онъ стиснулъ зубы.

— Положеніе вполнѣ поправимо: разводъ,—выговорилъ отчетливо Строевъ, не отводя ни на минуту глазъ.

Алѣевъ бросилъ на коверъ сигару съ огнемъ... Голубинъ требуетъ развода?—а! это безподобно! Въ пятьдесятъ лѣтъ Алѣевъ начнетъ волочить свое имя по скандальнымъ процессамъ! станетъ уличать въ невѣрности сѣдую женщину, которую добровольно отпустилъ отъ себя двадцать лѣтъ тому назадъ! Вотъ что значитъ соглашаться на подобныя объясненія и имѣть глупую деликатность не указать дверь непрошеннымъ парламентерамъ.

— Роль посредника не слишкомъ пріятна. Объясненіе, безъ сомнѣнія, легче вести письменно и получить тотъ же отказъ, надо надѣяться, въ формѣ болѣе приличной. Я взялъ на себя эту неблагодарную роль единственно для того, чтобы узнать то, чего не прочтешь въ письмѣ.

(Эти слова произнесъ какъ будто чей-то другой голосъ, полный негодующаго волненія. Ни тѣни „подвижничества" не осталось въ исказившихся чертахъ.)

— Да!—чтобы узнать—видѣть своими глазами, много ли въ вашемъ сердцѣ истинной любви къ этой женщинѣ? Теперь я знаю! Я впередъ предвижу всю ея судьбу.

— Вамъ остается только прибавить, что вы предлагаете ей свои услуги въ тотъ день, когда я ее брошу!

Они не сознавали больше, что говорятъ, не уважали себя. Они испытывали одну ядовитую ненависть. Изъ-за мгновеннаго удовлетворенія, которое дается оскорбительнымъ словомъ, уже мелькала невозможность забыть, изгладить изъ своей жизни переживаемое униженіе.

Ахъ! еще лучше! такъ, стало быть, ему попросту разставляли ловушку? понимали прекрасно и сами, что требованіе нелѣпо, что онъ *не можетъ* согласиться на разводъ, еслибъ даже и возможно было добиться его? Такъ поступаютъ благородные люди, уличающіе его въ недостаткѣ честности! Господинъ Голубинъ, разумѣется, имѣетъ несомнѣнное право интересоваться вопросомъ, возможно или нѣтъ благопріятное измѣненіе въ судьбѣ его сестры, но отвергнутый женихъ—не судья его чувствамъ! Ревность не даетъ еще права шпіонить чужую любовь и врываться предательски въ интимную жизнь.

— Вы такъ презираете отвергнутаго жениха, что мнѣ остается только дивиться, почему его мнѣніе—клевета—могло до такой степени оскорбить васъ?

— Я не привыкъ...—началъ Алѣевъ и оборвался: изъ японскаго кабинета входила Анна. — Вѣдь я сказалъ вамъ, что вы не имѣете права входить сюда!—шагнулъ онъ къ ней почти въ бѣшенствѣ.

— Ничьи слова не могутъ уничтожить моего права,—отвѣтила безжизненно Анна.

Она подошла къ Строеву.

— Я не сомнѣваюсь въ чистотѣ и великодушіи вашего побужденія, но вы оказали мнѣ услугу злѣйшаго врага! Скажите моему брату, что я увижусь съ нимъ или отвѣчу на его письмо въ тотъ день, когда онъ захочетъ примириться съ случившимся. Я счастлива и не нуждаюсь въ защитникахъ. Я васъ прошу уйти.

Строевъ вышелъ.

Въ немъ мятежно бушевало все то, что онъ считалъ похороненнымъ навѣки. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ способенъ былъ кинуться на этого человѣка въ бѣшеномъ порывѣ. Теперь въ умѣ безсвязно, безпорядочно смѣнялись различные способы преслѣдовать его путемъ закона—привлечь къ отвѣтственности, принудить насильно къ жертвѣ, на которую не хватаетъ самоотверженія.

И это былъ тотъ же Строевъ, перенесшій почти безстрастно измѣну Анны, пережившій мужественно вторичное крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ. Онъ вдругъ понялъ, что то, что переполняло его душу въ этотъ часъ времени, была не преданность любимой женщинѣ, а только страстная ненависть къ ея счастливому избраннику.

Разомъ сброшенъ съ высоты, до которой успѣлъ подняться шагъ за шагомъ тяжкими усиліями воли, страстнымъ, неустаннымъ напряженіемъ духа. Гдѣ же твой ореолъ, смиренный гор-

дешь? Вчера ты попиралъ пятою слѣпую мощь страстей, вчера ты безпрестанно смотрѣлъ впередъ, полный гордой вѣры въ свою неуязвимость. Ты думалъ, что стоишь твердой ногой на своемъ пути. Каждый прожитый день будетъ новымъ шагомъ впередъ.

Это ли зовется смиреніемъ? Въ себя ли можешь ты вѣрить, своими ли силами обороняться противъ порывовъ, противъ помысловъ и чувствъ, пропитанныхъ насквозь ложью? Легокъ и простъ былъ бы для каждаго путь возрожденія. Букашку, карабкающуюся на отвѣсную скалу, смело во прахъ! И не разъ еще будешь валяться въ этомъ прахѣ, посреди развалинъ—не надеждъ и мечтаній, составлявшихъ когда-то смыслъ жизни, среди крушенія храма внутренняго, который ты такъ усердно создаешь для себя въ одиночку. Самоуслажденіе гордеца, мнящаго вознестись надъ другими! Земля переполнилась бы святыми, зло распалось бы прахомъ передъ толпами героевъ, еслибы побѣда надъ собой давалась такъ дешево! еслибъ подвигъ самоотреченія не шелъ всегда въ разрѣзъ съ непроизвольными движеніями слѣпой природы,—еслибъ искушеніе не вползало въ душу змѣей, еслибъ не впивалось въ сердце, какъ коршунъ, цѣпкими когтями! Прими же первый горькій урокъ, новоявленный праведникъ! Имѣй мужество истинное и нелицемѣрное сказать себѣ: я не устоялъ сегодня, но съ помощью живого Бога и всего разумѣнія, какое онъ вложилъ въ меня, я вижу бездну моего несовершенства и хочу бороться съ нимъ.

Алѣевъ уходилъ, не произнося ни слова.

— Николай Николаичъ!—остановила его Анна у порога.

— Моя милая, повѣрь, намъ всего лучше дожить сегодняшній день врозь. Мы не можемъ сказать другъ другу ничего утѣшительнаго и будемъ разсудительнѣе завтра.

— Я не нуждаюсь ни въ какихъ утѣшеніяхъ! Мнѣ хочется только просить у тебя прощенія за другихъ!

— Они находятъ, что я недостаточно люблю тебя. Это не можетъ не быть большой виной въ твоихъ глазахъ.

— Я вѣрю, что ты любишь меня.

— Но я не могу повернуть жизни назадъ, а они не могутъ простить мнѣ твоей любви. Все это понятно и въ порядкѣ вещей. Мнѣ гадко, что я позволилъ себѣ выйти изъ себя, какъ мальчишка.

— Изъ-за меня! ты не забудешь этого, ты меня разлюбишь!..

Нѣтъ! о чемъ угодно, но только не о любви могъ онъ говорить въ эту минуту.

— Я поѣду къ Малинарскому. Вернусь къ чаю. Будь разсудительна и пообѣдай безъ меня,—отвѣтилъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

Навигація кончалась. Пароходъ совершалъ свои послѣдніе рейсы между желѣзно-дорожной станціей и губернскимъ городомъ.

Въ каютѣ перваго класса обѣдала компанія офицеровъ; на предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ Орестъ Павловичъ Заботинъ. Докторъ вышелъ изъ полка и на дняхъ уѣзжалъ навсегда изъ города, гдѣ, по мнѣнію всѣхъ, онъ катался какъ сыръ въ маслѣ. Онъ переѣзжалъ въ Петербургъ, намѣреваясь заняться исключительно частной практикой. Мѣстное общество не скупилось на проводы своему любимцу, оживлявшему его всегда своимъ неистощимымъ остроуміемъ, подвижностью и веселымъ скептицизмомъ, помогающимъ пользоваться жизнью, въ отличіе отъ скептицизма мрачнаго, безплодно подрывающаго энергію. Обѣды смѣнялись сечерами съ обильными ужинами; поздній пикникъ въ какую-нибудь успѣвшую опустѣть барскую усадьбу чередовался съ холоботой пирушкой, длившейся до свѣту. Орестъ Павловичъ выразилъ свою признательность и свою грусть по поводу разлуки великолѣпнымъ отвѣтнымъ обѣдомъ, на который съѣхался въ клубъ цѣлый городъ, и старикъ поваръ превзошелъ себя.

Въ Залѣсьѣ также данъ былъ прощальный дружескій обѣдъ, на который виновникъ торжества явился съ цѣлой компаніей общихъ знакомыхъ, для того, чтобы развлечь и повеселить Голубина, туго поправлявшагося послѣ недавней болѣзни. Послѣ обѣда, прогуливаясь для освѣженія по сырымъ аллеямъ, устланнымъ печальнымъ ковромъ мертвыхъ листьевъ, Орестъ Павловичъ выслушалъ запальчивый упрекъ, что онъ стремится въ Петербургъ единственно въ надеждѣ разыскать тамъ Анну. Докторъ загадочно усмѣхнулся и не преминулъ отвѣтить, что онъ знаетъ только одно существо, которое могло бы удержать его здѣсь „при извѣстныхъ условіяхъ“. Марья Павловна съ негодованіемъ вырвала у него свою руку и наотрѣзъ отказалась вѣрить дольше столь безцеремонной лжи.

Пароходъ далъ свистокъ и убавилъ ходъ.

— Залѣсье!—сказалъ юный поручикъ, сидѣвшій всѣхъ ближе къ окну.

— „Что имя? звукъ пустой!“—продекламировалъ капитанъ Русовъ, по обыкновенію весь красный и съ совершенно мокрой курчавой головой, несмотря на осеннюю прохладу.—Да-съ, го-

лубчикъ докторъ! будемъ мы по прежнему колесить взадъ и впередъ по знакомой водяной дорожкѣ, а на семъ мѣстѣ каждый разъ вспомнимъ васъ и ту прекрасную фею, которая зацѣпила васъ, какъ видно, крѣпче всѣхъ остальныхъ.

Лицо Ореста Павловича передернулось язвительной усмѣшкой.

— Совершенно вѣрно, господа! Возвели вы меня въ почетный санъ циника и скептика совершенно задаромъ! На повѣрку оказалось, что и азъ многогрѣшный не меньше другихъ одержимъ провинціальнымъ идеализмомъ! Всѣ мы повергали руку и сердце къ стопамъ неприступной красавицы, и никто-то изъ насъ не смекнулъ, что это лишнія проволочки. Небось, столичные геніи маху не даютъ. Ха, ха, ха! Что-жъ, намъ же лучше выходитъ. Теперь почему и не возобновить пріятнаго знакомства, не правда ли, капитанъ? C'est à recommencer, mon cher, не унывайте!

Капитанъ укоризненно вскинулъ глазами на говорившаго и поболталъ кусочкомъ льда въ опорожненномъ стаканѣ.

— Нѣтъ, Орестъ Павловичъ, это ужъ вы совсѣмъ напрасно! Линія такая подошла,—быль молодцу не укоръ, какъ говорится. Такія женщины, какъ Анна, не пропадаютъ, за это я ручаюсь!

— А вотъ-съ мы это увидимъ, надо думать, не въ слишкомъ далекомъ будущемъ! Какъ вамъ извѣстно, я переношу мое мѣстожительство на самый театръ дѣйствія, дабы не упустить такого интереснаго случая пополнить свое знаніе жизни вообще и женщинъ въ частности. Человѣкъ я независимый и безъ предразсудковъ: сознаюсь прямо въ томъ, что каждый изъ васъ счелъ бы своею обязанностью скрывать.

На этомъ Орестъ Павловичъ оборвалъ разговоръ, выпилъ залпомъ стаканъ пива и поднялся на палубу.

Пароходъ только-что тронулся. Лодка ныряла на волнахъ, направляясь къ бѣлой пристани,—это кучеръ Петръ увозилъ почту. Прекрасный домъ Мишеля былъ весь видѣнъ изъ-за облетѣвшихъ деревьевъ. На этотъ разъ никто не спѣшилъ по луговой дорожкѣ, никто не сидѣлъ подъ сиреневыми кустами.

Лѣвѣе усадьбы, что-то бѣлѣло надъ темной чащей Парнаса: это отсвѣчивала на солнцѣ временная досчатая крыша, возведенная Голубинымъ надъ опустѣвшимъ павильономъ.

Ольга Шапиръ.

ПОЛЬСКІЯ РЕФОРМЫ

XVIII-го ВѢКА.

Окончаніе.

III *).

Старое и новое въ исторіи польскихъ партій. — Поздно или рано пришла реформа въ Польшу?—Трудность измѣненія политическаго строя Рѣчи-Посполитой.—Шансы абсолютизма и народной революціи въ Польшѣ.—Путь конфедерацій.—Время „постояннаго совѣта“ и отношеніе шляхты къ этому учрежденію.—Установленіе „стражи“.—Одна изъ причинъ паденія конституціи 3 мая. — Причины безсилія сейма.—Сеймиковый сепаратизмъ.—Реформа сеймиковъ.—Заключеніе.

Борьба политическихъ партій, происходившая въ Рѣчи-Посполитой, въ царствованіе Станислава-Августа, несомнѣнно имѣла своимъ предметомъ реформу государства. Слово „реформа“ было написано на знамени партіи Чарторыскихъ еще въ царствованіе Августа III, и Чарторыскіе дѣлаютъ попытку осуществить часть своихъ плановъ въ безкоролевье 1763-1764 года; племянникъ ихъ Станиславъ Понятовскій, ставъ польскимъ королемъ, стремится быть реформаторомъ, дѣйствительно производитъ нѣкоторыя преобразованія и организуетъ около себя цѣлую партію; и Чарторыскіе, и Станиславъ-Августъ, встрѣчаютъ противъ себя оппозицію со стороны людей недовольныхъ реформами и боящихся дальнѣйшихъ преобразованій; наконецъ, въ самой оппозиціи возникаетъ особая партія реформы, идущая въ своихъ стремленіяхъ далѣе

*) См. выше: май, 5 стр.

короля, и совершаетъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ цѣлый переворотъ, противъ котораго опять возстаютъ консервативные элементы общества. Въ этой борьбѣ, растягивающейся на цѣлые полвѣка, если считать ея начало съ перваго выступленія Чарторыскихъ, какъ реформаторовъ,—въ этой борьбѣ мы замѣчаемъ нѣсколько неизмѣнныхъ, каждый разъ повторяющихся явленій. Съ самаго начала до самаго конца это были партіи магнатскія, сила которыхъ покоилась внутри страны на массахъ бѣдной и невѣжественной шляхты, готовой нерѣдко на все, дабы исполнить желаніе того или другого „пана-добродѣя“, а внѣ страны—на болѣе или менѣе тѣсномъ союзѣ съ тою или другою державою,—были ли то партіи реформаторскія, или консервативныя. Такова была партія Чарторыскихъ въ началѣ періода реформъ, и вся она состояла изъ одной аристократической родни, откуда ея названіе — „фамилія“. Во главѣ „патріотовъ“, послѣдней польской партіи реформы, дѣйствовавшей на четырехлѣтнемъ сеймѣ, стояли также магнаты. Шляхта, оказавшая поддержку „фамиліи“ въ шестидесятыхъ годахъ, и шляхта, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ того высылавшая пословъ на четырехлѣтній реформаторскій сеймъ, одинаково не была посвящена въ политическіе планы вождей-магнатовъ, которымъ даже приходилось маскировать свои предпріятія: къ такому средству прибѣгали—и „фамилія“ въ началѣ періода, и „патріоты“ въ концѣ его. Сама шляхта въ огромной своей массѣ была далека отъ сознанія необходимости реформъ: въ 1767 г. магнаты-консерваторы увлекли ее въ радомскую конфедерацію противъ реформы Чарторыскихъ, какъ въ 1792 г. она шла подъ знамена конфедераціи тарговицкой, направленной противъ конституціи, которую ввелъ четырехлѣтній сеймъ. Съ другой стороны, всѣ эти партіи входили въ союзъ съ иностранными державами: Чарторыскіе возвысились до власти при помощи Россіи; радомская конфедерація была дѣломъ Россіи, разсорившейся съ Чарторыскими; „патріоты“ четырехлѣтняго сейма были прусской партіей; побѣдившіе ихъ тарговичане были союзниками Россіи. Это повтореніе въ сущности однихъ и тѣхъ же явленій служитъ признакомъ того, что въ нѣкоторыхъ внутреннихъ отношеніяхъ Рѣчи-Посполитой за цѣлыя десятилѣтія, въ которыя происходили бурныя событія, совершилось мало существенныхъ перемѣнъ. Руководителями политики, какой бы характеръ она ни принимала, являются магнаты, смотрящіе на шляхту какъ на простое орудіе для своихъ цѣлей, но сами играющіе роль орудій для иностранныхъ державъ. Въ такомъ видѣ Польша дожила съ старыми порядками до самыхъ послѣднихъ своихъ

дарства, тогда какъ „патріоты“ четырехлѣтняго сейма, не упуская изъ виду той же цѣли и даже прямо стремясь освободить Рѣчь-Посполитую отъ „иноземнаго гнета“, исходили изъ болѣе широкихъ принциповъ, осуществленіе коихъ требовалось бы одними внутренними отношеніями даже и въ томъ случаѣ, еслибы не было надобности укрѣплять государство извнѣ. Реформа Чарторыскихъ поэтому имѣла въ виду главнымъ образомъ одно государство, а именно: усиленіе власти, улучшеніе порядка управленія, умноженіе войска, обогащеніе казны; Станиславъ-Августъ уже идетъ дальше въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи и экономической дѣятельности страны; прогрессивная партія четырехлѣтняго сейма касается, наконецъ, прямо соціальныхъ отношеній, крестьянскаго и мѣщанскаго вопросовъ. Такъ расширялась идея реформы, заинтересовывая все бо́льшіе и бо́льшіе круги населенія. Тѣ преобразованія, которыя входили въ программу Чарторыскихъ, представляли непосредственный интересъ для политическихъ дѣятелей, для людей, стоявшихъ у власти или стремившихся къ ней, каковыми и были они сами; заботы Станислава-Августа объ образованіи, промышленности и торговлѣ выводили идею реформы на болѣе широкую арену, привлекая къ ней всѣхъ, кому доступно было новое образованіе и кого могла влечь къ себѣ промышленная дѣятельность; реформы четырехлѣтняго сейма и конституція 3-го мая нашли въ городскомъ сословіи самыхъ искреннихъ приверженцевъ. Это тоже были новыя явленія въ исторіи Польши. Параллельно съ этимъ шло развитіе прогрессивной публицистики: о планахъ Чарторыскихъ мы можемъ судить только по болѣе или менѣе отрывочнымъ даннымъ, да и сами реформаторы, кромѣ того, имѣли основаніе опасаться, чтобы ихъ планы не сдѣлались слишкомъ рано извѣстными, тогда какъ въ эпоху четырехлѣтняго сейма вся Рѣчь-Посполитая была наводнена политическими книгами и брошюрами, въ коихъ защищалось дѣло реформы, поднимались вопросы, бывшіе въ прежнія времена слишкомъ щекотливыми для публичнаго обсужденія,—и почти все, что было сдѣлано сеймомъ, уже заключалось раньше въ предложеніяхъ прогрессивныхъ публицистовъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ Польшѣ крѣпло, расширялось, упрочивалось, становилось болѣе яснымъ преобразовательное движеніе. Оно, какъ мы видѣли, встрѣчало противъ себя сильную оппозицію во имя идеаловъ польскаго „ancien régime“, и еслибы въ борьбу не вмѣшались внѣшнія силы, борьба эта продолжалась бы и послѣ конституціи 3-го мая, и послѣ Тарговицы. Благодаря улучшенію экономической жизни и развитію образованія, города вышли изъ прежняго коснѣнія: въ 1789 г.

они напомнили сейму о своихъ попранныхъ правахъ и нашли сочувствіе у „патріотовъ“. За городскимъ сословіемъ стояло сельское: у нѣкоторыхъ „патріотовъ“ было намѣреніе привлечь на свою сторону крестьянъ объявленіемъ свободы; Костюшко въ подобномъ родѣ и издалъ знаменитый манифестъ. Однимъ словомъ, борьба партій готовилась вступить въ совершенно новый фазисъ, когда пробилъ послѣдній часъ Польши. Отмѣчая эти несомнѣнные факты движенія впередъ, мы, однако, не должны забывать, что дѣло шло здѣсь главнымъ образомъ о развитіи программъ отдѣльныхъ партій: это было большею частью одно будущее, которое только должно было еще осуществиться или, по крайней мѣрѣ, упрочиться, если уже сдѣланы были попытки осуществленія. Какъ будто совершенно забываютъ поэтому медленность общественныхъ перемѣнъ историки обоихъ направленій въ сужденіи о послѣднихъ временахъ Рѣчи-Посполитой, т.-е. и ставящіе въ вину реформамъ то, что онѣ не спасли Польшу, т.-е. не превратили ее сразу въ сильное государство съ единодушнымъ населеніемъ, и вѣрящіе въ то, что лишь одна внѣшняя напасть помѣшала реформамъ это сдѣлать: новому движенію предстоялъ, во всякомъ случаѣ, еще далекій путь до той цѣли, какую ему ставили передовые умы эпохи.

Историки паденія Польши нерѣдко высказываютъ еще такой взглядъ, что попытки преобразованій сдѣланы были слишкомъ поздно: въ предсмертныя минуты—прибавляютъ нѣкоторые изъ нихъ—не помогаютъ никакія лекарства. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о спасеніи Польши отъ гибели, которая ей давно готовилась, тогда какъ мѣры, какія можно было предпринять для предотвращенія этой гибели, явились тогда, когда уже трудно, почти невозможно было передѣлывать результаты долгой исторіи,—другими словами, отрѣшаясь отъ обыкновенной постановки вопроса о польскихъ реформахъ, мы можемъ, однако, прямо согласиться съ приведеннымъ взглядомъ, придавъ ему нѣсколько иной смыслъ: внѣшнія обстоятельства дали слишкомъ мало времени на то, чтобы Польша могла закончить процессъ своего внутренняго преобразованія. Нужно всегда помнить, что Рѣчь-Посполитая представляла изъ себя одну изъ наиболѣе отсталыхъ странъ западной цивилизаціи: въ ней поэтому было слишкомъ мало предварительной подготовки къ усвоенію реформъ, коихъ требовали духъ времени и самыя обстоятельства переживавшейся государствомъ поры. Притомъ Польша должна была перестроиться сверху до низу, а такое дѣло требуетъ много времени вообще; въ Польшѣ же на него должно было потребоваться тѣмъ больше времени,

что здѣсь эта задача сопряжена была съ особыми затрудненіями. Два явленія составляли главную помѣху: сословныя права, привилегіи, интересы, предразсудки, привычки, инстинкты шляхты, съ одной стороны, и унаслѣдованное отъ прошлаго разложеніе государственнаго быта, съ другой. Необходимость преобразованій была продиктована Рѣчи-Посполитой ея внѣшними бѣдствіями, прежде нежели успѣли сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ измѣниться политическіе и общественные взгляды даже передовой части шляхты, и только къ концу эпохи стали пропагандироваться тутъ новыя идеи; общественныхъ элементовъ, которые могли бы соперничать съ шляхтою, тутъ не существовало, фактическое значеніе этого сословія никѣмъ не было подорвано, такъ какъ не было настоящаго средняго сословія, ставшаго, напр., во Франціи носителемъ идеи и двигателемъ дѣла реформы, ибо въ Польшѣ лишь въ самомъ концѣ періода мѣщане вышли изъ своего оцѣпенѣнія; наконецъ, Польшѣ только еще предстояло создать правительственную власть,—дѣло, на которое должно было уйти особенно много времени. Ничто, такимъ образомъ, сравнительно съ прошедшими эпохами не измѣнилось въ идеяхъ и во взаимныхъ отношеніяхъ шляхты съ другими сословіями и съ государствомъ, когда по чисто внѣшнимъ побужденіямъ возникаетъ въ Польшѣ идея реформы: къ послѣдней Рѣчь-Посполитая не была подготовлена никакими внутренними перемѣнами; шляхта продолжала вѣрить въ „золотую вольность“ и въ „сокровище“ своего благородства; мѣщанство, не говоря уже о крестьянствѣ, коснѣло въ своемъ униженіи, совсѣмъ не думая о лучшей долѣ; государство продолжало быть какъ бы федераціей множества болѣе крупныхъ или болѣе мелкихъ магнатскихъ и шляхетскихъ монархій. Съ этой точки зрѣнія, вопреки мнѣнію историковъ, утверждающихъ, что реформа пришла въ Польшу слишкомъ поздно, чтобы спасти ее отъ паденія, мы, наоборотъ, могли бы сказать, что она, насколько въ ней выразились передовыя идеи вѣка, явилась, напротивъ, слишкомъ рано для того, чтобы встрѣтить вполнѣ благопріятную для себя почву. Революція, смывшая во Франціи своими волнами „старый порядокъ“, была подготовлена цѣлымъ рядомъ культурныхъ и соціальныхъ перемѣнъ, по отношенію къ коимъ произведенныя ею реформы можно назвать запоздалыми: старая монархія медлила производить преобразованія, которыхъ требовало общественное мнѣніе, и тѣмъ довела страну до взрыва. По отношенію къ паденію Рѣчи-Посполитой производившіяся въ ней преобразованія, дѣйствительно, явились, какъ это и оказалось, слишкомъ поздно, но культурное и со-

ціальное состояніе страны было таково, что многое, наоборотъ, оказалось преждевременнымъ въ виду упорнаго консерватизма старой Польши, т.-е. Польши шляхетской, и отсутствія настоящей новой Польши, той не-шляхетской Польши, которая едва зарождалась,—преждевременнымъ и въ виду того, что и государство лишено было одного важнаго элемента, одной необходимой силы, безъ коихъ внутреннія преобразованія были немыслимы. Я разумѣю здѣсь правительство, государственную власть. Попытки поляковъ организовать въ своей Рѣчи-Посполитой правительственную власть были, дѣйствительно, слишкомъ запоздалыми при тогдашнихъ международныхъ обстоятельствахъ, но слишкомъ было рано думать о какомъ бы то ни было внутреннемъ возрожденіи польской націи посредствомъ наилучшихъ преобразованій, пока не существовало общепризнанной публичной силы, которая имѣла бы и право, и фактическую возможность съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ успѣхомъ взяться за это дѣло. Если въ сословномъ консерватизмѣ шляхты, остававшейся во второй половинѣ XVIII-го вѣка тою же, какою она была въ теченіе цѣлыхъ полутора-двухъ вѣковъ и по своимъ идеямъ, и въ своемъ внѣшнемъ положеніи, мы находимъ одно изъ тѣхъ препятствій, о которыя не разъ приходилось разбиваться дѣлу реформы, то другимъ такимъ препятствіемъ былъ невозможный политическій строй Рѣчи-Посполитой. Политическій вопросъ заключался не въ томъ только, чтобы существовавшія учрежденія измѣнить въ болѣе монархическомъ или болѣе республиканскомъ духѣ, какъ думали польскіе политическіе писатели и дѣятели той эпохи, а въ полномъ измѣненіи самаго существа Рѣчи-Посполитой съ ея феодальными началами. Для того, чтобы въ Польшѣ могло явиться настоящее правительство, нужно было вычеркнуть цѣлые два вѣка изъ ея исторіи, возвратиться къ серединѣ XVI-го вѣка, когда сдѣлана была попытка доставить преобладаніе сейму надъ сеймиками, установить рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ и даже, какъ объ этомъ думали нѣсколько позднѣе, учредить нѣчто въ родѣ парламентарнаго министерства [1]). Все это удержало бы, конечно, государство отъ разложенія, но такое устройство было бы, при односословности сейма [2]), только болѣе прочной организаціей шляхетскаго господства, и несомнѣнно, что въ лучше организованной Рѣчи-Посполитой правительство не могло бы сдѣлаться органомъ реформъ, противныхъ сословному духу

[1]) Объ этомъ см. нашъ „Историческій очеркъ польскаго сейма“, М. 1888, стр. 65—107.

[2]) *Ibid.*, вся глава II.

шляхты. Онѣ были бы вполнѣ возможны только при абсолютной монархіи или при народной революціи, что въ обоихъ случаяхъ не могло не имѣть результатомъ низверженіе самыхъ основъ старой польской конституціи.

Нѣкоторые историки, разсуждая на тему—что было бы въ состояніи спасти Польшу,—высказываютъ мнѣніе, что сдѣлать это могла бы только абсолютная монархія, которая, однако, не могла въ ней возникнуть. Фр. Ф. Смиттъ, напримѣръ, считаетъ причиной гибели Рѣчи-Посполитой „ея ошибочныя республиканскія учрежденія и въ особенности невозможность ихъ улучшенія въ монархическомъ смыслѣ". Наоборотъ, Костомаровъ думаетъ, что Польша скорѣе превратилась бы въ абсолютную монархію, чѣмъ въ конституціонное государство: „даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ,—говоритъ онъ,—и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые бы съумѣли опереться на массу чернаго народа, Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ, чего такъ боялись тарговичане, чѣмъ свободнымъ конституціоннымъ государствомъ, какъ мечтали патріоты" [2]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ говоритъ о неизбѣжности народнаго возстанія въ Рѣчи-Посполитой, которое, конечно, помогло бы установленію абсолютизма: „еслибы эта конституція (т.-е. конституція 3 мая) и восторжествовала надъ оппозиціей и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба не-шляхты со шляхтою, упорная защита своихъ правъ со стороны шляхты и, слѣдовательно, внутреннее междоусобіе" [1]). Инымъ путемъ абсолютизмъ и не могъ бы установиться въ Польшѣ, какъ опираясь на не-шляхту противъ шляхты, на бурное народное движеніе противъ господствующаго сословія. Разсмотримъ, насколько въ самомъ дѣлѣ возможно это было въ Рѣчи-Посполитой.

Въ прошломъ вѣкѣ поляки нерѣдко высказывали опасеніе, что то или другое лицо, та или другая партія стремятся ввести въ Польшѣ абсолютизмъ (absolutum dominium), но въ большинствѣ случаевъ подъ послѣднимъ названіемъ разумѣлась ими всякая форма правленія безъ *liberum veto* и безъ вольной элекціи королей. Въ этомъ условномъ смыслѣ короли постоянно подозрѣвались въ приготовленіяхъ къ введенію абсолютизма: такое словоупотребленіе необходимо постоянно имѣть въ виду, когда въ польской исторіи прошлаго вѣка мы встрѣчаемся съ выраженіемъ „absolu-

[1]) *Костомаровъ*. II, 117.
[2]) *Ibid.*, II, 114.

tum dominium". Конечно, не о самодержавіи писалъ въ Екатеринѣ II Станиславъ-Августъ въ первый же годъ своего царствованія, когда изъ-подъ его пера выходили слѣдующія строки: „множеству ревностныхъ патріотовъ до того стала противна анархія, что они предпочтутъ абсолютную монархію тѣмъ постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если уже невозможно достигнуть свободы болѣе умѣренной" [1]). Тарговичане тоже обвиняли конституцію 3-го мая въ томъ, что она вводитъ деспотизмъ, и сосѣдніе абсолютные монархи поддерживали ихъ въ такомъ мнѣніи: Екатерина II, напр., представляла переворотъ 3-го мая какъ дѣло „варшавской толпы мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе" [2]). Боясь того, что въ самомъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ называлось тогда въ Польшѣ „absolutum dominium", шляхта всегда противодѣйствовала какимъ бы то ни было реформамъ, клонившимся къ усиленію королевской власти, и въ этомъ отношеніи всегда нашла бы помощь у сосѣдей противъ государственнаго переворота въ цѣляхъ установленія абсолютизма. Съ другой стороны, введеніе такой формы правленія при помощи иностранныхъ войскъ возможно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы на польскій престолъ былъ избранъ государь, имѣющій другія владѣнія и располагающій своей собственной арміей. Въ такомъ положеніи находилась Рѣчь-Посполитая, когда ея королемъ подъ именемъ Августа II сдѣлался курфюрстъ саксонскій, и онъ, повидимому, былъ близокъ къ осуществленію чего-то въ родѣ подобнаго переворота. Любопытны въ этомъ отношеніи депеши венеціанскаго резидента въ Варшавѣ въ самомъ концѣ XVII в. къ тогдашнему дожу [3]): въ одной изъ нихъ резидентъ пишетъ о такомъ упадкѣ духа въ шляхтѣ, что „еслибы саксонскій король наложилъ на нее какое-либо ярмо, она его снесла бы". „Можные" паны тогда впервые обратились къ сосѣднимъ державамъ (къ Австріи, Пруссіи и даже къ Швеціи) съ просьбою взять на себя охрану польскихъ вольностей противъ короны, и такимъ образомъ было положено начало позднѣйшимъ „гарантіямъ". Впрочемъ самъ Августъ II, повидимому, скоро отказался отъ мысли объ „абсолютизмѣ", когда поближе познакомился съ краемъ, если только имѣлъ эту мысль серьезно, и тогда цѣлью его стремленій сдѣлалось преобразованіе Польши по образцу голландской конфедераціи съ наслѣдствен-

[1]) *Соловьевъ*. Исторія паденія Польши, 23.

[2]) Письмо къ Булгакову. *Костомаровъ*. I, 524.

[3]) Приведены (по рукописи) у *Hoffman*'а въ соч. Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867. Стр. 156—157, 159—161. Депеши относятся къ 1697—99 гг.

нымъ штатгальтерствомъ [1]). Подозрительныя намѣренія короля, присутствіе саксонскихъ войскъ въ Польшѣ вызвали противъ Августа такъ-называемую тарногродскую конфедерацію, войну противъ короля и посредничество Петра Великаго по приглашенію конфедераціи. Этотъ эпизодъ показываетъ, что происходило бы каждый разъ, еслибы повторялся примѣръ попытки государственнаго переворота въ Польшѣ при помощи войскъ короля, имѣвшаго наслѣдственныя владѣнія. Притомъ наиболѣе заинтересованныя въ польскихъ дѣлахъ державы не желали болѣе по смерти Августа III допускать не-поляка на польскій престолъ.

Конечно, введеніе абсолютизма было бы враждебно встрѣчено этими державами и въ томъ случаѣ, еслибы оно было произведено внутренними силами страны: тарговицкая конфедерація, опирающаяся на русскую помощь, повторилась бы только въ иной формѣ. Но могла ли бы въ Польшѣ произойти такая перемѣна? Въ 1774 г. Штакельбергъ доносилъ Панину, что Станиславъ-Августъ хлопоталъ „при всѣхъ дворахъ Европы насчетъ собственныхъ интересовъ, насчетъ самодержавія, потому что король шведскій окончательно вскружилъ ему голову“ [2]). Въ положеніи, въ какомъ находились Швеція и Польша, было отчасти много общаго: шведская свобода граничила съ анархіей; шведскія партіи искали опоры за границей; иностранныя державы вмѣшивались въ шведскія дѣла, дѣйствуя, какъ и въ Польшѣ, подкупомъ. Но была и разница: въ тѣ времена, когда Рѣчь-Посполитая безпрерывно пользовалась своей свободой, ея сѣверная сосѣдка переживала періоды самаго капризнаго деспотизма, такъ что порядокъ вещей, установленный переворотомъ Густава III въ 1772 г., не былъ здѣсь совершенною новостью; не обнаруживъ при своемъ средневѣковомъ устройствѣ способности къ самоуправленію, шведы, однако, не потеряли, подобно полякамъ, способности быть управляемыми; государство ихъ не находилось на такой ступени внутренняго разложенія, до какой дошла Рѣчь-Посполитая, а нація не утратила чувства опасности, грозившей ея независимости отъ партійныхъ раздоровъ; наконецъ, въ Швеціи, кромѣ олигарховъ и дворянства, были горожане и крестьяне, не знавшіе ни униженій польскаго мѣщанства, ни крѣпостной зависимости польскихъ хлоповъ: они играли политическую роль уже при переходѣ

[1]) См. въ изданномъ *гр. Рачинскимъ* Archiwum tajne Augusta II (Wrocław. 1843) составленный въ этомъ смыслѣ проектъ министра Августа II—Флемминга. Польша дѣйствительно по своему устройству напоминала Голландію. См. „Историческій очеркъ польскаго сейма“.

[2]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи. М. 1879. Т. XXIX, стр. 107.

отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, участвовали посредствомъ своихъ депутатовъ въ собраніи государственныхъ чиновъ и раньше помогали королевской власти въ борьбѣ съ аристократіей. Еслибы даже иностранные дворы и склонились на просьбу Станислава-Августа не мѣшать ему повторить въ Варшавѣ стокгольмскій переворотъ 1772 г., ничего бы не вышло изъ такой попытки: въ Польшѣ не было для этого ни подходящихъ условій, ни подходящаго матеріала. Установленіе абсолютной монархіи возможно было бы въ Рѣчи-Посполитой только путемъ народной революціи, въ которой приняли бы участіе мѣщанство и крестьянство, но необходимыя для взрыва такой революціи условія стали складываться только въ самые послѣдніе годы существованія Рѣчи-Посполитой. Во всѣхъ буряхъ, переживавшихся Польшею, города и деревни оставались спокойными. Исключеніе составляли только казацкіе и крестьянскіе бунты въ русскихъ областяхъ государства, но здѣсь они имѣли цѣлью отторженіе отъ Рѣчи-Посполитой, а не ея преобразованіе. Движеніе въ городахъ началось только въ 1789 г. и достигло своего апогея въ 1794 г. [1]); но польскій сельскій людъ лишь мѣстами начиналъ волноваться, общаго же народнаго движенія не было: даже манифестъ Костюшки, призывавшій къ свободѣ, не вывелъ его изъ апатіи, если не считать отдѣльныхъ случаевъ, тщательно собранныхъ г. Корзономъ для доказательства противнаго тезиса [2]). Эти волненія крестьянъ въ чисто польскихъ областяхъ все-таки начинались: рядомъ съ отдѣльными фактами участія хлоповъ въ борьбѣ за свободу родины, можно указать и на факты хлопскихъ бунтовъ противъ помѣщиковъ, предвѣщавшіе въ Польшѣ повтореніе французской жакеріи середины XIV-го в., нѣмецкой крестьянской войны первой половины XVI-го в., или одновременно съ паденіемъ Рѣчи-Посполитой происходившаго во Франціи возстанія въ деревняхъ. Еслибы державы предоставили Польшу ея собственной судьбѣ, народная революція въ ней, дѣйствительно, могла бы принять, какъ думаетъ Костомаровъ, рано или поздно громадные размѣры, но трудно угадать, что изъ нея вышло бы. Въ тотъ періодъ, исторіей котораго мы занимаемся, народной революціи еще не было (исключаемъ опять-таки русскую часть населенія), хотя и были ея предвозвѣстники: позволительно, думаемъ мы, высказать предположеніе, что на первыхъ порахъ дѣло ограничилось бы чисто

[1]) *Korzon.* II, 360 sq.
[2]) *Ibid.*, I, 464 sq.

стихійнымъ взрывомъ, который едва ли вывелъ бы Польшу на новую политическую дорогу.

При существовавшихъ въ Польшѣ порядкахъ единственнымъ средствомъ проведенія реформъ была конфедерація: дѣла рѣшались въ конфедераціяхъ большинствомъ голосовъ, и несогласные силою принуждались къ повиновенію. Конфедераціи, подобно римской диктатурѣ, представляли изъ себя явленіе чрезвычайное, и если завязывались онѣ первоначально въ такъ-называемыя безкоролевья, то при существованіи *liberum veto* и срываніи сеймовъ, дѣлавшихъ совершенно немыслимымъ изданіе новыхъ законовъ, къ конфедераціямъ стали прибѣгать и въ обыкновенное время: чѣмъ чаще онѣ начали бы повторяться и чѣмъ продолжительнѣе былъ бы срокъ каждой изъ нихъ, тѣмъ все болѣе и болѣе стали бы онѣ приближаться къ тому, чтобы сдѣлаться явленіемъ постояннымъ. Такимъ образомъ конфедерація была единственнымъ унаслѣдованнымъ отъ старины учрежденіемъ, которое могло породить со временемъ болѣе прочную и сильную власть. Именно къ конфедераціи и обращаются реформаторы, какъ къ единственно возможному средству проведенія реформъ: о ней хлопочутъ Чарторыскіе еще при жизни Августа III, а добившись своего въ наступившее по его смерти безкоролевье, удерживаютъ конфедерацію и послѣ вступленія на престолъ Станислава-Августа, пока она не разстраивается по требованію державъ, возбудившихъ диссидентскій вопросъ. Четырехлѣтній сеймъ также былъ конфедерированнымъ, и если конституція 3-го мая запретила на будущее время такіе союзы, то лишь потому, что, по мнѣнію ея творцовъ, при новомъ устройствѣ Польши конфедераціи были бы совершенно излишни и даже опасны. Въ самомъ дѣлѣ, одной конфедераціи всегда возможно было противопоставить другую, которая, возникши на такомъ же основаніи, какъ и первая, имѣла полное право разрушить дѣло своей предшественницы: такъ это было и во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Конфедерація, по шляхетской теоріи, была проявленіемъ непосредственнаго шляхетскаго народовластія; если же поставить вопросъ, какія конфедераціи вѣрнѣе выражали волю суверенной шляхты—тѣ ли, которыя устраивались для поддержки реформъ, или тѣ, которыя имѣли цѣлью разрушеніе всѣхъ нововведеній, то безъ всякаго колебанія придется указать на послѣднія, какъ на наиболѣе соотвѣтствовавшія желаніямъ и стремленіямъ шляхты. Боевой крикъ конфедератовъ 1767 и 1792 гг., призывавшій спасать погибающую вольность, былъ понятенъ шляхетскимъ массамъ, тогда какъ

реформаторы, пользуясь средствами конфедераціи, должны были прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы отвести глаза „народа“ отъ своихъ настоящихъ цѣлей. Созывая по смерти Августа III такъ-называемый конвокаціонный сеймъ, на которомъ обыкновенно заключалась генеральная конфедерація, примасъ Лубенскій, бывшій сторонникомъ Чарторыскихъ, не выдалъ ни единымъ словомъ, какого рода готовились реформы: онъ вообще только заявлялъ, что на сеймѣ будетъ идти рѣчь о необходимыхъ улучшеніяхъ правленія, дабы не дать Рѣчи-Посполитой окончательно распасться, просилъ прислать пословъ, обладающихъ способностями, соотвѣтственными такой задачѣ, а относительно самыхъ перемѣнъ могъ сказать только одно то, что тамъ будетъ видно, какія улучшенія окажутся нужными. Реформаторы четырехлѣтняго сейма черезъ цѣлую четверть вѣка должны были совершенно такъ же маскировать свои настоящіе планы. Составители проекта о будущей конституціи Польши не осмѣливались сначала оффиціально внести въ него мысль о наслѣдственности престола, когда было рѣшено разсматривать проектъ конституціи съ двойнымъ числомъ пословъ, для чего должны были собраться избирательные сеймики; послѣднимъ былъ въ весьма уклончивой формѣ предложенъ вопросъ о преемничествѣ царствующему королю, и прогрессисты разсчитывали только на нѣкоторыхъ сеймикахъ превратить вопросъ о преемничествѣ въ вопросъ о наслѣдственности. Вводя наконецъ послѣднюю конституціей 3-го мая, конфедерированный сеймъ поступалъ какъ разъ противъ сеймиковыхъ инструкцій. Повтореніе аналогичныхъ явленій въ началѣ періода и въ его концѣ указываетъ на то, какъ мало въ этомъ отношеніи измѣнились внутреннія условія преобразовательной дѣятельности въ Польшѣ: безъ двухъ послѣдовательныхъ раздѣловъ, прекратившихъ въ какіе-нибудь два года существованіе Рѣчи-Посполитой, а въ случаѣ сохраненія Польшею самостоятельности не возникни народныхъ движеній, повидимому, еще не разъ могли бы повториться событія, аналогичныя двумъ преобразовательнымъ конфедераціямъ, за коими слѣдовала реакція въ формѣ конфедерацій, разрушавшихъ реформы. Путь конфедераціи былъ такимъ образомъ путемъ постоянныхъ возвращеній къ старому.

Въ промежуткѣ между реформой Чарторыскихъ (1764 г.), направленной противъ нихъ радомской конфедераціей (1767 г.) и конфедераціей барской, поднявшейся на защиту Рѣчи Посполитой отъ иноземнаго врага (1769 г.), съ одной стороны, а съ другой стороны—конституціей 3-го мая (1791 г.), образовавшимся на ея погибель тарговицкимъ союзомъ (1792 г.), возстаніемъ

Костюшки для освобожденія Польши отъ иноземнаго владычества (1794), т.-е. какъ бы между двумя критическими и бурными эпохами, изъ коихъ одна была до извѣстной степени повтореніемъ другой,—въ теченіе болѣе, нежели десяти лѣтъ, Польша испробовала еще одну форму существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ еще одинъ способъ проведенія реформъ: это было сравнительно спокойное время, когда главнымъ дѣятелемъ былъ король; онъ собиралъ черезъ каждые два года обыкновенные сеймы, которые сохраняли свое старое право быть сорванными или разойтись черезъ шесть недѣль безъ всякаго результата; въ остальное же время король дѣйствовалъ вмѣстѣ съ совершенно новымъ учрежденіемъ, —съ „постояннымъ совѣтомъ", созданнымъ конституціей 1775 г. Весьма многіе историки называютъ эти годы счастливѣйшими въ исторіи Польши за послѣднія столѣтія, указываютъ на благодѣтельныя для Рѣчи-Посполитой слѣдствія установленія и дѣятельности „постояннаго совѣта" и защищаютъ послѣднее учрежденіе отъ дѣлавшихся ему упрековъ даже въ томъ случаѣ, когда ставятъ ему въ вину то, что оно служило орудіемъ русской политики. Польша при старыхъ порядкахъ была лишена правильно организованной исполнительной власти: послѣдняя распредѣлялась между нѣсколькими пожизненными министрами, въ сущности никому и никогда не отдававшими отчета и не составлявшими изъ себя никакого коллегіальнаго учрежденія. Чарторыскіе первые задумали измѣнить такой порядокъ вещей, создавъ коллегію, которая сосредоточила бы въ себѣ завѣдываніе всѣми дѣлами, дотолѣ раздѣленными между отдѣльными министрами. Сопротивленіе Фридриха II всякимъ реформамъ въ Польшѣ заставило творцовъ этого плана отказаться отъ его осуществленія и ограничиться учрежденіемъ четырехъ правительственныхъ коммиссій (войсковой, скарбовой, полиціи и юстиціи); онѣ должны были выбираться сеймомъ и рѣшать всѣ подлежавшія имъ дѣла большинствомъ голосовъ, причемъ прежніе самовластные министры превращались въ простыхъ предсѣдателей этихъ коммиссій. Конституція 1768 г. сохранила подобное нововведеніе, а конституція 1775 г., равнымъ образомъ удержавъ коммиссіи, создала еще надъ ними соотвѣтственные департаменты, прибавивъ къ нимъ пятый (иностранныхъ дѣлъ) и соединивъ эти департаменты въ одно цѣлое подъ названіемъ столько разъ упоминавшагося нами „постояннаго совѣта", образцомъ для котораго послужилъ шведскій государственный совѣтъ. Общія засѣданія „постояннаго совѣта" происходили, правда, очень рѣдко,—въ случаѣ необходимости разрѣшить какія-либо недоумѣнія или разсмотрѣть дѣла болѣе общаго характера; но та-

кимъ установленіемъ все-таки вводилось нѣкоторое объединеніе въ разрозненные до того времени органы исполнительной власти. Реформа Чарторыскихъ была первымъ шагомъ въ созданіи новаго правительства Рѣчи-Посполитой; установленіе „постояннаго совѣта“ — вторымъ шагомъ. Какъ ни несовершенно было это учрежденіе [1]), оно все-таки оказалось способнымъ заправлять внутренними дѣлами государства, водворять порядокъ на мѣстѣ прежняго хаоса. Рѣчь-Посполитая впервые получила то, чего ей давно, давно недоставало, — правительство, и притомъ правительство, вполнѣ соотвѣтствовавшее ея политическому принципу, т.-е. республиканское, такъ какъ король, лишенный прежняго своего права назначать на высшія должности, превратился въ простого безсмѣннаго предсѣдателя правительственнаго совѣта, члены коего выбирались сеймомъ. Четырехлѣтній сеймъ началъ, однако, съ уничтоженія этого учрежденія, и такое его рѣшеніе, быть можетъ, было однимъ изъ наиболѣе популярныхъ у громаднаго большинства польскаго общества. Дѣло въ томъ, что „постоянный совѣтъ“ не только не пользовался сочувствіемъ въ странѣ, но за все время своего существованія даже вызывалъ противъ себя постоянные упреки и нападки. И Калинка, суровый критикъ четырехлѣтняго сейма, уничтожившаго „постоянный совѣтъ“, и г. Корзонъ, держащійся совершенно противоположныхъ взглядовъ, одинаково называютъ всѣ жалобы на „постоянный совѣтъ“ неосновательными [2]). Между прочимъ противники совѣта говорили о его „страшной власти“, о его стремленіи къ деспотизму, какъ бы повторяя старыя обвиненія королей въ желаніи ввести въ Польшу *absolutum dominium*, и здѣсь-то лежитъ разгадка непопулярности „постояннаго совѣта“. Не имѣя права ни налагать податей, ни увеличивать армію, ни останавливать сеймовыя рѣшенія, ни задерживать гражданъ безъ постановленія судебныхъ властей, ни назначать административный персоналъ въ воеводствахъ, это правительство скорѣе было повинно въ неисполненіи нѣкоторыхъ своихъ обязанностей, чѣмъ въ превышеніи власти: часто оно не рѣшалось воспользоваться несомнѣнными своими правами, и нерѣдко могучіе паны совсѣмъ ему не повиновались, пока оно обращалось къ нимъ отъ своего имени. „Однако и такое правительство, — говоритъ Калинка, — хотя столь мягкое, столь мало само довѣрявшее своимъ собственнымъ силамъ, казалось народу слишкомъ суровымъ, „постоянный совѣтъ“ былъ дѣйстви-

[1]) Cf. Bobrzyński. Dzieje Polski. II, 185. *Korzon.* IV (1), 180.
[2]) *Kalinka.* I, 339, sq. *Korzon.* IV (1), 309 sqq.

тельно ему тягостенъ. Причина этого заключалась въ понятіяхъ и условіяхъ, въ какихъ воспиталось тогдашнее общество". Политическій кодексъ шляхтича сводился къ тому, что весь строй Рѣчи-Посполитой долженъ былъ покоиться на доброй волѣ обывателя: „добрая воля—стимулъ; совѣсть—контроль; награда—приманка,—вотъ и всѣ *instrumenta regni*", какъ формулируетъ Калинка этотъ кодексъ. За „постояннымъ совѣтомъ" стояла русская гарантія, и пока въ Польшѣ боялись Россіи и не мечтали еще о прусской помощи, онъ держался, хотя и былъ предметомъ многочисленныхъ нареканій на сеймахъ.

Станиславъ-Августъ, сопротивлявшійся въ 1773 г. учрежденію „постояннаго совѣта", такъ какъ ему не давалъ тогда покоя шведскій переворотъ 1772 г.,—въ 1789 г., наоборотъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы спасти это учрежденіе отъ смертнаго приговора, готовившагося ему на сеймѣ: для короля послѣ нѣсколькихъ лѣтъ оно было средствомъ сосредоточенія власти и возможности оказывать личное вліяніе на ходъ дѣлъ. На мѣсто департаментовъ совѣта четырехлѣтній сеймъ создалъ другія учрежденія, а самый совѣтъ былъ замѣненъ по конституціи 3-го мая такъ-называемой „стражей", состоявшей изъ примаса, эвентуально наслѣдника престола, пяти министровъ и сеймоваго маршалка. Это уже не было, какъ „постоянный совѣтъ", малымъ подобіемъ сейма, состоявшаго изъ трехъ „чиновъ", т.-е. короля, сената и рыцарства (шляхты), не было равнымъ образомъ, какъ „постоянный совѣтъ", и временнымъ соединеніемъ пяти департаментовъ: „стража" приближалась къ типу конституціонныхъ министерствъ XIX-го вѣка, и мы видимъ здѣсь новый шагъ къ созданію для Польши правительства и притомъ въ болѣе монархическомъ, какъ думали тогда, духѣ, такъ какъ назначеніе министровъ и выборъ изъ нихъ членовъ стражи принадлежалъ королю, который самъ къ тому же объявлялся въ конституціи 3-го мая наслѣдственнымъ. Уничтоженіе вольной элекціи возбудило противъ себя шляхетскій республиканскій консерватизмъ, что не мало способствовало паденію конституціи 3-го мая: это признаетъ, между прочимъ, и г. Корзонъ, представляющій дѣло такъ, что вообще конституція принята была шляхтой хорошо, и что тарговичане сами по себѣ, т.-е. безъ русской помощи, не имѣли большой силы,—признаетъ это, считая введеніе наслѣдственности престола главнымъ недостаткомъ новаго устава правленія, ошибкой „патріотовъ", напраснымъ дѣломъ, только оттолкнувшимъ отъ себя шляхту. Мы думаемъ, однако, что и безъ столь страшной для тогдашнихъ поляковъ наслѣдственности, и безъ возстановленія стараго королев-

скаго права назначать на всѣ высшія должности, новое правительство „короля въ стражѣ“ (król w straży—формула титула правительственныхъ актовъ) испытало бы судьбу „постояннаго совѣта“, на смѣну котораго приходило.

„Стража“ просуществовала не долго: конституція 3-го мая скоро пала. Сравнивая организацію правительства въ двухъ конституціяхъ, т.-е. въ конституціи 1775 г. и 3-го мая 1791 г., мы должны признать, что первая болѣе соотвѣтствовала условіямъ и потребностямъ тогдашней Польши, не говоря уже о томъ, что наслѣдственность престола, вводившаяся второю, должна была вооружить противъ себя и сосѣднія державы. Какъ бы тамъ ни было, „постоянный совѣтъ“ дѣйствовалъ довольно успѣшно, вводилъ порядокъ въ польское „безнарядье“, даже предпринималъ нѣкоторыя улучшенія, пользуясь принадлежавшимъ ему по конституціи правомъ толкованія законовъ. Даже то обстоятельство, что это учрежденіе было въ сущности только совокупностью самостоятельныхъ департаментовъ, подъ начальствомъ коихъ находились коммиссіи, не было настолько сильнымъ неудобствомъ, чтобы нужно было желать большаго сосредоточенія власти; доказательствомъ можетъ служить учрежденная въ 1773 г. „эдукаціонная коммиссія“, которая оставалась совершенно независимой отъ „постояннаго совѣта“, а между тѣмъ дѣлала свое дѣло прекрасно тѣмъ къ большей для себя чести, что это было вообще первое въ Европѣ министерство народнаго просвѣщенія [1]). „Стража“, конечно, по своему составу болѣе приближается къ типу новыхъ европейскихъ правительствъ, но для Рѣчи-Посполитой было еще слишкомъ рано думать объ этомъ, и компетенція „стражи“ не дѣлала ее сильнѣе „постояннаго совѣта“.

Едва ли мы будемъ далеки отъ истины, утверждая, что „постоянный совѣтъ“ былъ наиболѣе возможной организаціей исполнительной власти въ Польшѣ; для того, чтобы такое правительство удержалось и могло исполнять свои обязанности, нужно было устранить гораздо меньшее количество неблагопріятныхъ условій, чѣмъ потребовалось бы для упроченія наслѣдственности престола и назначаемой королемъ „стражи“ съ сильною исполнительною властью. Сейму, которому принадлежала высшая власть въ Рѣчи-Посполитой, недоставало исполнительнаго органа въ родѣ парламентарнаго министерства, и на это указывали нѣкоторые публицисты; такимъ органомъ именно и былъ „постоянный совѣтъ“, возникавшій изъ сеймовыхъ выборовъ, притомъ съ тайною пода-

[1]) Объ этомъ см. статью г. *Смоленскаго* въ *Атенеумѣ* за 1889 г.

чею голосовъ, что обезпечивало независимость выборовъ отъ постороннихъ вліяній; какъ только онъ былъ установленъ, такъ и всѣ дѣла, подлежавшія вѣденію прежнихъ министровъ, пошли гораздо лучше. Нельзя безъ оговорокъ сказать послѣдняго о сеймахъ той эпохи, когда дѣйствовалъ „постоянный совѣтъ“. За исключеніемъ конфедерированнаго сейма 1776 г., всѣ остальные вплоть до 1786 г. были простые, свободные сеймы, и ни одинъ изъ нихъ, правда, не былъ сорванъ—явленіе, совершенно новое въ Польшѣ, указывавшее на то, что *liberum veto* выходило изъ обычая,—но зато эти сеймы и сдѣлали весьма мало, особенно туго отзываясь на тѣ предложенія правительства, которыя въ чемъ-нибудь противорѣчили шляхетскимъ взглядамъ и привычкамъ, напр., опасенію за вольность, угрожаемую большимъ войскомъ, и привычкѣ ничего не платить въ казну. На этихъ сеймахъ, кромѣ того, возрастала систематическая оппозиція противъ короля, не дававшая имъ дѣлать что-либо положительное, хотя они формально и не срывались.. Еслибы конституція 1775 г. продолжала дѣйствовать не тринадцать-четырнадцать лѣтъ, а гораздо дольше, то, вѣроятно, продолжали бы существовать тѣ же ненормальныя отношенія между правительствомъ и представительствомъ, пока самъ сеймъ не подвергся бы реформѣ. Такъ какъ въ рѣшеніи дѣлъ на сеймѣ конституція 1775 г. требовала единогласія, то на сеймовыхъ засѣданіяхъ не могло обнаруживаться большинства и меньшинства, и выбранные въ „постоянный совѣтъ“ члены не были такимъ образомъ солидарными съ большинствомъ, не были его представителями, имѣвшими возможность на него опереться. Устраненіе единогласія было поэтому и теперь одною изъ самыхъ необходимыхъ реформъ, встрѣтившею, однако, сильное сопротивленіе со стороны сосѣднихъ державъ. Для политическихъ писателей и дѣятелей прошлаго вѣка все дѣло даже сводилось почти исключительно къ отмѣнѣ *liberum veto*, но былъ еще другой вопросъ, на нашъ взглядъ, не менѣе важный, котораго большинство даже не подозрѣвало.

Правительство Рѣчи-Посполитой могло быть только делегаціей сейма: шляхта не снесла бы иного правительства, еслибы только оно не было ей навязано путемъ внѣшняго завоеванія или не возникло путемъ успѣшной народной революціи. Поэтому польское правительство могло быть сильно только подъ условіемъ силы самого сейма. Верховная власть въ Рѣчи-Посполитой принадлежала шляхтѣ, которая поголовно участвовала въ воеводскихъ сеймикахъ, бывшихъ органами самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія, выбиравшими на нихъ и пословъ на общій, или

„вальный“ сеймъ. Въ силу особыхъ историческихъ причинъ, о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться, сеймики не были подчинены сеймамъ, а съ установленія избирательнаго престола (въ 1572 г.) стали дѣлаться все болѣе и болѣе независимыми отъ сеймовъ, такъ что отдѣльныя земли, имѣвшія такія шляхетскія вѣча, превращаются какъ бы въ самостоятельныя республики съ весьма слабою федеративною связью: сеймики дѣлаютъ постановленія общегосударственнаго характера, снабжаютъ своихъ пословъ на сеймъ самыми опредѣленными инструкціями, на что соглашаться, чего не дозволять, часто съ требованіемъ давать согласіе на то или другое рѣшеніе только подъ условіемъ вторичнаго принятія его сеймиками или съ требованіемъ сорвать сеймъ, если не будутъ удовлетворены такія-то желанія, если будутъ сдѣланы такія-то постановленія. Вслѣдствіе всего этого сеймъ все болѣе и болѣе началъ походить на международный конгрессъ. Исторію такихъ шляхетскихъ вѣчъ, всегда обнаруживавшихъ стремленіе не давать собранію собственныхъ пословъ взять перевѣсъ надъ ними, представилъ намъ недавно во всѣхъ подробностяхъ профессоръ варшавскаго университета А. И. Павинскій, въ своемъ превосходномъ трудѣ: „Правленіе сеймиковъ въ Польшѣ“ [1]). И послѣ реформы Чарторыскихъ сеймъ продолжалъ быть конгрессомъ сеймиковыхъ пословъ. Конституціи 1764 и 1768 гг., вводившія рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, были отмѣнены конституціей 1775 г., и нужно было ждать переворота 3-го мая, чтобы принципъ рѣшенія дѣлъ большинствомъ снова получилъ значеніе закона, на этотъ разъ безусловнаго. Если, далѣе, было кое-что сдѣлано въ разсматриваемую эпоху для ослабленія сеймиковаго сепаратизма и въ другихъ отношеніяхъ, то все-таки ни публицисты, ни реформаторы того времени не понимали всей важности вопроса объ установленіи болѣе нормальныхъ отношеній между сеймиками и сеймомъ: они либо совершенно не касались вопроса, либо разрѣшали его въ старомъ смыслѣ. Даже четырехлѣтній сеймъ, реформировавшій самые сеймики, въ конституціи 3-го мая оставался на прежней точкѣ зрѣнія, хотя и заявлялъ въ VI статьѣ этой конституціи, что „выбранные на сеймикахъ послы должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа“: новый уставъ правленія сохранялъ и предварительное разсмотрѣніе на сеймикахъ „пропозицій отъ трона“, т.-е. правительственныхъ законопроектовъ,

[1]) A. Pawiński. Rządy sejmikowe w Polsce. Warszawa. 1888. См. мою замѣтку подъ заглавіемъ: „Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи-Посполитой“ въ іюльской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1888 г.

и составленіе инструкцій для пословъ, другими словами, то, что̀ противорѣчило взгляду на пословъ, какъ на представителей всего народа-шляхты. Пока, повторяемъ, сеймъ не получилъ бы рѣшительнаго преобладанія надъ сеймиками, никакое правительство, которое было бы сеймовой делегаціей, не могло бы разсчитывать на особую силу и прочность. Сеймики могли бы только постепенно отказаться отъ своей независимости, и, вѣроятно, всякая крутая мѣра, направленная противъ нихъ, была бы встрѣчена враждебно воеводскими конфедераціями.

Такимъ образомъ корень политическаго вопроса заключался въ сеймикахъ, а не въ королевской власти, какъ думало большинство политиковъ той эпохи. Если по послѣднему вопросу поляки раздѣлялись на монархическій и республиканскій лагери, то въ отношеніи къ сеймикамъ и сейму подобнаго раздѣленія не было: верховенство однихъ и конгрессивность другого были общепризнанными догматами. Даже новѣйшіе историки паденія Польши обращаютъ мало вниманія на этотъ предметъ. Чѣмъ же были сеймики въ разсматриваемую эпоху? Если въ чемъ Польша совершенно не подверглась вліянію времени, такъ это именно въ своихъ сеймикахъ. Въ мемуарахъ (pamiętnikach), относящихся къ эпохѣ четырехлѣтняго сейма, у Козьмяна, у Охоцкаго, у Чацкаго сохранились живыя описанія сеймиковъ 1788 и 1790 годовъ, находящія подтвержденіе и въ другихъ источникахъ: для теперешнихъ историковъ той эпохи не можетъ быть никакого сомнѣнія въ полномъ сохраненіи сеймиками указанныхъ годовъ ихъ стараго характера. Выписки изъ упомянутыхъ мемуаровъ читатель можетъ найти у Костомарова [1]). Что старый сеймиковый духъ не умиралъ еще въ эту пору, свидѣтельствуетъ и изслѣдованіе проф. Павинскаго, основанное на изученіи сеймиковыхъ документовъ [2]). Изъ того, что въ 1790 г. шляхта согласилась приступить къ сеймовой конфедераціи, продолжить полномочія старыхъ пословъ и выбрать новыхъ, еще не слѣдовало, чтобы она согласилась на коренное измѣненіе вѣковыхъ отношеній между сеймиками и сеймомъ: сохраненіе ихъ подразумѣвалось подъ общимъ требованіемъ не наносить ущерба шляхетскимъ правамъ.

Ограниченіе власти сеймиковъ въ области административной началось еще въ 1717 г., и въ этомъ отношеніи дѣйствительно кое-что было сдѣлано. Польшѣ предстояло идти по этому пути

[1]) Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. I, 233 sq., 410 sq., 72 sq. Ср. *Kalinka*. I, 185 sq., II, 577 sq., 588.

[2]) Pawiński, 405 sq.

и далѣе, пока воеводское самоуправленіе не вошло бы въ свои естественныя границы, и центральныя власти не возвратили бы себѣ или не пріобрѣли вновь подобающаго имъ положенія въ государствѣ. На это потребовалось бы, конечно, не мало времени, и сохрани Рѣчь-Посполитая свою независимость, старый сеймиковый духъ при всякомъ удобномъ случаѣ все еще поднималъ бы голову противъ попытокъ уничтожить воеводскій сепаратизмъ: послѣдній вошелъ въ плоть и кровь сеймикующей шляхты и былъ на руку „можнымъ панамъ", сильнымъ именно своимъ мѣстнымъ значеніемъ. Реформа сеймиковъ, предпринятая въ послѣднія тридцать лѣтъ Рѣчи-Посполитой, должна была заключаться, однако, не въ одномъ ограниченіи ихъ власти и улучшеніи внутреннихъ распорядковъ: она должна была коснуться, кромѣ того, и состава этихъ шляхетскихъ вѣчъ. Въ Польшѣ было громадное количество такъ-называемой „загоновой" шляхты, бѣдной и невѣжественной, отличавшейся отъ забитыхъ хлоповъ только буйностью своего нрава да саблею на боку, какъ знакомъ благородства. Этотъ многочисленный классъ людей поставлялъ дворовыхъ слугъ въ дома богатыхъ или зажиточныхъ членовъ своего собственнаго сословія, и каждый панъ всегда былъ окруженъ кліентелой, набиравшеюся изъ такой „братіи", особенно когда ему нужно было сдѣлать наѣздъ на сосѣда или обдѣлать свои дѣла на сеймикѣ: стоило только побольше навезти съ собою подобнаго народца, покормить и попоить его на свой счетъ, и онъ шелъ покорно за паномъ-гетманомъ или паномъ-воеводой. Въ самыя старыя времена только одни землевладѣльцы, или такъ-называемая „осѣдлая" шляхта, принимали участіе въ сеймикахъ, но съ теченіемъ времени и безземельные шляхтичи стали появляться на сеймикахъ, несмотря на нерѣдкіе протесты „поссессіонатовъ". Въ XVIII в. это уже былъ всеобщій обычай, даже закрѣпленный въ формѣ закона конституціей 1768 г., такъ что и сеймики 1788 и 1790 гг. были собраны съ участіемъ всѣхъ шляхтичей по праву рожденія. Когда подымались въ Польшѣ голоса о необходимости реформы, указывалось и на необходимость очистить сеймики отъ такого элемента. Весьма естественно, что на четырехлѣтнемъ сеймѣ сторонники реформы подняли и этотъ вопросъ, но у стараго порядка нашлись защитники среди пословъ, и только послѣ долгихъ препирательствъ былъ принятъ законъ о сеймикахъ, исключавшій изъ участія въ нихъ безземельную шляхту. Конституція 3-го мая „торжественно утвердила" этотъ новый законъ, „какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы" (отд. VI), но утвержденіе должно было остаться

на бумагѣ: сеймики 1792 г. собрались при весьма выгодныхъ для конституціи 3-го мая условіяхъ, но изъ нѣкоторыхъ мѣстъ „стража“ получила донесенія о нерасположеніи къ реформѣ и о безпорядкахъ, совершонныхъ подпоенною шляхтою [1]). Универсалъ тарговицкой конфедераціи, перечисляя всѣ беззаконія четырехлѣтняго сейма, выставлялъ на видъ, между прочимъ, и то, что онъ отстранилъ отъ преимуществъ шляхетскаго званія шляхту, не владѣвшую недвижимыми имуществами. Въ мѣстныя конфедераціи, которыя должны были поддерживать конфедерацію генеральную, конечно, немало попало этой безземельной шляхты, обиженной четырехлѣтнимъ сеймомъ. Во всякомъ случаѣ добровольно она не уступила бы своей позиціи, и паны, пользовавшіеся ею, какъ послушнымъ орудіемъ, съ своей стороны, стали бы всегда настраивать ее противъ исключенія изъ сеймиковъ, какъ это и дѣлали тарговичане.

Однимъ словомъ, въ сеймиковыхъ отношеніяхъ Польши наканунѣ ея паденія господствовала старина. Политическіе нравы народа не могутъ такъ же быстро измѣняться, какъ политическія формы, хотя бы новыя учрежденія и упрочивались на болѣе продолжительное время, чѣмъ это можно сказать о польскихъ нововведеніяхъ эпохи паденія Рѣчи-Посполитой. Судя по всѣмъ извѣстіямъ о характерѣ тогдашняго польскаго общества, идущимъ отъ самихъ же поляковъ и отъ иностранцевъ, въ общемъ нравы этого общества измѣнились мало за тридцать лѣтъ царствованія Станислава-Августа. Несомнѣнно, что конецъ эпохи представляетъ гораздо болѣе свѣтлыхъ явленій, чѣмъ начало, но до полнаго перерожденія націи было далеко. Гораздо болѣе сдѣлано было дѣйствительныхъ успѣховъ въ отношеніи матеріальномъ, нежели въ духовномъ. И тѣхъ, и другихъ было слишкомъ мало для спасенія Польши отъ гибели, но они свидѣтельствовали о совершонномъ прогрессѣ и были залогомъ возможности дальнѣйшихъ улучшеній, хотя все показывало, что Рѣчь-Посполитая вступала въ періодъ внутреннихъ потрясеній, конечный исходъ которыхъ трудно было бы предсказать, еслибы старая привычка поляковъ вмѣшивать въ свои распри иностранцевъ и старые счеты сосѣднихъ державъ съ Рѣчью-Посполитой не положили конца самому существованію польскаго государства. Мы думаемъ поэтому, что ошибаются тѣ историки, которые утверждаютъ, что тотъ или другой порядокъ вещей, существовавшій въ Польшѣ за послѣднюю

[1]) См. у *Костомарова*, II, 24 sq. на основаніи архивнаго источника, именно дѣлъ стражи.

треть прошлаго вѣка, могъ бы упрочиться, еслибы одному изъ нихъ (конституціи 1775 г.) не помѣшали вторая война Россіи съ Турціей, окрылившая польскія надежды на независимость, и прусская интрига, подбившая четырехлѣтній сеймъ уничтожить русскую гарантію, а другому (конституціи 1791 г.)—неумѣстное введеніе наслѣдственнаго престола и совпаденіе во времени польской революціи съ французскою. Польша вступала въ эпоху внутреннихъ кризисовъ и переворотовъ, какъ вступали въ нее и другія западныя государства, начиная съ самой Франціи.

IV.

Два главные періода въ исторіи польской публицистики прошлаго вѣка.—Публицисты перваго періода.—Политическіе совѣты Мабли и Руссо.—Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ сеймиковъ и сеймовъ и о королевской власти.—Постановка и рѣшеніе политическихъ вопросовъ у гр. Вельгорскаго, Сташица, Коллонтая, у Анонима, Ржевускаго и др.—Польскіе публицисты по крестьянскому вопросу.—Защита мѣщанства въ политической прессѣ.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію того, чего хотѣли реформаторы, въ чемъ полагали они задачу реформы, стояли ли они въ этомъ отношеніи въ уровень съ своимъ вѣкомъ: обширная политическая литература эпохи [1]) и отчасти сеймовыя рѣчи доставляютъ весьма обильный матеріалъ для отвѣта на эти вопросы. Далеко не все было приведено въ исполненіе изъ того, что было задумано, и не все приведенное въ исполненіе, т.-е. получившее значеніе закона, вошло въ жизнь и дало тѣ плоды, какихъ отъ него ожидали. Весьма любопытно разсмотрѣть и эту сторону дѣла, чтобы увидѣть, насколько были осуществлены идеалы передовыхъ людей эпохи.

Въ исторіи польской политической литературы прошлаго вѣка мы можемъ различить два главныхъ періода. Въ первомъ періодѣ публицисты были заняты почти исключительно политической реформой Рѣчи-Посполитой, если только не являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и моралистами, причемъ главныя идеи ихъ произведеній представляли собою продукты чисто польской мысли. Этотъ періодъ заключается выходомъ въ свѣтъ направленнаго противъ

[1]) Обзоръ этой литературы см. въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:—*Hoffman.* Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867.—*Pilat.* Literatura polityczna sejmu czteroletniego. 1872.—*Kalinka.* Sejm czteroletni (во II томѣ).—Smoleński. Kuźnica Kołłątajowska. Kraków. 1885.—*B. Limanowski.* Historja ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stulecia. Lwów. 1888.

liberum veto сочиненія Конарскаго подъ заглавіемъ: „O skutecznem rad sposobie“ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, т.-е. передъ наступленіемъ эпохи реформъ. Второй періодъ открывается вышедшими въ 1769—1772 гг., т.-е. передъ самымъ первымъ раздѣломъ французскими сочиненіями Пиррисъ де Вариля: „Lettres sur la constitution actuelle de la Pologne et la tenue de ses diètes“; Мабли: „Du gouvernement et des lois de la Pologne“, и Руссо: „Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projettée“; это—періодъ французскаго вліянія и въ частности вліянія Руссо,—періодъ, когда самая постановка вопроса расширяется, ибо публицистика начинаетъ касаться уже всѣхъ сторонъ жизни, и даже возникаетъ литература по крестьянскому и „мѣщанскому“ вопросамъ [1]). Главныя произведенія этого періода относятся къ эпохѣ четырехлѣтняго сейма, когда всеобщее возбужденіе отразилось и на политической прессѣ: въ 1788—1791 годахъ только одна Франція превосходила Польшу по количеству политическихъ брошюръ, заключавшихъ въ себѣ планы и проекты реформъ.

Произведенія перваго періода польской политической прессы немногочисленны. Къ началу XVIII в. относятся два сочиненія, написанныя по старому на латинскомъ языкѣ: это—вышедшія въ 1709 г. сочиненія Карвицкаго: „De ordinanda Republica seu de corrigendis defectibus Reipublicae polonae“ (Объ устроеніи государства или объ исправленіи недостатковъ Рѣчи-Посполитой польской) и Щуки: „Eclipsis Poloniae orbi publico demonstrata“ (Всѣмъ показанное затмѣніе Рѣчи-Посполитой). Въ 1730 г. появилось, далѣе, польское сочиненіе Яна Яблоновскаго, дяди Станислава Лещинскаго, подъ заглавіемъ: „Skrupuł bez skrupułu“, а три года спустя и самъ кандидатъ на польскій престолъ Станиславъ Лещинскій обнародовалъ, какъ свой избирательный манифестъ, извѣстный „Вольный голосъ, обезпечивающій свободу“ (Głos wolny wolność ubezpieczający). Одновременно появился анонимный „Разговоръ земянина съ сосѣдомъ о теперешнихъ обстоятельствахъ“ (Rozmowa ziemianina z sąsiadem o teraźniejszych okolicznościach).

---

[1]) Обзоры литературы по крестьянскому вопросу въ Польшѣ см. въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:—*Maciejowski.* Historya włościan w Polsce. Warszawa. 1874.—*Korzon.* I, 340 sq., 379 sq. 407 sq., 458 (у него же собрано многое изъ литературы по мѣщанскому вопросу).—Особенно много также у *Лимановскаго* въ „Исторіи общественнаго движенія“. Весьма подробная библіографія имѣется въ сборникѣ *гр. Урускаго* подъ заглавіемъ „Sprawa włościańska“ (1858 и 1860), существующемъ и въ русскомъ переводѣ. Въ скоромъ времени должно появиться объ этомъ спеціальное сочиненіе *г. Мякотина*, въ которомъ будетъ дана самая подробная библіографія.

Далѣе идутъ „Kwestye polityczne obojętne statum Rzeczypospolitej examinujące“ (Безпристрастные политическіе вопросы, разсматривающіе состояніе Рѣчи-Посполитой) Поклятецкаго и „Anatomja Rzeczypospolitej synom ojczyzny ku przestrodze“ (Анатомія Рѣчи-Посполитой въ назиданіе сынамъ отечества, 1751 г.) Стефана Гарчинскаго. Наконецъ, въ 1760 г. Станиславъ Конарскій издаетъ первую часть своего сочиненія „O skutecznem rad sposobie“ (О дѣйствительномъ способѣ совѣщаній). Вотъ почти и все, если не считать вышедшаго въ свѣтъ въ 1763 г.: „Вновь придуманнаго способа совершенія публичныхъ совѣщаній“ (Sposób nowo obmyślany konkludowania obrad publicznych) Свѣницкаго, который высказывается противъ уничтоженія *liberum veto* въ принципѣ, но рекомендуетъ весьма сложный способъ голосованія, на практикѣ уничтожающій вольный голосъ (Свѣницкій, однако, требуетъ еще реформы налоговъ и увеличенія войска до 150 тыс.).

Одни изъ названныхъ писателей, особенно Яблоповскій и Гарчинскій, являются обличителями польскихъ грѣховъ, которые, какъ выражается первый изъ нихъ, „никто не считаетъ за грѣхи“; цѣль ихъ сочиненій—моральное исправленіе современниковъ. Другіе писатели спеціально заняты политическими вопросами. Уже Карвицкій на одной изъ первыхъ страницъ своего сочиненія „De ordinanda Republica“ говоритъ, что народъ не долженъ, сложа руки, ждать велѣній судьбы, а обязанъ дѣйствовать самъ, дабы не предоставлять разнымъ случайностямъ то, что можно улучшить мудрой предусмотрительностью: эти слова были какъ бы девизомъ всей преобразовательной публицистики въ Польшѣ, но нужно было пройти болѣе, нежели полувѣку, прежде нежели въ Польшѣ послѣдовали совѣту автора. Точка зрѣнія Карвицкаго—та, что вслѣдствіе несовмѣстимости принциповъ монархіи, аристократіи и демократіи, и вслѣдствіе золъ, вытекающихъ изъ ихъ смѣшенія въ Рѣчи-Посполитой, Польшѣ нужно было сдѣлаться или чистой монархіей, или чистой республикой. Считая въ принципѣ лучшею формою, особенно для того времени, монархію, авторъ высказывается, однако, за республику, какъ за болѣе соотвѣтствовавшую и духу націи, и ея исторіи. Его программа — ослабленіе королевской власти посредствомъ отнятія у королей права раздавать должности и милости съ перенесеніемъ этого права на народъ (т.-е. на шляхту), дабы сломить аристократію, въ которую именно упомянутымъ правомъ короля и вносится порча. Съ другой стороны, онъ рекомендуетъ нѣкоторыя мѣры, разсчитанныя на то, чтобы шляхетская демократія не превратилась въ охлократію. Упоминаемъ объ этомъ планѣ реформы, такъ какъ онъ былъ

прототипомъ всѣхъ сочиненій республиканскаго лагеря, видѣвшаго главный источникъ бѣдствій Польши въ томъ, что она не развила своихъ республиканскихъ принциповъ до ихъ логическаго слѣдствія—полнаго безсилія короля. Съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка въ польской публицистикѣ впервые начинаютъ раздаваться голоса противъ *liberum veto*, но не особенно рѣшительные: Яблоновскій возстаетъ только противъ недобросовѣстнаго пользованія этимъ правомъ; авторъ „Разговора земянина съ сосѣдомъ" ограничивается упованіемъ на милосердіе Божіе и указаніемъ на необходимость не допускать срыванія сеймовъ, по крайней мѣрѣ, до выбора посольскою избою своего маршалка. Станиславъ Лещинскій, знакомый съ сочиненіемъ Карвицкаго, далекъ отъ радикализма этого публициста и идетъ лишь немного далѣе, нежели два только-что упомянутые писателя, въ своемъ взглядѣ на *liberum veto*. Причину польской безурядицы онъ видитъ не въ соединеніи королевской власти (majestas) съ свободой (libertas), а въ томъ, что онѣ не находятся въ должномъ равновѣсіи: передъ его глазами носился примѣръ Англіи, гдѣ права короны и права народа имѣютъ свои границы. Такъ какъ „Вольный голосъ" былъ своего рода программой, сопровождавшей кандидатуру своего автора на польскій престолъ, то Станиславъ Лещинскій не безъ задней мысли воскурилъ въ немъ ѳиміамъ шляхетскимъ вольностямъ и доблестямъ. Предлагая немало нововведеній относительно администраціи, финансовъ, войска, судебной части и т. д., нововведеній въ духѣ государства новаго времени, онъ рѣшительно высказывается за сохраненіе „вольной элекціи" королей, рекомендуя только иную форму избранія, и за сохраненіе „вольнаго голоса", съ однимъ, однако, важнымъ ограниченіемъ. Дѣло въ томъ, что интерцессія земскаго посла, несогласнаго на что-либо, вела къ разрыву сейма, въ силу чего и всѣ уже принятыя раньше рѣшенія обращались въ ничто: Станиславъ Лещинскій рекомендовалъ ограничить дѣйствіе *liberum veto* лишь тѣмъ закономъ, по поводу котораго оно произносилось бы. Что касается до формы избранія короля, авторъ и тутъ сохранялъ старый принципъ. Избирательный сеймъ былъ перенесеніемъ на элекціонное поле подъ Варшавой всѣхъ сеймиковъ, рядомъ съ коими собирался и сеймъ, состоявшій изъ сенаторовъ и пословъ, а предложеніе Станислава Лещинскаго состояло въ томъ, чтобы сеймики, собираясь въ своихъ воеводствахъ, только предлагали кандидатовъ, и чтобы выбиралъ изъ нихъ короля уже самъ сеймъ. Вообще въ польской публицистикѣ прошлаго вѣка было немало проектовъ новой формы королевской элекціи, пока въ литературѣ не произошелъ

поворотъ въ пользу наслѣдственнаго престола. Первый, осмѣлившійся открыто напасть на *liberum veto* въ принципѣ, былъ раньше упоминавшійся Конарскій, знатокъ польскаго права (онъ былъ первый издатель „Voluminum legum“, т.-е. собранія законовъ) и реформаторъ школъ въ Польшѣ (онъ основалъ конвиктъ ксендзовъ піаровъ): „я не думаю,—говорилъ онъ,—обрѣзывать листочки и вѣточки, я хочу уничтожить самую сердцевину корня“. Введеніе голосованія большинствомъ онъ объявляетъ за элементарнѣйшее правило народныхъ совѣщаній, за первый шагъ ко всякимъ реформамъ, собравши все, что можно только было сказать и противъ самого *liberum veto*, и противъ проектовъ, ограничивавшихся лишь разными палліативными мѣрами. Особенно убѣдительно доказываетъ Конарскій ложность распространеннаго тогда мнѣнія, что сосѣди не допустятъ гибели Польши: наоборотъ, думаетъ онъ, они помышляютъ о раздѣлѣ, а потому и желаютъ поддержать въ Рѣчи-Посполитой состояніе агоніи, въ какой она находится. Въ такомъ случаѣ срываніе сеймовъ дѣлается просто-на-просто измѣною отечеству. Дабы, однако, король своимъ правомъ раздавать должности и государственныя имущества не пользовался для подкупа сеймоваго большинства въ свою пользу, и Конарскій совѣтуетъ при ближайшей элекціи лишить новаго короля этого права. Сочиненіе Конарскаго оказало большое вліяніе на общественное мнѣніе. Оно было какъ бы предвозвѣстникомъ наступавшей эпохи, въ теченіе коей ни разу не раздавалось „nie pozwalam“. Королевское право равнымъ образомъ болѣе не дѣйствовало послѣ того, какъ былъ учрежденъ „постоянный совѣтъ“.

Реформа Чарторыскихъ, элекція Станислава-Августа и русская гарантія конституціи 1768 г. отдѣляютъ первый періодъ польской публицистики отъ второго. Въ 1769 г. завязалась барская конфедерація, и между конфедератами нашлось нѣсколько человѣкъ, думавшихъ о томъ, какъ нужно бы было устроить внутреннія дѣла Рѣчи-Посполитой. Среди этихъ людей особенно выдвинулся гр. Вельгорскій, дипломатическій агентъ барской конфедераціи при версальскомъ дворѣ, „республиканецъ“, бывшій однимъ изъ главныхъ противниковъ реформы Чарторыскихъ. Онъ-то и обратился за политическими совѣтами къ знаменитому аб. Мабли, который и написалъ тогда особый мемуаръ подъ заглавіемъ: „О правительствѣ и законахъ Польши“. Такъ какъ совѣты Мабли пришлись Вельгорскому не по вкусу, то съ тою же просьбою обратился онъ въ 1771 г. къ Руссо, который и написалъ въ сущности возраженіе на книгу Мабли подъ заглавіемъ: „Раз-

сужденіе о польскомъ правительствѣ и о предложенной реформѣ", имѣвшее, вмѣстѣ съ „Contrat social", большое вліяніе на польскую политическую мысль послѣдней четверти XVIII в. въ силу нѣкотораго родства, существовавшаго между политической доктриной Руссо (за исключеніемъ полновластія и всемогущества государства) и польскимъ государственнымъ строемъ. Самъ Вельгорскій въ скоромъ времени также издалъ въ духѣ политическихъ идей Руссо сочиненіе подъ заглавіемъ: „О возвращеніи прежней формы правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи-Посполитой" (O przywróceniu dawnego rządu według pierwiastkowych Rzeczypospolitej ustaw), одновременно (1775 г.) появившееся и во французскомъ переводѣ. Мабли съ своими совѣтами былъ почти позабытъ, и нѣкоторые польскіе историки, касаясь политической литературы въ Польшѣ и о Польшѣ, совсѣмъ о немъ даже и не упоминаютъ, какъ это сдѣлалъ, напр., даже Калинка. Мабли безъ обиняковъ говоритъ, что Польша погибнетъ, если не произведетъ у себя коренной реформы, не скрываетъ трудностей, сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ, указываетъ на равнодушіе польскихъ народныхъ массъ къ судьбамъ отечества и въ вѣжливой формѣ выражаетъ свое сомнѣніе въ дѣйствительности того желанія реформъ, которымъ, по словамъ Вельгорскаго, были одушевлены соотечественники послѣдняго. Его анализъ внутренняго состоянія Рѣчи Посполитой превосходенъ: нельзя не посовѣтовать каждому, знакомящемуся съ исторіей Польши въ эту эпоху, внимательно прочесть мемуаръ Мабли. Отсталость польской націи въ культурѣ и народномъ хозяйствѣ тоже весьма ярко отмѣчена въ этомъ сочиненіи. Встрѣчаются тутъ и далеко не лестные отзывы о господствовавшемъ сословіи, есть и рѣшительное заявленіе по поводу крѣпостного состоянія крестьянъ. Предводителей барской конфедераціи Мабли прямо обвиняетъ въ нерѣшительности и бездѣйствіи. Рекомендуя уничтожить *liberum veto* и конфедераціи, „разрушить въ провинціяхъ духъ независимости и анархіи, который тамъ царствуетъ и который онѣ ревниво оберегаютъ", и отнять у министровъ ихъ неограниченную власть, Мабли совѣтуетъ еще сдѣлать королевскую власть наслѣдственною, дабы избѣжать подкупа и застращиваній, рѣшающихъ элекцію, хотя королю и онъ оставляетъ дѣйствительной власти очень мало: онъ симпатизируетъ шведской конституціи, находя даже, что права короны въ Англіи слишкомъ обширны. Рѣзкая критика польскаго устройства, а также требованіе слишкомъ радикальной реформы и оттолкнули отъ Мабли барскихъ конфедератовъ. Руссо былъ благосклоннѣе къ полякамъ.. Выражая удивленіе, „какимъ

образомъ столь странно устроенное государство могло просуществовать такъ долго", онъ, однако, хвалитъ это устройство, находя нужными только частныя въ немъ передѣлки, хотя, касаясь частностей, совершенно вѣрно указываетъ на происшедшее въ Польшѣ ослабленіе законодательной власти, на деспотизмъ министровъ и т. д.,—т. е. на явленія, требовавшія въ сущности весьма радикальныхъ реформъ. Въ высшей степени иногда практичные совѣты Мабли, съ которымъ Руссо постоянно полемизируетъ, ни разу, впрочемъ, не называя его по имени, очень часто замѣняются здѣсь реторическими ссылками на классическую древность и фантастическими планами, льстившими національному самолюбію поляковъ. Барскимъ конфедератамъ должно было понравиться и то мѣсто, гдѣ Руссо коснулся крѣпостного права: шляхтѣ предоставлялось освобождать крестьянъ только въ видѣ награды за хорошее поведеніе.

Въ своихъ мемуарахъ оба французскихъ писателя обратили важное вниманіе на ненормальныя отношенія, существовавшія въ Польшѣ между сеймиками отдѣльныхъ воеводствъ и общимъ, или „вальнымъ" сеймомъ: сеймики совершенно выбивались изъ-подъ власти сейма, сдѣлавшагося окончательно безсильнымъ, и самое *liberum veto*, какъ мы имѣемъ основаніе утверждать, развилось именно на почвѣ стремленія воеводскихъ сеймиковъ къ самостоятельности [1]). Мы указывали уже на то, какое важное значеніе все это имѣло для государственнаго быта Рѣчи-Посполитой, а потому весьма характерно, что не польскіе, но именно иностранные публицисты, Мабли и Руссо, обратили вниманіе на только-что отмѣченную ненормальность. Польскимъ политическимъ писателямъ нужно было, по крайней мѣрѣ, усвоить ихъ мысли, разработать еще болѣе самый вопросъ, найти практическія средства къ устраненію ненормальныхъ отношеній между сеймиками и сеймомъ. Этого-то и не сдѣлали польскіе реформаторы-публицисты. „Общественное мнѣніе въ Польшѣ послѣдней трети прошлаго столѣтія,—имѣли мы уже случай говорить,—было занято гораздо больше вопросомъ о королевской власти, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ и политическихъ дѣятелей, должна была сдѣлаться наслѣдственною, нежели вопросомъ объ организаціи сейма, которому необходимо было, наконецъ, стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по существу... Если въ польской политической литературѣ XVIII-го вѣка,—сказано у насъ нѣсколько далѣе,—на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о королевской власти, а не

[1]) „Историч. очеркъ польскаго сейма", стр. 73 sq.

о сеймѣ, то и въ вопросѣ объ этомъ послѣднемъ главное вниманіе обращено было на прямо бросавшіяся въ глаза неудобства, если не сказать болѣе, единомыслія и *liberum veto*, а не на тѣ отношенія, которыя существовали между сеймомъ и сеймиками не къ выгодѣ Рѣчи-Посполитой, какъ єдинаго цѣлаго" [1]). Здѣсь не мѣсто объяснять причину такого непониманія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ польскаго государства въ эпоху преобразованій, но фактъ тотъ, что проекты уничтоженія *liberum veto* ставились въ связь не съ вопросомъ объ отношеніи сеймиковъ къ сейму, а съ вопросомъ о наслѣдственности или избирательности королевской власти: отмѣны *liberum veto* требовали „монархисты", тогда какъ „республиканцы" соглашались на нее лишь подъ условіемъ отнятія у короля раздачи должностей и староствъ, дабы онъ не могъ составлять большинства въ свою пользу. Глухая борьба между центростремительными и центробѣжными силами Польши выразилась въ образованіи двухъ партій, которыя представляли собою два начала — государственное единство и сеймиковый партикуляризмъ. И для современниковъ, и для позднѣйшихъ историковъ политическій вопросъ сводился главнымъ образомъ къ дилеммѣ: монархія или республика, а потому они и раздѣлились на два лагеря. Мы думаемъ, что это былъ вопросъ второстепенный. Во-первыхъ, для обоихъ лагерей король былъ только „исполнительною властью" по терминологіи, заимствованной изъ Франціи, и нѣкоторые защитники наслѣдственности, во-вторыхъ, имѣли въ виду только устраненіе неудобствъ избранія, а не усиленіе самой власти, такъ что сама монархія оставалась по прежнему республиканской: вопросъ объ организаціи законодательной власти былъ важнѣе вопроса о способѣ назначенія высшаго магистрата, коему отводилась роль исполнителя (иногда безъ дѣйствительной власти) воли суверенаго народа-шляхты. Поэтому мы въ правѣ утверждать, что польская политическая мысль пошла по ложной дорогѣ: польскіе публицисты находились подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ теорій, а послѣднія, не касаясь вопроса, имѣвшаго для Рѣчи-Посполитой жизненное значеніе, не могли навести ихъ на настоящій путь, такъ что для нихъ даже совсѣмъ даромъ пропали приведенныя выше замѣчанія Мабли и Руссо. Равнымъ образомъ и современные излагатели публицистики, и законодательства въ Польшѣ въ эпоху реформъ игнорируютъ эту сторону дѣла.

Уже первый польскій авторъ, писавшій подъ вліяніемъ идей

[1]) *Ibid.*, 143.

Руссо, тотъ самый гр. Вельгорскій, по просьбѣ коего высказались оба французскихъ публициста, въ названномъ выше сочиненіи „О возвращеніи прежней формы правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи-Посполитой“ [1]) совершенно обошелъ вопросъ: относясь съ сочувствіемъ къ федеративному началу, развить которое совѣтуетъ Руссо, онъ какъ нарочно ничего не говоритъ объ интересующихъ насъ отношеніяхъ въ главахъ (V-VII), посвященныхъ сеймикамъ и сеймамъ, хотя и можно предполагать, что усиленіе сейма показалось бы ему узурпаціей [2]). Основная идея Вельгорскаго та, что Польшу спасти можно только возстановленіемъ исконнаго республиканскаго ея строя: причины всѣхъ бѣдъ, кромѣ ослабленія законодательной власти, всегда яко бы принадлежавшей суверенной шляхтѣ, заключаются въ утратѣ „народомъ“ его изначальнаго права выбирать своихъ сановниковъ и въ томъ, что право избранія королей съ нѣкотораго времени сдѣлалось совершенно химерическимъ. Авторъ совѣтуетъ поэтому возвратить „народу“ право выбирать сановниковъ и измѣнить форму королевской элекціи. Король,—замѣчаетъ, однако, гр. Вельгорскій,—нуженъ Польшѣ „безъ силы и почти безъ авторитета“, дабы онъ не сталъ „деморализировать (corrompre) поляковъ своими благодѣяніями и помышлять о томъ, чтобы управлять ими по произволу“.

Когда писалъ Вельгорскій (1775 г.), судьбами Польши распоряжались приступившія къ ея дѣлежу державы. Рѣчь-Посполитая получила новую конституцію, хотя и не по плану гр. Вельгорскаго, и на время толки о политическихъ реформахъ прекратились. Возобновились они, разумѣется, въ эпоху четырехлѣтняго сейма, хотя первымъ по времени политическимъ изданіемъ, уже относящимся къ этой эпохѣ, была книга, увидѣвшая свѣтъ еще до собранія названнаго сейма. Это—знаменитыя „Замѣчанія о жизни Яна Замойскаго“ [3]), вышедшія въ 1785 г. изъ-подъ пера Станислава Сташица, который самъ состоялъ при дѣтяхъ Андрея Замойскаго. И у Сташица исходнымъ пунктомъ политическихъ размышленій была забота о спасеніи отечества. Эта мысль, какъ намъ извѣстно, давнымъ-давно мучила патріотовъ, но первый изъ польскихъ писателей, охватившій идею реформы съ разныхъ

[1]) Мы пользовались французскимъ переводомъ: Essai sur le rétablissement de l'ancienne forme du gouvernement de Pologne. Londres. 1775.

[2]) Suivant le cours ordinaire des choses notre diète devoit *usurper* la même autorité dont jouit le parlement d'Angleterre, стр. 157.

[3]) Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, k. i h. k. Безъ мѣста и года. Новое изданіе Туровскаго сдѣлано въ Краковѣ въ 1861 г. Сташицъ умеръ въ 1825 г.

съ домомъ Ягеллоновъ. Король ничего не можетъ безъ народа. Но она и не республика, ибо послѣдняя представляется (reprezentuje się) только въ теченіе шести недѣль каждые два года". Поэтому онъ рекомендуетъ учредить постоянный сеймъ (sejm trwały), который—говоритъ Коллонтай—„будетъ монархомъ, будетъ издавать законы, приказывать всѣмъ магистратурамъ и гражданамъ, самъ наблюдать за исполненіемъ своихъ приказовъ". При такомъ сеймѣ, конечно, авторъ „Писемъ" допускаетъ наслѣдственность престола, или, какъ онъ выражается, избирательность королей по фамиліямъ. Исполнительную власть онъ вручаетъ коммиссіямъ, министрамъ и королю: король предсѣдательствуетъ въ „стражѣ" (соединеніи коммиссій), засѣдаетъ на сеймѣ, но каждое его распоряженіе нуждается въ подписи хотя бы одного отвѣтственнаго министра. О министрахъ же Коллонтай говоритъ: „если мы хотимъ быть свободны, свяжемъ руки министрамъ",— и совѣтуетъ имъ давать голосъ въ высшемъ правительствѣ только тогда, когда имъ придется отдавать отчетъ передъ сеймомъ или послѣдній потребуетъ отъ нихъ какой-либо справки. Такимъ образомъ и у Коллонтая на первомъ планѣ—всевластіе сейма и полное безсиліе наслѣдственнаго короля, какъ главы исполнительной власти. Онъ коснулся, впрочемъ, и того вопроса, которому мы приписываемъ особую важность. Онъ требуетъ именно, чтобы была тѣсная связь между „общимъ правительствомъ всей страны и особеннымъ правительствомъ каждаго воеводства"; ибо безъ высшей власти надъ исполнительными властями воеводствъ произошла бы анархія. Но онъ оставляетъ неприкосновенными и федеративный строй Рѣчи-Посполитой, и конгрессивность сейма: Польша—федерація самоуправляющихся воеводствъ, высылающихъ своихъ уполномоченныхъ на сеймы. „Послы, выбранные въ воеводствѣ,— говоритъ онъ,—не могутъ и не должны руководствоваться своею волею. Они ограничены приказаніями своего воеводства и не должны ничего себѣ позволять сверхъ этого". Коллонтай требуетъ еще, чтобы инструкціи посламъ свято хранились „касательно законодательства и общаго правленія", дабы „рѣшеніе каждаго посла, сдѣланное вопреки инструкціи или помимо инструкціи, было недѣйствительно и не обязывало воеводство". И позднѣе Коллонтай принималъ участіе въ полемикѣ по вопросу о сукцессіи, когда вышло въ свѣтъ сочиненіе Ржевускаго, написанное въ защиту избирательности [1]). Упомянемъ, что авторъ „Писемъ" игралъ роль въ мѣщанскомъ движеніи 1789 г. (ему приписываютъ „актъ

[1]) Uwagi nad pismem o sukcessyi tronu w Polsce. 1790.

соединенія городовъ") и въ переворотѣ 3-го мая, а послѣ паденія конституціи, введенной этимъ переворотомъ, написалъ ея исторію [1]).

Третьимъ важнымъ произведеніемъ политической прессы того времени были изданныя въ 1789 г. анонимныя „Политическія мысли для Польши" [2]), авторъ коихъ (можетъ быть, примасъ, братъ короля, а по другому предположенію Выбицкій) годомъ раньше издалъ, кажется, и одну изъ лучшихъ брошюръ по крестьянскому вопросу [3]). Названная книжка отличается наибольшею практичностью и (подобно, впрочемъ, большей части публикацій этой эпохи) разсматриваетъ всѣ стороны польскаго быта. Исходя изъ той мысли, что противъ внутренней болѣзни ничего не подѣлаешь лекарствами наружными, авторъ глубоко затронулъ недостатки соціальнаго быта Польши, главнымъ образомъ угнетеніе крестьянъ и приниженное положеніе городовъ. Въ политическомъ вопросѣ онъ требуетъ (чуть не одинъ изо всѣхъ) строгаго разграниченія законодательной и исполнительной власти, причемъ послѣдняя, представляемая наслѣдственнымъ королемъ, должна была быть усилена. „Политическія мысли для Польши" — книжка монархическая, не по имени только: авторъ дѣлаетъ короля не только дѣйствительнымъ главою исполнительной власти съ самостоятельнымъ положеніемъ въ государствѣ, но и участникомъ во власти законодательной: по его словамъ, странно было бы, чтобы тотъ, кто долженъ наиболѣе двигать все въ странѣ, былъ лишенъ возможности видѣть хорошо то, что подлежало его дѣйствію. Для автора, такимъ образомъ, весь вопросъ опять-таки заключался лишь во взаимныхъ отношеніяхъ короля и сейма и въ способѣ замѣщенія престола, но онъ былъ послѣдовательнѣе Сташица и Коллонтая, которые рекомендовали наслѣдственность короны съ совершеннымъ обезсиленіемъ короля.

Монархическіе республиканцы, каковыми были только-что названные писатели, имѣли самаго рьянаго антагониста въ лицѣ Северина Ржевускаго, котораго мы могли бы назвать республиканскимъ республиканцемъ [4]): ему казался опаснымъ даже такой „наслѣдственный монархъ", какого совѣтовали Польшѣ завести Сташицъ и Коллонтай. Сторонникъ *liberum veto* и вольной элекціи, Ржевускій является, кромѣ того, противникомъ частыхъ нобилитацій, допущенія мѣщанъ къ правленію и законодательнаго вмѣшательства въ отношеніи пановъ къ хлопамъ. Это — идеи тар-

[1]) См. о ней ниже въ I главѣ.

[2]) Myśli polityczne dla Polski. Warszawa. 1789.

[3]) O poddanych polskich.

[4]) Сочиненія его: „Punkta do formy rządu" (1790) и „O sukcesyi tronu w Polsce".

говицкой конфедераціи. Любопытно, между прочимъ, и то, что все свое вниманіе обратилъ Ржевускій опять-таки на вопросъ о способѣ замѣщенія престола, написавъ объ этомъ особую брошюру („О наслѣдственности престола въ Польшѣ"), гдѣ предлагаетъ особую, улучшенную форму элекціи. Противъ элекціи, говоритъ онъ, возражаютъ, что она производитъ смуты въ странѣ. „Но—спрашиваетъ онъ—что такое за замѣшательства, которыхъ такъ боятся во время безкоролевій? По счастливому для свободы року, польскія деревушки строятся изъ дерева; сгорѣвъ до тла во время пожара, онѣ обыкновенно очень скоро отстраиваются вновь". Такими аргументами отстаивалъ Ржевускій золотую вольность отъ „деспотизма", и тѣмъ не менѣе съ книжкой пришлось считаться; она вызвала больше возраженій, чѣмъ сочиненіе Сташица: на послѣднее было написано двадцать-два отвѣта, а въ числѣ оппонентовъ Ржевускаго были, кромѣ Коллонтая и его „правой руки" Фр. Езерскаго, Игн. Потоцкій и еп. Красинскій [1]). Исторія паденія конституціи 3-го мая показала, что противниковъ сукцессіи дѣйствительно нужно было бояться, но любопытно особенно то, что наслѣдственность престола рекомендовалась въ большинствѣ случаевъ людьми, вовсе не думавшими объ усиленіи королевской власти: короля оставляли отчасти по традиціи, отчасти потому, что даже Руссо для большого государства указывалъ на необходимость монархическаго правительства, и дѣлали этого короля наслѣдственнымъ не для усиленія его власти, а чтобы освободить Польшу отъ иностраннаго вмѣшательства во время безкоролевій. Нельзя не согласиться съ авторомъ нѣсколькихъ брошюръ того времени, Фр. Езерскимъ, говорящимъ слѣдующее: „Этотъ вопросъ о польскомъ тронѣ, какъ его замѣщать, занялъ такое количество перьевъ, что изъ нихъ можно было бы сдѣлать отличную перину для уставшей отъ такого множества сочиненій правды".

Въ нѣкоторыхъ изъ разсматривавшихся выше произведеній мы находимъ отдѣльныя мѣста, посвященныя положенію хлоповъ въ Польшѣ и улучшенію ихъ быта, но, кромѣ того, издавались еще книжки, спеціально имѣвшія своимъ предметомъ крестьянскій вопросъ. То, что можно такъ назвать, дѣлается предметомъ публицистическаго обсужденія особенно только послѣ перваго раздѣла

[1]) Сочиненіе *Коллонтая*, переведенное по-франц., названо выше. *Фр. Езерскій* написалъ: „O bezkrólewiach w Polsce i wyberaniu królow". *Игн. Потоцкій* издалъ анонимно—Reflexye nad pismem wydanem pod imieniem Jmc. P. Rzewuskiego h. p. k. *Еп. Красинскому* принадлежитъ „List w materyi sukcesyi tronu do przjaciela".

и не безъ вліянія со стороны новой экономической доктрины, шедшей изъ Франціи. Однимъ изъ первыхъ защитниковъ крестьянъ въ польской публицистикѣ былъ ксендзъ Антоній Поплавскій, авторъ вышедшей въ 1774 г. книжки „Собраніе нѣкоторыхъ политическихъ матерій“ (Zbiór niektórych materyi politycznych przez A. P.). Ученый ксендзъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи краковскимъ профессоромъ, ставитъ вопросъ на философскую точку зрѣнія и требуетъ „осчастливить хлоповъ“, „освободить ихъ отъ крайняго угнетенія“, обезпечить ихъ личность, трудъ и состояніе. Два года спустя шляхтичъ изъ польской Пруссіи, получившій образованіе въ лейденскомъ университетѣ, Іосифъ Выбицкій началъ издавать „Патріотическія письма къ бывшему канцлеру Замойскому, составляющему законы“ (Listy patryotyczne do JW. ex-kanclerza Zamojskiego, prawa układającego, pisane), которому сеймъ 1776 г. поручилъ выработать новый кодексъ. Четыре „письма“ (VI – IX) авторъ посвятилъ главнымъ образомъ крестьянскому вопросу. Выбицкій руководится идеями философіи и политической экономіи: крѣпостничество (poddaństwo) онъ объявляетъ противнымъ „естественному закону“ и доказываетъ, что „гдѣ владѣлецъ обрабатываетъ землю вольными хлопами или гдѣ свободный человѣкъ самъ на себя работаетъ, тамъ жнитво всегда роскошнѣе, тамъ не видно запущенныхъ полосъ“. Онъ убѣждаетъ читателя въ томъ, что „Польша находится въ нуждѣ потому, что жадность владѣльцевъ превратила земледѣльца въ крѣпостного, лишеннаго всякаго имущества“. „Пусть поселянинъ всегда будетъ земледѣльцемъ,—таково общее заключеніе автора,—но пусть его привлекаютъ къ земледѣлію справедливостью и собственностью, пусть его состояніе сдѣлается ему милымъ. Если мы хотимъ пана сдѣлать судьей хлопа, предпишемъ ему правила, какъ судьѣ; а такъ какъ можетъ случиться, что этотъ судья обидитъ хлопа и поступитъ съ нимъ противъ закона, установимъ должностное лицо, которое, охраняя ненарушимость закона, становилось бы защитникомъ земледѣльца въ томъ случаѣ, когда бы панъ сталъ его тираномъ. Я не хочу, чтобы земледѣлецъ превратился въ бродягу; я хочу, чтобы онъ вѣчно принадлежалъ тому грунту, на которомъ родился, но пусть контрактомъ или какимъ-нибудь письменнымъ договоромъ панъ утвердитъ за нимъ эту вѣчную собственность, дабы судьба его не зависѣла отъ причудъ и минутной прихоти эконома“. Замойскій пригласилъ Выбицкаго принять участіе въ составленіи кодекса, а король выразилъ желаніе, чтобы Выбицкій попалъ и въ число пословъ на сеймъ 1780 г., на которомъ долженъ былъ обсуждаться проектъ Замойскаго.

Самъ Выбицкій разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ (Pamiętnikach), что ему пришлось отказаться отъ кандидатуры, такъ какъ для него небезопаснымъ оказалось даже явиться на мѣсто выборовъ: шляхта съ негодованіемъ и угрозами кричала противъ его намѣренія „превратить хлоповъ въ шляхту, а шляхту въ хлоповъ". Сеймъ 1780 г. отвергъ проектъ Замойскаго: въ этомъ кодексѣ предлагалось даровать личную свободу первому и третьему сыновьямъ хлоповъ, но такъ, чтобы два другіе сына оставались на нивѣ; предлагалось еще создать заступничество для крестьянъ передъ судомъ въ случаѣ обиды отъ пана и дозволить выкупъ грунтовъ для владѣнія ими на „ленномъ правѣ". Защитники шляхетскихъ правъ не преминули выпустить въ свѣтъ полемическія брошюры, направленныя противъ Выбицкаго и Замойскаго.

Благопріятнѣе были для крестьянскаго вопроса восьмидесятые годы: на сцену выступало прогрессивное поколѣніе четырехлѣтняго сейма. Настоящимъ представителемъ прогрессивной мысли этихъ годовъ былъ Станиславъ Сташицъ: въ „Замѣчаніяхъ о жизни Яна Замойскаго", о которыхъ было уже говорено, молодой авторъ коснулся и крестьянскаго вопроса. Шляхта, по его словамъ, не заключаетъ въ себѣ всего народа, а послѣ перваго раздѣла и не имѣетъ болѣе права исключительно распоряжаться Польшей. „Подъ опекой шляхты,—говоритъ онъ,—Польша потеряла соль и воду (намекъ на соляныя копи, отошедшія къ Австріи, и на море, доставшееся Пруссіи), остался у нея только хлѣбъ: уже въ силу одного этого какъ же шляхта можетъ обладать правомъ на дальнѣйшую опеку?" Онъ требуетъ для крестьянъ правосудія, личной свободы, уничтоженія барщины, въ которой видитъ причину всѣхъ золъ въ Польшѣ, сравнивая состояніе своей родины съ состояніемъ другихъ странъ: „паньщизна,—говоритъ онъ,—надѣлала Польшѣ больше бѣдъ, чѣмъ всѣ непріятели, вмѣстѣ взятые, татары, шведы, москали, а потому стоитъ только уничтожить это зло, и лѣтъ черезъ двадцать край будетъ неузнаваемъ". „Еслибы,—разсуждаетъ онъ,—вмѣсто барщины по днямъ, каждому хлопу назначали извѣстное количество работы, и страна, и владѣлецъ выиграли бы. Пусть на этотъ конецъ,—совѣтуетъ Сташицъ,—сеймъ напишетъ уставы, назначивъ каждому хлопу сообразно съ надѣломъ, коимъ онъ владѣетъ, число морговъ, которые онъ долженъ вспахать, засѣять, сжать съ нихъ хлѣбъ и вымолотить, сколько сѣна убрать и пр. и пр.", или учредивъ „хлопскія аренды" либо „чинши, уплачиваемые деньгами, а еще лучше зерномъ". Въ крестьянской реформѣ авторъ видитъ единственное средство спасти Польшу. „Уже некогда,—восклицаетъ

онъ,—теперь объ этомъ долго раздумывать, уже нѣтъ для поляковъ середины: шляхетское сословіе должно или—какъ уже случилось съ одною его частью—готовиться къ неволѣ, или—если оно желаетъ спасти свою свободу—обезпечить справедливое отношеніе къ другимъ своимъ согражданамъ полякамъ". Печальное состояніе крестьянъ Сташицъ изображаетъ весьма краснорѣчиво, заставляя одного выведеннаго имъ на сцену хлопа разсказывать собственную біографію [1]). Главныя свои мысли по крестьянскому вопросу онъ повторилъ черезъ пять лѣтъ въ своихъ „Przestrogach dla Polski", гдѣ громко заявилъ, что „паденіе Рѣчи-Посполитой будетъ наказаніемъ за утѣсненіе хлопа".

Во время самого четырехлѣтняго сейма крестьянскій вопросъ былъ также предметомъ публицистическаго обсужденія. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда публикацій были вызваны сочиненіемъ Сташица. По обилію интереснаго матеріала о крестьянскомъ бытѣ въ Польшѣ особую важность имѣютъ вышедшія въ свѣтъ въ 1789 г. анонимныя „Примѣчанія на примѣчанія" (Uwagi nad uwagami czyli obserwacyja nad książką, która w r. 1785 wyszła p. t. Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego). Авторъ сомнѣвается въ осуществимости проектовъ Сташица. Признавая справедливымъ, чтобы „драгоцѣннѣйшая часть жителей страны, своимъ трудомъ питающая высшія и низшія сословія, пользовалась свободой, этою истинною собственностью человѣка", онъ, подобно Руссо, находилъ, что нельзя было бы сразу, безъ предварительной подготовки даровать „эту драгоцѣнность" народу, „дошедшему почти до скотской подлости вслѣдствіе долгой неволи", такъ какъ „значительная часть этихъ полезныхъ работниковъ могла бы предаться разгулу, кражамъ, разбою, бродяжничеству по странѣ". Нужно было, далѣе, по мнѣнію критика идей Сташица, исподоволь подготовить народъ и къ спасительной замѣнѣ барщины оброкомъ или издѣльной работой: рабское ярмо, — доказываетъ онъ свою мысль, — пріучило крестьянъ жить въ нерадѣніи, безъ заботы о своемъ добрѣ и безъ мысли о будущемъ, а потому при новомъ порядкѣ они проводили бы время въ праздности и пропивали бы свои доходы. Эта аргументація показываетъ, какія опасенія рождались въ головахъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ прогрессистовъ, не могшихъ по привычкѣ вообразить себѣ хлопа, работающаго не изъ-подъ палки. Почти одновременно (въ 1788 и 1789 г.) вышли въ свѣтъ еще двѣ анонимныя книжки подъ заглавіями: „О польскихъ крѣпостныхъ" (O poddanych polskich) и „Отвѣтъ на во-

[1]) Это мѣсто приводитъ *Костомаровъ*. I, 223–224.

просъ: неужели нерадѣніе къ крѣпостнымъ до такой степени овладѣло сердцами поляковъ, что имъ заразились даже ученые? или прибавленіе къ книгѣ о польскихъ крѣпостныхъ" (Odpowiedź na pytanie: Iżali nieczułość w wyższych wiekach ku poddanym tak była opanowała serca polaków, że uczeni nią nawet zarażeni zostali? czyli dodatek do księgi o poddanych polskich roku 1789). Калинка догадывается, что авторомъ первой книжки былъ не кто иной, какъ примасъ, выпустившій въ свѣтъ въ 1789 г. „Политическія мысли для Польши" [1]). Быть можетъ, и другая принадлежала ему же. Обѣ онѣ, заключая въ себѣ много подробностей о бытѣ польскихъ крестьянъ [2]), требуютъ для послѣднихъ личной свободы, гражданскихъ правъ, опредѣленія барщины или оброка сеймовымъ закономъ, подсудности крестьянъ правильнымъ судамъ, равно какъ того, чтобы у нихъ была какая-нибудь собственность и нѣкоторое образованіе.—На защиту крѣпостничества, какъ существующаго съ сотворенія міра и освященнаго Библіей, выступилъ какой-то ксендзъ „trynitarz Ignacy a Sancta Maria de Mercede", издавшій брошюру, въ которой, какъ гласитъ самое названіе (Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym, 1790), допытывался у предковъ благорасположенія къ крѣпостнымъ, но ему немедленно былъ данъ отпоръ анонимными „Практическими замѣчаніями о польскихъ крѣпостныхъ" (Uwagi praktyczne o poddanych polskich). Кромѣ означенныхъ публикацій, можно было бы назвать цѣлый рядъ другихъ, такъ или иначе касающихся крестьянскаго вопроса. Наконецъ, и Коллонтай въ своемъ „Государственномъ правѣ польскаго народа" (1790 г.), составляющемъ четвертую часть „Писемъ къ Станиславу Малаховскому", не оставилъ безъ вниманія этотъ вопросъ. Тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ его взглядами на крестьянъ, что онъ былъ однимъ изъ авторовъ конституціи 3-го мая. Коллонтай исходитъ изъ идей „естественнаго права". Въ коммиссіи, вырабатывавшей конституцію, онъ произнесъ однажды рѣчь, въ коей главнымъ образомъ и развилъ свои общія идеи на этотъ счетъ. „Не можетъ назваться свободнымъ тотъ народъ, говорилъ онъ, гдѣ человѣкъ несчастливъ; не можетъ быть та страна свободной, гдѣ человѣкъ невольникъ. Поэтому никакое законодательство не должно обходить молчаніемъ правъ человѣка, никакое общество не можетъ приносить людей въ жертву людямъ. Говорить, что непросвѣщенному народу нельзя возвратить въ цѣлости его права, значитъ говорить противъ бла-

[1]) *Kalinka.* Sejm czteroletni. II, 501.

[2]) *Korzon*, изображая бытъ крестьянъ въ Польшѣ, широко пользуется этими двумя сочиненіями.

горазумія и справедливости, ибо нѣтъ ни одного случая, исключая незрѣлости лѣтъ и разума, когда бы человѣкъ могъ утратить свои права. Малолѣтній, даже и сумасшедшій находятся подъ опекой человѣческой благотворительности, и одинъ только преступникъ можетъ быть невольникомъ общества". Такъ возражаетъ Коллонтай на взглядъ, нашедшій самое характерное выраженіе въ „Uwagach nad uwagami", и спрашиваетъ вслѣдъ за этимъ: „И развѣ мы можемъ сказать, чтобы было вполнѣ просвѣщеннымъ шляхетское сословіе, за которымъ польскіе законы обезпечили не только свободу, но и равенство въ правленіи?" Понятно поэтому, что въ первой главѣ самого проекта новой формы правленія, среди „кардинальныхъ правъ, основанныхъ на естественномъ законѣ", Коллонтай помѣстилъ личную свободу, на которую, какъ гласитъ первый же параграфъ, имѣетъ право „каждый человѣкъ, родившійся или живущій и вообще находящійся въ Рѣчи-Посполитой". Спеціально о крестьянскихъ отношеніяхъ авторъ говоритъ въ особой главѣ (VIII), однимъ изъ параграфовъ коей (19) подтверждается принципъ личной свободы поселянина, оставляемаго, однако, въ политической и экономической зависимости отъ владѣльца. О послѣднемъ въ самомъ началѣ главы (§ 1) сказано, что „въ своихъ имѣніяхъ онъ есть первое начальство страны надъ людьми, поселенными и живущими въ его имѣніи". Маловажныя крестьянскія дѣла должны были судиться поэтому при панскомъ дворѣ. Что касается до экономическихъ отношеній, то въ основу ихъ Коллонтай клалъ контракты, инвентари и добровольныя соглашенія владѣльцевъ съ цѣлыми громадами или единичными крестьянами, причемъ грунты, имъ предоставленные, могли быть временными или вѣчными „ленами". Коллонтай думалъ еще объ учрежденіи особыхъ „плебейскихъ трибуновъ" по три изъ каждой провинціи: по мысли реформатора, эти „tribuni plebis", выбранные изъ шляхты, должны были защищать крестьянскіе интересы на сеймѣ.

Подводя итоги подъ желаніями польскихъ публицистовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, мы можемъ свести ихъ къ тремъ главнымъ пунктамъ. Пунктъ первый—личная свобода, хотя нерѣдко съ разными ограниченіями; крестьянинъ, дѣлающійся лично свободнымъ, остается, однако, все-таки подъ юрисдикціей своего пана и т. д., т.-е. это—то состояніе, въ какомъ до революціи находилось большинство французскихъ крестьянъ, и изъ котораго они стремились вырваться, чтобы стать полноправными гражданами. Второй пунктъ—замѣна барщины чиншемъ и превращеніе крестьянскихъ надѣловъ въ „лены", т.-е. переходъ отъ полнаго рабства къ поземельной зависимости крестьянъ опять-таки въ родѣ

той, которая существовала во Франціи до революціи и была уничтожена декретами 4-го августа 1789 г. Если же говорится о независимой крестьянской собственности, то относится это къ движимому имуществу и сельско-хозяйственнымъ продуктамъ. Впрочемъ, о настоящей крестьянской собственности вообще въ XVIII в. почти нигдѣ надлежащаго понятія и не имѣли. Третій пунктъ —регулированіе панско-хлопскихъ отношеній закономъ (допускаются и добровольныя сдѣлки) и особыя учрежденія для защиты крестьянъ отъ панской несправедливости. Такія учрежденія существовали въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр., въ Австріи.

Мѣщанское сословіе равнымъ образомъ нашло защитниковъ среди представителей прогрессивной прессы. У нихъ рѣчь заходитъ даже о допущеніи горожанъ къ національному представительству, но и тутъ, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, прогрессистамъ приходилось вступать въ полемику съ защитниками старыхъ порядковъ. Разсмотримъ наиболѣе выдающіеся взгляды по мѣщанскому вопросу.

Замѣчательно, что въ Польшѣ и законодательство, и политическая литература обратили вниманіе на городское сословіе позднѣе, чѣмъ на крестьянъ: голоса за мѣщанъ начинаютъ раздаваться въ тогдашней публицистикѣ лишь незадолго до четырехлѣтняго сейма; главнымъ же образомъ сочиненія, на которыя намъ приходится тутъ ссылаться, относятся ко времени самого сейма. И по этому вопросу намъ представляется случай отмѣтить нѣкоторыя мысли Сташица, упоминавшагося ранѣе анонимнаго автора, въ коемъ Калинка подозрѣваетъ примаса, и Коллонтая. Сташицъ уже въ своихъ „Uwagach“ доказывалъ необходимость расширить права другихъ сословій, послѣ того, какъ шляхта обнаружила свою неспособность править государствомъ. „Еслибы,—пишетъ онъ и въ своихъ „Предостереженіяхъ Польшѣ“ [1]),— еслибы города одинаково со шляхтою заботились о краѣ, никогда бы москали не осмѣлились безнаказанно взять первыхъ сенаторовъ изъ самаго центра Варшавы. Въ единый часъ нѣсколько десятковъ тысячъ народа, любящаго свою родину, разорвало бы въ куски этихъ разбойниковъ“. Поэтому, говоритъ онъ, „польская шляхта подъ страхомъ большихъ бѣдствій и неволи должна допустить мѣщанъ къ участію въ законодательствѣ, одинаковому со своимъ“. Имѣя въ виду раньше уже высказанную въ печати мысль объ особой палатѣ городовъ на сеймѣ, Сташицъ не находитъ надобности въ такой отдѣльной палатѣ: „репрезентанты“ шляхты и „репрезен-

[1]) Przestrogi dla Polski. 1790.

танты" городовъ въ равномъ количествѣ могли бы засѣдать въ одной и той же избѣ. Мысль о двойномъ представительствѣ была пущена въ ходъ именно Коллонтаемъ еще въ 1788 г.: „только два сословія, читаемъ мы въ третьей части его „Писемъ", т.-е. земскіе и городскіе владѣльцы, должны составлять у насъ *majestat* правительства. Пусть городская изба называется низшей, а земская высшей, и обѣ будутъ составлять постоянный сеймъ". Въ предисловіи къ четвертой части „Писемъ", воспроизводящемъ рѣчь Коллонтая въ „депутаціи для уложенія конституціи польскаго правительства", и въ брошюрѣ „Послѣднее предостереженіе для Польши" (Ostatnia przestroga dla Polski, 1790) онъ доказываетъ необходимость поднять города изъ ихъ упадка, надѣливъ ихъ правами, распространяется о взаимныхъ отношеніяхъ шляхты и мѣщанства, не могущихъ существовать другъ безъ друга, напоминаетъ объ опасностяхъ, грозящихъ Польшѣ извнѣ. „Пусть,—говоритъ онъ,—шляхтичъ, будучи владѣльцемъ земли, обладаетъ во всей силѣ и во всемъ объемѣ законодательною и исполнительною властью; пусть мѣщанинъ пользуется муниципальными правами, поскольку они касаются городскихъ дѣлъ, а въ дѣлахъ общаго характера пусть безъ него никто не навязываетъ ему новыхъ законовъ и повинностей: пусть онъ ихъ себѣ установляетъ вмѣстѣ съ шляхтичемъ". Указавъ на взаимную экономическую потребность одного сословія въ другомъ, онъ спрашиваетъ, „почему не должна была бы она (эта необходимость) ихъ сблизить въ общей гармоніи для защиты всеобщихъ вольностей, сдѣлаться щитомъ противъ насилія и охраной отъ дальнѣйшаго разграбленія земель Рѣчи-Посполитой". Въ брошюрѣ „Политическія мысли для Польши" равнымъ образомъ говорилось, что „города должны имѣть репрезентантовъ и зе́мли", т.-е. право покупать земскія имѣнія, коего не-шляхта была лишена. Мѣщанскій вопросъ сталъ особенно живо обсуждаться въ прессѣ послѣ того, какъ горожане сами напомнили сейму о своихъ нуждахъ и своихъ правахъ, и сеймъ для изслѣдованія вопроса назначилъ особую „городскую депутацію". „Развѣ,—читаемъ мы въ брошюрѣ Барса, юриста, помогавшаго своими совѣтами мѣщанскимъ представителямъ передъ этой „депутаціей",—развѣ одной лишь шляхтѣ, составляющей едва одну тридцатую часть народа, принадлежитъ вся Польша? Что бы могла значить одна эта аристократическая частица? Не подчинялась ли она позорно чужому государству? Итакъ, чтобы на самомъ дѣлѣ навсегда сдѣлаться свободной и сильной, она должна тѣснѣе соединиться съ другими сословіями, раздѣливъ съ ними свои вольности и выгоды. Воля

500 тысячъ, положимъ даже—милліона человѣкъ не составляетъ воли пяти милліоновъ лицъ, а потому меньшинство, не имѣющее полномочій отъ большинства, не имѣетъ и права предписывать ему законы и называться народомъ". Это—основная идея Сіэса въ брошюрѣ „Qu'est-ce que le tièrs état", и къ ней Барсъ прибавляетъ такое соображеніе: „есть въ городахъ достаточно просвѣщенные люди, не лишены они юристовъ и литераторовъ, которые хотя при самомъ дурномъ устройствѣ государства допускаются къ занятію должностей, а тутъ, смѣшанные съ народной массой, не могутъ служить отечеству сообразно со своими способностями". Брошюра Барса, озаглавленная: „Безпристрастныя замѣчанія", была направлена противъ сеймовой рѣчи луковскаго каштеляна Езерскаго, говорившаго, что городамъ нужны только хлѣбъ и внутреннее благоустройство, а не новыя вольности [1]). Задѣтый теперь за живое, Езерскій отвѣчалъ обидѣвшимъ его „варшавскимъ писакамъ" памфлетомъ подъ названіемъ: „Всѣ заблуждаются" (Wszystcy błądzą). Къ той же категоріи, какъ и „Безпристрастныя примѣчанія", относится „Отвѣтъ войта на упреки бурмистра" (Odpowiedź woyta na zarzuty burmistrza). Анонимный авторъ, рисуя въ мрачныхъ краскахъ положеніе горожанъ, угнетенныхъ шляхтой, разсказываетъ, между прочимъ, исторію одного уніатскаго поповича, получившаго прекрасное образованіе, но ничего не добившагося въ Польшѣ вслѣдствіе своего нешляхетскаго происхожденія; переселившись за „россійскій кордонъ", онъ сдѣлался чиновникомъ въ витебской губерніи и дослужился до полковничьяго чина. И о себѣ авторъ говоритъ, что если Рѣчь-Посполитая откажется произвести измѣненія въ бытѣ мѣщанъ, то и самъ онъ броситъ все и уйдетъ „оканчивать жизнь въ какомъ-нибудь закордонномъ городѣ". Шляхетскія привилегіи начинали оскорблять самолюбіе болѣе зажиточныхъ и образованныхъ плебеевъ. „Мѣщанинъ,—говоритъ кс. Францискъ Езерскій, сотрудникъ Коллонтая, въ полемической брошюрѣ: „Катехизисъ о тайнахъ польскаго правительства" (Katechizm o tajemnicach rządu polskiego, 1790),—и по состоянію, и по образу жизни, и по образованію (edukacyi) бываетъ совсѣмъ какъ шляхтичъ, и шляхтичъ не чѣмъ инымъ отличается отъ него, какъ лишь орденами, гербами, воеводскими мундирами; шляхтичъ даже ему кланяется, желая призанять денегъ". Защитники старошляхетскихъ привилегій тоже не молчали. „Только того недоста-

[1]) Вотъ полное заглавіе: Uwagi bezstronne nad mową. IW. Jezierskiego, K-lana Łukowskiego, miana na sejmie dnia 15 grudnia 1789 roku przeciwko mieszczanom.

зало, чтобы въ законодательной палатѣ посадить болвановъ, подпоясанныхъ какой-нибудь кромкой!“ —восклицаетъ авторъ одной шляхетской брошюры“ [1]). Другой прямо, вмѣсто заголовка, ставитъ слова: „Вопросъ, нужно ли для совершенства политической конституціи нашего государства, чтобы простонародье имѣло участіе въ законодательствѣ“ (Pytanie czy do doskonałosci konstytucyi politycznej państwa naszego koniecznie potrzeba, aby gmin miał ucząstek w prawodawstwie). Отвѣтъ на вопросъ этотъ дается отрицательный; дается даже совѣтъ препятствовать развитію городовъ, потому что всѣ купцы—обманщики и барышники. Обѣ стороны обмѣнивались взаимными возраженіями и въ другихъ брошюрахъ.

Тамъ, гдѣ вопроса касаются прогрессисты, требуя для мѣщанъ обыкновенно муниципальныхъ вольностей, участія въ національномъ представительствѣ, права покупки поземельной собственности внѣ городовъ, еще чаще, чѣмъ въ публицистикѣ по крестьянскому вопросу, звучитъ нота національнаго самосохраненія: мѣщанамъ нужно дать права, чтобы и они могли быть защитниками отечества. Когда тѣ же публицисты требуютъ правъ для крестьянъ, они чаще ссылаются на естественное право. Далѣе, въ полемикѣ, возникшей въ польской прессѣ по поводу мѣщанскаго вопроса, начинаютъ принимать участіе и плебеи,—фактъ новый въ исторіи Польши,—но въ плебейскихъ памфлетахъ вопросъ нерѣдко ставится не на принципіальную точку зрѣнія, а на почву оскорбленнаго самолюбія: зажиточный и образованный мѣщанинъ самъ не прочь былъ добиваться шляхетскихъ правъ, но только для себя. Сташицъ въ послѣднемъ отношеніи представляетъ собою исключеніе.

V.

Проектъ реформъ и ихъ исполненіе.—Превращеніе проектовъ въ законы въ эпоху постояннаго совѣта и четырехлѣтняго сейма.—Выработка новой конституціи въ 1789—1791 гг.—Способъ введенія и судьба конституціи 3-го мая.—Организація законодательной и исполнительной власти.—Законодательство о крестьянахъ.—IV статья конституціи 3-го мая.—Полянецкій универсалъ Костюшки.—Отношеніе къ нему шляхты.—Забвеніе горожанъ законодательствомъ до четырехлѣтняго сейма.—„Актъ соединенія городовъ“.—Апрѣльскія и майскія постановленія 1791 г. о городахъ.—Ихъ судьба.

Въ предыдущей главѣ былъ представленъ историческій очеркъ идеи реформы въ Польшѣ, главнымъ образомъ, поскольку эта

[1]) Названіе этой брошюры: Listu do przyjaciela w okolicznościach miast tyczących się z Warszawy pisanego z dodatkami edycyjia druga.

идея развивалась въ литературѣ. Заключавшаяся въ ней теоретическая разработка политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, несмотря на всѣ свои несовершенства, иногда очень рѣзко бросающіяся въ глаза позднѣйшему историку, все-таки забѣгала впередъ сравнительно съ жизнью: отъ мысли о реформѣ былъ еще очень длинный путь до ея осуществленія въ формѣ закона, а отъ изданія закона, вводящаго въ жизнь новый принципъ, столь же длинный путь былъ до приведенія этого закона въ исполненіе; передовыя программы реформы должны были еще поступиться нѣкоторыми своими пунктами, дабы добиться для себя законодательной санкціи, а реформѣ, такимъ образомъ обрѣзанной, предстояло еще считаться съ оппозиціей со стороны консервативныхъ устоевъ польской государственной жизни. Бываютъ случаи, когда и планъ преобразованій точнѣе соотвѣтствуетъ реальнымъ потребностямъ страны, и законодательство полнѣе его воспроизводитъ, и жизнь скорѣе воспринимаетъ новыя начала, диктуемыя ей государственною властью; и бываютъ случаи, когда все это происходитъ наоборотъ. Рѣчь-Посполитая представляла собою послѣдній случай. Польская мысль слишкомъ долго тѣшила себя иллюзіей высшаго совершенства, яко-бы проявляющагося въ устройствѣ Рѣчи-Посполитой, а отрезвившись отъ такого увлеченія, слишкомъ исключительно на первыхъ порахъ занялась изысканіемъ средствъ для внѣшняго усиленія государства, чтобы широко и полно поставить вопросъ о реформѣ. Общественное мнѣніе, со временъ іезуитской реакціи слишкомъ тираннически относившееся ко всему, что противорѣчило господствовавшимъ традиціямъ, долгое время играло роль самой строгой цензуры, въ данномъ случаѣ охраняя такія „зѣницы вольности“, какъ анархическое *liberum veto*, да и потомъ, когда въ общество стали проникать новыя идеи, съ этою нетерпимостью приходилось все-таки считаться. Трудно было въ Польшѣ новымъ идеямъ и добиться признанія со стороны законодателя: срываніе сеймовъ, прекратившееся только за десять лѣтъ до перваго раздѣла и за тридцать до послѣдней борьбы падавшаго государства за свою независимость, болѣе вѣка лишало страну законодательной власти; односословность сейма, которому принадлежала эта власть, и долгая привычка членовъ шляхетскаго сословія къ господству надъ другими классами общества и къ неповиновенію требованіямъ государства создавали весьма плохую почву для преобразовательной дѣятельности сеймовъ въ духѣ новыхъ идей въ ту пору, когда *liberum veto* болѣе не практиковалось; даже на четырехлѣтнемъ сеймѣ, на которомъ получила перевѣсъ партія реформы, вожди этой партіи должны

были идти на уступки, вынуждены были уклониться отъ своихъ плановъ, и за всѣмъ тѣмъ потребовалось прибѣгнуть къ *coup d'état*, чтобы дать силу закона конституціи, уже заключавшей въ себѣ такія уступки. Такимъ образомъ, преобразовательная мысль пролагала себѣ дорогу въ законодательство съ великимъ трудомъ и только съ большими уступками старымъ традиціямъ и отношеніямъ. Законамъ, принятымъ сеймомъ, предстояло затѣмъ выдерживать тяжелое испытаніе при введеніи въ жизнь: польскій сеймъ, благодаря своему конгрессивному характеру, вѣчно встрѣчалъ соперничество со стороны сеймиковъ, издавна привыкшихъ не признавать въ рѣшеніяхъ сейма окончательныхъ приговоровъ шляхетской націи, а исполнительная власть Рѣчи-Посполитой находилась въ такой дезорганизаціи, что ее еще приходилось создавать вновь; такъ какъ публичная сила была не въ состояніи оказывать поддержку новымъ законамъ противъ систематическаго неповиновенія и своеволія „обывателей", т.-е. шляхты, а многіе изъ этихъ законовъ претили самому существу шляхетства, то значительной части нововведеній грозила опасность оставаться нововведеніями на бумагѣ. Все это необходимо принимать въ разсчетъ при оцѣнкѣ совершонныхъ въ Польшѣ реформъ. Задачей настоящей главы и будетъ прослѣдить, насколько польское законодательство осуществляло желанія передовой публицистики и насколько совершонныя реформы прививались къ жизни. Этой темы касались болѣе или менѣе всѣ историки эпохи, но у нихъ она заслонялась другимъ вопросомъ, весьма естественно выдвигавшимся на первый планъ при той точкѣ зрѣнія, на которую, какъ мы знаемъ, становилось большинство историковъ: сущность той или другой реформы они обыкновенно оцѣнивали не по мысли, нашедшей въ ней, въ той или другой степени, свое выраженіе, а какъ средство, которое могло бы или должно было спасти Польшу; общественнымъ же настроеніемъ интересовались не столько по отношенію къ той почвѣ, какую находили для себя введенныя преобразованія, сколько по отношенію къ тѣмъ усиліямъ, которыя дѣлались обществомъ для спасенія Рѣчи-Посполитой, причемъ и пріемъ, оказывавшійся этимъ обществомъ реформамъ, брался въ разсчетъ исключительно для опредѣленія того, насколько оно соглашалось на такія средства для достиженія цѣли, ради спасенія государства отъ гибели.

Нами подробно были разсмотрѣны общія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, условія, среди коихъ только и могла происходить преобразовательная дѣятельность въ польскомъ государствѣ. Не повторяя относящихся сюда фактовъ и выводовъ, мы можемъ—

именно на основаніи этихъ данныхъ—раздѣлить тогдашнюю польскую исторію на два періода: въ первомъ проведеніе или непроведеніе реформъ зависѣло отъ доброй воли сосѣднихъ державъ, изъ которыхъ одна главнымъ образомъ и поддерживала на тронѣ короля-реформатора, зато и встрѣчавшаго оппозицію со стороны своихъ подданныхъ—и, конечно, въ этомъ періодѣ преобразовательное движеніе является болѣе медленнымъ, болѣе стѣсненнымъ, болѣе задерживаемымъ; второй періодъ обнимаетъ собою время, когда, съ одной стороны, Польша уже считаетъ себя полной госпожей въ своемъ домѣ, а съ другой—часть прежней оппозиціи противъ короля, проникшаяся наиболѣе широкими идеями эпохи, овладѣваетъ общественнымъ движеніемъ, вызваннымъ перспективою освобожденія отъ иноземной опеки, увлекаетъ за собой самого короля и въ нѣсколько мѣсяцевъ производитъ измѣненія, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи совершенно превосходящія все, что было сдѣлано за цѣлые годы предыдущаго періода. Реформаторы четырехлѣтняго сейма и по отношенію къ возможности превратить свои проекты въ законы были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Станиславъ-Августъ съ своими преобразовательными планами въ эпоху „постояннаго совѣта“, когда сеймы, не будучи срываемы, тѣмъ не менѣе оставались большею частью безплодными. Какъ реформа Чарторыскихъ не могла осуществиться вслѣдствіе оппозиціи извнѣ, такъ планамъ короля-реформатора и его сторонниковъ мѣшала постоянно внутренняя оппозиція: и въ первомъ, и во второмъ случаѣ могло пройти и дѣйствительно прошло лишь кое-что, отдѣльные пункты программы, а не вся программа. Въ иномъ, повторяемъ, положеніи были реформаторы четырехлѣтняго сейма: извнѣ имъ никто не мѣшалъ (Россія держала себя пассивно до 1792 г., а Пруссія поощряла все, что только ни дѣлалось на сеймѣ въ пику Россіи), а на сеймѣ они заняли господствующее положеніе, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія своимъ планамъ (тарговицкая конфедерація образовалась уже послѣ того, какъ сеймъ сдѣлалъ свое главное дѣло). Тѣмъ не менѣе и авторамъ конституціи 3-го мая пришлось поступиться нѣкоторыми частями своего плана: проектъ не могъ цѣликомъ превратиться въ законъ, и для провозглашенія этого закона потребовался *coup d'état*.

„Депутація“ для выработки формы правленія назначена была единогласно сеймомъ еще въ началѣ сентября 1789 г. [1]). Члены

---

[1]) Для дальнѣйшаго см. книгу *Kalinki*, I, 627—629, 652—662. II, 346—352, 503—547, 594—598, 606—634.

этой коммиссіи забрали изъ королевской библіотеки всѣ, какія тамъ были, книжки объ этомъ предметѣ, а Игнатій Потоцкій, коему была поручена редакція проекта, счелъ нужнымъ прочитать и всѣ рѣчи, произносившіяся о томъ же предметѣ съ трибуны французскаго національнаго собранія. Дѣло шло медленно, тѣмъ болѣе, что сеймъ занялся особенно сильно внѣшней политикой (переговоры о союзѣ съ Пруссіей). Къ серединѣ декабря, однако, Потоцкій изготовилъ по французскимъ образцамъ и старопольскимъ традиціямъ „принципы для исправленія правительства“: верховная власть принадлежитъ народу, который проявляетъ ее черезъ пословъ, собирающихся на сеймъ, но получающихъ инструкціи отъ избирателей (непремѣнно осѣдлой шляхты) и отдающихъ отчетъ сеймикамъ; кромѣ очередныхъ сеймовъ, послы въ случаѣ надобности могутъ быть созваны и въ промежуточное время („готовый сеймъ“); дѣла на сеймахъ рѣшаются единогласіемъ, большинствомъ трехъ четвертей голосовъ или простымъ большинствомъ, смотря по важности; органы исполнительной власти ставятся подъ надзоръ короля и „стражи“, члены коей, отвѣтственные передъ сеймомъ, не входятъ, однако, въ составъ послѣдняго; всѣ власти выбираются сеймомъ. Во главѣ своего проекта авторъ счелъ нужнымъ объявить, что всѣ жители Рѣчи-Посполитой должны быть свободны и равны. Проектъ встрѣтилъ оппозицію: однимъ не нравилось исключеніе изъ сеймиковъ мелкой шляхты, другимъ—готовый сеймъ, а въ этихъ двухъ пунктахъ и заключались всѣ дѣйствительныя новшества. Если, впрочемъ, оппозиція не была особенно сильной, то лишь потому, что большинство пословъ готово было согласиться на всякій проектъ, какъ проектъ, такъ какъ прусскій король не соглашался на союзъ, коего добивались поляки, не имѣя понятія о будущей формѣ правленія. Заявленіе о свободѣ и равенствѣ всѣхъ жителей было отвергнуто и замѣнено заявленіемъ о томъ, что Рѣчь-Посполитая обезпечиваетъ за шляхтою вольность и равенство между членами этого сословія. Въ разборѣ этихъ вопросовъ прошли двадцатыя числа декабря: сеймъ продиктовалъ „депутаціи“ принципы, коихъ она должна была держаться при выработкѣ новой конституціи, и уже здѣсь давали себя знать и привязанность къ старымъ принципамъ, и непониманіе того, что прежде всего требовалось реформировать. Дѣло на этомъ и остановилось: Игнатію Потоцкому, занятому внѣшней политикой, сеймовыми и внѣ-сеймовыми дѣлами, было не до того. Въ концѣ апрѣля 1790 г. сеймъ сталъ торопить депутацію, ничего не дѣлавшую нѣсколько мѣсяцевъ, и потребовалъ, чтобы проектъ былъ ему представленъ

7-го мая. Депутація пообѣщала, но на самомъ дѣлѣ успѣла составить только проектъ о сеймикахъ, который и предложила обсуждать, обѣщая по очереди вносить и другія части. Сеймъ потребовалъ цѣлаго проекта, а не отдѣльныхъ кусочковъ, да и начать, по его мнѣнію, нужно было съ общихъ положеній, а не съ частности. Защищая свой планъ разсмотрѣнія будущей конституціи, Игнатій Потоцкій, между прочимъ, заявилъ, что именно во главѣ законодательства онъ хотѣлъ поставить волю народа, проявляющуюся въ сеймикахъ, ибо,—прибавилъ онъ,—всякая иная власть въ государствѣ должна быть только делегаціей сеймиковъ, т.-е. во главѣ новой конституціи предполагалось поставить старый принципъ самостоятельности воеводскихъ сеймиковъ. Въ концѣ концовъ сеймъ все-таки потребовалъ цѣлаго проекта, который и былъ изготовленъ къ началу августа, представивъ изъ себя цѣлый фоліантъ въ 658 статей. Читался этотъ проектъ цѣлыя три засѣданія. И онъ не только оставлялъ во всей силѣ старые принципы, но даже дѣлалъ изъ нихъ новые выводы. Сеймъ немедленно по своемъ собраніи долженъ былъ одинъ господствовать въ Рѣчи-Посполитой: всѣ исполнительныя власти должны были бы объявляться отрѣшенными для того, чтобы снова возвратиться на свои мѣста по соизволенію сейма. Несмотря на это, самъ сеймъ лишь выполняетъ волю „народа“, собраннаго на сеймикахъ: настоящая законодательная власть заключается въ сеймиковыхъ инструкціяхъ посламъ. Королевской санкціи не нужно для утвержденія закона, но королю дается *veto* на случай несогласія сената на рѣшеніе посольской избы. Это былъ новый пунктъ. Требованіе „готоваго сейма“, который могъ бы собираться въ случаѣ надобности между двумя очередными сеймами, было повторено. Положеніе королевской власти оставалось неизмѣннымъ; оставлены были министры, но безъ всякаго значенія, ибо все управленіе отдавалось коммиссіямъ; кандидаты на сенаторскія мѣста представлялись королю воеводствами. Новое учрежденіе—„стража“ (straż): это—власть исключительно контролирующая, имѣющая право жаловаться сейму на неповинующіяся ей коммиссіи; коммиссіи оставались ничѣмъ несвязанными между собою органами исполнительной власти, какъ въ былыя времена министры. Толковать законы „стражѣ“ запрещается. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и при столкновеніи между собою разныхъ властей („стражи“ и коммиссій, „стражи“ и канцлера) созывается „готовый сеймъ“, но его рѣшеніе касается только даннаго случая и не заносится въ книгу законовъ. Проектъ этотъ, заключавшій

въ себѣ и нѣсколько новыхъ постановленій о сословіяхъ [1]), былъ составленъ Игнатіемъ Потоцкимъ; главнымъ же совѣтникомъ послѣдняго во всемъ дѣлѣ былъ итальянскій аббатъ Пьятоли.

„Форму правленія" отдали подъ двухнедѣльную „делиберацію". Главнымъ образомъ и тутъ вниманіе было обращено на вопросъ о престолѣ. Когда сторонники реформы рѣшили обратиться къ сеймикамъ съ вопросомъ, желаетъ ли народъ сохранить избирательный тронъ, или сдѣлать его наслѣдственнымъ, въ посольской избѣ тотчасъ же раздались голоса противъ предложенія; напоминалось, что вольная элекція есть основа всѣхъ вольностей; выражалось удивленіе, какъ можно было осмѣлиться предложить „народу" такой вопросъ при существованіи строжайшихъ законовъ, запрещающихъ введеніе сукцессіи. Республиканскую партію не успокоивало даже то, что по проекту только сама Рѣчь-Посполитая (т.-е. сеймъ, а не король) получала право назначенія должностныхъ лицъ. Сторонники сукцессіи въ сеймѣ пользовались сочувствіемъ варшавскихъ салоновъ, „арбитровъ", т.-е. слушателей преній, а также и мѣщанскаго элемента; защитниковъ вольной элекціи прямо подозрѣвали въ томъ, что они только выражаютъ желаніе Россіи, но они составляли сильную своею численностью партію. Воеводская шляхта пока не высказывалась, какъ бы выжидая, чья возьметъ. Споры о томъ, въ какой формѣ спросить „народъ", были также продолжительны; предлагали спросить, желаетъ ли шляхта выбрать королю при его жизни преемника, не можетъ ли Рѣчь-Посполитая впослѣдствіи совсѣмъ обходиться безъ короля, что̀ предпочитаетъ „народъ" на будущее время—сукцессію или элекцію и пр. Извѣстно, что изъ 55 сеймиковъ 1790 г. только пять стояло за наслѣдственность престола; на одномъ изъ нихъ сдѣлано было даже предложеніе всякаго, кто только высказался бы за такое новшество, разсѣкать пополамъ и сжигать на кострѣ (зато почти всѣ одобрили избраніе преемника королю въ лицѣ рекомендованнаго сеймомъ курфюрста саксонскаго). Вмѣстѣ съ этимъ сеймики часто требовали, чтобы не наносилось ущерба шляхетскимъ правамъ, чтобы мѣщанамъ никакихъ льготъ не дѣлалось, чтобы власть пановъ надъ хлопами оставалась въ полной неприкосновенности. Однимъ словомъ, сеймиками какъ бы напередъ была осуждена конституція 3-го мая. Замѣчательно и то, что когда къ старымъ посламъ присоедини-

[1]) Дозволеніе шляхтѣ приписываться къ городамъ и заниматься торговлею (но не ремеслами), распространеніе на мѣщанъ личной неприкосновенности, права покупать земскія имѣнія и поступленія на государственную службу, обѣщаніе для крестьянъ покровительства законовъ.

лись новые, выбранные на упомянутыхъ сеймикахъ, сами сукцессіонисты не только не торопились рѣшать вопросъ о „кардинальныхъ правахъ“, касавшійся и наслѣдственности престола, но выдвигали на первый планъ вопросъ о сеймикахъ, чтобы оттянуть время.

Съ той точки зрѣнія, съ какой мы смотримъ на политическую реформу Польши, вопросу о сеймикахъ принадлежало важное значеніе. Партія реформы стремилась возстановить старое право, по которому только „осѣдлая шляхта“ имѣла участіе въ сеймикахъ, т.-е. стремилась устранить изъ этихъ собраній безземельную шляхту, и около этого пункта вращались главнымъ образомъ сеймовыя пренія въ концѣ января 1791 года. Вопросъ объ отношеніи сеймиковъ къ сейму былъ еле-еле затронутъ въ концѣ марта однимъ членомъ конституціонной депутаціи (Кицинскимъ), который представилъ сейму соображеніе о томъ, чтобы отнять у сеймиковыхъ инструкцій ихъ повелительный характеръ, оставивъ за ними значеніе совѣтовъ и указаній. Хотя Кицинскій указывалъ только на практическія неудобства инструкцій, не касаясь принципіальной стороны вопроса, предложеніе его было отвергнуто. Когда депутація увидѣла, что послы отнеслись къ этому послѣднему съ негодованіемъ, то для спасенія уже прежде принятыхъ параграфовъ закона о сеймикахъ (между прочимъ и устраненія зависимой шляхты изъ сеймиковъ) одинъ изъ членовъ депутаціи отъ ея имени отказался отъ всякой солидарности съ такимъ намѣреніемъ, предложивъ только, чтобы на усмотрѣніе посла отдавались дѣла, коихъ сама инструкція не могла предусмотрѣть. „Сеймъ,—объявилъ онъ,—есть высочайшій господинъ народа, но послы суть слуги воеводствъ, истолкователи ихъ воли“. Такимъ образомъ, одинъ только разъ затронуто было самое больное мѣсто государственнаго строя Рѣчи-Посполитой.

Разсмотрѣніе проекта новой конституціи, сильно, нужно замѣтить, сокращеннаго, сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ видѣ онъ вышелъ изъ рукъ Иг. Потоцкаго, двигалось весьма медленно; были проволочки и оттяжки, такъ что, по вычисленію одного посла въ серединѣ февраля 1791 г., окончанія „дискуссіи о формѣ правленія“ можно было ожидать только черезъ три года и два мѣсяца. Въ началѣ апрѣля 1791 г., дѣло дошло до городовъ, а въ серединѣ этого мѣсяца былъ принятъ законъ, о которомъ рѣчь будетъ идти впереди. Послѣ этого сеймъ отсрочилъ свои засѣданія на двѣ недѣли по случаю праздника Пасхи, и извѣстно, что въ это-то время у Игнатія Потоцкаго и Коллонтая вполнѣ созрѣла мысль о государственномъ переворотѣ, кото-

рый и былъ совершонъ 3-го мая. Остановившись нѣсколько подробнѣе на исторіи выработки новой конституціи, мы не будемъ пересказывать всѣмъ извѣстныхъ подробностей о томъ, какъ былъ совершонъ самый переворотъ; для характеристики сеймоваго законодательства по отношенію къ политическимъ вопросамъ намъ нужно было познакомиться съ ходомъ работъ конституціонной депутаціи и съ той оппозиціей, какую встрѣчали ея планы и въ самомъ сеймѣ, и на сеймикахъ.

О конституціи 3-го мая существуетъ довольно значительная литература, не считая тѣхъ о ней сужденій, которыя высказывались историками вообще той эпохи. Не повторяя этихъ сужденій, иногда довольно поверхностныхъ (особенно у историковъ, которые были знакомы и съ ходомъ дѣла, и съ содержаніемъ конституціи только по краткимъ изложеніямъ), мы укажемъ здѣсь лишь на мнѣнія новѣйшихъ польскихъ историковъ по двумъ главнымъ пунктамъ, а именно по вопросу, какъ смотрѣть на введеніе конституціи посредствомъ государственнаго переворота, и по вопросу, насколько дѣятели этого переворота разсчитали шансы принятія и непринятія новаго устава правленія „народомъ“. Оба вопроса, на нашъ взглядъ, тѣсно связаны между собою: если въ виду сеймовой оппозиціи понадобилось совершить *coup d'état*, уже это можетъ служить признакомъ того, что реформаторы считали вводившіяся ими перемѣны слишкомъ радикальными; но въ такомъ случаѣ то, что казалось слишкомъ радикальнымъ сеймовымъ посламъ, должно было казаться таковымъ и сеймикующей шляхтѣ. Съ другой стороны, мы видѣли, что въ своемъ проектѣ реформаторы не рѣшались предлагать нѣкоторыя мѣры, одобрявшіяся въ теоріи: такъ, напр., „постоянный сеймъ“ (sejm trwały) публицистовъ въ проектѣ былъ замѣненъ „готовымъ сеймомъ“ (sejm gotowy); вопросъ о лишеніи сеймиковыхъ инструкцій посламъ ихъ императивнаго характера едва былъ затронутъ; проектъ наслѣдственности престола нарочно не разсматривался въ сеймѣ, да и самая наслѣдственность замаскировывалась названіемъ „избирательности по фамиліямъ“. Мы думаемъ поэтому, что введеніе конституціи посредствомъ переворота (а не легальнымъ путемъ) нисколько не обезпечивало ея существованія въ будущемъ: такое введеніе давало, правда, возможность провозгласить новую форму правленія, до чего, быть можетъ, дѣло не дошло бы при соблюденіи легальнаго порядка, но весь вопросъ былъ не въ провозглашеніи, а въ принятіи провозглашаемаго „народомъ“. Дѣло было вовсе не въ томъ, что народъ желалъ перемѣны, которой мѣшало незначительное меньшинство на сеймѣ, а въ томъ, что

сеймовая оппозиція представляла собою дѣйствительное настроеніе шляхты. Одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ этой эпохи, именно Крашевскій, думаетъ, что переворотъ 3-го мая, необходимость коего онъ вполнѣ признаетъ, нужно было сдѣлать раньше, въ 1789, а не въ 1791 г., съ устраненіемъ формальностей, „не взирая на угрозы и крики", ибо этого требовали обстоятельства, спасеніе страны [1]). Знаменитый писатель забываетъ, что въ 1789 г. Польша еще менѣе была подготовлена къ такимъ измѣненіямъ, какія вводились конституціей 3-го мая, и что „угрозы и крики" завзятыхъ консерваторовъ въ 1789 г. нашли бы еще болѣе сильный откликъ въ шляхетскихъ массахъ, чѣмъ это было во времена тарговицкой конфедераціи. Въ конституціи были стороны, которыя никоимъ образомъ не могли быть искренне приняты шляхтою. Совершенно основательно находя, что въ „уставѣ 3-го мая" многое новое было не договорено и многое старое, подлежавшее уничтоженію, сохранено въ полной неприкосновенности, и совершенно вѣрно объясняя это явленіе тѣмъ, что творцы конституціи во многихъ отношеніяхъ не осмѣливались заходить слишкомъ далеко, самъ Калинка, являющійся въ своемъ трудѣ о четырехлѣтнемъ сеймѣ сторонникомъ наслѣдственной и притомъ непризрачной королевской власти, выражаетъ ту мысль, что сразу, насильственно не слѣдовало вводить наслѣдственность престола; слѣдовало,—говоритъ онъ,—отвѣтить прежде на вопросъ, желалъ ли послѣдней самъ народъ такъ сильно, чтобы быть готовымъ въ случаѣ надобности защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ. На вопросъ этотъ историкомъ дается отвѣтъ отрицательный; противъ конституціи было расположеніе большей части воеводствъ [2]). Г. Корзонъ, вообще относящійся весьма сочувственно къ дѣятельности четырехлѣтняго сейма и къ конституціи 3-го мая и притомъ вѣрящій въ то, что ей былъ оказанъ гораздо лучшій пріемъ, нежели думаютъ другіе новѣйшіе историки, равнымъ образомъ видитъ въ установленіи наслѣдственности престола большую политическую ошибку. „Это дѣло,—говоритъ онъ,—стало трагическимъ узломъ въ важный моментъ, когда долженъ былъ рѣшаться вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи или гибели Польши. Не нужно было предвидѣть,—продолжаетъ онъ,—достаточно было смотрѣть и слушать вокругъ себя, чтобы понять, что существовавшая въ теченіе вѣковъ форма правленія найдетъ много защитниковъ, что нельзя будетъ безъ сильнаго потрясенія всего зданія вынуть камень, лежавшій

[1]) *Krasszewski.* Polska w czasie trzech rozbiorów. II, 293, 404.

[2]) См. въ литературномъ прибавленіи къ газетѣ „Kraj" за 1888 г., №№ 9—11

въ его основаніи. Сеймовое большинство не обратило вниманія на дѣлавшіеся въ этомъ смыслѣ протесты, но послѣдніе производили впечатлѣніе на головы, наполненныя предразсудками, закоснѣлостью, привычками золотой вольности. Выраженіе—*сукцессія* до глубины души возмущало консервативнаго шляхтича, и, что хуже всего, пробуждало въ немъ ложное и преступное представленіе, что Польша безъ вольности уже не можетъ быть его отечествомъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „сукцессія" болѣе всего вооружала противъ себя консерватизмъ, и что безъ нея торговичанская оппозиція не получила бы значенія и силы [2]).

Во всей изложенной на послѣднихъ страницахъ исторіи новаго образа правленія, о которомъ мечтали реформаторы 1789—1791 годовъ, достойно особаго вниманія слѣдующее. Составляя свой проектъ конституціи, они постоянно должны были поступаться кое-чѣмъ изъ своихъ плановъ, дабы провести на сеймѣ отдѣльныя части своего проекта и не вооружить противъ себя шляхты, и этимъ объясняется сохраненіе въ конституціи 3-го мая немалаго количества старыхъ принциповъ. Но лишь авторы конституціи рѣшались на какое-либо новшество, и сеймъ, и воеводская шляхта выдвигали противъ нихъ непреодолимую оппозицію. Любопытно, однако, чѣмъ готовы были жертвовать реформаторы и что рѣшались проводить, несмотря на всѣ препятствія: ради наслѣдственности короля, связаннаго въ сущности по рукамъ и по ногамъ, они шли напроломъ, но едва раздались голоса противъ предложенія „императивныя" инструкціи превратить въ „индикативныя", чѣмъ рѣшался вопросъ объ отношеніи сеймиковъ къ сейму, конституціонная депутація тотчасъ же отказалась отъ своего плана.

Остановимся теперь на организаціи законодательной и исполнительной власти вообще въ эпоху преобразованій и особенно по майской конституціи, не перечисляя, впрочемъ, того, что уже приходилось разсматривать раньше въ другой связи, а обративъ главное вниманіе на подробности тѣхъ установленій, о которыхъ говорилось при этомъ разсмотрѣніи только въ общихъ чертахъ. Мы видѣли, что одною изъ причинъ ослабленія законодательной власти въ Рѣчи-Посполитой было установленіе *liberum veto*. Противъ него и направлены были первые проекты и первыя попытки реформы, и только конституція 1768 г., „гарантированная" иностранной державой, охранила существованіе *liberum veto* вплоть

[1]) *Korzon.* IV (2), 648.
[2]) *Ibid,* IV (2), 597 sq.

до майской конституціи. Хотя у этой „зѣницы вольности“ были и позднѣе сторонники, но вообще можно принять, что для устраненія пагубнаго обычая срывать сеймы не существовало болѣе серьезныхъ внутреннихъ препятствій, кромѣ стараго неповиновенія сеймиковъ сейму. Уничтожая *liberum veto*, статья VI конституціи 3-го мая хоронила политическое явленіе, которому, повидимому, дѣйствительно не суждено было возродиться, если только можно судить по практикѣ сеймовъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Но въ Польшѣ былъ другой, не менѣе важный вопросъ: это то, о чемъ мы уже говорили, именно отношенія сеймиковъ къ сейму. Перечисляя разныя мелкія измѣненія, которыя были внесены съ 1764 г. въ сеймиковую жизнь, проф. Павинскій говоритъ, что при этомъ „старыхъ, глубоко-вкоренившихся началъ общественной жизни сокрушить не удалось. Борьба съ ними,— продолжаетъ онъ,—была трудная, мучительная, кровавая. Для побѣды нужно было больше времени, а времени не хватало... Несмотря на эти перемѣны и преобразованія,— говоритъ онъ еще,— не далъ искоренить себя тотъ духъ, который былъ въ самой сущности отношеній сеймика къ сейму, оживлялъ организацію сеймиковаго правленія и давалъ направленіе его развитію“. Притомъ упомянутыя измѣненія касались только административной стороны польскаго государственнаго устройства или внутренней организаціи самихъ сеймиковъ, которая была упорядочена [1]), но принципіально сеймикъ самъ по себѣ и его отношеніе къ сейму оставались безъ всякой перемѣны. Конституція 3-го мая оставила равнымъ образомъ въ полной почти неприкосновенности и составъ сеймика (строго-шляхетскій, хотя и съ устраненіемъ неосѣдлой шляхты), и королевскія пропозиціи сеймикамъ, и составленіе инструкцій посламъ (хотя онѣ должны были приниматься большинствомъ голосовъ, а не единогласно). „Уважая память предковъ нашихъ,— сказано въ статьѣ II конституціи,—какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности, и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи“. Шляхта по прежнему оставалась „народомъ“, „изъ воли“ коего, какъ сказано въ началѣ статьи V, „исходитъ всякая власть въ человѣческомъ обществѣ“. Утверждая принятый сеймомъ законъ о сеймикахъ, „какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы“, статья VI

[1]) *Pawinski.* Rządy sejmikowe, 406—414.

заявляетъ, что „выбранные на сеймикахъ послы должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа, образуя собою средоточіе общаго довѣрія“, но въ сущности они оставались послами отъ отдѣльныхъ сеймиковъ, которые по прежнему должны были разсматривать предложенія, поданныя имъ отъ трона, и постановлять по нимъ свои рѣшенія, заносившіяся въ инструкціи: въ статьѣ VI еще сказано, что въ посольской избѣ раньше другихъ дѣлъ должны быть рѣшаемы „предложенія, отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ поданныя на разсмотрѣніе и представленныя избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ“. Несомнѣнно, что разсмотрѣніе пропозицій на сеймикѣ, голосованіе инструкцій, обнаруженіе большинства должно было быть, по вѣрному замѣчанію проф. Павинскаго [1]), какъ бы предрѣшеніемъ вопроса, которое стало бы стѣснять свободу воеводскихъ пословъ, собранныхъ на сеймѣ. Мы думаемъ, что въ этомъ заключался одинъ изъ коренныхъ грѣховъ всей политической стороны конституціи 3-го мая. Въ сравненіи съ нимъ, на нашъ взглядъ, второстепенное значеніе имѣютъ такія перемѣны къ лучшему, какъ „готовый сеймъ“, раздѣльное разсмотрѣніе законовъ въ посольской избѣ и въ сенатѣ, чего прежде не было и т. п. Такимъ образомъ одно только введеніе большинства голосовъ было наиболѣе существенной перемѣной въ организаціи законодательной власти хотя суверенитетъ сеймиковъ, т.-е. та почва, на коей выросло и расцвѣло *liberum veto*, не былъ затронутъ.

Конституція 3-го мая проводитъ строгое раздѣленіе властей: по статьѣ V законодательная власть принадлежала „собраннымъ чинамъ“, исполнительная — королю и „стражѣ“, а статья VI прямо начинается съ указанія на то, что „сеймъ или собранные чины“ состоятъ изъ посольской избы и сената. Старое польское государственное право, подтвержденное и конституціей 1768 г., признавало необходимость участія въ законодательствѣ трехъ „чиновъ“, т.-е. короля, сената и посольской избы; конституція же 3-го мая отнимала это право у короля: только косвенно, правомъ назначать сенаторовъ, король могъ оказывать вліяніе на законодательную дѣятельность, въ коей сенату давалось своего рода суспенсивное *veto*, хотя посольская изба и называлась „средоточіемъ народнаго всевластія“. Главное назначеніе „избирательнаго по фамиліямъ“ короля заключалось въ томъ, чтобы стоять во главѣ исполнительной власти. Какъ же она была организована консти-

[1]) *Ibid.*, 415. *Kalinka* въ своемъ разборѣ конституціи 3-го мая на это обстоятельство не обратилъ вниманія.

туціей 3-го мая? Мы видѣли, что въ предыдущій періодъ параллельно съ усиленіемъ и концентраціей исполнительной власти (коммиссіи, департаменты, „постоянный совѣтъ“) шло урѣзываніе старыхъ королевскихъ правъ. До извѣстной степени то же можно, по нашему мнѣнію, сказать и о конституціи 3-го мая. Прежде право созывать сеймъ принадлежало одному королю (въ безкоролевье только примасу), а статья VII конституціи 3-го мая давала это право сеймовому маршалку, „еслибы онъ сознавалъ крайнюю необходимость созвать сеймъ („готовый“,—для обыкновенныхъ существовали законные сроки), а король противился этому“, или еслибы король не отказался отъ какого-либо рѣшенія, которое не захотѣлъ бы подписать ни одинъ министръ. По старой польской конституціи король пользовался правомъ назначенія на высшія должности: и теперь королю давалось такое право (назначеніе всѣхъ министровъ и призваніе ихъ въ „стражу“), но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ немедленно назначалъ другого министра, еслибы того потребовало большинство двухъ третей голосовъ соединенныхъ избъ сейма. Въ той же статьѣ конституціи (VII) сказано еще, что „королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными силами и наименованіе командировъ войска, однако со свободою смѣны ихъ по волѣ народа“. Что касается до исполнительныхъ коммиссій (эдукаціонной, полицейской, войсковой и скарбовой), то ихъ члены прямо должны были назначаться сеймомъ. Далѣе, пререканія и столкновенія исполнительныхъ властей рѣшаются „готовымъ сеймомъ“, съ провинціальными же административными властями король могъ сноситься лишь чрезъ упомянутыя коммиссіи. Итакъ, король, о наслѣдственности сана котораго такъ хлопотали „патріоты“ четырехлѣтняго сейма, не можетъ разсматриваться какъ самостоятельный факторъ государственной жизни. Между тѣмъ авторы конституціи во главѣ VII ея статьи начертали слѣдующія слова: „совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти“, а потому, говорится далѣе, „высшую власть исполненія законовъ мы передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться стражею законовъ“. Не въ „стражѣ“ ли тогда заключалась, по мысли реформаторовъ, „сильная правительственная власть“? И этого не было на самомъ дѣлѣ. Въ составъ стражи вошли примасъ, пять министровъ, два секретаря (безъ рѣшающаго голоса) и сеймовый маршалокъ безъ права голоса: маршалку принадлежитъ контроль за дѣйствіями стражи и право въ случаѣ надобности созвать сеймъ. Стража сама ничего не приводитъ въ исполненіе, а только дѣлаетъ указанія коммиссіямъ, зависимымъ отъ сейма и находя-

щимся подъ предсѣдательствомъ министровъ, но не тѣхъ, которые входятъ въ составъ стражи: готовый сеймъ и тутъ долженъ былъ разрѣшать всѣ случаи пререканій и коллизій. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ VII статьи говорится о необходимости повиновенія исполнительной власти, о понужденіи непослушныхъ, о единой волѣ въ исполненіи законовъ. „Стража“ все-таки была, однако, правительствомъ, хотя представлявшимъ изъ себя лишь переходную ступень отъ „постояннаго совѣта“ къ кабинету въ новомъ смыслѣ слова.

Однимъ словомъ, въ политическомъ отношеніи конституція 3-го мая представляется намъ соединеніемъ старыхъ началъ съ новыми, заимствованными изъ французской политической литературы. Значеніе радикальныхъ перемѣнъ имѣли отмѣна *liberum veto* и введеніе наслѣдственнаго престола, но значеніе первой ослаблялось сохраненіемъ стараго отношенія сеймиковъ къ сейму, а второму не соотвѣтствовало дѣйствительное усиленіе исполнительной власти въ рукахъ короля. Старые недостатки польскаго государственнаго быта продолжали бы дѣйствовать и при новомъ устройствѣ, а между тѣмъ новшества этой конституціи, при всей ея осторожности въ заявленіи новыхъ началъ, ставили неодолимыя препятствія ея осуществленію.

Отъ политической реформы переходимъ къ соціальнымъ преобразованіямъ за весь разсматриваемый въ этомъ очеркѣ періодъ.

Первое сеймовое постановленіе, бравшее крестьянъ подъ защиту закона, издано было только въ 1768 году: оно отнимало у владѣльцевъ право надъ жизнью и смертью подданныхъ (*jus vitae et necis* w ręku dziedzica być niema, какъ сказано въ 19 статьѣ „кардинальныхъ законовъ“, изданныхъ на сеймѣ 1767—1768). Одинъ изъ польскихъ историковъ этой эпохи, г. Корзонъ, приписываетъ изданіе такого закона „вліянію Станислава-Августа и его фрачныхъ (т.-е. офранцуженныхъ) приближенныхъ“, въ самомъ же законѣ видитъ „проявленіе начинавшейся перемѣны въ шляхетскихъ понятіяхъ“ [1]), тогда какъ другой историкъ, на этотъ разъ русскій, именно Костомаровъ, относитъ постановленіе 1768 г. о крестьянахъ къ числу изданныхъ подъ вліяніемъ Россіи [2]). Не отрицая того, что Станиславъ-Августъ и его „фрачные приближенные“ могли желать изданія такого закона, нельзя, однако, упускать изъ виду важной роли, которую игралъ въ событіяхъ 1767 и 1768 гг. русскій посланникъ. Самъ г. Корзонъ

[1]) *Korzon.* I, 376, 377. Тотъ же взглядъ у *Смитта.* II, 87.

[2]) *Костомаровъ.* I, 122—123.

прямо отмѣчаетъ заступничество Россіи за крестьянъ нѣсколькими годами позже. „Мы,—говоритъ онъ,—хорошенько не понимаемъ побужденій и цѣлей, однако находимъ ясныя указанія на то, что во время перваго раздѣла три государства имѣли въ своемъ планѣ новаго устройства уменьшенной Польши параграфъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ томъ же духѣ,—продолжаетъ онъ,—выражался россійскій посланникъ Штакельбергъ на совѣщаніи делегаціи: „несомнѣнно, что немалая причина несчастій Польши въ этой неволѣ народа“. Можетъ быть, — прибавляетъ г. Корзонъ,—по вдохновенію посланниковъ поднимались разсужденія о крестьянскихъ отношеніяхъ, и явные сторонники Россіи, даже продавшіяся иностраннымъ дворамъ орудія, отличались удивительною наклонностью къ реформамъ и въ этой области“ [1]). Разсказавъ еще о сильной оппозиціи, какую встрѣтили на сеймѣ 1773—1775 гг. всѣ предложенія въ пользу крестьянъ, „несмотря на настоянія самого Штакельберга“, названный историкъ замѣчаетъ: „масса шляхты, владѣльцевъ не понимала необходимости реформы крестьянскихъ отношеній, даже слышать о томъ не хотѣла“ [2]). Эти слова проливаютъ свѣтъ и на возникновеніе закона 1768 г. Равнымъ образомъ и проектъ новаго кодекса законовъ, составленный Андреемъ Замойскимъ, какъ намъ извѣстно, былъ съ негодованіемъ отвергнутъ сеймомъ за то, что заключалъ въ себѣ нѣкоторыя предложенія объ облегченіи участи крестьянъ. Польскимъ хлопамъ пришлось ждать конституціи 3-го мая, чтобы снова сдѣлаться предметомъ законодательства.

Пришлось имъ ждать именно конституціи 3-го мая, а не вообще четырехлѣтняго сейма. Дѣло въ томъ, что на послѣднемъ крестьянскій вопросъ не былъ предметомъ спеціальнаго обсужденія, хотя посламъ весьма часто представлялись случаи касаться крестьянъ и издавать постановленія, такъ или иначе ихъ затрогивавшія. Лишь одинъ сеймовый инцидентъ далъ посламъ случай поговорить о крестьянствѣ, а передовымъ изъ нихъ—затронуть, хотя и не особенно смѣло, щекотливый вопросъ объ освобожденіи хлоповъ. „Дѣло не въ томъ,—говорилъ посолъ Нѣмцевичъ, — чтобы возвратить хлопамъ вольность, а въ томъ, чтобы охранить ихъ отъ насилій и притѣсненій со стороны немилосердныхъ господъ“. Адамъ Чарторыскій, люблинскій посолъ, съ своей стороны заявилъ при этомъ, что, „прежде чѣмъ освобождать это сословіе, нужно его просвѣтить“. Только и поговорили. Г. Корзонъ,

[1]) *Korzon.* I, 386.
[2]) *Ibid.*, I, 389.

относящійся весьма благопріятно къ дѣятельности четырехлѣтняго сейма, не былъ въ состояніи привести сколько-нибудь значительнаго количества хотя бы и такихъ эпизодовъ [1]). „Финансовыя дѣла, — оправдываетъ онъ сеймъ, — кардинальные законы, черезъчуръ щекотливый вопросъ о наслѣдственности престола, равно какъ дебаты о продленіи сейма, отвлекли общее вниманіе отъ крестьянскаго вопроса“ [2]). Ему приходится признать, что безъ предварительнаго изслѣдованія и ближайшаго выясненія принциповъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ четырехлѣтнимъ сеймомъ только въ четвертой статьѣ поспѣшно составленной конституціи 3-го мая. Мало того: перечисливъ законы, изданные сеймомъ въ развитіе этой конституціи, г. Корзонъ не можетъ не замѣтить, что среди нихъ „мы не находимъ, однако, спеціальнаго закона, касающагося крестьянъ до самой отсрочки сейма 31-го мая 1792 г.“. Ему остается только гадательно высказать, что упомянутая статья конституціи „не была послѣднимъ проявленіемъ сеймовой мысли и воли въ этомъ дѣлѣ“, что „для утвержденія спеціальнаго закона о крестьянахъ сейму просто не хватило времени“ [3]). Съ другой стороны, мы не можемъ сомнѣваться и въ силѣ шляхетскаго консерватизма на сеймѣ. Напр., еще въ апрѣлѣ 1790 г. нурскій посолъ Зѣлинскій предостерегалъ сеймъ относительно опасности, представлявшейся, по его мнѣнію, „такой политикой распространенія надъ подданствомъ правительственной опеки, какая дѣйствуетъ въ краѣ, взятомъ въ австрійскій кордонъ. Живя тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ насмотрѣлся, какъ тамъ бунтовали сословіе противъ сословія, народъ противъ народа; своими глазами съ сожалѣніемъ видѣлъ слѣдствія этого, когда потачка крестьянамъ со стороны правительства доводила ихъ до такой степени дерзости, что они не хотѣли знать ни малѣйшаго послушанія начальству, стали относиться къ собственнымъ своимъ панамъ съ ненавистью и непріязнью, не желали отбывать никакихъ повинностей“ [4]). Такія рѣчи, конечно, должны были находить сочувствіе среди пословъ сейма, какъ извѣстно, сильно встревоженнаго такъ-называемыми украинскими бунтами.

Какъ бы тамъ ни было, IV статья конституціи 3-го мая заключаетъ въ себѣ все, что было сдѣлано знаменитымъ сеймомъ для крестьянъ. „Земледѣльческій классъ, — гласитъ эта статья [5]),

[1]) *Ibid.*, I, 423—428.
[2]) *Ibid.*, I, 428.
[3]) *Ibid.*, I, 428, 429, 431. Cf. *Limanowski*, 298 sq.
[4]) *Korzon.* I, 427.
[5]) Пользуемся готовымъ переводомъ *Костомарова.* I, 461—463.

—изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны и постановляемъ, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, будутъ ли они заключены съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ села по одиночкѣ, должны имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла уговора и по содержанію такихъ надѣловъ и условій. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, принятыя добровольно владѣльцемъ земли, будутъ обязывать не только его самого, но и его наслѣдниковъ или пріобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что они уже не могутъ ихъ самовольно измѣнять. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и надѣловъ и съ ними соединенныхъ повинностей, какъ только сообразно съ способами и условіями, какіе значатся въ постановленномъ договорѣ, который для нихъ будетъ въ точности обязателенъ навсегда или на срочное время, смотря по тому, какъ онъ составленъ. Обезпечивъ, такимъ образомъ, владѣльцевъ при ихъ доходахъ, проистекающихъ отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, и желая, сколько возможно, содѣйствовать умноженію народонаселенія въ странѣ, объявляемъ свободу всѣмъ новоприбывающимъ, а равно и тѣмъ, которые, прежде удалившись изъ страны, захотятъ снова воротиться въ отечество,—до такой степени, что каждый или вновь откуда бы то ни было прибывшій во владѣнія Рѣчи-Посполитой, или назадъ возвратившійся туда, какъ только ступитъ ногою на польскую землю, вполнѣ свободенъ и воленъ заниматься какимъ хочетъ промысломъ и гдѣ захочетъ, заключить договоръ на осѣдлость, работу или оброкъ, проживать въ городахъ и селахъ, оставаться въ Польшѣ или возвратиться въ тотъ край, куда захочетъ, выполнивши обязательства, принятыя на себя добровольно". Мы нарочно привели цѣликомъ эту длинную статью, дабы читатель самъ могъ видѣть, что же давалось крестьянамъ знаменитой конституціей. Всякій согласится съ Калинкой, что послѣдняя „почти ничего не сдѣлала для крестьянъ". Можно и принять объясненіе этого „печальнаго факта", данное историкомъ: творцы конституціи 3-го мая не смѣли

идти дальше при общемъ настроеніи шляхты. „Нужно допустить,— говоритъ онъ,—что творцы устава правленія ожидали отъ власти наслѣдственныхъ королей рѣшенія этого вопроса“ [1]). Сравнивая то, что̀ дала крестьянамъ конституція 3-го мая, съ тѣмъ, чего желали передовые публицисты по крестьянскому вопросу, и г. Корзонъ приходитъ къ тому заключенію, что сеймъ далеко не удовлетворилъ этихъ желаній. Принятіе крестьянъ „подъ опеку закона и правительства страны“ онъ не считаетъ, однако, за „пустую фразу“, хотя и долженъ согласиться, что по той или другой причинѣ сеймъ не выработалъ спеціальнаго закона, который защищалъ бы хлопа. Далѣе, путь добровольныхъ соглашеній кажется историку совершенно неподходящимъ: по его вѣрному замѣчанію, „отъ массы владѣтелей нѣсколькихъ дымовъ нужно было ожидать явнаго нерасположенія къ какимъ бы то ни было контрактамъ, упорной защиты каждаго дня паньщины, каждаго мотка нитокъ, приносимаго въ видѣ оброка, пока законодатель отдавалъ дѣло на усмотрѣніе самого шляхтича и не принуждалъ его прямымъ приказаніемъ“. Подыскивая за всѣмъ тѣмъ для сейма своего рода смягчающія обстоятельства, г. Корзонъ проситъ не забывать о трудности, съ какою имѣлъ дѣло сеймъ, производя реформу въ обществѣ, которое „сдѣлало, правда, большіе успѣхи, но еще въ 1780 г. отвергало кодексъ Замойскаго“,—а также указываетъ на необходимость сообразоваться съ однимъ изъ кардинальныхъ законовъ 1768 г., обезпечивавшимъ за шляхтой неприкосновенность ея *dominii et proprietatis* надъ наслѣдственными земскими имѣніями и подданными, какъ будто законы эти, навязанные Польшѣ внѣшней силой, были въ такомъ почетѣ у дѣятелей 3-го мая и ни одинъ изъ кардинальныхъ законовъ 1768 г. не былъ отмѣненъ новой конституціей. Гораздо важнѣе то соображеніе г. Корзона, что „сеймъ состоялъ исключительно изъ представителей сословія, заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ односторонне, основывавшаго все свое благополучіе на работѣ крестьянъ“ [2]). Это-то и есть главное.

Послѣ конституціи 3-го мая продолжалось еще обсужденіе крестьянскаго вопроса въ публицистикѣ, но оно уже имѣло мало значенія, тѣмъ болѣе, что были сосчитаны дни не только этой конституціи, но и самой Польши. Послѣднимъ правительственнымъ

[1]) См. отрывки изъ III тома „Четырехлѣтняго сейма“ (Przegląd literacki *Kraju*. 1888. № 10).

[2]) *Korzon*, I, 434 sq. Konstytucja 3 maja, говоритъ и *Limanowski*, miała więcej znaczenie polityczne, aniżeli społeczne... Chłopom włościanom nie szczędzono uznania moralnego, ale istotnie nie postarano się ulżyć ich losowi, стр. 342.

актомъ падавшей Рѣчи-Посполитой былъ поланецкій манифестъ диктатора Костюшки, къ которому теперь и переходимъ.

Въ универсалѣ, датированномъ изъ лагеря подъ Винярами 2-го мая 1794 г., Костюшко доводитъ, между прочимъ, до „свѣденія народа", что „москали ищутъ средствъ возбудить противъ повстанцевъ (przeciwko nam) деревенскій людъ, выставляя ему на видъ панскій произволъ и давнишнюю ихъ (т.-е. народа) нужду и обѣщая ему лучшую будущность при московской помощи". Указавъ затѣмъ, что многіе попали „въ эти силки", Костюшко заявляетъ, что считаетъ своею обязанностью найти средство помѣшать такимъ интригамъ, „средство, сообразное съ достоинствомъ благороднаго (wspaniałego) народа, пріятное чувствительнымъ душамъ, а отъ личнаго интереса требующее лишь легкой жертвы". Послѣдняя должна была состоять въ освобожденіи отъ работы идущихъ на войну хлоповъ и въ попеченіи о семьяхъ „защитниковъ общей отчизны"; „таково,—сказано далѣе,—средство привязать простой народъ къ общему дѣлу и оберечь его отъ непріятельскихъ сѣтей". Это заявленіе, повторявшее мысль передовыхъ публицистовъ о томъ, что для спасенія отечества нужно было заинтересовать въ этомъ дѣлѣ народную массу,—было какъ бы вступленіемъ къ изданному Костюшкою черезъ пять дней (7-го мая) въ лагерѣ подъ Поланцемъ знаменитому „универсалу, устанавливающему грунтовыя повинности крестьянъ и обезпечивающему за ними дѣйствительную опеку правительства, собственность и справедливость". Повторивъ прямо мотивы предыдущаго универсала, Костюшко продолжаетъ: „къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что часто суровое обращеніе съ простымъ народомъ даетъ поводъ москалямъ безчестить всю націю. Я имѣю жалобы отъ солдатъ и рекрутъ, что жены ихъ и дѣти не только не получаютъ никакого облегченія, но чуть не за то, что ихъ мужья и отцы служатъ Рѣчи-Посполитой, — подвергаются еще большему утѣсненію. Такіе поступки во многихъ мѣстахъ совершаются, конечно, безъ вѣдома и противъ воли владѣльцевъ, но въ другихъ они должны быть слѣдствіемъ недоброжелательства или иностраннаго наущенія, дабы совершенно охладить въ сердцахъ простого народа пылъ къ защитѣ отечества. Но человѣколюбіе, справедливость и благо родины указываютъ намъ на легкое и вѣрное средство, которое даетъ намъ возможность помѣшать дѣйствію внутренней злобы или заграничной интриги". Самыя распоряженія универсала изложены въ четырнадцати статьяхъ: первая обѣщаетъ народу покровительство закона; вторая объявляетъ личную свободу поселянъ; третьею на время возстанія и до изда-

нія новыхъ правилъ законодательною властью уменьшается количество рабочихъ дней на пановъ; пятая освобождаетъ участниковъ посполитаго рушенія отъ всякой паньщины на все время нахожденія ихъ въ войскѣ; шестою запрещается владѣльцамъ отнимать у крестьянъ ихъ грунты, если только панъ не докажетъ, что крестьянинъ не исполнилъ своихъ обязанностей; въ статьяхъ седьмой и восьмой заключается угроза судомъ владѣльцамъ или ихъ управляющимъ, притѣсняющимъ крестьянъ, и т. д. Этимъ актомъ Костюшко давалъ (вѣрнѣе, впрочемъ, обѣщалъ) крестьянамъ гораздо болѣе, чѣмъ кто бы то ни было до него, но, издавая свой универсалъ, онъ превышалъ полномочія, данныя ему самому краковскимъ актомъ возстанія, ибо послѣдній строго запрещалъ „временнымъ властямъ — ни каждой въ отдѣльности, ни всѣмъ имѣстѣ взятымъ“ — утверждать „такіе акты, которые составляли бы національную конституцію“: „всякій такой актъ,—было тамъ сказано,—будетъ признанъ нами за присвоеніе народнаго верховенства (samowładztwa narodowego), подобное тому, противъ котораго мы возстаемъ теперь, жертвуя нашею жизнью“. „Высочайшій народовый совѣтъ“ опубликовалъ манифестъ Костюшки только черезъ три недѣли (30-го мая), а мѣстныя власти не особенно заботились о доведеніи его до свѣденія народныхъ массъ. Среди сторонниковъ возстанія и увольненія хлоповъ были люди, понимавшіе, что однихъ универсаловъ было мало: въ небольшой брошюркѣ „Голосъ за крестьянъ“, сочувственной универсалу, „снявшему съ крестьянъ вѣковые кандалы, которые достались имъ еще отъ прадѣдовъ“, было, наприм., сказано, что „никакимъ универсаламъ и обѣщаніямъ крестьяне не повѣрятъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ поставлены въ такое положеніе, что не будутъ бояться пановъ и будутъ достаточно сильны для сопротивленія ихъ притѣсненіямъ. Нужно, какъ мнѣ кажется,—поясняетъ авторъ свою мысль,—чтобы начальникъ принялъ хлоповъ во всѣ коммиссіи и суды, даже въ высочайшій народовый совѣтъ“. Такъ и вышло: полянецкій манифестъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на народъ и даже не остался въ его памяти.

Въ нашей исторической литературѣ довольно подробно объ отношеніи шляхты къ полянецкому манифесту Костюшки говорилъ Костомаровъ [1]); шляхта приняла его враждебно. Находя, что нашъ историкъ невѣрно представилъ роль шляхты и хлоповъ въ возстаніи Костюшки [2]), г. Корзонъ самъ, однако, написалъ слѣдующія строки по поводу вооруженія хлоповъ: „можно было ожи-

[1]) *Костомаровъ*. II, 521 sq.
[2]) *Korzon*. I, 462—463.

дать, что въ Польшѣ новый принципъ встрѣтитъ при своемъ осуществленіи еще большія, чѣмъ гдѣ бы то ни было, затрудненія въ силу укоренившагося въ теченіе вѣковъ понятія, что крестьяне помѣщичьихъ имѣній не должны были браться въ войско, равно какъ вслѣдствіе боязни, что вооруженные хлопы могутъ вырѣзать шляхту. Общій рекрутскій наборъ былъ предписанъ только четырехлѣтнимъ сеймомъ безъ малаго за пять лѣтъ передъ этимъ, да и то еще съ осторожными ограниченіями. Съ этимъ новшествомъ могъ согласиться такой шляхтичъ, который былъ въ состояніи понять идеи государственной реформы и относился къ нимъ съ сочувствіемъ. Но консерваторы, поклонники прежней золотой вольности, и темная шляхетская масса должны были смотрѣть на рекрутскій наборъ не особенно благопріятно, а еще болѣе, конечно, не понравилась имъ мысль о посполитомъ рушеніи съ каждыхъ пяти дымовъ. Тогдашній шляхтичъ настолько уже преобразился подъ вліяніемъ духа, господствовавшаго въ высшихъ слояхъ общества, что имѣлъ „сердце чувствительное“, что не смѣлъ угнетать подданнаго „по-сарматски“, но онъ едва могъ освободиться отъ страха за личную безопасность, отъ мысли о разореніи своего хозяйства, отъ опасенія, чтобы не унизилось его политическое значеніе“. Историкъ заподозриваетъ, однако, вѣрность свидѣтельствъ нѣкоторыхъ современниковъ о маломъ сочувствіи къ дѣлу Костюшки, хотя самъ приводитъ примѣръ нѣсколькихъ воеводствъ (минскаго, волынскаго, кіевскаго, подольскаго, брацлавскаго), гдѣ шляхта сидѣла смирно, боясь, какъ самъ онъ полагаетъ, хлопскихъ бунтовъ. Замѣчая въ одномъ мѣстѣ, что ему неизвѣстно ни одной протестаціи, ни одной печатной строчки, ни одного публичнаго поступка, въ которомъ шляхтичъ выразилъ бы ненависть къ Костюшкѣ или намѣреніе бороться съ его распоряженіями даже въ крестьянскомъ дѣлѣ, г. Корзонъ приводитъ, однако, нѣсколько далѣе фактъ жалобы одного ксендза на то, что онъ, „вслѣдствіе обнародованія универсала объ уменьшеніи паньщинъ, навлекъ на себя ненависть и преслѣдованіе нѣкоторыхъ владѣльцевъ“,—а разсматривая, какъ приводился въ исполненіе поланецкій универсалъ повстанческими властями, говоритъ о случаяхъ, когда владѣльцы его не исполняли.

Переходимъ къ законодательству, касавшемуся мѣщанъ. Нельзя сказать, чтобы до четырехлѣтняго сейма сдѣланы были въ польскихъ законахъ о городахъ и ихъ населеніи какія-либо важныя измѣненія. Даже послѣ перваго раздѣла сеймы ничего не дѣлали для городского сословія, и еще въ 1786 г. сеймъ не согласился на королевскую пропозицію дозволить короннымъ мѣщанамъ по-

купать земскія имѣнія, какъ это было разрѣшено въ в. к. литовскомъ въ 1775 г. Правда, дѣятельность новыхъ правительственныхъ учрежденій, развитіе промышленности, новое воспитаніе—не мало способствовали поднятію городовъ изъ того жалкаго состоянія, въ какомъ они находились уже около двухъ вѣковъ послѣ того, какъ шляхта своей эгоистической политикой нанесла ударъ развитію „третьяго сословія“ въ Рѣчи-Посполитой, и въ самомъ фактѣ улучшенія городскихъ отношеній не можетъ быть никакого сомнѣнія послѣ изслѣдованій г. Корзона объ этомъ предметѣ, но все это происходило вопреки старымъ законамъ, остававшимся неотмѣненными, и не въ силу нѣкоторыхъ новыхъ сеймовыхъ распоряженій, такъ какъ послѣднія имѣли въ основѣ большею частью старые же принципы. Да и четырехлѣтній сеймъ занялся мѣщанскимъ вопросомъ лишь послѣ того, какъ сами мѣщане напомнили о себѣ „актомъ соединенія городовъ“. Документъ этотъ, датированный 24-го ноября 1789 г., былъ написанъ отъ имени всей совокупности городовъ, выславшихъ депутатовъ въ столицу государства „съ совершеннымъ полномочіемъ общими силами стараться“ выпросить у короля и чиновъ Рѣчи-Посполитой такихъ правъ, которыя были необходимы для благоденствія городовъ. „Желая въ настоящее время,—говорится, между прочимъ, въ актѣ,—чтобы были возобновлены въ будущемъ устройствѣ государства какъ тѣ законы, которыми мы и теперь спокойно пользуемся, такъ и тѣ, которые были нарушены силой отдѣльныхъ юрисдикцій, а потому пришли со временемъ въ забвеніе, мы предприняли соединить умы наши съ цѣлью взаимной помощи такимъ образомъ, чтобы общественный интересъ одного города дѣлался отселѣ интересомъ всѣхъ городовъ, какъ коронныхъ, такъ и великаго княжества литовскаго“. Упомянувъ о французскихъ событіяхъ, польскіе мѣщане торжественно обѣщали, съ своей стороны, сохранить вѣрность и уваженіе къ королю и чинамъ Рѣчи-Посполитой, „не дѣлать ни одного шага, который въ чемъ-нибудь могъ бы нарушить внутренній миръ“, и отдавали „съ искреннимъ желаніемъ свои руки и имущества на защиту неприкосновенности отечества“. Актъ этотъ былъ поданъ въ трехъ экземплярахъ королю, сеймовому маршалку и канцлеру, а результатомъ было то, что въ серединѣ декабря 1789 г. была назначена особая коммиссія, или „городская депутація“, въ составъ которой вошли расположенные къ мѣщанамъ послы и сенаторы. На засѣданія этой депутаціи являлись представители городского сословія изъ обѣихъ половинъ Рѣчи-Посполитой въ сопровожденіи трехъ юристовъ и принося съ собою каждый разъ по новому

меморіалу, касавшемуся той или другой стороны мѣщанскаго вопроса: здѣсь требовалось именно допущеніе на сеймъ пословъ отъ городовъ, распространеніе на мѣщанъ права личной неприкосновенности (*neminem captivabimus*), дозволеніе членамъ этого сословія пріобрѣтать земскую собственность, уничтоженіе унизительныхъ для мѣщанскаго званія законовъ.

Рѣшенію этого вопроса (въ апрѣлѣ 1791 г.) осенью 1790 г. предшествовали въ сеймѣ „нобилитаціи": въ теченіе ноября многимъ мѣщанамъ дано было шляхетское достоинство, причемъ сеймъ былъ очень щедръ въ этихъ нобилитаціяхъ. Въ странѣ это вызывало удивленіе и неудовольствіе. Сеймовые прогрессисты въ открытіи столь широкаго доступа промышленникамъ, купцамъ и людямъ либеральныхъ профессій въ шляхетскіе ряды видѣли какъ бы начало новой эпохи, но другіе видѣли здѣсь иную цѣль: многіе именно думали, что сеймъ нарочно такъ дѣлаетъ, чтобы лишить мѣщанство всѣхъ его выдающихся элементовъ, составлявшихъ главную силу городского движенія предыдущаго года. Кс. Езерскій, главный помощникъ Коллонтая въ его публицистической дѣятельности, въ особой брошюрѣ требовалъ отъ новой шляхты, чтобы она отказалась отъ только-что пріобрѣтенныхъ правъ и защищала права своего сословія, и эта брошюра возбудила новую полемику: на Езерскаго напали на то, что онъ только напрасно бьетъ тревогу и внушаетъ недовѣріе къ сейму. Между тѣмъ депутація работала надъ законопроектомъ о городахъ, редакторъ котораго (Хрептовичъ) предлагалъ удовлетворить главныя желанія мѣщанъ и въ этомъ отношеніи находилъ поддержку у своихъ товарищей по депутаціи. Обсужденіе вопроса въ сеймѣ началось 5 апрѣля. Оппозиція особенно сильно противилась представительству отъ мѣщанъ на сеймѣ и дозволенію мѣщанамъ покупать земскія имѣнія: послѣднее разорило бы шляхту, а первое было бы гибелью для свободы, ибо мѣщане протянутъ руку королю, какъ это было въ Швеціи; консерваторы вообще боялись подобнаго союза. „Братію нашу,—кричали еще,—бѣдную шляхту мы отстранили отъ сеймикованія, а теперь хотимъ допустить мѣщанъ!" Но и у проекта Хрептовича нашлись защитники. Послѣ долгихъ споровъ дѣло было направлено въ конституціонную депутацію, которая, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ своихъ членовъ, бывшихъ противниками городовъ, и подъ вліяніемъ того, что говорилось въ сеймѣ, вычеркнула изъ проекта нѣсколько важныхъ пунктовъ, главнымъ образомъ представительство въ сеймѣ. Вообще апрѣльскія засѣданія сейма были очень шумны и бурны, и оппозиція консерваторовъ была одной изъ причинъ того, что въ началѣ мая остальные вопросы были раз-

рѣшены посредствомъ coup d'état. Послѣднимъ дѣломъ сейма передъ майскимъ переворотомъ было принятіе закона о городахъ, распространявшагося только на королевскіе, а не на владѣльческіе города: предполагалось, что шляхта proprio motu будетъ освобождать свои мѣстечки. Жители королевскихъ городовъ получали свободу и самоуправленіе; шляхтѣ дозволялось записываться въ городскія книги и предаваться мѣщанскимъ занятіямъ безъ потери герба; мѣщанамъ разрѣшалось покупать имѣнія, и для нихъ открывались всѣ роды службы; на нихъ распространялась и личная неприкосновенность. Вмѣстѣ съ этимъ городамъ давалось нѣчто въ родѣ представительства: семь болѣе крупныхъ городовъ въ каждой провинціи (въ Малой или Великой Польшѣ и въ Литвѣ) должны были выбирать для участія въ правительственныхъ коммиссіяхъ по одному уполномоченному съ рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся городовъ, съ совѣщательнымъ во всѣхъ иныхъ, и эти уполномоченные могли, наравнѣ съ другими сеймовыми коммиссарами, говорить въ засѣданіяхъ сейма. Кромѣ того, открывался широкій доступъ мѣщанамъ и къ „сокровищу“ шляхетскаго званія: нобилитовался каждый покупщикъ имѣнія извѣстной стоимости, каждый два года проработавшій въ сеймовыхъ коммиссіяхъ или дослужившійся до извѣстнаго чина, да еще каждый сеймъ помимо того долженъ былъ нобилитовать 30 человѣкъ. Такимъ образомъ, „нижней избы“ въ сеймѣ создано не было; включеніе же выдающихся членовъ мѣщанскаго сословія въ шляхетскіе ряды обезсиливало это сословіе, какъ таковое. Шляхтѣ удобнѣе было принять къ себѣ и въ себѣ поглотить всѣ выдающіеся мѣщанскіе элементы, нежели дѣлиться властью съ другимъ сословіемъ: устранивъ отъ участія въ политическихъ правахъ безземельную шляхту, сеймъ допускалъ къ землевладѣнію, а съ нимъ къ шляхетству и политическимъ правамъ, зажиточное мѣщанство. Апрѣльскій законъ былъ включенъ въ составъ конституціи 3-го мая третьею ея статьею. Благодаря этому, конституція 3-го мая встрѣтила горячій пріемъ и искреннюю поддержку въ мѣщанствѣ, которое въ томъ же 1791 г. начинало пользоваться своими новыми правами, причемъ въ качествѣ своихъ сеймовыхъ плениипотентовъ оно выбирало и шляхту. Происходили частыя сцены братанья обоихъ сословій: прогрессивные элементы шляхты и болѣе зажиточные элементы мѣщанства начинали сближаться, но консерваторы смотрѣли на это косо, потому что боялись союза горожанъ съ королемъ, который, получивъ абсолютную власть при помощи этого сословія, могъ бы, пожалуй, освободить хлоповъ. Какъ ни были довольны мѣщане новыми законами (нѣсколько духовныхъ городовъ просило

о распространеніи на нихъ правъ городовъ королевскихъ), они, однако, не оказали сопротивленія торговицкой конфедераціи, когда она отмѣнила всѣ постановленія четырехлѣтняго сейма, и только въ возстаніи Костюшки мѣщанство приняло болѣе значительное участіе. Сословіе это начинало жить новою жизнью, и подъ указанными выше условіями передовая часть шляхты охотно расширяла его права и абсорбировала его болѣе зажиточные элементы; быть можетъ, изъ всѣхъ постановленій новой конституціи наиболѣе шансовъ на упроченіе имѣлъ именно законъ о городахъ. Представители капитала начинали искать выхода изъ своего положенія, и передъ ними открывалась возможность покупки имѣній и „ушляхетненія“. Проба, которой подвергся этотъ законъ, была слишкомъ кратковременна, но уже въ 1791 г. было замѣчено стремленіе горожанъ покупать земскія имѣнія.

Что же можно послѣ всего этого сказать о самой сущности конституціи 3-го мая? Сравнивая ее съ современною ей конституціей французской, нѣкоторые историки отдаютъ ей предпочтеніе на томъ основаніи, что она „не ниспровергала всего безъ различія“, а „созидала на основахъ существующаго“, „только улучшая недостаточное“. Самый фактъ отмѣченъ вѣрно, но для того, чтобы Польша могла выйти тогда на новую дорогу, именно нужна была болѣе радикальная реформа: сеймъ долженъ былъ бы получить преобладаніе надъ сеймиками, исполнительная власть должна была бы получить большую самостоятельность, шляхта — перестать быть всѣмъ народомъ (въ политическомъ смыслѣ), „мѣщанство“ — получить нѣчто большее, нежели доступъ къ шляхетству отдѣльныхъ его членовъ, крестьяне, наконецъ, должны были бы, дѣйствительно, получить опеку законовъ не на словахъ только. Сразу все это сдѣлать было невозможно, и конституція 3-го мая могла бы быть только *первымъ* шагомъ на пути внутренняго перерожденія Польши, а не *завершеніемъ* предшествовавшихъ реформъ. Ея авторы хотѣли, чтобы новый „уставъ правленія“ просуществовалъ безъ всякихъ измѣненій двадцать-пять лѣтъ; для перваго шага это былъ слишкомъ долгій срокъ, не говоря уже о томъ, что трудно было разсчитывать на столь продолжительное существованіе конституціи, которая, при всемъ сохраненіи въ ней старыхъ началъ польскаго государственнаго быта, казалась многимъ дверью, открытою для вторженія „деспотизма“ въ царство „золотой вольности“. Польшѣ нужна была болѣе радикальная реформа, но она-то и оказывалась невозможной.

Н. Карѣевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Прости, случайный другъ! Разлуки неизбѣжной,
Разлуки роковой тяжелый мигъ насталъ...
Я не тебя любилъ, а страсти пылъ мятежный,
Завѣтныя мечты;—я ихъ не потерялъ.

Въ моихъ рукахъ была ты арфа золотая;
Я струны спящія будилъ своей игрой;
Но скроется пѣвецъ—умолкнутъ звуки рая,
И съ ними инструментъ бездушный и нѣмой.

Что ты?—лишь статуя волшебнаго искусства;
Я оживилъ ее, какъ древле Прометей;
Я оживилъ ее; я далъ ей страсть и чувство,
Но разстаемся мы — и жизнь погаснетъ въ ней!

Обвѣяна прохладой вешней ночи,
Какъ эта ночь, волшебна и свѣтла,
Задумчиво склоняя долу очи,
Ты робкою стопой ко мнѣ вошла.

Во мнѣ проснулась буря пѣснопѣній;
Мнѣ въ гимнъ любви хотѣлось перелить
Весь этотъ міръ кипучихъ вдохновеній,—
Но я молчалъ и могъ лишь слезы лить.

Теперь мои уста разверзлись снова;
Святымъ огнемъ, какъ прежде, я согрѣтъ;
Созрѣвши, пѣсня вылиться готова:
Звучитъ она, но только милой нѣтъ.

Раздавалось унылое пѣнье;
Подъ парчею покойникъ лежалъ
И о немъ возносилось моленье;—
Я въ углу, полонъ горя, стоялъ...

Но, хоть сердце сжималося больно,
Не усопшаго было мнѣ жаль:
Подъ унылые звуки, невольно
Уносился я мыслями вдаль.

Вспоминалъ я измѣны, обиды,
Испытанья промчавшихся дней;
Мнѣ казалось, что плачъ панихиды
О судьбѣ раздается моей.

Раздается о томъ, что напрасно
Я всѣ силы истратилъ въ борьбѣ;
Что любилъ беззавѣтно и страстно,
Позабывъ для другихъ о себѣ.

Что я жаждой дышалъ идеала,
Передъ зломъ не склоняя чела;
Что безъ отзвука юность увяла
И въ слезахъ отъ меня отошла.

Цѣлый рой позабытыхъ видѣній
Предо мной, какъ въ туманѣ, виталъ,
И безъ силы, упавъ на колѣни,
Я, скорбя о себѣ, зарыдалъ.

Вдали отъ суетнаго міра,
Въ странѣ волшебной, чуждой зла,
Средь волнъ надзвѣзднаго эѳира
Богиня свѣтлая жила.

Вокругъ бросая волны свѣта,
Она, съ избыткомъ чувствъ и силъ,
Любила бѣднаго поэта,
И онъ ее боготворилъ.

Въ часы хандры, въ минуты муки,
Онъ слышалъ голосъ неземной,
И вдохновенныхъ пѣсенъ звуки
Передавалъ, смутясь душой.

Любя поэта, пѣла сладко
Богиня свѣтлыхъ думъ и грёзъ;
Но счастья лучъ блеститъ украдкой:
Юдоль земная—море слезъ.

Блаженство смертнаго смутило
Боговъ торжественный покой,
И зависть злая съ грозной силой
Проснулась въ нихъ, шипя змѣей.

Богиню грёзъ, богиню свѣта
Сгубили зависть и вражда;
Лишь мигъ блеснувъ, звѣзда поэта
Исчезла въ мракѣ безъ слѣда.

Пускай погибла дочь эѳира,
Пускай поэтъ осиротѣлъ,
Но все-жъ его не смолкла лира,
Хоть полонъ мукъ его удѣлъ.

Когда въ объятьяхъ вешней ночи
Земля молчитъ, вкушая сонъ—
Подруги пламенныя очи
Въ сіяньѣ звѣздномъ видитъ онъ.

Онъ слышитъ голосъ милой дѣвы
Въ лѣсу, что млѣетъ, нѣги полнъ;
Онъ узнаетъ ея напѣвы
Въ пѣвучемъ плескѣ сонныхъ волнъ.

Ея онъ чувствуетъ дыханье
Въ дыханьѣ ландышей и розъ
И, позабывъ свое страданье,
Душой уходитъ въ царство грёзъ.

Онъ жадно звуки пѣсенъ ловитъ
И, оживая сердцемъ вновь,
Въ созвучьяхъ нѣжныхъ славословитъ
Красу, блаженство и любовь...

Павелъ Козловъ.

ОБЗОРЪ
РУССКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ СЛАВЯНСТВА

III *).

Конецъ XVIII-го вѣка.

Изъ предыдущаго изложенія мы видѣли, что въ XVIII вѣкѣ интересъ къ славянству складывался уже изъ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ. Изстари шло преданіе о единовѣрныхъ и частію единоплеменныхъ народахъ, страждущихъ подъ мусульманскимъ, „агарянскимъ“, игомъ и такъ какъ послѣ паденія Константинополя Россія и русскій народъ остались сильнѣйшими, даже единственными представителями православнаго міра, какъ государство, то отсюда вытекала естественная мысль, что русскому царству принадлежитъ извѣстное первенство надъ этими единовѣрными и единоплеменными народами: эти народы и въ самомъ дѣлѣ обращались къ Россіи за помощію церковной (въ видѣ церковныхъ книгъ и иныхъ церковныхъ вещей, въ видѣ милостыни православнымъ церквамъ и монастырямъ на Балканахъ, на Аѳонѣ, въ Палестинѣ и т. д.), а наконецъ и за помощію политической. При Петрѣ Великомъ политическія соображенія въ первый разъ стали получать реальное примѣненіе, и съ тѣхъ поръ эти соображенія неизмѣнно припоминались въ тѣхъ случаяхъ, когда турецкія войны побуждали искать на мѣстѣ пособниковъ, союзниковъ и агентовъ. Само славянство отвѣчало на это,—именно то южное славянство, которое вело открытую или тайную, активную

*) См. выше: май, стр. 169.

или пассивную борьбу съ турками. Со временъ Петра у Россіи былъ въ этомъ южномъ славянствѣ одинъ, хотя слабый численно, но стойкій союзникъ—въ Черногоріи; и чѣмъ больше возрастало политическое могущество Россіи XVIII вѣка, однимъ изъ наглядныхъ и шумныхъ выраженій котораго были успѣхи русскаго оружія противъ турокъ, тѣмъ сильнѣе росли сочувствія и надежды на Россію въ балканскомъ славянствѣ, особливо у сербовъ. Сербы жили на окраинѣ турецкой имперіи; ихъ касалась каждая война турокъ съ европейскими государствами, особливо съ Австріей; болгары жили слишкомъ далеко въ глубинѣ турецкой имперіи, держались пассивнѣе, и объ нихъ въ тѣ времена гораздо рѣже или даже совсѣмъ не вспоминается въ вопросѣ о турецкомъ славянствѣ. Въ царствованіе Елизаветы сербы еще разъ напомнили о себѣ—многолюднымъ переселеніемъ въ самую Россію. Мы видѣли, что при Петрѣ начинаютъ поступать въ русскую службу люди изъ видныхъ сербскихъ фамилій, далматинскихъ, черногорскихъ и пр., и занимаютъ въ новомъ отечествѣ значительныя положенія, какъ Савва Рагузинскій, сдѣлавшійся графомъ, какъ Змаевичъ, Милорадовичъ, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свой сербскій патріотизмъ и связи съ родиной. Еще при Петрѣ сербы, переселившіеся изъ Старой Сербіи въ Австрію подъ предводительствомъ патріарха Черноевича и обманувшіеся на мѣстѣ въ своихъ ожиданіяхъ, искали у Россіи заступничества, и когда въ половинѣ прошлаго столѣтія еще увеличились притѣсненія отъ венгровъ (отъ сербовъ требовали или венгерскаго подданства, или выселенія изъ областей, которыя венгры считали своими), значительная часть ихъ рѣшила перейти въ Россію [1]). Переселеніе совершилось въ нѣсколько пріемовъ въ 1751 и слѣдующихъ годахъ. Первымъ двинулся въ Россію съ отрядомъ колонистовъ Хорватъ, вліятельный между сербами полковникъ милиціонеровъ; за нимъ черезъ годъ Шевичъ, потомъ Депрерадовичъ. Хорватъ и Шевичъ, черезъ русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Бестужева, получили отъ русскаго правительства привилегію на земли въ южной Россіи и генералъ-маіорскіе чины. Земли даны были на правомъ берегу

[1]) Подробности объ этомъ выселеніи см. въ статьѣ Н. А. Попова: „Военныя поселенія сербовъ въ Астріи и Россіи“, Вѣстн. Европы 1870, кн. VI, ст. 584—614. Статья составлена, относительно выселенія въ Россію, на основаніи записокъ сербскаго выходца этого времени Пишчевича. Впослѣдствіи г. Поповъ издалъ записки отца и сына этой фамиліи: „Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича, 1731—1785“. М. 1884 (изъ „Чтеній“ Моск. Общ. Ист. и Др. 1881—83), и „Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная. 1764—1805“. М. 1885 (изъ „Чтеній“ того же года).

Днѣпра, по сосѣдству съ тогдашней польской границей, и внизъ по Днѣпру до поселеній запорожскихъ козаковъ. Этотъ край былъ названъ *Новой Сербіей*, и, по образцу прежняго устройства сербской милиціи на ея австрійской родинѣ, поселенія сербовъ были раздѣлены Хорватомъ на два полка: гусарскій, названный по имени его хорватскимъ, и пѣхотный, или пандурскій. Хорватъ встрѣченъ былъ въ Петербургѣ съ почетомъ и признанъ былъ главою сербскихъ поселеній (онъ умеръ въ первые годы царствованія Екатерины). Вторые выходцы, Шевичъ и Депрерадовичъ, уже только съ большимъ трудомъ добились отъ австрійскаго правительства разрѣшенія на выѣздъ въ Россію, а здѣсь не хотѣли быть въ подчиненіи у Хорвата, который только по времени предварилъ ихъ, и по старой службѣ былъ ниже Депрерадовича.

Послѣ долгихъ хлопотъ въ Россіи, эти вторые выходцы получили другія земли — въ юго-восточной сторонѣ Бахмутской провинціи между рѣками Донцомъ и Луганью [1]). Это стала *Славяно-Сербія*. Названный выше Пишчевичъ, въ Австріи молодой офицеръ, поручикъ славонскаго гусарскаго полка, задумалъ переселиться, когда первые выходцы уже отправились въ Россію и выдача новыхъ паспортовъ изъ Австріи была строго запрещена. На австрійской службѣ ему было „авантажа довольно“, но его все-таки тянуло въ Россію; за свои домогательства объ отпускѣ онъ попалъ въ крѣпость, но настаивалъ на своемъ „яко человѣкъ по своему дворянству вольный“, желая „далѣе въ свѣтѣ побывать и счастіе своею службою искать“. Наконецъ онъ добился разрѣшенія, въ Россіи зачисленъ былъ въ гусарскій полкъ капитаномъ, жилъ въ Новой Сербіи и въ Славяно-Сербіи и былъ свидѣтелемъ перваго устройства сербскихъ колоній. Онъ говорилъ о нихъ впослѣдствіи: „Наши генералы, Хорватъ въ Новой, Шевичъ и Депрерадовичъ въ Славено-Сербіи, учинили своимъ выходомъ и своими поселеніями такой къ пользѣ примѣръ, что изъ древней пустыни сдѣлалась, вотъ уже нынѣ, земля обѣтованная,

[1]) Это была тогда пустыня,—по разсказу Пишчевича, „земля, какъ обыкновенно, затвердѣлая дикая, и можетъ быть что отъ созданья свѣта неработанная, и лежала во всѣ древніе вѣка безъ всякой пользы впустѣ и безъ народа; край, однако, теплый и жестокости зимней, какъ внутри Россіи бываетъ, тамъ нѣтъ, а хотя зима и бываетъ, но умѣренна, и климатъ, сходствующій много съ Молдавіей, ибо въ лѣсахъ дикіе овощи, яблоковъ и грушъ много, а также на иныхъ мѣстахъ и дикой виноградной лозы сыскать можно. На сей землѣ, какъ наши выходцы Шевичъ и Прерадовичъ съ своими колоніями туда пришли, было сперва прискорбія довольно, какъ обыкновенно на пустынѣ подъ небомъ безъ всякаго еще строенія и быть иначе не можно“,—но вскорѣ поселенцы устроились и обжились, состоя подъ управленіемъ военной коллегіи.

насе́ленная, разработанная, удобренная, и плоды земные стала давать изобильные, и какъ бы не они тогда ее заселять зачали, то бы можетъ и навсегда осталась подъ прежнимъ своимъ именемъ пустыни, понеже не находился никто предъ тѣмъ, чтобы тѣ земли иностраннымъ народомъ наполнить и заселить, доколѣ сіи наши выходцы туда не пришли и учинили тому зачало и фундаментъ, не устрашась такого близкаго и злого сосѣдства, каковы тогда страшны были турки и татары, что̀ и надлежитъ дѣломъ великимъ сочтено быть" [1]).

Дѣйствительно, „фундаментъ" былъ положенъ; сюда стали стекаться торговые люди и поселенцы изъ Россіи, а также и изъ польской Украйны; офицеры получали земли въ помѣстья, соотвѣтственныя ихъ рангамъ, строили хутора и деревни и заселяли ихъ выходцами изъ польской Украйны, которые становились ихъ „подданными", то-есть крѣпостными. Пишчевичъ не указываетъ числа первыхъ сербскихъ выходцевъ, но это число стало увеличиваться новыми поселенцами, приходившими не только изъ Австріи, но изъ Старой Сербіи и Турціи. Г. Поповъ приводитъ любопытное извѣстіе Рычкова (въ „Топографіи оренбургской губерніи"), что въ оренбургскомъ краѣ дѣлались въ тѣ же годы поселенія черногорцевъ и албанцевъ, которымъ предоставлялись пространныя земли „въ томъ чаяніи, что изъ Европы въ Россію выдетъ на житье людство не малое"; но эти колонисты долго здѣсь не ужились: года черезъ три они пожелали идти въ военную службу и въ 1759 году отпущены въ команду генерала Хорвата.

Врагами Новой Сербіи оказались на мѣстѣ крымскіе татары и особенно запорожцы, вѣроятно опасавшіеся отъ новыхъ жителей ущерба для своей независимости; и дѣйствительно, когда въ 1775 году была уничтожена Запорожская Сѣчь, немалое содѣйствіе было оказано при этомъ сербскими поселенцами. Пишчевичъ относится къ запорожцамъ весьма недружелюбно, изображая ихъ скопищемъ разбойниковъ, которые притомъ имѣли возможность легко укрываться отъ преслѣдованія въ своихъ обширныхъ степяхъ. „Хотя сіи запорожцы и принадлежали Россіи,— говоритъ онъ,— но зла въ пограничныхъ мѣстахъ причиняли не меньше, какъ и самые татары, ибо, не уважая сихъ нашихъ выходцевъ, поселившихся въ сосѣдствѣ съ ними, не только что ненавидѣли ихъ, но еще и нападали часто на ихъ новыя селенія,

[1]) О политическомъ впечатлѣніи этихъ сербскихъ переселеній см. у Соловьева: „Исторія Россіи", т. XXI.

грабили и отганивали скотъ и коней, а нѣкоторыхъ людей и на смерть убивали". Для защиты отъ запорожцевъ, а также и для того, чтобы опредѣлить границу между Новой Сербіей и Запорожьемъ, Хорватъ основалъ на рѣкѣ Ингулѣ крѣпость Святой Елизаветы, позднѣйшій Елизаветградъ; въ Славяно-Сербіи защитой была старая крѣпость Бахмутъ. Военныя качества новыхъ поселенцевъ обнаружились уже вскорѣ въ Семилѣтнюю войну: въ 1757 году Хорватъ отправилъ въ армію полный гусарскій полкъ; другой полкъ поставленъ Шевичемъ и Депрерадовичемъ; въ 1759 году въ Новой Сербіи сформированы были два полевые полка изъ молодыхъ сербовъ, болгаръ, грековъ и румынъ, названные македонскимъ и болгарскимъ; впослѣдствіи по образцу этихъ полковъ преобразованы были и гусарскіе полки русской арміи.

Уже въ первое десятилѣтіе Новая Сербія и Славяно-Сербія привлекли такой приливъ новыхъ жителей, что объ области видимо теряли свой характеръ сербскихъ колоній. Въ 1764 году Новая Сербія была переименована въ Новороссійскую губернію, а Славяно-Сербія сначала названа была Екатерининской провинціей этой губерніи, а потомъ причислена къ губерніи Азовской. Въ 1784 году при учрежденіи намѣстничествъ сербскія поселенія вмѣстѣ съ Запорожскою Сѣчью вошли въ составъ Екатеринославскаго намѣстничества; „но слѣды военнаго устройства прежнихъ поселеній,—замѣчаетъ г. Поповъ,—еще были живы, съ тою лишь разницей, что сербскіе, болгарскіе и македонскіе полки вошли въ общую жизнь слободскихъ гусарскихъ полковъ, располагавшихся на сѣверъ отъ нихъ, харьковскаго, ахтырскаго, изюмскаго, сумскаго и острогожскаго; но и въ этихъ послѣднихъ полкахъ офицеры были большею частію изъ сербовъ". Пишчевичъ, указывая заслуги сербскихъ полковъ для русскаго военнаго дѣла, говоритъ съ гордостью: „Я же съ моей стороны говорю то, что какъ мнѣ тѣхъ полковъ душа и сердце довольно опытами были извѣстны, что счастливъ бы всякій иностранный государь былъ, когда бы только таковыхъ воиновъ въ своей арміи имѣть могъ, а лучше нигдѣ быть не могутъ".

Мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣденій о внутренней жизни этихъ сербскихъ поселеній. Повидимому, онѣ уже вскорѣ утратили свои племенныя особенности и обрусѣли: это было естественно, когда на мѣстѣ первое зерно колоній было затоплено приливомъ русскихъ, а военная служба тѣмъ больше сближала сербовъ съ русскими. Это обрусѣніе отражается и на складѣ записокъ отца и сына Пишчевичей: языкъ отца, — какъ на это

о распространеніи на нихъ правъ городовъ королевскихъ), они, однако, не оказали сопротивленія тарговицкой конфедераціи, когда она отмѣнила всѣ постановленія четырехлѣтняго сейма, и только въ возстаніи Костюшки мѣщанство приняло болѣе значительное участіе. Сословіе это начинало жить новою жизнью, и подъ указанными выше условіями передовая часть шляхты охотно расширяла его права и абсорбировала его болѣе зажиточные элементы; быть можетъ, изъ всѣхъ постановленій новой конституціи наиболѣе шансовъ на упроченіе имѣлъ именно законъ о городахъ. Представители капитала начинали искать выхода изъ своего положенія, и передъ ними открывалась возможность покупки имѣній и „ушляхетненія“. Проба, которой подвергся этотъ законъ, была слишкомъ кратковременна, но уже въ 1791 г. было замѣчено стремленіе горожанъ покупать земскія имѣнія.

Что же можно послѣ всего этого сказать о самой сущности конституціи 3-го мая? Сравнивая ее съ современною ей конституціей французской, нѣкоторые историки отдаютъ ей предпочтеніе на томъ основаніи, что она „не ниспровергала всего безъ различія“, а „созидала на основахъ существующаго“, „только улучшая недостаточное“. Самый фактъ отмѣченъ вѣрно, но для того, чтобы Польша могла выйти тогда на новую дорогу, именно нужна была болѣе радикальная реформа: сеймъ долженъ былъ бы получить преобладаніе надъ сеймиками, исполнительная власть должна была бы получить большую самостоятельность, шляхта — перестать быть всѣмъ народомъ (въ политическомъ смыслѣ), „мѣщанство“ — получить нѣчто большее, нежели доступъ къ шляхетству отдѣльныхъ его членовъ, крестьяне, наконецъ, должны были бы, дѣйствительно, получить опеку законовъ не на словахъ только. Сразу все это сдѣлать было невозможно, и конституція 3-го мая могла бы быть только *первымъ* шагомъ на пути внутренняго перерожденія Польши, а не *завершеніемъ* предшествовавшихъ реформъ. Ея авторы хотѣли, чтобы новый „уставъ правленія“ просуществовалъ безъ всякихъ измѣненій двадцать-пять лѣтъ; для перваго шага это былъ слишкомъ долгій срокъ, не говоря уже о томъ, что трудно было разсчитывать на столь продолжительное существованіе конституціи, которая, при всемъ сохраненіи въ ней старыхъ началъ польскаго государственнаго быта, казалась многимъ дверью, открытою для вторженія „деспотизма“ въ царство „золотой вольности“. Польшѣ нужна была болѣе радикальная реформа, но она-то и оказывалась невозможной.

Н. Карѣевъ.

рымъ подразумѣвалось и культурное) превосходства надъ мусульманами, никогда не былъ такъ охваченъ и подавленъ восточнымъ игомъ, какъ это пришлось испытать народамъ балканскимъ, которые должны были вынести азіатское нашествіе во всѣхъ его гнетущихъ формахъ. Если здѣсь, у этихъ народовъ, возрожденіе или освобожденіе было обставлено по истинѣ неодолимыми трудностями, то совсѣмъ иначе было у насъ: освобожденіе было достигнуто,—хотя все-таки потребовалось на это больше двухъ столѣтій, и Россіи пришлось въ тягостяхъ этой задачи пожертвовать для развитія государства успѣхами просвѣщенія и надолго отстать въ этомъ отношеніи отъ Европы. Мы видѣли, какія условія окружили у насъ сверженіе татарскаго ига и первые успѣхи противъ восточныхъ царствъ; съ паденіемъ Византіи Россія осталась сильнѣйшимъ православнымъ царствомъ, на которое стали возлагать надежды единовѣрцы въ Турціи. Москва, крайне невѣжественная въ XV-мъ столѣтіи, вѣрила въ легенду о третьемъ Римѣ и въ фанатическомъ негодованіи православнаго на „агарянское зловѣріе“ мечтала, что ей суждено сломить этихъ агарянъ и возвратить православному христіанству его святыни. Но, вѣроятно, и въ самой Москвѣ эта легенда, созданная книжными людьми, не совсѣмъ была раздѣляема въ посольскомъ приказѣ, руководившемся болѣе реальными соображеніями, а впослѣдствіи, въ XVIII вѣкѣ, она тѣмъ больше отступаетъ на задній планъ или совсѣмъ забывается. Патріотическое возбужденіе, обыкновенно вызываемое войнами, развивало въ народныхъ массахъ и въ самомъ обществѣ враждебное отношеніе къ Турціи и порождало мечты о взятіи самого Константинополя; но и теперь, какъ въ старой Москвѣ, на первомъ планѣ въ намѣреніяхъ правительства стояли все-таки реальныя политическія цѣли—безопасность южной границы, обезпеченіе русской торговли, огражденіе общихъ дипломатическихъ интересовъ,—а въ идеальной окраскѣ этой борьбы гораздо больше, или даже исключительно, господствовали интересы не племеннаго родства съ турецкимъ славянствомъ, а православнаго единовѣрія съ турецкимъ христіанствомъ. Обыкновенно, однако, вспоминалось это только въ особенныхъ случаяхъ, когда возгорѣвшаяся война заставляла припоминать, что въ этой Турціи есть у насъ естественные союзники, которые и сами безъ нашего вызова напоминали о своемъ существованіи и о религіозной или кровной съ нами связи. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Петра, который едва ли не впервые остановился на мысли о союзѣ съ этимъ единоплеменнымъ славянствомъ, не разъ въ теченіе турецкихъ войнъ прошлаго столѣтія русское правительство вспоминало о турецкихъ

славянахъ и помышляло о томъ, чтобы привлечь ихъ къ практическому дѣйствію—даже вызвать возстанія въ помощь дѣйствіямъ русскихъ войскъ. Приведемъ два-три примѣра. Во время турецкой войны, веденной Минихомъ при имп. Аннѣ, уже ясно было, что въ средѣ турецкихъ славянъ Россія имѣетъ горячихъ приверженцевъ. Послѣ заключенія австрійцами сепаратнаго мира съ турками, „мира стыднаго и весьма предосудительнаго", Минихъ настаивалъ на продолженіи войны и писалъ императрицѣ, что „здѣшніе народы съ неизреченною радостью желаютъ покоренія подъ нашу державу, и сербскій патріархъ Арсеній слезно проситъ покровительства вашего величества". И теперь и впослѣдствіи при Екатеринѣ II шла въ самомъ дѣлѣ рѣчь о переходѣ въ русское подданство Молдавіи и Валахіи, ближайшихъ земель турецкой имперіи. Въ турецкихъ войнахъ временъ Екатерины принимаются мѣры къ тому, чтобы поднять въ Турціи возстаніе славянъ и грековъ, отправляются къ нимъ эмиссары (между прочимъ изъ военныхъ выходцевъ Новой Сербіи), разсылаются манифесты. Въ изданныхъ въ послѣднее время документахъ мы читаемъ слѣдующее. Алексѣю Орлову, который въ первую турецкую войну при Екатеринѣ II долженъ былъ произвести диверсію въ Архипелагѣ, окончившуюся знаменитымъ чесменскимъ боемъ, данъ былъ (въ январѣ 1769) рескриптъ, который, указывая средства дѣйствія, долженъ былъ служить также полномочіемъ для переговоровъ Орлова съ турецкими христіанами. Упомянувъ объ эмиссарахъ, отправленныхъ для поднятія возстаній въ Турціи, Екатерина писала:

„Прежде всего надо принять за неоспоримую истину и за непремѣнное начало всего дѣла, что возстаніе каждаго народа порознь и прежде нежели смежные оному приготовлены и подвигнуты будутъ къ равному въ одно время, или, по крайней мѣрѣ, весьма скоро послѣ, поднятію оружія, не можетъ для насъ быть полезно, ибо ни который изъ нихъ самъ по себѣ столько не силенъ, чтобы иное что произвесть могъ кромѣ одного набѣга и, такъ сказать, мимоходнаго на оном опустошенія частицы ближней земли; слѣдовательно же всякій такой набѣгъ, не нанося непріятелю чувствительнаго ущерба, а еще менѣе причиняя ему какую-либо для насъ полезную диверсію, въ чемъ одномъ прямая наша цѣль быть долженствуетъ, послужилъ бы только къ открытію туркамъ глазъ и къ поспѣшному огражденію себя нужными и достаточными осторожностями противу дальнѣйшихъ покушеній, ибо имъ всемѣрно легче будетъ упредить распаленіе одной искры, нежели послѣ противиться и утушать цѣлое, въ силу пришед-

шее пламя. На семъ основаніи и да будетъ первымъ и верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или большую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ, а приведя ихъ къ онымъ яснымъ убѣжденіямъ собственно ихъ взаимной пользы и надеждою общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, особливо же равною всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностью защищать св. церковь и самое благочестіе, распорядить всѣ ваши мѣры и приготовленія въ непроницаемой тайнѣ".

Орловъ долженъ былъ распространять воззваніе слѣдующаго содержанія:

„Объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностію и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственныя туркамъ лютость и ненависть ихъ къ христіанству, законамъ магометанскимъ преданныя, стремятся совокупно ввергать въ бездну злоключеній въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе агарянъ, не зная другого себѣ обузданія кромѣ страха, не находило по сю пору никакого. Порта Оттоманская, по обыкновенной ей злобѣ къ православной церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашею имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безъ всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане, подъ игомъ ея стенящіе, еще большее почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сихъ сыновъ церкви Божія состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобы при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщеваемъ всѣхъ ихъ вообще и каждый особенно полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приведенію себя по прежнему въ независимость, ополчаясь гдѣ и когда бу-

детъ удобно противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу возспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, когда высокомѣрный непріятель принужденъ будетъ искать онаго отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержатъ" [1]).

Въ это же время въ рескриптѣ князю Голицыну относительно молдаво-валашскихъ дѣлъ Екатерина сама излагала возникновеніе вопроса объ освобожденіи княжествъ и славянскихъ народовъ (въ январѣ 1769 года):

„Находящіеся подъ игомъ турецкимъ христіанскіе православнаго исповѣданія *народы славенскихъ поколѣній* сносятъ варварское и съ древнею ихъ славою несовмѣстное порабощеніе по большей части для того только, что по тѣснымъ обстоятельствамъ, въ какія они время отъ времени приведены, недостаетъ имъ ни способовъ, ни предводительства къ поправленію несчастнаго своего жребія.

„При возгоравшейся въ 1712 г. между Всероссійскою имперіею и Портою Оттоманскою, но вскорѣ и прекращенной войнѣ, дѣдъ нашъ государь императоръ Петръ I, по свойственной ему прозорливости, видѣлъ, сколь полезны быть могли бъ оные народы при тогдашнихъ его предпріятіяхъ, а потому не оставилъ и дѣйствительно призывать ихъ къ общему содѣйствованію. Короткое время, какое прошло между объявленія войны и заключенія мира, необходимымъ учинившагося по случившейся тогда неблагоуспѣшности, а притомъ и достаточныя мѣры со стороны Порты, предупредительно употребленныя, удержали, однакожъ, славянъ отъ всякихъ покушеній,—одинъ только тогдашній волоской господарь князь Кантеміръ воспользовался, какъ извѣстно, дозволеннымъ имъ здѣсь убѣжищемъ.

„Но при послѣдней съ Портою войнѣ и совсѣмъ уже въ помышленіи не было о славянскихъ народахъ, а когда по достиженіи здѣшней арміи до главнаго молдавскаго города Яссъ на-

[1]) Соловьевъ, „Исторія", т. XXVIII, стр. 40–42.

ступало такое время, въ которое, можетъ быть, они и безъ посторонняго побужденія пришли бъ въ движеніе, заключенный между тѣмъ миръ вторично положилъ предѣлъ всѣмъ ихъ дальновидностямъ.

„Согласное съ нами сихъ народовъ исповѣданіе вѣры содержитъ ихъ всегда въ доброжелательствѣ къ нашей имперіи и, несмотря на всѣ прошедшіе случаи, питаетъ и нынѣ надѣяніемъ, что если когда-либо можетъ настоящее ихъ утѣсненное состояніе премѣниться на лучшее, то не инако какъ нашимъ пособствованіемъ“...

Такъ и теперь предложилъ свои услуги „мунтянскій“ банъ Кантакузинъ, прося, чтобы ему присланъ былъ для помощи русскій отрядъ.

„Но чтобъ и всѣ славянскіе народы, въ турецкомъ подданствѣ находящіеся, лучше ему (бану) вѣру подавать и въ соглашеніе съ нимъ вступать могли, для того просилъ онъ о присылкѣ къ нему печатныхъ манифестовъ, возбуждающихъ оные воспользоваться настоящей войны обстоятельствами къ сверженію съ себя ига, которые онъ по разнымъ мѣстамъ разошлетъ, въ томъ числѣ и въ самый Константинополь, а для себя просилъ же и письма за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ, съ такимъ обнадеживаніемъ, что если дѣла не по желанію обратятся, то бъ ему дозволено было съ родомъ его въ нашей имперіи и убѣжище“...

„Нужда при первомъ случаѣ больше въ томъ состоитъ, чтобъ брошенными кстати и ко времени искрами начать пожаръ, а потомъ оный уже и по всѣмъ мѣстамъ возгорѣться можетъ; ненависть славянскихъ народовъ къ туркамъ, ихъ многочисленность и преданность по единовѣрію къ нашей сторонѣ сдѣлаютъ на все отважными, когда отъ нѣкоторыхъ своихъ начальниковъ въ томъ будутъ предводительствуемы, а производимыми отъ васъ операціями ободряемы, къ чему также много воспособствовать можетъ и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ манифестовъ“ [1]).

Мы замѣтили выше, что по стеченію и послѣдовательности фактовъ событія турецкихъ войнъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія представляются результатомъ одного сознательнаго плана и, наконецъ, исполненіемъ русскаго національнаго предназначенія. Ближайшее изученіе фактовъ (которое, между прочимъ, дѣлается возможнымъ только теперь, съ открытіемъ архивовъ) позволяетъ ближе видѣть настоящее положеніе дѣла, и тѣ, кто обращался

[1]) Ульяницкій, „Дарданеллы, Босфоръ и Черное Море въ XVIII вѣкѣ“. М. 1883, стр. 132—134.

съ подлинными матеріалами эпохи, приходятъ къ выводамъ иного рода, а именно, что настоящимъ источникомъ тогдашней русской политики были не отвлеченные принципы, а ближайшіе реальные интересы, и что, напримѣръ, освобожденіе народовъ „славенскихъ поколѣній“ стояло не только на второмъ планѣ, но даже и совсѣмъ не бывало въ мысляхъ или выдвигалось только какъ удобная военная диверсія. Другая точка зрѣнія на эти событія, а именно предположеніе сознательнаго національнаго плана, распространилась, особливо въ послѣднее время, не только въ нашей литературѣ, но и у политическихъ писателей западно-европейскихъ Западная политическая литература, руководясь опасеніями, какія внушало политическое и военное усиленіе Россіи, еще въ прошломъ столѣтіи произвела теоретическое объясненіе русской политики—въ извѣстномъ подложномъ „завѣщаніи Петра Великаго“. Въ нашемъ вѣкѣ, и именно въ царствованіе императора Николая, придуманъ былъ въ западной публицистикѣ планъ русскаго „панславизма“, столь же мало достовѣрный, какъ и упомянутое завѣщаніе. Новѣйшіе историки, на основаніи документальныхъ фактовъ, относятся къ этимъ теоретическимъ построеніямъ очень сдержанно и даже отрицательно. Признавая, что русское правительство XVIII-го вѣка (по преданію, унаслѣдованному отъ благочестиваго XVII-го столѣтія) оказывало извѣстную поддержку христіанамъ въ Турціи, эти историки находятъ, что „на первомъ планѣ въ отношеніи Турціи у него все-таки всегда стояли ближайшіе интересы Россіи, сосредоточивавшіеся въ то время на вопросахъ о Крымѣ и Черномъ морѣ“ [1]).

Историкъ, котораго мы цитировали, находитъ, что обыкновенный мотивъ, который издавна и до послѣдняго времени приводился въ объясненіе нашихъ отношеній къ турецкому христіанству, занималъ очень немного мѣста въ мысляхъ Екатерины II. Онъ припоминаетъ, что условія, при которыхъ Екатерина вступила на престолъ, обязывали ее заявлять себя ревнительницей православія. Въ запискѣ о первыхъ годахъ своего царствованія, недавно изданной, она говоритъ, что „возведена была на престолъ для обороны православнаго закона“—при извѣстныхъ неблагоразуміяхъ Петра III это былъ въ то время сильный политическій мотивъ, и церковные проповѣдники (Дмитрій Сѣченовъ, Георгій Конисскій) говорили о ней какъ о защитницѣ благочестія. Ея взгляды въ этомъ отношеніи отличались чрезвычай-

[1]) Уляницкій, стр. 106 и слѣд.; между прочимъ, по поводу книги Сореля: La question d'Orient au XVIII siècle. 1878.

пою двойственностью: съ одной стороны, она ревностно исполняетъ всѣ обряды православной церкви, не допускаетъ на придворной сценѣ представленій „языческаго“ характера, какъ противныхъ христіанской нравственности, и пишетъ къ Елагину: „я, когда сюжеты вообще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, *страдаю всегда*, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно“; но съ другой стороны это была поклонница Вольтера, безъ сомнѣнія совершенно искренняя. Относительно вліянія вѣры на политику она писала еще до вступленія на престолъ, что слѣдуетъ уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на государственныя дѣла, и впослѣдствіи она при всемъ ея благочестіи настояла на государственномъ интересѣ въ дѣлѣ о церковныхъ имуществахъ и даже съ излишнею жестокостью преслѣдовала Арсенія Мацѣевича. Во внутреннихъ дѣлахъ она держится иногда принципа вѣротерпимости, напримѣръ, облегчаетъ для русскихъ подданныхъ магометанъ строеніе мечетей, не настаиваетъ на ихъ обращеніи въ христіанство и пишетъ: „не признаю полезнымъ принуждать нехристіанъ-инородцевъ принимать нашу вѣру: многоженство болѣе полезно для умноженія населенія“. Она желаетъ присутствовать лично при открытіи мощей Димитрія Ростовскаго, пишетъ Панину объ исцѣленіяхъ, происходящихъ отъ мощей, но совсѣмъ иначе говоритъ съ Вольтеромъ, относясь скептически къ чудесамъ; въ письмахъ къ тому же Вольтеру она говоритъ, что въ ея царствованіе мирно уживутся православный, католикъ и магометанинъ, но раскольниковъ облагаетъ двойнымъ окладомъ [1]). На основаніи этихъ и подобныхъ фактовъ историки восточнаго вопроса въ царствованіе Екатерины II рѣшаются утверждать, что въ первую половину этого царствованія единовѣріе грековъ, румынъ и славянъ было только поводомъ и орудіемъ для политическихъ цѣлей.

Мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы была давнишняя и опредѣленно высказана, вѣроятно, гораздо раньше въ западной Европѣ, чѣмъ въ Россіи. Эта мысль была естественна. Турки ворвались въ Европу какъ грубая сила, ненавистная въ ту пору, когда въ правительствахъ и народахъ было еще сильно религіозное чувство, которое бывало и искреннимъ, и фанатическимъ; съ другой стороны первый напоръ турецкаго нашествія грозилъ серьезными опасностями самой Европѣ; турки доходили почти до центра средней Европы; почти полтора столѣтія они господство-

[1]) См. Иконникова, „Время Екатерины II“, Кіевъ, 1881, и Улянцкаго, тамъ же.

вали въ Венгріи и сидѣли въ Будѣ; только побѣда Собѣскаго спасла отъ нихъ Вѣну. Надо было защищаться и отъ нашествія дикихъ варваровъ, и отъ ущербовъ европейской торговли. Западнымъ государствамъ не разъ приходилось смиряться передъ военнымъ могуществомъ Турціи; католическія государства и самъ папа готовы были вступать въ союзъ съ схизматической Москвой противъ общаго врага христіанства, и если потомъ ослабѣли религіозные мотивы и европейская дипломатія находитъ удобнымъ и полезнымъ пользоваться Турціей въ счетахъ одного христіанскаго государства съ другимъ, то все больше развивался другой мотивъ — антипатія къ низшему культурному племени, поработившему народы европейскіе и христіанскіе, или прямо желаніе отнять у нихъ заманчивыя страны, обладаніе которыми они такъ мало оправдывали; наконецъ, возрождались воспоминанія о классической Греціи: турокъ надо было изгнать изъ Европы между прочимъ для того, чтобы возстановить отечество Сократа, Платона, Софокла — мысль естественная въ ту эпоху, когда псевдо-классическая литература безпрестанно поминала славныя имена античнаго міра. Подобныя мечты объ изгнаніи турокъ изъ Европы питалъ, между прочимъ, писатель, которому такъ усердно поклонялась Екатерина и который съ своей стороны такъ усердно ей льстилъ. Отчасти желая угодить Екатеринѣ пріятною лестью, а отчасти, вѣроятно, и искренно, хотя не безъ обычной насмѣшливости, Вольтеръ высказывалъ въ письмахъ къ русской императрицѣ мысли о необходимости изгнанія съ почвы классической Греціи турецкихъ варваровъ, „которые не любятъ стиховъ, никогда не бывали въ театрѣ“, объ изгнаніи этихъ „негодныхъ людей, которые держатъ женщинъ взаперти“. „Екатерина, быть можетъ, тоже мечтала объ изгнаніи турокъ, о возстановленіи независимости грековъ и славянъ, подвластныхъ Портѣ, особенно если принять во вниманіе, что не только освобожденіе ихъ, но даже облегченіе ихъ бытія должно было содѣйствовать ея славѣ и вліянію Россіи въ Турціи; но во всякомъ случаѣ войны ея съ Портою, и въ частности первая война, далеко не носили отвлеченнаго характера крестоваго похода, и если у Екатерины были мечты объ изгнаніи турокъ и т. п., то она подчиняла ихъ ближайшимъ и непосредственнымъ реальнымъ интересамъ Россіи, — а эти интересы по прежнему сосредоточивались на отношеніяхъ къ татарамъ и вопросѣ о русскомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ“ [1]).

[1]) Уляницкій, стр. 110—111.

Теперь извѣстно, что первая мысль о томъ, чтобы поднять возстаніе христіанскихъ народовъ въ Турціи, принадлежала собственно Григорію Орлову; затѣмъ эта мысль передалась его брату Алексѣю, который предлагалъ императрицѣ „употребить его къ службѣ отечества вмѣстѣ съ православными греческими и славянскими народами". Изъ Венеціи Алексѣй Орловъ писалъ Григорію, что нашелъ тамъ много людей одновѣрныхъ, которые желаютъ служить подъ русскимъ предводительствомъ, и что вообще до него доходятъ свѣденія о расположеніи къ намъ балканскихъ христіанъ. По его мнѣнію, надо было взяться за это дѣло, чтобы „внутри (т.-е. Турціи) зажечь сильный огонь", „и если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ-подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ государь Петръ Первый сказалъ: а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поле и степи пустыя и песчаныя на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе, и скажемъ слава Богу нашему всемогуществу". Затѣмъ и Екатерина вошла въ эти планы; но уже вскорѣ начались разочарованія. Потомки древнихъ спартанцевъ далеко не походили на своихъ предковъ; сами русскіе совсѣмъ не знали своихъ союзниковъ. Уже въ августѣ 1770 г. получены были съ мѣста письма отъ Орлова, „коими описываетъ онъ состояніе дѣлъ тамошняго края, нравы и обхожденія обитающихъ тамъ народовъ, сколько они легкомысленны и корыстолюбивы и сколь мало на нихъ полагаться можно, и что сіе было причиною, что наши войска принуждены были оставить Морлею". Греки оказались корыстолюбивы [1]), развращены и неспособны къ свободѣ; при встрѣчѣ съ турками они были трусливы, но свирѣпо истребляли ихъ, когда тѣ попадались въ плѣнъ; на ихъ помощь нельзя было полагаться. Екатерина пришла къ заключенію что „греки, бывшіе спартанцы, выродились, что они предпочитаютъ грабежи свободѣ, и что они на вѣки погибнутъ, если не воспользуются расположеніемъ и совѣтами героя, котораго она имъ послала".

Соловьевъ, приводя подобные отзывы Алексѣя Орлова о грекахъ (они льстивы, обманчивы, вѣтрены, дерзки, трусливы, невѣжественны, испорчены рабствомъ), объясняетъ, что вина должна, однако, падать не на однихъ грековъ, но и на обвиняющихъ. Въ Петербургѣ нашли нужнымъ воспользоваться христіанскими народами Турціи для бо́льшаго успѣха русской войны; предпріятіе

[1]) Рядомъ съ этимъ обвиненіемъ почти смѣшно читать, какъ торговался съ ними русскій адмиралъ Спиридовъ, посланный въ Архипелагъ; см. Уляницкаго, приложеніе 30, стр. XCVII—CI.

было смѣлое, но необду́манное; видѣли только общую сторону дѣла — выгодность диверсіи, перспективу освобожденія для угнетенныхъ христіанъ, но совсѣмъ не знали людей, къ которымъ обращались. Встрѣтились люди совершенно разнаго рода, мало понимавшіе другъ друга. Екатерина требовала, чтобы не допускалось частныхъ возстаній, чтобы сберегались небольшія сухопутныя силы русскихъ; но греки не привыкли дѣйствовать сообща и ожидали, напротивъ, что русскіе составятъ главную силу, около которой они должны собраться, и они дѣйствительно собирались; но когда турки явились съ превосходными силами, они бѣжали — у нихъ не было понятія о воинской чести, они не были правильной арміей, думали, что русскіе должны защищать ихъ, и не хотѣли давать себя рѣзать, и наоборотъ, сами рѣзали турокъ, когда тѣ попадались имъ въ руки: это было прямое слѣдствіе вѣкового раздраженія и ненависти. „Орловъ пишетъ,— замѣчаетъ нашъ историкъ, — что турецкое рабство оставило печальные слѣды на характерѣ грековъ; но для убѣжденія въ этомъ не нужно было ѣхать въ Морею; можно было и въ Ливорно, и въ Петербургѣ заключать отъ причины къ слѣдствію“, и „при такомъ различіи между народами, оказывать помощь чрезвычайно трудно; надобно быть готову на все, вооружиться педагогическимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надобно робко отступать предъ трудными задачами, которыхъ рѣшенія требуютъ высшіе народные интересы; изъ этого слѣдуетъ только, что предъ ихъ рѣшеніемъ надобно приготовиться глубокимъ изученіемъ прошедшаго и настоящаго и вслѣдствіе этого не смущаться ничѣмъ“ [1]).

Это было совершенно справедливо, и мы остановились на этомъ эпизодѣ потому, что онъ характеризуетъ вообще отношеніе тогдашняго русскаго правительства къ тѣмъ народамъ, которые оно думало освободить мимоходомъ для успѣховъ своей собственной борьбы съ турками. Какъ не знали въ Петербургѣ грековъ, такъ не знали и болѣе къ намъ близкихъ по племени турецкихъ славянъ, и это незнаніе продлилось надолго послѣ. Война кончилась — греки и славяне были забыты за другими политическими интересами; начиналась новая война съ Турціей и снова вспоминали о славянахъ и грекахъ, и опять не въ силу того, чтобъ дѣятелями руководило племенное братство, а потому, что въ этихъ единоплеменникахъ представлялись сами собой готовые союзники, которыми странно было не воспользоваться, когда

[1]) Исторія Россіи, т. XXVIII, стр. 129—132.

нужно было пускать въ ходъ всѣ средства для ослабленія непріятеля. Такъ было при Александрѣ I и отчасти при Николаѣ. Когда совершались славянскія возстанія по собственной иниціативѣ народа, какъ напримѣръ въ Сербіи, русское содѣйствіе не мало помогло результату, но общій ходъ событій складывался не по сознательной иниціативѣ Россіи, а по стеченію обстоятельствъ. Въ другихъ случаяхъ бывало, что Россія становилась даже рѣшительно противъ попытокъ освобожденія, исходившихъ отъ самихъ народовъ; такъ было съ греческимъ возстаніемъ при Александрѣ I. Тотъ недостатокъ знанія внутренней жизни и характера народовъ, который Соловьевъ наблюдалъ въ эпоху морейской экспедиціи, повторился относительно балканскихъ славянъ и черезъ сто лѣтъ, когда начиналась и совершалась послѣдняя освободительная война.

Первая турецкая война не остановила плановъ импер. Екатерины относительно Турціи. Въ теченіе этого времени слишкомъ ясно сказывалась внутренняя слабость турецкой имперіи, въ которой уже раньше начиналось разложеніе: прежній дикій завоевательный энтузіазмъ истощался; послѣднія войны Турціи всего чаще бывали неудачны; сама она все больше дѣлалась орудіемъ въ рукахъ европейской дипломатіи. Картина упадка обозначалась до того, что во второй половинѣ прошлаго столѣтія возникаютъ проекты раздѣла Турціи, какъ происходилъ въ это время раздѣлъ Польши. Предисловіемъ къ раздѣлу уже было стремленіе Екатерины достигнуть „независимости“ Крыма отъ Турціи; за этой независимостью послѣдовало присоединеніе Крыма къ Россіи. Въ то же время Екатерина помышляла объ основаніи также независимаго отъ Турціи государства „Дакіи“ изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, а наконецъ явился „греческій проектъ“.

Уже въ 1769 году Вольтеръ обѣщалъ пріѣхать въ гости къ имп. Екатеринѣ II въ Константинополь [1]). Успѣхи русскаго оружія въ первую турецкую войну бывали таковы, что могли волновать воображеніе. Послѣ Чесменской битвы Екатерина писала къ Вольтеру: „Что касается до взятія Константинополя, то я не считаю его столь близкимъ, однако въ этомъ мірѣ, говорятъ, не нужно отчаяваться ни въ чемъ“ [2]). Позднѣе все больше опредѣляется планъ уничтоженія европейской Турціи. Екатерина высказывалась въ 1782 Іосифу II, что этотъ планъ не представилъ бы особенныхъ трудностей: внутренніе безпорядки въ турецкой

[1]) Бумаги импер. Екатерины II, собр. Пекарскимъ. Изд. Русск. Историч. Общества, т. II, Спб. 1872, стр. 353.

[2]) Бумаги, и пр., изд. Гротомъ, т. III, стр. 41—42.

имперіи, раздоры пашей съ султаномъ и стремленіе ихъ къ независимости, повсемѣстные грабежи и разбои, продажность чиновниковъ, наконецъ, то обстоятельство, что христіанъ въ Турціи въ пять или шесть разъ больше, чѣмъ турокъ,—все это очень облегчало планъ, который Екатерина хотѣла исполнить вмѣстѣ съ Австріей. Надо было основать между тремя имперіями независимую „Дакію", себѣ Россія хотѣла взять Очаковъ съ прилежащими землями и одинъ или два острова въ Архипелагѣ для удобства торговли (о Крымѣ Екатерина умалчивала, но въ слѣдующемъ году онъ уже былъ присоединенъ къ Россіи); затѣмъ отъ успѣховъ войны зависѣло бы, можно ли приступить къ изгнанію турокъ изъ Константинополя и къ установленію греческой имперіи подъ непремѣннымъ условіемъ ея независимости отъ Россіи, но съ возведеніемъ на престолъ будущей имперіи внука Екатерины, великаго князя Константина [1]). Сама Австрія очень желала пріобрѣсти въ это время часть Валахіи (для округленія границъ), Сербію съ Бѣлградомъ и Боснію; Екатерина обѣщала Іосифу помочь въ пріобрѣтеніи также нѣкоторыхъ мѣстъ на Средиземномъ морѣ, еслибы императоръ нашелъ это нужнымъ для процвѣтанія австрійской торговли. „Эти предположенія,—заключала Екатерина,—могутъ казаться громадными и слишкомъ смѣлыми; но я думаю, что при тѣсномъ союзѣ между нашими государствами почти все можно осуществить".

Извѣстно, что великій князь Константинъ (род. въ 1779 г.) получилъ свое имя уже съ намекомъ на славныя ожиданія въ будущемъ, о которыхъ и упоминалось въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о его рожденіи. Его кормилицей была гречанка; на медали, выбитой по случаю его рожденія, были изображены храмъ св. Софіи въ Константинополѣ и Черное море, надъ которымъ блистаетъ звѣзда. Съ 1777 года въ Петербургѣ существовало училище для молодыхъ грековъ, изъ которыхъ выбирались потомъ товарищи для дѣтскихъ игръ великаго князя; онъ съ дѣтства владѣлъ греческимъ языкомъ. Во время путешествія въ Бѣлоруссію Екатерина велѣла написать портретъ великаго князя, гдѣ онъ изображенъ со знаменемъ Константина Великаго въ рукахъ [2]).

И во всѣхъ этихъ грандіозныхъ планахъ нѣтъ никакой мысли о славянствѣ. Свои политическія мечтанія Екатерина развивала, конечно, прежде всего въ ближайшихъ интересахъ Россіи. Слабость Турціи была очевидна, но на ея развалинахъ не находили

[1]) Arneth, „Joseph II und Katharina", 143—157; Брикнеръ, „Исторія Екатерины II", стр. 395—396.

[2]) Брикнеръ, стр. 390—392.

себѣ мѣста славянскіе народы, царства которыхъ были нѣкогда уничтожены турками. Новыя построенія русской политики создавались не въ національномъ, а, такъ сказать, въ псевдо-классическомъ стилѣ, отчасти окрашенномъ византійскими воспоминаніями: вмѣсто Валахіи и Молдавіи должна была явиться несуществовавшая въ живомъ видѣ Дакія; турецкую имперію должна была смѣнить имперія греческая, безъ всякой доли для сербскаго или болгарскаго племени; сербскія земли должны были стать австрійскими провинціями; Болгарія, которая въ то время угнетена была двойнымъ игомъ, турецкимъ и греческимъ, должна была остаться подъ этимъ послѣднимъ [1]). Очевидно, что въ эту эпоху напрасно искать племенныхъ сочувствій къ балканскимъ славянамъ; объ этихъ славянахъ знали очень мало, не интересовались ихъ прошедшимъ и объ настоящемъ помнили только то, что, въ случаѣ нужды, ихъ можно поднимать противъ турокъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что уже никогда послѣ не возобновлялся вопросъ ни о Дакіи, ни о греческомъ проектѣ. Когда стало обнаруживаться разложеніе турецкой имперіи, то-есть, стали отпадать ея крайнія области, то послѣ Крыма изъ областей христіанскихъ отпали Сербія и Молдаво-Валахія, первая, правда, далеко не во всемъ объемѣ сербскаго народа, — но во всякомъ случаѣ образовались сначала полу-вассальныя, потомъ уже независимыя государства, не по псевдо-классическимъ воспоминаніямъ, а по естественному складу земель и племенъ. При Александрѣ I освобожденіе грековъ, какъ мы замѣтили, встрѣтило даже категорическую вражду въ русскомъ правительствѣ; но когда Греція освободилась, это произошло вовсе не въ смыслѣ „греческаго проекта“, а опять по естественнымъ условіямъ племенного и политическаго положенія, въ той окраинѣ, гдѣ греческое племя было сплошнымъ населеніемъ и гдѣ не было тѣхъ осложненій, какія представилъ бы греческій вопросъ въ Константинополѣ, въ Румеліи и т. п. Осуществленіе греческаго проекта въ томъ видѣ, какъ о немъ фантазировалъ XVIII вѣкъ, было бы и величайшею несправедливостью относительно балканскихъ славянъ; оно безъ сомнѣнія повело бы къ рѣзнѣ между ними и греками. Греческій проектъ пришлось бы отмѣнить.

---

[1]) Новымъ городамъ въ Крыму и въ Новороссіи любили тогда давать греческія названія: Одесса, Севастополь, Ольвіополь, Ѳеодосія.

Другимъ элементомъ, изъ котораго могъ развиваться интересъ къ славянству и уразумѣніе его дѣйствительнаго положенія, могло быть развитіе научной исторіографіи. На первыхъ порахъ представлялся особенно вопросъ о древности: съ одной стороны, здѣсь было бы первое объясненіе славянскаго родства русскаго племени; съ другой, славянство современное было еще слишкомъ мало доступно. При первыхъ приступахъ къ нѣсколько серьезному изслѣдованію самой русской исторіи стали мало-по-малу отпадать архаическія баснословія Хронографа и Синопсиса. Даже столь мало въ научномъ смыслѣ вооруженные писатели, какъ князь Щербатовъ, находили уже необходимымъ пересмотрѣть свидѣтельства древнихъ писателей, которые должны были послужить здѣсь главнымъ авторитетомъ. Всего больше требованія здраваго смысла выразились въ этомъ отношеніи у Болтина, но и для него славянская древность и современное славянство оставались предметомъ труднымъ и далекимъ.

Онъ и дѣйствительно былъ труденъ; что же касается до древности, до правильнаго изученія ея памятниковъ, то для русскихъ ученыхъ это было тогда дѣло непосильное, и здѣсь, какъ въ установленіи научной критики въ самой русской исторіи, важную заслугу оказала нѣмецкая наука. Первый приступъ къ критическому изслѣдованію славянской древности сдѣланъ былъ тѣмъ же Шлёцеромъ.

Кромѣ его собственныхъ работъ, начатыхъ въ Россіи, о которыхъ упомянемъ далѣе, онъ былъ, кажется, главнымъ возбудителемъ замѣчательнаго труда, надолго сохранившаго свой авторитетъ у нашихъ историковъ, забываемаго отчасти теперь съ нѣкоторымъ развитіемъ нашихъ византійскихъ изученій, но все еще не замѣненнаго трудомъ равносильнымъ. Мы говоримъ объ очень извѣстныхъ нѣкогда „Memoriae populorum“ Стриттера [1]). Это была работа, предположенная академіей наукъ въ виду того, что византійскіе историки доставляютъ самый обильный матеріалъ какъ для древней славянской исторіи, такъ и для исторіи переселенія народовъ, проходившихъ, между прочимъ, и земли позднѣйшей Россіи. Въ своемъ введеніи Стриттеръ указываетъ, что

[1]) Полное заглавіе книги: „Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium, et inde magis ad septemtriones incolentium, e Scriptoribus Historiae Byzantinae erutae et digestae, a Joanne Gotthilf Strittero, gymnasii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae correctore. Четыре большихъ тома, 4°. Спб. 1771—1779. Русское изданіе: „Извѣстія Византійскихъ историковъ“, и пр. Спб. 1770—1776, 4 тома, по отзыву г. Бестужева-Рюмина, „совсѣмъ безполезно“. „Р. Исторія“, т. I, 1872, стр. 218 (первый отдѣлъ).

въ этомъ трудѣ онъ воспользовался содѣйствіемъ двухъ ученыхъ академиковъ, Фишера и Шлёцера, и въ особенности послѣдняго, которому, повидимому, принадлежитъ самая мысль этого изданія [1]). Оно было, въ самомъ дѣлѣ, весьма полезно, и особенно въ тогдашнемъ положеніи русской науки необходимо. Для того, чтобы говорить о славянской древности, нужно было, наконецъ, знать не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и не отрывочно тѣхъ писателей, у которыхъ сохранилось множество въ разной степени достовѣрныхъ, во всякомъ случаѣ важныхъ, часто единственныхъ свѣденій о русской и славянской древности; ни одинъ изъ русскихъ историковъ, нами упомянутыхъ, которые касались вопроса, не имѣлъ достаточнаго знакомства съ византійцами, и этотъ источникъ долженъ былъ быть приведенъ въ полную извѣстность. Стриттеръ, по указаніямъ Шлёцера, сдѣлалъ это со всѣмъ трудолюбіемъ и точностью, уже отличавшими нѣмецкую науку. Византійцы были уже не однажды собраны и изданы на западѣ — въ изданіяхъ парижскомъ, 1645—1702, и въ Венеціи, 1729. Стриттеръ, сообщивши въ предисловіи свѣденія объ историкахъ, которыми онъ воспользовался для своего собранія, сдѣлалъ изъ нихъ систематическое извлеченіе всѣхъ тѣхъ извѣстій, которыя имѣли отношеніе къ славяно-русской древности и къ исторіи переселенія народовъ. Извлеченія собраны особо о каждомъ народѣ: сначала издатель сообщаетъ о немъ общія историческія данныя, затѣмъ приводитъ, въ латинскомъ переводѣ и цѣликомъ, всѣ относящіяся къ нему мѣста изъ древнихъ писателей, указываетъ тождественныя свѣденія или варіанты у другихъ авторовъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ даетъ подлинныя слова византійскаго хрониста, наконецъ, обставляетъ все это подробными оглавленіями, объяснительными примѣчаніями, которыя должны облегчать пользованіе этимъ историческимъ матеріаломъ. Такого изданія, конечно, не могла бы сдѣлать тогдашняя собственно русская наука: ни у кого не

[1]) Hic enim methodi, quam in his excerptis secutus sum, primas quasi lineas duxit. Самъ Шлёцеръ впослѣдствіи писалъ объ этомъ такъ: „...Надобно было что-нибудь приготовить и *для* будущаго *ученаго* русскаго историка. Между прочимъ, надобно было ему коротко познакомиться съ Византійцами; но можно ли предполагать, чтобы онъ, роясь въ русскихъ рукописяхъ, перерылъ еще 36 фоліантовъ византійскихъ писателей? По особенному случаю удалось мнѣ довести академію до того, что она поручила Стриттеру заняться составленіемъ „Memoriae populorum“... Важная жертва, принесенная учености богатою академіею, ибо едва ли выручила она продажею и то, во что ей обошлось напечатаніе! Но развѣ всемірная исторія мало отъ этого выиграла? По крайней мѣрѣ, нѣмецкіе историки, а особливо австрійскіе, очень много воспользовались этимъ сочиненіемъ“. „Несторъ“, въ переводѣ Д. Языкова. Введеніе, отд. V, Е.

было ни этого знанія византійцевъ, ни обладанія научною техникой. Какое значеніе имѣлъ этотъ трудъ для нашей исторіографіи—извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ литературою русской исторіи: ни одно серьезное сочиненіе, касавшееся русско-славянской древности, не обходилось потомъ безъ цитатъ изъ Стриттера — онѣ доходятъ до сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и лишь въ настоящее время становятся рѣже, отчасти потому, что началось (хотя еще у весьма немногихъ) самостоятельное изученіе византійцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что изданіе, подобное Стриттерову, обставленное результатами новыхъ изслѣдованій въ этой области, было бы весьма полезно и въ настоящее время.

Великою силой, оставившею глубокій слѣдъ на развитіи нашей исторіографіи, былъ знаменитый Шлёцеръ: его заслуга была не столько въ собираніи источниковъ, сколько въ принципіальномъ вопросѣ исторической критики. Труды Шлёцера такъ извѣстны, столько разъ были высоко оцѣнены, что говорить о нихъ нѣтъ надобности. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько указаній о томъ, что относится въ нихъ къ нашему предмету. Его первая книга, касавшаяся древней русской лѣтописи, вышла въ 1768 году [1]). Затѣмъ его знаменитый „Несторъ“ вышелъ болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ [2]) и послужилъ для нашихъ историковъ настоящею школой исторической критики. Шлёцеръ занялся здѣсь только самыми первыми вѣками русской исторіи, именно тѣми, гдѣ исторіи, ограниченные скудными извѣстіями лѣтописи, безъ всякихъ указаній какого-либо преданія, при неумѣніи обращаться съ источниками, лишены были всякаго руководства и, какъ мы видѣли, блуждали въ потьмахъ далекихъ вѣковъ, думая наконецъ, что при скудости свѣденій можно наполнить недостающее собственнымъ изобрѣтеніемъ. Не было въ то время злѣйшаго врага подобнаго произвола, чѣмъ Шлёцеръ: его работа была отчасти историческая, отчасти, такъ сказать, педагогическая. Человѣкъ сильнаго ума, трезвый критикъ и раціоналистъ въ стилѣ XVIII-го вѣка, онъ не допускалъ въ исторію не только явной басни, но и преданія, которое подъ чертами поэтическаго вымысла могло сохранять, и во множествѣ случаевъ дѣйствительно сохраняло, реальную подкладку: такого преданія Шлёцеръ обыкновенно не удостоивалъ исторической критики и гораздо чаще съ негодова-

[1]) Probe russischer Annalen. Bremen und Göttingen, 1768.

[2]) Несторъ, Russische Annalen in ihrer slavonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt. 5 томовъ. Göttingen, 1802—1809. Русскій переводъ Д. Языкова „Несторъ. Русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ“, вышелъ въ трехъ томахъ, Спб. 1809—1819.

ніемъ отвергалъ его, какъ, напримѣръ, отвергалъ скандинавскія саги и т. п. Понятно, что это была крайность, но она была полезна въ то время, когда совсѣмъ не умѣли обращаться съ историческими источниками; съ другой стороны, историческое сказаніе, удостовѣренное опредѣленной датой, извѣстнымъ лицомъ, подтверждаемое другими свидѣтельствами и здравымъ смысломъ, было для Шлёцера святыней: такое сказаніе онъ изучалъ со всѣхъ сторонъ, объяснялъ его малѣйшія подробности и извлекалъ изъ него все, что только могло оно указывать и подразумѣвать; чего не понималъ, о томъ говорилъ прямо, что не понимаетъ. Извѣстно, съ какимъ великимъ уваженіемъ, доходившимъ почти до благоговѣнія, относился онъ къ нашему Нестору. Эти требованія строгой критики, изученія источниковъ, внѣ которыхъ не позволялось дѣлать ни шагу, отозвались на изученіи какъ русской исторіи, такъ и славянской древности. Существовавшая въ его время русская литература объ этихъ предметахъ, разумѣется, очень мало удовлетворяла Шлёцера: нѣсколько разъ онъ возвращается къ этому предмету, указывая, какъ русскимъ историкамъ недостаетъ и знанія литературы предмета, и въ особенности знанія тогда уже развившихся и выясненныхъ требованій историческаго анализа. Въ предисловіи онъ упоминаетъ объ остающихся у него дальнѣйшихъ матеріалахъ для древней русской исторіи и замѣчаетъ [1]): „Искренно желаю, чтобы въ этой работѣ предупредилъ меня россіянинъ; однако же, сомнѣваюсь: ибо именно эта часть требуетъ особеннаго чтенія иностранныхъ книгъ, которыхъ и по сію еще пору удивительно мало въ русской землѣ“. Говоря о Щербатовѣ и Татищевѣ, онъ отдаетъ полную справедливость ихъ трудолюбію, „но на слова ихъ никто не можетъ положиться до тѣхъ поръ, пока критика не утвердитъ вѣры къ нимъ“; о Щербатовѣ замѣчаетъ, что тотъ писалъ исторію, зная кромѣ своего природнаго только французскій языкъ, а ни слова по-нѣмецки, ни слова по-латыни и пр., и въ иностранной исторической литературѣ отсталъ въ свое время, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пятьдесятъ. Объ академіи онъ говоритъ, что съ удаленіемъ его, Шлёцера, русская исторія тамъ заснула, а въ то же время академія „обезславила себя“, напечатавши русскую исторію Эмина [2]).

---

[1]) Цитируемъ по переводу Языкова, вирочемъ обновляя его.

[2]) „Ѳедоръ Эминъ не достоинъ никакой критики; однако же, не смотря на это, сочиненіе его напечатано академіею наукъ, въ небытность профессора исторіи! Невѣжество и безстыдство сочинителя превосходятъ всякое вѣроятіе и дѣлаютъ стыдъ какъ своему времени, такъ и русской словесности“, и Шлёцеръ приводитъ изъ него длинный рядъ нелѣпостей о славянахъ и русскихъ. Такимъ же образомъ говоритъ

Разсказывая о состояніи русской исторической литературы въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, когда сдѣлано было уже много изданій лѣтописей и собрано было, по указамъ правительства, множество старыхъ рукописей, Шлёцеръ выражаетъ не то удивленіе, не то негодованіе, что изъ этого ничего не выходитъ. Дѣлается въ эти годы изданіе „Русской Правды", весьма хорошее, но опять совершенно упущена иностранная литература, гдѣ, напримѣръ, въ скандинавскихъ законахъ являются многія данныя для сравненія. Въ предисловіи къ этому изданію, по поводу упомянутыхъ рукописей, собранныхъ въ св. синодѣ, говорится: „мы пересматривали ихъ въ *праздное время* (?), и нашли очень много древнихъ и важныхъ для нашей отечественной исторіи вещей", — но, кромѣ „Правды", изъ этихъ важныхъ рукописей ничего не думали издавать. „Странная участь исторической словесности въ Россіи, — восклицаетъ Шлёцеръ, — единственная въ своемъ родѣ во всемъ ученомъ свѣтѣ! Сами государи ободряютъ, приглашаютъ, приказываютъ и ничего не дѣлается; а если что и дѣлается, то все не такъ. Правда и то, что къ *этому* нельзя принудить указами". Перечисляя разныя анекдотическія подробности о русской исторіографіи того времени, Шлёцеръ между прочимъ нашелъ, что русскій издатель книги Георги о народахъ, обитающихъ въ Россіи, „вытащилъ опять изъ гробовъ почившихъ было съ *Шетгеномъ* [1]) лѣтъ 70 тому назадъ, *Мосоха Яфетовича* и *Скиѳа*, правнука Яфетова", и затѣмъ оканчиваетъ: „тутъ *экс-профессоръ* русской исторіи (т.-е. самъ Шлёцеръ) потерялъ все терпѣніе, съ которымъ онъ лѣтъ 10 смотрѣлъ издали на этотъ плачевный упадокъ, и написалъ эту книгу".

Объясняя Нестора, Шлёцеръ встрѣтился и съ вопросомъ о славянствѣ, къ которому русское племя относится какъ видъ къ роду, и понятно, что онъ примѣнилъ здѣсь тѣ же строгія требованія, съ какими вообще велъ свои изслѣдованія. Главу (IV) о славянахъ онъ начинаетъ совершеннымъ отрицаніемъ того, что писалось объ этомъ русскими историками. „Все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о славянахъ съ прибавленіемъ скиѳовъ, сарматовъ и многихъ другихъ,

---

онъ о Хилковѣ (Манкіевѣ), который разсказываетъ о Мосохѣ Іафетовичѣ, родоначальникѣ славянъ и руссовъ, о грамотѣ Александра Македонскаго, писанной золотыми буквами и находящейся въ султанскихъ архивахъ, и т. п.

[1]) По указанію Шлёцера въ другомъ мѣстѣ, Шетгенъ „написалъ семь диссертацій о происхожденіи руссовъ, въ которыхъ съ великою начитанностію говоритъ о *Мосохѣ* и *Тубалѣ*, и *Роксанахъ*, и *Роксоланахъ*, и *Исседонахъ*" (Christ. Schöttgenius, De originibus russicis dissertationes septem. Dresdae et Lipsiae, 1729—1731).

совсѣмъ не принадлежавшихъ къ нимъ народовъ, и поставили въ предисловіяхъ къ своимъ русскимъ исторіямъ, совершенно безполезно для настоящаго историка. Всѣ трое отстали въ ученой исторіи цѣлыми 60 годами. *Настоящая* славянская исторія есть вообще пріобрѣтеніе новѣйшей словесности: еще за 40 лѣтъ предъ симъ не знали о ней почти ничего; а ежели что́ и печатали, то было совсѣмъ негодно. Представьте только себѣ, что̀ написалъ Орбини въ Regno degli Slavi! „Очень еще недавно имѣемъ мы нѣкоторыя главныя сочиненія, и небольшія, но со вкусомъ и тщательно обработанныя разсужденія". Новое, что̀ приносилъ Шлёцеръ, было знаніе той нѣмецкой и латино-славянской исторической литературы, которая въ XVIII вѣкѣ начала уже ставить вопросы о славянской древности, во-первыхъ, съ бо̀льшимъ запасомъ критики, а во-вторыхъ, съ бо̀льшимъ знаніемъ средневѣковой литературы, чѣмъ обладали тогдашніе русскіе историки; эти писатели были именно предшественники того усиленнаго изученія славянской старины, которое совпадаетъ съ первыми шагами новѣйшаго возрожденія славянскихъ народностей. Шлёцеръ называетъ въ числѣ упомянутыхъ „главныхъ сочиненій и со вкусомъ и тщательно обработанныхъ разсужденій" слѣдующихъ авторовъ: Іордана (De originibus slavicis, 1745); Геласія Добнера — по его словамъ, это есть „ученый и трудолюбивый человѣкъ, который прежде всѣхъ пересталъ бредить въ древнѣйшей богемской и польской исторіи, не смотря на частыя преткновенія"; Стриттера, Геркена (Versuch in der ältesten Geschichte der Slaven, 1771), въ которомъ хвалитъ отсутствіе легковѣрія и пристрастія къ словопроизводству [1]); далѣе общія историческія сочиненія Гаттера, Гебгарди и собственную „Сѣверную Исторію", о которой говоритъ: „эта книга, вмѣстѣ съ *Стриттеровыми записками*, вышедшими въ одно съ нею время, сдѣлала, по крайней мѣрѣ, то добро, что возбудила желаніе къ изслѣдованію этой части исторіи среднихъ вѣковъ, бывшей до тѣхъ поръ или очень мало, или очень дурно обработанною. Я нашелъ множество тому доказательствъ въ писателяхъ, а особливо австрійскихъ. Но въ 30 лѣтъ, кажется, я во многомъ доучился, частію самъ собою, а еще болѣе обязанъ вышесказаннымъ и другимъ писателямъ". Этихъ другихъ писателей было не мало: онъ знаетъ хорошо средневѣковыхъ лѣтописцевъ, византійскихъ и западныхъ, знаетъ ученыхъ

[1]) Онъ съ удовольствіемъ приводитъ слова Геркена: „Когда же мы перестанемъ бредить въ древней исторіи? И для чего не признаться въ нашемъ невѣжествѣ тогда, когда совсѣмъ недостаетъ у насъ вспомогательныхъ средствъ?" Шлёцеръ прибавляетъ: „Благо такому *умному невѣжеству*!"

славянъ, которые писали по-латыни или по-нѣмецки, и писателей не-славянскихъ, писавшихъ о славянской исторіи. Такъ, кромѣ названныхъ прежде, онъ знаетъ Кершелича, Катанчича, цитируетъ Ассемани, Альтера и др. и вообще вполнѣ владѣетъ тогдашней литературой предмета. Поощряя русскихъ къ переработкѣ своей древней исторіи на основаніи строгой критики, онъ указываетъ въ примѣръ другіе просвѣщенные народы и въ томъ числѣ чеховъ [1]).

Незнаніе русскихъ историковъ относительно славянства приводитъ Шлёцера въ негодованіе. Припоминая свои указанія о томъ, что дѣлается по этому предмету настоящими учеными, онъ замѣчаетъ: „но русскимъ *неизвѣстны* эти большія и мелкія сочиненія, почему они все еще начинаютъ свою славянскую исторію съ Трои и Пафлагоніи, и съ генетовъ; даже (что почти невѣроятно, но совершенная истина) не знаютъ они Стриттеровыхъ выписокъ изъ византійскихъ писателей, которыми, однакоже, ихъ академія наукъ столь много вспомоществовала объясненію сѣверной исторіи“... „Зачѣмъ наполняютъ они пустоту своей исторіи до Рюрика обстоятельными сказками, которыя, еслибы и были справедливы, но ни мало не принадлежатъ къ ней? Но еще страннѣе то, что они обыкновенно также распространяются о народахъ, которые никогда не жили или не кочевали въ древней Россіи: о готахъ, гуннахъ, аварахъ, даже о массагетахъ и кимврахъ, и пр... Прежде всего должны русскіе отстать отъ скиѳовъ и сарматовъ... Описывая происшествія до XIV-го стол., да не ссылается болѣе ни одинъ русскій историкъ на польскія хроники, которыя всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла. Истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выкрадена изъ Нестора, а безсмыслица принадлежитъ имъ самимъ... Не надобно совершенно ни на комъ *утверждаться*, а испытывать и доказывать. Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ „говорятъ это“: какое недостойное историка доказательство! Нѣкоторые, кажется, имѣютъ неслыханное правило считать за *истину* все то, что за сто и болѣе лѣтъ до сего *напечатано*; а напротивъ того, все, что еще и за 50 до сего лѣтъ вышло по русской, славянской, скандинавской и пр. исторіи, есть совершенный вздоръ... Пусть отстанутъ они отъ *словопроизводства*, какъ они еще и по сію пору почти всѣ безъ исключенія пристращены къ нему: оно слишкомъ презрительно для нашихъ ясныхъ истори-

[1]) „Подумайте только, какъ, напр., Богемскіе славяне въ послѣднія 40 лѣтъ передѣлали свою исторію!“ Языковъ, т. I, стр. 418.

ческихъ дней! Пусть не потѣютъ болѣе надъ тѣмъ, что̀ значитъ славянинъ, русъ" и пр. „Худо понимаемая *любовь къ отечеству* подавляетъ всякое критическое и безпристрастное обработываніе исторіи,—говоритъ Деліусъ, — и дѣлается смѣшною, прибавляю я къ его словамъ" [1]).

Такія напутствія давалъ Шлёцеръ русскимъ историкамъ; онѣ были, безъ сомнѣнія, полезны и необходимы: здравая критика русской исторіи была потомъ только въ той школѣ, которая слѣдовала этимъ наставленіямъ. Но пока этихъ наставленій не было или онѣ не успѣли еще воздѣйствовать въ русско-славянской исторіографіи, продолжался тотъ „вздоръ", о которомъ говорилъ Шлёцеръ. Образчики этого вздора мы видѣли раньше и встрѣтимъ еще послѣ.

Вторая половина прошлаго вѣка имѣла особое пристрастіе къ русско-славянской древности, упражнялась на ней въ историческихъ разысканіяхъ, пока сомнительнаго достоинства, и въ беллетристикѣ—драмахъ, сказочныхъ романахъ и поэмахъ. Всѣ названные нами раньше историки съ особенной охотой разыскивали происхожденія руссовъ и славянъ. Въ то же время являются попытки составить себѣ понятіе о древнемъ славянскомъ бытѣ и особливо миѳологіи. Въ 1767 году извѣстный Михайло Чулковъ издаетъ „Краткій миѳологическій лексиконъ", наполненный всякими славяно-русскими божествами, между прочимъ никогда не существовавшими. На томъ же поприщѣ отличался Михаилъ Поповъ, составившій „Описаніе древняго славянскаго языческаго баснословія" (Спб., 1768) и другіе, до Кайсарова и до Григорія Глинки въ началѣ нынѣшняго столѣтія, о которыхъ скажемъ далѣе. Это была миѳологія очень странная: собственная русская лѣтопись давала о ней мало свѣденій — нѣсколько извѣстныхъ именъ (Перунъ, Дажьбогъ и пр.), два-три упоминанія о языческихъ обычаяхъ и только; но гораздо больше древняго русскаго лѣтописца знали объ этомъ позднѣйшіе хронисты и историки польскіе, которые населили цѣлый славянскій Олимпъ, гдѣ были божества на всякіе случаи. Этотъ Олимпъ отчасти, по выраженію Шлёцера, былъ „выкраденъ" у Нестора, иногда впрочемъ въ извращенномъ видѣ, отчасти скомпилированъ изъ разныхъ извѣстій о язычествѣ славянъ западныхъ и Литвы [2]). Русскіе миѳологи прошлаго столѣтія, какъ Чулковъ, Поповъ и пр., не имѣли по-

[1]) Языковъ, т. I, стр. 421—430.

[2]) О томъ, какъ сооружалась эта славянская и въ томъ числѣ русская миѳологія, см. у Срезневскаго въ „Сборникѣ" русскаго отдѣленія академіи, т. XIX, 1878, стр. 112 и далѣе.

нятія о томъ, какой историческій интересъ можетъ представлять вопросъ о древней миѳологіи и какъ нужно вести его изслѣдованіе. Ихъ точка зрѣнія была опять псевдо-классическая: литература была пересыпана именами классической миѳологіи; это была принадлежность тогдашней реторики, и для достоинства русской словесности требовалось, чтобы вмѣсто чужихъ миѳологическихъ божествъ были поставлены свои собственныя. Дѣйствительно, на русско-славянскомъ Олимпѣ явился свой Юпитеръ, своя Венера, Амуръ и т. д.; кромѣ Перуна, Волоса явился (никогда небывалый) Позвиздъ, Зимцерла, Лель и т. д. Эта миѳологія перешла и въ поэзію и утвердилась въ ней какъ принятая форма, хотя большинство этихъ боговъ не могли ничѣмъ доказать своего историческаго происхожденія. Возьмемъ два-три примѣра. Въ стихотвореніи Державина „Деревенская жизнь", упомянутый Лель, по „Объясненіямъ" къ его стихотвореніямъ, есть не кто иной какъ Амуръ, Лада—Венера, Усладъ (никогда не существовавшій)—Бахусъ. Въ стихотвореніи „Обитель Добрады", самая Добрада взята изъ „Русскихъ сказокъ" Чулкова, а кромѣ того является здѣсь, съ одной стороны, Дафнисъ и Дафна изъ греческой номенклатуры, съ другой Дажьбогъ—изъ славянской миѳологіи, а наконецъ, даже „валки" (т.-е. валкиріи) и „Валкалъ" (т.-е. Валгалла)—изъ скандинавской. Въ стихотвореніи „Новогородскій волхвъ Злогоръ" названы Перунъ, Велесъ, Кикимора и пр. [1]). До какой степени въ понятіяхъ Державина и съ нимъ, конечно, всей его эпохи эта миѳологія сдѣлалась просто вопросомъ реторики, можно видѣть изъ его позднѣйшихъ драматическихъ произведеній, гдѣ миѳологія опять является на сцену. Въ „Разсужденіи о лирической поэзіи" Державинъ такъ говоритъ о пользѣ миѳологіи для поэзіи: „У насъ изъ славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсенъ, древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ гг. Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и проч., въ такъ-называемыхъ книгахъ: Досугахъ, Славянскихъ сказкахъ и пѣсенникахъ, много заимствовать можно чудесныхъ происшествій" [2]). И онъ дѣйствительно воспользовался этой миѳологіей вдоволь, свободно мѣшая обрывки настоящей миѳологіи съ новѣйшими выдумками, и даже, не довольствуясь Чулковымъ и Поповымъ, онъ самъ придумывалъ недостававшія ему въ поэтическомъ обиходѣ божества. Въ „Прологѣ на рожденіе въ Сѣверѣ порфироднаго отрока, почерпнутомъ изъ древняго варяго-русскаго

[1]) См. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, т. II, стр. 282—283, 447—457; т. III, стр. 134—136.

[2]) Сочиненія Державина, т. VII, стр. 603.

баснословія" (1799), является на сцену Рюрикъ, „происшедшій отъ сѣвернаго бога Одина", и самъ богъ Одинъ, сѣверные герои, жрецы, барды, а затѣмъ славяно-русская миѳологія: Зничъ или Май; Зимцерла или Весна, его супруга; Лель или Купидонъ, ихъ сынъ; Дажьбогъ, духъ покровитель сѣвера; русалки или рѣчныя нимфы; Дагоды или Зефиры; затѣмъ „Огняны, Вѣтряны, Моряны, Земляны", или духи, повелѣвающіе стихіями (по объясненію Державина, это саламандры, сильфы, наяды и гномы), наконецъ Кикиморы, по мнѣнію Державина—Мечты. Изъ этихъ пріемовъ очевидно, что для Державина и вообще для литературныхъ людей его времени миѳологія была пригодна только какъ литературное украшеніе. Нечего говорить, что они не имѣли о ней никакого яснаго представленія; между прочимъ, Державинъ постоянно смѣшиваетъ русско-славянскую миѳологію со скандинавской, ставитъ ее рядомъ съ греческой и прибавляетъ еще собственныя изобрѣтенія.

Эта реторическая миѳологія продолжала свое существованіе и въ началѣ нынѣшняго столѣтія: напр., „Лель" дожилъ до Пушкина и притомъ, въ одномъ и томъ же стихотвореніи, рядомъ съ греческими „харитами", и т. п.

Чтобы привести еще образчикъ тогдашнихъ понятій объ этомъ предметѣ, напомнимъ сказки Чулкова или сподвижника его на этомъ поприщѣ Михаила Попова. Для этого послѣдняго миѳологія и вообще древность служила только матеріаломъ, которымъ могла смѣло распоряжаться фантазія. Въ 1770—1771 гг. онъ издалъ въ трехъ частяхъ: „Славенскія древности или приключенія славенскихъ князей". На первыхъ строкахъ мы встрѣчаемся съ знаменитымъ въ тѣ времена, но небывалымъ „Славеномъ":

„Славенъ, родоначальникъ и праотецъ первыхъ славенскихъ князей, знаменитый именемъ и преславный дѣлами, былъ первый, по нашимъ древнимъ лѣтописцамъ, который переселился со своимъ народомъ изъ Азіи въ Европу и построилъ въ память имени своего городъ Славенскъ, по близости того мѣста, гдѣ потомъ построенъ нынѣшній Новгородъ. Сей государь, утвердя новую свою столицу покореніемъ сосѣдственныхъ народовъ, получилъ имя великаго воина и славнаго обладателя. Неизвѣстно, имя ли его собственное, или слава дѣлъ его снискала подданнымъ его наріцаніе славянъ; извѣстно только то, что какъ при немъ, такъ и при потомкахъ его храбрые славяне подтверждали имя свое множествомъ преславныхъ побѣдъ и подвиговъ".

Вся исторія, во вкусѣ распространенныхъ тогда волшебныхъ сказокъ, конечно, совершенно произвольна и не имѣетъ ника-

кого отношенія къ славяно-русской древности; вставлены только мнимыя славяно-русскія имена дѣйствующихъ лицъ: потомокъ Славена Богославъ, сынъ его Свѣтлосанъ, дочь Милослава и т. п.; затѣмъ Перунъ, Чернобогъ, богиня любви Лада, Полель, волшебникъ Карачунъ и пр. Кромѣ Славена, необходимъ, конечно, и Русъ, родомъ изъ Винеты. Этотъ Русъ разсказываетъ между прочимъ: „По выѣздѣ моемъ изъ Винеты пустился я напередъ въ Славенскъ, а оттуда въ Кіево владѣніе, потомъ въ земли Чеха и Леха, а наконецъ въ Грецію“ [1]). При изданіи второй части, автору пришлось сдѣлать объясненіе своей книги. Ея заглавіе приводило читателей въ недоумѣніе; нѣкоторые ожидали найти въ ней настоящія „славенскія древности“; авторъ объясняетъ, что онъ имѣлъ въ виду только сказку или „такъ-называемый романъ“; эту сказку,—говоритъ онъ,—„я украсилъ нѣкоторыми нашими Древностями, которыя могли войти въ расположеніе сего сочиненія, и къ описанію коихъ прибавилъ я нѣсколько вымысловъ, дабы пріятнѣе ихъ представить взорамъ читателя“. Онъ думалъ все-таки, что сообщаетъ нѣчто изъ „славенскихъ древностей“.

Понятно, что приведенные примѣры обозначали вмѣстѣ и полное невѣденіе о славянствѣ. Державинъ, столько разъ воспѣвавшій воинственные подвиги Росса, по поводу войнъ съ турками совсѣмъ не вспоминаетъ о славянахъ; напротивъ, передъ нимъ носится тотъ же греческій проектъ. Въ извѣстной одѣ на взятіе Измаила, поэтъ поглощенъ изображеніемъ воинскаго подвига россовъ: „Везувій пламя изрыгаетъ, столпъ огненный во тьмѣ стоитъ... краснѣетъ Понтъ, реветъ громъ ярый, ударамъ вслѣдъ звучатъ удары“ и пр.; вотъ права русскихъ на величіе: „О, Россъ! таковъ твой образъ славы“. Но изъ-за чего же совершается кровопролитіе? Цѣль войны съ одной стороны религіозная, съ другой —политическая. Цѣль Росса—„*Ахеянъ* спасть, Агарянъ стерть“; Россъ долженъ—

„Темировъ попирать ногою,
Блюсть вашихъ [2]) отъ Омаровъ музъ,
Отмстить Крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ—Константину,
И миръ Афету водворить“.

---

[1]) Часть I, стр. 112.

[2]) Разумѣются „ахеяне“.

Стихъ: „Аѳинамъ возвратить Аѳину“, по „Объясненіямъ“ значитъ наоборотъ: „городъ Аѳины возвратить богинѣ Минервѣ (Аѳинѣ), подъ которою разумѣется Екатерина“. Возвращеніе „града Константинова Константину“ относится, конечно, къ греческому проекту; по „Объясненіямъ“ — „Константинополь *подвергнуть* державѣ в. к. Константина Павловича, къ чему покойная государыня всѣ мысли свои устремляла“ [1]).

Наконецъ, древнимъ славянствомъ была заинтересована и Екатерина II. Въ послѣдніе годы своей жизни она была, какъ извѣстно, очень занята русской исторіей; въ письмахъ къ Гримму она говоритъ шутя, что не читаетъ почти ничего, что не относится къ XIII-му столѣтію и къ русской исторіи. Въ древнѣйшемъ періодѣ этой исторіи она также говоритъ о скиѳахъ и славянахъ, по даннымъ, имѣвшимся тогда въ русской литературѣ, впрочемъ не отождествляя этихъ народовъ и считая только, что между скиѳами могли быть и славяне. Затѣмъ она встрѣтилась съ славянами въ другомъ своемъ трудѣ: „Сравнительныхъ словаряхъ всѣхъ языковъ и нарѣчій“ [2]). Характеръ этого труда извѣстенъ. Между прочимъ, нашли въ немъ мѣсто и славянскія нарѣчія, а именно приводятся здѣсь слова слѣдующихъ нарѣчій: славянскаго, славяно-венгерскаго, иллирійскаго, богемскаго, сербскаго, вендскаго, сорабскаго, полабскаго, кашубскаго, польскаго, малороссійскаго и суздальскаго. Въ предисловіи къ первому словарю говорится объ этомъ слѣдующее: „Между *славянскими нарѣчіями*, изъ коихъ Россійское первое занимаетъ мѣсто, оба послѣднія требуютъ объясненія. *Малороссійское* нарѣчіе мало отлично и само по себѣ часто есть не что иное, какъ россійское на польскій образецъ премѣненное, которое и въ употребленіи токмо въ Украйнѣ и малой Россіи. Въ прочихъ странахъ Россійскаго государства случаются мѣстами нѣкоторымъ только провинціямъ собственныя названія [3]) и небольшія въ выговорѣ отличія, но сіе въ самомъ су-

[1]) Ср. Сочиненія Державина, т. I, стр. 344.

[2]) Они изданы были въ двухъ видахъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки.—Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa; Augustissimae cura collecta“, и пр. Спб., четыре тома, 1786—87, 1789; „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный“. Спб., два тома, 1790—1791. Мы имѣли случай упоминать объ этихъ словаряхъ, „Вѣсти. Европы“, 1884, іюль. Исторія ихъ въ книгѣ Аделунга: Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St.-Petersburg, 1815; см. также „Филологическія занятія Екатерины II“, Якова Грота, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1877, кн. I, стр. 425—442.

[3]) Т.-е. имъ принадлежащія слова.

ществѣ Россійскаго языка, коимъ столько милліоновъ людей въ отдаленнѣйшихъ странахъ по городамъ и деревнямъ говорятъ, ничего не значитъ. Что касается до *Суздальскаго* нарѣчія, то оное есть смѣшанное частію изъ произвольныхъ словъ, частію изъ греческихъ въ россійскія обращенныхъ, такъ какъ нѣмецкій языкъ, жидами употребляемый, еврейскими словами искаженный. Торги, кои отъ Суздаля производятся даже до Греціи, могутъ измѣненію сему быть причиною". Не останавливаясь на „суздальскомъ" языкѣ [1]), отмѣтимъ опредѣленіе малороссійскаго нарѣчія, какъ русскаго, измѣненнаго на польскій образецъ, понятіе весьма неточное и по тому времени, такъ какъ польскаго въ этомъ нарѣчіи было только нѣсколько заимствованныхъ словъ, а въ самомъ складѣ языка, его звукахъ и формахъ, не было ничего польскаго, а вмѣстѣ было многое, чего нѣтъ совсѣмъ въ великорусскомъ. Это представленіе о малорусскомъ языкѣ держалось очень долго, по странному незнанію дѣла, хотя ознакомиться съ нимъ было бы не трудно: въ первый разъ это представленіе о малорусскомъ языкѣ было внушено, вѣроятно, тѣми южно-русскими книгами XVII-го и XVIII-го вѣка, въ которыхъ заимствованія изъ польскаго языка были особенно замѣтны. Откуда взяты были славянскія слова въ этотъ словарь, въ предисловіи Палласа не указано; источникомъ ихъ были, вѣроятно, различные словари славянскихъ нарѣчій, въ то время уже существовавшіе.

Оставался еще вопросъ о славянскомъ, то-есть церковно-славянскомъ языкѣ. Какъ извѣстно, этотъ вопросъ очень долго оставался неяснымъ для русскихъ грамматиковъ и писателей. Древняя Русь не задавала его себѣ, потому что отождествляла славянскій языкъ съ русскимъ. На дѣлѣ два языка расходились съ первыхъ шаговъ древней русской письменности; въ текстѣ древнихъ церковно-славянскихъ книгъ, которыя пришли къ намъ готовыми по введеніи христіанства, подъ руками писцовъ стали сказываться черты русской народной рѣчи и уже вскорѣ образуются такъ-называемыя русскія редакціи церковно-славянскихъ памятниковъ; русскіе церковные книжники, авторы поученій, житій и т. п. старались держаться освященныхъ церковными книгами формъ славянскаго языка, но уже и здѣсь привычная рѣчь писавшаго оказывала свое вліяніе, а тамъ, гдѣ письменность служила простымъ бытовымъ цѣлямъ, въ законахъ, грамотахъ, дѣло-

[1]) По мнѣнію г. Грота, подъ нимъ разумѣется не мѣстное нарѣчіе суздальскаго края, а нѣчто смѣшанное изъ языка офеней и мѣстныхъ инородцевъ. Сколько припоминаемъ, этотъ суздальскій языкъ Екатерининскихъ словарей не былъ еще выдѣленъ и разсмотрѣнъ спеціально.

выхъ записяхъ, народный русскій языкъ возобладалъ съ самаго начала. Объ формы языка существовали рядомъ, неразграниченныя, неопредѣленныя. Самый „славянскій“ языкъ, дошедшій въ книгахъ до XVIII-го вѣка и который продолжали считать древнимъ и первоначальнымъ, на дѣлѣ былъ уже сильно видоизмѣненъ вѣковыми вліяніями живой рѣчи; изъ его древняго запаса отпала цѣлая масса подлинныхъ архаическихъ звуковъ и формъ, и вошли новыя образованія, неизвѣстныя древнему языку.

Петровская реформа и въ этомъ отношеніи совершала переворотъ, къ которому, впрочемъ, давно вела сама жизнь. Какъ скоро въ книгу стали все больше проникать чисто практическое знаніе и реальные интересы, и рядомъ съ этимъ открылся широкій путь вліяній западной поэтической литературы, старая письменность въ церковномъ стилѣ окончательно отступила передъ новой литературой—чисто свѣтской; условный полу-славянскій языкъ —передъ живымъ народнымъ. Они уже такъ обособились, живая рѣчь получила въ книгѣ такое господство, что уже въ прошломъ вѣкѣ въ средѣ самихъ писателей явилась партія защитниковъ падавшей славянской старины. Здѣсь не мѣсто указывать, какъ шелъ этотъ продолжительный и долго для обѣихъ сторонъ неясный споръ о книжномъ языкѣ, о его славянскомъ и русскомъ элементахъ; борьба объ этихъ элементахъ шла давно сама собой, на практикѣ, все больше расширяя область живой рѣчи въ книгѣ, но, наконецъ, была поставлена и теоретически. Это были споры о литературномъ языкѣ, о томъ, насколько важно или обязательно въ книгѣ употребленіе церковно-славянскаго языка, или насколько имѣетъ права обычный разговорный, народный языкъ. Объ этомъ вопросѣ разсуждали Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ и многіе иные авторитеты прошлаго вѣка; дѣло стали рѣшать на основаніи реторики, и вообще принято было, что славянскій языкъ отвѣчаетъ высокому слогу, а народный, который тогда назывался и „подлымъ“,—низкому слогу; но въ книжный вопросъ вмѣшалась сама жизнь, и когда въ литературѣ стали появляться изображенія простой обыденной жизни и писатель покидалъ ходули „высокаго слога“, въ книгу неудержимо врывался народный языкъ (въ комедіи, баснѣ, въ статьяхъ сатирическихъ журналовъ и пр.). Послѣднее сраженіе дано было уже въ нашемъ столѣтіи, въ извѣстныхъ спорахъ Шишкова и послѣдователей Карамзина о „старомъ и новомъ слогѣ“. Наконецъ, вопросъ былъ окончательно упраздненъ Пушкинымъ.

Во всемъ этомъ спорѣ недоставало одного—яснаго историческаго представленія объ отношеніяхъ между языками славян-

скимъ и русскимъ. О настоящемъ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли весьма неясное понятіе, предполагая его въ его новѣйшей и сильно обрусѣвшей формѣ; древнихъ памятниковъ не знали. Русскій языкъ считался тѣмъ же церковно-славянскимъ только новымъ или даже испорченнымъ. Если трудно было ожидать отъ того времени изслѣдованій о филологическихъ отношеніяхъ языка, то возможно было, по крайней мѣрѣ, собирать свѣденія объ историческомъ происхожденіи памятниковъ, напр. о переводѣ св. писанія. И здѣсь начало критическаго изслѣдованія опять положено было при содѣйствіи западной науки. Таковы были труды нѣмецкаго академика, очень недолго пробывшаго въ Россіи, Іоганна-Петра Коля. Это былъ одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, приглашенныхъ въ петербургскую академію наукъ, гдѣ онъ занялъ каѳедру краснорѣчія и церковной исторіи. До приглашенія въ академію, Коль сталъ извѣстенъ въ Германіи сочиненіемъ: „Ecclesia Graeca lutheranizans“ (1723), и когда Блументростъ, первый президентъ академіи, обратился въ Германію съ запросами относительно ученаго человѣка для упомянутой каѳедры, ему назвали Коля. Въ то время, какъ извѣстно, шли большіе толки объ отношеніяхъ церквей: ученые парижской Сорбонны дѣлали предложенія о воссоединеніи русской церкви съ католическою, и въ самой русской іерархіи возникали теологическіе вопросы, получавшіе то католическую, то протестантскую окраску. Коль былъ протестантъ и владѣлъ обычной нѣмецкой эрудиціей: въ своей книгѣ онъ изложилъ исторію попытокъ католиковъ, лютеранъ и реформатовъ относительно соединенія съ греческою церковью, при чемъ давалъ любопытныя и малоизвѣстныя подробности объ этомъ предметѣ, затѣмъ излагалъ пункты сходства и разногласія между православіемъ и лютеранствомъ. Прибывши въ Петербургъ, нѣмецкій ученый намѣренъ былъ заняться русской исторіей и литературой, которыми уже раньше былъ заинтересованъ; это видно изъ статей, представленныхъ имъ тогда же въ академическую конференцію: „о рукописяхъ московской библіотеки“, „о происхожденіи русскаго языка“, „о составленіи славянскаго словаря“ [1]). Въ Петербургѣ,—говоритъ историкъ академіи, Пекарскій,—Коль охотно читалъ лекціи и безъ всякаго вознагражденія принялъ на себя наблюденіе за гимназіей при академіи; при всемъ томъ ему не посчастливилось въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ впалъ въ задумчивость, которая походила на сумасшествіе, а потому Шумахеръ

[1]) Статьи написаны были по-латыни: „De manuscriptis bibliothecae mosquensis, De origine linguae russicae, De lexico slavonico conficiendo“.

распорядился отправить его въ августѣ 1727 года въ Германію. Это сдѣлано было наскоро, такъ что даже слѣдовавшее ему за восемь мѣсяцевъ жалованье было удержано, т.-е., вѣроятно, не успѣли его выдать. Впослѣдствіи это жалованье было ему выслано и здоровье его возстановилось; своими трудами по преподаванію и учеными изданіями онъ достигъ безбѣднаго состоянія [1]). Въ заслугу ему можно причесть и то, что, живши въ Петербургѣ, онъ вызвалъ въ Россію, въ качествѣ студента академіи, знаменитаго впослѣдствіи Герарда-Фридриха Миллера.

Такимъ образомъ Коль прожилъ въ Россіи лишь около двухъ лѣтъ; онъ успѣлъ воспользоваться этимъ временемъ. Въ 1729 г. онъ издалъ на латинскомъ языкѣ „Введеніе въ исторію и литературу славянъ“ [2]). Книга очень любопытна, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ критическаго изслѣдованія о переводѣ славянской библіи и твореній Ефрема Сирина. Нѣмецкій ученый беретъ вопросъ какъ онъ стоялъ въ то время, и объясняетъ, что священное писаніе переведено на славянскій языкъ не Іеронимомъ, какъ иные думали, а Кирилломъ и Меѳодіемъ. Для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ этого вопроса въ западной ученой литературѣ книга Коля доставляетъ вообще много любопытныхъ указаній [3]). Другая часть сочиненія посвящена изслѣ-

[1]) Причина удаленія его изъ Россіи и „задумчивости“ заключалась въ томъ, что бѣдный профессоръ влюбился въ принцессу Елизавету Петровну. Шлёцеръ въ своей автобіографіи (Oeffentliches und Privat Leben, и пр.) разсказываетъ: „Die nun (1761 г.) entschlafne Elisabet war, nach dem Urtheil aller Sachkundigen, die sie als Prinzessin gekannt hatten, eine der vollkommensten Schönheiten ihres Zeitalters. Ein deutscher Professor Kohl verlor über ihrem Anblick den Verstand, und musste nach Hamburg deportirt werden (wo er aber wieder zu sich kam)“. Ср. „Нестора“, въ переводѣ Языкова, т. I, введеніе, отдѣлъ V, Д.

[2]) Полное заглавіе этой книги слѣдующее: „Johannis Petri Kohlii in Academ. Scientiar. Petropolitana Histor. Eccles. et Human Literar. Professoris. Introductio in Historiam et Rem Litterariam Slavorum, imprimis Sacram sive Historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum Codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Accedunt duo sermones Ephremi Syri, nondum editi, de sacra coena, fidei lutheranae testes ac vindices. Altonaviae, 1729.

[3]) Первыя извѣстія о русской церкви и русской церковной письменности въ западной литературѣ идутъ въ особенности съ XVI-го вѣка, съ Герберштейна и другихъ путешественниковъ и ученыхъ, или бывавшихъ въ Россіи, или собравшихъ свѣденія отъ русскихъ посланцевъ за границей, какъ Павелъ Іовій (Libellus de legatione Basilii... ad Clementem VII, etc. 1525) заимствовалъ свои свѣденія отъ московскаго гонца Димитрія Герасимова, или Фаберъ (J. Fabri, Moscovitarum juxta mare glaciale religio, 1526) отъ князя Ярославскаго и дьяка Трофимова, встрѣченныхъ имъ въ Тюбингенѣ, на возвратномъ пути ихъ изъ Испаніи, и др. Въ XVII и XVIII вѣкѣ начинаются и формальныя ученыя разысканія. Въ свое время Коль считалъ особенно авторитетными писателями по этому предмету Николая Бергія и Спар-

дованію о твореніяхъ Ефрема Сирина, которыя особливо интересовали его по отношенію къ протестантству. Это изслѣдованіе и новѣйшимъ ученымъ кажется весьма замѣчательнымъ. Между прочимъ, Коль издалъ здѣсь два слова (или „наказанія“) Ефрема Сирина о таинствѣ причащенія, неизвѣстныя ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ текстахъ и которыя существовали въ славянскомъ переводѣ; онъ привелъ эти статьи въ славянскомъ подлинникѣ въ латинской транскрипціи и съ латинскимъ переводомъ. Такимъ образомъ, уже съ этого времени указывается значеніе славяно-русской письменности, какъ источника, который можетъ служить для возстановленія утраченныхъ памятниковъ греческихъ [1]). Какъ привычный ученый, Коль старался составить себѣ понятіе о древней русской письменности; онъ зналъ ея рукописные памятники; живя въ Петербургѣ, читалъ ихъ съ помощью переводчика (стр. 28); нѣкоторые изъ нихъ онъ пріобрѣлъ для себя, между прочимъ какую-то замѣчательную, по его словамъ, исторію Алексѣя Михайловича [2]). Наконецъ, говоритъ онъ о славянскихъ народахъ. Понятно, что свѣденія его крайне ограниченны, но онъ знакомъ съ сочиненіями ученыхъ славянъ, писанными по-латыни, напр. сочиненіями Френцеля, Богорича, Дубравія. Вопросы его нерѣдко могутъ показаться элементарными, напр. о томъ, долженъ ли славянскій (церковный) языкъ быть причисляемъ къ языкамъ живымъ или мертвымъ; онъ имѣетъ для рѣшенія очень скудныя данныя (стр. 10—11), но таково было положеніе дѣла. По крайней мѣрѣ, онъ знаетъ о различіи и связи славянскихъ языковъ, которые считаетъ происходящими отъ церковно-славянскаго [3]), и т. п. Онъ посвящаетъ цѣлое разсужденіе вопросу о происхожденіи глаголическаго письма и пр.

венфельдта. Онъ говоритъ о нихъ: „Summus sacrarum in Livonia Antistes Nicolaus Bergius, rei Slavorum litterariae suo tempore, cum a Sparfvenfeldtio discesseris, omnium peritissimus“, стр. 7.

[1]) О Колѣ см. у Шлёцера, „Несторъ“, введеніе, отдѣленіе V, Д; Пекарскаго, „Исторія Академіи Наукъ“, т. I, стр. 77—81; Котляревскаго, „Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія“. Воронежъ, 1881, стр. 13.

[2]) De hujus laudatissimi Principis vita factisque diarium manuscriptum rarissimum in folio slavonice conscriptum ac Petropoli quondam emptum possideo: quod etsi in tritis ac vulgaribus maxime occupetur; multa tamen et memoratu digna habet, стр. 39.

[3]) Reliquarum mater lingua. „Tot linguas,—говоритъ онъ,—dialecto slavonicas, quot genere Slavos populos, habemus. Slavonica e. g. vocatur Wendica, Sorabica, Bohemica, Polonica, Hungarica (sic), Russica, aliaeque quas omnes enumerare longum est, complures“, стр. 9. Онъ приводитъ здѣсь давнымъ-давно забытыя и курьезныя мнѣнія тогдашней ученой литературы о происхожденіи славянскаго языка. Самъ Коль замѣчаетъ (стр. 39) большое сходство славянскаго языка съ латинскимъ.

Мы остановились на книгѣ Коля потому, что она была первымъ образчикомъ историко-литературнаго изслѣдованія о старой славянской письменности, произведеннаго нѣмецко-русскимъ академикомъ на основаніи, между прочимъ, русскаго письменнаго матеріала. Другіе вызванные потомъ академіи обратились спеціально къ вопросамъ о русской исторіи, но эта сторона изслѣдованій осталась надолго заброшенной. Изъ русскихъ ученыхъ XVIII-го в., повидимому, касался славянской письменной древности Дамаскинъ-Рудневъ [1]), но вообще вопросъ остался нетронутымъ до начала нашего столѣтія или до перваго возникновенія русской филологической науки, которая стала и первымъ началомъ нашего славяновѣденія.

Намъ остается упомянуть о томъ, какъ понималъ вопросъ славянскаго языка Шлёцеръ. Въ томъ всестороннемъ изслѣдованіи, какому онъ подвергъ Несторову лѣтопись, онъ долженъ былъ коснуться и языка. Какъ мы говорили, XVIII вѣкъ не имѣлъ точнаго понятія объ отношеніяхъ церковно-славянскаго языка къ русскому; думали обыкновенно, что это одинъ и тотъ же языкъ, только одинъ—болѣе старый. Подобнаго мнѣнія держится и Шлёцеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него мелькаютъ уже догадки, которыя были потомъ развиты филологической наукой. „Языкъ, которымъ писаны русскія лѣтописи,—говоритъ съ своей обыкновенной рѣшительностью Шлёцеръ, — есть древній *славянскій*, или точно тотъ, на который переведена библія, на которомъ писаны всѣ русскія церковныя книги, на которомъ отправляется еще и по сію пору *богослуженіе* не только въ русской церкви, но и у всѣхъ другихъ народовъ, говорящихъ славянскимъ нарѣчіемъ и принадлежащихъ къ греческому исповѣданію“. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Извѣстно, что между 60 славенскими народами (до такого числа полагаетъ ихъ уже Конрадъ Геснеръ), есть множество *нарѣчій*: русское, польское, богемское, краинское, кроатское, боснійское, иллирійское или далматское, лаузицкое или вендское, и пр., и пр. *Корень* всѣхъ ихъ есть преимущественно такъ-называемый *славянскій* языкъ, съ которымъ всѣ они имѣютъ ближайшее сходство, нежели одинъ съ другимъ“. Шлёцеръ думаетъ, что какъ нѣкогда должно было быть время, когда существовалъ одинъ германскій языкъ, изъ котораго въ теченіе вѣковъ произошли саксонскій, франкскій, шведскій, голландскій и пр., такъ было нѣкогда время, когда былъ одинъ славянскій языкъ. „Но кто можетъ хронологически показать, *когда* и *какъ* теперешнія столь

[1]) Ср. Вѣстн. Европы 1884, іюль, стр. 108—111.

различныя нарѣчія мало-по-малу изъ него образовались? Когда изъ древняго славянскаго сдѣлался новый русскій языкъ, и пр.? Есть еще слѣды, что русскій и польскій языки нѣкогда были *гораздо сходнѣе* между собою, нежели теперь; даже будто въ Богеміи нашлись древнія книги, писанныя по-славянски; но еще никто этого не изыскивалъ“ [1]). Это и поставила вскорѣ своей задачей славянская филологія.

Дальше Шлёцеръ развиваетъ этотъ вопросъ, если не рѣшая его, то указывая различныя его стороны, которыя впослѣдствіи стали предметомъ филологическихъ розысковъ, а именно, во-первыхъ, вопросъ о родинѣ этого языка. „Само собою разумѣется, — говоритъ онъ, — что въ то время, когда сдѣланъ былъ теперешній славянскій переводъ библіи, должны были *говорить* этимъ древнимъ славянскимъ языкомъ; но *гдѣ* онъ употреблялся? Неоспоримо, что Кириллъ сдѣлалъ первый переводъ въ срединѣ IX-го столѣтія, и сдѣлалъ его именно для моравовъ и болгаръ (почему принесенный завоевателями съ Волги древній болгарскій языкъ никогда не могъ у послѣднихъ сдѣлаться языкомъ народа, хотя завоеваннаго, но числомъ превосходившаго своихъ завоевателей), для чего, еще въ IX столѣтіи, библейскій древній славянскій языкъ и долженъ былъ быть общимъ *народнымъ* языкомъ въ Моравіи и Болгаріи. Но никто не можетъ утвердить, чтобы *первый Кирилловскій* переводъ былъ точно тотъ, который теперь мы называемъ славянскимъ переводомъ русской библіи. Еще никому неизвѣстно, какъ и откуда взяли русскіе эту библію [2]). Первѣйшіе острожскіе издатели ея (1581 г.) именно говорятъ, что переводъ, присланный имъ изъ Москвы, *сдѣланъ* былъ при Владимірѣ Великомъ, слѣдственно слишкомъ сто лѣтъ послѣ Кирилла. Можно ли же теперь вообразить, чтобы еще въ 1000 г. при Владимірѣ, даже и въ 1100 г., когда писалъ Несторъ, языкъ переводчика библіи и лѣтописателя былъ общимъ народнымъ языкомъ, а нынѣшній русскій будто образовался только впослѣдствіи времени? Безъ насильственныхъ перемѣнъ (которыхъ здѣсь не было) никакой языкъ не перемѣняется въ 500 лѣтъ такъ, какъ теперь древній славянскій различается отъ новаго русскаго.

„Теперь же до дальнѣйшаго изслѣдованія утверждаю я только то, что этимъ *древнимъ* славянскимъ языкомъ нигдѣ болѣе *не говорятъ*, а остался онъ только языкомъ *книжнымъ*, какъ еврей-

[1]) Шлёцеръ ссылается при этомъ на Добнера, въ примѣчаніяхъ къ Гайку, III, 825; Acta Borussica, II, 74, и Гартknоха, De lingua Prussica, diss. V.

[2]) Шлёцеръ ссылается здѣсь на книгу Коля.

скій, греческій и латинскій. Онъ еще существуетъ только въ *письменныхъ* памятникахъ, имѣющихъ 700, можетъ быть, 800 (или даже 900?) лѣтъ. И честь сохраненія его принадлежитъ исключительно *русскимъ*".

По тогдашнимъ весьма скуднымъ свѣденіямъ о средне-вѣковой литературѣ Шлёцеръ думалъ, что „изъ всѣхъ новѣйшихъ народовъ нашей части земли, русскіе начали *первые* обрабатывать языкъ свой", и изъ славянъ они одни вели лѣтописи на своемъ языкѣ. Онъ полагаетъ, что славянскій языкъ былъ образованъ по греческой грамматикѣ, и греческому языку обязанъ частью своего богатства и своего величія... Что другіе славяне не писали лѣтописей на своемъ языкѣ (хотя чехи начали писать ихъ раньше), Шлёцеръ считаетъ это „однимъ изъ бѣдственнѣйшихъ слѣдствій римскаго *гильдебрандизма*": онъ навязывалъ народамъ, получившимъ отъ него крещеніе, для богослуженія латинскій языкъ, „который у полу-варваровъ превратился въ тарабарскій". Счастливѣе въ этомъ отношеніи были русскіе и другіе славяне, которые „были въ связи съ болѣе разсудительными цареградскими главами духовенства".

По мнѣнію Шлёцера, кто знаетъ ученымъ образомъ хоть одно изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, тотъ легко можетъ научиться древнему славянскому языку, но все-таки, по его разсчету, надо учиться мѣсяца два. Этотъ языкъ имѣетъ свои формы, которыя замѣтно отличаются отъ всѣхъ новѣйшихъ нарѣчій, и множество словъ и оборотовъ, ему одному свойственныхъ. „Еще лѣтъ за сорокъ передъ этимъ,—говоритъ Шлёцеръ, разумѣя то время, когда самъ онъ началъ изучать русскій и славянскій языкъ,—совершенно не было никакихъ средствъ учиться этому умершему книжному языку, не было ничего, кромѣ часто перепечатываемой, на славянскомъ же языкѣ писанной *грамматики* (у меня есть московское изданіе ея 1721), а собственно *словарей* тогда еще совсѣмъ не было". Упомянутая здѣсь грамматика было новое изданіе стараго Мелетія Смотрицкаго. Впослѣдствіи,—замѣчаетъ онъ,—этотъ недостатокъ частью исправленъ. Шлёцеръ могъ назвать церковный словарь Петра Алексѣева (1773), краткій славянскій словарь и грамматику (1784) и, наконецъ, большой словарь Россійской Академіи, гдѣ помѣщено много словъ церковно-славянскихъ. Это былъ весь филологическій запасъ, которымъ могъ пользоваться ученый изслѣдователь наканунѣ XIX столѣтія.

Шлёцеръ заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ, которое стало элементарнымъ для позднѣйшей филологіи: „Когда же сла-

вянская словесность будетъ имѣть человѣка, подобнаго Вахтеру или Ире [1]), который сравнилъ бы всѣ славянскія нарѣчія между собою и съ общимъ ихъ корнемъ? Въ иномъ нарѣчіи нашелъ бы онъ употребительными такія слова, которыя въ другихъ бываютъ непонятными странностями; въ иномъ нашелъ бы онъ правиломъ то, что въ другихъ бываетъ только исключеніемъ. За этотъ важный трудъ и теперь бы уже можно было приняться; ибо у насъ есть очень хорошіе грамматики и словари всѣхъ славянскихъ нарѣчій, выключая *болгарскаго*" [2]).

Шлёцеръ стоитъ на рубежѣ двухъ вѣковъ; его фактическія свѣденія о славянствѣ и славянскомъ языкѣ еще скудны, но онъ имѣетъ уже вѣрныя историческія догадки и, негодуя на отсталость и невѣжество русской исторіографіи, указываетъ путь научной критики. XIX-е столѣтіе начинаетъ еще неувѣренно, идетъ ощупью, несвободно отъ грубыхъ ошибокъ XVIII-го вѣка, но уже вскорѣ наступаетъ нѣчто иное. Въ первой четверти XIX-го вѣка полагаются первыя прочныя основы истинно-научнаго изслѣдованія славянской древности и языка; во второй четверти возникаетъ настоящее славяновѣденіе: то и другое совершается русскими силами, занимающими высокое мѣсто въ исторіи цѣлой русской науки.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Іоганнъ-Георгъ Вахтеръ (1673—1757)—въ свое время знаменитый нѣмецкій филологъ, составившій „Glossarium Germanicum"; Ире (Ihre)—ученый шведъ прошлаго вѣка, составившій „Glossarium Sveo-Gothicum", который послѣ Шлёцера много цитировался нашими учеными по поводу варяжскаго вопроса.

[2]) Несторъ, т. I, Введеніе, отд. III, § 18, „языкъ"; § 19, „разнословія".

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Ни день, ни ночь. Угрюмою толпою,
Богъ вѣсть куда, несутся облака;
Туманъ и мракъ раскинутъ надъ землею
И вздулася сердитою волною
Свинцовая рѣка;
Послѣдній листъ едва дрожитъ на вѣткѣ;
Увялъ шіонъ и облетѣлъ левкой,
И только хмель, бѣгущій вдоль бесѣдки,
Все такъ же свѣжъ, какъ лѣтнею порой;
И только скорбь, что съ первыми цвѣтами
Въ моей душѣ нежданно родилась,—
Еще хранитъ таинственную связь
Съ недавно прожитыми днями.

II.

Люблю я тишь полей, когда луны лучами
Сплошь залиты они, какъ лавой серебра,
И средь простора ихъ едва краснѣетъ пламя
Вечерняго костра.

Все, что̀ умчалось вдаль неудержимо быстро,
На мигъ въ моей душѣ вдругъ оживаетъ вновь,
И вспыхиваетъ въ ней забытая любовь—
Вечерняго костра пурпуровая искра.

К. Медвѣдскій.

1888 г.

ЗДРАВЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ

— *Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина,* заслуженнаго профессора, д-ра правъ, по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. I. Спб. 1889 г.

Въ предисловіи къ первому тому лекцій по исторіи философіи права нашъ маститый профессоръ разсказываетъ, между прочимъ, что, посѣтивъ лѣтъ тридцать тому назадъ, проѣздомъ черезъ Берлинъ, своего знаменитаго учителя Савиньи, достигшаго уже восьмидесятилѣтняго возраста, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: намѣренъ ли Савиньи продолжать изданіе своего классическаго сочиненія „System des heutigen römischen Rechts“, прерваннаго имъ въ 1853 году?

Не Савиньи отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а его жена, „очень умная, живая старушка“, сказавъ П. Г. Рѣдкину, что она отняла у мужа бумагу, перья и чернила, чтобы онъ не вздумалъ заниматься продолженіемъ своего труда, и прибавила: „jetzt kann er nur lauter Dummeszeug schreiben“.

Нынѣ послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома лекцій профессора Рѣдкина можно только пожалѣть, что та „умная, живая старушка“ помѣшала своему геніальному мужу продолжать начатое имъ изданіе. Книга пр. Рѣдкина, которому, по его собственнымъ словамъ, 9-го октября 1888 г. исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, блистательно доказываетъ, что и старость не властна надъ глубокимъ умомъ, надъ рѣдкимъ образованіемъ, отзывчивымъ сердцемъ, какими обладаетъ вполнѣ авторъ лежащаго передъ нами труда—этого богатаго вклада въ нашу сравнительно небогатую юридическую литературу.

Лекціи пр. Рѣдкина, особенно когда появятся въ свѣтъ по-

слѣдующіе томы, вызовутъ несомнѣнно подробную оцѣнку. Въ настоящее время мы желаемъ только по поводу перваго тома привѣтствовать появленіе труда заслуженнаго профессора и въ нѣсколькихъ словахъ указать на его значеніе.

Вышедшій недавно первый томъ „Изъ лекцій по исторіи философіи права", съ одной стороны, можетъ быть разсматриваемъ какъ горячій протестъ противъ попытки унизить великое назначеніе профессора, набрасывая на него узду заранѣе составленной и тщательно профильтрированной программы, съ другой— онъ можетъ служить драгоцѣннымъ назиданіемъ для профессоровъ новой формаціи.

Въ первомъ томѣ напечатаны пятнадцать вступительныхъ лекцій, читанныхъ профессоромъ съ 1863 г. по 1877 годъ, пять главъ изъ введенія въ исторію философіи права и первый отдѣлъ лекцій по исторіи древней философіи права.

Мы нисколько не удивляемся, что пользовавшійся такою громкою извѣстностью, такимъ уваженіемъ и любовью своихъ слушателей профессоръ собралъ во-едино пятнадцать вступительныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ теченіе пятнадцатилѣтняго своего служенія въ петербургскомъ университетѣ. Вступительная лекція— это, по преимуществу, profession de foi профессора, въ которой съ особенною яркостью сказывается отношеніе профессора къ преподаваемой имъ отрасли науки, отношеніе его къ слушателямъ, отношеніе къ своей новой задачѣ—направлять, руководить молодые умы, вдохновлять ихъ къ труду, воспитывать ихъ въ идеѣ правды и справедливости.

Профессоръ Рѣдкинъ, стоя на высотѣ своего призванія, прекрасно понималъ, что только искреннее слово, чуждое всякаго опасенія, всякаго страха быть заподозрѣннымъ въ развращеніи слушателей идеями, не отвѣчающими случайному въ данный моментъ настроенію, способно благотворно дѣйствовать на умъ и сердце. И онъ дѣйствительно говорилъ съ своею аудиторіею языкомъ независимаго мыслителя, о чемъ бы онъ ни говорилъ. Стѣсненіе профессора въ его программѣ не есть нѣчто новое, оригинальное, никогда прежде не существовавшее, и разсужденіе автора „Лекцій по исторіи философіи права" по поводу предписаній, какъ слѣдуетъ преподавать науку, хотя и относящееся ко времени до-университетскаго устава 1863 года, нисколько не утрачиваетъ своего интереса. Говоря о томъ, почему въ старомъ университетскомъ уставѣ вездѣ внесены были слова: „законы, законовѣденіе", вмѣсто: „право, правовѣденіе", пр. Рѣдкинъ замѣчаетъ: „подъ всѣми этими такъ-называемыми

науками о законахъ разумѣли собственно изложеніе однихъ русскихъ законовъ и притомъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно было изложено въ сводѣ законовъ... Даже—кто теперь повѣритъ?—было предположеніе устроить преподаваніе въ нашихъ университетахъ законовъ по своду такъ, чтобы во всѣхъ русскихъ университетахъ въ одинъ извѣстный день и часъ проходилось, т.-е. просто прочитывалось, изъ свода каждымъ преподавателемъ по своей части именно столько-то статей, безъ какого бы то ни было отступленія отъ порядка свода, безъ замѣчанія или даже фразы". Не ограничиваясь осужденіемъ подобныхъ порядковъ, профессоръ Рѣдкинъ говорилъ своимъ слушателямъ: „само собою разумѣется, что и тогда не рѣшились сдѣлать такого неслыханнаго плана обязательнымъ, хотя и нашлись преподаватели, готовые и въ этомъ случаѣ раболѣпно исполнять такой затѣянный втихомолку идеальный планъ юридическаго преподаванія".

Говоря о гоненіи, воздвигнутомъ прежнимъ уставомъ, существовавшимъ до 1863 года, противъ наукъ политическихъ, профессоръ указывалъ своимъ слушателямъ двѣ тому причины: „ложный страхъ и болѣе или менѣе вѣрное соглашеніе со всѣмъ прежнимъ направленіемъ нашей—не скажу общественной, но государственной, т.-е. правительственной жизни". Политическія науки казались опасными для спокойствія государства, такъ какъ употребленіе политическихъ знаній смѣшивали съ ихъ злоупотребленіемъ, а злоупотребленіе, по замѣчанію престарѣлаго ученаго, видѣли тамъ, гдѣ было только ихъ употребленіе. „Да и какое, въ самомъ дѣлѣ,—съ ироніей прибавляетъ авторъ,—можно было сдѣлать тогда употребленіе изъ своихъ политическихъ знаній, когда въ благоустройствѣ нашего государства не было ни малѣйшаго сомнѣнія, когда все, казалось, было въ совершенномъ порядкѣ, когда извнѣ смотрѣли на насъ со страхомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, чужеземныя правительства, завидуя прочности, твердости, непоколебимости нашихъ государственныхъ учрежденій, нашему могуществу, обилію нашихъ матеріальныхъ силъ; когда всякое малѣйшее участіе въ государственной дѣятельности обусловливалось чиновничествомъ, состояніемъ на государственной службѣ; когда правительственная централизація и бюрократія проникли не въ политическую только, но и въ гражданскую и даже въ семейную жизнь; когда огромное большинство народа лишено было всѣхъ почти личныхъ гражданскихъ правъ, а остальная часть, болѣе или менѣе привилегированная, отличалась не столько правами, сколько обязанностями. Въ такое время изученіе политическихъ наукъ казалось излишнимъ. Правительству нужны были только

юристы и администраторы, и притомъ такіе, которые выучили бы сводъ законовъ съ возможною подробностью, буква въ букву, а потомъ примѣняли бы законы также буква въ букву, состоя на той или другой судебной и административной должности; нужны были подданные, которые безсознательно повиновались бы существующимъ законамъ, не смѣя отговариваться ихъ невѣденіемъ; нужны были и такіе государственные мужи, которые могли бы засѣдать въ высшихъ правительственныхъ управленіяхъ и занимать высшія должности, будучи почти отъ рожденія, по своимъ связямъ, посвященными во всѣ тайны государственнаго законодательства и управленія, или же долгою механическою рутиною, которую величали опытностью, пріобрѣли бы практически такъ-называемыя спеціальныя свѣденія въ томъ или другомъ родѣ, въ качествѣ чиновниковъ-тружениковъ, чернорабочихъ".

Безъ правдиваго отношенія ко всѣмъ вопросамъ, попадавшимся на пути его лекцій, авторъ „Философіи права" вообще не понималъ науки. Наука, въ его представленіи, должна быть такъ же самостоятельна, какъ самостоятельна сама истина; наука не должна находиться въ зависимости отъ какихъ-либо постороннихъ внѣшнихъ цѣлей, предубѣжденій или предразсудковъ, она должна быть безстрастна и не останавливаться ни передъ какими своими выводами, результатами; она должна отстаивать каждую истину, „хотя бы еще неприложимую въ жизни въ настоящее время, въ томъ убѣжденіи, что истина, какъ разумное, рано или поздно осуществится, что по нашей народной пословицѣ „все минётся, одна правда остается"...".

Авторъ „Лекцій по философіи права" не стремился, впрочемъ, къ тому, чтобы молодые его слушатели принимали безпрекословно, на вѣру, все то, что онъ излагалъ имъ; онъ самъ развивалъ въ своихъ слушателяхъ самостоятельное сужденіе, не тревожился критикою и не желалъ прикрываться своимъ авторитетомъ профессора и ученаго. „Судите меня,—говоритъ онъ,—на то я сюда и пришелъ, какъ лицо публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самого дѣла, какъ профессоръ университета, того высшаго ученаго и учебнаго учрежденія, гдѣ замолкаютъ авторитеты и начинаетъ говорить сама истина". Онъ хорошо зналъ, что развитію самостоятельной мысли вѣчно сопутствуютъ и духъ сомнѣнія, и духъ отрицанія, и онъ вовсе не стремился подавлять его въ своихъ молодыхъ слушателяхъ, увѣренный, что истинно-научное образованіе доставитъ имъ всегда возможное примиреніе съ вѣчно тревожащими вопросами.

Государство, по мнѣнію престарѣлаго ученаго, такъ много

пережившаго и такъ много передумавшаго, посягаетъ на собственное свое величіе, на собственное свое могущество, когда оно искусственными плотинами сдерживаетъ широкій разливъ университетскаго образованія, такъ какъ исторія блистательно подтверждаетъ справедливость изреченія Бэкона: scientia et potentia in idem coincident. И авторъ „Лекцій изъ философіи права“ приводитъ въ примѣръ Пруссію въ доказательство непогрѣшимости англійскаго афоризма: Knowlege is power! знаніе—сила! Послѣ Наполеоновскаго погрома прусское правительство стало учреждать и улучшать учительскія семинаріи, народныя школы, гимназіи, университеты, и „посѣянныя сѣмена взросли и дали нынѣ плодъ сторицею“, доставляя побѣду государству, наиболѣе сдѣлавшему для развитія образованія. „Нынѣ стало, — прибавляетъ г. Рѣдкинъ,—наконецъ очевиднымъ для всѣхъ, кромѣ лишь близорукихъ политиковъ, что то государство возвысится въ могуществѣ надъ остальными, которое возвысится въ образованности, въ знаніи, наукѣ“.

Не мало такихъ „близорукихъ политиковъ“ видѣли мы въ послѣднее время въ образѣ тѣхъ или другихъ публицистовъ, метавшихъ громы и молніи въ стѣны русскихъ университетовъ.

Профессоръ, съ энергіей и достоинствомъ отстаивающій свободу, самостоятельность университетской науки и независимость ея отъ внѣшнихъ, чуждыхъ наукѣ вліяній, возстаетъ, конечно, противъ учебныхъ заведеній, именуемыхъ лицеями, „гдѣ и матеріалъ, и характеръ обученія такъ неуловимы, что только оффиціально ставятся они въ параллель съ университетами, щедро одаренныя разными привилегіями, недоступными даже для университетовъ“.

Защищая университетъ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній и признавая въ университетскомъ образованіи, въ наукѣ, силу не только для отдѣльнаго частнаго лица, но силу для цѣлаго государства, авторъ „Лекцій по философіи права“ естественно не можетъ быть солидаренъ съ тѣмъ воззрѣніемъ, будто университетское образованіе—роскошь, что оно вовсе не должно быть доступно всѣмъ ищущимъ его, что оно должно составлять лишь удѣлъ избранныхъ, и въ концѣ концовъ чѣмъ меньше такихъ избранныхъ, тѣмъ спокойнѣе, тѣмъ безопаснѣе для государства. Грамотность, какъ справедливо указываетъ пр. Рѣдкинъ, есть только „первое необходимое условіе образованности, ключъ къ ней, ничѣмъ незамѣнимый, что бы тамъ ни говорили наши парадоксальные софисты. Но, съ другой стороны, достаютъ ключъ не для того, чтобы держать его у себя въ карманѣ; съ ключомъ, которымъ отпирается входъ въ зданіе, не останавливаются у двери, а отворяютъ ее, проникаютъ внутрь

самого зданія, гдѣ лежатъ громадныя сокровища, накопленныя въ продолженіе многихъ вѣковъ всѣмъ человѣчествомъ"...

Задача университетовъ вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы выпускать ученыхъ, а чтобы доставить обществу, государству развитыхъ, образованныхъ людей, способныхъ къ самостоятельному мышленію. Нельзя требовать, чтобы молодой человѣкъ въ четырехлѣтній университетскій періодъ превратился изъ школьника въ ученаго, но важно то, что человѣкъ, прошедшій черезъ горнило университетскаго образованія, получившій „ясное понятіе о значеніи и задачѣ науки", пріобрѣтаетъ научный методъ сужденія, которымъ онъ будетъ руководиться въ своей послѣдующей дѣятельности. „Сознаніе духовной самостоятельности, добытой собственными усиліями,—замѣчаетъ авторъ лежащаго передъ нами труда,—есть неоцѣнимое благо для человѣка. Почти все равно, какого бы предмета ни коснулось сперва то изученіе, которое привело бы къ такому результату; довольно уже того, что студентъ въ какомъ-либо малѣйшемъ пунктѣ пробьетъ, такъ сказать, крѣпость школьной зависимости; довольно того, что онъ испытаетъ свои силы и тѣ средства, съ помощью которыхъ съ этихъ поръ можетъ уже онъ приступить къ каждой новой проблемѣ, придти къ подобному же ея рѣшенію".

Высшее образованіе, дѣйствительно, тѣмъ и важно, что, научая человѣка самостоятельно мыслить, оно даетъ возможность человѣку, если ему присуще такое желаніе, быть полезнымъ слугою общества, въ какую бы сферу практической дѣятельности его ни закинула судьба. Оно научаетъ человѣка примѣнять научный методъ ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, ко всѣмъ возникающимъ въ общественной жизни вопросамъ. Каждый день даетъ намъ безчисленныя доказательства тому, какъ люди, берущіе на себя роль исполнителей общественныхъ дѣлъ, но не обладающіе для того необходимою самостоятельностью мышленія, попадаютъ въ просакъ въ своихъ сужденіяхъ о вопросахъ общественной жизни.

Не всякому, конечно, дано въ наглядной, блестящей, живой формѣ, захватывающей все вниманіе слушателей или читателей, прилагать научный методъ къ объясненію животрепещущихъ общественныхъ явленій. Но обладаніе этимъ методомъ необходимо для всякаго, желающаго разъяснять явленія общественной жизни; иначе—происходитъ то, чему мы такъ часто бываемъ свидѣтелями: публицистъ, напримѣръ, берущійся объяснять причины того или другого общественнаго явленія, попадаетъ въ безъисходный кругъ, въ которомъ ему волей-неволей остается только путаться.

Пр. Рѣдкинъ, поучая прежде своихъ слушателей, а теперь

и читателей, показываетъ наглядно, что нѣтъ такого общественнаго явленія, вопроса, къ которому бы неприложимъ былъ научный методъ. Наука для него не сухая матерія, она не можетъ и не должна чуждаться общественной жизни, и свободный отъ всякихъ стѣсненій, не связанный никакою программою, отъ которой профессоръ не могъ бы отступать, пр. Рѣдкинъ отзывается на всѣ общественныя явленія, ведетъ рѣчь съ своею аудиторіею обо всемъ, что волнуетъ въ извѣстный моментъ цѣлое общество, а слѣдовательно и болѣе впечатлительные молодые умы. Онъ пользуется каждымъ крупнымъ совершавшимся на его глазахъ событіемъ, чтобы освѣтить его надлежащимъ свѣтомъ науки и извлечь изъ него въ назиданіе то, что онъ признаетъ истиною, убѣжденный въ справедливости изреченія англійскаго поэта Попе: „the noblest studium of mankind is man".

Для того, чтобы показать, какой глубокій, проницательный взглядъ престарѣлый ученый бросалъ на происходившія на нашихъ глазахъ событія, стоитъ лишь остановиться, какъ на примѣрѣ, на двухъ-трехъ его лекціяхъ.

Роковая война между нѣмцами и французами въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держала въ самомъ напряженномъ состояніи весь почти цивилизованный міръ. Плѣненіе Наполеона III, паденіе имперіи, провозглашеніе республики—все это были такія событія, которыя не могли не волновать европейскія общества, но наибольшее впечатлѣніе событія могли производить на молодые умы. Приступая къ чтенію лекцій въ началѣ академическаго 1870-1871 года, профессоръ Рѣдкинъ хорошо понималъ, что именно занимаетъ, что наполняетъ въ данную минуту умъ и сердце его молодой аудиторіи, какіе вопросы неизбѣжно должны подниматься по поводу этихъ событій среди студенчества, и какъ важно, чтобы профессоръ своимъ словомъ помогъ разобраться въ этихъ вопросахъ и далъ молодежи свою оцѣнку совершающимся политическимъ событіямъ. „Въ то время,—говорилъ профессоръ,—когда вы собирались и собираетесь посвятить свою жизнь изученію права и служенію правдѣ и справедливости, въ одномъ изъ фокусовъ современной цивилизаціи совершались и совершаются такія событія, которыя могутъ заставить васъ призадуматься, возбудивъ невольное сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи иного права, кромѣ силы"... „Въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ онъ по поводу только-что совершившагося народнаго движенія, провозгласившаго республику,—не сила ли свергла съ престола того, кто силою же взошелъ на него, поработивъ своему личному произволу народъ, провозгласившій нѣкогда, во всеуслышаніе Европы, великіе

существовать вѣчная война между эгоизмами, и побѣда останется на сторонѣ того, кто съумѣетъ разсчитать всѣхъ лучше. Далѣе, —что будетъ происходить между индивидами, то же будетъ происходить и между народами — непрестанная война безъ всякой правды и справедливости. То же самое столкновеніе будетъ происходить, наконецъ, и между общественными классами. Постоянное возвращеніе къ войнѣ, миръ не менѣе безпокойный, какъ и война, поглощеніе всего народнаго общественнаго богатства на средства защиты, на приготовленіе къ войнѣ и веденіе ея— вотъ идеалъ философіи силы". Современное состояніе большинства европейскихъ государствъ съ ихъ политическою, экономическою, національною и религіозною борьбою съ достаточною убѣдительностью говоритъ, что начерченный пр. Рѣдкинымъ идеалъ философіи силы не такъ далекъ уже отъ своего осуществленія.

Съ такимъ господствомъ начала силы надъ правомъ, правдою и справедливостью, профессоръ Рѣдкинъ чрезвычайно удачно, по нашему мнѣнію, связываетъ распространеніе въ современномъ европейскомъ обществѣ пессимистическаго міровоззрѣнія. Въ пессимизмѣ онъ видитъ „естественное заключеніе философіи силы". Еслибы правда и справедливость не были подавлены силою во всѣхъ сферахъ общественной жизни, то едва ли возможно было появленіе, а тѣмъ болѣе такой быстрый ростъ пессимистической философіи. Въ жизни слишкомъ много привлекательнаго, радостнаго, чтобы одна неизбѣжность смерти могла породить отчаяніе, взывающее, къ счастью безплодно, къ самоуничтоженію. Возьмите философовъ пессимизма, прислушайтесь къ пѣснямъ мрачныхъ поэтовъ, вездѣ и во всемъ вы услышите одну жалобу, преисполненную горечи, одинъ укоръ, бросаемый міру:

. . . . Amoro e noia
La vita altro mai nulla; e fango è il mondo.

—какъ выразился извѣстный итальянскій поэтъ-пессимистъ Леопарди въ одномъ изъ самыхъ жгучихъ своихъ стихотвореній. А міръ обзываетъ онъ грязью потому, что изъ этого міра изгнали правду и справедливость, что всюду неограниченно царитъ грубая сила—это зло человѣчества. Философія, впрочемъ, не далеко ушла отъ поэтовъ. „Если вѣрить,—говоритъ пр. Рѣдкинъ,—двумъ знаменитѣйшимъ представителямъ современнаго пессимизма, Шопенгауэру и Гартману, то человѣчество переходило отъ одной иллюзіи къ другой; нынѣ отвергнута имъ уже и послѣдняя иллюзія —надежда на прогрессъ, кромѣ того единственно необманчиваго прогресса, который состоитъ въ возрастающемъ въ человѣчествѣ

сознаніи, что жизнь есть зло. Когда это ясно сознаетъ, наконецъ, все человѣчество, тогда актомъ единодушной воли оно уничтожитъ само себя; тѣмъ же ударомъ оно уничтожитъ міръ, уничтожитъ и божество. Такова будетъ, по ученію Гартмана, развязка всеобщей міровой трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ,—прибавляетъ пр. Рѣдкинъ,—это единственная развязка, которая была бы прилична убѣжденію, что сила есть все, а право—ничто. Міръ безъ права не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ обратить свою силу противъ самого себя и уничтожить самого себя. И такъ, послѣ различныхъ эволюцій, поднимаясь и падая непрестанно, то ученіе, которое поставляетъ силу своимъ единственнымъ объектомъ, предлагаетъ окончательно, какъ цѣль для цивилизаціи, варварство, для сознанія—безсознательное, для всякаго существованія—небытіе (Нирвана)". Весьма можетъ быть, что нѣкоторые изъ ученыхъ новой формаціи, измѣряющіе уваженіе къ человѣку количествомъ получаемыхъ имъ доходовъ, или усматривающіе въ наказаніи невиновныхъ, сопровождаемомъ вырываніемъ языка и тому подобными упражненіями, созидательную силу государства,—отнесутся къ защитѣ права пр. Рѣдкинымъ какъ къ неумѣстному идеализму. Несомнѣнно, отстаивать правду и справедливость передъ торжествующею силою —это идеализмъ, но идеализмъ трезвый, бодрящій, возвышающій духъ, укрѣпляющій человѣка на борьбу со всяческимъ зломъ въ предстоящей ему практической жизни, слишкомъ быстро научающей чтить поклоненіе силѣ и успѣху, какъ какую-то одиннадцатую заповѣдь.

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ слова, которыми профессоръ стараго времени напутствовалъ слушавшую его аудиторію, завѣщая ей навсегда оставаться вѣрнымъ слугою правдѣ и справедливости, и всегда и вездѣ быть готовой для борьбы со зломъ и насиліемъ: „чѣмъ болѣе въ наше время—говорилъ онъ—теорія и практика грозятъ подавить право, правду и справедливость отождествленіемъ ихъ съ силою или, по крайней мѣрѣ, отдавая первенство силѣ надъ правомъ,—тѣмъ болѣе мы, юристы, должны стоять за право, защищать его отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни происходило, какъ бы оно ни было велико, могущественно, и въ какой бы формѣ оно ни проявлялось".

Е. О.

ЧЕРНАЯ СТРѢЛА

Историческая повѣсть, соч. Роберта Стивенсона.

Съ англійскаго.

КНИГА ВТОРАЯ *).

Моотъ-Гаузъ.

I.

Дикъ задаетъ вопросы.

Моотъ-Гаузъ стоялъ неподалеку отъ крутой лѣсной тропы. По наружному виду то былъ массивный прямоугольникъ изъ краснаго камня, обнесенный стѣной съ крутой башней, съ бойницами по угламъ. Внутри находился тѣсный дворъ. Ровъ былъ футовъ въ двѣнадцать ширины, и черезъ него перекинутъ подъемный мостъ. Ровъ наполнялся водой изъ канавы, которая вела къ лѣсному озерку, и огибалъ весь четыреугольникъ отъ одной башни до другой. Только одно или два высокихъ и толстыхъ дерева, росшихъ въ разстояніи полета стрѣлы отъ стѣнъ, не были срублены,—вообще же замокъ занималъ очень выгодную для обороны позицію.

Во дворѣ Дикъ нашелъ часть гарнизона занятою приготовленіемъ къ оборонѣ и мрачно обсуждавшею шансы осады. Иные дѣлали стрѣлы; другіе оттачивали сабли, долго не бывшія въ употребленіи; но и за работой воины покачивали головою.

---

*) См. выше: май, 237 стр.

Двѣнадцать человѣкъ изъ отряда сэра Даніэля спаслись отъ смерти, пробрались сквозь лѣсъ и вернулись живые въ Моотъ-Гаузъ. Но изъ этихъ двѣнадцати человѣкъ трое были тяжело ранены: двое въ Ройзингемѣ во время безпорядочнаго бѣгства, а одинъ—стрѣлкомъ Джона Мстителя—въ то время, какъ перебѣгалъ черезъ лѣсъ. Такимъ образомъ, гарнизонъ, включая Гатча, сэра Даніэля и юнаго Шельтона, насчитывалъ двадцать-два человѣка годныхъ къ бою. Ожидали прибытія новыхъ силъ, а потому опасность заключалась не въ недостаткѣ воиновъ.

Боязнь черной стрѣлы удручала духъ гарнизона. Открытые же враги изъ партіи Іорка, въ тѣ неустойчивыя времена, не особенно озабочивали. „Міръ можетъ снова перемѣниться", какъ выражались въ ту эпоху, прежде нежели придетъ бѣда. Но передъ лѣсными сосѣдями всѣ трепетали. Не одинъ только сэръ Даніэль возбуждалъ ненависть. Его люди, въ сознаніи безнаказанности, жестоко вели себя во всемъ краю. Свирѣпые приказы выполнялись со свирѣпостью; и изъ числа небольшой банды, которая теперь бесѣдовала во дворѣ, не было ни одного, который бы не провинился въ какомъ-нибудь угнетеніи или варварскомъ поступкѣ.

И вотъ теперь, въ силу измѣнчиваго военнаго счастія, сэръ Даніэль былъ безсиленъ защищать своихъ клевретовъ. Благодаря исходу битвы, въ которой не всѣ присутствующіе участвовали, всѣ они стали, однако, государственными преступниками, людьми внѣ закона, изгоями, укрывшимися въ жалкой крѣпости, на которую нельзя было положиться какъ на неприступную твердыню, и имъ со всѣхъ сторонъ грозила справедливая месть обиженныхъ ими людей. Не было также недостатка и въ зловѣщихъ предостереженіяхъ насчетъ того, чего имъ слѣдуетъ ожидать.

Въ теченіе вечера и ночью не менѣе семи коней безъ всадниковъ прискакали съ испуганнымъ ржаніемъ къ воротамъ. Два коня были изъ отряда Сельдена; пять принадлежали людямъ, выѣхавшимъ въ поле вмѣстѣ съ сэромъ Даніэлемъ. Наконецъ, незадолго до разсвѣта прибрелъ копьеносецъ, пронзенный тремя стрѣлами, и пока его переносили въ крѣпость, онъ отдалъ душу Богу; но изъ его предсмертныхъ словъ можно было заключить, что онъ—послѣдній оставшійся въ живыхъ изъ значительнаго отряда людей.

Самъ Гатчъ выражалъ тревогу на загорѣломъ, но поблѣднѣвшемъ лицѣ, и когда онъ отвелъ Дика въ сторону и узналъ отъ него о судьбѣ Сельдена, то упалъ на каменную скамью и горько зарыдалъ. Другіе, сидѣвшіе на скамьяхъ или же на каменныхъ ступенькахъ въ томъ уголку двора, который озарялся солнцемъ,

глядѣли на него съ удивленіемъ и тревогой, но никто не осмѣлился спросить о причинѣ такого волненія.

— Ну что, мастэръ Шельтонъ,—сказалъ Гатчъ, наконецъ:— ну что я вамъ говорилъ? Мы всѣ поочередно будемъ перебиты. Сельденъ былъ мнѣ точно родной братъ. Ну, вотъ теперь и его не стало; а затѣмъ и насъ всѣхъ перебьютъ по очереди! Вѣдь что сказано въ ихъ разбойнической пѣснѣ? „Пустилъ черную стрѣлу въ каждое черное сердце"! Ну, такъ вотъ и выходитъ. Сначала Апплэйярдъ, затѣмъ Сельденъ, Смитъ, старикъ Гумфри, а вонъ тамъ лежитъ бѣдный Джонъ Картеръ и молитъ, бѣдный грѣшникъ, чтобы призвали къ нему патера.

Дикъ прислушался. Изъ низкаго окна, рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они говорили, до ихъ слуха доносились стоны.

— Онъ тутъ лежитъ?—спросилъ Дикъ.

— Да, въ передней горницѣ, — отвѣчалъ Гатчъ. — Мы не могли унести его подальше, онъ такъ былъ плохъ; съ каждымъ шагомъ мы думали—онъ отдастъ Богу душу. Но теперь, думаю, у него главнымъ образомъ душа болитъ. Онъ безпрерывно зоветъ патера, а сэръ Оливеръ, не знаю почему, не приходитъ. Будетъ и съ нимъ должно быть то же, что и съ бѣднымъ Апплэйярдомъ и Сельденомъ; умретъ безъ покаянія.

Дикъ наклонился къ окну и заглянулъ въ горницу. Покой былъ низокъ и теменъ, но онъ могъ различить раненаго воина, стонавшаго на своемъ одрѣ.

— Картеръ, бѣдняга, что съ тобой?—спросилъ Дикъ.

— Мастэръ Шельтонъ,—отвѣчалъ человѣкъ взволнованнымъ голосомъ, — ради самого Неба, приведите патера! Увы! я пропалъ! меня ранили смертельно; вы меня не спасете, но вы можете спасти мою душу, и я умоляю васъ о томъ, какъ добраго христіанина: у меня на душѣ грѣхъ, который мнѣ нельзя унести съ собой въ могилу.

Онъ застоналъ, и Дикъ слышалъ, какъ онъ заскрипѣлъ зубами отъ боли или отъ страха.

Какъ разъ въ эту минуту сэръ Даніэль показался на порогѣ сѣней. Онъ держалъ письмо въ рукѣ.

— Друзья, — сказалъ онъ, — насъ расколотили, отрицать этого нельзя. Генриху Пятому не повезло. А потому отряхнемъ и мы его прахъ отъ ногъ. У меня есть пріятель, который на сторонѣ герцога, лордъ Уэнслейдель. Ну, вотъ я и написалъ письмо моему пріятелю, прося его лордство о защитѣ и предлагая широкое удовлетвореніе за прошлое и разумную гарантію за будущее. Не сомнѣваюсь, что онъ склонитъ благосклонный

слухъ. Но просьба безъ дара—все равно что пѣсня безъ музыки: я осыпалъ его обѣщаніями, не поскупился на обѣщанія... Но зачѣмъ же, однако, остановка? Остановка за великимъ дѣломъ—и не скрою отъ васъ—труднымъ дѣломъ: за гонцемъ, который бы доставилъ письмо. Лѣсъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, кишитъ нашими недругами. Спѣшить необходимо, но безъ хитрости и осмотрительности все пропало. Кто изъ васъ свезетъ это письмо лорду Уэнслейделю и привезетъ мнѣ отвѣтъ?

Одинъ изъ присутствовавшихъ тотчасъ же поднялся на ноги.

— Я свезу, если вамъ угодно, — сказалъ онъ. — Я готовъ жертвовать для васъ шкурой.

— Нѣтъ, Дикки Бауэръ, я не согласенъ, — отвѣтилъ рыцарь.—Ты не годишься для этого дѣла. Ты, пожалуй, и хитеръ, да непроворенъ, ты всегда былъ мямля.

— А если такъ, сэръ Даніэль, то возьмите меня!—закричалъ другой.

— Упаси Боже!—сказалъ рыцарь.—Ты проворенъ, да нехитеръ. Ты прямехонько угодишь въ лагерь Джона Мстителя. Благодарю васъ обоихъ за храбрость, но вы мнѣ не годитесь.

Тутъ Гатчъ предложилъ свои услуги, но онѣ также были отвергнуты.

— Ты мнѣ и здѣсь нуженъ, добрый Беннетъ,—отвѣчалъ рыцарь:—ты моя правая рука!—И такъ какъ нѣсколько человѣкъ подошло къ рыцарю, то сэръ Даніэль выбралъ, наконецъ, изъ нихъ одного и далъ ему письмо.

— А теперь,—сказалъ онъ,—мы всѣ въ зависимости отъ твоего проворства и ловкости. Привези мнѣ хорошій отвѣтъ, и не пройдетъ трехъ недѣль, какъ я очищу мой лѣсъ отъ всѣхъ этихъ бродягъ, которые дерзаютъ смѣяться намъ въ глаза. Но замѣть, Трогмортонъ, дѣло не легкое. Ты долженъ ѣхать крадучись подъ покровомъ ночи и умѣть хорониться какъ лисица, а ужъ какъ ты переберешься черезъ Тиль, я и не знаю, потому что тебѣ нельзя ѣхать ни черезъ мостъ, ни на паромѣ.

— Я переберусь вплавь,—отвѣтилъ Трогмортонъ.—Останусь цѣлъ, будьте спокойны.

— Ну хорошо, другъ, а теперь пойдемъ въ столовую, и тамъ ты прежде всего будешь плавать въ черномъ пивѣ.

Съ этими словами сэръ Даніэль пошелъ обратно въ сѣни.

— У сэра Даніэля мудрый языкъ,—сказалъ Гатчъ, отводя Дика къ сторонѣ. Вотъ хоть бы взять теперь: менѣе умный человѣкъ сталъ бы хвалиться, а онъ всю правду выложилъ своимъ подчиненнымъ. И все это съ шуткой да съ прибауткой.

Нѣтъ, клянусь святой Варварой, онъ прирожденный военачальникъ! И какъ онъ пріободрилъ людей! Поглядите, какъ они ретиво принялись за дѣло!

Эта похвала сэру Даніэлю возбудила одну мысль въ головѣ юноши.

— Беннетъ,—сказалъ онъ:—какъ приключилась смерть моему отцу?

— Не спрашивайте меня объ этомъ; я тутъ не при чемъ и ничего не знаю; да и знать не хочу. Видите ли, мастэръ Дикъ: по моему, человѣкъ можетъ говорить только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ, а не повторять слухи или сплетни. Спросите лучше сэра Оливера или Картера, но не меня.

И Гатчъ пошелъ разставлять часовыхъ, оставивъ Дика въ задумчивости.

„Почему онъ не хочетъ мнѣ сказать? — думалъ юноша.— И почему онъ назвалъ Картера? Можетъ быть, Картеръ былъ при этомъ?“

Онъ вошелъ въ домъ и, пройдя по сводчатому корридору, подошелъ къ двери покоя, гдѣ лежалъ раненый и стоналъ. При видѣ его Картеръ оживился.

— Вы привели патера?

— Нѣтъ еще пока. Мнѣ надо сначала поговорить съ тобой. Какимъ образомъ приключилась смерть моему отцу, Гарри Шельтону?

Лицо раненаго измѣнилось.

— Не знаю,—угрюмо отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, ты хорошо знаешь; не пытайся обмануть меня.

— Говорю вамъ, что не знаю.

— Если такъ, то умирай безъ покаянія. Я отсюда не уйду и патера къ тебѣ не пущу. Какой толкъ въ исповѣди, если ты не хочешь покаяться во грѣхахъ! Безъ покаянія исповѣдь будетъ одно кощунство.

— Вы сами не знаете, что говорите, мастэръ Дикъ,—сдержанно проговорилъ Картеръ.—Грозить умирающему дурно и вамъ совсѣмъ не пристало, сказать по правдѣ. Не къ чести вамъ тутъ стоять, да и толку не будетъ никакого, даю вамъ слово. Хоть и сгубите мою душу, а все же ничего не узнаете. Вотъ вамъ мое послѣднее слово.

И раненый перевернулся на другой бокъ.

Дикъ пригрозилъ ему, говоря правду, необдуманно, и теперь стыдился этого. Однако, попробовалъ настоять на своемъ.

— Картеръ,—сказалъ онъ,—пойми меня: я знаю, что ты

былъ только орудіемъ въ чужихъ рукахъ; оруженосецъ долженъ повиноваться рыцарю; я бы и не сталъ съ него строго взыскивать. Но до меня со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи, что на мнѣ лежитъ долгъ отомстить за отца. Прошу тебя, добрый Картеръ, забудь о моихъ угрозахъ и помоги мнѣ по доброй волѣ и для облегченія души.

Раненый лежалъ молча; и Дикъ не могъ больше добиться отъ него ни единаго слова.

— Хорошо, — сказалъ онъ: — я пойду и позову патера, какъ ты просилъ.

Но и тутъ старый солдатъ не проронилъ ни звука; даже стонать пересталъ. И Дикъ, выходя изъ покоя, подивился ему и не могъ внутренно не похвалить такой преданности лорду.

„И однако, — думалъ онъ, — какой толкъ въ мужествѣ, когда нѣтъ ума! Будь его руки чисты, онъ бы заговорилъ; его молчаніе громче выдаетъ его тайну, чѣмъ слова. Да, со всѣхъ сторонъ тѣснятся доказательства, что сэръ Даніэль, самъ или его люди, сдѣлали злое дѣло“.

Дикъ остановился въ каменномъ корридорѣ съ тяжелымъ сердцемъ. Въ этотъ часъ, когда счастіе измѣнило сэру Даніэлю, когда онъ былъ осажденъ стрѣльцами черной стрѣлы и находился подъ опалой побѣдителей іоркистовъ, неужели же и Дикъ возстанетъ на человѣка, воспитавшаго его и хотя строго паказывавшаго, но и неизмѣнно охранявшаго его ребенкомъ? необходимость обратиться противъ него — если такая окажется — будетъ жестокой.

— Дай Богъ, чтобы онъ былъ невиновенъ! — сказалъ онъ.

Но тутъ послышались шаги, и сэръ Оливеръ съ озабоченнымъ лицомъ подошелъ къ юношѣ.

— Есть тутъ одинъ человѣкъ, который страстно желаетъ васъ видѣть, — сказалъ Дикъ.

— Я иду къ нему, добрый Ричардъ, — отвѣчалъ патеръ. — Это бѣдный Картеръ. Увы! онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

— Но душа его еще больнѣе, чѣмъ тѣло, — проговорилъ Дикъ.

— Ты видѣлъ его? — вздрогнулъ сэръ Оливеръ.

— Я сейчасъ отъ него.

— Что онъ сказалъ... что онъ сказалъ? — съ необыкновенной поспѣшностью спросилъ патеръ.

— Онъ только жалобно зоветъ васъ, сэръ Оливеръ. Если хотите поспѣть во-время, торопитесь; онъ раненъ на смерть.

— Иду, иду! — былъ отвѣтъ. — Что жъ дѣлать, всѣ мы грѣшники, и всѣмъ намъ придется умереть, добрый Ричардъ.

— Да, сэръ; и добро тѣмъ, у кого нѣтъ преступленія на душѣ.

Патеръ опустилъ глаза и съ невнятнымъ благословеніемъ пошелъ дальше.

„И онъ также! — подумалъ Дикъ: — онъ, который училъ меня набожности! Нѣтъ, чтожъ это, однако, за свѣтъ, гдѣ всѣ мои воспитатели повинны въ смерти моего отца! Мщеніе! Увы, какая горькая моя судьба, если я долженъ мстить своимъ друзьямъ!"

Эта мысль привела ему на память Матчама. Онъ улыбнулся при воспоминаніи о своемъ странномъ дорожномъ спутникѣ и затѣмъ подивился, гдѣ бы онъ могъ быть. Съ самой той минуты, какъ они переступили за порогъ замка, младшій подростокъ исчезъ и больше не показывался; Дику уже становилось по немъ скучно.

Часъ спустя послѣ того какъ месса была нѣсколько торопливо отслужена сэромъ Оливеромъ, компанія собралась въ столовой обѣдать. То былъ длинный, низкій покой, полъ въ немъ былъ устланъ зеленымъ тростникомъ, а стѣны увѣшены вышитыми коврами съ изображеніемъ кровавыхъ сценъ войны и охоты; тамъ и сямъ висѣли самострѣлы, длинныя копья и щиты; огонь горѣлъ въ громадномъ каминѣ; вдоль стѣнъ стояли лавки, покрытыя вышитыми коврами, а по срединѣ накрытый столъ, дожидавшійся гостей. Но ни сэръ Даніэль, ни его лэди не появлялись. Самъ сэръ Оливеръ отсутствовалъ, а о Матчамѣ не было ни слуху, ни духу. Дика начинала разбирать тревога, и ему припоминались печальныя предчувствія его спутника; онъ сталъ уже думать, не случилось ли съ нимъ бѣды въ этомъ домѣ.

Послѣ обѣда онъ отыскалъ Гуди Гатчъ, которая спѣшила къ лэди Брэкли.

— Гуди,—сказалъ онъ:—гдѣ мастэръ Матчамъ, скажи пожалуйста? Я видѣлъ, какъ ты вошла въ домъ вмѣстѣ съ нимъ, когда мы пришли.

Старуха громко засмѣялась.

— Ахъ, мастэръ Дикъ!—сказала она:—у васъ очень зоркіе глаза, нечего сказать.

И опять засмѣялась.

— Да гдѣ же онъ?—настаивалъ Дикъ.

— Вы его больше никогда не увидите,—отвѣчала она:—никогда! въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— А я думаю наоборотъ, и докажу это. Онъ пришелъ сюда не по доброй волѣ; я его единственный защитникъ, и не хочу, чтобы его обижали. Да и слишкомъ много секретовъ въ этомъ домѣ. Это мнѣ, наконецъ, надоѣло!

Но въ то время, какъ Дикъ говорилъ это, чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо. То былъ Беннетъ Гатчъ, не-

замѣтно подошедшій къ нему. Движеніемъ пальца онъ указалъ женѣ на дверь. Когда та ушла, онъ сказалъ:

— Дикъ, дружище, что ты съ ума сошелъ, что ли? Если ты станешь докапываться до всего, то лучше бы тебѣ лежать на днѣ морскомъ, нежели находиться здѣсь, въ Моотъ-Гаузѣ. Ты разспрашивалъ меня, приставалъ къ Картеру, напугалъ намеками патера. Веди себя умнѣе, глупый человѣкъ; и даже въ эту минуту, когда тебя зоветъ сэръ Даніэль, смотри веселѣе, если жизнь тебѣ дорога. Тебя подвергнутъ крѣпкому допросу,— отвѣчай какъ можно осмотрительнѣе.

— Гатчъ,—сказалъ Дикъ:—все это отзывается нечистою совѣстью.

— А если ты не станешь умнѣе, то скоро отзовется кровью,— отвѣчалъ Беннетъ. — Ну, я тебя предостерегъ. А вотъ идутъ за тобой.

И дѣйствительно, въ эту минуту черезъ дворъ перебѣжалъ посланецъ, пригласившій Дика явиться къ сэру Даніэлю.

II.

Двѣ клятвы.

Сэръ Даніэль находился въ столовой; онъ сердито расхаживалъ въ ожиданіи Дика. Никого, кромѣ сэра Оливера, тамъ не было, и тотъ скромно стоялъ въ сторонкѣ, уткнувъ носъ въ молитвенникъ.

— Вы посылали за мной, сэръ Даніэль?—спросилъ молодой Шельтонъ.

— Да, посылалъ,—отвѣчалъ рыцарь.—Что это такое дошло до моихъ ушей? развѣ я былъ такимъ дурнымъ опекуномъ, что вы съ такой охотой слушаете всякія злыя росказни на мой счетъ? или можетъ быть, видя, что счастіе мнѣ измѣнило, вы хотите бросить меня? Клянусь мессой, вашъ отецъ былъ не таковъ! Кому онъ былъ близокъ, за того стоялъ и въ счастіи, и въ несчастіи. Но ты, Дикъ, другъ только въ счастіи, а въ несчастіи поворачиваешься спиной.

— Извините, сэръ Даніэль, это вовсе не такъ,—твердо проговорилъ Дикъ.—Я благодаренъ и преданъ, когда слѣдуетъ быть благодарнымъ и преданнымъ. И прежде чѣмъ объясняться дальше, благодарю васъ и благодарю сэра Оливера; вы имѣете право на мою благодарность, и я былъ бы псомъ, еслибы забылъ это.

— Все это прекрасно,—сказалъ сэръ Даніэль и гнѣвно при-

бавилъ:—но все это одни слова, а мнѣ надо дѣло. Въ часъ, когда мнѣ грозитъ погибель, когда мое имя поругано, а земли отобраны, когда мой собственный лѣсъ полонъ людей, алчущихъ и жаждущихъ моей крови, что̀ мнѣ въ твоей благодарности? что̀ мнѣ въ твоей преданности? У меня осталась горсть людей; благодарно ли и правильно ли отравлять ихъ сердца ядовитыми нашептываніями? Увольте меня отъ такой благодарности! А теперь извольте высказать, чего вы отъ меня хотите! Говорите! мы здѣсь, чтобы отвѣчать вамъ. Если вы имѣете что-либо противъ меня, то выскажите это.

— Сэръ,—отвѣчалъ Дикъ:—мой отецъ палъ, когда я былъ ребенкомъ. До моихъ ушей дошло, что онъ былъ измѣннически убитъ... и что вы—не хочу умолчать объ этомъ... виновны въ его смерти. И, говоря по чистой совѣсти, я не успокоюсь и не буду вамъ вѣрнымъ помощникомъ до тѣхъ поръ, пока эти сомнѣнія не разсѣятся.

Сэръ Даніэль сидѣлъ мрачно насупившись. Онъ взялъ подбородокъ въ руку и пристально поглядѣлъ на Дика.

— И вы думаете, что я способенъ быть опекуномъ сына человѣка, котораго умертвилъ?—спросилъ онъ.

— Извините, если отвѣтъ мой покажется грубымъ, но вѣдь вы сами знаете, что опека — вещь выгодная. Развѣ вы не пользовались всѣ эти годы моими доходами и моими людьми? Простите меня, повторяю, но еслибы вы были такъ низки, чтобы убить предательски человѣка, то для второй низости причины оказались бы достаточно высокія.

— Когда я былъ мальчикомъ вашихъ лѣтъ,—мрачно отвѣчалъ сэръ Даніэль,—мой умъ не такъ легко заражался подозрѣніями. Вотъ здѣсь стоитъ сэръ Оливеръ,—прибавилъ онъ:—какъ могъ онъ, патеръ, потворствовать такому дѣлу?

— Что̀ хозяинъ прикажетъ, то̀ слуга исполняетъ. Извѣстно, что этотъ патеръ—вашъ покорный слуга. Я говорю очень откровенно, потому что теперь не время для комплиментовъ. И какъ я говорю, такъ пусть и мнѣ отвѣтятъ. А отвѣта мнѣ никакого не даютъ. Я слышу только вопросы. Берегитесь, сэръ Даніэль. Такимъ образомъ вы только питаете, а не разсѣеваете мои сомнѣнія.

— Я отвѣчу вамъ откровенно, мастэръ Ричардъ,—сказалъ рыцарь.—Еслибы я скрылъ отъ васъ, что вы возбудили мою ярость, то былъ бы нечестнымъ человѣкомъ. Но я буду справедливъ даже и во гнѣвѣ. Приходите ко мнѣ съ этими рѣчами, когда вы станете мужемъ и рыцаремъ, а я не буду больше вашимъ

опекуномъ, и слѣдовательно не обязанъ буду терпѣливо сносить ихъ. Приходите ко мнѣ тогда, и я отвѣчу вамъ, какъ вы того заслуживаете—кулакомъ зажму вамъ ротъ. А до тѣхъ поръ передъ вами два пути: или проглотить свои оскорбленія, прикусить языкъ и сражаться за человѣка, который кормилъ и берегъ васъ, когда вы были ребенкомъ; или же... ворота настежъ, лѣсъ полонъ моихъ враговъ... ступайте къ нимъ!

Воодушевленіе, съ какимъ были произнесены эти слова, взглядъ, сопровождавшій ихъ, сразили Дика; и все-таки онъ не могъ не замѣтить, что отвѣта онъ не получилъ.

— Я ничего такъ серьезно не желаю, какъ повѣрить вамъ, сэръ Даніэль,—сказалъ онъ.—Скажите мнѣ, что вы неповинны въ этомъ

— Довольно съ васъ моего честнаго слова, Дикъ?—спросилъ рыцарь.

— О, да!

— Я даю вамъ честное слово. Клянусь честью и вѣчнымъ спасеніемъ души, что я неповиненъ въ смерти вашего отца!

Онъ протянулъ руку, и Дикъ съ жаромъ схватилъ ее. Ни тотъ, ни другой не обращалъ вниманія на патера, который, услыхавъ эту торжественную и лживую клятву, привсталъ съ мѣста въ ужасѣ и раскаяніи.

— Ахъ!—вскричалъ Дикъ:—вы должны великодушно простить меня! Я въ самомъ дѣлѣ песъ, если осмѣлился сомнѣваться въ васъ. Но вы подали мнѣ руку, и я больше не сомнѣваюсь.

— Ничего, Дикъ, я тебѣ прощаю. Ты еще не знаешь людей и ихъ готовности клеветать.

— Я тѣмъ болѣе заслуживаю порицанія,—прибавилъ Дикъ,—что негодяи указывали не прямо на васъ, а на сэра Оливера...

Говоря это, онъ повернулся къ патеру и не договорилъ. Этотъ высокій, плотный, краснощекій человѣкъ совсѣмъ, если можно такъ выразиться, опустился: лицо его помертвѣло, сильные члены ослабѣли, губы бормотали молитву, и вдругъ, увидя, что Дикъ смотритъ на него, онъ громко закричалъ, точно дикій звѣрь, и закрылъ лицо руками.

Сэръ Даніэль въ одну секунду очутился около него и бѣшено потрясъ его за плечо. И въ тотъ же моментъ подозрѣнія Дика проснулись.

— Пусть сэръ Оливеръ тоже поклянется,—сказалъ онъ.—Его-то вѣдь и обвиняли.

— Онъ поклянется,—сказалъ рыцарь.

Сэръ Оливеръ безпомощно замахалъ руками.

— Да, клянусь мессой, вы дадите клятву!—закричалъ сэръ Даніэль, внѣ себя отъ бѣшенства.—Вотъ на этомъ требникѣ, клянитесь!—продолжалъ онъ, поднимая съ полу упавшій требникъ. — Ну! скорѣе! Клянитесь, говорю вамъ, клянитесь!

Но патеръ не могъ произнести ни слова. Страхъ, который внушалъ ему сэръ Даніэль, и страхъ передъ клятвопреступленіемъ отняли у него языкъ.

И вотъ какъ разъ въ эту самую минуту сквозь высокое окно съ разноцвѣтными стеклами влетѣла, разбивъ стекло, стрѣла и, дрожа, воткнулась въ середину длиннаго стола.

Сэръ Оливеръ съ громкимъ воплемъ упалъ безъ чувствъ на полъ, между тѣмъ какъ рыцарь, въ сопровожденіи Дика, выбѣжалъ на дворъ и поднялся вверхъ по ближайшей приставной лѣстницѣ на стѣну. Часовые всѣ взбудоражились; солнце спокойно озаряло зеленыя лужайки, ростущія на нихъ деревья и холмы, поросшіе лѣсомъ, замыкавшіе горизонтъ. Осаждающихъ не было видно.

— Откуда прилетѣла стрѣла?—спросилъ рыцарь.

— Вонъ изъ той рощи, сэръ Даніэль,—отвѣчалъ часовой.

Рыцарь постоялъ немного, задумавшись, затѣмъ повернулся къ Дику.

— Дикъ, сторожи здѣсь этихъ людей; я тебѣ поручаю это. Что касается патера, то онъ долженъ будетъ дать клятву, или же я съ него взыщу. Я начинаю почти раздѣлять твои подозрѣнія. Онъ поклянется, вѣрь мнѣ, или мы докажемъ его вину.

Дикъ отвѣчалъ почти холодно, и рыцарь, проницательно взглянувъ на него, поспѣшилъ вернуться въ столовую. Прежде всего онъ оглядѣлъ стрѣлу. Такую онъ видѣлъ еще въ первый разъ. Она была черная, и этотъ цвѣтъ немного смутилъ его. Поворачивая ее, онъ увидѣлъ надпись, всего одно слово: „Владѣльцу".

— Ага!—проговорилъ онъ:—они знаютъ, что я въ замкѣ. Владѣльцу! какъ бы да не такъ! еще не нашлась собака, которая дерзнетъ занести на меня руку!

Сэръ Оливеръ пришелъ въ чувство и съ трудомъ поднялся на ноги.

— Увы! сэръ Даніэль! — простоналъ онъ: — вы поклялись страшной клятвой, и теперь погубили свою душу на вѣки вѣковъ.

— Да, дуракъ, я поклялся, и ты тоже долженъ будешь поклясться, трусъ. И поклянешься святымъ крестомъ Голивуда. Смотри, будь готовъ. Клятва должна быть произнесена сегодня ночью.

— Боже, просвѣти васъ! Да отклонитъ Создатель ваше сердце отъ этого нечестія!

— Слушай, добрый отецъ: если ты весь предался набожности, то я больше ничего не скажу; замѣчу одно только, что ты немножко поздно спохватился. Но если ты способенъ къ благоразумію, то выслушай меня. Этотъ мальчишка начинаетъ жалить меня, какъ оса. Онъ мнѣ нуженъ, потому что я продамъ его право на женитьбу. Но говорю тебѣ безъ обиняковъ: если онъ будетъ надоѣдать мнѣ, то отправится къ отцу. Я прикажу теперь перевести его въ комнату надъ капеллой. Если ты сможешь поклясться въ своей невинности доброй и солидной клятвой и съ увѣреннымъ видомъ, то я пощажу его. Если же ты будешь мямлить, ломаться или дрожать при клятвѣ, то онъ тебѣ не повѣритъ—и клянусь мессой!—тогда онъ умретъ. Вотъ поразмысли объ этомъ.

— Въ комнату надъ капеллой!—произнесъ патеръ съ ужасомъ.

— Именно. Если хочешь спасти его—спасай; а если не хочешь, то пошелъ вонъ и оставь меня въ покоѣ! Будь я человѣкъ нетерпѣливый, то уже давно всадилъ бы тебѣ саблю въ грудь за твою нестерпимую трусость и глупость. Ну, выбралъ? говори!

— Выбралъ,—отвѣчалъ патеръ:—Боже прости меня, но я поступлю худо ради добра. Я поклянусь для спасенія мальчика.

— Такъ-то лучше!—отвѣчалъ сэръ Даніэль.—Ну, такъ призови его, да поскорѣе. Ты увидишься съ нимъ наединѣ. Однако, я буду слѣдить за вами обоими. Я буду находиться рядомъ, въ ковровой комнатѣ.

Рыцарь приподнялъ коверъ и скрылся за нимъ. Послышался трескъ пружины и затѣмъ скрипъ шаговъ по лѣсенкѣ.

Сэръ Оливеръ, оставшись одинъ, бросилъ боязливый взглядъ на покрытую ковромъ стѣну и перекрестился съ видомъ ужаса и отчаянія.

— Нѣтъ, если его переводятъ въ комнату надъ капеллой,—пробормоталъ онъ,—то цѣной собственнаго спасенія я долженъ спасти его.

Три минуты спустя, Дикъ, призванный другимъ посланцемъ, нашелъ сэра Оливера стоящимъ у стола,—рѣшительнымъ, хотя и блѣднымъ.

— Ричардъ Шельтонъ,—сказалъ онъ,—ты требовалъ отъ меня клятвы. Я бы могъ обидѣться, могъ бы отказать тебѣ! но сердце мое привыкло любить тебя, и я исполню твою просьбу. Клянусь

святымъ и животворящимъ крестомъ Голивуда, я не убивалъ твоего отца!

— Сэръ Оливеръ,—отвѣчалъ Дикъ,—когда мы впервые прочитали записку Джона Мстителя, я былъ въ этомъ увѣренъ. Но позвольте мнѣ задать вамъ два вопроса. Вы не убивали его, допустимъ. Но и не принимали участія въ этомъ дѣлѣ?

— Никакого,—отвѣтилъ сэръ Оливеръ. И въ ту же минуту сталъ дѣлать лицомъ гримасы, подмигивать глазами, передергивать ртомъ и бровями, какъ человѣкъ, желающій предостеречь другого, но не смѣющій издать звука.

Дикъ съ удивленіемъ глядѣлъ на него; затѣмъ оглянулся и обвелъ глазами пустую столовую.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего,—отвѣчалъ патеръ, поспѣшно разглаживая лицо.—Я только боленъ, очень боленъ, и... и... долженъ уйти. Клянусь святымъ крестомъ Голивуда, я вполнѣ невиненъ какъ въ насиліи, такъ и въ измѣнѣ. Будь доволенъ этимъ, добрый юноша. Прощай!

И онъ поспѣшно вышелъ изъ покоя.

Дикъ остался словно пригвожденный къ мѣсту; глаза его блуждали по комнатѣ, лицо представляло измѣнчивую картину самыхъ разнообразныхъ чувствъ—удивленія, сомнѣнія, подозрѣнія и насмѣшки. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ умъ его прояснялся, подозрѣніе взяло верхъ и смѣнилось увѣренностью въ худшемъ. Онъ поднялъ голову и... вздрогнулъ. Высоко на стѣнѣ виднѣлась фигура дикаря-охотника, вышитая на коврѣ. Одной рукой онъ держалъ рогъ у своихъ губъ, другою махалъ короткимъ копьемъ. Лицо его было черное, потому что онъ изображалъ негра.

Но собственно вотъ отъ чего вздрогнулъ Ричардъ Шельтонъ: солнце удалилось отъ высокихъ оконъ, и въ ту же самую минуту пламя въ громадномъ каминѣ вспыхнуло высоко и бросило отблескъ на потолокъ и ковры, покрывавшіе стѣны. И при этомъ свѣтѣ лицо чернаго охотника какъ бы мигнуло бѣлымъ вѣкомъ.

Онъ не отрывалъ взгляда отъ глаза охотника. Пламя играло въ немъ точно въ драгоцѣнномъ камнѣ; глазъ былъ живой. Еще секунда, и глазъ исчезъ.

Не было никакого въ томъ сомнѣнія. Живой глазъ, наблюдавшій за нимъ въ отверстіе въ коврѣ, скрылся.

И тутъ Дикъ внезапно понялъ весь ужасъ своего положенія. Предостереженіе Гатча, молчаливые знаки патера, глазъ, наблюдавшій за нимъ черезъ стѣну—все это сразу представилось его уму.

Онъ понялъ, что его подвергали испытанію, что онъ вновь обнаружилъ свои подозрѣнія, и что теперь только чудо могло спасти его.

„Если мнѣ не удастся выбратіся изъ замка, — подумалъ онъ,—я пропалъ! И этотъ бѣдный Матчамъ! въ какую западню я привелъ его!“

Онъ все еще размышлялъ, когда пришелъ одинъ изъ оруженосцевъ и попросилъ его помочь ему перенести его оружіе, платье и двѣ-три книги въ новую комнату.

— Въ новую комнату?—повторилъ онъ.—Зачѣмъ? Какую комнату?

— Въ комнату надъ капеллой,—отвѣчалъ посланецъ.

— Она долго стояла пустой,—сказалъ Дикъ задумчиво.—Что это за комната?

— Ничего, хорошая комната,—отвѣчалъ посланецъ:—только, —прибавилъ онъ, понижая голосъ,—говорятъ, что въ ней нечисто.

— Нечисто?—содрогнулся Дикъ.—Какъ такъ? я ничего объ этомъ не слыхалъ.

Посланецъ оглядѣлся кругомъ и прибавилъ шопотомъ:

— Разъ отвели туда на ночлегъ клерка отъ св. Джона, и на другое утро... его тамъ не оказалось. Чортъ унесъ его, говорили люди; онъ же, къ тому, былъ мертвецки пьянъ.

Дикъ пошелъ за человѣкомъ съ мрачнымъ предчувствіемъ въ сердцѣ.

III.

Комната надъ капеллой.

Со стѣны замка въ тотъ день больше ничего подозрительнаго не видали. Солнце спустилось на западъ и наконецъ зашло, но глаза усердныхъ часовыхъ не открыли ни одного живого существа по сосѣдству съ Тэнстолль-Голлемъ.

Когда ночь совсѣмъ сгустилась, Трогмортонъ отведенъ былъ въ покой, выходившій угломъ надъ рвомъ. Оттуда онъ былъ спущенъ въ ровъ со всевозможными предосторожностями, и нѣкоторое время доносился плескъ воды, которую онъ переплывалъ, а затѣмъ видно было, какъ темная фигура ухватилась за вѣтви плакучей ивы и выбралась на берегъ. Съ полчаса сэръ Даніэль и Гатчъ стояли и внимательно прислушивались, но все оставалось спокойно. Гонецъ счастливо отправился въ путь.

Лицо сэра Даніэля прояснѣло. Онъ обернулся къ Гатчу.

— Беннетъ,—сказалъ онъ,—этотъ Джонъ Мститель все же простой человѣкъ, какъ видишь. Онъ спитъ. Мы справимся съ нимъ, помяни мое слово.

Весь день и весь вечеръ Дика разсылали то туда, то сюда; приказъ слѣдовалъ за приказомъ, такъ что онъ усталъ и одурѣлъ отъ такого множества порученій. Все это время онъ не видѣлъ ни Матчама, ни сэра Оливера, и однако оба, патеръ и юноша, не выходили у него изъ ума. Главной его цѣлью теперь было убѣжать изъ Тэнстолль-Моотъ-Гауза какъ можно скорѣе, а пока онъ хотѣлъ бы перекинуться словомъ съ вышеназванными лицами, прежде чѣмъ уйти.

Наконецъ, съ лампой въ рукѣ, онъ прошелъ въ свой новый покой. Онъ былъ великъ, низокъ и нѣсколько мраченъ. Окна выходили на ровъ и хотя высоко надъ поверхностью его, однако были снабжены рѣшетками. Постель была роскошная, съ пуховымъ изголовьемъ и краснымъ одѣяломъ съ вышитыми по немъ розами. Вдоль стѣнъ шли шкафы, запертые на замокъ и скрытые отъ глазъ темными коврами. Дикъ обошелъ комнату, приподнимая ковры, ступая по панелямъ и тщетно стараясь отпереть шкафы. Онъ удостовѣрился, что дверь крѣпкая съ прочнымъ засовомъ, послѣ того повѣсилъ лампу на крюкъ и снова оглядѣлся.

По какой причинѣ отвели ему эту комнату? Она была больше и красивѣе его прежней. Не западня ли это? нѣтъ ли сюда потайного хода? Или, въ самомъ дѣлѣ, въ ней водится нечистый? Кровь застыла въ его жилахъ.

Непосредственно надъ его головой раздавались тяжелые шаги часового. Подъ нимъ—онъ зналъ—находится сводчатый потолокъ капеллы, а около нея—столовая. Несомнѣнно, что оттуда былъ потайной ходъ: глазъ, наблюдавшій за нимъ изъ-за ковра, служилъ ему въ томъ доказательствомъ. Весьма вѣроятно, что ходъ шелъ до самой капеллы, и въ такомъ случаѣ была дверь и въ его комнату.

Заснуть въ такомъ мѣстѣ—онъ сознавалъ—было бы безуміемъ. Онъ приготовилъ оружіе на всякій случай и занялъ позицію въ углу комнаты, за дверью. Если противъ него замышляютъ зло, то онъ дорого продастъ свою жизнь.

Стукъ нѣсколькихъ ногъ, окрикъ часовыхъ, смѣна ихъ и передача пароля раздались на стѣнѣ.

И какъ разъ въ эту самую минуту послышалось царапанье у двери его комнаты; оно стало громче, и затѣмъ Дикъ услышалъ шопотъ:

— Дикъ, Дикъ, это я!

Дикъ подбѣжалъ къ двери, отнялъ засовъ и впустилъ Матчама. Онъ былъ очень блѣденъ и держалъ въ одной рукѣ лампу, въ другой шпагу.

— Запри за мной дверь!—прошепталъ онъ:—скорѣе, Дикъ! Домъ полонъ шпіоновъ; я слышу, какъ они бѣгаютъ за мной по корридорамъ, чувствую, какъ они дышутъ за коврами.

— Успокойся, дверь заперта. Мы безопасны на нѣкоторое время, если только въ этихъ стѣнахъ можетъ быть для насъ какая-нибудь безопасность. Но мое сердце радуется, что я вижу тебя. Клянусь мессой, я думалъ, что тебя нѣтъ больше въ живыхъ. Гдѣ они тебя схоронили?

— Не все ли равно,—отвѣчалъ Матчамъ,—теперь, когда мы вмѣстѣ! Ну, Дикъ, раскрылись, наконецъ, и твои глаза? Они сказали тебѣ, что они затѣваютъ на завтра?

— Нѣтъ, не говорили. Что же они затѣваютъ на завтра?

— Завтра или сегодня ночью, не знаю, но они намѣреваются, Дикъ, лишить тебя жизни. Я имѣю тому доказательство: я слышалъ, какъ они объ этомъ шептались; да, они почти признались мнѣ въ этомъ.

— А! вотъ что! я такъ и думалъ, впрочемъ.

И онъ подробно разсказалъ о событіяхъ дня.

Когда онъ кончилъ, Матчамъ всталъ и, въ свою очередь, осмотрѣлъ покой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никакого входа не видно. Но можно быть увѣреннымъ, что онъ есть. Дикъ, я останусь съ тобой. Если ты умрешь, и я умру съ тобой. И я могу помочь тебѣ: видишь, я укралъ шпагу, и постою за себя! А пока нѣтъ ли намъ способовъ выбраться какъ-нибудь отсюда, — въ окно, что-ли? я съ радостью убѣгу съ тобой.

— Джэкъ! клянусь мессой, Джэкъ, ты добрѣйшая, прекраснѣйшая, храбрѣйшая душа во всей Англіи. Дай мнѣ свою руку, Джэкъ. — И онъ молча пожалъ ему руку. — Знаешь что, — продолжалъ онъ, — тамъ есть окно, черезъ которое вылѣзъ гонецъ, веревка должна быть еще въ комнатѣ. Значитъ, есть надежда.

— Тс!—проговорилъ Матчамъ.

Оба прислушались. Внизу подъ поломъ послышался шорохъ, затѣмъ затихъ и опять начался.

— Кто-то ходитъ въ комнатѣ внизу,—шепнулъ Матчамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дикъ:—внизу нѣтъ никакой комнаты,

— Ломайте дверь!—приказалъ сэръ Даніэль.

И немедленно его люди стали ломиться въ дверь кулаками и пинками. Какъ ни была крѣпка дверь и какъ ни проченъ засовъ, но они не выдержали бы такого натиска, еслибы судьба снова не вмѣшалась. На стѣнѣ раздался крикъ часового, за нимъ другой, третій, послышались выстрѣлы со стѣны и отвѣтные—изъ лѣса. Въ первый моментъ тревоги показалось, что лѣсные разбойники пошли приступомъ на замокъ. И сэръ Даніэль, вмѣстѣ со всѣми людьми, бросилъ немедленно аттаку двери Дика и поспѣшилъ оборонять стѣны.

— Теперь мы спасены!—закричалъ Дикъ.

Онъ схватилъ большую старую кровать обѣими руками и пытался сдвинуть съ мѣста, но она не поддавалась его усиліямъ.

— Помоги мнѣ, Джэкъ!

Соединенными усиліями они сдвинули массивную дубовую кровать съ мѣста и заслонили ею дверь.

— Это ни къ чему не поведетъ,—печально сказала Джоанна.—Они войдутъ черезъ траппъ.

— Мы сами убѣжимъ черезъ траппъ. Тсс! аттака отбита! да, кажется, это была пустая тревога!

Дѣйствительно, никакой аттаки не было, а просто лишь прибыла новая партія отсталыхъ воиновъ послѣ битвы при Рейзингемѣ. Они примчались подъ покровомъ ночи и были впущены черезъ большія ворота, и теперь, при стукѣ копытъ и звонѣ оружія, спѣшивались во дворѣ.

— Они сейчасъ вернутся,—сказалъ Дикъ.—Скорѣе къ трапу!—Онъ засвѣтилъ лампу, и они оба пошли въ уголъ комнаты. Тонкая доска, сквозь которую все еще слабо проникалъ свѣтъ, легко была найдена, и, взявъ здоровую саблю, Дикъ просунулъ ее въ щель и сильно налегъ. Траппъ повернулся, заколыхался и, наконецъ, открылся. Схвативъ его обѣими руками, молодые люди отбросили его назадъ, и увидѣли нѣсколько ступенекъ, ведшихъ внизъ, а у подножія ихъ—зажженную лампу, оставленную убійцей.

— Ну, теперь сходи скорѣй и возьми лампу,—сказалъ Дикъ,—а я спущусь за тобой и закрою трапъ.

Такимъ образомъ, они сошли со ступенекъ и Дикъ захлопнулъ трапъ.

IV.

Проходъ.

Проходъ, въ которомъ очутились Дикъ и Джоанна, былъ узокъ, грязенъ и коротокъ. Въ концѣ его стояла полуоткрытою дверь, та самая, безъ сомнѣнія, которую — они слышали — отпиралъ кто-то. Толстая паутина спускалась съ потолка, а мощеный полъ гулко звенѣлъ отъ самыхъ легкихъ шаговъ.

За дверью шли два развѣтвленія подъ прямыми углами. Дикъ выбралъ на удачу одинъ изъ корридоровъ, и они побѣжали по крышѣ капеллы, пробитой тамъ и сямъ слуховыми окошечками, замаскированными рѣзьбой въ карнизѣ. Дикъ заглянулъ въ одно изъ нихъ и увидѣлъ мощеный полъ капеллы, алтарь, съ горящими на немъ свѣчами, и распростертую фигуру сэра Оливера, молившагося съ приподнятыми руками.

На другомъ концѣ корридора они спустились съ нѣсколькихъ ступенекъ. Корридоръ становился тѣснѣе; стѣны оказывались теперь уже деревянныя; слышался шумъ разговоровъ и въ щели проникалъ свѣтъ; они дошли до круглой дыры, величиной съ человѣческій глазъ, и Дикъ, поглядѣвъ въ нее, увидѣлъ столовую и въ ней съ полдюжины людей вокругъ стола; они пили пиво и ѣли пирогъ изъ дичи. То были только-что прибывшіе воины.

— Тутъ не пройдешь; пойдемъ назадъ.

— Нѣтъ, можетъ быть, проходъ тянется дальше.

И они прошли еще впередъ. Но нѣсколько ярдовъ дальше проходъ оканчивался лѣсенкой съ нѣсколькими ступенями, и было очевидно, что пока солдаты занимаютъ столовую, бѣгство съ этой стороны невозможно.

Они поспѣшно вернулись назадъ и пустились изслѣдовать второй корридоръ. Онъ былъ очень узокъ, въ немъ съ трудомъ могъ пролѣзть одинъ человѣкъ; онъ велъ внизъ по какимъ-то головоломнымъ винтовымъ лѣстницамъ, пока Дикъ потерялъ всякое сознаніе того, гдѣ они находились.

Они спускались все ниже и ниже; стѣны стали влажны и скользки на ощупь, и крысы шмыгали мимо нихъ.

— Мы, должно быть, находимся въ подземельяхъ,—замѣтилъ Дикъ.

— И неужели нѣтъ никакого выхода?—спросила Джоанна.

— Нѣтъ, выходъ долженъ быть,—отвѣтилъ Дикъ.

И вотъ, дѣйствительно они дошли до остраго угла, гдѣ кор-

ридоръ кончался лѣсенкой съ нѣсколькими ступеньками. Внизу была большая глыба камня въ видѣ траппа. Они налегли на него изо всей силы. Онъ не поддавался никакимъ усиліямъ.

— Кто-нибудь его держитъ?—предположила Джоанна.

— Нѣтъ,—сказалъ Дикъ:—какъ бы ни былъ силенъ человѣкъ, онъ все же бы подался хоть немного. Эта же глыба такъ неподвижна, какъ скала, вросшая въ землю. Траппъ заваленъ. Здѣсь нѣтъ выхода, и мы теперь, мой добрый Джэкъ, совсѣмъ какъ въ ловушкѣ. Можетъ быть, намъ и удастся вернуться назадъ, если бдительность ихъ нѣсколько ослабѣетъ, и—кто знаетъ?—можетъ быть, мы и убѣжимъ изъ замка. Но, по моему крайнему разумѣнію, мы тутъ все равно, что въ западнѣ.

— Дикъ!—закричала она:—въ несчастный день ты увидѣлъ меня!

— Вздоръ!—отвѣчалъ Дикъ:—все это предопредѣлено свыше; а чему быть, того не миновать. Разскажи лучше мнѣ, какимъ образомъ ты попала въ руки сэра Даніэля; это будетъ лучше, чѣмъ плакаться на судьбу.

— Я сирота, какъ и ты, и величайшая моя бѣда та же, что и твоя, Дикъ: я—богатая невѣста. Милордъ Фоксгемъ былъ моимъ опекуномъ; однако, какъ оказывается, сэръ Даніэль купилъ у короля право выдать меня замужъ и дорого, говорятъ, заплатилъ за него. И вотъ я, бѣдная, очутилась съ двумя знатными и богатыми опекунами, изъ которыхъ каждый хотѣлъ выдать меня замужъ по своему усмотрѣнію, а я была тогда еще грудным младенцемъ. Но свѣтъ перемѣнился, сталъ новый канцлеръ, и сэръ Даніэль перекупилъ право опеки надо мной. А затѣмъ опять свѣтъ перемѣнился, и лордъ Фоксгемъ перекупилъ право опеки—и такъ съ тѣхъ поръ между ними и ведется эта распря. Но все же лордъ Фоксгемъ удерживалъ меня въ своихъ рукахъ и былъ мнѣ добрымъ лордомъ. И, наконецъ, я должна была быть выдана замужъ или быть продана — какъ знаешь. Пять сотъ фунтовъ стерлинговъ долженъ былъ получить за меня лордъ Фоксгемъ. Гемли—фамилія жениха, и завтра, Дикъ, какъ Богъ святъ, должна была бы я быть обвѣнчана. Еслибы не сэръ Даніэль, я была бы обвѣнчана, и навѣрное-навѣрное не увидѣла бы тебя, Дикъ...

Она взяла его руку и поцѣловала съ необыкновенной граціей, а Дикъ притянулъ ея руку къ себѣ и тоже поцѣловалъ.

— Итакъ,—продолжала она,—сэръ Даніэль похитилъ меня неожиданно въ саду, заставилъ переодѣться въ мужское платье — что смертельный грѣхъ для женщины и къ тому же совсѣмъ

мнѣ не къ лицу. Онъ увезъ меня съ собой въ Кетли, какъ тебѣ извѣстно, говоря мнѣ, что я должна выйти замужъ за тебя; но я въ сердцѣ своемъ поклялась, что на зло ему выйду замужъ за Гемли.

— О!—вскричалъ Дикъ:—ты полюбила Гемли!

— Нисколько. Но я ненавидѣла сэра Даніэля. А затѣмъ, Дикъ, ты помогъ мнѣ и былъ такъ добръ со мной и такъ смѣлъ, что сердце мое помимо воли обратилось къ тебѣ. И теперь, если только мы выберемся отсюда, я выйду за тебя замужъ уже по доброй волѣ. А если жестокая судьба этого не допуститъ, ты все же останешься мнѣ дорогъ. Пока сердце мое бьется, оно твое...

— Постой! кто-то идетъ.

И дѣйствительно, тяжелые шаги гулко раздались въ корридорѣ, и крысы снова забѣгали.

Дикъ оглядѣлся. Крутой поворотъ въ корридорѣ былъ для него выгоденъ. Онъ могъ стрѣлять, такъ сказать, изъ-за угла. Но ясно, что свѣтъ былъ слишкомъ отъ него близко, а потому онъ отставилъ лампу на нѣсколько шаговъ дальше и вернулся на прежнюю позицію.

Въ концѣ корридора показался Беннетъ. Онъ былъ, повидимому, одинъ и держалъ въ рукѣ горящій факелъ, что дѣлало изъ него отличную мишень для выстрѣловъ.

— Стой, Беннетъ! — закричалъ Дикъ.—Еще шагъ, и ты мертвъ.

— Итакъ, вы здѣсь! — отвѣчалъ Гатчъ, вглядываясь въ темноту. —Я васъ не вижу. Ага! вы умно поступили, Дикъ, что поставили лампу позади себя. Право, умно; и хотя все это сдѣлано, чтобы убить меня, грѣшнаго, я радъ, что мои уроки пошли вамъ впрокъ! А что вы тутъ дѣлаете? зачѣмъ хотите застрѣлить стараго добраго пріятеля? А молодая дѣвица—тутъ съ вами?

— Нѣтъ, Беннетъ,—я буду задавать отвѣты, а ты отвѣчай. Зачѣмъ замышляютъ на мою жизнь? Зачѣмъ приходятъ люди тайкомъ убивать меня въ постели? Зачѣмъ долженъ я искать спасенія въ бѣгствѣ въ домѣ своего опекуна и отъ пріятелей, съ которыми выросъ и которымъ ничего худого не сдѣлалъ?

— Мастэръ Дикъ, мастэръ Дикъ, что я вамъ говорилъ? вы храбрый, но самый неблагоразумный юноша, какого я только знаю.

— Хорошо; я вижу, что ты все знаешь и что я дѣйствительно погибъ. Прекрасно. Но гдѣ я нахожусь, тутъ я и останусь. Пусть сэръ Даніэль возьметъ меня отсюда, если сможетъ.

Гатчъ помолчалъ съ минуту.

— Послушайте-ка, я вернусь къ сэру Даніэлю и скажу ему, гдѣ васъ нашелъ, потому что онъ затѣмъ меня и посылалъ —это вѣрно. Но вы, если не глупы, то убѣжите, не дожидаясь моего возвращенія.

— Я бы давно убѣжалъ, кабы зналъ, какъ это сдѣлать. Я не могу сдвинуть траппа.

— Запустите руку въ уголъ и возьмите то, что тамъ найдете, —отвѣчалъ Беннетъ.—А веревка Трогмортона все еще на прежнемъ мѣстѣ. Желаю вамъ успѣха.

И Гатчъ, повернувшись налѣво кругомъ, исчезъ въ извилистомъ проходѣ.

Дикъ немедленно пошелъ за лампой и сдѣлалъ, какъ ему было сказано. Въ одномъ углу около траппа находилась глубокая впадина въ стѣнѣ. Засунувъ руку въ это отверстіе, Дикъ нашелъ желѣзную рукоятку, которую съ силою повернулъ въ сторону. Послѣдовалъ шипящій звукъ, и камень медленно повернулся на своей оси.

Передъ ними открылся проходъ. Имъ уже не трудно было приподнять траппъ, и они вышли въ сводчатый покой, выходившій одной стороной во дворъ, гдѣ двое или трое людей чистили лошадей только-что прибывшихъ воиновъ. Одинъ или два факела, воткнутыхъ въ желѣзныя кольца около стѣны, освѣщали невѣрнымъ свѣтомъ эту сцену.

V.

Какъ Дикъ спасается.

Дикъ, задувъ лампу, чтобы она не привлекала ничьего вниманія, поднялся на верхъ и прошелъ по корридору. Въ комнатѣ, гдѣ Трогмортонъ спустился изъ окна, веревка все еще висѣла на томъ же мѣстѣ, и Дикъ, пользуясь темнотой ночи, осторожно и тихо стоя, втягивалъ ее на верхъ. Джоанна стояла рядомъ; но по мѣрѣ того, какъ Дикъ тащилъ веревку и она оказывалась такою длинной, что ей какъ будто и конца не было,—рѣшимость покидала ее.

— Дикъ, — сказала она,—неужели мы такъ высоко надъ водой? Я не съумѣю выбраться отсюда, я непремѣнно упаду въ воду, добрый Дикъ!..

Но она заговорила ему какъ разъ подъ-руку и въ самую опасную минуту. Онъ только-что было-вытянулъ послѣднюю петлю изъ воды, но при ея словахъ вздрогнулъ, выронилъ петлю

изъ рукъ, и она съ громкимъ шлепкомъ упала обратно въ воду. Немедленно на стѣнѣ вверху раздался крикъ часового: —кто идетъ?

— Ну! — сказалъ Дикъ: — мы пропали. Скорѣе берись за веревку.

— Не могу,—отбивалась она.

— Если ты не можешь, то и я не могу,—сказалъ Шельтонъ.—Какъ могу я переплыть ровъ безъ тебя? Ты, значитъ, меня бросаешь?

— Дикъ, я, право, не могу. Вся сила меня оставила.

— Клянусь мессой, мы погибли!—закричалъ онъ, и, услышавъ шаги, побѣжалъ къ двери, чтобы запереть ее.

Но прежде нежели онъ успѣлъ засунуть засовъ, сильныя руки отпихнули дверь. Онъ боролся нѣкоторое время, но, видя, что ему не осилить, бросился обратно къ окну. Дѣвушка упала у стѣны, въ амбразурѣ окна; она была почти безъ чувствъ, и когда онъ попытался ее приподнять, она не оказывала никакого сопротивленія.

Въ ту минуту люди, отворившіе дверь, схватили его. Перваго онъ закололъ кинжаломъ, другіе на секунду отскочили назадъ, а онъ воспользовался ихъ смятеніемъ, вылѣзъ въ окно, схватилъ веревку обѣими руками и повисъ въ пространствѣ.

Веревка была съ узлами, и это облегчало спускъ; но Дикъ дѣйствовалъ съ такой поспѣшностью и такъ мало привыкъ къ такого рода гимнастикѣ, что вертѣлся въ воздухѣ, ударяясь о стѣны то головой, то руками. Воздухъ шумѣлъ въ его ушахъ; надъ головой онъ видѣлъ звѣзды, отражавшіяся подъ нимъ въ водѣ. Вдругъ онъ выпустилъ веревку изъ рукъ и окунулся въ ледяную воду съ головой.

Когда онъ выплылъ на поверхность, то рука его натѣнулась на веревку. Наверху онъ видѣлъ красное пламя: то люди съ факелами въ рукахъ перевѣшивались черезъ стѣны, ища его глазами. Но онъ слишкомъ далеко отъ нихъ отплылъ, свѣтъ не достигалъ до него, и они его не могли видѣть.

И теперь онъ замѣтилъ, что веревка была гораздо длиннѣе, нежели онъ думалъ, и, держась за нее, онъ пытался переплыть черезъ ровъ и достигнуть противоположнаго берега. Онъ уже былъ недалеко отъ него, когда веревка собственной тяжестью стала тянуть его назадъ. Тогда, собравшись съ духомъ, онъ выпустилъ ее и попробовалъ ухватиться за ивовыя вѣтви, спускавшіяся въ воду и помогшія гонцу сэра Даніэля выбраться на берегъ.

Тутъ онъ оборвался, окунулся въ воду, вторично выплылъ, и

на этотъ разъ рука его поймала вѣтку; онъ ухватился за нее и вылѣзъ на берегъ, съ трудомъ переводя духъ и все еще не увѣренный въ своемъ спасеніи.

Но все это не могло совершиться безъ плеска, который и далъ знать о его положеніи людямъ на стѣнѣ. Стрѣлы и дротики падали во множествѣ около него въ темнотѣ, и вдругъ въ воздухѣ пронесся зажженный факелъ, попалъ на край берега, освѣтивъ на минуту все окружающее, и, затѣмъ, на счастіе Дика свалился въ воду, гдѣ немедленно потухъ.

Но цѣль была достигнута: стрѣлки успѣли увидѣть иву и Дика, запутавшагося въ ея вѣтвяхъ; хотя юноша тотчасъ же выбрался выше на берегъ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ, но не успѣлъ укрыться отъ выстрѣловъ. Одна стрѣла задѣла его въ плечо, другая оцарапала голову.

Но боль отъ ранъ придавала ему крылья; онъ летѣлъ, какъ вихрь, въ потьмахъ, не разбирая дороги.

Еще нѣсколько стрѣлъ послано было за нимъ въ догонку, но вскорѣ стрѣльба прекратилась, и когда онъ остановился, наконецъ, и оглянулся назадъ, то увидѣлъ, что отбѣжалъ уже на довольно далекое разстояніе отъ Моотъ-Гауза, хотя все еще видѣлъ факелы, двигавшіеся взадъ и впередъ по стѣнѣ.

Онъ прислонился къ дереву; съ него текли кровь и вода; онъ былъ избитъ, раненъ и одинокъ. Но все же успѣлъ спасти свою жизнь; и хотя Джоанна осталась во власти сэра Даніэля, онъ не упрекалъ себя за такое обстоятельство, котораго не могъ предвидѣть, и не ожидалъ отъ того какихъ-нибудь роковыхъ послѣдствій для самой дѣвушки. Сэръ Даніэль былъ жестокъ, но врядъ ли рѣшится умертвить молодую дѣвушку, у которой есть другіе покровители, они могутъ призвать его къ отвѣту. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ поспѣшитъ выдать ее замужъ за кого-нибудь изъ своихъ пріятелей.

„Пусть! — думалъ Дикъ: — до тѣхъ поръ я расправлюсь съ измѣнникомъ. Клянусь мессой, теперь я свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ или благодарности, а при открытой войнѣ шансы на успѣхъ одинаковы для всѣхъ“.

Между тѣмъ онъ находился въ жестокомъ положеніи. Съ трудомъ прошелся онъ еще дальше по лѣсу, но боль отъ ранъ, темнота ночи и крайнее изнеможеніе, отъ котораго у него кружилась голова и путались мысли, скоро принудили его остановиться и сѣсть подъ деревомъ, прислонившись къ стволу спиной.

Когда онъ очнулся не то отъ сна, не то отъ обморока, уже разсвѣтало. Свѣжій вѣтерокъ дулъ между деревьями, и, глядя передъ

собой, не вполнѣ еще опомнившись, онъ замѣтилъ нѣчто качавшееся на вѣткахъ въ ста ярдахъ разстоянія отъ него. Наступившій день и полное пробужденіе позволили ему, наконецъ, узнать этотъ предметъ. То былъ человѣкъ, висѣвшій на сукѣ высокаго дуба. Голова его склонялась на грудь, но при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра тѣло его кружилось, а ноги и руки раскачивались, точно зловѣщая игрушка.

Дикъ поднялся на ноги и, шатаясь и цѣпляясь за деревья, подошелъ ближе къ ужасному предмету.

Сукъ приходился футовъ на двадцать надъ землею, и бѣднягу вздернули его палачи такъ высоко, что Дику не достать было до его сапогъ; а такъ какъ капюшонъ былъ накинутъ ему на голову, то невозможно было узнать, кто былъ этотъ человѣкъ.

Дикъ заходилъ и справа, и слѣва, и, наконецъ, увидѣлъ, что другой конецъ веревки былъ привязанъ къ стволу небольшого терновника, покрытаго цвѣтомъ и росшаго подъ высокой зеленой аркой дуба. Шпагой, которая одна только и осталась у него изъ всего оружія, юный Шельтонъ перерѣзалъ веревку, и трупъ упалъ на землю.

Дикъ приподнялъ капюшонъ: то былъ Трогмортонъ, гонецъ сэра Даніэля. Онъ не далеко уѣхалъ со своимъ порученіемъ. Бумага, очевидно, ускользнувшая отъ вниманія людей черной стрѣлы, торчала изъ-за его нагрудника, и Дикъ, вытащивъ ее, увидѣлъ, что это письмо сэра Даніэля къ лорду Уэнслейделю.

„Если свѣтъ опять перемѣнится,—подумалъ Дикъ,—то этой бумагой можно пристыдить сэра Даніеля, да, пожалуй, и загубить".

И онъ сунулъ письмо къ себѣ за пазуху, помолился надъ мертвымъ тѣломъ и побрелъ дальше по лѣсу.

Усталость и слабость его все увеличивались; въ ушахъ у него звенѣло, въ умѣ мѣшалось—отъ потери крови. Онъ, конечно, не разъ сбившись съ пути, подошелъ, наконецъ, къ горной тропинкѣ, которая вилась неподалеку отъ деревушки Тэнстолль.

Грубый голосъ закричалъ ему:—Стой!

— Стой! — повторилъ Дикъ:—клянусь мессой, я, кажется, упаду.

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ растянулся на дорогѣ.

Двое людей выбѣжало изъ рощи; оба были одѣты въ зеленые камзолы, съ длинными самострѣлами за спиной и короткими саблями сбоку.

— Лоулесъ,—сказалъ младшій изъ двоихъ:—кѣдь это юный Шельтонъ.

— Вотъ-то обрадуется Джонъ Мститель!—отвѣчалъ другой. —Однако онъ, должно быть, былъ въ дѣлѣ. Вотъ тутъ на головѣ у него рана, изъ которой порядочно вытекло крови.

— А вотъ еще рана въ плечѣ, отъ которой ему тоже нездоровится. Кто бы это сдѣлалъ? Если кто-нибудь изъ нашихъ, то плохо ему будетъ; Эллисъ безъ дальнихъ околичностей вздернетъ его на веревку.

— Довольно болтать!—закричалъ Лоулесъ.—Взвали его ко мнѣ на спину.

И послѣ того, какъ Дика взмостили къ нему на плечи и онъ охватилъ свою шею его руками, эксъ-капуцинъ прибавилъ:

— А ты, братъ Гриншевъ, стой на своемъ посту. Я и одинъ донесу его.

Итакъ, Гриншевъ вернулся въ засаду, а Лоулесъ пошелъ внизъ съ холма, посвистывая и неся Дика, впавшаго въ глубокій обморокъ, на плечахъ.

Солнце поднялось уже, когда онъ дошелъ до опушки лѣса и увидѣлъ деревню Тэнстолль, раскинувшуюся на противоположномъ холмѣ. Все было спокойно вокругъ; сильный отрядъ стрѣльцовъ сторожилъ мостъ съ каждой стороны дороги, и какъ скоро они увидѣли Лоулеса съ его ношей, то подняли тревогу, какъ и подобаетъ зоркимъ часовымъ.

— Кто идетъ?—закричалъ начальникъ отряда.

— Видишь: Лоулесъ,—былъ презрительный отвѣтъ.—Вѣдь ты знаешь меня точно такъ же хорошо, какъ знаешь хорошо свои пять пальцевъ.

— Скажи пароль.

— А если я его позабылъ?

— Если позабылъ, чему я не вѣрю, то, клянусь мессой, я всажу стрѣлу въ твое грузное туловище.

— На, подавись своимъ паролемъ: „Дэкворть и Шельтонъ“ —вотъ пароль, а въ подтвержденіе Шельтонъ у меня на плечахъ, и я несу его къ Дэкворту.

— Проходи!—отвѣчалъ часовой.

— А гдѣ Джонъ?—спросилъ капуцинъ.

— Онъ чинитъ судъ и сбираетъ подати, какъ настоящій баронъ, ей-Богу!—закричалъ другой изъ стрѣльцовъ.

Такъ оно и было. Когда Лоулесъ дошелъ до деревни и остановился въ небольшой харчевнѣ, то нашелъ Эллиса Дэкворта, окруженнаго арендаторами сэра Даніэля; онъ хладнокровно собиралъ ренту и давалъ въ томъ расписки. По лицамъ арендаторовъ можно было видѣть, какъ не нравилась имъ эта процедура, по-

тому что они весьма правильно соображали, что имъ придется платить вторично.

Узнавъ, кого принесъ Лоулесъ, Эллисъ отпустилъ остальныхъ арендаторовъ и со всевозможною осторожностью и заботливостью уложилъ Дика въ задней комнатѣ харчевни. Послѣ того его раны были перевязаны и разными простыми средствами его вывели изъ обморока.

— Милый юноша, — сказалъ Эллисъ, пожимая ему руку,—вы въ рукахъ друга, который любилъ вашего отца и васъ любитъ ради него. Отдыхайте и поправляйтесь. А потомъ вы разскажете мнѣ свою исторію и вдвоемъ мы придумаемъ какъ вамъ помочь.

Немного позже Дикъ, проснувшись послѣ нѣсколькихъ часовъ спокойнаго сна, почувствовалъ себя гораздо крѣпче тѣломъ и духомъ, и Эллисъ, вернувшись къ его постели, попросилъ, ради попокойнаго отца, разсказать о томъ, какъ онъ бѣжалъ изъ Тэнстолль-Моотъ-Гауза. Во всей сильной фигурѣ Эллиса и въ его честномъ, смугломъ лицѣ, въ ясныхъ и смышленыхъ глазахъ было нѣчто такое, что̀ заставило Дика повиноваться, и юноша пересказалъ всѣ свои двухдневныя приключенія съ начала до конца.

— Это святые заступники, Дикъ Шельтонъ, спасли тебя отъ такихъ многочисленныхъ и смертельныхъ опасностей и привели ко мнѣ, когда у меня нѣтъ болѣе задушевнаго желанія, какъ помочь сыну твоего отца. Будь вѣренъ мнѣ—я вижу, что на тебя можно положиться—и вдвоемъ мы справимся съ измѣнникомъ.

— Ты возьмешь приступомъ его домъ?

— Я былъ бы безумцемъ, еслибы попытался сдѣлать это. Онъ слишкомъ неприступенъ и людей у него еще очень много. Нѣтъ, Дикъ, напротивъ того, мы съ тобой должны какъ можно скорѣе убираться изъ лѣса сэра Даніэля и предоставить ему вольный проходъ.

— Душа у меня болитъ по Джэкѣ,—сказалъ юноша.

— По Джекѣ? — повторилъ Дэквортъ. — А! понимаю, это та дѣвушка. Нѣтъ, Дикъ, я обѣщаю тебѣ, если дѣло зайдетъ о свадьбѣ, то мы немедленно вступимъ въ дѣло; а до тѣхъ поръ намъ лучше исчезнуть, разсѣяться, какъ утреннему туману. Сэръ Даніэль поглядитъ на востокъ, поглядитъ на западъ—и нигдѣ не увидитъ недруговъ; онъ подумаетъ, клянусь мессой, что ему приснились всѣ опасности. Но мы, Дикъ, будемъ зорко слѣдить за нимъ, и—да помогутъ намъ всѣ святые угодники!—проучимъ измѣнника.

Два дня спустя, гарнизонъ сэра Даніэля сталъ такъ силенъ,

что онъ рѣшился сдѣлать вылазку, и во главѣ шестидесяти всадниковъ безпрепятственно доѣхалъ до Тэнстолльской деревни. Ни одной стрѣлы не просвистѣло въ воздухѣ; никто не зашевелился въ кустахъ; мостъ больше не охранялся непріятелемъ, но былъ открытъ для всѣхъ проѣзжихъ, и, переѣзжая черезъ него, сэръ Даніэль видѣлъ, какъ поселяне робко выглядывали изъ-за дверей.

Но вотъ одинъ изъ нихъ осмѣлился выступить впередъ и съ низкими поклонами подалъ рыцарю письмо.

Лицо его омрачилось при чтеніи письма. Оно гласило:

„Самому невѣрному и злому джентльмену, сэру Даніэлю Брэкли, рыцарю, посланіе“

„Я нашелъ, что вы были невѣрны и недобры во мнѣ съ самаго начала. У васъ руки обагрены кровью моего отца; и вамъ ее не смыть. Когда-нибудь вы погибнете отъ руки моей—вотъ что я считаю нужнымъ сказать вамъ, а еще, что если вы вздумаете выдавать замужъ миссъ Джоанну Сэдли, на которой я самъ хочу жениться, то ударъ постигнетъ васъ еще скорѣе. Первый шагъ твой на этомъ пути будетъ шагомъ къ твоей могилѣ. Ричардъ Шельтонъ“.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Милордъ Фоксгемъ.

I.

Домикъ на морскомъ берегу.

Мѣсяцы прошли съ тѣхъ поръ какъ Ричардъ Шельтонъ вырвался изъ рукъ своего опекуна. Эти мѣсяцы были знаменательны для Англіи. Ланкастерская партія, находившаяся при послѣднемъ издыханіи, снова ожила. Іоркисты были разбиты и разсѣяны, ихъ вожакъ убитъ на полѣ битвы, и нѣкоторое время зимой, послѣдовавшей за вышеизложенными событіями, казалось, что ланкастерскій домъ окончательно восторжествовалъ надъ врагами.

Городокъ Шорби-на-Тиллѣ былъ полонъ ланкастерскими вельможами изъ окрестностей. Графъ Рейзингемъ находился тамъ съ отрядомъ трехсотъ человѣкъ солдатъ; лордъ Шорби—съ двумя стами; самъ сэръ Даніэль, снова въ милости, снова разбогатѣвшій путемъ конфискацій чужихъ имѣній, занималъ собственный домъ

на главной улицѣ съ полутораста воинами. Свѣтъ дѣйствительно перемѣнился.

Былъ темный, холодный вечеръ въ первыхъ числахъ января мѣсяца; морозило, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и по всѣмъ признакамъ слѣдовало ждать снѣга.

Въ глухой харчевнѣ въ переулкѣ около гавани трое или четверо людей сидѣли, пили эль и ѣли яичницу. То были по всей видимости бывалые молодцы, смѣлые на руку, зоркіе на глазъ, и хотя они были одѣты въ простыя блузы, какъ крестьяне-пахари, но даже подпившій солдатъ два раза подумалъ бы, прежде нежели затѣять ссору съ такой компаніей.

Немного поодаль около большого очага съ пылавшими дровами сидѣлъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, одѣтый такимъ же точно образомъ, хотя по его лицу видно было, что онъ благороднаго происхожденія и, можетъ быть, носилъ бы саблю при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

— Нѣтъ,—говорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ людей, —это мнѣ не нравится, это не кончится добромъ. Здѣсь не мѣсто для добрыхъ молодцовъ. Добрый молодецъ любитъ чистое поле, просторный лѣсъ да рѣдкихъ враговъ; а здѣсь мы заперты въ городѣ и окружены стѣной непріятелей, и къ пущей бѣдѣ поглядите если завтра не повалитъ снѣгъ.

— Мы здѣсь по дѣлу мастэра Шельтона,—сказалъ другой, кивнувъ головой на юношу, сидѣвшаго у угня.

— Я готовъ служить мастэру Шельтону,—отвѣчалъ первый,— но на висѣлицу лѣзть ни для кого не желаю; нѣтъ, братцы, этого я не хочу!

Дверь отворилась — вошелъ поспѣшно новый человѣкъ и подошелъ къ юношѣ у огня.

— Мастэръ Шельтонъ,—сказалъ онъ:—сэръ Даніэль выступаетъ изъ города съ парой факельщиковъ и четырьмя стрѣльцами.

Дикъ немедленно всталъ съ мѣста.

— Лоулесъ, — сказалъ онъ:—вы станете на стражѣ вмѣсто Джона Каппера. Гриншевъ, слѣдуй за мной. Капперъ, веди насъ. На этотъ разъ мы его выслѣдимъ, хотя бы онъ шелъ къ Іоркамъ.

Черезъ минуту они уже были въ темной улицѣ, и Капперъ, только-что пришедшій, указалъ въ ту сторону, гдѣ въ недалекомъ разстояніи горѣло два факела.

Городъ уже спалъ; никого не было на улицахъ, и ничего не было легче, какъ слѣдить за отрядомъ, не привлекая ничьего внима-

нія. Впереди шли двое факельщиковъ; за ними слѣдовалъ человѣкъ, длинный плащъ котораго раздувался вѣтромъ, а за нимъ шествовали четверо стрѣльцовъ, каждый съ самострѣломъ подъ мышкой. Они шли по извилистымъ улицамъ, направляясь къ берегу.

— Онъ каждую ночь ходитъ въ этомъ направленіи?—шопотомъ спросилъ Дикъ.

— Сегодня въ третій разъ онъ идетъ туда, мастэръ Шельтонъ,—отвѣчалъ Капперъ,—и всегда въ одинъ и тотъ же часъ и съ той же малой свитой, какъ бы секретно.

Сэръ Даніэль и его шестеро спутниковъ вышли уже на окраину города. Шорби былъ открытый городъ, и хотя ланкастерскіе лорды держали сильную стражу на главныхъ путяхъ, но все же возможно было войти въ городъ и выйти изъ него въ открытое поле по переулкамъ.

Переулокъ, по которому шелъ сэръ Даніэль, вдругъ оборвался. Передъ нимъ лежалъ пустырь, и съ одной стороны явственно доносился шумъ моря. Въ этой части города не было ни стражи, ни огней.

Дикъ и его два товарища-разбойника немного ближе подошли къ предмету своей погони и увидѣли, что къ нему приближается съ другой стороны еще факелъ.

— Э!—сказалъ Дикъ:—дѣло нехорошее.

Тѣмъ временемъ сэръ Даніэль остановился. Факелы воткнули въ песокъ, и люди улеглись, какъ бы поджидая встрѣчный отрядъ.

Тотъ приблизился. Онъ состоялъ всего лишь изъ четверыхъ людей, пары стрѣльцовъ, служителя съ факеломъ и господина, завернутаго въ плащъ.

— Вы ли это, милордъ?—закричалъ Даніэль.

— Я самый и, какъ видите, вѣрный своему слову рыцарь; легче было бы, кажется, идти на встрѣчу великанамъ, колдунамъ или невѣрнымъ, нежели этому лютому холоду.

— Милордъ, красавица будетъ этимъ тронута, будьте увѣрены. Но не поспѣшить ли намъ къ ней? чѣмъ скорѣе вы увидите мой товаръ, тѣмъ скорѣе вернемся мы оба домой.

— Но почему вы держите ее здѣсь, рыцарь? если она такъ молода, прекрасна и богата, почему вы не показываете ее людямъ? Вы бы скорѣе нашли ей хорошую партію, и вамъ не приходилось бы рисковать отморозить себѣ пальцы или угодить подъ выстрѣлы, выходя въ такое непоказанное время и въ такой холодъ?

— Я уже говорилъ вамъ, милордъ, что причина касается меня одного. Я не намѣренъ объяснять ее подробнѣе. Достаточно,

если я вамъ скажу, что въ случаѣ вамъ надоѣлъ вашъ старый собесѣдникъ, Даніэль Брэкли, то объявите во всеуслышаніе, что собираетесь жениться на Джоаннѣ Сэдли, и даю вамъ честное слово, что скоро отъ него избавитесь. Вы найдете его прострѣленнымъ стрѣлой.

Говоря такъ, оба джентльмена быстро прохаживались взадъ и впередъ. Трое факеловъ двигались передъ ними, раздуваемые вѣтромъ и испуская облака дыму и языки пламени, а въ арріергардѣ шествовали шестеро стрѣльцовъ.

За ними по пятамъ слѣдовалъ Дикъ.

Онъ, конечно, не слышалъ ни единаго слова изъ этой бесѣды, но узналъ во второмъ собесѣдникѣ старика лорда Шорби, человѣка съ отчаянной репутаціей, котораго даже сэръ Даніэль притворно избѣгалъ въ обществѣ.

Но вотъ они подошли къ самому берегу. Воздухъ былъ напитанъ соляными испареніями; шумъ волнъ былъ явственнѣе слышенъ и здѣсь въ большомъ, обнесенномъ стѣной саду, стоялъ небольшой двухъ-этажный домикъ съ конюшнями и другими службами.

Передній изъ факельщиковъ отперъ дверь въ стѣнѣ, и пропустивъ всю партію въ садъ, снова затворилъ ее и заперъ изнутри.

Дикъ и его люди такимъ образомъ остались по сю сторону стѣны и не могли больше выслѣживать сэра Даніэля, если бы не рѣшились перелѣзть черезъ стѣну и попасть въ западню.

Они усѣлись у стѣны на землю и ждали. Красное пламя факеловъ двигалось взадъ и впередъ за стѣною; факельщики караулили садъ. Прошло минутъ двадцать, и затѣмъ вся компанія снова вышла изъ сада. Сэръ Даніэль и баронъ разстались послѣ церемонныхъ поклоновъ, и каждый пошелъ въ свою сторону съ своими факельщиками и воинами.

Какъ только замеръ шумъ ихъ шаговъ, Дикъ вскочилъ на ноги такъ проворно, какъ только позволяли застывшіе и окоченѣвшіе отъ стужи члены.

— Капперъ,—сказалъ онъ:—помоги мнѣ перелѣзть черезъ стѣну.

Всѣ трое подошли къ стѣнѣ; Капперъ согнулся, и Дикъ влѣзъ сначала ему на спину, а затѣмъ на стѣну.

— Теперь, Гриншевъ, ступай сюда за мной; прилягъ потомъ, чтобы тебя не увидали, и будь готовъ пособить мнѣ, если я неловко упаду на землю.

Говоря это, онъ спрыгнулъ въ садъ.

Кругомъ былъ непроглядный мракъ; въ домѣ не видно было свѣта. Вѣтеръ свистѣлъ въ жидкихъ деревьяхъ и прибой билъ о берегъ: другихъ звуковъ не было слышно. Дикъ осторожно пошелъ впередъ, продираясь въ кустахъ и раздвигая вѣтви руками. Наконецъ скрипъ песка подъ ногами показалъ ему, что онъ попалъ въ аллею.

Тутъ онъ остановился и, вынувъ самострѣлъ изъ-подъ блузы, гдѣ держалъ его до сихъ поръ прикрытымъ, и приготовивъ его на всякій случай, пошелъ дальше съ большею увѣренностью и рѣшимостью. Аллея привела его прямо къ группѣ зданій.

Все казалось въ запустѣніи; окна въ домѣ были снабжены сломанными ставнями; конюшни стояли пустыя и раскрытыя настежъ; на сѣновалѣ не было сѣна и не было овса въ закромахъ. Всякій другой счелъ бы это мѣсто совершенно безлюднымъ, но у Дика были причины думать противное. Онъ продолжалъ свой дозоръ, обходя всѣ службы, пытая—заперты ли окна.

Наконецъ онъ зашелъ съ той стороны дома, которая была обращена къ морю, и тамъ увидѣлъ слабый свѣтъ въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа.

Онъ отошелъ немного, и ему показалось, что онъ видитъ движущуюся тѣнь на стѣнѣ покоя. Тутъ онъ припомнилъ, что въ конюшнѣ нащупалъ рукой лѣстницу, вернулся туда за нею и принесъ ее. Лѣстница была коротка, но, стоя на послѣдней ступенькѣ, онъ могъ ухватиться руками за желѣзную рѣшетку окна и, приподнявшись на ней, заглянуть въ комнату.

Двѣ особы находились въ ней: дама Гатчъ, а вторая—высокая, красивая и серьезная молодая лэди въ длинномъ вышитомъ платьѣ... неужели то была Джоанна Сэдли? его лѣсной спутникъ, Джэкъ, котораго онъ собирался наказать ремнемъ?!..

Онъ опустился на лѣстницу въ изумленіи. Онъ никогда не представлялъ себѣ свою возлюбленную такой удивительной и величественной красавицей, и даже смутился. Но ему некогда было раздумываться надъ этимъ. Тихій свистъ послышался возлѣ, и онъ поспѣшилъ спуститься съ лѣстницы.

— Кто идетъ?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Гриншевъ!—былъ такой же осторожный отвѣтъ.

— Что нужно?

— Домъ стережется, мастэръ Шельтонъ,—отвѣчалъ разбойникъ.—Мы не одни сторожимъ его; въ то время какъ я лежалъ у стѣны, я видѣлъ людей, бродившихъ въ потемкахъ и свистомъ окликавшихъ другъ друга.

— Это не люди сэра Даніэля?

— Нѣтъ, сэръ; я и въ потемкахъ разглядѣлъ, что у каждаго на шапкѣ бѣлая нашивка съ чѣмъ-то чернымъ.

— Бѣлая съ чернымъ?—повторилъ Дикъ.—Право, не знаю, чей бы это цвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не туземнаго лорда. Но какъ бы то ни было, а намъ надо какъ можно скорѣе выбраться изъ сада, потому что въ домѣ навѣрно есть люди и сэра Даніэля; если мы попадемъ между двухъ воюющихъ сторонъ, то дѣло плохо. Возьми эту лѣстницу; ее надо снести туда, откуда я ее взялъ.

Они перенесли лѣстницу въ конюшню, затѣмъ осторожно добрались до стѣны и перелѣзли черезъ нее. Но пока они не дошли до своей засады на пустырѣ,—не рѣшались заговорить другъ съ другомъ.

— Ну, а теперь, Джонъ Капперъ, — сказалъ Дикъ,—бѣги опрометью въ Шорби. Собери мнѣ немедленно столько людей, сколько можно. Здѣсь будетъ мѣсто сборища. Гриншевъ и я станемъ тутъ поджидать. Торопись, Джонъ Капперъ, и да помогутъ тебѣ святые угодники! А теперь, Гриншевъ,—прибавилъ онъ, когда Капперъ ушелъ,—обойдемъ садъ издалека. Мнѣ хочется собственными глазами видѣть, не ошибся ли ты.

Держась поодаль отъ стѣны и пользуясь каждою неровностью почвы, они обошли садъ со всѣхъ сторонъ—и ничего не увидѣли. Съ третьей стороны садъ совсѣмъ примыкалъ къ морскому берегу, и чтобы держаться поодаль отъ стѣны, имъ пришлось сойти внизъ на прибрежный песокъ. Хотя было время отлива, но песокъ былъ такъ мокръ, что съ каждымъ шагомъ ихъ обдавало ледяной водой.

Вдругъ на бѣлой—сравнительно съ окружающимъ мракомъ—стѣнѣ сада выдѣлилась фигура человѣка, который, подобно китайской тѣни, сильно размахивалъ обѣими руками. Когда онъ присѣлъ на землю, другой поднялся и повторилъ его жестикуляцію, и такъ далѣе. Эти тихіе сигналы передавались вокругъ всего обложеннаго сада.

— Они зорко сторожатъ,—шепнулъ Дикъ.

— Вернемся назадъ на твердую землю, мастэръ,—отвѣчалъ Гриншевъ.—Мы здѣсь совсѣмъ въ открытомъ мѣстѣ, и когда море прихлынетъ, они увидятъ насъ ясно на бѣлой пѣнѣ.

— Ты говоришь дѣло,—отвѣчалъ Дикъ.—Скорѣе выберемся на берегъ.

II.

Схватка въ ночной темнотѣ.

Промокнувъ до костей и совсѣмъ оледенѣвъ, вернулись искатели приключеній на прежнюю позицію.

— Если бы Капперъ поторопился! — сказалъ Дикъ. — Обѣщаюсь поставить свѣчку св. Маріи въ Шорби, если онъ вернется раньше нежели черезъ часъ!

— Если Джонъ скоро вернется, намъ не трудно будетъ справиться съ ними. Ихъ не болѣе двухъ десятковъ; я сужу по большому разстоянію, на какомъ разставлены ихъ часовые. Одному десятку людей легко перестрѣлять ихъ какъ воробьевъ...

Послѣдній свѣтъ погасъ въ домикѣ, когда они бродили по отмели, и невозможно было предсказать, въ какой моментъ люди, стороживше домъ, предпримутъ нападеніе. Изъ двухъ золъ Дикъ предпочиталъ меньшее, а именно: чтобы Джоанна лучше оставалась въ рукахъ сэра Даніэля, чѣмъ попала въ руки лорда Шорби; и потому рѣшилъ, если на домъ будетъ сдѣлано нападеніе, придти на помощь осажденнымъ.

Но время проходило, а никакого движенія не было замѣтно. Черезъ каждую четверть часа одинъ и тотъ же сигналъ передавался по садовой стѣнѣ, какъ будто бы предводитель желалъ удостовѣриться въ томъ, что его часовые не дремлютъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ домикъ не тревожили.

Но вотъ стали подходить люди Дика. Ночь еще не очень надвинулась, какъ уже съ десятокъ людей явилось къ нему на пустырь.

Раздѣливъ ихъ на два отряда, онъ принялъ на себя командованіе мѣньшимъ, а бо́льшій довѣрилъ Гриншеву.

— Ну, Кипъ, — сказалъ онъ послѣднему, — отведи своихъ людей къ ближайшему углу садовой стѣны, которая выходитъ на морской берегъ. Поставь ихъ на стражу, и ждите, пока не услышите моей аттаки съ другой стороны. Только тѣхъ, которые разставлены съ моря, я опасаюсь, потому что между ними навѣрное ихъ вожакъ. Остальные навѣрное обратятся въ бѣгство. А теперь, помните, не пускайте въ ходъ стрѣлъ; вы можете ранить другъ друга. Придерживайтесь сабли и кинжала; если мы одолѣемъ, то каждому изъ васъ обѣщаю по золотому нобелю, когда получу свое помѣстье.

Изъ разнокалиберной компаніи, составленной изъ разорен-

ныхъ крестьянъ, ограбленныхъ мѣщанъ, воровъ и убійцъ, собранныхъ Дэквортомъ, чтобы служить его мстительнымъ цѣлямъ, нѣкоторые храбрѣйшіе и привычные къ войнѣ люди согласились послѣдовать за Ричардомъ Шельтономъ. Надзоръ за всѣми движеніями сэра Даніэля въ городѣ показался имъ скучнымъ, и они уже начинали роптать и грозиться, что уйдутъ. Перспектива драки и грабежа вернула имъ хорошее расположеніе духа, и они весело приготовлялись къ дѣлу.

Сбросивъ длинныя блузы, одни изъ нихъ оказались въ зеленыхъ камзолахъ, другіе—въ кожаныхъ курткахъ, а подъ капюшонами были надѣты шлемы съ мѣдными бляхами. Оружіе же состояло изъ кинжаловъ, сабель и шнагъ, не говоря уже про самострѣлы, и все это давало имъ возможность помѣряться силами съ любымъ феодальнымъ войскомъ.

Зойдя съ другой стороны дома, Дикъ выстроилъ своихъ шестерыхъ человѣкъ въ линію на разстояніи двадцати ярдовъ отъ садовой стѣны, и самъ занялъ позицію передъ фронтомъ. Послѣ того, съ громкимъ крикомъ, они бросились на непріятеля.

Этотъ послѣдній, разбросанный на большомъ разстояніи, застигнутый врасплохъ, вскочилъ на ноги и въ нерѣшительности ничего не предпринималъ. Прежде нежели они успѣли опомниться или даже составить себѣ понятіе о числѣ нападающихъ, подобная же бранная тревога раздалась и на отдаленныхъ концахъ садовой ограды. Послѣ того они совсѣмъ потеряли голову и пустились бѣжать.

Такимъ образомъ оба маленькихъ отряда направили свои силы на стражу у морского берега. Но битва еще далеко не была рѣшена. Хотя на сторонѣ разбойниковъ Дика было преимущество неожиданности нападенія, но все же число противниковъ значительно превышало ихъ собственное. Тѣмъ временемъ наступилъ приливъ; берегъ морской превратился въ узенькую полоску земли, и на этомъ мокромъ пространствѣ, между прибоемъ и садовой стѣной, начался въ темнотѣ сомнительный, ожесточенный и смертный бой.

Неизвѣстные были хорошо вооружены; они молча нападали на атакующихъ, и бой превратился въ цѣлый рядъ поединковъ. Дику, первому кинувшемуся въ битву, пришлось сражаться одному противъ троихъ; перваго онъ свалилъ съ ногъ тотчасъ же; но двое другихъ такъ рьяно набросились на него, что ему пришлось отступить. Одинъ изъ его противниковъ былъ громаднаго роста человѣкъ, почти великанъ, и вооруженъ саблей съ двумя лезвеями. Другой человѣкъ, мѣньшаго роста и не такой проворный,

пріостановился на минуту, вглядываясь въ темноту и прислушиваясь къ шуму битвы.

Великанъ же преслѣдовалъ отступавшаго передъ нимъ Дика, выжидавшаго удобнаго момента для нападенія. Громадная сабля размахивалась направо и налѣво, а Дикъ ловко уклонялся то въ ту, то въ другую сторону, и, улучивъ удобную минуту, всадилъ свое копье въ бокъ противнику. Крикъ агоніи былъ ему отвѣтомъ, и прежде чѣмъ раненый человѣкъ успѣлъ поднять свое страшное оружіе, Дикъ, дважды повторивъ свой ударъ, повалилъ его на землю.

Въ слѣдующій моментъ ему пришлось имѣть дѣло съ болѣе равномѣрнымъ противникомъ. Они были одинаковаго роста и одинаковой силы: Дикъ, напирая на своего противника, загналъ его почти въ воду, и тотъ, поскользнувшись на мокромъ пескѣ, упалъ.

Дикъ приставилъ шпагу къ его горлу.

— Сдавайтесь!—сказалъ онъ.—Я вамъ дарю жизнь.

— Сдаюсь, — отвѣчалъ тотъ, поднимаясь на колѣни. — Вы сражаетесь, какъ юноша неопытный, но храбрый. Ведите меня къ вашему капитану; необходимо прекратить эту рѣзню.

— Сэръ,—отвѣчалъ Дикъ,—если только у этихъ храбрецовъ есть капитанъ, то капитанъ этотъ—я самъ.

— Ну, такъ отзовите своихъ собакъ, а я прикажу своимъ вилланамъ угомониться.

Въ голосѣ говорившаго было такъ много благородства, что Дикъ отогналъ всѣ мысли объ измѣнѣ.

— Кладите оружіе, люди!—закричалъ неизвѣстный рыцарь: —я сдался съ обѣщаніемъ пощады жизни!

Тонъ рыцаря былъ необыкновенно повелительный, и битва почти тотчасъ прекратилась.

— Лоулесъ!—закричалъ Дикъ:—ты цѣлъ?

— Цѣлъ и невредимъ,—отвѣчалъ Лоулесъ.

— Засвѣти фонарь!—закричалъ Дикъ.

— Сэръ Даніэль здѣсь?—спросилъ рыцарь.

— Сэръ Даніэль?—повторилъ Дикъ.—Нѣтъ, клянусь мессой, его тутъ нѣтъ. Плохо бы ему пришлось, еслибы онъ былъ здѣсь.

— Плохо? но кто же вы въ такомъ случаѣ, если вы не изъ приверженцевъ сэра Даніэля? Я ничего больше не понимаю и прошу объяснить, кому же я сдался?

Но прежде, нежели Дикъ успѣлъ отвѣтить, чей-то голосъ въ темнотѣ проговорилъ съ почтительнымъ поклономъ:

— Милордъ, если эти джентльмены—недруги сэра Даніэля,

то, право, жаль, что мы дрались съ ними; но еще хуже будетъ, если они и мы замѣшкаемся здѣсь. Сторожа въ домѣ — если только они всѣ не умерли со страха и не глухи—должны были слышать поднятый нами шумъ и дали знать въ городъ. Если мы не поторопимся, то должны будемъ биться съ новымъ врагомъ.

— Гоуксли правъ, — сказалъ лордъ. — Что скажете, сэръ? куда прикажете намъ идти?

— Милордъ, куда вамъ угодно, — отвѣчалъ Дикъ: — я подозрѣваю, что мы должны быть друзьями, и если я началъ знакомство съ грубости, то не намѣренъ такъ продолжать. А потому разстанемся, милордъ, пожавъ другъ другу руки, и въ тотъ часъ и въ томъ мѣстѣ, какіе вамъ угодно будетъ назначить, сойдемся и сговоримся другъ съ другомъ.

— Вы довѣрчивы, юноша, но на этотъ разъ ваше довѣріе не будетъ обмануто. Я сойдусь съ вами на разсвѣтѣ у Креста Св. Невѣсты. За мной, команда!

Незнакомцы исчезли съ подозрительной быстротой. А Дикъ снова обошелъ домъ и въ слуховомъ окнѣ верхняго этажа увидѣлъ свѣтъ. То былъ, конечно, сигналъ, который можно было видѣть изъ городского дома сэра Даніэля, и Дикъ не сомнѣвался больше, что предположеніе Гоуксли справедливо: воины тэнстолльскаго рыцаря вскорѣ появятся на мѣстѣ дѣйствія.

Онъ приложилъ ухо къ землѣ, и ему показалось, что онъ слышитъ стукъ лошадиныхъ копытъ въ направленіи отъ города. Онъ поспѣшилъ къ своимъ разбойникамъ, и нѣсколько минутъ позже, когда изъ ближайшихъ проулковъ Шорби показалось десятка два-три всадниковъ, скакавшихъ во весь опоръ, въ окрестностяхъ прибрежнаго домика все было тихо и спокойно.

А Дикъ и его люди тѣмъ временемъ вернулись въ харчевню „Козла“, чтобы успѣть вздремнуть до разсвѣта.

III.

У Креста св. Невѣсты.

Крестъ св. Невѣсты находился немного позади Шорби, на опушкѣ тэнстолльскаго лѣса. Двѣ дороги перекрещивались тамъ: одна вела изъ Рейзингема, и по ней, какъ мы видѣли, бѣжала въ безпорядкѣ разбитая ланкастерская армія. Здѣсь обѣ дороги соединялись и вели внизъ съ горы въ Шорби, а немного по-

зади перекрестка, на вершинѣ небольшого горбыля стоялъ древній и потемнѣвшій отъ непогоды крестъ.

Сюда въ семь часовъ утра явился Дикъ. Было по прежнему очень холодно, земля побѣлѣла отъ мороза, и небо на востокѣ окрашено было въ пурпуровый и оранжевый цвѣта.

Дикъ усѣлся на низшей ступенькѣ креста, плотнѣе завернулся въ плащъ и зорко поглядывалъ во всѣ стороны. Ему не пришлось долго ждать. По дорогѣ изъ Голивуда показался джентльменъ на благородномъ конѣ, въ богатомъ и блестящемъ вооруженіи, поверхъ котораго наброшенъ былъ плащъ изъ рѣдчайшаго мѣха.

За двадцать ярдовъ разстоянія отъ него слѣдовалъ отрядъ всадниковъ, но они остановились въ виду Креста, и джентльменъ въ мѣховомъ плащѣ одинъ направился къ Дику.

Забрало было поднято; и лицо рыцаря, повелительное и важное, соотвѣтствовало богатству его одѣянія и оружія. Не безъ смущенія поднялся Дикъ со ступеньки и пошелъ на-встрѣчу своему плѣннику.

— Благодарю васъ, милордъ, за акуратность,—сказалъ онъ. —Угодно вашему лордству сойти съ коня?

— И вы тутъ одинъ, молодой человѣкъ?—спросилъ рыцарь.

— Нѣтъ, я не такъ простъ,—отвѣчалъ Дикъ:—говоря откровенно, лѣсъ полонъ моими молодцами, вооруженными съ ногъ до головы.

— Вы поступили благоразумно. Мнѣ это нравится, тѣмъ болѣе, что прошлою ночью вы дрались какъ полоумный, и скорѣе какъ дикій сарацинъ, нежели христіанскій воинъ. Но мнѣ не пристало порицать, когда я все-таки былъ побѣжденъ.

— Вы были побѣждены, милордъ, не мною, но воинами, которые свалили васъ съ ногъ.

— Вы скромны. Какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Шельтонъ.

— А меня люди величаютъ лордомъ Фоксгемомъ.

— Значитъ это вы, милордъ, опекунъ прелестнѣйшей дѣвушки въ Англіи, и я попрошу у васъ какъ милости, но не какъ выкупа, даровать мнѣ руку моей дамы, Джоанны Сэдли, и принять взамѣнъ того мою благодарность и услуги, до послѣдняго издыханія?

— Но развѣ вы не питомецъ сэра Даніэля? мнѣ кажется, —если только вы сынъ Гарри Шельтона,—что я когда-то слышалъ объ этомъ.

— Не угодно ли будетъ вашему лордству сойти съ коня? Я разскажу подробно, кто я, какое мое званіе и почему я такъ смѣлъ въ своихъ требованіяхъ. Прошу васъ, милордъ, присядьте на эту ступеньку, выслушайте меня до конца и судите снисходительно.

Говоря это, Дикъ протянулъ лорду Фоксгему руку, чтобы помочь сойти съ лошади, довелъ его до горбыля съ Крестомъ, усадилъ на то мѣсто, съ котораго самъ только-что всталъ, и, почтительно стоя передъ своимъ благороднымъ плѣнникомъ, передалъ всю свою исторію вплоть до событій послѣдняго вечера.

Лордъ Фоксгемъ слушалъ внимательно, и, когда Дикъ кончилъ, сказалъ:

— Мастэръ Шельтонъ, вы самый счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый несчастный молодой джентльменъ; но счастіе свое вы заслужили, а въ несчастіяхъ неповинны. Успокойтесь духомъ, потому что вы пріобрѣли друга, который не лишенъ ни власти, ни милости. Что касается васъ самихъ, то хотя особѣ вашего происхожденія неприлично водиться съ разбойниками, я долженъ сознаться, что лично вы и благородны, и смѣлы, и очень опасны какъ врагъ, но вѣжливы какъ мирный гражданинъ. Что касается вашихъ помѣстій, то если свѣтъ не перемѣнится, — вы никогда ихъ не получите; до тѣхъ поръ, пока сильна ланкастерская партія, до тѣхъ поръ сэръ Даніэль будетъ владѣть ими какъ своими собственными. Что касается моей питомицы, то это другое дѣло; я обѣщалъ сначала ея руку одному джентльмену моего дома, родственнику, нѣкоему Гемли; обѣщаніе это давнишнее...

— О, милордъ, а теперь сэръ Даніэль обѣщалъ ее лорду Шорби!—перебилъ Дикъ.—И хотя его обѣщаніе недавно дано, но будетъ приведено въ исполненіе.

— Святая истина,—отвѣчалъ милордъ.—И принимая, кромѣ того, во вниманіе, что я вашъ плѣнникъ, сдавшійся при одномъ лишь условіи, что дана будетъ пощада жизни, и кромѣ того дѣвушка была бы несчастна, еслибы вышла за другого, въ виду всего этого, я согласенъ отдать ее вамъ. Помогите мнѣ съ своими добрыми товарищами похитить ее.

— Милордъ!—вскричалъ Дикъ:—вѣдь это тѣ самые разбойники, за знакомство съ которыми вы меня упрекали.

— Нужды нѣтъ; они умѣютъ драться, — отвѣчалъ лордъ Фоксгемъ.—Помогите мнѣ, и если мы успѣемъ увезти дѣвушку, даю вамъ мое рыцарское слово, что она выйдетъ за васъ замужъ!

Дикъ опустился-было на одно колѣно передъ своимъ плѣнникомъ, но тотъ, вставъ съ мѣста, поднялъ юношу и обнялъ его какъ сына.

IV.

Часомъ позже Дикъ вернулся въ трактиръ „Козла“ и выслушалъ доклады своихъ гонцовъ и часовыхъ. Дэкворта все еще отсутствовалъ изъ Шорби; но это очень часто случалось, такъ какъ онъ игралъ самыя разнообразныя роли, участвовалъ въ самыхъ разнообразныхъ интересахъ и велъ много различныхъ дѣлъ. Онъ основалъ товарищество „Черной Стрѣлы“ какъ разорившійся человѣкъ, жаждущій мести и денегъ. Но при этомъ тѣ, которые его хорошо знали, считали его эмиссаромъ и агентомъ великаго поставщика королей для Англіи, Ричарда графа Варвика.

Въ его отсутствіе, во всякомъ случаѣ, команда переходила въ руки Ричарда Шельтона, и въ то время, какъ онъ сидѣлъ за завтракомъ, умъ его былъ полонъ заботъ, а лицо выражало глубокую задумчивость. Между нимъ и лордомъ Фоксгемомъ было условлено попытаться силой освободить Джоанну Седли. Препятствія были, однако, значительныя, и одинъ за другимъ его развѣдчики приносили ему самыя неутѣшительныя вѣсти.

Сэръ Даніэль встревожился схваткой прошедшей ночи и усилилъ гарнизонъ въ домикѣ; но, не довольствуясь этимъ, разставилъ конныхъ часовыхъ въ сосѣднихъ переулкахъ, такъ что могъ немедленно узнать обо всемъ, что тамъ происходило. А на дворѣ его городского дома кони стояли осѣдланные, и всадники, вооруженные съ головы до ногъ, ждали только сигнала, чтобы скакать на подмогу.

Предпріятіе оказывалось болѣе труднымъ, нежели думали сначала. Вдругъ лицо Дика просвѣтлѣло.

— Лоулесъ!—закричалъ онъ:—ты былъ матросомъ; не можешь ли украсть для меня корабль?

— Мастэръ Дикъ,—отвѣчалъ Лоулесъ:—съ вашей помощью я готовъ украсть Іоркъ-Минстерскій соборъ.

Они пошли въ гавань.

Они уже раньше замѣтили небольшой бригъ, капитанъ котораго пьянствовалъ въ той самой харчевнѣ, гдѣ они постоянно пребывали.

Подъ покровомъ ночи они надѣялись увести судно, съ кото-

раго весь экипажъ безпечно сходилъ на берегъ, не находя нужнымъ сторожить свой корабль.

Сказано—сдѣлано. Ночью, какъ нарочно, разыгралась буря, и подъ прикрытіемъ ночного мрака и пользуясь тѣмъ, что буря загнала всѣхъ моряковъ въ сосѣдніе кабачки, смѣльчаки увели бригъ и отправились на подвигъ. Въ экспедиціи участвовалъ и самъ лордъ Фоксгемъ; тѣмъ не менѣе, она окончилась неудачно: буря разбила корабль. Искатели приключеній чуть не потонули, а выбравшись на берегъ, едва не были всѣ перебиты стражей сэра Даніэля. Лордъ Фоксгемъ былъ при этомъ тяжело раненъ, и такимъ образомъ Дикъ лишился на время цѣннаго союзника.

А. Э.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ

САЛТЫКОВЪ

Великій писатель, смерть котораго такъ тяжело отозвалась въ тысячахъ сердецъ, соединялъ въ своемъ лицѣ, съ удивительною полнотою, два типа, большею частью исключающіе другъ друга: онъ былъ столько же художникомъ, сколько и публицистомъ. Его влекла къ литературѣ способность создавать образы, воспроизводить жизнь—и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность прямо и непосредственно дѣйствовать на умы, возставать противъ застоя и регресса, способствовать торжеству „свободы, развитія и справедливости“ (этими тремя словами онъ самъ формулировалъ, въ „Мелочахъ жизни“, общій смыслъ своихъ стремленій). Конечно, не онъ одинъ видѣлъ въ искусствѣ нѣчто большее, чѣмъ совокупность „сладкихъ звуковъ“; но немного можно насчитать писателей-художниковъ, въ дѣятельности которыхъ игралъ бы такую важную роль элементъ борьбы, всегда вѣрной своимъ цѣлямъ, всегда новой въ своихъ средствахъ. Эта борьба втягивала въ себя Салтыкова, овладѣвала имъ все больше и больше—но вмѣстѣ съ тѣмъ и онъ владѣлъ ею, сохраняя въ самый ея разгаръ всѣ свойства истиннаго художника. Житейская волна не тянула его внизъ, не разбивала его о подводные камни; она несла его на себѣ, высоко поднимая его дарованіе. Боевымъ характеромъ, напримѣръ, проникнутъ насквозь „Столпъ“ Салтыкова—но это не мѣшаетъ герою разсказа, Дерунову, быть живымъ лицомъ, достойнымъ стать рядомъ съ Фамусовымъ и Чичиковымъ, съ главными представителями „темнаго царства“. Слово, въ рукахъ Салтыкова, было то мечомъ, наносившимъ тяжелые удары, то рѣзцомъ, тво-

ривши́мъ дивныя произведенія—или и тѣмъ и другимъ въ одно и то же время. Въ этомъ заключается, быть можетъ, разгадка страстной любви Салтыкова къ литературѣ—любви, устоявшей противъ всевозможныхъ испытаній и угасшей только съ самою жизнью. Дѣятельность Салтыкова начиналась въ то время, когда наша литература впервые стала истинно-просвѣтительною силой. Молодая и полная вѣры—„вѣры въ чудеса", т.-е. въ возможность быстраго и всесторонняго обновленія, — литература сороковыхъ годовъ „создала человѣчныя преданія, честную брезгливость; несмотря на свою изолированность, она дѣйствовала на большинство тогдашней интеллигенціи, въ молодыхъ отпрыскахъ которой уже можно было подмѣтить нѣкоторыя несомнѣнныя пробужденія, замѣчательныя по своей мучительной искренности". Къ числу такихъ молодыхъ отпрысковъ принадлежалъ тогда и Салтыковъ—и впечатлѣнія молодости легли въ основаніе культа, посвященнаго имъ литературѣ. Шли годы, общественная жизнь становилась разнообразнѣе и шире—но ничего изъ выдвинутаго ею не могло затмить собою перваго свѣта, возсіявшаго для юноши. Въ литературу вторглась „улица", ее наводнили „пустяки"—но за нею, и только за нею, все-таки осталась привилегія „гласить во всѣ концы", „глаголомъ жечь сердца людей". Этого было довольно, чтобы сохранить за нею любовь Салтыкова. Онъ былъ вѣренъ литературѣ до конца, до конца терпѣлъ изъ-за нея и вмѣстѣ съ нею, до конца находилъ въ ней утѣшеніе и силу. Въ противоположность другимъ крупнымъ русскимъ писателямъ, перешедшимъ за рубежъ зрѣлаго возраста, онъ продолжалъ работать, пока рука могла держать перо — работать непрерывно, неустанно, среди самыхъ тяжелыхъ физическихъ мученій. Знавшимъ Салтыкова было извѣстно, что жизнь его давно уже виситъ на волоскѣ, съ трудомъ поддерживаемая всѣмъ запасомъ средствъ, какимъ располагаетъ медицина—и тѣмъ поразительнѣе было видѣть, какъ быстро и успѣшно воздвигается зданіе „Пошехонской старины", ни въ чемъ не уступающее лучшимъ изъ его прежнихъ построекъ. Это явленіе единственное въ своемъ родѣ, объяснимое только тѣмъ, что для Салтыкова жить—значило писать, т.-е. воплощать въ художественномъ словѣ все созданное фантазіей, все выработанное мыслью, все выстраданное сердцемъ.

Нормальна ли, однако, та комбинація разнородныхъ качествъ, блестящій примѣръ которой мы видимъ въ Салтыковѣ? Не большихъ ли результатовъ, не большей ли высоты достигъ бы Салтыковъ, еслибы съумѣлъ или захотѣлъ быть *только* художникомъ и притомъ художникомъ нетенденціознымъ? Этотъ вопросъ

ставился при жизни Салтыкова, ставится и послѣ его смерти. Его называютъ „крупнымъ художественнымъ талантомъ, загубленнымъ тенденціею“; высказывается сожалѣніе о томъ, что, начавъ съ живыхъ типовъ „Губернскихъ очерковъ“, онъ кончилъ „какими-то даже не всегда остроумными пошехонскими карикатурами“. Подъ именемъ „пошехонскихъ карикатуръ“ разумѣется здѣсь, конечно, не что иное, какъ „Пошехонская старина“—предсмертное произведеніе Салтыкова. Посмотримъ поближе, что оно знаменуетъ собою—упадокъ дарованія или одну изъ высшихъ точекъ его развитія? Возьмемъ самыя крупныя фигуры „Губернскихъ очерковъ“—Порфирія Петровича, Перегоренскаго, Марью Кузьмовну, „озорника“, „надорваннаго“; есть ли между ними хоть одна, которая могла бы быть поставлена на ряду съ матерью и отцомъ Никанора Затрапезнаго, съ Аннушкой, съ Сатиромъ-скитальцемъ, съ „образцовымъ хозяиномъ“ Арсеніемъ Потапычемъ? „Губернскіе очерки“ бросаютъ яркій свѣтъ на до-реформенную провинцію, на всемогущій, нѣкогда, міръ мелкаго и средняго чиновничества; они служатъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ „Ревизору“ и „Мертвымъ душамъ“,—но они не касаются послѣднихъ основъ, на которыхъ держался общественный строй крѣпостной Россіи. „Пошехонская старина“ доходитъ именно до этихъ основъ и даетъ первую *общую* ихъ картину. Она не освѣщена тѣмъ мягкимъ, нѣжнымъ свѣтомъ, въ которомъ часто является передъ нами давно прошедшее, полу-забытое; не упадаетъ на нее, зато, и отблескъ грозовыхъ тучъ, подъ которыми рушатся отжившіе порядки. Салтыковъ не примиренъ съ минувшимъ, но и не озлобленъ противъ него; онъ одинаково избѣгаетъ и розовой, и безусловно-черной краски. Ничего не идеализируя, онъ ничего не извращаетъ, и впечатлѣніе получается тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ живѣе чувствуется его близость къ истинѣ. Меньше всего, при такомъ отношеніи къ дѣлу, можетъ идти рѣчь о карикатурѣ. Что каррикатурнаго, напримѣръ, въ Аннѣ Павловнѣ Затрапезной? Она—вовсе не извергъ, вовсе не Салтычиха XIX-го вѣка, даже не Арина Петровна Головлева. Она по своему трудолюбива, энергична, предана интересамъ семьи. Въ большинствѣ случаевъ она пользуется своею властью довольно умѣренно; въ своемъ крѣпостномъ крестьянинѣ она видитъ иногда не только рабочую силу, но и человѣка. Только этимъ можно объяснить ея привязанность къ старостѣ Ѳедоту. Таковы, большею частью, и другія дѣйствующія лица; тетушка Анфиса Порфирьевна и ея мужъ составляютъ исключенія, которыя несомнѣнно бывали и въ дѣйствительности. Если на всѣхъ частяхъ картины лежитъ

печать чего-то удручающаго, принижающаго и властителей, и подвластныхъ, то въ этомъ заключается лучшій залогъ ея правдивости. Ничѣмъ другимъ не могла и быть деревенская крѣпостная Россія. Гдѣ-то на ея обширной поверхности могли разыгрываться идилліи въ родѣ той, которая нарисована въ „Снѣ Обломова"; но на одинъ благословенный уголокъ, въ родѣ Обломовки, сколько приходилось Малиновцевъ и даже Овсецовыхъ! Да и въ самой Обломовкѣ не происходили ли по временамъ сцены далеко не идиллическаго свойства?.. Крѣпостная эпоха еще не настолько канула въ вѣчность, чтобы иллюзіи на ея счетъ могли проходить безслѣдно и безвредно; громадная заслуга „Пошехонской старины" заключается именно въ томъ, что она идетъ въ разрѣзъ съ фальшивой идеализаціей прошедшаго.

Въ психическій міръ, созданный рабовладѣніемъ и рабствомъ, никто, кажется, не проникалъ такъ глубоко, какъ авторъ „Пошехонской старины". Никто не изображалъ съ такою яркостью безпредѣльную вѣру въ несокрушимость крѣпостного права—вѣру, дожившую, во многихъ помѣщичьихъ сердцахъ, чуть не до самаго 19-го февраля 1861 г. Оттѣнковъ, разновидностей этой вѣры было не мало; въ предводителѣ Струнниковѣ она выражалась не такъ, какъ въ „образцовомъ хозяинѣ" Пустотѣловѣ. Струнниковъ просто не въ силахъ себѣ представить, чтобы „все сіе" могло совершиться. Апатичный и вялый, онъ думаетъ, что неподвижность—законъ вселенной, по крайней мѣрѣ *русской* вселенной. „Всегда были рабы, и всегда будутъ"—вотъ его profession de foi, дополняемая разсчетомъ на то, что „у насъ государство основательное, настоящее", въ которомъ о свободѣ крестьянъ даже и говорить не полагается. У „образцоваго хозяина" вѣра столь же тверда, но корни ея отчасти другіе. Струнниковъ не допускаетъ мысли, чтобы могъ настать конецъ для его правдности, гарантированной закономъ; Пустотѣловъ не можетъ вообразить себя иначе какъ центромъ дѣятельности, заключающейся въ понуканіи другихъ, въ поощреніи—ударами нагайки—чужой работы. Струнниковъ и въ тѣ нетребовательныя времена считался недалекимъ, Пустотѣловъ слылъ умникомъ,—но на умниковъ, по справедливому замѣчанію Салтыкова, въ подобныхъ случаяхъ затмѣніе находитъ даже легче, чѣмъ на самыхъ простодушныхъ людей... Еще болѣе разнообразны типы, взятые Салтыковымъ изъ крѣпостной массы. Смиреніе, напримѣръ, по необходимости было тогда качествомъ весьма распространеннымъ; но пассивное, тупое смиреніе Конона не походитъ ни на мечтательное смиреніе Сатира-скитальца, стоящаго на рубежѣ между юродивымъ и расколь-

никомъ-протестантомъ, ни на воинствующее смиреніе Аннушки, не даромъ возбуждающее подозрѣнія Анны Павловны Затрапезной. Въ лицѣ Аннушки возстаетъ передъ нами цѣлая категорія рабовъ, до сихъ поръ едва затронутая нашей литературой—рабовъ *по убѣжденію*, мирившихся съ рабствомъ, но отнюдь не съ рабовладѣльцами. Это—не патріархальные слуги, беззавѣтно преданные своему господину; это покорные страстотерпцы, утѣшающіеся мыслью, что „рабство—временное испытаніе, предоставленное избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ". Отсюда только одинъ шагъ до размышленій о томъ, что же ожидаетъ, въ этомъ будущемъ, господъ—виновниковъ рабскихъ страданій?.. И по замыслу, и по исполненію Аннушка—одна изъ самыхъ выдающихся фигуръ „Пошехонской старины". Она остается вѣрной сама себѣ до самой смерти. „Слава Богу,—говоритъ она, умирая,—не оставилъ меня Царь Небесный своею милостью! Родилась рабой, жизнь прожила рабой у господъ, а теперь, ежели сподобитъ Всевышній Батюшка умереть, на вѣки вѣчные останусь... Божьей рабой". Иначе разстается съ жизнью Сатиръ-скиталецъ. Завѣтная его мечта—сложить съ себя узы рабства еще на землѣ, хоть на самое короткое время; онъ надѣется поступить въ монастырь, гдѣ съ него снимутъ „рабскій образъ" и дадутъ ему возможность „явиться на вышній судъ въ ангельскомъ чинѣ". Надеждѣ его не суждено осуществиться; онъ заболѣваетъ, жизнь его быстро приближается къ концу. „Однажды привидѣлся ему сонъ. Стоитъ будто онъ въ ангельскомъ образѣ, окутанный свѣтлымъ облакомъ, въ ушахъ раздается сладкогласное ангельское славословіе, а передъ глазами присносущій свѣтъ Христовъ горитъ... Всѣ земныя болѣсти съ него какъ рукой сняло; кашель улегся, грудь дышетъ легко; все существо устремляется въ высь и въ высь... Инокъ Серапіонъ!—слышится ему голосъ, исходящій изъ сіяющей глубины. Такъ, во снѣ, и предсталъ онъ въ ангельскомъ чинѣ передъ вышній судъ Божій". Для Сатира, какъ и для Аннушки, смерть не представляетъ ничего страшнаго; наоборотъ, она является для нихъ избавленіемъ отъ бѣдъ, освобожденіемъ отъ рабства. Такое значеніе она имѣла тогда для милліоновъ людей—и это выражено съ удивительною силой въ другомъ мѣстѣ „Пошехонской старины", на ряду съ которымъ можно поставить только „Тишину" Некрасова („Храмъ воздыханій, храмъ печали, убогій храмъ земли твоей: тяжеле стоновъ не слыхали ни римскій Петръ, ни Колизей! Сюда народъ, тобой любимый, своей тоски неодолимой святое бремя приносилъ—и облегченный уходилъ!"). „Пускай вериги рабства,—восклицаетъ Сал-

тыковъ, изображая простую, теплую вѣру простого человѣка,— пускай вериги рабства съ каждымъ часомъ все глубже и глубже впиваются въ его изможденное тѣло—онъ вѣритъ, что злосчастіе его не безсрочно, и что наступитъ минута, когда правда осіяетъ его, наравнѣ съ другими алчущими и жаждущими. И вѣра его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не изсякнетъ источникъ слезъ и не замретъ въ груди послѣдній вздохъ. Да! колдовство рушится, цѣпи рабства падутъ, явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма! Ежели не жизнь, то смерть совершитъ это чудо. Недаромъ, у подножія храма, въ которомъ онъ молится, находится сельское кладбище, гдѣ сложили кости его отцы. И они молились тою же безсловной молитвой, и они вѣрили въ то же чудо. И чудо совершилось: пришла смерть и возвѣстила имъ свободу. Въ свою очередь, она придетъ и къ нему, вѣрующему сыну вѣровавшихъ отцовъ, и, свободному, дастъ крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, навстрѣчу свободнымъ отцамъ"... Когда Салтыковъ писалъ это чудное „стихотвореніе въ прозѣ", смерть носилась уже вокругъ него, онъ чувствовалъ ея близость; не ожидалъ ли и онъ отъ нея, и только отъ нея, свободы и покоя?..

Помимо своего общественнаго и художественнаго значенія, „Пошехонская старина" драгоцѣнна тѣмъ, что даетъ возможность заглянуть въ исторію дѣтства Салтыкова, т.-е. именно той поры его жизни, которая до тѣхъ поръ была всего менѣе извѣстна. Мы знали, какія сѣмена запали всего глубже въ его молодую душу; теперь мы узнаемъ, что̀ приготовило для нихъ благодарную почву [1]). Предоставленный самому себѣ, ребенокъ, въ счастливый для него часъ, отыскалъ между учебниками „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ". О Евангеліи онъ слышалъ прежде только какъ о принадлежности богослуженія, какъ о церковно-служебномъ моментѣ. Ему самому, какъ и всѣмъ его окружавшимъ, внутреннее содержаніе евангельскаго ученія оставалось совершенно закрытымъ; религіозность его была чисто внѣшняя, заученная, не усвоенная сердцемъ. Тѣмъ сильнѣе подѣйствовали на него евангельскія сказанія, когда онъ приступилъ къ чтенію ихъ свободно, по доброй волѣ, безъ всякаго посторонняго руко-

[1]) Мы не упускаемъ изъ виду, что Салтыковъ просилъ не смѣшивать его личность съ личностью Никанора Затрапезнаго, отъ имени котораго ведется разсказъ; но нѣкоторую примѣсь автобіографическаго элемента самъ авторъ „Пошехонской старины" не отрицаетъ—и ее позволительно находить больше всего въ лирическихъ порывахъ, прерывающихъ разсказъ. *Такъ* говорить можно только о томъ, что̀ перечувствовано и пережито.

водства. Оно произвело въ ребенкѣ полный жизненный переворотъ. „Я не говорю,—читаемъ мы въ „Пошехонской старинѣ“,—ни о той восторженности, которая переполнила мое сердце, ни о тѣхъ, совсѣмъ новыхъ, образахъ, которые вереницами проходили передъ моимъ умственнымъ взоромъ; все это было въ порядкѣ вещей, но въ то же время играло второстепенную роль. Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. Я вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То *свое*, которое внезапно заговорило во мнѣ, напоминало мнѣ, что и *другіе* обладаютъ такимъ же равносильнымъ *своимъ*. И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ... Въ этомъ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ попытокъ самообученія“. Эта страница объясняетъ многое въ дѣятельности Салтыкова.. Она указываетъ на то, какъ глубоко коренится его сочувствіе къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“; она помогаетъ понять, почему, негодуя противъ „улицы“ и „толпы“, Салтыковъ всегда стоялъ на сторонѣ „человѣка, питающагося лебедою“. И прежде нужно было быть намѣренно слѣпымъ, чтобы не видѣть, за отрицаніемъ и горькимъ смѣхомъ, положительныхъ идеаловъ Салтыкова; теперь они становятся еще яснѣе, потому что выступаетъ на видъ первый, ранній фазисъ ихъ развитія. У Салтыкова, какъ у Некрасова, протестъ противъ „крѣпостныхъ цѣпей“, воспитанный впечатлѣніями дѣтства, долженъ былъ обратиться, со временемъ, въ протестъ противъ всякихъ „иныхъ“ цѣпей, „придуманныхъ въ замѣнъ крѣпостныхъ“; заступничество за раба должно было перейти въ заступничество за гражданина и человѣка.

Къ числу причинъ, *загубившихъ* талантъ Салтыкова, консервативные „цѣнители и судьи“ относятъ, кромѣ тенденціи, еще исканіе „дешевой популярности“. Насъ хотятъ увѣрить, что „Щедринъ эксплуатировалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ общечеловѣческую слабость, всего болѣе присущую намъ, русскимъ, и состоящую въ стремленіи посмѣяться надъ начальствомъ. Въ любой школѣ всегда найдется ученикъ, пользующійся большою популярностью среди своихъ товарищей, благодаря тому, что передразниваетъ своихъ наставниковъ и рисуетъ на нихъ смѣшныя каррикатуры. Та же самая школьническая наклонность проявляется и у взрослыхъ людей, которые тоже не прочь потѣшиться *надо всѣмъ, что повыше ихъ*. Щедринъ понялъ все, что̀ можно было извлечь изъ этой наклонности: онъ сдѣлалъ шагъ дальше и употребилъ все свое блестящее дарованіе на то, чтобы издѣваться не надъ какимъ-нибудь отдѣльнымъ начальникомъ, а надъ правительственною властью вообще. Онъ не ошибся въ разсчетахъ: онъ въ одно и то же время прослылъ и геніальнымъ сатирикомъ, и столпомъ либерализма... Если резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ то положеніе Россіи, которое изображается на всякіе лады въ многотомныхъ сатирахъ Щедрина, то оно представится намъ въ слѣдующемъ видѣ: въ Россіи нѣтъ ни одного представителя административной власти, отъ министра до послѣдняго городового включительно, который не былъ бы безчеловѣчнымъ извергомъ или круглымъ идіотомъ; населеніе Россіи состоитъ изъ самыхъ мирныхъ, кроткихъ, наивныхъ обывателей, которые терпятъ невѣроятныя мученія, истязанія и преслѣдованія со стороны вышеописанныхъ представителей администраціи; однимъ только негодяямъ, пошлякамъ и мошенникамъ счастливо живется въ Россіи. Эти три совершенно фальшивыя, но въ высшей степени благодарныя темы послужили основаніемъ для безконечныхъ варіацій. Щедринъ перетасовывалъ и пережевывалъ ихъ на всевозможныя манеры, такъ что подъ конецъ многимъ даже изъ своихъ поклонниковъ оскомину набилъ. Дальше этого онъ не шелъ, потому что на этомъ пути дальше идти некуда, а всякій другой путь для своего таланта онъ самовольно (? добровольно?) закрылъ, въ угоду все той же модѣ и тенденціи. Отъ него требовали все новыхъ и новыхъ, все болѣе и болѣе пикантныхъ каррикатуръ, и онъ подъ конецъ уже ничѣмъ, кромѣ каррикатуръ, успѣха добыть себѣ не могъ“.

Мы привели эту длинную выписку, потому что она воспроизводитъ довольно полно и довольно рельефно цѣлую группу ходячихъ обвиненій противъ Салтыкова. До крайности слабой, просто

жалкой представляется здѣсь уже самая постановка вопроса. Что̀ сказать, въ самомъ дѣлѣ, о попыткѣ объяснить всю многолѣтнюю дѣятельность выдающагося писателя (въ крупномъ талантѣ не отказываютъ Салтыкову и самые ожесточенные его противники) *разсчетомъ*, однимъ разсчетомъ? Разсчетъ, т.-е. холодное, спокойное взвѣшиванье шансовъ успѣха, возможенъ, какъ нѣчто обычное и постоянное, развѣ со стороны писателей-ремесленниковъ, со стороны людей, не имѣющихъ ни призванія, ни любви къ литературѣ. Только для нихъ онъ можетъ служить единственнымъ или главнымъ стимуломъ дѣятельности. Даровитый писатель всегда зависитъ, болѣе или менѣе, отъ своего дарованія; онъ идетъ туда, куда оно его влечетъ, чувствуя или сознавая, что насиловать талантъ—значитъ подрывать самыя его основы. Еще менѣе мыслимъ разсчетъ тогда, когда съ большимъ художественнымъ дарованіемъ соединяется, какъ въ Салтыковѣ, глубина и стойкость мысли. Говорить *иначе* Салтыковъ не могъ въ силу особенностей своей натуры; говорить *не то* онъ не могъ въ силу своихъ убѣжденій. Видѣть въ немъ исключительно или преимущественно „потѣшника“, „забавника“,—значитъ выдавать самому себѣ самое безотрадное testimonium paupertatis. Есть у него, конечно, сцены, даже цѣлые очерки, прямо бьющіе на то, чтобы разсмѣшить читателя,—но ихъ сравнительно немного, и они составляютъ тотъ балластъ, безъ котораго не обходятся произведенія самыхъ крупныхъ писателей. Наклонность посмѣяться надъ всѣмъ, что̀ „повыше“, не могла играть большой роли въ творчествѣ Салтыкова уже потому, что онъ самъ стоялъ очень высоко; чтобы видѣть тѣхъ, противъ кого направлялась его сатира, ему нужно было смотрѣть не вверхъ, а внизъ, иногда очень далеко внизъ. Сомнѣваться въ этомъ могутъ развѣ только тѣ, для которыхъ Салтыковъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ, позволявшій себѣ, въ явное нарушеніе служебной іерархіи, нападать на тайныхъ и даже (horribile dictu!) на дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

Тою же безнадежною узкостью мысли запечатлѣно и усиліе реакціонной газеты свести все сатирическое творчество Салтыкова къ тремъ темамъ, неподвижнымъ и неизмѣннымъ. Отличительной чертой щедринской сатиры служитъ, наоборотъ, безконечное разнообразіе содержанія и формы. Въ продолженіе цѣлой трети вѣка она слѣдитъ за всѣми фазисами русской общественной жизни, подмѣчаетъ едва нарождающіяся явленія, предугадываетъ ихъ иногда раньше, чѣмъ они успѣли обрисоваться, захватываетъ всю область, доступную для лучей сатирическаго

свѣта. Къ управляемымъ она такъ же безпощадна, какъ и къ управляющимъ; она нимало не идеализируетъ *обывателя*, не выставляетъ его ни „кроткимъ", ни „наивнымъ", не щадитъ даже „Иванушекъ" и „головотяповъ", хотя и жалѣетъ о горькой ихъ судьбинѣ. Уже „Губернскіе очерки" выводятъ на сцену не только Фейеровъ, Желваковыхъ и Порфиріевъ Петровичей, но и Лузгиныхъ и Буеракиныхъ, Живновскихъ и Перегоренскихъ. Изъ среды „обывателей" взяты Головлевы и Затрапезные, Деруновы и Разуваевы, кузины Машеньки и Натали Неугодовы, Балалайкины и Тонкачевы, Дракины и Прокопы, редакторы „Помоевъ" и „Чего изволите". Помпадурамъ и Ташкентцамъ, графамъ Твердоонто и Удавамъ нѣтъ причины жаловаться на исключительное вниманіе автора; ils sont en nombreuse compagnie, они составляютъ только одну изъ группъ въ пестрой толпѣ, нарисованной перомъ Салтыкова. Столь же невѣрно и то, что передъ лицомъ щедринской сатиры всякій представитель административной власти, безъ исключенія, оказывается либо „безчеловѣчнымъ извергомъ", либо „круглымъ идіотомъ". Салтыковъ—слишкомъ художникъ, чтобы изображать однѣ тѣни, безъ всякихъ проблесковъ свѣта. Одна изъ самыхъ сильныхъ сторонъ его дарованія — это умѣнье отыскать человѣка—въ звѣрѣ, божественную искру—среди глубокаго мрака. Припомнимъ, что ему удалось возбудить состраданіе даже къ Аринѣ Петровнѣ Головлевой, даже къ самому Іудушкѣ. „Безчеловѣчнымъ извергомъ" нельзя назвать ни Фейера, искренно преданнаго своей Каролинхенъ, ни Разумова („Больное мѣсто"), для котораго выше всего любовь къ сыну, ни Удава, живо чувствующаго, на старости лѣтъ, потерю надежды на „семейныя утѣшенія", ни даже „Ташкентцевъ", у которыхъ „послѣ угара болѣзненно бьется и сжимается сердце". Къ „круглымъ идіотамъ" нельзя причислить ни Быстрицына, ни Твердоонто, ни даже Митеньку и Ѳеденьку; вся бѣда въ томъ, что они попали не въ свои сани, что Быстрицынъ не остался при своихъ поросятахъ, Твердоонто—при своихъ лошадяхъ, Митенька и Ѳеденька—при тротуарахъ Невскаго проспекта.. Нѣсколько лучше формулирована третья тема, приписываемая Салтыкову: „однимъ только пошлякамъ, негодяямъ и мошенникамъ счастливо живется въ Россіи". Да, „Столпы" и „кандидаты въ столпы", Ѳеденьки Неугодовы и Филоѳеи Павлычи, Граціановы и Ѳедоты безспорно устраиваютъ свою жизнь лучше, чѣмъ Мосеичи („Сонъ въ лѣтнюю ночь"), Аппетовы и Парначевы—чѣмъ „непочтительный Коронатъ", Чемезовскій баринъ или владѣлецъ Монрепо; но развѣ это не согласно съ истиной? Развѣ, напримѣръ, фактъ „засилія",

взятаго кулаками, не признается самой реакціонной прессой (выводящей изъ него, конечно, совершенно невѣрныя заключенія)? Чтобы на Руси могли быть счастливы *одни только* негодяи, мошенники и пошляки, этого нельзя вывести изъ сочиненій Салтыкова; но еслибы такова и была его мысль, это нисколько бы не уменьшило значенія его дѣятельности. Преувеличеніе—одно изъ законныхъ орудій сатиры, если въ основаніи его лежитъ крупная доля правды. Для того, кто живетъ не одними личными интересами, трудно чувствовать себя счастливымъ при видѣ успѣха, достающагося Деруновымъ и Удавамъ.

Провозгласивъ односторонность и однопредметность щедринской сатиры, публицисты Страстного бульвара идутъ еще дальше и признаютъ ее *вредной*. „Салтыковъ,—читаемъ мы все въ той же газетной статьѣ,—издѣвался надъ правительственною властью въ то именно время, когда эта власть боролась противъ самой гнусной, самой преступной крамолы, которой онъ, такимъ образомъ, *сознательно* подавалъ свою руку. Онъ вооружался своимъ бичемъ не противъ цареубійцъ, а противъ вѣрныхъ царскихъ слугъ, которые проливали свою кровь, защищая престолъ... Въ тяжелое смутное время конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ сатиры Щедрина были *такимъ же развращающимъ и разрушающимъ орудіемъ* въ рукахъ нашихъ террористовъ, какъ и ихъ подпольные листки, заграничныя брошюры и *динамитныя бомбы*. Салтыковъ *зналъ это* и не прекращалъ своихъ глумленій надъ тѣми мѣрами, которыя правительству приходилось принимать въ борьбѣ съ революціоннымъ терроромъ. *Террористы* того времени дѣлились на нелегальныхъ и *легальныхъ* дѣятелей; Щедринъ былъ несомнѣнно самымъ яркимъ и самымъ даровитымъ представителемъ послѣдней категоріи, принесшей Россіи гораздо болѣе нравственнаго вреда, чѣмъ первая. Не изъ сочиненій ли Щедрина всего болѣе выносишь то фальшивое убѣжденіе, что все кругомъ насъ скверно, гнило и глупо? Не сочиненіями ли Щедрина зачитывалась и зачитывается, къ сожалѣнію, значительная часть нашей молодежи? Не на Щедринѣ ли, поэтому, лежитъ тяжкая доля отвѣтственности за тѣхъ несчастныхъ юношей, которые отданы были на съѣденіе революціоннымъ теоріямъ?“

Безусловно новымъ это обвиненіе назвать нельзя; и прежде уже не разъ слышались голоса, объявлявшіе Салтыкова *вреднымъ* писателемъ. Никогда, однако, обвинители не доходили до такой степени ожесточенія и наглой откровенности. Зависитъ это, по всей вѣроятности, отъ того, что при жизни обвиняемаго прямое сопричисленіе его къ „террористамъ“ было бы уже слишкомъ

похоже на дѣяніе, не вполнѣ уважаемое даже въ реакціонныхъ сферахъ. Теперь Салтыковъ огражденъ, лично, отъ всякой опасности; но нельзя сказать того же самаго о его сочиненіяхъ. Логическій выводъ изъ обвинительнаго акта, приведеннаго нами выше—это запрещеніе или по меньшей мѣрѣ сильное „сокращеніе“ щедринской сатиры. Его не высказываютъ обвинители, но онъ разумѣется самъ собою. Нужно же сломить орудіе крамолы, равное по своей разрушительной силѣ динамитнымъ бомбамъ; нужно же охранить несчастныхъ юношей, которыхъ чтеніе Салтыкова отдаетъ во власть революціонныхъ теорій. Покойный писатель предвидѣлъ возможность подобныхъ умозаключеній—и именно потому возмущался всею силою души противъ ярлыка, который старались къ нему пришпилить, какъ къ склянкѣ съ ядомъ. Приписывая свой неизлечимый недугъ душевнымъ мукамъ, неразрывно связаннымъ съ „писательствомъ“, онъ восклицалъ (въ „Мелочахъ жизни“): „чего со мной ни дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и всенародно объявляли, что я—вредный, вредный, вредный!“ Это слово, очевидно, не давало ему покою; онъ признавалъ его незаслуженнымъ, глубоко несправедливымъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего требовали отъ Салтыкова его принципіальные враги, не унявшіеся и послѣ его смерти? Активной борьбы противъ революціонныхъ и анархическихъ стремленій? Салтыковъ объяснилъ уже давно, почему она была для него невозможна (см. „Дневникъ провинціала“, стр. 271—2)—и это объясненіе показываетъ съ полною очевидностью, что молчаніе, въ данномъ случаѣ, не было равносильно согласію. Примирительнаго слова, которое могло бы послужить противовѣсомъ ненависти и отрицанію? Такимъ словомъ, сказаннымъ съ поразительною силой, было „Больное мѣсто“. Не вина Салтыкова, если протестъ противъ девиза: „со всѣмъ порвать“ прозвучалъ безслѣдно. Воздержанія отъ глумленія надъ людьми, жертвовавшими жизнью за царя, и надъ мѣрами, необходимыми для безопасности государства? Пускай намъ покажутъ, гдѣ и когда оно проявляется у Салтыкова. Прекращенія нападеній на слабыя стороны существующаго общественнаго строя? А если Салтыковъ былъ убѣжденъ, что здѣсь-то именно и коренилась опасность, грозившая государству? Есть два способа противодѣйствія болѣзни: пресѣченіе каждаго отдѣльнаго ея симптома—и изслѣдованіе ея общихъ, основныхъ причинъ, безъ устраненія которыхъ невозможно полное выздоровленіе. Салтыковъ до конца держался послѣдняго способа, и это тѣмъ менѣе можетъ быть поставлено ему въ вину, что онъ продолжалъ, такимъ образомъ, дѣло всей своей жизни...

Шумливая выходка „Московскихъ Вѣдомостей“ является, въ сущности, не чѣмъ другимъ, какъ новой варіаціей на старую тему о „надпольной“ и „подпольной“ печати. Пущенная въ ходъ еще покойнымъ „Берегомъ“, подхваченная Катковымъ, она служила знаменемъ въ борьбѣ противъ „либераловъ“, противъ свободнаго слова, противъ реформъ прошлаго царствованія; но теперь знамя обратилось въ изорванную тряпку, которую пора было бы запрятать куда-нибудь подальше. Московская газета вздумала-было подновить ее небывалымъ сочетаніемъ понятій (*легальный террористъ*), но этимъ только еще больше обнаружила ея абсолютную негодность. За словами, которыя, по извѣстному французскому выраженію, hurlent de se voir accouplés ensemble, ясно видиѣется нелѣпость мысли, невозможность предполагаемаго факта. Союзъ Салтыкова (союзъ, замѣтьте, *сознательный*) съ анархическими элементами—такой же миѳъ (тенденціозный, худо придуманный миѳъ), какъ и „легальный (!) революціонный терроръ“ въ самодержавномъ государствѣ.

Въ одномъ достоинствѣ нельзя отказать печальной статьѣ, о которой мы до сихъ поръ говорили: она написана, съ внѣшней стороны, сдержанно и прилично. Къ обвиненію въ государственномъ преступленіи она не присоединяетъ обвиненія въ цинизмѣ. Незавидную и неновую роль обвинителя по этому послѣднему пункту принялъ на себя другой, петербургскій органъ консервативной печати. По словамъ этого органа, „Салтыковъ первый сталъ употреблять въ печати нескромности, передъ которыми Гоголь отзывался наивностью, а Писемскій—стыдливостью. Успѣхъ этихъ нескромностей, кажется, сильно повредилъ автору: *онъ весь сосредоточился на сильныхъ словечкахъ*, перетряхнулъ весь лексиконъ непечатной игры ума (!), и, за истощеніемъ матеріала, сталъ самъ изобрѣтать эти словечки, иногда столь же нелѣпыя, какъ дѣланное шутовство г. Лейкина. Вкусу у него не было, но было много своеобразнаго пессимизма à la Собакевичъ“... Довольно; продолжать выписку было бы излишне,—столь же излишне, какъ и возражать автору, въ другой статьѣ ставящему Писемскаго—выше, Маркевича (!) и Мельникова—возлѣ Салтыкова. Мы хотѣли только показать, до какихъ геркулесовыхъ столповъ могло доходить, надъ незакрывшейся еще могилой, злобное чувство противъ великаго сатирика. По степени озлобленія можно судить о мѣткости вызвавшихъ его ударовъ...

По отношенію къ Салтыкову не сбылись слова Некрасова о томъ, кто „проповѣдуетъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья“ („и только гробъ его увидя, какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,

и какъ любилъ онъ, ненавидя"). Салтыковъ въ гробу остался дорогъ только для тѣхъ, кто понималъ и цѣнилъ его при жизни; его противниковъ не обезоружила даже всеобщая примирительница —смерть. „Сильнѣе смерти" оказалась, на этотъ разъ, не только любовь, но и ненависть. Мы вѣримъ, однако, что если не для насъ, то для нашихъ потомковъ настанетъ время безоблачной славы Салтыкова. Исчезнетъ злоба дня, тяготѣвшая надъ сатирикомъ, забудется все преходящее и случайное въ его произведеніяхъ, останутся лучшія его страницы и займутъ мѣсто между неумирающими памятниками русскаго искусства и русской мысли.

К. Арсеньевъ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ

IV *).

Исторія славянофильства есть лишь постепенное обличеніе той внутренней двойственности непримиренныхъ и непримиримыхъ мотивовъ, которая съ самаго начала легла въ основу этого искусственнаго движенія. Кто-то изъ русскихъ писателей довольно хорошо выразилъ эту роковую для славянофиловъ двойственность, назвавъ ихъ *археологическими либералами*. Прежде всего славянофилы хотѣли бороться противъ Петровской реформы, противъ западно-европейскихъ началъ—во имя древней, московской Руси. Но, рядомъ съ этимъ реакціонно-археологическимъ мотивомъ, столь же существенный интересъ имѣла для нихъ прогрессивно-либеральная борьба противъ дѣйствительныхъ золъ современной имъ Россіи, той Россіи, которая, по словамъ Хомякова, была —

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена, —

въ которой—по словамъ И. Аксакова—

Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь.

Тутъ не было бы никакого противорѣчія, еслибы все это рус-

*) См. выше: май, 290 стр.

ское зло было у насъ произведеніемъ европейской образованности, еслибы оно не существовало въ Россіи до Петра, и еслибы противъ него можно было бороться во имя какихъ-нибудь особыхъ „русскихъ началъ". Но, на самомъ дѣлѣ, все было какъ разъ наоборотъ. „Клеймо рабскаго ига" и „черная неправда судовъ" были прямымъ наслѣдіемъ старой московской Руси, остаткомъ до-Петровскаго времени, и бороться противъ этихъ самобытно-русскихъ явленій славянофиламъ приходилось вмѣстѣ съ западниками во имя чужихъ, европейскихъ идей. Они не могли не знать, что современное имъ крѣпостное право было лишь смягченною (благодаря Петру Великому и его преемникамъ) формою стариннаго холопства, и что до-Петровскіе суды и приказы еще менѣе отличались неподкупностью, нежели бюрократическія учрежденія Николаевскихъ временъ. При всемъ желаніи сваливать на Европу всѣ наши грѣхи, славянофилы никакъ не могли, однако, видѣть въ безправномъ холопствѣ и въ шемякиныхъ судахъ плоды европейничанья; они должны были, напротивъ, волей-неволей признать, что постепенное смягченіе нашихъ туземныхъ язвъ происходило со временъ Петра В. подъ вліяніемъ европейскаго образованія, а въ такомъ случаѣ странно было бы искать окончательнаго исцѣленія въ анти-европейской реакціи, въ поворотѣ къ до-Петровскимъ началамъ. Никакъ нельзя было отдѣлаться отъ того очевиднаго факта, что крѣпостники-помѣщики и взяточники-чиновники менѣе причастны были европейскому образованію, гораздо ближе по духу стояли къ старой русской жизни [1]), нежели ихъ противники и обличители—какъ западники, такъ и сами славянофилы, которые могли бороться противъ нашей общественной неправды *единственно только въ качествѣ европейцевъ*, ибо только въ общей сокровищницѣ европейскихъ идей могли они найти мотивы и оправданіе для этой борьбы.

Славянофилы хорошо чувствовали и сознавали общее коренное зло русской жизни, которымъ держались и рабовладѣльческія насилія, и бюрократическія неправды, и многое другое, такое же зло всеобщаго безправія, вслѣдствіе слабаго понятія о чести и достоинствѣ человѣческой личности. Этому злу они должны были

[1]) Еще ближе къ старой русской жизни оставалось большинство нашего купечества, которое И. Аксаковъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Большая часть купцовъ такъ нравственно, по милости денегъ, самостоятельна, что сохранила бороды... *Бороды* согласно древне-русскому направленію, презирая западное чувство чести, оставили себѣ на долю страхъ Божій. А такъ какъ Богъ далеко, да и обряды и посты облегчаютъ трудъ вѣры для человѣческой натуры, то эти бороды, строго постъ соблюдающія,—подлецы страшные".

противопоставлять и противопоставляли принципъ человѣческихъ правъ безусловнаго нравственнаго значенія самостоятельной личности—принципъ чисто-европейскій, западный, и ни съ какими „русскими началами“ не связанный [1]).

Въ чемъ же, однако, для самихъ славянофиловъ состояли эти ихъ „русскія начала“? Изо всего московскаго кружка только одинъ Константинъ Аксаковъ, по исключительно-отвлеченному характеру своего ума, могъ серьезно вѣрить въ превосходство древне-русскихъ учрежденій и формъ жизни. Только ему одному могло казаться, какъ иронически сообщаетъ его братъ, „что старинная администрація была превосходна, что внутреннія таможни между городами—прелесть, верхъ финансовыхъ соображеній, что кормленіе воеводъ—идеалъ справедливости“. За подобные взгляды къ нему въ ближайшемъ кругу относились какъ къ взрослому ребенку. „Кажется, остается желать, — писалъ его отецъ младшему сыну,—чтобы онъ на всю жизнь оставался въ своемъ пріятномъ заблужденіи, ибо прозрѣніе невозможно безъ тяжкихъ и горькихъ опытовъ: такъ пусть его живетъ да вѣритъ Руси совершенству“. За невозможностью преклоняться передъ государственными и гражданскими формами до-Петровской Руси, оставалось схватиться за чисто-внѣшнія формы быта. И, въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ первоначальномъ славянофильствѣ эти внѣшнія бытовыя формы стоятъ на первомъ планѣ, такъ что можно подумать, что, въ сущности, къ одному этому и сводятся пресловутыя русскія начала. Вотъ, напримѣръ, какая жалоба раздалась въ славянофильской средѣ по поводу правительственной мѣры противъ бороды и кафтана. „Итакъ, конецъ кратковременному возстановленію русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ! Конецъ надеждѣ на обращеніе къ *русскому направленію*. Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но, увѣрившись въ противномъ и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе“. Далѣе

---

[1]) И. С. Аксаковъ, какъ видно изъ недавно изданной его переписки, пожертвовалъ своею служебною карьерою ради сохраненія своихъ человѣческихъ правъ, которыя, по его взгляду, имѣютъ значеніе и для чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ. Совершенно ясно, что въ этомъ столкновеніи юнаго славянофила съ бюрократіею сія послѣдняя всецѣло стояла на почвѣ истинно-русскихъ началъ: смиренія передъ высшими, покорности начальству, чинопочитанія,—тогда какъ будущему издателю „Руси“, славянофилу, приходилось опираться исключительно на западные принципы: личной самостоятельности, человѣческаго достоинства и т. д.

авторъ письма называетъ ношеніе русскаго платья—„общественною дѣятельностью“.

Итакъ, съ одной стороны, борьба противъ дѣйствительныхъ золъ русской жизни—во имя европейскихъ идей, а съ другой стороны, не менѣе одушевленная борьба противъ европейскихъ сюртуковъ и фраковъ—во имя азіатскаго кафтана. Конечно, очень легко обобщить вопросъ, сказать, что дѣло шло не о европейскомъ платьѣ, а объ европейничаньѣ вообще. Но если подъ европейничаньемъ разумѣть поверхностное и безтолковое усвоеніе европейскихъ формъ съ сохраненіемъ такого азіатскаго содержанія, какъ крѣпостное право, старые суды и т. п., то противъ подобнаго европейничанья можно и должно возставать во имя европейскихъ же началъ, точно также какъ, напримѣръ, поверхностное и лицемѣрное усвоеніе христіанскаго благочестія слѣдуетъ обличать во имя самихъ же христіанскихъ началъ. Да и не будетъ ли это странною игрою словъ называть европейничаньемъ недостаточное усвоеніе русскимъ обществомъ европейскихъ идей? Для всякаго неослѣпленнаго ума было ясно, что зло русской жизни состояло въ томъ, что у насъ было слишкомъ мало европейскаго содержанія, а не въ томъ, что у насъ было слишкомъ много европейскихъ формъ, ибо послѣднія сами по себѣ безразличны. Для всякаго нравственнаго чувства крѣпостникъ-помѣщикъ, взяточникъ-чиновникъ—были противны своими азіатскими дѣйствіями, а не своею европейскою одеждою. Не менѣе ихъ противны были, какъ мы видѣли, самому Аксакову тѣ благочестивыя „бороды“, которыя и европейскаго платья не носили, да и вообще были уже совсѣмъ чисты отъ всякаго европейничанья.

V.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, разъяснившій тогда несовмѣстимость бороды съ дворянскимъ мундиромъ, былъ если и не самымъ основательнымъ, то, во всякомъ случаѣ, самымъ успѣшнымъ изо всѣхъ министерскихъ циркуляровъ. Онъ сразу и навсегда положилъ конецъ тому фазису славянофильства, въ которомъ вопросъ о „русскомъ направленіи“ сливался съ вопросомъ о русскомъ платьѣ. Когда нѣсколько лѣтъ спустя всѣмъ русскимъ подданнымъ возвращено было право облекаться въ какую угодно, хотя бы азіатскую одежду, славянофильство этимъ правомъ уже не воспользовалось, и слова Хомякова о необходимости „слиться съ жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и,

такъ сказать, обрядным единством, как средством къ достиженію единства истиннаго и еще болѣе как видимым его образомъ"—остались безъ всякаго послѣдствія.

Въ 1853 г. начинается новый фазисъ славянофильской дѣятельности. Вмѣсто бытовой борьбы противъ нашего домашняго западничества на почвѣ сюртуковъ и кафтановъ, выступаетъ теперь на первый планъ духовная борьба противъ самаго настоящаго Запада на почвѣ религіозной. Предупреждаю, что вовсе не буду здѣсь касаться предметовъ религіи по существу. Этого, на мой взглядъ, и не требуютъ тѣ явленія въ исторіи русскаго сознанія, о которыхъ идетъ рѣчь. Я нисколько не сомнѣваюсь въ искренней личной религіозности того или другого поборника „русскихъ началъ"; для меня ясно только, что въ *системѣ* славянофильскихъ воззрѣній нѣтъ законнаго мѣста для религіи *какъ таковой*, и что если она туда попала, то лишь по недоразумѣнію и, такъ сказать, съ чужимъ паспортомъ. Мнѣ придется говорить здѣсь не о православіи, а о томъ искусственномъ *православничаньи*, которое, по моему глубокому убѣжденію, имѣетъ весьма мало общаго съ истинною вѣрою русскаго народа.

Та доктрина, которая сама себя опредѣлила какъ *русское направленіе* и выступила во имя *русскихъ началъ*, тѣмъ самымъ признала, что для нея всего важнѣе, дороже и существеннѣе національный элементъ, а все остальное, между прочимъ и религія, можетъ имѣть только подчиненный и условный интересъ. Для славянофильства православіе есть аттрибутъ русской народности; оно есть истинная религія, въ концѣ концовъ, лишь потому, что его исповѣдуетъ русскій народъ. Отъ силы этого заключенія нельзя было отдѣлаться простою подстановкою словъ: „вселенская церковь"—вмѣсто слова: „Россія". Для однихъ изъ славянофиловъ требованіе быть православнымъ или „жить въ церкви" прямо входило какъ составная часть въ болѣе общее и основное требованіе: слиться съ жизнью русской земли. Въ умѣ другихъ эта зависимость религіозной истины отъ факта народной вѣры принимала болѣе тонкій и сложный, но, въ сущности, столь же нерелигіозный образъ.

Извѣстно, какъ обратился въ православіе И. В. Кирѣевскій, бывшій прежде раціоналистомъ. При видѣ чудотворной Иверской иконы Божьей Матери и „дѣтской вѣры" молящагося ей народа ему слѣдующимъ образомъ уяснилась тайна чудесной силы. „Да, это не просто доска съ изображеніемъ; вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силою, стру-

щеюся изъ нея, отражающеюся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми". Несмотря на то, что̀ есть вѣрнаго и трогательнаго въ такой мысли, она никакъ не можетъ быть основаніемъ собственно-религіознаго убѣжденія и дѣйствительнаго духовнаго общенія съ народомъ. По Кирѣевскому выходитъ, что предметъ народной вѣры всецѣло создается самою этою вѣрою; икона перестаетъ быть простою доскою съ изображеніемъ и становится священнымъ и даже чудотворнымъ предметомъ лишь посредствомъ многовѣкового накопленія молитвъ и возношеній; она, такъ сказать, намагничивается обращенною на нее душевною силою вѣрующаго народа. Но съ чего же этотъ народъ сталъ вдругъ въ нее вѣрить? По обыкновеннымъ религіознымъ понятіямъ истинная вѣра обусловлена извѣстными священными предметами, которые имѣютъ дѣйствительное значеніе сами по себѣ; икона не потому свята, что ей молятся, а, наоборотъ, ей молятся потому, что она свята. Если же допустить съ Кирѣевскимъ, что святость и чудесная сила сообщаются иконѣ только накопленіемъ людскихъ молитвъ и слезъ,—то спрашивается, къ чему же первоначально обращались эти молитвы, передъ чѣмъ проливались эти слезы? Дѣтская вѣра простого народа обратила къ православію родоначальника славянофильства; но сама эта народная вѣра, по его же взгляду, могла быть, значитъ, первоначально лишь случайнымъ самообольщеніемъ или безсмысленнымъ фетишизмомъ. Такъ, даже при самыхъ лучшихъ чувствахъ, не удается искусственное, преднамѣренное, субъективными мотивами вызываемое, сближеніе съ народомъ. Даже искренно вѣрующій славянофилъ все-таки остается внутренно чуждъ и непричастенъ народной вѣрѣ. Онъ вѣритъ въ народъ и въ его вѣру; но вѣдь народъ вѣритъ не въ самого себя и не въ свою вѣру, а въ независимые отъ него и отъ его вѣры религіозные предметы. Если русскій народъ вѣритъ въ чудотворныя иконы, то онъ признаетъ и ихъ чудесное происхожденіе, и ихъ чудесную исторію, связываетъ съ ними особую силу благодати Божіей, изначала имъ присущую и совершенно независимую отъ количества и качества возсылаемыхъ къ нимъ молитвъ. Теорія постепенной динамизаціи и пневматизаціи обыкновенныхъ вещественныхъ предметовъ, посредствомъ сосредоточенной на нихъ психической силы людей, можетъ удовлетворить сторонниковъ животнаго магнетизма и медіумизма, но для религіозной вѣры народа такая теорія въ примѣненіи къ чудотворнымъ иконамъ есть не болѣе какъ нелѣпость и кощунство. Народъ скорѣе можетъ понять (и—какъ показываютъ нѣкоторыя секты—принять) прямое

отрицаніе всякихъ чудесныхъ предметовъ, какъ ложныхъ; но признавать за ними дѣйствительную силу и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ нихъ только произведеніе субъективныхъ человѣческихъ чувствъ —эта точка зрѣнія ставитъ непроходимую пропасть между умствованіями славянофиловъ, дорожащихъ только фактомъ народной вѣры, какъ таковой, и религіей самого народа, для котораго важенъ вовсе не психологическій фактъ его вѣры, а только ея объективная истина.

Пропасть эта не только умственная, но и нравственная. Ибо при всемъ искреннемъ желаніи слиться съ жизнью русской земли, смириться, опроститься и т. п., при всемъ даже идолопоклонствѣ передъ народомъ,—какъ много, однако, невольнаго презрѣнія къ этому самому народу, какое безотчетное непризнаніе за нимъ человѣческаго достоинства! какъ много, однимъ словомъ, *безсознательнаго* барства должно было оставаться у поборниковъ русскихъ началъ, если они могли успокоиться на придуманномъ ими оправданіи народной вѣры! Я останавливаюсь все на томъ же примѣрѣ обращенія Кирѣевскаго, ибо здѣсь коренная неизбѣжная фальшь славянофильскаго воззрѣнія выступаетъ особенно ярко на фонѣ чистаго и глубокаго сердечнаго чувства. Лично Кирѣевскій заслуживалъ полнаго сочувствія; онъ симпатиченъ и въ этомъ своемъ обращеніи, и однако какое странное отношеніе и къ народу, и къ истинѣ. Дѣло выходитъ такъ:—я, мыслитель, понялъ, что эти дѣтски-вѣрующіе мужики, цѣлые вѣка усердствуя на одномъ мѣстѣ, такъ намагнитили старую икону, что превратили ее изъ простой доски въ чудотворный образъ; понявъ это, я умиляюсь и молюсь вмѣстѣ съ ними. А что *они* сами видятъ въ этой иконѣ, почему *они* ей молятся, каковъ ихъ внутренній міръ, ихъ собственный религіозный интересъ—объ этомъ я не спрашиваю: „дѣтская вѣра“, и все тутъ! Я остаюсь при своемъ пониманіи, а они пускай въ блаженномъ невѣденіи о своей чудодѣйственной силѣ продолжаютъ думать, что они тутъ не при чемъ, что икона хотя и для нихъ, но не отъ нихъ, что ее ангелъ съ неба принесъ или Св. Лука чудеснымъ способомъ написалъ... Выходитъ какъ будто видимое единство; какъ будто и мыслитель, и дѣтски-вѣрующій мужикъ одному и тому же предмету поклоняются, а на самомъ дѣлѣ—вовсе не одному, ибо для мужика здѣсь божество, а для мыслителя—только продуктъ мужичьей пневматизаціи.

VI.

Хотя славянофильское „православіе", въ смыслѣ „православничанья", по психологическому своему мотиву, было болѣе вѣрою въ народъ, нежели народною вѣрою, а по мысленному содержанію своему представляло скорѣе отраженіе извѣстныхъ европейскихъ идей отъ поверхности религіознаго факта, нежели самобытное углубленіе въ его сущность,—тѣмъ не менѣе, изобрѣтатели этого „православія" смѣло выступили во имя его противъ соединенныхъ духовныхъ силъ всего Запада—противъ католичества, протестантства и раціонализма.

Въ 1853 г. учитель церкви (славянофильской) Хомяковъ началъ печатать въ Германіи и Франціи рядъ блестящихъ полемическихъ брошюръ противъ западныхъ исповѣданій. Вся сила этой полемики состоитъ въ слѣдующемъ весьма простомъ пріемѣ. Берется западная религіозная жизнь въ ея конкретныхъ историческихъ явленіяхъ, односторонность и недостатки въ этихъ явленіяхъ обобщаются, возводятся въ принципъ, и затѣмъ всему этому противопоставляется „православіе", но не въ его конкретныхъ историческихъ формахъ, а въ томъ идеальномъ представленіи о немъ, которое создали сами славянофилы. Это идеальное представленіе резюмируется въ формулѣ: „церковь, какъ синтезъ единства и свободы въ любви",—и эту-то отвлеченную формулу славянофилы выставляютъ въ обличеніе *дѣйствительнаго* католичества и *дѣйствительнаго* протестантства, старательно умалчивая или затѣйливо обходя тѣ явленія въ религіозной исторіи Востока, которыя прямо противорѣчатъ такой формулѣ. Западные христіане безпощадно осуждаются за то, что живутъ въ своихъ тѣсныхъ, дурно построенныхъ и частію разоренныхъ храминахъ; имъ предлагается огромный и великолѣпный дворецъ, котораго единственный недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ существуетъ только въ воображеніи. Католичество въ своемъ историческомъ развитіи осуществляло единство церкви въ ущербъ индивидуальной свободѣ; протестантство развило индивидуальную свободу, но утратило всякое единство: не ясно ли въ виду этихъ двухъ заблужденій, что истинное рѣшеніе церковнаго вопроса состоитъ въ синтезѣ единства и свободы? Остается только удивляться тупоумію этихъ бѣдныхъ европейцевъ, которые, даже съ помощью Гегелевой философіи, не могли догадаться о такой простой истинѣ.

Мы знаемъ, что дѣйствительная особенность христіанскаго Востока вообще и Россіи въ частности состоитъ въ томъ, что

церковь не утвердилась здѣсь какъ самостоятельное цѣлое, а опредѣлилась какъ функція государственнаго организма. При серьезномъ отношеніи къ дѣлу, Хомякову предстояло одно изъ двухъ: или признать въ этомъ основномъ фактѣ нашей церковной исторіи преимущество наше передъ западными христіанами и рекомендовать этимъ послѣднимъ такой же государственно-церковный порядокъ; или, не признавая этого порядка нормальнымъ, слѣдовало противопоставить ему свою идею самостоятельной внѣ-государственной церкви, совмѣщающей свободу съ единствомъ, и противопоставить именно только какъ идею, еще нигдѣ не осуществленную, а лишь требующую осуществленія, причемъ съ проповѣдью этой идеи слѣдовало обратиться сначала къ своимъ, а не къ чужимъ. Но Хомяковъ, отрицательно относясь къ нашему историческому государственно-церковному строю [1]), предпочелъ, однако, ради полемическихъ цѣлей, проповѣдовать Западу свой отвлеченный идеалъ церкви такъ, какъ будто бы этотъ идеалъ уже былъ у насъ осуществленъ, какъ будто бы религіозный „синтезъ единства и свободы въ любви" составлялъ уже у насъ готовую дѣйствительность, которую западнымъ христіанамъ оставалось только принять. Когда ему указывали на дѣйствительный характеръ нашихъ государственно-церковныхъ отношеній, прямо противорѣчащій его формулѣ, онъ отдѣлывался отъ подавляющаго факта адвокатскими уловками. Точно такъ же поступалъ онъ и въ другомъ неудобномъ для него вопросѣ о расколѣ.

Утверждая, что протестантство есть необходимое логическое послѣдствіе католичества, и что на почвѣ восточнаго православія ничего подобнаго появиться не могло, Хомяковъ съ торжествомъ указывалъ на тотъ фактъ, что проповѣдь Лютера и Кальвина, затронувъ славянъ-католиковъ, не распространилась на православныхъ: не ясно ли, что это заблужденіе остановилось, значитъ, не передъ расою, а передъ церковью. Тутъ же, невольно вспомнивъ о нашемъ домашнемъ расколѣ, Хомяковъ съ явною досадой замѣчаетъ, что это есть лишь печальное порожденіе народнаго невѣжества, не имѣющее ничего общаго съ протестантствомъ. Что Лютеръ былъ несравненно ученѣе протопопа Аввакума—это несомнѣнно; но развѣ дѣло въ этомъ? Самъ же Хомяковъ въ другихъ случаяхъ настаиваетъ на томъ, что сущность всѣхъ религіозныхъ заблужденій состоитъ не въ умственныхъ мотивахъ и не въ

[1]) Это отрицательное отношеніе особенно рѣзко выражено въ предисловіи ко II тому сочиненій Хомякова, написанномъ его ученикомъ и безусловнымъ послѣдователемъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ.

отвлеченныхъ формулахъ, а въ нравственномъ актѣ отдѣленія отъ церковнаго единства, въ чемъ наши расколоучители ничѣмъ не отличаются отъ западныхъ. Да и какое печальное представленіе сообщалъ Хомяковъ своимъ европейскимъ читателямъ о той церкви, которая будто бы держитъ своихъ чадъ въ такомъ крайнемъ невѣжествѣ, что они по одному только этому невѣжеству отдѣляются отъ нея цѣлыми милліонами, да такъ и пребываютъ въ этомъ отдѣленіи. Я не говорю уже о томъ, что самый фактъ „остановки" протестантства передъ предѣлами восточной церкви явно вымышленъ, ибо если собственно старообрядчество и не имѣетъ ничего общаго съ протестантствомъ, то вѣдь есть другія секты, возникшія среди православнаго русскаго народа и, однако, несомнѣнно представляющія протестантскій характеръ, какъ, напр., молокане. Какъ будто нарочно въ опроверженіе Хомякова, только-что онъ успѣлъ самоувѣренно провозгласить свое утвержденіе о недоступности православнаго народа протестантству, какъ на югѣ Россіи подъ прямымъ протестантскимъ вліяніемъ возникла и широко распространилась новая секта штундистовъ.

Литературные набѣги Хомякова на западныя исповѣданія не имѣли, ни за границей, ни у насъ, никакихъ результатовъ, да и не могли ихъ имѣть. Западные христіане узнали не безъ удивленія, что и въ Россіи среди свѣтскаго общества есть умные и даровитые люди, занимающіеся религіозными предметами и способные краснорѣчиво писать о нихъ. Но затѣмъ ничего существенно новаго и поучительнаго европейскіе читатели Хомякова не могли найти въ его полемическихъ разсужденіяхъ. Въ трехвѣковой полемикѣ между католиками и протестантами весь запасъ аргументовъ противъ того и другого исповѣданія былъ исчерпанъ самими борющимися сторонами, и Хомяковъ, при всей изобрѣтательности своего ума, ничего къ содержанію этихъ аргументовъ прибавить не могъ и долженъ былъ довольствоваться своеобразными пріемами изложенія. Когда въ одномъ изъ немногихъ иностранныхъ отзывовъ о первыхъ брошюрахъ нашего соотечественника было замѣчено, что онъ не безъ искусства пользуется католическимъ оружіемъ противъ протестантства и протестантскимъ противъ католичества, Хомяковъ назвалъ это замѣчаніе злостною клеветою и съ негодованіемъ потребовалъ отъ рецензента, чтобы тотъ указалъ, какой протестантскій писатель упрекалъ когда-нибудь католичество въ *раціонализмѣ*. Не знаю, исполнилъ ли рецензентъ это требованіе, но несомнѣнно, что уже лѣтъ за двадцать до Хомякова протестантскій богословскій писатель Сарторіусъ (профессоръ теологіи въ Дерптѣ) издалъ о раціонализмѣ

въ римскомъ католичествѣ цѣлый трактатъ, оставшійся небезъизвѣстнымъ и противной сторонѣ, какъ это видно изъ ссылки на него въ первомъ томѣ Praelectiones theologicae, іезуита о. Перроне [1]). Что касается до значенія предпріятія Хомякова для Россіи, то его всего лучше оцѣнилъ И. С. Аксаковъ, несмотря на свое крайнее предубѣжденіе въ пользу славянофильскаго „учителя церкви". По поводу пражскаго изданія сочиненій Хомякова редакторъ „Москвы" указываетъ именно на то, что православный писатель безпрепятственно проповѣдовалъ православіе и свободно напалъ на католичество и на протестантство *въ католическихъ и протестантскихъ странахъ*, тогда какъ его противники никакъ не могли бы отвѣтить ему тѣмъ же, никакъ не могли бы въ православной Россіи защищать западныя исповѣданія и нападать на православіе. Ясно, что при такомъ неравенствѣ условій нечего думать о серьезныхъ успѣхахъ въ *духовной* борьбѣ съ Западомъ.

Проповѣдь Хомякова роковымъ образомъ была осуждена на безплодіе, потому что, при первой попыткѣ дать ей дальнѣйшее развитіе, непремѣнно должно бы было обнаружиться въ ней противорѣчіе между широкою, всеобъемлющею формулою церкви и узкимъ мѣстнымъ традиціонализмомъ,—между вселенскимъ идеаломъ христіанства и языческою тенденціей къ особничеству. Въ краткихъ полемическихъ брошюрахъ легко было замаскировать это противорѣчіе между идеей и фактомъ: стоило только—идею вселенской церкви оставлять во всей ея общности и неопредѣленности, голословно отождествляя съ нею вѣроисповѣдный фактъ, взятый также огульно и безотчетно. Но эта обманчивая видимость исчезаетъ, какъ только отъ общихъ мѣстъ перейти къ систематическому опредѣленію всецерковной идеи, съ одной стороны, и къ историческому изслѣдованію дѣйствительныхъ явленій церковной жизни —съ другой. Во всей области богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ нѣтъ такого предмета и вопроса, который могъ

[1]) Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что самое обвиненіе католичества въ раціонализмѣ основано на игрѣ словъ, и что если бы даже Хомякову принадлежала здѣсь честь перваго изобрѣтенія, то эта честь была бы невелика. Въ своемъ настоящемъ и общепринятомъ смыслѣ слово раціонализмъ означаетъ такую доктрину, которая считаетъ разумъ человѣческій самозаконнымъ и самодовлѣющимъ источникомъ теоретическихъ истинъ и практическихъ правилъ, и признаетъ его за высшую, окончательно-рѣшающую инстанцію для всѣхъ вопросовъ знанія и жизни. Въ другихъ случаяхъ самъ Хомяковъ горячо нападалъ на католичество за то, что оно сводитъ все значеніе церкви къ іерархическому авторитету, — два упрека, которые взаимно уничтожаютъ другъ друга, ибо разумъ и авторитетъ суть принципы прямо противоположные.

бы быть добросовѣстно и послѣдовательно разработанъ въ духѣ и смыслѣ воззрѣнія Хомякова, именно такъ, чтобы и идеальнаго представленія о церкви, какъ „синтезѣ единства и свободы въ любви", не нарушить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и восточную форму историческаго христіанства возвеличить и притомъ заразъ на счетъ обѣихъ западныхъ, т.-е. такимъ образомъ, чтобы посрамленіе католичества не шло на пользу протестантства и обличеніе сего послѣдняго не было на́ руку католичеству [1]).

Въ то время, какъ глава славянофильства велъ свою безуспѣшную и безплодную борьбу съ Западомъ въ области религіозной, побѣда Запада надъ Россіей въ области политической (крымская кампанія) открывала возможность для передовыхъ русскихъ людей (въ томъ числѣ и для славянофиловъ) вступить въ практическую борьбу съ застарѣлымъ зломъ русской дѣйствительности во имя западнаго начала человѣческихъ правъ. Въ этомъ дѣлѣ заслуги нѣкоторыхъ славянофиловъ (въ особенности Самарина) были несомнѣнны, но это не были заслуги славянофильства.

Мирное освобожденіе крестьянъ съ землею было великимъ и своеобразнымъ историческимъ актомъ. Но этотъ актъ былъ обусловленъ не національною гордостью, не сознаніемъ своего превосходства, а, напротивъ, сознаніемъ своихъ общественныхъ грѣховъ и немощей, самоосужденіемъ и покаяніемъ.

Съ одной стороны, полный неуспѣхъ и незначительность чистославянофильскаго предпріятія (религіозной борьбы съ Западомъ), и, съ другой стороны, важное значеніе и прочный успѣхъ того дѣла, въ которомъ славянофилы вмѣстѣ съ прочими послужили русскому народу во имя общечеловѣческой правды—вотъ поучительное свидѣтельство о вѣрности Петровскаго пути и о несостоятельности славянофильской реакціи.

Дальнѣйшія судьбы славянофильства дополняютъ и окончательно подтверждаютъ этотъ историческій урокъ.

Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Появленіе полемическихъ брошюръ Хомякова вызвало въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ сочувственную статью о „новой школѣ русскаго богословія". Очевидно, авторъ этой статьи хотѣлъ предварить будущее, но оказался плохимъ пророкомъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже лѣтъ двадцать, а о научныхъ трудахъ, вышедшихъ изъ „школы" Хомякова, по прежнему не слыхать.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА

ВЪ

ПАРИЖѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Версальское торжество.—Общее расположеніе выставки.—Марсово поле и его дворцы. —Машинная галерея. — Распредѣленіе выставки по государствамъ.—Башня Эйфеля. —„Исторія человѣческихъ жилищъ".—Развлеченія на выставкѣ.—Первыя выставки.— Первыя всемірныя выставки. — Финансовая организація парижскихъ всемірныхъ выставокъ. — Облигаціи выставки (Bons de l'Exposition). — Общественное настроеніе въ 1878 и въ 1889 году.

I.

Открытію всемірной выставки 1889 года предшествовало юбилейное празднество въ память столѣтней годовщины перваго засѣданія генеральныхъ штатовъ, превратившихся впослѣдствіи въ учредительное собраніе. Главное торжество подъ предсѣдательствомъ главы государства происходило въ Версали. Этотъ городъ, несмотря на свое 50-тысячное населеніе и на близость шумной столицы (18 километровъ), въ будни —самый тихій, самый мирный изъ всѣхъ провинціальныхъ городовъ, какіе намъ довелось видѣть во всей Франціи. На широкихъ бульварахъ, окаймленныхъ по сторонамъ густыми аллеями тополей или правильно подстриженныхъ липъ, которые расходятся радіусами отъ „Оружейной площади" (Place d'Armes) передъ дворцомъ, тишина въ иные дни до того невозмутима, что при томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое производятъ всѣ историческія воспоминанія въ виду статуи „короля-солнца" (le roi-soleil), сидящаго на бронзовомъ конѣ передъ дворцомъ, и разставленныхъ кругомъ знаменитыхъ героевъ, вамъ

кажется, что весь городъ замеръ вмѣстѣ съ своимъ громкимъ прошедшимъ, удалившимся на покой.

Но обойдите дворецъ въ сопровожденіи сторожа-проводника, прислушивайтесь при этомъ внимательно ко всему, что онъ вамъ разсказываетъ, —а онъ тщательно сообщитъ вамъ всѣ воспоминанія, связанныя съ каждой дверью, съ каждымъ окномъ, съ каждымъ тайнымъ проходомъ или корридоромъ, особенно настаивая на событіяхъ, совершившихся сто лѣтъ тому назадъ: вотъ тутъ Марія-Антуанета скрылась во время нашествія на дворецъ рыночныхъ торговцевъ, тутъ ихъ встрѣтилъ Людовикъ XVI и т. д., — осмотрите спальню Людовика XIV, колыбель утонченнаго этикета, послужившаго образцомъ для всѣхъ дворовъ, осмотрите прекрасный историческій музей, гдѣ передъ вами проходятъ всѣ событія и всѣ режимы, смѣнявшіеся во Франціи за послѣднее столѣтіе, взгляните изъ большой зеркальной залы на роскошный паркъ, котораго перспектива развивается въ очаровательной гармоніи смѣняющихся фонтановъ, зелени и воды, обширныхъ и изящно раскинутыхъ бассейновъ,—пройдитесь потомъ по парку, который до сихъ поръ остается, въ своемъ родѣ, образцомъ искусства, и гдѣ каждая аллея, каждый фонтанъ, каждый покрытый теперь мхомъ фаунъ, вамъ говорятъ о необыкновенномъ минувшемъ величіи обитателей этихъ мѣстъ, и не забудьте при этомъ, что все, что́ вы тутъ видите, и дворецъ, и паркъ, и фонтаны,—все это произведенія самобытнаго національнаго генія, а не подражанія, что все это, такъ сказать, коренное, рожденное и выполненное на мѣстѣ, послужившее предметомъ подражанія для другихъ,—и тогда пораженные, вѣроятно, очарованные всѣмъ, что́ видѣли, перейдите снова на Place d'Armes, и тишина города еще больше васъ удивитъ, еще болѣе усилитъ въ васъ впечатлѣніе рѣдкаго величія. Мы видѣли Версаль во времена недавней политической борьбы, въ то время, когда въ театрѣ дворца засѣдало національное собраніе 1871 года, и потомъ, въ знаменательный день, — на другой день послѣ паденія перваго министерства Брольи, ровно черезъ годъ послѣ сверженія имъ Тьера (24-го мая 1873 года). Городъ и тогда поразилъ насъ своимъ спокойствіемъ; онъ слегка оживился послѣ полудня съ пріѣздомъ изъ Парижа депутатовъ и зрителей. Только во дворцѣ, и особенно въ театрѣ, оживленіе было необыкновенное.

Въ этомъ-то мирномъ теперь городѣ, сто лѣтъ тому назадъ, происходили событія, которымъ суждено было взволновать всю Европу и отразиться на жизни всѣхъ человѣческихъ обществъ.

Въ Версали отъ тѣхъ событій остаются еще до сихъ поръ два памятника: одинъ въ своемъ прежнемъ видѣ—знаменитый „залъ для игры въ мячъ“ (la salle du jeu de paume), а другой, сильно измѣ-

нный, почти неузнаваемый, Palais des Menus-Plaisirs, гдѣ происходили засѣданія генеральныхъ штатовъ, отъ 5-го мая до 15-го октября 1789 года. „Залъ для игры въ мячъ", гдѣ представители „третьяго сословія" произнесли знаменитую клятву „le serment du jeu de paume", почти неизвѣстенъ. Онъ находится въ узкомъ закоулкѣ, la rue du Jeu de paume, недалеко отъ дворца. Снаружи представляетъ длинный деревянный сарай въ два свѣта, выкрашенный въ темно-коричневый цвѣтъ, и привлечетъ ваше вниманіе—если васъ предупредили — небольшой черной мраморной доской съ надписью. Въ залѣ, въ 1883 г., устроили историческій музей, посвященный событіямъ 1789 года, не измѣнивъ ничего въ самомъ зданіи. Верхняя половина стѣны налѣво отъ входа занята копіей съ знаменитой картины Давида „le Serment du jeu de paume". Кругомъ, вдоль стѣнъ, разставлены бюсты главнѣйшихъ дѣятелей событія, и нѣсколько витринъ, въ которыхъ хранятся современныя ему гравюры и медали, а противъ входа, на небольшой эстрадѣ, стоитъ статуя во весь ростъ, знаменитаго Bailly, предсѣдательствовавшаго на собраніи въ „salle du jeu de paume". За статуей на стѣнѣ видна красная мѣдная доска съ крупной надписью, извѣщающей о совершившемся въ залѣ историческомъ событіи, а подъ нею значится: „20 Juin 1790" (20-го іюня 1790 года)—доска была прибита ровно черезъ годъ послѣ упомянутой „клятвы". Въ глазахъ дѣятелей 1789 года день засѣданія въ „salle du jeu de paume" казался особенно достопамятнымъ. И дѣйствительно, въ этотъ день представители „третьяго сословія" совершили первый актъ, который можно было назвать революціоннымъ.

Нынѣшніе французы посмотрѣли на дѣло нѣсколько иначе. Они праздновали 5-ое мая, день открытія генеральныхъ штатовъ, передъ бывшимъ дворцомъ Palais des Menus-Plaisirs. Дворецъ этотъ представляетъ теперь большой домъ, расположенный покоемъ вокругъ обширнаго двора съ воротами, выходящими на широкій бульваръ Avenue de Paris, и въ немъ помѣщается казарма для двухъ инженерныхъ ротъ. Съ виду онъ отличается отъ сосѣднихъ домовъ развѣ тѣмъ, что надъ нимъ, какъ надъ казармой, по французскому обычаю, развѣвается трехцвѣтное знамя. На мѣстѣ зала засѣданій находится теперь дворъ, а на мѣстѣ ораторской трибуны стоитъ теперь пойло.

Передъ этимъ домомъ 5-го мая состоялось торжество, о подробностяхъ котораго читатели уже знаютъ изъ газетъ. Президентъ республики, окруженный представителями оффиціальнаго міра, въ присутствіи войскъ версальскаго гарнизона и стотысячной толпы, нахлынувшей, главнымъ образомъ, изъ Парижа, прибилъ къ дому черную

мраморную доску съ надписью, послѣ чего дефилировали войска, при восторженныхъ овацiяхъ толпы. Затѣмъ весь оффицiальный міръ перешелъ во дворецъ, и въ зеркальной галереѣ, той самой, гдѣ прусскій король провозглашенъ былъ германскимъ императоромъ (въ 1871 году), состоялась другая церемонiя: президентъ республики и президенты сената и палаты депутатовъ произнесли рѣчи. Рѣчь г. Карно отличается большой умѣренностью: онъ воздаетъ хвалу великимъ реформаторамъ 1789 г. и перечисляетъ всѣ блага, которыми Францiя имъ обязана. Празднество окончилось въ Версали открытiемъ въ паркѣ реставрированнаго фонтана Нептуна въ присутствiи президента республики и окружавшихъ его оффицiальныхъ представителей.

Слѣдуетъ отмѣтить, для характеристики нынѣшняго общественнаго настроенiя, что торжество 5-го мая, несмотря на великое значенiе для Францiи и даже для всей Европы тѣхъ событiй, которымъ оно было посвящено, ограничилось почти исключительно только оффицiальнымъ міромъ. Общество отнеслось къ нему довольно индифферентно, говоря, что никто о столѣтней годовщинѣ (открытiя генер. штатовъ) не думаетъ. „Вѣдь сто лѣтъ прошло,—кто же теперь вообще думаетъ о томъ, что было сто лѣтъ тому назадъ!“ Мысли всѣхъ, и всего Парижа, и, вѣроятно, всей Францiи, поглощены были, и теперь поглощаются, выставкой, торжественное открытiе которой назначено было на слѣдующiй же день. Для парижанъ, и для толпы, наѣхавшей въ Версаль, торжество „пятаго мая“ было прологомъ къ праздникамъ въ честь открытiя выставки, передъ которой всѣ великiя воспоминанiя стушевывались.

Самъ Версаль, населенный людьми мирными, бѣжавшими отъ столичнаго шума, или въ значительной мѣрѣ обѣднѣвшими аристократами, которые своихъ предковъ 89 года добромъ не поминаютъ, въ торжествѣ почти не участвовалъ: флагами были украшены только публичныя зданiя да нѣкоторые—флагами различныхъ торговыхъ заведенiй: ресторановъ, кофейныхъ, булочныхъ и т. д. Владѣльцы этихъ заведенiй, правда, остались очень довольны праздникомъ: наѣхавшая толпа истребила всѣ съѣстные припасы,—въ этотъ день оказался даже недостатокъ въ печеномъ хлѣбѣ.

II.

Марсово поле въ Парижѣ представляетъ обширную, ровную, прямоугольную площадь въ 452 тыс. квадр. метр., на лѣвомъ берегу Сены. Длина поля въ направленiи съ сѣвера на югъ перпендикулярна те-

ченію рѣки; ея правый берегъ въ этомъ мѣстѣ возвышается, образуя большой холмъ — Трокадеро, на которомъ стоитъ дворецъ того же имени, спеціально выстроенный по случаю выставки 1878 года. Іенскій мостъ (le pont d'Iéna) соединяетъ оба берега рѣки. На лѣвомъ же берегу Сены, вверхъ по рѣкѣ, на разстояніи полутора верстъ отъ Марсова поля, находится другая, менѣе обширная площадь — Эспланада Инвалидовъ (l'Esplanade des Invalides), отъ которой къ Марсову полю идетъ вдоль набережной Сены длинный бульваръ съ двойной аллеей — quai d'Orsay.

Всѣ названныя мѣста, обнимающія въ общей сложности пространство въ 809 тыс. квадр. метровъ (200 т. квадр. саж.), заняты теперь выставкой. Она распадается, такимъ образомъ, на четыре части, можно даже сказать, четыре отдѣльныя выставки, что весьма удобно для ознакомленія съ ея многочисленными отдѣлами; главная часть, существо всей выставки, цѣль всѣхъ посѣтителей—Марсово поле; въ двойномъ рядѣ длинныхъ павильоновъ, на протяженіи полутора верстъ, вдоль набережной — земледѣльческая выставка; Эспланада Инвалидовъ (передъ знаменитымъ домомъ инвалидовъ) занята преимущественно колоніальной выставкой, а въ паркѣ передъ дворцомъ Трокадеро помѣщается отдѣлъ садоводства и лѣсоводства. Самъ дворецъ предоставленъ музыкѣ и конгрессамъ. Въ его концертной залѣ—самой обширной въ Парижѣ (но и самой плохой въ акустическомъ отношеніи)—будетъ устроена, посредствомъ концертовъ, выставка музыкальныхъ школъ всѣхъ націй.

Но всего этого пространства оказалось мало. Поэтому на берегу, надъ самой Сеной, почти на всемъ протяженіи района выставки, т.-е. на пространствѣ болѣе двухъ верстъ, тянется множество самыхъ разновидныхъ построекъ для спеціальныхъ отдѣловъ, нуждающихся въ близости воды—какъ разведеніе рыбъ и устрицъ, гидравлическія машины и т. д. Таково общее расположеніе всей выставки.

III.

Какъ мы уже замѣтили, собственно выставка сосредоточена на Марсовомъ полѣ. Несмотря на свое названіе, это поле уже давно исключено изъ вѣденія военныхъ властей. На немъ устраивается уже третья всемірная выставка, черезъ равные промежутки времени, но всегда послѣ долгихъ обсужденій и признанія невозможности найти другое подходящее мѣсто. Послѣ выстазки 1878 года поле осталось собственностью города, взамѣнъ другой площади, предостав-

ленной имъ въ распоряженіе военныхъ властей, и городъ даже развелъ на этомъ полѣ паркъ.

Первое, что бросается тутъ въ глаза, что привлекаетъ массу публики, особенно наѣхавшихъ многочисленныхъ англичанъ, американцевъ и всякихъ экзотическихъ гостей—это башня Эйфеля. Всѣ, вѣроятно, видѣли изображеніе этой башни, которой слава наполняетъ теперь не только Францію—въ провинціи болѣе ни о чемъ не говорятъ, какъ только о башнѣ,—но и весь образованный міръ. Это—колоссальная желѣзная пирамида съ вогнутыми ребрами, которыхъ изгибъ уменьшается по мѣрѣ возвышенія линій реберъ,—упирающаяся четырьмя ногами, растопыренными на 100 метровъ [1]) (47 саж.) одна отъ другой, словно вцѣпившись гигантскими когтями въ широкіе каменные пласты, едва поднимающіеся надъ землею. Ея желѣзныя подпоры сходятся въ первой платформѣ, образуя четыре наклонныя аркады (въ 74½ метра длины у основанія и 50 вышины), обращенныя во всѣ четыре стороны, и башня поставлена такъ, что со стороны Іенскаго моста она образуетъ какъ бы тріумфальныя ворота въ обширный дворъ, вокругъ котораго расположены покоемъ три дворца.

Въ небольшомъ отдаленіи отъ башни, съ восточной и западной сторонъ этого двора, превращеннаго въ паркъ, на возвышеніи, образующемъ террасу, стоятъ перпендикулярно къ Сенѣ два совершенно одинаковые дворца (длиною въ 200, шириной въ 80, а вышиной въ 30 метровъ): лѣвый (восточный)—„дворецъ изящныхъ искусствъ„ (Palais des Beaux-Arts), правый — „дворецъ свободныхъ искусствъ“ (Palais des arts libéraux). Оба дворца, увѣнчанные по срединѣ куполами, продолжаются двумя симметричными галереями (каждая длиною въ 125, шириной въ 105 метровъ) до „дворца разныхъ родовъ промышленности“ (Palais des industries diverses), замыкающаго букву П въ глубинѣ двора на разстояніи 410 метр. отъ башни. Въ серединѣ этого дворца, vis-a-vis Эйфелевой башни, выдѣляется парадный входъ выставки, богато орнаментированный, а надъ нимъ возвышается оранжевый куполъ, увѣнчанный золотымъ геніемъ Франціи, раздающимъ вѣнки. Всѣ дворцы выстроены изъ вертикальныхъ составныхъ желѣзныхъ столбовъ, между которыми пространства наполнены кирпичемъ. Архитекторъ придалъ дворцамъ изящныхъ и свободныхъ искусствъ весьма оригинальную окраску, которая могла съ перваго разу показаться странной. Онъ окрасилъ желѣзо въ голубой цвѣтъ, оставивъ обожженный кирпичъ со своимъ естественнымъ цвѣтомъ, и орнаментировалъ карнизы—правда, весьма скромно—терракоттой и

[1]) Метръ равняется приблизительно полусажени (1,406 аршина).

голубымъ фаянсомъ. Тѣ же цвѣта, только въ болѣе свѣтлыхъ тонахъ, онъ придалъ куполамъ; послѣдніе покрыты блестящими свѣтло-голубыми эмальированными черепицами, а между ними, въ видѣ инкрустацій, вставлены большія свѣтло-коричневыя картуши. Оказалось, что эти два цвѣта, голубой и цвѣтъ-терракотты, чрезвычайно пріятно гармонируютъ вмѣстѣ. Дворцы искусствъ съ виду нѣсколько напоминаютъ раскрашенные чертежи машинъ или зданій, на которыхъ каждый матеріалъ обозначенъ своей условной краской: желѣзо—голубой, кирпичъ—свѣтло-коричневой, и т. д. Тѣ же цвѣта, въ нѣсколько болѣе темныхъ тонахъ, украшаютъ „дворецъ промышленности“.

Всѣ три дворца вмѣстѣ производятъ впечатлѣніе грандіозное и, благодаря пріятнымъ свѣтлымъ краскамъ, веселое, благорасполагающее. Чувствуется въ ихъ нѣсколько восточномъ характерѣ что-то новое, оригинальное, творческое, а не балаганное, банальное, какими всегда бываютъ зданія для выставокъ. Если Эйфелева башня поражаетъ своими колоссальными размѣрами, дворцы являются настоящими произведеніями искусства, и въ этомъ отношеніи они превосходятъ все, что до сихъ поръ видѣли на предшествовавшихъ выставкахъ.

Можно, правда, критиковать центральный куполъ надъ парадным входомъ, можно находить, что орнаментація входа и купола утрирована, что отчасти извинительно, такъ какъ требовалось поразить глазъ чѣмъ-нибудь рѣзкимъ, чтобы отвлечь его отъ башни,—но, въ общемъ, зданіе всѣхъ плѣняетъ; особенно нравятся дворцы искусствъ. Каждый состоитъ изъ трехъ нефовъ — центральнаго въ два свѣта, шириной въ 50 метровъ, и двухъ боковыхъ о двухъ этажахъ: верхній этажъ занятъ выставкой, а нижній—кофейными. Терраса, огибающая дворцы искусствъ каймой въ нѣсколько метровъ, тянется сплошной на всемъ пространствѣ между галереями, соединяющими эти дворцы съ центральнымъ дворцомъ. Параллельно этимъ галереямъ, по обѣимъ сторонамъ террасы стоятъ два павильона города Парижа, и это одинъ изъ промаховъ строителей выставки: павильоны сами по себѣ некрасивы, даже неуклюжи, и стоятъ они такъ, что непріятно прерываютъ кругозоръ, мѣшая охватить взглядомъ фасады всѣхъ дворцовъ.

Терраса спускается въ обширный, но не очень тѣнистый паркъ, прорѣзанный по срединѣ, по направленію отъ параднаго входа къ башнѣ, цѣлымъ рядомъ фонтановъ, продолжающихся по другую сторону Іенскаго моста бассейномъ и водопадомъ трокадерскаго парка. Арки башни настолько высоки, что съ террасы передъ главнымъ входомъ перспектива уходитъ безъ перерыва черезъ фонтаны, сквозь

аркады башни, черезъ мостъ, черезъ бассейны и паркъ Трокадеро и до трокадерскаго дворца, на разстояніи 1.500 метровъ (полутора верстъ).

IV.

За дворцомъ промышленности, отдѣленная отъ него промежуткомъ въ 60 метровъ, во всю ширину Марсова поля тянется машинная галерея—одно изъ самыхъ любопытныхъ сооруженій на выставкѣ, рѣдкій образецъ современнаго инженерно-строительнаго искусства. Длиною въ 410 метровъ, шириною въ 150 метровъ, она состоитъ изъ трехъ нефовъ; изъ нихъ самый замѣчательный—средній нефъ. Это длинный, необыкновенно широкій стеклянный сводъ, спускающійся къ боковымъ нефамъ, который держится на 20 аркахъ, поражающихъ смѣлостью своей постановки. Каждая арка состоитъ изъ двухъ половинъ, сочлененныхъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ свода, на высотѣ 45 метровъ, разстояніе между подножьями арки—длина образуемаго пролета — 115 метровъ, и стоятъ онѣ необыкновенно смѣло безъ всякихъ внутреннихъ скрѣпленій, такъ что сводъ получается совершенно цѣльный, пустой внутри.

Какъ зданіе, машинная галерея—единственное въ своемъ родѣ; другого такого обширнаго сооруженія еще нѣтъ, и для инженера-строителя она представляетъ, по пріемамъ, которыми пользовались при ея постройкѣ, больше интереса, чѣмъ башня Эйфеля. Боковые нефы сравнительно нешироки—всего въ $17^1/_2$ метровъ, и въ общемъ вся галерея имѣетъ видъ обширнѣйшаго желѣзно-дорожнаго дебаркадера; но самый большой, извѣстный въ мірѣ дебаркадеръ—при вокзалѣ св. Панкрата въ Лондонѣ—меньше половины этой галереи.

Распредѣленіе машинъ сдѣлано весьма удачно: машины одного рода собраны, по возможности, въ одномъ районѣ. Чтобы дать представленіе о необъятности самаго зданія, достаточно будетъ сказать, что въ одномъ мѣстѣ нѣсколько большихъ машинъ производятъ писчую бумагу, причемъ почти всѣ операціи дѣлаются тутъ же; въ другомъ мѣстѣ установленъ громадный прядильный и ткацкій заводъ, а паровымъ машинамъ съ самыми огромными маховыми колесами, электрическимъ моторомъ и т. д. счету нѣтъ. Кругомъ всего центральнаго нефа, на высотѣ перваго этажа, идетъ галерея, откуда видъ на все зданіе, наполненное машинами, самый любопытный. Кромѣ того, для наслажденія видомъ всѣхъ машинъ сверху, двѣ воздушныя желѣзныя дороги проложены по всей длинѣ зданія, и на нихъ, при помощи электричества, медленно разъѣзжаютъ двѣ платформы.

V.

Классификація предметовъ на нынѣшней выставкѣ весьма раціональна. Въ 1867 году дворецъ выставки былъ круглый и раздѣленъ на секторы. Каждой націи предоставленъ былъ секторъ и продукты всѣхъ націй распредѣлены были концентрическими кругами. Такимъ образомъ, слѣдуя по кругу, можно было видѣть однородные продукты всѣхъ націй, а идя по сектору—всѣ продукты одной націи. Это двойное распредѣленіе по продуктамъ и по націямъ вздумали-было примѣнить въ 1878 году, только въ видѣ шахматной доски. Вышла такая путаница, что никогда ничего найти нельзя было. На этотъ разъ приняли одно распредѣленіе по націямъ.

Никогда еще, ни на одной выставкѣ, изящнымъ искусствамъ не было отведено такое обширное мѣсто, какъ на нынѣшней; для нихъ выстроили роскошнѣйшій дворецъ, котораго внутренняя отдѣлка—особенно украшеніе галереи подъ куполомъ и самого купола—превосходитъ его наружную красоту. Тутъ каждой націи предоставлены одна или нѣсколько залъ (Россіи съ Финляндіей двѣ съ половиной), смотря по количеству доставленныхъ картинъ, и представители націи распредѣлили свои картины, какъ имъ заблагоразсудилось.

Что касается Франціи, то она устроила двѣ выставки: одну десятилѣтнюю—всѣхъ произведеній, созданныхъ за послѣднія 10 лѣтъ, съ 1878 года, и, что особенно интересно,—другую, ретроспективную выставку за все столѣтіе, въ которой фигурируютъ произведенія великихъ представителей всѣхъ французскихъ школъ за истекшія сто лѣтъ: Давида, Делакроа, Руссо, Троаіона, Добиньи, Каро, Милле, Реньо и мн. др. Эти произведенія собраны изъ разныхъ государственныхъ музеевъ: Луврскаго, Люксанбургскаго и Версальскаго

Во „дворцѣ промышленности“ каждая европейская нація имѣетъ также свой отдѣльный участокъ; такой же системы придерживались и въ земледѣльческомъ отдѣлѣ.

Республики Средней и Южной Америки устроили свои выставки въ отдѣльныхъ дворцахъ, расположенныхъ въ паркѣ. Нѣтоторые изъ нихъ весьма оригинальны по своей архитектурѣ, какъ дворецъ ацтековъ, напоминающій египетскую пирамиду и выстроенный для мексиканской республики; храмъ инковъ—для выставки Эквадора. Тутъ же рядомъ большой павильонъ для аргентинской республики.

Во французскомъ отдѣлѣ въ широкихъ размѣрахъ примѣненъ былъ принципъ коллективности: производители сходныхъ продуктовъ извѣстнаго района устроили отдѣльныя выставки подъ коллективнымъ именемъ, и весь районъ фигурируетъ какъ одинъ экспо-

нентъ. Благодаря такой системѣ, значительно уменьшаются расходы по установкѣ отдѣльныхъ мѣстъ, и въ то же время уменьшается число экспонентовъ.

VI.

Статья приманокъ и увеселеній развита на выставкѣ до небывалыхъ размѣровъ.

Выставка 1878 года считается въ финансовомъ отношеніи неудавшейся, и неудачу объясняютъ ея черезъ-чуръ серьезнымъ характеромъ, отсутствіемъ крупныхъ приманокъ для обыкновенной публики. Поэтому, когда года три тому назадъ проектъ нынѣшней выставки былъ принятъ, рѣшено было придать ей возможно болѣе увеселительный характеръ, устроить побольше привлекательныхъ рѣдкостей, и кромѣ того пожелали соорудить что-нибудь такое, что̀ поразило бы весь міръ, то, что̀ французы называютъ „un clou“ (гвоздь). Такихъ „clous“, говорятъ, предложено было нѣсколько, и между прочимъ г. Эйфель предложилъ построить гигантскую башню. Г. Локроа, бывшій тогда министромъ торговли, немедленно ухватился за эту мысль, какъ за самую оригинальную.

Въ Парижѣ планъ этого смѣлаго сооруженія вызвалъ сильный протестъ со стороны художниковъ, и самые выдающіеся представители артистическаго міра, между которыми были такія имена, какъ Гуно, Мейсонье, Жеромъ, Сэнъ-Сансъ и мн. др., написали тогда министру письмо, въ которомъ они умоляли его не осквернять столицы, не портить ея безподобной красоты чудовищнымъ колоссомъ, который своею громадностью подавитъ всѣ лучшіе памятники столицы. Къ счастью для выставки письмо появилось слишкомъ поздно, чтобы можно было измѣнить планъ. Условіе съ г. Эйфелемъ уже было заключено, и министръ ограничился только ѣдкимъ отвѣтомъ по адресу протестовавшихъ художниковъ.

Кромѣ техническихъ подробностей, два вопроса занимали публику: во-первыхъ, будетъ ли башня красива, т.-е. произведетъ ли она артистическое впечатлѣніе, и, во-вторыхъ, можно ли извлечь изъ нея пользу помимо удовольствія, которое доставитъ созерцаніе Парижа и его окрестностей съ ея вершины.

Теперь, когда она выстроена, отвѣтить на эти вопросы не трудно. По нашему мнѣнію, башня всегда останется произведеніемъ искусства инженернаго, но никакъ не изящнаго, архитектурнаго. Она поражаетъ своей вышиной, вызываетъ любопытство, особенно издали, когда она кажется кружевной работы; но въ ея архитектурѣ нѣтъ никакой красоты. Правда, она не подавляетъ рѣдкихъ архитек-

турныхъ памятниковъ столицы: красоты S-te Chapelle и Nôtre-Dame отъ башни не пострадали. На башню нужно смотрѣть какъ на замѣчательную рѣдкость, которая въ значительной мѣрѣ будетъ способствовать финансовому успѣху выставки. Для этого она и построена. Съ тѣхъ поръ какъ публика свободно можетъ совершать свои восхожденія, отъ нея отбою нѣтъ, несмотря на то, что подъемныя машины еще не дѣйствуютъ, и ей приходится подниматься по лѣстницамъ. Для множества американцевъ вся выставка резюмируется въ The Tower Eiffel (Эйфелевой башнѣ).

Въ техническомъ отношеніи башня является однимъ изъ любопытнѣйшихъ сооруженій нашего вѣка желѣза и стали. Главнѣйшая трудность была преодолѣна, когда верхній этажъ былъ готовъ, т.-е. четыре основныя подпоры, четыре ноги, сошлись на верху подъ одну горизонтальную плоскость, съ которой совпадаетъ платформа перваго этажа.

Нужно было ей дать большую устойчивость противъ вѣтра. Будучи сквозной, башня доставляетъ вѣтру сравнительно мало точекъ опоры, и устойчивость ея разсчитана на ураганъ вдвое сильнѣе *того, какой когда-либо* былъ въ Парижѣ. Такъ что еслибы такой ураганъ разразился надъ городомъ, то, вѣроятно, одна только башня уцѣлѣла бы отъ его разрушительнаго дѣйствія,—всѣ остальные памятники были бы уничтожены.

Самый же сильный ураганъ можетъ только вызвать очень медленныя качанія башни при отклоненіи вершины на 43 сантиметра отъ нормальнаго положенія (амплитуды въ 44 сантиметра).

Что же касается научныхъ результатовъ, которые должны быть добыты помощью башни, то они еще очень гадательны. Существующая въ Парижѣ ученая коммиссія еще сама не рѣшила, что̀ предпринять. Фотографировать небо или выполнять точныя астрономическія измѣренія на вершинѣ башни невозможно изъ-за ея качаній. Вѣроятно, посредствомъ башни можно будетъ лучше опредѣлить свѣтопреломляемость воздуха,—опредѣлить то, что̀ называютъ астрономической рефракціей; можетъ быть, удастся добыть нѣкоторые интересные метеорологическіе факты, — но во всякомъ случаѣ эти научные результаты врядъ ли будутъ настолько важны [1]), чтобы мотивировать постройку такого дорогого сооруженія.

---

[1]) На дняхъ, правда, всѣ газеты заявили о великомъ открытіи, сдѣланномъ будтобы академикомъ Жансеномъ при помощи электрическаго свѣта съ маяка, устроеннаго на башнѣ. Открытіе заключается въ констатированіи г. Жансеномъ того факта, что кислородъ воздуха поглотилъ, въ лучахъ электрическаго свѣта, посланныхъ въ его обсерваторію (въ Meudon'ѣ въ 7½ верстахъ отъ башни) съ башни, извѣстныя части, вслѣдствіе чего въ спектрѣ этихъ лучей появились черныя линіи, свойственныя ли-

Пока башня представляетъ идеальный громоотводъ, который предохранитъ всѣ зданія на большомъ районѣ кругомъ, и прежде всего она предохранитъ все, что̀ будетъ впереди ея, въ силу извѣстнаго принципа, что электричество распространяется на поверхности проводниковъ. Приняты, правда, всѣ предосторожности, чтобы сообщить башню со влажнымъ слоемъ подпочвы и такимъ образомъ предотвратить всякую опасность. По ней можно теперь смѣло подыматься въ самую сильную грозу безъ малѣйшаго риска.

Къ приманкамъ нужно еще отнести рядъ домиковъ, пещеръ, землянокъ и свайныхъ построекъ, который тянется на Марсовомъ полѣ вдоль набережной по обѣимъ сторонамъ башни. Это такъ-называемая „исторія человѣческихъ жилищъ“, возстановленная знаменитымъ архитекторомъ парижской оперы г. Гарнье. Разнообразная архитектура домиковъ, выстроенныхъ въ рядъ, не производитъ особеннаго впечатлѣнія; увѣряютъ даже, что г. Гарнье въ своихъ произведеніяхъ не вполнѣ вѣренъ документамъ археологіи, и что его личная фантазія играла тутъ немаловажную роль. Прибавьте къ этому, что въ этрусскомъ домѣ (за 1.000 лѣтъ до Р. Х.) устроено современное питейное заведеніе, въ которомъ, правда, нѣмецкое пиво подается женщиной въ этрусскомъ костюмѣ, и что такія же заведенія или разные базары устроены и въ другихъ домикахъ, и тогда будетъ ясно, что затѣя г. Гарнье—не болѣе какъ забава.

Въ развлеченіяхъ на выставкѣ недостатка нѣтъ. Кромѣ непрерывнаго ряда ресторановъ и кофейныхъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ дворцы Марсова поля или расположенныхъ въ паркѣ, тутъ много другихъ увеселительныхъ заведеній въ родѣ кафе-шантановъ, театровъ и т. д. На Эспланадѣ Инвалидовъ производитъ теперь фуроръ яванскій концертъ, гдѣ играетъ любопытный оркестръ изъ 22 музыкантовъ. Ихъ музыка, ея странная гармонія, очень заинтересо-

---

ніямъ поглощенія кислорода. Отсюда г. Жансенъ заключилъ, что въ солнечной атмосферѣ нѣтъ кислорода, а черныя линіи въ солнечномъ спектрѣ, соотвѣтствующія этому элементу, обязаны своимъ присутствіемъ кислороду воздуха.

Серьезныя газеты въ родѣ „Journal des Débats“ уже протестовали противъ новой въ ученомъ мірѣ манеры приглашать въ лабораторію ученыхъ газетныхъ репортеровъ, сообщающихъ о научномъ открытіи съ такими же подробностями, какъ если бы дѣло шло о первомъ представленіи. Но мы считаемъ своимъ долгомъ заявить здѣсь, что самый фактъ, открытый будто бы г. Жансеномъ, давно извѣстенъ: его открылъ нашъ соотечественникъ Н. Г. Егоровъ, нынѣ профессоръ военно-медицинской академіи, восемь лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ же, при условіяхъ совершенно аналогичныхъ съ тѣми, какими пользовался г. Жансенъ. Свѣтъ отъ электрическаго фонаря отправлялся отъ форта Mont-Valérien на парижскую (городскую) обсерваторію (на разстояніе 10 килом.), и опыты г. Егорова описаны въ отчетахъ той же академіи, въ которой засѣдаетъ г. Жансенъ.

вали даже молодыхъ композиторовъ. Они открыли въ этой гармоніи нѣкоторые аккорды, введенные въ нашу музыку Вагнеромъ. Вечеромъ, благодаря прекрасному электрическому освѣщенію, Марсово поле переполнено народомъ. Дѣло даже дошло до того, что городскіе содержатели кофейныхъ стали жаловаться на опасную для нихъ конкурренцію со стороны выставки... Люди никогда недовольны.

VII.

Французы не безъ нѣкоторой гордости вспоминаютъ, что идея промышленныхъ конкурсовъ, въ формѣ выставокъ, принадлежитъ имъ. Первая выставка была дѣйствительно устроена въ Парижѣ, на Марсовомъ полѣ,—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, одна другой обширнѣе, чередуются теперь всемірныя выставки,—еще въ началѣ 1798 года. Она открылась съ большою торжественностью въ третій дополнительный день [1]) VI-го года первой республики. Экспонентовъ было, правда, не особенно много: всего 110, а наградъ было роздано 13. Мысль до того всѣмъ понравилась, что выставку продлили на нѣсколько дней, и правительство директоріи рѣшило устраивать такія выставки каждый годъ. Однако война и финансовыя затрудненія республики помѣшали осуществить это рѣшеніе въ слѣдующіе два года, и вторая выставка открылась 19-го сентября въ 1801 г. во дворѣ Лувра и продолжалась 7 дней. Экспонентовъ оказалось ровно вдвое больше—220. Черезъ годъ была новая выставка. Генералъ Бонапарте, бывшій тогда первымъ консуломъ, торжественно посѣтилъ ее, милостиво отнесся къ экспонентамъ и рѣшилъ возобновлять конкурсъ черезъ четыре года, чтобы дать фабрикантамъ возможность лучше приготовиться. Выставка состоялась въ 1806 году съ 1.442 экспонентами. Это была послѣдняя во время первой имперіи. Слѣдующія три были устроены во время реставраціи во дворѣ Лувра въ 1819, 1823 и 1827 годахъ. Эти промышленные конкурсы развились особенно во время іюльской монархіи. Они возобновлялись черезъ каждыя пять лѣтъ, и изъ Луврскаго двора пришлось ихъ перевести на болѣе обширное мѣсто, сначала на площадь Согласія (въ 1834 году), а потомъ въ Елисейскія поля. Продолжались онѣ два мѣсяца. Число экспонентовъ возрастало довольно быстро. Особенно блестящей была выставка 1844 года (3.960 экспонентовъ), и король Луи-Филиппъ при ея закрытіи выразилъ надежду, что выставка 1849 года превзойдетъ ее въ блескѣ. Надежда осуще-

[1]) По календарю первой республики оффиціальный годъ имѣлъ 360 дней, а 5 остающихся дней считались дополнительными и посвящались празднествамъ.

ствилась, но выставку открылъ не король, а принцъ-президентъ Луи-Наполеонъ.

Изъ Франціи, гдѣ выставки приняли характеръ учрежденія, который онѣ сохранили до сихъ поръ [1]), онѣ перешли въ другія страны только съ 1820 года, когда была выставка въ Гентѣ. У насъ первая выставка была устроена въ 1829 году, въ Москвѣ.

Идея международныхъ промышленныхъ конкурсовъ принадлежитъ также французамъ. Но англичане первые ее осуществили, въ 1851 г. Всемірная выставка была устроена въ окрестностяхъ Лондона, въ знаменитомъ „хрустальномъ дворцѣ“ (Crystal-Palace). Англичане, какъ народъ практичный, впервые примѣнили здѣсь принципъ: „за показъ деньги платятъ“, и первые стали взимать плату за входъ на выставку; они даже сразу назначили плату, для того времени очень высокую: обыкновенно шиллингъ, а разъ въ недѣлю—два шил. съ половиной! Успѣхъ выставки оказался небывалымъ: на ней было 14.837 экспонентовъ, болѣе 6 милліоновъ посѣтителей (вѣрнѣе, визитовъ); а выручено было за одни входы 12.627.675 франковъ. Французы не могли отстать отъ своихъ сосѣдей,—къ тому же успѣхъ заразителенъ,—и черезъ четыре года, въ 1855 г., открылась всемірная выставка въ спеціально для нея построенномъ „дворцѣ промышленности“ (Palais de l' Industrie) въ Елисейскихъ поляхъ. Все было пущено въ ходъ, чтобы затмить англичанъ: пространства подъ выставку было отведено больше (102.000 квадратныхъ метровъ вмѣсто 95.000 въ Лондонѣ), программа была расширена: кромѣ промышленныхъ отдѣловъ, устроили три новыхъ отдѣла: изящныхъ искусствъ, земледѣлія и педагогики. Экспонентовъ было гораздо больше, чѣмъ въ Лондонѣ (20.709), но посѣтителей оказалось меньше (4.593.576), и выручки съ нихъ гораздо меньше, такъ какъ за входъ платили всего 20 сантимовъ. Выставка обошлась въ 18 милліоновъ франковъ, и правительство оказалось въ убыткѣ—ему пришлось приложить больше, чѣмъ оно предполагало—болѣе чѣмъ на 8 милліоновъ франковъ. Успѣхъ вышелъ не совсѣмъ блестящій. Правда, ему въ сильной мѣрѣ повредила война.

Въ то время, казалось, что Лондонъ и Парижъ, вѣрнѣе, французы и англичане, вступили въ благородное соперничество: черезъ семь лѣтъ, въ 1862—новый всемірный конкурсъ въ Лондонѣ. Но на этотъ разъ Лондону менѣе посчастливилось, чѣмъ въ 1851 году. Экспонентовъ, правда, было вдвое больше—28.653, даже больше, чѣмъ въ Парижѣ. Но успѣхъ выставки измѣряется, главнымъ образомъ, чи-

[1]) До сихъ поръ администрація ежегодно устраиваетъ въ извѣстномъ числѣ департаментовъ земледѣльческіе конкурсы, выставки скота, лошадей и т. д.

сломъ посѣтителей, числомъ визитовъ. А послѣднихъ оказалось не больше, чѣмъ на первой лондонской выставкѣ—около 6 милліоновъ. Кромѣ того, что́ было особенно чувствительно для самолюбія англичанъ, французы одержали надъ ними блестящую побѣду въ ихъ собственной столицѣ: относительно, французы получили гораздо больше наградъ, чѣмъ англичане. Съ тѣхъ поръ англичане закаялись и общихъ всемірныхъ выставокъ больше не устраиваютъ.

Зато едва, французскіе экспоненты вернулись тріумфально въ Парижъ, какъ стали ходатайствовать черезъ принца Наполеона передъ императоромъ объ устройствѣ новой всемірной выставки въ Парижѣ. Черезъ нѣкоторое время появился декретъ объ открытіи въ Парижѣ всемірной выставки 1-го мая 1867 г.

Устройство выставки возложено было на Лэ-Плэ (Le-Play), замѣчательнаго организатора, у котораго вдобавокъ была и опытность, такъ какъ онъ же завѣдывалъ и устройствомъ выставки 1855 года. Задачу свою Лэ-Плэ выполнилъ такъ блистательно, что выставка 1867 года еще до сихъ поръ служитъ образцомъ всѣхъ предпріятій этого рода, не только относительно распредѣленія мѣста и классификаціи продуктовъ, но главное—въ отношеніи финансовой администраціи: до сихъ поръ это *единственная* выставка, которая дала барышъ,—барышъ, конечно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется, когда говорятъ о большихъ всемірныхъ выставкахъ, т.-е. излишекъ доходовъ, который уменьшаетъ положенныя государствомъ и городомъ субсидіи [1]).

Между 1867 и 1878 годами были двѣ всемірныя выставки въ Вѣнѣ (1873) и Филадельфіи, и ни одна не превзошла парижской 1867 г.

Въ 1876 году, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій вновь избранной республиканской палаты, внесенъ былъ проектъ закона объ открытіи всемірной выставки въ 1878 году. Какъ ни показался смѣлымъ такой проектъ, въ виду краткости промежутка времени, отдѣлявшаго выставку отъ предшествующихъ вѣнской и филадельфійской, а особенно въ виду поспѣшности, съ которой предлагалось вести всѣ приготовленія, такъ какъ оставалось всего два года до открытія, онъ встрѣченъ былъ общественнымъ мнѣніемъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Чувствовалось, что послѣ всѣхъ превратностей судьбы Франціи хотѣлось доказать міру, что она еще не погибла, что ея продуктивныя силы не изсякли, что послѣ всѣхъ ударовъ судьбы она вновь окрѣпла, благодаря настойчивому труду, духу сбереженія и необыкновенной живучести своего національнаго генія.

[1]) Выставка стоила государству (не считая расходовъ по установкѣ продуктовъ) 22.750.000 фр.; доходовъ оказалось 26.256.805 фр., чистаго барыша—болѣе 3-хъ милліоновъ. Посѣтителей было 9.063.000; экспонентовъ 52.200.

Никогда, можетъ быть, проектъ закона не былъ встрѣченъ съ такимъ энтузіазмомъ. Принялись за работу довольно поздно—15 мая 1876. Составили смѣту: выставка должна была обойтись въ 35.313.000 фр. Доходовъ разныхъ насчитали на 19.235.000 фр., а дефицитъ въ 16 м. долженъ былъ покрыться субсидіями: отъ города—6 милліоновъ, и отъ государства—10 милліоновъ. Главнымъ комиссаромъ былъ инженеръ-сенаторъ Кранцъ. Принялись строить. Еще не довели работъ до половины, какъ уже всѣ смѣты были передержаны, и въ концѣ концовъ выставка обошлась въ 55.775.000 фр. Одинъ Трокадеро обошелся въ $13^1/_2$ милліоновъ, тогда какъ по первоначальной смѣтѣ онъ былъ оцѣненъ въ $7^1/_2$ милліоновъ. Неудачи преслѣдовали бѣднаго г. Кранца во всемъ; даже въ выручкѣ съ билетовъ оказался недочетъ болѣе чѣмъ въ 600 тыс. фр. [1]). Балансъ выставки заключился дефицитомъ въ $21^1/_2$ милліоновъ. Нѣсколько лѣтъ эти милліоны странствовали по бюджетамъ; ни одинъ министръ не рѣшался просить у палаты кредитъ для покрытія такой крупной суммы. Ее прямо переносили изъ одного бюджета въ другой, что́ было несовсѣмъ правильно. Пока, наконецъ, одному министру не удалось уловкой заставить палату признать эту сумму, подъ предлогомъ ликвидированія счетовъ по выставкѣ.

Наученное примѣромъ 1878 года, правительство рѣшило на этотъ разъ дѣйствовать очень осторожно и обращаться со смѣтами болѣе благоразумно. Въ виду финансовыхъ и политическихъ затрудненій, пришлось вести дѣло очень экономно. Прежде всего должность главнаго комиссара взялъ на себя самъ министръ торговли, чѣмъ сразу уменьшились расходы. Администрацію раздѣлили на три совершенно независимыя отдѣленія: эксплоатаціи, финансовъ и работъ. Смѣта была составлена очень экономно: расходы исчислены въ 43 милліона, въ томъ числѣ три на непредвидѣнные расходы; государство опредѣлило субсидію въ 17 милліоновъ, а городъ пожертвовалъ 8 мил., оставалось пополнить 18 милліоновъ. Для этого прибѣгли къ обществу гарантій. Оно составилось изъ крупныхъ банкировъ, фабрикантовъ и коммерсантовъ, которые гарантировали правительству капиталъ въ 18 милліоновъ, но съ тѣмъ, чтобы доходы прежде всего употреблялись на погашеніе этой суммы. Затѣмъ уже излишекъ доходовъ долженъ былъ дѣлиться между государствомъ, городомъ и обществомъ. Зато еслибы доходовъ оказалось меньше 18 мил., общество теряло разницу. Всѣ расходы свыше первоначальной смѣты государство брало на себя.

---

[1]) Посѣтителей было 15.888.000. За входъ выручено было 18.379.638 фр., вмѣсто предполагавшихся по смѣтѣ 14 милліоновъ.

Члены общества участвовали въ контрольной финансовой коммиссіи, и естественно, не желая рисковать своимъ капиталомъ, слѣдили за тѣмъ, чтобы никакихъ лишнихъ расходовъ не было. Между прочимъ, они потребовали ограниченія до минимума числа даровыхъ билетовъ, которые должны были выдаваться почти исключительно только экспонентамъ и служебному при выставкѣ персоналу. Послѣднее условіе сильно стѣсняло правительство, которое въ 1878 году роздало болѣе 2 мил. даровыхъ билетовъ народнымъ учителямъ, ученикамъ ремесленныхъ школъ, рабочимъ обществамъ и т. д.

Года два тому назадъ, извѣстный тогда въ Парижѣ финансистъ, директоръ одного изъ тѣхъ финансовыхъ учрежденій, которыя послѣ эфемернаго существованія погибаютъ въ биржевой пучинѣ, г. Буланъ возъимѣлъ геніальную мысль освободить правительство отъ опеки общества гарантій при помощи выпуска небольшихъ безпроцентныхъ выигрышныхъ облигацій. Онъ предложилъ свою идею министру торговли за извѣстную коммиссію и получилъ отказъ; тогда правительство еще не нуждалось въ рессурсахъ. Черезъ нѣкоторое время г. Буланъ, дѣла котораго были сильно запутаны, застрѣлился. Недавно г. Кристофль, управляющій французскимъ поземельнымъ кредитомъ, воскресилъ мысль несчастнаго Булана за свой счетъ и осуществилъ ее.

Вотъ въ чемъ заключается операція: поземельный кредитъ выпустилъ за счетъ государства на 30 милліоновъ фр. выигрышныхъ облигацій подъ названіемъ „Bons de l'Exposition", на сумму въ 25 фр. каждая. Процентовъ онѣ не приносятъ, зато каждый „bon" снабженъ 25-ю входными билетами на выставку, въ видѣ купоновъ. Номинальная цѣна входныхъ билетовъ 1 франкъ. Кромѣ того, эти облигаціи участвуютъ въ 81 тиражѣ выигрышей; за одинъ періодъ выставки такихъ тиражей будетъ 6 съ выигрышами въ 500 тыс., въ 100 тыс., 50 и 10 тысячъ фр.; тиражи распредѣлены на 75 лѣтъ, и всѣ „bons", которые не выйдутъ въ тиражъ, будутъ погашены въ послѣдній годъ по 25 фр. Поземельный кредитъ при этомъ гарантировалъ государству успѣхъ операціи за коммиссію въ $1^1/_2$ милліона. Расходовъ по подпискѣ было столько же ($1^1/_2$ милліона). На выигрыши и на погашеніе пришлось отложить $5^1/_2$ милліоновъ. Остальное, т.-е. $21^1/_2$ мил., оказалось въ рукахъ администраціи выставки. Требовалось же всего 18 милліоновъ, чтобы устранить общество гарантій. Такимъ образомъ государство учло себѣ еще до открытія выставки барышъ въ $3^1/_2$ мил. фр., который будетъ употребленъ главнымъ образомъ на посылку на выставку рабочихъ делегацій.

Сама операція удалась блистательно: выпускъ былъ покрытъ при подпискѣ болѣе 8 разъ, а послѣдствія получились самыя разнообразныя.

Прежде всего отстранили общество гарантій, благодаря чему у адми-

нистраціи развязались руки: правительство сохраняетъ весь барышъ съ продажи матеріаловъ по закрытіи выставки, и, кромѣ того, оно можетъ сохранить нѣкоторыя зданія, какъ галерею машинъ или дворцы искусствъ; безъ этой операціи ихъ пришлось бы разрушить и продать матеріалъ для покрытія гарантированныхъ 18 мил.

Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація пустила въ обращеніе *30 мил.* входныхъ билетовъ [1]), которые немедленно стали предметомъ купли и продажи, въ нѣкоторомъ родѣ биржевою цѣнностью. Номинальная цѣна каждаго билета 1 фр. Такъ какъ до сихъ поръ число посѣтителей всемірной выставки никогда не превосходило 16 мил., то естественно эти билеты упали въ цѣнѣ и теперь продаются на биржѣ по 47 сантимовъ (вмѣсто франка), а въ мѣняльныхъ лавкахъ—по 55 сантим. Входъ на выставку стоитъ такимъ образомъ только половину того, во что онъ обошелся бы безъ операціи. Выставка стала болѣе доступной для публики. Съ другой стороны, тѣ, у кого имѣются облигаціи съ входными билетами, гораздо чаще посѣтятъ выставку, чѣмъ еслибы имъ приходилось всякій разъ платить за входъ. Такимъ образомъ, упомянутая операція, помимо всякихъ выгодъ, которыя извлекла для себя администрація выставки, является еще самымъ лучшимъ поощреніемъ къ посѣщенію выставки публикой, т.-е. новой выгодой для администраціи участвующей въ барышахъ многихъ заведеній на выставкѣ—театровъ, панорамъ, желѣзной дороги.

Операція—несомнѣнно нѣчто совсѣмъ новое, настоящее изобрѣтеніе, къ которому впредь, вѣроятно, будутъ прибѣгать часто при разныхъ предпріятіяхъ. Подписка доказала, что при помощи такой финансовой операціи можно было бы покрыть всѣ расходы по выставкѣ и еще остаться въ барышѣ.

Успѣхъ уже сказывается въ громадномъ числѣ посѣтителей: за первые 14 дней въ этомъ году было вдвое больше посѣтителей, чѣмъ въ 1878 году, несмотря на то, что выставка еще не готова. И не удивительно:—входные билеты стоютъ теперь вдвое дешевле, чѣмъ тогда.

VIII.

Для Франціи настоящая выставка несомнѣнно имѣетъ значеніе большой мирной побѣды на поприщѣ цивилизаціи. Всякій, кто посѣтитъ французскій отдѣлъ, поражающій своимъ необыкновеннымъ богатствомъ, рѣдкимъ изяществомъ вкуса, большимъ разнообразіемъ, не-

---

[1]) За входъ на выставку плата установлена такимъ образомъ: отъ 8 до 10 утра —два билета; отъ 10 утра до 6 вечера—1 билетъ; вечеромъ два билета.

вольно почувствуетъ великое уваженіе къ странѣ, столь богатой, въ которой трудъ и искусство доведены до такого совершенства. И побѣда, одержанная Франціей, становится еще болѣе цѣнной, если вспомнить, при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ эта выставка —предпріятіе по истинѣ гигантское—была осуществлена.

Когда года четыре тому назадъ заговорили о празднованіи столѣтней годовщины открытія генеральныхъ штатовъ, мысль о всемірной выставкѣ явилась какъ-то сама собой. Примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ былъ очень близокъ,—а для Франціи 1789 годъ имѣетъ такое же значеніе, какъ годъ провозглашенія независимости для американцевъ. Къ тому же съ 1878 года не было ни одной большой всемірной выставки, и было основаніе разсчитывать на успѣхъ. Но затрудненія встрѣтились, какъ извѣстно, очень сильныя, и чисто политическаго характера: большинство европейскихъ государствъ отказалось оффиціально участвовать въ предпріятіи, по соображеніямъ, которыя понятны сами собою. Даже во Франціи, вслѣдствіе этихъ затрудненій и другихъ, уже чисто внутреннихъ, общественное мнѣніе долгое время, особенно вначалѣ, относилось очень недовѣрчиво къ осуществленію предпріятія. Кто могъ думать о выставкѣ во время вильсоновскихъ исторій, или во время выборовъ Буланже? Еще очень недавно всѣ газеты жаловались на то, что выставка уже наканунѣ своего открытія, а никто еще о ней не говоритъ, и всячески старались возбудить къ ней общественное вниманіе. Мы увѣрены, что успѣхъ выставки передъ парижанами и французской публикой вообще въ очень большой мѣрѣ происходитъ отъ того, что французы сами поражены; они точно проснулись послѣ долгаго сна и протираютъ глаза, ослѣпленные необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Впрочемъ въ обществѣ французы откровенно высказываютъ, что они сами не подозрѣвали, на что они способны. Главная заслуга въ успѣхѣ принадлежитъ г-ну Бержэ, директору эксплоатаціи выставки. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ объѣзжалъ Францію и Европу, стараясь вездѣ возбудить интересъ къ предпріятію и собрать возможно больше экспонентовъ.

И предпріятіе удалось. Экспонентовъ явилось столько, что мѣста не хватило, несмотря на то, что на одномъ Марсовомъ полѣ выставка занимаетъ на 30 тыс. квадратныхъ метровъ больше, чѣмъ въ 1878 году. Даже пространство, занятое иностранными отдѣлами, въ общей сложности обширнѣе того, чѣмъ въ 1878 году [1]).

Благодаря выставкѣ, Франція предстала передъ лицомъ всего міра страной совершенно другой, далеко не той, какой ее привыкли

---

[1]) Въ 1878 году иностранные отдѣлы занимали 86 тыс. кв. метр., а въ 1889 г. они занимаютъ болѣе 87 т. кв. м.

видѣть за послѣдніе годы. Еще очень недавно можно было думать, что во Франціи нѣтъ уже ничего, кромѣ, можетъ быть, г. Буланже и политикановъ весьма невысокой пробы.

О существованіи другой Франціи—труда, науки и искусствъ—можно было и не подозрѣвать: она не волнуется, не шумитъ, а работаетъ въ тишинѣ, заявляя о себѣ очень рѣдко.

Во Франціи всемірныя выставки, кромѣ своего торгово-промышленаго значенія, пріобрѣтали всегда, въ силу страннаго стеченія обстоятельствъ, очень важное политическое значеніе.

Въ 1878 году, почти наканунѣ открытія выставки, Франція пережила политическій кризисъ, вызванный знаменитымъ „16-го мая"; республиканцы остались побѣдителями надъ соединенными силами всѣхъ своихъ противниковъ, и выставка явилась умиротворяющимъ элементомъ и въ то же время однимъ изъ лучшихъ средствъ для внушенія уваженія къ режиму.

Нынѣшняя выставка открылась также во время сильнаго кризиса, гораздо болѣе опаснаго для установленнаго режима, чѣмъ 16-ое мая. Кризисъ еще продолжается, и всѣ надежды обращены теперь на успѣхъ выставки: она, думаютъ, должна умиротворить, успокоить и заставить забыть многое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что люди, стоящіе теперь у власти, постараются извлечь изъ выставки всю „избирательную пользу", какую она можетъ дать. Уже рѣшено устроить лотерею въ 15 милліоновъ съ цѣлью доставить возможность посѣтить выставку народнымъ учителямъ, крестьянамъ и рабочимъ.

Но какъ времена измѣнились за послѣднія 10 лѣтъ со времени послѣдней выставки! Мы помнимъ день ея открытія, 1-го мая 1878 г. Энтузіазмъ населенія въ тотъ день достигъ такихъ предѣловъ, до какихъ онъ впослѣдствіи врядъ ли доходилъ. Это былъ первый праздникъ послѣ войны, и чувствовалось, что все населеніе сознавало великое значеніе этого дня для страны, что Франція торжественно празднуетъ свое выздоровленіе. Вечеромъ того дня весь Парижъ, совершенно самопроизвольно, безъ приглашенія властей, освѣтился самой блестящей иллюминаціей. И получилось то любопытное явленіе, что весь городъ былъ иллюминованъ во всѣхъ даже самыхъ глухихъ закоулкахъ; одни только казенныя зданія остались тогда въ темнотѣ. Мы видѣли теперь празднество 6-го мая, въ день открытія настоящей выставки. Парижъ несомнѣнно былъ великолѣпно разукрашенъ — онъ, впрочемъ, теперь не нуждается въ искусственномъ убранствѣ, его красить свѣжая, весенняя зелень,— овація, устроенная главѣ государства на Марсовомъ полѣ, была величественна и носила отпечатокъ большой задушевности, особенно послѣ совершоннаго наканунѣ покушенія на его жизнь; праздникъ вечеромъ на Сенѣ и

на Марсовомъ полѣ былъ одинъ изъ рѣдкихъ, какіе намъ довелось видѣть въ Парижѣ, и населеніе города сильно веселилось,—но все же это было далеко не то веселье, какое мы видѣли въ 1878 году. Тогда веселились люди, воодушевленные идеей патріотизма, полные надеждъ послѣ внутренней побѣды. Теперь тоже веселились и очень искренно, но можно было подмѣтить, что веселятся люди разочарованные, обрадовавшіеся случаю забыть на время недавнее прошлое и довольные тѣмъ, что страна способна еще на дѣла болѣе серьезныя, чѣмъ безполезныя партійныя дрязги, которыя давно всѣмъ надоѣли. Парижане пресыщены политикой; и они теперь рады ее забыть, думаютъ только о своихъ личныхъ дѣлахъ, и въ ихъ празднествахъ чувствуется нѣсколько меркантильный духъ...

М.

Парижъ.—22 (10) мая.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1889 г.

Проектъ правилъ о публичной продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ; его достоинства и недостатки. — Слѣдователи-судьи, какъ предполагаемые преемники уѣздныхъ мировыхъ судей.—Возможны ли другія комбинаціи, исходящія изъ той же основной идеи? -Графъ Д. А. Толстой †.

Мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи о громадномъ накопленіи недоимокъ по долгамъ дворянскому земельному банку, зависящемъ отъ того, что до сихъ поръ, четыре года спустя послѣ учрежденія банка, не существуетъ еще никакихъ правилъ о публичной продажѣ заложенныхъ въ немъ имѣній. Теперь мы узнали, что проектъ этихъ правилъ составленъ и внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. До какой степени они необходимы, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Имѣній, подлежавшихъ назначенію въ продажу съ публичнаго торга, было къ 1 декабря 1888 г. 1405, съ 1.329.468 десятинами земли; капитальнаго долга было на нихъ 52 милліона рублей, а цифра просроченныхъ платежей простиралась до 2.144.768 рублей. 37 тыс. руб. состояло въ недоимкѣ *съ самаго перваго льготнаго срока*, наступившаго 1 ноября 1886 года; 189 тысячъ рублей — со второго (1 мая 1887 г.); 588 тысячъ рублей — съ третьяго (1 ноября 1887 г.); 1.329 тысячъ — съ четвертаго (1 мая 1888 г.). Отсюда явствуетъ, во-первыхъ, что къ громадной цифрѣ 2-хъ слишкомъ милліоновъ рублей слѣдуетъ присоединить еще всѣ тѣ платежи, которые перешли за предѣлы льготныхъ сроковъ 1 ноября 1888 и 1 мая 1889 г.—а сумма этихъ платежей, судя по вышеприведенной прогрессіи, должна быть весьма велика; во-вторыхъ, что по нѣкоторымъ ссудамъ, выданнымъ въ самомъ началѣ дѣятельности банка, заемщики не уплатили ровно ничего. При такихъ условіяхъ каждый лишній день бездѣйствія и выжиданія увеличиваетъ опасность потерь для дворянскаго банка, т.-е. для государственнаго казначейства. Ухудшается, въ сущности, и

положеніе неисправныхъ плательщиковъ; чѣмъ больше сумма недоимокъ, тѣмъ труднѣе предупредить публичную продажу — а чѣмъ больше имѣній будетъ сразу назначено въ продажу, тѣмъ вѣроятнѣе паденіе цѣнъ, предлагаемыхъ покупщиками. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что одною изъ самыхъ главныхъ причинъ неисправности заемщиковъ было именно отсутствіе правилъ, опредѣляющихъ порядокъ взысканія: оно не только отдаляло на неопредѣленное время роковой моментъ разсчета, но и поддерживало надежду, что этотъ моментъ вовсе не наступитъ или наступитъ въ снисходительной, до крайности, мягкой формѣ. Извѣстная поговорка о громѣ, заставляющемъ перекреститься, примѣнима, на русской почвѣ, не къ одному только мужику. Иллюзіямъ относительно будущаго предавались, въ занимающемъ насъ дѣлѣ, не только частныя лица, но и учрежденія. Два дворянскихъ собранія—полтавское и симбирское—оффиціально выразили желаніе, чтобы дворянскій банкъ *или вовсе не прибѣгалъ ко взысканію просроченныхъ платежей посредствомъ продажи имѣній съ публичнаго торга* (!), или обращался къ этой мѣрѣ лишь послѣ попытки погасить недоимки путемъ учрежденія надъ имѣніемъ опекунскаго управленія. Понятно, что уже самая возможность возбужденія подобныхъ ходатайствъ способствовала поддержанію несбыточныхъ надеждъ и задержанію срочныхъ платежей. Положить конецъ такому положенію дѣлъ можетъ только изданіе правилъ о публичной продажѣ, какъ о единственномъ и неизбѣжномъ послѣдствіи просрочки, и затѣмъ строгое, неуклонное примѣненіе этихъ правилъ, не допускающее никакихъ изъятій и послабленій... Учрежденіе опеки, какъ средство предупредить или отдалить публичную продажу, мотивируется преимущественно ссылкой на примѣръ прежнихъ кредитныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ до отмѣны крѣпостного права. Неосновательность этой ссылки совершенно очевидна. При крѣпостномъ правѣ—по справедливому замѣчанію составителей проекта—главную цѣнность населеннаго имѣнія составляли не земельныя угодья, а приписанные къ имѣнію крестьяне; обязанности прежнихъ опекъ сводились, поэтому, къ надзору за населеніемъ имѣнія. Теперь веденіе хозяйства усложнилось, требуетъ большихъ денежныхъ затратъ и представляется непосильнымъ для правительственнаго учрежденія, въ особенности при значительности числа имѣній, которыя подлежали бы взятію въ опеку. За банкомъ, какъ мы увидимъ, признается право вступать въ управленіе имѣніемъ, но не съ цѣлью предупрежденія продажи, а съ цѣлью охраны имѣнія, впредь до погашенія недоимки или до публичнаго торга.

На основаніи положенія о дворянскомъ земельномъ банкѣ (ст. 48), срочные платежи вносятся заемщиками впередъ за каждые полгода,

1 мая и 1 ноября. Платежъ, не внесенный въ срокъ, считается въ недоимкѣ (ст. 52), и если недоимка, въ теченіе слѣдующаго за просрочкой полугодія, пополнена не будетъ, то имѣніе обращается въ продажу съ публичнаго торга (ст. 53). Этимъ постановленіямъ, вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ, противорѣчитъ, какъ намъ кажется, второй пунктъ вновь проектируемыхъ правилъ, предоставляющій банку отсрочить, не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ, назначеніе имѣнія въ продажу, или отмѣнить продажу, уже назначенную, если недоимка, за невзносъ которой имѣніе должно быть обращено въ продажу, не превышаетъ слѣдующаго банку полугодового платежа по ссудѣ. При правильномъ веденіи дѣлъ банка, недоимка, за которую имѣніе назначается въ продажу, никогда, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ разсрочки или отсрочки платежей [1]), не можетъ превышать полугодового платежа по ссудѣ. Подъ дѣйствіе проектируемаго правила подойдутъ, слѣдовательно, *рѣшительно всѣ* случаи просрочки; по каждому изъ нихъ совѣтъ банка будетъ имѣть возможность отложить продажу на полгода. Одно изъ двухъ: или назначеніе въ продажу не черезъ полгода со времени просрочки, какъ этого требуетъ положеніе о дворянскомъ банкѣ, а черезъ годъ, сдѣлается общимъ правиломъ, почти не допускающимъ исключеній—или же совѣтъ банка постоянно будетъ навлекать на себя обвиненія въ несправедливости, въ пристрастіи къ однимъ, въ чрезмѣрной строгости къ другимъ. Замѣтимъ, что во второмъ пунктѣ правилъ не указаны обстоятельства, при которыхъ можетъ быть допущена отсрочка; она совершенно предоставляется *усмотрѣнію* совѣта. Въ мотивахъ къ проекту такими обстоятельствами признаются, въ видѣ примѣра, ничтожность недоимки (т.-е. невзносъ только небольшой части просроченнаго платежа), незначительность остающагося на имѣніи капитальнаго долга, небрежность управляющаго, арендатора или другого лица, которому порученъ былъ взносъ платежа. Первыя двѣ причины слѣдовало бы включить въ текстъ проекта, съ точнымъ опредѣленіемъ, какая именно часть недоимки или капитальнаго долга (по отношенію къ цѣлому) можетъ считаться ничтожной; что касается до послѣдней, то о ней, по нашему мнѣнію, не должно быть и рѣчи, какъ потому, что слишкомъ трудно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, доказать ея наличность, такъ и потому, что за неисправность повѣреннаго всецѣло отвѣчаетъ довѣритель. До крайности неудобно было бы, наконецъ, обременять совѣтъ банка разрѣшеніемъ массы просьбъ объ отсрочкѣ продажи. Составители проекта полагаютъ, что банкъ, черезъ

[1]) Къ 1 декабря 1888 г. разсроченныхъ платежей было всего 2.105 рублей; отсроченныхъ, повидимому, не было вовсе.

посредство своихъ мѣстныхъ отдѣленій, всегда будетъ имѣть достовѣрныя свѣденія какъ о состоятельности владѣльца, такъ и о кредитоспособности имѣнія. Съ этимъ предположеніемъ едва ли можно согласиться. Число имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, слишкомъ велико (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ихъ около 500 или даже больше), чтобы мѣстному отдѣленію могло быть съ точностью извѣстно положеніе каждаго изъ нихъ; еще труднѣе безошибочная оцѣнка состоятельности владѣльца.

Весьма существенную часть проектируемыхъ правилъ составляютъ тѣ постановленія, которыя имѣютъ цѣлью предупредить обезцѣненіе имѣнія, въ промежутокъ времени, предшествующій продажѣ. Они допускаютъ, прежде всего, установленіе со стороны банка надзора за цѣлостью и сохранностью имѣнія, а въ случаѣ надобности — и отдачу его въ управленіе уполномоченному отъ банка лицу. Моментомъ, съ наступленіемъ котораго можетъ быть принята та или другая мѣра, признается день первой публикаціи о назначеніи имѣнія въ продажу. Со времени принятія банкомъ имѣнія въ свое управленіе, владѣльцу имѣнія воспрещается заключать, подъ опасеніемъ недѣйствительности, какіе-либо договоры по имѣнію, а банку предоставляется право пріостанавливать исполненіе заключенныхъ безъ его согласія договоровъ о рубкѣ лѣса, о сносѣ построекъ и вообще объ отчужденіи или закладѣ предметовъ, составляющихъ живой или мертвый инвентарь имѣнія. Что касается договоровъ, заключенныхъ раньше публикаціи о продажѣ, то судьба ихъ обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, были ли они заключены съ согласія или безъ согласія банка. Если они были заключены съ согласія банка, то они перестаютъ быть обязательными для покупщика и для самого банка (насколько можно заключить изъ весьма неясной редакціи п. 9-го) только по истеченіи срока, на который было дано согласіе. Если они были заключены безъ согласія банка, то степень дѣйствительности ихъ для новаго собственника зависитъ отъ того, были ли они указаны въ торговомъ листѣ. Договоры, въ торговомъ листѣ не указанные, необязательны для покупщика, хотя бы онъ купилъ имѣніе на первомъ торгѣ, въ слѣдующей мѣрѣ: договоры о сносѣ построекъ и объ отчужденіи инвентаря—поскольку они остались неисполненными ко дню перехода имѣнія въ собственность пріобрѣтателя, а прочіе договоры — по истеченіи трехъ лѣтъ со времени перехода имѣнія, коль скоро по договору дѣйствіе его не ограничено болѣе краткимъ срокомъ. Для покупщика на второмъ торгѣ (и для банка, если за нимъ осталось имѣніе по безуспѣшности вторыхъ торговъ) въ такой же мѣрѣ необязательны и договоры, указанные въ торговомъ листѣ. Объ уничтоженіи договоровъ, сохраняющихъ обязательную силу,

покупщикъ — или банкъ — можетъ ходатайствовать передъ судомъ, если они клонятся къ обезцѣненію имѣнія. Дѣйствіе правилъ о необязательности договоровъ не распространяется: 1) на договоры, заключенные до изданія новаго закона, если время ихъ заключенія засвидѣтельствовано установленнымъ порядкомъ, и 2) на договоры, заключенные до принятія имѣнія банкомъ въ залогъ, если о нихъ было тогда же доведено до свѣденія банка, или исполненіе по нимъ началось не позже трехъ мѣсяцевъ до залога и выразилось въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ въ самомъ имѣніи.

Исходной точкой всѣхъ этихъ правилъ служитъ, повидимому, убѣжденіе—и убѣжденіе совершенно правильное—что общіе законы о взысканіи съ недвижимыхъ имѣній, изложенные въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, недостаточно ограждаютъ интересы кредиторовъ и покупателей. На самомъ дѣлѣ, однако, проектируемыя постановленія далеко не во всемъ составляютъ шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы право банка вступать въ управленіе имѣніемъ. Это право принадлежитъ всякому залогодержателю, какъ только взысканіе обращено на заложенное имѣніе и приведена къ концу опись имѣнія, т.-е. еще до публикаціи о продажѣ. Мы не видимъ причины, по которой для банка пользованіе тѣмъ же правомъ должно быть пріурочено къ моменту первой публикаціи. Правда, взысканіе въ пользу банка производится съ большею быстротою, потому что не требуетъ ни судебнаго рѣшенія, ни описи; но зато оно начинается не раньше, какъ черезъ полгода со дня просрочки. Всего правильнѣе было бы, кажется, предоставить банку вступать въ управленіе имѣніемъ, какъ только просроченъ платежъ или по прошествіи самаго короткаго срока (одной недѣли, одного мѣсяца) со дня просрочки. Само собою разумѣется, что банкъ далеко не всегда осуществлялъ бы это право; но оно было бы въ его рукахъ весьма дѣйствительнымъ орудіемъ на случай злоупотребленій или явной небрежности со стороны владѣльца. Еще менѣе можно одобрить то постановленіе проекта, въ силу котораго свобода распоряженія должника ограничивается лишь со времени перехода имѣнія въ управленіе банка. А если имѣніе остается во владѣніи и управленіи должника до самой продажи? Неужели онъ можетъ до послѣдняго дня рубить лѣсъ, сносить постройки, отчуждать принадлежности имѣнія, заключать договоры? Вѣдь этого не допускаетъ даже дѣйствующій уставъ гражданскаго судопроизводства, въ силу котораго (ст. 1097) со времени полученія повѣстки объ исполненіи (т.-е. задолго до продажи и даже до описи) должникъ теряетъ право рубить лѣсъ и отчуждать или разрушать предметы, признаваемые, по закону, принадлежностью имѣнія. Намъ казалось бы со-

вершенно необходимымъ отнести установленіе этихъ ограниченій, для имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, къ самому моменту просрочки или, по меньшей мѣрѣ, къ моменту первой публикаціи, все равно, сопровождается ли она или не сопровождается взятіемъ имѣнія въ управленіе банка.

Вполнѣ цѣлесообразно признаніе нѣкоторыхъ договоровъ, заключенныхъ должникомъ, безусловно необязательными для покупщика и для банка; это составляетъ большую перемѣну къ лучшему въ сравненіи съ существующимъ порядкомъ, всегда возлагающимъ на кредитора и покупателя тягостную роль истца въ судебномъ процессѣ и требующимъ отъ нихъ доказательствъ тому, что договоръ заключенъ въ ущербъ ихъ интересамъ. Столь же основательно и различіе, установляемое проектомъ между договорами, указанными и неуказанными въ торговомъ листѣ. Послѣдніе, оставаясь неизвѣстными торгующимся и не оказывая, поэтому, вліянія на продажную цѣну, не имѣютъ никакого права на охрану со стороны закона; они должны считаться какъ бы несуществующими, безусловно необязательными для новаго владѣльца. Несправедливости въ этомъ нѣтъ никакой, потому что отъ контрагентовъ должника зависитъ довести до свѣденія банка о существованіи и содержаніи договоровъ и обезпечить, такимъ образомъ, включеніе ихъ въ составъ торговаго листа. Сохраняются въ тайнѣ, большею частью, именно тѣ договоры, остріе которыхъ направлено противъ интересовъ банка и покупщика. Единственный недостатокъ проектируемаго правила заключается въ томъ, что оно останавливается на полъ-дорогѣ и сохраняетъ нѣкоторую силу за договорами объ арендѣ и о рубкѣ лѣса, не указанными въ торговомъ листѣ. Мы видѣли уже, что эти договоры становятся необязательными для новаго владѣльца только по прошествіи трехъ лѣтъ со дня перехода имѣнія въ его собственность. По мнѣнію составителей проекта, краткосрочные договоры не могутъ значительно понижать цѣнность имѣнія, да и для владѣльца было бы слишкомъ затруднительно сообщать банку о каждомъ, хотя бы и самомъ краткосрочномъ, договорѣ. Эти соображенія едва ли убѣдительны. Купить имѣніе, предполагая, что оно никому не сдано въ аренду, и затѣмъ узнать, что цѣлыхъ три года имъ будетъ распоряжаться арендаторъ —это такой сюрпризъ, который можетъ разстроить всѣ разсчеты покупателя. Одна возможность подобныхъ сюрпризовъ неизбѣжно будетъ способствовать общему пониженію цѣнъ, предлагаемыхъ на торгахъ, въ прямой ущербъ интересамъ банка и добросовѣстныхъ владѣльцевъ. Самое большее, что́ можно было бы допустить — это дѣйствительность договоровъ найма, заключенныхъ на *одинъ годъ*, если имѣніе продается передъ самымъ наступленіемъ или во время

производства полевыхъ работъ. Сообщить банку о всѣхъ договорахъ, заключенныхъ по имѣнію, не составляетъ никакой трудности для владѣльца, тѣмъ болѣе, что крайнимъ срокомъ для такого сообщенія можно признать самый день торга. Еще болѣе спорнымъ кажется намъ правило, касающееся вторыхъ торговъ. Оно уничтожаетъ разницу между договорами, указанными и неуказанными въ торговомъ листѣ; обязательность тѣхъ и другихъ ограничивается въ одной и той же мѣрѣ, намъ уже извѣстной. Конечно, безуспѣшность первыхъ торговъ, сплошь и рядомъ зависящая именно отъ существованія договоровъ, невыгодныхъ для покупателя, заставляетъ идти еще дальше въ смыслѣ устраненія этой преграды; иначе легко могутъ остаться безъ результата и вторые торги, что всегда сопряжено съ большими невыгодами и неудобствами для банка. Мы совершенно понимаемъ, поэтому, что при вторыхъ торгахъ ограничивается обязательность договоровъ, хотя бы и записанныхъ въ торговомъ листѣ; мы возражаемъ только противъ того, что по отношенію къ договорамъ, въ торговомъ листѣ не записаннымъ, вторые торги влекутъ за собою такія же точно послѣдствія, какъ и первые. При вторыхъ торгахъ представлялось бы, во всякомъ случаѣ, полное основаніе къ объявленію этихъ договоровъ безусловно и всецѣло необязательными какъ для покупщика, такъ и для банка (еслибы за послѣднимъ осталось имѣніе, по безуспѣшности вторыхъ торговъ).

Договоры, сохраняющіе свою обязательную силу для покупателя и для банка, могутъ быть, какъ мы уже видѣли, уничтожены по суду, если будетъ доказано, что они клонятся къ обезцѣненію имѣнія. Это правило заимствовано проектомъ изъ дѣйствующаго устава гражданскаго судопроизводства, но дополнено указаніемъ обстоятельствъ, при которыхъ договоръ *долженъ* быть признанъ обезцѣнивающимъ имѣніе (сюда относится, напримѣръ, неназначеніе договоромъ никакого вознагражденія въ пользу владѣльца, полученіе вознагражденія болѣе чѣмъ за годъ впередъ, и т. п.). Покупщику, такимъ образомъ, становится нѣсколько легче доказать на судѣ, что договоръ направленъ во вредъ его интересамъ. Не вполнѣ основательнымъ, зато, кажется намъ тотъ пунктъ правилъ, который изъемлетъ изъ ихъ дѣйствія договоры, заключенные до изданія новаго закона или до принятія имѣнія въ залогъ дворянскимъ банкомъ. По отношенію къ договорамъ, заключеннымъ до изданія закона, слѣдовало бы различать два случая: одинъ—когда обязательной силѣ договора угрожаетъ опасность безъ всякой вины со стороны договаривающихся, другой—когда опасность зависитъ отъ собственнаго ихъ упущенія. Первый случай наступаетъ, напримѣръ, тогда, когда договоръ, записанный въ торговомъ мѣстѣ, теряетъ свою силу вслѣдствіе безуспѣшности первыхъ

торговъ и назначенія вторыхъ; послѣдній случай—когда договоръ теряетъ свою силу уже при первыхъ торгахъ, вслѣдствіе неуказанія его въ торговомъ листѣ. Предупредить назначеніе вторыхъ торговъ арендаторъ или другой контрагентъ должника не въ состояніи; справедливость требуетъ, поэтому, огражденія его отъ риска, котораго онъ не могъ предвидѣть при самомъ заключеніи договора. Другое дѣло—неозначеніе договора въ торговомъ листѣ; здѣсь контрагентъ всегда можетъ поправить упущеніе владѣльца, сообщивъ банку, до дня торга, о существованіи договора и настоявъ на включеніи его въ торговый листъ. Если онъ этого не исполнилъ, тѣмъ хуже для него; подчиненіе его невыгоднымъ результатамъ собственной оплошности не будетъ противорѣчить основному началу права, въ силу котораго законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ. Что касается до договоровъ, заключенныхъ до залога, то сохраненіе ими обязательной силы слѣдовало бы поставить въ *безусловную* зависимость отъ сообщенія о нихъ банку при самомъ совершеніи залога. Уравнивать съ такимъ сообщеніемъ фактическое исполненіе договора—дѣйствіями, происходящими въ самомъ имѣніи,—нельзя уже потому, что эти дѣйствія весьма легко могутъ остаться совершенно неизвѣстными мѣстному отдѣленію банка. Какъ оно можетъ узнать, за чей счетъ и по чьему распоряженію обрабатывается данное поле, скашивается данный лугъ—за счетъ и по распоряженію хозяина или арендатора? Вопросъ о томъ, когда началось и въ чемъ выразилось исполненіе договора, можетъ возникнуть, притомъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ принятія имѣнія въ залогъ—и тогда разрѣшеніе его окажется еще болѣе затруднительнымъ. Правило, противъ котораго мы возражаемъ, послужитъ источникомъ безчисленныхъ процессовъ и невознаградимыхъ убытковъ; а между тѣмъ оно вовсе не нужно, потому что ничто не мѣшаетъ залогодателю сообщить банку, при самомъ совершеніи залога, вполнѣ точныя свѣденія о договорахъ, раньше по имѣнію заключенныхъ. Сообщеніе это можетъ быть сдѣлано, какъ мы уже говорили, и другою договаривающеюся стороною, въ огражденіе собственныхъ ея интересовъ.

Остальныхъ отдѣловъ проектируемаго закона, относящихся къ порядку производства продажи, мы подробно разбирать не будемъ; ихъ значеніе—преимущественно техническое, да и самая редакція ихъ возбуждаетъ меньше споровъ и недоумѣній. Остановимся только на двухъ отдѣльныхъ пунктахъ, правильность которыхъ кажется намъ сомнительною. Въ видахъ уменьшенія расходовъ, связанныхъ съ публикаціями о продажѣ и упадающихъ на должника, предполагается помѣщать первую публикацію только въ „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли“, вторую кромѣ того—въ двухъ столичныхъ

газетахъ (одной петербургской и одной московской), а третью—еще въ одной изъ газетъ каждой изъ тѣхъ губерній, гдѣ находятся продаваемое имѣніе и мѣстное отдѣленіе банка. Намъ кажется, что излишняя заботливость о владѣльцѣ можетъ послужить во вредъ какъ ему самому, такъ и банку; сбереженіе нѣсколькихъ рублей или нѣсколькихъ десятковъ рублей на публикаціяхъ можетъ уменьшить число торгующихся, понизить продажную цѣну или даже помѣшать успѣху торга. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ли читаютъ „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли"? Ужъ если ограничиваться, для первой публикаціи, одною газетой, то не лучше ли избрать „Правительственный Вѣстникъ", у котораго очень много обязательныхъ подписчиковъ? Цѣлесообразно ли, также, откладывать до самаго конца публикацію въ мѣстныхъ газетахъ, гдѣ она, при не особенно высокой цѣнѣ продаваемаго имѣнія, всего скорѣе можетъ привести къ желанному результату?.. Другое замѣчаніе наше касается той статьи правилъ, которая предусматриваетъ случай предложенія нѣсколькими лицами одной и той же цѣны за продаваемое имѣніе. Преимущественное право на пріобрѣтеніе имѣнія предоставляется, въ этомъ случаѣ, въ слѣдующей постепенности: лицу, имѣющему закладную на имѣніе—личному кредитору, требованіе котораго обезпечено на имѣніи—потомственному дворянину—казенному управленію — благотворительному или общественному учрежденію—наличному покупателю. Преимущество залогодержателя и кредитора, долгъ котораго обезпеченъ на имѣніи, вполнѣ понятно и справедливо; но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что потомственному дворянину должно быть оказано предпочтеніе даже передъ казеннымъ управленіемъ, даже передъ благотворительнымъ учрежденіемъ. Правда, дворянскій земельный банкъ призванъ способствовать сохраненію дворянскихъ имѣній въ рукахъ дворянства, или, лучше сказать, противодѣйствовать ихъ переходу въ руки другихъ сословій; но противъ казны, противъ благотворительныхъ учрежденій нельзя же привести тѣхъ соображеній, которыя говорятъ противъ расширенія купеческаго или мѣщанскаго землевладѣнія на счетъ дворянскаго. Появленіе казеннаго управленія или благотворительнаго учрежденія въ числѣ торгующихся—фактъ исключительный, вызываемый, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, особою важностью имѣнія съ точки зрѣнія цѣлей, преслѣдуемыхъ казною или благотворительнымъ учрежденіемъ; можно ли ставить выше этихъ цѣлей интересы частнаго лица, не имѣющаго никакихъ спеціальныхъ правъ на продаваемое имѣніе?

Въ журналахъ и газетахъ съ нѣкоторыхъ поръ почти нѣтъ рѣчи о мѣстной административной реформѣ, еще недавно составлявшей

предметъ самыхъ оживленныхъ споровъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что спорящія стороны успѣли уже высказаться съ достаточною опредѣленностью и полнотою, отчасти предрѣшеніемъ нѣкоторыхъ частей вопроса, состоявшимся въ началѣ нынѣшняго года. Оставалось только ожидать болѣе подробныхъ свѣденій объ организаціи мѣстнаго суда и управленія, проектируемой въ виду предстоящаго упраздненія уѣздныхъ мировыхъ учрежденій. Нѣкоторыя данныя по этому предмету мы находимъ въ № 128 „Московскихъ Вѣдомостей". Если вѣрить московской газетѣ, совѣщаніемъ трехъ министровъ (внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ) выработаны слѣдующія главныя основы судебнаго преобразованія, подлежащія введенію въ дѣйствіе одновременно съ проектомъ положенія о земскихъ начальникахъ (административная часть котораго разсмотрѣна, между тѣмъ, государственнымъ совѣтомъ и принята въ томъ видѣ, въ какомъ была составлена бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Изъ числа дѣлъ, подсудныхъ теперь уѣзднымъ мировымъ судьямъ, въ вѣденіе земскихъ начальниковъ передаются всѣ тѣ, которыя были намѣчены въ первоначальномъ проектѣ и, кромѣ того, еще нѣкоторыя другія. Расширяется, затѣмъ, компетенція волостныхъ судовъ, которые предполагается „нѣсколько видоизмѣнить и приспособить къ отправленію возложенной на нихъ обязанности". Главною мѣрой въ этомъ смыслѣ должно быть включеніе волостного старшины въ составъ волостного суда, съ возложеніемъ на него, какъ и на судей, отвѣтственности за допущенныя злоупотребленія, и съ подчиненіемъ ихъ, наравнѣ съ прочими лицами крестьянскаго управленія, контролю земскаго начальника. Мировые судьи сохраняются лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣются самостоятельные городскіе участки [1]); въ уѣздахъ мировые судьи упраздняются, а тѣ немногія дѣла, которыя остаются нераспредѣленными между волостными судами и земскими начальниками, переходятъ къ судебнымъ слѣдователямъ, облекаемымъ, въ этомъ отношеніи, властью прежнихъ мировыхъ судей. Изъ судебныхъ слѣдователей и изъ почетныхъ мировыхъ судей, подъ предсѣдательствомъ члена окружного суда и при участіи прокурора, образуется отдѣленіе окружного суда, служащее второю инстанціею, т.-е. замѣняющее собою мировой съѣздъ. „Конечно,—замѣчаютъ „Московскія Вѣдомости",—такое положеніе можетъ быть только временнымъ. Какъ слышно, само министерство юстиціи признаетъ невозможнымъ сохранить институтъ судебныхъ слѣдователей въ томъ видѣ, какъ онъ теперь поставленъ. Какую организацію придумаетъ мини-

[1]) Въ другой статьѣ (№ 130) „Московскія Вѣдомости" выражаютъ увѣренность, что городскіе мировые судьи, гдѣ они остаются, будутъ назначаемы правительствомъ, а не выбираемы органами городского самоуправленія.

стерство юстиціи для уѣзднаго суда, покажетъ будущее; теперь же пока можно отмѣтить тотъ фактъ, что институтъ земскихъ начальниковъ сохраняетъ вполнѣ характеръ, который имѣлъ въ виду дать ему покойный гр. Д. А. Толстой. Опасность параллельнаго существованія въ уѣздѣ двухъ властей—административно-крестьянской и чисто судебной—окончательно устранена; полное отдѣленіе и независимость земскаго начальника отъ судебнаго вѣдомства установлены безповоротно".

Если фактическія данныя, сообщаемыя „Московскими Вѣдомостями", соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣла, то нелегко усвоить себѣ, нелегко даже понять заключеніе, выводимое изъ нихъ московской газетой. Какимъ образомъ можно говорить объ *окончательномъ устраненіи параллельнаго существованія въ уѣздѣ двухъ властей*, административно-крестьянской и чисто-судебной, когда рядомъ съ земскими начальниками остаются на мѣстахъ представители судебнаго вѣдомства? Называться они будутъ судебными слѣдователями—но вѣдь дѣло не въ названіи, а въ томъ, что они принимаютъ на себя долю наслѣдства мировыхъ учрежденій. Какимъ образомъ можно утверждать, что институтъ земскихъ начальниковъ сохраняетъ свой первоначальный характеръ, когда къ кругу его дѣйствій присоединяются судебныя дѣла, не имѣющія ничего общаго съ спеціально-крестьянскимъ бытомъ, съ отношеніями между крестьянами и землевладѣльцами, между работниками и работодателями, между съемщиками и собственниками земельныхъ угодій? Основною мыслью реформы, вызвавшею принципіальное разногласіе въ государственномъ совѣтѣ, было приспособленіе ея не ко всему уѣздному населенію, а къ одной, наиболѣе многочисленной его части. Теперь предполагается подчинить земскому начальнику, въ извѣстныхъ предѣлахъ, *всѣхъ* жителей даннаго участка; а насъ газета увѣряетъ, что свойство реформы отнюдь не измѣнилось!.. Оставимъ, однако, эти вопіющія противорѣчія московской газеты и присмотримся поближе къ главнымъ чертамъ проектируемаго судебнаго устройства. Судя по тому, какъ ставился до сихъ поръ вопросъ о мѣстной реформѣ, можно было думать, что предполагается создать нѣчто прочное, постоянное, а отнюдь не нѣчто переходное, временное. Оказывается, однако, что соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей судебнаго слѣдователя и нѣкоторыхъ функцій мирового судьи имѣетъ именно временный характеръ. Неудовлетворительность комбинаціи сознается еще раньше, чѣмъ она испытана на самомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, условія дѣятельности судебнаго слѣдователя—совершенно другія, чѣмъ условія дѣятельности судьи по маловажнымъ (сравнительно) уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Судебный слѣдователь долженъ быть

опытнымъ криминалистомъ; судьѣ должны быть одинаково знакомы и уголовные, и гражданскіе законы. Судебный слѣдователь долженъ быть въ постоянныхъ разъѣздахъ, продолжительность которыхъ отъ него совершенно не зависитъ; судья долженъ быть постоянно на мѣстѣ, за исключеніемъ дней, заранѣе назначенныхъ для съѣзда или для разбора дѣлъ въ томъ или другомъ отдаленномъ пунктѣ участка. Тяжущимся или подсудимымъ придется либо отыскивать слѣдователя-судью на всемъ пространствѣ обширнаго участка, либо ожидать его по цѣлымъ днямъ или недѣлямъ въ мѣстѣ обыкновеннаго его пребыванія. Назначеніе сроковъ разбора сдѣлается совершенно невозможнымъ или мнимымъ; даже возвратясь къ себѣ въ опредѣленный день, слѣдователь-судья можетъ найти у себя извѣщеніе о важномъ преступленіи, требующее немедленнаго его отъѣзда. Во многихъ случаяхъ возложеніе на слѣдователя обязанностей судьи будетъ, такимъ образомъ, равносильно отказу въ правосудіи или отсрочкѣ его на неопредѣленное время. Возможенъ, конечно, и другой исходъ — запущеніе и затягиванье слѣдственныхъ дѣлъ; но онъ менѣе вѣроятенъ, потому что болѣе важное почти всегда беретъ перевѣсъ надъ менѣе важнымъ... До крайности затруднительнымъ будетъ, далѣе, и положеніе второй инстанціи, которую предполагается поставить на мѣсто мирового съѣзда. Сплошь и рядомъ будетъ случаться, что въ день засѣданія всѣ слѣдователи-судьи окажутся въ отлучкѣ по слѣдственнымъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательства — или, по крайней мѣрѣ, на-лицо окажется только такое ихъ число, изъ котораго нельзя образовать судебнаго присутствія. Почетные мировые судьи и теперь далеко не вездѣ составляютъ контингентъ, на который безошибочно можетъ разсчитывать мировой съѣздъ; еще труднѣе будетъ ожидать отъ нихъ усердія и аккуратности, когда они явятся оторванными отъ почвы, когда исчезнетъ солидарность, существующая теперь между почетными и участковыми мировыми судьями. Теперь земское собраніе, выбирая почетныхъ мировыхъ судей, руководствуется иногда именно желаніемъ найти въ нихъ опору для участковыхъ судей, усилить авторитетъ, обезпечить достаточный составъ мирового съѣзда. Власть, *назначающая* почетныхъ мировыхъ судей, будетъ чужда такимъ соображеніямъ уже потому, что главную силу присутствія, замѣняющаго съѣздъ, она неизбѣжно будетъ видѣть въ непремѣнныхъ его членахъ, т.-е. въ слѣдователяхъ-судьяхъ и въ предсѣдательствующемъ — членѣ окружного суда. Совсѣмъ не одинаковымъ представляется, далѣе, положеніе почетныхъ мировыхъ судей на мировомъ съѣздѣ и на съѣздѣ слѣдователей. Въ первомъ они могутъ чувствовать себя полноправными членами, ничѣмъ существенно не отличаю-

щимися отъ остальныхъ; въ послѣднемъ они будутъ сознавать себя, бо̀льшею частью, какими-то декораціями, какими-то приставками, лишенными самостоятельнаго значенія. Не будучи юристами, они по-неволѣ будутъ идти на буксирѣ спеціально-образованныхъ товарищей—или составлять противъ нихъ безсильную систематическую оппозицію. Намъ возразятъ, быть можетъ, что почетные мировые судьи и теперь иногда входятъ въ составъ присутствія окружного суда; но часто ли они играютъ въ немъ не ту роль, о которой мы только-что говорили? Далеко не безразлично, притомъ, составляетъ ли совмѣстная дѣятельность почетнаго мирового судьи и профессіональныхъ судей общее правило или же рѣдкое исключеніе, обусловливаемое необходимостью; съ послѣднимъ примириться гораздо легче, чѣмъ съ первымъ... Какъ бы то ни было, устроить вновь проектируемыя уѣздныя присутствія нужно будетъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли дѣйствовать, въ случаѣ надобности, и безъ почетныхъ мировыхъ судей. Кто постановилъ рѣшеніе, тотъ не можетъ участвовать въ разсмотрѣніи принесенной на него жалобы. Отсюда минимальное число слѣдователей-судей — *три*, такъ чтобы они по каждому дѣлу могли составить коллегію изъ трехъ членовъ (считая и предсѣдательствующаго-члена окружного суда). Но это минимальное число очевидно недостаточно; сто̀итъ только одному слѣдователю-судьѣ заболѣть или не пріѣхать въ уѣздный городъ—и всѣ дѣла, кромѣ имъ рѣшенныхъ, придется отложить до слѣдующаго мѣсяца. Чтобы избѣжать постоянныхъ отсрочекъ, необходимо будетъ имѣть въ каждомъ уѣздѣ уже не трехъ, а четырехъ слѣдователей-судей, тогда какъ теперь во многихъ уѣздахъ числится только по два или даже по одному судебному слѣдователю. Прибавимъ къ этому двѣсти или болѣе новыхъ членовъ окружного суда, которыхъ придется назначить для предсѣдательствованія въ уѣздныхъ присутствіяхъ (больше чѣмъ по два уѣзда отмежевать каждому изъ нихъ едва ли возможно)—и мы поймемъ, какихъ громадныхъ расходовъ потребуетъ реформа, которую предполагалось осуществить безъ обремененія населенія. Положимъ, что бо́льшая часть этихъ расходовъ будетъ отнесена не на земскія, а на общегосударственныя средства; но вѣдь въ концѣ концовъ отъ этого не уменьшится, а скорѣе возрастетъ тягость, упадающая на бѣднѣйшій классъ народа.

Возможно ли, однако, придумать, при данныхъ условіяхъ, другую комбинацію, свободную отъ всѣхъ указанныхъ нами недостатковъ? Если проектируемое устройство судебной части будетъ только временное, то чѣмъ же долженъ быть постоянный порядокъ, которому оно уступитъ мѣсто? Какъ совмѣстить правильное развитіе института судебныхъ слѣдователей съ правильной организаціей суда для мало-

важныхъ дѣлъ, остающихся въ вѣденіи судебной власти? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такое совмѣщеніе совершенно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, что требуется для постановки учрежденія судебныхъ слѣдователей на ту высоту, которая соотвѣтствовала бы важности его призванія? Прежде всего — назначеніе на должность слѣдователя людей опытныхъ, зрѣлыхъ, готовыхъ и способныхъ посвятить себя всецѣло трудному слѣдственному дѣлу. Ни о чемъ подобномъ нельзя и думать, разъ что на слѣдователя возлагаются еще другія задачи, не имѣющія ничего общаго съ главною. Придется, по прежнему, поручать эту должность людямъ начинающимъ, молодымъ, могущимъ выносить и крайнее физическое утомленіе, и безпрестанные скачки отъ одного рода занятій къ другому. Придется, иными словами, по прежнему прибѣгать къ дилеттантамъ вмѣсто спеціалистовъ, по прежнему довольствоваться спѣшной, кое-какъ сдѣланной работой, вмѣсто систематическаго, обдуманнаго труда, какимъ должно быть предварительное слѣдствіе. Какъ ни мало удовлетворительны теперешніе слѣдователи, они, по крайней мѣрѣ, не разрываются на части, не пытаются обнять необъятное; положеніе слѣдователей-судей будетъ несравненно хуже—а это неизбѣжно должно отразиться на ихъ дѣятельности. Труднѣе будетъ, наконецъ, и удачный выборъ слѣдователей-судей, потому что ихъ должно быть, какъ мы уже показали, гораздо больше, чѣмъ нынѣшнихъ судебныхъ слѣдователей. Нельзя ли, однако, помочь горю, назначивъ къ каждому слѣдователю-судьѣ по одному помощнику? Этотъ порядокъ существуетъ, какъ извѣстно, на Кавказѣ — но результаты его вовсе не таковы, чтобы можно было думать о распространеніи его на всю имперію. Какъ раздѣлить, притомъ, функціи слѣдователя-судьи и его помощника? Возложить на послѣдняго производство слѣдствій, на перваго—рѣшеніе судебныхъ дѣлъ? Это было бы явной аномаліей, потому что наиболѣе трудная часть задачи выпала бы на долю лица, менѣе опытнаго и менѣе авторитетнаго. Разрѣшить слѣдователю передавать помощнику своему производство менѣе важныхъ слѣдствій и рѣшеніе менѣе важныхъ дѣлъ, подъ ближайшимъ надзоромъ слѣдователя? Но этотъ надзоръ, въ большинствѣ случаевъ, былъ бы мнимымъ, а по отношенію къ судебнымъ дѣламъ его слѣдуетъ признать даже безусловно невозможнымъ. Судья, пишущій подъ чужую диктовку или испрашивающій позволеніе рѣшить дѣло такъ, а не иначе, перестаетъ быть судьею. Какъ различить, наконецъ, важное дѣло отъ неважнаго, трудное—отъ нетруднаго? Наименованіемъ преступленія здѣсь руководствоваться нельзя, потому что слѣдствіе о самомъ тяжкомъ преступленіи можетъ оказаться весьма несложнымъ, слѣдствіе о преступленіи сравнительно легкомъ—въ высшей степени запутаннымъ.

Предоставить помощнику слѣдователя *самостоятельное* рѣшеніе мелкихъ судебныхъ дѣлъ, подсудныхъ слѣдователю-судьѣ, значило бы возстановить должность мирового судьи, только иначе названнаго и назначаемаго, а не выбираемаго. Что же остается еще? Учредить въ каждомъ уѣздномъ городѣ должность уѣзднаго судьи, который бы рѣшалъ единолично всѣ мелкія судебныя дѣла, не распредѣленныя между волостными судами и земскими начальниками? Но каково было бы положеніе населенія, обязаннаго ѣздить въ городъ по дѣлу о личной обидѣ, о небольшомъ денежномъ взысканіи, о поставкѣ небольшой партіи товара? Второю инстанціею надъ уѣзднымъ судьей могъ бы быть, притомъ, только окружной судъ, доступъ къ которому былъ бы сопряженъ съ еще бо́льшими затрудненіями для тяжущихся и подсудимыхъ. Еще меньше, конечно, можетъ быть рѣчь о признаніи всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣлъ подсудными окружному суду, въ качествѣ первой инстанціи, или временнымъ отдѣленіямъ окружного суда, которыя выѣзжали бы въ уѣздъ раза три или четыре въ годъ и рѣшенія которыхъ нужно было бы ожидать по цѣлымъ мѣсяцамъ Подготовка дѣлъ, подсудныхъ временному отдѣленію, едва ли, притомъ, оказалась бы возможной безъ учрежденія должности уѣзднаго судьи. Сдѣлать земскаго начальника универсальнымъ наслѣдникомъ мирового судьи? Но это уже признано невозможнымъ—и дѣйствительно, это противорѣчило бы слишкомъ явно и не-судебному характеру должности земскаго начальника, и сложности административныхъ обязанностей, на него возложенныхъ. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему выводу: описанное въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ устройство судебной части въ уѣздѣ такъ неудобно и ненормально, что сами защитники его признаютъ его лишь временнымъ—но столь же неудобной и ненормальной представляется и всякая другая комбинація, остающаяся на той же почвѣ. Область суда имѣетъ свои естественныя границы, съ нарушеніемъ которыхъ рѣшительно несовмѣстна стройность цѣлаго. Судъ на мѣстѣ необходимъ, это признавали еще недавно даже „Московскія Вѣдомости“; но правильная организація его немыслима безъ извѣстнаго простора, безъ извѣстной полноты функцій. Изъять изъ его вѣденія бо́льшую часть судебныхъ дѣлъ и все-таки сохранить за нимъ прежнюю жизнеспособность—это задача едва ли исполнимая. „Московскія Вѣдомости“ радуются полному отдѣленію, полной независимости земскаго начальника отъ судебнаго вѣдомства; мы думаемъ, наоборотъ, что именно здѣсь слѣдуетъ искать главное объясненіе тому, что вмѣсто постоянной судебной организаціи проектируется что-то переходное, временное. Судъ вездѣ и всегда долженъ оставаться судомъ, судья—судьею; только при соблюденіи этого условія можно создать что-либо прочное въ судебной сферѣ.

Во всемъ сказанномъ до сихъ поръ мы не безъ намѣренія избѣгали всякихъ теоретическихъ соображеній. Мы не хотѣли возвращаться къ старинному спору о соединеніи властей, о цѣлесообразности административныхъ каръ, о сословномъ началѣ въ администраціи и судѣ; не сходя съ чисто-практической почвы, мы ограничились указаніемъ тѣхъ препятствій, съ которыми неизбѣжно должно встрѣтиться раздѣленіе судебной власти между судьею и не-судьею. Это еще не значитъ, конечно, чтобы такое раздѣленіе не было *возможно*; это значитъ только, что отъ него нельзя, по нашему мнѣнію, ожидать благопріятныхъ результатовъ. Побуждаетъ насъ къ этой оговоркѣ одна изъ „ликующихъ, праздно болтающихъ" статей московской реакціонной газеты. „*Невозможное и неосуществимое*, по мнѣнію нашихъ либеральныхъ доктринеровъ,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости" (№ 130),—точно по мановенію волшебнаго жезла стало и возможнымъ, и осуществимымъ, и притомъ, какъ можно надѣяться, въ самомъ недалекомъ будущемъ". Возможнымъ сдѣлалось „найти удовлетворительное рѣшеніе для всѣхъ вопросовъ", которые еще недавно провозглашались неразрѣшимыми. „Сколь ни страннымъ можетъ показаться такое быстрое превращеніе въ сферахъ, *компетентность коихъ въ дѣлѣ преобразованія судебныхъ учрежденій не должна была бы подлежать сомнѣнію*, тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ свое весьма несложное объясненіе: мѣстной реформѣ рисовались непреодолимыя преграды, самыя основныя положенія ея оказывались неосуществимыми, все представлялось невозможнымъ лишь съ точки зрѣнія *неприкосновенности „великихъ" началъ судебной реформы 1864* г. (курсивъ въ подлинникѣ). И наоборотъ, всѣ призрачныя препятствія исчезли, вопросъ уяснился и сталъ на реальную почву, какъ только признано было, что коранъ нашихъ слѣпыхъ фанатиковъ закоснѣлаго доктринерства, именуемый судебными уставами, отнюдь не можетъ являться какою-то неприкосновенною святыней для просвѣщеннаго законодательства, имѣющаго дѣло не съ вымыслами кабинетной фантазіи, а съ практическими вопросами дѣйствительной жизни". Если цѣль этой тирады—нанести „боковой ударъ" тому вѣдомству, которое сначала (*только* сначала) высказалось противъ проекта положенія о земскихъ начальникахъ, то она понятна, хотя и мало почтенна; но если она направлена къ тому, чтобы пристыдить „либеральныхъ доктринеровъ", то порохъ газеты потраченъ понапрасну. „Либеральные доктринеры" никогда не утверждали, что мѣстная реформа, стоящая на очереди съ 1887 г., *невозможна, неосуществима*; напротивъ того, они вполнѣ признавали ея *возможность*, и именно потому доказывали, пока и насколько могли, ея *нежелательность*. Они очень хорошо знали, что неприкосновенность не обезпечена даже за *великими* началами судебной реформы 1864 г., и именно потому

старались выставить на видъ ихъ дѣйствительное, несомнѣнное величіе. Предметомъ спора была не осуществимость перемѣны, а ея цѣлесообразность. Пускай реакціонныя газеты топчутъ ногами падающее учрежденіе, пускай онѣ называютъ мировой судъ, въ свое время пользовавшійся горячимъ сочувствіемъ Каткова, „мировымъ самосудомъ, составляющимъ одно изъ самыхъ неудачныхъ измышленій либеральнаго законодательства шестидесятыхъ годовъ"; „либеральные доктринеры" не послѣдуютъ этому примѣру, не сожгутъ того, чему поклонялись (поклоненіемъ, отнюдь не исключавшимъ сознанія частныхъ погрѣшностей и нелостатковъ), и сохранятъ благодарное воспоминаніе о доброй службѣ, которую сослужили Россіи—въ особенности Россіи деревенской—мировыя судебныя учрежденія. Пускай „Московскія Вѣдомости" утверждаютъ, что „упраздненіе мирового самосуда, вмѣстѣ съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, будутъ искренне привѣтствовать всѣ истинно-преданные родинѣ русскіе люди"; „либеральные доктринеры" останутся при убѣжденіи, что преданность родинѣ бываетъ различныхъ родовъ и что ни одному изъ нихъ не принадлежитъ монополія истины или искренности.

Со времени смерти гр. Д. А. Толстого прошло около мѣсяца. Писать небольшой некрологъ покойнаго—слишкомъ поздно, писать обстоятельную характеристику его—слишкомъ рано. Дѣятельность гр. Толстого, со дня назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ, состояла преимущественно въ подготовкѣ и проведеніи законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ возвышенію дворянства, къ регламентаціи крестьянскаго быта и къ преобразованію мѣстнаго управленія и самоуправленія. О всѣхъ этихъ мѣрахъ, отчасти осуществившихся (законъ о семейныхъ раздѣлахъ, законъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ), отчасти близкихъ къ осуществленію (положеніе о земскихъ начальникахъ), отчасти не вступившихъ еще въ фазисъ окончательнаго обсужденія (проектъ земской реформы), мы говорили неоднократно и подробно; ихъ оцѣнка была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оцѣнкой системы бывшаго министра. Столь же внимательно нашъ журналъ слѣдилъ, въ 70-хъ годахъ, и за дѣятельностью графа Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія. Эта дѣятельность, до извѣстной степени, отошла уже въ исторію; ея разборъ сопряженъ съ нѣсколько меньшими затрудненіями — но, зато, открывается широкій просторъ для распространенія о ней совершенно невѣрныхъ представленій. У насъ, вообще, охотно и легко забываютъ прошедшее, еще охотнѣе перетолковываютъ его вкривь и вкось, подъ вліяніемъ мелкихъ разсчетовъ или мимолетныхъ увлеченій. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, окончилась такъ-называемая (совершенно невѣрно) борьба

между классицизмомъ и реализмомъ — а между тѣмъ вокругъ нея образуются уже цѣлыя легенды. Вотъ что̀ мы читаемъ, напримѣръ, въ одной изъ газетъ — и притомъ не въ той, въ преданія и привычки которой входитъ защита, per fas et nefas, гимназической реформы 1871 г.: „еще недавно многіе съ искреннимъ убѣжденіемъ готовы были повторять, что вся дѣятельность гр. Толстого (по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія) сводилась къ крупной ломкѣ во имя классицизма, а самый классицизмъ представлялся имъ въ обремененіи учащихся чрезмѣрнымъ количествомъ уроковъ латинскаго и греческаго языка. Не только обыкновенная публика, недовольная строгими требованіями отъ учащихся, не только представители печати, но и многіе представители администраціи склонны были толковать классическую систему образованія, какъ нѣчто исключительно обременяющее учениковъ, а потому возбуждающее недовольство родителей, протесты учащихся и смутное настроеніе умовъ въ обществѣ. Теперь, на нѣкоторомъ разстояніи, характеръ тогдашней дѣятельности гр. Д. А. Толстого представляется въ совершенно иномъ освѣщеніи. Что такое былъ этотъ тогдашній реализмъ, противопоставлявшійся классицизму и служившій знаменемъ для главныхъ, *созидательныхъ* противниковъ гр. Толстого?“ Набросавъ самую мрачную картину общества шестидесятыхъ годовъ, невѣжественнаго и проникнутаго духомъ грубаго отрицанія, газета продолжаетъ: „и всѣ эти мутныя теченія съ особенною силою устремлялись на школу, гдѣ почва для нихъ была достаточно подготовлена ослабленіемъ дисциплины и общею распущенностью. *Изловить этого таракана*, чтобы пріобщить его къ *мыслящимъ реалистамъ*—эту задачу тогдашній нигилизмъ предусмотрительно ставилъ для себя на первый планъ. И она довольно успѣшно подвигалась къ своему осуществленію, какъ доказали университетскія волненія, польскій мятежъ, увлекшій массу (?) русскихъ юношей въ повстанческія банды, поджоги и тому подобные подвиги распропагандированной школы. Вотъ что такое былъ этотъ реализмъ, съ которымъ графъ Д. А. Толстой имѣлъ мужество вступить въ открытую борьбу. Онъ твердымъ шагомъ шелъ къ поставленной имъ задачѣ—вырвать школу изъ рукъ нигилизма и спасти будущее русскаго общества. Сюда были направлены главныя усилія гр. Д. А. Толстого, а вовсе не къ водворенію латинскаго и греческаго языка, вмѣсто реальнаго образованія, понимаемаго въ смыслѣ распространенія естественно-научныхъ знаній въ массѣ общества... Въ какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ онъ сдѣлалъ для народнаго просвѣщенія Россіи гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано для него въ цѣлое полстолѣтіе. Онъ далъ нашей школѣ гуманитарную основу, на которой выросло все современное европейское образованіе“. И это пишется черезъ двадцать лѣтъ

послѣ гимназической реформы, пишется въ то время, когда еще живо большинство ея свидѣтелей, ея защитниковъ и противниковъ! Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько были распространены, въ шестидесятыхъ годахъ, разрушительныя теченія; для насъ важно только то, нашли ли они доступъ въ среднюю школу и какимъ образомъ она могла быть освобождена—или ограждена—отъ ихъ вліянія. Университетскія волненія 1861 г., въ которыхъ участвовали преимущественно студенты старшихъ курсовъ или даже окончившіе университетъ, не доказываютъ, въ этомъ отношеніи, ровно ничего, точно такъ же, какъ и отдѣльные случаи прикосновенности русскихъ юношей къ польскому возстанію; „поджоги" 1862 г. составляютъ до сихъ поръ неразгаданную тайну, и нѣтъ рѣшительно никакого основанія утверждать или даже подозрѣвать, что къ нимъ была прикосновенна „распропагандированная школа". Допустимъ, однако, что совершенно чуждой дѣйствію пропаганды средняя школа не осталась; откуда могло исходить, какими путями могло идти это дѣйствіе? Можно ли связывать его съ программами и учебными планами средней школы? Очевидно—нѣтъ; вѣдь до 1864 г. (т.-е. именно въ то время, когда, по мнѣнію газеты, совершалось „распропагандированіе") гимназіи оставались тѣмъ же, чѣмъ сдѣлало ихъ царствованіе императора Николая. Отрицательныя идеи могутъ быть занесены въ школу не программами, а только людьми; опаснымъ можетъ быть — или считаться — преподаваніе классическихъ языковъ (припомнимъ гоненіе, воздвигнутое на нихъ во Франціи—при Фортулѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, у насъ—въ то же самое время, при кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ), безопаснымъ—преподаваніе любой точной науки. Все дѣло, слѣдовательно, заключалось въ выборѣ наставниковъ и учителей, вовсе не зависящемъ отъ предметовъ обученія; затѣмъ нужно было позаботиться о томъ, чтобы преподаваніе, чего бы оно ни касалось, было поставлено и ведено серьезно, пріучая учениковъ къ труду, къ добросовѣстности, къ правильной работѣ мысли. Эти результаты могли быть достигнуты—или недостигнуты—на почвѣ всякаго устава, всякой учебной системы. Борьба, завязавшаяся вслѣдъ за вступленіемъ гр. Д. А. Толстого въ министерство народнаго просвѣщенія, шла не изъ-за того, быть ли средней школѣ „распропагандированною" или „не-распропагандированною", а изъ-за того,— быть или не быть уставу 1864 г. Характеръ спорнаго вопроса былъ, поэтому, не политическій, а педагогическій. Правда, къ нему примѣшивались уже тогда, со стороны приверженцевъ ломки, соображенія политическаго свойства; но теперь, въ виду указаній опыта, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это было большой ошибкой. Въ концѣ шестидесятыхъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ можно

было, пожалуй, питать надежду, что новое устройство средней школы отрезвитъ умы, положитъ конецъ увлеченіямъ и заблужденіямъ молодежи. Факты, слишкомъ хорошо всѣмъ памятные, доказали, къ несчастію, тщету этой надежды; революціонная, анархическая агитація никогда не достигала такой силы, какъ въ продолженіе перваго десятилѣтія со времени изданія дѣйствующаго гимназическаго устава. Мы не говоримъ: post hoc—ergo propter hoc; но еще менѣе основательно было бы заключеніе: post hoc—ergo non propter hoc. Нельзя упускать изъ виду, что на скамьѣ подсудимыхъ гимназисты появились въ первый разъ именно въ семидесятыхъ годахъ. Затишье, наступающее въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, слишкомъ странно было бы связывать съ реформой 1871 г.; оно имѣетъ свои ближайшія причины, несравненно болѣе крупныя и важныя... Насъ хотятъ увѣрить, что гр. Д. А. Толстой первый далъ нашей школѣ „гуманитарную основу", больше сдѣлалъ для народнаго просвѣщенія Россіи, чѣмъ было сдѣлано до него въ цѣлое полстолѣтіе. Чтобы согласиться съ этимъ, нужно было бы забыть гр. С. С. Уварова, истиннаго создателя „гуманитарной основы" [1]), нужно было бы забыть А. В. Головнина, пробудившаго школу къ новой жизни. *Количественный* ростъ учебнаго дѣла при гр. Д. А. Толстомъ не подлежитъ никакому спору; но развѣ оно могло остаться неподвижнымъ, когда вокругъ него все шло впередъ и развивалось? Что̀ касается до *качества* реформъ (въ области средней школы), то намъ скоро придется поговорить о немъ подробнѣе, по поводу перемѣнъ, проектируемыхъ — если вѣрить газетамъ—въ учебныхъ планахъ старшихъ классовъ гимназій.

Въ другой газетной статьѣ, посвященной памяти гр. Д. А. Толстого, бывшему министру внутреннихъ дѣлъ ставится въ большую заслугу сравнительный просторъ, предоставленный имъ печати въ обсужденіи проектовъ мѣстной реформы. Самый фактъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; вѣрно и то, что онъ долженъ быть занесенъ въ активъ покойнаго; но что же хотятъ этимъ сказать о положеніи печати, которой предлагается благодарить и за столь небольшую льготу? Вѣдь еслибы газетамъ и журналамъ нельзя было говорить, съ нѣкоторой свободой, даже о такомъ вопросѣ, какъ преобразованіе мѣстнаго управленія, то это было бы равносильно полному возвращенію къ до-реформенной эпохѣ, полному уничтоженію какого-нибудь общественнаго значенія русской прессы. Правда, въ средѣ самой печати находились органы, рекомендовавшіе, косвенно, устраненіе всякихъ принципіальныхъ возраженій противъ министерскихъ проектовъ; но даже они не рѣшались высказать это требованіе прямо и откровенно.

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

Удивляться ли тому, что ихъ не послушало главное управленіе по дѣламъ печати? Если печать и не была, такимъ образомъ, лишена возможности высказаться по вопросу о земскихъ начальникахъ и о сословныхъ, подначальныхъ земскихъ учрежденіяхъ, то это еще не даетъ ей права забывать, что размѣры этой возможности были значительно съужены одною изъ первыхъ мѣръ покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ, а именно, проведенными имъ же „временными" правилами для печати 1882 г., до сихъ поръ сохраняющими силу и значительно уменьшившими число органовъ, не плывущихъ по теченію. Зато, какъ это, впрочемъ, случается обыкновенно, „плывущіе по теченію" пользовались иногда возможностью говорить свободно до того, что (напримѣръ по финансовымъ вопросамъ, въ министерство Н. Х. Бунге, по иностранной политикѣ, а на дняхъ и по внутренней: о нашихъ отношеніяхъ къ финляндской окраинѣ имперіи)—приходилось потомъ читать въ „Правит. Вѣстникѣ" статьи на тэму: pas trop de zèle!—варіація извѣстной Крыловской басни.

Итакъ, въ общемъ выводѣ мы можемъ сказать, что въ 70-хъ годахъ далеко не мы одни, среди печати, по вопросу о классицизмѣ составляли большинство, а защитники классицизма—и въ печати, и выше печати, и ниже ея — меньшинство, идеи котораго тѣмъ не менѣе были проведены въ жизнь. Вотъ почему мы и не придаемъ никакого значенія также и по другимъ вопросамъ большинству и меньшинству, какъ въ печати, такъ и внѣ ея,—въ средѣ самого общества; только послѣдующее время безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о значеніи той или другой реформы; а такое рѣшеніе состоялось пока только по отношенію классицизма гр. Д. А. Толстого—и едва ли можно признать его оправдательнымъ. Уваровскій классицизмъ нельзя и теперь не помянуть добрымъ словомъ. Его плоды начали уже созрѣвать въ 40-хъ и 50-хъ годахъ; въ нашей наукѣ начали появляться полезные дѣятели въ области филологіи, философіи, исторіи литературы; изъ классической школы Уварова вышли такіе ученые, какъ Ешевскій, Кудрявцевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ, С. Соловьевъ, Леонтьевъ (основатель филолог. журнала „Пропилеи"), Катковъ; въ той же школѣ образовались такіе писатели, какъ Тургеневъ, Островскій, гр. Л. Н. Толстой и многіе другіе. Скоро исполнится 20 лѣтъ классицизму покойнаго гр. Д. А. Толстого, но мы опасаемся, что современемъ нашу эпоху назовутъ паденіемъ именно классицизма, о чемъ нельзя будетъ не пожалѣть,—и всего менѣе въ этомъ можно винить самую классическую систему. Мы имѣли у себя давно классицизмъ, утвержденный вѣками—въ нашихъ семинаріяхъ,—но результаты такого „классицизма" приводятъ только къ убѣжденію, что есть „классицизмъ и классицизмъ"...

НАША ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ 1888 ГОДУ.

Балансъ внѣшней торговли, какъ извѣстно, играетъ большую роль въ торговой политикѣ современныхъ европейскихъ государствъ. Больше вывозить и какъ можно меньше допускать ввозъ иностранныхъ товаровъ—стало общимъ девизомъ: не даромъ одно государство вслѣдъ за другимъ устанавливаетъ у себя „боевыя", чуть не запретительныя пошлины—и пошлины ростутъ во имя успѣховъ торговли, какъ ростутъ арміи и флоты во имя поддержанія мира. Въ такой торговой политикѣ не отставали и мы отъ другихъ: отчеты министерства финансовъ и государственнаго контроля свидѣтельствуютъ о постоянномъ, за послѣднее время, изъ года въ годъ увеличеніи нашего вывоза и о сокращеніи ввоза, и 1888 годъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, оказался особенно удаченъ. Уже во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1889 годъ указывалось на преобладающее развитіе въ 1888 году нашей вывозной торговли, при нѣкоторомъ сокращеніи привоза. Заключеніе министра финансовъ, которое, по времени представленія всеподданнѣйшаго доклада (29-го декабря 1888 года), могло основываться лишь на цифрахъ за 11 мѣсяцевъ, получило полное подтвержденіе въ отчетѣ таможеннаго департамента о результатахъ внѣшней торговли за весь 1888 годъ.

Вотъ цифры о вывозѣ и привозѣ, представляемыя этимъ отчетомъ за послѣднее пятилѣтіе 1884—1888 годовъ [1]). Приводимъ цифры эти въ металлической валютѣ, какъ болѣе постоянной.

Года:	вывозъ:	ввозъ:	перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ:
	въ милліонахъ металлическихъ рублей:		
1884	349	308	41
1885	312	239	73
1886	265	233	32
1887	318	186	132
1888	429	197	232

Главное увеличеніе отпуска оказалось въ хлѣбѣ, котораго въ 1887 году вывезено около 377 милл. пудовъ, на 308 милл. р. кред., а въ 1888 году—слишкомъ 531 милл. пудовъ на 427 милл. р. кред., болѣе на 154 милл. пудовъ, на 119 милл. рублей кредитныхъ. Льна

[1]) Цифры эти относятся лишь къ вывозу по европейской границѣ (за исключеніемъ черноморской границы Кавказскаго края); въ вывозъ включенъ и чай, пропущенный чрезъ иркутскую таможню изъ Кяхты.

въ 1887 г. вывезено на 47 милл. р. кред.; а въ 1888 году на 60 милл. р. Затѣмъ усилился отпускъ лѣса, котораго (преимущественно досокъ) вывезено въ 1887 году 49 милл. пудовъ на 27 милл. р. кред., а въ 1888 году 122 милл. пудовъ на 38 милл. р.; нефтяныхъ продуктовъ вывезено на сумму до 8 милл. р. противъ $4^1/_2$ милл. р. вывоза 1887 года. Въ ряду отпуска жизненныхъ припасовъ видное мѣсто занимаютъ яйца: въ 1887 году ихъ отпущено 505 милл. штукъ на 8 милл. рублей, а въ 1888 году уже 678 мил. шт. на $11^1/_2$ милл. рублей. Уменьшился въ 1888 г. отпускъ спирта, невыдѣланныхъ кожъ, шерсти и н. др. товаровъ.

Достойно вниманія, что, несмотря на усиленный отпускъ въ 1888 г. нашихъ произведеній за границу, а слѣдовательно на усилившійся спросъ на нихъ, особенно на хлѣбъ, въ виду неурожая въ западной Европѣ, цѣны на нихъ были сравнительно весьма невысоки. На спиртъ, ленъ, льняное сѣмя онѣ понизились противъ 1887 года; на хлѣбъ нѣсколько повысились, но весьма немного, оставаясь ниже цѣнъ 1886 года. Такъ, петербургскія цѣны на пшеницу и рожь и льняное сѣмя представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.
	средніе цѣны въ металл. валютѣ.		
Пшеница . . .	7 р. 2 к.	6 р. 72 к.	6 р. 85 к.
Рожь	4 „ 16 „	3 „ 52 „	3 „ 73 „
Льняное сѣмя. .	8 „ 18 „	7 „ 18 „	7 „ 3 „

Одна изъ причинъ этого явленія несомнѣнно кроется въ колебаніи стоимости нашего кредитнаго рубля, не безъ основанія вызывавшемъ жалобы землевладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ и другихъ производителей. Въ самомъ дѣлѣ, на производство хлѣба, положимъ, затрачено столько-то кредитныхъ рублей, цѣна которыхъ въ данное время на металлическую валюту—а ею и опредѣлится цѣна хлѣба при продажѣ—равна полтиннику. По этому разсчету каждый затраченный рубль долженъ принести 10 коп. прибыли. Но во время продажи курсъ нежданно измѣнился: кред. рубль стоитъ не 50, а 65 коп. металлическихъ; такимъ образомъ, на каждый затраченный рубль является заднимъ числомъ дополнительный расходъ въ 15 коп., и въ результатѣ получается не 10 коп. прибыли, а 5 коп. убытка.

Никогда цѣнность нашего кредитнаго рубля не подвергалась такимъ быстрымъ колебаніямъ, какъ въ 1888 году: въ январѣ онъ стоилъ около 54 коп. металлическихъ; въ февралѣ спустился до 52 коп., затѣмъ съ мая началъ подниматься такъ, что въ сентябрѣ и октябрѣ дошелъ до 66 коп., затѣмъ нѣсколько упалъ и въ два послѣдніе мѣсяца года стоялъ на 65 коп. Такимъ образомъ, повышеніе въ теченіе всего лишь пяти мѣсяцевъ составило 13—14 коп.,

т.-е. 25% прежней цѣны. Столь сильное колебаніе курса кредитнаго рубля, очевидно, должно смущать всѣ хозяйственные разсчеты и, при значительномъ вліяніи на цѣны нашихъ продуктовъ иностранныхъ рынковъ, входить въ установленіе цѣнъ такимъ ненормальнымъ факторомъ, который кореннымъ образомъ измѣняетъ вліяніе обычныхъ экономическихъ факторовъ—спроса и предложенія. Всякая ненормальность идетъ обыкновенно въ ущербъ слабѣйшему, а преимущества на аренѣ международнаго рынка не на нашей сторонѣ. Сокращеніе ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, насколько извѣстно, не понизило ихъ цѣну; напротивъ: по выводамъ отчета о нашей внѣшней торговлѣ средняя цѣнность привезенныхъ товаровъ въ 1888 году противъ 1887 года (принимая равное количество) по сырымъ и полуобработаннымъ матеріаламъ увеличилась почти на 4%; по издѣліямъ на 3%; животнымъ на 20½%, и лишь по жизненнымъ припасамъ уменьшилась почти на 4½%; въ общемъ оказалось увеличеніе цѣнности на 2½%.

Привозъ товаровъ въ 1888 году, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, сравнительно съ 1887 годомъ увеличился на 11 милл. рублей металл.; сравнительно же съ 1884 годомъ понизился на 11 милл. рублей, слишкомъ на одну треть; уменьшеніе обнаружилось преимущественно во ввозѣ жизненныхъ припасовъ (съ 80 милл. руб. до 31 милл. р.); но и въ другихъ категоріяхъ товаровъ оно также значительно: ввозъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ сократился съ 167 милл. руб. до 129 милл. руб.; ввозъ издѣлій съ 60 милл. руб. до 37 милл. рублей.

Изъ предметовъ ввоза однимъ изъ главныхъ является чай, торговля которымъ заслуживаетъ сверхъ того вниманія по происходящимъ въ ней въ послѣдніе годы колебаніямъ: чая по европейской границѣ въ 1884 году было ввезено на 57 милл. рублей, а въ 1888 году всего лишь на 14½ милл. рублей! Приводимыя въ отчетѣ о внѣшней торговлѣ цифровыя данныя о количествѣ ввезеннаго къ намъ вообще чая въ девятилѣтіе 1880—1888 годовъ служатъ интереснымъ комментаріемъ нашей торговой политики послѣдняго времени. Въ 1880 году какъ по европейскимъ, такъ и по азіатскимъ границамъ (чрезъ иркутскую таможню изъ Кяхты и др.) чая было ввезено, т.-е. очищено пошлиной, 2.178.000 пудовъ, цѣнностью на 87 милл. рублей. Правда, годъ этотъ былъ годомъ усиленнаго ввоза вслѣдствіе предстоявшаго съ 1 января 1881 года повышенія тамо-

[1]) Цѣны эти среднія за каждый мѣсяцъ, приведенныя по даннымъ тамож. департамента, выведеннымъ изъ цѣнъ полуимперіала на с.-петерб. биржѣ. Въ текущемъ году курсъ, какъ извѣстно, стоитъ на 1 р. 50—1р. 49 к. кредитн. за металл. рубль, т.-е. около 67 коп. металл. за кредитн. рубль.

женныхъ пошлинъ; тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыми колебаніями цѣнность ввозившагося къ намъ чая была приблизительно постоянною и равнялась, напр., въ 1884 году, за 2.105.000 привезенныхъ пудовъ 81 милл. рублей. Это количество чая, т.-е. 2 милл. пудовъ съ небольшимъ, составляетъ, повидимому, нормальный размѣръ нашего потребленія; оно остается, опять съ небольшими колебаніями, постояннымъ и для послѣдующихъ за 1884 годовъ, но цѣнность ввозимаго чая начинаетъ понижаться и доходитъ въ 1888 году, за ввезенные 2 милл. пудовъ безъ малаго (1.993.000 пудовъ) до 34 милл. рублей, т.-е. въ $2^1/_2$ раза ниже цѣнности 1880 года. Любопытно, что таможенной пошлины съ чая получено, въ золотой валютѣ, въ 1880 году $20^1/_2$ милл. руб., въ 1884 году около 20 милл. рублей и въ 1880 году $22^1/_2$ милл. руб., причемъ эта послѣдняя сумма, если переложить металл. рубли въ кредитные, считая не болѣе 1 р. 50 к. кред. за металл. рубль, будетъ какъ разъ равняться стоимости всего чая, такой пошлиной оплаченнаго.

Указанное уменьшеніе цѣнности ввозимаго къ намъ чая объясняется отчасти усиленіемъ ввоза кирпичнаго чая, въ ущербъ байховому (т.-е. обыкновенно употребляемому, черному и цвѣточному), но вліяніе этой причины незначительно: въ 1880 году кирпичнаго чая было очищено пошлиной около 613 тысячъ пудовъ; въ 1888 году—около 760 т. пудовъ, болѣе всего лишь на 150 т. пудовъ. Главная причина—въ пониженіи цѣнности, а слѣдовательно и качества байховаго чая. Чрезъ европейскую границу ввозится къ намъ исключительно байховый чай и притомъ болѣе дорогой: въ 1880 году средняя цѣна ввезеннаго чрезъ эту границу чая равнялась $55^1/_2$ р. за пудъ (1 р. 40 к. фунтъ), въ 1884 году 57 руб. за пудъ, въ 1880 году менѣе 21 р. за пудъ (около 50 коп. фунтъ); кяхтинскій байховый чай стоилъ въ 1880 году съ небольшимъ 40 р. пудъ, въ 1884 году 39 р. пудъ, а въ 1888 году менѣе 23 р. пудъ, т.-е. около 56 коп. за фунтъ. Можно было ожидать, что соотвѣтственно этому (если не на половину, то хотя на треть, въ виду возвышенія пошлины) понизится цѣна чая, обращающагося въ продажѣ, но, насколько извѣстно, этого нѣтъ.

Нужно замѣтить еще слѣдующее: какъ мы сказали выше, количество ввезеннаго въ 1888 году кирпичнаго чая превзошло ввозъ 1880 года на 150 т. пудовъ, но въ два предшествовавшіе года, въ 1886 и особенно въ 1887 году, оно было еще больше: въ средней цифрѣ кирпичнаго чая за послѣдніе три года, 1886—1888, ввезено по 800 т. пудовъ въ годъ, тогда какъ въ шестилѣтіе 1880—1885 годовъ его ввозилось среднимъ числомъ лишь 600 т. пудовъ. Всего же чая за 9 лѣтъ ввезено $17^1/_2$ милл. пуд., т.-е. въ годъ въ средней

цифрѣ безъ малаго 2 милл. пуд., вполнѣ соотвѣтствующей ввозу 1888 г. (1.993.000 п.). Изъ этого видно, что увеличеніе ввоза кирпичнаго чая указываетъ въ то же время на сокращеніе ввоза байховаго. Между тѣмъ извѣстно, что кирпичный чай потребляется лишь исключительно населеніемъ нашихъ восточныхъ окраинъ; въ остальныхъ же частяхъ имперіи идетъ лишь чай байховый. Потребленіе въ народѣ чая, какъ слѣдуетъ думать, не сократилось, а, напротивъ, съ увеличеніемъ народонаселенія должно было увеличиться. Рождается вопросъ: чѣмъ же пополнялся въ послѣдніе три года недовозъ 200 т. пудовъ, т.-е. около 15%, байховаго чая? Отвѣтомъ на это могутъ служить указанія какъ печати, такъ и оффиціальныхъ органовъ (отчеты государственнаго контроля и департамента неокладныхъ сборовъ) на весьма усилившійся въ послѣднее время контрабандный ввозъ изъ-за границы чая (въ значительной мѣрѣ несомнѣнно фальсифицированнаго) и многочисленные процессы противъ чайныхъ торговцевъ, продававшихъ вмѣсто чая разные суррогаты его, въ видѣ копорской травы, или спитый чай.

Сопоставляя приведенные факты, необходимо придти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) казна отъ постояннаго въ нѣсколько пріемовъ возвышенія пошлины на чай (въ ряду другихъ товаровъ) съ 1880 по 1888 годъ получила излишка противъ 1880 года таможенныхъ пошлинъ 2 милл. рублей золотомъ; 2) населеніе за товаръ, стоящій 34 милл. руб., если не считать стоимости заграничной поддѣлки и отечественной копорской травы, уплатило въ 1888 году столько же, сколько платило въ періодъ 1880—1884 годовъ за товаръ, стоящій слишкомъ 80 милл. рублей. Въ какой связи между собой находятся два указанные нами факта—точно опредѣлить мы не беремся, но связь между ними несомнѣнно есть. Въ недавнихъ обзорахъ нашихъ исполненія государственныхъ росписей 1887 и 1888 годовъ мы указывали на весьма невыгодныя для населенія, при весьма малой и вдобавокъ сомнительной выгодѣ казны, послѣдствія чрезмѣрнаго возвышенія акциза на вино. Къ такимъ же послѣдствіямъ приводитъ и чрезмѣрное возвышеніе пошлинъ. Въ доказательство этого мы остановились на цифрахъ чайной торговли, но могли бы остановиться и на другихъ ея отрасляхъ. Несомнѣнно весьма почтенны интересы и отечественныхъ коммерсантовъ, и отечественныхъ промышленниковъ, но не меньшаго вниманія заслуживаютъ интересы остального населенія, хотя оно и не имѣетъ возможности подавать коллективныя петиціи въ министерство финансовъ и устраивать дебаты въ экономическихъ собраніяхъ.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1889.

Политическое значеніе парижской всемірной выставки.—Текущая политика во Франціи.—Рабочій кризисъ въ Германіи и его особенности.—Соціальный вопросъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ.—Посѣщеніе Берлина королемъ Гумбертомъ.

Всемірная выставка, оффиціальное открытіе которой праздновалось въ Парижѣ 6-го мая (нов. ст.), имѣетъ не только культурно-промышленное, но и политическое значеніе. Она можетъ представлять прежде всего наглядный протестъ противъ обвиненія французовъ въ воинственныхъ замыслахъ, дѣлающихъ какъ бы необходимымъ существованіе тройственнаго союза Германіи, Австріи и Италіи для обезпеченія европейскаго мира: народъ, имѣющій въ виду войну или опасающійся ея въ близкомъ будущемъ, не дѣлалъ бы такихъ колоссальныхъ затратъ и усилій для устройства мирнаго международнаго состязанія на поприщѣ культуры и промышленности. Хотя, съ другой стороны, трудно предвидѣть: заключили ли партіи во Франціи одно перемиріе, ради выставки, или конецъ выставки послужитъ сигналомъ къ новой внутренней борьбѣ, результаты которой могутъ отразиться и на общемъ ходѣ дѣлъ въ Европѣ.

Политическое значеніе выставки можно усматривать и въ томъ, что она устроена въ память „великой революціи“,—въ память, конечно, не кровавыхъ внутреннихъ междоусобій, а тѣхъ новыхъ началъ, которыя послѣ того времени проникли въ политическую жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ. Даже можно сказать, что въ извѣстномъ отношеніи другіе народы воспользовались французскою революціею болѣе, чѣмъ сами французы. Если современные западно-европейскіе народы пользуются широкими правами личной и общественной свободы, если у нихъ кореннымъ образомъ измѣнились способы и формы внутренняго управленія, если старые феодальные порядки отчасти уступили мѣсто владычеству права и общественнаго мнѣнія, то этимъ всѣмъ они обязаны Франціи. Современная конституціонная Европа есть отчасти дѣло ея рукъ; идеи, положенныя въ основу политическаго строя большей части европейскихъ государствъ, имѣютъ несомнѣнно французское происхожденіе. Даже Англія, игравшая весьма видную роль въ обновленіи политическаго быта континентальныхъ народовъ, чувствуетъ на себѣ вліяніе французскихъ идей, которое замѣтно сказывается въ новѣйшемъ ростѣ англійской демо-

кратіи и въ ея требованіяхъ относительно преобразованія верхней палаты и введенія всеобщаго народнаго голосованія.

Вотъ почему нынѣшнее французское правительство, празднуя столѣтній юбилей 1789 года, считало себя въ правѣ придать этому празднеству международный характеръ. По понятнымъ причинамъ, представители европейскихъ монархій не приняли оффиціальнаго участія во всемірной парижской выставкѣ, устроенной въ память 1789 года, и уклонились отъ того; но великія державы, принадлежащія къ „лигѣ мира", не довольствовались подобнымъ уклоненіемъ отъ оффиціальнаго участія въ выставкѣ, а пожелали помѣшать ея успѣху, насколько это было возможно, посредствомъ стѣсненія или полнаго устраненія частной иниціативы въ устройствѣ иностранныхъ отдѣловъ на выставкѣ. Берлинская оффиціозная печать заявляла категорически, что со стороны представителей нѣмецкой промышленности было бы въ высшей степени непатріотично посылать свои произведенія въ Парижъ, и что поѣздки нѣмцевъ на выставку были бы крайне неумѣстны и даже опасны для нихъ, въ виду враждебнаго отношенія французовъ ко всему нѣмецкому. Австро-венгерскіе министры, съ своей стороны, рѣшительно отсовѣтовали мѣстнымъ производителямъ участвовать въ парижской выставкѣ, причемъ также ссылались на недостатокъ будто бы гарантій для неприкосновенности пріѣзжихъ иностранцевъ и ихъ имущества во Франціи, при современномъ ея политическомъ состояніи. Всѣмъ памятна рѣчь, произнесенная въ этомъ смыслѣ венгерскимъ министромъ-президентомъ Тиссою. Въ томъ же духѣ дѣйствовало и министерство Криспи въ Италіи, хотя для итальянцевъ и для королевской династіи, объединившей страну при помощи ряда революціонныхъ переворотовъ, было не совсѣмъ логично отвергать солидарность съ плодами французской революціи 1789 года. Кабинетъ лорда Сольсбери, изъ дружбы къ Германіи, равнымъ образомъ отнесся къ выставкѣ враждебно. Словомъ, составилась какъ бы коалиція противъ предпріятія, которое по своему безусловно мирному и общеполезному характеру должно было, напротивъ, заслужить сочувствіе и одобреніе державъ, взявшихъ на себя спеціальную заботу о сохраненіи общаго мира. Консервативныя европейскія газеты—и прежде всего нѣмецкія—высказывали увѣренность, что при указанныхъ обстоятельствахъ парижская выставка не можетъ имѣть успѣха и что самонадѣянные французы потерпятъ надлежащее фіаско; эту увѣренность раздѣляла и значительная часть французской реакціонной печати. Между прочимъ и буланжистскіе листки, въ томъ числѣ и „Intransigeant" Рошфора, повторяли постоянно, что оппортунисты „провалятся" съ своею выставкою и что

послѣдняя будетъ международною только по имени, такъ какъ Европа въ ней участвовать не будетъ.

Всѣ эти предположенія и разсчеты совершенно не оправдались въ дѣйствительности. О блестящемъ успѣхѣ выставки, объ ея грандіозности и блескѣ, свидѣтельствуютъ теперь даже репортерскіе отчеты нѣмецкихъ газетъ, наиболѣе непріязненно относящихся къ французамъ. По общему отзыву очевидцевъ и по имѣющимся фактическимъ свѣденіямъ, нынѣшняя парижская выставка далеко превосходитъ прежнія предпріятія подобнаго рода въ Европѣ. Болѣе подробныя свѣденія объ этомъ предметѣ читатели найдутъ въ помѣщенной выше спеціальной корреспонденціи изъ Парижа. Слабое участіе великихъ монархическихъ державъ особенно сильно оттѣнило своеобразный международный характеръ выставки: всѣ небольшія монархіи Европы, отдаленныя европейскія колоніи, американскія республики и азіатскія имперіи, различныя восточныя страны и африканскія земли представлены на выставкѣ богато и даже роскошно. Мексика, нанесшая первый серьезный ударъ могуществу Наполеона III, выстроила цѣлый дворецъ, съ гордою надписью: „Respublica Mexicana", какъ бы въ ознаменованіе того, что Мексика играла нѣкоторую роль въ паденіи второй имперіи и въ торжествѣ французскихъ республиканцевъ. Богатые и обширные дворцы воздвигнуты такими республиками, какъ аргентинская и Уругвай. Можно сказать, что нынѣшняя парижская выставка характеризуется тремя особенностями, не лишенными политическаго значенія: во-первыхъ, Франція является средоточіемъ для всѣхъ небольшихъ европейскихъ государствъ, которыя постарались какъ бы пополнить пробѣлы, оставленные великими монархіями; во-вторыхъ, республики всѣхъ частей свѣта дали себѣ на этотъ разъ rendez-vous въ Парижѣ, подъ общимъ предсѣдательствомъ Франціи; и въ-третьихъ, очень много мѣста отведено на выставкѣ представителямъ чужихъ расъ и культуръ, съ сохраненіемъ оригинальныхъ особенностей въ обстановкѣ, причемъ невольно выносится впечатлѣніе о значительной колонизаторской роли французовъ и объ ихъ благотворномъ культурномъ вліяніи въ далекихъ краяхъ: какіе-нибудь алжирскіе арабы и сенегальскіе негры, недавніе варвары, оказываются вполнѣ образованными людьми, въ качествѣ полноправныхъ французскихъ гражданъ. Самое распредѣленіе различныхъ отдѣловъ выставки, какъ видно изъ печатныхъ плановъ ея, имѣетъ отчасти политическую тенденцію. Россія помѣщена въ *одномъ* зданіи съ Франціею, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею и съ сѣверо-американскою республикою; русскія, правда, quasi-національныя постройки, русскіе рестораны и продукты выдѣляются весьма замѣтно. Даже въ колоссальномъ „дворцѣ машинъ", среди на-

званій городовъ на боковыхъ сводахъ зданія, рядомъ съ Вашингтономъ поставленъ Петербургъ.

Нельзя отрицать, что нравственное впечатлѣніе, производимое великими культурными богатствами и успѣхами, о которыхъ свидѣтельствуетъ парижская выставка даже по признанію нѣмецкихъ газетъ, должно возвысить Францію даже въ глазахъ ея рѣшительныхъ враговъ и соперниковъ. Поразительная смѣлость такихъ построекъ, какъ башня Эйффеля и дворецъ машинъ, роскошь и разнообразіе французской промышленности, замѣчательные образцы могучаго развитія французской техники и искусства, предпріимчивости и изобрѣтательности,—все это заставляетъ многихъ признать, что французы далеки еще отъ того упадка, о которомъ самодовольно говорили ненавистники ихъ въ европейской печати. Несправедливо было бы судить о цѣломъ обществѣ и народѣ по небольшой группѣ политическихъ дѣятелей и честолюбцевъ, занимающихъ публику своею шумною и отчасти безплодною агитаціею. Въ высшей степени полезно раскрывать по временамъ для общаго наблюденія и назиданія тѣ сокровища ума и знанія, которыя вырабатываются энергіею и талантомъ армій труда. Безспорный успѣхъ парижской выставки получаетъ международную важность, въ виду неудавшихся попытокъ политическаго противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ великихъ державъ; этотъ успѣхъ французскаго предпріятія есть въ то же время торжество идей мира и культурнаго развитія народовъ въ современной Европѣ.

Текущая политика утратила интересъ во Франціи, благодаря понятному стремленію всѣхъ партій отложить наиболѣе жгучіе и спорные вопросы до окончанія выставки. Одни лишь буланжисты продолжаютъ шумѣть, произносить вызывающія рѣчи, устраивать демонстраціи противъ правительства и предвѣщать скорый конецъ нынѣшняго парламентскаго режима. Раздраженіе ихъ усиливается отсутствіемъ „генерала“, пребывающаго въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Рошфоромъ и другими; туда ѣздятъ часто для совѣщаній видные дѣятели „національной партіи“ изъ Парижа, стѣсненные теперь серьезными судебными мѣрами и неустаннымъ контролемъ правительственныхъ агентовъ. Культъ Буланже, называемаго уже просто „le général“, нисколько повидимому не ослабѣлъ въ рядахъ его бывшихъ приверженцевъ; но это поклоненіе принимаетъ какой-то сектантскій оттѣнокъ, совершенно непонятный для постороннихъ наблюдателей. Странно читать статьи такого серьезнаго человѣка, какъ сенаторъ Наке, на тему о неминуемости замѣны парламентаризма спасительною личною властью „генерала“, способность котораго къ разумному государственному управленію абсолютно ничѣмъ не доказана и остается

болѣе чѣмъ проблематичною. Буланжисты твердо разсчитываютъ на торжество ихъ героя на предстоящихъ всеобщихъ выборахъ. Если успѣхъ возможенъ, то только въ силу взаимнаго непримиримаго разлада республиканскихъ партій и упорнаго подчиненія оппортунистовъ крайне непопулярному и даже ненавистному въ странѣ Жюль-Ферри. Министерство Тирара-Констана дѣйствительно сдѣлалось министерствомъ выставки, и парламентская оппозиція не расположена возбуждать министерскій кризисъ, чтобы не разстраивать международныхъ празднествъ, связанныхъ съ сильными промышленными интересами и выгодами Франціи. Кабинетъ имѣетъ шансы продержаться, подъ прикрытіемъ выставки, до окончанія сессіи нынѣшней палаты и производства новыхъ выборовъ. Тѣмъ временемъ обсужденіе бюджета 1890 года подвигалось довольно успѣшно: обычныя оппозиціонныя рѣчи противъ расточительности республиканцевъ опровергались не только министромъ финансовъ Рувье и ораторами оппортунистами, но и радикальными депутатами, особенно Камиллемъ Пельтаномъ, ближайшимъ помощникомъ и другомъ Клемансо. Остальные вопросы, кромѣ обязательнаго бюджета, мало занимаютъ палату, приближающуюся уже къ заключительному сроку своихъ полномочій. Избирательная кампанія, къ которой дѣятельно готовятся всѣ партіи, обѣщаетъ быть въ высшей степени энергическою и оживленною; она можетъ рѣшить судьбу республики въ ту или другую сторону, и въ этомъ отношеніи она будетъ имѣть не меньшее значеніе, чѣмъ знаменитые выборы при министерствѣ герцога де-Брольи и Фурту, въ президентство Макъ-Магона, когда республиканцы подъ руководствомъ Гамбетты одержали верхъ надъ реакціею. Только теперь положеніе партій совершенно другое, и самимъ республиканцамъ приходится въ свою очередь выдерживать натискъ сильной оппозиціи, — а роль нападающихъ и критикующихъ всегда выгоднѣе, чѣмъ роль оправдывающихся и защищающихся.

Соціальная политика князя Бисмарка наглядно обнаружила свои слабыя стороны во время послѣдняго рабочаго кризиса въ значительной части Германіи. Въ пользу рабочихъ предприняты были законодательныя мѣры, которыя, по мысли правительства, должны были обезпечить отчасти ихъ положеніе, отвлечь ихъ отъ вліянія соціализма и привязать къ существующему государственному порядку. Это ожиданіе оказалось иллюзіею, такъ какъ новые законы почти не затрогивали сущности рабочаго вопроса и оказывали только незначительную поддержку извѣстнымъ категоріямъ работниковъ и ихъ семействъ, на случай несчастій при производствѣ и на время негодности къ

труду. Основные вопросы объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, объ условіяхъ наемной платы, объ участіи работниковъ въ выгодахъ предпріятій и о судьбѣ людей, остающихся безъ работы во время промышленныхъ кризисовъ, — не входятъ въ программу такъ-называемыхъ соціальныхъ законопроектовъ, выработаннымъ германскимъ канцлеромъ и его совѣтниками. Рабочіе остаются въ томъ же шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ они были до прославленной оффиціальными экономистами эры государственнаго или правительственнаго соціализма. Къ обычнымъ мотивамъ неудовольствія присоединяется только раздраженіе по поводу напрасныхъ обѣщаній правительства придти серьезно на помощь рабочему классу и дѣйствительно облегчить его нужды. Впрочемъ, правительство дѣлаетъ съ своей стороны все, что̀ можетъ, и ожидать отъ него еще бо́льшаго было бы неблагоразумно при данномъ политическомъ строѣ. Но отъ частныхъ облегчительныхъ мѣръ до рѣшенія соціальной задачи—цѣлая бездна.

Подробности рабочаго движенія, охватившаго значительную часть Германіи, указываютъ на прочность и могущество организаціи нѣмецкихъ рабочихъ. Число работниковъ, участвовавшихъ въ стачкѣ и прекратившихъ работу въ каменноугольныхъ копяхъ и въ заводахъ Вестфаліи, доходило до ста тысячъ человѣкъ; такая внушительная цифра еще, кажется, не встрѣчалась въ исторіи западно-европейскихъ забастовокъ. Рабочіе ясно формулировали свои требованія черезъ выборныхъ делегатовъ изъ своей среды; они требовали, главнымъ образомъ, установленія нормальнаго восьмичасового рабочаго дня и повышенія рабочей платы соотвѣтственно увеличившимся доходамъ компаній. Они старались держаться строго-законной почвы и не позволяли себѣ никакихъ излишествъ, чтобы не давать повода къ вмѣшательству военной силы; тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ пунктахъ произошли безпорядки и волненія, благодаря безтактнымъ дѣйствіямъ отдѣльныхъ хозяевъ или, вѣрнѣе, ихъ агентовъ. Обширные размѣры, сразу принятые забастовкою, были крайне опасны для громадныхъ заводовъ Эссена, Дортмунда и другихъ центровъ заводской промышленности; заинтересованныя компаніи рѣшились на уступки, чему не мало содѣйствовало правительство, избѣгавшее крутыхъ мѣръ и отнесшееся вообще съ полнымъ вниманіемъ къ справедливымъ жалобамъ и заявленіямъ рабочихъ. Императоръ Вильгельмъ II не пожелалъ ограничиться односторонними донесеніями чиновниковъ и министровъ; онъ самъ принялъ делегацію отъ рабочихъ и выслушалъ ее обстоятельно. Императоръ высказалъ, между прочимъ, что онъ близко принимаетъ къ сердцу интересы рабочихъ, пока послѣдніе не выходятъ изъ предѣловъ легальности и не вступаютъ

въ сдѣлку съ соціаль-демократами. „Я поручилъ министрамъ,—говорилъ онъ дальше,—разсмотрѣть ваши жалобы. Я самъ хочу отдать себѣ ясный отчетъ въ положеніи дѣла и внимательно изучаю донесенія. Только чтобы не было революціонной агитаціи или сопротивленія властямъ! Если я замѣчу, что движеніе принимаетъ такой оборотъ, я сломлю его безъ пощады". Таковъ былъ приблизительный смыслъ отвѣта, даннаго Вильгельмомъ II рабочей делегаціи. Очевидно, въ Пруссіи никому не приходило въ голову, что рабочіе, представлявшіеся императору, могли бы быть арестованы и сосланы куда-нибудь подъ строгій надзоръ полиціи, въ качествѣ участниковъ или зачинщиковъ серьезнаго рабочаго движенія, направленнаго противъ хозяевъ. Будучи полноправными гражданами имперіи, нѣмецкіе рабочіе могутъ отстаивать свои интересы мирными средствами, подобно другимъ классамъ населенія; вмѣшательство полицейской власти ограничивается только предупрежденіемъ насилій и столкновеній, нарушающихъ личную и имущественную безопасность въ данной мѣстности. Обладая такими законными способами дѣйствія, рабочіе не имѣютъ надобности прибѣгать къ насильственнымъ порывамъ, которые разрѣшались бы открытымъ возстаніемъ при старой системѣ управленія.

Насколько признаются правительствомъ законныя права рабочихъ въ Германіи, можно видѣть изъ заявленій императора Вильгельма II при пріемѣ депутаціи отъ хозяевъ и представителей каменноугольныхъ компаній, 16-го (4) мая. Отъ имени хозяевъ говорилъ депутатъ Гаммахеръ, принимавшій руководящее участіе въ попыткахъ улаженія кризиса посредствомъ переговоровъ съ рабочими. Онъ указалъ на то, что продолжительность рабочаго дня и теперь не превышаетъ восьми часовъ, и что остальныя требованія рабочихъ могли бы быть удовлетворены добровольно, еслибы рабочіе обратились къ управленіямъ компаній и къ властямъ, вмѣсто того, чтобы прекращать работу. Тѣмъ не менѣе рабочимъ обѣщано увеличеніе платы, и хозяева съ своей стороны дѣлаютъ будто бы всѣ уступки, совмѣстимыя съ общимъ положеніемъ дѣлъ. Императоръ отвѣтилъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ выслушать владѣльцевъ, послѣ того какъ двумя днями раньше онъ принималъ делегацію отъ рабочихъ. „Эти работники,—продолжалъ Вильгельмъ II,—произвели на меня благопріятное впечатлѣніе. Они избѣгали всякой солидарности съ демократами-соціалистами... Я думаю, что ихъ примирительныя усилія увѣнчаются успѣхомъ. По этому случаю я спеціально рекомендую вамъ сблизиться въ будущемъ, насколько это возможно, съ рабочими. Если вы послѣдуете этому совѣту, движенія, подобныя настоящему, не укроются отъ вашего вниманія... Прошу васъ устроить

такъ, чтобы рабочіе всегда могли заявлять свои требованія; имѣйте въ виду, что промышленныя общества, употребляющія большое количество людей, обязаны заботиться по мѣрѣ возможности о благосостояніи рабочихъ... Вполнѣ естественно, что всякій старается какъ можно лучше обезпечить свои средства къ существованію. Рабочіе читаютъ газеты; они знаютъ, въ какихъ отношеніяхъ находится ихъ заработокъ къ прибылямъ компаніи. Понятно, что они хотятъ участвовать въ этихъ прибыляхъ въ пропорціи болѣе или менѣе значительной. Поэтому я прошу хозяевъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ серьезно изслѣдовать положеніе и, насколько это отъ нихъ зависитъ, предупреждать повтореніе такихъ фактовъ въ будущемъ[6].

Авторитетныя слова императора, обращенныя къ представителямъ хозяевъ, повліяли на массу рабочихъ въ успокоительномъ духѣ; многіе вернулись къ работамъ, ожидая скораго исполненія хозяйскихъ обѣщаній. Это настроеніе рабочихъ было понято нѣкоторыми компаніями какъ подчиненіе, и предположенныя уступки не осуществились сразу; произошли колебанія и замѣшательства, которыя привели къ распространенію стачки на другія области имперіи и коснулись уже другихъ отраслей промышленности (напр. столярнаго производства въ Берлинѣ). Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ самомъ началѣ движенія разыгрались серьезные безпорядки, причемъ пускалось въ ходъ оружіе; были и жертвы съ обѣихъ сторонъ,—но эти сцены насилій вызывались какими-нибудь случайными мѣстными причинами и не измѣняли общаго мирнаго характера рабочей агитаціи, обнимавшей такое громадное количество народа въ самыхъ промышленныхъ провинціяхъ имперіи. Рабочій классъ въ Германіи организованъ крѣпче и проникнутъ глубже идеями соціализма, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы; повидимому, онъ вполнѣ подготовленъ къ успѣшной мирной борьбѣ во имя своихъ правъ и интересовъ, оставшихся такъ долго въ загонѣ, безъ надлежащей защиты и охраны. Новѣйшее нѣмецкое законодательство во многомъ способствовало прочной организаціи рабочихъ; но эта организованная сила едва ли обратится въ орудіе нынѣшняго государственнаго механизма, какъ разсчитывалъ князь Бисмаркъ. Сознавъ свое значеніе и могущество, рабочее сословіе можетъ преслѣдовать свои собственныя цѣли, которыя едва ли имѣютъ что-либо общее съ соціальною политикою канцлера. Въ этомъ убѣждаетъ неожиданное возникновеніе и расширеніе нынѣшняго кризиса, совпавшаго по времени съ обсужденіемъ одного изъ важнѣйшихъ соціальныхъ законопроектовъ въ имперскомъ германскомъ сеймѣ. Нѣмецкій рабочій классъ какъ будто пробуетъ свои силы, независимо отъ правительства и его реформаторскихъ попытокъ, и нужно сознаться, что теперешній опытъ

не можетъ возвысить значеніе тѣхъ частныхъ мѣръ, которыя до сихъ поръ принимались подъ громкимъ и смѣлымъ названіемъ „государственнаго соціализма".

Мы имѣли уже случай говорить о вѣскихъ возраженіяхъ, высказанныхъ въ нѣмецкой печати и въ имперскомъ сеймѣ противъ законопроекта о страхованіи рабочихъ на время старости. Эти возраженія не повліяли, однако, на взгляды правительства, которое продолжало твердо отстаивать проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ въ палату. Министръ Беттихеръ доказывалъ, что при помощи предположенныхъ реформъ государство будетъ въ состояніи бороться съ опасностью, представляемою революціоннымъ соціализмомъ. Въ обсужденіи вопроса принялъ участіе и князь Бисмаркъ. Въ засѣданіи 18 (6) мая, онъ произнесъ рѣчь, въ которой горячо напалъ на либераловъ и демократовъ за противодѣйствіе принятію закона. По словамъ канцлера, прогрессисты возстаютъ противъ проекта только изъ личной вражды къ нему, канцлеру. Новый законъ, по его мнѣнію, создаетъ категорію мелкихъ рантье, весьма важную съ точки зрѣнія государства. „Я наблюдалъ довольно долго соціальныя условія во Франціи,—пояснилъ онъ,—и убѣдился, что привязанность французовъ къ установленному правительственному порядку происходитъ въ значительной мѣрѣ отъ того, что большинство, вплоть до привратниковъ, обладаетъ государственными процентными бумагами. Люди, разсчитывающіе на государство для полученія хотя бы маленькой ренты, справедливо находятъ, что они лишаются своего дохода, если государство будетъ ниспровергнуто, и будь это только сорокъ франковъ въ годъ, они не примирятся съ подобною потерею. Такимъ образомъ они непосредственно заинтересованы въ прочности государства. Если мы создадимъ въ Германіи классъ обладателей рентъ, въ количествѣ около 700 тысячъ человѣкъ, рискующихъ все потерять и ничего не выиграть при перемѣнѣ въ государствѣ, то мы совершимъ дѣло въ высшей степени полезное".

Легко замѣтить, что эта аргументація не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ. Масса французскихъ мелкихъ рантье совсѣмъ не обезпечивала устойчивости того или другого правительственнаго строя во Франціи; нигдѣ государственные перевороты, революціи и перемѣны не совершались такъ часто, какъ у французовъ, и при всемъ томъ французскія ренты гораздо меньше колебались въ своей цѣнности, чѣмъ процентныя бумаги самыхъ крѣпкихъ и прочныхъ правительствъ въ Европѣ. Французскіе обладатели рентъ не имѣютъ

бодились еще отъ фантастическаго элемента, связаннаго съ безпредметнымъ идеализмомъ; они поэтому не выходятъ изъ области теоріи и далеко не столь опасны для господствующей буржуазіи, какъ принципы и требованія нѣмецкихъ соціалистовъ-практиковъ.

Понятно, что государственная власть въ Германіи можетъ только выиграть отъ превращенія революціоннаго соціализма въ мирную практическую доктрину и отъ перехода неизбѣжной агитаціи рабочаго класса на почву законнаго воздѣйствія, допускающаго правительственный контроль и своевременныя законодательныя мѣры. Правительство всегда имѣетъ основаніе разсчитывать, что осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ останется лишь невинною мечтою, и что дальнѣйшее развитіе соціализма можетъ быть остановлено рядомъ экономическихъ реформъ, способныхъ удовлетворить большинство трудящагося населенія. Въ случаѣ надобности, правительство можетъ идти дальше нынѣшнихъ соціальныхъ проектовъ и оказать дѣйствительную поддержку рабочему классу, чтобы ослабить усиливающееся вліяніе соціально-демократической оппозиціи. Нынѣшніе законопроекты, правда, недостаточны сами по себѣ; но они несомнѣнно открываютъ серьезную брешь въ старой экономической системѣ и могутъ служить прологомъ къ болѣе существеннымъ реформамъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать практической важности успѣха, одержаннаго соціальною политикою князя Бисмарка въ имперскомъ сеймѣ: въ засѣданіи 24 (12) мая, законъ о страхованіи рабочихъ на время старости и неспособности къ труду окончательно принятъ большинствомъ 185 голосовъ противъ 165.

Въ области международныхъ дѣлъ обращаетъ на себя вниманіе поѣздка короля Гумберта въ Берлинъ, въ сопровожденіи министра-президента Криспи и значительной военно-дипломатической свиты. Рядъ придворныхъ и военныхъ празднествъ, происходившихъ въ нѣмецкой столицѣ съ 21 мая (нов. ст.) въ честь итальянскаго короля, не могъ имѣть большого политическаго значенія только потому, что союзъ между Германіею и Италіею былъ достаточно крѣпокъ и раньше, и не нуждался теперь въ оффиціальномъ обновленіи. Съ этимъ союзомъ надо считаться, какъ съ совершившимся фактомъ, и онъ составляетъ уже одинъ изъ элементовъ современнаго политическаго положенія въ Европѣ. Протесты отдѣльныхъ итальянскихъ патріотовъ противъ внѣшней политики Криспи не оказываютъ замѣтнаго вліянія на настроеніе парламента, въ которомъ министерство по прежнему располагаетъ большинствомъ. Италія вынуждена переносить невыгоды торговаго разрыва съ Франціею и рѣшительнаго присоединенія къ вооруженной „лигѣ мира“; она все-таки ожидаетъ великихъ преиму-

ществъ и пріобрѣтеній отъ союза съ центральною военною державою, играющею теперь руководящую роль въ Европѣ. Внутреннее состояніе Италіи, конечно, не особенно благопріятно; сильный экономическій кризисъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до полной народной нужды, безработицы и даже голода; раздраженіе ростетъ среди неимущихъ рабочихъ и выражается въ серьезныхъ волненіяхъ, кончающихся иногда кровопролитіемъ, какъ это было, напримѣръ, въ Миланѣ; но эти печальныя обстоятельства могутъ только усиливать желаніе правительства достигнуть какихъ-нибудь успѣховъ въ международной политикѣ и обезпечить внѣшніе интересы страны посредствомъ союза съ Германіею. Оправдаются ли надежды Криспи и его единомышленниковъ въ этомъ отношеніи—это покажетъ недалекое будущее.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня, 1889.

— *Сочиненія Н. В. Гоголя.* Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній *Николаемъ Тихонравовымъ*. Томъ первый. М. изданіе книжн. маг. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". 1889.

Въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы" [1]) было уже упомянуто о началѣ этого изданія: вышелъ сначала V-й томъ; теперь мы имѣемъ передъ собой первый томъ этого изданія съ предувѣдомленіемъ г. Тихонравова, гдѣ онъ объясняетъ цѣль и способъ исполненія предпринятаго теперь полнаго критическаго изданія сочиненій Гоголя. Гоголь уже давно отходитъ въ исторію. „Въ текущемъ году,—говоритъ г. Тихонравовъ,—исполнилось тридцать-семь лѣтъ со дня кончины Гоголя и шестьдесятъ лѣтъ съ появленія въ печати идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ", которою началось его литературное поприще. Черезъ три года минетъ пятьдесятъ лѣтъ со времени напечатанія первой части „Мертвыхъ Душъ", которою закончился блестящій періодъ строго-художественной дѣятельности автора этой „поэмы". Время *историческаго* изученія произведеній Гоголя уже наступило". Настоящее изданіе предположило именно собрать весь матеріалъ, который необходимъ для этого историческаго изученія и который прежде всего состоитъ въ точномъ опредѣленіи самаго текста сочиненій. Извѣстно, какъ усиленно Гоголь работалъ надъ художественною обработкою своихъ художественныхъ произведеній; были, кромѣ того, особыя обстоятельства, которыя дѣлаютъ изученіе текста болѣе важнымъ у Гоголя, чѣмъ у кого-либо другого изъ нашихъ первостепенныхъ писателей. „Вслѣдствіе особыхъ, исключительныхъ условій *текстъ* сочиненій Гоголя, еще при жизни его, подвергся искаженіямъ и произвольнымъ поправкамъ. Поэтъ писалъ

[1]) 1888, ноябрь.

свои произведенія такъ неразборчиво, съ такими вопіющими отступленіями отъ общепринятыхъ правилъ правописанія, нерѣдко даже замѣняя одну букву другою, что оригиналы этихъ произведеній могли быть правильно переписаны писцомъ только при неослабномъ личномъ руководствѣ автора. Но Гоголь не всегда могъ удѣлять время на внимательный, утомительный пересмотръ работы своихъ писцовъ". Такъ первое изданіе сочиненій Гоголя, которое дѣлалось въ его отсутствіи и по его порученію пріятелемъ его Прокоповичемъ, наполнено ошибками, которыя повторены были и послѣдующими изданіями. Самъ Гоголь не успѣлъ выполнить задуманнаго имъ незадолго до смерти плана такого изданія своихъ сочиненій, которое дало бы правильный текстъ и вмѣстѣ вѣрное представленіе о теоретическихъ понятіяхъ, какія авторъ „имѣлъ о литературѣ и объ искусствѣ и о томъ, что̀ должно двигать литературу нашу". Позднѣйшія изданія, Трушковскаго и Кулиша, принесли много новаго, но не имѣли въ виду требованій историческаго изученія писателя. Необходимость подробнаго изслѣдованія текста вытекала, наконецъ, изъ самыхъ свойствъ творческой дѣятельности Гоголя: „Одною изъ характеристическихъ особенностей творчества Гоголя была медленность въ разработкѣ идеи и формы произведенія: разработка и переработка написаннаго произведенія совершались въ теченіе цѣлыхъ годовъ, по частямъ, отрывками, одновременно съ работою надъ нѣсколькими другими произведеніями, въ перекрестныхъ направленіяхъ". Впослѣдствіи, переработка прежнихъ произведеній становилась для Гоголя потребностью, онъ употреблялъ на это цѣлые годы и придавалъ этимъ передѣлкамъ прежнихъ пьесъ великое значеніе: только этимъ путемъ надѣялся онъ, по его словамъ, достигнуть творчества, освобожденнаго отъ излишествъ и неумѣренности и совершаемаго въ высокой трезвости духа. „Въ силу этой особенности своей художнической природы, —говоритъ г. Тихонравовъ, — Гоголь не разъ обращался къ новой переработкѣ даже напечатанныхъ уже произведеній своихъ: „Портретъ", „Тарасъ Бульба", „Ревизоръ" передѣлывалось *заново* на пространствѣ *всего* блестящаго періода чисто художественной дѣятельности Гоголя (1835—1842 г.). Новыя воззрѣнія и впечатлѣнія вносились въ готовые, уже получившіе опредѣленную форму, сюжеты, и новыя симпатіи сказывались въ нихъ... Въ многочисленныхъ черновыхъ наброскахъ, передѣлкахъ, редакціяхъ „Тараса Бульбы", „Театральнаго разъѣзда", первой части „Мертвыхъ Душъ", проходитъ передъ внимательнымъ наблюдателемъ исторія внутренней жизни поэта въ указанную эпоху. Набрасывая начерно эскизы своихъ поэтическихъ созданій, Гоголь вполнѣ отдавался „посѣщавшему его вдохновенію" и въ этихъ первыхъ наброскахъ изливались его думы и

чувства съ необыкновенною искренностью, — искренностью, которою не всегда отличаются его письма. И впослѣдствіи, возвращаясь къ отдѣлкѣ этихъ первыхъ, про себя сдѣланныхъ набросковъ, Гоголь начиналъ умѣрять и ограничивать излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая всѣ проявленія личнаго элемента и частныхъ, временныхъ чертъ... Укажемъ на „Театральный разъѣздъ", на статью „О движеніи журнальной литературы", на нѣкоторыя страницы въ первой части „Мертвыхъ Душъ". Эти черновые наброски дадутъ, въ своей совокупности, нерѣдко болѣе цѣнные факты для исторіи внутренней жизни поэта, чѣмъ его письма, иногда излишне осторожныя, почти всегда сдержанныя и не обнаруживающія охоты посвящать друзей въ литературныя занятія ихъ автора... Кто желаетъ разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, тому необходимо изучить по оставшимся документамъ этотъ „подвигъ" художника, войти въ его „подвижническую келью", по прекрасному выраженію П. В. Анненкова" (стр. VI—VIII).

При недостаточной точности и полнотѣ всѣхъ прежнихъ изданій и при такомъ характерѣ художественной дѣятельности Гоголя, новое изданіе поставило себѣ цѣлью, во-первыхъ, установленіе правильнаго текста сочиненій Гоголя; во-вторыхъ—возможную полноту матеріала, необходимаго для ихъ историческаго изученія. При перепечаткѣ произведеній, вошедшихъ въ первое и второе изданія Гоголя (исполненныя или начатыя при его жизни), г. Тихонравовъ положилъ въ основаніе текстъ изданія Трушковскаго, въ той его части, которая была еще просмотрѣна самимъ Гоголемъ, причемъ, однако, исправлены ошибки, хотя бы и не замѣченныя самимъ Гоголемъ; съ другой стороны, удержаны поправки дѣйствительныхъ ошибокъ Гоголя, сдѣланныя въ его изданіяхъ Прокоповичемъ, Плетневымъ, Шевыревымъ, но приведены (въ варіантахъ) и первоначальныя чтенія, т.-е. собственныя выраженія Гоголя. Основаніемъ для возстановленія подлиннаго текста послужили г. Тихонравову, во-первыхъ, собственныя рукописи Гоголя; во-вторыхъ, имъ самимъ исправленныя копіи писца, или наконецъ, гдѣ не было ни того, ни другого, первоначальныя изданія сочиненій Гоголя въ журналахъ, альманахахъ, въ его собственныхъ книгахъ—*до* перепечатки ихъ въ первомъ собраніи сочиненій 1842 года.

Говоря о вышедшемъ ранѣе V-мъ томѣ настоящаго изданія, мы упоминали уже, что текстъ сочиненій Гоголя, исправленный и провѣренный, сопровождается обширными объясненіями въ концѣ книги. Съ величайшею подробностью и точностью собраны и здѣсь варіанты къ тексту изъ прежнихъ изданій и рукописей Гоголя, а также всѣ тѣ мѣста, которыя были исключены или измѣнены прежней цензурой

и которыя иногда весьма обширны. Этимъ варіантамъ и дополненіямъ предпосланы примѣчанія собственно историко-литературнаго характера. Эти примѣчанія представляютъ, по намѣренію г. Тихонравова, попытку, во-первыхъ, опредѣлить хронологическую дату каждаго произведенія Гоголя и, во-вторыхъ, указать сколько возможно, первоначальную форму отдѣльныхъ сочиненій и тѣ позднѣйшія переработки, какимъ подвергались нѣкоторыя изъ нихъ, и при этомъ выяснить, въ какое время и въ какихъ условіяхъ совершались эти переработки.

Сколько труда положено было редакторомъ настоящаго изданія на это изученіе Гоголя, увидимъ изъ слѣдующаго. Въ настоящемъ томѣ помѣщены „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргородъ“ (стр. 1—504); затѣмъ примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ до 200 страницъ (505—710). Изъ того, что сказано выше о пріемахъ работы г. Тихонравова, можно видѣть, до какой заботливости доведено имъ изученіе текста Гоголя: имъ буквально не оставлена безъ вниманія ни одна строка, написанная Гоголемъ, указаны подробно всѣ видоизмѣненія его произведеній отъ первоначальнаго наброска до окончательной формы, гдѣ только представлялись для этого какія-нибудь данныя. Въ рукахъ г. Тихонравова собрались, кажется, всѣ рукописи сочиненій Гоголя, какія только доступны въ настоящее время: эти рукописи принадлежатъ въ настоящее время отчасти его наслѣдникамъ и вдовѣ И. С. Аксакова, отчасти находятся въ Публичной библіотекѣ, въ Московскомъ музеѣ и въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ; въ эти послѣднія библіотеки рукописи Гоголя поступили отъ Аксаковыхъ, отъ гр. Кушелева-Безбородко (которымъ пріобрѣтены были отъ наслѣдниковъ Прокоповича), наконецъ отъ знаменитаго художника и друга Гоголя, Иванова. Въ примѣчаніяхъ собрано множество фактовъ и соображеній, которые опредѣляютъ исторію развитія отдѣльныхъ произведеній Гоголя и ихъ хронологію (причемъ оказывается, между прочимъ, что самъ Гоголь не всегда точно опредѣлялъ время написанія своихъ произведеній). Въ послѣднемъ томѣ изданія г. Тихонравовъ предполагаетъ помѣстить много новаго матеріала, еще никогда не бывшаго въ печати, какъ, напримѣръ, выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, „Учебную книгу словесности“, первоначальныя редакціи „Ревизора“, „Женитьбы“ и пр., наконецъ программу университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ произведеній. Словомъ, въ настоящемъ изданіи Гоголя мы получаемъ первое изданіе произведеній великаго писателя, обставленное всѣмъ матеріаломъ, необходимымъ для его историческаго объясненія. Можно сказать, что это объясненіе во всѣхъ подробностяхъ въ первый разъ становится возможнымъ только

теперь, когда сопоставлены будутъ всѣ данныя, раскрывающія передъ нами развитіе творчества Гоголя, и тѣ новые, хотя отрывочные матеріалы, какіе остались въ сохранившихся, но доселѣ неизвѣстныхъ въ печати рукописяхъ. Гоголь былъ такимъ великимъ и рѣшающимъ явленіемъ въ нашей литературѣ, что интересъ этого новаго и полнаго изученія его не нуждается въ объясненіяхъ, какъ очевидна и великая заслуга новой редакціи сочиненій Гоголя, исполненной г. Тихонравовымъ съ неутомимымъ вниманіемъ и полнымъ знаніемъ дѣла.

— *Расколъ на Дону* въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. *Дружинина*. Спб. 1889.

— Н. С. *Соколовъ*. *Расколъ въ Саратовскомъ краѣ*. Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ. Поповщина до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Т. I. Саратовъ, 1888.

Изученіе раскола въ послѣднее время все больше измѣняетъ свой характеръ. Прежде изслѣдованіе его велось исключительно въ полемическомъ, обличительномъ направленіи: расколъ разумѣлся только какъ чистое противленіе власти церковной и гражданской; за нимъ не предполагалось никакого права на существованіе, ни объясненія или оправданія; „расколъ, обличаемый своею исторіею"—была единственная цѣль и форма, въ которыхъ могли быть излагаемы его судьбы. Другая, болѣе спокойная, безпристрастная, объективная форма изслѣдованія стала возможна лишь съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилось вообще въ правительственныхъ сферахъ отношеніе къ народной жизни (это обнаружилось, какъ извѣстно, съ возникновеніемъ мысли объ освобожденіи крестьянъ)—и съ тѣхъ поръ, какъ одновременно съ этимъ расширились горизонты и средства нашей исторіографіи. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, которые нашли въ расколѣ не одинъ предметъ для изобличенія (обыкновенно, оно отличалось нетерпимостью и раздраженіемъ), а требующее вниманія явленіе народной жизни, была извѣстная книга Щапова. Съ тѣхъ поръ литература о расколѣ представила много любопытнѣйшихъ изысканій, которыя, кромѣ интереса историческаго, имѣли нравственное значеніе, объясняя изъ внутренняго хода народной жизни факты, изображаемые прежде какъ одно безсмысліе, и открывая въ самыхъ заблужденіяхъ многія сочувственныя черты народнаго характера, или, наконецъ, находя объясненіе этимъ заблужденіямъ—въ заброшенности и безправіи народной массы... Правда, и до сихъ поръ есть не только въ практической жизни, но и въ средѣ „изслѣдователей" люди, относящіеся къ расколу съ тою же нетерпимостью; но съ другой стороны

все чаще появляются безпристрастныя разысканія, старающіяся отдать каждой сторонѣ должное.

Обѣ выше названныя книги—историческія диссертаціи, одна—университетская, другая—духовно-академическая. Выборъ предмета указываетъ на установившійся въ научномъ кругу интересъ къ изслѣдованію еще далеко не выясненнаго предмета, и обѣ диссертаціи, особливо послѣдняя, основаны почти исключительно на архивномъ, рукописномъ матеріалѣ. Авторъ „Раскола на Дону" нашелъ этотъ матеріалъ главнымъ образомъ въ извѣстной исторической сокровищницѣ—московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ дѣлопроизводствѣ посольскаго приказа, который, между прочимъ, служилъ органомъ московскаго правительства и по сношеніямъ съ донскими козаками. Основная тема сочиненія заключается въ изображеніи тѣхъ волненій, которыя подняты были на Дону, въ концѣ XVII-го вѣка, бѣжавшими туда раскольниками и которыя по ходу событій завершились паденіемъ независимости Дона. Дѣло въ томъ, что при этихъ волненіяхъ донское козачество раздѣлилось на двѣ партіи—раскольничью (которая искала, между прочимъ, независимости Дона отъ Москвы) и московскую, изъ болѣе зажиточныхъ и мирныхъ людей Дона: послѣдняя взяла верхъ. „Угрожавшія этой партіи опасности со стороны ея соперниковъ заставили ее стать въ ближайшее подчиненіе къ Москвѣ, помощи которой она искала противъ своихъ домашнихъ враговъ. Ей пришлось идти на крайнія мѣры: пришлось поступиться нѣкоторыми козачьими правами, выдать Москвѣ виновниковъ мятежа. Предъявленіе требованій на выдачу преступниковъ стало уже отсюда правомъ московскаго правительства (прежде Донъ отказывалъ Москвѣ въ выдачѣ своихъ или бѣжавшихъ туда людей). Утеряли козаки и самостоятельность въ дѣлахъ церковныхъ... Всѣ эти ограниченія правъ вольницы совпали съ преобладаніемъ домовитой, осѣдлой московской партіи, которая этими правами, конечно, не дорожила и предпочитала имъ покровительство московскихъ государей"...

Такова сущность эпизода, разсказаннаго въ книгѣ г. Дружинина. Авторъ обставилъ его общими свѣденіями о положеніи Дона во второй половинѣ XVII-го вѣка и объ отношеніяхъ его къ Москвѣ; въ приложеніяхъ помѣстилъ много архивныхъ документовъ. Въ книгѣ разсѣяно не мало бытовыхъ подробностей. Любопытно, напримѣръ, положеніе Дона въ церковномъ отношеніи. Раскольничьи волненія въ первый разъ побудили правительство позаботиться о духовной жизни козаковъ, а до тѣхъ поръ, предоставленные самимъ себѣ, козаки, повидимому, мало чувствовали потребности устроить эту сторону своего быта. Церковь въ Черкасскѣ, построенная въ 1650 году, была на

Дону почти единственной; съ тѣхъ поръ до *1689* г. была освящена лишь *одна* церковь, и лишь къ 1700 г. основано было въ донскихъ городкахъ до девяти новыхъ церквей. До тѣхъ поръ жители Дона оставлены были въ этомъ отношеніи на произволъ судьбы: вмѣсто церквей бывали только часовни: для своихъ духовныхъ требъ козаки пользовались услугами бѣглыхъ поповъ, часто даже запрещенныхъ. Немудрено, что расколъ сильно распространился на Дону, когда пришли туда раскольники, обыкновенно крайне фанатизированные.

Гораздо шире объемъ изслѣдованія г. Соколова. Сочиненіе разсчитано на два тома: вышедшій теперь первый томъ (до 500 плотныхъ страницъ) излагаетъ исторію поповщины въ саратовскомъ краѣ отъ начала раскола, или отъ временъ Петра I, до 50-хъ годовъ нашего вѣка. Матеріалъ автора также почти исключительно архивный и рукописный: автору стоило, вѣроятно, не мало труда собрать данныя своего изслѣдованія изъ тѣхъ разнообразныхъ источниковъ, къ какимъ ему пришлось обращаться. Бо́льшею частью документы, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, носятъ оффиціальный или полу-оффиціальный характеръ; г. Соколовъ собираетъ эти документы въ Саратовѣ и въ окрестномъ Поволжьѣ, въ мѣстныхъ архивахъ, далѣе въ библіотекѣ нижегородской семинаріи, въ обширныхъ дѣлахъ извѣстнаго „секретнаго комитета“ по расколу, въ рукописяхъ Публичной библіотеки, библіотеки Хлудова, въ разныхъ оставшихся въ рукописи оффиціальныхъ запискахъ, напримѣръ, до послѣдней записки о мѣстномъ расколѣ, составленной во время недавней сенаторской ревизіи г. Шамшина, наконецъ въ раскольничьей литературѣ. Нечего говорить, что авторъ воспользовался всѣмъ тѣмъ, что́ представляла по этому предмету печатная литература. Обширное введеніе посвящено перечисленію и критикѣ этого матеріала, послужившаго основой для изслѣдованій г. Соколова. Онъ начинаетъ, какъ мы сказали, съ перваго появленія раскола въ Саратовскомъ Поволжьѣ. Въ концѣ XVII вѣка и въ Петровское время этотъ край былъ дикъ, безлюденъ и мало извѣстенъ, такъ что для гонимыхъ послѣдователей раскола долженъ былъ казаться удобнымъ убѣжищемъ, и дѣйствительно, расколъ пустилъ здѣсь сильные корни; на югѣ саратовскаго края и въ другихъ мѣстахъ его основывались многочисленные большіе и малые скиты, откуда расколъ разливался по всему краю, и которые пользовались извѣстностью далеко за его предѣлами. Въ дикомъ и малоустроенномъ краѣ борьба съ расколомъ была затруднительна, можетъ быть даже неблагоразумна, а во второй половинѣ прошлаго столѣтія онъ получилъ еще новое, сильное подкрѣпленіе. Въ извѣстномъ указѣ 1762 года, изданномъ Екатериною II вскорѣ по вступленіи на престолъ, давалась амнистія русскимъ бѣглецамъ, посе-

лившимся за рубежомъ, преимущественно раскольникамъ; имъ разрѣшено было возвращаться безнаказанно въ Россію съ тѣмъ, чтобы селиться своими слободами въ разныхъ мѣстахъ, заселеніе которыхъ казалось правительству нужнымъ. Для этой колонизаціи указаны были разныя мѣста отъ Барабинской степи въ западной Сибири до губерній казанской, воронежской, бѣлгородской и до Поволжья. Въ изданномъ тогда „реестрѣ опредѣленнымъ къ поселенію входящихъ изъ-за границы россійскихъ раскольниковъ порожнимъ мѣстамъ“ между прочимъ подробно указывались разныя мѣстности въ Заволжьѣ и особливо рекомендовались мѣста по рѣкѣ Большому Иргизу: здѣсь „къ поселенію на нѣсколько тысячъ семей, весьма плодородныя и выгодныя земли имѣются, на которыхъ при устьѣ Большого Иргиза и по другимъ рѣчкамъ болѣе тысячи человѣкъ россійскихъ подданныхъ уже и поселилось“. Эти прежніе жители, какъ полагаетъ г. Соколовъ, были сами потомки раскольниковъ; а теперь образовалось на Иргизѣ многолюдное раскольничье населеніе и основались знаменитые потомъ иргизскіе монастыри и скиты, слава которыхъ распространилась по всему старообрядческому міру и которые были уничтожены военною силой въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Иргизскіе монастыри стали настоящей метрополіей поповщины, и здѣсь сосредоточилось то мѣстное поволжское старообрядческое движеніе, исторія котораго составляетъ главный предметъ перваго тома сочиненія г. Соколова. Судьба иргизскихъ монастырей и особливо ихъ уничтоженія уже не однажды описывалась, но описывалась обыкновенно по отрывочнымъ матеріаламъ, случайно попадавшимъ въ руки; г. Соколовъ собралъ, напротивъ, множество свѣденій какъ по всей исторіи раскольничьяго Иргиза, такъ и относительно уничтоженія тамошнихъ монастырей. Онъ подробно разсказываетъ внѣшнюю судьбу Иргиза; изображеніе внутренняго быта раскольничьихъ скитовъ и обществъ на Иргизѣ (въ главѣ V) вообще принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ исторической литературы о расколѣ, какъ и разсказъ о разгромѣ монастырей въ 1837 и его послѣдствіяхъ. Этотъ разсказъ составленъ очень обстоятельно, почти день за день, со всѣми подробностями событій и закулисной стороны дѣла, не попавшей въ оффиціальные и всеподданнѣйшіе отчеты; послѣдніе говорили о „счастливомъ“ и „благополучномъ“ окончаніи дѣла, когда въ дѣйствительности оно было исполнено возмутительной разнузданности мѣстныхъ властей.

Книга г. Соколова написана очень живо; вмѣстѣ съ тѣмъ это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ по новѣйшей исторіи нашего раскола, составленный съ обширнымъ запасомъ свѣденій и съ прав-

дивымъ безпристрастіемъ къ существу и исполненію этого запутаннаго дѣла.

Въ „тезисахъ", извлеченныхъ изъ сочиненія, г. Соколовъ, между прочимъ, такъ резюмируетъ свой взглядъ на поводы и послѣдствія разгрома Иргизскихъ монастырей. „Принципъ общежитія, положенный въ основу иргизскихъ обителей ихъ основателями, падалъ параллельно съ развитіемъ вліянія Иргиза въ расколѣ поповщины; результатомъ этого упадка и явилась деморализація въ иноческой средѣ, повлекшая за собой разгромъ монастырей". „Разгромъ Иргиза не повлекъ за собою тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидала отъ него правительственная власть: посѣявши озлобленіе въ душѣ раскольниковъ, этотъ разгромъ, какъ шагъ на пути правительственныхъ стѣсненій въ борьбѣ съ расколомъ, послужилъ *во вредъ* для православія и только препятствовалъ успѣхамъ миссіонеровъ". Наконецъ, авторъ полагаетъ, что „единовѣріе 40-хъ годовъ, усердно пропагандированное въ качествѣ вѣрнаго средства для сближенія раскольниковъ съ православіемъ, оказалось мѣрой неудачной".

Во введеніи, какъ мы сказали, авторъ дѣлаетъ обзоръ литературы предмета; замѣчанія о ней находятся и въ текстѣ изслѣдованія. Критическія сужденія автора обыкновенно мѣтки и справедливы, и вообще бросаютъ свѣтъ на характеръ нашей литературы о расколѣ. Укажемъ, для примѣра, замѣчанія автора объ извѣстномъ Мельниковѣ, считавшемся въ свое время великимъ знатокомъ предмета. Недавно, говоря о новѣйшемъ изданіи старой книги О. Новицкаго о духоборцахъ, мы приводили свидѣтельство Новицкаго о томъ, какія небылицы были взведены на него Мельниковымъ—въ запискѣ, имѣвшей конфиденціальное назначеніе и слѣдовательно въ свое время скрытой отъ публики и отъ критики. Теперь у г. Соколова (въ гл. VII) встрѣчаемъ совершенно аналогичный примѣръ подобныхъ небылицъ въ разсказѣ того же Мельникова о событіяхъ на Иргизѣ; не зная фактовъ, но принимая видъ человѣка, знающаго всю подноготную, онъ развязно судитъ и рядитъ, и опять взводитъ небылицы именно на людей честныхъ. Къ счастію, могла быть разсказана теперь исторія правдивая и документальная, подтверждаемая и на мѣстѣ извѣстными фактами, и „историческіе" труды Мельникова становятся на приличествующее имъ мѣсто.

— *Очерки изъ исторіи русской литературы* XVII и XVIII столѣтій. *Л. Н. Майкова.* Спб. 1889.

— *Изслѣдованія и статьи* по русской литературѣ и просвѣщенію. *М. И. Сухомлинова.* Два тома. Спб. 1889.

За послѣднее время посвящается особенно много изслѣдованій исторіи нашей литературы и особенно литературы новѣйшей, въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ. Это — матеріалы, записки, письма, или труды біографическіе, или разсказы объ отдѣльныхъ эпизодахъ литературной исторіи и т. п. Большею частью труды подобнаго рода бываютъ разсѣяны въ журналахъ спеціальныхъ и общихъ, и пользованіе ими становится наконецъ затруднительно; поэтому любители предмета съ особымъ удовольствіемъ встрѣчаютъ изданія, въ которыхъ бываютъ собраны въ одно цѣлое эти разбросанныя статьи,—какъ въ названныхъ теперь книгахъ. Исторія русской литературы была предметомъ научнаго изслѣдованія съ сороковыхъ годовъ (до тѣхъ поръ она представлялась только списками писателей и ихъ сочиненій), но какая разница между прежнимъ и нынѣшнимъ отношеніемъ къ предмету у самихъ историковъ и у читателей: въ прежнее время всего больше хотѣли наблюдать внутреннее развитіе литературы, ходъ идей, насколько онъ выражался въ художественныхъ произведеніяхъ литературы,—подразумѣвалось при этомъ и внутреннее развитіе общественныхъ началъ; въ настоящее время очень рѣдко встрѣтится или совсѣмъ не встрѣтится трудъ, руководимый этой потребностью выяснять общія историческія начала, свести литературныя явленія въ логическую формулу историческаго развитія, раскрыть внутреннюю послѣдовательность явленій. Новѣйшее изученіе предмета—по преимуществу или исключительно детальное: судьба отдѣльнаго писателя или только отдѣльный эпизодъ его литературной біографіи, даже судьба одной книги и т. п. Когда (приблизительно съ 50-хъ годовъ) началось это стремленіе къ детальной разработкѣ, отчасти вынужденное тогдашними условіями литературы, не допускавшими рѣчи о принципахъ, это направленіе историко-литературныхъ работъ встрѣчалось даже не весьма благопріятно со стороны тѣхъ, кто искалъ именно выясненія общихъ вопросовъ нашей исторической жизни; труды „библіографическіе“ казались слишкомъ мелкими, отвлекающими вниманіе отъ предметовъ основныхъ. Обвиненіе казалось нелишеннымъ основанія, потому что въ иныхъ случаяхъ „библіографія“ въ самомъ дѣлѣ забывала за подробностями объ общемъ историческомъ вопросѣ и теряла мѣрку явленій. До сихъ поръ можно жалѣть, что необходимость общаго опредѣленія историческихъ явленій какъ будто забывается: вопросы такого рода, пови-

димому, устрашаютъ историковъ обширностью фактовъ и соображеній, которые потребовались бы для ихъ рѣшенія; главнымъ образомъ причина устраненія подобныхъ задачъ заключается, однако, не столько въ этой внѣшней трудности рѣшенія, сколько въ отвычкѣ отъ постановки общихъ вопросовъ, которая притомъ должна затронуть много спорныхъ идей и щекотливыхъ отношеній. Это положеніе дѣла, конечно, не служитъ къ пользѣ историческаго самосознанія; исторія не досказывается; умалчиваемые спорные пункты остаются темными или совсѣмъ забываются въ обществѣ, и сокращается самый горизонтъ историческаго изысканія. Многое въ этомъ положеніи вещей должно быть отнесено на счетъ условій времени: у насъ литература все еще слишкомъ зависитъ отъ господствующихъ надъ ней внѣшнихъ обстоятельствъ, и спеціалистамъ извѣстно, что нѣсколько историко-литературныхъ трудовъ, весьма серьезныхъ, не увидѣли свѣта... Съ другой стороны стремленіе къ изученію частностей, отличающее новѣйшія историко-литературныя изслѣдованія, приноситъ въ свою очередь весьма полезные результаты. Литературное явленіе, сильно затрогивающее умы, почти всегда имѣетъ у насъ свою закулисную исторію; чтобы понять его вполнѣ, нужно изучать не только его идейное содержаніе, но и сопровождающія его внѣшнія обстоятельства: какъ оно подготовлялось, какъ было принято въ обществѣ и властью и т. д. Эта внѣшняя судьба литературныхъ явленій будетъ также имѣть большое историческое значеніе — если не въ литературномъ, то въ общественномъ отношеніи; это будетъ почти всегда эпизодъ изъ исторіи образованія и нравовъ. Въ этомъ смыслѣ новѣйшее детальное изученіе литературы бываетъ нерѣдко исполнено величайшаго интереса: отдѣльныя явленія литературы будутъ представляться намъ не только въ ихъ отвлеченномъ, теоретическомъ или художественномъ содержаніи, но какъ цѣльный фактъ жизни, какъ продуктъ общественнаго положенія.

Книга г. Майкова представляетъ сборникъ очерковъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣка, писанныхъ въ разное время въ теченіе лѣтъ двадцати и разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Издавая ихъ вновь, авторъ дополнилъ ихъ по тѣмъ новымъ даннымъ, которыя явились вновь въ литературѣ. Самая обширная статья сборника посвящена Симеону Полоцкому; напечатанная первоначально въ 1874 году, она здѣсь значительно дополнена по новымъ рукописнымъ источникамъ и является цѣлымъ спеціальнымъ трактатомъ объ этомъ писателѣ XVII вѣка. Въ промежуткѣ между этими изданіями труда г. Майкова вышли два изслѣдованія о томъ же предметѣ гг. Попова и Татарскаго: первый не зналъ о прежней статьѣ г. Майкова и повторилъ о Полоцкомъ нѣсколько старыхъ біографи-

ческихъ свѣденій, которыя оказываются уже неточными; послѣдній, повидимому, напротивъ хорошо зналъ прежнюю статью г. Майкова и „тщательно провѣрилъ ея содержаніе по подлиннымъ рукописямъ Полоцкаго", которыя были неизвѣстны г. Майкову, когда онъ писалъ объ этомъ предметѣ въ 1875 году. „Мнѣ очень пріятно заявить здѣсь,—говоритъ г. Майковъ,—что эта провѣрка подтвердила точность фактовъ и вѣрность соображеній, изложенныхъ въ моей статьѣ, такъ что г. Татарскій могъ воспользоваться ею, какъ руководящимъ пособіемъ въ своей магистерской диссертаціи; такое вниманіе къ моему труду было для меня тѣмъ неожиданнѣе, что г. Татарскій вовсе не упоминаетъ о моей статьѣ въ своей книгѣ".

Далѣе, въ книгѣ г. Майкова перепечатаны его статьи—объ одной русской повѣсти Петровскаго времени; о Ломоносовѣ какъ ученомъ, по поводу сочиненія г. Будиловича; о писателѣ прошлаго вѣка В. И. Майковѣ, „Литературныя мелочи Екатерининскаго времени"; „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики". Статьи вообще переработаны по вновь явившимся матеріаламъ, и, напр., въ статьѣ объ исторіи русской журналистики, написанной по поводу извѣстной книги Неустроева, введены указанія на труды, вышедшіе послѣ этой книги, и т. п.

Изъ двухъ томовъ сборника г. Сухомлинова, первый занятъ главнымъ образомъ обширными „Матеріалами для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I", и здѣсь же издана вновь статья о Радищевѣ. Во второмъ томѣ помѣщены статьи: о Новиковѣ, какъ составителѣ словаря русскихъ писателей; о воспитателѣ имп. Александра Лагарпѣ; затѣмъ—рядъ эпизодическихъ статей о новѣйшей литературѣ: объ имп. Николаѣ, какъ критикѣ и цензорѣ сочиненій Пушкина, о полемическихъ статьяхъ Пушкина, о Полевомъ, кн. Вяземскомъ, Гоголѣ, Н. Ф. Павловѣ, славянофилахъ. Почти всѣ эти статьи исполнены интереса въ томъ смыслѣ, какъ мы выше говорили. Большею частью онѣ составлены по архивнымъ матеріаламъ, еще никогда не открывавшимся для печати, или очень рѣдко; г. Сухомлиновъ имѣлъ возможность извлекать ихъ изъ самыхъ сокровенныхъ источниковъ, въ архивахъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя распоряжались судьбами русской литературы—министерства просвѣщенія, цензурнаго вѣдомства и повидимому бывшаго III-го отдѣленія. Здѣсь раскрывалась вообще передъ изслѣдователемъ та закулисная сторона общественныхъ и литературныхъ дѣлъ, изученіе которой совершенно необходимо для полнаго уразумѣнія нашей литературной исторіи; это была интимная и оборотная сторона нашего такъ-называемаго „свободнаго творчества" и „научнаго развитія". Тотъ же фактъ науки и искусства, сопоставленный

съ обстоятельствами его появленія въ печати, получаетъ новый оттѣнокъ, иногда довольно странный. Общество, иногда и самъ писатель, не подозрѣвали, что́ совершается за кулисами, съ какихъ точекъ зрѣнія разсматривались здѣсь иныя произведенія, какіе дѣлались изъ нихъ выводы: нерѣдко, однако, это невидное обществу вмѣшательство разражалось суровыми мѣропріятіями, которыя оказывали негаданное вліяніе на литературу, на ея „направленія", а иногда и на судьбу самихъ писателей. Многіе изъ разсказанныхъ у г. Сухомлинова эпизодовъ подобнаго рода, или, вѣрнѣе сказать, большинство ихъ, производятъ самое удручающее впечатлѣніе. Таковы подробности о Радищевѣ, о судьбѣ университетовъ въ Александровское время, о Пушкинѣ въ его отношеніяхъ къ гр. Бенкендорфу и Булгарину, о Полевомъ и запрещеніи „Телеграфа" (гдѣ, напримѣръ, Бенкендорфъ являлся почти защитникомъ Полевого противъ министра просвѣщенія, бывшаго „арзамасца", Уварова), о Гоголѣ и отношеніяхъ къ нему цензуры, о Павловѣ, наконецъ о славянофилахъ.

Г. Сухомлиновъ разсказываетъ всѣ эти эпизоды обыкновенно съ большою точностью, но обыкновенно также не обобщаетъ ихъ и не дѣлаетъ изъ нихъ никакихъ выводовъ; впрочемъ факты сами говорятъ за себя... Въ подробностяхъ кое-гдѣ можно не согласиться съ мыслями или выраженіями автора. Напр. въ статьѣ о кн. Вяземскомъ г. Сухомлиновъ говоритъ: „Извѣстно, что вслѣдствіе *ловкой мистификаціи* со стороны нашихъ иноземныхъ друзей, самою опасною партіею, общественною и литературною, считались у насъ такъ-называемые славянофилы" и пр. (II, стр. 361). Исторически справедливѣе было бы объяснять гоненіе на славянофиловъ еще чѣмъ-либо инымъ кромѣ „ловкой мистификаціи". Въ той же статьѣ (стр. 364) отзывъ объ отношеніи кн. Вяземскаго къ дѣятелямъ литературы не вполнѣ точенъ: напомнимъ, напр., его негласное нападеніе на Полевого и Устрялова. Сухомлиновъ остается въ своей роли сдержаннаго лѣтописца и относительно давняго писателя, Радищева: въ цѣломъ, довольно обширномъ изслѣдованіи о Радищевѣ, г. Сухомлиновъ такъ и не высказался самъ объ историческомъ значеніи этого писателя, предоставивъ читателямъ, кажется, довольствоваться сужденіями г. Галахова.—А. В.

Въ теченіе мая мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, В. Θукидидъ. Т. I, кн. 1. Спб. 89. Стр. 50. Ц. 40 к.

Батюшковъ, Н. Связь экономическихъ явленій съ законами энергіи. Спб. 89. Стр. 101.

Бѣломоръ, А. Роковая война 18?? года. Спб. 89. Стр. 115. Ц. 1 р.

Васеневъ, Ал. Отъ Кобдо до Ланьчжеуфу. Томскъ. 89. Стр. 59. Ц. 50 к.

Веске, д-ра М. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ черемисскаго языка. I. Каз. 89. Стр. 50. Ц. 40 к.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб. 89. Стр. 436. Ц. 4 р.

Гвоздевъ, пр. Ив. О самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія. Каз. 89. Стр. 45. Ц. 40 к.

Гёте. Фаустъ, трагедія. Перев. бар. Н. Е. Врангеля. Спб. 89. Стр. 203. Ц. 75 к.

Дабъжа, А. Н. О воспитаніи слѣпыхъ. Од. 89. Стр. 32.

Дементьевъ, Е. М. Развитіе мышечной силы человѣка въ связи съ общимъ его физическимъ развитіемъ. М. 89. Стр. 185.

Дохманъ, д-ръ А. М. Сновидѣнія и значеніе ихъ, какъ предвѣстниковъ болѣзней. Каз. 89. Стр. 86. Ц. 30 к.

Зотржанскій, П. Ф. Женитьба Днѣприна. Романъ. Спб. 88. Стр. 102. Ц. 1 р. 30 к.

Зезюлинскій, Н. Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Вып. I. Спб. 89. Стр. 187. Ц. 2 р.

Имеретинскій, кн. Н. К. Проказники. Преданія и были. Спб. 89. Стр. 185.

Кайгородовъ, Дм. Черная семья, птицы вороньяго рода. Спб. 89. Стр. 31. Ц. 25 к.

Карновичъ, Б. Д. Историческая замѣтка о нищенствѣ. Ворон. 89. Стр. 31.

Керръ, д-ръ Норм. Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе. Перев. п. р. проф. П. И. Ковалевскаго. М. 89. Стр. 336. Ц. 2 р.

Клоссовскій, А. Труды метеорологической сѣти ю.-з. Россіи. Од. 89. Стр. 144.

——— Объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій на ю.-з. Россіи. Од. 89. Стр. 20.

——— Матеріалы для разработки вопроса о заносахъ. Од. 89. Стр. 28.

——— Фенологическія наблюденія, произведенныя на ю.-з. Россіи. Од. 89. Стр. 24.

Кобылянскій, А. Р. О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей преимущественно въ школьномъ возрастѣ. Владикавказъ, 89. Стр. 101. Ц. 50 к.

Коппе, Франс. Якобиты, драма. Перев. Слѣпцова. Спб. 89. Стр. 124.

Лачиновъ, Д. А. Метеорологія и Климатологія. Съ 122 рис. и 6 карт. Спб. 89. Стр. 332. Ц. 2 р.

Лендеръ, Н. Волга. Очерки и картины. Спб. 89. Стр. 260.

Луговой, Алексѣй. Ольга Ярославна, психологическій этюдъ. Спб. 89. Стр. 68. Ц. 85 к.

Маминъ, Д. Н. Уральскіе разсказы. Т. II. М. 89. Стр. 593. Ц. 1 р. 50 к.

Мантегацца, П. Искусство долго жить. Перев. съ итал. Н. Лейненберга. Од. 89. Стр. 63. Ц. 50 к.

Матвѣева, Ю. П. Отголоски Сибири. Сборникъ стихотв. разныхъ авторовъ, п. р. Ив. Брута. Томскъ. 89. Стр. 191. Ц. 50 к.

Мачтетъ, Георг. Бѣлая панна. Поэма въ прозѣ. М. 89. Стр. 143. Ц. 75 к.

——— По бѣлу свѣту. Очерки изъ американской жизни. М. 89. Стр. 366. Ц. 1 р. 50 к.

Мертенсъ, Оск. Къ вопросу о подвозныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи. Рига. 89. Стр. 115.

Могилевскій, вр. П. О чумѣ рогатаго скота. Вятка. 89. Стр. 19.

Морлей, Дж. Вольтеръ. Перев. съ англ., п. р. пр. А. И. Кирпичникова. М. 89. Стр. 326. Ц. 2 р.

Перфильевъ, М. О. О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Спб. 89. Стр. 187. Ц. 1 р.

Регель, д-ръ Э. Весеннія краткоцвѣтущія многолѣтнія и луковичныя растенія, ихъ содержаніе и воспитаніе въ садахъ. Спб. 88. Стр. 82.

——— Русская дендрологія. Вып. II. Спб. 89. Стр. 194.

——— Популярное наставленіе къ русскому плодоводству. Спб. 89. Стр. 43. Ц. 60 к.

Сикорскій, проф. И. А. О заиканіи. Спб. 89. Стр. 314. Ц. 3 р.

Смоленскій, д-ръ П. О. Объ олеомаргаринѣ и искусственномъ коровьемъ маслѣ. Спб. 89. Стр. 81.

Стивенсонъ, Р. Л. Принцъ Отто, повѣсть. Спб. 89. Стр. 406. Ц. 1 р.

Столыпинъ, Д. А. Основное воззрѣніе и научный методъ Огюста Конта. Нашъ земледѣльческій вопросъ. М. 89. Стр. 26.

Тихомировъ, Д. И. Гдѣ и какъ подготовлять дѣтей къ средней школѣ? М. 89. Стр. 32. Ц. 15 к.

Тургъ, К. И. Теоретическая ариѳметика. Ч. I. Цѣлыя числа. Спб. 89. Стр. 69. Ц. 40 к.

Тхоржевскій, И. Ф. Грузинскія поэты въ образцахъ. Спб. 89. Стр. 40. Ц. 30 коп.

Шейминъ, П. Полицейская борьба съ нарушителями общественной безопасности по германскому праву. Од. 89. Стр. 440. Ц. 2 р. 50 к.

Яворскій, И. Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана. Ч. I. Спб. 89.

— Дешевая Библіотека: А. Марлинскій: Лейтенантъ Бѣлозоръ (15 к.); Латникъ (10 к.).

— Земскій Сборникъ черниговской губерніи на 1889 г. № 1 и 2. Черниговъ. 89.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губерніи. Вып. VI: Крестьянское хоз. въ Лужскомъ уѣздѣ. Вып. IX: Частновладѣльч. хоз. въ Ямбург. уѣздѣ. Вып. X: Тоже въ Шлиссельб. уѣздѣ. Спб. 89.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ Барнаулѣ въ 1888 г. Барн. 89. Стр. 51.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ Архивѣ мин. юстиціи. Кн. 6. М. 89. Стр. 213. Ц. 3 р.

— Отчетъ шестой Попечительства имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1888 г. Спб. 89. Стр. 187.

— Памяти М. К. Сидорова, съ его портретомъ. М. 89. Стр. 158.

— Сборникъ по текущей статистикѣ на 1887-88 г., Таврической губернской земской Управы. Симферопъ., 88.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau, par *Alfred Fouillée*. Paris, 1889.

Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и талантливыхъ мыслителей современной Франціи, Гюйо, умершій недавно въ молодомъ еще возрастѣ (33-хъ лѣтъ отъ роду), нашелъ себѣ достойнаго истолкователя въ лицѣ Альфреда Фульé. Авторъ съумѣлъ передать въ блестящемъ и ясномъ изложеніи существенное содержаніе трудовъ Гюйо о нравственности, искусствѣ, философіи и религіи. Будучи самъ выдающимся писателемъ въ области тѣхъ же вопросовъ, которые занимали Гюйо, онъ скромно отодвигается на задній планъ и приписываетъ своему молодому другу всю честь новѣйшаго самостоятельнаго движенія философской мысли во Франціи. Имя Гюйо мало еще извѣстно у насъ; оно пользуется особеннымъ почетомъ въ Англіи, благодаря капитальному сочиненію объ англійскихъ системахъ морали, написанному, по словамъ Фулье, на двадцатомъ году жизни. Гюйо былъ и даровитымъ поэтомъ; многія изъ стихотвореній его, собранныхъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Vers d'un philosophe", поражаютъ глубиною и точностью идей, красотою и изяществомъ образовъ, легкостью и мягкостью формы,—какъ можно видѣть изъ образчиковъ, приводимыхъ Фулье въ большомъ количествѣ. Идеалистъ въ душѣ, горячій искатель истины, поклонникъ прекраснаго въ жизни и въ искусствѣ, Гюйо былъ въ то же время убѣжденнымъ приверженцемъ строго-положительнаго направленія въ наукѣ. Признавая сущность теоріи развитія, предложенной Дарвиномъ и Спенсеромъ, онъ переработалъ ее вполнѣ самостоятельно и убѣдительно доказалъ несостоятельность нѣкоторыхъ выводовъ англійскаго соціолога по отношенію къ основамъ нравственности. Не довольствуясь критикою, онъ пытался построить новую стройную доктрину на научныхъ началахъ. „Рядъ его работъ, слишкомъ рано прерванныхъ смертью,—говоритъ Фулье,—воплощаетъ собою усиліе нашего поколѣнія возсоздать по новому плану то, что̀ было черезъ-чуръ поспѣшно поколеблено критикою". Гюйо въ ранней юности увлекался идеализмомъ Платона и Канта; исходною точкою служило ему міросозерцаніе, до котораго другіе съ трудомъ доходятъ гораздо позднѣе. Симптомы роковой болѣзни, которая впослѣдствіи

свела его въ могилу, побудили его поселиться на югѣ, у береговъ Средиземнаго моря; тамъ онъ торопился работать съ удвоенною энергіею и въ короткое время приготовилъ къ печати нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій, упрочившихъ его извѣстность и авторитетъ въ ученомъ мірѣ. Болѣзненное состояніе, исходъ котораго былъ для него ясенъ, нисколько не нарушало гармоніи его философскихъ воззрѣній и не порождало въ немъ наклонности къ пессимизму; оно только придавало его размышленіямъ оттѣнокъ поэтической грусти.

Господствующею идеею Гюйо была идея жизни, какъ источника и общаго принципа морали, религіи и искусства: жизнь, по самой своей природѣ, заключаетъ въ себѣ начало естественной экспансивности, плодотворнаго общенія и взаимодѣйствія, такъ что индивидуальная точка зрѣнія вовсе не находится въ антагонизмѣ съ соціальною, а напротивъ получаетъ въ ней свое высшее развитіе и удовлетвореніе. Гюйо старался рельефно выставить и объяснить „общественную сторону человѣческой личности", столь долго пренебрегаемую въ ученіяхъ матеріалистовъ и утилитаристовъ прежняго времени. Чѣмъ интензивнѣе и сознательнѣе наша личная жизнь, тѣмъ больше мѣста занимаетъ въ ней элементъ соціальный, коллективный; наши чувства и наслажденія рѣдко остаются узко-личными. Индивидуальное существованіе неразрывно сливается съ общественнымъ, и обѣ стороны жизни составляютъ въ человѣкѣ нѣчто цѣльное и единое. Соціальный характеръ личной жизни и личныхъ идеаловъ становится все болѣе преобладающимъ по мѣрѣ умственнаго и нравственнаго развитія людей. Это представленіе переносится Гюйо въ область эстетики, этики и религіи; въ его глазахъ прекрасное есть высшая жизнь, непосредственно чувствуемая въ ея дѣятельной экспансивности, въ ея проявленіяхъ, одновременно личныхъ и соціальныхъ; нравственность есть жизнь желаемая и искомая; религія есть высшая жизнь, мечтаемая, рисующаяся намъ въ формахъ всемірнаго общенія совѣсти.

Взгляды Гюйо на искусство, изложенные въ трактатѣ: „Les problèmes de l'esthétique contemporaine", извѣстны отчасти русскимъ читателямъ. Искусство, по автору, имѣетъ и должно имѣть соціальную основу; самое полное и возвышенное эстетическое чувство коренится въ нашей общественной природѣ и, сохраняя свою независимость, остается тѣсно связанною съ сущностью морали и истинной религіи. Гюйо считалъ особенно важнымъ въ нашу эпоху нравственнаго разлада и индифферентизма напомнить о моральномъ и общественномъ призваніи искусства, замѣнить преклоненіе предъ формою культомъ идеи и указать на глубокое и жизненное значеніе прекраснаго. Въ этомъ смыслѣ искусство имѣетъ свою самостоятельную цѣль и свою

культурную миссію. Если искусство существуетъ само для себя, то это вовсе не потому, что оно ограничивается игрою воображенія и культивируетъ форму для формы, а только потому, что оно имѣетъ въ себѣ нравственное и соціальное содержаніе, составляющее его внутреннюю жизнь и проявляемое въ формахъ выразительныхъ, яркихъ и живыхъ. „Еслибы искусство было только игрою, то можно было бы опасаться, что оно исчезнетъ подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія науки и промышленной техники; но если оно выражается, напротивъ, въ серьезномъ отношеніи къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, если его высшая цѣль заключается въ томъ, чтобы заставить сильнѣе биться человѣческое сердце, то искусство всегда будетъ связано съ нравственнымъ и матеріальнымъ существованіемъ человѣчества".

Наибольшее научное значеніе имѣютъ труды Гюйо по вопросамъ морали. Въ сочиненіи: „La morale anglaise contemporaine" онъ высказалъ и подробно развилъ то важное положеніе, что всякій инстинктъ, становясь сознательнымъ, стремится къ разложенію и гибели. Если нравственность есть только инстинктъ, побуждающій личность жертвовать собою для сохраненія вида, какъ учатъ Дарвинъ и Спенсеръ, то она будетъ разлагаться уже подъ вліяніемъ этого сознанія своего происхожденія. „Сознательная мысль, дѣйствуя въ подобномъ направленіи, будетъ относиться къ нравственному чувству такъ же точно, какъ и къ инстинкту, заставляющему мать кормить своего ребенка и побуждающему человѣка строить себѣ жилище,—эти задачи, подъ вліяніемъ сознанія, поручаются уже другимъ, безъ стѣсненій; люди будутъ задаваться вопросами, откуда является и куда ведетъ нравственный инстинктъ, въ чемъ его принципъ и цѣль: если цѣль покажется имъ удобною, они послѣдуютъ внушенію инстинкта; если нѣтъ, они отвергнутъ его безъ всякихъ угрызеній совѣсти. Многіе найдутъ очень выгоднымъ для себя—если нравственность есть только инстинктъ—дѣйствовать по отношенію къ нему, какъ относительно инстинкта кормленія или строительства; они предоставятъ другимъ заботу объ обезпеченіи соціальнаго быта и ихъ собственной жизни посредствомъ морали; они сбросятъ на плечи другихъ эту соціальную функцію—добродѣтель. Пусть тѣ,— скажутъ они,— у которыхъ нравственный инстинктъ сохранилъ свою полную силу, не сдѣлавшись еще сознательнымъ, позаботятся объ общественной жизни; мы же воспользуемся этимъ и займемся исключительно нашею личною жизнью, какъ предписываетъ законъ существованія". Это возраженіе подало поводъ къ полемикѣ со стороны англійскихъ и нѣкоторыхъ французскихъ теоретиковъ. Критика эволюціонной системы морали предпринята была Гюйо еще до появленія книги Спенсера о нравственности, и самъ Спенсеръ заявилъ печатно, что эта попытка изло-

жить и разобрать его взгляды, не приведенные въ систему имъ самимъ и высказанные мимоходомъ въ разныхъ его сочиненіяхъ, должна быть признана во всякомъ случаѣ достойною удивленія. „Я могу сказать по правдѣ и безъ тѣни лести (что совершенно чуждо моей натурѣ),—писалъ автору Спенсеръ,—что вы сдѣлали этотъ очеркъ лучше, чѣмъ я сдѣлалъ бы его самъ. Мало того, способъ, какимъ вы сблизили и сопоставили нѣкоторые элементы доктрины, помогъ освѣтить ее въ другомъ видѣ, а не въ томъ, какъ представлялась она мнѣ до сихъ поръ, и далъ возможность болѣе полной ея провѣрки". Не соглашаясь съ воззрѣніями Гюйо, англійскіе теоретики (какъ, напр., Поллокъ) признали его трудъ въ высшей степени цѣннымъ и талантливымъ, не имѣющимъ себѣ равнаго въ новѣйшей литературѣ самой Англіи.

Съ большимъ интересомъ читается въ книгѣ Фулье изложеніе двухъ дальнѣйшихъ книгъ Гюйо—„Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction" и „Irréligion de l'avenir". Эти поучительныя сочиненія, также точно, какъ и этюды о „Воспитаніи въ связи съ наслѣдственностью" и объ „Искусствѣ съ соціологической точки зрѣнія", проникнуты тѣмъ здоровымъ, практическимъ и благотворнымъ идеализмомъ, который составляетъ вообще характерную черту научной дѣятельности Гюйо. Къ глубинѣ и логической послѣдовательности анализа присоединяется у него еще изящная литературная форма, живое изложеніе и остроуміе,— достоинства довольно существенныя для работъ, предназначенныхъ не для однихъ спеціалистовъ и относящихся къ предметамъ общаго интереса. Нельзя также не повторить, что замѣчено уже нами выше,—что не всякому выдающемуся писателю удается имѣть такого безпристрастнаго, компетентнаго и искуснаго излагателя, какъ Альфредъ Фулье.

II.

La guerre et la société, par le général *Jung*. Paris, 1889.

Генералъ Юнгъ, авторъ извѣстной книги о Наполеонѣ, пожелалъ связать спеціально-военные вопросы съ задачами науки вообще и соціологіи въ частности; въ результатѣ получилось нѣчто неопредѣленное, сбивчивое и крайне претенціозное. Этотъ трудъ, какъ говоритъ самъ авторъ, — „обнимаетъ все, такъ какъ онъ все затрогиваетъ: онъ становится невольно синтезомъ нравственнаго и соціальнаго существованія человѣка... Я пытался воздвигнуть какъ бы Эйффелевскую башню человѣческаго знанія. Восхожденіе по ней, можетъ быть, затруднительно; но зато спускаться будетъ легко. Употреб-

ленный мною методъ позволилъ мнѣ, впрочемъ, отвести наукѣ войны подобающее ей мѣсто въ соціальной наукѣ, этой гигантской совокупности всѣхъ пріобрѣтеній прошлаго".

Авторъ не только считаетъ войну предметомъ истинной науки, но признаетъ ее главною отраслью знаній и обязательною цѣлью всѣхъ общественныхъ успѣховъ; миръ является для него только приготовленіемъ къ войнѣ и имѣетъ въ его глазахъ лишь служебное значеніе, подобно отдыху передъ работою или послѣ нея. Настоящій трудъ человѣческихъ обществъ заключается во взаимной борьбѣ, для которой подготовляются орудія и способы въ мирное время—время относительнаго отдыха и выжиданія. Попытка автора связать войну съ вопросами научной логики и соціологіи производитъ довольно странное впечатлѣніе. Онъ различаетъ двѣ родственныя и связанныя между собою науки—науку мира и науку войны. Война есть „способъ человѣческой эволюціи"; она всегда существовала и потому должна будто бы всегда существовать. Она есть „постоянный агентъ того прогресса, границы котораго мы опредѣлить не можемъ, и котораго дѣйствіе превосходитъ всѣ предположенія лицъ, претендующихъ на управленіе дѣлами человѣчества". Она „проявляется во всемъ и повсюду; она имѣетъ свое начало въ политикѣ и представляетъ собою верховное судебное рѣшеніе". Такъ какъ она есть фактъ всеобщій, исконный, политическій, моральный и юридическій, то слѣдовательно, заключаетъ Юнгъ, она есть наука. Къ сожалѣнію, логичность этого силлогизма остается весьма сомнительною для профановъ. Какой-нибудь противникъ войны могъ бы отвѣтить на эту аргументацію другою, столь же убѣдительною: убійства и преступленія всегда существовали; они вытекаютъ изъ политическаго, моральнаго и юридическаго состоянія общества, а потому они составляютъ науку. Конечно, мы не сравниваемъ войну съ преступленіями; но логика въ обоихъ случаяхъ была бы одинакова. Авторъ приводитъ обыкновенно разныя изреченія, цитаты и отрывочныя историческія свѣденія или, вѣрнѣе, анекдоты, безъ всякой системы и послѣдовательности, безъ указанія источниковъ, а затѣмъ дѣлаетъ свой выводъ, иногда совершенно неожиданный и нисколько не вытекающій изъ предыдущаго; иногда, наоборотъ, обобщенія, столь же произвольныя, предшествуютъ фактамъ, которыми они будто бы подтверждаются.

Наука войны есть, по теоріи Юнга, первый факторъ соціальной науки; вторымъ ея факторомъ оказывается наука мира, которая также есть способъ человѣческаго развитія, или эволюціи. Генералъ Юнгъ разсуждаетъ о соціологіи весьма своеобразно; онъ быстро, по военному, рѣшаетъ ея судьбу, причемъ дѣлаетъ случайныя выдержки

изъ случайно попавшихся авторовъ, въ родѣ Дюмона, „сэра“ Спенсера и сенатора Мишо; въ одномъ мѣстѣ упоминается и имя Льва Толстого, хотя неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ и по какому поводу. Съ точки зрѣнія автора, народы и государства могутъ находиться только въ двухъ состояніяхъ—борьбы и отдыха, войны и мира, подобно тому, какъ отдѣльные люди переходятъ отъ сна къ бодрствованію, отъ отдыха къ дѣятельности. Это часто повторяемое Юнгомъ сравненіе войны съ трудомъ, и мира съ бездѣйствіемъ или сномъ, едва ли покажется правдоподобнымъ даже самымъ рѣшительнымъ поклонникамъ и проповѣдникамъ войны. Впрочемъ самъ авторъ замѣчаетъ, что полнаго мира или бездѣйствія не бываетъ, такъ какъ и во снѣ человѣческій организмъ продолжаетъ дѣйствовать въ извѣстной степени.

Доказывая научный характеръ войны и первенствующее ея значеніе для общества, Юнгъ устанавливаетъ кстати свою собственную классификацію наукъ и подробно излагаетъ ея схему въ особой таблицѣ, въ которой трудно, однако, добраться до какого-нибудь серьезнаго смысла. Приступивъ, наконецъ, къ предмету своей спеціальности—къ „наукѣ войны“, т.-е. къ вопросамъ о составѣ, организаціи и обученіи войскъ, авторъ является уже вполнѣ на своемъ мѣстѣ, во второй части книги. Онъ высказываетъ по этимъ вопросамъ много любопытныхъ соображеній и практическихъ замѣчаній, которыя могутъ, вѣроятно, заинтересовать военныхъ спеціалистовъ.

Безъ сомнѣнія, трудъ генерала Юнга могъ бы только выиграть въ глазахъ читателей, еслибы авторъ не увлекся странною мыслью построить мимоходомъ, на скорую руку, „Эйффелевскую башню человѣческаго знанія“ и оставилъ бы въ сторонѣ злосчастную соціологію, любимую науку или, вѣрнѣе, жертву всѣхъ профановъ.

III.

Comte de Chaudordy. La France en 1889. Paris, 1889.

Графъ Шодорди недоволенъ современнымъ политическимъ состояніемъ Франціи, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ, и это недовольство онъ подробно мотивируетъ въ книгахъ и брошюрахъ, составленныхъ отчасти монотонно и вяло. По поводу столѣтняго юбилея революціи и нынѣшней парижской выставки онъ вновь повторяетъ извѣстные всѣмъ факты и взгляды, только въ болѣе систематическомъ порядкѣ. Указывая на разные грѣхи республиканцевъ, онъ не скрываетъ отъ себя также прегрѣшеній консерваторовъ, не

съумѣвшихъ воспользоваться своимъ пребываніемъ во власти при Макъ-Магонѣ для созданія прочнаго умѣреннаго правительства подъ фирмою республики. По мнѣнію Шодорди, монархисты могли бы оказать большія услуги странѣ, благодаря своему политическому опыту и традиціямъ; они не допустили бы тѣхъ увлеченій и промаховъ, въ которыхъ провинились республиканцы, хотя и послѣдніе имѣютъ за собою уже опытъ цѣлаго поколѣнія, съ 1871 года. „Люди, управлявшіе государствомъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,—говоритъ авторъ,—разстроили дѣла внутри, подъ предлогомъ реформъ, и ихъ работа должна быть передѣлана заново; извнѣ—они поссорили насъ съ Италіею, не съумѣли сохранить согласіе съ Англіею и дважды рисковали измѣнить хорошія отношенія съ Россіею. Неспособность этихъ правителей надоѣла, наконецъ, Франціи, подавленной налогами, впутанной въ неудачныя колоніальныя предпріятія и необезпеченной въ своемъ внѣшнемъ положеніи. Предстоящіе всеобщіе выборы даютъ ей благопріятный случай высказаться". Шодорди боится не безъ основанія, что отвѣтъ народа не будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ и разсчетамъ умѣренныхъ партій. Избиратели могутъ опять увлечься генераломъ Буланже, возвышеніе котораго авторъ считаетъ дѣломъ безцеремонной и шарлатанской рекламы. Чтобы предупредить эту опасность, онъ предлагаетъ заранѣе поставить во главѣ государства одного изъ авторитетныхъ и популярныхъ генераловъ, на мѣсто президента Карно, который долженъ будто бы изъ патріотизма добровольно уступить свой постъ новому, неизвѣстному еще военному кандидату. Тогда установится будто бы твердая власть, противъ которой окажется безсильнымъ Буланже, и агитація его приверженцевъ сама собою прекратится. Нечего и говорить, что эта мысль о добровольномъ устройствѣ президентскаго кризиса для противодѣйствія генералу Буланже не имѣетъ въ себѣ ничего серьезнаго. Что́ касается недостатковъ французскаго парламентскаго режима, то противъ нихъ авторъ имѣетъ другое лекарство, на которое одинаково разсчитываютъ представители различныхъ оппозиціонныхъ партій: онъ совѣтуетъ измѣнить конституцію въ духѣ сѣверо-американскихъ порядковъ, причемъ министры зависѣли бы только отъ президента и не принадлежали бы къ составу палаты депутатовъ. Понятно, что подобныя перемѣны не могли бы устранить перемѣнчивость общественнаго мнѣнія и предупредить политическіе кризисы въ той или другой формѣ, пока не измѣнились національныя свойства французовъ, ихъ понятія, нравы и стремленія.

Оцѣнка политическихъ дѣлъ Франціи въ книгѣ Шодорди имѣетъ характеръ историческихъ и фактическихъ обзоровъ, съ соотвѣтствен-

ными комментаріями. Второй отдѣлъ, посвященный внѣшней политикѣ, заключаетъ въ себѣ мало новаго. Извѣстно, что авторъ стоитъ одновременно за соглашеніе съ Англіею и союзъ съ Россіею, при сохраненіи дружбы съ другими державами и въ томъ числѣ съ „старымъ другомъ“ Франціи—Турціею.

Въ приложеніи напечатанъ документъ, не лишенный интереса,—подробный отчетъ о разговорѣ съ княземъ Бисмаркомъ въ ноябрѣ 1879 года, по поводу отношеній Германіи къ Австро-Венгріи и Россіи. Канцлеръ обстоятельно изложилъ французскому дипломату причины, побудившія его вступить въ сдѣлку съ вѣнскимъ кабинетомъ; при этомъ онъ передавалъ такія чисто-личныя детали относительно русскаго правительства и сношеній послѣдняго съ императоромъ Вильгельмомъ, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ подлинной точности разсказа. Между прочимъ, князь Бисмаркъ заявилъ своему собесѣднику, что, „отнявъ у васъ (французовъ) Метцъ и часть Лотарингіи, императоръ и военные совѣтники, внушившіе ему это рѣшеніе, совершили величайшую политическую ошибку“. Совершенно неправдоподобно, чтобы германскій канцлеръ отзывался такимъ образомъ о рѣшеніяхъ императора Вильгельма, въ разговорѣ съ иностраннымъ дипломатомъ и еще съ французскимъ, если даже допустить фактъ, что присоединеніе Метца состоялось безъ участія и согласія князя Бисмарка. Такъ какъ графъ Шодорди не указываетъ источника, откуда взятъ обнародованный имъ документъ и съ кѣмъ происходила приводимая въ немъ бесѣда князя Бисмарка, то сомнѣнія въ основательности означеннаго отчета вполнѣ возможны. Впрочемъ, еслибы даже замѣчанія канцлера были переданы съ буквальною точностью, то во всякомъ случаѣ на такихъ разговорахъ ничего строить нельзя: въ данное время, подъ вліяніемъ охлажденія съ Россіею, германскій канцлеръ считалъ нужнымъ сблизиться съ французскою дипломатіею и для этой цѣли могъ прибѣгнуть къ своему обычному пріему—къ откровенности, способной озадачить и подкупить вчерашняго противника.—Л. С.

ИДЕАЛИЗМЪ САЛТЫКОВА.

Историко-литературныя воспоминанія.

Въ первыя минуты великихъ утратъ является всегда усиленная потребность воспоминанія, желаніе еще разъ возсоздать передъ собой замѣчательную личность, которая такъ увлекала и поражала насъ своею дѣятельностью. Печать наполняется біографическими разсказами, анекдотическими чертами, рисующими личный характеръ, обзорами произведеній любимаго писателя,—и тѣмъ не менѣе бываетъ иногда очень трудно, даже невозможно удовлетворить этому законному интересу. Біографія вообще не есть дѣло первой минуты послѣ того, какъ только-что завершилась жизнь великаго дѣятеля, особливо писателя, и особливо—русскаго писателя. Біографія требуетъ простора, котораго не можетъ быть въ условіяхъ, еще не измѣнившихся съ той поры, когда писатель дѣйствовалъ,—не можетъ быть среди вражды, которая, начавшись съ его первыхъ опытовъ, не прекращалась до послѣднихъ дней его, уже славной, дѣятельности. Въ печати были приведены, и довольно извѣстны, главныя черты внѣшней біографіи Салтыкова; явились разсказы, изображавшіе его какъ человѣка или по крайней мѣрѣ старавшіеся дать нѣкоторыя выдающіяся черты его личности; но безъ сомнѣнія это только слабые очерки и личнаго характера, и дѣятельности Салтыкова. Это былъ характеръ очень сложный, и требуется много объясненій историческихъ и психологическихъ, чтобы стали понятны его особенности; какъ потребуется много объясненій изъ нашей исторіи общественной, чтобы раскрылось все значеніе подъятаго имъ литературнаго подвига.

Салтыковъ потребуетъ изученія и, конечно, найдетъ его. Будущій біографъ соберетъ факты его внѣшней жизни, постарается раскрыть психологическія основы его дарованія и пути его развитія, нарисуетъ обстановку, укажетъ источники его послѣдующей литературной дѣятельности и т. д. Это—дѣло близкаго или неблизкаго будущаго; но теперь еще многимъ очень памятна его дѣятельность и онъ представляется еще какъ живой человѣкъ, и когда самое дѣло его завершено лишь незадолго до его кончины, насъ влечетъ другая задача: собрать свои впечатлѣнія о замѣчательномъ явленіи, совершавшемся передъ нами, выяснить себѣ, насколько возможно, его историческій и современный смыслъ, чтобы возсоздать передъ собой эту рѣдкую личность и должнымъ образомъ сознать значеніе его дѣла.

Литературная дѣятельность Салтыкова, постоянная, почти непрерывавшаяся, открылась съ 1856 года, но началась она гораздо раньше: первые разсказы явились въ 1847 и 1848 годахъ. Одинъ изъ нихъ („Противорѣчія“) онъ самъ предалъ забвенію; другой („Запутанное дѣло“) онъ послѣ повторилъ въ „Невинныхъ разсказахъ“. Но еще раньше, съ 1841—1842 года, когда Салтыковъ былъ еще на школьной скамьѣ лицея, печатались его стихотворенія въ „Библіотекѣ для чтенія“ и въ Плетневскомъ „Современникѣ“. Это были, конечно, вполнѣ юношескія стихотворенія, но они любопытны какъ свидѣтельство того, какъ рано влекла его къ себѣ литература, интересы которой всегда для него были такъ дороги и мысль о которой не покидала его до послѣднихъ минутъ, пока онъ въ состояніи былъ держать въ рукахъ перо. Это было почти полъ-столѣтія любви къ родной литературѣ и неустаннаго труда на ея полѣ.

Что было результатомъ этого труда—очень извѣстно тому русскому читателю, въ существованіи котораго Салтыковъ сомнѣвался и который, однако, несомнѣнно существуетъ. Слишкомъ извѣстно, какъ со второй половины 50-хъ годовъ и до первыхъ мѣсяцевъ нынѣшняго года, когда онъ, предчувствуя смерть, поставилъ слово „конецъ“ въ послѣдней главѣ „Пошехонской Старины“,—извѣстно, какъ во все это время съ жаднымъ интересомъ читатель бросался въ журнальной книжкѣ на тѣ страницы, гдѣ былъ разсказъ Щедрина: этотъ разсказъ прочитывался прежде всего, переходилъ изъ рукъ въ руки, возбуждалъ оживленные толки. И дѣйствительно, чувствовалось всѣми, хотя далеко не всѣми сознавалось, что въ этихъ разсказахъ являлось передъ читателемъ нѣчто до тѣхъ поръ небывалое, развертывалась цѣлая громадная картина русской жизни, отъ ея верхнихъ и до низменныхъ слоевъ, картина, исполненная великимъ талантомъ, окрашенная гнѣвной сатирой, необычайнымъ остроуміемъ и изрѣдка прерванная грустнымъ лирическимъ мотивомъ.

Почитатели Салтыкова, чтобы охарактеризовать его значеніе, называли знаменитыя имена античной и новѣйшей сатиры,—Аристофана и Ювенала, Рабле, Свифта; эти сравненія могутъ указать развѣ только размѣры явленія,—и по нашему мнѣнію указываютъ ихъ безъ преувеличенія,—но, какъ большинство подобныхъ сравненій, не даютъ ближайшаго указанія о характерѣ явленія. Слишкомъ различны вѣка, общества, нравы, самое положеніе литературы. Несходны, наконецъ, и личныя настроенія. Сатира Салтыкова достопримѣчательна прежде всего своимъ неистощимымъ богатствомъ, какъ неистощимо было богатство его всегдашней обыкновенной рѣчи, исполненной своеобразнаго мѣткаго остроумія, оригинальнаго, такъ сказать неожиданнаго языка. Сатира Салтыкова, это—не рядъ нѣсколькихъ стихотвореній;

не одно, разъ созданное произведеніе; не сатира, переходящая въ чистую карикатуру и необузданный гротескъ; это—рядъ картинъ, глубоко вѣрныхъ дѣйствительности, обставленныхъ живыми типами, несомнѣнными чертами нравовъ; это—правдивыя бытовыя изображенія, которыя становятся сатирой только потому, что писатель умѣлъ ярко выставить наружу скрывающіеся мотивы этой дѣйствительности и нравовъ, и въ этой наготѣ они отталкиваютъ зрителя своимъ часто постыднымъ безобразіемъ. Личное настроеніе Салтыкова не было однимъ порывомъ, послѣ котораго писатель чувствовалъ себя удовлетвореннымъ или утомленнымъ, а затѣмъ иногда совсѣмъ забывалъ свое негодованіе и свои укоры, если (какъ и это иной разъ бывало) не успокоивался на той же самой рутинѣ, какою жило обличаемое имъ прежде общество. Настроеніе, диктовавшее Салтыкову его произведенія, длилось всю жизнь. Измѣнялись времена; въ русской жизни совершился переворотъ, смѣшавшій прежнія отношенія, принесшій съ новыми учрежденіями новые нравы,—Салтыковъ остается суровымъ наблюдателемъ, и если несомнѣнно всѣ его сочувствія были на сторонѣ новыхъ началъ, пробивавшихъ себѣ дорогу въ нашу общественную жизнь, то еще съ бо́льшимъ негодованіемъ и отрицаніемъ относился онъ къ тѣмъ извращеніямъ, которыя не замедлили проникнуть и въ новую жизнь, къ тому хищничеству, которое едва ли не сильнѣе, чѣмъ прежде, выростало на новой почвѣ, къ тому обскурантизму, который надѣялся своей интригой вернуть утраченное. Салтыковъ зорко слѣдилъ за совершавшимися событіями и за новыми нарождавшимися типами общественнаго и народнаго быта, и его разсказы, какъ уже было замѣчено его критиками, становятся цѣлою лѣтописью русской общественной жизни за послѣднія десятилѣтія. Какъ правдива была эта лѣтопись, видно изъ того, что слова Салтыкова безпрестанно вспоминались, что нарисованныя имъ лица стали нарицательными именами цѣлыхъ разрядовъ и типическихъ явленій нашего общества. Салтыковъ не увлекался, какъ значительная масса общества и литературы 50-хъ и 60-хъ годовъ, перспективами уже наступившаго будто бы прогресса и, напротивъ, въ разгарѣ оптимистическихъ ожиданій видѣлъ тревожные симптомы—и, къ сожалѣнію, не обманывался. Онъ усматривалъ, или чувствовалъ, возникавшій обманъ, и его картины не разъ были предвидѣніями.

Появленіе великихъ умовъ и талантовъ составляетъ загадку для общественной психологіи; но исторія указываетъ столько фактовъ, что съ возникающими историческими задачами совпадаетъ и появленіе людей, которые становятся ихъ исполнителями,—что давно уже составился фаталистическій взглядъ объ ихъ необходимо совмѣстномъ нарожденіи, создалось даже извѣстное „поклоненіе героямъ“, будто

бы однимъ совершающимъ историческую работу человѣчества. Къ сожалѣнію, исторія разсказываетъ и другое: проходятъ цѣлые вѣка историческихъ ожиданій, вѣка народныхъ бѣдствій, ищущихъ исцѣленія, но герои и цѣлители не приходятъ. Но если, какъ мы сказали, бывало, что для историческихъ задачъ нарождаются и люди, ихъ совершающіе, то нѣчто подобное произошло въ нашей недавней исторіи. Готовилось и исполнилось великое преобразованіе, измѣнившее видъ и внутренній складъ нашего общества,—и въ литературѣ явился суровый, неподкупный наблюдатель, въ которомъ нашла своего выразителя лучшая сторона общественнаго мнѣнія: произведенія Салтыкова освѣщали совершавшіяся событія. За порывами къ прогрессу наступало обратное теченіе, заговорили и начали дѣйствовать приверженцы стараго безправія: совершались дѣла лицемѣрія, насилія, обскурантизма; печать бывала безсильна сказать слово настоящей правды,—и это слово не однажды говорила только сатира Салтыкова. Въ эти трудныя времена,—и онѣ были продолжительны,—сатира Салтыкова была голосомъ общественной совѣсти. Этотъ голосъ часто старались заглушить, подрывая смыслъ этой сатиры, будто бы не имѣющей идеальнаго основанія и создающей каррикатуру, смѣхъ для смѣха, отвергая ея художественныя достоинства, наконецъ прямо обвиняя Салтыкова во враждѣ къ русскому обществу и народу. Салтыковъ не отвѣчалъ никогда на эти обвиненія. Лишь въ послѣдніе годы, когда долгая и тяжкая болѣзнь окончательно подтачивала его силы и заставляла ждать недалекаго конца, онъ съ горькимъ чувствомъ оглядывался на прошедшій трудъ: этотъ трудъ казался ему непонятымъ, потеряннымъ, напраснымъ, когда кругомъ твердили, что „онъ—вредный, вредный, вредный!“ и онъ чувствовалъ себя „оброшеннымъ“. Къ счастію, онъ не былъ „оброшенъ“ — къ нему до послѣдняго времени доходили выраженія самыхъ искреннихъ сочувствій; но его горькія размышленія не были лишены основанія: и теперь, надъ свѣжей могилой, мы слышимъ грубыя ругательства или прилично изложенныя объясненія, что онъ былъ „вредный, вредный“...

Въ пору его свѣжей дѣятельности отвѣтомъ на обвиненія бывали только новыя произведенія, въ которыхъ все шире раздвигался грандіозный трудъ великаго писателя. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ талантъ Салтыкова поражалъ новыми богатствами: часто, въ прежнее время, ему приходилось одѣвать свою мысль въ нѣсколько фантастическіе образы,—негодуя на условія, дѣлающія невозможной открытую свободную рѣчь, говорить, по его собственному выраженію, езоповскимъ, рабьимъ языкомъ; однажды онъ вполнѣ воспользовался архаической формой Езоповой басни, въ своихъ „сказкахъ“, гдѣ съ

удивительнымъ мастерствомъ рисовалъ своихъ зоологическихъ героевъ и въ ихъ приключеніяхъ давалъ печальные эпизоды изъ жизни человѣческаго общества; но затѣмъ онъ покидалъ и сказку, и фантастическій шаржъ, и давалъ простыя реальныя картины, удивлявшія глубокимъ знаніемъ жизни и не разъ наполнявшія читателя, среди смѣха, негодованіемъ и ужасомъ... Произведенія Салтыкова—неизмѣримо больше, чѣмъ кого-нибудь другого изъ писателей нашего времени—будутъ не только высокими памятниками художественнаго творчества, но и драгоцѣнными историческими свидѣтельствами о внутренней жизни нашего общества за цѣлый періодъ эпохи преобразованій и эпохи реакціи.

Но если, какъ мы сказали, Салтыковъ оставался, повидимому, равнодушнымъ къ враждебнымъ нападеніямъ, на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ хладнокровенъ къ отзывамъ о своихъ произведеніяхъ; онъ не только интересовался ими, но волновался, когда въ этихъ отзывахъ была не голословная хвала или хула, а выдвигались критическія замѣчанія принципіальнаго свойства. Мы не сомнѣваемся, что въ основѣ этого волненія лежало не то узкое самолюбіе, которымъ слишкомъ часто отличается „раздражительное племя поэтовъ“,—Салтыковъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не знать цѣны своихъ непріятелей,—но забота о цѣломъ смыслѣ своей дѣятельности: въ критикѣ отражались часто взгляды значительной части общества, и онъ тревожился вопросами: былъ ли онъ правильно понятъ, достигаютъ ли цѣли тѣ усилія, какія полагалъ онъ на свой трудъ? Это была законная тревога; съ ней связана была мысль о всей его дѣятельности.

Здѣсь не мѣсто и не время говорить подробно о томъ, какъ принимались произведенія Салтыкова въ разное время и въ разныхъ слояхъ нашего общества; но возвратимся еще къ обвиненіямъ. Въ общемъ тонѣ необычайнаго успѣха, быстро созданной и оставшейся неколебимою славы, слышались съ разныхъ сторонъ опроверженія или недоумѣнія. Не говоримъ о томъ, что люди закоренѣлой рутины, прототипы изображенныхъ имъ героевъ или ихъ прямые наслѣдники и преемники, должны были ненавидѣть его; противъ него раздался однажды голосъ изъ молодого поколѣнія (это былъ голосъ Писарева), обвинявшій его, что онъ ищетъ смѣха для смѣха, и другіе отзывы, находившіе, что стрѣлы сатиры Салтыкова попадаютъ иногда не туда, куда слѣдовало, что онъ неосторожно касается предметовъ, которые требовали къ себѣ больше вниманія, наконецъ, что онъ враждебно относится къ самому народу. Тѣ или другія изъ этихъ обвиненій намъ случалось слышать до послѣдняго времени даже въ средѣ людей, умѣющихъ понимать интересы литературы; мы слышали мнѣнія, что у Салтыкова не было руководящаго міро-

воззрѣнія, не было идеала, что громадный талантъ не имѣлъ прочной основы, иногда дѣйствовалъ невѣрно.

Вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ самому существу содержанія Салтыкова. По нашему глубокому убѣжденію, эти обвиненія совершенно несправедливы, и чтобы удостовѣриться въ этомъ, надо только вникнуть въ цѣлый тонъ этого содержанія, въ личный характеръ и генетическія условія поэтическаго творчества Салтыкова.

„Я хочу только справедливости—и больше ничего", говорилъ Салтыковъ, и еслибы нужно было въ двухъ словахъ обозначить глубочайшую основу его содержанія, она выражается этими словами. Дѣйствительно, это было главное, чего искала его тревожная душа и чѣмъ направлялась его литературная дѣятельность. Человѣкъ сильнаго ума, обладавшій громадною способностью наблюденія, до величайшихъ подробностей знавшій русскую жизнь, онъ всегда оставался самъ собою, независимый въ своихъ взглядахъ, неизмѣнно послушный только своему чувству справедливости. Иные, особливо враги, называли Салтыкова человѣкомъ партіи: это было ошибочно. Напротивъ, онъ былъ именно всего менѣе человѣкъ партіи; это былъ человѣкъ единичный, иногда почти одинокій. Безъ сомнѣнія, общее основаніе его идей было то самое, какое принадлежитъ просвѣщеннѣйшимъ людямъ русскаго общества: это связало Салтыкова неразрывными узами съ тою частію общества, которая ищетъ для русскаго народа благъ просвѣщенія и общественной справедливости. Отсюда это высокое уваженіе, какимъ общество окружало великаго писателя, который сильнѣе чѣмъ кто-либо умѣлъ выразить, въ отрицательной формѣ сатиры, его задушевныя надежды или его горькое негодованіе. Но Салтыковъ никогда не былъ и по всему складу характера и дарованія не могъ быть ни главой, ни органомъ какого-либо „направленія" или „партіи". Его личное мнѣніе оставалось всегда свободно и независимо: своего творчества онъ не подчинялъ ни внѣшнему требованію, ни соображеніямъ какой-либо данной тенденціи. Не мудрено, что личный взглядъ иногда не совпадалъ съ тѣмъ, что думалось въ ту минуту въ кругу людей, общія идеи которыхъ онъ раздѣлялъ и которые имѣли если не все, то большое право считать его именно своимъ. Отсюда недовольство и даже обвиненія изъ своего круга, о которыхъ мы упоминали. Большею частію, если не всѣ, они сводятся къ недоразумѣнію. Салтыковъ негодовалъ на обвиненія въ смѣхѣ для смѣха, какъ на грубое непониманіе.

Одинъ изъ главныхъ поводовъ къ нападеніямъ противъ него подала „Исторія одного города", гдѣ въ особенности увидѣли враждебное отношеніе къ народу. Книга явилась лѣтъ 20 тому назадъ. Про-

читавши одну статью, посвященную этой книгѣ, Салтыковъ, съ которымъ мнѣ съ давнихъ временъ не однажды случалось говорить объ его произведеніяхъ, пожелалъ знать мое мнѣніе объ упомянутой статьѣ и высказалъ самъ свои мысли о тѣхъ замѣчаніяхъ, какія были ему сдѣланы. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго письма. Полагаемъ, что это не будетъ „нарушеніемъ воли"; думаемъ, напротивъ, что это скорѣе исполнитъ его волю, потому что поможетъ намъ бросить нѣкоторый свѣтъ на смыслъ его произведеній, разъясненіе котораго было всегда его особенной заботой. Среди воспоминаній, посвящаемыхъ ему въ настоящую минуту, пусть послышатся и его собственныя слова.—Обращаемся къ его письму 1871 года.

„Исторія одного города" разсматривалась какъ историческая сатира. Салтыковъ рѣшительно возстаетъ противъ такого толкованія:

„Взглядъ на мое сочиненіе, какъ на опытъ исторической сатиры, совершенно невѣренъ,—писалъ онъ,—мнѣ нѣтъ никакого дѣла до исторіи, и я имѣю въ виду лишь настоящее. Историческая форма разсказа была для меня удобна потому, что позволяла мнѣ свободнѣе обращаться къ извѣстнымъ явленіямъ жизни. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но во всякомъ случаѣ ошибаюсь совершенно искренно, что тѣ же самыя основы жизни, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ, существуютъ и теперь. Слѣдовательно, „историческая" сатира вовсе не была для меня цѣлью, а только формою. Конечно, для простого читателя не трудно ошибиться и принять историческій пріемъ за чистую монету, но критикъ долженъ быть прозорливъ и не только самъ угадать, но и другимъ внушить, что Парамоша совсѣмъ не Магницкій только, но вмѣстѣ съ тѣмъ и NN. И даже не NN, а всѣ вообще люди извѣстной партіи, и нынѣ не утратившей своей силы.

„Разсказъ отъ имени архиваріуса я тоже веду лишь для бо́льшаго удобства, и дорожу этой формой лишь настолько, насколько она даетъ мнѣ больше свободы. Вообще я выработалъ себѣ такое убѣжденіе, что никакою формою стѣсняться не слѣдуетъ, и замѣтилъ, что въ сатирѣ это не только не безобразно, но иногда даже не безъэффектно.

„Упрекъ въ „смѣхѣ ради смѣха" вышелъ въ первый разъ отъ Писарева и имѣлъ источникомъ личное его враждебное ко мнѣ чувство. Съ тѣхъ поръ, всякій, кто на меня разсердится, поднимаетъ эту штуку, и такъ какъ эта штука дешевая, то танцовать на ней можно сколько угодно. Еслибъ мнѣ было доказано, что я предаю осмѣянію явленія почтенныя или нестоющія вниманія, я, навѣрное, прекратилъ бы дѣятельность столь идіотскую... Я, благодаря моему

Создателю, могу каждое мое сочиненіе объяснить, противъ чего они направлены, и доказать, что они именно направлены противъ тѣхъ проявленій произвола и дикости, которыя каждому честному человѣку претятъ. Такъ, напримѣръ, градоначальникъ съ фаршированной головой означаетъ не человѣка съ фаршированной головой, но именно градоначальника, распоряжающагося судьбами многихъ тысячъ людей. Это даже не смѣхъ, а трагическое положеніе. Гулящія дѣвки, которыя другъ у друга отнимаютъ бразды правленія, тоже едва ли смѣхъ возбуждаютъ, то-есть могутъ возбуждать его лишь въ гоголевскомъ мичманѣ... Изображая жизнь, находящуюся подъ игомъ безумія, я разсчитывалъ на возбужденіе въ читателѣ горькаго чувства, а отнюдь не веселонравія. Достигъ ли я этого результата, это вопросъ иной.

„Наконецъ, обвиняютъ меня въ глумленіи надъ народомъ... Напр., въ статьѣ „о корени происхожденія“ [1]), гдѣ поименовываются головотяпы, моржеѣды и др. племена въ этомъ родѣ... Обратитесь къ Далю и Сахарову и увидите, что это племена мною не выдуманныя, но суть названія, присвоенныя жителямъ городовъ Россійской имперіи. Головотяпы—егорьевцы, гужеѣды—новгородцы и т. д. Если ужъ самъ народъ такъ себя честитъ, то тѣмъ болѣе права имѣетъ на это сатирикъ. Затѣмъ, что́ касается до моего отношенія къ народу, то мнѣ кажется, что въ словѣ: „народъ“ надо отличать два понятія: народъ историческій и народъ, представляющій собою извѣстную идею... Первому, выносящему на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ, Бурчеевыхъ и т. п., я, дѣйствительно, сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовалъ и всѣ мои сочиненія полны этимъ сочувствіемъ. Я въ первый разъ слышу подобный упрекъ“.

Нужны ли дальнѣйшія объясненія послѣ „Пошехонской Старины“? Если Салтыкову были антипатичны столько же въ народной массѣ, сколько и въ самомъ обществѣ ихъ вопіющіе и не подлежащіе никакому сомнѣнію недостатки—умственная лѣнь, тупая вражда къ просвѣщенію, непониманіе общественныхъ интересовъ, огрубѣніе, доходящее до дикости, то какимъ глубокимъ чувствомъ соболѣзнованія проникнуто это послѣднее произведеніе Салтыкова, которое останется, вѣроятно, навсегда самой вѣрной, глубокой и потрясающей картиной эпохи крѣпостного права.

Гдѣ же источники общественнаго міровоззрѣнія Салтыкова? Мы сказали, что при всѣхъ сочувствіяхъ, общихъ ему съ лучшими людьми нашего общества отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ, было въ его

[1]) Въ „Исторіи одного города“.

взглядахъ нѣчто особенное, своеобразное и независимое. Мы объяснимъ это себѣ, если вспомнимъ первую юношескую пору развитія Салтыкова. Въ немъ мы видѣли передъ собой одинъ изъ благороднѣйшихъ остатковъ 40-хъ годовъ, именно той стороны этой замѣчательной эпохи, когда увлеченія отвлеченной философіей смѣнились жгучимъ интересомъ къ вопросамъ общественнымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Сама дѣйствительность была такова, что мыслящіе люди не находили въ ней мѣста и дѣла: единственнымъ исходомъ была литература. Дѣйствительность или забывалась этими людьми, или производила на нихъ только отталкивающее дѣйствіе: они уходили въ книгу, въ размышленіе, въ тѣ глубокіе, почти безграничные вопросы объ общественныхъ судьбахъ человѣчества, гдѣ отыскивался въ будущемъ идеалъ лучшаго строя съ господствомъ свободы и справедливости. То было время усиленнаго броженія въ жизни европейскаго Запада, и отголоски его доходили къ намъ въ цѣлой литературѣ, состоявшей изъ протеста и полу-фантастическихъ идеаловъ. Эти идеалы бывали даже вполнѣ фантастическими, и они не имѣли бы дѣйствія, еслибы не были создаваемы пламенными мечтами о благѣ человѣчества и не были, кромѣ того, сильны сопровождавшею ихъ критикой существующаго порядка вещей.

Салтыковъ несомнѣнно не остался чуждъ этому движенію, не въ томъ смыслѣ, чтобы самъ онъ сталъ адептомъ этихъ ученій, но въ томъ смыслѣ, что онѣ подѣйствовали на него какъ глубокое, жизненное идеалистическое возбужденіе. Салтыковъ былъ 22-хъ-лѣтній юноша, когда писалъ „Запутанное Дѣло“: по этому разсказу видно, что этотъ юноша, съ тѣмъ сильнымъ и здравымъ умомъ, который уже тогда его отличалъ, съумѣлъ отнестись критически къ мечтательнымъ крайностямъ этихъ ученій; но изъ того же разсказа видно, что его собственныя мысли витали въ этой области. Несомнѣнное дарованіе, сквозящее въ этомъ первомъ или почти первомъ произведеніи, нашло въ этой области далекаго идеала основу общественныхъ воззрѣній. Талантъ Салтыкова не искалъ дороги, она была найдена съ перваго раза, и съ тѣхъ поръ, какъ въ пору зрѣлаго мужества онъ возобновилъ, въ новое царствованіе, свою литературную дѣятельность, начиная съ „Губернскихъ Очерковъ“ и кончая „Пошехонской Стариной“, онъ шелъ однимъ неизмѣннымъ путемъ, изображая жизнь, угнетаемую, по его выраженію, „игомъ безумія“, его сатира переходила въ трагедію, и въ глубинѣ его мрачныхъ картинъ свѣтился вынесенный изъ юности и бережно сохраненный идеалъ добра, справедливости и просвѣщенія.

15-го мая 1889 г. А. Пыпинъ.

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА

М. Е. САЛТЫКОВА

(мартъ—апрѣль 1889 г.).

Отъ редакціи. — На долю нашего журнала выпало послѣднее пятилѣтіе (ноябрь 1884—мартъ 1889 г.) изъ всей продолжительной, болѣе чѣмъ сорокалѣтней литературной дѣятельности Михаила Евграфовича Салтыкова [1]). Въ началѣ осени 1884 г. онъ обратился къ намъ съ первою статьею, которая должна была служить началомъ цѣлой серіи, озаглавленной имъ: „Пестрыя письма". Первое письмо, объемомъ не болѣе полулиста, было собственно письмомъ въ редакцію, гдѣ, повидимому, съ добродушнымъ, но, тѣмъ не менѣе, горькимъ юморомъ, авторъ самъ разсказалъ эпизодъ изъ своей собственной жизни; это письмо можно считать потому отрывкомъ изъ автобіографіи автора, а для насъ оно было „первою его страницею" въ на-

---

[1]) Родился 15-го января 1826 г., въ с. Спасъ-Уголъ, калязинскаго уѣзда, тверской губерніи; скончался въ С.-Петербургѣ 28-го апрѣля 1889 г., и погребенъ, согласно выраженному имъ письменно желанію, на Волковомъ кладбищѣ, „около могилы Тургенева". Десяти лѣтъ отъ роду, въ 1836 г., М. Е. Салтыковъ былъ опредѣленъ въ московскій дворянскій институтъ, а въ 1838 г. переведенъ въ царскосельскій лицей, откуда вышелъ въ 1844 г.,—по переводѣ лицея въ его настоящее помѣщеніе въ Петербургѣ. Еще на школьной скамьѣ, въ 1840 г., онъ напечаталъ первое стихотвореніе въ „Библ. для Чтенія", и продолжалъ потомъ въ 1843—44 гг. печатать свою юношескую поэзію въ „Современникѣ", П. А. Плетнева. По выходѣ изъ лицея, съ 1844 по 1848 г., онъ служилъ въ канцеляріи военнаго министерства, и въ 1847 г. напечаталъ свой первый опытъ въ прозѣ: „Противорѣчіе", а затѣмъ, въ мартѣ 1848 г., разсказъ: „Запутанное дѣло" (въ „Отеч. Зап." А. А. Краевскаго), что̀ послужило причиною того, что 28-го марта того же года Салтыковъ оставилъ Петербургъ: его перевели на службу въ Вятку, гдѣ онъ прожилъ до 1855 г., служа при губернаторѣ. Въ 1855 г., онъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ и оставался на службѣ до іюля 1868 года. Съ временемъ возвращенія его въ Петербургъ совпадаетъ и возобновленіе имъ литературной дѣятельности, которую съ тѣхъ поръ онъ уже не прерывалъ до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни: въ 1856 г. началось печатаніе „Губернскихъ очерковъ" въ „Русскомъ Вѣстникѣ", подписанныхъ псевдонимомъ „Н. Щедринъ", повторявшимся потомъ на всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ Салтыкова; съ 1860 г. по 1866 г. произведенія его помѣщались въ „Современникѣ», Некрасова; съ 1868 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ", подъ новой ихъ редакціей Некрасова, до 1878 г., а съ 1878 г. и до 1884 г.—подъ редакціей самого Салтыкова; съ 1884 г. —въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ и были помѣщены: I) *Пестрыя письма*, нояб. и дек. 1884 г; янв., февр., мартъ, апр. и іюнь 1885 г.; сент. и окт. 1886 г.—II) *„Мелочи жизни"*, нояб. и дек. 1886 г.; янв., февр., мартъ и апр. 1887 г.—III) *„Счастливецъ"*, этюдъ: іюнь 1887 г. — IV) *„Пошехонская Старина"*, окт., нояб. и дек. 1887 г.; мартъ, апр., сент., окт., нояб. и дек. 1888 г.; янв. февр. и мартъ 1889 г.

шемъ журналѣ; приведемъ изъ этой своеобразной автобіографіи небольшой отрывокъ въ извлеченіи [1]):

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—пишетъ Салтыковъ,—я совершенно неожиданно лишился употребленія языка. Не то, чтобъ даръ слова совсѣмъ оставилъ меня, но языкъ мой сдѣлался способенъ произносить только служительскія слова. „Чего изволите", „какъ прикажете", „не погубите!"—вотъ и все. А прежде я говаривалъ довольно-таки смѣло. Напримѣръ: „коли я ничего не сдѣлалъ, стало быть, и бояться мнѣ нечего"; или: „коли я никого не трогаю, стало быть, и меня никто не тронетъ"... И вдругъ, словно съ цѣпи сорвался: „не погубите!" Сначала я испугался. Ежели простое физическое косноязычіе можетъ отравить человѣку жизнь, то еще болѣе отравляющихъ элементовъ заключаетъ въ себѣ косноязычіе нравственное. Со страхомъ спрашивалъ я себя: ужели изреченія, въ родѣ: „ежели я ничего не сдѣлалъ", и т. д., заключаютъ въ себѣ такой угрожающій смыслъ, для прекращенія котораго требовались бы натискъ и быстрота? Но ежели это такъ, то кто же можетъ поручиться, что со временемъ и такое изреченіе, какъ: „ваше превосходительство, не погубите!" не будетъ сочтено равносильнымъ призыву къ оружію?"... „Однако, прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой—и пелена сама собою спала съ моихъ глазъ. Недоразумѣнія исчезли, тревога утихла, а положеніе до такой степени выяснилось, что въ какую сторону ни оглянись — вездѣ лучше не надо быть!" Далѣе, авторъ винитъ одного себя за всѣ постигшія его невзгоды и внимательно присматривается къ тому, какимъ же образомъ современное ему и огромное большинство, счастливое и довольное, возлежитъ на мягкомъ ложѣ „безпечальнаго житія", а онъ одинъ ничѣмъ не доволенъ и вѣчно несчастенъ,—и находитъ, что судьба наказала его справедливо за то, что онъ вздумалъ отрицать силу „привычки", „мѣста" и „разсужденія". И вотъ является затѣмъ апологія этихъ трехъ столповъ душевнаго спокойствія. Какую услугу оказываетъ привычка?—„Привычка,—по словамъ автора,—обвиваетъ человѣка бархатной рукой и бережно, и ласково погружаетъ его въ мягкое ложе безпечальнаго служительскаго житія... Любо дремать, зарывшись по уши въ пуховики, любо сознавать, что эти пуховики представляютъ своего рода твердыню. Забравшись въ нее, человѣкъ не только освобождается отъ обязанности относиться критически къ самому себѣ и къ окружающей средѣ, не только становится на недосягаемую высоту патентованной благонамѣренности, но и дѣлается безотвѣтственнымъ передъ судомъ своей собственной совѣсти. Ибо о какомъ же судѣ совѣсти можетъ быть рѣчь, коль скоро самая со-

[1]) „Вѣсти. Европы", 1884 г., ноябрь, 315—322 стр.

вѣсть, вмѣстѣ со всѣми прочими опредѣленіями человѣческаго существа, потонула въ омутѣ привычки?.. Но, кромѣ привычки, въ дѣлѣ умиротворенія мнѣ много помогъ и опытъ. Опытъ—это, такъ сказать, консолидированный сводъ привычекъ прошлаго. Всѣ уступки, компромиссы, соглашенія, которыми такъ богата исторія личная и общая, всѣ малодушія, обходы и каверзы—все это складывается, по мѣрѣ осуществленія, въ кучу, надпись на которой гласитъ: опытъ или мудрость вѣковъ... Въ той кучѣ, которая именуется мудростью вѣковъ, за что ни возьмись—все пользительно. Трудность только въ томъ развѣ состоитъ, какъ разобраться въ кучѣ, чтобы вытащить именно ту бирюльку, которая какъ разъ впору. Но, во-первыхъ, всѣ бирюльки болѣе или менѣе впору, а во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ, изъ затрудненія выручаютъ очень простые пріемы, которые тоже освящены опытомъ, напримѣръ: загадъ, навыкъ, наметка, глазомѣръ... И совсѣмъ не такъ подла эта жизнь, какъ думаютъ унылые люди. Мудрость вѣковъ самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что съ незапамятныхъ временъ такъ жили люди, и не только не считали себя посрамленными, но даже, отъ времени до времени, восклицали: „не постыдимся во вѣкъ!“ Во истину обольщаютъ себя тѣ, которые думаютъ, что такъ-называемое общество когда-нибудь волновалось высшими вожделѣніями. Въ сущности, волновались только немногіе, и ужъ, конечно, никто не скажетъ, чтобъ существованіе этихъ немногихъ сколько-нибудь напоминало о благополучіи. Почвенный же и русловой людъ всегда и неизмѣнно имѣлъ въ виду только служительское благополучіе. И онъ былъ, по-своему, правъ, ибо какая надобность изнывать надъ отыскиваніемъ новыхъ жизненныхъ идеаловъ, рискуя при этомъ прогнѣвать и насмѣшить массу однокорытниковъ, тогда какъ существуютъ идеалы вполнѣ формулированные, ни отъ кого не возбраненные и для всѣхъ однокорытниковъ равно любезные?... Итакъ, будемъ благополучны, и не постыдимся. Къ этому приглашаютъ насъ привычка и опытъ, а наконецъ и разсужденіе... Да, хоть и кажется съ перваго взгляда, что въ атмосферѣ служительскихъ словъ для разсужденія нѣтъ мѣста, однако это справедливо лишь отчасти. Разсужденіе бываетъ большое и среднее (малое, какъ черезъ-чуръ обидное, пускай останется въ сторонѣ). Большое разсужденіе въ служительскомъ дѣлѣ не только не имѣетъ приложенія, но даже прямо препятствуетъ. Собственно говоря, его слѣдуетъ даже предварительно покорить, если хочешь удачно разрѣшить задачу: кто истинно счастливый человѣкъ? Случается, конечно, что и большое разсужденіе можетъ служить источникомъ чистѣйшихъ наслажденій, но тутъ уже предполагаются особенные люди и особенная споспѣшествующая обстановка. Для людей среднихъ и при средней обстановкѣ потребно разсужденіе среднее. Оно

одно укажетъ человѣку въ перспективѣ безопасное служительское счастіе, одно поможетъ примириться съ этимъ счастіемъ и преподастъ средства для его осуществленія"... „Такимъ образомъ,—резюмируетъ себя авторъ, — привычка воспитываетъ и предрасполагаетъ; опытъ—свидѣтельствуетъ и подтверждаетъ; разсужденіе—убѣждаетъ и преподаетъ нужныя средства. Совокупность всѣхъ этихъ функцій производитъ въ результатѣ психологическій моментъ. Именно этотъ психологическій моментъ и выручалъ меня въ трудную минуту. Во-первыхъ, онъ ввелъ меня въ заколдованный кругъ патентованныхъ русскихъ пословицъ. Во-вторыхъ, онъ убѣдилъ меня, что жизнь обязательна, и что сохранить и обезпечить спокойное теченіе ея можно только при помощи приспособленій, вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ современности. Въ-третьихъ, онъ доказалъ, что какія бы усилія я лично ни употреблялъ, какъ бы широко ни захватывалъ, хотя бы даже „жегъ сердца глаголомъ" (на что, впрочемъ, ни малѣйше не претендую)—все-таки изолировать меня можно во всякое время, безъ всякихъ усилій, и никто этого не замѣтитъ. Таковы три элемента, при помощи которыхъ достигается современное человѣческое благополучіе. Но для того, чтобы послѣднее не оставалось только возможностью, но получило практическое осуществленіе, необходимо, чтобы упомянутые сейчасъ элементы были восприняты не только сознательно, но и вполнѣ искренно. „Мало обличать,—любить надо", —прицали когда-то наши „почвенники", тонко инсинуируя, что обличеніе равносильно отсутствію патріотизма и измѣнѣ. Я же отъ себя, въ превосходной степени, прибавлю: „Мало любить; надо, сверхъ того, представить несомнѣнныя таковой любви доказательства". Разъ эти доказательства представлены, можно смѣло глядѣть въ глаза будущему...

„Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился, что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки для себя ждать нечего. Сколько разъ, въ теченіе моей долгой трудовой жизни, я взывалъ: гдѣ ты, русскій читатель? откликнись!—и, право, даже сію минуту не знаю, гдѣ онъ, этотъ русскій читатель. По временамъ, правда, мнѣ казалось, что гдѣ-то просвѣчиваютъ какіе-то признаки, свидѣтельствующіе о самосознаніи и движеніи впередъ; но чѣмъ глубже я уходилъ въ ту страну терній, которая называется русской литературой, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ безплодности моихъ чаяній. Нѣтъ тебя, любезный читатель! еще не народился ты на Руси! Нѣтъ тебя, нѣтъ и нѣтъ! Русскій читатель, очевидно, еще полагаетъ, что онъ самъ по себѣ, а литература—сама по себѣ. Что литераторъ пописываетъ, а онъ, читатель, почитываетъ. Только и всего!.. Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что у писателя должны быть въ запасѣ свои личныя силы,

въ которыхъ онъ обязывается почерпать для себя устойчивость... Да, но какія же это силы, коль скоро самой простой мышеловки достаточно, чтобы обратить ихъ въ прахъ! Спрашивается, теперь: ежели ни изнутри, ни извнѣ нельзя ожидать для жизни защиты—гдѣ же ее искать?..

„Именно такъ я и поступилъ,—заключаетъ авторъ свое письмо:—сначала испугался, но затѣмъ очень быстро очнулся, и безпрекословно погрузился въ пучину служительскихъ словъ. Теперь я живу... И я чувствую, какъ довѣріе, которое я совсѣмъ было-утратилъ, вновь постепенно ко мнѣ возвращается. И дружественные мнѣ тайные совѣтники (въ теченіе длинной жизни я ихъ цѣлую уйму наловилъ), которые еще такъ недавно, при встрѣчахъ, обдавали меня холодомъ и говорили притчами, теперь вновь начинаютъ одобрительно кивать въ мою сторону, какъ бы говоря: еще одно усиліе—и... ничего въ волнахъ не будетъ видно".

Въ этомъ эпизодѣ изъ своей автобіографіи, гдѣ юморъ служитъ не болѣе, какъ внѣшнею формою, содержаніе и изложеніе обличаютъ въ авторѣ тонкаго критика общественной жизни, мыслителя и большого художника. М. Е. Салтыковъ какъ бы предвидѣлъ тѣ филиппики, которыя раздадутся надъ его свѣжей могилой, и далъ имъ на этихъ страницахъ замогильный отвѣтъ. Ему при жизни говорили, „тонко инсинуируя, что обличеніе равносильно отсутствію патріотизма и извѣнѣ": —„Мало обличать, любить надо!" А онъ, какъ бы идя дальше своихъ противниковъ и стараясь ихъ превзойти въ усердіи, выставилъ другой тезисъ: — „Мало любить; надо, сверхъ того, представить несомнѣнныя таковой любви *доказательства*!" Этимъ совѣтомъ сатирика они, повидимому, и воспользовались, предполагая, что ихъ нападки на покойнаго у свѣжей могилы и могутъ быть ими представлены, какъ „несомнѣнныя таковой любви доказательства". Къ Салтыкову его противники примѣнили еще то вышеупомянутое „малое разсужденіе", которое, какъ „черезъ-чуръ обидное" для чести разсуждающихъ, онъ не хотѣлъ допускать даже и для своихъ противниковъ, великодушно признавая для большинства всю затруднительность „большого разсужденія", которое, по его словамъ, требуетъ „особенныхъ людей",—и къ числу такихъ людей, несомнѣнно, онъ принадлежалъ самъ.

Впрочемъ, покойный въ своей автобіографіи былъ не совсѣмъ справедливъ — и прежде всего къ самому себѣ, а затѣмъ также и къ „читателю". Въ послѣднее пятилѣтіе своей дѣятельности онъ вовсе не страдалъ „нравственнымъ косноязычіемъ", доказательствомъ чего служитъ, почти по единодушному признанію, высказанному со всѣхъ сторонъ, послѣднее, не вполнѣ законченное произведеніе его пера: „Пошехонская Старина"; можно сказать развѣ только то,

что тутъ художникъ получаетъ еще бо́льшій перевѣсъ надъ сатирикомъ, и „среднее разсужденіе“ современниковъ его дѣтства находитъ больше для себя оправданія уже не въ мысляхъ, а прямо въ сердцѣ автора; отсюда являются въ „Пошехонской Старинѣ“ теплота и задушевность въ самомъ авторѣ. Но, кромѣ себя, покойный оказался не совсѣмъ справедливъ и къ „читателю“, къ которому онъ, какъ мы видѣли выше, взывалъ:— „Гдѣ ты, русскій читатель? откликнись!—и, право, даже сію минуту не знаю, гдѣ онъ, этотъ русскій читатель“. Правда, одни мы, переживъ Салтыкова, произведенія котораго, въ свою очередь, переживутъ не только насъ, но и наше далекое потомство, знаемъ теперь, что „въ другую минуту“ читатель весьма откликнулся на сдѣланный ему авторомъ призывъ не только со всѣхъ сторонъ его отечества, но и изъ-за границы, гдѣ только встрѣтилось вмѣстѣ нѣсколько нашихъ соотечественниковъ. Вотъ уже прошло около трехъ недѣль послѣ смерти Салтыкова, а не проходитъ дня, чтобы редакція не получала новыхъ депешъ для сообщенія ихъ семейству покойнаго. Интересно при этомъ одно, что почти во всѣхъ депешахъ, приходившихъ съ разныхъ концовъ, читатели сошлись не только въ оцѣнкѣ значенія покойнаго, но даже въ самыхъ ея выраженіяхъ: „другъ правды“, „защитникъ правды“, и т. д.; вездѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ „правда“; слово: „учитель“ — повторялось также во многихъ депешахъ. На дняхъ, напримѣръ (14-го мая) получена была депеша изъ Казани: „Казанскіе почитатели незабвеннаго Михаила Евграфовича, отслуживъ панихиду, просятъ васъ (редакцію) передать вдовѣ покойнаго искреннее сочувствіе ея горю и глубокое сожалѣніе о кончинѣ великаго *учителя*, неутомимаго борца за *правду*“; одновременно съ тѣмъ пришла другая депеша (съ другого конца, изъ г. Бѣлаго, смоленской губ.) для передачи вдовѣ покойнаго: „Ваше горе—горе общее; мы запоздали раздѣлить его: такова судьба людей захолустья. Примите же теперь наше запоздалое, но искреннее участіе въ великой скорби: въ Щедринѣ мы потеряли стража общественной *правды*. Сегодня помолились здѣсь о немъ почитатели“. Всѣ другія депеши почти однороднаго содержанія съ вышеприведенными [1]).

[1]) Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исполнить свой долгъ предъ лицами которыя, путемъ телеграммъ, поручали намъ все это время передавать семейству покойнаго выраженія ихъ сожалѣнія объ утратѣ, и извѣстить ихъ объ исполненіи редакціею порученнаго ей. Независимо отъ многочисленныхъ депешъ, которыя были направлены прямо къ семейству, телеграфъ до 25 мая сообщилъ намъ, для передачи, депеши изъ нижеслѣдующихъ мѣстъ: 1) Баку; 2) Борисполь; 3) Бѣлый; 4) Владиміръ губ.; 5) Екатеринбургъ; 6) Елисаветполь; 7) Казань (2 деп.); 8) Кіевъ (2 деп.); 9) Кишиневъ (2 деп.); 10) Кутаисъ: 11) Миргородъ; 12) Москва (10 деп.); 13) Нижній Новгородъ; 14) Николаевъ; 15) Новоалександрія (2 деп.); 16) Новозыбковъ; 17) Одесса (6 деп.); 18) Оханскъ; 19) Пенза; 20) Поневѣжъ; 21) Рига; 22) Рязань (2 деп.): 23) Рославль; 24) Саратовъ (3 деп.); 25) Симферополь; 26) Ставрополь; 27)

Для читателей Салтыкова онъ заболѣлъ серьезно только въ самое послѣднее время, такъ какъ его дѣятельность за все время болѣзни была безпрерывна, а неослабѣвающая сила таланта, даже какъ бы возрастая въ послѣднемъ его предсмертномъ произведеніи, удаляла всякую мысль о какой-нибудь опасности жизни для тѣхъ, кто не видалъ его лично. Такой невольный обманъ часто распространялся и на близкихъ покойному лицъ; казалось невѣроятнымъ, чтобы подобная творческая сила и способность къ физическому труду — написать 2—3 печатныхъ листа въ мѣсяцъ—могла быть совмѣстима съ близостью могилы, и думалось, что всѣ эти жалобы и сѣтованія больного составляютъ на половину результатъ его нервности и превратились въ простую привычку. Во всемъ этомъ, однако, было изумительно одно: существуетъ фотографическій снимокъ, снятый съ покойнаго любителемъ фотографіи еще въ февралѣ 1886 г.; съ того времени въ этомъ же самомъ положеніи, памятномъ всѣмъ посѣщавшимъ Салтыкова, онъ высидѣлъ на своемъ креслѣ цѣлыхъ три года (заболѣлъ онъ еще осенью 1885 г.), можно сказать, неподвижно, и на этомъ же креслѣ, въ той же позѣ и обстановкѣ, онъ умиралъ въ апрѣлѣ 1889 г. Нужна необычайная сила организма, чтобы перенести слишкомъ три года подобной жизни; покойный оставилъ намъ и картину того, что онъ испытывалъ въ то же время внутри себя. Ожидая какъ-то, нынѣшней зимою, къ себѣ С. П. Боткина, слѣдившаго постоянно за его болѣзнью, отъ самаго ея начала, больной напалъ на мысль изложить ему письменно все то, что онъ переживаетъ внутри себя:

„Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что я не умѣю формулировать словесно мои жалобы; поэтому рѣшаюсь прибѣгнуть къ письму... Настоящее положеніе мое таково: цѣлый день, за исключеніемъ са-

---

Стародубъ; 28) Тамбовъ; 29) Тверь; 30) Тирасполь; 31) Тифлисъ; 32) Тула; 33) Харьковъ (8 деп.). Сверхъ того, редакціею получены были телеграммы изъ-за границы: 1) Berlin; 2) Freiberg (Sachsen); 3) Heidelberg; 4) Zürich (комитетъ общества для пособія нужд. лит. и ученымъ просилъ насъ довести до свѣденія лицъ, обратившихся къ нему съ просьбой передать ихъ депеши семейству покойнаго, что депеши изъ Иркутска, Симферополя и Вѣны получены имъ и переданы по адресу).

Редакція, кромѣ телеграммъ, получала просьбы о возложеніи вѣнка на могилу покойнаго, но своевременно были получены и потому порученія по нимъ исполнены только нижеслѣдующія: отъ 1) профессоровъ харьковскаго университета; 2) помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Одессѣ; 3) почитателей въ Н.-Новгородѣ; 4) редакціи „Одесскаго Листка“; 5) студентовъ кіевскаго университета и 6) студентовъ рижскаго политехникума (изъ-за границы полученъ готовый вѣнокъ чрезъ таможню отъ русскихъ студентовъ въ Берлинѣ). Отъ прочихъ лицъ, выславшихъ деньги по почтѣ, редакція ожидала отзыва: угодно ли имъ будетъ принять высланное обратно, или поручить редакціи передать деньги въ литературный фондъ—въ память покойнаго, бывшаго не разъ членомъ комитета общества для пособ. нужд. лит. и ученымъ.

мыхъ малыхъ интерваллovъ, я дремлю и задыхаюсь. Ни сидѣть, ни лежать подолгу не могу, вынужденъ отъ времени до времени прохаживаться, хотя это очень тяжко, потому что дремота и на ходу не оставляетъ меня, и я рискую на каждомъ шагу упасть. Во время этого дремотнаго состоянія въ моей головѣ происходитъ невыразимая путаница: мелькаютъ несуществующія слова, цѣлыя фразы и даже сцены, не имѣющія никакого смысла. Очень вѣроятно, въ скоромъ времени я совсѣмъ потеряю способность говорить что-нибудь связное. Руки дрожатъ, ноги тоже, и вдобавокъ пухнутъ, кровь постоянно бьетъ въ голову, сердце трепещетъ при малѣйшемъ шорохѣ. Понятно, что ни читать, ни писать, ни даже мыслить я не въ силахъ; всякое напряженіе въ этомъ направленіи производитъ сердечную боль и ощущеніе тошноты. Вдобавокъ, въ глазахъ постоянное мерцаніе, отъ котораго не могу освободиться никакимъ леченіемъ. Аппетитъ пропалъ; ночью дремлю такъ же мучительно, какъ и днемъ...

„Честью клянусь, что во всемъ вышесказанномъ нѣтъ ни одной преувеличенной черты, и тщетно стараюсь угадать, какимъ образомъ можно существовать въ подобныхъ условіяхъ. Но больше всего боюсь за бѣдную свою голову, которая видимо пропадаетъ...“

Дѣйствительно, тутъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, а окружающіе его еще болѣе могли удивляться тому, что въ подобныхъ условіяхъ онъ могъ не только существовать, но еще пользоваться упоминаемыми имъ „интерваллами“ и писать!

„Писать“ и „жить“ для Салтыкова было синонимомъ; тѣ изъ его приближенныхъ, которые забывали необходимыя мѣры предосторожности, или люди, вовсе не знавшіе особенностей его характера, ничѣмъ не могли такъ раздражить его, какъ выразивъ при свиданіи съ нимъ удовольствіе, что ему, повидимому, сегодня лучше. На это онъ обыкновенно съ раздраженіемъ отвѣчалъ, что какое тутъ здоровье, когда онъ не можетъ писать!—и при этомъ, для доказательства своего бѣдственнаго положенія, доставалъ иногда изъ своей папки листъ бумаги и съ непритворнымъ отчаяніемъ показывалъ написанныхъ строкъ десятокъ, прибавляя, что вотъ это все, что онъ могъ написать за цѣлую недѣлю!!...

Въ концѣ прошедшаго года и въ началѣ нынѣшняго онъ началъ, видимо, торопиться съ окончаніемъ „Пошехонской Старины“; но не опасенія за жизнь были главнымъ мотивомъ того, да и самъ онъ, хотя и написалъ въ своемъ послѣсловіи къ послѣдней главѣ „Старины“: „конецъ“,—но тутъ же подалъ надежду на то, что современемъ онъ вернется къ ней, хотя бы и „въ формѣ отрывковъ“; онъ жалуется въ послѣсловіи только на то, что вызванная имъ „масса образовъ и фактовъ“ изъ этой старины начинаетъ подавлять его и

производитъ утомленіе. Но изъ бесѣдъ съ нимъ, его разсказовъ, было видно, что въ послѣднее время его посѣтила, такъ сказать, новая гостья —идея, осуществленіе которой въ высшей степени заинтересовало его. Трудно съ точностью формулировать этотъ новый и предсмертный замыселъ Салтыкова: изъ ниже помѣщаемой и недописанной первой и вмѣстѣ послѣдней страницы, сошедшей съ его пера въ „интерваллы" мартовскихъ и апрѣльскихъ дней этого года, мы узнаемъ не больше, какъ дно заглавіе: „Забытыя слова"; самое же содержаніе написанной имъ страницы является какъ бы прологомъ къ тому, что̀ должно было послѣдовать за тѣмъ. Въ бесѣдахъ съ близкими ему людьми, Салтыковъ высказывался, но весьма кратко и отрывочно, относительно темы замышляемаго имъ труда; не разъ, по поводу тѣхъ или другихъ явленій текущей общественной жизни или прочтенной имъ статьи въ газетахъ, онъ повторялъ, какъ бы самому себѣ: „да, это теперь все *забытыя слова*, слѣдуетъ ихъ напомнить!" Помѣщаемое нами ниже стихотвореніе А. М. Жемчужникова довольно вѣрно изобразило вѣроятную тему послѣдняго литературнаго замысла покойнаго. Разъ,—это было въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года,— онъ какъ будто точнѣе формулировалъ свой литературный замыселъ, и среди разговора о чемъ-то, наведшемъ его опять на мысль о „забытыхъ словахъ", онъ вдругъ прервалъ себя и обратился съ вопросомъ: проживъ столько лѣтъ и столько испытавъ, можетъ ли онъ и имѣетъ ли право и обязанность написать свое „завѣщаніе"? Изъ его же словъ было видно, что дѣло тутъ идетъ не о духовномъ завѣщаніи, а все о томъ же, новомъ его литературномъ замыслѣ; но попытка поддержать съ нимъ разговоръ въ этомъ направленіи, какъ это часто бывало и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, прервалась въ самомъ началѣ жалобами его на болѣзнь и невозможность писать...

Нельзя, читая эту послѣднюю страницу Салтыкова, не вспомнить при этомъ одно изъ лучшихъ „стихотвореній въ прозѣ" Тургенева (1878 г.): „Старуха", — смерть, толкавшая его въ яму — „могилу"; но у Тургенева то былъ поэтическій сонъ, отъ котораго, какъ бы ни былъ онъ тяжелъ, просыпаются; у Салтыкова получился точный снимокъ съ другого сна—предшественника смерти— и отъ котораго уже проснуться нельзя. Всего болѣе удивительно при этомъ одно, совершенно исключительное явленіе: умирая, а слѣдовательно теряя по необходимости всякія силы, всякую энергію, Салтыковъ, оказывается, могъ чуть не до самой послѣдней минуты не только внимательно наблюдать за состояніемъ своего духа, но и тутъ же отдавать отчетъ о томъ на бумагѣ, какъ будто въ немъ мучительно, съ величайшими страданіями, умирало одно существо, а другое, находясь какъ бы внѣ его, спокойно созерцало все то, что̀ совершалось въ первомъ и заносило на бумагу свои наблюденія:

ЗАБЫТЫЯ СЛОВА.

Мнѣ чудилось (не то во снѣ, не то на-яву), что невидимая, но влажная рука обвила меня и неудержимо увлекаетъ въ зіяющую пустоту. Я сознаю себя безпомощнымъ и даже не пытаюсь сопротивляться загадочной силѣ, словно нѣчто роковое ждетъ меня впереди. И чѣмъ глубже я погружаюсь въ необъятную даль, тѣмъ унылѣе становятся перспективы, тѣмъ быстрѣе свѣтъ смѣняется сумерками, тѣмъ рѣшительнѣе потухаетъ вселенская жизнь подъ игомъ всеобщаго омертвѣнія.

Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски.

Удручаютъ сѣрые тоны, но еще болѣе удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели. И чѣмъ больше я углуб-

ляюсь въ это оголтѣлое царство, тѣмъ болѣе всѣмъ существомъ овладѣваетъ оторопь и сознаніе отупѣлой безнадежности, въ которой все кругомъ застыло и онѣмѣло. Ощущеніе оскудѣнія постепенно заползаетъ во все существо, и я начинаю чувствовать, что недалеко тотъ моментъ, когда и внутри меня все омертвѣетъ.

Но вотъ я и у цѣли: передо мною кладбище. Точно взволнованное море, раскинулось оно на необозримое пространство въ даль и въ ширь, усѣянное безчисленными могильными насыпями. Заброшенность и одичалость вездѣ наложили здѣсь печать свою. Храмъ, когда-то осѣнявшій мертвецовъ, стоитъ полуразрушенный, съ раскрытымъ куполомъ, давая пріютъ нетопырямъ и ночнымъ птицамъ. Колоколъ, нѣкогда «призывавшій живыхъ и оплакивавшій мертвыхъ», лежитъ разбитый у подножія храма; надмогильные памятники, ограда — все повалилось и лежитъ разбросанное, заросшее мхомъ и бурьяномъ.

Кажется, самъ ветхій Адамъ сложилъ здѣсь свои кости. За нимъ послѣдовали поколѣнія за поколѣніями и наслоялись одно надъ другимъ, пока, наконецъ, земная утроба не насытилась мертвецами. . . . . . .

„ЗАБЫТЫЯ СЛОВА"...

Посвящается памяти М. Е. Салтыкова.

Слова священныя, слова временъ былыхъ,
Когда они еще знакомо намъ звучали...
Увы! Зачѣмъ же, полнъ гражданственной печали,
Предъ смертью не успѣлъ ты намъ напомнить ихъ!
Тѣ лучшія слова, такъ людямъ дорогія,
Въ комъ сердце чувствуетъ, чья мыслитъ голова:
Отчизна, совѣсть, честь и многія другія —
Забытыя слова.

Быть можетъ, честное перо твое могло-бъ
Любовь къ отечеству напомнить „патріотамъ";
Поднять подавленныхъ тяжелымъ жизни гнетомъ;
Заставить хоть на мигъ поникнуть мѣдный лобъ;
Спасти обрывки чувствъ, которыя остались;
Уму отвоевать хоть скромныя права;
И, можетъ быть, средь насъ тѣ вновь бы повторялись —
Забытыя слова.

Преемника тебѣ не видимъ мы пока.
Чей смѣхъ такъ золъ? и чья душа такъ человѣчна?
О, пусть твоей души намъ память будетъ вѣчна,
Земля жъ могильная — костямъ твоимъ легка!
Ты, правдой прослуживъ весь вѣкъ своей отчизнѣ,
Ужъ смерти обреченъ, дыша уже едва,
Намъ вспомнить завѣщалъ—средь пошлой нашей жизни —
Забытыя слова.

Алексѣй Жемчужниковъ.

14-го мая.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюня 1889.

Новая кампанія противъ Финляндіи, и правительственное сообщеніе по этому предмету.—Крестьянская реформа, какъ результатъ „радикальныхъ бредней".—Городская дума, ходатайствующая о высылкѣ частнаго лица. — Прекращеніе дѣла о крушеніи 17-го октября и одинъ изъ эпизодовъ этого крушенія.—Отвѣтъ на возраженіе.

...„Въ Финляндіи менѣе двухъ милліоновъ жителей, почва скудна, народъ не слишкомъ одаренъ отъ природы; сравнимъ ее, однако, съ русской губерніей такого же населенія, но въ несравненно болѣе благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, напримѣръ хоть съ черниговской губерніей. Гдѣ въ послѣдней университетъ, масса учебныхъ заведеній, газетъ, отличныя дороги, фабрики, производительность которыхъ извѣстна въ цѣломъ мірѣ, гдѣ благоустроенные города, освѣщенные газомъ, порядокъ и уваженіе къ закону? Такъ можно ли серьезно толковать о насильственномъ обращеніи Финляндіи въ русскую область? Это значило бы отодвинуть Финляндію на степень олонецкой, архангельской или вологодской губерній, умирающихъ съ голоду среди гигантскихъ богатствъ, ихъ окружающихъ и лежащихъ мертвымъ капиталомъ"... Какъ думаютъ читатели, гдѣ напечатаны эти слова?—Быть можетъ, въ одномъ изъ „лже-либеральныхъ" повременныхъ изданій, или въ книгѣ сенатора Мехелина, или въ курсѣ профессора „космополита"?—Нѣтъ; мы нашли ихъ въ „Современной Россіи", т.-е. въ одномъ изъ самыхъ типичныхъ произведеній новѣйшаго моднаго „патріотизма" [1]). Конечно, авторъ спѣшитъ прибавить ложку (или даже бочку) дегтю къ бочкѣ меду; великодушно отказываясь отъ стремленія „отнять или ограничить органическіе законы Финляндіи", онъ присоединяется всецѣло къ обычнымъ нападеніямъ на финляндскій „сепаратизмъ", предлагаетъ взять финляндскія дѣла подъ ближайшій надзоръ одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и рекомендуетъ, какъ „руководящую нить" для нашей политики, слѣдующія слова императрицы Екатерины: „хотя Финляндія (т.-е. та часть Финляндіи, которая тогда принадлежала Россіи) правится конфирмованными ей привилегіями и нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было бы; однако же и называть ее чужестранной и обходиться съ ней на такомъ же

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы".

основаніи есть больше нежели ошибка" [1]). Итакъ, не слѣдуетъ только „отрѣшать привилегіи *всѣ вдругъ*", а по частямъ, незамѣтно и безъ шуму, уничтожать ихъ можно и должно?.. Важны для насъ, впрочемъ, не противорѣчія, въ которыя впадаетъ авторъ „Современной Россіи"; важно его признаніе, что Финляндія пользуется благами, о которыхъ русскія губерніи знаютъ, къ сожалѣнію, лишь по наслышкѣ, и что она обязана этимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, своему „хотя и устарѣлому, но все-таки недурному государственному устройству". Именно въ этой сторонѣ вопроса и заключается главный источникъ отвратительнаго впечатлѣнія, производимаго газетной травлей финляндскаго „сепаратизма". Нашимъ доморощеннымъ „націоналистамъ" нѣтъ никакого дѣла до населенія Финляндіи; имъ совершенно все равно, во что обойдется ему нивеллировка, составляющая единственную цѣль ихъ усилій. Имъ, повидимому, даже досадно, что наши сосѣди позволяютъ себѣ быть болѣе счастливыми, чѣмъ мы сами—или, во всякомъ случаѣ, счастливыми на свой собственный ладъ, не по излюбленному „патріотами" шаблону. Пародируя, сами того не зная, извѣстное изреченіе: périssent les colonies plutôt qu'un principe, они готовы принести въ жертву, съ легкимъ сердцемъ, благосостояніе Финляндіи, лишь бы только имъ перестали колоть глаза ея порядки.

Постоянныя вѳріаціи на упразднительную тему, все болѣе и болѣе назойливыя и злобныя, вызвали, наконецъ, оффиціальное опроверженіе: въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилась всеподданнѣйшая докладная записка генералъ-губернатора Финляндіи, прямо направленная противъ реакціонныхъ измышленій. Само собою разумѣется, что своей непосредственной цѣли она не достигла и не достигнетъ. „Московскія Вѣдомости", которымъ она въ особенности возражаетъ, не думаютъ складывать оружіе; напротивъ того, онѣ эксплуатируютъ записку въ свою пользу, утверждая, что всѣ нападенія, не встрѣтившія въ ней отпора, этимъ самымъ признаны вполнѣ справедливыми. Итакъ, передовыя статьи и корреспонденціи московской газеты—это нѣчто въ родѣ искового прошенія, каждый доводъ котораго долженъ быть подвергнутъ отдѣльному разбору со стороны отвѣтчика—т.-е. правительственнаго учрежденія? Сравненіе наше, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно; даже въ судѣ молчаніе отвѣтчика по тому или другому пункту не всегда считается равносильнымъ согласію съ истцомъ, и адвокатъ истца, который посмотрѣлъ бы на дѣло съ точки зрѣнія „Москов-

[1]) За этими словами слѣдуетъ еще прибавка, пропущенная авторомъ „Современной Россіи": „А можно назвать съ достовѣрностью—глупость". Необходимо замѣтить, что при Екатеринѣ II Россіи принадлежала только небольшая часть Финляндіи и принадлежала на совершенно иныхъ основаніяхъ чѣмъ тѣ, на которыхъ присоединено, въ 1809 г., все великое княжество.

скихъ Вѣдомостей", рисковалъ бы потерпѣть большое разочарованіе со стороны суда. Чтобы отвѣтить на каждое положеніе двухъ передовыхъ статей, четырехъ фельетоновъ и одиннадцати корреспонденцій (такова, по разсчету московской газеты, численная сила ея анти-финляндской артиллеріи), финляндскому генералъ-губернатору пришлось бы значительно усилить составъ своей канцеляріи, и все-таки предпринять настоящую Сизифову работу. На мѣсто одного опровергнутаго факта появился бы десятокъ новыхъ; ничто не мѣшало бы и простому повторенію прежнихъ обвиненій. Документы въ родѣ записки, о которой идетъ рѣчь, пишутся вовсе не для того, чтобы переубѣдить профессіональныхъ обвинителей; они предназначены для той части публики, которую могутъ смутить тенденціозныя выходки, но столь же легко можетъ и успокоить безпристрастное разъясненіе дѣла. Съ этой точки зрѣнія нельзя отрицать пользу правительственныхъ опроверженій, хотя бы они и оставались, повидимому, безъ опредѣленнаго результата. Спѣшимъ оговориться: мы вовсе и не желаемъ, чтобы оффиціальное сообщеніе было послѣднимъ словомъ полемики, занимающей насъ въ настоящую минуту, или какой бы то ни было другой. Учрежденіе можетъ ошибаться, какъ и частное лицо; къ нему нельзя примѣнить изреченіе, полагающее конецъ богословскимъ разногласіямъ въ средѣ католической церкви: Roma locuta est. Споръ, вызвавшій вмѣшательство администраціи, можетъ продолжаться по прежнему, и московская газета фактически доказываетъ эту возможность,—по крайней мѣрѣ для нея и въ этомъ данномъ случаѣ. Если администрація не ошиблась, то гораздо лучше, чтобы ея правота выяснилась съ полною очевидностью въ дальнѣйшемъ продолженіи преній. Менѣе убѣдительнаго аргумента, чѣмъ вынужденное безмолвіе противниковъ, нельзя себѣ и представить.

Признавая, такимъ образомъ, сообщеніе финляндскаго генералъ-губернатора только матеріаломъ для рѣшенія спорнаго вопроса, но матеріаломъ, безъ сомнѣнія, весьма важнымъ, мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на приложенный къ нему историческій документъ, не безъ причины игнорируемый реакціонной печатью. Этотъ документъ—Высочайшій манифестъ 9-го февраля 1816 г. о преобразованіи финляндскаго правительственнаго совѣта въ финляндскій сенатъ—содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова, оставляющія немного мѣста для перетолкованій: „бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и *съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ* и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжествен-

нѣйше *утвердимъ конституцію и законы сіи*, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами, учредили особенное правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, *составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ* и не зависѣвшаго ни отъ какой другой власти, *кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли*". Дальше говорится, что Совѣтъ переименовывается въ Сенатъ „безъ отмѣны въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ". Этотъ одинъ документъ вѣситъ болѣе, несравненно болѣе, чѣмъ масса реакціонныхъ софизмовъ; онъ одинъ служитъ достаточнымъ объясненіемъ тому, почему оффиціальное сообщеніе не признаетъ нужнымъ останавливаться на каждомъ словѣ московской газеты или ея гельсингфорскаго корреспондента. Приведемъ, въ видѣ иллюстраціи къ нашей мысли, одинъ примѣръ, какъ нельзя болѣе наглядный. Въ одной изъ гельсингфорскихъ корреспонденцій „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 36) повѣствовалось, между прочимъ, что при вступленіи на престолъ императора Александра II, въ манифестѣ, обращенномъ къ Финляндіи, обычныя слова: „по конституціямъ ихъ" (т.-е. сословій) съ намѣреніемъ были замѣнены словами: „по учрежденіямъ ихъ". Нужно ли было опровергать этотъ фактъ или возстановлять его настоящее значеніе, разъ что въ составъ правительственнаго сообщенія былъ включенъ документъ, столь опредѣленно говорящій не о *конституціяхъ* сословій, а о финляндской *конституціи*? Нужно ли было присоединять къ нему еще какіе-либо комментаріи о характерѣ связи, существующей, ко благу Финляндіи и во всякомъ случаѣ не къ ущербу для Россіи, между русскимъ государемъ и великимъ княжествомъ финляндскимъ?

Авторъ корреспонденцій, направленныхъ противъ самыхъ цѣнныхъ сокровищъ Финляндіи,—корреспонденцій, сѣющихъ между русскими—недовѣріе къ финляндцамъ, между финляндцами—страхъ передъ русскими, легко могущій перейти въ ненависть,—выступалъ, отъ времени до времени, какъ бы глашатаемъ и защитникомъ финскаго народа. Онъ позволялъ себѣ говорить о своей „солидарности" со многими изъ среды этого народа, „недовольнаго своимъ чиновничествомъ и прямо клянущаго Сенатъ, высасывающій изъ массы послѣдніе соки". „Не скрою,—читаемъ мы въ одномъ изъ гельсингфорскихъ писемъ („Моск. Вѣдом." № 63),—въ народѣ винится и русское правительство, но пока еще не въ посягательствахъ на quasi-конституцію, о которой онъ имѣетъ очень смутное понятіе, а, напротивъ, въ послабленіи

чиновничеству, угнетающему народъ". И это говорится о народѣ, имѣющемъ свое представительство, свою, сравнительно, свободную печать! Этому-то народу не остается будто ничего другого, какъ изливать свое горе устами корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей"! Здѣсь, очевидно, совсѣмъ забыто золотое правило о „знаніи мѣры". Не тому, кто хочетъ обречь финскій народъ на безмолвіе и безправіе, подобаетъ выступать въ роли народолюбца, оплакивающаго „угнетеніе" меньшей братіи. Кому не извѣстно, притомъ, что именно въ послѣднюю четверть вѣка, т.-е. со времени возобновленія дѣятельности финляндскихъ сеймовыхъ учрежденій, низшія сословія въ Финляндіи сдѣлали громадный шагъ впередъ, и партія финномановъ стала по меньшей мѣрѣ равносильной съ старой шведской партіей, поддерживаемой верхушками общества? „Тягость обложенія налогами,—читаемъ мы въ правительственномъ сообщеніи,—въ настоящее время меньше и общее благосостояніе больше, чѣмъ въ какой бы то ни было прежній періодъ времени. Населеніе Финляндіи проникнуто сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и обязанностей, и народъ всегда находилъ въ законахъ существенную защиту противъ возможныхъ злоупотребленій". Московская газета старается уменьшить значеніе этихъ словъ, замѣчая, что „и генералъ-губернаторамъ не разъ приходилось сильно ошибаться". Ошибались, напримѣръ, тѣ балтійскіе генералъ-губернаторы, которые доносили, что въ остзейскомъ краѣ все обстоитъ благополучно и ничего не требуетъ измѣненій, „въ виду полной политической благонадежности какъ господствующей въ краѣ рыцарской корпораціи, *такъ и иныхъ мѣстныхъ конституцій*". Намекъ, заключающійся въ этихъ послѣднихъ словахъ, совершенно понятенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безсиленъ. Отъ до-реформеннаго остзейскаго края Финляндія отличается, между прочимъ, именно тѣмъ, что въ ней нѣтъ *господствующей* рыцарской корпораціи, и что ея *конституція* принадлежитъ къ совершенно иному порядку явленій, чѣмъ остзейскія *конституціи*. Чтобы обнаружиться и всплыть наверхъ, финляндскія злоупотребленія власти не нуждаются въ тѣхъ чрезвычайныхъ средствахъ, къ какимъ пришлось прибѣгнуть въ остзейскомъ краѣ... Весьма знаменательно, впрочемъ, что о злоупотребленіяхъ, жертвою которыхъ является, будто бы, финскій народъ, корреспондентъ московской газеты говоритъ только въ общихъ словахъ, ничего и никого не называя; все слѣдовательское его усердіе направлено къ раскрытію того, что онъ считаетъ злоупотребленіями финляндскихъ учрежденій по отношенію къ русской центральной власти. Заголовки правительственныхъ актовъ и разные византійскіе вопросы ejusdem farinae интересуютъ его гораздо больше, чѣмъ „послѣдніе соки" финскаго народа.

Смѣшно и грустно видѣть, какимъ негодованіемъ возгораются наши „патріоты“ при созерцаніи порядка вещей, грѣшащаго только несходствомъ съ русскими учрежденіями. Они никакъ не хотятъ понять, что государственный строй, какъ и все существующее, можетъ постепенно видоизмѣняться и развиваться; они отказываются помириться съ мыслью, что основные законы, унаслѣдованные Финляндіей отъ Швеціи, не только сохраняютъ свою силу, но и становятся болѣе совершенными, приспособляются къ потребностямъ времени. Ихъ ужасно обижаетъ мысль, что шведскіе короли могли созывать сеймъ когда угодно, не стѣсняясь никакими сроками, и одни пользовались правомъ иниціативы, т.-е. правомъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ—а теперь для созыва сейма установленъ опредѣленный срокъ [1]), и право иниціативы принадлежитъ сейму наравнѣ съ императоромъ-великимъ княземъ. Но развѣ это совершилось помимо воли верховной власти, путемъ насилія или обмана? Періодичность сейма создана *закономъ* 15-го апрѣля 1869 г., право иниціативы даровано сейму *закономъ* 16-го іюля 1886 г.; что изданію обоихъ законовъ предшествовало тщательное взвѣшиваніе ихъ нашимъ правительствомъ, это видно уже изъ того, что первый изъ нихъ изданъ *два года*, второй—годъ спустя послѣ окончанія сеймовыхъ сессій, на которыхъ они обсуждались. О чемъ же тутъ горевать, чѣмъ тутъ возмущаться? Умѣстно ли говорить о правильномъ, нормальномъ движеніи законодательства въ такихъ выраженіяхъ и такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о преступномъ захватѣ власти? Не нужно ли, наоборотъ, радоваться согласію, благодаря которому обновляются устарѣлые порядки и поддерживается жизнь въ учрежденіяхъ, созданныхъ вѣками? „Русскій монархъ,—восклицаетъ корреспондентъ по поводу предоставленія сейму права законодательной иниціативы,—поставляется въ необходимость разсматривать даже такіе предметы, которыхъ онъ не только разсматривать, но и возбуждать не находилъ бы, быть можетъ, нужнымъ“. Но вѣдь это все имѣлось въ виду при изданіи закона 16-го іюля 1886 г. и не помѣшало его утвержденію; о чемъ же теперь хлопочетъ корреспондентъ? Не ясно ли, что для него недоступно пониманіе самыхъ простыхъ политическихъ вопросовъ, разъ что они лежатъ внѣ области—узкой, очень узкой области —свѣта, проходящаго черезъ его окошко? Въ изложеніи корреспондента стушевывается (намѣренно или ненамѣренно—рѣшить не беремся) разница между законными привилегіями финляндскихъ зем-

[1]) По словамъ корреспондента московской газеты, этотъ срокъ—трехлѣтній; по словамъ сенатора Мехелина, автора извѣстной книги о „Конституціи Финляндіи“—пятилѣтній. Если правъ послѣдній—а въ этомъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе—то что́ сказать о достовѣрности свѣденій, сообщаемыхъ корреспондентомъ?

скихъ чиновъ и ихъ намѣреніями, еще не осуществившимися; но если этотъ пріемъ можетъ, пожалуй, сбить съ толку неподготовленныхъ читателей, то не рискованно ли ожидать отъ него другихъ, болѣе серьезныхъ послѣдствій?

Когда непримиримые враги законности и права начинаютъ говорить, чуть не со слезами, объ „угнетеніи“ *народа* — все равно, русскаго, финскаго или какого-нибудь иного—искренность ихъ всегда возбуждаетъ въ насъ невольныя сомнѣнія. Подкладкой для „народолюбія“ этого рода служитъ, бо́льшею частью, либо ненависть къ интеллигенціи, стремленіямъ которой всего удобнѣе противопоставлять мнимые интересы массы, либо вражда къ реформамъ, опередившимъ, будто бы, потребности и желанія большинства. Яснѣе чѣмъ когда-либо противорѣчіе между словами и чувствами выражается въ реакціонной печати именно теперь, когда она, съ одной стороны, чаще прежняго проявляетъ трогательную заботливость о „младшемъ братѣ“, съ другой стороны—меньше прежняго считаетъ нужнымъ скрывать свое истинное мнѣніе объ отмѣнѣ крѣпостного права. Еще недавно перечень ошибокъ, допущенныхъ эпохой „либеральныхъ реформъ“, принято было начинать только съ университетскаго устава 1863 г. Это было уступкой приличіямъ, съ которыми въ наше время мало-по-малу перестаютъ считаться. Списокъ реформъ — или, по новой терминологіи, „либеральныхъ измышленій“—доводится до своего естественнаго начала; предметомъ нападеній, болѣе или менѣе открытыхъ, становится великій освободительный актъ 19 февраля 1861 г. Въ послѣдовательности этому образу дѣйствій отказать нельзя; между освобожденіемъ крестьянъ и всѣми послѣдующими преобразованіями существуетъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣсная внутренняя связь. Приверженцы регресса видѣли ее и прежде, но не хотѣли въ этомъ сознаваться; никто не рѣшался зачислить себя въ ряды крѣпостниковъ, поставивъ точку надъ *i*, т.-е. прямо высказавшись противъ крестьянской реформы. Теперь Рубиконъ перейденъ, и перейденъ не только въ газетѣ, къ выходкамъ которой никто не относится серьезно, но и въ другихъ, болѣе солидныхъ изданіяхъ. Вотъ что́ мы читаемъ, напримѣръ, въ майской книжкѣ одного изъ петербургскихъ консервативныхъ журналовъ, въ статьѣ: „Герценъ и его корреспонденты“: „крестьянская реформа еще ждетъ своего безпристрастнаго историка, но и теперь уже едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она строилась на умозрительныхъ началахъ и что *ея строители черпали свои умозрѣнія изъ области идей, прямо враждебныхъ нашему сословно-общественному строю и* отношеніямъ, исторически сложившимся между

этими сословіями, а также между ними и государствомъ. *Въ угоду радикальнымъ бреднямъ и ими самими измышленному общественному мнѣнію, никакой почвы въ русской жизни не имѣвшему и не имѣющему,* строители крестьянской реформы, *послужившей исходною точкою для дальнѣйшихъ преобразованій минувшаго царствованія*, рвали не только соціальныя, но и естественныя экономическія связи между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, раззоряя перваго и въ то же время не обезпечивая и не имѣя возможности обезпечить послѣдняго настолько, чтобы онъ не нуждался въ заработкахъ. *Даже Герценъ не ожидалъ такого исхода.* И развѣ не правъ онъ былъ, считая крестьянскую реформу *переворотомъ*" (курсивъ въ подлинникѣ). Вся эта тирада — да и многое изъ ей предшествующаго, прямо направленное противъ „тогдашнихъ вдохновителей министерства внутреннихъ дѣлъ", т.-е. противъ Н. А. Милютина и Я. А. Соловьева — чрезвычайно характеристична, и насъ очень удивляетъ, что она прошла незамѣченною въ нашей ежедневной печати. Въ самомъ дѣлѣ, противъ крестьянской реформы приводятся здѣсь тѣ же возраженія, даже тѣ же „словечки" („умозрительныя начала", „радикальныя бредни", „измышленное общественное мнѣніе", отсутствіе „почвы", колебаніе „исторически сложившагося строя"), которыя играли и играютъ главную роль въ походѣ противъ независимаго суда, противъ земскаго и городского самоуправленія. Тождество средствъ заставляетъ предполагать тождество цѣлей. Если все „вымышленное", все „радикальное", все „идущее въ разрѣзъ съ исторіей" должно быть вычеркнуто, уничтожено въ области земской и судебной, то нѣтъ основанія поступать иначе и въ области крестьянскаго быта. И здѣсь, очевидно, должна быть предпринята та же работа очищенія, оздоровленія, возстановленія, съ тѣми лишь ограниченіями, которыхъ требуетъ крайняя необходимость. Нельзя, конечно, возвратиться къ крѣпостному праву, но можно и должно сдѣлать хоть часть того, чему не дали осуществиться „радикальныя бредни" пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Если крестьянская реформа „послужила исходной точкой для дальнѣйшихъ преобразованій минувшаго царствованія", то ея не можетъ не коснуться движеніе, направленное къ отмѣнѣ или передѣлкѣ этихъ преобразованій. Таковъ, думается намъ, несомнѣнный смыслъ приведенной нами цитаты, именно потому и составляющей знаменательный признакъ времени. Не даромъ же выдвинута, въ концѣ, тяжелая артиллерія, не даромъ указано на то, что *такого* исхода крестьянской реформы не ожидалъ *даже* Герценъ. Развѣ можетъ уцѣлѣть, въ *настоящее время,* нѣчто превзошедшее ожиданія „Колокола", нѣчто такое, что самъ издатель лондонской газеты назвалъ *переворотомъ*?.. Положимъ, что слово: *переворотъ* ничего страш-

наго, само по себѣ, не представляетъ. Оно означаетъ, сплошь и рядомъ, самыя мирныя, самыя справедливыя перемѣны, если только онѣ проникли далеко въ глубь и ширь, если онѣ привели къ капитальной перестройкѣ общественныхъ отношеній. Переворотомъ было и крещеніе Руси, переворотомъ была и реформа Петра Великаго; къ переворотамъ примѣнимы, въ большинствѣ случаевъ, слова Аттингаузена въ Шиллеровскомъ „Вильгельмѣ Теллѣ": das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit, und neues Leben blüht aus den Ruinen. Но вѣдь это все непонятно для тѣхъ, кто вѣритъ въ „мудреныя" или „тяжелыя" слова, кто боится звуковъ: „металлъ" или „жупелъ". Для нихъ „переворотъ" (особенно въ устахъ Герцена) — все равно что „революція"; произнеся или услышавъ одно изъ этихъ словъ, они чувствуютъ непреодолимую потребность закричать: „караулъ"! И вотъ, такимъ крикомъ и является названная нами журнальная статья. За нимъ послѣдуютъ, безъ сомнѣнія, и другіе, болѣе опредѣленные. Можетъ быть, мы дождемся и того, что въ обращеніе будетъ пущена мысль о чемъ-то въ родѣ „милліарда вознагражденія эмигрантамъ"— т.-е. о дополнительномъ вознагражденіи всѣхъ „разоренныхъ" освобожденіемъ крестьянъ. Нашимъ читателямъ извѣстно, что есть уже на-готовѣ и цифра, выражающая это разореніе: 55 милліоновъ ежегодной потери. Она выведена авторомъ „Современной Россіи", на котораго съ особеннымъ удовольствіемъ ссылается авторъ статьи: „Герценъ и его корреспонденты". Рыбакъ рыбака видитъ издалека!

„Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе!"—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Грозѣ". Если подтвердится невѣроятный фактъ, сообщенный недавно одною изъ петербургскихъ газетъ [1]), то придется признать, что эти слова и до сихъ поръ не потеряли своей силы. Нѣсколько времени тому назадъ въ Ѳеодосіи судилась мѣщанка Маслова за „оскорбленіе дѣйствіемъ" мѣстнаго городского головы Алтухова. На судѣ оказалось, что Маслова была выведена изъ себя поступками и словами Алтухова, сначала загородившаго всякій выходъ изъ ея дома, а потомъ, когда она жаловалась на это, насмѣшливо предложившаго ей обзавестись воздушнымъ шаромъ. Присяжные засѣдатели оправдали Маслову. Еще до окончанія судебнаго производства, въ ѳеодосійской городской думѣ состоялся совершенно незаконный приговоръ объ удаленіи Масловой изъ города—незаконный потому, что право удалять неблагонадежныхъ сочленовъ предоставлено, при извѣстныхъ условіяхъ, мѣщан-

[1]) См. „Новости", № 139, фельетонъ: „Среди обывателей".

скимъ и крестьянскимъ обществамъ, но отнюдь не городскому общественному управленію. Между тѣмъ Маслова оказалась и оказывается высланною изъ Ѳеодосіи... Крайне печальное впечатлѣніе производитъ приговоръ городской думы, направленный, въ угоду отдѣльному лицу или отдѣльнымъ лицамъ, противъ беззащитной женщины, безъ того уже подвергшейся всѣмъ тягостямъ уголовнаго преслѣдованія; но вѣдь этотъ приговоръ, самъ по себѣ, не имѣлъ бы никакой силы, исполненіе его было бы невозможно. Какимъ же образомъ могло случиться, что онъ приведенъ въ дѣйствіе?.. Въ статьѣ, изъ которой мы заимствуемъ это извѣстіе, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующая фраза: „для наказанія провинившихся есть судъ, *и только судъ*“. Да, такъ должно быть, но не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Свойство подобной расправы состоитъ именно въ томъ, что она не поддается никакимъ правиламъ и ограниченіямъ. Пока она существуетъ, до тѣхъ поръ она неизбѣжно должна распространяться, отъ времени до времени, и на такія дѣла, какъ дѣло Масловой съ Алтуховымъ. Если свобода и другія личныя права могутъ быть ограничиваемы и безъ суда, то поводами къ ихъ ограниченію неизбѣжно признаются, между прочимъ, частныя столкновенія, драки, обиды—однимъ словомъ, событія или дѣянія, по самому своему свойству вовсе, повидимому, не входящія въ область административной кары. Особымъ, исключительнымъ покровительствомъ начинаютъ пользоваться, на ряду съ государственными учрежденіями и правительственными органами, и общественные дѣятели, и частныя лица—и сообразно съ этимъ уменьшается мѣра покровительства, выпадающаго на долю закона.

Высочайшій рескриптъ 13 мая, прекратившій судебное производство по дѣлу о крушеніи императорскаго поѣзда (17 октября 1888 г.), признаетъ причинами крушенія „нерадѣніе и неосторожность должностныхъ лицъ не только частной, но и государственной службы, и ослабленіе у послѣднихъ сознанія служебнаго долга“. Предварительнымъ слѣдствіемъ собраны, по словамъ рескрипта, „многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о неудовлетворительномъ состояніи курско-харьковско-азовской желѣзной дороги. Всѣ эти свѣденія не могутъ и не должны остаться въ забвеніи: въ нихъ главное начальство, вѣдающее пути сообщенія, найдетъ важныя указанія для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ устраненію не только на упомянутой, но и на другихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ безпорядковъ, неустройствъ и хозяйственныхъ упущеній, вредящихъ безопасности движенія и нарушающихъ правильный ходъ желѣзнодорожной службы“. Судебная практика удостовѣряетъ, что данныя, раскрытыя предва-

рительнымъ слѣдствіемъ, являются на судѣ, сплошь и рядомъ, въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, производятъ еще болѣе поразительное впечатлѣніе. Никакая бумага не можетъ возстановить факты такъ наглядно, такъ рельефно, какъ живое слово. Восполнить, до извѣстной степени, его недостатокъ можетъ въ данномъ случаѣ только оглашеніе матеріала, собраннаго слѣдствіемъ. Только оно можетъ вызвать всестороннее обсужденіе порядковъ, существующихъ на желѣзныхъ дорогахъ и по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ—порядковъ, послужившихъ и отдаленнымъ, и ближайшимъ источникомъ крушенія 17 октября и постоянно грозящихъ новыми опасностями въ будущемъ. Больше всего, конечно, предохранительныя мѣры зависятъ отъ министерства путей сообщенія, но многое можетъ быть достигнуто и путемъ указаній со стороны общества и печати. Одна только гласность, самая широкая и ничѣмъ не ограниченная, можетъ, притомъ, нѣсколько уравнять обѣ категоріи лицъ, виновныхъ въ „нерадѣніи“ и „неосторожности“. Чиновъ вѣдомства путей сообщенія ожидаетъ, въ силу рескрипта, дисциплинарное взысканіе, директоровъ правленія курско-харьковско-азовской желѣзной дороги и ихъ агентовъ — полнѣйшая безнаказанность. Нужно, по нашему мнѣнію, поднять самую завѣсу, скрывающую до сихъ поръ ихъ дѣянія и упущенія.

Повѣрятъ ли читатели, что въ рукахъ реакціонной печати даже крушеніе 17 октября оказалось поводомъ къ новой вылазкѣ противъ „мѣстнаго управленія“, къ новой рекламѣ въ пользу его ломки? Отправляясь отъ словъ рескрипта о „грозномъ внушеніи свыше каждому изъ поставленныхъ на дѣло начальствъ вѣрно соблюдать долгъ своего званія“, московская реакціонная газета заводитъ рѣчь о тѣхъ „печальныхъ результатахъ, къ которымъ привели нерадѣніе и малодушіе представителей правительственной власти въ нашемъ мѣстномъ управленіи“. Эта власть „превратилась здѣсь въ какой-то миѳъ и уступила исполненіе своихъ обязанностей всевозможнымъ мѣстнымъ силамъ, которыя если о чемъ и радѣли, то, во всякомъ случаѣ, не о томъ, чтобы *безкорыстнымъ и строгимъ исполненіемъ своего дома содѣйствовать верховной власти въ ея попеченіяхъ объ истинномъ благѣ народа*“. Не говоря уже о томъ, что администрація нигдѣ и никогда не уступала „мѣстнымъ силамъ“ исполненіе своихъ обязанностей, напомнимъ только одно обстоятельство, мало замѣченное въ свое время, но бросающее неожиданный свѣтъ на подчеркнутыя нами слова московской газеты. Вотъ что мы читаемъ въ корреспонденціи изъ Зміева, напечатанной въ № 32 „Правительственнаго Вѣстника“. Зміевскій исправникъ Отроховъ, получивъ, на станціи Тарановкѣ, извѣстіе о крушеніи императорскаго поѣзда, быстро поѣхалъ

въ ближайшее село Тарановку, гдѣ жилъ *земскій* фельдшеръ Яниковъ, и вмѣстѣ съ нимъ, взявъ въ его квартирѣ перевязочныя средства, отправился на мѣсто крушенія. По дорогѣ они захватили съ собою еще военнаго фельдшера. Остановившись у уцѣлѣвшихъ вагоновъ, они увидѣли Государя Императора, который спросилъ, нѣтъ ли доктора? Исправникъ отвѣтилъ, что привезъ фельдшеровъ. „Тогда Государь, стоявшій возлѣ раненыхъ, наблюдалъ, какъ *земскій фельдшеръ быстро дѣлалъ перевязки одну за другой*, при чемъ спросилъ: откуда фельдшера? На этотъ вопросъ земскій фельдшеръ отвѣтилъ: изъ Тарановки, Ваше Императорское Величество,—и снова принялся за свою работу"... Черезъ нѣсколько времени Государь, поднимавшійся на насыпь, вновь спустился къ раненымъ и *„долго смотрѣлъ, съ какой энергіей и знаніемъ дѣла фельдшеръ Яниковъ исполнялъ перевязку"*. Минутъ черезъ двадцать явился военный докторъ пензенскаго полка, который, подойдя къ раненымъ, сейчасъ же принялся перевязывать ихъ *тѣми средствами, которыя имѣлись у земскаго фельдшера Яникова*. „Своевременнымъ поданіемъ помощи раненымъ, — сказано въ концѣ корреспонденціи, — сохранена не одна жизнь; *немалая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ земскому фельдшеру Яникову"*... А до учрежденія земства много ли было въ уѣздахъ людей, способныхъ подать медицинскую помощь и имѣвшихъ подъ руками нужныя для того средства? Еслибы зміевское земство не способствовало, „строгимъ исполненіемъ долга, попеченіямъ верховной власти объ истинномъ благѣ народа", то оказался ли бы на мѣстѣ знающій свое дѣло человѣкъ, съ такимъ запасомъ перевязочныхъ средствъ, которымъ воспользовались и военный фельдшеръ, и военный врачъ [1])? Ужъ если понадобилось вспомнить о земствѣ, по поводу крушенія 17 октября, то воспоминаніе это должно было имѣть не тотъ характеръ, который даютъ ему „Московскія Вѣдомости".

Въ нашей послѣдней общественной хроникѣ мы затронули, по поводу отчета петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, вопросъ о томъ, позволительно ли присяжному повѣренному, представляющему интересы гражданскаго истца, вступать, до окончанія уголовнаго дѣла, въ мирные переговоры съ подсудимымъ или его защитникомъ. Разрѣшая этотъ вопросъ отрицательно, мы вовсе не коснулись обстоятельствъ дѣла, изъ котораго онъ возникъ; онъ занималъ насъ исключительно своей принципіальной стороною. На этой

---

[1]) О томъ, какъ дѣйствовали эти два лица, въ корреспонденціи не говорится ни слова.

же почвѣ мы останемся и теперь, отвѣчая на письмо, съ которымъ обратилось къ намъ одно изъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу. Авторъ письма старается доказать, что именно въ дѣлѣ Кетхудова мировая сдѣлка, хотя бы и заключенная до вторичнаго разбирательства въ окружномъ судѣ, не могла бы имѣть никакого вліянія на исходъ процесса, не могла бы способствовать оправданію виновныхъ. Чтобы согласиться или не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, нужно было бы вдаться въ подробности, не интересныя ни для нашихъ читателей, ни для насъ самихъ. Остановимся, поэтому, только на той части письма, которая имѣетъ общее значеніе. Мы пришли къ заключенію, что, участвуя (до окончанія уголовнаго дѣла, т.-е. до вступленія приговора въ законную силу) въ мировомъ соглашеніи, по которому оправданные, но сознавшіеся подсудимые возвращаютъ не все, а только часть присвоеннаго или похищеннаго, присяжный повѣренный способствуетъ тѣмъ самымъ пріобрѣтенію этими лицами незаконной выгоды. Намъ возражаютъ, что съ такимъ же точно основаніемъ можно отрицать вообще право присяжнаго повѣреннаго участвовать въ какихъ бы то ни было мировыхъ соглашеніяхъ, потому что мировая сдѣлка всегда содержитъ въ себѣ извѣстное пожертвованіе законными правами одной стороны въ пользу другой. Вѣдь и въ гражданской практикѣ встрѣчаются дѣла и противники, которые потому только не попали въ судъ уголовный, что концы хорошо упрятаны. Возможенъ, напримѣръ, такой случай: кредиторъ, сохранившій оплаченный документъ, предъявляетъ его ко взысканію, узнавъ, что должникъ потерялъ платежную росписку. Во время производства дѣла возникаетъ предположеніе объ окончаніи его миромъ. Что же дѣлать присяжному повѣренному, которому ввѣрены интересы отвѣтчика? Отклонить всякое участіе въ мировомъ соглашеніи и вести дѣло къ вѣрному проигрышу, т.-е. къ доставленію недобросовѣстному истцу незаконной выгоды въ полномъ размѣрѣ? Конечно, нѣтъ; а между тѣмъ этотъ случай совершенно аналогиченъ съ Кетхудовскимъ дѣломъ.

Такъ разсуждаетъ авторъ полученнаго нами письма; но съ нимъ едва ли можно согласиться. Между гражданскими и уголовными дѣлами существуетъ, прежде всего, то важное различіе, что въ исходѣ гражданскаго дѣла—за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда непосредственнымъ его результатомъ долженъ явиться уголовный процессъ — заинтересованы только стороны, а въ исходѣ уголовнаго дѣла заинтересованы общество и государство. Частное лицо, уменьшающее, въ видахъ охраненія своихъ матеріальныхъ выгодъ, шансы осужденія виновныхъ, противодѣйствуетъ задачамъ правосудія. Для него самого оправданіемъ или извиненіемъ можетъ служить желаніе возмѣстить хоть часть потери, слишкомъ для него чувствительной;

но къ повѣренному потерпѣвшаго такое оправданіе или извиненіе непримѣнимо. Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы отнестись и къ тому случаю, о которомъ говоритъ авторъ письма. Если есть возможность доказать, что взыскиваемая сумма уже уплачена истцу, если защита противъ безнравственнаго требованія представляется не совсѣмъ безнадежной, то повѣренный отвѣтчика, безъ сомнѣнія, не долженъ склонять его къ миру, не долженъ участвовать въ мировыхъ переговорахъ, начатыхъ самимъ отвѣтчикомъ. Воздержаться отъ этого повѣренному отвѣтчика тѣмъ легче, что участіе юриста въ мировыхъ переговорахъ вовсе не необходимо; они не требуютъ спеціальныхъ свѣденій и могутъ быть ведены самими тяжущимися. Совершенно достаточно, если адвокатъ просмотритъ *редакцію* мировой сдѣлки, чтобы убѣдиться въ томъ, что она соотвѣтствуетъ существу соглашенія и не содержитъ въ себѣ никакихъ ловушекъ для отвѣтчика. Идти еще дальше, играть активную роль въ самомъ заключеніи мира— значило бы способствовать безнаказанности преступника [1]), полученію имъ противозаконной выгоды.— А если отвѣтчикъ не имѣетъ въ рукахъ *никакихъ* доказательствъ, которыми можно было бы опровергнуть недобросовѣстный искъ?—При такомъ положеніи дѣла едва ли истецъ, рѣшившійся на безчестный поступокъ, остановится на полдорогѣ и согласится удовольствоваться частью, когда можно взыскать все. Если же въ немъ заговорила совѣсть, и онъ готовъ пожертвовать частью добычи, то воспользоваться этой готовностью отвѣтчикъ можетъ и безъ помощи адвоката. Въ виду всего этого, мы не видимъ никакой причины измѣнять мнѣніе, выраженное нами въ предыдущей хроникѣ.

[1]) Завѣдомое вторичное требованіе уплаченныхъ однажды денегъ составляетъ видъ мошенничества; отказъ въ такомъ требованіи влечетъ за собою, помимо просьбы отвѣтчика, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ истца.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности.

Въ *сентябрѣ 1889 года*, въ г. *Тифлисѣ* Кавказскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства имѣетъ быть открыта подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго Намѣстника Кавказскаго, Кавказская выставка предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности, производимыхъ на Кавказѣ и въ Закаспійской области.

Выставка включаетъ слѣдующіе одиннадцать отдѣловъ: 1) земледѣліе, 2) садоводство и огородничество, 3) винодѣліе, 4) шелководство и пчеловодство, 5) продукты молочнаго хозяйства и скотоводства, 6) лѣсоводство, 7) рыболовство, 8) земледѣльческія орудія и машины, 9) кустарная, ремесленная и фабрично-заводская промышленность, 10) горный промыселъ, 11) педагогическо-профессіональный.

Задачи выставки заключаются, во-1-хъ, въ выясненіи нуждъ и современнаго положенія сельскаго хозяйства и промышленности Кавказа и Закаспійской области; во-2-хъ, въ ознакомленіи всѣхъ интересующихся съ образцами мѣстныхъ производствъ; въ-3-хъ, въ возбужденіи промышленнаго соревнованія между мѣстными производителями и, въ-4-хъ, въ ознакомленіи сихъ послѣднихъ съ преимуществами усовершенствованныхъ орудій производствъ и различныхъ улучшенныхъ произведеній для усвоенія мѣстнымъ населеніемъ болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ техники.

Въ виду этихъ задачъ, Распорядительный Комитетъ, независимо отъ привлеченія на выставку возможно бо́льшаго числа экспонентовъ и надлежащей организаціи конкурса и премированія ихъ произведеній, имѣетъ въ виду: во-1-хъ, допустить къ участію въ кустарно-ремесленномъ отдѣлѣ самихъ кустарей и ремесленниковъ со своими орудіями и приспособленіями и предоставить имъ возможность демонстрировать свои производства и продавать образцы своихъ произведеній. Во-2-хъ, допустить къ участію на выставкѣ экспонентами русскія и иностранныя фирмы, произведенія которыхъ, однако, за исключеніемъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, не будутъ премироваться, при чемъ экспоненты внѣ-кавказскаго района, за исключе-

ніемъ производителей земледѣльческихъ орудій и машинъ, не пользуются даровымъ мѣстомъ въ зданіяхъ выставки и сами озабочиваются устройствомъ своихъ павильоновъ или иныхъ помѣщеній для своихъ экспонатовъ. Въ-3-хъ, при участіи извѣстныхъ спеціалистовъ, по назначенію г. министра Государственныхъ Имуществъ, подвергнуть конкурсному испытанію различнаго рода сельско-хозяйственныя орудія и машины какъ мѣстныхъ, такъ и русскихъ и иностранныхъ фирмъ, въ цѣляхъ правильной экспертизы, нагляднаго убѣжденія мѣстнаго населенія въ преимуществахъ тѣхъ или иныхъ орудій и выясненія этимъ путемъ ихъ типа, наиболѣе соотвѣтственнаго мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Въ-4-хъ, обращено будетъ серьезное вниманіе, на ряду съ прочими отдѣлами выставки, и на отдѣлъ горнаго промысла, обставляемаго мѣстнымъ Горнымъ Управленіемъ всѣми необходимыми коллекціями, картами и прочими научными матеріалами, требуемыми для быстраго и нагляднаго обзора горныхъ богатствъ края и положенія въ немъ различныхъ отраслей горнаго промысла (нефтянаго, марганцеваго, мѣднаго и проч.), пріобрѣвшихъ въ западной Европѣ и Россіи столь серьезное значеніе.

Въ-5-хъ, при содѣйствіи мѣстныхъ наиболѣе крупныхъ винодѣльческихъ фирмъ будутъ демонстрированы различные (иностранные и мѣстные) способы и пріемы винодѣлія, со всѣми приспособленіями и принадлежностями къ нимъ; при этомъ же имѣется въ виду правильной организаціей экспертизы и особаго пробнаго отдѣленія облегчить посѣтителямъ ознакомленіе съ различными мѣстными винами и этимъ путемъ способствовать выясненію того типа мѣстныхъ винъ, который наиболѣе отвѣчаетъ запросамъ главнѣйшихъ рынковъ.

Наконецъ, въ-6-хъ, имѣется въ виду пріурочить ко всѣмъ отдѣламъ выставки особыя вспомогательныя группы различныхъ научныхъ пособій, коллекціи и проч., относящихся къ произведеніямъ того или иного отдѣла. Въ этой вспомогательной группѣ найдутъ выраженіе всѣ важнѣйшіе успѣхи въ области научнаго знанія, но только лишь въ той мѣрѣ, въ какой это знаніе имѣетъ приложеніе къ той или иной сферѣ хозяйственно технической дѣятельности.

Само собою разумѣется, что успѣхъ кавказской выставки въ осуществленіи ея задачъ въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ дѣятельнаго сочувствія Распорядительному Комитету въ этомъ дѣлѣ со стороны различныхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденій, образованной части общества и представителей различныхъ отраслей промышленности и науки.

Распорядительный Комитетъ позволяетъ себѣ выразить увѣренность, что всѣ означенныя лица и учрежденія откликнутся на его

призывъ и своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ поспособствуютъ въ той или иной формѣ осуществленію многосторонних задачъ выставки.

Учрежденія и лица, интересующіяся Кавказской выставкой, благоволятъ обращаться за всѣми необходимыми по сему справками или въ ближайшія сельско-хозяйственныя общества, или непосредственно въ Тифлисъ, въ Кавказское Общество сельскаго хозяйства на имя Распорядительнаго Комитета выставки.

Правила, программа и генеральный планъ выставки высылаются всѣмъ желающимъ безплатно.

ПОПРАВКА.

Въ майской книгѣ журнала прошли въ корректурѣ незамѣченными и требуютъ исправленія нижеслѣдующія мѣста:

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
12	4 сн.	брошюрѣ	апологіи
138	5 св.	въ настоящемъ случаѣ	(вовсе исключить эти слова)
„	6 сн.	примѣненіе	неправильное примѣненіе
„	— „	будто	что

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1889.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Польскія реформы XVIII-го вѣка.—I-II.—Н. И. КАРѢЕВА.	5
Миражи. — Романъ въ четырехъ книгахъ. — Книга третья: XXXIX-XLVI.—О. А. ШАПИРЪ.	66
Минимая соціологія.—I-III.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	130
Куколка.—Эскизъ.—I-VII.—В. ДѢДЛОВА.	148
Обзоръ русскихъ изученій славянства.—II. До конца XVIII-го вѣка.—А. Н. ПЫПИНА	169
Изъ венгерскихъ поэтовъ.—Смерть, Андрея Сабо.—О. М—ОЙ.	214
Научная критика и ея примѣненіе.—Em. Hennequin, Etudes de critique scientifique.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	216
Стихотворенія.—I. Ива.—II. И ты въ гробу!—Я. ИВАШКЕВИЧА.	235
Черная стрѣла.—Историческая повѣсть, соч. Р. Стивенсона.—Прологъ.—Книга первая: I-VII.—А. Э.	237
Очерки изъ исторіи русскаго сознанія.—I-III.—В. С. СОЛОВЬЕВА.	290
Сурамскій перевалъ.—Стих. Д. МЕРЕЖКОВСКАГО.	304
На зоологической станціи.—Изъ поѣздки на Бѣлое море.—I-III.—В. ФАУСЕКА.	305
Хроника.—Государственные доходы и расходы въ 1888 году.—О.	333
Внутренній Обозрѣніе.—Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г.—Продажныя цѣны и различныя категоріи покупателей.—Помощь малоземельнымъ и безземельнымъ.—Мѣры, проектируемыя въ видахъ большей обезпеченности ссудъ.—Отчетъ дворянскаго земельнаго банка за 1887 г.—Слухи о волостныхъ судахъ.—„Великія реформы“ или „новшества“?	343
Земско-продовольственное дѣло. — В. Б.	365
Иностранное Обозрѣніе.—Политическія дѣла въ Германіи. — Консерватизмъ и соціальная реформа.—Внутренніе кризисы въ Венгріи, Италіи и Румыніи. — Колоніальная нѣмецкая политика. — Положеніе министерства въ Англіи.—Джонъ Брайтъ. — Новый фазисъ борьбы съ буланжизмомъ.—Жюль Ферри и его теорія „твердой власти“.	376
Литературное Обозрѣніе.—Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—А. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху.—А. П.—Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни.—К. К.—Новыя книги и брошюры.	389
Новости иностранной литературы.—I. L. Bresson, Études de sociologie.—II. Ed. Goumy, La France du centenaire.—III. Corentin Guyho, Études d'histoire parlementaire.—Л. С.—IV. E. Renan, Histoire du peuple d'Israel, t. II.—К. К.	406
Изъ Общественной Хроники.—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и новыя нападенія на присяжную адвокатуру.—Еврейскій вопросъ на адвокатской почвѣ.—Усиленіе надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. — Спорные вопросы адвокатской нравственности.—Увеличеніе почтовой таксы за пересылку книгъ и ея неизбѣжныя послѣдствія	417
Извѣщенія.—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь и февраль 1889 г.	431
Библіографическій Листокъ.—Сибирь въ XIX-мъ столѣтіи, В. К. Андріевича.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. I.—Основные вопросы политики, Л. З. Слонимскаго.—Робинзонъ Крузе, А. Анненской.	

Книга шестая. — Іюнь.

	стр.
На зоологической станціи. — Изъ поѣздки на Бѣлое море.—IV-VII. — Окончаніе.—В. ФАУСЕКА	433
Миражи.—Романъ въ четырехъ книгахъ. — Книга четвертая: XLVII-LVIII.—Окончаніе.— О. А. ШАПИРЪ	462
Польскія реформы XVIII-го вѣка.—III-V.—Окончаніе.—Н. И. КАРѢЕВА.	550
Стихотворенія.—П. КОЗЛОВА	621
Обзоръ русскихъ изученій славянства. — III. Конецъ XVIII-го вѣка. — А. Н. ПЫПИНА	625
Стихотворенія.—К. МЕДВѢДСКАГО	665
Здравый идеализмъ.—„Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“. Т. I.—Е. О.	667
Чѣрная стрѣла.—Историческая повѣсть, соч. Р. Стивенсона.—Съ англійскаго.—Книга вторая: I-V. — Книга третья: I-IV.—А. Э.	678
Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.—Литературный очеркъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	720
Очерки изъ исторіи русскаго сознанія.—IV.—В. С. СОЛОВЬЕВА	734
Хроника.—Всемірная выставка въ Парижѣ.—Письмо первое.—М.	746
Внутреннее Обозрѣніе.—Проектъ правилъ о публичной продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ; его достоинства и недостатки.—Слѣдователи-судьи, какъ предполагаемые преемники уѣздныхъ мировыхъ судей.—Возможны ли другія комбинаціи, исходящія изъ той же основной идеи?—Графъ Д. А. Толстой †	767
Замѣтка.—Наша внѣшняя торговля въ 1888 г.—О.	788
Иностранное Обозрѣніе.—Политическое значеніе парижской всемірной выставки.—Текущая политика во Франціи.—Рабочій кризисъ въ Германіи и его особенности. — Соціальный вопросъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ.—Посѣщеніе Берлина королемъ Гумбертомъ.	793
Литературное Обозрѣніе.—Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е.—Расколъ на Дону, В. Г. Дружинина. — Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, Н. С. Соколова.—Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., Л. Н. Майкова. — Изслѣдованіе и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомлинова.—А. В.—Новыя книги и брошюры	806
Новости иностранной литературы. — I. La morale, l'art et la réligion d'après M. Guyau, par. A. Fouillet.—II. La guerre et la société, par le général Jung.—III. La France, par le comte de Chaudordy. — Л. С.	821
Идеализмъ Салтыкова.—Характеристика.—А. Н. ПЫПИНА	829
Послѣдняя страница М. Е. Салтыкова.—Мартъ-апрѣль 1889 г.	838
„Забытыя слова“.—Стих. въ память М. Е. Салтыкова.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	849
Изъ Общественной Хроники.—Новая кампанія противъ Финляндіи, и правительственное сообщеніе по этому предмету. — Крестьянская реформа, какъ результатъ „радикальныхъ бредней“.—Городская дума, ходатайствующая о высылкѣ частнаго лица.—Прекращеніе дѣла о крушеніи 17-го октября и одинъ изъ эпизодовъ этого крушенія.—Отвѣтъ на возраженіе	850
Извѣщенія.—Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности	864
Библіографическій Листокъ. — Описаніе документовъ и бумагъ въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи, кн. 6.—Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе, д-ра Н. Керра. — О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, д-ра Л. Кобылянскаго.—Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I, д-ра И. Яворскаго.	

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Кн. 6-я. М. 1889. Стр. 212. Ц. 3 р.

Мы уже имѣли случай указывать на это, въ высшей степени важное въ научномъ отношеніи изданіе, содержащее въ себѣ массу данныхъ, какъ для исторіи администраціи, такъ и для культурной исторіи русскаго общества въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Въ настоящемъ выпускѣ обращаетъ на себя особое вниманіе третья статья второго отдѣла, составленная В. В. Нечаевымъ, съ обстоятельнымъ очеркомъ дѣятельности двухъ слѣдственныхъ коммиссій, 1733—39 и 1745—57 гг., по дѣламъ раскольниковъ, секты хлыстовъ. До какой степени въ ту эпоху была взволнована умственная жизнь общества, видно изъ того, что при всемъ изувѣрствѣ нѣкоторыхъ изъ руководителей этой секты, она находила себѣ приверженцевъ въ самыхъ культурныхъ слояхъ русскаго общества: тамъ встрѣчается не мало лицъ духовнаго и дворянскаго сословія, попадаются даже аристократическія имена. Дѣйствіе же самихъ слѣдственныхъ коммиссій, предназначенныхъ для уврачеванія зла, были таковы, что, по справедливому замѣчанію автора, могли имѣть только деморализующее вліяніе на все общество: ложные доносы, какъ легкое средство или спастись самому отъ жестокихъ пытокъ и мученій, или отмстить личному врагу, сдѣлали небезопасною самую жизнь гражданъ. Въ засѣданіяхъ коммиссіи присутствовало два заплечныхъ мастера; пощадное наказаніе кнутомъ являлось уже смягченіемъ со стороны сената, а сама коммиссія въ 1756 г. приговорила 5 человѣкъ къ сожженію, 25—къ смертной казни, къ наказанію кнутомъ—189, и т. д.; самое признаніе ихъ виновности было получаемо подъемомъ на дыбу или пытками кнутомъ и огнемъ.

Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе. Соч. д-ра Норманна Керра. Пер. и. р. проф. П. И. Ковалевскаго. М. 1889. Стр. 336. Ц. 2 р.

Главная идея, положенная въ основаніе этого, столь же полезнаго, сколько и интереснаго труда, состоитъ въ томъ, что пьянство есть болѣзнь, родственная съ сумасшествіемъ. Изслѣдовавъ различныя формы пьянства, его этіологію, отдаленныя причины, и патологію, ближайшія причины, заключающіяся въ видоизмѣненіяхъ самаго организма, авторъ излагаетъ методу леченія отъ этой болѣзни и заключаетъ трудъ характеристикою пьянства въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Для не-медиковъ послѣдняя часть представляетъ много любопытныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ точныхъ наблюденій за пьянствомъ. По вычисленіямъ автора, въ одной Англіи ежегодно умираетъ до 40.000 чел. отъ алкогольнаго пьянства; вообще шансы на жизнь для страдающаго этою болѣзнью сильно падаютъ: трезвый въ 40 лѣтъ можетъ разсчитывать на 28 лѣтъ жизни, а пьяница — не болѣе, какъ на 11 лѣтъ. Въ общемъ выводѣ авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости принять болѣе широкія мѣры для спеціальнаго призрѣнія и леченія пьяницъ, какъ существуютъ особые дома для умалишенныхъ.

О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей, преимущественно въ школьномъ возрастѣ. Д-ра Л. Р. Кобылянскаго. Владикавказъ. 1889. Стр. 101. Ц. 50 к.

При бѣдности нашей популярно-медицинской литературы по вопросу о болѣзняхъ дѣтей школьнаго возраста, настоящая брошюра обращаетъ на себя особое вниманіе по полнотѣ своей программы, такъ какъ она не только знакомитъ, въ общихъ чертахъ, съ мѣрами предупрежденія и прекращенія повальныхъ дѣтскихъ болѣзней (дифтеритъ, скарлатина и т. д.) и признаками, по которымъ болѣзнь могла бы быть распознаваема, прежде нежели прибудетъ врачъ,—но и съ способами ухода за больными той или другой повальной болѣзни. Такъ какъ этотъ трудъ одобренъ медицинскимъ совѣтомъ мин. внутр. дѣлъ, то, надобно полагать, онъ подвергся обсужденію, а потому и можетъ служить настольною книгою въ каждомъ училищѣ, особенно сельскомъ, гдѣ нельзя разсчитывать на скорую медицинскую помощь.

Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана. Ч. I. Диссертація на степень д-ра мед. П. Яворскаго. Спб. 1887. Стр. 485.

Настоящій „опытъ“ есть плодъ личныхъ наблюденій автора, два раза посѣтившаго Туркестанъ; къ первой части авторъ еще не касается медицинскихъ и санитарныхъ вопросовъ, отложенныхъ имъ во вторую часть, а потому, несмотря на свое нѣсколько спеціализированное заглавіе, первая часть содержитъ весьма разнообразныя свѣдѣнія общаго интереса, топографическія, климатическія и экономическія. Признавая такого рода опыты къ ознакомленію публики съ нашими окраинами весьма полезными и плодотворными, мы думаемъ, однако, что выводы изъ своихъ же собственныхъ наблюденій авторъ дѣлаетъ не всегда вполнѣ правильно, и трудно, напримѣръ, согласиться съ нимъ, что „мы, русскіе, очень склонны черезъ-чуръ ужъ критически относиться къ своимъ дѣйствіямъ“, и что такая преувеличенная критика будто составляетъ нашъ недостатокъ. Такъ, по мнѣнію автора, ни одинъ европейскій народъ не можетъ сравниться съ нами по умѣнію устраивать хозяйство въ покоренныхъ странахъ, и потому онъ рекомендуетъ нашему обществу не совсѣмъ научный пріемъ—„не смущаться болѣе отзывами иностранной прессы о нашей цивилизующей дѣятельности въ покоренныхъ нами инородческихъ областяхъ“; другими словами—закрыть глаза и заткнуть уши. По самъ авторъ тутъ же приводитъ въ немалое смущеніе русскаго читателя, свидѣтельствуя о томъ, что наше хозяйство въ одномъ только туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ приноситъ государственной казнѣ ежегодный дефицитъ въ среднемъ около шести милліоновъ рублей. Отнесясь къ такому факту критически, авторъ предлагаетъ разложить этотъ дефицитъ на самихъ туземцевъ, т. е. воспользоваться осужденнымъ съ его же стороны примѣромъ французовъ въ Алжиріи и англичанъ въ Индіи, по его словамъ, обременяющихъ туземцевъ налогами.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1889 г.

(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ год отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полу діямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, ію и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго іюня открывается подписка на третью четверть 1889 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Ва Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невс просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москв* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасн кова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія л ніи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнал Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаю

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресс* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фами съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ н почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конт журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, пере въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 ко 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почто Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получ журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчик которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

ДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ъ въ годъ,

года:

...ъ	Отд.
90 к.	3 р. 80 к.
— „	4 „ — „
— „	4 „ — „
— „	4 „ — „

50 к.

...ка по полуго-
..., апрѣлѣ, іюлѣ
подписки.

...9 года.

...ала, на Вас.
...а, на Невск.
—въ *Москвѣ:*
...І. Карбасни-
...тровскія ли-
...цію журнала,
...принимаются

...ество, фамилію,
...айшаго къ нему
...учрежденія въ
...щена Конторѣ
...ники, переводя
...кіе—40 коп.—
...журнала, если
...отъ П...
...ы на н...
...подпи...

...УРНАЛ